РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Сравнительно-историческая ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

«НАУКА»

ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ❖ РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сравнительно-историческая ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
Э. Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА «НАУКА» 2002

УДК 811.512
ББК 81.2
С 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 01-04-16118д
Работа велась при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 98-04-17522
и Президентского гранта поддержки ведущих научных школ
№ 00-15-98822

Авторы:
Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина, А.В. Дыбо,
И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, Д.М. Насилов,
О.А. Мудрак, К.М. Мусаев, А.А. Чеченов

Редактор тома
Е.А. Поцелуевский

Редакционная коллегия:
А.В. Дыбо, К.М. Мусаев, Е.А. Поцелуевский,
Э.Р. Тенишев (отв. редактор)

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
ISBN 5-02-022638-6

Монография представляет собой пятую книгу коллективного труда "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков". В ней читатель найдет рассмотрение языковых систем современных тюркских языков и диалектов, а также письменных памятников и создание ступенчатой реконструкции по генетическим группам, что позволяет значительно более полно представить историю тюркских языков, разделения и скрещивания их диалектных систем и в конечном счете приводит к уточнению пратюркской реконструкции.

Для тюркологов и алтаистов-компаративистов, этнолингвистов, историков, археологов.

ТП-2001-II-№ 129а

Comparative Grammar of Turkic Languages. Regional Reconstructions.

The Book is the fifth volume of collective work "Comparative Grammar of Turkic Languages". It contains an investigation of recent and medieval Turkic languages, grammatical systems and a stepped reconstruction in genetic subgroups whas leads to refining of proto-Turkic reconstruction.

For specialists in Turcology, Altaic studies, comparative and general linguistics.

ISBN 5-02-022638-6

© Коллектив авторов, 2002
© Российская академия наук, 2002
© Издательство "Наука", оформление, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами очередная книга коллективного труда "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков". В ней читатель найдет рассмотрение языковых систем современных тюркских языков и диалектов, а также письменных памятников и ступенчатую реконструкцию по генетическим группам, что позволяет значительно более полно представить историю тюркских языков, процессы разделения и скрещивания их диалектных систем и в конечном счете приводит к уточнению пратюркской реконструкции. Методы исследования при такой постановке задачи прежде всего должны совмещать в себе сравнительно-исторические и лингвогеографические/ареалогические аспекты. Следует отметить, что, работая с лингвогеографическими данными, мы ставим перед собой компаративистскую задачу и потому исходим в любом случае из "древесной" модели изменения языкового явления. Генеалогические деревья для разных языковых явлений при этом могут оказаться различными (например, дерево для лексики может быть устроено иначе, чем дерево для фонетики данной языковой семьи), но тем не менее внутри каждого из них древесность сохраняется, и в случаях ее нарушения должен ставиться вопрос о заимствовании и его направлении, а не применяться "волновая модель", которую невозможно использовать при реконструкции в силу отсутствия достаточной жесткости. Надо сказать, что комплексная "ленточная" модель языкового изменения, принимаемая для уральских языков (в книге Е.А.Хелимского "Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели", М., 1982), является скорее обобщением результатов, чем исходной точкой исследования. Исходить же в сравнительно-исторической лингвогеографии приходится из наличия жестких объектов типа языка и диалекта, независимо от того, что на разных этапах своего существования этот объект может объединяться с другими такими же в различные группы. Действительно, если в момент вхождения диалекта в некоторую группировку в нем возникает определенная инновация, общая для этой группировки, то при исследовании рефлексов этой инновации для нас исходным узлом генеалогического дерева будет именно эта группировка; предположим, однако, что в части диалектов этой группировки имеются следы архаического явления, общие с чертами диалектов другой группировки. В этом случае мы получаем другое, причем, очевидно, более старое дерево с другими узлами, соответствующими другим, более старым группировкам диалектов. Таким образом, лингвогеографический подход в данной форме позволяет получить относительную хронологию перегруппировок диалектов (или близкородственных языков).

Написание трех фундаментальных трудов, подготавливаемых в Отделе

урало-алтайских языков Института языкознания РАН, – Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, Этимологического словаря тюркских языков и Основ тюркского языкознания – создает базу для перехода к качественно новому этапу в изучении тюркских языков – региональной реконструкции. Практика показала уже высокую адекватность традиционной генетической классификации тюркских языков; однако при отсутствии специальных работ по реконструкции отдельных тюркских языковых групп утверждения о характеристиках этих групп по необходимости носят скорее типологический характер. С другой стороны, без достаточно подробных представлений о пратюркском как языковом состоянии, лежащем между праалтайским и отдельными тюркскими группами, невозможно было достаточно адекватное описание отношений между диалектными системами тюркских языков в их динамике, что не позволяло впрямую заниматься реконструкциями тюркских групп. Теперь становится возможным челночный возврат к изучению этой проблематики. Ступенчатая реконструкция позволяет значительно уточнить пратюркскую реконструкцию, сужая выбор при неединственности возможных интерпретаций.

При работе над региональными реконструкциями мы исходили из следующих общих представлений о тюркской языковой семье.

Общий тюркский праязык – это гомогенное образование и вместе с тем структура, состоящая из нескольких хронологических стратов (ранний, средний, поздний).

На определенном этапе эволюции праязыка в силу исторических и социальных условий цельность его оказывается невозможной. В хронологически разные периоды (преимущественно поздние) в нем развиваются региональные (или зональные) различия, ведущие к образованию региональных тюркских праязыков, которые дают начало современным тюркским языкам. Следует допустить, что древние регионы (или зоны) соответствуют примерно современным группам генетической классификации тюркских языков.

В последующем изложении мы исходим из такой классификации тюркских языков:

1) огузская группа – турецкий язык, гагаузский язык, азербайджанский язык, туркменский язык, саларский язык, балканских тюрков язык, сонкорско-тюркский язык, халаджский язык, хорасано-тюркский язык;

2) кыпчакская группа – язык алабугатских татар-ногайцев, язык астраханских ногайцев-карагашей, язык юртовских татар (астраханских ногайцев), ногайский язык, татарский язык, язык барабинских татар, башкирский язык, караимский язык, казахский язык, каракалпакский язык, карачаево-балкарский язык, киргизский язык, алтайский язык, крымскотатарский язык, крымчакский язык, кумыкский язык;

3) карлукско-уйгурская группа – уйгурский язык, узбекский язык;

4) кыргызская группа – хакасский язык, шорский язык, чулымско-тюркский язык, сарыг-югурский язык, фуюйских кыргызов язык;

5) тобаская, или урянхайская, группа – тувинский язык, тофаларский язык, уйгурско-урянхайский язык;

6) якутская группа – якутский язык, долганский язык;

7) булгарская группа – чувашский язык.

Урумский язык, обладающий чертами как огузских, так и кыпчакских языков, рассматривается в двух разделах – огузском и кыпчакском; вопрос о его генетической принадлежности решается в процессе исследования.

Предлагаемое исследование включает в себя: восстановление основных единиц вокалического и консонантного рядов, соответствий этих единиц, дистрибуции их в слове, гармонии гласных, восстановление словоизменительных категорий в именах (число, принадлежность, склонение) и глаголе (времена, наклонения, аспектуальные и видовые формы, залоги и неличные формы), категории прилагательных, числительных, местоимений, послелогов. (Реально авторами осуществлялся независимый отбор объектов рассмотрения, который определялся в первую очередь репрезентативностью материала в плане реконструкции, но в отдельных случаях и субъективными авторскими предпочтениями. Вследствие этого неизбежной оказалась определенная асимметричность рассмотрения разных классификационных групп.)

Основной материал для внешнего сравнения – данные литературного языка и его диалектов. Но для огузской, кыпчакской, булгарской и карлукской групп привлекаются материалы письменных памятников как дополнительный источник к основному. В необходимых случаях используется метод внутренней реконструкции.

В последнем разделе настоящей коллективной монографии "Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики" представлены результаты новой попытки классифицировать тюркские языки, осуществленной с привлечением метода глоттохронологии на основе данных современных языков и части памятников. Предложенная классификация базируется на учете 83 классификационно важных фонетических и морфологических признаков.

Глоттохронологическая классификация по лексике, основанная на утрате первоначального значения основы или замещении ее другой основой, к сожалению, не дает точного результата при работе с языковой семьей не очень большой глубины, с языками, в сущности никогда не выходившими из ситуации диалектной непрерывности и обслуживавшимися по большей части одними и теми же литературными языками. Морфологические и фонетические процессы могут дать более независимую картину раннего соотношения диалектов как результата генетического распада.

Работа по разделам велась следующими сотрудниками:

1. Огузская группа (Фонетика, Морфонология, Имя – А.В.Дыбо при участии Л.С.Левитской; Глагол – Э.А.Грунина);

2. Кыпчакская группа (Введение, Консонантизм, Гармония звуков, Морфология – К.М.Мусаев; Вокализм – А.А.Чеченов);

3. Карлукско-уйгурская группа (Фонетика, Глагол – Д.М.Насилов; Морфология (кроме Глагола) – Г.Ф.Благова);

4. Кыргызская группа (Э.Р.Тенишев);

5. Тобаская группа (И.В.Кормушин);

6. Якутская группа (О.А.Мудрак);

7. Булгарская группа (О.А.Мудрак);

8. Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики (О.А.Мудрак).

Авторы разделов изначально не были ограничены жесткими рамками как определенной схемы обработки и подачи материала, так и какой-либо общей позиции (хотя, как правило, они исходят из данных реконструкции общего пратюркского языка, осуществленной в Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков: СИГТЯ 1984 и 1988). Редколлегия сочла целесообразным располагать разделы, написанные одним автором, компактно, что привело в отдельных местах к нарушению привычного порядка следования типовых разделов грамматики.

Текст подготовлен к печати Е.А.Поцелуевским.

Изготовление оригинал-макета осуществлено А.В.Шеймович.

ОГУЗСКАЯ ГРУППА

Специфика огузской группы языков состоит в том, что в нее входят в основном идиомы, включающие устоявшиеся и часто имеющие длительную историю литературные языки с развитыми диалектными системами. Диалекты огузских языков достаточно ориентированы по принадлежности к совершенно определенной языковой системе (в отличие, допустим, от ситуации на Саянах). Поэтому оказалось удобным рассматривать огузские языковые явления по языковым подгруппам (при этом, разумеется, сознавая, что в ряде случаев в действительности имеется ситуация диалектной непрерывности; на нее мы при необходимости обращаем особое внимание). Отметим факторы, определившие некоторую условность последующего описания.

Во-первых, диалектологические описания в рассматриваемой группе языков часто сделаны без правильного выделения фонологической системы каждого отдельного идиома, что затрудняет суждения о фонологическом статусе элемента фонетической системы (фонема? дополнительно распределенный аллофон одной из фонем? свободный вариант произношения одной из фонем?). Если описание к тому же дифференциальное, оно не дает читателю достаточного материала для самостоятельного установления фонемных статусов. В этом случае приходится пользоваться косвенными по отношению к собственно синхронной фонологии данными, а именно историческими соответствиями: если реконструируемой на основании внешних соответствий фонеме более или менее регулярно соответствует некоторый звукотип, можно полагать, что он отражает единицу синхронного морфонологического уровня, и тогда с очень большой вероятностью ему может быть сопоставлена отдельная сущность фонологического уровня. Отметим, что такой подход чаще всего и применяется (негласно) диалектологами в обобщающих работах (ср. Németh 1965; Korkmaz 1999).

Во-вторых, что касается средневековых памятников письменности огузских языков, они написаны в графической системе, мало приспособленной для отражения фонемного состава тюркского языка. Соответственно, из их данных используются обычно для фонетических выводов колеблющиеся написания. Но, строго говоря, для выяснения релевантности этих колебаний необходим статистический анализ значимости отклонения встречаемости этих колебаний от средней частоты случайных колебаний в каждом конкретном памятнике, с последующей возможностью разнесения полученных систем по разным историческим диалектам. Насколько нам известно, такой анализ графических систем староогузских памятников не проводился. Соответственно, их данные также могут привлекаться пока условно.

* * *

Что касается проблем выделения огузской (да и любой другой внутри тюркских) группы языков, то наиболее эксплицитное их изложение можно найти в статье Doerfer 1976. Здесь мы лишь вкратце обозначим сами проблемы и те принципы, на которых строится отношение к ним, в последующем изложении:

(1) Сложности отождествления "лингвистических" и "исторических" огузов. Суть этой проблемы в том, что слова "огузы" и "огузский" употребляются в двух разных значениях. При одном из них, естественно, более свойственном специалистам-историкам, имеется в виду средневековое племенное наименование и исторически связанные с ним этнические единицы. При втором, лингвистическом, имеются в виду языки и диалекты, предположительно восходящие к некоторому общему предку, что проявляется в наличии в этих языках и диалектах наборов явлений, возводимых к определенному набору явлений в предполагаемом языке-предке. Собственно говоря, для лингвистов в некотором смысле случайным является тот факт, что многие из этих языков и диалектов связаны с этническими общностями, называемыми огузскими в первом понимании. Таким образом, на настоящем этапе исследования связь между этими двумя пониманиями не является лингвистической проблемой и не рассматривается.

(2) Сложности атрибуции письменных памятников. Здесь часть сложностей сводится к группе (а), а именно: если о памятнике известно, что он принадлежит "историческим" огузам, то это принципиально ничего не говорит о его лингвистической принадлежности. Другой тип сложностей обязан своим существованием тому факту, что большая часть, если не все средневековые памятники письменности написаны на традиционных литературных языках, по своим лингвистическим характеристикам возводимых обычно к карлукской группе, иногда в разных частях языковой системы возводимых к разным тюркским группам, довольно сильно нормированных, и языковые особенности, присущие автору текста, следует искать либо в случайных отступлениях от нормы, либо в ненормированных частях языковой системы текста (которые заранее не определены). Это значительно усложняет соотношение между лингвистической и исторической атрибуцией памятника. Проблема лингвистической атрибуции в принципе разрешима лингвистическими средствами и для ряда источников разрешена; мы ссылаемся ниже только на такие источники. Все же кажется, что в будущем полезно было бы провести глобальное обследование средневековых памятников письменности с целью а) описания языковой системы каждого отдельного памятника в едином формате, б) выделения на всем множестве описаний нормированных и ненормированных частей системы, выделения типов нормы, атрибуции ненормированных частей и выяснения соотношения атрибуции по ненормированным частям системы с атрибуцией по случайным отступлениям от нормы. В результате такого обследования можно было бы получить более адекватную картину происхождения (в лингвистическом смысле) средневековых литературных языков и диалектов. Надо сказать, что примером работы, выполненной в похожей на изложенную идеологии, является книга Г. Ф. Благовой (Благова 1982).

(3) Совершенно реальную сложность представляет "диалектная непрерывность", которая характерна для современных тюркских языков и диалектов и, возможно, была характерна и для средневековых; во всяком случае, довольно очевидно, что при наличии взаимопонимания между диалектами соседствующих этнических общностей возможно переформирование генетического древа, в результате чего отдельные идиомы по ряду признаков относятся как будто к одной генетической группе, по другим – к другой. Для огузских языков и диалектов часто обнаруживаются подобные "скрещивания" с языками кыпчакской и карлукской групп. Здесь лингвист-компаративист, занимающийся региональной реконструкцией, имеет дело с вообще довольно распространенной ситуацией "слоеного пирога"; как известно, она разрешима в случае выявления упорядоченной последовательности действия языковых изменений, когда можно определить, какие изменения должны были произойти раньше, какие – позже, и их действие накладывалось на результат предыдущих. Выявление и анализ таких ситуаций – одна из основных задач последующего изложения.

Еще один момент, нуждающийся в экспликации, следующий: в дальнейшем изложении мы часто оперируем материалами литературных тюркских языков в качестве "представителей" соответствующих языковых систем, тем самым рискуя вызвать у читателя представление о большей важности, или большей архаичности, или большей типичности литературного языка по отношению к диалектам. В действительности, конечно, литературная норма практически всегда основана на одном или нескольких из имеющихся диалектов языка и, что самое неприятное, может оказаться в каких-то аспектах искусственной. Опора на нормативный материал для нас – вынужденная мера, связанная с отсутствием в огузоведении достаточно объемных недифференцированных монодиалектных словарей, при том что для выявления сравнительно-исторического статуса фонетического или морфонологического явления бывает необходимо обращаться именно к его словарному распределению. Здесь же заключено и наше оправдание: чрезвычайно маловероятно, чтобы нормализаторы литературного языка сознательно (и, тем самым, искусственно) нормировали некоторое словарное распределение, поэтому, если таковое обнаруживается, оно наверняка отражает какую-то конкретную диалектную реальность и, следовательно, может быть включено в сравнительно-исторический анализ.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

Турецкий

Турецкая система заслуживает наиболее подробного рассмотрения в силу наибольшего территориального распространения и высокой степени диалектологической описанности. При этом надо заметить, что имеющиеся классификации турецких диалектов по большей части не используют признаков, релевантных для установления генеалогического древа (т.е. требующих введения последовательности действия правил), а строятся в основном на достаточно поздних и в ряде случаев спонтанных фонетических процессах (ср. Karahan 1996). Ниже мы пытаемся выделить прежде всего генеалогически интересные фонетические и фонологические признаки.

Стамбульская система

i	*ü*	*y*	*u*
	ö		*o*
	ä	*a*	

Восточная система

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
		a	

В стамбульском варианте литературного произношения *ä* имеет позиционный аллофон *e* (выступает перед ['']: *eğer* [e'er], *değirmen* [de'irmen], и как долгий: *değnek* [dēnek]). Фонологического противопоставления широкого и узкого *e* для литературного турецкого языка не отмечено.

По-видимому, можно считать, что в современном турецком литературном языке существует фонологическая долгота: [da] *(da)* 'так же' vs [dā] *(dağ)* 'гора' (vs [da'a] *(dağa)* 'к горе') (см. хотя бы Underhill 1980, 11-13)[1]. Эта долгота по происхождению вторична (в исконных словоформах возникает при падении конечнослогового *ğ*, кроме того, частично (на *a* и *u*) сохраняется в арабских и персидских заимствованиях[2]). При этом она не восходит к "общетурецкому" (или старотурецкому) состоянию, а является новой – в ряде диалектов Анатолии *ğ* сохраняется как заднеязычный спирант. Такая оппозиция по долготе зафиксирована для заднерядных гласных у всех носителей нормы ([tū] 'знамя', [čȳlyk] 'крик', [dōmak] 'рождать') и для всех гласных у части носителей нормы ([ȍle]/[öyle] 'полдень', [dȗme]/[düyme] 'пуговица', [īne]/[iyne] 'игла', [dēmek]/[deymek] 'касаться'). Таким образом, приведенные варианты фонологических систем следует удвоить.

В диалектах турецкого языка, кроме того, встречены следующие фонологические явления.

1. Отмечается фонологическое противопоставление широкого и узкого *e*. В ряде описаний такое противопоставление отмечается для чрезвычайно малого количества слов, без полного обследования с целью установления фонемного или аллофонического статуса. Приводятся в основном примеры на *-ä-* в системах с тотальным *-e-*; в первую очередь это десингармонистические заимствования (*tamiz* Дмитриев 1928), во вторую – результат опереднения заднего *a* ("палатализации"): *ješil*. Таким образом, здесь различение нефонологично, позиционно. Это – западные диалекты ("карамаликский": *beš, verer, geter, erkek, semiz, ekmek, gelsin* vs *säkiz, tämiz, jäšil*); также старотурецкий Венгрии по Немету и западная Болгария (Видин: *e* с аллофоном *ė* в палатальном окружении; *ä* в непервых слогах и в слове *gäl-* (при *gėlin*) (??)). По свидетельству Рясянена (Ряс.Мат. 80), фонологически противопоставлены закрытый и открытый в восточноанатолийских диалектах: *äl* 'рука' vs *el* 'чужие люди', *ver-* 'давать', *et-* 'делать', *geǰe* 'ночь'; все приведенные слова имеют праогузское **ē* (см. ниже), таким образом, можно ожидать чего-то вроде азербайджанской рефлексации[3]. Действительно, обследование словарика в описании эрзрумского диалекта (Gemalmaz 1995) дает именно такой результат (см. материал ниже, в разделе "Реконструкция"). Так же себя ведет *e* закрытое в записях текстов говоров Карса: *veŗ-, geṭ-, yeŗ, yeḍ-, ėdeh, ėšdig*. По-видимому, такую же систему дает староосманский памятник "Калила и Димна" (XIV в., Zaj.St. 153-154: *bel* 'спина', *de-* 'сказать', *der-* 'собирать', *el* 'страна', *erkäk* 'мужчина', *ertä* 'утро', *et-* 'делать', *gecä* 'ночь', но *säv-* – без азерб. сужения перед *v*) (что согласуется с представлением о восточноанатолийской подоснове староосманского литературного языка раннего периода, а также с традиционным воззрением на наличие оппозиции *e–ä* в староосманском – см., например, Mansuroglu 163). Менее хорошо представлен *e* закрытый в центральноанатолийских диалектах: Невшехир (Korkmaz 1963, 60) – *gėce, yėmek, dē-, ėrkek, vėr-, ėl* 'чужак', *yėr, gėt-, ėt-, ėn-* 'спускаться' – все в соответствии с азербайджанским; Бартын (Korkmaz 1994) – фонологически отсутствует, но ср. в описании Eren 1997 (Зонгулдак – Бартын): *gėč-, vė-, yėtiš-, bėš, bėšik* – соответствует ожидаемому, но *ėl* 'рука' не соответствует. Локальные различия? Позиционное сужение рядом с шипящими и палатальный

[1] Поскольку в случае выпадения интервокального согласного литературная норма состоит в произнесении двухвершинного гласного, мы не считаем, что здесь возникает новая долгота, а вслед за рядом описаний выделяем согласную - позиционный аллофон *g* - glottal stop (см. в разделе о консонантизме). Такая же система должна предполагаться для старотурецкого Венгрии (Németh 1970, 60 - отмечена двухвершинность в противопоставлении "полудолготе") и "карамалицкого". В восточноболгарских диалектах турецкого языка здесь, напротив, отмечается настоящая фонологическая долгота (Dalli 1932, 16), не поделенная между двумя слогами. В этих системах следует выделять полный набор долгих гласных фонем.

[2] Долгое *a* в арабо-персидских заимствованиях в литературном произношении старые авторы (см. Дмитриев 1928) описывают как полудолгий закрытый звук; современные работы по турецкому литературному языку (см. Underhill 1980) и диалектологические описания считают его долгим закрытым, не отличая от диалектного сохраняющегося первичного *a* долгого.

[3] К сожалению, бесполезна здесь сама по себе очень интересная работа Л.Карахан (Karahan 1996). На с. 118 рассматривается в качестве характеристики 1-й группы западной зоны анатолийских говоров переход *e* > *ä*, но приведены только примеры с *ä*, без примеров с *e*, вследствие чего нельзя установить оппозицию внутри говора.

ными? Ср. *yėni, gėce, ėyi*. Урфа (Özçelik 1997): *bęl* 'пояс', *bęš* 'пять', *ękiz* 'близнецы', *gęt-* 'уходить', *yęddi* 'семь', – демонстрирует общеогузское сохранение узкого долгого (сокращенного) плюс азербайджанское сужение в соседстве с шипящими и праогуз. *j*. В диалектах северо-восточной Болгарии (Dalli 1932) *ê* закрытое систематически отмечено перед сочетаниями вида *rC, lC* и перед *r* конечным, в позиции, в которой другие гласные получают позиционную полудолготу (при выпадении *r* – полную долготу): *yê'r, dê'rs, dê'rt, tekêlek, têlemek, güvê'rcin, sekizẽ, šekê'r,* ср. *a'rka, ö'ldü*. В тех же корнях в той же позиции иногда отмечается *ã*: *tãlik*. По-видимому, здесь закрытость является необязательным позиционным признаком, сцепленным с обязательной позиционной полудолготой (не отмечена: *ke'rtik, ke'rpič, ge'lmek*; нерегулярно отмечается также в конечном открытом слоге после палатального: *īnê* 'игла', *iyẽ* 'напильник'). Для двух последних групп говоров вероятнее всего предположение о наличии в них затухающего противопоставления, когда праогузская закрытость фонетически сохраняется, но к старым корням с закрытым добавляются новые позиционно образовавшиеся закрытые, и постепенно варианты *e* становятся позиционными аллофонами.

2. Первичная долгота (только в вокализме первого слога!) спорадически сохраняется в ряде анатолийских диалектов в виде полудолготы (Ушак, Кютахья, Динар, Денизли, Тавас, Айдын, Карс – см. Korkmaz 1999). То же можно сказать, видимо, и о западных балканских диалектах (ср. в "карамалицком" – по Дмитриев 1928 – *кааны* 'кровь', *аачтьръ* 'голоден', *каазларъ* 'гуси', *аары* 'пчела', *аай* 'луна'; в старотурецком Венгрии – по Németh 1970 – *áč* 'голод', в Видине: *kādyn* 'жена', *čāgyr-* 'кричать', *dāgyt-* 'разделять', все в соответствии с туркм. долготой). Отметим, что такое сохранение регулярно отмечается только для гласного *a*[4], что побуждает искать для этого явления не количественную, а качественную фонологическую интерпретацию. Для долгого *a* практически во всех описаниях отмечается также более закрытое качество (ср., однако, его запись с помощью венг. *á* – Németh 1970), таким образом, потенциальную "пратурецкую" систему с сохранением оппозиций можно изобразить так:

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*	*â*	*o*
	ä	*a*	

[4] З.Коркмаз (Korkmaz 1994, 10-11) полагает, что в диалекте Бартына первичные долготы, скорее, сохраняются, но список примеров, приводимых ею, этого не подтверждает, ср.: старые долгие *dē-, vār* 'имеется', *āt* 'имя', *yōk* vs. старые краткие *àl-* 'брать', *bāk-* 'смотреть', *gō-* 'класть', *gōrk-* 'бояться', *bīz* 'мы', *bēnze-, gēl-, yāp-, yāt-*. Поскольку приводимые формы берутся из фразовых контекстов, естественно предположить, что здесь мы имеем дело не с фонологическим различением, а с фразовыми удлинениями. Однако, по-видимому, в Бартыне все-таки имеются истинные рефлексы старой долготы. Это можно установить по описанию Э. Эрена (Eren 1997). В фонетической части описания долгие трактуются как результат элизий, и материал словарика это подтверждает. Но кроме того, часть рефлексов, восходящих к **ā*, в словаре записана с *â*: *bârsaḫ, bâvur-, çâvur-*.

причем оба "закрытых" члена среднего ряда отражают праогузские долгие.

Иная ситуация с рефлексами первичной долготы в диалектах Восточной Болгарии. Здесь, наряду с позиционной полудолготой, отмечается полная долгота вторичного происхождения (для результатов стяжений), фонетически не отличающаяся от полной долготы первичной, сохраняющейся в односложных словах на любых гласных: *kār, bēš, gōs*. Таким образом, здесь мы имеем синхронную фонологическую систему с удвоением по долготе, внешне совпадающую с литературной, но другого происхождения. Эта система не может быть возведена к пратурецкой системе, восходя непосредственно к праогузской[5]. Не турецкий характер, по-видимому, имеет также сохранение первичной долготы в Карсе независимо от качества гласного (Korkmaz 1999): *bēš, gāl-, sōr-* (но *gēl-*?) – ср. сведения о салырской племенной принадлежности местного населения; салыры – туркмены.

2а. Вторичная долгота, возникающая в литературной норме при падении конечнослогового, в диалектах возникает и в этом случае, и при падении интервокального (Эрзурум *ōl* 'сын' (редко, см. ниже), Зонгулдак *tōmu* < *tohumu, dōri, āč* 'дерево' (в случае интервокального выпадения как свободный вариант отмечается "двойной гласный", т.е. гортанная смычка, – см. ниже), Видин *sòra* 'после', *dōri* (т.е. долгота как в литературном), вост.-родоп. (Моллова 1974) *jā* 'масло', *ār* 'тяжелый', вост.-болг. *ālyk, bālyk, sūt* < *agalyk, baglyk, söğüt*, ср. также выше о вост.-болг.). Пожалуй, настоящая вторичная долгота более характерна для западных диалектов, а для Анатолии более характерен двувершинный гласный или вообще сохранение интервокального спиранта (см. Karahan 1996, карта 13 – восточная и сев.-вост. группы).

2б. В ряде диалектов вторичная долгота может подвергаться вторичному сокращению: (Эрзурум *ol*, Видин *sora* 'после', вост.-родоп. (Моллова 1974) *ulak* 'козленок'). В Видине и вост.-родопских говорах сокращенные варианты бытуют как свободные варианты несокращенных.

3. В балканских диалектах турецкого языка засвидетельствовано явление депалатализации огубленных гласных. Что касается Видина, этот процесс, видимо, не дошел до фонологических последствий, так как, во-первых, депалатализованные *o* и *u* допускают "полумягкий" вариант произношения, во-вторых, корни, содержащие депалатализованные, сохраняют морфоноло-

[5] Таким образом, отчасти справедливой оказывается точка зрения Т. Ковальского об объединении диалектов северо-восточной Болгарии с гагаузским в единый "дунайско-турецкий язык" (Kowalski 1933, 26), многократно оспаривавшаяся гагаузоведами (Дмитр. 251, Покровская 1964, 9), - только мы не считаем гагаузский турецким диалектом, а наоборот, восточноболгарские турецкие диалекты оказываются не турецкими по происхождению. Картина не укладывается в предложенный Г.Дерфером (Doerfer Gag. 262) "балкано-османский", объединяющий восточноболгарский и гагаузский под именем гагаузского (выделяется как переходный к центральнобалканскому диалекту дели-орманский), центральнобалканский и западнобалканский. Рассмотрение в аспекте направлений изменений фонологической системы вокализма (а не по отдельным, часто не имеющим отношения к структурным изменениям, точкам, как у Дерфера) требует центрально- и западнобалканский диалекты считать турецкими, а восточноболгарский и гагаузский - отделять.

гическую переднерядость (Németh 1965, 25, карта на с. 28 демонстрирует усиление этой манеры произношения к северу). В центральноанатолийских говорах – то же явление после гуттуральных: *gorünmeya, gozetley, košecüve* (Бартын – Korkmaz 1994, 13); в Эрзуруме – только после глухого гуттурального: *kučüğ, koše* (в основном без перемены гармонии). У Карахан (Karahan 1996) география депалатализации показана на карте 5 (депалатализация корневых гласных в северо-восточной группе, по примерам – только для огубленных гласных, точные позиции неясны, но по большей части переход наблюдается в присутствии гуттуральных и палатальных). Кроме того, там же на с. 118-120 рассмотрена депалатализация огубленных в западноанатолийских говорах, происходящая в присутствии гуттуральных, отмечается ее отсутствие в говорах 1-й группы, наибольшая частотность – 3, 4, 6, 8 группы (т.е. центр восточной части зоны). Фонологическая интерпретация – такая же, как в Видине. Все эти процессы – новые, так как проходят уже на "общетурецкой" системе. Для восточноболгарских диалектов такое явление не отмечено. (NB: ср. тюркские системы, где фонологические последствия депалатализации имеются, депалатализация гласных приводит к палатализации согласных.)

3а. Переход *y* > *i*. Мы здесь говорим о фонологическом смешении, а не о произносительных вариантах (о которых см., например, Дмитриев 1928). Восточноболгарский диалект хорошо различает эти фонемы. В восточнородопском спонтанного перехода *y* > *i* нет, переход отмечен в соседстве с *j*: *ilik* 'косоглазый' = *ylyk*. В Видине в первом слоге фонемы различаются, во втором – в соседстве с палатальными (*j, š, č, ǯ*) наблюдается переход; кроме того, в непервом слоге бывает редуцированная реализация, совпадающая для *i* и *y*, и Немет всегда записывает ее как *y* (Németh 1965, 43, 58 и др.). Видимо, тот же редуцированный записывается как *e* в старовенгерских текстах (Németh 1970) и "карамалицком" (часто также в словах с корневым *y* пишут *e*: *ternaklar, keleč* – аллегровый вариант?), это же *e* характерно вообще для транскрипционных памятников, см. подробно Грунина 1991, 39-40; еще раз подчеркнем, что здесь не может идти речи о фонетическом переходе, а следует предполагать особую фонетическую интерпретацию редуцированного гласного, ср. ниже об *o* в непервом слоге в транскрипционных памятниках. В старовенгерских текстах, видимо, палатализация происходит в непервом слоге и в соседстве с палатальным (Németh 1970, 62-63, 86-87 – *sičan, jil, diš* 'внешний', *čik-* 'выходить'). В Боснии наблюдается сплошной переход (см. Németh 1970, 119), в "карамалицком" переход – в первом слоге в соседстве с палатальными (см. Дмитриев 1928, 45-48). В Бартыне (Korkmaz 1994) явление не отмечено, но в Зонгулдаке непервый слог переходит спонтанно, *gari, alti, dyšari* (Eren 1997, 26-30), первый – редко, как вариант, в соседстве с палатальными: *pičak*. Так же – Эрзурум: *čih-/čyh-* 'выходить'. В Карсе переход не зафиксирован. У Карахан явлению посвящена карта 6, палатализация по примерам происходит в корневом слоге в присутствии гуттуральных и палатальных (Karahan 1996, 11), так же – в суффиксальном, и спонтанно

– в конечном слоге. Спонтанному переходу в суффиксальном слоге посвящена карта 7. Надо отметить, что как раз эти две карты составлены скорее неудачно, так как смешаны два разных явления – спонтанное и позиционное. По ним можно только отметить, что все случаи падают на восточную и северо-восточную группы[6].

3б. Спорадически по диалектам отмечается явление палатализации других задних гласных в соседстве с фонетически палатальными согласными: *j* и шипящими, реже свистящими. Явление отмечено практически по всей турецкой территории. В работе Л.Карахан для анатолийских говоров отмечено, что северо-восточные и восточные говоры отличаются от западноанатолийских большей характерностью для них процесса регрессивной палатализации (для западных – прогрессивной) – Karahan 1996, 3-8, карта 4.

4. В западных диалектах отмечается повышение огубленных среднего подъема. Ср. вост.-болг.: только при образовании вторичной долготы, *öksüz* > *ūsüz, doğru* > *dūru, seyrek* > *sīrek* (Dalli 1932). Вост.-родоп.: *doğru* > *dūru, šītan* < *šeytan*.

Особенно следует обратить внимание на переход в Видине *ö* > *ü (u)*, но не *o* > *u* (Németh 1965, 35; в Адакале также *uyun, uku-, urdu-, utur-*): *bubrek, dug-, gubek, uküs, uz, üp-, ürdek*, на с. 34 карта, которая демонстрирует количественное распределение слов с переходом *ö* > *ü* и без него; если предположить, что в тех случаях, когда слов с переходом много, мы имеем дело с диалектом, где фонетический переход прошел полностью, но имеются заимствования из литературной нормы, то выделяется ареал подковообразной формы, охватывающий всю "румелийскую" территорию; по известному правилу ареалогии, подковообразный ареал представляет архаическую изоглоссу, и, значит, можно говорить о явлении, прежде характерном для всей этой территории. Тогда идеализированная "румелийская" система такова:

i	*ü*	*y*	*u*
e		*á*	*o*
		a	

То же явление отмечено для Боснии (карта; Németh 1970, 119). Ср. также старовенгерские тексты (Németh 1970, 77): *urumcek* 'паук', *süs* 'слово' (*o* > *u* перед *g*: *ugur, bugul-* Németh 1970, 76).

В анатолийских говорах соответствующее явление, по-видимому, фонологически менее существенно. Оно не отмечено для Анатолии в Caferoglu 246 и не картографировано в Karahan 1996. Можно отметить лишь следующие примеры в говоре Бартына: *üren-* < *ögren-, düven-* < *döven-, ül-* < *öl-, unu* < *onu* редко. (Eren 1997, 33), ср. там же *törki*. В Эрзуруме чаще наблюдается обратный переход *ü* > *ö* при втором широком гласном: *gözel, dönya, dodah*. В Карсе явление не зафиксировано.

[6] В таблице различительных признаков диалектных групп на с. 53 положение сильно идеализировано по сравнению с ситуацией, изображенной на картах, и для этого пункта, и для нек. др.

Отмечается переход *e* > *i* (в том числе в литературном турецком языке, ср. *iyi*), в Видине – как вариант произношения *e* узкого. Ср. вост.-родоп. *gicä* = *gece*.

5. Огубление неогубленных между губными – вост.-болг. (Dalli 1932, 22) *mime* > *möme, bebek* > *böbek, baba* > *buba*, так же Бартын – Korkmaz 1994, 15-16. Как спорадическое явление отмечено в Видине (Németh 1965, 40): *buyuq* 'усы', *suwa* 'глина'. Видимо, и во всех говорах это явление – спорадическое. Губные ассимиляции отмечаются и для староосманского – Mansuroglu 163 (*čümän* 'Wiese'; прочие примеры, скорее, не сюда).

Сингармонизм и гласные непервого слога[7]

В современном литературном турецком языке достаточно регулярно действуют правила палатального сингармонизма. Исключения представляют только слова, маркированные как заимствования (*memur, insan*); кроме того, действие гармонии не распространяется на клитики (*geli-yor*). В диалектах отмечается более продвинутая гармонизация заимствований (имеется наблюдение, что в восточной Анатолии более распространена в этих случаях регрессивная ассимиляция: *asker* > *esger, haber* >*heber*, а в западной Анатолии – и регрессивная, и прогрессивная: *ateš* > *ataš* (Korkmaz 1999)) и переход клитик в аффиксы. Наблюдаются также нарушения палатальной гармонии, во-первых, связанные с перекрывающими ее действие процессами палатализации и веляризации гласных (см. выше, п. 3). Во-вторых, в некоторых диалектах имеется тенденция к унификации одного сингармонического варианта аффикса. Примеры: Видин – Dat. *-e*, Loc. *-de*, Abl. *-den*, Pl. в глаголе *-ler*, Зонгулдак – 1 Pl. *-duq*, Кебан – Loc. *evda* (Buran 1997, 33).

Важная проблема, заслуживающая отдельного рассмотрения, – отражение узкого гласного непервого слога. Как показывает сопоставление общетюркских двусложных основ с данными новоуйгурского и окающего диалекта якутского языка, для общетюркского состояния следует признать отсутствие губного сингармонизма и наличие различения в непервых слогах неогубленных и огубленных гласных независимо от характеристики первого слога. Это подтверждается данными словаря Махмуда Кашгарского и – в несколько сбитом виде в силу особенностей орфографической системы – руническим тюркским (см. хотя бы Meyer 1965, 183-202). Исследователи, следующие за реконструкцией Г.Дёрфера, полагают, что "устойчивый", т.е. не объясняемый наведением губной гармонии с предыдущего слога, узкий губной гласный непервого слога может восходить к пратюрк. **o/ö* непервого слога и соответствует широкому гласному в якутском (рун. *U* = як. *A*, ср. афф. *-duq* – як. *-tax*; однако, наоборот, 3 л. *-y* = як. *-a*); дополнительным аргументом служит то, что графическому вав'у в непервых слогах в староосманских текстах, часто – при отсутствии губной гармонии – соответствует *o* в староосманских транскрипционных текстах. Что касается пратюркского состояния, то мы склонны согласиться с гипотезой Дж. Клосона (EDT), который восстанавливает **o/ö* непервого слога в случае колебаний в рефлексах огубленности/неогубленности первого слога и широты/узости непервого, независимо от способа фиксации непервого слога в памятниках (ср. реконструкции **sigöl* 'бородавка', *sünjök* 'кость' в EDT при староосм. *sigil, sünjük*); если непервый гласный регулярно узкий, но в новоуйг. отражается не как *i* (наводящий "новоуйгурский умлаут" на предшествующий гласный), а как *u* (и, соответственно, в первом слоге появляется губной гласный), а в як. зафиксирован "окающий" рефлекс, то мы бы скорее восстанавливали здесь **u/ü* непервого слога (а для прочих случаев **-y/i*). Ср. морфонологическую теорию Л.Юхансона (Johanson WL), которая учитывает возможность нескольких разных огубленных гласных в аффиксах. В собственно староосманском а) словоизменительные и словообразовательные морфемы делятся на два класса, один с регулярной записью губного гласного – через вав или диакритику (которому в транскрипционных текстах соответствует *u* или *o*), другой с негубным (йай или диакритика; в транскрипционных текстах – *i* или *e*). Э.А.Грунина (Грунина 1991, 36) полагает, что это различие может быть и вторично, но ср., однако, достаточно твердое его соответствие орхонскому и древнеуйгурскому и, кроме того, палатализацию в чувашском ровно в тех аффиксах, где стоит маркированный негубной. По-видимому, первый класс следует возводить к пратюркским морфемам с губным гласным, но для староосм. – уже без различия узкого и широкого губного; транскрипционное *o* фиксируется как для *-dOk*, так и для афф. принадлежности 1, 2 л. ед.ч., которые не дают внешних по отношению к осм. оснований для реконструкции широкого. Видимо, транскрипционное *o* отражает фонетическое понижение *u* при редукции (ср. выше о *e*); так же полагает и Хазаи (Hazai 1962, 48). Необусловленная корнем огубленность узких аффиксальных гласных в современных анатолийских говорах картографирована Л. Карахан; по примерам набор таких аффиксов соответствует староанатолийскому. Географическое расположение – прибрежные говоры западной диалектной зоны (группы 3, 4, 5, 6), все группы говоров северо-восточной зоны, фактически все выделяемые автором группы говоров восточной зоны – но не на крайнем востоке и юге (Karahan 1996, с. 17, карта 10, с. 60-62, 125-126). б) Что касается неразложимых двусложных основ, видимо, можно согласиться с Э.А.Груниной, что запись "вава" носит орфографический характер (Грунина 1991, 37), отражая "морфонологически нормативный" вид морфемы. Во всяком случае, было бы неосторожно связывать его напрямую с губным узким или широким непервым гласным, получаемым из общетюркской реконструкции, об отсутствии такой связи свидетельствует следующий материал синхронно неразложимых основ.

При осм. *qadun*, н.-уйг. *хотун*, як. *хотун* 'женщина', орх., др.-уйг. *qatun*

[7] Здесь мы имеем дело, строго говоря, с морфонологической проблемой, однако, поскольку направленность нашего очерка в первую очередь историческая, а эта проблема непосредственно связана с процессами исторической фонетики, мы рассматриваем ее в фонетическом разделе, а в разделе о морфонологии даем отсылку на предшествующий анализ.

(**katun*) имеется осм. *baluq*, транскр. *balok* = як. *балык*, н.-уйг. *белик*, МК *balyq*, **balyk* 'рыба';

осм. *jarum*, як. *ярым*, н.-уйг. *ерим*, МК *jarym*, QB *jarym, jarum*, **jarym* 'половина';

осм. *qalun*, транскр. *kalon*, н.-уйг. *qelin*, рун. *qalyn*, МК *qalyn*, **kalyn* 'толстый'.

Т.е. наряду с разогублением непервых губных гласных в соответствии с негубной гармонией (примеры Груниной: *qapy* 'дверь', МК *qapuγ*, *eksik* 'недостаток', МК *eksük*, *jyldyz* 'звезда', МК *julduz*, *demir* 'железо', МК *temür*) следует отметить для ст.-осм. тенденцию произношения непервого узкого гласного заднего ряда с новой огубленностью. Позиции такого перехода неясны, но сам он вполне реален – ср. *baluq* в современных турецких северо-восточных анатолийских диалектах (Karahan 1996, 18).

Можно попытаться выяснить позиции развития "немотивированного" губного гласного непервого слога в неразложимых основах в современной турецкой литературной норме, которая позволяет извлечь количественно релевантный материал. Для нормы следует отдельно рассматривать следующие случаи: а) словоизменительные и продуктивные словообразовательные аффиксы (следует отличать от клитик, не подчиняющихся сингармонизму, и, следовательно, ведущих себя как первый слог) – после губной гласной корня губная, после негубной негубная (т.е. строго в соответствии с законом сингармонизма): *küčük* 'маленький' – *küčüğü, kuzu* 'ягненок' – *kuzulu, kav* 'трут' – *kavy*; б) непродуктивные словообразовательные аффиксы и второй слог нечленимой двусложной основы[8]: здесь после губной гласной корня – губная, после негубной – обычно негубная, но в соседстве с губной согласной бывает губная. Являются ли такие случаи инновациями или, наоборот, реликтами старого состояния?

Вот соответствующий материал из Большого турецко-русского словаря (М., 1977) со словообразовательно сопоставимыми древними формами:

apyš 'внутренняя сторона ляжек', *čarpyk* 'кривой' (старый суфф. отглаг. прил. *-uk*, Gab. AG 149, новое?), *čepič* 'козленок' (МК *čepič), čipil* 'гнойный', *kapy* 'дверь' (др.-уйг. *qapuγ*, МК *qapuγ*, но здесь возможно другое производное – **qapγy*, ср. кыпч. формы без озвончения), *kypyr-* 'шевелиться', *jelpik* 'астма' – тур. диал. *jelpük* (МК, др.-уйг. *jelpik* 'дух болезни'), *japyrğan* 'лепесток' (МК *japuryaq*, др.-уйг. *japuryaq, japuryaq*, н.-уйг. *йопу(р)мак*), *japyš* 'клейкий' (ср. др.-уйг., МК *japuš-* 'склеиваться', н.-уйг. *йепиш-* и *йопуш-*), *japyt* 'работа' (старый именной суфф. *-γut* – см. ДТС), *typyrda-* 'трепетать', *tepir* 'сито', *tapynmak* 'молиться', *tapy* 'божество', *tipi-le-* 'быть бурану' (МК, QB *tüpi*), *jalpyk* 'плоский' (в памятниках *jalpaq*, следует предполагать другой суфф.), *japy* 'здание' (др.-уйг. *japuγ* 'наслоение', но здесь может быть и **japγy*, ср. башк. *ябгы*).

[8] Мы не будем здесь решать вопроса, не является ли этот второй слог в действительности древним аффиксом, главное - он не вычленим как аффикс на общеогузском, а часто и на позднем пратюркском уровне.

čapul 'грабеж' (старый именной суфф. *-γul* – см. Gab. AG 116), *čaput* 'тряпка' (МК *čapγut*), *kaput* 'шинель' (старый именной суфф. *-γut* – см. ДТС), *kapuz* 'горный перевал', *tapu* 'служба, богослужение' (ср. др.-уйг., QB *tapuγ*, МК, QB *tapuγ* 'служба, поклонение', др.-уйг., QB *tapγu-čy* и *tapuγ-čy* 'слуга'), *jarpuz* 'мята' (МК *jarpuz*, ст.-осм. *jarpuz).*

Минимальная пара: *tapy* 'божество' – *tapu* 'богослужение'; очевидно, разные аффиксы – **tapγy* vs **tapuγ*, таким образом, старые отличия.

čybyk 'ветка' (МК *čybyq*), *čylbyr* 'вид еды', *gibi* 'как' (МК *kebi), kabyz* 'запор'.

čabuk 'быстро' (старый суфф. отглаг. прил. *-uq*, Gab. AG 149 +**čap-* 'бежать рысью'), *sabun* 'мыло' (заимств.), *kabuk* 'корка' (тур. ист. *qabuq*, чаг. (МА) *qabuq*).

čamyč 'зрачок, маленький', *altmyš* 'шестьдесят' (орх., уйг., QB *altmyš*), *čimil* 'комар' (? *čümeli* 'муравей' др.-уйг., МК), *demir* 'железо' (МК *temür*, орх., др.-уйг. *temir*), *emik* 'пятно на коже от сосания' (старый суфф. *-uq*), *gemi* 'судно' (др.-уйг., МК *kemi*), *ymyzğan-* 'дремать', *kamyš* (МК, др.-уйг. *qamyš*, один раз в IB *qamuš*, як. *хомус*, нуйг *комуш*), *karmyk* 'гать' (от *qarym* 'яма' др.-уйг., QB, суфф. неясен), *kemik* 'кость' – диал. *gemük* (чаг. *kemük* 'хрящ' (МА 215), *kömük* (Pav.C. 477), *kemir-* 'грызть' (МК *kemür-*), *sarmysak* 'чеснок' (МК *sarmusaq*), *semiz* 'жирный' (орх., др.-уйг., МК *semiz*), *simit* 'бублик', *temiz* 'чистый' (заимств.), *tyrmyk* 'борона, крюк', *jemiš* 'фрукты' (др.-уйг., МК *jemiš*), *jirmi* 'двадцать' (МК, др.-уйг., орх. *jegirmi*).

čamur 'грязь' (возможно, к *čam-* 'погружаться', суфф. – ?), *kamu* 'весь' (др.-уйг. *qamyγ*, орх., др.-уйг., МК, QB *qamuγ*, орх., др.-уйг. *qamaγ*), *karmuk* 'багор' (QB *qarmaq*, но возможен другой суфф.), *tamu* 'ад' (др.-уйг., МК *tamu*, QB *tamuγ*), *jamuk* наклонный, *jamul-* 'кривиться' (диал. *jamyk, jamyl*).

čevik 'ловкий', *čevir-* 'поворачивать' (МК *čevür-*), *čivit* 'индиго', *devir-* 'переворачивать', *divik* 'термит', *evin* 'семечко', *evir-* 'изменять' (МК *evür-*), *kyvyr-* 'вить', *syvyk* 'жидкий', *sivilže* 'прыщ', *sivir-* 'становиться острым', *siviš-* 'ускользнуть'.

avuč (МК *avut*, др.-уйг. *avyt*), *avun-* 'утешаться' (МК *avyn-*), *avurt* 'защечный мешок' (др.-уйг. *aδ[urt]*; чаг. *awurt* (Sngl); ст.-осм. *avurt*), *čavuš* 'глашатай' (МК *čavuš*), *čavun* 'кнут' (МК *čavyγ*), *davul* 'барабан', *kavuk* 'мочевой пузырь' (МК *qavuq*), *kavun* 'дыня', *kavur-* 'жарить' (МК *qayur-*), *kavuš-* 'соединяться' (МК *qavyš-*), *savun-* 'обороняться', *savur-* 'веять' (МК *savur-*), *savuš-* 'исчезнуть', *savut* 'оружие', *tavulğa* (МК *tavulγa*), *tavuk* 'курица' (**tayuq* < **tiakagu*), *tavuš-* диал. 'легко ходить', *javuk* 'помолвка' (*jayu-* 'сближаться' МК, QB), *javuz* 'суровый' (орх., др.-уйг. *jabuz*, др.-уйг. и орх. *javyz*, МК *javuz*).

Из приведенного материала можно сделать следующие выводы:

1. Все переднерядные слова подчинились в турецком литературном губному сингармонизму с разогублением первично огубленных непервых гласных.

2. Структуры типа *y* – С губн. – *u* полностью подчинились губному сингармонизму с разогублением.

3. Структуры типа *a* – С губн. – *u*, где С губн. = *p, b* (=**p*, озвонченный после первично долгого), *m*, подчинились губному сингармонизму не до конца, осталось некоторое количество реликтовых форм с сохранением вто-

рого огубленного[9].

4. Структуры типа *avu* (где *v* из **b* или **g* перед старым губным гласным) сохраняются, не подчиняясь губному сингармонизму; старые структуры **avy* переходят в *avu*.

Приводившийся диалектный лексический материал свидетельствует о том, что диалекты по-разному относятся к приведенным правилам. Видимо, в каких-то из них реликтовые негармонические формы сохраняются и в структурах *e* – С губн. – *ü*, в каких-то морфонологическая сингармонизация имеет меньше или больше исключений, т.е. прошла дальше или слабее[10]. Можно также полагать, что в каких-то диалектах (и в одном из тех, на которых базировался староосманский) структуры *a*C*y* в синхронно неразложимых основах переходили в *a*C*u* либо автоматически, либо под влиянием аналогии с внешне похожими суффиксальными образованиями. Более точные выводы можно будет получить фронтальным анализом диалектного лексического материала отдельно по населенным пунктам.

Для западнорумелийских говоров отмечено закономерное развитие узких гласных непервого слога в *y, i* (Németh 1965, 49 (Видин), Németh 1970, 119 (боснийский), 133 (Стари-Бар): *čüpri* 'мост', *onunǰi* 'десятый', *akylli* 'мудрый' и под.). Таким образом, здесь действие губного сингармонизма, по-видимому, снято.

Гагаузский

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	(ä)	*a*	

E и *ä*, по-видимому, можно считать позиционными аллофонами. Г.Дёрфер, основываясь на материалах Н.К.Дмитриева, дает следующее правило распределения:

e представлено в первом слоге; в безударном непервом и неконечном слоге;

ä представлено в ударном непервом слоге; в безударном конечном слоге.

Исключением (видимо, в силу своей морфологически обусловленной полуклитичности) являются личные местоимения 1 и 2 л. ед.ч. *бäн, сäн.* Примерно так же выглядит правило и у Покровской (Покровская 1964, 26-27). Дёрфер (Doerfer Gag. 265) пишет также, что *e* иногда встречается в ударном непервом слоге перед заднеязычным (фонетически палатализованным).

Эта система продублирована долгими гласными, возникающими вторично из стяжений. Стяжения возникают как в случае конечнослоговых, так и в случае интервокальных выпадений. Кроме того, как и для восточноболгарских диалектов, отмечается сохранение первичной долготы на гласных *ā, ō,* что может свидетельствовать о том, что гагаузский язык не восходит к "общетурецкому" состоянию, а является самостоятельным огузским языком, система которого восходит к протоогузской. Примеры:

āč 'голодный', *ārd/t* 'задняя часть', *āry* 'пчела', *āra* 'трещина', *ād/t* 'имя', *āz* 'мало', *āz-* 'ошибаться', *jāz* 'лето', *kār* 'снег', *kāz* 'гусь', *čāk* 'время', *jān-* 'угрожать', *sāz* 'тростник';

bōrč 'долг', *tōrba* (*to'rba* с. Раковски), *tōz* 'пыль', *kōr* 'жар', *bōz* 'серый'.

Сохранение первичной долготы на *a* и *o* – спорадическое и факультативное (почти для всех корней с зафиксированной долготой отмечены и варианты без долготы), ср. случаи с первично долгими, для которых долгота в гаг. не отмечена: *al* 'пестрый', *ak* 'белый', *jan* 'бок', *ot* 'огонь', *jol* 'дорога'. По нашим подсчетам (по Гагаузско-русско-молдавскому словарю) на 13 корней с сохранением первичного долгого *a* – 31 корень сокращает первичное долгое *a*, на 5 корней с сохранением первичного долгого *o* – 14 корней сокращают первично долгое *o*, что в процентном отношении довольно равномерно.

Гагаузскому языку и его диалектам свойственно также сокращение вторичных долгот – до полудолготы, затем до краткости. Пример из литературного языка (может быть, из-за грамматического характера слова): *copa* 'после' <**soŋra*; диал. *co'pa* (болг. говор с. Раковски, Гунчева 1978).

Отмечено явление фонетического удлинения широких безударных гласных первого слога перед ударным вторым слогом с узким гласным – явление, наблюдавшееся в балкарском, в хакасском, в чулымском и – менее надежно – в ряде других тюркских языков. Примеры: *kāry* 'женщина', *bāktym* 'я посмотрел', *kēndi* 'сам', *dōndum* 'я замерз', *kōküm* 'мой корень'. Для говора с. Раковски в этих случаях отмечается полудолгота.

Часто отмечаемые в гагаузском языке и его говорах дифтонги, несомненно, не фонологичны. Это либо позиционные (в неприкрытом слоге) аллофоны фонем *e, ö* (*ie, uo* – дифтонгоиды; такая фонетическая реализация в этой позиции характерна больше для кыпчакских языков), либо недостянувшиеся фонетически сочетания разноименных гласных (см. ниже) при элизии интервокального согласного.

Для конца XIX в. В.А.Мошков отмечает как одну из характернейших

[9] Считать эти формы реликтовыми, а не обособленными специфическим неизвестным фонетическим фактором, методологически допустимо, так как сингармонизм - не фонетический, а морфонологический процесс и, следовательно, допускает незакономерные исключения.

[10] По материалу Карахан (Karahan 1996, 62-63), полная делабиализация второго узкого при первом негубном гласном в неразложимых основах (материал подобран не по историческому принципу, поэтому наши выводы условны) проходит в центральной части восточной зоны анатолийских диалектов. Для восточной части этой зоны (Ван, Битлис, Олат), по-видимому, характерна та же ситуация, что в литературном языке, для северной (Эрзинджан, Тюндже) - меньшая продвинутость делабиализации, чем в литературном (сохранение огубленности и после *m*), и отмечены формы с *o*: *čavoš, čamoš, jaymor.* Северо-восточная зона демонстрирует также меньшую продвинутость делабиализации (примеры на с. 16). Некоторый материал с огубленными второго слога неразложимой основы, в том числе "новыми", приведен на с. 125-126 из групп 3, 4, 5, 6, т.е. центральновосточной части западной зоны: *Garšu* (др.-уйг., MK *qaršu*), *ağru-suz* (MK, др.-уйг. *ayryy*), *azu-ǰux* (MK *azy-*, но Suv. *azu-*), *demür, altun* (MK *altun*), *delük* (MK *telik*), *ačuq/x* (MK *ačuq*), *Gyrmuzu* (из перс. *kirmiz*), *jarux* (MK *jaruq*), *kesük* (QB *kesük*), *artuq* (др.-уйг., QB *artuq*). Эрзурумский диалект (Olcay 1995) по параметру губной гармонии (как и по многим другим) должен быть отнесен к азербайджанским (огубленность не сохраняется при центральном губном согласном: *Gabyx, jaGmyr, armyt, čamyr,* 27).

черт гагаузской фонетики *j*-протезу перед узкими начальными гласными *i, y, ü*: *jič* 'пей', *jüst* 'верх', *jysla-* 'поливать'. Для современного состояния гагаузского языка Л.А.Покровская считает это явление угасающим (Покровская 1964, 44), в связи с действием обратного процесса ослабления этимологического начального *j*, в результате чего мы имеем одинаковые дифтонгоиды в *ier* 'земля' и *iel* 'рука'. Перед гласными *i, y, ü* глайд полностью исчезает, опередняя *y*, — явление, отмеченное также для азербайджанского: *ip* 'нитка', *ilan* 'змея', *irak* 'далеко', *ürek* 'сердце'. Перед начальными *u, o* возникает протетический глайд *w*: *wun* 'мука', *wōlum* 'мой сын', что принято связывать с соответствующей кыпчакской тенденцией.

Вторичная долгота в основах (Покровская 1964, 31-38)[11]:

ag, aga, agy > *ā*: *dā* 'лес', *āč* 'дерево', *āz* 'рот',

yg, ygy > *ȳ*: *jȳ-* 'складывать', *sȳr* 'корова',

og > *ō*: *ōlu* 'сын', *dōru* 'прямо', *bōdaj* 'пшеница',

og, ug, ov, ogu, ugu > *ū*: *dū-* 'родиться', *bū* 'пар', *kū-* 'гнать', *sūk* 'холод', *ūr* 'удача',

ej, ege > *ē*: *sērek* 'редко', *bēn-* 'нравиться',

eg, ej, ig, egi, igi, iji > *ī*: *dī-* 'касаться', *gī-* 'одеваться', *īne* 'игла', *dīl* 'нет', *īt* 'джигит', *ī* 'хороший',

ög, öj > *ō̈*: *bō̈rek* 'почки', *sō̈le* 'скажи',

ög, öj, üg, üj, ögü, üjü > *ṻ*: *ṻren-* 'учиться', *kṻ* 'деревня', *dṻmä* 'пуговица', *bṻ* 'мудрец', *bṻk* 'большой'.

В случае других контракций возникают дифтонгоиды:

jew 'дом', *tauk* 'курица', *taušam* 'заяц',

kuan 'улей' (< *kov-an*), *buaz* 'горло' < *bogaz*, *duak* 'покрывало невесты', *sua-* 'обмазывать глиной', *öge* > *jüvä* 'неродной'.

Основные междиалектные различия в области гласных фонем сводятся к следующему.

В южном диалекте, ярким представителем которого является говор Вулканешты (см. Тукан 1965), при той же структуре фонологической системы, что в центральном диалекте (на котором основан литературный язык), открытый аллофон фонемы *e* дробится фонетически на менее открытый, чем в центральном (обозначается не *ä*, а *ɛ*), представленный в конечных слогах, и *ä*, представленный в безударных внутренних слогах. Примеры соответствий: вулк. *чингенɛ* 'цыган' — центр. *чингенä*, вулк. *бирдɛн* 'сразу' — центр. *бирдän*, вулк. *гӱннäри* 'дни' — центр. *гӱннери*. В личных местоимениях ед. ч. употребляется *e*: *бен, сен*. В говоре с. Раковски (Гунчева1978), сев.-вост. Болгария, аллофоны *e* находятся в свободном распределении.

Кроме того, в Вулканешты отмечается тенденция к сужению предударных *o, ö, e*: вулк. *буба* 'отец' — центр. *боба*, вулк. *гӱзɛл* 'красивый' — центр. *гӧзäл*, вулк. *чипич* 'ботинок' — центр. *чепич*.

[11] Процессы на стыках с аффиксами дают другие результаты и, строго говоря, относятся к морфонологическим.

Явлений депалатализации огубленных и подъема средних огубленных до верхних, как будто, не отмечено.

Палатализация задних гласных в соседстве с *ǯ*: (Doerfer Gag. 265) *alyǯi* 'купец', *syǯàk* 'горячий', *jolǯù* 'путник' при *balykčy, domuzču*. По Покровской, в литературном гагаузском, а также в Раковски (Гунчева1978, 75) палатализация отмечена в соседстве с согласными *ǯ, č, š, j*. Она не влияет на морфонологический статус гласного, оставляя задний сингармонизм: *alaǯeklar, almajinys*. Судя по примерам Покровской, *ǯ* палатализует любой гласный (*alaǯek, ǯivyrlyga, čoǯük*), *č, j* — палатализуют только *y* (*ačik, almajinys*).

Огубление негубных гласных в соседстве с губными согласными — спорадически, как и в турецких диалектах: *boba* (Раковски *buba*) 'отец' и под.

Сингармонизм и гласные непервого слога

Нёбная гармония проходит в гагаузском последовательно. С нарушениями фонетического сингармонизма мы сталкиваемся, когда его перекрывает процесс позиционной палатализации гласных. Кроме приведенных выше примеров, интересен случай аффикса настоящего времени *-jer*: во-первых, передний гласный в нем — следствие палатализации (< **jor-*, в диалекте Варны *bakijo* 'он смотрит'), и он не подчиняется небной гармонии: *ater* 'бросает', во-вторых, он наводит на следующие аффиксы заднерядность: *vererlar* 'они дают'.

Лабиальная гармония последовательно воздействует на узкие гласные непервого слога. Нарушения наблюдаются, как и в литературном турецком, только в синхронно неразложимых основах со вторым губным согласным. Просмотр таких случаев по словарю дал следующие результаты. Нарушения губной гармонии происходят только в заднерядных словах, в структурах с первым широким гласным. Представлены такие структуры с центральным губным согласным и вторым узким гласным:

C*apy*, кроме *kapu* 'дверь' (< **kapug*);

C*amy*, кроме *jamuk/jamyk* 'кривой' (< **jamuk*), *čamur* 'грязь' (< **čamur*);

C*abu*: *kabuz* 'колит', *kabuk* 'кора', *kabul* 'принятие', *tabun* 'косяк рыбы', *čabuk* 'быстрый' (все с исторически обусловленным *u*);

C*awu* (в том числе с историческим *y*): *awut-* 'обманывать', *awuč* 'горсть', *kawuš-* 'заходить (о солнце)'.

Таким образом, здесь, как и в турецком литературном языке, необусловленный гармонией огубленный гласный непервого слога сохраняется как реликт, кроме структуры C*awu*, где он возникает заново под влиянием *w*.

Огузский диалект крымскотатарского

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

Во всяком случае, в части крымско-османских говоров различие *e* и *ä* фонологично. В записях Дмитриева, обследованных Дёрфером (Doerfer Kr.

274), только *ä* выступает в непервом слоге, в первом слоге различие *e* и *ä* обусловлено исторически, хотя имеются небольшие сбои (спорадически *e* вместо *ä*). Примеры: *sävärim, g'ändisi, däg'ilsin, yäšil // deg'äniŋ, etüp, k'etär, belinä, verir, beš, g'ecäsi*. Ситуация, в общем, совпадает с отмечаемой для турецких диалектов.

Спорадически возникает контракционная долгота: *dīl* 'нет'.

Отмечается сильная депалатализация губных гласных переднего ряда в начале слова и в первом слоге после губных и заднеязычных. Примеры: *güzäl, kòś, òlmäs, bùlbùl.*

Во втором слоге спорадически сохраняются архаические (как в староосманском) отклонения от губной гармонии: *qoydy, gördi, ogly/una* 'его сыну', *olmyš* и *alup, dämäktür, däyü/i, altun/yn* (Doerfer Kr.).

Урумский

Это, собственно говоря, один из поддиалектов крымскотатарского огузского, но поскольку его принято описывать как самостоятельную единицу, мы считаем целесообразным рассмотреть его специфику.

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	(ä)	*a*	

Что касается *ä,* Муратов (Муратов 1997) считает его отдельной фонемой, но не приводит подтверждающего материала. Во всяком случае, в говоре с. Прасковеевка (Тенишев 1973) это спорадический позиционный вариант *e* в соседстве с сонантами (*r, l, n, nd*): *sändän* 'от тебя', *jiladi* 'сделал', *ičindä* 'внутри'. В речи донецких урумов (Муратов) он, видимо, характерен еще и для конечного открытого слога.

По описанию Б.Подольского (Podolsky 1985), широкий вариант вообще отсутствует.

Подольский отмечает наличие контракционного долгого *a* (*basmā* < *basmaga* 'давить').

В говоре с. Прасковеевка, по-видимому, отсутствует фонема *y*: в палатальном контексте она переходит в *i*: *ajirdi* 'отделил' (второе *i* – результат гармонии), а в прочих контекстах – в *u*: *kuz* 'девушка', *kuzum* 'моя дочь', *Ardasa-nun* 'Ардасы' (род. пад.). В представленных аффиксах *u* можно считать первичным (см. выше о турецком), но для корня это явно результат фонологической унификации. Ср. также *ver-ur-um* 'буду выдавать' (плюс известное в турецких диалектах явление депалатализации огубленных, которое встречается и в материале Подольского: *kördum* 'я видел').

В Прасковеевке же отмечается позиционное удлинение широкого гласного в открытом слоге перед узким (ср. выше о гагаузском): *bēni* 'меня', *älindä* 'на руках'.

У Подольского *ev* > *öj* в некоторых деревнях: *söjmede* = *sevmede* (Podolsky 1985, 60).

Афшарский

i (ī)		*u (ū)*
e (ē)	*ə*	*o*
	à â	

Как отмечает Лигети (Ligeti 1957), открытая *e*-образная фонема имеет в афшарском довольно заднюю реализацию. Распределение *à* и *e*, насколько можно понять из материала Лигети, является обусловленным исторически, ср. *àl* 'рука', *čàk-* 'тащить', *gàl-* 'приходить' vs *eššàk* 'осел', *ešit-* 'слушать', *get-* 'уходить', причем не по праогузским, а по азербайджанским правилам (см. ниже).

Кроме того, Лигети отмечает два варианта *e* закрытого – *e u e:*, по его мнению, свободные: у одного и того же носителя, в одном и том же слове могут встретиться оба варианта. При этом случаи, в которых Лигети отмечает долготу, соответствуют огузской или общетюркской долготе: *vēr-* (сал., як.), *gēžà,* но ср. *get-* (старый дифтонг, везде краткость, но огуз. озвончение, чув. *kajt-*). В *e* закрытое переходит также, теряя огубленность, старое *ö*, и здесь также присутствует долгий вариант (или только он и представлен), причем здесь старых различий по долготе/краткости не отражается: *ēl-* 'умирать', *dēg-* 'бить', *sēz* 'слово', *tēk-* 'лить, сыпать' vs *gĕk* 'зеленый', *gĕl* 'озеро', *kējnàk* 'рубашка'.

Долготы на других гласных: для *a* противопоставление не зафиксировано, единственный вариант (исторически соответствующий и краткому, и долгому) Лигети считает долгим, записывает как персидский долгий – закрытый. Ср. первично краткие: *jâxčə* 'хороший', *qâpə* 'дверь', *jâgoš* 'дождь', *sâglog* 'здоровье', *âč-* 'открывать', *dâra-* 'расчесывать', *bâšuj* 'твоя голова', vs первично долгие: *jâšəl* 'зеленый', *qâgoz* 'бумага', *sârə* 'желтый', *dâš* 'камень', *qâl-* 'оставаться', *âž-* 'быть голодным'.

Для *o* противопоставление не зафиксировано: *qoxə* 'запах', *toxə-* 'ткать' – оба первично краткие.

Для *u* противопоставление зафиксировано маргинально: *susəz* 'безводный' vs *dūz* 'соль' (действительно совпадает со старой долготой-краткостью).

Для *ə* противопоставление не зафиксировано: *qərx* 'сорок', *qəč* 'нога', *dərnâg* 'ноготь' – все первично краткие.

Для *i* противопоставление зафиксировано маргинально: *tik-* 'шить', *tikàn* 'колючка' первично краткие vs *dī/iš* 'зуб' первично долгий, ср. неразличение первично долгих и кратких при *i*< **ü*: *gin* 'солнце', *kil* 'пепел', *simàk* 'кость', *gimiš* 'серебро', *diš-* 'падать' vs *sit* 'молоко'.

Уже упоминалась потеря огубленности передними огубленными гласными. Кроме приведенных выше примеров на **ö* > *e,* наблюдается переход **ü* > *i*: *gin* 'солнце', *kil* 'пепел', *simàk* 'кость', *sit* 'молоко', *gimiš* 'серебро', *diš-* 'падать'.

Старое *y* реализуется в основном как *ə* и в первом, и во втором слоге. В

первом слоге зафиксирована палатализация *y > i в (историческом) соседстве с палатальными: *il* 'год', *ilân* 'змея', *išəg* 'свет', *sičân* 'крыса'.

Определенная фонетическая палатализация перед *j* наблюдается и на *a*, впрочем, нефонологическая: *tajâγ* 'палка'.

Трудно по имеющемуся материалу что-то утверждать по развитию сингармонизма. Во всяком случае, засвидетельствовано отсутствие губного сингармонизма, ср. *susəz* 'безводный', *qoxə* 'запах', *toxə-* 'ткать', *u* как соединительный гласный: *bâšuj* 'твоя голова', реликты старого огузского (?) *o* во втором слоге: *jâgoš* 'дождь', *sâglog* 'здоровье', (в заимствовании) *qâgoz* 'бумага'.

Вероятно, изменение системы протекало здесь чуть-чуть в другом порядке, чем в азербайджанском, и довольно близко к сонкорскому (см. ниже), а именно: а) краткие *e* унифицировались по закрытости в открытом варианте; б) долгие *e* тоже унифицировались (поскольку не упоминается о наличии долгого *ā*); в) противопоставление по долготе начинает падать, частично переходя в качественное противопоставление, в частности *e* закрытое рассматривается как автоматически долгое, а *i* – как автоматически краткое; возможно, падение начинается со среднего ряда (видимо, стоит предположить, что огубленные переднерядные были близки к среднему ряду, подобно кыпчакским системам); г) уже после начала этого процесса происходит разогубление переднерядных огубленных, которое, как и интерпретация заднего *a* как закрытого долгого, может быть связано с влиянием иранских языков; причем, разогубившись, эти фонемы тяготеют к основному варианту: *e* из *ö* – автоматически долгое, *i* из *ü* – автоматически краткое; д) все-таки долгота сохраняется в "иранском" – частичном виде, а *ä* в позициях перед палатальными сужается. Особую интерпретацию *y* можно связывать с особым гласным в пушту ("зваракай").

Азербайджанский

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

В азербайджанском и его диалектах не отмечается фонологическая долгота, хотя как произносительные варианты вторичные долгие фигурируют практически во всех диалектах. Наиболее распространено произношение долгих гласных вместо сочетаний *ow*C ([ōC]), *uw*C ([ūC]), *aγ*C ([āC]).

Развитие дифтонгоидов: *ev* > *ev* 'дом', но в заимствованиях – *dövlät* 'государство'; *āv* > *ov* 'охота', *dovšan* 'заяц', *jovuG* 'близкий', но *tojuG* 'курица' (литер.). В диалектах (точечно) *ev* > *öj*, *öv* 'дом' (например, Карабах *jalav*, *jaloj* (лит. *jalov*), *bänöjšä* (лит. *bänövšä*), Казах *söj-* < *sev-*, Нуха, Куба, Тауз *öj-* < *ev-*). Для южной группы диалектов в качестве характеристики выдвигается развитие **ab* > *av*, а не в *ov*, как в литературном (Гаджиева 1966, 88).

Долгие гласные в диалектах появляются в случае контракции. Однако отмечались и случаи "первичной" долготы. Это: 1) Нуха – сохранение долготы *a* в последовательности *a-ы*: *Gāry* 'старуха', *āry* 'пчела', *sāry* 'желтый', *jāzy* 'письмо', *jāγy* 'враг', *āγy* 'горький', но *jaγy* 'его жир'[12]. Отмечено в Ашмарин 1926. В современном описании (Исламов 1968) это явление отсутствует, отмечены лишь контракционные долготы. 2) Карабах (Hadjibeyli 1933) – *sāry* 'желтый', *gȳz* 'девочка', *jāγydy* 'они – враги', *ō* 'он, тот', в более новом описании не отмечено никаких долгот, кроме контракционных на широких гласных (Агаев 1951).

По виду контракционных долгот азербайджанские диалекты[13] делятся на два типа:

а) контракционная долгота имеется только на широких гласных: Карабах (*dȍl* < **degül*, *dēr* < **dejir*), Тауз; по-видимому, вообще западная диалектная группа;

б) контракционная долгота наблюдается для всех гласных: прочие диалекты, например, Сальян (*dāz* < *dəŋiz*, *dōz* < *doŋuz*, *šȗd* < *šüjüd*), Газах (*čā* < *čaga*, *jā* < *jejä*, *čīd* < *čijid*, *dōr* < *dojur*), Ордубад, Зангелан, Кедабек, Баку, Нуха, Нахичевань, Куба.

Для южных диалектов характерна также система долгих носовых гласных контракционного происхождения. Например, Нахичевань: *aGzã*, *älỹ*, *oGlũ* (2л.ед.ч.); Нуха: *mãt* < *manat*, *sỹtdy* < *synmyšdyr*, *bãz* < *bäniz*, *bẽzin* 'бензин', *ĩsan* < *insan*, *dõz* < *donuz*, *burnũ* 2л.ед.ч., *sürũ* 2л.ед.ч., *sõtdi* < *sönütdi* (Исламов 1968, 13-18).

Для ряда азербайджанских диалектов отмечается наличие сверхкратких узких гласных. По-видимому, во всех случаях это позиционные варианты соответствующих кратких фонем. Зафиксировано два типа таких позиций: а) (Казах) краткие – предударные в структуре узкий-узкий *kĭlim*, *Gўlyx*, *tŭlux*, *pŭtün*, *Gyzўly*, *sürŭjü*; б) (Сальян, Ордубад, Зангелан, Кедабек, Баку, Нуха, Нахичевань, Куба) краткие – узкие предударные *kĭšy*, *Gўfyl*, *ŭšaG*, *özŭmüz*. В Таузе позиция сокращения неясна, в Карабахе сверхкраткие не зафиксированы.

В азербайджанском литературном языке рефлексы старого противопоставления широкого и узкого *e* следующие: рефлексы кратких *e*-образных звуков не различают старой закрытости/открытости; закрытое и открытое *e* распределены вторичным позиционным образом, а именно: после *j-*, перед шипящими (*š*, *č*) и общеогузским *j* (но не перед собственно азербайджанским, из огуз. **g*) и *v* имеется закрытый рефлекс, в прочих случаях открытый: *äl* 'рука', *äj* 'гнуть', *gej-* 'одеваться', *jer* 'земля', *čečäk* 'цветок', ср. 'поворачивать': тур. *evir-*, эрз. *äwür-*, аз. *evir-*, туркм. *övür-*, чув. *avər-* (эрзерумский диалект не сужает!). Рефлексы долгих **ä* и **e* в азербайджанском различают огузскую открытость/закрытость: это аз. *ə* (> *e* в тех же позициях, что рефлекс краткого): *ər* 'муж', *käjir-* 'рыгать', *beš* 'пять', *geniš* 'широкий', *ver-*

[12] Именно сохранение, а не возникновение новой долготы, вопреки Fund. 284, ср. наличие минимальной пары.

[13] Далее информация об азербайджанских диалектах приводится по следующим работам: Агаев 1951, Бехбудов 1966, Гамзаев 1960, Джафарзаде 1969, Джафарли 1962, Джафаров 1954, Ибрагимов 1949, Исламов 1968, Мамедов 1958, Рамазанов 1956, Рустэмов 1961, Садыхов 1964, Ширəлиjев 1962, Ширəлиjев 1957, Муган.

'давать'. В непервом слоге в литературном азербайджанском всегда широкий, в том числе в позиции вторичного сужения (*güväč* 'глиняный горшок').

Противопоставление узкого и широкого *e* отмечается во всех диалектах. На первом слоге оно довольно хорошо совпадает с литературным (ср. Баку: *kälmek, ketmek, bešimči*). В диалектах Севера в непервом слоге обычно выступает *e*, ср. Куба – *ürek, inek, älček,* при противопоставлении в первом слоге: *men, sen, kez,ček,* но *jär, vär, gäne* 'новый', *än, äniš, ärkek.* В ряде говоров Нухи отмечен переход *ä* > *e* в любой позиции: *el, et, ekin, ses, demir, kesex, čörex* (Исламов 1968, 22-23). Для ряда говоров фиксируется широкий гласный в соответствии с узким литературного языка в фонетической позиции перед *v*: Зангелан *äv, sävki,* Нахичевань *äv, sävki* vs *jekiz, serčä,* Ордубад *äv, sävki.* По-видимому, здесь отражено более старое состояние, до позиционного сужения перед *v*, как в староосманском или турецких диалектах.

Из остальных процессов классификационно существенные: оканье в соседстве с губными и сужение широких огубленных первого слога – вост. группа *boba* 'отец', *popaG* 'шапка', *udun* 'дрова', переход структур *i-y* (полученных вследствие вторичной палатализации первого гласного) в *y-y* – зап. группа (*yšyg* 'свет', литер. *išyg* < *jyšyg*).

Вероятно, изменение системы от пратюркского состояния к представленному в азербайджанском в настоящее время протекало в таком порядке: а) краткие *e* унифицировались по закрытости в открытом варианте (а долгие не унифицировались); б) противопоставление по долготе стирается, при сохранении качественного противопоставления между двумя *e*-образными звуками; в) происходит позиционное сужение *ä* перед палатальными; г) *g* в интервокале переднего ряда дает *j*.

Сингармонизм и реликты старых огубленных второго слога

Правило гармонии – такое же как синхронное турецкое, хорошо сформулировано в статье Дёрфера и Джафероглу (Caf.-Doerf.):

1) задний первого слога требует заднего следующего слога, передний первого слога требует переднего следующего слога;

2) старый огубленный и старый неогубленный непервого слога унифицированы и подчиняются губной гармонии;

3) *o, ö* бывают только в первом слоге.

Вторичная палатализация (не влияющая на сингармоническую характеристику гласного): *ilan* < **jylan, iraG* < **jyraq.*

Вторичная веляризация в суффиксах, которые принимают устойчиво заднюю форму при наличии гуттурального в их составе, характерна для южных диалектов: *gälmax* 'приходить'.

Как будто бы, в диалектах Персии сингармоническое преобразование непервого узкого гласного по огубленности находится в состоянии становления. У Шапшала отмечено неразличение огубленных и неогубленных узких гласных в непервом слоге (Caf.-Doerf. 285) при тенденции сохранения праогузского различения. Интересно разогубление гласного в показателе 3 л.

континуального презенса: *budy* < *bola turur* и под. – по аналогии с 3 л. аориста на *-dï*? В восточной группе огубленность этого показателя сохраняется.

Северо-восточные диалекты как будто сохраняют различение непервых лабиализованных и нелабиализованных: *guzy* 'ягненок', *gašdun* 'ты бежал' (Баку, Куба, Мугань, Ленкорань, Ордубад, Тебриз, Сальяны), в карабахских диалектах и в литературном языке различение не сохраняется.

В западных говорах губная гармония распространяется на широкие гласные непервых слогов (см. Азизов 1974, 19: Казах, Тауз, Борчалинский, Кедабекский, Имишлинский и др. районы *olor, körör, duror, üzör*).

В диалектах восточной группы (Баку, Шемаха) встречается широкий огубленный непервого слога из узкого (*aton* 'твой отец', *olop* 'стал'); в западной (Карабах) – из широкого (*köpöj-oglu* 'собачий сын').

Кашкайский и айналлу[14]

Эти системы, обычно сближаемые с азербайджанскими, демонстрируют в области вокализма явные сходства с азербайджанским, ср. противопоставление широкого и узкого *e*: айналлу *äl, čäk-, gäl-* vs *bēr-/vēr-, ged-/git-, išit-,* вторичное сужение *geš-* (но ср. расширение *be-gäžä*); кашкайский *be-gežä*; развитие *jy* > *i*: айналлу *il* 'год'; развитие дифтонгоидов: айналлу *öv* 'дом', *dövä* 'верблюд', *tōx* 'курица'. С другой стороны, как будто в них наблюдается сохранение первичных долгот: кашкайский *dīš, dūz, ā̄j, qā̄l-, īt*; айналлу *qāl-, dūz, vār, čōx.*

Сонкорский[15]

Эту систему Дёрфер относит по лингвистическим признакам к азербайджанским диалектам Ирана. Однако, даже при крайне малом доступном материале, такая классификация, что касается вокалической системы, все же может быть подвергнута сомнению.

Краткие

i *ü* *u*

ä *a*

Долгие

i *u*

a

Долгота сохраняется спорадически, ср.: первично краткие *Guš* 'птица', *gus* 'глаз', *gut* 'зад' – первично долгие *dūθ* 'соль', *āD/ṛ* 'имя', *tūθ* 'пыль', но первично долгие *Gaš* 'бровь', *daš* 'камень', *guväj* 'пуп', *davan* 'пятка', *div* 'дно', *qiθ* 'дочь' и первично краткий *īl* 'год'.

[14] Материал почерпнут из Caf.-Doerf. и Ligeti 1957.

[15] См. Поцелуевский СЯ.

Существенно, что долгий *e*-образный звук общеогузского дает *i* долгое независимо от открытости/закрытости: *äl* 'рука' – *īr* 'человек, муж'.

Итак, явно количественное противопоставление переходит в качественное, причем под иранским влиянием.

Порядок процессов здесь совсем не азербайджанский: а) *e*-образные гласные унифицировались по закрытости, краткие в открытом варианте, долгие в закрытом, б) противопоставление по долготе начинает стираться, кореллируя с качеством: *i* автоматически краткий, *e* автоматически долгий, задний ряд колеблется; в) *ӣ* совпало с *i*, г) на систему накладывается персидская фонология – устраняется средний подъем и *e* становится *i* долгим. Скорее мы видим здесь развитие, подобное одному из типов туркменских диалектов (см. ниже).

Сохраняется *u* неперв ого слога: *taptux* 'мы нашли', *jaGlu* 'жирный', *arux* 'худой' (но ср. *Gatux* 'кислое молоко' при МК *qatyq*).

Туркменский

Краткие

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
		a	

Долгие

i	*ü*	*y*	*u*
	ö		*o*
	ä	*a*	

В туркменском языке сохраняется первичная огузская долгота, фонетически развивающаяся на гласных верхнего подъема в дифтонгические сочетания, таким образом, совпадающая с вторично возникающими дифтонгами (*uv, üv, yj, ij*).

Примеры минимальных пар на первичную долготу-краткость:

at 'лошадь' – *āt* 'имя', *ot* 'трава' – *ōt* 'огонь', *öl* 'умри' – *ӧ̄l* 'мокрый', *gurt* 'сушеный творог' – *gūrt* 'волк', *düš* 'падай' – *dӱ̄š* 'сон', *gyz* 'нагревайся' – *gӯz* 'девочка', *bil* 'знай' – *bīl* 'талия'.

Особого рассмотрения требуют фонемы краткая *e* и долгая *ā*. Строго говоря, в современном туркменском литературном языке обе эти фонемы имеют собственные пары по долготе, ограниченного употребления. Краткий *ä* употребляется в заимствованиях и в двух основах тюркского происхождения, но с нестандартным развитием: *äkel-* 'приносить' (< **alyp kel-*) и *äkit-* 'уносить' (< **alyp kit-*). Долгий *ē* встречается в двух словоформах, также возникших вследствие стяжения: *bēr* 'возможно, он дает' и *gēr* 'возможно, он придет'. Будучи маргинальными, обе этих фонемы не включаются обычно в фонологическую систему, их можно рассматривать как парные по долготе *e* и *ӓ̄* (см. Дмитриев ДГТ 185).

Фонетической позицией в слове ограничены гласные *ō, ӧ̄* (только первый слог), *ī, ӯ* (не встречаются в конечном открытом слоге).

Вторичные долготы практически не встречаются внутри самостоятельного корня/основы (обычно приводимое *dӱ̄n* 'вчера' – скорее, не просто контракция **tü-gün*, а результат аналогического развития, *dāl* 'не тот' – служебное слово), а возникают на границе корня и аффикса/двух аффиксов. Не ясно происхождение ряда долгот непервого слога, которые не объясняются контракцией. Во всяком случае, возведение их к пратюркскому состоянию не поддерживается данными других языков. Вот примеры таких случаев: суфф. прилагательного *-rāk*, суфф. презентного причастия *-jān*, модальный суфф. *-āj*, презентный суфф. *-jār*, суфф. деепричастия *-kā*, суфф. отрицательной формы деепричастия *-mān*. Похоже, что часть аффиксальных удлинений объясняется синхронным морфонологическим правилом: неконечный гласный аффиксального открытого слога должен быть долгим (правило напоминает халхасское – неприкрытый гласный аффиксального слога должен быть долгим, см. Крылов 2002, 66-67).

Сверхкраткие: позиционные аллофоны кратких *i, y* между некоторыми типами согласных (но, в отличие от азербайджанского, вне зависимости от места ударения): *bĭlim* 'знание', *sĭz* 'вы', *berĭŋ* 'давайте', *gўzyl* 'красный', *dūrўn* 'я стою', *gўt* 'редкий'.

Развитие дифтонгоидов: **ev* > *öj* 'дом', **āv* > *āv* 'охота' (долгий!), но ср. *tovšan* 'заяц' (**-av-* краткий!).

В диалектах туркменского языка[16] выделяются следующие типы вокалических систем:

17-фонемные: текинский, гёкленский, алили, юго-зап. йомудский (в этих системах есть закрытый *ē*, ср.: *sēv-mek*, но *дий-* гёкленск. Кульманов 1960, 32).

16-фонемные: салырский, сарыкский, эрсаринский, олам, сакар, човдур, сев. йомудский, сев. эрсаринский, все они сохраняют основные особенности литературной системы.

Салырский, сакарский, текинский диалекты при этом демонстрируют вторичные долготы из стяжений и вторичные удлинения неясного происхождения.

15-фонемные (в этих системах нет *ӱ̄*, ему соответствует дифтонг *üj*): сурхский, хатапский (*tüjsli, tüjdü-* – ТДП 179), эсгийский и некоторые другие.

12-фонемные: кюрюждейский говор нохурского диалекта:

Краткие

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

[16] Далее информация о туркменских диалектах приводится по следующим работам: Амансарыев 1970, Аннануров и др. 1972, Аразкулиев 1962, Атаджанов 1959, Атамэдов 1964, Байрамдурдыев 1965, Кульманов 1960, Машаков 1949, Менглиева 1964, Нартыев 1959, Сапарова 1970.

Долгие

i		*u*
	a	

11-фонемные: с долгими *a* и *e* (чегес, чандыр, кырач) либо *a* и *o* (анау – Маныш) – все с различением кратких *e* и *ä*.

9-фонемные – нохур, мукры, без долгих, с различением кратких *e* и *ä*.

Заслуживает более подробного рассмотрения система диалекта нохур. Вот примеры на характеризующие ее фонетические явления (ТДП 145-151).

Сокращения первичных долгот: *var, jox.*

Употребление *e*-образных звуков:

Исходно краткие: широкие *ekän, gälämiš, män* vs узкие *jerik, ješi, ježäx, teŋgä, eššek, jeŋki.* Узкие, по-видимому, вторично рядом с палатальными.

Исходно долгие: только узкие *dep, dejlä-, ber-, jerdän, ver, jetip-, jejmiš* < *ē* // *neri, beš,* < *ā* . Итак, в узкий сокращаются старые узкие и широкие долгие.

Диалект хасарли представляет, как будто, 18-фонемную вокалическую систему. Он дифференцирует узкий и широкий краткие, причем узкий краткий – сокращение узкого долгого, ср. (Сапарова 1970, 7) *bel* 'талия', литер. *bīl, get-di* 'он ушел', литер. *gitdi,* при *äl* 'рука', *män, sän* (при сохранении долготы: *nämä, bēš*). Позиции сокращений неясны (как и в литературном языке).

По-видимому, можно полагать, что все диалектные вокалические системы производны от "общетуркменской":

Краткие

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
		a	

Долгие

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

На наличие старого долгого *e* закрытого указывают как результат сокращений в туркменском литературном языке (см. ниже: *ber-*, а не *bir-*, как было бы, если бы в пратуркменском эта фонема уже совпала с *i* долгим; ср., однако, *git-* дифтонгического происхождения), так и материал диалектов. Эта прасистема по структуре совпадает с системой 17-фонемных диалектов, которая получена из прасистемы после сокращения ряда долгот и затем частичного совпадения *e* долгого с *i* долгим, но при сохранении его в сочетании *ev*. Литературная система (и другие 16-фонемные) получены из этой системы в результате развития *ev* > *öj*, после чего *e* долгое исчезает из фонологической системы. 15-фонемная система производна от последней в результате интерпретации долгого *ü* как дифтонга *üj*.

Другая ветвь развития туркменских диалектных систем приводит к появлению систем с дифференциацией кратких *e* и *ä*. Прежде всего, в них прасистема кратких проинтерпретирована через недифференцированно широкий *ä* (как в системе, исходной для азербайджанского):

i	*ü*	*y*	*u*
	ö		*o*
	ä	*a*	

Когда проходят сокращения общетуркменского характера, в этой системе появляется узкий *e* краткий из узкого *e* долгого, откуда и возникает система хасарли. По-видимому, то же происходит в большинстве хорасанско-тюркских говоров (см. Поцелуевский ХЯ 477).

Другие системы этой ветви претерпевают, по-видимому, сначала сокращения системы долгих гласных (в частности, в системе, к которой восходит нохурская, долгие широкий и узкий *e* совпали в долгом узком), затем – либо более существенное сокращение долгот и вторичное сужение *ä* азербайджанского типа (результат – нохурская система), либо совпадение долгого узкого *e* с долгим *i* (результатом может быть сонкорская система).

Сингармонизм и гласные непервого слога

Палатальный сингармонизм проходит полностью (кроме клитик, композитов и заимствований).

Губная гармония, по данным ТДОС, проходит полностью, т.е. огубленный и неогубленный гласные непервого слога полностью нейтрализуются (*gördü* 'он видел', *tamy* 'ад'). В отличие от рассмотренных выше огузских языков, гармонии подчиняются и широкие гласные непервых слогов (*sülö* 'овёс', *ördöklör* 'утки'), хотя их огубление на письме не отражается. Независимо от наличия в первом слоге губного гласного на непервые слоги действует правило губной ассимиляции при наличии *v*; ассимилированный огубленный гласный наводит губную гармонию на следующие слоги: *gijöv* 'зять', *gijövlömök* 'навещать жену у ее родителей', *čövür-* 'выворачивать', *suvuk* 'жидкий', *süvül-* 'вытягиваться', *ovuč* 'горсть', *tovuk* 'курица'. Это огубление за пределами основы также не отражается на письме.

Боджнурди [17]

Это один из западных хорасанско-тюркских диалектов. Долгие в вокалической системе отсутствуют. Если исключить очевидные фонетические варианты, система выглядит как:

i		*y*	*u*
e	*(ö)*		*o*
	ä	*a*	

[17] См. Поцелуевский БЯ.

Употребление *e*-образных звуков: исходно краткие *män, sän, säkkiz, älli,* но *jeddi* (сужение в соседстве с *j*?); исходно долгие сократившиеся *nämä* (<**nämä), ner* (< **nēre*? Ср. туркм. *nīre*), *beš* (<**bäis,* туркм. *bäš), je-* (<**jäi-,* туркм. *ij-/je-*), *ber-* (< **bēr-,* туркм. *ber-,* аз. *ver-).* Такую рефлексацию можно объяснять наложением вторичного позиционного сужения (в соседстве с палатальными согласными) на результат сокращения долгот при сохранении открытости/закрытости. Устранение переднерядных огубленных: *ez* 'сам', *sez* 'слово', *ič* 'три', *sit* 'молоко'.

Таким образом, происхождение этой системы, по-видимому, обусловлено следующей последовательностью правил: а) в исходной системе различались узкий и широкий долгие *e*-образные звуки; в системе кратких гласных единственный *e* был широким; б) при сокращении долгот широкий сокращается в широкий, узкий в узкий, затем историческое распределение сбивается сужением по правилу азербайджанского типа; в) разогубление передних лабиализованных (еще не полностью прошедшее), причем *ö* интерпретируется как узкий *e*. Это не "туркменская" система с различением широкого и узкого, она ближе к азербайджанской.

Сингармонизм и гласные неперво́го слога

Разрушается гармония по ряду, переднерядные варианты аффиксов вытесняют задние. Губная гармония отсутствует, причем выбирается всегда негубной вариант неперво́го гласного (1 Pl. *-dij, dokkyz* и под.), что свидетельствует о том, что разрушение прошло после установления губной гармонии, по крайней мере, на узких гласных.

Хорезмские говоры узбекского[18]

Краткие

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

Долгие

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

Долгий *y* фонетически – дифтонгоид (*yj*). В описании отмечены также сверхкраткие *ъ* и *ь* (на месте узких *u* и *i* в не вполне ясных – по-видимому, в зависимости от консонантного окружения – позициях).

Первичная долгота сохраняется по туркменскому типу. Примеры первично долгих: *dīš* 'зуб', *dūz* 'соль', *dūš* 'сон', *qyjz* 'девушка', *ōt* 'желчь', *ōt* 'огонь', *āt* 'имя'.

Отмечены вторичные контракционные долготы: *tūq* 'курица', *dūmä* 'пуговица' и на стыках с аффиксами: *mā* 'мне'.

[18] См. Абдуллаев 1961.

Развитие противопоставления узкого и широкого *e*: на долгих противопоставление сохраняется, ср. *ēr* 'рано', *dāl'* 'сумасшедший'. На кратких, по-видимому, проходит позиционное сужение при палатальных (не новых, как и в аз.!) согласных: *äl* 'рука', *äjri* 'кривой', *ge/äčči* 'коза', *jer* 'земля', в том числе при сокращенной долготе (без различения открытости-закрытости на долгих): *beš* 'пять', *vär-* 'брать'.

Таким образом, по-видимому, развитие этой системы более всего сходно с развитием, приведшим к возникновению 18-фонемных туркменских диалектов.

Сингармонизм

Палатальная гармония ослаблена, по-видимому, под влиянием узбекского языка.

Лабиальная гармония – слабая, для неперво́го слога унифицирован неогубленный (ср. Gen. *sözьŋ*), кроме тех случаев, когда при первом огубленном гласном в непосредственном окружении второго имеется губной согласный: *ovuz, üzüm, ömür, ölüm* (Абдуллаев 1961, 135). Ср. также такие примеры, как *jizük*: результат делабиализации 1-го гласного после прохождения губного сингармонизма (Dobos 1974, 79). Таким образом, мы видим здесь скорее реликтовые остатки губного сингармонизма, чем непродействовавший губной сингармонизм.

Саларский[19]

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	a		

Как видно из описания, фонетические варианты гласных обусловлены в первую очередь консонантным окружением (Тенишев ССЯ 36-40). Фонологических сдвигов при этом консонантное окружение не производит. Наблюдаются сверхкраткие варианты гласных: *ĭ* (*i* в безударном слоге рядом с *s*), *ĕ* (из *i* в конечном открытом слоге, *y* в конечном слоге при наличии палатальных, свободный вариант *ä* < *e*: *ät/et* 'мясо'), *ў* (из *i* в конечном открытом слоге), *ŏ, ŭ, ŏ, ă* (*o, u, ö, a* перед сонантами). Отмечаются также заднерядные оттенки передних огубленных: *ȯ, u̇*. Как вариант отмечается *ę* закрытое; к сожалению, принятая в словаре транскрипция не позволяет установить все его употребления, но два примера в фонетическом разделе (*ęn* 'лицо, наружность', туркм. *äŋ, tę-* 'говорить', аз. *de-,* туркм. *dī-*) свидетельствуют в пользу гипотезы о развитии узкого *e* из долгих *e*-образных звуков.

Что касается огузской долготы, регулярного сохранения первичных долгот в саларском не наблюдается. Вторичная долгота имеет контракционное или заместительное происхождение: *tāš-* 'знакомиться', *čūr-* 'переводить', *pīle* 'этот год', *ēte* 'рано', *kōn* 'объятие'; *kēč* 'ночь'. В частности, отмечено удлине-

[19] См. Тенишев ССЯ.

ние перед узким гласным второго слога: *āgyl* 'аул', *āgyr-* 'болеть'. Эта вторичная долгота имеет тенденцию к сокращению, так что практически каждый приведенный пример имеет вариант с кратким гласным.

За вычетом этого, остается все же несколько случаев, где встречающийся как вариант долгий гласный первого слога может восходить к первичной долготе: *bār* 'имеется', *Gān* 'кровь', *dāg* 'гора', *āt* 'имя', *tōl-* 'наполнять', *bō-* 'быть', *pūtax* 'ветка'.

Варьирование гласных в потоке речи (Тенишев ССЯ 61-67) позволяет выявить тенденции фонетического развития, возможно еще не достигшие фонологических результатов, но весьма показательные. Это тенденция перехода передних лабиализованных в задние: *köm-* >*kom-* 'закапывать', *kün* > *kun* 'день'; смешения гласных верхнего и среднего подъема (*kel-/kil-* 'приходить', *bil-/bel-* 'знать', *on/un* 'десять', *juŋ/joŋ* 'шерсть'), делабиализации лабиализованных верхнего подъема (*tüz* > *tiz* 'ровный', *jultuz* > *jyltyz* 'звезда'). Ср. также дифтонгизацию: *qyz/qyjz* 'девушка'.

Предполагаемое развитие системы вокализма от общеогузского состояния может в общих чертах совпадать с развитием, приведшим к системе нохурского диалекта туркменского языка. В то же время видно, что по ряду отмеченных параметров тип развития саларской системы близок к гагаузскому.

Сингармонизм (Тенишев ССЯ 93-97)

Палатальная гармония ослаблена в пределах основы, ср. депалатализацию гласных в непервом слоге (*čixmyx* 'кремень', *ešku* 'коза'), депалатализацию губных (*k'urex* 'кузнечный мех'), переход *a* > *e* в конечном открытом слоге (*ave* = *avɑ* 'отец'); в аффиксе гармонический вариант выбирается по последнему гласному основы (*ave-ler*, *aze-ni* 'старшую сестру'), причем это также часто нарушается: *et-el-ma-ɣa* 'не может работать', *ankex-ny* 'бесшабашного'. Только старые задние основы, содержащие гуттуральные, имеют вариант (иногда единственный) с увулярным согласным. Что касается губной гармонии, то, во-первых, сохраняются (хотя бы в качестве вариантов) такие десингармонистические архаизмы, как *etüx* 'сапог'; во-вторых, в пределах словоизменительной основы имеются варианты с соблюдением огубления второго узкого и без такового: *oɣul/oɣyl* 'сын', *kuru/kury* 'сухой'. Имеющиеся случаи *o – o* либо заимствования (*mogo* 'гриб'), либо имеют старый губной второго слога (*kozgo* 'зеркало', *toqos* 'девять'). В аффиксах губная гармония только на узких, соблюдается спорадически (*tut-ul-/tut-yl-*), примеры на устойчивую гармонию – с афф. принадлежности 1-2 лица, т.е. со старым губным (*jüzüm* 'мое лицо', *suvuŋ* 'твоя вода'). Как замечает автор (Тенишев ССЯ 96), гармония гласных в саларском языке гораздо слабее обычной огузской и кыпчакской и больше всего сходна с сарыг-югурской.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАОГУЗСКОГО ВОКАЛИЗМА

I. Прежде всего, для такой реконструкции следует специально остановиться на проблеме **e* и **ä* в праогузском и пратюркском.

Детальное изложение истории вопроса см. в Щербак СФ 27-35, СИГТЯ 1984. Наше исследование показывает, что рефлексы краткостных *e*-образных звуков в азербайджанском не различают старой закрытости/открытости; закрытое и открытое *e* распределены вторичным позиционным образом, а именно: после *j-*, перед шипящими (*š, č*) и общеогузскими *j* (но не перед собственно азербайджанским, из огуз. **g*), *v* имеется закрытый рефлекс, в прочих случаях открытый. Таким образом, ситуация в азербайджанском – вторичная по отношению к туркменскому, где рефлексы кратких вообще не различаются. Видимо, именно это привело К. Томсена[20] к идее об отсутствии особого противопоставления по открытости-закрытости и корреляции его с долготой-краткостью гласного (не подтверждающейся, впрочем, за пределами огузского материала). Рефлексы долгих **ä* и **e* в аз. и туркм. различают огузскую открытость/закрытость: это аз. *ä* (> *e* в тех же позициях, что рефлекс краткого), туркм. *ā* vs аз. *e* (независимо от позиции), туркм. *ī*. Сопоставление огузского материала с якутским и чувашским дает следующие ряды соответствий[21].

**ä:* огуз. **e*, якут. *ä*, чув. *a*; халадж. *ä*[22]:

1. дом: эрз. *äv/ev*, аз. *ev*, туркм. *öj*, чув. *av*, халадж. *hävr*; 2. обвивать, окружать: тур. *evir-*, эрз. *äwür-*, аз. *evir-*, туркм. *övür-*, чув. *avăr-*; 3. веять: тур. *es-*, аз. *äs-*, туркм. *övüs-/ös-*, чув. *avăs-* (< **ävs-*), халадж. *häs-*; 4. издавать звуки: тур. *öt-*, аз. *öt-*, туркм. *öt-*, якут. *ät-*, чув. *avăt-* (< *ävt-*); 5. гнуть: тур. *eğ-*, *iğil-*, эрз. *ägil-*, аз. *äj-*, туркм. *eg-*, якут. *iät-* (< **ägt-*), чув. *av-*; 6. плечо: тур. *eğin*, аз. *äjin*, туркм. *egin/în* (< **ejn* < **egn*), якут. *iän* (< **ägn*), чув. *an*; 7. прясть: тур. *eğir-*, эрз. *ägir-*, аз. *äjir-*, туркм. *egir-*, якут. *îr-* (< *ägir-*)[23], чув. *avărla-*, халадж. *häyir-*; 8. сеять, возделывать: тур. *ek-*, эрз. *äk-*, аз. *äk-*, туркм. *ek-*, чув. *ak-*, халадж. *häk-*; 9. старшая сестра: туркм. *ekeǰi*, чув. *aGaj*; 10. просеивать: тур. *ele-*, аз. *älä-*, туркм. *ele-*, чув. *ala-*, халадж. *häylä-*; 11. рука: тур. *el*, эрз. *äl*, аз. *äl*, туркм. *el*, якут. *älii, ilii* (< *älig* < *älg*), чув. *al*, халадж. *älˈ*; 12. пятьдесят: тур. *elli*, эрз. *älli*, аз. *älli*, туркм. *elli*, чув. *alla*, халадж. *älli*; 13. лекарство, колдовство: тур. *em*, туркм. *em*, як. *ämp*, чув. *çam*; 14. мать: аз. *ämä*, чув. *ama*; 15. мать: туркм. *ene*, чув. *aṅne*; 16. болезнь: тур. *emek*, аз. *ämäk* 'труд', туркм. *emgen-*, *emgek*, як. *ämäk*, чув. *amak*, *anka-*; 17. щенок: тур. *enik*, эрз. *äniyh*, аз. *änik*, як. *ö/ünögös* (< *änük*), чув. *ançăk*; 18. якут. *ärginä* 'лестница', чув. *argă* 'подол'; 19. (?) прясть, плести: тур. *iriş*, эрз. *äriş-*, аз. *äriš-*, туркм. *eriš-*, чув. *arla-*; 20. старый: тур. *eski*, эрз. *äsgi, äysi*,

[20] *Thomsen K.* The closed "e" in Turkish // AO XXII 1957, 150-153.

[21] Внутричувашские распределения рефлексов принадлежат О.А. Мудраку; к сожалению, я не могу согласиться с предложенным им же вторичным распределением долготных рефлексов в огузском (см. Мудрак 1994). Излагаемая ниже система соответствий для тюркских языков принадлежит мне и не является общепринятой для Группы алтайского словаря.

[22] Безусловно, в халаджском, вопреки Дёрферу, отсутствует фонематическое противопоставление *e* и *ä*, это варианты (кажется, свободные, а возможно, диалектные - ср. о диалектных различиях в халаджском Doerf. Gr. Ch. 3-4). Старое противопоставление открытого и закрытого *e* при этом отчасти отражается - см. ниже.

[23] В якут. в сочетаниях **-ägi-, *-äli-, *-äri-* стяжение в узкий рефлекс.

аз. *äski*, туркм. *esgi*, якут. *ösük (< äskü)*, чув. *as-lă* 'великий, старший'; 21. мясо: тур. *et*, эрз. *ät*, аз. *ät*, туркм. *et*, як. *ät*, чув. *üt* (огубл. неясна), халадж. *ä̈t*; 22. цветок: аз. *čečäk*, туркм. *čeček*, чув. *çeç*[24]; 23. тащить, взвешивать: эрз. *çäyh-/çäkẹl-*, аз. *čäk-*, туркм. *ček-*, чув. *çak-*, халадж. *čäk-*; 24. забор: чув. *çaDan*, халадж. *čeden*; 25. рыжий: якут. *siär (< jägr)*, чув. **çavăr* (> рус. *саврас*) *(< *jägir)*; 26. темя: аз. *ämkäk*, чув. *çamga*; 27. рукав: аз. *jeŋ*, туркм. *jeŋ*, якут. *siäx*, чув. *çavnă (< jägŋ)*; 28. переходить: эрз. *gẹç-*, аз. *keč-*, туркм. *geč-*, якут. *käs-*, чув. *kaç-*, халадж. *käč-*; 29. тлеть, околеть: эрз. *gäbär-*, аз. *käbär-*, чув. *kavraj-*; 30. коза: эрз. *gẹçi*, аз. *keči*, туркм. *geči*, чув. *kaǰaGa*, халадж. *käčä*; 31. дичь: тур. *gejik*, туркм. *kejik*, чув. *kajăk*; 32. сидеть согнувшись: якут. *käkäj-*, чув. *kakărt-*; 33. (?) говорить: чув. *kala-*; 34. советовать: аз. *gänäš-*, туркм. *geŋeš-*, чув. *kanaç-*; 35. распяливать: аз. *gär-*, туркм. *ger-*, чув. *kar-*; 36. рубить: эрз. *kärt-*, аз. *kärtik*, туркм. *kert-*, якут. *kärt-*, чув. *kart-*; 37. резать: эрз. *käs-*, аз. *käs-*, туркм. *kes-*, якут. *kähää-*, чув. *kas-*, халадж. *käs-*; 38. знак: эрз. *bäl-li*, аз. *bäl-*, туркм. *belgi*, якут. *bäliä*, чув. *palGă*, халадж. *bälgü*; 39. лицо: аз. *bäniz*, туркм. *meŋiz*, чув. **pan (min* румянец из тат.); 40. крепкий: аз. *bärk*, туркм. *berk*, як. *bärt*, чув. *parGa*, халадж. *bäk*; 41. ломать: аз. *pärt-*, туркм. *berti-*, чув. *part* (дескр. о хрусте), халадж. *pärt-lä-*; 42. иней: чув. *pas*; 43. (?) лицо, сторона, близко: аз. *bät*, якут. *bät-*, чув. послелог 'к' *pat* (ср. *pit* < тат.); 44. бугор, возвышение, пьедестал: эрз. *säki*, аз. *säki*, туркм. *seki*, якут. *äγä*, чув. *saGă/savăk*; 45. восемь: эрз. *säggiz*, аз. *säkkiz*, туркм. *sekiz*, якут. *ayyz*, чув. *saGăr*, халадж. *säkkiz*; 46. жирный: аз. *sämiz*, туркм. *semiz*, якут. *ämis*, чув. *samăr*; 47. прибавка: туркм. *sep-li* 'имеющая приданое', якут. *äp-*, чув. *sap-la*; 48. рассыпать: аз. *säp-*, туркм. *sep-*, чув. *sap-*, халадж. *säp-*; 49. расстилать, распространяться: эрз. *sär-*, аз. *sär-*, туркм. *ser-*, чув. *sar-*; 50. звук: эрз. *säs-lä-*, аз. *säs*, туркм. *ses*, чув. *saZă*, халадж. *säs/sas*; 51. развязать: як. *äs-*, чув. *sal-t-*; 52. крутить: эрз. *däy-/g-*, аз. *däg/j-*, туркм. *deg-*, як. *tiär-*, чув. *tavăr-*; 53. до: туркм. *degi*, якут. *diäri*, чув. *tavra*; 54. ровный: аз. *tän*, туркм. *deŋ*, як. *täŋ*, чув. *tan*; 55. шевелиться: эрз. *tärpän-*, аз. *tärpin-*, туркм. *depre-*, чув. *tapran-*; 56. бежать: эрз. *tẹ/äz-*[25], туркм. *tez-*, *tïz*, якут. *tähii*, чув. *tar-*, халадж. *täz-*; 57. война: якут. *särii*, чув. *çar(ă)*; 58. козел: эрз. *täkä* 'трехлетний козленок', аз. *täkä*, туркм. *teke*, чув. *taGa*, халадж. *täkä*; 59. ровный: туркм. *tekïz*, чув. *taGăr*; 60. корыто: эрз. *täyhne*, аз. *täknä*, чув. *taGana*.

К этой же категории могут относиться случаи без чув. рефлекса: 1. быть: тур. *i-*, эрз. *är-*, аз. *i-*, туркм. *e-*, якут. *är-*; 2. (?)Habe, Gut: эрз. *ẹyẹ/i*, туркм. *ejgilik*, якут. *ö/ütüö* (< **äðgü*); 3. (?)воля, мощь: эрз. *ärkh*, аз. *ärk*, туркм. *erk*, якут. *ärčim*, чув. *(irăk* < татар.); 4. (?)подбородок: эрз. *čäŋä*, аз. *čänä-*, якут. *säŋiä*, халадж. *čänä*; 5. (?) чистый: туркм. (?) *čeper* 'искусный художник', якут. *säbär*; 6. (?)одеваться: эрз. *gẹy-/giy-*, тур. *giy-*, аз. *gejimek*, туркм. *gejmek*, якут. *kät-*, халадж. *käd-*; 7. (?)родинка: аз. *bänäk*, туркм. *meŋ*, *meŋek*, як. *mäŋ*; 8. выбирать: аз. *seč-*, туркм. *seč-*, якут. *äs-* 'вытащить сеть'; 9. (?) дыра: аз. *dešik*, туркм. *dešik*, якут. *täs-*; 10. (??) подол: тур. *etek*, эрз. *äteyh*, аз. *ätäk*, туркм. *etek*, халадж. *hätäk*.

Неясно 1. глубокий: аз. *därin*, якут. *diriŋ* (заимствование? Ср. начальный *d-*), чув. *tarăn*; 2. пот: аз. *tär*, туркм. *der*, якут. *tirit-*, чув. *tar*; вторичное сужение в якут.? Вторичное расширение в чув.? Ср. диал. сев.-вост. чув. *tẹr*.

**e:* огуз. **e*, якут. *i*, чув. *i* (перед носовыми и *r* после *ç* > *ĕ*); халадж. *ä* (возможно, *i* перед шипящими):

1. таять: аз. *äri-*, туркм. *ere-*, якут. *ir-*, чув. *irĕl*, халадж. *äri-*; 2. лениться: эрз. *ärin-*, аз. *ärin-*, туркм. *erin-*, *irin-*, якут. *yrän-*, чув. *ürGen (< *er-gün-?)*; 3. отвратительный: чув. *irsĕr- (*др.-уйг. *ärsü-)*; 4. пьяный: эрз. *äsir-*, туркм. *esri*, якут. *itir*, чув. *üsĕr- (< *esür)*; 5. двигаться: эрз. *ẹş-/äş-*, якут. *is-* идти (< **eš-*); 6. слушать: эрз. *ẹšit-*, аз. *ešit-*, туркм. *ešit-*, якут. *ihit-*, чув. *ilt-*, халадж. *išüt-*; 7. давить: аз. *äz-*, туркм. *ez-*, чув. *ir-*, халадж. *äz-*; 8. висок: туркм. *čekge*, чув. *čigĕ;* 9. ветер: аз. *jel*, туркм. *jel*, якут. *silliä*, чув. *çil*, халадж. *je'l*; 10. клей: эрз. *yẹlim*, туркм. *jelim*, як. *silim*, чув. *çilĕm*; 11. вымя: аз. *jelin*, туркм. *jelin*, якут. *silin*, чув. *çilĕ*; 12. разрушать: аз. *jümür-*, туркм. *jemir-*, чув. *çĕmĕr-*; 13. победить: эрз. *yẹ/äŋ-*, аз. *jeŋ-*, туркм. *jeŋ-*, чув. *çĕn-*, халадж. *jäŋg*; 14. легкий: эрз. *yeŋül-lüyh*, аз. *jüngül*, туркм. *jeŋil*, чув. *çămăl (< *jünkül)*, (халадж. *jiŋgil* из аз.); 15. достигать: эрз. *jẹtiş-*, аз. *jetiš-*, туркм. *jet-*, якут. *siter-*, чув. *çit-*; 16. место: эрз. *yẹr*, аз. *jer*, туркм. *jer*, якут. *sir*, чув. *çĕr*, халадж. *jer*; 17. невестка: аз. *gälin*, туркм. *gelïn*, якут. *kijï-t*, чув. *kin*, халадж. *kälïn*; 18. глодать: аз. *gämir-*, туркм. *gemir-*, якут. *kö/ümül-*, чув. *kimĕr-*; 19. бек: аз. *bäj*, туркм. *beg*, якут. *bi*, чув. *pü (< piv)*, халадж. *bäg*; 20. достигать: эрз. *däy-*, аз. *däj-*, туркм. *deg-*, як. *tii-*, чув. *tiv-*, халадж. *täj-*; 21. железо: эрз. *dämi/ür*, аз. *dämir*, туркм. *demir*, як. *timir*, чув. *timĕr*, халадж. *tämir*; 22. дерево: эрз. *täräyh* 'полка', туркм. *derek*, якут. *tiräx*, чув. *tirek*, (халадж. *dirräk*); 23. кожа: аз. *däri*, туркм. *deri*, якут. *tirii*, чув. *tir(ĕ)*, халадж. *täri* .

**ǟ:* огуз. **ǟ*, якут. *(i)ä*, чув. *a*, халадж. *ǟ*[26]:

1. торопиться: эрз. *ẹv-*, тур. *iv-*, туркм. *äv-*, чув. *avăk* 'быстро'; 2. присматривать: туркм. *äŋet-*, якут. *äŋäj-*; 3. же (усилит. частица): туркм. *äpet*, якут. *äbit-*; 4. муж: эрз. *är*, аз. *är*, туркм. *är*, якут. *är*, чув. *ar*, халадж. *här*; 5. память: аз. *äksi (< äski)*, туркм. *äs-ger-*, *eset-*, якут. *iäs*, чув. *as*; 6. сапог: туркм. *ädik*, як. *ätärbäs*, чув. *aDă*; 7. рысь: аз. *jel-li*, *jel-bä*, туркм. *jel-k-*, якут. *siäl*; 8. жевать, жвачка: аз. *göjüš*, туркм. *gävüš-*, якут. *käbin-*, чув. *kavle-*, халадж. *käviš-*; 9. ненавидеть, ругать: туркм. *käje-*, якут. *kägä-*; 10. рыгать: аз. *käjir-*, туркм. *gägir-*, якут. *kägärt-*, чув. *kagər-*, халадж. *gägür-*; 11. изображение: туркм. *gäp*, якут. *kiäp*, чув. *kap*; 12. надуваться (о животе): тур. *gebe* 'беременная', аз. *gäbiz* 'запор', туркм. *gäbe* 'надутый; волчица в период течки', якут. *kiäbir-*, чув. *kaBar* 'прожорливый'; 13. зазубривать: туркм. *gät-*, чув. *kat-* 'откалывать', халадж. *kätük* 'зазубрина'. Сюда же 14. лопата: аз. *kätmän*, туркм. *gätmen*, чув. *katmak*; 15. seit: эрз. *bäri*, аз. *bäri*, туркм. *bäri*, халадж. *bärä*; 16. топтать: аз. *däb-*, туркм. *däb-še-*, чув. *tap-*; 17. любить: эрз. *sävin-*, аз. *sev-*, туркм. *söj-*, якут. *iäj-*, чув. *sav-*, халадж.

[24] В чув. *-a-* между мягкими > *-e-*.

[25] Под влиянием заимств. из перс. *tez* (<*tiz*) 'быстрый'.

[26] В ряде случаев в туркменском, якутском и халаджском имеет место сокращение первичной долготы; позиции такого сокращения пока до конца не определены. Ср. практически регулярное сокращение долгот перед некоторыми суффиксами в якутском.

säv-; 18. челюсть: аз. *äŋ*, туркм. *äŋ*, якут. *iŋ*, чув. *ana* (якут. рефлекс неясен).

**ē:* огуз. **ē*, як. *iä*, чув. *a*, халадж. *ie*, при начальном *h- ä*:

1. ширина: аз. *en*, туркм. *in*, якут. *iän*, чув. *an*, халадж. *hän*; 2. спускаться: аз. *en-*, туркм. *in-*, якут. *äniä* 'склон', чув. *an-*, халадж. *ien-*; 3. подарок, приданое: туркм. *inǰi*, якут. *ännjä*; 4. копать: эрз. *ä/ęṣ-*, аз. *eš-*, туркм. диал. *ijšgek* 'весло', як. *äs-/is-*, чув. *alt-*, халадж. *häšü-*; 5. вход: аз. *ešik*, туркм. *išik*, чув. *alək*, халадж. *iešik*; 6. делать: эрз. *ęt-*, аз. *et-*, туркм. *et-*, Pass. *edil-* (озвончение указывает на старую долготу), чув. *at-*; 7. (?) плечо: аз. *čijin (<*čegn)*, туркм. *čigin*, чув. *śan*; 8. вести: эрз. *yęt-*, аз. *jet-*, туркм. *it-* (< *ejt-*< *egt-*), якут. *siät-*, чув. *çavət-*; 9. поздно: аз. *geǰä*, туркм. *giǰe*, якут. *kiähä*, чув. *kaç*, халадж. *kiečä*; 10. широкий: эрз. *gęniš*, аз. *geniš*, туркм. *giŋ*, якут. *kiäŋ*, халадж. *kien*; 11. дать: эрз. *vęr-*, аз. *ver-*, туркм. *ber-*, якут. *biär-*, чув. *par-*, халадж. *vier-*; 12. говорить: эрз. *dę-*, аз. *de-*, туркм. *dij-*, якут. *diä-*, чув. *te-*; 13. волокно, проволока: эрз. *tęl*, аз. *tel*, туркм. *til* (с сокращением?), чув. *tal*; 14. собирать: аз. *där-/der-*, туркм. *tir-*, якут. *tärij-*[27].

В небольшом количестве примеров, дающих для общеогузского и узкие, и широкие, и краткостные рефлексы, в якутском и чувашском колебания узких и широких, в чувашском в инициальной позиции обычно отмечаются сочетания с *j-*. Здесь, по-видимому, следует предполагать в пратюркском дифтонгические сочетания *e*-образного гласного с *j*-образным элементом серединного кластера. В этом случае рассмотренные фонемы модифицируются следующим образом: в огуз. языках *j*-образный элемент бесследно исчезает (может быть, в некоторых случаях отражаясь в геминации срединного согласного); в якутском на него реагирует лишь **ē* (закрытое долгое), а именно **ēi* > *i*, в прочих случаях он бесследно исчезает. В чув. **äj*, **äj*, **ej*, **ēj* >**ej* > *i*; в неприкрытом слоге (в позиции не перед *r*) дифтонг, по-видимому, превращался в восходящий (ср. такое поведение у других гласных – Мудрак 1994), судя по имеющимся примерам переходов **äj* > **ej* >**ji* >*jĕ* и **ēj* > **jĕ* >*ja*. Таким образом, мы имеем следующие ряды соответствий:

**äi:* огуз. **e*, якут. *ä*, чув. *-i-/jĕ-*, *i-*; халадж. *ä*:

1. дубить: аз. *ej-*, туркм. *ej-*, якут. *ätirik* 'скобель для обработки кожи', чув. *ir-śĕ* 'скорняк'; 2. следовать: туркм. *ejer-*, чув. *jer-* (< **ējer-* < **jējer-)*; 3. (?) кислый: туркм. *jüzüŋi egšit-* 'принимать кислый вид', чув. *jĕksü* 'горький, отвратительный' (особое развитие сочетания – см. Мудрак, Палатализация); 4. плохой: тур. *eksik*, аз. *äskik*, туркм. *egsik*, чув. *jĕksĕk, iksĕ-l-*; 5. сосать: аз. *äm-*, туркм. *em-*, якут. *äm-*, чув. *ĕm-* (< **jĕm-*?), халадж. *äm-*; 6. затылок: туркм. *jeŋse*, чув. *jĕnse, ĕnse, inseŋ*, 7. нега, шутка: аз. *är-köjün*, якут. *ärkä*, чув. *jĕrkĕn* 'проныра'; 8. семь: эрз. *yęddi*, аз. *jeddi*, туркм. *jedi*, якут. *sättä*, чув. *śiççĕ*, халадж. *yieti/yätti*; 9. приходить: аз. *gäl-*, туркм. *gel-*, якут. *käl-*, чув. *kil-*, халадж. *käl-*; 10. нужно: аз. *gäräk*, туркм. *gerek*, якут. *käräx*, чув. *kir-le*, халадж. *käräk*; 11. мозг: эрз. *bejin*, аз. *bejin*, туркм. *bejni, mejni*, якут. *mäjï*, чув. *mineŋ*.

**äi:* огуз. **ä*, якут. *iä*, чув. *-i-*, халадж. *ie-*:

1. межа: туркм. *čäk*, чув. *čiGə*; 2. есть: эрз. *yę-*, аз. *je-*, туркм. *ij-/je-* (первый вид основы морфонологически из *je-j-* с *j*, характерным для открытых глагольных основ в туркм., ср. *saj-* 'считать' и под.), якут. *siä-*, чув. *śi-*, халадж. *yie-*. 3. судно: аз. *kämi*, туркм. *gämi*, чув. *kime*; 4. пять: эрз. *bęš*, аз. *beš*, туркм. *bäš*, якут. *biäs*, чув. *pillek*, халадж. *bieš*; 5. железа: аз. *bäz, väzi*, туркм. *mäz, bez*, якут. *bär(g)*, чув. *pür* (< **pir*?); 6. прыгать: аз. *säk-*, туркм. *säk-dir-*, якут. *äkkirää*, чув. *sik-*; 7. сумасшедший: эрз. *däli*, аз. *däli*, туркм. *däli*, чув. *tilĕr-*.

Рефлексы **ej*, если таковые и имелись, должны были полностью совпасть с рефлексами **e*. Ср., однако: два, близнецы: эрз. *ęki, ękiz*, аз. *iki, äkiz*, туркм. *iki, ekiz*, як. *ikki* 'два', чув. *ikkĕ, jĕGĕr*, халадж. *äkki*.

**ēi:* огуз. **ē*, якут. *i*, чув. *-i-/ja-*; халадж. *ie* (в любой позиции):

1. точить: аз. *äjä* 'напильник' (неясно расширение), туркм. *ige* тж, якут. *igii* тж, чув. *jaGa* 'гладкий', *jĕGew* 'напильник'; 2. народ: эрз. *ęl*, аз. *el*, туркм. *il*, якут. *ilgä*, чув. *jal*; (и 'посол': эрз. *ę/älči*, аз. *elči*, туркм. *ilči*); 3. вести: туркм. *elt-*, якут. *ilt-* (с неясными сокращениями), чув. *jeś-* (*a* > *e* между палатальными); 4. отправиться: туркм. *iber-* 'отправить'[28], як. *ip-* 'улизнуть', чув. *jaBăr-* 'быстро двигаться'; 5. проходить: тур. *er-*, диал. *ēr-*, *ir-*, якут. *irdää-*, чув. *irt-*, халадж. *ier-* 'достигать'; NB: 6. уходить: тур. *git-*, эрз. *gęt-*, аз. *get-*, туркм. *git-*, як. *kit-*, чув. *kajt-*; 7. сосуд: туркм. *idiš*, якут. *isit* (с метатезой), халадж. *hīdiš*; 8. воспитывать: туркм. *ideg* 'присмотр', якут. *it-* 'кормить, заботиться'; 9. рано: аз. *er*, туркм. *ir*, чув. *ir*, халадж. *hier*; 10. голень: туркм. *inǰik*, якут. *inńiäx*; 11. самец: эрз. *ęrkek*, аз. *erkek*, туркм. *erkek* (с неясным сокращением), якут. *irgäx*, халадж. *hirkäk*[29]; 12. ткань: аз. *bez*, туркм. *biz*, чув. *pir;* 13. фрукт: эрз. *yęmiš*, аз. *jemiš*, туркм. *imiš*, чув. *śimaś;* 14. пояс: аз. *bel*, туркм. *bil*, якут. *bil*, чув. *pilek*, халадж. *biel*; 15. люлька: эрз. *bęšik*, аз. *bešik*, туркм. *bišik*, якут. *bihik*, (чув. *pije-* 'пеленать'). Возможно, сюда же 16. сучить: аз. *eš-*, туркм. *iš-* (или < **eiš-?* Ср. чув. *jĕsme* 'тесьма', *ś* > *s* в составе кластера?).

Возможно, что следы противопоставления узких, широких и дифтонгоидных встречаем в хакасском и, с меньшей последовательностью, в тувинском. Обычный рефлекс всех *e*-образных звуков в хакасском – *и*, в тув. – э. Но двусложные слова со вторым закрытым слогом в хакасском в первом неприкрытом слоге иногда дают рефлекс *i* (обычно отражающий пратюрк. **i* – см. *Räsänen M.* Die chakassischen *i*-Laute. AOHung. XV, 1-3, 1962, 245-247). Это следующие случаи: 1. сосуд: *ідіс*, тув. *идиш* (**ēi*), 2. самец: *ірғек*, тув. *ургек (*ēi)*, 3. вход: *ізік*, тув. *эжик (*ē)*, 4. близнецы: *ікіс*, тув. *ийис (*äi)*, 5. сапог: хак. *ӧдүк*, тув. *идик*; возможно, сюда же 6. *ілің*, тув. *илиг* 'ширина пальца' (як. *илии*, возможно, какое-то дифтонгическое сочетание). Ср. в тех же позициях реф-

[27] О.А.Мудрак (Мудрак 1994) полагает, что два последних ряда соответствий представляют оба рефлекс широкого долгого *e* (в соответствии с якут. и чув.), а в огузском они распределены по конечному согласному корня. Но распределения здесь не наблюдается: по крайней мере, финали корня **-t, *-g, *-r* встречены в обоих рядах.

[28] Вряд ли из **īð ber-*, как у Севортяна (ЭСТЯ I 322): ср. наличие рефлексов начального *j-* в кыпчакском материале; ср. также якут. и чуваш. соответствия. Видимо, **jēip-* > **eip-*.

[29] Возможно, таким образом, что это вовсе не производное по **är* 'мужчина', а самостоятельная основа.

лексы **ä*: 1. хак. *ыіг*, тув. *элиг* 'пятьдесят', 2. хак. *идек*, тув. *эдэк* 'подол', 3. хак. *иргек*, тув. *эргек* 'большой палец', 4. хак. *имнег* 'болезнь', 5. тув. *эгин* 'плечо', 6. тув. *эник* 'щенок'. Ср., однако, хак. *изрек* 'кожемялка' при тув. *идээ-* 'дубить' (**äi*).

К настоящему времени нам неизвестны источники выявленных различий для праалтайского состояния; можно только отметить, что, как будто, ими не являются восстанавливаемые для праалтайского восходящие дифтонги. Ср., однако, очевидные случаи соответствия пратюркских "нисходящих дифтонгов" праалтайским кластерам с *j* и *ń*: ПТ **mäjŋi* 'мозг' – ПА **majŋi*, ПТ **bājŕ* 'железа' – ПА **pińŋre*, ПТ **ējn-čik* 'голень' – ПА **p'ējńe* (База данных алтайского этимологического словаря, http:/starling.rinet.ru).

II. Таким образом, для праогузского состояния восстанавливается следующая система, не совпадающая с общетюркской (полученная из нее в результате совпадения узкого и широкого кратких *e*):

Краткие гласные

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
		a	

Долгие гласные

ī	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

Во втором слоге различались широкий и узкий, огубленный и неогубленный гласные (как следует из турецких, азербайджанских и туркменских рефлексов вокально-консонантных комплексов; ср.: *-aby-, -agu-, -abu-* > *-abu-*):

Таблица 1

ПТ *	Тур.	Гаг.	Аз.	Туркм.	Сал.
ab	*tavšan*	*tawšan*	*dovšan*	*tovšan*	*tōšen*
āb	*av, sav*	*aw*	*ov*	*āw, sāw*	*sō-ǯi*
ag	*sağ*	*sā*	*saγ*	*saγ*	*sax*
āg	*jağ*	*jā*	*jaγ*	*jāγ*	*jaγ/x*
aby	*avun-*	*aut-*	*ovun-*	-	*ōna-*
agy	*ağyr*	*ār*	*aγyr*	*aγyr*	*aγyr*
agu	*kavur-*	*kaur-*	*Govur-*	*Gowur-*	*qūr-/kovr-*
āgu	*ağy, ağu* 'яд'	-	*aγy*	*āwy*	-
ogy	*soğuk*	*sūk*	*sojuG*	*sowuq*	*sōx*
ogu	*oğul*	*ōl*	*oγul*	*oγul*	*oγul/oγyl*
üg	*düj-*	*dǖ-*	*düj-*	*tüv-*	-
ügü	*jüğür-*	-	*jüjür-*	*jüγür-*	*jugur-, juk'ur-*
egi	*eğir-*	*īr-*	*äjir-*	*eγir-*	*iγer-*

Что касается случаев, для которых можно реконструировать пратюркское *ö* второго слога, то, по-видимому, в общеогузском его рефлексы уже распределились: узкий в закрытом слоге, широкий в открытом, ср.: **s[e]göl* 'бородавка': *sögöl* (др.-уйг.), *sigil* (МК), тур. *sigil*, аз. *zijil*, туркм. *siŋŋil*; **siŋök* 'кость': *süŋök* (орх.), *süŋük* (др.-уйг.), *süŋük* (МК, QB), тур. *süŋük*, аз. *sümük*, туркм. *süŋk, süjek*; **sinčök* 'лодыжка, голень': тур. *sinǰik* (диал.); но **tepö* 'холм, вершина': *töpü* (др.-уйг.), *tepe* (Тефс.), *töpü* (QB), тур. *tepe*, диал. *depe*, аз. *täpä*, туркм. *depe*; **tikö* 'часть, кусок': *tikü* (МК), тур. *tike*, аз. *tikä*, туркм. *tike*.

По-видимому, на общеогузском уровне или во всяком случае близко к моменту распада образовалось несколько случаев вторичной долготы: **-iji-, *-yjy-* > *ī* (тур. *iğ*, Асс. *iği* 'веретено', гаг. *ī*, Асс. *īji*, аз. *ij*, Асс. *iji*, туркм. *īk, -yi* < **ijik*; тур. *čiğ*, Асс. *čiği* 'сырой, роса', гаг. *čī*, Асс. *čīji*, аз. *čij*, Асс. *čiji*, туркм. *čÿy*, Асс. *čÿyy* < **čyj-yk*, ср. аз. *byy*, Асс. *byyy* 'усы' < **byjyk*); **-ubu-* > **-ū-* (тур. *ut, -du* 'стыд' < **uvut*, ср. **uvt-an-* > тур., гаг., аз., туркм. *utan-*; тур. *jut-* 'глотать', *judum* 'глоток', гаг. *jut-, judum*, аз. *ud-*, но туркм. *juvut-*).

При переходе к современным языковым состояниям над этой системой продействовали следующие процессы:

Таблица 2

Классификация типов огузских вокализмов по генетически релевантным признакам

	**ē = *ä*	**ē* vs **ä*
Долгие сохранились	афшарский	туркм. стандарт туркм. хасарли
	сонкорский	хорезм.
Долгие сократились (или, во всяком случае, не сохранились в виде организованной системы)	туркм. ноxур саларский гагаузский	ст.-осм. азерб., боджнурди турецкий (с диалектами)

Афшарский, сонкорский, другие хорасанские диалекты (видимо, не западные)

Теряется различение по закрытости в системе долгих гласных. Впоследствии начинается процесс устранения противопоставления по долготе, причем долгий (фонетически закрытый, не имеющий открытой пары) *ē* сокращается в краткий закрытый, таким образом создавая вторичное противопоставление по открытости/закрытости в системе кратких гласных. Устранение фонологической долготы перекрывается процессами, обусловленными влиянием различных контактных иранских языков. В частности, в большинстве хорасанских диалектов устраняется противопоставление *y* и *i*, что ведет к изменению типа сингармонизма, но более серьезных морфонологических последствий не влечет.

Ноxурский диалект туркменского языка

Теряется различение по закрытости в системе долгих гласных. Впоследствии начинается процесс устранения противопоставления по долготе, причем долгий (фонетически закрытый, не имеющий открытой пары) *ē* сокращается в краткий закрытый, таким образом создавая вторичное противо-

поставление по открытости/закрытости в системе кратких гласных. На сегодняшний день противопоставление по долготе устранено.

Гагаузский и саларский

Теряется различение по закрытости в системе долгих гласных. Впоследствии начинается процесс устранения противопоставления по долготе. На сегодняшний день противопоставление по долготе устранено не до конца, поскольку локально поддерживается вторично возникающими долготами. NB: в современной системе противопоставление по открытости/закрытости не фонологично, соответствующие звуки являются аллофонами.

Туркменский диалект хасарли

Система практически сохраняется; фонетические изменения (переход *ē* > *ī* не в позиции дифтонгического сочетания) проходят без фонологических последствий.

Туркменский стандартный: по сравнению с хасарли, из системы окончательно устранена фонема *ē* (*ēv* > *öj*).

Азербайджанский и турецкий

Совместный процесс, охватывающий оба этих идиома, – устранение противопоставления по долготе с частичным переходом его в противопоставление по открытости/закрытости на системе кратких гласных. В азербайджанском такой переход происходит только для *e*-образных звуков (открытый долгий переходит в открытый краткий: совпадая со старым кратким, закрытый долгий превращается в закрытый краткий), после чего противопоставление по открытости/закрытости поддерживается многочисленными позиционными переходами. В турецком переход происходит для *e* и *a* (образуется закрытый краткий *e* и закрытый *â*), но впоследствии, по-видимому, в связи с общими процессами "креолизации" турецкого языка система подвергается общей редукции, и исторически значимые противопоставления снимаются. Уже на новом этапе изменения турецкой фонологической системы в западных диалектах и литературном языке возникает новое противопоставление по вторичной долготе. В азербайджанском полной системы долгих из вторичных долгот так и не возникает.

КОНСОНАНТИЗМ

Турецкий

Литературная система

p	*b*	*f*	*v*	*m*
t	*d*	*s*	*z*	*n*
č	*ǰ*	*š*	(*ž*)	*r*
(*k'*)	(*g'*)	(*h'*)	*j*	(*l'*)
k	*g*	*h*	'	*l*

Замечания: *f* и *v* – лабиодентальные; *ž, h* – только в заимствованиях (кроме основы вопросительного местоимения!); палатовелярный ряд в скобках – были бы исключительно позиционными аллофонами велярных при гласных переднего ряда, если бы не арабские и персидские заимствования. *J* и ' – глайды.

Ограничения встречаемости – начало слова. В начале слова не бывает в исконных словах: *f, m, z, ǰ, š, r, l, n* (последнее – кроме основы вопросительного местоимения; *š* – кроме основы указательного местоимения). *'* может прикрывать неприкрытый гласный. Он же не бывает перед согласным. *G* не встречается в начале слова в исконных заднерядных словах.

**b-* в односложных корнях с *-r, -l* переходит > *v-*: *ol-* 'быть', *ver-* 'давать', *var* 'имеется'.

b- > *m-*, при наличии носовых в основе переход отсутствует: *ben, buna.*

**-b* > *-v*: *ev* 'дом', *av* 'охота'.

p-, t-, d-, k-, g-: см. ниже, в разделе "Реконструкция".

В заднерядных словах (для литературного языка) гуттуральный анлаут – только глухой: *kavur-* 'жарить', *kyz* 'девушка', *kol* 'рука'.

Начальное *h-* представлено в качестве рефлекса **q-* в вопросительной атрибутивной основе: *hangi* 'какой, который?', *háni* 'где?', но *kač* 'сколько?'.

Старое конечное *g* пропадает бесследно в более чем односложных формах (*ažy* 'горький', *tuğra* 'знак царской власти', *oda* 'комната', *iri* 'грубый') либо заменяется на *-k* в случае деэтимологизации аффикса: *kiči/küčük* 'маленький', *ernek* 'край посуды'. Конечнослоговое *γ/g* в прочих случаях пропадает, давая долготу предшествующего гласного (см. выше). Интервокальное *γ/g* изменяется в зависимости от вокалического окружения: между задними *a'ač* 'дерево', *a'yr* 'тяжелый', *o'ul* 'сын', *u'ur* 'удача', *do'ar* 'родится', *sy'yr* 'корова', *sy'ar* 'помещается', но, как было показано выше, *ayu* > *avu*: *kavur-* 'жарить', *tavuk* 'курица'. Между передними существует два нормативных произношения, основанные, видимо, на разных диалектах: **g* > *γ* (преимущественно в Анатолии), или **g* > *'*: *eyer-* или *e'er-*, *söyüt* или *sö'üt.*

**ŋ* > *n*: *könül* 'сердце', *beniz* 'лицо'.

Огузское озвончение после старых долгих регулярно: *kabuk* 'кора', *adym* 'шаг', *bağa* 'лягушка', *ažy* 'горький'. Полученные в этом случае звонкие на конце слова оглушаются: *kap,* Acc. *-by* 'посуда', *tat,* Acc. *-dy* 'вкус', *ač,* Acc. *-ǰy* 'голодный'[30]. Так же ведет себя конечный согласный неодносложного слова: *kitap – kitaby, söğüt – söğüdü* (случай *bulut – bulutu* объясняется, скорее всего, действием парадигматического выравнивания), *ağač – ağažy, kulak – kulağy.* Неединообразно ведет себя только конечный глухой гуттуральный. В двух словах он озвончается и не показывает оглушения на конце:

čağ, Acc. *čağy* 'время', аз. *čay,* туркм. *čāG,* гаг. *čāk.*

tüj 'пух', гаг. *tüj,* туркм. *tüj,* аз. *tüg* < **tūk.*

[30] Здесь мы имеем дело, строго говоря, с морфонологической проблемой, однако, поскольку направленность нашего очерка в первую очередь историческая, а эта проблема непосредственно связана с процессами исторической фонетики, мы рассматриваем ее здесь, а в разделе о морфонологии даем отсылку на предшествующий анализ.

Ср. случаи с озвончением после "вторичного долгого": *iğ*, Acc. *iği* 'веретено' < **ijik*, гаг. *ī*; *čiğ*, Acc. *čiği* 'сырой' < **čyj-yk*.

Но имеются случаи, когда в ауслауте – глухой, а в интервокале возможны варианты с глухим и звонким (выравнивание по номинативу?):

jok, -ğu/ku, гаг. *jok*, аз. *jok*, туркм. *jōk* 'нет';

gök, -ğü/kü 'синий, небо', гаг. *gök*, аз. *göj*, туркм. *gōk*

(ср. вовлеченную в чередование по аналогии основу со старым кратким гласным: *čok, -ğu* 'множество', гаг. *čok, -jy*, аз. *čox, -xu*, туркм. *čok, -ku*).

И даже совсем без озвончения: *ak, -ky* 'белый', *tek, -ki*, гаг. *tek*, аз. *tek*, туркм. *tāk* 'нечетный, единственный'.

Не оглушается старый звонкий конечный гуттуральный (там, где он не отпал, т.е. в односложных словах): *čy/iğ* 'тростниковая перегородка', *jüğ* 'перо' (диал.), *bu* 'аромат (поэтич.)' (фонетическое написание?), ср. преобразованное *buğu* 'пар', аз. *buG*, туркм. *būG*, гаг. *bū*.

Данные памятников и диалектов

В староосманском (см. Mansuroglu 165-167) в некоторых словах неначальное *p* > *b*, почти всегда *d* вместо *t*.

Кое-где *bar-, ber-, bol-*, часто *v-*.

Сохраняется звонкий *b*: *bärk* 'крепкий', *byš-* 'варить', *byŋar* 'родник', *bürä* 'блоха', *barmax, barmaq* 'палец' (в современном литературном языке *p-*).

ŋ не перешло в лабиальном окружении в *m*: *göŋlek* 'рубашка', *qoŋšu/y* 'сосед', *d/toŋuz* 'свинья'.

Сохранение *-γ-* и *-l-* в Qyssa&Yusuf: *qavga* 'кубок', *bulgan-* 'баламутить', но *qaju* 'забота', *oltur-* 'сидеть', *gältür-* 'приносить', но это скорее не огузский памятник, ср. сохранение *δ: eδgü* и под.

q > *x*: *buldux* 'мы нашли', *oxla-* 'стрелять', *čox* 'много'.

ŋ > *γ*: *yalγuz* 'одинокий', *qatuγa* 'к твоему присутствию'. Единично.

g > *j*: *döj-* 'бить', *göj* 'небо'. Единично.

v > *f*: *säfär* 'он любит'. Единично.

-b- > *-v-* – на границе морфемы, например в афф. 1 л.: *-van, -vuz*; в композитах: *qaravaš* 'рабыня'.

Геминация: *assy* < *asyγ* 'нужда', *yssy* < *ysyγ* 'жар', *ussy* 'его разум'.

Конечные *γ, g* > ∅ (в неодносложном слове, с огублением предшествующего узкого гласного): *aru* 'чистый', *bilü* 'знание', *tapu* 'аудиенция', *sävü* 'любовь' (ср. выше без округления).

j- > ∅ (спорадически): *ilan* 'змея', *ipar* 'запах', *ilduz, ulduz* 'звезда', *üräk* 'сердце'.

Озвончение в интервокале после долгих первого слога (*aγy* 'белизна', *ädük* 'сапог'; в сандхи *joγ idi* 'не было', *qurd any* 'волк его', *qurd u quš* 'черви и птицы', *aγ ällärin* 'его белые руки') и после гласной непервого слога, т.е. как в современном турецком.

Значительное число так называемых озвончений начального дентального, о которых см. ниже.

Изредка *č* > *š*: *näšä, išdüm* 'я пил'.

Изредка носовая ассимиляция: *ben, mun* и под.

В диалектах:

b > *v* в начале слов: там же, где и в литературном языке; всегда в интервокале и в конце слога. Иногда переход наблюдается у *b* из озвонченного после долгого гласного *p*: (Кебан, Баскыл, Агын *bava, Gavuğ* – Buran 1997).

-v- > ∅ в присутствии губного гласного: *gaurma* (Элязиг), *tauš* (passim).

b-/p- (спорадически): *bara* (Оф), *palta* (Афьон), *pu* (Сивас). Дополнительные слова на *p-* в сравнении с литературным турецким отмечаются для восточной зоны балканских диалектов: *pin-* 'подниматься', *pekle-* 'ждать'.

b > *m* (в присутствии носового) в основном в восточноанатолийских диалектах: *miŋ* 'тысяча', *min-* 'садиться верхом' (Бартын). Ср. и в румелийских диалектах: Эдирне *menim* (Kalay 1998, 44)

ŋ > *m* (в окружении губных гласных) – редко, Стамбул (литер.): *domuz* 'свинья', *sümük* 'кость'.

Геминация отмечается в анатолийских диалектах: ср. Урфа *ottuz* 'тридцать', *jeddi* 'семь', *saqqyz* 'смола'.

t-/d- – обычно говорят об огузском озвончении, но см. ниже. Кастамунийский и айдынский диалекты проводят почти полное озвончение: каст. *daš, dut-*, кашк. *duz*, трапезунд. *daš*, Конья *dut-, darak, daš, davšan*, обратное соотношение – в Румелии и Адакале, *turlu, taha, tene*; в Малой Азии *t* вместо *d* спорадически.

В центральной Анатолии отмечено выпадение конечнослоговых *-r, -l* (явление, характерное для карлукских диалектов): *gämiš* < *gelmiš, atmyš* < *altmyš* (Испарта), *ōsun* < *olsun* (Зонгулдак), *gä!* < *gel!* (Балыкесир), *öš-* < *ölč-* (Йозгат), *göväžin* < *göveržin, bi* < *bir* (Кайсери), в тех же провинциях аффикс Pl. *-lar* > *-la*, Praes. *-jor* > *-jo*. Бартын *-la, va*.

č > *š*: *šal-* 'воровать' (Бурдур), *šoal* 'мешок' (Испарта), *üš, Gaš* (Кебан, Баскыл, Агын), *üš, saš* (Невшехир). Сочетание *čt* > *št* в восточнорумелийских говорах: *gešti* 'он пришел', *ašty* 'он открыл'.

k'-/g'-: "лишняя" (по сравнению с литературным турецким) звонкость спорадически, *giši* 'человек' (Нигде), *gänni* 'он сам' (Газиантеп), *geči* 'коза' (Дивриги, Мараш, Элязыг). Глухость в основном в провинциях Трабзон и Ризе: *közellik, kibi, kölge, kün, kelin*.

k' > *č*, *g'* > *ǯ*: в первую очередь это Ризе и Трабзон (и вообще северо-восточная Анатолия), *čändi* 'сам', *čädi* 'кошка', *ǯälin* 'невестка', *ǯäl-* 'приходить'. Однако сильная палатализация вплоть до перехода в палатальные *t'-, d'-* отмечается и в западных диалектах, например на территории Албании: *t'üpri* 'мост', *t'oj* 'деревня', *d'ül* 'роза', *d'ök* 'небо', *d'oz* 'глаз' (Стари-Бар, Németh 1970, 21, 134), в османских текстах Венгрии спорадически: *čupek* 'собака', *ičen* 'будучи', *ǯeč* 'поздно', *buǯun* 'сегодня' (Németh 1970, 91-92), в Боснии: *ćim* 'кто', *ǯordum* 'я увидел' (Németh 1970, 119). Обычно это явление связывают с греческим суб-/адстратом (что хорошо объясняет ситуацию в Румелии, и,

возможно, на северо-востоке Анатолии; ср. однако аналогичную палатализацию в кумыкском).

В Анатолии юго-западные и восточные диалекты показывают поведение *k-* в заднерядных словах, как в азербайджанском (озвончение: *Gajyš, Gara*; в Конье происходит также спирантизация: *q-* > *γ*: *γara*). Баскыл, Агын *gardaš, goj* (Buran 1997, 48), Кютахья *gavyr-, gyrk* (Gülensoy 1988, 248). Ср. и в румелийских диалектах: Эдирне *Gan, Gol* (Kalay 1998, 40), особенно характерно для южных говоров восточной зоны — восточнородопск. *gara gojun* 'черная овца' (Моллова 1974). Прочие балканские и северо-западные анатолийские диалекты показывают *kara kojun*. Для балкано-турецких диалектов с озвончением и диалекта Кипра отмечают возможность различения: *gara, guš, gojun,* но *kyrk, kapy*; по имеющемуся количеству примеров нельзя понять, позиционные здесь различия (второй глухой согласный) или старые (ср. Németh 1970: в венгерских памятниках *k-*, кроме *garga* 'ворона'; Németh 1965, Видин: *gabyn* 'плащ', *garga* 'ворона', *gyrga* 'острога', *gyrklan* 'горло', *gut* 'вид голубя', в прочих случаях *k-*).

В центрально- и восточноанатолийских диалектах *-q, -q-* > *x*: *čyx-* 'выходить', *arxa* 'спина', *čox* 'много', *jox* 'нет', *qujryx* 'хвост' и под. (например, Кебан, Баскыл, Урфа, Невшехир, Эрзурум). Бывает и *q-* > *h*: *hačan* 'когда', *halbur* 'сито'. В начале слова *q-* > *x-* единично: *xojun* 'овца' (Кастамону), *xapan-* 'быть закрытым' (Сывас).

g > *γ* > ∅: как говорилось выше, в первую очередь в литературном языке и в восточнорумелийских диалектах (см. Németh 1965, 65-67, Видин); *dāt-* < *dağyt-, dā* < *dağ* (Olcay 1995), но встречено и в анатолийских: *bayšla-* (Конья), *oulan* (Маниса), *āč* 'дерево' (Кастамону), *bāz* 'горло' (Ван). В переднерядных словах: *deištir-* (Конья), *dārmān* (Токат), ср. также переход > ∅ озвонченного после первичной долготы **-k* в *gò* < **gōk* 'небо' (Нигде). В анатолийских диалектах часто *g* сохраняется в виде спиранта (Кебан, Баскыл, Агын *ağač, boğuldu*). Как смычный, *g* сохраняется в западнорумелийской группе: *agač* 'дерево', *begen-* 'нравиться', *sag* 'здоровый, правый', ср. озвонченное *-k-*: *eteginden* 'от ее подола' (Покровская 1998; Németh 1965, 65 — Видин; Németh 1970 — Босния).

g > *j* в окружении гласных переднего ряда: литературный *dej-* 'касаться'; *k* > *g* > *j*: *ördej* 'утка' (Кастамону), *tüfej* 'ружье' (Испарта). В заднерядных словах спорадически: *ajač* 'дерево' (Балыкесир), *bajla-* 'связывать' (Болу).

j > ∅: *geik* 'олень', *qoyn* 'овца', (< *g*) *deiš-* (Конья).

g > *v* в конце слова и в интервокале в присутствии лабиализованных гласных в литературном языке. В заднерядных словах в нелабиальном окружении спорадически встречается переход интервокального и конечнослогового *g* > *v*: *sav* 'здоровый' (Измир), *avyz* 'рот' (Орду). Ср. Бартын: *avyz, dav, jav, avyr*.

ŋ > *n*: литературный, все румелийские диалекты (см. Németh 1970).

ŋ > *g* > ∅ (иногда с назализацией полученного долгого гласного), *ŋ* > *ñ* с различными распределениями по окружающим гласным: *jalyyz, òγ* (<*öŋ*), *deγiz* 'море'; *bāa, sõra* (passim); в частности, Кютахья (*bāa, deñiz, doñus, göñül*); Кебан, Баскыл, Агын (*deñiz, baña*), Зонгулдак *(doñuz, deñüšük)*; в частности, в посессивном, генитивном и императивном аффиксах (Кастамону, Болу, Зонгулдак). *ŋ* > *j*: в посессивном, генитивном и императивном аффиксах (Урфа, Бартын); ср. внутри основы — Урфа (*göjnim, sojra*), Бартын (*bejiz* 'лицо', *dejiz* 'море', *dovuz, govül, bā* — Korkmaz 1995, 19-20).

Относительно звонкости-глухости смычных: для ряда северовосточных анатолийских диалектов (Ряс. Мат. — Эрзурум, Ризе, Трабзон, Kowalski 1931 — Сивас, Кайсери) отмечается противопоставление не глухих и звонких, а озвончающихся/полузвонких/глухих неаспирированных слабых (по позициям) аспирированным неозвончающимся сильным. Такие системы засвидетельствованы и в других огузских языках (см. ниже).

Озвончение интервокала после долгих гласных — регулярно. Часть диалектов, в отличие от литературного языка, не оглушает озвонченные согласные на конце слова (получаются слабые полузвонкие; Моллова полагает, что это явление скоррелировано с начальным *g-* заднерядных слов, т.е., так сказать, здесь мы имеем азербайджанский тип развития): вост.-родоп. *čoG* 'много', *taD* 'вкус', Конья *gyrG*, Токат *gurD*, Кютахья *üž, dörd* (Gülensoy 1988, 63), Восточная Фракия *ad* 'имя' vs *at* 'лошадь'. Однако ср. ситуацию в османских текстах Венгрии (Németh 1970): *k*-диалект, но спорадически появляются формы типа *baluG* при *tauk, ač* 'голодный', *jus* 'лицо'. Имеются примеры отсутствия корреляции и с другой стороны: а) диалект северо-восточной Болгарии является *g*-диалектом: *gabak, galmak, gol, gojun* и т.д., — но оглушение конца в нем регулярно: *dip — dibi, at — ady* (Dalli 1932, 77-78); б) диалект Урфа — *q*-диалект: *ḳavyr-, ḳonuš-, ḳurd*, но ср. *ad, ḳurd*.

Оглушение *z* на конце отмечено для румелийских диалектов, ср. Стари-Бар *bis, jyldys*, Németh 1970, 93 *bilmes*.

Гагаузский

p	*b*	*(f)*	*v*	*m*	
t	*d*	*s*	*z*	*n*	
č	*ǯ*	*š*	*(ž)*	*r, l*	*j*
k	*g*	*(x)*			
		h			

Палатализация гагаузских согласных в зависимости от ряда вокалического окружения, по мнению Л. А. Покровской (Покровская 1964), не имеет фонологического значения.

Ограничения встречаемости — начало слова. В начале слова не бывает в исконных словах: *f, m,z, ǯ, š, r, l, n* (последнее — кроме основы вопросительного местоимения). *h* в исконных словах возможно только в начале слова. Глайд *'* мы выделяем как отдельную фонему, поскольку он фигурирует в так называемых дифтонгоидах, которые произносятся как двуслоговые сочетания (см. выше).

Как можно заметить, гагаузский консонантизм, в общем, не особенно выделяется на фоне консонантизмов румелийских диалектов турецкого.

b- в односложных корнях с *-r, -l* показывает переход > *v-*: *ol-* 'быть', *ver-* 'давать', *var* 'имеется', *ur-* 'бить'.

Переход *b-* > *m-* при наличии носовых в основе отсутствует: *ben, buna.*

**-b*: *ev* 'дом', *av* 'охота'.

По наблюдению Н.К.Дмитриева, подтверждаемому Л.А. Покровской, соотношение глухих и звонких в анлауте гагаузского слова – такое же, как в лит. турецком, но имеются единичные отклонения: *gārga* 'ворона', *dak-* 'цеплять', *dat* 'вкус', *tolu* 'град', *tiken* 'колючка', *pin-* 'подниматься'. Подробно см. в разделе "Реконструкция". Во всяком случае, заднеязычное начало заднерядного слова обычно (как в турецком литературном) глухое: *kojnu* 'пазуха', *kaš* 'бровь', *kuru* 'сухой'.

Начальному *h-* в качестве рефлекса **q-* в вопросительной атрибутивной основе соответствует нуль: *aŋy* 'какой, который?', *ány* 'который?', но *kač* 'сколько?'.

Старое конечное *g* пропадает бесследно в более чем односложных формах (*ažy* 'горький', *oda* 'комната', *kesi* 'вырез') либо заменяется на *-k* в случае деэтимологизации аффикса: *küčük* 'маленький'. Конечнослоговое *γ/g* в прочих случаях пропадает, придавая долготу предшествующему гласному (см. выше); на конце слова: *bā* 'виноградник', *bū* 'пар'. Интервокальное *γ*|g пропадает, развитие получившегося сочетания гласных см. в разделе "Вокализм".

**ŋ* > *n*: *könül* 'сердце', *benis* 'лицо', *denis* 'море', *anyr-* 'реветь' (но *domus* 'свинья').

Огузское озвончение после старых долгих регулярно: *kabuk* 'кора', *adym* 'шаг', *ažy* 'горький'; озвонченный гуттуральный ведет себя как старый звонкий, т. е. выпадает: *kur-bā* 'лягушка', *ūt-* 'молоть'. Полученные в этом случае звонкие на конце слова оглушаются: *kap,* Acc. *-by* 'посуда', *at,* Acc. *-dy* 'имя', *ač,* Acc. *-žy* 'голодный'. По-видимому, регулярно как звонкие (т.е. оглушаясь на конце и восстанавливаясь в интервокале) ведут себя взрывные конца неодносложного слова (Покровская 1964, 65, ср. *bulut, buludy*). Конечный глухой гуттуральный в одном слове озвончается до падения и не показывает оглушения на конце: *tū* 'пух', ср. случаи с таким же "озвончением" после "вторичного долгого": *ī,* Acc. *ījі* 'веретено' < **ijik, čī,* Acc. *čījі* 'сырой' < **čyj-yk.* Но в значительно большем количестве случаев при первично долгом гласном в ауслауте – глухой: *čāk* 'до', *jok* 'нет', *gök* 'небо', *tek* 'нечетный, единственный'. При склонении односложные слова на *-k* выровнялись по номинативу и не озвончают *k*: Acc. *gökü* (так же ведут себя односложные основы, восходящие к двусложным, т.е. основы со вторичной долготой: *sūk* 'холод' – Acc. *sūku*); но синхронно более чем односложные основы озвончают конечный *-k* до выпадения: *sokak* 'улица' – Acc. *sokā* (< *sokak-y*).

Оглушается на конце слова *z* > *s* (как это происходит и в румелийских диалектах турецкого): *kys, ᵘotus, denis.*

В вулканештском диалекте сочетание согласных *čt* >*št*: *gešti, bišti.*

h протетически появляется перед неприкрытым начальным гласным: *hobur* 'обжора', *hyrsys* 'вор', особенно в говоре с. Бешалма: *harpa* 'ячмень', *halma* 'яблоко', *hair-* 'выбирать', *hišle-* 'работать'.

Огузский диалект крымскотатарского

p	*b*	*f*	*v*	*m*	*w*
t	*d*	*s*	*z*	*n*	
č	*ǯ*	*š*	*(ž)*	*r, l*	*j*
k	*g*				
		x	*γ*	*ŋ*	*(h)*

Дерфер (Doerfer Kr.) делит этот диалект по поведению консонантизма на шесть поддиалектов (по данным начала XX в.; в настоящее время, после выселения из Крыма и возвращения, можно наблюдать в отдельных идиолектах смешение даже между огузскими и "ногайскими" формами, так что выделение каких-то территориальных подгрупп не представляется возможным)[31]:

Западный диалект (Кекенеиз–Мишор): **q* > *x, *ŋ* > *ŋ, *b* > *m* при носовых, анлаутные *k, t* – глухие.

Примеры: *xyz* 'девочка', *saŋa* 'тебе', *män* 'я', *käldi* 'он пришел', *turdu* 'он встал', *ätärsiŋ* 'ты делаешь'.

Переходный диалект (Дерекой): **q* > *x, *ŋ* > *n, *b* > *m* при носовых, анлаутные *k, t* – глухие.

Примеры: *xyz* 'девочка', *sana* 'тебе', *män* 'я', *käldi* 'пришел', *turdu* 'встал', *ätärsin* 'ты делаешь'.

Центральный диалект (Никита, Гурзуф): **q* > *x, *ŋ* > *n, *b* > *m* при носовых, анлаутный *k* > *g,* анлаутный *t* – глухой.

Примеры: *xyz* 'девочка', *sana* 'тебе', *män* 'я', *gäldi* 'пришел', *turdu* 'встал', *ätärsin* 'ты делаешь'.

Переходный диалект (Биюк Ламбат): **q* > *x, *ŋ* > *ŋ* (но не в показателе 2Sg., следовательно, с морфологическим отличием), **b* > *m* при носовых, анлаутный *k* > *g,* анлаутный *t* – глухой.

Примеры: *xyz* 'девочка', *saŋa* 'тебе', *män* 'я', *gäldi* 'пришел', *turdu* 'встал', *ätärsin* 'ты делаешь'.

Восточный диалект (Тувак, Искут): **q* > *x, *ŋ* > *ŋ* (но в Искуте – не в показателе 2Sg., следовательно, с морфологическим отличием), **b-* при носовых сохраняется, анлаутный *k-* > *g,* анлаутный *t* > *d.*

Примеры: *xyz* 'девочка', *saŋa* 'тебе', *bän* 'я', *gäldi* 'пришел', *durdu* 'встал', *ätärsin/ŋ* 'ты делаешь'.

Мариупольский диалект: **q* > *q, *ŋ* > *n, *b-* при носовых сохраняется, анлаутный *k* > *g,* анлаутный *t* – глухой.

---

[31] См. записи экспедиции РГГУ 1997 г., руководитель А.Н.Барулин.

Примеры: *qyz* 'девочка', *sana* 'тебе', *bän* 'я', *gäldi* 'пришел', *durdu* 'встал', *ätärsin* 'ты делаешь'.

b- в односложных корнях с *-r, -l*, по-видимому, единообразно показывает переход >*v-/w-*: *ol-* 'быть', *vär-* 'давать', *war* 'имеется'; *-b* на конце слога > *-v/w*: *säv-* 'любить'.

Набор слов с начальным звонким зубным в восточном поддиалекте (т.е. в том, который в принципе отражает это различие) совпадает в целом с турецким: *dol-* 'наполняться', *daš* 'камень', *dört* 'четыре', *dök-* 'лить'; ср. также наличие звонкого анлаута в некоторых словах по всей территории, в том числе в центральном диалекте крымскотатарского: *de-, dört*.

g, γ в конце слога и интервокале в основном сохраняются: *ayač, daylar*. В конце слога иногда отмечается *-γ* > *-w* < *γ*: *sawlux* 'здоровье' (Алупка, по записи Дмитриева: *w* противопоставлено *v* фрикативному < **b*).

Исследователи обходят вопрос о наличии в крымскотатарском огузском огузского озвончения глухих после старых долгих гласных; единственный обнаруженный нами пример: *gidär* 'уходит' vs *jatar* 'лежит', *bitir* 'кончает', *baxar* 'смотрит' и пр. (при старых кратких; но *ätär* 'делает' – притур., туркм. *eder*).

Судя по этим данным, возникает сильнейшее подозрение, что, во всяком случае в отношении консонантизма, южный крымскотатарский следует рассматривать как в различной степени огузированный кыпчакский диалект, усвоивший огузские фонетические особенности лишь в той части, которая представляет собой результаты спонтанных фонетических переходов; там же, где огузские языки претерпели сложно распределенные изменения, крымскотатарский либо сохраняет кыпчакский облик, либо просто демонстрирует лексические заимствования из огузского языка.

Урумский

p	*b*	*f*	*v*	*m*	*w*
t	*d*	*s*	*z*	*n*	
č	*ǰ*	*š*	*(ž)*	*r, l*	*j*
k'	*g'*	*(x)*			
(q)		*x*	*γ*	*ŋ*	*(h)*

Замечания: *q* – малоупотребительный свободный вариант *x*; прочие фонемы, приведенные в скобках, встречаются только в заимствованиях (*h* еще в единственном междометии *hy*). Общетюркские заднеязычные в словах с передними гласными произносятся фактически как палатальные; звонкий *g* в начале слова может переходить в *j-*: *k'el-/g'el-, k'ijiz, g'eber-, jüzäl, jende*. Отмечается бóльшее распространение слов с глухим анлаутом (*k-, t-*), чем со звонким (*g-, d-*). Насколько можно понять по описанию (Муратов 1997), звонкое заднеязычное начало в заднерядных словах отсутствует, в передних словах возможно варьирование (*gönbaty* 'запад' – *künajlan* 'подсолнечник'). Все это говорит в пользу гипотезы об изначально кыпчакском происхождении идиома, см. выше о крымскотатарском.

В говоре с. Прасковеевка Э.Р.Тенишев (Тенишев 1973) отмечает противопоставление не глухих и звонких, а озвончающихся (интервокал)/полузвонких (абсолютное начало, позиция между сонантом и гласным)/глухих неаспирированных слабых аспирированным неозвончающимся сильным. Такие системы засвидетельствованы и в других огузских языках (см. ниже). Учитывая эту особенность, можно заметить, что здесь оппозиция заднеязычных устроена скорее по восточноанатолийскому (или азербайджанскому) образцу: в начале слова в заднерядных словах представлены только неаспирированные (слабые), в переднерядных – и слабые, и сильные: *kuz* 'девица', *koča* 'муж', *kitti* 'уехал', *käzär* 'гуляет', *köz* 'глаз', *k'ör* 'пусть ослепнет!'. По огузскому озвончению после старых долгих нет данных. Здесь можно предположить если не огузское происхождение то, по крайней мере, бóльшую степень огузированности, чем в говорах, описываемых С.Н. Муратовым.

По описанию Б.Подольского (Podolsky 1985), говор с. Улаклы выглядит значительно менее "огузским". Система согласных, выводимая для него, следующая:

p	*b*	*f*	*v*	*m*	*(w)*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		*l*	*r*
t'	*d'*			*n'*		*l'*	*r'*
č	*ǰ*	*š*	*(ž)*		*j*		
k	*g*	*x*	*γ*	*ŋ*			

Наличие палатального ряда, включающего сонанты, как будто сближает систему с турецкой, но распределение *l* палатализованного/веляризованного по фонетическому окружению, в частности, рядности слова, характерно и для западнокыпчакских языков (ср. кумыкский). *K/t', g/d'* – также фонетические варианты, распределенные по вокалическому окружению. Мягкие *n'* и *r'* – развитие сочетания с *j* в заимствованиях. Примеры:

almaγa 'брать', *öl'med'e* 'умирать', *bojl'ar* 'реки'; *dun'a* 'мир', *aŋur'a* 'огурец'; *köz* 'глаз', *gögürǰen* 'голубь', *t'im* 'кто', *t'eǰe* 'ночь' (ср. огузское озвончение в инлауте!).

В начале слова, как будто, запрещены *γ* и *d'*, следовательно, заднерядные слова имеют в анлауте только глухой гуттуральный: *xyrx* 'сорок', *xoǰa* 'муж', *xač-* 'убегать', *xara* 'черный', *xyz* 'дочь'; что же касается переднерядных слов, то бóльшая их часть демонстрирует глухое начало: *t'el-* 'приходить', *t'ene* 'еще', *t'erek* 'надо', но *t'eǰe/jeǰe* 'ночь'. Такая ситуация в переднем ряду напоминает турецкие диалекты северо-восточной Анатолии, но поведение заднерядных слов противоречит этому сближению.

В этом говоре отсутствует переход *b-* > *v-* : *bar* 'имеется', *ber-* 'давать'; переход *b-* > *m-* в присутствии носового отмечен у некоторых информантов: *ben, men, baŋa, maŋa*. *ŋ* сохраняется. У некоторых слов на дентальный отмечено звонкое начало: *deŋiz, doxsan, dört, doγdu*, но *toxuz, tyrmaš-, tik* 'крутой'.

В целом поведение консонантизма в говоре не противоречит той же ги-

потезе об огузированной кыпчакской основе, причем огузирующий суперстрат – не западного (не румелийского или гагаузского) типа.

Афшарский

p	*b*			*m*	*w*
t	*d*	*s*	*z*	*n*	
č	*ǰ*	*š*		*r, l*	*j*
k	*g*				
q		*x*	*γ*		

b- > *w-*: *wēr-* 'давать'.

b- > *m-*: данных нет.

p-: данных нет.

-b: данных нет.

t-: *tajâγ* 'палка', *tēk-* 'лить', *tik-* 'шить', *tikàn* 'шип', *toxə̂-* 'ткать'.

d-: *dēg-* 'бить', *dâš* 'камень', *dīš* 'зуб', *dūz* 'соль', *dâra-* 'чесать', *də̂rnâγ* 'ноготь', *diš-* 'падать'.

k-: *kil* 'пепел', *kergà* 'тень', *kējnàk* 'рубашка'.

g-: *gàl-* 'приходить', *get-* 'уходить', *gēǰe* 'ночь', *gēk* 'зеленый', *gin* 'солнце, день', *gēč-* 'проходить', *gimiš* 'серебро', *gēl* 'озеро'.

q- и *-x-* распределены, *q-* в начальной позиции, *x* в прочих: *qə̂rx* 'сорок', *qə̂č* 'нога', *jâxčə̂* 'хорошо', *qoxə̂* 'вонь', *qâpə̂* 'дверь', *qâl-* 'оставаться', *qàrà* 'черный', *qàrə̂* 'старуха'.

Звонкого гуттурального в анлауте заднерядных слов не бывает.

Конечнослоговое и интервокальное *γ/g* сохраняется: *jâγoš* 'дождь', *sâγloγ* 'здоровье', *dēg-* 'бить'.

**ŋ*: разнообразные рефлексы, например *simàk* 'кость', но показатель 2Sg. *-j*.

Огузское озвончение после первичных долгих: *gēǰe* 'ночь', *âǰ-* 'голодать' (vs *âč-* 'открывать').

По распределению начальной звонкости-глухости дентальных и гуттуральных в переднем ряду совпадает с азербайджанским. В заднем ряду выступает начальный глухой гуттуральный, что отличает афшарский от литературного азербайджанского, но характерно для некоторых азербайджанских диалектов Персии. В целом, что касается консонантизма, можно согласиться с выводом Л. Лигети о близости афшарского к азербайджанскому.

Азербайджанский

p	*b*		*v*	*m*
t	*d*	*s*	*z*	*n*
č	*ǰ*	*š*	*j*	*r, l*
k	*g*			
	G	*x*	*γ*	
		h	*ʻ*	

Для фонетического облика системы смычных взрывных в азербайджанском характерны следующие моменты:

"Глухие" – фонетически глухие (сильные) придыхательные в анлауте и ауслауте, глухие (сильные) непридыхательные в инлауте перед согласными: [t'op'] 'мяч', [atmax] 'бросать'.

"Звонкие" – фонетически слабые полузвонкие после глухого непридыхательного, на конце слога после долгого и на конце слова-двуслога. Фонетически слабые звонкие в анлауте и после слабого полузвонкого: [*atDy*] 'он бросил', [aD] 'имя', [oDdan] 'от огня', [söjüD] 'ива', [daγ] 'гора'.

Для диалекта Гянджа Дмитриев отмечает слабые полузвонкие в начале слова: *Daγ, Dört, Baš, Beš* и т.п. (Dm. WZdKM 241-242). См. также работу Р.О.Шор (Шор 1936), которая, по данным инструментального исследования, утверждает слабость и полузвонкость анлаута для всех диалектов азербайджанского языка.

Исторические особенности:

b- в односложных корнях с *-r, -l* показывает переход > *v-*: *ol-* 'быть', *ver-* 'давать', *var* 'имеется', *vur-* 'бить'.

b- > *m-* при наличии носовых в исконной основе: переход происходит, если в основе носовой реально представлен на синхронном уровне и при этом находится внутри того же слога, что *b-* (т.е. в закрытом слоге): *män* 'я', *min-* 'сидеть верхом', *min* 'тысяча', *munǯuG* 'бусы'; в противном случае перехода не происходит: *bäniz* 'лицо', *bujnuz* 'рог', *bojun* 'шея', *bänäk* 'родинка', *bejin* 'мозг', *bajyl-* 'слабеть', *bijan* 'солодка', *buna* 'этому'. Если в морфологически производных формах положение носового относительно слогораздела меняется, то начальный согласный при этом не меняется (выравнивается по производящей форме): *mänä* 'мне', *bänzä-* 'быть похожим', *bojnuäjri* 'кривошеий'.

Рефлексы конечного **-b*: *ev* 'дом', *ov* 'охота'.

Геминация в некоторых основах в интервокале – одна из характернейших азербайджанских особенностей: *eššäk* 'осел', *addym* 'шаг', *saGGal* 'борода', *jeddi* 'семь', *säkkiz* 'восемь', *doGGuz* 'девять', *saGGyz* 'смола'.

t-, d-: см. ниже, в разделе "Реконструкция". Собственно азербайджанская новация здесь – регулярное оглушение анлаута, если после гласного следует *x*, т.е. рефлекс глухого гуттурального после краткого гласного: *toxu-* 'ткать', *tax-* 'прицеплять'.

Начальный *j-* перед узкими гласными пропадает, причем *y* > *i*: *iti* 'острый', *ilan* 'змея', *üräk* 'сердце', *ulduz* 'звезда'.

p-, k-, g-: см. ниже, в разделе "Реконструкция".

Рефлексы старого глухого в заднерядных словах, *G-* и *-x-* распределены, *G-* в начальной позиции, *-x-* в прочих: *Govur-* 'жарить', *Gyz* 'девушка', *Gol* 'рука', *jax-* 'жечь', *čox* 'очень', *jaxa* 'воротник', *arxa* 'спина', кроме конца неодносложной основы: *arxalyG, balyG* (попадая в интервокал, "озвончается": *arxalyγy, balyγy*). NB: в переднерядных словах *-k* на конце слова остается глухим, но в более чем односложных основах, попадая в интервокал, озвончается: *čičäk – čičäjin*.

Начальное **q-* в вопросительной атрибутивной основе дает только реф-

лексы *h-* (*hansy* 'какой?', *hačan* 'когда?', *haraja* 'куда?').

Конечнослоговое и интервокальное *γ/g* изменяется в зависимости от вокалического окружения: *oγul* 'сын', *Govur-* 'жарить' (< **aγu*), *bülöv* 'точило' (<**biläγü*), *saγ* 'здоров', *aγaǰ* 'дерево', *aγyr* 'тяжелый', *uγur* 'удача', *doγar* 'родится', *syγyr* 'корова', *syγar* 'вмещается', *däj-* 'касаться', *öj-* 'хвалить', *söjüd* 'ива', *sojuG* 'холодный' (< **sogyk*, др.-уйг., QB *soγγq*).

Старое конечное *g* пропадает бесследно в более чем односложных формах (*aǰy* 'горький', *aǧry* 'боль, ломота', *isti* 'горячий', *iri* 'крупный'), но *otaG* 'комната' (заимствование из кыпч.? Ср. глухой в интервокале при тур. *-d-*), либо заменяется на *-k* в случае деэтимологизации аффикса: *kičik* 'маленький'.

**ŋ* > *n*: *könül* 'сердце', *bäniz* 'лицо'. Так в диалектах Баку (но ср. 2 л. Pl. – *at-owuz* или *at-ūz*), Тебриза (но 2 л. в интервокале *v*: *aduva* 'твоему имени', *özüve* 'тебе самому', *andyva* 'твоей клятве', *erive* 'твоему мужу', *oylavun* 'твоего сына', *bašyz* 'ваша голова' (= Баку с сокращением) при номинативе *jerin* 'твое место' и аблативе *jerinnan*), Зенджана (*xalyn* 'твоя родинка'), Урмии (*šerikin* 'твой товарищ', но *erije* 'твоему мужу', *bašyjyn* 'твою голову'). Но Гянджа, Карабах, Газах сохраняют *ŋ*.

Огузское озвончение после старых долгих регулярно: *GabyG* 'кора', *Gadyn* 'женщина', *čaǧa* 'дитя', *aǰy* 'горький'. Полученные в этом случае звонкие на конце слова не оглушаются: *Gab*, Acc. *-by* 'посуда', *dad*, Acc. *-dy* 'вкус', *aǰ*, Acc. *-ǰy* 'голодный'. Неединообразно ведет себя только конечный глухой гуттуральный. В трех словах он озвончается и не показывает оглушения на конце: *čaγ*, Acc. *čaγy* 'время'; *aγ*, Acc. *aγy* 'белый'; *göj*, *-jü* 'синий, небо'.

Ср. случаи с озвончением после "вторичного долгого": *ij*, Acc. *iji* 'веретено' < **ijik*; *čij*, Acc. *čiji* 'сырой' < **čyj-yk*; *byγ*, Acc. *byγy* 'усы' < **byjyk*.

Но имеются случаи, когда в ауслауте – глухой, и в интервокале озвончения не происходит (выравнивание по номинативу?): *jox*, *-xu* 'нет', *tük*, *-kü* < **tūk* 'пух', *täk*, *-ki* 'нечетный, единственный'.

Не оглушается старый звонкий конечный гуттуральный (там, где он не отпал, т.е. в односложных словах): *jaγ* 'жир', *buγ* 'пар'.

NB: таким образом, на конце слова в двусложных основах *-q* > *G*, что отличается от результатов озвончения после старого долгого: *balyG – balyγy*; это поведение отличает азербайджанский от ранее рассмотренных огузских языков; получается, что здесь озвонченный после долгого гуттуральный на конце не оглушается, а гуттуральный конца неодносложной основы "оглушается" (в отличие от прочих озвончившихся согласных конца неодносложной основы: *söjüd* 'ива', *bulud* 'облако', *aryaǰ* 'уток'), восстанавливаясь в звонкий щелевой в интервокале[32].

Общие для диалектов метатезы сочетания взрывного и плавного: *torpaG*, *jarpaG*, *čylpaG*, *tärpän-*, *körpü*; ср. также *äskik*, *iräli*. Впрочем, такие метатезы имеются, например, в турецком диалекте Урфы (Ligeti 1957, 151).

h-протеза: *hür-* 'лаять', *hör-* 'вязать', *hürk-* 'бояться' (по всем диалектам).

Диалектные явления

Северная группа (Нуха, Закаталы). Переход *b-* > *m-* встречается чаще, видимо, вследствие других процессов выравнивания: *munda*, *muny* (Исламов 1968, 49). Озвонченное *-p-* в интервокале реализуется как *-v-*: *čovan*, *savax*, *tavax* (Исламов 1968, 46). *ŋ* не совпадает с *n*: (в интервокале может выпадать: *älā* 'твоей руке'), но *maγa/maŋa* (Исламов 1968, 41); *goŋul/goul*; *doŋŋuz*, *jeŋi*, *-syŋyz*, *ütüŋ*, но *inäq* 'корова'. Переход *č* > *š*, *ǰ* > *ž*: *Gaš*, *biš*, *ayaš*, *čepiš*; *až*, *už*, *Goža*, *alyžam* (Исламов 1968, 50-51), но *ičinde*. G-диалект: *Gaš*, *Gol*. Поведение конечного согласного: Нуха (Ашмарин 1926, Исламов 1968) *üräx'*, *satmax*, *ijit'* (но в интервокальной позиции – звонкость: *üräjin*, *satmaγa*, *ijidin*, при *ox – oxy*, *tüx – tükä*, *aγ*, *göj*), ср. точно так же с губным: *if – ip'in* 'нитка', *div* 'дно', *Gav* 'посуда', *äräf – ärävin* 'араб' (Caf.-Doerf. 293, по Ашмарин 1926), *alyf – alyvany* формы от глагола *al-* (Исламов 1968, 153). В северной группе отмечено также сохранение начального гуттурального суффикса после согласного: *tyšGary* 'наружу' при тур. *dyšary*.

Восточная группа (Куба, Баку, Шемаха, Муган, Сальяны, Ленкорань). *b-* > *m-* в косв. формах указательного местоимения: *muna*, *muni*. G-диалект: *Gaš*, *Gol*; в части шемахинских говоров *γar*, *γyz*, *γyrym*. *ŋ* > *n*, как в литер. *könül* 'сердце', *bäniz* 'лицо'. Так в диалекте Баку (Caf.-Doerf. 293, по Taliphan-beyli 1933); но ср. Ширəлијев 1957: *doŋγz/douz*, *däŋiz*, *jalγyz*. Куба: *juvaγ* = литер. *janaG*, ср. Баку *javaγ* (и ср. выпадения в формах принадлежности и перед согласным: *dōdum*). NB: *g* в интервокале и перед сонантом сохраняется: *dügi*, *dügmä*. *čörägi*. Относительно поведения "озвонченных" взрывных см. таблицу (цифрами обозначены страницы при тех примерах, которые взяты из текстов описаний соответственно Рустемова (Рустəмов 1961) и Ширалиева (Ширəлијев 1957), но не из соответствующих разделов):

	Куба	Баку
Губной	*ip – ipün*	*ip – ipün*
	dip	*diblär* (218), *dibinde* (222)
	alyb, *kälibän*	*alyb*, *kälibän*
Зубной	*at – aty*	*at – aty*
	ot, *süt*, *at – ady* (213), *gidaγ* (214), *gürdi*	*ot*, *süt*, *at*, *gidär*, *dörd*
	bulut, *Ganady* (215), *pulaty* (Ал.)	*gänäti* (213) (но *armud – -dun*), *bulutdary* (220)
Аффр.	*sač – sačun*	*sač – sačun*
	güǰ – güǰä	*güǰ – güǰä*
	ouǰ – ouǰa	*ouǰ – ouǰa*
Гуттур.	*kök – kökün*, *tox – toxa*	*kök – kökün*, *tox – toxa*
	aγ – aγy, *güg* (74)	*gög – gögi*, *aγ – aγy*
	čöräg – čörägün, *dudaγ – dudaγun*	*čöräg – čörägün*, *dudaγ – dudaγun*

[32] Таким образом, отождествление ситуации конца многосложного слова с концом односложного слова с долгим гласным для общетюркского состояния - как в Щербак СФ 101 - является некоторым упрощением реального положения дел.

Итак, губные в однослогах на конце оглушаются – в интервокале восстанавливаются; в двуслогах не оглушаются. Зубные в однослогах на конце оглушаются – в интервокале восстанавливаются; в двуслогах – оглушаются, спорадически восстанавливаются. Аффрикаты и гуттуральные одинаково ведут себя в однослогах и двуслогах, т.е., не оглушаются.

Такое поведение говорит, скорее, о первоначальной ситуации, близкой к турецкой, когда двуслоги сначала вели себя так же, как однослоги, но впоследствии под действием парадигматического выравнивания перестают проявлять звонкость в интервокале.

Западная группа (Казах, Ганджа, Карабах, Айрум). *b-: Карабах *muna, var.* Палатализация дентальных: Казах *čiš* < *diš, čiši* < *diši* и под. (ср. новоуйгурский). G-диалект, ср. в айрумском, части казахских говоров *γar, γyz, γyrym*. Казахский диалект, как будто, различает в задних словах *G-* и *q-*: *quš, qūtu, qyš, qysyr, qysna* при *Govγa, Govurγa*. Сохранение *ŋ*: *saŋa* 'тебе', *daŋ* 'рассвет', *aŋla-* 'понимать', Казах *däŋiz, taŋry*, Карабах *yŋ* 'запах', *doŋuz*, Тауз *däŋiz, soŋra*. Конец слова, Ганджа, Казах, Карабах, Тауз, Кедабек: *üräx', satmax, ijit'*; *känt* 'деревня' (но в интервокальной позиции – звонкость: *üräjin, satmaγa, ijidin*). Для губного особые правила (похожие на правила с заднеязычным в литер. языке): на конце однослога после старого краткого гласного *p* >*p*: *sap* 'нитка', после старого долгого *p* > *v*: *div* 'дно'; на конце двуслога *p* > *f*: *gälif* 'придя', *kytaf – kytavy*. При этом *b* в интервокале > *v*: *garavaš* 'служанка', *divi*. Таким образом, здесь также видна разница между "истинно озвонченным" концом после долгого и "неистинно" озвонченным концом неодносложного слова. Точно так же "озвонченный" зубной на конце однослога не оглушается, в Казахе и Кедабеке спирантизуется: *ödh, odh, südh,* в двуслоге конец глухой: *ädhät*, но *arvady*. По-разному выглядят также аффрикаты, озвонченные после долготы первого слога vs конечные в двуслоге: Тауз, Кедабек *až, Goža, aγaš*, ср. *üš, keš, pyčax*.

По некоторым признакам особняком стоит айрумский говор: *dz, c* вместо *č* и *ǯ, s* вместо *š*; звонкий фрикативный в переднерядном слове: *üräγin*.

Близок к западной группе говор Зангелана: *ŋ* сохраняется в части сел, в других *ŋ* > *γ – doγuz*; *k* >*č*: *čörpü, g* > *ǯ*: *ǯül*. Конец слова: *üräx', bydax*; *Gurt, armyt, kitap, Gav*; *až, Goža* (в части сел).

Южная группа (Нахичевань, Ордубад, Тебриз, Ереван). *b-* > *m-*: *miz, muna*. *ŋ* > *n*, как в литер.: *könül* 'сердце', *bäniz* 'лицо' (но Тебриз: показатель 2 л. *-yŋyz*). -V*ŋ* на конце > назализованный краткий гласный: *közũ* 'твой глаз'. В начале слова *č* > *c*: *caj, cul, cox*. *K* >*č*, *g* > *ǯ*: *čučä* 'улица', *ǯün* 'день'. Что касается поведения конца слова, видимо, можно выделить две группы говоров. В одной из них ситуация совпадает с литературной, кроме реализации конечного гуттурального в многосложном слове (задний ряд *-x*, передний *-x* или *-k*): *alyb, gätirib, arvad, aγaǯ, basdyryryx, torpaγy, dönürüx, gäräx*, но *düdük, -jü* (см. Ширəлијев 1962, 286-288, тексты из р-на Джулфа). Ордубадские и ряд нахичеванских говоров, напротив того, отчасти напоминают западную группу: губные на конце двуслогов спорадически дают глухой спирант, восстанавливаемый в *b* (*götürüb, alyb, kitaf, gälif, kitabyny*), на конце однослогов – звонкий спирант (*Gav, -vy*, так же, как и в старом интервокале: *čovan*); аффрикаты ведут себя аналогично (*aγaš, -ǯyn, až, -y/-ǯy*, ср. *üš*); зубные на конце однослогов и двуслогов ведут себя одинаково, обычно оглушаясь (*get* 'иди', *gedim, süt, ady, adynda, dörd/t, armyt, bulut, sövüt, -din, arvadynyn*); заднеязычные на конце однослога дают звонкий спирант (*aγ, tej* 'полностью', ср. *jox, čyxym*), на конце двуслога – глухой спирант, озвончаемый в интервокале (*čöräx' – čöräji, Gulax – Gulaγy, torpax -torpaγyn, Gabaγyn*). См. Гамзаев 1960; Ширəлијев 1962 (описание, тексты на с. 279-286, 295-317).

В диалектах северного Ирана переход *b-* > *m-* встречается также чаще, чем в литературном языке, видимо, вследствие других процессов выравнивания: *munda, muni* (Caf.-Doerf. 292). Поведение *ŋ*: *doγuz, köjül*. Так же, как в южной группе, *č* > *c*: *caj, čücä* 'улица', *čedzä* 'ночь'. По Caf.-Doerf., *č* после долгих на конце и в интервокале переходит в *ž*: *až* 'голодный', *gežä* 'ночь', а на конце двуслога сохраняется и в интервокале переходит в *ǯ*: *aγač – aγaǯyn*. Поведение конечного гуттурального (Caf.-Doerf., по Фою): *yšyx, etmäx'*, в интервокале – *elämäji, dedigi*.

Консонантно-вокальные группы ведут себя по диалектам разнообразно. В частности, развитие интервокального *γ* может предшествовать губной гармонии (как в литературном языке), а может следовать за ней (тогда *soux, sōG, jōG*, как в бакинском диалекте). Ср. поведение конечных сочетаний: Нуха *öj* 'дом', *bilöj* 'точило', Куба *öj* 'дом', *buzuγ* 'теленок', Тауз *öj* 'дом', *bilöj* 'точило', *buzoj* 'теленок'.

Кашкайский и айналлу

Сведения довольно отрывочные.

Начальный **b-*: айналлу *bēr-/vēr-* 'давать', *ol-* 'быть', *vār* 'имеется'. Несколько шире, чем в литературном азербайджанском (т.е. не захвачен грамматической аналогией?), распространен в айналлу переход *b-* > *m-*.

Конечнослоговой и интервокальный **b* > *v*: *öv* 'дом', *dövä* 'верблюд'; интервокальный **g* может пропадать, оставляя вторичную долготу гласного: *tōx* 'курица'.

Геминация в айналлу встречается реже, чем в азерб.: *sekiz, išäk*, но *ekki*.

Кашкайский сохраняет *-ŋ*: *gözin, nanaŋ, saryŋda* 'в твоей голове'; но иногда кашк. и айн. *-ŋ* > *-j* (например, в показателе 2 Sg.). В середине слова: кашк. *göŋlüm*, айналлу *jeŋi* 'новый', *göjün*.

Что касается соотношения начальной звонкости-глухости, то в статье Caf.-Doerf. приводится список из "диагностических" слов: *geš-* 'переходить', *kojnäk* 'рубашка', *göjün* 'душа', *tök-* 'лить', *dūz* 'соль', *biš-* 'варить' (Caf.-Doerf. 292), который (вопреки мнению авторов) ближе всего не к азербайджанскому, а к туркменскому. Ср., однако, определенно азербайджанский переход *d-* > *t-* при следующем *-x-*: *toxi-* 'ткать'.

В кашк. *q-* > *γ-* (нерегулярно: *γuš-lar* 'птицы', но *qāldy* 'он остался'). В айналлу *q-* сохраняется: *qorx-* 'бояться', *qyz*. Гуттуральный глухой на конце сло-

ва после старого краткого гласного: *bă̄x* 'смотри', *čūx* 'много', *ük* 'груз'; после старого долгого гласного: *jūx* 'нет', *ă̄x* 'белый'; в двусложной основе: *ajax* 'нога', но *qonaq* 'гость'; *čöräk* 'хлеб'; в интервокале: *ajaγa, ürägim, čyxyp.* Озвончается ли конечный согласный в *ă̄x*, попадая в интервокал, неясно. Конечные *-p, -b* не спирантизуются (Caf.-Doerf. 294); кашк. *vurup – vuruban*, айн. *gälip – gälibän*; зубной после долгого: айн. *süt* 'молоко'. Трудно что-то сказать точно, но особенной близости к азербайджанскому эти языки здесь не демонстрируют.

Сонкорский

Для сонкорского консонантизма отмечены лишь некоторые характерные явления (см. Поцелуевский СЯ).

1. Начальный *j-* перед узкими гласными пропадает: *i̯lan* 'змея', *i̯l* 'год', *ü/i̯räj/g* 'сердце'.

2. Озвонченное после старого долгого гласного интервокальное и конечное *-*p-* реализуется как *-v-*: *guväj* 'пупок', *davan* 'пятка'. Ср. *iv* 'дом'.

3. Интервокальное и конечное *d* < **t* реализуется как церебральный (*d̠, r̠*) – видимо, следствие влияния фонетики диалектов Восточного Ирана (см. Иранские языки, т. 1, 2): *ār/D/t* 'имя', *dur/dax* 'губа'.

4. Конечное *-z* оглушается в односложных основах спорадически, в многосложных – регулярно: *qiz* 'дочь', *güz/s* 'глаз', *jüllus* 'звезда'. Конечное *-s* в корвском говоре реализуется как *θ*: *qiθ* 'дочь', *tūθ* 'соль', *-uθ* – показатель принадл. 2 л., *-siθ* – глагольный показатель 2 л.

5. Различаются начальные *G-* и *q-*: *Gaš* 'бровь', *Guš* 'птица', *qiz* 'дочь', *qäryä* 'ворона', *q/Gič* 'нога'. "Диагностические" слова по Дерферу: *kunäj* 'рубашка', *gänä* 'клещ', *tär* 'пот', *daš* 'камень', *palčux* 'грязь', *pux* 'помет', *piš-* 'варить'. Вопреки его мнению, они не следуют в основном за азербайджанским (*kunäj* 'рубашка' во всех огузских языках имеет *k-*, *gänä* 'клещ' имеет форму с *g-* в тур. и туркм., *pux* 'помет', действительно, демонстрирует азербайджанское оглушение перед *x*, в тур. и туркм. – с *b-*; *tär* 'пот', *piš-* 'варить' – как в турецком, *daš* 'камень', *palčux* 'грязь' – как в азерб. и туркм.).

6. Конечное **-g* неодносложного слова пропадает (*jaγlu*), конечное **-g* односложного слова сохраняется (*jaγ*), интервокальное *γ* ведет себя в части говоров устойчиво, в собственно сонкорском говоре переходит в *v* или *j* в зависимости от вокалического окружения: *su̯v/git* 'ива', *du̯v/gi* 'рис'.

7. По рефлексам конечных взрывных мало данных: губной с огузским озвончением *di̯v* 'дно', зубной *gut* 'зад', *but* 'бедро', *Gatux* 'простокваша', после первично долгого гласного – *ār/D/t* 'имя', в многосложной основе *arvar/t* 'женщина', *su̯vit* 'ива'; аффриката после краткого гласного *q/Gič* 'нога', в многослоге *aγaǯ/č*; гуттуральный после краткого: *pux* 'кал', *čux* 'больше', в многосложной основе *arux* 'худой', *dirnax* 'ноготь', *bärmaγi* 'его ноготь', *ü/i̯räj/g* 'сердце', *künäj* 'рубашка'.

Туркменский

Литературная система

p	*b/β*	*ɸ[f]*	*w[v]*	*m*		
t	*d*	*θ*	*ð*	*n*		
č	*ǯ*	*š*	*ž*	*j*	*r*	*l*
k	*g/γ*	*[x]*		*ŋ*		
(q)	*(G)*	*[h]*				

В квадратных скобках – фонемы, употребляющиеся только в заимствованиях. Варианты, разделенные наклонной чертой, распределены таким образом: *b* в начале слова и после взрывного согласного: *baγ, beγ, kepbe*; *β* между гласными, перед согласным и после сонорного или щелевого согласного: *jaβy, taβšyryk, urβa, esβap*; *g* в начале слова и после согласного *k*: *gejim* 'одежда', *pökgi* 'мяч', *Gawun* 'дыня', *saqGal* 'борода', *γ* в середине и в конце слова: *eγin* 'плечо', *iγde* 'финик', *berγi* 'долг', *eγ* 'сгибай', *ideγ* 'уход', *aγa* 'старший брат', *uγur* 'направление', *batγa* 'болото', *daγ* 'гора'.

В начале слова не бывает в исконных словах: *ɸ, w, ð, ǯ, š* (кроме указательного местоимения), *ž r, l, ŋ*.

Исторические особенности:

**b-* в односложных корнях с *-r, -l* не показывает переход > *v-*: *bol-* 'быть', *ber-* 'давать', *bar* 'имеется' (хотя переход начального *b* > *v* в любых корнях довольно часто происходит при внешних сандхи).

**b-* > *m-* при наличии старых носовых в основе: *men, muna, maj* 'жир', *mȭj* < **mögen* 'фаланга', *meŋiz* 'лицо' (но *bejni* 'мозг' < **bejŋi*).

*-*b*: **eb* > *öj* 'дом', **āb* > *āw* 'охота' (после долгого гласного), но ср. *towšan* 'заяц' (после краткого гласного).

Геминация в туркменском довольно распространена, причем геминированные взрывные расподобляются по глухости-звонкости: *saqGal* 'борода', *čekge* 'скула', *japbyllaq* 'без седла'.

p-, t-, d-, k-, g-: см. ниже в разделе "Реконструкция".

В заднерядных словах (для литературного языка) гуттуральный анлаут – в основном звонкий: *Govur-* 'жарить', *Gȳz* 'девушка', *Gol* 'рука'. Имеется 9 корней с глухим анлаутом: *qaq* 'сухой', *qaq-* 'бить', *qa-* 'какой?', *qašyq* 'ложка', *qow-* 'преследовать', *qoq* 'вонь', *qyrq* 'сорок', *qyl-* 'делать', *qȳn* 'трудный'. Их исторический статус неясен.

Начальное **q-* в вопросительной атрибутивной основе дает рефлекс *h-* (*hajsy* 'который?', *hačan* 'когда?'), но *qalaj* 'какой?', *qanda* 'где?'.

Старое конечное *g* пропадает бесследно в более чем односложных формах (*āǯy* 'горький', *īri* 'крупный', *kiči* 'маленький') либо заменяется на *-k* в случае деэтимологизации аффикса: *erŋek* 'край посуды'. Конечнослоговое и интервокальное *γ/g* изменяется в зависимости от вокалического окружения: между задними *aγač* 'дерево', *aγyr* 'тяжелый', *oγul* 'сын', *uγur* 'удача', *doγar* 'родится', *syγyr* 'корова', *syγar* 'подходит', но **aγu* > *ovu*: *sovut* 'посуда', *Govur-*

'жарить', *ovuz* 'молозиво' и под., ср. **oyy*: *sovuq* 'холодный', *tovuk* 'курица'; между передними: *eger* 'если', *egin* 'плечо', *čigit* 'семечки', **öge*: *böven* 'кишка'; **ögü*: *sövüš* 'жаркое', **egü*: *sövüt* 'ива'.

**ŋ* сохраняется: *aŋ-la-* 'понимать', *meŋiz* 'лицо', кроме некоторых позиций: *bujnuz, bejni, īnče, dyrnaq, süjek.*

Огузское озвончение после старых долгих регулярно: *Gāβyq* 'кора', *Gādaq* 'гвоздь', *čāγa* 'дитя', *āǯy* 'горький'. Полученные в этом случае звонкие на конце слова оглушаются: *Gāp,* Acc. *-βy* 'мешок', *dāt,* Acc. *-dy* 'вкус', *āč,* Acc. *-ǯy* 'голодный'. Неединообразно ведет себя только конечный глухой гуттуральный. В трех словах он озвончается и не показывает оглушения на конце: *čāγ, -γy* 'время', *tüj, -ji* < **tūk* 'пух', *tej, -ji* 'дно, нижняя часть' < **tēk.* Ср. случаи с озвончением после "вторичного долгого": *īk, -γi* 'веретено' < **ijik,* но *čȳγ,* Acc. *čȳγy* 'роса' < **čyj-yk.* В прочих случаях в ауслауте – глухой, а в интервокале звонкий: (*čok, -ku* 'множество'), *āq, -γy* 'белый', *jōq, -γu* 'нет', *gōk, -γü* 'синий, небо', *tāk, -γi* 'нечетный, единственный'.

Не оглушается старый звонкий конечный гуттуральный (там, где он не отпал, т.е. в односложных словах): *jaγ, dāγ* (но ср. диал. *jāk* 'сторона', *āk* 'сеть').

В неодносложных основах исконного происхождения конечный *-k* озвончается в интервокале регулярно: *Gatyq – Gatyγy* 'простокваша', *kömök, -γü* 'помощь'. Конечный *-p* – в исконных словах озвончается (*alyb-raq*), в заимствованных – озвончаются и не озвончаются в основном в зависимости от этимологии: *Garyp, -βy* 'бедный', *kitap, -βy* 'книга', *tanap, -py* 'веревка'. Конечный *-t* в исконных словах озвончается всегда, за одним исключением: *sövüt, -dü, jiγit, -di, čigit, -di, sowut, -dy, sowγot, -dy, ujot, -du, bürγüt, -dü, bulut, buldy,* но *Gānat, -ty* (парадигматическое выравнивание?). В заимствованиях – *polat – polady, edeβijat – edeβijaty.* Аффриката: *aγač, -ǯy.* Таким образом, можно считать, что, за пределами действия аналогических процессов, конечный взрывной неодносложного слова не отличается от конечного взрывного односложного слова после долгого гласного.

Диалектные явления

Основные явления в области консонантизма, расчленяющие туркменскую языковую область, следующие:

1. Спонтанное развитие: човдурский и нохурский диалекты, а также энев, эски, сурхы, арабачи, кырач, чандыр, мукры, хатап, баят, чегес, хасар – *θ, δ* литературного языка соответствуют зубные *s, z* (соответственно этому все туркменские диалекты делят на две группы: "апикальную" и "дорсальную").

2. Позиционные развития:

Начало слова. По-видимому, в ряде диалектов действуют иные, чем в литературном языке, правила выбора звонкого-глухого зубного и губного в начале корня, но при отсутствии недифференциальных диалектных словарей эти правила невозможно выяснить. Отметим только, что имеются *t*-рефлексы для слов, которые по всем остальным огузским языкам дают бесперебойно *d-*: *tȭrt, toqquz* (объясняют кыпчакским влиянием, но вряд ли это годится для таких диалектов, как сарыкский, салырский, эрсаринский); и для слов, имеющих *t-* в тур., гаг.: *tāš, tart-, terek, turna, tyrnaq* (сарык, човдур, нохур, мукры, хатап, кырач, эски, т.е. по большей части "дорсальная" группа; Амансарыев 1970, 202). *P*-рефлексы вообще давольно беспорядочны, здесь отмечены, например, *pejni, pišir-, pit-, pyčGy, pozuq, pütöw* (по большей части йомудский, но вообще – по обеим группам говоров; Амансарыев 1970, 206). Что касается начального гуттурального, то выделяется группа говоров со сплошным начальным *q-* (кырач, чегес, чандыр); кроме того, в других говорах "дорсальной" группы (сурхы, мукры) *q-* более употребительно, чем *G-* (Амансарыев 1970, 203).

Середина слова. В йомудском диалекте отмечена замена глухого интервокального *-p-* на *-f-*: *kefek* 'отруби', *jafy* 'склон'. В диалектах нохур, алили, дуеджи, чегес, анау, кырач, чандыр литературному варианту фонемы *b* в интервокале (*β*) соответствует *w*: *öwa* 'деревня'. Относительно поведения интервокальных гуттуральных ср. в нохурском: *baxa, ekän* (ТДП 151).

Конец слова. Для ряда диалектов отмечено наличие полузвонких в позиции конца слова после долгих (йомуд, эрсары, сакар, чегес, чандыр, кырач, човдур, салыр, теке; Поцелуевский 1975, 95, Амансарыев 1970, 201-206): текин. *āD, jāB.* Что касается гуттурального после долгого, а также конечного взрывного неодносложной основы, зафиксировано эрсари *jōq, axtyq* (во фразовой позиции перед гласным – *G), ijelik* (во фразовой позиции перед гласным – *g*) (Аннануров и др. 1972, 16-29). Для ряда диалектов "дорсальной" группы описано развитие различных типов: Нохур: *ax, jox, ojmax – ojmaγa* (в переднем ряду колебания: *bilmäx – etmäγe, üräx, jerik/jerix* – ТДП 145-147), Сурхы: *japraγ, jandaγ, jaxšylyγ,* редко *čyβyx*; Маныш: *dox, Gyrx, taβaγ, dušaγ, saylyγ.* Видно, что в нохурском диалекте поведение после долгого и в конце неоднослога одинаково; для других двух типов поведение смычного на конце после долгого не зафиксировано.

Боджнурди

p	*b*	*f*	*v*	*m*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		
č	*ǯ*	*š*	*j*	*ń*	*r*	*l*
k	*g*	*[x]*		*ŋ*		
(q)	*(G)*	*[h]*	*γ*			

Таблица носит несколько условный характер, так как о фонологическом статусе ряда единиц (в велярном и поствелярном ряду, а также *ń*) нет данных.

b- в односложных корнях с *-r, -l* не показывает переход > *v-*: *ber-* 'давать'.

b- > *m-* при носовых в основе, условия неясны: *män, miŋ.*

p-: *pälisindä* 'возле' при *bir, biz, beš* и др.

Геминация: *jeddi, säkkiz, dokkyz* (NB: в туркменском на числительных ее нет).

t-, d-: *tök-* 'лить', *duj-* 'чувствовать', *dert* 'четыре', *dokk/qqyz* 'девять', *dalisindä* 'позади'.

k-, g-: *gäräj* 'должен', *kiči* 'маленький'.

Гуттуральный анлаут в заднерядных словах: *qal-* 'оставаться', *qardaš* 'брат', *qyrx* 'сорок', но *Goj-* 'класть'.

Начальное **q-* в вопросительной атрибутивной основе: *hardä* 'где', *hajrä* 'куда', *hačan* 'когда' (набор, скорее, азербайджанский, ср. полное отсутствие нефрикативного рефлекса).

Старое конечное *g* пропадает: *kiči* 'маленький'. Интервокальное *γ/g* между передними: *eger* 'если' (заим.), но *jirmi* 'двадцать'.

ŋ сохраняется в конце слова: *miŋ* 'тысяча', *-niŋ* - показатель генитива, в интервокале: *-iŋiz* показатель принадлежности (2 л. мн.ч.).

Огузское озвончение после старых долгих: неясно. Зафиксирован случай глухого после старого долгого в интервокале: *siti* 'молоко-его' (парадигматическое выравнивание?).

Глухой гуттуральный в середине и конце слова в заднерядных словах > *x*: *jaxšy* 'хороший', *jyxardä* 'наверху', *čox* 'много', *qyrx* 'сорок', но *-maq* показатель инфинитива. В переднерядных словах как будто бы озвончение на конце в неодносложной основе: *gäräj* 'должен', *iläj* 'перед', но ср. *išik* 'дверь' – Acc. *išiji*.

Кажется, что суммарно "азербайджанских" признаков больше, чем "туркменских", но слишком мало материала для оценки их классификационной значимости.

Хорезмские говоры узбекского[33]

p	*b*	*(f)*	*v*	*m*	
t	*d*	*s*	*z*	*n*	
č	*ǰ*	*š*		*r*	*l*
k	*g*	*[x]*	*j*		
q		*[h]*	*γ*	*ŋ*	

**b-* в односложных корнях с *-r, -l*: *bar-* 'ходить', *bol-* 'быть', но *vär-* 'давать', ср. *biläп/viläп* 'вместе'; Ургенч (по Dobos 1974): *war, wär-, wol-/ol-*.

**b-* > *m-* при носовых в основе: *mäп, muna, maj* 'жир', *meŋiz* 'лицо', *mejin* 'мозг'.

p-: *pat* 'сила', *pitin* 'весь' при *bir, biz, beš* и др.

**-b*: *öj* 'дом'.

Геминация: *jeddi, saqqyz, saqqal, doqqyz*.

Падение *j-* перед узкими: *ilan, üzüm*.

t-, d-: *tök-* 'лить', *dodaq* 'губа', *doqqyz* 'девять' и др.

k-, g-: *get, gül* 'зола', *gir, gäräk* при *kiči* 'маленький' и др.

Гуттуральный анлаут в заднерядных словах глухой (кроме заимствований): *qal-* 'оставаться', *qulaq, qyjma, qovuz*.

Начальное **q-* в вопросительной атрибутивной основе: *qassy* 'какой', *hän* 'что, что случилось?'.

Старое конечное *g* неодносложной основы пропадает: *kiči* 'маленький', *ully* 'большой', *sary* 'желтый'; ср. односложную основу *jaγ*. Интервокальное **γ/g* развивается в зависимости от вокалического окружения: *aγač, aγyrt-, ovuz* 'молозиво' (**aγu*), *sowuq, towuq* (Dobos 1974); *egilik* 'хороший', или *eji; ejäv* 'напильник'.

ŋ сохраняется: *jaŋa* 'новый', *maŋa, -nyŋ* – показатель генитива, *-yŋyz* – показатель принадлежности.

Огузское озвончение после старых долгих гласных: *ova* 'деревня', *dīv* 'дно' (при *sap* 'рукоятка' – первично краткий), *odyn* 'дрова', *ād* 'имя', *ady* (Dobos 1974) (*at* 'лошадь' – первично краткий), *gedip, ăǯy* 'горький', *ōǯ* 'месть', *ūč* – *ūǯy* 'конец', *čăγa* 'дитя'. Гуттуральный на конце односложной основы после первично долгого гласного: *gök* 'синий', *jāq* 'нет', *āq* 'белый' (по-видимому, не озвончается в интервокальной позиции); иначе *tej* 'дно'. Конец двусложной основы: гуттуральный на конце слова глухой, в интервокале не озвончается – *dešik, gäräk, biläkä, üräkä* (Абдуллаев 1961, 271), *ešikinda, ajaqy* (Dobos 1974), *qulaq – qulaqym* (в отличие от кыпчакских говоров, где, независимо от долготы, *tamaq – tamayy, aq – ayy, kök -kögi, čyk – čyyyp* Абдуллаев 1961, 137); зубной на конце слова глухой, в интервокале не озвончается *sōγat – sōγatysan* (ср. бывший двуслог *ūrt – ūrtym* 'защечная область'), губной на конце слова – в деепричастии глухой/звонкий (в зависимости от фразовой позиции), в интервокальной позиции озвончается и спирантизуется: *baryp/b – baryvädym* (в одном говоре *barypädim* – с сохранением диэремы?), но *kitap – kitapym* (Dobos 1974). Такая картина, по-видимому, результат прошедшего почти по всем категориям парадигматического выравнивания.

Саларский

'p'	*p*	*f*	*v*	*m*		
't'	*t*	*s*	*z*	*n*		
'c'	*c*	*ś*				
'č'	*č*	*š*		*j*	*r*	*l*
'k'	*k*	*x*		*ŋ*		
'q'	*q*	*χ*				
	h					

Система согласных саларского языка отличается в первую очередь тем, что фонологическому противопоставлению по глухости-звонкости здесь соответствует противопоставление по силе-слабости (придыхательности-непридыхательности). Описываются как противопоставленные по этому признаку фонемы *p* (с вариантами *B, b*) – *'p'* (с вариантами *p, '*), *t* (с вариантами *D, d*) – *'t'* (с вариантами *t, '*), *k* (с вариантами *G, g*) – *'k'* (с вариантами *k, '*), *q* (с вариантами *G, γ*) – *'q'* (с вариантами *q, '*), *č* (с вариантом *ǰ*) – *'č'* (с вариантом *č*).

[33] Источник – Абдуллаев 1961.

Минимальные пары: *pyčax* 'горох' – *p'yčax* 'нож', *taγan-* 'расходиться' – *t'aγan* 'толокно', *at* 'имя' – *at'* 'лошадь', *kumur* 'уголь' – *k'umur* 'мост', *qala-* 'разводить огонь' – *q'ala* 'где'. Противопоставление, как можно заметить по совпадению ряда вариантов фонем, сильно затемнено варьированием произношения в зависимости от фразовой позиции и, видимо, свободным варьированием. Само развитие фонологической системы согласных, как полагает Э.Р.Тенишев (Тенишев ССЯ 57-60), прошло под сильнейшим влиянием севернокитайской и тибетской систем (ср. еще развитые аффрикатные ряды). Исторические отношения в фонетике, таким образом, мы ниже рассматриваем довольно условно.

**b-* > *v-*: не только в односложных корнях с *-r, -l*; *var* 'есть', *var-* 'идти', *ver* 'дай', *vax* 'посмотри', *vaš* 'голова', *vala* 'ребенок', *velän* – показатель Instr., *vo(l)-* 'быть', *vo* 'он', ср. с протезой *vur-* 'бить', *vuri* 'погреб', *vus-la-* 'горевать'. Все корни с *v-* < **b-* представлены также в варианте с *p-* (но не наоборот); судя по примерам, вариант с *v-* выступает во фразовой позиции интервокала.

**b-* > *m-* при носовых в основе: *men, menzi* 'щека', *meŋ* 'родинка', *mo* 'этот' (по аналогии с косв. формами).

**-b*: *öj* 'дом', *su* – *suv-uŋ* 'вода'; *jü-* 'мыть'; **b-*: *qox* 'дупло', *chüvir-* 'переводить' < *chevir-*, *qovu-*, *qōla-* 'преследовать', *sova-* 'мазать', *sōžǐ* 'сват'.

Геминация: *tikke* 'кусок', *ottos* 'тридцать', *piččax* 'нож', но *jeti, sekis, saγ/xal, toqos*.

Падение *j-* перед узкими: *ileh* 'костный мозг', *inžix* 'голень', *(j)igne* 'игла'.

Палатализация: в восточных говорах саларского языка дентальные смычные перед переднерядными и узкими гласными переходят в свистящие аффрикаты: *c'yrnax* 'ноготь, копыто', *ac'y* 'его конь', *inci* 'теперь', *jici* 'съел'. *Š* при палатализации > *ś*: *śu* 'этот', *iś* 'дело'.

Переход *č* в *š* на конце слога: *ač-/š/ś-* 'открывать', *ič/š/ś* 'внутри', *aγač/š/ś* 'дерево'.

Что касается анлаутной "звонкости-глухости", то старые соответствия здесь явно сильно затемнены последующими процессами, характерными для региона. Во всяком случае, наблюдается просодический перенос придыхания со второго ("глухого" = сильного) согласного на первый в словах с начальным дентальным: *t'örten* 'шуба', *t'ö'* (< *töp-*) 'лягать', *t'öt* 'четыре', *t'u'(t)-* 'хватать', *t'üx* 'шерсть', *t'ǖ* 'низ' (< *dǖp*), *t'ütyrγan* 'рис'. Ср. также два слова, имеющих в качестве варианта начальное *p'*: *p'urny* 'нос', *p'yč(č)ax* 'нож', и шесть слов, имеющих как вариант начальное *q'*: *q'ač-* 'бегать', *q'ale* 'где', *q'ara* 'черный', *q'aryn* 'желудок', *q'oltux* 'подмышка', *q'ȳz* 'дочь'; но, например, *qa(l)-/γa(l)-* 'оставаться' (возможно, старое противопоставление глухого и звонкого гуттурального). Сильная вариантность в зависимости от фразового контекста также затемняет картину.

Что касается гуттурального анлаута в заднерядных словах, то, к вышесказанному, ср. *qajsy* 'который', *qačan* 'когда'.

Старое конечное *g* неодносложного слова пропадает: *āžy* 'горький', *kiči, kič'i, kiž'i* 'младший'. Интервокальное *γ/g*: *aγač, aγyr* 'больной', *qurmaš* 'жареные зерна' (**aγu*), *sox* 'холодный', *tox* 'курица'; *egir* 'кривой', *joγan* 'толстый'; ср. также *paγ/xyr* 'печень', *jü'kür-* 'бежать' < *-g-*. Конец слова: *jaγ* 'жир', *peg/k* 'правитель', *sax* 'правый' (< *-g*), *tax/γ* 'гора'.

ŋ сохраняется: *meŋ* 'родинка', *jaŋy* 'новый', *yaŋli* 'повозка', *maŋa, -nyŋ* показатель генитива, *-yŋyz* показатель принадлежности. Но ср. *enix* 'подбородок', *inex* 'корова', *senix* 'кость' (интервокальная позиция в переднем ряду?).

Рефлексы огузского озвончения после старых долгих так же, как и ряд других огузских особенностей, затемнены последующими процессами. Более или менее очевидны они для губных: *čüin* 'муха' (**čȳpyn*), *jōva* 'вилы' (**jāpa*), *sovan* 'соха' (туркм.диал. *sāvan*, тур. *saban*, но аз. *sapan*); *t'ǖ* 'низ, низовье, север' – *tövü* (NB: ни один из этих случаев не дает вариантов с *-p-*). Такой же переход > *v* (с последующим выпадением), по-видимому, происходит в случае сочетания *-p*C: *qāvu* 'ворота, дверь' (< *-pγ-*?), *ava/apa* 'отец' (ср. тур., аз., туркм.диал. *aba*), *avar-, apar-, afar-* 'уводить' (**-pp-*?). Губной после краткого обычно не дает озвончения, но может исчезать, оставляя придыхание: *ju'ar* 'мускус', *čap-/'-* 'ударять', *čöp'/'/f* – 'трава', *jip* 'нитка', *ko'p/flin-* 'увеличиваться', *taf/'p/'-* 'находить', *ü'en, ühhen* 'легкие', но ср. *xop-/f-* ~ *xu'-* ~ *xu-* 'вставать, подниматься', *xovar-, xōr-, xo'par-* 'воздвигать'. Таким образом, на синхронном уровне разница в поведении глухого губного после древних долгих и древних кратких как будто отсутствует, но, тем не менее, исторически она все же имеется: во-первых, для случая после краткого обычно имеется вариант с *p/p'/f/'* , а для случая после долгого его нет; во-вторых, что очень важно для относительной хронологии процессов, в случае после долгого наблюдается огубление предшествующего гласного, видимо, под влиянием *v* < *p*, что заставляет предположить, что переход *p* > *v* после долгого проходил раньше перехода *p* > *v* после краткого.

Для дентального *t* рефлекс "озвончения" довольно хорошо виден в интервокальной неизменяемой позиции, т.е. внутри двусложной основы: *tōtax* 'губа', *ītüx* – *itigu* 'сапоги', *pūtax* 'ветка', *tütülüx* 'флейта', *qātyn* 'женщина' не показывают вариантов с придыхательным. На конце слова ситуация сложнее. Хотя в качестве минимальных пар и приводится *at* 'имя' – *at'* 'лошадь', а в интервокале мы имеем *ātyny* 'свое имя', *atym* 'мой конь', *at'yna* 'коню', *at'nigi* 'коня', что позволяет предположить здесь такое же противопоставление, как внутри двусложной основы, но в других случаях на конце однослога после долгого появляется придыхательность, которая не пропадает в интервокале и перед сонантом: *o(')t, ot'ne* (Gen.) 'огонь', *sü't* 'молоко', *süt'ne, sü' išina* 'в молоко', *e't-* 'делать' = *e't* 'мясо'. Можно предположить, что в данном случае продействовала парадигматическая унификация по номинативу. Ср. конец двусложной основы в интервокале: *armut* – *armutyŋden* 'из твоих груш' (без придыхания), ср. также *qanat, pulyt* (без вариантов с придыхательным).

Аффриката в интервокале после краткого, насколько можно судить, не получает "озвонченных" (непридыхательных) вариантов: *koža* 'каша', *keže/ keč/č'i* 'вечер', *āžy* 'горький', *oč/'č'/žax* 'очаг', но *kiči, kič'i, kiž'i* 'младший'. О поведении однослогов и конца двуслогов трудно что-либо сказать, ср. *ač-/š/ś-*

'открывать', *ič/š/ś-* 'внутри', *ayač/š/ś* 'дерево'.

Глухой гуттуральный (который в конечнослоговой позиции обычно спирантизуется) в неизменяемой интервокальной позиции после старого долгого обычно имеет озвонченный вариант: *paqa, payа-ya* (Dat.) 'лягушка', *ayy-ine* 'братья' (ср. после краткого *pax- = pa'-* 'смотреть', *tök- = tö'-* 'лить', *oxu-* 'читать', *čyx-* 'выходить', *čiqa-* 'выводить', *čyxar-* 'вытаскивать', но *čögüj-/čök/xuj-* 'преклонять колена'). На конце однослога, по-видимому, проходит оглушение с последующей парадигматической унификацией: *jox, joxar* 'нету', *t'ux* 'шерсть', *k'öx/'/h* 'голубой', *ax* 'белый', *axaǯux* 'беленький', *axemtux* 'беловатый', но в деэтимологизированных образованиях – *ayun* 'белая мука', *ayyr-* 'бледнеть'. На конце двусложной основы оглушение, в интервокале – озвончение: *tox* 'курица', *qox* 'дупло', *sox* 'холодный', *kox – kogy* 'кора, скорлупа', *enix* 'подбородок', *inex* 'корова', *senix* 'кость', *ašagy* 'низ' (окаменелая форма принадлежности), *emegiŋten* 'из твоего хлеба', *kurugu* 'его хвост'.

Оглушается на конце *-z*: *sekis* 'восемь', *toqos* 'девять'.

Отметим также удивительное слово *atyx* 'медведь' (при *ajax* 'нога') – по мнению Э.Р.Тенишева, заимствование из древнеуйгурского (Тенишев ССЯ 253).

Что касается относительной хронологии различных явлений в консонантизме саларского языка, здесь следует отметить, что, во-первых, огузское "озвончение" после долгого (как было показано выше) предшествует тотальному ослаблению интервокала, во-вторых, следует предполагать, что возникновение придыхательного дентального начала под влиянием второго придыхательного независимо от долготы гласного предшествовало этому "озвончению". Тогда этот процесс в саларском можно попытаться связать с общеогузским процессом "озвончения" начального дентального под влиянием второго звонкого (независимо от долготы гласного) – см. ниже.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАОГУЗСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

А. Начальная звонкость/глухость

Дентальные

Попытку реконструировать для пратюркского анлаута оппозицию по звонкости-глухости впервые предпринял В.М. Иллич-Свитыч (Иллич-Свитыч 1963, Иллич-Свитыч 1965). В этих работах предполагается, что старые звонкие (слабые) дали бесперебойные звонкие рефлексы в огузских языках, бесперебойные слабые в саянских; старые глухие (сильные, придыхательные) дали перебой звонкости/глухости (соответственно, силы-слабости) в этих группах; варьирование рефлексов второго типа не объяснялось[34]. Более традиционная точка зрения на анлаутное противопоставление – что в огузских и саянских языках оно вторично и возникло вследствие междиалектного варьирования. Однако при увеличении объема алтайских сопоставлений действительно обнаруживается, что огузская и саянская оппозиции имеют некоторые генетические корни, хотя и не тождественные предположенным В.М.Иллич-Свитычем. Так, полная роспись материала по начальным *t/d* позволяет обнаружить сложную систему распределения рефлексов[35]. Оказывается, что в огузских языках наблюдается в основном три ряда соответствий: а) тур., гаг., аз., туркм. *d*, б) тур., гаг., аз., туркм. *t*, в) тур., гаг. *t*, аз., туркм. *d* (только в заднерядных словах). Последний ряд, по-видимому, включает в себя те слова, для которых в современном турецком отмечен вариант произношения с начальным непридыхательным *t* (Кондратьев 1976, 15) и, возможно, они же записывались преимущественно с помощью эмфатического *t* в староанатолийских памятниках. Кроме того, в азербайджанском в позиции *dVx-* регулярно происходит оглушение начального *d*; в туркменском литературном языке встречаются нерегулярные оглушения в словах, которые легко опознаются как кыпчакские заимствования. В саянских языках соответствия в значительной степени сбиты следующими вторичными перераспределениями: 1) в тувинском, если инлаутный согласный несет фарингализацию, при закрытом слоге начальный согласный глухой, при открытом – звонкий; орфография (а в нормированном произношении, видимо, и фонетика) глаголов с дентальным началом выровнена по императиву[36]; 2) в случаях, когда серединный придыхательный (фарингализованный) *k* или *p* выпадает (ср. тув. *тос* 'девять', *сес* 'восемь'), в тувинской орфографии и тофаларской транскрипции В.И.Рассадина начальный согласный регулярно записывается как *t* (придыхательный); аудирование соответствующих тувинских примеров позволяет достаточно четко слышать *непридыхательный* начальный *t*, за которым следует сильное придыхание на гласном[37]; 3) по-видимому, общетувинско-тофаларский процесс: при наличии в середине слова шумного смычного согласного после исторически краткого гласного начальный согласный оглушается независимо от наличия фарингализации (ср.: тув. *teve,* тоф. *tebe*, прасаян. **Dĕbe* 'верблюд', тув. *tot-*, тоф. *tot-, dot-*, прасаян. **Dŏd-* 'насыщаться', тув. *tö'k-/dö'ger*, тоф. *tö'k-*, прасаян. **Dŏ'k-* 'пролить', vs тув. *dyt-*, тоф. *dyt-, tyt-*, прасаян. **Dy̆d-* 'трепать шерсть', тув. *dük*, тоф. *dük, tük*, прасаян. **Dŭk* (< ПТ **tük*) 'волос').

Получаются следующие типы распределений.

I. Шумный звонкий в инлауте, долгота гласного нерелевантна.

[34] Более упрощенно рассматривается эта рефлексация в Старостин 1991, 13, а именно вторичными считаются показания всех языков, кроме туркм. и аз.

[35] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность О.А.Мудраку, с которым мы неоднократно обсуждали данную проблематику и который любезно предоставил мне свою роспись тофаларских материалов по работам В.И. Рассадина и тувинских по источникам, отмечающим фарингализацию. Приводимый ниже тувинский материал получен в основном из стандартных словарей, наличие фарингализации проверено по Бичелдей 2001. Тофаларский материал приведен по Рассадин 1971 и Рассадин 1995; в случае расхождения формы слова по источникам указывается источник при форме из Рассадин ФиЛ.

[36] См. Иллич-Свитыч 1963, со ссылкой на работу: *Пальмбах А.А.* Система согласных тувинского языка и ее отражение в письменности // Учен. зап. ТувНИИЯЛИ. IV. Кызыл. 1956. С. 111-112.

[37] Аудирование производилось в 1989 г. О.А.Мудраком и мной, диктор - П.Серен, которая согласилась с нашей интерпретацией.

Нейтрализация противопоставления – ПТ **d-*, в огуз. все рефлексы *d*, в саян. *d*; в тув. *d-* > *t-* в случае пратюркского инлаутного **δ*, который закономерно отражается в саян. как *t*. Таким образом в ПТ произошло тотальное озвончение в соответствии как с алт. **t-*, **č-*, так и с алт. **t'-*[38].

С кратким гласным – а) алт. **t-*, **č-*: 1. Товар: тур. *davar*, аз. *davar*, туркм. *dovar*; ПТ **dabar*, монг. **daji-la-* 'дарить, распределять'. 2. Таволга: тур. *davylga*, диал. *davulku*. ПТ **dabylku*, монг. *čibaga* 'ююба', ТМ **dibe-kte* 'карликовая береза'. 3. Спешить: тур. *davran-*, гаг. *davran-*, аз. *davran-*, туркм. *dābyra-*[39], хор. *dawrän-*, тоф. *dyyrak* 'торопливый': ПТ **dabra-*, монг. *dabi-* 'подгонять', *dab-ki-* 'спешить', ТМ: маньчж. *dabdali* 'ретивый'. 4. Старший родственник по матери: тур. *dajy*, гаг. *dajka* (< *daj-aka*), аз. *dajy*, туркм. *dājy*, тув. *daaj*, тоф. *daaj*. ПТ **dagaj-y* (см. VEWT 455), ТМ **dān* 'род, из которого берут невесту'. 5. Меняться: тур. *deɣiš-*, гаг. *diiš-*, аз. *däjiš-*, туркм. *degiš-*. ПТ **deg-iš-*, стоить: тур. *deɣer-*, аз. *däjär-*, туркм. *deger-*. ПТ **deger-*, монг. **düji-* 'покупать оптом', ТМ **ǯuge-* 'обмениваться'. 6. Белка: тур. *dejin, deɣin* (диал.), тув. *dīŋ*, тоф. *dīŋ*. ПТ **degiŋ*, ТМ **ǯukun* 'выдра' (?). 7. Не: тур. *deɣil*, гаг. *diil*, аз. *dejil*, туркм. *dəl*, хор. *tïl* (позиционное?). ПТ **degül*, монг. **deɣüren* 'полный', ТМ **dagu* 'содержимое, наполнять'. 8. Бить: тур. *döv-*, гаг. *düü-*, аз. *döj-*, туркм. *döv-*, хор. *döw-*. ПТ **dög-*, ТМ **dug-* 'бить, колотить'. 9. Застегивать: тур. *düɣ-*, гаг. *düü-*, аз. *düj-mä* 'пуговица', туркм. *düv-, düg-*, хор. *düme* 'пуговица', тув. *düj-/düɣ-* (*dür, düjer*), тоф. *düɣ-*. ПТ **düg-* (из тюрк. монг. *tüjime* 'пуговица'), монг. *deɣe-* 'зацепляться, завязывать'. 10. Кромсать: тур. *doɣra-*, гаг. *doora-*, аз. *doɣra-*, туркм. *doɣra-*, хор. *dō(ɣ)ra-*, тув. *doora-*, тоф. *doora-*. **doɣra-*, ПТ **dogra-*, ТМ **dura-*. 11. Прямой: тур. *doɣru*, гаг. *doɣru*, аз. *doɣru*, туркм. *doɣru*, хор. *dō(ɣ)rä*, тув. *doora*. ПТ **dog-rə*, ср.-монг. (СС) *doyi-* < *doɣi-* 'in Ordnung halten, zurecht machen'. б) алт. **t'-*: 1. Мешок: тур. *daɣar*, гаг. *daar*, аз. *daɣar*, туркм. *(taɣar-*[40]*)*, тув. *taar* (< *dh-*, или из монг.). ПТ **dagar*. (Заимств. в монг. *taɣar*), монг. **toɣugan* 'котел', ТМ: эвк. *taɣa* 'берестяной короб'. 2. Насыщаться: тур. *doj-*, гаг. *doj-*, аз. *doj-*, туркм. *doj-*, хор. *doj-*, тув. *tot-, todar-*, тоф. *dot-* (ФиЛ), *tot-*. ПТ **doδ-*, монг. *tosun* < **tod-sun* 'жир', ТМ: эвк. *tude-* 'закрепить (о кишечнике)'. 3. Рожать: тур. *doɣ-*, гаг. *doɣ-*, аз. *doɣ-*, туркм. *doɣ-*, хор. *doɣ-*; ПТ **dog-*, ТМ **tugu-* 'телиться, щениться': эвен. *tuɣ-*, нан. *tug-bu-* 'класть яйца'. 4. Сокол: тур. *doɣan*, гаг. *duan, dyjan* (из монг. *tujiɣan*). 5. Верблюд: тур. *deve*, гаг. *devä*, аз. *devä*, туркм. *düje*, тув. *teve*, тоф. *tebe*. ПТ **debe*, монг. *temeɣen*, ТМ **tibŋa*. 6. Опрокинуть, уронить: тур. *devir-*, гаг. *devir-*, аз. *dävir-*, туркм. *deril-* (Pass.). ПТ **debir-*, монг. **teɣe-* 'нагружать', ТМ **teb-* 'класть, помещать'. 7. Касаться, достичь, попасть в цель: тур. *deɣ-*, гаг. *dej-*, аз. *däj-*, туркм. *deg-*, хор. *dej-*, тув. *deɣ-* (*dēr*), тоф. *deɣ-*. ПТ **deg-*, монг. *teg* 'середина, сторона', ТМ **tegēr/n* 'край'. 8. Палка: тур. *deɣmek*, гаг. *dejnek*, аз. *däjänäk*, туркм. *degenek*. ПТ **degenek*, монг. **tujiban*, ТМ **tüjŋipun* 'посох'. 9. Вертеть: тур. *deɣir-* (*deɣir-mi* 'круговой, кольцо'), аз. *dijir-* (*däjir-mi* 'круговой, кольцо'), туркм. *degre-*, хор. *dijrǯek* 'кольцо', тув. *deerbek* 'кольцо', тоф. *deerbek* 'кольцо'. ПТ **degi-r-*, монг. *töge-ye* 'круг, колесо', *tögej* 'дуга'. 10. Тот: сал. *düɣü*, тув. *döö*, тоф. *dee*. ПТ **de-gü*, монг. *te-*, ТМ **ta-*. 11. Вчера: (вторично связалось с *tün* 'вечер, ночь') тур. *dün*, гаг. *dün*, аз. *dünän*, туркм. *düjn*, тув. *düün*, тоф. *düün*. ПТ **dü-gün* 'тот день'. 12. Прижигание: тур. *dögün* 'клеймо', тув. *dön* 'фитиль'. ПТ **dögün*, монг. **tügi-* 'пожар, костер', ТМ **toga* 'огонь'. 13. Копыто: тур. *dujnak*, туркм. *tujnak* (диал. *dojnak*), хор. *tujaq*, тув. *dujug*, тоф. *dujug* (ФиЛ), *tujug*. ПТ **dubńag*, монг. *tuwra, tuɣur* то же, ТМ **tüpa* 'ноготь'. в) алт. неясно: 1. Телка: тур. *düve*, гаг. *düvä*, аз. *düjä*, туркм. *tüve* (кыпч.). ПТ **dübe*. 2. Обрушенная крупа: тур. *düɣü*, аз. *düji*, туркм. *tüvi* (кыпч.).

С долгим гласным – а) алт. **t-*: 1. Препятствовать: туркм. *dyj-*. ПТ **dȳd-*, монг. **čidör* 'путы', ТМ: маньчж. *dadari* 'западня'. б) алт. **t'-*: 1. Гора: тур. *daɣ*, гаг. *daa*, аз. *daɣ*, туркм. *dāɣ*, хор. *dāɣ*, тув. *daɣ*, тоф. *daɣ*. ПТ **dāg*, монг. *tajiga*. 2. Расходиться, разделяться: тур. *daɣyl-*, гаг. *daɣa-*, аз. *daɣyl-*, туркм. *dāɣa-*, хор. (Caus.) *dāɣyt-*, караг. *dagɣ-*. ПТ **dāgɣ-*, монг. **taji-la-* 'развязывать', ТМ **taga-* 'зацепиться, запутаться'. 3. Закрывать, запруживать: туркм. *dū-la-*, тув. *duɣ-da-*, тоф. *duɣ*. ПТ **dūg*, монг. **togsija* 'ловчая сеть', ТМ **tuki-* 'ловить рыбу в узкой протоке ставной сетью'. в) 1. Клеймо: тур. *daɣ*, гаг. *daa*, аз. *daɣ*, туркм. *dāɣ*. ПТ **dāɣ* (иранизм).

II. Шумный глухой в инлауте (озвончающийся в огуз. после долгого гласного), долгий гласный.

Пратюрк. **d* – огуз. *d*, саян. *d* в соответствии с алт. **t-*, **č-* – 1. Губа: тур. *dudak*, гаг. *dudak*, аз. *dodag*, туркм. *dūdak*. ПТ **dūtak*, ТМ **ǯudakta* 'древесный гриб'. 2. Привыкать: тур. *dada-*, гаг. *dada-*, аз. *dada-*, тув. *dadyg-*. ПТ **dādy-*, монг. *dadu-* 'привыкать', ТМ **ǯutī* 'сладкий'. Ср. **tāt* 'вкус', частично контаминированный с этим корнем. 3. Дно, корень: тур. *dip-*, гаг. *dip*, аз. *dib*, туркм. *düjp*, хор. *dïw*, тув. *düp*, тоф. *düp*. ПТ **dūp*, мо. **dowra* 'внизу'. 4. Ступка: тур. *dibek*, гаг. *dübek*, аз. *dibäk* (видимо, производное от предыдущего корня). 5. Сопротивляться: тур. *didin-*, гаг. *didin-*, аз. *didiš-*, тув. *didin-*, тоф. *didim* 'смелый'. ПТ **dïti-*, ТМ **diadu-* 'хлопотать'. 6. Папа: тур. *dede*, гаг. *dedä*, аз. *dädä*, туркм. диал. *dä:de*. ПТ **dāde* (детск. слово). 7. Трепать шерсть: тур. *dit-, didik*, гаг. *dit-*, аз. *dit-, didik*, туркм. *tüjt-/düjt-*, хор. *dït-*, тув. *dyt-*, тоф. *dyt-* (ФиЛ), *tyt-*. ПТ **dūt-*, ТМ: маньчж. *ǯod/to-* 'ткать', ороч. *ǯoduku* 'лента'. 8. (?) Флейта: тур. *düdük*, гаг. *düdük*, аз. *düdük*, туркм. *tüjdük* (развитие перед дифтонгом?). ПТ **dūdük*, ТМ **doda-kan* 'сосуд из бересты'.

Пратюрк. **t* – огуз. *t* по всем языкам, саян. *d* в соответствии с алт. **t'-* – 1. Острие, спица, клинок: тур. *tyg*, аз. *tyx*, туркм. *tȳg*, тув. *dyyn-*, тоф. *dyyn-* 'резать, вонзать'. ПТ **tȳk*, ТМ **tuka-* 'выдалбливать'. 2. Острие: тур. *tig*, аз. *tije*, Возможно, тот же корень (**tyjk-*?). 3. Волос: тур. *tüj*, гаг. *tüj*, аз. *tüg*, туркм. *tüj*, хор. *tüj*, тув. *dük*, тоф. *dük*. ПТ **tūk*, ТМ **tükikta* 'кожа с волосами'. 4. Сохнуть: аз. *täpi-*, туркм. *tebi-*. ПТ **tēpi-* (?), ТМ **tepe-* 'разгораться, гореть'. 5. Ржавчина: тур. *tatu* (диал.), тув. *dat*, тоф. *tadaryq*. ПТ **tāt (/*tōt)*, ТМ **tutar-* 'чесотка' (?).

[38] Относительно этих рядов соответствий в праалтайском см. Старостин 1991, 13.

[39] Контаминация с *dābala-* 'скакать'.

[40] *Tayarčyk* 'пенный пузырек у верблюда'; видимо, кыпчакизм.

Ср. старые заимствования – 6. Чашка: тур. *tabak*, аз. *tabag*, туркм. *tābak*, хор. *tāwax*, тув. *taak (dhaak)*, тоф. *taaq (dhaaq)* (из араб.). 7. Перс. *tāp-* 'обманывать': > тур. *tavla-*, аз. *tovla-*. 8. Знамя: тур. *tug*, гаг. *tug*, аз. *tug*, туркм. *tūg* (тув. *tuk* из монг., тюрк. < кит.). 9. Подкова: хор. *taqa*, тув. *daga*, тоф. *daha* (монг. *taka*). Бродячее слово.

Выпадает из данного распределения 'ступня': тур. *taban*, гаг. *taban*, аз. *daban*, туркм. *dāban*, хор. *tāwan*, тув. *davan*, тоф. *daman*. ПТ **t/dāpan*, ср. монг. *tabag* 'лапа, ступня', ТМ **tabu* 'обувь'. Ожидалось бы ПТ **daban*. Реальные формы, по-видимому, результат контаминации с рефлексами глаголов **dāp-* и **tep-* 'топтать'.

III. Шумный глухой в инлауте, краткий гласный.

Пратюрк. **d* – огуз. *d*, саян. *t* (тув.-тоф. оглушение, тув. *t/d* по вышеназванным правилам) – 1. Ткать: тур. *doku-*, гаг. *doku-*, аз. *toxu-*, туркм. *dokʏ-*, хор. *doqy-*. ПТ **doku-* (заим. в монг. *toki-*), ТМ **duxu-* 'вить веревку'. 2. Трогать, касаться: тур. *dokun-*, гаг. *dokun-*, аз. *toxun-*, тув. *ton-ur-* (*dhonur-*). ПТ **dok-un-*, монг. *dökü-* 'приближаться'. 3. Втыкать: тур. *dik-*, гаг. *dik-*, туркм. *dik-*, тув. *ti'k-/di'ger*; шить: тур. *dik-*, гаг. *dik-*, аз. *tik-*, туркм. *dik-/tik-* (кыпчакизм?), тув. *tig* 'шов' (*dhig* < **tik-ig*). ПТ **dik-*, якут. > эвенк. *tige-*, ТМ **dī-* 'всунуть, вложить' или **dīkē-* 'прятаться'. 4. Строить: тур. *dik-*, аз. *tik-*, туркм. *dik-*. ПТ **dik*. 5. Пролить, просыпать: тур. **dök-*, гаг. *dök-*, аз. *tök-*, туркм. *dök-*, тув. *tö'k-/dö'ger*, тоф. *tö'k-*. ПТ **dök-*, крайне сомнительно сближение с монг. *tügü-* 'распространяться' (VEWT 493).

Пратюрк. **t* – огуз. *t* (видимо, со вторичными развитиями: в переднерядных словах – с озвончением в туркм. перед *p*; перед *k* в заднерядных словах огуз. *t/d* с оглушением в аз.), саян. *t* (тув. *t/d* по вышеназванным правилам).

а) 1. Лодыжка/коленная чашечка: тур. *topuk*, гаг. *topuk*, аз. *topug*, туркм. *topyk*, хор. *topäk*, тув. *do'vuk*, тоф. *to'puk*. ПТ **topyk*, ТМ **tobi-*, монг. *tojiŋ*. 2. Мяч: тур. *top*, гаг. *top*, аз. *top*, туркм. *top*, хор. *top*. ПТ **top*, монг. *topči*, *tobur-* 'шарообразный', ТМ *tupka*. 3. Весь, целиком: тур. *top*, гаг. *top*, аз. *top*, туркм. *top*, тув. *to'p*. ПТ **top*, монг. **tujil* 'конец, предел', ТМ **tiap* 'полностью'. 4. Пыль: тур. *toprak*, гаг. *toprak*, аз. *torpag*, туркм. *toprak*, хор. *topraq*, тув. *do'vurak*, тоф. *to'prak*. ПТ **topyrak*, монг. **toʏurag* то же, ТМ **tap-* 'пачкаться'. 5. Находить: тур. *tapyš-*, аз. *tap-*, туркм. *tap-*, хор. *tap-*, тув. *ty'p-/dy'var*, тоф. *ty'p-*. ПТ **ta/yp-*, монг. *taʏa-* 'отгадывать'. 6. Поклоняться: тур. *tap-yn-*, аз. *tapyn-*. ПТ **tap(-in)-*, монг. *taji-* то же; ТМ **tap-* 'поощрять, советовать'. 7. Держать: тур. *tut-*, гаг. *tut-*, аз. *tut-*, туркм. *tut-*, тув. *tu't-/du'dar*, тоф. *tu't-*. ПТ **tut-*, монг. *todka-* 'задерживать', ТМ **tuta-* 'оставаться'. 8. Загораться: тур. *tutuš-*, туркм. *tutuš-*. ПТ **tutuš-* (возможно, тот же корень). 9. Затвердевший, парализованный: тур. *tutuk*, аз. *totug* 'полный, пухлый', туркм. *tutuk* 'грустный, пасмурный', тув. *do'dug*, тоф. *to'tug*. ПТ **totuk* (в огуз. – контаминация с *tut-* держать). 10. Полный/кончаться: тур. *tüken-*, гаг. *tüken-*, аз. *tükän-*, туркм. *tükel*, хор. *tükäl*, тув. *dö'gü-*, тоф. *tön-*. ПТ **tüke-*, монг. *tögüs* 'полный, завершенный'. 11. Козел: тур. *teke*, гаг. *tekä*, аз. *täkä*, туркм. *teke*, хор. *tɛkɛ*, тув. *de'ge*, *te (dhe)*, тоф. *te'he*. ПТ **teke*, ТМ **tōkī* 'лось'. 12. Катать/колесо: тур. *teker-lek*, гаг. *teker-lek*, аз. *täkär-*, туркм. *teker-*, тув. *teger-* (орфогр.) 'кружиться'. ПТ **teker-*, монг. *tög/küre-g* 'колесо, круг'. 13. Шип: тур. *diken/tiken* (под влиянием *dik-* 'втыкать'), гаг. *tiken*, аз. *tikä/an*, туркм. *tiken*, хор. *tikɛn*, тув. *ten (dhen)*, тоф. *de'hen* (ФиЛ), *te'hen* 'колючка, шиповник, малина'. ПТ **teken*, ТМ **takti-* 'кедр'. 14. Пестрый: тур. *tekir*, аз. *täkir*. ПТ **tekir*, ТМ **taka-* 'пачкать'. 15. Ровный: туркм. *tekiz*, хор. *tɛkiz*. ПТ **tekir*, монг. *tegsi* то же. 16. Кусочек: тур. *tike*, аз. *tikä*, туркм. *tike*. ПТ **tikö*, ТМ *teke-* 'рвать'. 17. Дымить/табак: тур. *tütän-*, гаг. *tüt-*, аз. *tütün*, туркм. *tüt-*, тув. *dü'düskek*, тоф. *tüdüskäk* 'дымка' ПТ **tüt-*.

б) 18. Снежная буря: тур. *tipi*, аз. *tipi*, тув. *dü'vü*, тоф. *tö'pö*. ПТ **tipü*, ТМ **tipa-* 'подниматься (о пыли); пачкать'. 19. Пинать: тур. *tep-*, гаг. *tep-*, аз. *täp-/däp-*, туркм. *dep-*, *dāp-*, хор. *dɛp-*, тув. *te'p-/de'ver*, тоф. *te'p-*. ПТ **tep-*, монг. *teʏe-*, ТМ **tep-te-*. Сюда же 20. Выходить из себя, грозить: тур. *tepin-*, аз. *täpin-*, туркм. *depirǯik* 'ссора'. 21. Втискивать: тур. *tep-*, аз. *täp-*, хор. *dɛp-*. ПТ **tep-*. 22. Убить, зарубить: тур. *tepele-*, аз. *täpälä-*. ПТ **tepe·le-*. 23. Холмик/темя: тур. *tepe*, гаг. *tepe*, аз. *täpä*, туркм. *depe*, хор. *dɛpɛ*, тув. *tej (dhej* < **de'pej)*. ПТ **tepö*, монг. *tebeg* 'волосы на макушке'. 24. Белое пятно на лбу: аз. *täpäl*, туркм. *depel*. ПТ **tepel*, монг. **töʏele*.

в) 25. Сытый: тур. *tok*, гаг. *tok*, аз. *tox*, туркм. *dok*, хор. *doq*, тоф. *to'q*. ПТ **tok*, монг. *togloji-* 'быть крупным, дородным'. 26. Цеплять: тур. *tak-*, гаг. *tak-*, аз. *tax-*, туркм. *dak-*, хор. *daq-*, тув. *ta'k-/ta'gyr* (орфогр.). ПТ **tak-*, ТМ **tax-* 'зацепиться'. 27. Всовывать: тур. *tyka-*, гаг. *tyk-*, аз. *tyxa-*, туркм. *dyk-*, тув. *dy'gy-*, тоф. *tygy-* (фарингализация не отмечена). ПТ **tyk-*, ЮТМ **tiKi-*, монг. *čiki-* то же. 28. Пожирать: тур. *tyk-*, аз. *tyx-*, туркм. *dyk-*. ПТ **tyk-*. 29. Курица: тур. *tavuk*, гаг. *tauk*, аз. *tajuk*, туркм. *tovuk*, хор. *touq*, тув. *da'gaa*, тоф. *taqqyńaq*. ПТ **taky-ńak*, **taky-gu* (> огуз. **tagyku*, NB: отсутствие озвончения), монг. *takija* то же.

IV. Отдельно рассмотрим случаи, когда, по-видимому, старое серединное сочетание глухой взрывной + сонант/взрывной (в том числе геминаты) обеспечивает несколько отличающиеся от предыдущих ряды соответствий (отметим, что в тувинском срединное сочетание взрывных, по-видимому, не закрывает слога).

ПТ **d-*: огуз. звонкий, саян. глухой (?) (тув. *t/d* по вышеназванным правилам) – 1. Отвесный: тур. *dik*, гаг. *dik*, аз. *dik*, туркм. *dik*, отым. глагол *dikg-er-*, хор. *dik*. ПТ **dikk* (ср. отсутствие оглушения в аз.), ТМ **ǯiKe*, монг. *čike* 'прямой, отвесный' (ср. Старостин 1991, 13). 2. Девять: тур. *dokuz*, гаг. *dokuz*, аз. *dogguz*, туркм. *doqqʁz*, хор. *doqqyz*, тув. *tos (dhos)*, тоф. *dɔ'hɔs* (ФиЛ), *tɔ'hɔs*. ПТ **dokkəz*. 3. Девяносто: тур. *doksan*, аз. *doxsan*, (туркм. *togsan* из кыпч.), хор. *doxsan*, тув. *tozan (dhozan)*, тоф. *dɔhɔzon* (ФиЛ), *tɔ'hɔzɔn*. ПТ **dokkəz-on*. 4. Шевелить, побуждать: тур. *depre-*, гаг. *debre-*, аз. *däbär-*, туркм. *depre-*, хор. *derpɛ-t-*. ПТ **depre-*.

ПТ **t-*: огуз. глухой, саян. глухой (тув. *t/d* по вышеназванным правилам) – 1. Ягненок: тур. *toklu*, гаг. *toklu*, аз. *toglu*, туркм. *tokly*, тув. *togdu* (уникальное развитие старого сочетания). ПТ **toklu*, ТМ **tuku-čan* 'олененок', монг. *tugul* 'теленок' (> тоф. *tuhul*). 2. Пряжка: тур. *toka*, аз. *togga*, туркм. *toka*, тув. *tol*

(dhol?). ПТ **tokka*, ТМ **toxan* 'застежка'. 3. Бить, стучать: тур. *tokuš-*, аз. *toguš-*, тув. *tokku-la-*. ПТ **tokku-*, ТМ **tok-ta-* 'колотить', монг. *tog-si-* то же. 4. Колотушка: тур. *tokmak*, гаг. *tokmak*, аз. *toxmag*, туркм. *tokmak*, тув. *do'kpak*. Тот же корень. 5. Успокаиваться: тур. *tokta-*, аз. *toxta-*, туркм. *togta-*, тув. *do'ktaa-* (< монг.), тоф. *to'kta-*. ПТ **tokta-* (или из монг. **togta-*). 6. Дубина: тур. *topuz*, аз. *toppuz*, туркм. *topaz*. ПТ **toppoz*. 7. Харкать: тур. *tükür-*, гаг. *tükür-*, аз. *tüpür-*, туркм. *tüjkür-*, тув. *dü'kpür-*, тоф. *tükkür-*. ПТ **tüpkür-*, ТМ **tupi* 'плевок'. 8. Испытывать отвращение, бояться: тур. *tiksen-*, аз. *diksin-*, туркм. *tiksin-*. ПТ **tik-si-n-* (неясна звонкость в аз.), ТМ **tikun-* 'сердиться'. 9. Шевелиться: тур. *tepre-*, гаг. *tepre-*, аз. *tärpän-*, туркм. *terpen-*. ПТ **tepre-*. 10. Трепетать: тур. *titre-*, гаг. *titire-*, аз. *titrä-*, туркм. *titre-*, тув. *di'tile-*. ПТ **tit(i)re-*, монг. **čičire-* то же. 11. Дым: тур. *tütsü*, аз. *tüstü*, туркм. *tüsse*. ПТ **tüt-sü* (к **tüt-* 'дымить'). 12. Корыто, лохань: тур. *tekne*, гаг. *teknä*, аз. *täknä*. ПТ **tekne*, ТМ **taku-* 'воронка' (?).

V. Серединное **š*, в том числе в сочетаниях с другими согласными, – нейтрализация.

Задний ряд – ПТ **d-*, тур., гаг. *t*, аз., туркм. *d*; саян. *d* – а) алт. **t-*, **č-*: 1. Внешний: тур. *taš*, аз. *daš*, туркм. *daš*, тув. *da'š*, тоф. *da'š*. ПТ **daš*, ТМ **dalba* 'сторона'. 2. (тот же корень) Переправляться: тур. *tašy-*, гаг. *tašy-*, аз. *dašy-*, туркм. *dašy-/a-*, хор. *dašä-*, тув. *da'žy-*, тоф. *dažy-*. ПТ **dašy-*. 3. Путы: туркм. *dušak*, хор. *čušaq*, тув. *du'ža-*, тоф. *duša-* 'спутывать'. ПТ **duššak*, монг. **delbeg* 'вожжи'. 4. Камень: тур. *taš*, гаг. *taš*, аз. *daš*, туркм. *dāš*, хор. *dāš*, тув. *daš*, тоф. *daš*. ПТ **dāš*, ТМ **žolo*, монг. *čilayun* (об оглушении начала при палатализации в мо. см. Старостин 1991, 119-120). б) алт. **t'-*: 1. testiculi: тур. *tašak* (халадж. *taššak*). ПТ **daššak* (заимств. в монг. *tašija* 'ляжки, зад'), ТМ **talbi* 'бедро'. 2. Попадать, встречать, сторона: аз. *tuš*, туркм. *dūš*, тув. *duš*, тоф. *duš*. ПТ **dūš* (неясна глухость в аз.), монг. **tula* 'ради', ТМ **tulī-* 'сторона'. 3. Переливаться через край: тур. *taš-*, гаг. *taš-*, аз. *daš-*, туркм. *dāš-*, хор. *daš-*, тув. *da'žy-*, тоф. *da'š-*. ПТ **dāšš-* (?), монг. **čilka-* 'выплескиваться', ТМ **tilka-* 'разливаться (о реке)'. 4. Заяц: тур. *tavšan*, гаг. *tawšan*, аз. *dowšan*, туркм. *towšan* (кыпчакизм). ПТ **dabyšgan*, монг. **tawlai*. 5. Клюв, морда: тур. *tomšuk*, туркм. *tumšuk* (кыпчакизм), тув. *dumčuk*, тоф. *duńžuq* (ФиЛ), *tuńžuq*. ПТ **dumšuk*, монг. **tomi* 'главный', ТМ **tumɲu* 'темя'. в) 1. Лед: тув. *do'š*, тоф. *do'š*. ПТ **doš*. 2. Пищуха: тув. *da'žyrgan*, тоф. *da'žyrɠan*.

Передний ряд – ПТ **d-*, огуз. **d-*, саян. *d-* – а) алт. **t-*, **č-*: 1. Дыра/дырявить: тур. *deš-*, гаг. *deš-*, аз. *deš-*, туркм. *deš-*, хор. *deš-*, тув. *de'š-/de'žer*, тоф. *de'š-*. ПТ **deš-*, ТМ **delpe-*, монг. *delbe-* 'разрываться'. 2. Падать: тур. *düš-*, гаг. *düš-*, аз. *düš-*, туркм. *düš-*, хор. *čüš-*, тув. *dü'š-*, тоф. *düš-*. ПТ **düš-*, монг. *döli-* 'наклоняться', ТМ **dōl-* 'выгибать'. 3. Склон: аз. *döš*, хор. *döš*, тув. *dö'š*. ПТ **döš*, монг. *döli* 'плоская поверхность на склоне', ТМ **žule* 'перед'. 4. Самка: тур. *diši*, гаг. *diši*, аз. *diši*, тув. *di'ži*. ПТ **diši*, (?) ТМ **delku-* 'сватать'. 5. Зуб: тур. *diš*, гаг. *diš*, аз. *diš*, туркм. *dîš*, хор. *dîš*, тув. *diš*, тоф. *diš*. ПТ **dîš*, (?) ТМ **žul* 'клин'. 6. Полдень: тур. диал. *düš*, туркм. *düš-le-* 'делать перерыв', диал. *düš*, тув. *dü'š*, тоф. *düš*. ПТ **düš* или *Düš*, ТМ **dōlā* 'ясное небо', монг. *düli* 'середина (дня, ночи)'. б) алт. **t'-*: 1. Стелить/тюфяк: тур. *döš-*, гаг. *döš-*, аз. *döšä-*,

туркм. *döše-*, хор. *döšek*, тув. *dö'že-*, тоф. *dö'žek-*. ПТ **döš-*, ТМ **tule-* 'растянуть, распялить'. 2. Думать: тур. *düšün-*, гаг. *düšün-*, аз. *düšün-*, туркм. *düšün-*. ПТ **düšün-*, монг. **tölöb* 'форма', ТМ **tulbi-* 'обдумывать'. 3. Купаться: туркм. *düšün-*, (?) ТМ **tul-* 'переправляться через ручей'. 4. Бок, грудь: тур. *döš*, аз. *döš*, туркм. *dŏš*, хор. *döš*, тув. *döš* (тодж.), *töš* (литер.), тоф. *döš*. ПТ **dŏš*, ТМ **tulgen*, ма. *tulu* грудь. 5. Сновидение: тур. *düš*, гаг. *düš*, туркм. *dŭš*, хор. *dŭš*, тув. *düš*, тоф. *düš*. ПТ **dŭš*, ТМ **tolkin* то же, монг. *tölgü* 'предсказание'.

VI. Серединное **z*.

При кратком гласном имеющееся малое количество примеров указывает скорее на нейтрализацию:

задний ряд огуз. *d* (или тур., гаг. *t*, аз., туркм. *d*), саян. *d* – а) алт. **t-*: 1. Жужжать: тур. *dyz-*, гаг. *dyz-*, аз. *dyz-*, туркм. *tyzz-*, ср. ТМ **dirgi-* 'щебетать', монг. *žirge-* 'жужжать'; дескриптивное слово. б) алт. **t'-*: 1. Лысый, лысина: тур. *daz*, аз. *daz*, туркм. *daz*, тув. *tas/da'zyr*, тоф. *das*. ПТ **daz*, монг. *tara-kai* то же. 2. Убегать, стремиться: аз. *dyzyx-*, туркм. *dyza-*. ПТ **Dyz-*, монг. *türgen* 'быстрый'. 3. Силок: тур. *tuzak*, аз. *duzag*, туркм. *duzak*, хор. *duzaq*, тув. *duzak*, тоф. *duzak*. ПТ **Duzak*, ТМ **turku-* 'попасть в ловушку', (?) монг. *tour* 'сеть'. в) 1. Корень: тув. *dazyl*, тоф. *dazyl*. ПТ **Dazyl*.

передний ряд огуз. *d*, саян. *d* – а) алт. **t-*, **č-*: 1. Ровный: тур. *düz*, гаг. *düz*, аз. *düz*, туркм. *düz*, хор. *düz*, тоф. *düs*. ПТ **düz*, ПА **č-* (см. Старостин 1991, 13). 2. Нанизывать: тур. *diz-*, гаг. *diz-*, аз. *düz-*, туркм. *düz-*, хор. *diz-*, тув. *dis-*, тоф. *dis-*. ПТ **düz-*, монг. *dürü-* 'втыкать'. б) алт. **t'-*: 1. Терпеть: аз. *döz-*, туркм. *döz-*, тув. *döz-*. ПТ **döz-*, монг. *türe-ye-* 'страдать, нуждаться'. 2. Поводья: тур. *dizgin*, аз. *dizgin*. ПТ **dizgin*, (?) монг. *terge* 'повозка', ТМ **turki* 'сани'. 3. (?) Корень: тув. *dös*, тоф. *dös*. ПТ **döz*, монг. **töre* 'закон', ТМ **turgun* 'причина'. 4. Колено: тур. *diz*, гаг. *diz*, аз. *diz*, туркм. *dyjz*, хор. *dîz*, тув. *dis*. ПТ **düjz*, ТМ **türekse* 'голенище', монг. *türej* то же.

Отклонение – 1. Кизяк: тур. *tezek*, гаг. *tezek*, аз. *täzäk*, туркм. *tezek*; (?) тув. *de's*, тоф. *de's* 'запекшаяся кровь'. ПТ **tez* или **ters* (чув. *tirĕs*), ТМ **tērgēn* 'грязь, болото' (особое развитие при сочетании **-rs*?).

При долгом гласном – пратюрк. **d* (алт. **t-*, **č-*) > тур., гаг. *t* (в заднем ряду), аз., туркм. *d*, саян. *d* – 1. Соль: тур. *tuz*, гаг. *tuz*, аз. *duz*, туркм. *dūz*, хор. *dūz*, тув. *dus*, тоф. *dus*. ПТ **dūz*, ТМ **žujar* 'кислый, горький', монг. **dawur-sun* 'соль'.

Пратюрк. **t* (алт. **t'-*) > огуз. *t*, саян. *d* – 1. Пыль: тур. *toz*, гаг. *toz*, аз. *toz*, туркм. *tōz*. ПТ **tōz*, ТМ **tur* 'земля, почва'. 2. Борзая: тур. *tazy*, аз. *tazy*, туркм. *tāzy*. ПТ **tāzy*. 3. Удирать: туркм. *tez-*, тув. *des-*, тоф. *des-*; скоро: тур. *tez*, аз. *tez*, туркм. *tîz*, хор. *tez*. ПТ **tēz*, ср. ПТ **terk* то же VEWT 475 (сомнительно заимствование из перс. – VEWT 477, скорее перс. слово – тюркизм), монг. *tergile-* 'убегать'.

VII. Интервокальный **j*.

Пратюрк. **d* (алт. **t-*, **č-*): огуз. *d*, саян. *d* – 1. Мель: тур. *dajaz*, гаг. *dajaz*, аз. *dajaz*, туркм. *t/dajyz*; тув. *tajys* 'редкая и невысокая (о траве)' (глухость неясна). ПТ **dajoz*, ТМ **dagur/n* 'брод' (к **dagu-* 'переправляться'). 2. Чуять:

тур. *duj-*, гаг. *duj-*, аз. *duj-*, туркм. *duj-*. ПТ **duj-*, монг. *duγul-* 'слышать', ТМ **duja* 'шум'. 3. Крепкий, приятный: тур. диал. *dajy*, туркм. *dajav*, (?) тув. *dag*, тоф. *dag* 'крупный' (контаминация с *dag* 'гора'?). ПТ **daj-agu*, монг. *dajan* 'весь', ТМ **dāji* 'большой'. 4. Надеяться: тур. *dajan-*, аз. *dajan-*, туркм. *dajan-*, тув. *dajan-*. ПТ **dajan-*. 5. (Тот же корень) Прислонять: тур. *daja-*, гаг. *daja-*, аз. *daja-*, туркм. *daja-*, тув. *daja-n-*. ПТ **daja-*, (?) ма. *daja-* то же. 6. Жимолость: тув. *daja*, тоф. *daǰa*. ПТ **daja*. 7. (?) Няня: тур. *daje*, аз. *dajä*, туркм. *dāja* (по фонетич. оформлению – персизм). Отклонение – **d-* при серединном сочетании *j* + сонант: задний ряд – тур., гаг., аз. *d*, туркм. *t*, саян. *d* – 1. Посох: (производное от **daja-n-* 'опираться', см выше) тур. *dajak*, аз. *dajag*, туркм. *tajak*, тоф. *daǰaq* (ФиЛ), *tajaq*. ПТ **daj(n)ak*.

Пратюрк. **t* (алт. **t'-*), огуз. *t*, саян. *d* – 1. Пир: тур. *toj*, гаг. *toj*, аз. *toj*, туркм. *toj*, хор. *toj*, тув. *doj*, тоф. *doj*. ПТ **toj*, ТМ **tuju-* 'угощать', монг. *taγu-* то же. 2. Дрофа: тур. *toj*, гаг. *toj*, аз. *toj*, туркм. *toj*. ПТ **toj*, монг. *toγa-dag*. Ср. с долгим гласным: огуз. *t*, саян. *t*(?) – 3. Поскользнуться: аз. *taj-*, туркм. *tāj-*, тув. *taj-*, тоф. *taǰ-*. ПТ **taj-*; монг. **taji-* 'шаркать ногами', ТМ **taj-* 'плавать, скользить'. 4. Равный: тур. *taj*, аз. *taj*, туркм. *tāj*. ПТ **tāj*. 5. Скирда, тюк (из перс.): аз. *taj*, туркм. *tāj*.

VIII. Серединный сонант, гласный долгий – нейтрализация, ПТ **d-*, огуз. *d*, саян. *d*[41] (причем именно в этом ряду особенно часты колебания глухости-звонкости в тофаларском по разным источникам, а также наблюдается явная тенденция оглушения в саянских языках начального *d-* при наличии в слове носового согласного) – а) алт. **t-*, **č-*: 1. Нападать: аз. *dara-*, туркм. *dāra-*. ПТ **dāra-*, монг. **daraγa-* 'следовать, касаться', ТМ **dā-* 'следовать, касаться'. 2. Падать в обморок: тур. *dal-*, аз. *dal-*, хор. *dal-*, тув. *dal-*, тоф. *dal-*. ПТ **dāl-*, ТМ **delu-* то же. 3. Град: тур. *dolu*, гаг. *tolu* (глухость неясна), аз. *dolu*, туркм. *dōly*, хор. *dolu*. ПТ **dōly*, ТМ **ǯalka* 'снежок'. 4. Селезенка: тур. *dalak*, гаг. *dalak*, аз. *dalag*, туркм. *dālak*. ПТ **dālak*, монг. **deliγün* (ПА **č-*, см. Старостин 1991, 14). 5. Кусать: тур. *dala-*, гаг. *dala-*, аз. *dala-*, туркм. *dāla-*. ПТ **dāla-*, монг. **doluγa-* 'лизать', ТМ **dala-* 'лакать'. 6. Нырять: тур. *dal-*, гаг. *dal-*, аз. *dal-*, туркм. диал. *dāl-*, тув. *dal-*, тоф. *dal-*. ПТ **dāl-*, монг. **dolgijan* 'волна', ТМ **dalan* 'наводнение'. 7. Полный: тур. *dolu*, гаг. *dol*, аз. *dolu*, туркм. *dōly*, хор. *dōly*, тув. *dolu*, тоф. *dol-*. ПТ **dōl-*, монг. **delger* 'полный, изобильный', ТМ **ǯalu-* 'наполняться' (ПА **č-*, см. Старостин 1991, 13). 8. Живой: тур. *diri*, гаг. *diri*, аз. *diri*, туркм. *dīri*, хор. *dīri*, тув. *dirig*, тоф. *diriγ*. ПТ **dīrig*, ТМ **dirga-* 'жить в достатке, обильно питаться'. 9. Свертывать трубочкой: тур. *dür-*, аз. *dürmäg* 'бутерброд', тур. *düjrül-*, тув. *dür-*, тоф. *dür-*. ПТ **dür-*, монг. *dörse-* то же. 10. Четыре: тур. *dört*, гаг. *dört*, аз. *dört*, туркм. *dŏrt*, хор. *dört*, тув. *dört*, тоф. *dört*. ПТ **dŏrt*, монг. *dör-*, ТМ **dujgin*. 11. Глупый: тур. *deli*, гаг. *deli*, аз. *däli*, туркм. *dāli*, тоф. *telemir, teleŋ*. ПТ **dăl(w)i*, ТМ **delmi* 'дикий, неприрученный'. 12. Глубокий/дно: тур. *derin*, гаг. *derin*, аз. *därin*, туркм. *derīŋ*, тув. *tereŋ*, тоф. *dereŋ*. ПТ **dēriŋ*, ТМ **diri-* 'тонуть'. 13. Жизнь, дыхание, отдых: тур. *tin*, *din-le-*, гаг. *din-ne-*, аз. *tynč-yx-*, *dinč*, туркм. *dÿnč*[42], тув. *tyn-*, *dyn-*, тоф. *dyn-* (ФиЛ), *tyn-*. ПТ **dÿn*, монг. *čisun* < **čin-sun* 'кровь', ТМ **ǯun* 'пульс'. 14. Собирать: тур. *der-*, аз. *dăr-*, *der-*, туркм. *tīr-*, тув *deri-*. ПТ **dēr-*, монг. **dar-ta-*. б) алт. **t'-*: 1. Возвращаться: тур. *dön-*, гаг. *dön-*, аз. *dön-*, туркм. *dŏn-*; опрокидывать: тур. диал. *dön-der-*, туркм. *düŋder-*, тув. *düŋder-*, тоф. *düŋder-*. ПТ **dŏŋ-der-*, монг. *tünije-* то же. 2. Одежда: тур. *don*, гаг. *don*, аз. *don*, туркм. *dōn*, хор. *don*, тув. *ton*, тоф. *don*. ПТ **dōn*, монг. *tonug* 'сбруя' (или из сак. *thauna* 'одежда'). 3. Крыша/стена: тур. *dam*, гаг. *dam*, аз. *dam* 'крыша, хижина, хлев', туркм. *tām* (кыпчакизм: 'дом, стена'). ПТ **dām*, монг. *tama* 'стена', ТМ **tama-na* 'покрышка чума'. 4. Отказываться: тур. *den-*, туркм. *dən-*. ПТ **dăn-*, монг. *tene-* 'заблудиться'. 5. Столб, подпорка: тур. *direk*, гаг. *direk*, аз. *diräg*, туркм. *dīrek*. ПТ **dīrek*, ТМ **tirē-* 'подпирать'. в) алт. неясно: 1. Ветка/ива: тур. *dal*, гаг. *dal* 'ветка', туркм. *tal* (кыпчакизм: 'ива'), хор. *dāl*, тув. *tal*. ПТ **dal*, ТМ **talgik* 'валежник' или монг. **daldawu* 'липа', ТМ **ǯalikta* 'ива, боярышник'. 2. Гнедой: тур. *doru*, туркм. *dōru*, хор. *dōry*, тув. *dorug*, тоф. *dorug*. ПТ **dōrug*. 3. Виселица: тур. *dar*, туркм. *dār* (иран.). 4. Узкий: тур. *dar*, гаг. *dar*, аз. *dar*, туркм. *dār*, хор. *dar*, тув. *tar*, тоф. *dar*. ПТ **dār*. 5. Дым, туман: тур. *duman*, гаг. *duman*, аз. *duman*, туркм. *dumān*, тув. *tuman*, тоф. *duman*. ПТ **dūman* (иранизм, иран. *d-*). 6. (?) Телка: тур. *dana*, гаг. *dana*, аз. *dana*, туркм. диал. *tāna*. ПТ **dāna* (иранизм, иран. *d-*), ср. венг. (из болг.) *tinó*. 7. Мять, складывать: тур. *dür-*, гаг. *dür-*, туркм. *düjr-*, тув. *dyryš-*, тоф. *tyryš-* 'морщиться'.

Отклонения: 1. Удивляться: тур. *tansyk*, диал. *daŋ*, аз. диал. *daŋ*, туркм. *tāŋ*, хор. *taŋ-*. ПТ **tāŋ-* (оглушения из-за контаминаций с монголизмом?), монг. **taŋna*, **taŋsi-*. 2. Волосок, струна, проволока: тур. *tel*, гаг. *tel*, аз. *tel*, туркм. *til*. ПТ **tēl* (оглушения из-за контаминаций с иранизмом?), монг. *tele-*, ТМ **tel-* 'натягивать'.

IX. Серединный сонант, гласный краткий.

Пратюрк. **d* – огуз. *d*, саян. *d* – 1. Злиться/стесняться: тур. *daryk-*, гаг. *daryl-*, аз. *daryx-*, туркм. *daryk-*, тув. *daryn-*. ПТ **dary-*. 2. Мерзнуть: тур. *don-*, гаг. *don-*, аз. *don-*, туркм. *doŋ-*, хор. *doŋ-*, тув. *doŋ-*, тоф. *doŋ-*. ПТ **doŋ-*, монг. **daγara-*, ТМ *doŋo-* то же. 3. Привязывать, пристраивать: туркм. *daŋ-*, тув. *doŋ-na-*. ПТ **daŋ-*, ТМ **daŋ-*. 4. Капать: тур. *dam-*, гаг. *dam-*, аз. *dam-*, туркм. *dam-*, хор. *dam-*, тув. *dam-dy*, тоф. *tam-dy* (глухость неясна). ПТ **dam-*. 5. Жила: тур. *damar*, гаг. *damar*, аз. *damar*, туркм. *damar*, хор. *damar*, тув. *damyr*, тоф. *damyr* (ФиЛ), *tamyr*. ПТ **damor*, заимств. в монг. *tamir*; монг. **daŋgi* 'корень'. 6. Свинья: тур. *domuz*, гаг. *domuz*, аз. *donuz*, туркм. *doŋuz*, хор. *doŋŋyz*. ПТ **doŋuz*, ТМ **dāŋu* 'вид тюленя'. 7. (?) Стоять, вставать: тур. *dur-*, гаг. *dur-*, аз. *dur-*, туркм. *dur-*, *tur-*, хор. *dur-*, тув. *tur-* (позиционное развитие ?), тоф. *dur-*. ПТ **dur-*, ТМ **ǯur-*. 8. Заря: тур. *tan*, диал. *dan*, гаг. *dan*, аз. *dan*, туркм. *daŋ*, хор. *daŋ*, тув. *daŋ*, тоф. *daŋ*. ПТ **daŋ*, (?) ТМ **ǯanŋa-* 'полыхать'. 9. Железо:

[41] Ср.: 'верблюжонок': туркм. *tōrum*, тув. *dorum* (из монг.); 'струнный инструмент': тур. *tar*, аз. *tar*, туркм. *tār*, хор. *tār*, из перс.; 'грабить': тур. *tala-*, аз. *tala-*, туркм. *tāla-*, тув. *tala-*, из монг.; 'чистый': тур. *temiz*, гаг. *temiz*, аз. *tämiz*, туркм. *temīz*, из перс.

[42] Формы с глухим - кыпчакизмы?

тур. *demir*, гаг. *demir*, аз. *dämir*, туркм. *demir*, хор. *demir*, тув. *demir*, тоф. *demir*. ПТ **demür*, заимств. в монг. *temür*. 10. Река, долина: тур. *dere*, гаг. *derä*, аз. *därä*, туркм. *dere*. ПТ **dere*, ТМ **deren* 'верховье реки'. 11. (?) Успокоиться: тур. *dölen-*. ПТ **düle-*, ТМ **dulu-*, монг. *döligen* 'тихий, спокойный'. 12. Расщеплять: тур. *dil-*, гаг. *dil-*, аз. *dil-*, туркм. *dil-*, тув. *dil-*, тоф. *dil-*. ПТ **dil-*, монг. **čilüye* 'промежуток', ТМ **ǯēlge* 'щель'. 13. Хотеть: тур. *dile-*, аз. *dilä-*, туркм. *dile-*, хор. *dile-*, тув. *dile-*, тоф. *dile-*. ПТ **dile-*. 14. Дырявить: тур. *del-*, гаг. *del-*, аз. *däl-*, тоф. *del-*. ПТ **del-*, ТМ **del-de-*, монг. *del-be-* то же. 15. Много: тур. *delim*, гаг. *delim*. ПТ **delim*, монг. *dalin* 'все вместе', ТМ **dalin-* 'помощь'. 16. Язык: тур. *dil*, гаг. *dil*, аз. *dil*, туркм. *dil*, хор. *dil*, тув. *dyl*, тоф. *dyl, tyl*. ПТ **dȳl* < **dylg*, ТМ **dilgan* 'звук'. 17. Просо: тур. *dary*, гаг. *dary*, аз. *dary*, туркм. *dary*, хор. *dary*, тоф. *daryg*. ПТ **daryg* (< **darg*?), ТМ **dargan* 'пырей', (?) монг. *darki* 'заросли'. 18. Вдовец: тур. *dul*, гаг. *dul*, аз. *dul*, туркм. *dul*, хор. *dul*, тув. *dulgujak*, тоф. *tulguńaq*. ПТ **dul* < **dulg* (> монг. *tulguj* 'одинокий'), ТМ **dula-* 'быть яловой'. 19. Чесать: тур. *tara-* (под влиянием *tarak* 'гребень'), гаг. *dara-*, аз. *dara-*, туркм. *dara-*, хор. *dara-*, тув. *dyra-*, тоф. *dyra-*. ПТ **dara-*. 20. Сильный, здоровый: тур. *din, dinč*, гаг. *dinč*, туркм. *diŋ*, тув. *dyŋ, dyŋzyg* тоф. *dyŋzy-*. ПТ **diŋ*, монг. *čineyen* 'сила', ТМ **ǯiŋ* 'очень'. 21. Тополь: туркм. *derek*, хор. *dɛrek*, тув. *terek* (глухость неясна). ПТ **derek*, монг. **čirgai*, ТМ **ǯarikta* (?). 22. Шкура: тур. *deri*, гаг. *deri*, аз. *däri*, туркм. *deri*, тоф. *tɛrɛ* (глухость неясна). ПТ **derej* (?), монг. **čirai* 'лицо, внешность', ТМ **dēre* 'лицо, поверхность'. 23. Потомство: тур. *döl*, аз. *döl*, туркм. *döl*, тув *töl* (монголизм?). ПТ **döl* (> монг. *töl*), яп. *də*. 24. Окручивать(ся): тур. *dolan-*, гаг. *dolan-*, аз. *dolan-*, туркм. *dolan-*, тув. *dolga-*, тоф. *dolǧa-*. ПТ **dolyga-*, монг. *dolija-* < **doliya-* то же.

Отклонение: 1. Пот: тур. *ter*, гаг. *ter*, аз. *dər* (диал.), туркм. *der*, тув. *der*, тоф. *deri*. ПТ **dęr*, ТМ *derbe-* 'сырой.'

Пратюрк. **t* – огуз. *t*, саян. *t* – 1. Жаворонок: тур. *toygar, turgaj*, аз. *toragai*, туркм. *torgai*. ПТ **toragai*, ТМ **turākī* 'ворона', монг. *turag* то же. 2. Запихивать: тур. *tyrkaz* 'засов', аз. *tyryg* 'запор', тув. *tyryk*, тоф. *tyryq* 'запор, затор'. ПТ **tyry-*, ТМ **tūrī-* 'удерживать, подпирать'. 3. Ад: тур. *tamu*, туркм. *tamu*, тув. *tamy*. ПТ **tamu* < иран., заимств. в монг. *tamu*. 4. Ноздря: тур. *tana*, хор. *tanav*, тув. *tanak*. ПТ **tanag*, монг. *tanaya* то же. 5. Знать: тур. *tany-*, гаг. *tany-*, аз. *tany-*, туркм. *tany-*, тув. *tany-*, тоф. *tany-*. ПТ **tany-*, монг. *taŋna-* 'распрашивать', ТМ **taŋ-* 'считать'. 6. Вечер: тур. *tün*, туркм. *tün*, тув. *dün*, тоф. *dün* (под влиянием *düün* 'вчера'?). ПТ **tün*, монг. *tüne* 'темнота', ТМ **tīnew* 'вчера'. 7. Большая игла: тур. *temen*, аз. *täbänä*, туркм. *temene*, хор. *tɛmɛn*, тув. *tevene*, тоф. *tebene* (из монг.?). Бродячее слово; ср. ТМ *teme*, монг. *tebene* (< тюрк.), **tamasu* 'веревка сети'. 8. Линять (о птицах): тур. *tüle-*, гаг. *tüle-*, аз. *tülä-*, туркм. *tüle-*, тув. *tüle-*, тоф. *düle-* (ФиЛ), *tüle-*. ПТ **tüle-*, ТМ **tul-du-* 'сбрасывать рога (об оленях)'. 9. Платить: туркм. *töle-*, тув. *töle-*, тоф. *döle-* (ФиЛ), *töle-*. ПТ **töle-*, монг. *töle* 'цена'. 10. Рождаться, происходить: тур. *töre-*, аз. *törä-*, туркм. *döre-*, тув. *törü-*, тоф. *dörü-*. ПТ **töre-*, монг. **töre*, ТМ **tur-*.

Отклонения: неясные озвончения, ряд огуз. *d-*, саян. *d-* – 1. Море: тур. *deniz*, гаг. *deniz*, аз. *deniz*, туркм. *deŋiz*. ПТ **deŋiz*, ма. *teŋgin*, венг. (< булг.) *teŋer*. 2. Сравнивать/равный: тур. *dene-, denk*, гаг. *dene-, denk*, туркм. *deŋe-, deŋ*, хор. *deŋ*, тув. *deŋ*, тоф. *deŋ*. ПТ **deŋe-, *deŋ-k*, ср. ТМ *teŋ*, монг. *teŋ* < кит.

X. Серединное сочетание сонант + сонант/звонкий взрывной.

Нейтрализация: ПТ **d-*, огуз. *t/d*, саян. *d* – а) алт. **t-, *č*: 1. Гребень: тур. *tarak*, гаг. *tarak*, аз. *darax*, туркм. *darak*, хор. *daraq*, тув. *dargak*, тоф. *darǧaq*. ПТ **Dargak* (ср. **dara-* 'чесать'). 2. Слушать: тур. *dinle-*, аз. *dinlä-*, туркм. *diŋle-*, хор. *diŋŋe- /tyŋla-*, тув. *dyŋna-*, тоф. *dyŋna-, tyŋna-*. ПТ **Diŋ-la-*, монг. *čiŋna-* то же, ТМ **ǯiŋ-* 'понимать'. б) алт. **t'-*: 1. Журавль: тур. *turna*, гаг. *turna*, аз. *durna*, туркм. *durna*, хор. *tynna*, тув. *duruǰā*, тоф. *duruǰa, turuja*. ПТ **Durŋja*, (?) монг. **toγuriγun*. 2. Висок, щека: тур. *tulun*, туркм. *duluk, dulak*. ПТ **Dulgum*, монг. *tolugai* 'голова'. в) алт. неясно: 1. Ноготь: тур. *tyrnak*, гаг. *tyrnak*, аз. *dyrnak*, туркм. *dyrŋak*, хор. *dynnaq*, тув. *dyrgak*, тоф. *dyrgaq, tyrgaq*. ПТ **Dyrŋak*, монг. **turuγun* 'копыто' или ТМ **ǯuru-* 'царапать'. 2. Карабкаться: тур. *tyrma-*, гаг. *tyrma-*, аз. *dyrma-*, туркм. *dyrma-*, тув. *dyrba-*, тоф. *dyrba-*. ПТ **Dyrma-*. 3. Грабли: тур. *tyrmyk*, аз. *dyrmyk*, туркм. *dyrmyk*.

Отклонения: огуз. *d*, тув. *t*, тоф. *d* – 1. Нёбо: тур. *damak*, гаг. *damak*, аз. *damak*, туркм. *damak*, хор. *damak*, тув. *taŋmak* 'жабры'. ПТ **damgak*, монг. *taŋlai* 'нёбо'. 2. Тамга: тур. *damga*, аз. *damga*, (туркм., хор. *tagma*), тув. *taŋma*, тоф. *daŋma*. Бродячее слово.

Отклонение: огуз. *t*, саян. *d* – 1. Бог, небо: тур. *tanry*, аз. *tanry*, туркм. *taŋry*, тув. *dēr*, тоф. *dēre*. ПТ **teŋri / *taŋry*, монг. **taŋgarag* 'клятва'. Культурное слово. 2. Дымовое отверстие, окно: тур. *tüjnük*, туркм. *tüjnük*, тув. *dündük*, тоф. *düŋnük* . ПТ **tüŋlük*, монг. **toγuna*, ТМ **tuŋke* 'крыша'.

Отклонение: соотношение огуз. *t/d* в переднем ряду – 1. Сорт, вид: тур. *türlü*, гаг. *türlü*, аз. *dürlü*, туркм. *dürli*. ПТ **Dürlü*, монг. **düri*, ТМ **durun* 'форма, вид'. Культурное слово.

XI. Серединное сочетание сонант + глухой взрывной.

Развитие старого звонкого перед сочетанием сонант + глухой: огуз. *d*, саян. *d* – 1. Волна: тур. *dalga*, гаг. *dalga*, аз. *dalga*. ПТ **dalka*, монг. *dolgi-* 'волноваться'. 2. Длина/форма: аз. *durgu*, туркм. *durk*, тув. *du'rgu*, тоф. *du'rhu*. ПТ **durk*. 3. Колоть, впихивать: тур. *dürt-*, гаг. *dürt-*, аз. *dürt-*, туркм. *dürt-*. ПТ **dürt-*, монг. *dürü-* 'втыкать'.

Развитие старого глухого перед сочетанием сонант + глухой: огуз. *t*, саян. *d* – 1. Торока: тур. *terki*, аз. *tärk*, тув. *de'rgi*. 2. Напильник: тур. *törpü*, гаг. *törpü*, аз. *törpü*, туркм. *törpü*, тув. *dü'rbüü*, тоф. *dü'rhü*. ПТ **törpü*. 3. Простолюдин: тур. *türk*, гаг. *türk*, аз. *türkä*, туркм. *türk* (тув. *türk* 'тюрк' из рус.?). ПТ **türk*. 4. Изнанка: тур. *ters*, гаг. *ters*, аз. *tärs*, туркм. *ters*, тув. *de'skin-*, тоф. *de'skin-* 'вращаться, выворачиваться'. 5. Корень, пень: туркм. *töŋŋe*, хор. *tüŋŋi*. ПТ **tömke*, монг. *tüŋge* 'стерня'. 6. Лиса: тур. *tilki*, гаг. *tilki*, аз. *tülkü*, туркм. *tilki*, хор. *ti/ülki*, тув. *dilgi*, тоф. *dilgi* (фарингализация не отмечена). ПТ **tilkü*. 7. Толокно: туркм. *talxan*, тув. *da'lgan*, тоф. *dalhan* (ФиЛ), *ta'lhan*. ПТ **talkan*.

Отклонение: тянуть; подвешивать, взвешивать: тур. *tart-*, гаг. *dart-*, аз. *dart-*, туркм. *dart-, tart-*, тув. *ty'rt-*, тоф. *ty'rt-*. ПТ **dart-*, монг. *tata-* 'тянуть', ТМ **derde-* 'ушко, уключина'.

Такая сложная рефлексация начальной глухости/звонкости (силы/слабости) в зависимости от инлаута, по-видимому, характерна для алтайских языков (ср. ситуацию в современных монгольских языках). Как видно из приведенного материала, огузские формы в значительном числе позиций позволяют определить старую глухость/звонкость, а сбои соответствий в огузских языках в основном могут объясняться междиалектными заимствованиями. В саянской группе, наоборот, старая оппозиция начальной глухости/звонкости нейтрализована или перестроена почти во всех позициях; единственное место, где, по-видимому, наблюдается различение старой начальной глухости/звонкости, - позиция перед кратким гласным и сонантом, однако и здесь есть много отклонений от соответствий, которые наводят на мысль о действии неучтенного просодического фактора, отличного от фарингализации (ср. фонационные различия, предполагавшиеся И.И.Пейросом, - см. *Пейрос И.И.* О фонационных системах тюркских языков // Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977. С. 28-30).

Губные и гуттуральные

Что касается начальных губных и гуттуральных (последние обнаруживают противопоставление только в переднерядных словах, хотя ср. маргинальные данные по некоторым азербайджанским, турецким диалектам и туркм. языку), здесь колебания в рефлексации между огузскими языками не представляют сколько-нибудь системной картины. По данным этимологической базы тюркских языков (составленной на материале Этимологического словаря тюркских языков), из 163 слов на лабиальный смычный только 22 дают хотя бы в одном из огузских языков рефлекс с *p-*, и распределение этих рефлексов по языкам — самое беспорядочное. Приведем здесь только те случаи, которые могли бы (с очень большой натяжкой) считаться остатком рефлекса праалтайского **p-* (при условии предположения, что на каком-то этапе пратюркский или праогузский различал рефлексы **p-* и **b-*, но впоследствии начальный губной озвончился, кроме нескольких реликтовых форм): 1. **bil'č-* 'свариваться, созревать': *biš-* (др.-уйг.), *biš-* (МК, QB), тур. *piš-*, гаг. *piš-*, аз. *biš-*, туркм. *biš-*, тув. *bi̇š-* (ПА **pil'ǯi*); 2. **bek* 'крепкий, прочный': *bek* (др.-уйг.), *bek* (МК), тур. *pek*, туркм. *bek*, тув. *be'k*, гаг. *pek* (ПА **pek'i*); 3. **biarŋak* 'палец, большой палец': *barmak* (Тефс., IM), тур. *parmak*, диал. *ḃarnak*, аз. *barmaG*, туркм. *barmaq*, гаг. *parmak* (ПА **piari*); 4. **bün- (/*bi̇n-)* 'ехать верхом': *bin-* (орх.), *mün-* (др.-уйг.), *mün-* (МК, QB), тур. *bin-*, аз. *min-*, туркм. *mün-*; *mi̇n-* (диал.), тув. *mun-*, гаг. *pin-* (ПА **pūme*); 5. **biāt* 'быстрый': *bat* (др.-уйг.), *bat* (МК), тур. *pat* 'вдруг', туркм. *bāda* 'сразу', тув. *pat* 'очень' (ПА **piāt'e*); 6. **būta-* 'срезать ветви; ветвь; гвоздь': *butyq* (др.-уйг.), *buti̇q*, *butaq* (МК), тур. *buda-*, *budak*, аз. *buda-*, *budaG*, туркм. *pūda-*, *pūdak*, тув. *bu'duk*, гаг. *buda-*, *budak* (ПА **pūt'o*).

Гуттуральные в начале переднерядных основ, напротив, вполне хорошо различают глухой и звонкий, давая единообразно глухой или единообразно звонкий по всем огузским языкам, с небольшим числом исключений, часть из которых легко объясняется контаминациями.

Праогуз. **k-*: 1. **kül* 'пепел, зола': тур. *kül*, аз. *kül*, туркм. *kül*, гаг. *kül*; 2. **kEmük* 'кость': тур. *kemik*, гаг. *kemik*; 3. **köpek* 'собака': тур. *köpek*, аз. *köpäk*, туркм. *köpek*, гаг. *köpek*; 4. **kil'i* 'человек': тур. *kiši*, аз. *kiši*, туркм. *kiši*, гаг. *kiši*; 5. **kök* 'корень': тур. *kök*, аз. *kök*, туркм. *kök*, гаг. *kök*; 6. **kičüg (/-k)* 'маленький': тур. *küčük, kiči*, аз. *kičik*, туркм. *kiči*, гаг. *küčük, küǯük*; 7. **kim* 'кто': тур. *kim*, аз. *kim*, туркм. *kim*, гаг. *kim*; 8. **köp* 'много': тур. *köp*, туркм. *köp*; 9. **kömür* 'уголь': тур. *kömür*, аз. *kömür*, туркм. *kömür*, гаг. *kömür*; 10. **ki̇n-dük* 'пупок, пуповина, центр': тур. *kindik, künük* (диал.), туркм. *kindik* (диал.); 11. **köp-* 'набухать; пена': тур. *köpük*, аз. *köp-*, туркм. *köpik*; 12. **kirpik* 'ресница': тур. *kirpik*, аз. *kirpik*, туркм. *kirpik*, гаг. *kirpik*; 13. **kes-* 'резать': тур. *kes-*, аз. *käs-*, туркм. *kes-*; 14. **kōrük* 'мех': тур. *körü-, körük*, аз. *körük*, туркм. *kōrik*, гаг. *körük*; 15. **kil'e-*: тур. *kešan* 'путы', туркм. *kīšen* 'цепи'; 16. **kir* 'грязь': тур. *kir*, аз. *kir*, туркм. *kir*, гаг. *kir*; 17. **kū(b)* 'слава; мудрость': аз. *küj*, туркм. *küj*; 18. **kendir* 'конопля': тур. *kendir*, аз. *kändir*, туркм. *kendir*; 19. **kerki* 'кирка, мотыга': тур. *kerki*, аз. *kärki*, туркм. *kerki*; 20. **küre-* 'сгребать; лопата': тур. *kürü-, kürek*, аз. *kürü-, kürä, küräk*, туркм. *kürek*, гаг. *kürü-, kürek*; 21. **kepelek* 'бабочка': тур. *kelebek*; *köpelek*, аз. *käpänäk*, туркм. *kebelek, kepelek* (диал.), гаг. *kelebek*; 22. **kök, *köken* 'застежка, запор, привязь': тур. *kök*, (диал.) *köken*, туркм. *köken*; 23. **kidir'* 'войлок': тур. *kijiz, kejiz* (диал.), туркм. *kiz*; 24. **kōjnek* 'ведро, сосуд': тур. *könek*, ст.-осм. *köjnük*, туркм. *kōnek*; 25. **kes-*: тур. *kes-* 'назначать наказание', *kesik* 'усталый, разбитый', *kesin-* 'издеваться', аз. *käsir* 'вина, недостаток' (здесь возможна контаминация с араб. *kesir* 'разбитый, удрученный'), туркм. *kes-* 'обвинять; устанавливать, назначать'; 26. **kebü-* 'шелуха': тур. *kevik*, туркм. *kövze-* 'шелушить'; 27. **kepek* 'отруби': тур. *kepek*, аз. *käpäk*, туркм. *kepek*, гаг. *kepek*; 28. **kök* 'здоровый, большой, толстый': тур. *kök* (диал.), аз. *kök*; 29. **kōr'* 'раскаленные уголья': тур. *köz, küz*, аз. *köz*, туркм. *kōz*; 30. **körpe* 'новорожденный; новорожденный ягненок': тур. *körpe*, аз. *körpä*, туркм. *körpe*, гаг. *körpä*; 31. **kōle* 'слуга, раб; незаконнорожденный': тур. *köle*, аз. *kölä*, туркм. *kōle*; 32. **keler / *keler'/ *kelte* 'ящерица': тур. *keler* (диал.), *kelez* (диал.), *kelte-keler* (диал.), аз. *kelez, käläz*; 33. **köpür, -üg* 'мост': тур. *körpü, köprü*, аз. *körpü*, туркм. *köpri*, гаг. *köprü*; 34. **kül-* 'катушка, моток, вязанка': тур. *küleš*, туркм. *kültem*; 35. **küs-* 'сердиться, обижаться': тур. *küs-*, аз. *küs-*, гаг. *küs*; 36. **Kyryl'/*kiril'* 'тетива': тур. *kiriš*, аз. *kiriš*, туркм. *kiriš*; 37. **kö-se-* 'помешивать кочергой; кочерга': аз. *kösöv*, туркм. *köse-, kesevi*; 38. **kös-* 'треножить, путать; путы': тур. *köste-* (диал.), *köstek*, туркм. *kössek*, гаг. *köstek*; 39. **kōl'ek* 'верблюжонок': тур. *kösek, gösek* (диал.), аз. *kösäk*, туркм. *kōšek*; 40. **kömek* 'помощь': тур. *kömek*, аз. *kömäk*, туркм. *kömek*; 41. **kök* 'шов; тонкие ремешки для шитья; прошивать': *kök* (др.-уйг.), тур. *kökle-*, аз. *kök*, туркм. *kök*; 42. **kön'-* 'гореть; сажа': тур. *küje*, туркм. *köj-, küjö* (диал.).

Отклонения: 1. **kön'-* 'страдать, горевать; жалеть': аз. *göjnä-* (контаминация с *göjün*), туркм. *köj-*; 2. **köjŋe-lek* 'рубашка': тур. *köjnäk*, диал. *göjlek*, аз. *köjnek*, туркм. *köjnek*, диал. *gömlek*, гаг. *gölmäk*; 3. **kömbe, -lek* 'гриб': тур.

gömelek (диал.), аз. *göbäläk*, туркм. *kömelek*; 4. **kö̈l-ge* 'тень': тур. *gölge, kölge* (диал.), аз. *kölgä*, туркм. *kölege*, гаг. *gölge*; 5. **kō̈če* 'крупа, каша': тур. *göže, güže*, туркм. *kō̈že*; 6. **kö̈pi-* 'сшивать через край, стегать': тур. *göbü-, göbü* 'толстый шов', *köpü-* (диал.), туркм. *köpe-*.

Праогуз. **g-*: 1. **gẹl-* 'приходить': тур. *gel-*, аз. *gäl-*, туркм. *gel-*, гаг. *gel-*; 2. **gör' (gör-s)/*gör-* 'глаз; видеть': тур. *göz, gör-*, аз. *göz, gör-*, туркм. *göz, gör-*, гаг. *göz, gör-*; 3. **gēč(-e)* 'поздний; ночь': тур. *geč, geže*, аз. *geždä*, туркм. *gīč, gīže*, гаг. *geždä*; 4. **gün'* 'солнце, день': тур. *gün, güneš*, аз. *gün, günäš*, туркм. *gün, güneš*, гаг. *gün, güneš*; 5. **göt-* 'поднимать(ся)': тур. *götür-*, аз. *götür-*, туркм. *göter-*, гаг. *götür-*; 6. **gō̈k* 'синий; зеленый': тур. *gök*, аз. *göj*, туркм. *gō̈k*, гаг. *gök*; 7. **gEr'-* 'ходить, проходить через': тур. *gez-*, аз. *gäz-*, туркм. *gez-*, гаг. *gez-*; 8. **gē(j)t-* 'уходить': тур. *git-*, аз. *get-*, туркм. *git-*, гаг. *get-*; 9. **gēb-* 'жевать': тур. *gev-*, аз. *gäwälä-, göjüš*, туркм. *gāvü-š*, гаг. *gevše-*; 10. **gür'* 'осень': тур. *güz*, аз. *güz-äm* 'шерсть осенней стрижки', туркм. *gūz*, гаг. *güz*; 11. **geŋe-* 'советовать(ся); совет': тур. *geŋeš-*, аз. *gänäš-*, туркм. *geŋeš-, geŋeš*; 12. **gēŋ* 'широкий': тур. *gen*, аз. *gen*, туркм. *gīŋ*; 13. **gēkir-* 'рыгать': тур. *gejir-*, гаг. *gejeri-, giiri-*, аз. *gäjir-*, туркм. *gägir-*, гаг. *gïr-*; 14. **gü̈č* 'сила': тур. *güč*, аз. *güž*, туркм. *gü̈č*, гаг. *güč*; 15. **gül* 'дом, семья': тур. *gil* 'семья, (показатель ассоциатива)', аз. *gil*; 16.**göt* 'задница, ягодицы': тур. *göt*, гаг. *göt*; 17. **gēne* 'клещ': тур. *gene, kene*, гаг. *kenä*, аз. *gänä*, туркм. *gänä*; 18. **gün'e/*gun'a* 'моль': тур. *güve*, аз. *güvä*, туркм. *güje*; 19. **gebde* 'верхняя часть тела': тур. *gövde*, аз. *gövdä*, туркм. *gövde, gövre*; 20. **gẹr-tü* 'верный, правда': тур. *ger-ček*, аз. *ger-čäk*, туркм. *ger-ček*, гаг. *ger-ček*; 21. **gẹ̄mi* 'лодка': тур. *gemi*, аз. *gämi*, туркм. *gämi*, гаг. *gemi*; 22. **gür* 'толстый, плотный, обильный': тур. *gür*, аз. *gür*, туркм. *gür*, гаг. *gür*; 23. **gübeč* 'сковородка; глиняный горшок': тур. *güveč*, аз. *güväž*, туркм. *göweč*, гаг. *güveč*; 24. **ger-* 'растягивать, вешать': тур. *ger-*, аз. *gär-*, туркм. *ger-*, гаг. *ger-*; 25. **gẹrge-* 'необходимость, необходимый': тур. *gerek*, аз. *gäräk*, туркм. *gerek*; 26. **gerül'-* 'ссориться, драться, бороться': тур. *güreš-*, аз. *güläš-*, туркм. *göreš-*, гаг. *güreš-*; 27. **göm-* 'закапывать, хоронить': тур. *göm-*, туркм. *gōm-*, гаг. *göm-*; 28. **gü̈t-* 'ждать, почитать, пасти': тур. *güt/d-*, аз. *güt/d-*, гаг. *güt-*; 29. **gōl-* 'запрягать; упряжное животное': тур. *gölük*, туркм. *gōlük* (диал.) 'повозка'; 30. **gömül-dürük* 'нагрудный ремень': тур. *gömüldürük*, туркм. *gömüldürük*; 31. **gegrek* 'нижние мягкие ребра': тур. *geğrek*, туркм. *gejrek*; 32. **güni* 'одна из нескольких жен; зависть, ревность': тур. *gönü, günü*, аз. *günü*, туркм. *güni*; 33. **gōn* 'дубленая шкура, кожа': *kön* (др.-уйг.), *kön* (МК), тур. *gön*, аз. *gön*, туркм. *gōn*; 34. **ged-* 'надевать': тур. *gij-*, аз. *gej-*, туркм. *gej-*, гаг. *gï-*; 35. **gīr-* 'входить': *kir-* (орх., др.-уйг.), *kir-* (МК, QB), тур. *gir-*, аз. *gir-*, туркм. *gīr-*, гаг. *gir-*; 36. **gErü* 'назад, сзади': тур. *geri*, аз. *geri*, гаг. *gēri*; 37. **Kȳčyk, *gīči-* 'зуд, щекотка; щекотать': тур. *gižik-, gižik, gyžyk*, туркм. *gīži, Gyžyq, gīže-*; 38. **geŋir'* 'полость носа': тур. *geniz*, аз. *gäniz, gänzik*, туркм. *geŋz-ew* 'гнусавый'; 39. **gēp-* 'пухнуть (о животе); беременеть, беременная': тур. *gebe*, туркм. *gäbe*, гаг. *gebe*; 40. **güb-* 'быть гордым, надменным; надеяться; соглашаться': тур. *güven-*, аз. *güvän-*, туркм. *gövne-*; 41. **gör'el* 'красивый': тур. *güzel*, аз. *gözäl*, туркм. *gözel*, гаг. *gözäl*; 42. **gōpek* 'пупок': тур. *göbek*, аз. *göbäk*, туркм. *gōbek*, гаг. *göbek*; 43. **gēt-* 'делать зарубку, надрез': тур. *get-*,

gedmen 'кетмень', туркм. *gät-*; *kät-men* 'кетмень'; 44. **gül-* 'привязывать, спутывать ноги': тур. *gülü-* (диал.), туркм. *güjl-*; 45. **genč* 'молодой, ребенок': тур. *genč/ž-*, аз. *gänž*, гаг. *genč/ž-*; 46. **gele-* 'просить, выпрашивать; родители, взаимно поженившие детей': тур.диал. *gelešik*, туркм. *gelešik, geleŋ* 'внимание, забота'; 47. **gEbre* 'труп; дохнуть (о животных)': тур. *geber-*, диал. *gevre-*, аз. *gäbär-*, туркм. *gövre*, гаг. *geber-*; 48. **gEne* 'снова, также, однако': тур. *gene*, аз. *gänä*; 49. **gelin* 'невеста, невестка': тур. *gelin*, аз. *gälin*, туркм. *gelin*, гаг. *gelin*; 50. **güde-* 'зять': тур. *güveji*, аз. *göjü-m*, туркм. *gijev*, гаг. *güvǟ*; 51. **gīr'* 'прятать': тур. *giz-le-*, аз. *giz-lä*, туркм. *gīzle-*.

Отклонения: а) оглушение в азерб. перед глухим шипящим, 1. **geb-* 'мягкий, нежный': тур. *gevšek*, аз. *kövšek*, туркм. *gövšül* 'ветхий', гаг. *kevše-*; 2. **göč-* 'мигрировать, кочевать; кочевка': тур. *göč-, göč*, аз. *köč-, köč*, туркм. *göč-, göč*, гаг. *göč-, göč* 'груз'; 3. **geč-* 'проходить, переходить вброд': тур. *geč-*, аз. *keč-*, туркм. *geč-*, гаг. *geč-*; б) 4. **geb-re-* 'слабеть, становиться хрупким; хрупкий': тур. *gevre-, gevrek*, аз. *kövräk* (контаминация с *kövšek*), гаг. *gevrek*; 5. **gemür-* 'грызть, глодать': тур. *gemir-, kemir-*, аз. *gämir-*, туркм. *gemir-*, гаг. *kemir-* (аналогия с **kemük* 'кость'); в) 6. **gökür' (/*gögür'), *kökrek* 'грудь': тур. *gö̈üs, kökrek*, аз. *köks, köküs*, туркм. *gövüs, kükrek*, гаг. *gūs*; 7. **gejik* 'дичь': тур. *gejik*, туркм. *kejik*; 8. **ger'* 'насечка на стреле; прицел (ружья)': тур. *gez*, аз. *gäz*, гаг. *kēz*; 9. **gEmürgen* 'дикий лук': тур. *gümüren*, гаг. *kömüren*; 10. **göjŋ-il* 'сердце, дух': тур. *gön-ül; göjün, göjn* (диал.), аз. *könül*, туркм. *gövün, köŋ-ül*, гаг. *gön*.

Б. Некоторые соответствия в инлауте.

-g- в общеогузском в основном сохраняется, только **agu* > **avu* (но **āgu* сохранилось) — см. таблицу вокально-консонантных комплексов - табл. 1. Общеогузским является развитие вторичной долготы **iji, *yjy* > **ī, *ȳ* с последующим общеогузским озвончением взрывного после нее (см. выше).

По-видимому, сочетания *-jŋ-, -jn-* следует реконструировать на месте части восстанавливаемых М. Рясененом **ŋ* и **ń*; таким образом, это носовые после дифтонгических сочетаний; во всяком случае, в общеогузском они выглядят именно так, ср.:

а)**bōjn* 'шея': *bojyn* (др.-уйг.), *bojun, bojyn* (МК), *bojun* (QB), тур. *bojun*, аз. *bojun*, туркм. *bojun*, гаг. *bojnu*; **Kājnat* 'крыло': *qanat* (др.-уйг. IB), *qanat* (МК, QB), тур. *kanat*, аз. *Ganad, gänäd* (диал.), туркм. *Gānat*, гаг. *kanat*; ср. сюг. *kyjnat*; **Kȳjn* 'вина, беда; наказывать; жестокость; осуждать; трудный, тяжелый': *qyjnyγ* (Асс.) (орх.), *qyjn, qyn, qyna-* (др.-уйг.), *qyn, qyjyn* (QB), *qyna-* (МК, QB), тур. *kyjyn, kyjynč, kyna-*, аз. *Gyna-*, туркм. *qȳn, qȳna-*; **Kōjn* 'подмышка, пазуха': *qojyn* (енис., др.-уйг.), *qoj* (МК), тур. *kojun*, аз. *Gojun*, туркм. *Gojun*, гаг. *qojnu*; **kōjnek* 'ведро, сосуд': *könek* (МК, QB), тур. *könek*, ст.-осм. *köjnük*, туркм. *kōnek*; в двух случаях сочетания *-yj-, -ij-* дают сначала в протоогузском *-i-*, и потому в огузских языках не наблюдается специфических рефлексов сочетания *-jn-*: **ījn* 'берлога, яма': *in* (др.-уйг.), *in, jin* (МК), туркм. *hīn*; **syjn* 'тело, стан; памятник, могила; внешность': *syn* (др.-уйг.), *syn* или *sin* (МК), тур. *sin*;

б) **bujŋur' (*büjŋür')* 'рог': *müjüz* (др.-уйг.), *müŋüz* (МК), тур. *bojnuz*, аз.

bujnuz, туркм. *bujnuz*, гаг. *bujnus*; тув., тоф. *myjys*; **bejŋi* 'мозг': *meji*, *meŋi* (др.-уйг.), *meŋi* (МК, QB), тур. *bejin*, аз. *bejin*, туркм. *bejni*, *mejni*, кыпч. *myj*; **köjŋe-lek* 'рубашка': *köŋlek* (EDT 732), тур. *köjnäk*, диал. *göŋlek*, аз. *köjnek*, туркм. *köjnek*, диал. *gömlek*, гаг. *gölmäk*. NB: при общем сохранении *-ŋ-* в праогузском, в сочетании с *j* оно переходит в *-n-*. Исключения: *α*) **yjŋa-la-* 'плакать, рыдать': *aŋyla-* 'to cry, howl (of a donkey)' (МК) (?), тур. *inle-*, диал. *iŋile-*, аз. *inlä-*, туркм. *iŋle-*, гаг. *inne-* (ПА **iujŋula-*), где сначала *-yj-* > *-i-*, дав в огузском передний ряд; *β*) **göjŋ-il* 'сердце, дух': *köŋül* (орх., др.-уйг.), *köŋül* (МК, QB), тур. *gön-ül*; *göjün*, *göjn* (диал.), аз. *könül*, туркм. *gövün*, *köŋ-ül*, гаг. *gön* (ПА **kuŋe*) – скорее всего, в действительности ПТ **göŋ-il*, а нерегулярности в развитии вызваны обычными процессами в таких слоговых структурах: **göŋil* > **göŋin*, **göjin* и под.; *γ*) **jąjŋak* 'щека, челюсть': *jaŋaq* (МК), тур. *janak*, аз. *janaG*, туркм. *jaŋaq*, гаг. *janak* (ПА **ziani*, предположение о сочетании в ПТ опирается на рефлексы *j* в кбалк. *džyjax*, кум. *jajaq*, караим. *jajax*), где можно предположить, во всяком случае для *j*-языков, раннюю диссимиляцию **jąjŋak* > **jąŋak*. Ср. также праогуз. **tujŋak* 'копыто' < пратюрк. **tubńa-k* 'копыто': *tujaγ* (МК), *tujnaq* (IM), тур. *dujnak*, туркм. *tojnaq*, алт., тел., шор. *tyγaq* P III1305, чаг. *tuwaq*, н.-уйг. *tuvaq*. Интересно, что в кыпчакских языках различается рефлексация сочетаний *-jŋ-*, *-jn-* в зависимости от пратюркской долготы-краткости предшествующего гласного, ср. **dujŋak* – *tujak* 'копыто', **kojn* 'овца' – *koj*, **bäjŋ-* 'мозг' – *myj* при **kājnat* 'крыло' – *kanat*, **kȳjn* 'штраф' – *kyjyn*, **kōjn* 'пазуха' – *kojun*, **bōjn*[43] 'шея' – *bojun*.

По обычным представлениям, мягкий *ń* уже в праогузском, скорее даже на более раннем этапе, > *j*: **ā̄ń(k)* 'луна, месяц': *aj* (орх., др.-уйг.), *aj* (МК, QB), тур. *aj*, аз. *aj*, туркм. *āj*, гаг. *aj*; **bań* 'жир': тур. диал. *maj* 'масло', туркм. *maj*; **köń-* 'гореть': *köj-* (др.-уйг.), *kön-* (Argu MK), *köj-* (МК, QB), тур. *köj-*, туркм. *köj-*; **(i)ańak* 'сосуд, устье (реки)': *ajaq* (др.-уйг.), *ajaq* (МК), тур. *ajak*, аз. *ajak*, туркм. *ajak*; **ań-az* 'ясное небо; мороз': *ajaz* (др.-уйг.), *ajas* (МК), тур. *ajaz*, аз. *ajaz*, туркм. *ajaz* (но *aŋzaq* 'мороз' < **ań-gyz-ak*), гаг. *ajaz*; **güńe* 'моль': *küjä* (МК), тур. *güve*, аз. *güvä*, туркм. *güje*; **jAńka-* 'качать(ся)': *jajqa-n-* (др.-уйг.), *jajqa-l-* (МК), тур. *jajqa-*, аз. *jajxan-* 'ходить переваливаясь', туркм. *jajqa-*. Некоторую проблему представляет назализация **b-* перед **ń*: она происходит по разным правилам в различных огузских языках, а значит – уже после их распада. Но тогда надо предполагать сохранение назализации на *j* до весьма позднего времени, вводить в праогузский специальную фонему *j̃*, которая впоследствии утрачивает различие с *j* в азербайджанском, гагаузском и турецком и долго сохраняет его в туркменском: **bańy-* 'слабеть': *majyš-* (МК), тур. *bajy-l-*, аз. *bajyl-*[44], гаг. *bajyl-*; **bań-* 'кривой, гнуть': *maj-γuq* (МК), туркм. *majyr-*, *majryq*, *maj-tyq*, *majmyq*; **bā̄ń-* 'подошва (ноги), вид обуви': тур. *maja* 'fleshy part of the palm' (диал.: Видин (Немет), SDD), аз. диал. *maja* 'подошва копыта', туркм. диал. *mā̄ja* (tek.) 'aja' (ТДТДС 124), *pajpak* (144)[45]; **bydńyk* 'усы': *byδyq* (МК), *byjyq* (IM), тур. *byjyk*, аз. *byγ*, туркм. *myjq* (диал.), гаг. *byjyk*; **bińŕ* 'шило': тур. *biz*, аз. *biz*, туркм. *bijz/bīz*, салар. *piz*; **beńr* 'железа': МК *bez*, чаг. *bez*, *mez*, тур. *bez*, аз. *bäz*, *väz*, туркм. *mā̄z*; **byńĺ(yk)* 'кошка': *müš* (МК), тур. *pyšyk* (диал.), *pisi*, аз. *pišik*, туркм. *pišik* (можно полагать, что сочетание *-ij̃-* быстро совпало с *-ij-* и дало *i* без назализации); **byńan* 'солодка, лебеда': тур. *bojan*, *mejan* (судя по гласным, обратное заимств. из перс. или араб.), аз. *bijan*, туркм. *bujan*.

В. Развитие от праобщетюркского консонантизма к праогузскому и процессы распада праогузского.

Как позволяет видеть предшествующее изложение, консонантизм праогузского не совпадает с пратюркским.

При переходе от пратюркского состояния к праогузскому должны были продействовать следующие процессы в следующем порядке:

1) Зетацизм (появление *z* и *š*) (процесс, общий для всех тюркских языков, кроме булгарской группы).

2) Озвончение *t-* перед звонким серединным (процесс захватывает огузские языки вместе с саянскими и должен был пройти до перехода *d* серединного в *j* или фрикативный).

3) Йотацизм (вместе с кыпчакскими и карлукскими языками).

4) *ń* > *j̃* (но *jn* не совпадает с ним, а *jŋ* совпадает с *jn*).

5) Фрикативизация *b* и *g* в интервокале и конце слога. Возможно, на этом же этапе прошел переход *agu* > *avu*.

Появляется система, допускающая двоякую запись (мы можем обозначить ее как раннеобщеогузскую):

p	*b*		*(v)*	*m*		(или)	*p*	*b/v*		*m*				
t	*(d)*	*s*	*z*	*n*			*t*	*d/z*	*s*	*n*				
č		*š*	*j*	*j̃?*	*r*	*l*	*č*	*j*	*š*	*j̃?*	*r*	*l*		
k	*g*		*(γ)*	*ŋ*			*k*	*g/γ*		*ŋ*				

В этой системе *b* и *v* дополнительно распределены: начало vs интервокал и конец; так же *d* и *z*, так же *g* и *γ*; *j* бывает и в той, и в другой позиции.

Новое озвончение после долгих дает из глухих звонкие нефрикативные во второй позиции. Система изменяется в следующую:

p	*b*		*v*	*m*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		
č	*ǯ*	*š*	*j*	*j̃?*	*r*	*l*
k	*g*		*γ*	*ŋ*		

Это – общеогузская система, и с данного момента начинается отсчет распа-

[43] Рясенен восстанавливает **boŋ* при том, что по рефлексам нет отличий от названия пазухи, где он восстанавливает **koń*; по-видимому, *ŋ* введено здесь ради совпадения с тунг. *moŋŋon*.

[44] Ср. аз. *bajna-* 'обмереть', *bajGyn* 'лишившийся чувств' – следствие парадигматического выравнивания (?).

[45] Ср. **bög-en* 'паук': тур. *boğ*, аз. *böv*, туркм. *mā̄j* < **bā̄j̃* < **böjn*, салар. *poj*, *poji*.

да между огузскими языками. Отметим, что полезно проинтерпретировать эту систему не в терминах глухости-звонкости, а в терминах силы-слабости, так как это позволяет, например, объяснить сходное поведение взрывных конца неодносложного слова и конца односложного слова после долгого (ослабление на более чем одноморовом расстоянии от начала слова – см. Иллич-Свитыч 1963). В таком случае, эта система идентична предполагаемой для саянской подгруппы, хотя получена в результате действия другой последовательности процессов, и может быть переписана следующим образом:

p	*B*		*v*	*m*		
t	*D*	*s*	*z*	*n*		
č	*Č*	*š*	*j*	*j̃?*	*r*	*l*
k	*G*	*γ*	*ŋ*			

Очевидно, на общеогузском этапе произошло и отпадение конечного *-γ* двусложной основы.

Определить последовательность распада общеогузского не удается, если ориентироваться на наиболее показательные для синхронной классификации огузских языков и диалектов фонетические процессы, результаты которых легко наблюдаемы. Вот несколько таких особенностей. 1) Унификация начального гуттурального в заднерядных словах. Глухой – турецкий, гагаузский, афшарский, айналлу, хорезмский. Звонкий – турецкий (часть диалектов), северо-восточноболгарский, азербайджанский, кашкайский, туркменский. В прочих идиомах – колебания неясного происхождения. 2) Сочетание *ogy* > *ovu* (при сохранении *ogu*): гагаузский, туркменский, саларский, сочетание сохраняется в турецком, азербайджанском. 3) Турецкий и азербайджанский вводят особые фонемы для основы вопросительных местоимений (*h-*). 4) Туркменский дольше других языков сохраняет назализованный *j*, даже развивает его из сочетаний. 5) В интервокале новые звонкие губные фрикативизируются: западные, южные и северные диалекты азербайджанского, сонкорский, туркменский (часть диалектов), хорезмский, саларский[46].

Лучшую возможность определить внутриогузские группировки предоставили бы правила, действие которых перекрывает друг друга и, таким образом, позволяет установить строгую последовательность их действия. Таковы процессы изменения смычных в позиции середины и конца слова после долгих и кратких гласных.

Процессы, происходившие со смычными, можно выявить посредством анализа их поведения в различных морфонологических контекстах. Реконструируются следующие этапы изменений от общей системы для каждого языка.

[46] Фрикативизация автоматически (независимо от долготы гласного) озвонченного в интервокале губного отличается от более старой фрикативизации озвонченного после долгого гласного тем, что последняя давала лабиальную окраску предшествующему гласному.

Таблица 3

	*CV̄C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dip – dibi, at – ady, ač – ažy, gök – gögi, ak – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyp – alyban, kanat – kanady, ayač – ayažy, jürek – jüregi, kulak – kulagy*
c	*dip – dibi, at – ady, ač – ažy, gök – gögü, ak – ağy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – kökü, tok – toku*	*alyp – alyban, kanat – kanady, ayač – ayažy, jürek – jüreği, kulak – kulağy*

На этапе (a) слабые озвончены в интервокальной позиции. При переходе от (a) к (b) происходит оглушение конца слова, причем несколько слов-однослогов с озвончением не подвергаются этому оглушению, видимо, выравниваясь по форме принадлежности и косвенным падежам и на следующем этапе совпадая по поведению со словами со старым звонким (*čağ*, Acc. *čağy* время', *tüj* 'пух', *iğ*, Acc. *iği* 'веретено' < **ijik*, *čiğ*, Acc. *čiği* 'сырой, роса' < **čyj-yk*). По-видимому, здесь же сила-слабость согласного перестает быть основным признаком и становится вторичным, а глухость-звонкость становится основным признаком. При переходе от (b) к (c) происходит фрикативизация звонких велярных в интервокале. После этапа (c) к современной ситуации ведет ряд парадигматических унификаций, а именно в двуслогах (не говоря о заимствованиях) *bulut* унифицирует основу по номинативу, в "долгих" однослогах появляются варианты, унифицированные по номинативу (*jok, -ğu/ku, gök, -ğü/kü* 'синий, небо'), а также унифицированные без вариантов (*ak, -ky* 'белый', *tek, -ki,* 'нечетный, единственный'), в одном случае "краткий" однослог приобретает чередование в словоизменительной парадигме: *čok, -ğu* 'множество'.

В турецких диалектных системах можно отметить следующие вариации: в западнорумелийской группе не происходит (b) > (c). В ряде диалектов центральной и восточной Анатолии после (c) происходит разделение велярного и увулярного рядов – фрикативизируется глухой увулярный, в основном не в первой позиции. При этом, видимо, ведущее значение приобретает признак придыхательности, и увулярный в начале начинает восприниматься как слабый, в отличие от сильного конечнослогового. В других анатолийских диалектах (напр., Кютахья) не происходит (a) > (b), конец остается полузвонким. Соответственно, ведущим признаком остается сила-слабость. Похоже, что обычно в таких системах увулярное начало также интерпретируется как слабое.

Гагаузский

Таблица 4

	*CV̄C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dip – dibi, at – ady, ač – ažy, gök – gögi, ak – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyp – alyban, kanat – kanady, ayač – ayažy, jürek – jüregi, kulak – kulagy*
c	*dip – dibi, at – ady, ač – ažy, gök – göği, ak – ağy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyp – alyban, kanat – kanady, ayač – ayažy, jürek – jüreği, kulak – kulağy*
d	*dip – dibi, at – ady, ač – ažy, gök – gökü, ak – aky, sūk Ō sūky*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – kökü, tok – toku*	*alyp – alyban, kanat – kanady, ač – āžy, jürek – jürā, kulak – kulā*

Этапы (a) – (c) выглядят так же, как в литературном турецком (в том числе *tü* 'пух', *ī* 'веретено', *čī* 'сырой, роса' выровнены по косвенной основе или форме принадлежности, от **čāk* 'время' представлен только послелог *čak*), потом однослоги выравниваются полностью по номинативу (уже после падения интервокального звонкого) (*čok, -ju* 'множество' и застывшая форма принадлежности от него – остаток старого состояния), а двуслоги сохраняют чередование.

Туркменский

Таблица 5

	*CV̄C	*CV̆C	*CVCVC
a	*dǖB – dǖbi, āD – ādy, āČ – āžy, gȫG – gȫgi, āG – āgy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dǖp – dǖbi, āt – ādy, āč – āžy, gȫk – gȫgi, āk – āgy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyp – alyban, kanat – kanady, ayač – ayažy, jürek – jüregi, kulak – kulagy*
c	*düjp – düjβi, āt – ādy, āč – āžy, gȫk – gȫyi, āq – āyy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyp – alyβan, Ganat – Ganady, ayač – ayažy, jürek – jüreyi, Gulaq – Gulayy*

Так же, как для турецкого, на этапе (a) слабые озвончены в интервокальной позиции, при переходе от (a) к (b) происходит оглушение конца слова, причем несколько слов-однослогов с озвончением не подвергаются этому озвончению, выравниваясь по форме принадлежности и косвенным падежам (*čāy, -yy* 'время', *tüj, -ji* < **tük* 'пух', *tej, -ji* 'дно, нижняя часть' < **tēk*, *čyy*, Асс. *čyyy* 'роса' < **čyj-yk*, но *īk, -yi* 'веретено' < **ijik* не выравнивается). По-видимому, здесь же сила-слабость согласного перестает быть основным признаком и становится вторичным, а глухость-звонкость становится основным признаком. При переходе от (b) к (c) происходит фрикативизация звонких велярных и губных в интервокале. Не наблюдается аналогических выравниваний по глухому концу, возможно, в частности, благодаря тому, что сохраняется до конца различительный признак долготы. Напротив, у двусложных происходит иногда выравнивание по глухому (но не при гуттуральном конце!).

Уточним, что то, что на однослогах (и на двуслогах) отклонения вызваны аналогическими процессами, доказывается нестабильностью набора отклоняющихся основ по языкам. При этом слова "время", "пух" и "сырой" выровнялись по звонкому во всех рассмотренных языках, что может говорить о некотором моменте общности. Но наборы лексем, выравнивающихся по глухому, совсем не совпадают в разных языках, что доказывает поздний характер этого выравнивания.

Нохурский диалект отличается на этапе (c):

Таблица 6

c	*düjp – düjwi, āt – ādy, āč – āžy, gȫk/x – gȫyi, āx – āyy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök/x – köki, tox – toxy*	*alyp – alywan, Ganat– Ganady, ayač – ayažy, jürek/x – jüreyi, Gulax – Gulayy*

Видимо, за фрикативизацией звонких в интервокале последовала фрикативизация увулярных не в начале слова и началась фрикативизация велярных в конце слога.

Другую последовательность процессов нужно предполагать для такого диалекта, как эрсаринский:

Таблица 7

	*CV̄C	*CV̆C	*CVCVC
a	*dǖB – dǖbi, āD – ādy, āČ – āžy, gȫG – gȫgi, āG – āgy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dǖB – dǖbi, āD – ādy, āČ – āžy, gȫk – gȫgi, āq – āGy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyB – alyban, qanaD – qanady, ayaČ – ayažy, jürek – jüregi, Gulaq – GulaGy*

Здесь оглушение на конце происходит только для гуттуральных, причем, поскольку они продолжают быть фонологически слабыми, то не спирантизуются, спирантизация отмечена в *ūx-* 'сон, спать' < **ūdk-* и в синхронных сочетаниях с согласными: *toxta-* 'задерживаться' и под. (Аннануров 1972, 63, 65-66).

Азербайджанский литературный

Таблица 8

	*CVC	*CVC	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dib – dibi, ad – ady, až – ažy, gök – gögi, aq – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyb – alyban, Ganad – Ganady, ayaž – ayažy, jürek – jüregi, Gulaq – Gulagy*
c	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, gök – göji, aq – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyB – alyban, GanaD – Ganady, ayaČ – ayažy, jürek – jüreji, Gulaq – Gulayy*
d	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göj – göji, ay – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tox – toxy*	*alyB – alyban, GanaD – Ganady, ayaČ – ayažy, jürek – jüreji, GulaG – Gulayy*

На переходе от (a) к (b) оглушаются в позиции конца слова гуттуральные. Можно полагать, что в этот момент признак глухости-звонкости становится в системе основным. На переходе от (b) к (c) фрикативизируются звонкие гуттуральные в интервокальной позиции. Затем одновременно разделяются ряды, глухой увулярный становится фрикативным, а признак аспирированности – основным, и позицию конца двуслога по аналогии с оппозицией, установившейся на других согласных, замещает слабый увулярный (а велярный этой аналогии не подчиняется). Однослоги на велярный и увулярный со старыми долгими, получившие ранее чередование (отсутствующее у других согласных), проводят парадигматическое выравнивание, на большей части слов по интервокальному звонкому, на нескольких словах – по номинативу (*jox, -xu* 'нет', *tük, -kü* < **tük* 'пух', *täk, -ki* 'нечетный, единственный').

Восточные диалекты азербайджанского

Таблица 9

	*CV̄C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dib – dibi, ad – ady, až – ažy, gök – gögi, ay – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tox – toxy*	*alyb – alyban, Ganad – Ganady, ayaž – ayažy, jürek – jüregi, Gulay – Gulayy*
c	*dip – dibi, at – ady, až – ažy, gök – gögi, ay – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tox – toxy*	*alyp – alyban, Ganat – Ganady, ayaž – ayažy, jürek – jüregi, Gulay – Gulayy*
d	*dip – dibi, at – ady, až – ažy, gög – gögi, ay – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tox – toxy*	*alyb – alyban, Ganat – Ganad/ty, ayaž – ayažy, jüreg – jüregi, Gulay – Gulayy*

По-видимому, первый процесс, захвативший эту группу диалектов, был фрикативизацией неначальных увулярных – как глухих, так и звонких (= разделению рядов, (a) > (b)). Затем прошло оглушение конечных взрывных нефрикативизированных ((b)> (c)). От (c) к (d) ведет ряд аналогических развитий. Двуслоги на губной (которые, если не считать заимствований, все имеют один деепричастный суффикс) обобщили звонкий конец основы. Мягкорядные двуслоги на гуттуральный, из которых значительная часть кончается на мягкорядный вариант суффикса, имеющего также и твердорядную форму с увулярным, вслед за увулярными обобщили звонкий конец основы. Вслед за ними то же сделали мягкорядные однослоги, устранив чередование в пользу звонкого. Некоторые двуслоги на зубной, напротив, начали выравнивать парадигму по номинативу.

Западные диалекты азербайджанского

Таблица 10

	*CV̆C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*diB – divi, aD – adhy, aČ – ažy, göG – göji, aG – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyB – alyvan, GanaD – Ganadhy, ayaČ – ayažy, jüreG – jüreji, GulaG – Gulayy*
c	*dip – divi, at – adhy, ač – ažy, gök – göji, aq – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyp – alyBan, Ganat – Ganadhy, ayač – ayažy, jürek – jüreji, Gulaq – Gulayy*
d	*div – divi, adh – adhy, až – ažy, göj – göji, ay – ayy*	*sap/f – sapy, at – aty, aš – ačy, kök – köki, tox – toxy*	*alyf – alyban, Ganat – Ganadhy, ayaš – ayažy, jürex – jüreji, Gulax – Gulayy*

По-видимому, сначала звонкие фрикативизируются в интервокале. Деепричастие выравнивается по исходной форме. Происходит оглушение слабых на конце слова. Затем *-p* в конце слова > *-f, -č* > *-š, -k* > *-x*. Увулярный глухой *q* в непервой позиции > *-x(-)*. Однослоги с глухим концом подвергаются парадигматическому выравниванию в случае губного и гуттурального. Однослоги со звонким концом выравниваются все по интервокальному рефлексу.

Южные диалекты азербайджанского

(a) > (b): звонкие (кроме *d*) фрикативизируются в интервокале, деепричастие выравнивается по исходной форме; (b) > (c): оглушение конца слова; (c) > (d): *-p* в конце слова > *-f, -č* > *-š*; увулярный глухой *q* в непервой позиции > *-x(-)*. Однослоги со звонким концом выравниваются по интервокальному варианту. Развитие почти совпадает с западным диалектом.

Таблица 11

	*CV̆C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*diB – divi, aD – ady, aČ – až/žy, göG – göji, aG – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyB – alyBan, GanaD – Ganady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüreji, GulaG – Gulayy*
c	*dip – divi, at – ady, ač – až/žy, gök – göji, aq – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyp – alyban, Ganat – Ganady, ayač – ayažy, jürek – jüreji, Gulaq – Gulayy*
d	*div – divi, at/d – ady, až – až/žy, göj – göji, ay – ayy, jox*	**sap/f – sapy, at – aty, aš – ačy, kök – köki, tox – toxy*	*alyf/p/b – alyban, Ganat – Ganady, ayaš – ayažy, jürek/x[47] – jüreji, Gulax – Gulayy*

Северные диалекты азербайджанского

Таблица 12

	*CV̆C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*diB – divi, aD – ady, aČ – ažy, göG – göji, aG – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyB – alyvan, GanaD – Ganady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüreji, GulaG – Gulayy*
c	*dip – divi, at – ady, ač – ažy, gök – göji, aq – ayy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyp – alyvan, Ganat – Ganady, ayač – ayažy, jürek – jüreji, Gulaq – Gulayy*
d	*div – divi, ad – ady, až – ažy, göj – göji, ay – ayy, jox*	*saf – sapy, at' – aty, aš – aš/čy, kök – köki, tox – toxy*	*alyf – alyvan, Ganat' – Ganady, ayaš – ayažy, üräx – üreji, Gulax – Gulayy*

(a) > (b): фрикативизация звонких в интервокале; (b) > (c): оглушение конца слова, (b) и (c) можно поменять местами; (c) > (d): фрикативизация глухих в конце слова: *-p >-f, -t >-t', -č >-š, -k >-x*; увулярный глухой *q* в непервой позиции *> -x(-)*. Впоследствии "долгие" однослоги выравниваются по интервокалу.

Сонкорский по результатам напоминает южноазербайджанские диалекты, скорее типа Джулфа, но без фрикативизации конечных глухих (только с переходом *-q(-) > -x(-)*).

[47] Джулфа: *jürej-jüreji, Gulay-Gulayy.*

Хорезмские говоры узбекского

Таблица 13

	*CV̆C	*CV̆C	*CVCVC
a	*diB – dibi, aD – ady, aČ – ažy, göG – gögi, aG – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyB – alyban, kanaD – kanady, ayaČ – ayažy, jüreG – jüregi, kulaG – kulagy*
b	*dip – divi, at – ady, ač – ažy, gök – göji, ak – agy*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, tok – toky*	*alyp – alyvan, kanat – kanady, ayač – ayažy, jürek – jüreji, kulak – kulagy*
c	*div – divi, ad – ady, ač/ž Ŭ ažy, gök – göki, aq – aqy, tej*	*sap – sapy, at – aty, ač – ačy, kök – köki, toq – toqy*	*alyp/b – alyvan, kanat – kanaty, ayač – ayažy, jürek – jüreki, qulaq – qulaqy*

Процессы фрикативизации интервокальных звонких и оглушения конца слова (как в туркм. литер.) перекрыты процессами парадигматического выравнивания, разными для разных концов основы.

Саларский явно показывает ту же последовательность процессов, что туркменский литературный и хорезмский, но их действие перекрыто еще рядом последующих процессов, некоторые из них имеют "кыпчакский" облик и могут быть обусловлены последующими контактами.

Имеющиеся данные по языкам обобщены в таблице 14.

Таблица демонстрирует, что самая ранняя группировка диалектов – по наличию-отсутствию оглушения конечных слабых – делит диалекты на две группы: 1) все турецкие диалекты, кроме восточной Анатолии, гагаузский, туркменский, кроме эрсаринского диалекта, сев., зап. и южн. азербайджанские диалекты, хорезмский, саларский, 2) эрсаринский, азербайджанский литературный и восточный, восточноанатолийский турецкий. Вторая группа распадается на 1) эрсаринский и азербайджанский литературный, 2) азербайджанский восточный, 3) восточноанатолийский. Впоследствии азербайджанский литературный и восточноанатолийский переживают общий процесс с турецким (ареальное явление).

Первая группа распадается на 1) туркменский литературный и нохурский, хорезмский, саларский, 2) азербайджанские северный, западный и южный, 3) турецкий литературный, западнорумелийский, гагаузский. Подгруппа (1) распадается практически равномерно. Подгруппа (2) явно находится постоянно в ситуации диалектной непрерывности, переживая очень похожие, но все же различные процессы, что заставляет предполагать смешанные, генетически-контактные явления. Где-то посередине этого развития ареальный процесс фрикативизации неначальных увулярных захватывает все азербайджанские идиомы плюс нохурский диалект (плюс часть восточной Анатолии). Подгруппа (3) как будто распадалась равномерно, но на последнем этапе подверглась практически одним и тем же процессам парадигматической унификации (видимо, также по ареальным причинам).

Конечно, эта классификация основывается на весьма предварительном

обследовании материала и может быть пересмотрена в случае появления новых данных.

Таблица 14

Языки	I	II	III	IV
Тур.		Оглушение конца слова (+ выравнивания)	Фрикативизация звонких гуттуральных в интервокале	Парадигматическая унификация по глухому концу основы (в основном однослоги)
Гаг.			–"– (образование вторичной долготы)	
Зап.-румел.			(-)	
Вост.-анатол.		(-)	Фрикативизация звонких гуттуральных в интервокале (образование вторичной долготы)	
Туркм. литер.		Оглушение конца слова (+ выравнивания)	Фрикативизация звонких гуттуральных и губных в интервокале	Парадигматическая унификация по глухому концу основы (в основном двуслоги)
Ноxур			–"– (фрикативизация неначальных увулярных)	Парадигматическая унификация (выравнивание основ на велярный)
Эрсары		Оглушение	(-)	(-)
Аз. литер.		конечных гуттуральных	Фрикативизация звонких гуттуральных в интервокале (фрикативизация неначальных увулярных)	Аналогические выравнивания: -G у двуслогов; унификация односложной основы на гуттуральный (по звонкому)
Аз. вост.		Фрикативизация неначальных увулярных	Оглушение конечных нефрикативизированных	Аналогические выравнивания: деепричастия унифицируют *b*, двуслоги на велярный и однослоги на велярный – *g*
Аз. зап.		Оглушение конца слова	Фрикативизация звонких в интервокале (унификация *b* в деепричастии)	Фрикативизация неначальных увулярных. Фрикативизация конечных глухих: *p, č, k.* Парадигматические выравнивания
Аз. южн.			Фрикативизация звонких (кроме *d*) в интервокале (унификация *b* в деепричастии)	Фрикативизация неначальных увулярных.Фрикативизация конечных глухих: *p, č.* Парадигматические выравнивания
Аз. сев.			Фрикативизация звонких (кроме *d*) в интервокале	Фрикативизация неначальных увулярных. Фрикативизация конечных глухих: *p, č, k, t.* Парадигматические выравнивания
Хор.			Фрикативизация звонких гуттуральных и губных в интервокале	Парадигматическая унификация по глухому/ звонк. концу основы (но иначе, чем в туркм.)
Сал.				Парадигматические унификации разл. типов, новые фонетические процессы, сбивающие старые различия

I. озвончение слабых интервокале

МОРФОНОЛОГИЯ

Большая часть явлений морфонологического плана уже была рассмотрена по необходимости в разделе "Фонетика". Здесь мы только срезюмируем основные данные.

I. Сингармонизм. Губная гармония не реконструируется для праогузского ни в каком объеме (ср., с одной стороны, различение огубленного-неогубленного для непервого гласного; с другой – при том, что турецкий весьма последовательно проводит огубление второго узкого гласного после первого огубленного, более ранняя стадия его существования показывает нарушения этого правила, ср. ст.-осм. *gümiš* 'серебро', *qury* 'сухой', *pusy* 'западня' (Грунина 1991), *tuzi* 'его соль', *düšmiš* 'упавший', *sözüm-ni* 'мое слово' (Acc.), *qondi* 'заночевал' (Mansuroglu). Но нёбная гармония вполне может быть экстраполирована на праогузский уровень. В пределах словоизменительной основы она наличествует в исконных словах практически во всех языках (случаи перехода *y* > *i* и депалатализации огубленных гласных в турецких диалектах, перехода *jy* > *i* в азербайджанском и афшарском не нарушают морфонологической маркировки слова по ряду; а кроме этих случаев имеются только такие, как нарушения гармонии внутри основы – переход *y* > *i* – в сонкорском или боджнурди, где морфонологической маркировки основы для словоизменения не существует). Проблемой является граница палатальной гармонии в словоизменении (в том числе в праязыке), т.е. какие из словоизменительных элементов подчиняются гармонии (в рамках одного из определений, тем самым являясь аффиксами, в противоположность клитикам; ср. унификацию одного из вариантов аффиксов в тур. диалектах: Видин Loc. *-de*, Кебан Loc. *evda* (Buran 1997, 33)). Будучи морфонологической, она, тем не менее, будет рассмотрена в морфологическом разделе при описании отдельных словоизменительных элементов.

Относительно развития ситуации с сингармонизмом можно заметить следующие закономерности.

По нёбной гармонии можно разделить современные языки на соблюдающие ее: турецкий, гагаузский, крымскотатарский, афшарский, азербайджанский, туркменский; языки с полуразрушенной гармонией: хорезмские диалекты, саларский; и языки с полностью разрушенной гармонией: сонкорский, боджнурди. Очевидно, что разрушение нёбной гармонии является в первую очередь следствием попадания в среду иноструктурных языков (иранских, китайского и тибетского).

По губной гармонии можно выделить языки, которые сохранили реликты старых огубленных гласных второго слога (в том числе аффиксы): старосманский, турецкие диалекты, сонкорский, афшарский, саларский; широкий разброс этих языков убеждает в архаическом характере этого явления. Далее, губная гармония в принципе может быть проведена в одностороннем порядке: только в "плюс-огубленность". Так она выглядит в саларском (как будто исходно – на узких), причем ее результаты уже частично разрушены.

В турецком, гагаузском и азербайджанском гармония прошла и в "плюс-", и в "минус-огубленность" на узких, причем во всех этих языках имеется также результат губной аттракции, который в турецком и гагаузском нарушает сингармонизм основы (*kavuš-*), а в азербайджанском подчинился гармонии (*Govuš-* 'соединяться'). В туркменском на узких гармония прошла и в "плюс-", и в "минус-огубленность", результат губной аттракции подчинился гармонии[48]. Кроме того, действует губная гармония на широких гласных, и результат новой губной аттракции (после новых сочетаний с губными, полученными из *-*agu, -*egü*) вызывает после себя эту гармонию, что заставляет предположить более новый (по сравнению с гармонией на узких) характер этой гармонии для туркменского языка (контактный с некоторыми кыпчакскими?). Наконец, гармония на узких проведена и в "плюс-", и в "минус-лабиализацию" в боджнурди и хорезмских говорах узбекского, после чего результат ее разрушен, явно контактным путем (в боджнурди — иранское языковое окружение, в хорезмском — влияние узбекского, в котором разрушение сингармонизма, скорее всего, вызвано также иранским влиянием).

II. Чередования звонкого-глухого смычного (или их рефлексов) в конце словоизменительной основы. Как уже говорилось, первоначально они были обусловлены фонетической позицией, но впоследствии в большинстве языков определяющий фонетический признак пал, и, кроме того, везде действовали тенденции парадигматической унификации. Здесь мы рассмотрим в первую очередь данные подробно описанных языков; имеющиеся диалектные данные обычно не поддаются систематизации.

Турецкий

Имя

Поведение одиночных взрывных на конце исконных односложных имен соответствует историческим долготам для *-p, -č, -t*, выровнено в разные стороны в два этапа для *-k* (см. выше; таким образом, чередование гуттуральный/смычка на однослогах стремится к устранению; чередующийся и нечередующийся "типы склонения" на однослогах распределены словарно). На конце исконных многослогов оно соответствует историческому правилу для всех слов (т.е. все чередуются)[49], кроме *bulut*, унифицировавшего глухой (старое сочетание **bult*).

Различные концевые сочетания согласных провели или не провели унификацию по-разному. Вот примеры:

-rt: в однослогах подчиняется историческому правилу: после старых долгих (*art, -dy* 'спина', *kurt, -du* 'волк', *dört, -dü* 'четыре', *jurt, -du* 'страна') озвончаются, после старых кратких (*kart, -ty* 'старый', *syrt, -ty* 'спина') не озвончаются; в двуслогах — озвончаются (*avurt, -du* 'щека', *jogurt, -du* 'простокваша').

-rč: примеры только на однослоги, как будто сохраняют историческое правило: *karč, -čy* 'гриб' не озвончается, *burč, -cu* 'омела', *borč, -cu* 'долг' (**ō*) озвончается (ср. "краткий" *kyrč, -cy* 'обильный иней', но диал. *kyrčava*, производное *kyrčyl* — неясно, может быть, давление **kȳr* 'серый').

-nt: примеры только на однослоги, сохраняют историческое правило: *ant* 'клятва' — *andy, jont* 'кобыла' — *jontu*.

-rk: примеры только на однослоги, унифицирован глухой, ср. "краткие" *türk, -kü, kyrk, -ky* 'сорок', *erk, -ki* 'сила', *berk, -ki* 'крепкий', *kürk, -kü* 'мех', *bark, -ky* 'дом', "долгий" *börk, -kü* 'шапка'.

-nč: в однослогах и многослогах автоматическое чередование с озвончением, ср. однослоги "долгие" *dinč, -cu, genč, -cu*, "краткий" *konč, -cu*.

Следующие сочетания встретились только в исторической позиции после краткого, чередования нет: *alt, -ty, alp, -py, ilk, -ki, balk, -ky, turp, -pu* 'репа', *sarp, -py* 'крутой'.

Нет чередования в случае *üst, -tü* 'верх', исторически — корневой долгий гласный[50].

Глагол

В глагольных корнях, как указано в грамматике Кононова (Кононов 1956, 19), с синхронной точки зрения *-č, -p, -k* не озвончаются[51]. В частности, не озвончаются корни на сочетания (гласный исторически краткий) *alk-, jalk-, silk-, ölč-*. (NB: при словоизменении глаголы на *-nč-* подчиняются этому правилу, но в словообразовании озвончаются независимо от старой долготы: *jenč-, čer, jencil-, sanč-, čar, -cyl-*.) Основы на *-t* в однослогах явно уни-

[48] Материал ТДОС демонстрирует несколько более сложное правило, чем нормативная грамматика, проинтерпретированная выше. А именно: на переднерядных узких губная гармония действительно прошла в "плюс"-лабиализацию, ср. поведение старых аффиксов с немотивированно неогубленным гласным - афф. принадлежности 3 л., словообразоват. аффиксов *-či* и *-ki*: *gök - gögü, gözög - gözögčü, gözögčülük, götörgü*, но заднерядный узкий в старом неогубленном аффиксе сохраняет отсутствие лабиализации в конечном открытом слоге (и принимает лабиализацию, если этот слог перестает быть конечным): *Goč - Gočy, Gočuluq, GošGy - GošGučy, GošGučuluq*. Ср. исходно неогубленный закрытый афф. перфекта, последовательно принимающий огубленность: *durmuš* 'быт', *ötmüš* 'прошлое'. Ср. аффикс со старым огубленным гласным: *sozuš*.

[49] Следует отметить, что для *-p* такая структура только у слов с деепричастным суффиксом *-yp*, который в современном турецком не попадает в позицию чередования.

[50] Но ср. в говоре Арпачай: *aḫšam üsdü* 'ближе к вечеру', т.е. данный диалект руководствуется "историческим" правилом.

[51] С диахронной — в современном турецком по большей части выпали из лексического состава глагольные корни — рефлексы пратюркских корней на *-č, -p, -k* с долгой гласной, за следующими исключениями: *koč-, -čar* 'обнимать', ср. старое производное *kucak* 'объятие', *sek-, -ker* 'прыгать', ср. старое производное *sejir-* (Буд.), Османли *sägärāk* 'прыгая'/ *säkä* (Р) — унифицирован глухой, ср. *öğür-* 'рыгать' < **ök-*, *övüt-* 'крошить' < **ük-*, не сохранился корневой глагол, *söv-* 'бранить' < **sök-*, унифицирован звонкий рефлекс.

фицируют глухость[52]: "долгие" озвончающие *git-, -der-* < **gējt-, et-, -der*, но неозвончающие *tat-, -tar* 'пробовать' (**dāt-*), *get-, -ter* 'делать зарубку' (**gēt-*, произв. *gedil-* 'быть зазубренным'), *jut-, -tar* (**juvut-* 'глотать', произв. *judum*), ср. *didin-* 'стараться' (**tīt-*), корневого глагола нет; "краткие" только неозвончающие *at-, kat-, sat-, jat-, bat-, it-, bit-, tut-,* приведенные у Кононова, и еще *üt-* 'палить', *tüt-* 'курить', *öt-* 'петь', *jet-* 'хватать', *jit-* 'терять', *ut-* 'побеждать'. Сочетание *-rt* не озвончается ни в "долгом" *art-* 'нагружать' (но диал., ист. *ard-*), ни в "кратких" *art-* 'увеличивать', *bert-* 'ломать', *jyrt-* 'рвать', *ört-* 'покрывать', *tart-* 'взвешивать'. Не озвончается сочетание *-nt-* из афф. каузатива после старой долготы: *jon-* 'тесать' (туркм. *jōn-*) - *jont-, jontar, jontu* 'щепка'. Не озвончается также однослог из старого двуслога *ajt-* 'говорить' (**ajyt-*). В многосложных основах бесперебойно не озвончается в словоизменении и словообразовании продуктивный аффикс каузатива: *eriter, eritil-* (но ср. сочетание *-rt-*: *segirt-* 'устремиться' - *segirter*, но *segirdim* 'движение наперегонки - отражает более старое состояние?) - и глагол *ilet-, -ter* 'вести' (старое **elt-*). Не озвончаются конечные *-t* и у двух старых двусложных непроизводных на пратюркском уровне основ: *išit-* 'слушать' и *unut-* 'забывать'.

В староосманском отмечено несколько случаев озвончения *-t* глагольного корня: *judub* 'проглотив' ("долгий"), *išidüb* 'услышав' (двуслог), но и *adar* 'бросает' (краткий); ср. также *ejt-, ejder* 'говорить' (Грунина 1991, 24). Озвончение конечного гуттурального в словоизменении многосложной основы: для памятников XIII-XIV вв. отмечается на конце слова в позиции сандхи (*ajaG üzre* 'на ногах', *artuG olur* 'возрастает'); в транскрипционных записях XVII в. (Диярбакыр) оно не отмечено: *ekmadikin*; в транскрипционных текстах XVI-XIX вв. часто отмечается озвонченный как спирантизованный (*ajaghim* 'моя нога'), иногда озвончение не отмечается, что может быть данью старой орфоэпической норме (Грунина 1991, 27).

Диалекты показывают спорадические отклонения от литературной системы, не особенно систематизируемые. Ср. в диалекте Видина (Németh 1965, 68): многосложные существительные регулярно озвончают конечный согласный основы (*t, p, č, k*) в интервокале; в том числе *turup, -bi*; в однослогах историческое правило может нарушаться: *qab*; *dort, -de, borč, -ci, qoč, -či*, но *but, -ti* (**būt*); *ač-im* 'я голоден' (возможно, позиция перед диэремой). В глагольной основе регулярно озвончается каузатив на *-t*, а также *unut/d-, jut-, judum*.

Гагаузский

Имя

Точно так же, как для турецкого, поведение одиночных взрывных на конце исконных односложных имен соответствует историческим долготам для *-p, č, -t*, выровнено в разные стороны в два этапа для *-k* (см. выше; чередование гуттуральный/ноль в однослогах устранено; распределение чередующегося и нечередующегося "типов склонения" на однослогах, в связи с постепенным устранением старой долготы, становится словарным для слов с синхронным кратким гласным и негуттуральным концом, все однослоги с синхронным долгим (в том числе с новым) и с негуттуральным концом чередуются). На конце исконных многослогов соответствует историческому правилу для всех слов (т.е. все чередуются; в том числе *bulut, buludy, kanat, kanady*). В силу оглушения на конце старого *-z* к этим чередованиям добавилось *z/s*: *kys – kyzy, denis – denizi* – также с синхронно словарным распределением.

Концевые сочетания согласных:

-rt: в однослогах подчиняется историческому правилу: после старых долгих (*art, -dy* 'спина', *kurt, -du* 'волк', *dört, -dü* 'четыре') озвончаются, после старых кратких (*kart, -ty* 'старый', *syrt, -ty* 'спина', *örtü* 'крыша') не озвончаются; в двуслогах – озвончение (*aurt, -du* 'скула', *jürt, -du* 'простокваша').

-rč: после долгого: *borč, -džu* 'долг', после краткого *kyrč, -čy* 'обильный иней'.

-nt: нет данных.

-rk: примеры только на однослоги, ср. "краткие" *kyrk, -ky* 'сорок', *kürk, -kü* 'кожух', "долгий" – нет данных.

Следующие сочетания встретились только в исторической позиции после краткого, чередования нет: *alt, -ty, ilk, -kin*.

Нет чередования в случае *üst, -tü* 'верх'.

Глагол

К сожалению, в грамматике отсутствуют списки или хотя бы правила, касающиеся поведения конкретных глагольных основ; в словаре при глаголах таких помет тоже нет, приводимые ниже списки основаны на залоговых формах (которые в принципе могут вести себя не так, как словоизменительные). В глагольных корнях с синхронной точки зрения *-č, -p, -k* не озвончаются (сохранилась одна основа – рефлекс корня с долгой гласной: *ūt-* 'крошить' < **ūk-*, не сохранился корневой глагол). Л.А.Покровская (Покровская 1964, 65) отмечает формы с озвончением от *jap-* 'строить': *n'abalym* 'что будем делать?' при *japyl-*, долгота в этом корне не ясна. В частности, не озвончаются конечные сочетания в корнях (гласный исторически краткий) *silk-, ölč-*. На *-nč-* представлена только залоговая форма со старым кратким с озвончением: *sandžyl-*. Основы на *-t* в однослогах: "долгие" озвончающие *git-, -der-* (но *getir-* < *get-tir-*) < **gējt-, et-, -der*, о *dat-* (произв. *dadan-*), *jut-* (произв. *judum*) нет данных; "краткие" только неозвончающие *at-, kat-, sat-, (itir-), bit-, tut-, tüt-* 'курить', *öt-* 'петь', *jet-* 'хватать'. Сочетание *-rt* не озвончается ни в "долгом" *ārt-* 'вешать для просушки', ни в "кратких" *art-* 'увеличивать', *bert-* 'ломать', *jyrt-* 'рвать', *ört-* 'покрывать', *dart-* 'тянуть', *jort-* 'бежать рысью'. В многосложных основах озвончается аффикс каузатива *-t* и конечные *-t* у двух старых двусложных непроизводных на пратюркском уровне основ: *išit/d-* 'слушать' и *unut/d-* 'забывать'.

[52] Вопреки Кононов 1956, 19.

Азербайджанский

Имя

В имени чередование по силе-слабости (которое соответствовало бы звонкости/глухости) отсутствует. Обычно считается, что такое состояние исходно для всех огузских языков, а чередование возникло впоследствии. Выше мы попытались дать другую интерпретацию этой ситуации, а именно объяснить ее возникновение следствием выравнивания. К этому заставляет склониться, во-первых, судьба основ на гуттуральный и на сочетания согласных, во-вторых, судьба глагольных основ.

В однослогах действует историческое правило озвончения, кроме нескольких слов на гуттуральный, унифицировавших глухой – таким образом, чередование снято. В двуслогах – регулярная конечная и интервокальная звонкость (*bulud, Ganad*); чередование наблюдается только в двуслогах с гуттуральным концом, в мягкорядных *-k/-j-*, в твердорядных *-G/-ã-*. NB: облик ступеней в твердорядных основах свидетельствует о начале выравнивания (сближение фонетического качества ступеней между собой).

-rt: в однослогах подчиняется историческому правилу: после старых долгих (*ard* 'спина', *Gurd* 'волк', *dörd* 'четыре', *jurd*) озвончаются, после старых кратких (*Gart* 'старый', *kärt* 'насечка') не озвончаются; в двуслогах – звонкость (*jogurd* 'простокваша', но ср. явное кыпчакское заимствование *džumurt* 'крушина').

-nt: только *and* 'клятва'.

-rk: примеры только на однослоги, унифицирован глухой, ср. "краткие" *türk, Gyrx, bärk* 'крепкий', *kürk* 'мех', *ärk* 'фамильярность', "долгий" *börk* 'шапка'.

-nč: в однослогах и многослогах автоматическое озвончение, ср. однослоги "долгие" *dindž, gendž,* "краткий" *Gondž*.

Следующие сочетания встретились только в исторической позиции после краткого, чередования нет: *alt, ilk, turp, sarp*. Ср. *bordž* (**ō*), *üst* 'верх'.

Глагол

В глагольных основах, в отличие от именных, происходит чередование по силе-слабости. Именно в позиции перед согласным, в том числе перед сонорным, конечный взрывной глагольной основы – сильный, в интервокале – в некоторых основах слабый. Основы на *-č, -p, -k* по большей части не чередуются (из глагольных корней – рефлексов корней на *-č, -p, -k* с долгой гласной сохранились следующие: *Guč/dž-* 'обнимать', *säk-* 'семенить, прыгать', *säjirt-*; *üjüt/d-* 'крошить' < **ūk-*, не сохранился корневой глагол, *söj-* 'бранить' < **ōk-*, унифицирован звонкий рефлекс). В частности, не чередуются корни на сочетания (гласный исторически краткий) (*silkä-*), *ölč-*. Ср. "краткий" *sandž-*. Основы на *-t* в однослогах: "долгие" чередующиеся *get/d-, et/d-, tat/d-, ut/d-* 'глотать', произв. *udum*; "краткие" нечередующиеся *at-, kat-, sat-, jat-, bat-, it-,*

bit-, tut-, üt- 'палить', *öt-* 'перегнать', *jet-* 'хватать', но *ut/d-* 'побеждать'. С сочетанием *-rt* не чередуются "краткие" *art-* 'увеличивать', *jyrt-* 'рвать', *ört-* 'покрывать', *tart-* 'тянуть'. В многосложных основах чередуется аффикс каузатива; ср.: *ešit/d-* 'слушать' (*ešidil-*) и *unut/d-* 'забывать'.

Туркменский

Имя

Поведение одиночных взрывных на конце исконных односложных имен соответствует историческим долготам для *-p, č, -t,* в основном соответствует для *-k,* за исключением (раннего) выравнивания нескольких слов (см. выше); таким образом, чередование по глухости/звонкости функционирует, причем чередующийся и нечередующийся "типы склонения" распределены по фонетическому признаку долготы. На конце исконных многослогов поведение взрывных соответствует историческому правилу для всех слов (т.е. все чередуются; ср. *bulut, buldu*; исключение: *Gānat, -ty* – но *altyGānat, -dy* (ТДОС).

Концевые сочетания:

-rt: в однослогах подчиняются историческому правилу: после старых долгих (*ārt, -dy* 'спина', *Gūrt, -du* 'волк', *dȭrt, -dü* 'четыре', *jūrt, -du* 'жилище') озвончаются, после старых кратких (*Gartaŋ* 'старый', *syrt* 'зад', *kert* 'уступ') не озвончаются; в двуслогах – чередование (*ovurt, -du* 'глоток', *alaŋŋyrt, -dy* и *Gurt, -dy* 'сухой творог' – из двуслога?).

-rč: примеры только на однослоги, сохраняют историческое правило: *burč* 'угол', *berč* 'желвак', заимств. *kerč* 'ломтик' не озвончаются, *bȭrč, -džu* 'долг' озвончаются (ср. *sarč, -džy* 'пугливый' – скорее из двуслога, от *sara-(n)-* 'быть не в себе, бормотать' VEWT 403).

-nt: примеры только на однослоги: *ant* 'клятва' – *anty* (NB сокращение долготы, *jont* 'кобыла' – *jontu*; но заимств. *bent, -di* 'плотина' восстанавливает этимологический звонкий).

-rk: примеры только на однослоги, ср. "краткие" *türk, -kü, qyrq, -qy* 'сорок', *erk, -ki* 'воля', *berk, -ki* 'крепкий', "долгий" - ср. *bȭrük, -yü* 'шапка'.

-nč: в однослогах и многослогах автоматическое чередование с озвончением, ср. однослоги "долгие" *dȳnč, -džy* 'отдых', "краткие" *Gonč, -džu* 'голенище', *genč, -dži* 'казна', *künč, -džü* 'угол', многосл. *sāginč, -dži* 'задержка', *söjünč, -džü* 'радость' *ötünč, -džü* 'извинение'.

Следующее сочетание встретилось только в исторической позиции после краткого, чередования нет: *turp, -pu* 'репа'.

Нет чередования в случае *üst, -tü* 'верх', исторически – корневой долгий гласный.

Глагол

В глагольных корнях с синхронной точки зрения *-č, -p, -k* не озвончают-

ся[53]. В частности, не озвончается корень на сочетание (гласный исторически краткий) *silk-* (но *alka-, jalka-, ölče-* сделались основами на гласный). NB: при словоизменении глаголы на *-nč-* озвончаются независимо от старой долготы: *jenč-, -džip, jendžil-, sanč-, -džan, sandžyl-*. Основы на *-t* в однослогах подчиняются историческому правилу: "долгие" озвончающие *git-, -der-*<**gējt-, et-, -der, dat-, -dyp* 'иметь вкус' (**dāt-*), *gāt-, -desim* 'делать зарубку' (**gēt-*, произв. *gedil-* 'быть зазубренным'); "краткие" только неозвончающие *at-, Gat-, sat-, jat-, bat-, it-, bit-, tut-, üt-* 'палить', *tüte-* 'курить', *öt-* 'петь', *jet-* 'хватать', *jit-* 'терять', *ut-* 'побеждать', *utul-*. Сочетание *-rt* не озвончается в "кратких" *art-* 'увеличивать', *bert-* 'ломать', *jyrt-* 'рвать', *ört-* 'покрывать', *tart-* 'взвешивать', также *elt-* 'вести'. Озвончается однослог из старого двуслога *ajt-, -dan* 'говорить' (**ajyt-*). В многосложных основах бесперебойно озвончается продуктивный аффикс каузатива (*daryt- – darydyp*) и глагол *juvut-, -dup* 'глотать'. Озвончаются конечные *-t* у двух старых двусложных непроизводных на пратюркском уровне основ: *ešit-, ešiden* 'слушать', *ešidil-*, и *unut-, -dyp* 'забывать'.

Хорезмские говоры узбекского

Имя

Чередующийся и нечередующийся типы односложных основ распределены по фонетическому признаку долготы, кроме слов на гуттуральный – в них чередования нет. В многослогах чередование устранено (причем до образования вторичных долгот?). Концевые сочетания: отметим *-nč*: в однослогах как будто историческое правило, ср. однослоги "долгий" *dъndžъ* 'отдых-Poss.', "краткий" *qonč, -nčъ* 'голенище' (Абдуллаев 1961, 62). Ср. также бывший двуслог *ūrt, ūrtym* 'защечная область'.

Глагол

Данные отрывочные. NB: *getьp, gädir-güdür* 'неровный', *gädik* 'зазубрина', *jenčьl-, sančьl-* (Абдуллаев 1961, 52).

Саларский

Данные по имени: парадигматические унификации, чередование отмечено фактически только для многосложных слов обоих рядов на гуттуральный (Тенишев ССЯ, 99).

Глагол: следует отметить сильный согласный в интервокале *e'cip*, в каузативе на *-t-* отмечены варианты с сильным и слабым: *-t/-'/-c/-dz'-*, но неясно, ступени ли это чередования или свободные варианты (Тенишев ССЯ, 168).

[53] С диахронной – представлены следующие глагольные корни – рефлексы пратюркских корней на *-č, -p, -k* с долгой гласной: *Guč-, -čar* 'обнимать', ср. старое производное *Gudžoq* 'объятие' (ср. сократившуюся долготу), *sāk-dir-* 'прыгать', корневой глагол не сохранился, *sāg-in-* 'медлить', корневой глагол не сохранился, ср. *ǒye-* 'рыгать' < **ǒk-*, *ǔve-* 'крошить' < **ǔk-*, не сохранился корневой глагол, *sǒy-* 'бранить' < **sǒk-*, унифицирован звонкий рефлекс; ср. *sǒk-* 'разбирать', *sač-* 'рассеивать', *tap-* 'находить'.

Как следует из вышеизложенного, для праогузского состояния, очевидно, восстанавливается не морфонологическое, а фонетическое чередование глухой в конце слога/звонкий в интервокале для ослабленного согласного (в фонетической позиции не менее чем второй моры от начала).

На протяжении истории языков в имени чередование морфонологизируется и в части случаев устраняется, в некоторых случаях, наоборот, "затягивает" в себя ранее не чередовавшиеся основы. Один из наиболее очевидных случаев: почти во всех языках в чередование втягиваются "краткие" однослоги с конечным сочетанием *-nč*, скорее всего, из-за продуктивности отглагольного образования на *-č*, часто от основы рефлексива, что создало большое количество многослогов на *-nč* и дало базу для унификации чередования[54].

Таблица 15

	Тур.	Гаг.	Аз.	Туркм.	Хор.
-p	V̄ (-) V̆ -p-	V̄ (-) V̆ -p-	V̄ (-) V̆ -p-	V̄ (-) V̆ -p-	
-č	V̄-č- V̆-č-	V̄ (-) V̆-č-	V̄ (-) V̆ -č-	V̄-č- V̆-č-	
-nč	V̄ - V̆ -nč/ nǯ- (слобр.)	V̄ - V̆ -nǯ- (слобр.)	V̄ - V̆ -nǯ-	V̄ - V̆ -nč/nǯ-	V̆ -nč-
-lč	V̄ - V̆ -lč-	V̄ - V̆ -lč-	V̄ - V̆ -lč-	V̄ - V̆ -lč-	
-k	V̄ -k- V̆ -k-	V̄ (-) V̆ -k-	V̄ -k-, (k/j) V̆ -k-	V̄ (-g-) V̆ -k-	
-lk	V̄ - V̆ -lk-	V̄ - V̆ -lk-	V̄ - V̆ -lk-	V̄ - V̆ -lk-	
-t	V̄ (-t/d-),-t- V̆ -t-	V̄ (-t/d-) V̆ -t-	V̄ -t/d- V̆ -t-, (-t/d-)	V̄ (-t/d-),-t- V̆ -t-	V̄ -t/d-,-t-
-rt	V̄ -rt- V̆ -rt-	V̄ -rt- V̆ -rt-	V̄ - V̆ -rt-	V̄ - V̆ -rt-	
*VVt-	VV -t- V -t-	VV -t/d- V -	VV -t/d- V -	VV -t/d- V -t/d-	
VV · +caus.	VV -t- VV -rt- (-t/d-)	VV -t/d- *V -	VV -t/d- *V -	VV -t/d- (*V -t-)	

В глаголе, как видно из таблицы 15, чередование в основном устраня-

[54] Альтернативная гипотеза - об изначальной звонкости интервокального сочетания *-nč-* в праогузском и устранении чередования при кратком гласном в хорезмийских диалектах - плохо согласуется с отсутствием звонкости после старого краткого у сочетаний *-rč-* и *-lč-*.

лось, сохраняясь для каузативного суффикса. Для *-nč-* в кратких корнях (2 корня) можно предположить распространение "именного" чередования (поскольку в имени генерализовалась интервокальная звонкость), с последующей характерной для турецкого унификацией глухого варианта в однослогах (ср. ситуацию с *-t*).

III. Падение – вставка узкого гласного – еще один вид чередования в огузском (и вообще тюркском) корне. В современном турецком языке это чередование распределено по лексемам словарно. В словоизменении существительных турецкие грамматики описывают его совершенно аналогично с правилом адаптации заимствованной лексики – как вставку гласного для разрешения недопустимого в ауслауте кластера (Кононов 1956, 28). В турецких словарях при словарной форме указывается наличие чередования. Такое же правило – для гагаузского (Покровская 1964, 46-48) и, по-видимому, для азербайджанского, но в нормативных словарях этих языков не принято указывать при основе наличие чередования. В гагаузском языке отмечаются "вторичные основы", возникающие на базе окаменевания форм принадлежности 3 л. основ с чередованием и присоединяющие впоследствии новые аффиксы. принадлежности, алломорф для основ, заканчивающихся на гласный: *ōlu – ōlu-su* (современная норма *ōl – ōlu*), *burnu – burnu-su, anny – anny-sy, kojnu – kojnu-su* 'грудь' (ср. *kojun – kojunu* 'овца'), *bojnu – bojnu-su, gelin/ gelni – gelnisi* (совр. норма *gelin – gelini*) – см. Дмитр. 253. Такие формы спорадически образуются от основ с этим чередованием и в других языках. В туркменском языке информация о чередовании со вставкой-выпадением гласных основы не является словарно обусловленной, правило имеет чисто фонетические условия, а именно узкий краткий гласный в структуре VCVузк.CV выпадает, если при этом образуется сочетание согласных, принадлежащее следующему набору: RR, RS, SS, Sd, Rd, S*dž*, R*dž*, где R – сонорный, S – фрикативный (см. ГТЯ 61-63, данные подтверждает ТДОС).

Роспись двусложных существительных Турецко-русского словаря (М., 1977) показала, что в турецком такое чередование бывает только у неразложимых двусложных основ совершенно определенной фонетической структуры: (C)VS/RVS/R. Среди фрикативных не встретился – *š*. При этом не все слова с такой структурой основы имеют чередование. Ср., например, минимальные пары *kojun, -jnu* 'пазуха' – *kojun, -junu* 'овца', *kajyn, -jny* 'деверь' – *kajyn, -jyny* 'бук' или квазиминимальную *beniz, -nzi* 'лицо' – *deniz, -nizi* 'море'.

Вот список двусложных существительных турецкого языка с чередованием, снабженный пратюркскими реконструкциями (по Этимологической базе данных тюркских языков) и параллелями из огузских и некоторых других тюркских языков.

А. По другим данным восстанавливается пратюркское сочетание согласных на конце основы.

1. **bōjn* 'шея': *bojyn* (др.-уйг.), *bojun, bojyn* (MK), *bojun* (QB), тур. *bojun, -jnu,* чаг. *bojn, bojun* (Sangl, MA), аз. *bojun, -jnu,* туркм. *bojun*, хак. *mojyn,* чув. *məj,* як.

mōj, долг. *muoj,* тув. *mojun*, тоф. *möän (mojnu),* гаг. *bojnu*, сал. *bojny,* кум. *bojun.*

2. **göjŋ-il* 'сердце, дух': *köŋül* (орх., др.-уйг.), *köŋül* (MK, QB), тур. *gön-ül, -nlü*; *göjün, göjn* (диал.), чаг. *köŋül* (Sangl., MA), аз. *könül, -nlü*, туркм. *gövün, köŋ-ül*, хак. *kōl, köŋn-ə*, чув. *kəʷməʷl*, як. *köŋül*, долг. *köŋül*, тоф. *xöl*, гаг. *gön*, сал. *göjŋy*, кум. *göŋül.*

3. **gökŕ, *Kökrek* 'грудь': *kögüz* (др-уйг.), *kögüz* (MK), тур. *göγüs, -ksü*, чаг. *kögs, kögüs* (Sangl.), *köküs* (MA), *kökrek* (Абушка, Бор. Бад.), аз. *köks, -ü*, туркм. *gövüs, kükrek*, хак. *kögis*, чув. *kъʷgъʷr*, як. *köγüs*, долг. *köksü*, гаг. *güs*, сал. *göfrix*, кум. *kökürek.* Скорее сочетание, поскольку демонстрирует озвончение центрального согласного (явно первоначально глухого по рефлексам в сибирских языках и в чувашском), которое может быть позиционно обусловлено только контактом с *-z* (впоследствии оглушающимся в сочетании в праогузском?).

4. **čekn* 'часть плеча между шеей и лопаткой': *čikin* (др.-уйг.), тур. *čekin, čekini/ čijin, -jni*, чаг. *čikin* (Абуш., Sangl.), аз. *čijin, -jni*, туркм. *čigin*, чув. *śan* 'body'. Скорее сочетание, иначе сложно объяснить колебания звонкости-глухости, до полного исчезновения гуттурального в чувашском.

5. **āl-yn* производное от **āl*, 'лоб': *alyn* (др.-уйг.), *alyn* (MK, QB), тур. *alyn, -lny*, чаг. *alny-da* 'в присутствии кого-л.' (Абуш.), аз. *alyn, -lny*, туркм. *ālyn*, хак. *alny*, чув. *om*, тув. *alyn*, гаг. *anny*, сал. *aldy-*. Скорее сочетание, ср. **geln* 'невестка': чув. *kin*, тоф. *xelin, xenni*, сал. *kiin*, но **Kalym* 'калым': чув. *xolъm*, тоф. *xylym.*

6. **Kōjn* 'подмышка, пазуха': *qojyn* (енис., др.-уйг.), *qoj* (MK), тур. *kojun, -jnu*, чаг. *qojyn* (Абу-Х), аз. *Gojun, -jnu*, туркм. *Gojun*, хак. *xojyn*, чув. *xəʷy, xü*, диал. *xüm*, як. *xōj (xoŋńŋ-)*, долг. *konnok*, тув. *xoj*, гаг. *qojnu*, кум. *qojyn.*

7. **bejŋi* 'мозг': *meji, meŋi* (др.-уйг.), *meŋi* (MK, QB), тур. *bejin, -jni*, чаг. *miji* (MA), *mejn* (Sangl.), аз. *bejin, -jni*, туркм. *bejni, mejni*, хак. *mi*, чув. *mimə*, як. *meji*, долг. *meńi*, тув. *mē*, тоф. *mā*, кум. *miji.*

Б. По другим данным восстанавливается гласный, разделяющий согласные.

1. **ogul* 'сын': *o'ul* (орх., др.-уйг.), *oγul* (MK), тур. *oγul, -γlu*, чаг. *oγul* (Pav.C.), аз. *oγul, -γlu*, туркм. *oγul*, хак. *oγyl, ōl*, чув. *yvъl*, як. *uol*, долг. *uol*, тув. *ōl*, гаг. *ōl*. Скорее не сочетание, так как явно интервокальное развитие *γ*.

2. **agyŕ* 'рот': *aγyz* (орх.), *aγyz, aγaz* (др.-уйг.), *aγyz* (MK), тур. *aγyz, -γzy*, чаг. *aγyz*, аз. *aγyz, -γzy*, туркм. *aγyz*, хак. *ās, axsy* (3 Р.), чув. *vъʷrъʷ, urъ-lъ*, як. *uos*, долг. *uos*, тув. *ās, aqsy* (3 Р.), тоф. *ās, aqsy* (3 Р.), гаг. *ās*, сал. *aγyz*, кум. *awuz.* Не сочетание, так как явно интервокальное развитие *γ* (ср. **gökŕ*).

3. **egin* 'плечо': *egin* (др.-уйг.), *egin* (MK), тур. *eγin, -γni*, чаг. *egin* (Абуш., Pav.C.), *in* (Pav.C.), аз. *äjin, -jni*, туркм. *egin* (диал.), хак. *iŋnÿ*, чув. *avъn, an*, як. *ien*, тув. *eγin*. Первично – не сочетание, так как рефлексы не похожи на 'рукав' **jegn* (в большинстве языков *jeŋ*, чув. *savny*, як. *iax*).

4. **Kādyn* 'свойственник': *qadyn* (енис., др.-уйг.), *qaδyn* (MK, QB), *qadyn* (QB), *qajyn* (IM), тур. *kajyn, -jny*, чаг. *qajyn* (Pav.C., MA, Houts.), аз. *Gajyn* (?), туркм. *Gājyn*, хак. *xazyn/xasty*, чув. *xorъn (xonr* < тат.), тув. *katy*, тоф. *xatty*, кум. *qajyn.* Скорее не сочетание – интервокальное развитие в чув., ср. **bydnŋyk* 'усы': *byδyq* (MK), *byjyq* (IM), тур. *byjyk*, аз. *byγ*, туркм. *myjq* (диал.), гаг. *byjyk*; чув. *myjyx.*

5. **bEŋiŕ* 'лицо': *beŋiz* (орх.), *meŋiz* (др.-уйг.), *meŋiz* (МК, QB), тур. *beniz, -nzi, benze-*, чаг. *beŋiz, meŋiz* (Sangl.), аз. *bäniz, -nzi* (Азизбеков 1965), *-nizi* (АРС 1986), *bänzä-*, туркм. *meŋiz, meŋze-*, хак. *mi̇̀s* (Верб.), гаг. *beniz, benze-*. Скорее не сочетание – ср. **biṅŕ* 'шило': тур. *biz*, аз. *biz*, туркм. *bijz/bi̇̀z*, салар. *piz*; **beńŕ* 'железа': *bez* МК, чаг. *bez, mez*, тур. *bez*, аз. *bäz, väz*, туркм. *mäz*; **byńĺ(yk)* 'кошка': *müš* (МК), тур. *pyšyk* (диал.), *pisi*, аз. *pišik*, туркм. *pišik*.

6. **geŋiŕ* 'носоглотка': тур. *geniz, -nzi*, аз. *gäniz, -nzi, gänzik*, туркм. *geŋz-ew*, як. *keŋeri̇̀* 'спинка носа'. Скорее не сочетание – ср. выше.

7. **biagyr* 'печень': *baγyr* (др.-уйг.), *baγyr* (МК), тур. *baγyr, -γry*, чаг. *baγyr* (Бор. Бад., МА), аз. *baγyr, -γry*, туркм. *baGyr*, хак. *pār*, чув. *pəʷver*, як. *byar*, долг. *byar*, тув. *bār*, тоф. *bār*, сал. *baγyr*. Скорее не сочетание, ср. чув., др.-уйг. формы.

В. Вопрос о прасочетании неясен.

1. **bögür, *bögrek* 'почки': *bögür* (др.-уйг.), *bögür* (МК), тур. *böğür, -ğrü, böjrek, böbrek*, чаг. *bögrek* (Pav.C.), аз. *böjür, -ğrü, böjrək*, туркм. *bevrek, bövrek*, хак. *pügürek, pürek*, чув. *püre*, як. *büör*, тув. *bürek*, тоф. *börek*, гаг. *bür, börek, bürek*, кум. *büjrek*.

2. **čygyr* 'граница, тропа': *čyγru-, čyγyr* (МК), тур. *čyγyr, -ğry*, чаг. *čyγyr* (Sangl.), туркм. *čygyr*, тув. *šÿr*, тоф. *šÿr*.

3. **omuŕ* 'плечо': тур. *omuz, -mzu*, чаг. *omuz* (Pav.C.), туркм. *omuz*, чув. *ъʷmъʷr*, кум. *omuz*.

4. **burun (*buryn)* 'нос, перед': *burun* (др.-уйг.), *burun* (МК, QB), тур. *burun, -rnu*, чаг. *burun* (Sangl.), аз. *burun, -rnu*, туркм. *burun*, хак. *purun*, як. *murun*, долг. *munnu*, тув. *murnu*, тоф. *murnu*, гаг. *burnu*, сал. *purny*, кум. *burun*.

5. **Karyn* 'живот': *qaryn* (др.-уйг.), *qaryn* (МК, QB), тур. *karyn*, чаг. *qaryn* (Sangl., МА), аз. *Garyn, -rny*, туркм. *Garyn*, хак. *xaryn*, чув. *xyrъm*, як. *xaryn*, тув. *xyryn*, тоф. *xyryn*, гаг. *qaryn*, сал. *qaryn-taš* 'родственник', кум. *qaryn*.

6. **ug-ur-, *ug-ra-* 'встречать, случай, раз': *uγra-, uγur* (орх., др.-уйг.), *uγra-, uγur* (МК), тур. *uγra-, uγur, -γru*, чаг. *oγur* (R), *uγra-* (Бор. Бад.), аз. *uγur, -γrun*, туркм. *uGra-, uGur*, гаг. *ūr, ūra-*, кум. *oγur*.

7. **iagyr* 'тяжелый, боль': *aγyr* (орх., др.-уйг.), *aγyr* (МК, QB), тур. *aγyr, -γry*, чаг. *aγyr* (Pav.C.), аз. *aγyr, -γry*, туркм. *aGyr*, хак. *ār*, чув. *jyvъr*, як. *yar*, долг. *yara-kan*, тув. *ār*, тоф. *ār*, сал. *aγyr*.

Итак, турецкие основы с чередованием (которым обычно соответствуют азербайджанские основы с чередованием) с равной вероятностью могут восходить к основам с пратюркским концевым сочетанием согласных и без такового. Имеются еще основы с пратюркским сочетанием, которые дают в турецком и азербайджанском слова без чередования, например: **geln* 'невестка', **quln* 'жеребенок' (чув. *xum*), **qojn* 'овца'.

Кроме склонения существительных, чередование такого же вида наблюдается в тюркском словообразовании. В частности, в турецком и азербайджанском оно широко засвидетельствовано. Обращает на себя внимание тот факт, что в турецком и азербайджанском это чередование в словообразовании отыменных глаголов охватывает больше именных основ, чем словоизменительное чередование, ср. *ojun* 'игра' – *ojunu*, но *ojna-* 'играть' (ПТ **oj-*), *orun* 'место' – *orunu*, но *orna-t-* 'замещать' (ПТ **or-un*). При отглагольном словообразовании чередование захватывает практически все основы подходящей фонетической структуры (*čağyr- – čağryl, bujur- – bujruk, eğir- – eğri, evir- – evrin-*), причем при вариантных образованиях с чередованием и без слова с чередованием имеют фразеологизованное значение, что указывает на больший "возраст", ср. *čevir-* 'поворачивать' – *čevirim* 'поворот' и *čevrim* 'цикл, период'.

Как кажется, все изложенные факты говорят о том, что нынешнее состояние турецкого и азербайджанского чередований восходит приблизительно к состоянию, зафиксированному в туркменском (фонетические условия), и выводится из него посредством предположения процессов парадигматической унификации основ. В частности, в именном словоизменении чередование устранялось в большинстве основ; при этом из 21 основы, сохранившей чередование, 2 слова – имена родства и 17 – названия частей тела, т.е. лексика, относящаяся к тем семантическим группам, которые наиболее часто употребляются с аффиксами принадлежности; эта высокая частотность и способствовала сохранению чередования. На праогузский уровень, видимо, можно возвести туркменскую (или близкую к ней) ситуацию, которая, при этом, не является ни пратюркской, ни общетюркской: в пратюркском, как было показано выше, присутствовали конечные сочетания, особым образом развивавшиеся впоследствии в части языков.

IV. Еще одна морфонологическая проблема – выбор широкого или узкого аффикса в форме аориста в зависимости от типа глагольной основы – подробно обсуждается в разделе "Морфология". Мы здесь заметим только, что нам кажется в высшей степени продуктивной идея Рамстедта–Текина относительно связи выбора гласной в форманте тюркского аориста со старым вторым гласным глагольной основы. См. подробное обоснование в Tekin 1995 (хотя не со всеми алтайскими сопоставлениями в этой работе мы можем согласиться). В таком случае, "словарный" кусок распределения узкого/широкого вариантов аффикса в турецком языке следует считать историческим, а ситуацию в турецком – наиболее архаичной из всех огузских языков (в прочих языках либо, как в туркменском, просто унифицирован широкий вариант аффикса, либо, как в гагаузском, азербайджанском и анатолийских диалектах турецкого, на базе стяжения аналитической по происхождению формы на *-ijor* выстроено новое противопоставление времен, под которое и подтянуты все аористные формы). Действительно, односложным глагольным основам, принимающим в турецком узкий аористный аффикс, в основном соответствует такой же выбор аффикса в памятниках древнего периода: *al-* : др.-уйг., МК *alyr; bil-* : др.-уйг. *bilür*, МК *bilir; bul-* : др.-уйг., QB *bulur; dur-* : др.-уйг. *turur; er-* : орх., др.-уйг. *erür-; gel-* : МК *kelir, kelür; gör-* : орх. *körür; kal-* : др.-уйг., QB *qalyr; öl-*: др.-уйг. *ölür; ol-* : др.-уйг., QB *bolur; san-*: др.-уйг. *sanur; var-* : орх. *baryr; ver-*: орх. *birür;* и только *vur-* : QB *urar*, но в кара-

ханидских памятниках уже наблюдается частичное расширение потенциала широкого варианта (Tekin 1995, 174). На некоторые основы с узким вариантом в памятниках в турецком распространился широкий вариант: *kyl-* : др.-уйг., QB *kylur; sal-* : др.-уйг. *salur; kan-* : QB *qanur; jat-* : QB *jatur* и др. (см. Грунина 1991, 152, Кононов 1980, 122, ДТС; список древнетюркских глаголов см. в Erdal 1979). Таким образом, тенденция, действовавшая на переходе от общетюркского состояния к праогузскому и, возможно, от праогузского к староосманскому, – стремление к морфонологическому распределению: широкий вариант в односложных основах на согласный/узкий вариант в многосложных основах.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Число выражается у существительных (а также личных и указательных местоимений) в актантной, атрибутивной и предикатной позиции и глаголов в предикатной позиции.

В огузских языках в качестве несвязанного числового показателя засвидетельствованы только рефлексы пратюркского аффикса **-lar/*-ler*. Что касается его семантики, то во всех тюркских языках (и практически во всех алтайских) числовой аффикс служит маркированным членом оппозиции "выраженная множественность/невыраженное число", основная сфера его употребления – выражение расчлененной считаемой множественности.

Можно отметить следующие особенности употребления форм множественного числа по огузским языкам.

Т у р е ц к и й . В значении родового имени употребляется только форма единственного числа: *kuš* 'птицы' (как заголовок в учебнике биологии). Существительное с генерической референтностью в форме множественного числа стандартно обозначает нерасчлененное множество с неопределенным количеством: *ağačlar yaprak dökülüjor* 'деревья сбрасывают листья', *čočuklar ojnyjor* 'дети играют (группа)', *kušlar učar* 'птицы летают'.

С числительным и количественными словами форма мн. ч. выражает актуализованную расчлененную множественность: *üč ajlar* 'три месяца' (ред-жеб, шабан, рамазан).

Множественное число при именах вещественных обозначает 1) сорта, 2) большое количество (*jarasyndan kanlar akyjordu* 'из раны течет (много) крови'), 3) аффектированную модальность (*bigünah validen jerlerde jatyjor* 'твоя невинная мать лежит в земле').

При именах собственных и терминах родства — ассоциатив: *Caferler* 'Джафер и его семья'. Наконец, в качестве гонорифика 1, 2, 3 лица: *Biz* 'Мы', *Siz* 'Вы', *Vali geldiler* 'губернатор прибыли'.

Согласование сказуемого 3 л. с подлежащим по числу отсутствует а) если подлежащее обозначает неодушевленные предметы: *ağačlar yaprak dökülüjor* 'деревья сбрасывают листья', б) если подлежащее обозначает неопределенную группу одушевленных объектов, рассматриваемую без выделения составных частей: *čočuklar ojnyjor* 'дети играют (неопр. группа)', *kušlar učar* 'птицы летают' (Кононов 1956, 206). Фраза *O čočuklar ojnyjorlar* означает, что каждый из детей занят какой-то игрой.

Для староосманского у аффикса *-lAr* также отмечается семантика расчлененной множественности, сфера употребления при этом несколько шире, чем в современном языке. Примеры:

Актуализованная расчлененная множественность: *ḳādīleri ve subašylary ve sipāhileri...ve kāfirleri ve muslimānlary ve yahudileri...Ṣaruxān tuzunda jejeler* 'кадии, и субаши, и солдаты... и неверные, и мусульмане, и иудеи обязаны потреблять соль вилайета Сарухан'. Родовое употребление: *Ulular išidür garyb oxšamaq* 'Дело великих — привечать странников'[48] *Sulṭān Murād 'asker cem' edüb* 'Султан Мурад собрал воинов'. Обобщенное множество с определенностью: *Ol 'avratuŋ fāḥišä karavašlary varydy, ol karavašuŋ birisi...* 'У этой женщины были рабыни легкого поведения, и из этих рабынь одна...'. При числительном: *...gözsüzden Isa katyna elli biñ kiši dirgenür edi* 'К Иисусу сходилось 50000 незрячих', но при актуализованной расчлененной множественности: *ol on iki emīrler size doġri gitdiler* 'те 12 эмиров направились к вам'; *mezkūr körfezüñ iki ṭaraflary* 'обе стороны вышеупомянутого залива'. Ср. также с количественным словом: *kāfirlärdän čok kāfir kyrdylar* 'уничтожили многих из гяуров', но *čok gämilär* 'много (разных) кораблей' (Грунина 1991, 43, Гузев 1979, 40).

В современных диалектах сфера употребления множественного числа также несколько шире, чем в современном литературном языке. Немет (Видин, Németh 1965) приводит примеры употребления *-lar* и в числовых конструкциях, и даже в конструкциях с *bir* (*bir* употреблено в качестве эмфатической частицы), таким образом, менее существенны формальные ограничения на сочетаемость показателя. В ряде диалектов и в литературном языке имеется отдельный показатель ассоциатива: *-gil* (этимологически — слово со значением "дом" — см. Щербак Имя 95, 103 и цитированную литературу): Эдирне *-jil/jin*, Синоп *amcam gile gittik* 'мы отправились в семью дяди', Кютахья *-gil* (наряду с более частым *-ler,* Gülensoy 1988, 85–86), Эрзурум *-gil.* NB: прибавляясь к слову с

[48] Хотя слово *ulu* 'великий' употреблено в родовом значении, афф. числа здесь стоит, маркируя субстантивацию. Слово *garib* также в родовом значении не имеет числового аффикса.

показателем принадлежности, он ставится после этого показателя: *komšumuzgile gidijoruz* 'мы идем к нашим соседям'. См. DD 1, 636.

Гагаузский язык. Ассоциатив: *Сашкалара гитти* 'поехал к Сашкиным родным'. Отмечен запрет на сочетание с числительным и количественным словом и на употребление мн. ч. в родовом значении (Покровская 1964, 108–109). Ср. расчлененное актуализованное с числительным — все равно без показателя числа: *joldan geler kyrk atly, kyrky da żeletkaly* 'По улице подъезжают 40 конников, все 40 — в жилетках' (Покровская 1964, 124). При именах вещественных в значении большого количества: *su jerinä kannar akyj* 'вместо воды кровь течет'. Согласование подлежащего со сказуемым наблюдается более часто: *genčlär xer jortu pazar toplanärlar* 'молодежь каждое воскресенье собирается', *Jēr te bu gargalar olsa kojun da benim olsunnar* 'если бы все эти вороны стали овцами да стали моими' (Покровская 1964, 184, 185) — и при расчлененной определенной, и при неопределенной множественности, ср. неодуш. неопределенное: *Uroklar gečerlar xyzly* 'уроки проходят быстро' (и *aŋy jā murlar seni buryi getirdi?* 'какие дожди тебя сюда занесли ?'). Гонорифик 2 л.: *ne sālykta bulunärsynyz?* 'как Ваше здоровье?'

Крымскотатарский язык. Отмечается частое употребление Pl при сочетании с числительными: *xyrx güzällär, üč oylular* (Doerfer Kr. 276).

Азербайджанский язык. Ассоциатив *säfävilär* 'династия Сефевидов', *Rüstamovlar = Rüstamovgil* 'Рустамов и члены его семьи'. Имена вещественные: большое количество — *suvlar* 'воды'. Приблизительность при обозначениях времени: *Gyšyn ortalary* 'середина зимы'. В родовом значении — как совокупность лиц, без актуализации расчлененности: *telebeler* 'студенты', *zijalylar* 'интеллигенты' (Ширалиев 1998, 163). Согласование: *Lüghät mägalälärinin ilkin tärtibindä...laborantlar...ištirak etmišlär jašyndan...asyly olmajaraG oxuǯular ondan e'tibarly bir väsait kimi istifadä edä bilsinlär* 'Чтобы читатели, независимо от ... возраста, могли им пользоваться как пособием' (АРС 1 9, 11). При количественном слове — расчлененная множественность: *onun haGGynda čox ässasyz sözlär danyšylmaGdadyr* 'о нем ведется много необоснованных разговоров'.

Туркменский язык. В родовом значении обычно ед., но бывает и мн.: *ylymlar akademijasy*. С именами вещественными может выражать большое количество, или эмфазу (а также при слове, обозначающем заведомо единственный предмет: *Šäxdi-šeker dillerden sözle Gara göz gelin* 'радостно-сладким языком говори, черноглазая невеста'). Согласование: необязательно с одушевленным и определенным, ср. *mejdanlar yns-d ynssyz iŋlep jatyrdylar* 'безжизненно лежали поля'. Приблизительность при обозначении времени: *edil šol günüŋ öjlänleri* 'как раз в обед того дня'. Ассоциатив: *Myrat Gözelleriŋ tamyna kürsep girdi* 'Мурат торопливо вошел в дом Гюзель'. При существительном в сочетании с чис-

лительным: актуализованная расчлененность: *sen xem šu iki jaltalardaan Gowy dăl* 'ты тоже не лучше этих двух лентяев'. См. ТГ 86–88, 153.

Хорезмские диалекты узбекского. Особое выражение гонорифика. Форма вежливости может быть выражена добавлением афф. *-lar*, который в этом случае ставится после показателя принадлежности (по узбекскому образцу): *dajyŋla gäldь* 'твой дядюшка пришли' (узб. *тоғанглар келди*) (Абдуллаев 1961, 148).

Саларский. Нерасчлененное множество — без показателя: *vāghyldagy kiši xurghomiš* 'люди того селения испугались'. Актуализованная расчлененность: *xanduda kišlär jašašmiš* 'люди на улице переговаривались', но *jüz a'tni išinten malisyny tāny!* 'из сотни коней выбери самого быстрого'. Имя вещественное: *suler* 'воды (реки, ручьи и т.д.)'. Эмфатик: *kohuř asmanne samolirinta* 'в просторах голубого неба'. Гонорифик: *sen avaler* 'ты, отец!' (NB: гонорифического употребления мн.ч. личных местоимений нет — см. Тенишев ССЯ 129).

Таблица 16

	Ст.-осм.	**Тур.**	**Гаг.**	**Аз.**	**Туркм.**	**Салар.**
Родовое имя	**Ед./мн.**	**Только ед.**	**Только ед.**	**Ед./мн.**	**Ед./мн.**	**Только ед.**
Вещественное имя	**?**	**мн. — сорт, обилие, эмфатик**	**мн. — сорт, обилие**	**мн. — сорт, обилие**	**мн. — сорт, обилие, эмфатик**	**мн. — сорт**
Сочетания с числит. и колич. словами	**мн. — актуализ. расчлен.**	**мн. — актуализ. расчлен.**	**Только ед.**	**мн. — актуализ. расчлен.**	**мн. — актуализ. расчлен.**	**Только ед.**
Ассоциатив	**?**	**мн. — при именах лиц / *-gyl***	**мн. — при именах лиц**	**мн. — при именах лиц / *-gyl***	**мн. — при именах лиц**	**?**
Гонорифик	**?**	**мн. — 1–3 л.**	**мн. — 2 л.**	**мн. — 2 л.**	**мн. — 2 л.**	**мн. — 2 л.**
Согласование по числу сказуемого в 3 л. с подлежащим	**согласуется с определенным подлежащим во мн.ч. для выражения актуализованной расчлененности**	**у неодуш. нет, у одуш. согласуется с определенным подлежащим во мн.ч. для выражения актуализованной расчлененности**	**одушевленность и определенность не играют роли**	**у неодуш. нет, у одуш. согласуется с опр. подлежащим во мн.ч. для выражения актуализованной расчлененности**	**одушевленность и определенность не играют роли**	**отсутствует (нет личного спряжения)**

Как мы видим, больше всего выбивается по употреблению множественного числа саларский язык, что, несомненно, связано с влиянием контактных не-тюркских языков (см. Тенишев ССЯ 137–138). Образование специальной формы ассоциатива из сложного слова со вторым

компонентом *-gil*, скорее всего, является общей турецко-азербайджанской инновацией.

Что касается формы аффикса Pl., то в различных языках и диалектах он может иметь следующие алломорфы.

Турецкий литер. *-la²r*, староосманский *-la²r*, с вариантами по палатальной гармонии основы. Ср. данные турецких диалектов. З а п а д н о р у м е л и й с к и е . Видин: в глаголе *-ler* унифицировано (*araler, toplaler*), в имени допустимо (*qolleri, atalerine*). Аффикс подвергается регулярной ассимиляции при основе на *-n* (*bunnar, qadynnar*). То же — в говоре Стари-Бар, где к тому же конечное *-r* стремится к выпадению. Путаница гармонических вариантов аффикса отмечается вообще для западнорумелийских диалектов, ср. у Георгиевича *deruislar,deliklari, czizmaler* (Németh 1970, 126). Восточные Родопы и Анатолия кроме ассимиляции *nl* > *nn* еще демонстрируют *-rl-* > *-ll-*: *ojnallar* < *ojnar-lar* 'они играют' (Моллова 1974, 21). Эдирне, восточная Фракия: падает спорадически конечный *-r*, ассимиляция *-nl-*> *-nn-*, *-ml-* >*nl-*: *bobamnar, gelinnē* < *gelin-ler* (Kalay 1998, 63, Olcay 1995, 21). В Эдирне показатель ассоциатива *gil* выглядит как *-jil/jin*. Те же варианты зафиксированы в Невшехире (Korkmaz 1963, 94, 109), Бартыне (плюс падение конечного *r*: *gelüle* < *gelür-ler* (Korkmaz 1995, 26), Зонгулдаке (Eren 1997, 48). Конечное *-r* практически регулярно падает в диалектах Испарты, Балыкесира, Болу (Caferoglu, 249). Более слабо выражена ассимиляция в диалектах Урфа: *padišahgil/padišahler*; *genler, onar, gečerler/ller* (Özčelik 1997, 98–99); Кебан, Баскыл: *altunlari, istirler/ jler/ler* (Buran 1997, 62); Кютахья: *beklemijolla* (Gülensoy 1988, 85–86). В диалекте Эрзурума встречены только варианты *-lar, -ler,* ассоциатив *-gil* (Olcay Erzurum).

В гагаузском имеются следующие варианты: *атлар, етлäр, инсаннар, гӱннäр*. Конечное *-r* основы не ассимилируется: *башларлар*. Те же варианты представлены в северо-восточной Болгарии, но с падением конечного *-r* (Dalli 1932): *-la, -le, -na, -ne, alyrla, verijle.*

В огузском диалекте крымскотатарского только *-лар/-лер* (Doerfer Kr. 276).

Азербайджанский: *-lar/-lär*; в диалектах — три варианта начального согласного *-la/är, -da/är, -na/är*. Нуха: *ilannar, adamnar, jaddar,Gardašdar, günduzdär, dijillär*; Сальяны: *Gušdar, čoannar, dijällär*; четыре варианта — Ордубад: *közdär, onnar, kedillär, Garrar*; Тауз: *atdar, Garrar*. В диалектах Ирана падает конечное *-r*. Практически во всех диалектах присутствует ассоциатив *gil*.

Сонкорский: *ular,* в глаголе — *-lä*, *rl>ll.*

Боджнурди: *-lär* без сингармонических вариантов, на конце слова *-r* падает: *atlä — atläriŋ.*

Туркменский: *-lar / -ler*, ср. *mejdanlar, adamlar, gejimler* (ТГ 86–88). Кроме того, на аффикс в литературном языке и в большинстве диалектов распространяется лабиальная гармония (*Gollor, gözlör* — Аразкулиев

1962, 299), в текинском, човдурском и нохурском диалектах имеется ассимилятивный вариант начального согласного *-nAr* после основ на носовой (*gelinner, dajymnar*), в хасарли, наоборот, конечный *n* основы ассимилируется: *jaralla,* сакар. *güller* 'дни'; в части диалектов теряется на конце словоформы *-r* (гёклен, нохур, алили, маныш *serčele*), в других — и в интервокальной позиции (теке *oGlonnoŋ* < *oglan-laryŋ*).

Хорезмские говоры узбекского языка: *-la/lä*, в падежных формах *-r-* восстанавливается перед гласным (Dobos 1974, 81; Абдуллаев 1961, 146).

Саларский: *-lar/-ler/-nar/-ner*, причем язык стремится унифицировать переднерядный вариант: *paghler* 'сады'.

Итак, внешняя оболочка аффикса ведет себя по языкам довольно единообразно, за исключением азербайджанского. Тенденция к унификации в переднем варианте неясна (на глаголах ее можно было бы объяснить присвязочной формой, но в саларском у глагола и вовсе нет личных окончаний, однако тенденция наблюдается).

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ[49]

Турецкий

Прииименные показатели:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)I⁴m*	*-(j)I⁴z*
2-е л.	*-sI⁴n*	*-sI⁴nI⁴z*
3-е л.	*-d/tI⁴r*	*-d/tI⁴r(lA²r)*

В разговорном языке показатели 3 л. как правило опускаются: *ev bujuk*, а не *ev bujuktur* 'дом большой'.

Глагольные показатели (в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)I⁴m*	*-(j)I⁴z*
2-е л.	*-sI⁴n*	*-sI⁴nI⁴z*
3-е л.	—	*(-lA²r)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-*и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)nIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

Диалектный материал.

Видин

Глагольные показатели 1-й серии (в том числе при формах на *-mIš*) такие же, как в литературном турецком, глагольные показатели 2-й се-

[49] Мы рассматриваем здесь наиболее классификационно значимые показатели, поэтому не затрагиваем вопроса о личных показателях в императиве и оптативе.

рии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*) такие же как в литературном турецком; будущее категорическое на *-acak* принимает смешанные показатели:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	$-I^4m$	$-(j)I^4z$
2-е л.	$-I^4n$	$-sI^4nI^4z$
3-е л.	—	$-lA^2r$

В боснийских текстах (Németh 1970) аналогично, только сохраняется огубленность афф. 1–2 л.; формы будущего и условного наклонения не встретились.

Северо-восточноболгарский диалект (Dalli 1932)

Глагольные показатели 1-й серии (распределение — как в литературном, в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	$-I^4n$	$-I^4s$
2-е л.	$-sI^4n$	$-sI^4nI^4z$
3-е л.	—	$(-lA^2)$

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)nIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lA)*

Стари-Бар

Глагольные показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	$-I^4sIk$
2-е л.	$-sI^4$	$-IsI^4nI^4z$
3-е л.	—	$I(-lA^2r)$

Эту серию, в частности, принимает перфект на *-mIš*, с ассимиляцией *šs* > *s*. Окончание 1 Pl. Ю.Немет объясняет как сращение старого афф. 1-й серии + афф. 2-й серии.

Глагольные показатели 2-й серии — обычные (при прошедшем категорическом на *-d-*, условное наклонение на *-sa-* не зафиксировано):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Ik*
2-е л.	*-In*	*-InIs*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

Эдирне

Глагольные показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	$-I^4s$
2-е л.	$-sI^4n/-In$	$-sI^4nI^4s/-InIs$
3-е л.	—	$-lA^2r$

Настоящее на *-ar* изредка показывает 1 Sg. *-An*; будущее категорическое на *-acak* — и *-An*, и *-m*; во 2 Pl. — только *-nis*.

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*) как в литературном:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)nIs*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

Перфект на *-mIš* — смешанные окончания:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Ik*
2-е л.	*-sI^{4}n/-In*	*-sI^{4}nI^{4}s/-InIs*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

Б а р т ы н

Глагольные показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Un*	*-Uz*
2-е л.	*-sUj*	*-sUjUz*
3-е л.	—	*-le*

З о н г у л д а к

Глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I^{4}m, -n*	*-I^{4}z*
2-е л.	*-sI^{4}n, -sIŋ, -sIj*	*-sI^{4}ŋI^{4}z, -sIjIz, -suz*
3-е л.	—	*(-lA^{2}r)*

Все категории, принимающие показатели 1-й серии, могут принимать и показатели 2-й серии.

Глагольные показатели 2-й серии (только ее принимают прошедшее категорическое на *-d-* и условное наклонение на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)ŋ, -(I)j*	*-(I)ŋIz, -(I)jIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)lA*

У р ф а

Глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am, -nAm*	*-(j)I^{4}x/k, -nIx/k*
2-е л.	*-sAn*	*-I^{4}z, -sIz*
3-е л.	—	*-lA^{2}r*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)x/k*
2-е л.	*-(I)j, -(I)n*	*-jIz*

3-е л.	*-(I)*	*-lAr*

К е б а н , Б а с к ы л

Глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	*-(I)k*
2-е л.	*-sI^{4}n*	*-sIz*
3-е л.	—	*-lAr*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)z*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)lAr*

К ю т а х ь я

Глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -n, -jUn*	*-z, -s*
2-е л.	*-sI^{4}ŋ, -sUn, -ŋ*	*-sIŋIz, -sUnUs, -ŋIz, -nIz*
3-е л.	—	*-lA(r)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n, -(I)ŋ*	*-(I)ŋIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)lA(r)*

Э р з у р у м

Глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AcAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Am*	*-Ix/k*
2-е л.	*-sAn*	*-sIz*
3-е л.	—	*-lAr*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)x/k*
2-е л.	*-(I)*	*-(I)z*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)lAr*

С т а р о о с м а н с к и й

Прииенные показатели:

Ед.число	Мн.число

1-е л.	*-(j)I⁴m, -jI²n, -jAm, -vAm, -vAn, -vAnIn, -män*	*-vUz/-Uz, -(j)Uz* (поздн.)
2-е л.	*-sän, -sI²n*	*-sIz*
3-е л.	*-durur, -dUr, -ol*	*-dUr, -durur(-lar)*

Глагольные показатели 1-й серии равны приименным; при форме на *-(j)A* — следующий набор:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -vAm, -vAn, -vUm, -män*	*vUz, -(j)Uz*
2-е л.	*-sän, -sI²n*	*-sIz*
3-е л.	—	*(-lAr)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Um*	*-Uk*
2-е л.	*-Uŋ*	*-UŋUz*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

При условном наклонении на *-sa-*:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	*-vUz*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋUz*
3-е л.	—	*-lAr*

(Гузев 1979, 55, 58–59, 65; Mansuroglu 172-173).

Г а г а у з с к и й

Приименные показатели:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)I⁴m*	*-(j)I⁴z*
2-е л.	*-(j)sI⁴n*	*-(j)sI⁴nI⁴z*
3-е л.	*-d/tIr*	*-d/tI⁴r(lA²r)*

В разговорном языке показатели 3 л. ед. и мн.ч., как правило, опускаются: *o usta, onnar usta* 'он мастер, они мастера'. Они сохраняются прежде всего при инверсии именного сказуемого: *будур йолум* 'вот мой путь', а также в фольклорных текстах (Покровская 1964, 153-154).

Глагольные показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)I⁴m*	*-(j)I⁴z*
2-е л.	*-sI⁴n*	*-sI⁴nI⁴z*
3-е л.	—	*(-lA²r)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-*, неочевидном на *-mIš* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)nIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

При будущем категорическом на *-ažak*:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-(j)Iz*
2-е л.	*-In*	*-(j)InIz*
3-е л.	—	*-lAr*

(Вопреки мнению Л.А.Покровской — Покровская 1964, 192 — сомнительно происхождение форм типа *алажан* и *алажэныз* из **алажаксан* и **алажаксыныз*, из-за предположения маловероятного фонетического процесса; приведенный нами анализ выглядит фонетически более закономерным для гагаузского языка).

Крымскотатарский, огузский диалект

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)I^4m, -mIn, -mAn*	*-(j)I^4z, -Is, -Ix, -mIz*
2-е л.	*-sI^4n/ŋ, -sAn*	*-sI^4n/ŋI^4z, -sIz*
3-е л.	*(-d/tIr)*	*-(d/tI^4r)(lA^2r)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n/ŋ*	*-(I)n/ŋIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

(Г.Дёрфер — Doerfer 277–279 — ошибочно утверждает, что прошедшее категорическое на *-d-* и условное наклонение на *-sa-* используют аффиксы принадлежности).

Урумский

Показатели 1-й серии (в том числе при будущем на *-ažak*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I^4m*	*-mIz*
2-е л.	*-s*	*-ŋI^4z*
3-е л.	—	*-lA^2r*

При неопределенном будущем:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I^4m*	*-ImIz/Ix*
2-е л.	*-sI*	*-IŋI^4z*
3-е л.	—	*-lA^2r*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)ŋ*	*-(I)ŋIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)lAr*

(Podolski 1985, 63-64)

Афшарский

Во всяком случае, во 2 л. все глагольные формы, в том числе презенсы и аорист на *-r*, будущее на *-aǯak*, перфект на *-mIš*, прошедшее категорическое на *-d-* и условное наклонение на *-sa-*, принимают окончания 2-й серии *-j, -iz* < *-ŋ, -ŋIz* (Ligeti 1957, 140–141).

Б о д ж н у р д и

Во всех финитных глагольных формах, а также как приименные аффиксы сказуемости, применяются показатели 2-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	*-j (< *-k)*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋiz*
3-е л.	—	*-län, -länd*[50]

С о н к о р с к и й

Глагольные показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-äm*	*-äx*
2-е л.	*-sä*	*-sis/θ*
3-е л.	*—/-di/-ti/-ni/-ri*	*-lä/-dilä*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-*; условного наклонения на *-sa-* нет):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-im*	*-ux*
2-е л.	*-u (< -Uŋ)*	*-us/θ (< -UŋUz)*
3-е л.	*-i*	*-ilä*

А з е р б а й д ж а н с к и й

Приименные показатели:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)I^{4}G/k*
2-е л.	*-sAn*	*-sI^{4}nI^{4}z*
3-е л.	*-dIr*	*(-dIr)(lAr)*

Глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AǯAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)I^{4}G/k*
2-е л.	*-sAn*	*-sI^{4}nI^{4}z*
3-е л.	—, *-dIr*	*(-dIr)(-lA^{2}r)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)nIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

[50] Под влиянием перс. *-änd.*

Диалектный материал.

Нуха

Прииименные показатели и глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš* с ассимиляцей *šs > s, -AǯAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)I⁴x/k*
2-е л.	*-sAn*	*-sI⁴ŋI⁴z, -sữz, -sIz*
3-е л.	*-(dI)*	*-(dI)(lAr)*

NB: в северовосточных говорах в отрицательной форме при афф. 1 л. выступает как вставной согласный не *-j-*, а *-n*: *-manam, -manyx*.

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)k*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)ŋI⁴z, -ỹ/ữz, -yz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

Куба

Прииименные показатели и глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AǯAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)Uγ*
2-е л.	*-sAn*	*-sUz*
3-е л.	*-(dU)*	*-(dU)(lAr)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Uγ*
2-е л.	*-Un*	*-Uz*
3-е л.	*-i*	*-i(lAr)*

Баку

Прииименные показатели и глагольные показатели 1-й серии (в частности, *-mIš, -AǯAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)I⁴G/k*
2-е л.	*-sAn*	*-sUz*
3-е л.	*-dU*	*(-dI)(lAr)*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I⁴m*	*-I⁴G/k*
2-е л.	*-Un*	*-Uz*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

Казах, Ганджа, Тауз

Прииименные показатели и глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AžAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)I⁴x*
2-е л.	*-sAn*	*-sI⁴ŋI⁴z*
3-е л.	*-dI*	*(-dI)(lAr)*

NB: в части говоров Таузского р-на в отрицательной форме при афф. 1 л. и в ед. ч. 2 л. (причем берется афф. 2-й серии) выступает как вставной согласный не *-j-*, а *-n*: *-manam, -manyx, -manaŋ*[51].

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)x*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)ŋIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

К а р а б а х: та же система, но в говорах Афетли и Чуллу будущее категорическое во 2 л. принимает афф. 2-й серии (Агаев 1951, 10).

К е д а б е к с к о - а й р у м с к и й г о в о р

1-я серия демонстрирует следующие особенности:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I⁴m*	*-(j)Ax*
2-е л.	*-sI⁴ŋ/-sIq*	*-sAŋ/ɣI⁴z*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Ix*
2-е л.	*-Iŋ/q*	*-IŋIz*

Н а х и ч е в а н ь , О р д у б а д

Прииименные показатели и глагольные показатели 1-й серии (в частности, при формах на *-mIš, -AžAk*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(j)Am*	*-(j)I⁴x/k*
2-е л.	*-sAn*	*-sI⁴ŋI⁴z, -sỹ/ũz,-sI⁴z*
3-е л.	*-dI*	*(-dI)(lAr)*

NB: в тебризском диалекте в отрицательной форме при афф. 1 л. выступает как вставной согласный не *-j-*, а *-n*: *-manam, -manyx.*

Глагольные показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)x*
2-е л.	*-(I)n*	*-(I)ŋIz, -ỹ/ũz*

[51] Возможно, этот вставной согласный восходит к форме деепричастия на *-n* (Э.А.Грунина).

3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

Туркменский

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I^4n*	*-I^4θ*
2-е л.	*-θI^4ŋ*	*-θI^4ŋI^4θ*
3-е л.	—	*-lA^2r*

Показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m*	*-(I)q/k*
2-е л.	*-(I)ŋ*	*-(I)ŋIz*
3-е л.	*-(I)*	*-(I)(lAr)*

Диалектный материал (Поцелуевский 1975, 111–115, Амансарыев 1970, 327–351, Аннануров 1972, Нартыев 1959).

Сарык, човдур, эски, хатап – как в литературном языке

Йомуд, эрсари

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-I^4n*	*-I^4θ*
2-е л.	*-θI^4ŋ, -ŋ*	*-θI^4ŋI^4z, -ŋI^4z*
3-е л.	—	*-lA^2r*

Показатели 2-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Iq/k*
2-е л.	*-Iŋ*	*-IŋIz*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

Теке, салыр

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-n*	*-θ*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋI^4z*
3-е л.	—	*-lA^2r*

Показатели 2-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Iq/k*
2-е л.	*-Iŋ*	*-IŋIz*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

Гёклен

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-n*	*-q/k*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋI^4z*

3-е л.	—	*-lA²r*

Показатели 2-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-Iq/k*
2-е л.	*-Iŋ*	*-IŋIz*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

С у р х ы , ч а н д ы р

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-men, -n*	*-miz, -iz*
2-е л.	*-siŋ*	*-siz*
3-е л.	*-(di)*	*-(di)(ler)*

Показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*). NB: эту же серию принимает отрицательная форма неопр. будущего:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	*-γ*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋiz*
3-е л.	*-(i)*	*-(i)*

Н о х у р л и , д у е д ж и , ч е г е с , м у к р ы

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-mAn*	*-miz*
2-е л.	*-sAn*	*-siz*
3-е л.	*-(di)*	*-(di)(lar)*

Показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*). *NB*: эту же серию принимает отрицательная форма неопр. будущего:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*	*-x*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋiz*
3-е л.	*-(i)*	*-(i)*

А т а (Аразкулиев 1962, 12)

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-mAn*	*-miz*
2-е л.	*-sAn*	*-siz*
3-е л.	*-(di)*	*-(di)(lar)*

Показатели смешанные, в наст. вр. на *-ja-*:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-n*	*-q/k*
2-е л.	*-ŋ*	*-ŋiz*
3-е л.	—	*-lAr*

А н а у л и , х а с а р

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-män*	*-miz*
2-е л.	*-sän*	*-siz*
3-е л.	*-d(ь)*	*-(dь)*

Показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-im*	*-ij*
2-е л.	*-iŋ*	*-iŋiz*
3-е л.	*-i*	*-i(lar)*

Отрицательная форма неопределенного будущего в диалекте хасар принимает смешанные аффиксы:

1-е л. *almä-m*	*almäs-mьz*
2-е л. *almä-ŋ*	*almäs-sьz*
3-е л. *almäs*	*almäs-lAr*

К ы р а ч

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-mAn*	*-vIz/-bIz/-mIz*
2-е л.	*-sAn*	*-sIz*
3-е л.	*-d(ь)*	*-(dь)(lAr)*

Показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-im*	*-ij*
2-е л.	*-iŋ*	*-iŋiz*
3-е л.	*-i*	*-i(lar)*

Хорезмские диалекты узбекского (Абдуллаев 1961, Dobos 1974)

Показатели 1-й серии:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-mAn*	*-mьz*
2-е л.	*-sAn*	*-sьz, -sьzlar*
3-е л.	*-dь*	*-dьlA*

Показатели 2-й серии (при прошедшем категорическом на *-d-* и условном наклонении на *-sa-*):

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-im*	*-iq/k*
2-е л.	*-iŋ*	*-iŋlA* (Хазарасп *-iŋizlar*)
3-е л.	*-i*	*-ila*

С а л а р с к и й

Личное спряжение отсутствует.

"ПРАОГУЗСКИЕ" ПАРАДИГМЫ СКАЗУЕМОСТИ

Мы знаем, что две системы аффиксов сказуемости восстанавливаются уже для позднепратюркского уровня. Одна из них (аорист на *-d-,* условное наклонение) почти совпадает с аффиксом принадлежности (вопрос о ее происхождении в данном случае нас не интересует), другая представляет собой постпозитивные личные местоимения. Итак, для позднепратюркского имеем две серии показателей:

1-я серия

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*m/bän*	*m/biz*
2-е л.	*sän*	*siz*
3-е л.	*(ol)*	*(onlar)*

2-я серия

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Um*	*-Uq/k*
2-е л.	*-Uŋ*	*-UŋUz*
3-е л.	*-I*	*-I(lAr)*

Вторая серия оказалась весьма устойчивой, и изменения, которые происходят в ней в части языков, легко объяснимы. Во-первых, застывший показатель множественности *-Iz* в этой парадигме не поддерживается формой 1 л. мн.ч. и начинает заменяться на *-lar* (северо-восток, уйгурский, уз. диалекты). Во-вторых, единственная форма, отличающая парадигму от посессивной, 1л. мн. ч., заменяется на аффикс из посессивной парадигмы. Так получается 2-я серия всех северовосточных (кроме якутского) языков. В огузских языках 2-я серия практически неизменна (за исключением закономерных фонетических и морфонологических развитий; исключение — появление *-lar* во 2 Pl. в хорезмских диалектах узбекского, явно под влиянием узбекского или кыпчакских говоров), и, в частности, не втягивает аффикс 1Pl. из посессивной парадигмы.

Для общеогузского ранней стадии 1-я серия окончаний (по фонетическим причинам) должна была выглядеть так:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-vän*	*-viz*
2-е л.	*-sän*	*-siz*

Закономерным рефлексом 1Sg. является зафиксированный в позднем староосманском аффикс *-(v)An*, 1Pl. — практически общий (кроме кр.-тат., урум., периферийных туркм. диалектов и хорезм.) *-(j)I/Uz*. NB: в периферийных туркм. диалектах и хорезм. афф. *-mIz* не объясняется ни вводом афф. принадлежности (который прежде всего должен был бы появиться во 2-й серии), ни другой формой личного местоимения (хорезм. *bьzle* и под.). Это — либо влияние карлукских или кыпчакских языков, либо влияние аффикса 1Sg. *-mAn*, построенного не на общеогузском, а на более позднем уровне с помощью туркменского личного местоимения *men*. Второе решение кажется нам предпочтительнее (то-

гда в говоре кырач — промежуточная ступень). Для крымскотатарского и урумского, возможно, следует выбрать первое решение, учитывая кыпчакский субстрат, явно обнаруживающийся в этих языках (тем более что в урумском 1Sg. — не *-mAn*). 1-я серия в периферийных туркменских (включая хорезмские) диалектах, таким образом, является архаичной, точнее, недавно превратившейся в аффиксы и не успевшей подвергнуться аналогическим процессам аффиксальной системы. В староосманском афф. *-män*, как общепризнано, является заимствованным, он используется в памятниках со значительной долей восточнотюркских элементов (см. Напольнова 1995, 13)[52].

Остальные инновации в огузских языках и диалектах могут быть объяснены как результат воздействия 2-й серии на 1-ю. Это воздействие, во-первых, может выражаться в ликвидации окончаний 1-й серии — либо 2 л. (Эдирне, Кютахья, йомуд, эрсары, теке, салыр), либо и 2, и 1 л. обоих чисел (афшарский, боджнурди, гёкленский диалект туркменского). Этот процесс невозможно хронологизировать, он мог проходить независимо в разных частях огузского мира. Во-вторых, это возникновение систем со смешанными аффиксами. Такие системы разбиваются на три типа.

а) Ед.число	Мн.число
1-е л. *-(j)Am*	*-I/Uk*
2-е л. *-sAn*	*-sI/UŋI/Uz*

К этому типу ("азербайджанскому") относятся диалекты Урфы, Эрзурума, сонкорский язык, все азербайджанские диалекты (и литературный язык), кроме кедабекско-айрумского. Отметим, что все варианты аз. аффикса 2 Pl. 1-й серии восходят к праформе **sU/IŋU/Iz,* а не к *-sIz* (об этом свидетельствует либо назализация, либо долгота, либо огубленные гласные).

б) Ед.число	Мн.число
1-е л. *-(j)I/Un*	*-(j)I/Uz*
2-е л. *-sI/Uŋ*	*-sI/UŋI/Uz*

К этому типу ("туркменскому") относятся диалекты северо-восточной Болгарии, Бартына, Зонгулдака, Кютахьи, все туркменские непериферийные диалекты.

в) Ед.число	Мн.число
1-е л. *-(j)Im*	*-(j)Iz*
2-е л. *-sIŋ*	*-sI/UŋI/Uz*

К этому типу ("турецкому") относятся турецкий литературный язык и большая часть диалектов, гагаузский язык. Его вариант — парадигма диалекта Кебан-Баскыл, где в 1 Pl. проникает окончание 2-й серии (и, по-видимому, один из источников крымскотатарского набора аффик-

[52] Староосманский афф. *-vAnIn* считают искусственным образованием, характерным исключительно для литературного языка, для поэтических памятников; объясняется он сращением двух афф. 1 Sg.

сов), а также кедабекско-айрумская парадигма (неясно происхождение широких гласных в Pl.).

Порождение этих трех наборов аффиксов можно смоделировать следующим образом. Во-первых, общая для всех трех систем новация — 2 Pl. *-sI/ UŋI/Uz*, возникающая как склейка *-sIz* + *--I/UŋI/Uz*, нуждается в наличии параллелизма *-(v)Iz/-sIz* (чтобы *-Iz* могло осознаваться как аффикс и отделяться). Таким образом, нужно предполагать на некотором этапе набор:

Ед.число	Мн.число
1-е л. *-(j)An*	*-(j)Iz*
2-е л. *-sAn*	*-sI/UŋI/Uz*

Затем, "турецкие" и "туркменские" диалекты накрываются общей изоглоссой — по аналогии со 2 Pl. вычленяется аффикс 2 Sg. *--sI/Uŋ*. В "туркменских" диалектах после этого заменяется на узкий гласный в афф. 1 Sg. (естественно, поскольку во всех остальных афф. гласные узкие). Возможно (ср. данные памятников и западных турецких диалектов), это был общий процесс с "турецкими" диалектами. Впоследствии в большинстве "турецких" диалектов афф. 1 Sg. заменяется на афф. из 2-й серии.

"Азербайджанские" диалекты (ср. территориально относительно компактный характер этой системы), напротив того, сначала, по-видимому, замещают аффиксы 1-го лица обоих чисел аффиксами из 2-й серии, а затем в аффиксе 1 Sg. гласный заменяется на широкий в силу параллелизма с аффиксом 2 Sg.

В западной группе диалектов азербайджанского языка, возможно, как ареально общий процесс с рядом турецких диалектов, впоследствии в часть форм проникают аффиксы 2 л. обоих чисел 2-й серии.

Заметим, что такое порождение аффиксов лучше всего соответствует огузскому материалу, но не вполне подходит для кыпчакского, где также имеются аффиксы 2 лица *-sIŋ* и *-sIŋIz*. В кыпчакских языках мы видим аффикс 2 Pl. *-sIŋIz* только в тех языках и диалектах, где представлен афф. 2 Sg. *-sIŋ*, но не наоборот, ср., например, литературный татарский: *-sIŋ* — *-sIz* (при 2-й серии *-Iŋ* — *-IgIz*). Здесь перерасчленение аффиксов явно начиналось с ед. ч. Но саму тенденцию, по-видимому, можно охарактеризовать как общую огузо-кыпчакскую.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Турецкий

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m*[53]*, -Im*	*-mIz, -ImIz*
2-е л.	*-n, -In*	*-nIz, -InIz*
3-е л.	*-sI, -I*	*-lArI*

[53] NB: *sujum* 'моя вода' (Кононов 1956, 52).

Аффикс принадлежности ставится после показателя мн.ч.: *babalary* 'его отцы', не **babasylar*. Форма *atlary* может значить "их лошадь" и "его/их лошади".

Имеются лексикализованные формы с двойным аффиксом 3 л.: *ekserisi* 'большинство из...', (со старой синкопой) *hepsi* 'все они', *evelsi* 'предпоследний'.

Конструкции, выражающие принадлежность: а) *babam*, б) *benim babam* (логическое ударение на обладателе), в) *benim baba* (малоупотребительно). С 3 л. мн.ч. конструкция (в) запрещена (**onlaryn kitaplar,* только *onlaryn kitaplary*). С именем собственным, наоборот, разрешен только этот способ: *benim Osman*.

Староосманский

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -Um*	*-mUz, -UmUz*
2-е л.	*-ŋ, -Uŋ*	*-ŋUz, -UŋUz*
3-е л.	*-sI, -I*	*-lArI (/-sI, -I)*

(Грунина 1991, 43-45, Гузев 1979, 41-42)

Примеры на выражение/невыражение множественности обладателя в 3л.: ***bäkläri** kim Särxaildür iki kardašy daxy vardy* 'было еще два брата, **предводителем которых** был Серхаил'; *umerāsynuŋ **elinden** alub* 'отобрав у своих эмиров (**из их рук**)' (Грунина 1991, 50).

Особенности в современных диалектах в основном сводятся к рефлексам конечного *-ŋ*: Урфа, Бартын *babaj* 'твой отец', *qafajyz* 'ваши головы', Зонгулдак *adamyñ* (Eren 1997, 49), Кютахья *-n, -ñ, -nyz, -ñyz* и под. Многие диалекты сохраняют независимый губной гласный в афф. 1–2 л. и независимый неогубленный в 3 л. (о современных анатолийских говорах см. в разделе "Фонетика", из румелийских это явление зафиксировано в Видине, еще в XVI в. в текстах Венгрии, у Георгиевича — но диалект Стари-Бар уже подчиняется гармонии, так же Эдирне — Kalay 1998, 64).

Гагаузский

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -Im*	*-mIz, -ImIz*
2-е л.	*-n, -In*	*-nIz, -InIz*
3-е л.	*-sI*[54]*, -I*	*-sI, -I*

Форма *atlary* может значить только 'его/их лошади'. В многосложных словах, оканчивающихся на *-k*, выбирается постконсонантный вариант аффикса, *k* в интервокале выпадает, гласные стягиваются в долгий: *janām*'моя щека', *čod ū* 'его мальчик', *balȳnyz* 'наши рыбы' (Покровская 1964, 109–113). Ср. также значительное количество "вторичных основ" (в разделе "Морфонология"). Совершенно так же устроены формы принадлежности в диалектах северо-восточной Болгарии: *köpēm, sokā*

[54] NB: *suju* 'его вода'.

n,gujrūm (Dalli 1932, 96–98) (но как показатель принадлежности 3 Pl. допускается и *-l/nArI*: 'их комната' *odalary* или *odasy*).

В вулканештском диалекте отмечено употребление аффикса 3л. вместо аффикса 2л.: *git bubasyny* 'иди к своему отцу' (Тукан 1965, 15) — видимо, под влиянием употребления возвратного местоимения в славянских языках. Наблюдается тенденция замены форм принадлежности существительных конструкциями с притяжательными местоимениями: *bizim evlär* и под. (Покровская 1964, 112).

Крымскотатарский, огузский диалект

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -Im*	*-mIz, -ImIz*
2-е л.	*-n, -In*	*-nIz, -InIz*
3-е л.	*-sI, -I*	*-lArI*

В урумском, по С.Н.Муратову, та же система (но в кыпчакском диалекте — во 2 л. сохраняется *ŋ*, Муратов 1998, 453). По Подольскому, во 2 л.мн.ч. появляется афф. *-sIŋIz*: *arasynyz, evsynyz*, явно пришедший из аффиксов категории сказуемости, при том, что глагольные формы показывают *körduŋuz, jazaryŋyz* (Podolsky 1985, 62-63).

Афшарский

	Ед.число	Мн.число
2-е л.	*-j, -Uj*	*-jIz, -IjIz*

adamuj 'твой человек', *bâšuj* 'твоя голова', *kērpȁj* 'твой мост', *sujij, sujī* 'твоя вода', *adamujiz, kērpȁjiz* (Ligeti 1957, 135, 137).

Боджнурди (Поцелуевский БЯ 221)

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -im*	*-miz, -imiz*
2-е л.	*-ŋ, -iŋ*	*-ŋiz, -iŋiz*
3-е л.	*-si, -i*	*-läri*

Сонкорский

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -im*	*-mis, -imis*
2-е л.	*-õ, -o*	*-us*
3-е л.	*-si, -i*	*-läri*

Азербайджанский

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -Im*	*-mIz, -ImIz*
2-е л.	*-n, -In*	*-nIz, -InIz*
3-е л.	*-sI, -I*[55]	*-lArI//-sI, -I*

Форма *atlary* может значить 'их лошадь' и 'его/их лошади'.

Что касается диалектов, наиболее существенно различается поведение аффикса 2л. Это поведение исследовано Л.Лигети в статье "Sur la langue des Afchars" (Ligeti 1957, 131–138), где приводится таблица (см. табл. 17), которую мы воспроизводим ниже, с дополнениями по другим источникам.

Таблица 17

[55] NB: *suju* 'его вода'.

Диалект	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Nom., /_#	Перед падежными показателями	Nom., /_#	Перед падежными показателями
Ганджа	*-ŋ*	*-ŋ-*		
Карабах	*-n (-ŋ)*	*-ŋ- (-n-C)*		*-ŋIz-*
Кедабек[56]	*-ŋ*	*-ŋ-*	*-(I)ŋIz*	*-(I)ŋIz-*
Кашкайский	*-ŋ*	*-ŋ-*		
Баку[57]	*-Un*	*-n-C, -w-V*	*-ōwz, -uuz, -wuz, -ūz*	*-ōwz, -uuz, -wuz-, -ūz-*
Куба[58]	а) *-Un* б) *-Uw*	а) *-n-/-w-C, -w-V* б) *-w-*	*-ōwz, -uuz, -wuz, -ūz*	*-ōwz, -uuz, -wuz-, -ūz-*
Нуха[59]	*-In*	а) *-n-C, -w-V/-∀-* б) *-ŋ-*	а) *-ǔz, -ă̄z,* б) *-yŋyz*	а) *--ǔz-, -ă̄z-,* б) *-yŋyz-*
Тебриз	*-n*	*-v-V, -n-C*	*-Iz, -Uz*	*-Iz-, -Uz-*
Нахичевань[60]	*-(I)ŋ*	а) *-In-C, -(I)j-V* б) *-In-C, -(U)-w-V(/∀)* в) *-(I)ŋ-*	а) *-ȳz* б) *-ūz* в) *-yŋyz*	а) *-ȳz-* б) *-ūz-* в) *-yŋyz-*
Будагов, Казембек	*-ӥ, -ŭ*	*-ŭ-, -n-*	*-uz, -üz*	
Зенджан	*-n*		*-Iz, -Uz*	*-ez-*
Айналлу		*-nj-, -j-*		
Урмия	*-n*	*-j-*	*-(i)jiz*	*-(i)jiz-*

Из таблицы, в частности, можно видеть, что система, зафиксированная у Будагова и Казембека для "азербайджанцев Кавказа", в существовании которой Л.Лигети сомневается, соответствует кубинской системе. Некоторые примеры: Баку: *atowuz* или *atūz*; Тебриз: *aduva* 'твоему имени', *özüve* 'тебе самому', *andyva* 'твоей клятве', *erive* 'твоему мужу', *oylavun* 'твоего сына', *bašyz* 'ваша голова' при номинативе *jerin* 'твое место' и аблативе *jerinnan*; Зенджан: *xalyn* 'твоя родинка'; Урмия: *šerikin* 'твой товарищ', но *erije* 'твоему мужу', *bašyjyn* 'твоя голова'.

Заметим, что нормальный рефлекс интервокального **-ŋ-* в диалектах — либо *-n-,* либо *-ŋ-* (см. раздел "Фонетика"). Дерфер и Джафероглу (Caf.-Doerf. 296) предполагают здесь рефлексы разных формантов (ср. варианты в древнетюркском):

1. **yγ/ *ig/*uγ/*üg*: Нахичевань (*äliji*), Урмия (*älijin*);
2. **uγ/*üg*: диалекты Ирана (*älüvi, ataü, däväü*);

[56] См. Садыхов 1964, 17.
[57] См. Ширəлијев 1957, 62-68.
[58] См. Рустəмов 1961, 118-128.
[59] См. Исламов 1968, 95-99.
[60] См. Ширəлијев 1962, 91-96.

3. **yŋ/*iŋ/*uŋ/*üŋ*: литер. язык (*älinï*), Шуша (*äliŋi*), Ганджа (*älǐ*), так же кашкайский и айналлу;

4. **uŋ/*üŋ*: Гышлах (*garuū, älǔ*), Баку (*älüü*).

Однако, такое предположение не очень хорошо согласуется с распределением различных рефлексов согласного в форманте по фонетической позиции. Мы скорее рискнули бы предположить особые рефлексы *-ŋ* в абсолютном конце и на морфонологической границе, после огубленного гласного. Примыкают по поведению показателя принадлежности 2 л. к азербайджанским диалектам афшарский и сонкорский языки.

Употребление форм принадлежности: для литературного языка фиксируются все три обычные конструкции: *ölkäm* 'моя страна', *sänin ölkän* 'твоя страна', *bizim ölkä* 'наша страна', последние две — в первую очередь в сравнительных оборотах. В дманисском говоре отмечены как более распространенные конструкции *mänim Gyz* 'моя девочка', *sizin šăr* 'ваш город' (Покровская 1973, 337–338).

Туркменский

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-Im*	*-ImIz*
2-е л.	*-Iŋ*	*-IŋIz*
3-е л.	*-sy/i, -y/ï*[61]	*-sy/i, -y/ï*[62]

Форма *atlary* может значить только 'его/их лошади' (но ср. фразеологизованную конструкцию: *men iŋ kičileri* 'я из них самая младшая'). В диалектах (Амансарыев 1970, 301-302): а) в ряде "дорсальных" диалектов появляется показатель 1 л.мн.ч. *-βyz*; это может быть не только фонетическим процессом (так Амансарыев 1970, 301), но и влиянием возникающих из личных местоимений аффиксов сказуемости, ср. пример из диалекта сурхы: *indi ikiβiz öteβilmăn duraβyzmy, năde̱βiz?* б) и в литературной норме, и в большей части диалектов, когда основа на гласный принимает показатель принадлежности 1–2 л., ее конечный гласный удлинняется (из стяжения гласного основы и гласного аффикса?): *palta — paltām, paltāŋ, paltāmyz, paltāŋyz, kădi — kădīm, kădīŋ, kădīmiz, kădīŋiz*. Но в части диалектов (кырач, чегес, сурхы, мукры, нохур и некоторые "дорсальные") эта долгота сокращается (*kelleŋ, ataŋyz, kădimiz*); в) в некоторых диалектах аффиксы принадлежности не подчиняются губному сингармонизму (в первую очередь, в группе лебап): *öjim, dōnyŋyz*; г) в диалекте сурхы имеет место фонетическое явление перехода *ŋ > γ* в интервокальной позиции, соответственно аффикс 2 л. мн.ч. принимает форму *-(I)γIz,* в аллегровой речи *γ* выпадает, а гласные стягиваются: *čă*

---

[61] NB: *suw – suwy*.

[62] Афф. 3 л. орфографически не принимает огубленности в конечном открытом слоге и принимает, если слог перестает быть конечным: *оглы, оглуныӊ*; фонетически он, во всяком случае по норме Орфоэпического словаря, так ведет себя в задних словах: *oγly, oγlunuŋ,* но принимает огубленность в любой позиции в передних словах: *göwüsü, göwüsünüŋ*.

jiɣiz, yxtyjāriz; д) в позиции середины слова узкие гласные аффиксов принадлежности, а также узкий гласный основы, стоящий перед афф. принадлежности 3 л. *-sI*, синкопируются, если предшествующий согласный — сонорный или *ɣ, z* (см. в разделе "Морфонология"): *jermiz, Gavunmyz, öjne, bīrne, gönsü*. Это правило действует и в литературной норме, и в большей части диалектов; е) в диалектах и частично в литературном языке время от времени возникают формы с двойным аффиксом 3 л.: гёклен *jerisi, sārȳŋ ajaqɣāwysy*, эрсары *Zäxmet haqysyna.* Ср. литер. *bīrisi, dördüsi.* При синкопе возникают формы типа *adamsy, onsy*, что выглядит как распространение варианта аффикса *-sy* на позицию после сонанта.

Что касается особенностей употребления, для диалектов отмечается бóльшая, по сравнению с литературным языком, употребительность конструкций типа *biziŋ ōvo, siziŋ at* (примеры из сарыкского диалекта), *biziŋ Gojullor* (йомуд), *biziŋ xemsājalardan* (сакар) (в литературном ср. *biziŋ iller* 'наши края'). Встречается и конструкция типа *biz ōwa* (сарык, йомуд), *biz milät* (кырач), *biz īl* 'наш народ' (сакар).

Хорезмские диалекты

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -ъm/-ɔm*	*-mъ/ɔz, -ъ/ɔmъ/ɔz*
2-е л.	*-ŋ, -ъŋ/-ɔŋ*	*-ŋъ/ɔz, -ъ/ɔŋъ/ɔz*
3-е л.	*-sъ/-sɔ, -ъ/-ɔ*	*-sъ/ɔ, -ъ/ɔ (-la/ärɔ/ɔ)*

Аффиксы принадлежности, как и во всех огузских языках, следуют после аффикса числа: *balalarɔm, gözlärɔŋ.* Отмечается как характерное именно для огузских говоров удлинение широкого гласного односложной основы с закрытым слогом перед аффиксом принадлежности: *sȫzъ, nānɔ, sāzɔm* (Абдуллаев 1961, 148); в Ургенче и Хазараспе этому явлению соответствует геминация согласного: *sözzъ, baššъm* (Dobos 1974, 82).

Саларский

В саларском языке утрачено различение числа обладателя.

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -I⁴m*	*-m, -I⁴m*
2-е л.	*-ŋ, -I⁴ŋ*	*-ŋ, -I⁴ŋ*
3-е л.	*-sI², -I²*	*-sI², -I²*

Примеры: *kakam* 'мой/наш брат', *eliŋ* 'твоя/ваша рука', *pāšy* 'его/ее/их голова'. В фольклорных произведениях сохранились реликты форм мн.ч. обладателя: *ayzyŋysytige jaxƶ ux süziŋ* 'добрые слова, что на ваших устах'. По мнению Э.Р.Тенишева, усечение парадигмы принадлежности могло начаться в саларском языке не ранее XV в. Аффикс принадлежности в нормальном случае следует за показателем числа обладаемого, но разрешена и обратная последовательность: *jirixlerim/jirigimler* 'мои/наши сердца', *jirixleriŋ/ jirigiŋler* 'твои/ваши сердца', *jirixleri* 'его/ее/их сердца'. В экспрессивном контексте могут возникать плеонастические формы с двумя аффиксами принадлежности: *palamlarym* 'мои/наши дети', *palaŋlaryŋ* 'твои/ваши дети' (но не с 3 л.!).

Что касается употребления, отмечается употребительность еще двух (обычных) конструкций в эмоционально окрашенных контекстах: Gen. личного местоимения + имя с показателем принадлежности (*minigi oγlim*, *pisinigi oγlim*) и Gen. личного местоимения + имя без показателя принадлежности (*minigi oγul, pisinigi oγul*). См. Тенишев ССЯ 103-104.

"ПРАОГУЗСКАЯ" ПАРАДИГМА ПОСЕССИВНОСТИ

С учетом данных как литературных языков, так и их диалектов "праогузская" парадигма посессивности должна быть представлена в следующем виде:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	**-m, *-Um*	**-mIz, *-UmIz*
2-е л.	**-ŋ, *-Uŋ*;	**-ŋIz, *-UŋIz,*
3-е л.	**-sI, *-I*	**-sI, *-I, *-larI*

Довольно очевидно, что различие немотивированно огубленных и неогубленных аффиксов, сохранившееся в той или иной форме в ряде современных огузских языков, должно восстанавливаться для праогузского состояния. Ни в одном из огузских языков показатель *-lar* не применяется для выражения множественности обладателя в формах принадлежности 1–2 л., так что и здесь реконструкция очевидна. Не вполне очевидно, насколько первично для огузских языков различение числа обладателя в форме принадлежности 3 л. Здесь возможна следующая аргументация. Встречающиеся в староосманском, азербайджанском, турецком и малых языках формы с выражением множественности 3 л. обладателя омонимичны формам 3 л. обладателя с выражением множественности обладаемого. В других лицах выражение мн.ч. обладателя и обладаемого четко разделено. Как мы знаем при этом, выражение Pl. с помощью аффикса *-lar* обычно производится при актуализации множественности. Но для актуализации выражения обладателя используются обычно конструкции с родительным падежом личного местоимения. Таким образом, мы скорее ожидали бы отсутствия выражения числа обладателя в неактуализованной конструкции:

atum — beniŋ atum, beniŋ at *atumuz — biziŋ atumuz, biziŋ at*

aty — anyŋ aty, anyŋ at *aty — onlaryŋ aty, onlaryŋ at*

Если же пропорция с другими лицами требует выражения числа обладателя, то более естественный способ сделать здесь инновацию (с соблюдением порядка показателей) был бы **atylar, *atasylar*, но его как раз нет. Поэтому скорее можно предполагать, что способ *atalary* — старый, и во многих языках он устраняется из-за омонимии с конструкцией с другим значением. NB: он зафиксирован в староосманских памятниках. Что касается до-огузского состояния, то в языке рунических памятников форма на *-lary* со значением множественности обладателя при единственности обладаемого не отмечена (ср. *qaγany alp ermiš* 'каган

у них храбрый' Т 29, см. Кононов 1980, 150), но в древнеуйгурском отмечена (Gab. AG 97–98, ср. *övkälärintä ötkürü artuqraq bulγanyp* 'из-за своего гнева они пришли в еще большее замешательство' Uig I 41, *erksinmäkläriŋä tajanyp* 'опираясь на их власть' Suv 258 при *toŋalar begi teg* 'подобно вождю героев' Uig I 39, см. ДТС 91, 180, 394). Поэтому мы выводим форму с выражением мн.ч. на праогузский уровень с предположением о ее устранении в языках-потомках по системным причинам.

ПАДЕЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ

Тюркское склонение опирается на взаимодействие категории падежа и категории посессивности (см. СИГТЯ 1988, 31 и сл.); в огузских языках выделяются именная, посессивно-именная и местоименная парадигмы.

Склонение существительных

Как известно, огузский тип склонения характеризуется тем, что здесь в именной парадигме обычно представлены две серии падежных аффиксов — консонантическая и вокалическая. Выбор варианта аффикса, как в именной, так и в посессивно-именной парадигме, проводится в зависимости от фонетических условий ауслаута склоняемого слова[63]. Варианты формативов род. и вин. падежей дифференцированы по конечному звуку основы: после согласных используется окончание без начального *-н*, а после гласных — с начальным *-н*. В турецком и гагаузском при соединении аффикса вин. падежа с основой на гласную вставляется среднеязычный звонкий спирант *-j-*.

Сложнее обстоит дело с распределением формативов дат. падежа, поскольку моделируемое соотношение *-a/-ga* в большой степени затемнено здесь фонетическими процессами на стыке склоняемого имени и падежного форматива. Как и для вин.падежа, при соединении аффикса дат.падежа с основой на гласный в турецком, а также в азербайджанском развивается спирант *-j-*. В туркменском в этих условиях для дат. развивается долгота конечного гласного *-a*.

В локальных падежах посессивно-именной парадигмы 3-го лица обязателен инфикс *-n-*. Формы склонения огузского типа см. в таблице 18.

Таблица 18

	Парадигма	Именная	Посессивно-именная	
Язык	Падеж		1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.

[63] Следует отметить, что в турецком языке арабские заимствования на "айн" и "хемзе" склоняются как имена с консонантическим ауслаутом.

Тур., аз., гаг. туркм.	род.	*-in/-nin* *-iŋ/-niŋ*	*-in* *-iŋ*	*-nin* *-niŋ*
Аз., туркм. тур., гаг.	вин.	*-i/-ni* *-i/-ji*	*-i* *-i*	*-ni* *-ni*
Тур., гаг., аз. туркм.	дат.	*-a/-ja* *-a/-ā*	*-a* *-a*	*-i-n-a* *-i-n-a*
Во всех яз.	местн.	*-da*[64]	*-da*	*-i-n-da*
Во всех яз.	исх.	*-dan*	*-dan*	*-i-n-dan*
Во всех яз.	экватив	*-ca*	*-ca*	*-i-n-ca*

Как видно из таблицы, правило выбора консонантического или вокалического форматива в зависимости от фонетических условий исхода склоняемого слова в языках огузской группы достаточно последовательно распространяется как на именную, так и на посессивно-именную парадигму (но поскольку аффиксы принадлежности 1–2-го лица ед. и мн. числа оканчиваются на согласный, это способствует возрастанию парадигменной емкости вокалических формативов). Так как в языках огузской группы при выборе вариантов названных падежных формативов из обеих серий налицо зависимость от позиции, то, очевидно, они имеют статус морфонологических вариантов.

Для внутрипарадигменных соотношений склонения огузского типа характерна структурная выдержанность и единообразность оформления как именной, так и посессивно-именной (во всех ее частях) парадигмы. Межпарадигменные соотношения отличаются почти полной симметричностью, поскольку вокалические и консонантические формативы в принципе (в зависимости от фонетических условий) могут быть представлены в той и другой парадигмах.

Оппозиция именной и посессивно-именной парадигм носит ограниченный характер: она действительна здесь только для одной части посессивно-именной парадигмы (3 л.) и выражается только одним признаком, связанным с перекрещиванием падежа и принадлежности, а именно, инфиксом *-n-* (см. Благова 1982, 43-45).

Ниже это представление об огузском именном склонении в определенной степени дополняется.

Турецкий
Староосманский

Примеры употребления: Acc. *ḫūrī-ni, saġraq-ni, tonyn jyrtdy* 'он разорвал свои одежды'; Dat. *alurġa*; Abl. *buŋardyn jaŋa* 'возле источника', *älümdin* 'из моей руки'; Instr. *jüzin* 'лицом', *susuzyn* 'от жажды',

[64] После конечного глухого согласного местный *-ta*, аблатив *-tan*.

ajaġyn 'на ногах', *gözüŋlä* 'твоим глазом', *otuz toquz jigitlän* 'с 39 воинами'; Equ. *jolca* 'по дороге', *ömrümce* 'за всю мою жизнь', *ardynca* 'следом за ним'; Direct. *bojnyra* 'по шее', *bašyra* 'по голове', *jolyra* 'своей дорогой' (Грунина 1991, 46–53; Mansuroglu 169–170).

Таблица 19

Парадигма	Именная	Посессивно-именная	
Падеж		1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.
Род.	*-Uŋ/-nUŋ*	Мало употребительны	Мало употребительны
Вин.	*-I/-jI*; *-nI* вок-конс.	*-I*; *-nI*	*-nI*; *-n* часто
Дат.	*-A/-jA*; *-gA* вок-конс.	*-A*	*-I-n-A*
Местн.	*-dA*	*-dA*	*-I-n-dA*
Исх.	*-dAn, -dIn*	*-dAn, -dIn*	*-I-n-dAn*
Твор.	*-In, -lA, -lAn*	*-lA*	*?*
Сравнит.	*-cA*	*-cA*	*-I-n-cA*
Направ.	*-rA*		*-I-rA*

Что касается турецких диалектов, нуждаются в отдельном описании многочисленные замеченные исследователями вариации употребления основного падежа, датива, локатива и аблатива. Отметим здесь следующие:

В диалектах встречается употребление формы на *-a* в качестве прямого объекта (например, Кебан-Баскыл — Buran 1997, 59 — *sana beganmazlar, ÜsuFa čağyryn*). Джафероглу (Caferoglu 257) для рападной Анатолии и Анкары считает это фонетическим явлением, З.Коркмаз (Korkmaz 1999), отмечая такое употребление для районов Сома, Чивриль, Бождоган, Тавас (Айдын), Кютахья, считает эту форму рефлексом другого древнетюркского аффикса аккузатива *-Ag* (Gab. AG 88); реально это может быть другая функция дательного падежа, ср. в литературном турецком *Ayюe kitab-a meraklэ* 'Айше интересуется книгами' (с генерической референтностью, в противоположность аккузативу *Ayюe kitab-э merak ediyor* — см. Nilsson 1985, 153); подобные же явления наблюдаются и в староосманском (Грунина 1991, 51–52).

Употребление датива как локатива (Ризе): *üč ayača üzüm var* 'на трех деревьях есть виноград' — объясняют фонетически (ассимиляцией *-d-* — Kowalski 1931), но, возможно, это — архаическое употребление: ст.-осм. *zemzem suvyna juvundy* 'умылся водой живого источника' и под. (Грунина 1991, 51).

В диалектах встречается локатив в аблативном значении (Кастамону, Малатья; З.Коркмаз (Korkmaz 1999) отмечает западную Анатолию и Акчадаг, Даренде, Доганшехир, Эльбистан): *evde čyhdylar* 'они вышли из дома', *aclyhda buŋaldylar* 'они едва пережили голод'. Такое употребление, видимо, архаично, ср. ст.-осм. *gide ġuṣṣa gönlinde* 'уйдет из сердца печаль' (Грунина 1991, 52).

В диалектах попадается более широко древний творительный во временном значении: Видин *evelki waqydyn, eski zemanyn.*

Что касается формы, в венгерских транскрипционных текстах (Németh 1970, 99) отмечен генитив существительных на *--um* (возможно, как и местоименный — развитие *-ŋ* после губного гласного).

Любопытное отклонение-новацию представляют северо-восточноболгарские формы (Dalli 1932, 95): *dā* 'гора' — *dānin, dājy, dāja* (в соответствии с новым фонетическим обликом основы выбраны поствокалические варианты аффиксов).

Другие вариации аффиксов по диалектам:

Зонгулдак-Бартын (Eren 1997, 50–51) — Gen. *-(n)Iñ* > *-(n)Ij*: *Gardešinij*.

Урфа (Özselik 1997, 77–78): бывает генитив *-jin* после гласной основы и 3 лица *devejin, ušahlarijin*, наряду с *camysynyn, qujryġynyn, buranyn*. Встретился акк. *-n* после афф. 3 л.: *čarasyn gör.*

Кютахья (Gülensoy 1988, 79–81): встречается генитив *-nin, -niñ* после согласного: *išejnin, zinirniñ*; *-jin* после гласного: *tekkejin.* Встречается аккузатив *-ni* после основы на гласный без афф. 3 л.: *beri jaqany*. Встречается акк. *-n* после афф. 3 л.: *Garšysyn*. Встречается датив на *-ga*: *esge* 'еše'.

Эрзурум (Olcay Erzurum, 36–37): афф. вин. пад. в именной парадигме — устойчиво *-(j)i*: *Goli, arabaji, süŋiji.*

Восточная Фракия (и вообще большая часть диалектов): допускаются формы с выпадением *-j-* в дательном: *burā* < *buraja* (Olcay 1995, 23).

Новый творительный падеж (послеложного происхождения) выступает в следующих видах: Видин *-le, -len, -nan* (Németh 1965, 82), Эдирне *-le, -len* (Kalay 1998, 66). Северо-восточная Болгария: после афф. принадлежности 3 л. перед творительным *-le* вставляется местоименное *-n*: *eli — elinne, šapkasy — šapkasynna, elleri — ellerinne* (Dalli 1932, 96). Зонгулдак—Бартын (Eren 1997, 52): только *-ynan*. Урфа (Özselik 1997, 80): *-lA, -lAn, -nAn*. Кебан—Баскыл (Buran 1997, 61): *-la, -le, -ynan*: *atynan, ajaqavynan, onla*. Кютахья (Gülensoy 1988, 83–84): *IlA, IlAn, -lan, -InAn, -nAn*. Эрзурум (Olcay Erzurum 81): *-ile, -ilen, -inen, -ynan, -nan*. Последний вариант аффикса — следствие смешения ассимилированного *-ynan* с ассимилированным (после носовых) аффиксом аблатива *-dan*.

Гагаузский

Можно отметить новый творительный: *-лан, -лен, -нан, -нен* или просто *-нан*: *карысыннан* 'с его женой', *ташлан* 'камнем', *ушакнан* 'ребенком' (Doerfer Gag. 268).

К р ы м с к о т а т а р с к и й

Отмечены формы кыпчакского типа: *кызга, шехернинг* (Doerfer Kr. 276).

У р у м с к и й (Podolsky 1985, 62)

Acc. *atany*; Dat. *ataġa, atama, ev(i)ne.* Совместный падеж *atalen, atamnen.* Отмечен новый инессив *atače* и элатив *atačen* из послелогов.

Б о д ж н у р д и

Смещено различение именной и посессивно-именной парадигм. Различаются в первую очередь поствокальный и постконсонантный варианты:

Таблица 20

Падеж	Вокальн.	Консон.
Род.	*-niŋ*	*-iŋ*
Вин.	*-ni*	*-i*
Дат.	*-jä*	*-ä*
Местн.	*-dä,* 3 л. *-nda*	*-dä*
Исх.	*-dän* 3 л. *-ndan*	*-dän*
Твор.	*-nän,* 3 л. *-jnan/-nnan*	*-nän*
Терминал.	*-äčän*	*-äčän*

С о н к о р с к и й

Сохранившиеся формы (генитив совпал с номинативом, аккузатив совпал с номинативом у имен с афф. принадлежности):

Таблица 21

Падеж	Вокальн.	Консон.
Вин.	*-ni*	*-i*
Дат.	*-jä*	*-ä*
Местн.	*-dä*	*-dä*
Исх.	*-da*	*-da*
Твор.	*-inä*	*?*

А з е р б а й д ж а н с к и й

В литературном языке выделяют иногда еще терминалис *-(j)AǰAn*[65].

Диалекты: в северной группе отличий от литературной нормы нет, если исключить фонетические ассимиляции[66]: *гузу, гузунун, гузијэ, гузу-*

[65] Послеложного происхождения, ср. чув. *чьн,* туркм. *ченли* 'до', кирг. *чейин* 'до' – см. Щербак Имя 59.

ну, гузуда, гузудан; *даш, дашин, дашэ, даши, дашдэ, дашдэн*; *гол, голун, гола, голу, голла, голлан* (Нуха — Исламов 1968, 88). Изредка попадается вин. от 3л. на *-n*: *гузсы — гузсун*.

Восточная группа. Куба — как в литературном (с ассимиляцией *-ндан* > *-ннан*) кроме вин. от 3л. *гунагы — гунагын, атасы — атасын* (и *бызои — бызони*). Баку: есть формы *düä* — род. *düänin, düän*; бывает 3л. вин. *ata — atasyn, at — atyn*. Однако в бешдалинском говоре (Сальянский район, Рамазанов 1956, 8) наряду с обычной формой вин.пад. от вокалической основы на *-nI* встречается афф. *-jI*.

Западная группа. Казах (Джафарли 1952, 15): вин. падеж при вокалической основе *-jI*: *potoju, düjöjü*. Так же Тауз (Джафаров 1954, 6–7): *körpüjü, čapyjy*. Кедабек (Садыхов 1954, 16): Acc. *Gapyjy, almejy*; Dat. с элизией *j*: *haravā* < *arabaja, almā* < *almaja*. Зангелан (Бехбудов 1956, 14): Acc. *-jI,* Gen. *-jIn* при сущ. с вокалической основой.

Южная группа. Нахичевань (Ширəлијев 1962, 85–96): винительный *baltyjy, Garyjy*, родительный *arabān, särčän* < *arabajyn, särčäjyn* (NB: отсутствие назализации на долгом гласном этого аффикса в диалектах, имеющих долгие назализованные), дательный *arabā* < *arabaja*. Винительный 3 л. *äli — älin, dädäsi — dädäsin*. Урмия (запись Фоя, см. Caf.-Doerf. 299): Gen. *bašyjyn* 'твоей головы'.

В диалектах встречаем также новый инстр. на *-InAn*, в литер. на *-(i)lA*.

В ряде диалектов выдерживается немотивированный огубленный гласный для окончания Gen. (Ордубад — Гамзаев 1960, 12; часть кубинских говоров).

Туркменский

Диалектный материал (Поцелуевский 1975, 107–109, Амансарыев 1970, 304–311):

Gen. Теке, гёклен, нохурли, западно- и северно-йомудский, сарык, салыр, эрсары, сакар: в вокалич. основах *ovāŋ, düjäŋ, kišiŋ* (< *-jyŋ? -nyŋ?*). Хасар (Сапарова 1970, 13): аффикс выглядит как *-nIj/-Ij* (рефлекс конечного *-ŋ?*); иногда афф. *-nIŋ* присоединяется к основе на сонант: *Gurvannyŋ öw*.

Acc. Анаули: негармоническое *-e*; во всех диалектах часто в форме 3 л. *-n*.

Dat. Анаули, хасар, нохур, алили, гарадашлы, энев, чандыр: в вокалич. основах *-jA*: *кинойа, гечийе* (нохур, Мухыев 1959, 10). В диалектах кырач, чандыр, чегес, йомуд, дуэджи, эски встречается у вокалических основ показатель *-Ga/-ge*: *ōvaGa, kišige*. Встречается также форма на

---

[66] В частности, вследствие перехода носовых согласных в назализацию на гласном часто совпадают Acc. и Gen.: *älīī* 'твою руку, твоей руки'.

-q/-k: зап.-йомуд. *ōvaq, gečäk*, текинск. *-yq/-ik*. При посессивных образованиях на *-ki* в диалектах лебапской группы употребляется "посессивно-именной" вариант аффикса *-nA*: *bavänikine, išanyqyna.*

Loc. Ноxур: *-nd- > -nn-*, гёклен *-ld- > -ll-, axalla, bizze.*

Abl. В большинстве диалектов *-nd- > -nn-*.

Периферийная группа говоров турткульских туркмен (игдыры, дуэджи, гёклены) употребляет кыпчакские окончания родительного, дательного и винительного падежей: *jigitniŋ, qujyGa, d ügörni* (Аразкулиев 1962, 14).

Хорезмские диалекты узбекского (Абдуллаев 1961)

В ургенчско-хивинском говоре совпали вин. и род. падеж, афф. *-nI* и с консонантными, и с вокалическими основами; после сонантов встречается *-I*: *adamy, jämäni* (Dobos 1974, 82).

Таблица 22

Парадигма	Именная	Посессивно-именная	
Падеж		1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.
Род.	*-Iŋ/-nIŋ*	*-Iŋ*	*-nIŋ*
Вин.	*-I/-nI*	*-I*	*-nI*
Дат.	*-A/-Ga, -jä*	*-A*	*-I-n-A*
Местн.	*-d/tA*	*-dA*	*-I-n-dA*
Исх.	*-d/t/nAn*	*-nAn*	*-I-n-nAn*

Саларский (Тенишев ССЯ105–108).

Изредка, в единичных случаях, встречается Gen. *-yn/-nyn*: *kiinyn öji* 'дом жены', *palanyn ondoɣu* 'задик ребенка'. *-n < -ŋ* — конечнослоговое развитие? Варианты афф. дательного падежа распределены так: *-A* после согласных, кроме заднеязычных, *-gA* после гласных, *-kA* после заднеязычных согласных: *ahyša* 'дереву', *suɣa* 'в воду', *pekke* 'князю'.

Таблица 23

Парадигма	Именная	Посессивно-именная	
Падеж		1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.
Род.	*-nI(gI)*	*-nI(gI)*	*-nI(gI)*
Вин.	*-nI*	*-nI*	*-n(I)*
Дат.	*-A/-gA, -kA*	*-A*	*-I-n-dA*
Местн.	*-d/tA*	*-tA*	*-I-n-tA*
Исх.	*-d/tAn*	*-tAn*	*-I-n-tAn*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАОГУЗСКИХ ПАРАДИГМ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Прежде всего можно заметить, что для праогузского, возможно, не следует, ориентируясь на староосманский, восстанавливать аблатив на *-dIn* и творительный на *-In*. В современных огузских языках и диалектах первый сохранился только в окаменевших наречных формах, второй — как активно действующий аффикс наречий с временны́м значением, а в староосманском их употребление ограничено и может быть вызвано влиянием восточнотюркских литературных языков (где соответствующие аффиксы, напротив, были активны). Зато, как активные падежные аффиксы, по-видимому, должны быть возведены к праогузскому уровню экватив на *-ča* и директив на *-ra*. Первый активен в староосманском, а в современном турецком сохраняет функцию синтаксического падежа для обозначения агенса в пассивной конструкции. Второй активен в староосманском, причем в прочих языках, в том числе средневековых литературных, обнаруживается только в наречных образованиях; два имеющихся примера в орхонском сомнительны — см. Щербак Имя 43. "Новый" творительный из сочетания с послелогом *ile, ilen*, совершенно очевидно, возникает в отдельных огузских языках и не может быть возведен к праогузскому уровню. Ограниченный вокалическими основами диалектизм — директив на *-k*, обнаруживаемый в западнотуркменских диалектах и отдельных наречных образованиях, видимо, может возводиться к праогузскому как периферийное образование, подобно аффиксу, образующему наречия времени (бывший Instr. *-In*). Реконструкция прочих локативных падежей тривиальна. Вряд ли стоит для праогузского восстанавливать разные начальные согласные для аффиксов локатива и аблатива, основываясь на разной их подверженности носовой ассимиляции в части диалектов. Более частая носовая ассимиляция у аффикса *-dan* может быть обусловлена как наличием носового внутри самого аффикса, так и частичной контаминацией с аффиксом "нового" творительного — комитатива *-(I)nAn*, с которым у аблатива совмещается часть функций.

Проблемной остается реконструкция трех аффиксов падежей, выделяющих консонантную и вокальную формы.

Хорезмские диалекты Ургенча и Хивы охвачены общей изоглоссой с саларским языком: винительный и родительный совпали в форме вин. *-nI*. В саларском эти формы сначала совпали в *-ni*, а затем Gen. был вторично различен с Acc. с помощью адъективного аффикса *-g/kI*. Соответственно, оба эти идиома относятся к группе с винительным на *-nI*, употребляющимся и с вокалическими, и с консонантическими основами (по карлукскому типу). Они оба имеют фонетически распределенный вариант афф. дат.падежа *-GA*. Этот вариант нельзя считать возникающим по карлукскому типу (так как в карлукских языках он не-

распределенный), скорее, он сопоставим с фонетически распределенным *-Ga/-ge* при вокалических основах в туркменских диалектах. Хорезмский вариант поствокального аффикса *-jä* в переднем ряду фонетически возводим к *-*gä* между передними гласными (в хорезмских говорах зафиксирован такой переход: *eji*; *ejäv*). Удлинение гласного, которое служит формантом датива при вокалической основе в туркменском, тоже хотелось бы связывать с вариантом *-GA*, а не с *-ja* (по фонетическим причинам). Тогда систему, являющуюся источником вышеобсужденных, следует восстанавливать так:

Таблица 24

Парадигма	Именная		Посессивно-именная	
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.
Род.	*-nUŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-nUŋ*
Вин.	*-nI*	*-I*	*-I*	*-nI, -n*
Дат.	*-gA*	*-A*	*-A*	*(-I)-n-A*

Хорезмско-саларская система выводится из нее с предположением падения консонантно-вокального распределения афф. аккузатива под карлукским влиянием.

К этой системе в принципе может относиться боджнурди (унифицирован мягкий вариант афф. Dat. *-jä*, причем фонетический переход *-g- >-j-* между переднерядными гласными регулярен); сомнительно отнесение к ней сонкорского (унифицирован мягкий вариант афф. Dat. *-jä*, но фонетический переход *-g- >-j-* встречается не во всех говорах).

Фонетические рефлексы другой системы мы видим в азербайджанском литературном, восточной группе и северной группе азербайджанских диалектов и части периферийных туркменских диалектов (в том числе в нохурском); сюда же, скорее всего, относится сонкорский и в принципе может относиться боджнурди:

Таблица 25

Парадигма	Именная		Посессивно-именная	
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.
Род.	*-nUŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-nUŋ*
Вин.	*-nI*	*-I*	*-I*	*-nI, -n*
Дат.	*-jA*	*-A*	*-A*	*(-I)-n-A*

Третья система отразилась в турецком, значительной части турецких диалектов, гагаузском, западной, южной группах, южной части восточной группы азербайджанских диалектов:

Таблица 26

Парадигма	Именная		Посессивно-именная	
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.
Род.	*-nUŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-nUŋ*
Вин.	*-jI*	*-I*	*-I*	*-nI, -n*
Дат.	*-jA*	*-A*	*-A*	*(-I)-n-A*

Часть зоны распространения этой системы (относительно территориально компактная) охвачена изоглоссой замены поствокалического варианта аффиксв родительного падежа *-nUŋ* на *-jUŋ* — по аналогии с остальными поствокалическими вариантами аффиксов[67].

Староосманская система выглядит как эта третья, с добавлением недифференцированных по консонантно-вокальности аффиксов *-nI* и *-GA* в именной парадигме, которые, очевидно, можно объяснить влиянием восточнотюркских литературных языков.

Чтобы понять, к чему восходят эти три типа, рассмотрим пратюркские парадигмы склонения.

В руническом тюркском мы имеем (Кононов 1980; 149, Gab. AG 87–89):

Таблица 27

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-nIŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	*-G*	*-IG*	*-In*	*-n, -nI* (редко)	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A, -KA* (енис.)	*(-I)-ŋ-A*	*baŋa (< bän-Ga), *buŋa (< bun-Ga)*

Кроме того, имеется "дательный-предельный" *-jA* в наречных образованиях: *berije* 'на юг/на юге/с южной стороны', *quryja* 'сзади'. А. Габэн считает его поствокалическим вариантом *-A*. Но *-A* употребляется, строго говоря, только после посесс. аффикса 1 л. и, скорее всего, является аналогически вычлененным из форм типа *baŋa* 'ко мне', *iliŋä* 'в его эль', *ebiŋä* 'в твое жилище' (где произошла ассимиляция начального гуттурального аффикса с конечным *-n* и *-ŋ* основы). В древнеуйгурском *-A* выступает еще при конечном гуттуральном основы: *adaqa*, *ögä, byŋa* (Gab. AG). В новых языках, кроме огузской группы, о которой речь ни-

[67] Выделяется Кютахья, где, с одой стороны, встречены поствокалические именные *-jiŋ* и *-ji*, с другой, сбито вокально-консонантное распределение: есть *-niŋ* в постконсонантном варианте, *-ni* как поствокалический вариант в именной парадигме и датив *-ge* после согласного. Все эти факты могут объясняться кыпчакской инфильтрацией.

же, *-A* встречается в карлукской группе — с тем же распределением, что в древнетюркском, в кыпчакских — в посессивно-именной парадигме и в Сибири — ср. в шорском — как вариант наряду с *-gA* в посессивно-именной парадигме и иногда как вариант наряду с *-gA* у существительных с основой на *-m*: *qorumga, qoruma* (Дыренкова 1941, 43, 50), что явно происходит под влиянием посессивно-именной парадигмы. Кроме того, в чувашском вообще отсутствует вариант на *-*KA*, представлены варианты *-A, -jA, -nA*, распределенные по фонетическому облику конца основы. Вариант *-nA,* употребительный после *a, e*, явно недавно выделился из склонения личных местоимений (*mana, sana*). В диалектах на его месте употребляется вариант *-jA.* Вариант *-A* — постконсонантный, а также употребляется после основ на *-u, -ü, -ă, -ĕ*, т.е. как раз с ним употребляются все формы с посессивными аффиксами (*-m, -u, -ü, -ă, -ĕ*) (Левитская 1976, 14, 18–20). Похоже, что в чувашском мы видим такой же, как в древнетюркском, результат переразложения, первоначально закрепившийся в посессивно-именной парадигме, а афф. *-jA* следует возводить к пратюркскому состоянию[68].

Показатель винительного *-nI* явно появляется из местоименного склонения (переразложение: местоименная косвенная основа + афф. *I,* характерный для местоименной парадигмы) довольно поздно, в руническом тюркском он редок в посессивно-именной парадигме, в древнеуйгурском начинает проникать в именную (Gab. AG 88). В чувашском его нет (поскольку падеж совпал с дательным), в якутском *-ni* — поствокальный вариант в именной парадигме и в 3 л. местоименной парадигмы. В посессивно-именной и в 1–2 л. местоименной используется афф. *-In.* Во всех остальных современных языках *-nI* — основной вариант аффикс винительного падежа (в огузских — поствокальный), кроме него (в не-огузских) имеется (часто как вариант) афф. *-(I)n* для посессивно-именной парадигмы 3 л. Только в огузской группе имеется еще именной афф. *-I.* NB: именно здесь он может быть фонетическим рефлексом *-Ig.* К позднепратюркскому (периода распада) состоянию приходится возводить три аффикса, распределенных по типам парадигм — местоименный *-I*, именной *-Ig* и *-In* посессивно-именной (ср. СИГТЯ 1988, 94–95[69]). Здесь мы не будем искать исчерпывающих объяснений этой ситуации, отметим только, что для двух из этих аффиксов имеются возможные алтайские сопоставления (*-*Ig*: ТМ партитив *-*ga* (Benzing 1956, 82), который в СТМ языках имеет функцию выражения определенного объекта, японский посессив *ga* и, возможно, один из вариантов аффикса аккузатива в монгольском, выступающий в

[68] Возможная алтайская параллель – ТМ аблатив: творит. *ǯi*, элатив *-gi-ǯi* (Benzing 1956, 87), др.-яп. аблатив *ju/juo.*

[69] Мы не можем согласиться с СИГТЯ 1988 в восстановлении афф. *-I* как постконсонантного варианта в именной парадигме – для этого нет оснований.

именной парадигме -**iγi*; -**I*: монг. показатель аккузатива, выступающий в чистом виде при основах на *-n* и в местоименной парадигме и, по-видимому, давший показатель Gen.-Acc. *-ni* в южномонгольских языках). Для *-In* можно с некоторой натяжкой предположить первоначальное возникновение (в период, предшествовавший распаду общетюркского языка, раннеобщетюркский? По чувашскому данных нет) в форме 3 л. из местоименного аффикса с усечением (*at-yn-y* > *atyn*) и последующее распространение на формы 1 и 2 л. в руническом и протоякутском.

Аффикс родительного падежа *-nIŋ,* очевидно, возник в результате переразложения местоименных форм уже в раннеобщетюркский период; исходный поствокальный вариант *-ŋ* обнаруживается только в чувашском (Левитская 1976, 17).

Итак, состояния, предшествующие огузскому, можно восстановить следующим образом:

I этап Таблица 28 (1)

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-ŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-n-Iŋ*	*bä-n-iŋ, bu-n-uŋ*
Вин.	*-G*	*-IG*	*-I*	*-n-I*	*bä-n-i, bu-n-y*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-KA*	*(-I)-n-KA*	*bä-n-Ka, bu-n-Ka*
Дат.-пред.	*-jA*	*(-A?)*	*?*	*?*	*?*

II этап Таблица 28 (2)

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-n-Iŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	*-G*	*-IG*	*-I*	*-In*	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A*	*(-I)-ŋ-A*	*baŋa, buŋa*
Дат.-пред.	*-jA*	*(-A?)*	*?*	*?*	*?*

После действия фонетических переходов, приведших к праогузскому состоянию, и проникновения в посессивно-именную парадигму "местоименного" аффикса (что произошло во всех потомках общетюркского) получаем:

Таблица 29

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1–2л. ед. и мн.ч.	3л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-n-Iŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	-	*-I*	*-I*	*-n, -nI*	*bäni, buny*

Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A*	*(-I)-ŋ-A*	*baŋa, buŋa*
Дат.-пред.	*-jA*	*(-A?)*	*?*	*?*	*?*

Далее, вероятно, можно восстанавливать следующие развития.

1) Происходит переразложение в 3 л. Dat., применяется афф. *-A*. Консонантный вариант именной парадигмы приводится в соответствие с посессивно-именной. Падеж на *-jA* утрачивается.

Таблица 30

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-n-Iŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	-	*-I*	*-I*	*-n, -nI*	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-A*	*-A*	*(-I)-n-A*	*baŋa, buŋa*

Проблемная клетка в вокалическом варианте — винительный падеж — заполняется по аналогии с родительным похожим вариантом из посессивно-именной парадигмы *-nI*. Это — набор аффиксов первой группы говоров.

2) Происходит переразложение в 3 л. Dat., применяется афф. *-A*. Консонантный вариант именной парадигмы приводится в соответствие с посессивно-именной. Падеж на *-KA* утрачивается.

Таблица 31

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-n-Iŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	-	*-I*	*-I*	*-n, -nI*	*bäni, buny*
Дат.	*-jA*	*-A*	*-A*	*(-I)-n-A*	*baŋa, buŋa*

Проблемная клетка заполняется либо как в предыдущем случае — это набор аффиксов второй группы говоров, либо по аналогии с Dat. — это третий набор аффиксов.

Склонение местоимений

Турецкий

Парадигмы склонения местоимений в литературном языке см. в Таблице 32. Парадигмы склонения местоимений в староосманском см. в Таблице 33.

Диалектный материал.

Транскрипционные тексты Венгрии: Gen. *benum, senum/senun,* Acc. *beni, seni,* Dat. *bana, sana*; Gen. *bizom, sizun,* Dat. *bize, size*; Nom. *o, ol,* Loc.

onda, Acc. *anni, ani,* Nom. *onler,* Acc. *o/anlari*; Gen. *c"endum,* Dat. *c"endisune,* Acc. *c"enduni*; Gen. *čimun,* Acc. *čimi,* Abl. *neden.*

Видин: Acc. *bẹni, sẹni.* Nom. *ol,* Acc. *oni,* Gen. *onun,* Dat. *ona,* Loc. *onda*; Nom. *onnar.* Nom. 3л. *kendi — kendisi,* Acc. 1л. — *kendimi*, 2-3л. — *kendini.* Образования на *-kI* склоняются без вставки *-n*: *seninkiden, bašindakiji.*

Стари-Бар: Gen. *benim, senin,* Dat. *bena,* Abl. *anan*; Nom. *olar, bular,* Gen. *olaryn,* Dat. *olara.*

Северо-восточная Болгария: Nom. *ben,* Gen. *benim, senin,* Dat. *bana, sana,* Gen. *bizim,* Dat. *bize, size,* Nom. *o,* Gen. *onun,* Nom. *onnā,* Dat. *onnara,* Nom. *bu, šu,* Acc. *bunu, šunu*; Dat. *bunnara, šunnara*; Nom. *kendi, kendisi* — Acc. *kendi(si)ni,* Nom. *kim,* Gen. *kimin,* Acc. *kimi,* Nom. *ne,* Gen. *nejin,* Acc. *neji.*

Эдирне: Gen. *benim, senin/sēn,* Dat. *bana, sana,* Gen. *bizim,* Dat. *bize,* Nom. *o/u,* Acc. *onu,* Nom. *onl/nar,* Acc. *onnary,* Nom. *bu, šu,* Acc. *šunu,* Nom. *bunn/lar,* Dat. *šunn/lara,* Nom. *kendi, kendisi, kim, ne.*

Вост. Фракия: Gen. *benim, senin,* Acc. *beni, seni*; Nom. *sizler,* Gen. *bizim,* Acc. *bizi,* Dat. *bize, size*; Nom. *o,* Acc. *onu,* Nom. *bu, šu,* Acc. *šunu*; Nom. *onlar, bular, bunlar, bunnar,* Acc. *bunlary*; Nom. *kendi,* Acc. *kendini*; *kim* — Gen. *kimin*; *ne.*

Зонгулдак: Gen. *benim, benüm, seniñ, senij,* Acc. *beni, seni,* Dat. *baña, saña, bize, size*; Nom. *o,* Gen. *onuñ, onuj,* Acc. *onu, oñu,* Dat. *oña*; Nom. *onlā, onnar,* Dat. *onnara*; Nom. *bu, šu,* Acc. *bunu, buni, šunu, šuni,* Nom. *bunlā, bunnar, šunlā, šunnar,* Dat. *bunnara, šunnara*; Nom. *kendi, keni, kendisi,* Gen. *kendisiniñ, kendisinij,* Acc. *kendisiñi, kendisiji,* Dat. *kendisiñe, kendisije,* Nom. *kimisi.*

Кебан — Баскыл: Nom. *ben, sen,* Gen. *benim, senin,* Acc. *beni, seni,* Dat. *bana, sana,* Dat. *bize/biza, size/siza,* Nom. *o,* Gen. *onun,* Acc. *onu,* Dat. *ona,* Nom. *onlar,* Acc. *onnary,* Dat. *onnara,* Comm. *bence/ca, onaca, bizce/ca, onlarca,* Nom. *bu, šu, bunnar, šunnar,* Nom. *gendi* — Acc. *gendiji,* Nom. *gendisi* — Acc. *gendisini,* Nom. *kim, ne.*

Урфа: Nom. *ben, sen,* Gen. *benim, senin/senī,* Acc. *beni, seni,* Dat. *bana/bije, sana/sije,* Acc. *bizi, sizi,* Dat. *bize, size,* Nom. *o,* Gen. *onyn,* Acc. *ony,* Dat. *ona,* Nom. *onlar/onar,* Acc. *onlary,* Dat. *onlara*; Nom. *bu, šu,* Nom. *by/unlar, šunlar,* Nom. *gendi* — Acc. *gendini,* Dat. *gennine,* Acc. *gendisini,* Nom. *kim,* Nom. *ne,* Dat. *neje.*

Кютахья: Nom. *ben, sen,* Gen. *benim, senin, seniñ,* Acc. *beni, seni,* Dat. *bene, bā, baña, saña, sā*; Dat. *bize, size*; Nom. *o,* Gen. *onuñ, anuñ,* Acc. *onu, oñu,* Dat. *oña,* Nom. *onlar,* Acc. *onnary,* Dat. *onnara*; Nom. *bu, šu, bunlar, šunlar*; Nom. *kendi* — Acc. *kendini,* Nom. *kim, ne.*

Карс: Dat. *beğen, seğen.*

Таблица 32

Склонение местоимений в турецком литературном языке

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Я сам	Он сам	Кто	Что
Nom.	*ben*	*sen*	*biz*	*siz*	*o*	*onlar*	*bu, šu*	*bunlar, šunlar*	*kendim*	*kendi, kendisi*	*kim*	*ne*
Gen.	*benim*	*senin*	*bizim*	*sizin*	*onun*	*onlaryn*	*bunun, šunun*	*bunlaryn, šunlaryn*	*kendimin*	*kendinin, kendisinin*	*kimin*	*nejin*
Acc.	*beni*	*seni*	*bizi*	*sizi*	*onu*	*onlary*	*bunu, šunu*	*bunlary, šunlary*	*kendimi*	*kendini, kendisini*	*kimi*	*neji*
Dat.	*bana*	*sana*	*bize*	*size*	*ona*	*onlara*	*buna, šuna*	*bunlara, šunlara*	*kendime*	*kendine, kendisine*	*kime*	*neje*
Loc.	*bende*	*sende*	*bizde*	*sizde*	*onda*	*onlarda*	*bunda, šunda*	*bunlarda, šunlarda*	*kendimde*	*kendinde, kendisinde*	*kimde*	*nede*
Abl.	*bende n*	*senden*	*bizden*	*sizde n*	*ondan*	*onlardan*	*bundan , šundan*	*bunlardan, šunlardan*	*kendimde n*	*kendinden, kendisinden*	*kimden*	*neden*

Таблица 33

Склонение местоимений в староосманском языке

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Я сам	Он сам	Кто	Что	Сам
Nom.	***ben***, *men* (заим.)	***sen***, *sin*	*biz*	*siz*	*o*, ***ol***,	***olar***, *alar*, *anlar*	*bu*, *šol*, *šu* (поздн.)	***bular***, *bunlar*, *munlar*, ***šular***, *šunlar*	*gendözüm*	*gendü*, *gendöz-i*, поздн. *kendüsi*	*kim*, *kimi* (неопр.)	*ne*	*öz-i*, *öz-üm*
Gen.	*binüm*, *(benüŋ)*	*sinüŋ*	*bizüm*, *(biznüŋ)*	*sizüŋ*	***anuŋ***, *(onuŋ)*	*anlaruŋ*		*bularuŋ*		*gendünüŋ*	*kimüŋ* *kiminüŋ*		*özinüŋ*
Acc.	*bini*	*sini*	*bizi*	*sizi*	*any*, *(ony)*	*anlary*	*buny*, *šuny*		*gendözümi*	*gendüji*, *gendözini*	*kimi* *kimin*, *kimini*		*özin*
Dat.	*baŋa*, *maŋa*	*saŋa*	*bize*, *bizge*	*size*, *sizge*	*aŋa*, *(ona)*		*buŋa*, *šuŋa*		*gendözüme*	*gendüje*	*kime*	*neje*	
Dir.					(*aŋar* 'ему'), *aŋaru/y* 'туда'								
Loc.					*anda*	*onlarda*	*bunda*, *šunda*			*gendüde*		*nede*	
Abl.					*andan*, *(ondan)*	*onlardan*	*bundan*, *šundan*			*gendüden*		*neden*	
Instr.					*anyn*, *onunla*								
Aequ.					*anca*		*bunca*, *šunca*						

Примечания: 1. В транскрипционных памятниках с XVI в. указательное местоимение — в основном *o*, *on-*. 2. Без вставки местоименного *-n* склоняются посессивные образования на *-kI*.

Эрзурум: Nom. *ben, sen,* Gen. *benim, senin,* Acc. *beni, seni,* Dat. *bene, sene, bize, size,* Nom. *o,* Gen. *onun,* Acc. *oni,* Dat. *ona,* Nom. *onl/nar,* Acc. *onl/nary,* Dat. *onn/lara,* Nom. *bu, šu,* Dat. *buna, šuna,* Nom. *gendi* — Acc. *gendiji,* Nom. *gendisi* — Acc. *gendisini.*

Джафероглу отмечает для западных диалектов Dat. *baŋa,* для восточных *beŋe* (Терекеме), *baā* (Трабзон) — Caferoglu 258.

Гагаузский

См. Таблицу 34.

Крымскотатарский

Особенности: *män* чаще, чем *bän*, Dat. *maŋa, maGa,* Nom. *bu* — Acc. *bunu,* Nom. *bular, olar,* Nom. *o, ol* — *ansyz,* Acc. *any,* Dat, *uŋa* (Doerfer Kr.). Gen. *menim, seniŋ,* Dat. *bizge, sizge* (Изидинова 1998, 306).

Хорасанские диалекты (Doerfer 1978, 165)

Nom. *män/min, sän/sin/san,* Gen. *däniŋ/n, sän,* Acc. *däni/mini, säni,* Dat. *däŋä/mäjä, saŋa/sänä,* Nom. *bis, sis/z,* Acc. *sizi,* Dat. *bizä, sizä.* Nom. *o,* Gen. *on/onin,* Acc. *onu, uni,* Dat. *ona, una, uŋa, uja*; Nom. *bu/mu,* Gen. *bun,* Dat. *buja, boŋgä.*

Боджнурди

Nom. *män, sän, biz, siz, o*, Dat. *ona,* Nom. *bu, mu* (и Карабаг *bun*), Dat. *muna/buna,* Nom. *šu* — Gen. *šuniŋ,* Nom. *ez* — Acc. *ezi,* Nom. *kim, neme.*

Сонкорский

Nom. *män, mä, sän, sä,* Gen. *mänim,* Dat. *mänä, sänä,* Nom. *biz, siz, ular*, Gen. *ularū,* Nom. *bu* — Gen. *bunū,* Acc. *buni,* Dat. *buna.*

Азербайджанский

См. Таблицу 35.

Диалектный материал.

Северная группа. Нуха (Исламов 1968, 105–110): Gen. *mām/mān/mänin, sān/sänin, hōn, bizin, sizin*; Acc. *mäni/mā̃/mā̃, säni/sā̃/sā̃, huny/õ/ō*; Dat. *maŋa/ mā̃/mā/mā̃, huna, saŋa/sā̃/sā/sā̃*; Loc. *männä, sännä, hunna*; Abl. *männän, sännän, hunnan*; Nom. *bu* — косв. основа *mun-*; *kändi* наряду с *özün.* Закатало-кахские говоры (Молла-заде 21): Gen. *menin, senin, honun, bizin, sizin, holaryn,* Acc. *meni/meŋi,* Dat. *mā/maŋa/magha, sā/saŋa/sagha.* Варташен (Гусейнов 1952, 7): Dat. *maŋa/mā̃/mā/maha, saha*; Nom. Sg. *o/u* — Pl. *olar/ular.*

Восточная группа. Куба (Рустəмов 1961, 133–138): Nom. *män, sän,* Gen. *mām/mān/mänim, sān/sänün/sänin,* Acc. *mäni, säni,* Dat. *mänä, sänä,* Loc. *mändä,* Abl. *männän*; Nom. *biz, süz,* Gen. *bizin/bizün/bizim, süzün,* Acc. *bizi, süzi,* Dat. *bizä, süzä*; Nom. *u,* Gen. *unun/ūn,* Acc. *uny,* Dat. *una,* Pl. *ular*; Nom. *bu,* Gen. *munun,* Acc. *muni,* Dat. *muna*; Nom. 3 л. *üzi* — Gen. *üzünün,* Acc. *üzün*; Nom. *kim,* Gen. *kimin,* Acc. *kimi,* Dat. *kimä*; Nom. *nä* — Gen. *näjün,* Acc. *näji,* Dat. *näjä.* Баку: Nom. *män, sän,* Gen. *mām/mänim, sā̃ n/sänün,* Acc. *mäni/mäji, säni/säji,* Dat. *mänä/mää/mäjä, sänä/sää/säjä,* Loc.

mändä, Abl. *männän,* Nom. *biz, süz,* Gen. *bizim, süzün,* Acc. *bizi, sü/izi,* Dat. *bizä, sü/izä,* Nom. *u,* Gen. *unun/ūn,* Acc. *uni/oji,* Dat. *una/oa,* Pl. *ular/olar*; Nom. *bu/by,* Gen. *munun/mūn/ myjyn,* Acc. *muni/myni/myjy,* Dat. *muna/myna/myja;* Nom. *ö/üzi* — Gen. *üzünün,* Acc. *üzün/özini;* Nom. *nä* — Gen. *näjün,* Acc. *näji,* Dat. *näjä.* Муган (Муган 99–103): Nom. *män, sän,* Gen. *mām/mān/mänim, sān/sänün/sāṷn,* Acc. *mäji/mäni, säni/säji,* Dat. *mā /mänä, sänä/sā,* Loc. *mändä,* Abl. *männän*; Nom. *siz/süz,* Nom. *o,* Gen. *ōn/ōṷ n/onyn,* Acc. *ony/ ojy,* Dat. *ona/oa*; Nom. *olar/onnar*; Nom. *by,* Gen. *mynyn/mȳn/mūn,* Acc. *myny/myjy,* Dat. *myna/mya.* Имишли (Джафарзаде 1969, 17): Gen. *mān (<mänin), bizin.* Сальяны: Gen. *mām/mänim, sā n/sänün/sāṷn,* Acc. *mäi/mäni, säni/säi,* Dat. *mā/mänä, sänä/sā,* Loc. *mändä,* Abl. *männän;* Gen. *ōn/ōṷn/onyn,* Acc. *ony/oy/ou,* Dat. *ona/oa, onda.*

Западная группа. Казах (Джафарли 1962, 17): Dat. *maŋa/mā, saŋa/sā, oŋa;* Nom. *bu* — Gen. *munun,* Acc. *munu,* Dat. *muna,* Nom. *bunnar,* Gen. *munnaryn,* Dat. *munnara*; употребительно *kändi* наряду с *öz.* Зангелан (Бехбудов 1956, 16) : Nom. *man, san,* Dat. *maŋa, mā̃, saŋa, sā̃,* в селах Делляклы, Хавалы и Хурама — *mā̃, sā̃*; Nom. *u* — *ollar/ullar/unlar.* Джебраил (Гадж. 13-14): Nom. *män, sän* — Gen. *mām, sān/sänī̃,* Acc. *mäni, säni,* Dat. *mā̃/mā, magha, maŋa, sā̃/sā/sā̃/sagha/saŋa*; Nom. *o/u* — Gen. *ōn/onū,* Acc. *onu,* Dat. *ona/una,* Nom. *ollar,* Gen. *ollaryn,* Acc. *ollary,* Nom. 1 л. *özün/ŋ* — Gen. *özüŋün/özūn/özügün/ özüjün,* Dat. *özā/özā̃/özüŋä/özüjä.* Тауз (Джафаров 1954, 7): Nom. *män, sän* — Gen. *mām, sāŋ,* Dat. *maŋa/mā̃, saŋa/sā̃* . Карягинский говор (Мамедов 1958, 27–28): Gen. *mäm/mäjim/mänim, sän, säjin/sänin, ōn/onun,* Acc. *mäni/mäji/mäi, säni/ säji/säi, onu/ou/ony;* Dat. *mä/mäjä/mā/magha/maŋa, sä/säjä/sā/sagha/saŋa, ona/ oa*; Nom. *olar/onnar*; Nom. *bu/by* — Dat. *muna/munu,* Loc. *munda,* Abl. *munnan;* Nom. 2 Pl. *özüŋüz/özūz.* [Багир. ГСР (7), Сеис. (17): Nom. *män* — Gen. *mām,* Dat. *mā̃ /maŋa,* Nom. *sän* — Gen. *sān,* Dat. *sā̃/saŋa,* Nom. *o/u* — Gen. *onun,* Dat. *ona,* Nom. Pl. *olar/ollar*].

Кедабек (Садыхов 1964, 18): Gen. *mām/mäniŋ, bizim/biziŋ,* Dat. *magha/ maŋa/ mā,* Gen. *sāŋ/säniŋ/säniG, siziŋ/siziG,* Dat. *sā̃/sā/sā̃/sagha/saŋa, bizdärä, sizdärä,* Nom. *o* — Gen. *onuŋ/onuG,* Dat. *oŋa,* Gen. *ollaryŋ/olaryŋ/olaryG,* Dat. *ollara.*

Южная группа. Нахичевань (Ширəлијев 1962, 106–110): Nom. *män/man* — Gen. *mām/mänim/mām,* Acc. *mäni/mäji/mani,* Dat. *mänä/mā̃/mā̃ /magha/ maŋa,* Nom. *sän* — Gen. *sān/sänin/säin,* Acc. *säni/säji,* Dat. *sänä/sā̃ /saŋa,* Nom. *biz, siz* — Gen. *bizim, sizin,* Acc. *bizi, sizi,* Dat. *bizä, sizä,* Nom. *o/u* — Gen. *ōn/ onun,* Acc. *onu/ony/oju,* Dat. *ona/oa,* Nom. *ollar/onlar/ular/unnar,* Gen. *ollaryn/ olaryn/onnaryn,* Acc. *ollary/onlary/onnary,* Dat. *onlara/ollara/onnara,* Nom. *bu/by* — Gen. *bunun/munun,* Acc. *bunu/munu/myjy,* Dat. *buna/muna/myna.*

Переходные говоры (86): Nom. *män, sän* — Gen. *mäām/mänim/mäin, sään,* Acc. *mäni/mäi,* Dat. *mää/ mänä/miä, sää,* Nom. *o* — Gen. *oōn,* Acc. *unu/onu/ ony/oy,* Dat. *ona/uā/oa,* Loc. *unda,* Abl. *unnan.*

Таблица 34

Склонение местоимений в гагаузском языке

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Он сам	Кто	Что
Nom.	*ben/bän*	*sen/sän*	*biz*	*siz*	*o*	*onnar*	*bu, šu*	*bunnar, šunnar*	*kendi, kendisi*	*kim kimi, kimisi*	*ne*
Gen.	*benim*	*senin*	*bizim*	*sizin*	*onun*	*onnaryn*	*bunun, šunun*	*bunnaryn, šunnaryn*	*kendinin, kendisinin*	*kimin*	*nejin*
Acc.	*beni*	*seni*	*bizi*	*sizi*	*onu*	*onnary*	*bunu, šunu*	*bunnary, šunnary*	*kendini, kendisini*	*kimi*	*neji*
Dat.	*bana*	*sana*	*bizä*	*sizä*	*ona*	*onnara*	*buna, šuna*	*bunnara, šunnara*	*kendinä, kendisinä*	*kimä*	*nejä*
Loc.	*bendä*	*sendä*	*bizdä*	*sizdä*	*onda*	*onnarda*	*bunda, šunda*	*bunnarda, šunnarda*	*kendindä, kendisindä*	*kimdä*	*nedä*
Abl.	*bendän*	*sendän*	*bizdän*	*sizdän*	*ondan*	*onnardan*	*bundan, šundan*	*bunnardan, šunnardan*	*kendindän, kendisindän*	*kimdän*	*nedän*

Примечания. 1. Особые гонорифические личные местоимения:

	Ед.ч.	Мн.ч.
2 л.	*Жанаб-ин*	*Жанаб-иниз*
3л.	*Жанаб-и(си)*	*Жанаб-и-лер-и*

(от араб. *ğanab* 'величие, могущество' — Покровская 1964, 129). Ср. также 1-е л. *bendeniz* 'Ваш покорный слуга'.

2. Местоимение *öz* функционирует как определение в основном падеже к существительному; иногда — двойное определение: *kendi öz ōlu.*

Таблица 35

Склонение местоимений в азербайджанском языке

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Он сам	Кто	Что
Nom.	*mən*	*sən*	*biz*	*siz*	*o*	*onlar*	*bu*	*bunlar*	*özü*	*kim (kimi)*	*nə*
Gen.	*mənim*	*sənin*	*bizim*	*sizin*	*onun*	*onların*	*bunun*	*bunların*	*özünün*	*kimin*	*nəjin*
Acc.	*məni*	*səni*	*bizi*	*sizi*	*onu*	*onları*	*bunu*	*bunları*	*özünü*	*kimi*	*nəji*
Dat.	*mənə*	*sənə*	*bizə*	*sizə*	*ona*	*onlara*	*buna*	*bunlara*	*özünə*	*kimə*	*nəjə*
Loc.	*məndə*	*səndə*	*bizdə*	*sizdə*	*onda*	*onlarda*	*bunda*	*bunlarda*	*özündə*	*kimdə*	*nədə*
Abl.	*məndən*	*səndən*	*bizdən*	*sizdən*	*ondan*	*onlardan*	*bundan*	*bunnardan*	*özündən*	*kimdən*	*nədən*

Туркменский

Таблица 36

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Он сам	Кто	Что
Nom.	*men*	*sen*	*biδ*	*siδ*	*ol/o, šol/šo*	*olor*	*bū, šū*	*bulor*	*õδi*	*kim*	*nā̊me*
Gen.	*meniŋ*	*seniŋ*	*biδiŋ*	*siδiŋ*	*onuŋ, šonuŋ*	*oloruŋ*	*munuŋ, šunuŋ*	*buloruŋ*	*õδünüŋ*	*kimiŋ*	*nā̊meniŋ*
Acc.	*meni*	*seni*	*biδi*	*siδi*	*ony, šony*	*olory*	*muny, šuny*	*bulory*	*õδüni*	*kimi*	*nā̊meni*
Dat.	*maŋa*	*saŋa*	*biδe*	*siδe*	*oŋo, šoŋo*	*olora*	*muŋo, šuŋo*	*bulora*	*õδüne*	*kime*	*nā̊mä*
Loc.	*mende*	*sende*	*biδde*	*siδde*	*ondo, šondo*	*olorda*	*mundo, šundo*	*bulorda*	*õδünde*	*kimde*	*nā̊mede*
Abl.	*menden*	*sende n*	*biδden*	*siδden*	*ondon, šondon*	*olordan*	*mundon , šundon*	*bulorda n*	*õδünden*	*kimden*	*nā̊meden*

Диалектный материал (Амансарыев 1970, 316–321).

1. От личных местоимений появляются формы на *-ler*: *biδler, siδler* (эрсары, сакар, сарык, салыр, северный говор йомуд), *bizler, sizler* (човдур), *siller* (эски), *bizlä, sizlä* (мукры), *bizer, siler* (кырач, чандыр, чегес), *biz/bizler, siz/ sizler* (олам).

2. В части диалектов показатель родительного падежа местоименного склонения *-iŋ* заменяется на *-niŋ* (по аналогии с именным склонением?): *bizlärniŋ* (чегес). В части диалектов появляются формы типа *mēŋ, meŋ, sēŋ, seŋ, oŋ* ("апикальные", хатап, йомуд, ахалтеке (Байрамдурдыев 1965, 15), эрсары (Аннануров 1972, 123)).

3. Дательный падеж личных местоимений: *mene, sene, ona* (алили), *mänä, sänä, ona* (нохур — Мухыев 1959, 11, маныш — Атамэдов 1964, 19), *mäne/ maŋa, säne/saŋa, ono/oŋa* (энев, хасар) (все эти диалекты различают *n* и *ŋ* в других словах, переход *ŋ* >*n* отмечается ровно для личных и указательных местоимений — Амансарыев 1970, 224).

4. Род. пад. *bu — muŋ* (ахалтеке — Байрамдурдыев 1965, 15), *muŋ, šyŋ* (эрсары — Аннануров 1972, 126), вин. *myny/muny, šyny* (эрсари — Аннануров 1972, 126), дат. *myŋa* (йомуд), *mu/yna, šuna, ona* (нохур).

5. В салырском, алили, нохур образование на *-ki* не от Gen., как в литературном языке, а от основы личного местоимения: *menki, senki, bizki, sizki.*

Хорезмские говоры

Таблица 37

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот
Nom	*män*	*sän*	*biz, bizlä, bizä*	*siz, sizlä, sizä*	*(h)u*	*(h)ula*	*bu, šu*
Gen.	*mäni*	*säni*	*bizläni, bizäni*	*sizläni, sizäni*	*(h)uny*	*(h)ulany*	*muny, šuny*
Acc.	*mäni*	*säni*	*bizläni, bizäni*	*sizläni, sizäni*	*(h)uny*	*(h)ulany*	*muny, šuny*
Dat.	*maŋan*	*saŋa*	*bizä, bizlärä*	*sizä, sizlärä*	*(h)uŋa*	*(h)ulara*	*muŋa, šuŋa*
Loc.	*mändä*	*sändä*	*bizlädä, bizädä*	*sizlädä, sizädä*	*(h)unda*	*(h)ulada*	*munda, šunda*
Abl.	*männän*	*sännän*	*bizlädän, bizädän*	*sizlädän sizädän*	*(h)unnan*	*(h)uladan*	*munnan šundan*

Саларский

Таблица 38

	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Он сам	Кто	Что
Nom.	*män*	*sän*	*piser/ pisiler*	*sele(r)*	*vu*	*vule(r)*	*pu, śu*	*puler*	*ezy*	*kem*	*naŋ*
Gen.	*meni(gi), mē*	*seni(gi), sī*	*pisi(r)ni(gi), pisi*	*seli(r)ni(gi)*	*ani(gi)*	*vule(r)ni(gi)*	*muni(gi)*	*pula(r)ni(gi)*	*ezynigi*	*kemni(gi), kemnigare*	*naŋni(gi)*
Acc.	*meni*	*seni*	*pisi(r)ni*	*seli(r)ni*	*ani*		*muni*	*pula(r)ni*	*ezyny*	*kemni*	*naŋni*
Dat.	*maŋa, mā*	*saŋa, sa*	*pisere*	*selere*	*aŋa, ana*	*vulere/ vulara*	*muŋa, mō*	*pulare/ pulara*	*ezygha*	*keme*	*naŋa*
Loc.	*mente*	*sente*	*pise(r)te*	*sele(r)te*		*vule(r)te/ vula(r)ta*		*pularte/ pularta*	*ezyda*	*kemte*	*naŋte*
Abl.	*menten*	*senten*	*pise(r)-ten*	*sele(r)ten*		*vule(r)ten/ vula(r)ten*		*pularten/ pulartan*	*ezyden*	*kemten*	*naŋten*

Примечание: *ne* по падежам не изменяется: окаменевшая падежная форма функционирует как наречие: *nege* Dat. 'зачем?'.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СКЛОНЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

Таблица 39

*	Я	Ты	Мы	Вы	Он	Они	Этот	Эти	Кто	Что
Nom.	*ben*	*sen*	*biz*	*siz*	*ol*	*olar*	*bu, šu*	*bular, šular*	*kim*	*ne*
Gen.	*benüŋ*	*senüŋ*	*bizüŋ*	*sizüŋ*	*anuŋ*	*olarun*	*bunuŋ, šunuŋ*	*bularuŋ, šularuŋ*	*kimin*	*(ne-ŋ?)*
Acc.	*beni*	*seni*	*bizi*	*sizi*	*any*	*olary*	*buny, šuny*	*bulary, šulary*	*kimi*	*?*
Dat.	*baŋa*	*saŋa*	*bize*	*size*	*aŋa*	*olara*	*buŋa, šuŋa*	*bulara, šulara*	*kime*	*neje, neke*
Loc.	*bende*	*sende*	*bizde*	*sizde*	*anda*	*olarda*	*bunda, šunda*	*bularda, šularda*	*kimde*	*nede*
Abl.	*bende n*	*senden*	*bizden*	*sizde n*	*andan*	*olardan*	*bundan , šundan*	*bulardan, šulardan*	*kimden*	*neden*

Важной приметой местоименного склонения является формант косвенной основы *-n-*. Для праогузской реконструкции он восстанавливается уже как таковой, его происхождения мы здесь не будем касаться, отметим только, что вставка *-n-* в косвенную основу местоимений — явление очень древнее, общеалтайское (а по некоторым данным и общеностратическое). Для пратюркского состояния, во всяком случае, этот формант не должен выделяться как отдельная морфема, уже представляя собой расширение косвенной основы. В азербайджанских диалектах южной и южной части восточной групп наряду со "стандартными" местоименными формами имеются формы ед.ч. личных и указательных местоимений, выстроенные по образцу форм от вокалических основ именного склонения (т.е. с "прокладкой" *-j-*: *meji, meje, ojy, myja* и под.); это явная инновация.

Личные местоимения 1–2 л. ед.ч. уже в общетюркском (после отпадения булгарской группы) получили преобразованную форму именительного падежа на *-n*, по-видимому извлеченную из косвенной основы (см. СИГТЯ 1988, 202), и в праогузском мы имеем уже только потомков этой формы. Старое личное местоимение 3 л. **i-(n)-* (СИГТЯ 1988, 203) в огузских языках встречается исключительно в отдельных наречных образованиях (туркм. *ine* 'вот' и под.), и для праогузского состояния в качестве личного местоимения 3 л. однозначно восстанавливается "дальнее" указательное местоимение **ol.* Впоследствии оно почти во всех языках переходит в *o, u* — скорее всего, не вследствие фонетических причин, а ради уподобления "ближнему" указательному местоимению **bu* (в кыпчакских языках наблюдается обратная "рифмовка", и возникают формы типа *bul, bol*). Что касается назальности начального согласного в 1 л. ед.ч. и "ближнего" указательного, то, как мы уже писали в разделе "Фонетика", для праогузского восстанавливается **b-* во всех формах, затем по диалектным группам проходил переход *b >m,* в разных диалектах по-разному в зависимости, в частности, от попадания следующего *n* в первый слог или в следующий, и одно-

временно выравнивание вида основы по номинативу или по косвенным формам. В результате в восточной части ареала (туркменский со всеми диалектами, саларский, хорезмские говоры, азербайджанские диалекты северной, восточной, западной и, в качестве варианта, южной групп) все формы этих местоимений, содержащие следующий носовой, приобретают назализацию начального согласного, в литературном азербайджанском и в сонкорском — только местоимение 1 л. (указательное выровнялось по именительному падежу), в хорасанских языках — биение вариантов, в западноогузских процессы назализации вообще не шли. Классификационно это не очень значимые процессы — из-за элементарности парадигматического выравнивания.

Разогубление (диссимилятивное?) гласного в основе *bu(n-)* наблюдается во всех, кроме северной, группах азербайджанских диалектов и в туркменских диалектах. Хотя подобное явление зафиксировано для ряда тюркских языков других групп, все же на огузской территории оно занимает относительно компактный ареал, встречается в основном как вариантное и кажется новым, т.е. происходящим в каждой тюркской группе, в частности, в огузской, независимо.

Чередование вокализма прямой и косвенной основ "дальнего" указательного местоимения устранено почти во всех огузских языках. Оно хорошо сохраняется в саларском. В крымскотатарском оно может быть кыпчакским "наследством". В староосманском основа *an-* представлена хорошо, но для XVII века уже рассматривается как литературная, в противоположность просторечной *on-* (Грунина 62). Однако в более ранних памятниках *an-* — основной вариант косвенной основы и вряд ли может быть сочтен заимствованием из восточнотюркского литературного языка. В диалектах турецкого языка рефлексы *an-* встречаются, хотя и редко. Скорее всего, чередование следует восстанавливать для праогузского состояния, неясно, только ли для единственного числа или также для множественного.

Форма род. падежа от личного местоимения 1л. единственного и множественного числа в части языков (в том числе, в староосманском — как вариант) имеет окончание *-im*. Происхождение его довольно очевидно: замена окончания Gen. местоименного склонения *-Uŋ* на показатель принадлежности 1 л., что поддерживается совпадением внешнего облика афф. Gen. с показателем принадлежности 2 л.; *benim : seniŋ = atym : atyŋ*. Территориально это явление наблюдается на большей части огузского ареала, на восток до азербайджанского (во всех группах диалектов, кроме северной; в восточной и кедабекско-айрумском говоре — как вариант). В турецком это развитие могло поддерживаться тенденцией к фонетическому переходу *-ŋ- > -m-* в присутствии огубленных гласных: *domuz* 'свинья', *sümük* 'кость'. Остальные формы родительного падежа единственного числа образованы тривиально (за исключением фонетических развитий; в хорезмских говорах и в саларском — те же явления, что и в Gen. существительных).

В дательном падеже ед.ч. личные местоимения имеют два варианта — передний и задний. Задний, по всей видимости, общетюркский (ср. др.-тюрк. *maŋa, saŋa* — скорее всего, <**bän* +**qa* при клитическом характере падежных показателей). Передний представлен формами двух родов — такими, которые могут восходить к **beŋe* (в частности, Урфа *bije*) — видимо, выровненная форма, и такими, которые совершенно определенно восходят к **bene*. Последние можно выделить в нескольких туркменских диалектах[70]. Возможно, так же образованы формы Dat. указательных местоимений *ona, b/muna* в северной, западной и, возможно, южной группах азербайджанских диалектов (где в заднерядном окружении различаются рефлексы *-n-* и *-ŋ-*), в тех же туркменских диалектах и *ana* в саларском. Их фонетический облик заставляет видеть в них форму падежа на *-(j)a*, ср. встреченные в древнеуйгурском застывшие формы *muna* и *ona* 'вот'. Все они,впрочем, могут быть инновациями, так как в соответствующих диалектах активна форма Dat. на *-a* в посессивно-именной парадигме, которая могла повлиять на местоименные формы. Остальные падежи единственного числа восстанавливаются тривиально.

Формы множественного числа личных местоимений в основном старые (с застывшим показателем "двойственного числа" *-z*). Инновационные образования с *-lar* встречены в кедабекском говоре азербайджанского (*bizdär, sizdär*), в туркменских диалектах, в хорезмских говорах и в саларском. Форма *süz* в ряде азербайджанских диалектов появляется, по-видимому, под влиянием глагольного окончания, возникающего из *-siz* + *-UŋUz* (см. раздел об аффиксах сказуемости). Падежные окончания во множественном числе личных местоимений для праогузского восстанавливаются тривиально, наращение основы отсутствует. Склонение новообразований на *-lar*, видимо, выровнено по склонению 3 л. мн.ч. и указательных местоимений.

Образуют множественное число от прямой основы указательных местоимений саларский, хорезмские диалекты, туркменский, восточная и северная группы азербайджанских диалектов, сонкорский, крымскотатарский. Турецкий и все его диалекты, гагаузский, литературный азербайджанский, южная и западная группы диалектов используют косвенную основу. В староосманском более частотны образования от прямой основы в ранних памятниках, затем увеличивается вес образований от косвенной основы (причем среди них — образования от впоследствии вытесненной основы *an-*). Кажется, что образование типа *onlar, bunlar* — новое развитие; формы типа *anlar* в староосманском могут частично объясняться влиянием средневековых литературных языков (см. СИГ-

[70] В азербайджанских диалектах, различающих *-n-* и *-ng-*, формы с *-n-* могут отражать либо рефлекс в переднерядном окружении, как в южной диалектной группе, либо влияние литературного языка.

ТЯ 1988, 242). Окончания падежей мн.ч. — везде обычные (кроме саларского и хорезмского, выровненных под именную парадигму).

Обычные местоименные окончания (но без наращения основы) принимает одушевленное вопросительное местоимение *kim*. Местоимение *ne* как активно склоняющееся сохраняется в западной части огузских языков и там принимает специфические окончания — как бы именной парадигмы с полным устранением "местоименных" прокладок. Саларская застывшая форма Dat. соответствует древнеуйгурской (*näkä*). Возвратные местоимения, оформляемые обычно посессивными аффиксами, склоняются по посессивно-именной парадигме.

ГЛАГОЛ

ИНДИКАТИВ

В реконструкции пратюркского состояния индикатива в существующей литературе имеются следующие допущения:

а) первичное ядро системы состояло из четырех элементов: настоящее-будущее *-a* (одновременно со значением настоящего и будущего); настоящее-будущее *-ar, -yr*; прошедшее *-dy, -ty*; неопределенный имперфект *-yr idi* (Серебренников, Гаджиева 1979, 204–205);

б) собственно временны́е формы: претерит – **-ty(γ) ~ *-dy(γ)*, настоящее – **-a*, будущее – **-ka(j) ~ *-ga(j)*; "вневременные" формы: аорист *-*(α)r*, перфект **-kan ~ *-gan* и **-pyš~ *-byš ~ *-myš* (Щербак 1981, 94–95);

в) прошедшее *-dy*, формы настоящего времени: *-r, -a*; формы перфекта *-myš, -(γ)an, -yb* (Кормушин // СИГТЯ 1988, 368–423). Все варианты реконструкции пратюркской временной системы предполагают ее позднепратюркский этап (накануне распада пратюркского). В настоящем разделе из представленных гипотез выбирается последняя, с допущением сложения аналитической подсистемы (типа *-dy idi*), и несколько по-иному видятся элементы раннего пратюркского (см. ниже).

В реконструкции праогузского в отношении указанной системы предполагается различение огузских (с точки зрения современного состояния) признаков, существовавших в недрах пратюркского, но еще не получивших в том состоянии статуса *типового признака*; существование ареального языкового сообщества, в котором огузские и инодиалектные (с современной точки зрения) черты носят характер вариантов; на этом этапе предполагаются диахронические сдвиги, приведшие к вычленению типа той или иной подсистемы огузского праязыка.

ЗОНА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ ОГУЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Рассмотрим, как современная типовая конфигурация форм в сфере настоящего времени — аорист (настоящее-будущее), презенс (настоящее общее ~ настоящее актуальное), континуальная форма (форма сопровождения и количественной характеристики) — представлена в современных огузских языках.

Турецкий

Аорист

В литературном стандарте основа времени представлена аффиксами *-Ar/-Ur/-Ir* в соответствии со слоговой структурой глагольной основы: *-Ar* в односложных основах — *sor-ar, tut-ar, jap-ar, gir-er*; *-Ur/-Ir* в многосложных основах — *byrak-yr, güzelleš-ir, doldur-ur*, а также в немногочисленной груп-

пе исключений — односложных основ в большинстве своем с сонорным ауслаутом — *gel-ir, kal-yr, bul-ur, vur-ur, öl-ür, ol-ur* и др. Глаголы с гласным ауслаутом в аористе имеют формант *-r — bašla-r, benze-r, oku-r, üšü-r.* Парадигма в литературном стандарте: *jaz-ar-ym, jaz-ar-syn, jaz-ar, jaz-ar-yz, jaz-ar-synyz, jaz-ar-lar*, т.е. по характеру гласного аффиксы лица принадлежат к классу *узких*.

Отрицательная основа *-mAz.* Парадигма: 1 л. ед.ч. *-mAm,* 1 л. мн.ч. *-mAjlz,* 2 л. ед. и мн.ч. *-mAzsIn, -mAzsInlz,* 3 л. ед. и мн.ч. *-mAz, -mAzlAr.*

В историческом прошлом турецкий аорист в литературном языке выступал с функциями настоящего актуального (вплоть до XVII–XVIII вв.), настоящего общего, будущего, потенциального (нелокализованного). Функциональная реализация морфемы аориста не связана с ее формальными вариантами.

В восточной группе анатолийских диалектов[78] аорист с широким гласным *-Ar* имеет тенденцию выступать в значении будущего (*alar* 'возьмет', *götürer* 'унесет': *alir* 'берет', *götürür ~ götürir* 'уносит'). Вариант с узким палатальным гласным выступает как омоморф: а) формант аориста и б) формант нового презенса, восходящего к бивербальной конструкции способа действия (СД) *-jer ~ -jir~> -je ~ -ji // -i:r ~ -ir >-i* (см. ниже). Вместе с тем распределение аффиксов с широким/узким гласным в целом в аористе остается обусловленным слоговой структурой (ср. *byraxyrsyn* 'ты оставишь', но *gidersin* 'ты уйдешь').

В значительной части диалектов восточной группы сохраняется структура аориста (как в литературном стандарте), но с незавершившейся лабиальной гармонией. Ср. *bil-ür-üm, byrah-ur-um, gel-ür, toplan-ur, al-ur-syz, ver-ür-süz* и др. (Карс, Эрзурум, Эрзинджан).

В восточной группе основы на гласный в аористе могут сохранять соединительный *-j-: jejeriz* 'съедим', *toplyjallar* 'собирают', *behlijerler* 'ожидают' (лит. *je-r, topla-r*).

Презенс

Исходно аорист в огузских языках имел и функцию настоящего актуального, которая в турецком письменном сохранялась до XVII–XVIII вв.

Настоящее общее (настоящее актуальное) в литературном стандарте сохраняет морфонему *-Ijor,* в восточноанатолийском ареале — варианты, также восходящие к бивербальной конструкции *-jer ~jér ~ -jir.* При общеогузской закономерности ослабления или выпадения */r/* в инлауте и ауслауте диалекты дают различные варианты преобразования исходной формы. Возникновение указанного презенса является инновацией для всех огузских языков, поэтому столь велика вариативность этого форманта даже в каждом отдельном языке. Она особенно заметна в этнически пестрых регионах. Ср диалектную зону Карса: *-ijér, -ijir, -ér, -é:r, -i:r, -ir* (*harja idirsen?* 'куда идешь?'), где в туркменских говорах возможно *-or, -o:r, -ör, -ö:r (duro:ram* 'я стою', *vurorsan* 'ты бьешь'), в азербайджанских *-ir, -ur (ičirem* 'я пью', *durursan* 'ты стоишь'). При этом для самого Карса наблюдается тенденция к универсализации морфонемы *-ir: vurir* 'он бьет', *gidirsen* 'ты идешь'.

В зоне Эрзурума для центра — *-ir,* в говорах значительный разброс: *-ir, -ijr, -éjr* (Испир), *-e:r, -ér, -ij* (Олту), у туркмен Шенкая *-ijir, -iji.* Последовательно в диалектной зоне Эрзинджана *-ir, -Ij, -IjIr, -yr* (Кемах). Зона оз. Ван: по говорам *é(r) ~ ir, -i/-u.* Зона Элязыга (границы восточной группы): *-ir,* реже *-er* (при аористе *-ar, -ür*), по говорам также *-i, -j* (после гласных основ), *-ju.* Наконец, Урфа и Диярбакыр для нового презенса имеют одну форму *-i* (*ali* 'он берет', *bašli* 'он начинает', *kašisan* 'ты бежишь', *gelijem* 'я иду').

Соотношение аориста и презенса в диалектах

Восточная группа анатолийских диалектов

В диалектах этого ареала соотношение обеих форм неустойчиво. Так, в зоне Карса парадигма аориста отличается от литературного стандарта увеличением удельного веса варианта *-Ar*, который отмечен не только в односложных, но и в многосложных основах: *galdyrar götürersin* 'поднимешь и отнесешь', преимущественно со значением будущего. Варианты с узким негубным — преимущественно */i/* и */é/* — выступают со значением презенса. Тем самым аорист по существу распался на две категории: будущего потенциального и настоящего. По разным говорам этот процесс формирования нового аффикса выявляет разные этапы, которые можно представить так: *jer >jér >jir> -i:r > -ir.* Контаминация узкого варианта аориста и новой формы презенса, возникшей на основе конструкции СД, привела к противопоставлению *-Ir: -Ar*, но этот процесс в турецких диалектах восточной группы не имеет тотального характера — более явственно он наблюдается только в зонах контактирования с азербайджанским. В других диалектах восточноанатолийской группы (как и в южноогузском в Иране) процесс разрушения СД-конструкции (т.е. формирования презенса) находится на разной ступени. Аорист здесь "защищает" свою парадигму разными путями — сохранением немотивированного губного гласного: *alur* (аорист) : *alir* (презенс), сохранением в аористе только узкого велярного: *görir, öldírrem, ohír, alyryx, olyrsyz* (Урфа); противопоставлением широкого */er/* в аористе полуузкому */é(r)/* в презенсе (говоры Вана). Незавершенность процесса формирования

[78] Диалектные данные извлечены из монографий, перечисленных в Библиографии в разделе "Турецкие диалекты". Используется последняя из существующих классификаций, представленная в работе: *Karahan L.* Anadolu ağızlarının sınıflandırılması. Ankara, 1996. В ней анатолийский диалектный ареал разделен на три региона – Восточный, Северо-Восточный и Западный, внутри каждого из них могут быть выделены многочисленные диалектные зоны и говоры. Диалекты европейской части Турции (румелийские говоры) разграничиваются на восточную (фракийскую) и западную (македонскую) группу, представленную двумя регионами, из которых первый частично (с говорами Эдирне) предстает в границах турецкого языкового стандарта. Диалекты восточной группы имеют значительные отличия от западных, что при рассмотрении собственно турецкого состояния вынуждает вычленять указанные ареалы, учитывая и диалектные зоны.

нового аффикса презенса проявляется как в вариативности нового аффикса: *verir* ~ спорадически *veri:r*, так и в сохранении в старой форме аориста его семантического потенциала. Однако и новый презенс стремится расширить свое функциональное поле в сторону настоящего общего[79]. Возможно, на этом этапе реализации противопоставления *старый аорист — новый презенс* в нарративе их различие приобретает эмфатический характер. В распределении самих вариантов еще просматриваются этапы разрушения исходной конструкции. Ср. *Baxdym ki žindür bu gelijir. Gelijer, ama jani javaš javaš* 'Смотрю, вроде бы джин идет (темпоральность). Ну идет же! (акцентированная констатация). Только медленно-медленно' (Ардаган).

В восточном ареале в целом соотношение аориста и презенса предстает так: налицо сложение презенса *-ir* на основе СД-конструкции с вариативностью: *-ijér* ~ *ijir* (Пософ, Ардаган, говоры Карса), *-Ir /-Ur* (Арпачай), основная часть диалектной зоны Эрзурума *-ir* при вариантах в говорах: *-éjr, -ijr, -é:r, -ér, -ijir, -ij;* зона оз. Ван: *-ir* (Ахлат) ~ *é(r)*~ *-é* (Битлис), также *-I/-U* при *-er* в функциях настояще-будущего и будущего, функции настоящего-актуального и аориста могут контаминироваться в *-ir*. Диалектные зоны Диярбакыра и Урфы сохраняют структуру аориста (широкий гласный при односложных основах, узкий с губным и негубным гласным в многосложных). Новый презенс *-i* (*duri* 'он стоит', *oturijyx* 'мы живем', *byraxi* 'оставляет', *görisen* 'ты видишь', *baxijam* 'я смотрю') может контаминироваться с *-i* < *-ir*-аористом. В зоне Элязыга аорист сохраняет старую структуру с тенденцией расширить зону аффиксов с широким гласным (*gidar, geler*), хотя и сохраняется тип *bilur*; презенс чаще *-i* при вариантах *-ir, -ér*. Отличия в спряжении: в Урфе: *baxi-j-am, veri-y-yx, sori-san, ali-syz, kač-i:, tökil-i:*, в Тунджели (зона Элязыга): *ali-m, ali-sin, ali, ali-k, ali-siniz, ali-ler* (Булуч).

Итак, в восточной группе диалектов аорист в целом сохраняет старое распределение аффиксов с широким/узким гласным. Для узких это касается и форм с немотивированным губным типа *alur, gelür, getürür, olur*. В группе форм от многосложных основ можно отметить расширение зоны *-Ar* в значении будущего. Оба эти явления связаны с появлением маркированной формы презенса с узким гласным *-i*. Возникают два полюса: презенс, который имеет тенденцию стать настоящим общим и вытеснить из этой функциональной сферы аорист. Аорист в ней удерживается, сохраняя старые губные варианты. Возникает категориальный ряд: *vurir* (презенс), *vurur* (аорист), *vurar* (будущее). Слабым членом здесь оказывается аорист, особенно при негубных основах (например, вариативность аористных форм типа *gelür* ~ *gelir* приводит к двойственности: *gelir* — презенс и аорист). Т.е. в

[79] Следует отметить такую особенность в одной из записей из Текмана (диалектная зона Эрзурума): в нарративе экспозиция дается в аористе (что является своего рода классической диагностической функцией этой формы). Переход к передаче в авторском изложении динамической цепи событий уже вызывает новый презенс *-ir*, хотя по существу здесь он уже выполняет функции исторического аориста: *gider... baxar* (экспозиция): *...gidir janyna, baxir... jaxhlašir* – событийный ряд.

случае с палатальными основами формальное различие уже исчезает. При велярной основе противопоставление старого аориста (*-yr*) новому презенсу (*-ir*) еще может иметь место: ср. *šindi bašxasynyn ewüne čixiram* (презенс), *ertesi sene bašxasyna čixyram* (аорист) 'сейчас я живу в одном (*букв.* чужом) доме, а на следующий год перейду в другой' (Эрзурум). Как противодействие системы разрушению формального различия аориста следует рассматривать сохранение в диалектах значительной вариативности самого нового презенса (т.е. сохранения конструкции СД). Процесс ее разрушения и становления морфонемы презенса усиливается к югу региона (Karahan 1996, 69).

Варианты нового презенса в восточной группе анатолийского ареала можно свести в следующую схему:

-jér, jir, -jr
-ir/-i:r, -ír/ -ér/ -é:r
-jé/-ji
-j (после гласных)
-é/-i:/-I

(Karahan 1996, 43)

В районе оз. Ван отмечена старая форма аориста с губным гласным, типа *alú, verú, gelú, kapanú*, всегда в 3 л. ед.ч. с функцией предшествующего и неоднородного действия в ряду перечисляемых событий, ср. *herif ati alú kačer gider* 'человек, схватив лошадь, убегает'; *sabah olú kaxeller gideller* 'когда наступает утро, они встают и уходят'. Аналогичное явление отмечено в азербайджанских диалектах и рассматривается как реликт древней временной формы (см. ниже).

В группе восточноанатолийских диалектов следует особо выделить форму презенса, которая отмечена в азербайджанском и туркменском языках (см. ниже) и обычно считается кыпчакской. Это форма *-édi* (только в 3 л.), зафиксированная в диалектной зоне оз. Ван (Zülfikar 1978): *adem helva elinde jédi gidédi* 'человек с халвой в руках идет и ест'.

Аффиксы лица в восточноанатолийской группе:

В 1 и 2 л. ед.ч., как правило, аффикс с широким гласным, при этом ассимиляция по ряду непоследовательна.

-am/-em, -san/-sen: alyram, vurérsen, otyriram, gidiram, по говорам может происходить сужение гласного, например в зоне Эрзинджана: *gédérém, gezerém, atarim, ačarim, sorarsin.* Сужение гласного аффикса увеличивается в направлении на запад ареала.

Аффикс 1 л. мн. всегда узкий: *-yx, -ih, -ux, -üh, ik, -ük, uk*; по говорам может выступать более редкий показатель *-Iz: alaryx~alarux~ alurux ~ alyryz, gelirih ~ gelürux ~ gelürükh.*

Формант 2 л. мн. *-sIz/-sUz: alyrsyz, gelirsiz, görürsüz, alursuz.*

В некоторых говорах аффикс может выступать только в одном варианте (например, велярном). Ср. в говорах Эрзинджана: *alurux, büliryx, jeryx, gideryx.*

Формы отрицания в аористе: *-mAm, -mim, manam; -mAzsAn ~ mAsAn ~ -mAsIn ~ -mAsUn; -mAz; -mAzyx ~ mazux, -mezük, mAzIz ~ -mAjyz, -manyő/menyx ~ -menik, -mak; -mAzsIz ~ -mAsIz: galhamam* 'не могу встать', *bülmim* 'не знаю', *japmazux* 'не сделаем', *bilmak* 'не знаем', *bilmezük* 'не знаем', последовательно формант *-mar* отмечается в районе Муша (в отличие от преимущественно *-mAz* и *-mAn* в целом по арсалу).

Формы отрицания в презенсе: *-mir, mijer, -mijér, -mijr, -mij, -mi; -mojor, -mijor, -moor, -meor* (в туркменских говорах зоны Карса); *čalyšmijam, gitmisen, basmi:, japmijyx, čalmisiz, bilmiler* (Урфа).

Северо-восточная группа анатолийских диалектов[80]

Аорист сохраняет формальную структуру: формант с широким гласным в односложных основах (*-ar, -ár, -er, -ur*), но узкие негубные варианты не представлены (*č'ikar, gidár, ákersin, alurum, gelur).* Особый характер сонанта /ŕ/ в основной части этой диалектной зоне обуславливает его частое падение, особенно в финали аффикса: *geluŕ ~ gelu, oluŕ ~ olú, tutu, alu.* Обычна функция настоящего-будущего (*japar, pišer, verursin, dinleruk, gider, buzarler* — действия, совершаемые обычно в силу свойств и привычек) и будущего (*alurum* 'я возьму', *jetišurum* 'я (быстро) подоспею (к тебе)').

Форма презенса сохраняет в своей структуре связь с СД-конструкцией. Схема форм презенса: *-e:ji, -eji, -iji, -ji, -jé, -ijr, -jur/-jür/-jir/-jér*, но также *-yjo, -ijo, -ijoŕ*. Формант *-jor* используется в нарративе в оппозиции к аористу как форма актуализации какого-либо отрезка в цепи обычно повторяющихся действий, выполняя функцию "рельефа повествования" (фоновая единица).

В целом вариативность близка к восточноанатолийскому типу, хотя *-ir* — морфонема презенса — для основных диалектных зон не характерна, и в целом просматривается исходная СД-структура аффикса: *bakaj, kačaj, deji, gelmi, dola:ji, dúšeji, gelijuŕ, dušijur, japyju, geliju, okynijir, górijsun, górijŕum, aŕa:jeŕem, čykyjo, almajr.*

Аффиксы лица в данной диалектной зоне принадлежат к классу узких, что приближает их к западноанатолийскому типу. Однако и здесь в разных подгруппах отмечается восточноанатолийский тип:

а) *-um* (ведущий тип, также иногда *-üm, -ym, -im*): *ciderum* (=*giderum*), *bili-jur-um, -sun* (иногда *-sün, -syn, -sin*): *enersun, bakarsun,*

2 л. мн. *-sunuz* (иногда *-sünüz, -synyz, -siniz*): *čeker-sunuz;*

б) *-em (olurem), -sen (otuŕuŕ-sen), -siz (gečeŕ-siz).*

Аффикс 1 л. мн. имеет два варианта:

-uk/-ük ~ (чаще) *-Uz/-Iz (japaŕ-yz, jeruz, gonušijuŕuz).*

Широкий гласный основы перед инициальным *-j*-аффикса и узким в его составе приобретает долготу: *édé:jrim, gorga:jirim, alama:ji, iče:jim, ara:jisin.*

[80] Причерноморская полоса на севере Анатолии, на восток от Трабзона до Артвина.

Западная группа анатолийских диалектов

Говоры западной группы в своих девяти диалектных зонах в аористе сохраняют близость к литературному стандарту: вариативность гласной в аффиксе обуславливается слоговой структурой глагольной основы (редко варианты типа *jatyr ~ jatar,* в основном в маргинальных говорах представлен архаичный, с немотивированным губным гласным аффикс типа *alur, gelür*).

Пример парадигмы:

oturrum < *otururum* 'сижу', *dirim* 'говорю', *jataryh* 'лежим', *dirik* 'говорим', *geziriz* (редко) 'гуляем', *isderik* 'хотим', *bilirsiŋiz* 'вы знаете', *jatyr* 'лежит', *čyharyllar* 'вытаскивают' (говоры Невшехира).

Значительную вариативность обнаруживают формы отрицания, особенно в 1 л. ед. и мн. *-mAm, -man* (с возможным плеоназмом *-mamyn*), *-mezik, -mirik, -max, -mek;* формант *-mArUz* ограничен диалектной зоной на северо-западе: Болу, Кастамону, Чанкыры и др.: *isdemem* 'не хочу', *dokuma:ruz, bilmezik* 'не знаем' // *bilmirik, dijemek* 'не можем сказать', *japamah* 'не можем сделать', *bilman, bilmam* 'не знаю', *görman, görmamyn* 'не вижу'.

Западная группа турецких диалектов отмечена и сохранением основных функций аориста (кроме настоящего актуального).

Вариативность в структуре аориста связана с потерей *-r* или с сохранением немотивированных губных гласных в составе аффикса: *geli, čyky, süpürü, čyka, gide:, verisin, sakla:syn, gelür.* Шире по сравнению с литературным языком представлена функциональная зона аффиксов с широким гласным: *byragar, durar, dokudar, vurarlar, göre:le:* и др.

В маргинальных зонах западной диалектной группы формы аориста сохранили некоторые особенности старого аориста, прежде всего немотивированные губные варианты, вариативность форм отрицания и лица туркменского типа. Особо следует отметить форму 1л. ед. *-In, -Un:*: *gorkaryn* 'я боюсь', *bilürin* 'я знаю', *alurun* 'я возьму', *(nasy) bülüsej* 'как знаешь', *(nej) jirsiz* 'что будете есть?', *jataruz* 'мы ляжем' (Бартын); *-Iz/-Uz, -Is/-Us: jatarys//jatyrys* 'обычно останавливаемся', *bazary bazarlaryz//bazarlaruz* 'торгуем', *ojnaruz* 'играем', *bilümüŋ* 'знаешь ли?' *ben bilmen* 'я не знаю', *bilmeriz* 'мы не знаем', *demä:rüz* 'не говорим' (Болу); *bilürün* 'я знаю', *jatyryz~jatarys* 'мы лежим' (Кастамону), *gelmem, gelmeŋ// gelmezsiŋ, gelmek, gelmezsiŋ* (Антакья) и др. Для 1 л. мн. в значительной части говоров западной группы характерен формант *-yq/-yx/-ik/ -uq/-ux/-ük* (Karahan 1996, 137).

В презенсе в западной группе преобладает прототип **jor*, реализовавшийся в морфонеме *-Ijor* и ее наиболее распространенном варианте *-Ijo.* Гласная финаль обуславливает стяженные формы в аффиксах лица: *-Ijom, -Iyon// -Ijoŋ, -Ijoz / -Ijos, -Ijosunus/-Ijosuŋus/-Ijoŋuz* (Кютахья).

В говорах западной группы сохраняется также прототип **jör/*jöre-*: *-ijör* (Маниса, Мараш) и *-ijür/-ijur* (Маниса, Чанкыры, Сивас), *-jü /-ju* (юго-запад и некоторые диалектные зоны центральной Анатолии (Gülensoy 1985). К прототипу **-jör* относится и вариант с широким негубным гласным (преоб-

ладающий туркменский тип *-jAr* -см. ниже). В западной группе он представлен в островных говорах Бартына и Кастамону: *-ja/-je* (в основном в 3 л.). На юге Анатолии (Алашехир, Газиантеп и др.) отмечены формы *-or/-ör: ator, gečor* (Karahan 1996, 144).

В маргинальных диалектных зонах юго-запада (Маниса, Айдын, Денизли, Мугла) отмечены формы 3 л. типа *dijörü, gelijörü* и стяженные формы типа *gäli:, aly:, кажущаяся* аномальной структура форм *bošalyjo-maz* (рефлекс глагола **u-* 'мочь'), *gelijomuz* (Korkmaz 1956).

Для юго-западных туркменских говоров характерно участие в создании форм презенса глаголов *jat-* 'лежать' и *bar-* 'идти' *(geli:batyrym* 'иду' (Korkmaz 1995, II, 187).

Общая схема вариативности в зоне презенса в западноанатолийском ареале:

1) *-jo, -jo:, -jö* -ведущая форма, проникла в нормы литературного языка: *gelijo, vurujo, gedijo, aryjo, durujo; aly-jo:, japy-jo:; ary-jom, bilmi-jom, iči-joŋ, duru-joŋ, gidi-jos, ekeme-jos,* в некоторых говорах возможен палатальный губной: *gelijö, čykyjö*;

2) *-ja, -je, -ja:, -je:* -отмечен чаще в северных районах западного ареала, преимущественно в 3 л., в 1 и 2 с аффиксом лица получает форму *-jo // jor: gelija, düšüja, bilija, durije, ölije;* случаи падения соединительного гласного редки, ср. *otur-ja* (Болу);

3) на юге и юго-востоке ареала, чаще в туркменских говорах Аданы, Газиантепа и др.: *-jer/-jér/-jir/-jr: geli-jir, geči-jér, gelijr, geči-jer;* в восточных, северо-восточных и юго-восточных говорах более широко представлен аффикс с узким гласным в его составе: *-i, -i:, -ij, -jy/-ji/-ju/-jü/ -jyr/ -jir/ -jur/ -jür;*

4) *-joru, -jeri* в одном из говоров Антальи: *déjeri;*

5) *-or, -ör* в говорах Газиантепа, Урфы, а также Манисы и Кютахьи: *at-or, geč-or;* возможны варианты и с долгим гласным: *-o:r/-ö:r*; также *-er/-e:r*;

6) в говорах Газиантепа, Кахраманмараша, Малатьи, Сиваса, а также Анкары, Афьона, Чанкыры, Кайсери и др. отмечается формант *-ij, -uj, -iji, yjy: gelij, oturuj, görünij, edij, doldurij, geliji, japyjy*, в котором просматривается **jér ~ jir.* Тем самым, ареал прототипа **-jör* > **-jer* расширяется за счет маргинальных диалектных зон западной группы.

В маргинальных говорах юго-запада Анатолии отмечены рефлексы бивербальных конструкций со значением длительности, интенсивности и других количественных характеристик действия, в которых в качестве модифицирующих глаголов выступали *jat-* 'лежать', *var-*< *bar-* 'идти', *dur-* 'стоять', *jörü-* 'идти'.

Группа европейских диалектов

Тип аористно-презентной зоны в **европейских** турецких диалектах обнаруживает близость к гагаузскому (и в конечном счете к турменскому) в презенсе и к турецкому (общетюркскому) в парадигме аориста.

Формант аориста определяется структурой слога: с широким гласным

(*-ar/-ér*) в односложных основах и *с* узким гласным в многосложных и так называемых глаголах исключения (*al-, ver-* и др.).

Отрицательная парадигма: *a'lmàn, a'lmàssyn, a'lmàs, a'lmàjys, a'lmàssynys, a'lmazlà.*

Форма презенса сохраняет свою связь с исходной конструкцией — СД: *alĭjè:r, okujè:r* (Dalli 1932, 108). Парадигма: *alĭjèr-yn, ~syn, ~y, ~ys, -synys, ~la.*

Отрицательная основа (3 л.): *àl'm'e:r.*

Данную форму презенса сближает с туркменской слабый след от соединительной гласной (в туркменском она отсутствует) и тот же тип аффиксов лица (прежде всего 1 л. ед. *-In*). Однако в румелийском типе презенса перед нами его морфонемное состояние (один формант независимо от основы), тенденция к утрате *-j-* (*alĭèryn*) и наличие в 3 л. наращения *-y/-i* -(*alĭery*). Содержательно румелийское соотношение аориста и презенса ближе к восточноогузскому типу: аорист сохраняется еще в нарративе, а также в передаче будущего события и действия как свойства: *bizím evín janyndan derè gečè:* 'Около нашего дома протекает речка'. Презенс, как в туркменском языке, уже предстает как настоящее общее, вступая в функциональную зону аориста.

Гагаузский

В современном литературном стандарте аорист (определяемый в грамматиках как будущее неопределенное (Покровская Грам. 1964, 184) включает в свой состав как широкие (*-ar/-är*), так и узкие гласные *(-Ir, -Ur).* Распределение типа аффиксов в аористе не определяется слоговой структурой (варианты с широкими гласными могут выступать в основах с разной слоговой структурой). Т.е. возможны варианты *alar~ alyr, götürür~ götürär, gidär ~ gidir* со значением настоящего нелокализованного и будущего потенциального, при этом второе значение представляется ведущим.

В основах с гласным ауслаутом аффикс имеет форму *-r*. В конечной позиции *-r* обычно отпадает.

Аффиксы лица: 1 и 2 л. ед. имеют узкий гласный: *-Im/-Um, -sIn/-sUn.* Отрицательная основа: *-mAr/ -mAz,* в 1 л. ед. *-mArIm/-mAm,* 1 л. мн. *-mArIz.* Парадигма: *alarym//alyrym, alarsyn//alyrsyn, alar//alyr, alaryz//alyryz, alarsynyz// alyrsynyz, alarlar//alyrlar; bilärim//bilirim, bilärsin//bilirsin, bilär//bilir, biläriz //biliriz, bilärsiniz//bilirsiniz, bilärlär//bilirler.*

Отрицательные формы: *almarym//almam, almarsyn//almazsyn, almar//almaz, almaryz // ? almazyz, almarsynyz//almazsynyz, almarlar//almazlar.*

Настоящее время имеет форманты *-är/-er,* при этом гласный элемент имеет характер дифтонгоида: */ⁱa/, /ⁱä/* (Покровская 1964, 179). Это говорит о том, что здесь присутствует рудимент вспомогательного глагола, и им, вероятно, являлся ***jör->jér-*. Форма *-jor-*, отмеченная в конце XIX в. в фольклоре, в современном языке также встречается лишь в народных песнях.

Настоящее общее *-är, -er* в вулканештском диалекте в языке старшего поколения имеет варианты *-yje/-ije-*, но преобладает *-yj, -ij* < *-yjer, -ijer.* Указанные варианты сопоставимы с формой *-éjé/-éj* в диалектной зоне Эрзинд-

жана, зоне Элязыга и др. В основе гагаузского презенса лежит уже утраченная бивербальная конструкция, и этот презенс имеет тенденцию выйти в плоскость настоящего общего с функцией регулярно повторяющегося действия, что свидетельствует о его достаточно длительной истории. В этом смысле его статус можно сопоставить с настоящим общим в туркменском языке (см. ниже).

Азербайджанский

В литературном стандарте аорист представлен двумя парадигмами: варианты с широким гласным рассматриваются как будущее неопределенное, с узким — как настоящее: *alyr* 'берет', *alar* 'возьмет'. Вместе с тем для варианта с широким гласным отмечается "вневременное значение", способность передавать значение свойств и привычек (Грам. аз. 138). Парадигма: *jazyram, jazyrsan, jazyr, jazyryg, jazyrsynyz, jazyrlar; jazaram, jazarsan* и т.д.

Формы отрицания: *jazmyram, jazmyryg, jazmyrsan, jazmyrsynyz, jazmyr, jazmyrlar.*

В диалектах сохраняется вариативность аориста (аффиксы с широкими и узкими гласными) при неустоявшейся категориальной распределенности типа аффикса: аффиксы с узкими гласными сохраняют и функции аориста. Аффиксы с широкими гласными также передают нелокализованное во времени действие.

В азербайджанских диалектах формант с узким гласным может иметь разное количество вариантов: два или четыре (за счет губной пары). В казахском диалекте (маргинальном и отмеченном многими архаическими явлениями) в значении настоящего актуального может выступать и аффикс с широким гласным: *jateram* 'лежу', *alersan* 'ты берешь', *vurorsan* 'ты бьешь', *gäleräm* 'я иду', т.е. содержательно аорист сохраняет свой древнейший темпоральный потенциал. Однако в негубных основах в этом случае широкий гласный никогда не велярный, что может свидетельствовать об этапе начала выделения аффикса с широким гласным в функции будущего (> запрет на велярный вариант в функции презенса). Можно предложить и другое объяснение: перед нами уже сложившийся формант презенса (типа гаг. ^{i}*är* < **jer)* в противопоставлении *-ar* как форме аориста. Формант *-or, -ör* здесь может рассматриваться как инодиалектное < *jor ~ jör* (другое объяснение: губной вариант — архаичное явление сохранения аориста).

В азербайджанских диалектах вариативность гласного в аффиксе презенса может быть сведена к исходным моделям ***-jor* и ***-jör* > ***-jer.*

Сводная картина по формам основы времени и лица в диалектах[81]

1 л. ед. *а) -Ir/-Ur — alyram, görräm* < *görüräm* (формант с узким гласным во всех группах (вост., запад., сев., южн.); б) *-er — jateram, iste:ram* (казах. диал.); в) *-Ijom — gelijom, alyjom* (Халлавар); г) *-ejr, -ijr ~ -ojr — alejrym, gelijrym, vurojrum* (зап. группа — айрум. гов.); д) *IjAm — jazyjam, alijäm* (сев. и южн. группы); *gelijrym* (айрум. гов.); *(män) dururan* (кубин. диал.) — инодиалектное (Рустамов 217); в южной группе могут быть варианты: *-ej ~ -ij (alejäm ~ alijäm, gälij); -io (gedio); -iri (seiri);*

2 л. а) *alyrsan, alyran, gediräŋ, gurursan ~ guryrsan;* б) *alersan, gurorsan;* в) *gurujon, alyjon;* г) *-ejsyn (-ejsyq) gačejsyn ~ gačejsyq;* д) *-aj ~ -ej ~ -yj~ -oj~ -uj (bahajsän, gačejsyn, alejsän, gurojsun~ gurojsuq; gačyjsan, gurujsan);*

3 л. а) *oturur, gö:r, gačyr;* б) *gačer;* в) *gačyjo;* г) *gačej, gälej, guroj;* д) *gačyj; alyjyr, alyri, bašdyr, alejr;*

1 л. мн. а) *bašdi:ryg, išdirik, gačyryx, gačyrug;* б) *jateryh, puzorux;* в) *gačyjox;* г) *gačejryx, gurojrux;* д) *alyjyx, gurujyx; alejük, alejüh, gelijök, aloug// alöük, bahö:ük // baho:ug;*

2 л. а) *-yrsyŋyz, -ursuŋuz -gačyrsyŋyz, gačyrsyz, gačyrsyjyz ;* б) *-ersyŋyz, -orsuŋuz -alersyŋyz, vurorsuŋuz;* в) *-jonuz -alyjonuz;* г) *-ojsuŋuz, -ojsaŋyz – gurojsuŋuz, gurojsaŋyz;* д) *-Ij, -Uj -gačyjsyz, gurijsiz, gurujsyz;* в тебриз. диал. в 3 л. отмечена специфическая форма настоящего *alyri, gäliri, jetmiri* (Рустамов 1965, 226).

Таким образом, аффиксы лица чаще с широким гласным: 1л. ед.: *-Am,* реже — *-Im/-Um,* редко — *-An;* 2 л.: *-sAn;* 1л. мн.: *-yh/-yg/-ik, -uh/-üh/-ük/-ug,* возможны стяженные формы: *-ijom, -joh, -jök;* аффикс 2 л. мн.: *-sIŋIz, -sUŋUz, -sIz, -sUz.*

Формы отрицания в парадигме *-Ar*: *-manam/-mänäm, -manug/-mänük, -maryh/ -maruh/-marug, massan/-massuz/-marsuz, -maz, -mar* (Ширалиев 1983, 132). Формы отрицания в парадигме *-Ir/-Ur: -myr/-mur/-mor, -mer, -mejr, -myj, -mij, -my.*

В 3 л. отмечена форма *-myry/-miri.*

В диалектах представлены также формы презенса иного структурного типа: а) узкий вокалический формант *-i, -y, -ü, -u* (возможно, реликтовая форма), б) *-ady, -ädi, -adu, -ädü,* характерный для ряда кыпчакских языков. Кроме этого, в группе говоров представлена реликтовая конструкция со значением настоящего времени *-A + var.*

Первая форма выступает в основном в 3 л., редко во 2 л. — *alu, gälü, duru, gätiri, oli, bili, ahtarysan, danyšysän.* По мнению Рустамова, эту форму следует отличать от случаев регулярного падения конечного *-r,* например в Нухе. Мысль об аффиксе — узком гласном — как о форме зависимого предиката и, содержательно, о форме настоящего времени принята азербайджанскими языковедами (Рагимов 1965, 218–220).

Вторая форма, отмеченная больше в районах, близких к Дагестану, считается кыпчакской. Например, аналогичная форма отмечена в западносибирских татарских говорах (с гетерогенной парадигмой). В азербайджанских говорах она представлена так: *aladam* 'я беру', *kitäsä // kitäsän* 'ты уходишь', *aladu // alad* 'он берет', *kitädük // gidädug(h)* 'мы уходим', *gidäsüz* 'вы уходите'. В туркменском языке эта форма сопряжена с формой оптатива (см. раздел "Косвенные наклонения") и рассматривается как желательное наклонение:

[81] Используется классификация М.Ш.Ширалиева: Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983.

jaz-aj-adym '(дай Бог) чтобы я написал', *jaz-aj-adyŋ, jaz-aj-ady, jaz-aj-adyk, jaz-aj-adyñyz, jaz-aj-adylar* (Грам. туркм. 298). В халаджском эта форма рассматривается как императив (Doerfer 1988, 188): *al'dam* 'я хотел бы взять', *kerdüm* 'я хотел бы взглянуть', т.е. в халадж. отмечается редукция начального узкого *-i-* и два типа аффикса по раствору гласного: *-(i)dAm/ -(i)dUm*, при этом предполагается также противопоставленность данных вариантов по степени экспрессивности (там же 189). Однако толкованию этой формы как исходно императивной мешает презентное значение кыпчакской формы *-ady/-ädi* и оптативное туркменского *-aj-ady/-äj-ädi*. Т.е. возможно допущение о близости халадж. и туркм. форм с их сопряженностью модальности словообразовательного типа и темпоральной словоизменительной формы. Ее реликтовый характер и в азербайджанских диалектах дает основание отнести эту форму к первому хронологическому пласту в ареальном распаде пратюркского.

В кубинском диалекте отмечена форма презенса *-atdy/-ätdi: bahatdy*^{i} 'он смотрит', *gedätdi* 'он идет' (только 3 л.) (Рустамов 1965, 230).

Несомненный реликт представляет собой парадигма *-A var: ala var-am, ala var-san, ala var, gälä varuy, gälä varsuz, gälä var(lar).* Отрицательная модель: *ala juham.*

Представляется, что эта конструкция уходит в пратюркский период. Однако она может быть реконструирована и для праогузского состояния, имея в виду сохранившуюся в огузских языках модель *-dygy jok* / **-dygy var.* Современное состояние этой модели в азербайджанском допускает глагольно-именное толкование ее основного компонента: ср. отрицательный вариант: *ala dügürsän.* Об архаичности этой конструкции говорит то, что в некоторых говорах она употребляется только с отрицанием: *ala dögäm, ala dögsän // almaj va // var/vardu, almaj varug* (Рустамов 1965, 232).

В северной группе отмечена также такая (поздняя) модель презенса: *gälädurur, baxadurur.*

О соотношении аориста и презенса в современном азербайджанском языке. Наличие в большинстве диалектов формы презенса с узким гласным (*-Ir, -Ur*), его очевидная универсализация как нормы литературного языка при столь же очевидном наличии в диалектах презенса, сохраняющего связь с конструкцией СД (*-eyr, -ojr, -aj, -yj, -or, -jo* и т.д.), отчетливая тенденция к универсализации аффикса с широким гласным как форманта будущего времени позволяют видеть причину такого формального распределения смысловой зоны настоящего и будущего в ослаблении позиции общеогузского аориста. Поэтому процессы контаминации аористных и новых презентных СД-форм, которые почти не представлены в западноанатолийском ареале турецкого и находятся в стадии формальной и содержательной неустойчивости в диалектах восточноанатолийской группы, в азербайджанском получили свое завершение в появлении морфемы презенса со свободным варьированием в классе узких и морфемы футурума, перешедшего в класс аффиксов с широким гласным. Диалекты свидетельствуют или

о сохранении (турецкий тип), или этапах ослабления (центрально- и северноогузский ареалы) общеогузского аориста и отличных по языкам процессах становления собственно презентной формы.

Туркменский

Общетюркский аорист *-r*, утративший в литературном стандарте свои функции вневременной формы и настоящего актуального, сохранился в этом своем качестве только с широкой гласной в аффиксе: *-ar, -er*, как форма "будущего некатегорического" (Грам. туркм. 280). Гласный ауслаут основы обуславливает его долготу: *oka-* 'читать', *oka:r* 'будет читать'. Значение нелокализованного времени обнаруживается лишь в клишированных единицах (поговорках, пословицах), что свидетельствует об историческом прошлом этого элемента туркменского индикатива, но вместе с тем и о раннем расхождении вариантов аориста, возможно, в силу давления кыпчакской темпоральной системы.

Парадигма: *alaryn* 'я возьму', *alarsyŋ, alar, alarys, alarsyŋyz, alar(lar);*
almaryn 'я не возьму', *almarsyŋ, almaz, almarys, almarsyŋyz, almaz(lar).*

В 1л. ед. отрицательная форма может иметь вариант *-mAn: alman* 'я не возьму'. В литературном языке XVIII–XIX вв. эта форма выступала как *-mAnAm.*

Однако в диалектах в функции будущего потенциального ("будущего неопределенного") употребляются наряду с *-Ar* узкие варианты (*alyr, bilir*), а также губные широкие после основ с губным гласным (*sürör, bolor*). Общая картина такова: в основах с губным *-or/-ör* (теке, йомуд, гёклен, алили, салыр, сарык, эмрели, каракал. туркм.): *bolor, görör;* в основах с губным также *-ur, -ür* (човдур, нохур, эрсары): *bolur, görür;* в односложных и многосложных негубных основах *-yr, -ir* (гёклен, олам, човдур, сарык, эрсары, сакар, нохур, энев): *gelirsiň, ynanyr* (Бердиев 1988, 197–200). Недостаток материалов не дает возможности проследить функциональное соотношение вариантов в диалектах.

В большинстве диалектов аффиксы лица близки к литературной норме. Следует отметить, однако, возможность губных вариантов *čözörün, čözörsüŋ, čözörüs, čözörsüŋüz* (теке); форму 1 л. мн. *-lk: alaryk* (гёклен, алили, ккалп. туркм., гарадашлы, эмрели, ата).

Настоящее общее *-ja:r, -jä:r* включает настоящее актуальное и настоящее нелокализованное, т.е. форма функционально целиком соответствует древнему аористу *-(ə)r*, кроме настоящего актуального. По диалектам значительная вариативность: *-ja:, -jä:* (диалекты теке, салыр, зап. йомуд, арабачи и др.), *-ja, -jä* (сев. йомуд., гёклен, гарадашлы), *-ja, -je* (ата), *-jo, -jö, -jo:, -jo:r, -o:, -o:r, -yj, -ij, -y:, -i:*. Т.е., как и в восточноанатолийских и азербайджанских вариантах, можно выделить два типа по наличию/падению инициали аффикса *-j-*. Кроме этого, туркменский презенс (настоящее общее) в целом имеет широкий гласный в составе аффикса, при этом его преимущественно негубной характер *-ja(r), -jä(r)* сближает туркменский тип

презенса в литературном стандарте с гагаузской формой и некоторыми маргинальными ("туркменскими") говорами среднеанатолийского ареала. Примечательной чертой туркм. настоящего общего является отсутствие соединительной гласной между основой и аффиксом (ср. *aljaryn* и тур. *al-y-jorum* 'я беру'). Та же особенность отмечена и в туркменских говорах Турции, даже при другой временнóй основе. Ср. *geljo-m, geljo-ŋ, geljo-k, geljo-ŋuz* (Антакья). Для диалектов характерно наличие стяженных форм, в которых показатели лица совпадают с аффиксами принадлежности (3 л. аффикса лица не имеет).

Пример парадигмы: *alja:n, alja:ŋ, alja:, alja:s, alja:ŋys, alja:lar* (теке, салыр, гёклен, алили, сакар, гарадашлы, эмрели, сев. йомуд); *aljo:n ~ aljo:ryn, aljo:ŋ ~ aljo:ryŋ, aljo: ~ aljo:r, aljo:s ~ aljo:rys, aljo:ŋyz ~ aljo:rsyŋyz, aljo:lar ~ aljo:rlar* (эрсары, олам, човдур); *alo:n ~ alo:ryn, alo:ŋ ~ alo:rsyŋ, alo:~ alo:r, alo:s~ alo:rys, alo:ŋyz~ alo:rsyŋyz, alo:r ~alo:rlar* (сакар).

Отрицательные формы: 1 л. *almyja:n, almaja:n, almyjo:n, almo:ryn* и т.д.

Еще один тип настоящего общего представлен в некоторых туркменских диалектах (нохур, хасар, кырач, эски, энев и др.) с возможной интерференцией кыпчакского типа: *-ady, -edi, -ade, -äde* (см. выше аналогичную аз. форму презенса 3 л.). Пример парадигмы: *geledirin, geledirsiŋ, geledir, gelediris, geledirsiŋiz, geledirler* (човдур); *geledin, gelesiŋ, geledir, gelediz, gelesiz, geledirler* (эски, хатап); *gelemen, gelesiŋ, geledir, gelemiz, gelesiz, geledirler* (сурхы).

Особая форма презенса представлена в ушакском говоре (сев. йомуд): *aly:n, aly:ň.*

Аффиксы лица в этом типе презенса характерны для контактной зоны с говорами узбекского языка.

От индикатива огузского типа туркменский отличается развитой системой конструкций способа действия, которые участвуют и в формировании парадигмы настоящего актуального. В современном туркменском языке в большинстве диалектов и в литературном стандарте существует парадигма презенса четырех глаголов, как в кыпчакских языках Средней Азии: *du:r* 'он стоит', *oty:r* 'он сидит', *jaty:r* 'он лежит', *jö:r* 'он идет'. В диалектах те же глаголы в самостоятельном употреблении имеют парадигму презентного перфекта типа *jatypmän* 'я лежу', *jatypdy* 'он лежит' и т. п. Среди конструкций способа действия известную грамматикализацию и тенденцию к универсализации имеет *-yp jaty:r* (то же в островных туркменских говорах Анатолии) и в меньшей степени *-a-du:r/-e-du:r, -adur/-edur, -a-do:r/-e-do:r, -a-dyr/ -e-dir.* Кроме того, в диалектах отмечена форма *-ady, -ädi, -edi*, которую мы видели выше в одном из говоров на севере Азербайджана. В отдельных говорах отмечается сосуществование разных типов презенса. Ср. оламский говор: *geldu:r//geledu:r, ačjo:r, barajaty:r.* Таким образом, в современном туркменском конфигурация презентно-аористной зоны отличается от таковой в западноогузском ареале: а) функциональным вычленением из старого аориста единственного варианта *-Ar* и его закреплением в лит. стандарте при сохранении в диалектах аориста западноогузского типа; б) наличием

неогузского аориста (настоящего общего) *-AdI, -A -dIr* в значительной части диалектов (нохур, хасар, човдур, олам и др.); в) наличием в диалектах двух типов презенса — восточно- и западноогузского *-jA:/-jA, -jO:/-jO:r*; г) сохранением в одном из говоров сарыкского диалекта настоящего общего *-O:/ -O:r*, не обусловленного качеством основы (*gelo:r, tapmo:r*), что позволяет предположить здесь рефлекс пратюркского состояния аориста **-(α)r* (см. ниже); д) типичным наложением кыпчакского типа временнóй системы является наличие особых парадигм презенса четырех глаголов в форме аориста: *oty:r, jat:r, du:r, jö:r.*

Хорасанско-тюркский[82]

Аорист, сохраняя формальную парадигму, выявляет ее функциональную неупорядоченность при отсутствии литературного стандарта. Если в Сонкор-группе намечается оппозиция *-Ar будущее: -Ir -аорист*, то по другим говорам может выступать только один вариант: или *-är*, или *-ir*. В ряде говоров содержательно может быть: *-är/ -äri* — настоящее-будущее и будущее; *-ir* — настоящее-будущее и настоящее, *-är* — будущее; *-är* — будущее, но и *-ir* — также будущее. При всей функциональной неупорядоченности налицо тенденция передавать будущее через форму с широким гласным, т.е. так же, как в азербайджанском. Формант с узким гласным сохраняет значения старого аориста. В целом состояние аориста близко к азербайджанскому типу.

Презенс имеет три типа аффиксов: 1) *-i-jä/-ɨ-jä* типа *gälĭjäm* с возможными вариантами *-ijär* и *-ij*; форма *-ijä* может давать стяженный вариант типа *gäliäm* и *gäläm* (возможно, стяженная форма аориста); после основы на гласный этимологический *-j-* аффикса сохраняется: *de-jär, iste-j-äm*; 2) *-ir (gälir-äm), -i:r, -i:, -iri* в 3 л.; 3) *-ä* (типа *gälämän, gälädi).* Таким образом, парадигма презенса имеет смешанный азербайджанско-туркменский тип.

Здесь просматривается картина, аналогичная той, что мы имеем в гагаузском аористе: *alyr ~ alar, gidir ~gider,* при этом гагаузский аорист предстает уже с разрушенным грамматическим потенциалом (в основном значение будущего возможного), в то время как в хорасанско-тюркском аорист еще сохраняет значение настоящего актуального (возможно, в этом случае мы имеем ситуацию аффикса с узким гласным, как в азербайджанском и в некоторых анатолийских диалектах).

Южноогузский (Иран)[83]

Эта часть огузского мира представлена в основном островными говорами, в которых заметны как определенные различия, так и прежде всего значительная вариативность. Представляется нарушенной (неразвившейся?)

[82] По данным: *Doerfer G., Hesche W.* Chorasantürkisch. Wörterlisten. Kurzgrammatiken. Wiesbaden, 1993.

[83] По данным: *Doerfer G., Hesche W.* Südoghusische Materialen aus Afghanistan und Iran. Wiesbaden, 1990.

зависимость гласной аффикса аориста от слоговой структуры глагольной основы: в односложных основах представлены как широкие, так и узкие гласные (как в гаг.): *bahar/bahir, gyzar, sallam* < *salyram, vuraram/vururam, olur, je:r* < *jijär, otyryr, dutallar* < *dutarlar, ačirlar, minir/minär.*

Зависимость значения формы от типа аффикса не прослеживается без статистических подсчетов, можно только говорить о некотором преобладании того или иного значения в определенных условиях: а) формант с узким гласным обнаруживает тенденцию выступать в значении презенса: *edir* 'делает', *arašir* 'изнемогает', *čaɣurrim* < *čaɣuririm* 'зову'; возможно, в словоформах *baɣlarim* 'я завязываю', *baɣlar-i* 'завязывает', *vermär-i* 'не дает', *jollar-i* 'посылает' *-i* выступает как плеоназм формы настоящего в основах с гласным ауслаутом; вместе с тем этот аффикс может передавать и будущее: *vurir* 'побьет', *bilir* 'узнает'; б) формант с широким гласным выступает в значении настоящего-будущего и будущего: *čixaram, gidäräm, jataram* '(обычно) выхожу, иду, ложусь', *e(lä)rik* 'обычно покупаем', *je:r* < *jejir* 'съест', *ručaginä vuraram* 'убью (себя) его ножом'. Аорист здесь сохранил значение настоящего актуального, что свидетельствует о древности данной формы. Значение будущего в этой форме приглушено сохранением оптатива, выполняющего функции, которые с течением времени будут переходить к формам будущего (по материалам других огузских языков). В целом данная часть огузского ареала сохранила общетюркский аорист до его распада на западный и восточный типы, что, возможно, объясняет неразвитость СД-конструкций > аналитического презенса.

Парадигма: *gidiräm, jataräm, čiharam, duram (< dururam), oturam, baharam, issiäm, issämänim. baglarim, gallam (< gallaram), ediräm; gätiriräп, (é)lämirsän, elirin, ilijärs(ä)n, élijäɳ, jätäräɳ, baglajäsä(n); olar, dér, jijär, gidär ~ gidir, bagla-r; élärik.*

Отмечен тип *gori* < *gorir,* где элемент *-i* можно рассматривать как плеоназм презенса *-i* к стяженной форме *gor* < *gorur.*

В отдельных говорах достаточно редко отмечаются формы типа *jazouri* 'пишет', *bilmäjoum* 'не знаю', *isjoúsä(n)* 'ты хочешь', но в целом исходные конструкции СД-презенса, как и эти конструкции, как таковые прослеживаются очень слабо. Возможно здесь сохранилось начало распада аориста?

РЕКОНСТРУКЦИЯ АОРИСТНО-ПРЕЗЕНСНОЙ ЗОНЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ОГУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аорист. Можно предложить следующую гипотезу состояния аориста в раннеогузский период. В раннепратюркский период **r* — элемент дотемпоральной количественной спецификации действия (наряду с **z, *-d, *-δ*) — имел в составе аффикса неузкий гласный (в реализации широкий негубной **Ar*: полуузкий лабиализованный **-ôr*). Незначимая альтернация огубленности должна была привести к появлению варианта **-Ur.* Вариативность на этом этапе носила неупорядоченный характер, возможно будучи привязанной к определенному типу глагола. В дальнейшем развитии складывается

содержательное распределение широких/узких аффиксов: о возможности функциональной интерпретации гласного компонента показателя аориста существуют различные гипотезы (см. обзор в: СИГТЯ 1988, 405–409). Значимый характер качества гласного отразился в существовании формы аориста после гласного ауслаута *-jôr* (позднее *-r*).

Для аориста огузского типа следует предположить установление зависимости алломорфии от слоговой структуры глагола: аффикс с широким гласным в односложных глаголах, с узким в многосложных. Рефлекс пратюркского состояния (**-Ar: — *-ôr ~ -Ur* [Гарипов — М. 1979, 250]) сохранился в группе односложных глаголов ("глаголы исключения"): *alur, gelür, verür* и др. В дальнейшем существовании огузского аориста сказалось влияние кыпчакской составляющей: в силу давления аориста *-A* формант *-(°)r* обнаруживает структурную неустойчивость, сохраняя наиболее сильный вариант с широким гласным. Эта тенденция сказалась и на положении огузского аориста в зонах контактирования (что отразилось в дальнейшем в центральноогузской группе (азербайджанский и говоры южного Ирана): тенденция к обособлению аффикса с широким гласным, содержательно в сфере будущего и настоящего будущего, и немаркированность узкого варианта. Эта несбалансированность системы была импульсом для развертывания СД-конструкций со значением континуативности и базы для формирования презенса. Поэтому в целом можно говорить о существовании двух типов аористно-презентной зоны: западноогузской и восточноогузской, вычленяя как огузскую праформу ***-Ar/-Ur.* Узкий губной аффикс сохранился как морфонема в современной системе в огузских языках — наиболее отчетливо это проявляется в маргинальных анатолийских диалектах и памятниках анатолийско-турецкого языка (немотивированные губные варианты аффиксов типа *alur, gelür*). Изолированность (а в дальнейшем и маргинальность прежде всего западноогузского ареала) сохранила потенциальную полноту функционирования данного члена темпоральной системы. Таким образом, ослабление зоны настоящего в аористе как нарождающаяся тенденция началось в другом языковом ареале. Это обусловило формирование нового звена системы через конструкцию, включающую форму со значением самой общей акциальности *-A* и вспомогательный глагол *tur-* в форме аориста (**tu:r,* возможно <**tur-a*). Ареал с огузскими типовыми чертами, сохранив аорист, оказался в меньшей степени затронутым процессом репрезентивации.

Возможно, это объясняет феномен огузских языков, где конструкции СД не получили значительного развития (исключение — туркменский язык, получивший сильный импульс в этом отношении в силу своего пограничного положения с карлукской и кыпчакской подгруппами).

Вопрос о происхождении *-i (-y, -u, -ü)* как особой формы презенса неясен. Ее можно рассматривать как редукцию ***-jer~ -jir* и формирование на этой основе морфонемы *-i:r> ~ -ir* с последующей редукцией финали или как реликт прототюркского инфекта — прототипа имперфектно-перфектного соотношения в дотемпоральной системе — **-A: *-U ~ -I* (Грунина 1975,

53; Кормушин // СИГТЯ 1988, 409). Наличие велярных и лабиальных вариантов в морфеме *-U, -I* (не на всех участках в центральноогузском ареале), казалось бы, позволяет считать первое предположение более реальным и рассматривать этот тип презенса как инновацию, связанную с распадением аориста на две категории: с узким гласным (с ведущей функцией настоящего актуального и настоящего общего) и с широким гласным (с ведущей функцией будущего). Тогда для центральной зоны огузского континуума можно говорить о двух процессах: распаде аориста и внедрении в его функциональную зону континуальной конструкции (> появление *новой* формы презенса *-ir*) и процессе контаминации *старого* аориста с новым образованием. Возникновение формы презенса **-I/-U,* тем самым, предстает как преобразование морфонемы с фиксированным узким гласным (**-ir*) в алломорф с регулярной фонетической альтернацией и регулярной утратой конечного *-r*.

Второе толкование презенса *-I/-U* как реликта старой темпоральной системы (Рустамов 1965, 227) все же не должно не приниматься во внимание, учитывая, что таксисные функции в древнетюркских памятниках "деепричастия" *-A/-U/-I* могли отражать дотемпоральный период с сосуществованием (и противопоставлением) форм общей акциальности *-A/-U/-I* и форм количественной спецификации действия — **-r, *-z, *-d.* Рефлекс такого состояния прослеживается в анатолийских диалектах в передаче с помощью *-I/-U* одновременных, но не однородных для субъекта речи действий (примеры из говора Битлиса см. выше).

Презенс. В огузских языках формирование презенса на основе бивербальной конструкции проявилось относительно поздно в силу сохранения семантического потенциала аориста **(°)r.* Этот процесс был в определенной степени связан с ранним отделением огузского этнолингвистического массива: он оказался не затронутым или затронутым в разной степени в своем ареале влиянием инодиалектной (раннекыпчакской) волны ("клинообразное вторжение кыпчакских языков" в определении Н.Н.Широбоковой (Широбокова 2000, 9). В этом отношении показательны по определению более консервативные данные письменных памятников западноогузского региона. Турецкие письменные памятники отмечают тип СД-презенса не раньше XIV–XV вв., хотя в народно-разговорном языке он возник и развивался значительно раньше.

Наиболее распространенная точка зрения на происхождение огузского презенса исходит из признания, что в его основе лежала грамматикализация аориста глагола *jory-, jör-, jüri-* в составе бивербальной конструкции. Возможное существование этих вариантов, вероятно, объясняется тем, что в глубинах истории эти глаголы различались по характеру движения. Разное качество гласной в основе глагола "ходить" отразилось в огузских языках в производных единицах: ср. туркм. *jort-* (диал.) 'бегать' < *'гнать', *'заставить бежать'; аз. *jort-* 'гнать, двигаться', тур. *jorga* 'иноходец', но *jörük* 'кочевник' (букв. 'ходящий'). По данным других тюркских языков, различие в основе по характеру гласной (широкой/узкой, велярной/палатальной) было связано с семантикой основы этого глагола. Ср. в тув. *čoru-* 'идти' > 'быть', т.е. с нейтральной семой характера движения, отразившейся в словообразовании: ср. *azyl čok čoruk* 'безработица' и *čügür-* 'быстро ходить', то же в чулым. *jör-* 'идти' — *jür-* < *jügür-* 'бежать'. Исходя из того, что нейтральный характер движения выявляется в единицах с широким гласным, можно предположить, что именно этот глагол вошел в состав бивербальных конструкций **jor(°)-* (его палатальный прототип представлен в современном туркменском *jöre-* 'ходить'). В современных огузских языках данной лексемы с велярным составом гласных не существует. Происхождение современных морфонем тур. *-jor* и туркм. *-jAr* < **jör-* имеет, тем самым, в основе лексическую аспектуальность **jor(°)-/*jör(°)-* > **jor-/*jör-* '*ходить, *двигаться, *быть' через падение гласной ауслаута в результате перестройки слоговой структуры. Тогда в гипотезу о связи огузского презенса с глаголом "идти, ходить" следует ввести уточнение: мы имеем разные пласты бивербальных конструкций. Если иметь в виду пратюркское состояние как процесс, в нем уже следует предполагать существование бивербальных конструкций, однако имеющих лишь *тенденцию* к универсализации вторых компонентов. На этом этапе вспомогательный глагол еще не имеет организованной парадигмы и лишь потенциально способен к грамматикализации — превращению в морфему. Так, в различных конструкциях, где выступает глагол-модификатор типа *tur-,* можно усмотреть разные этапы такой эволюции, при этом предположение о том, что первичной должна быть структура *-turur* > *tur,* не столь очевидно. Вместе с тем для периода позднепратюркского можно предположить начало ареального расхождения таких аналитических конструкций по ведущему типу вспомогательного глагола. Так, универсализация ***-Atur* была характерна для пракыпчакского, лишь частично отразившись в истории огузского типа через зоны контактирования. Для огузской глагольной системы им стали указанные варианты глагола 'ходить' **-jor(°) ~ jör(°).* Именно с такой *морфонемой* следует идентифицировать *gelijOr* (в арабской графике — кяф-лям-алиф-яй-вав-ре) с формантом *-jOr* (яй-вав-ре) у Абу-Хайяна (XIV в.), который он дает, описывая *разговорную* речь туркмен. В редких вкраплениях бивербальной конструкции типа *gelijOrUr* (кяф-лям-яй-вав-ре-ре 'идет') в анатолийско-турецких памятниках XIV–XV вв. основным глаголом выступает глагол движения *jürü-,* сохраняя прямое значение, что косвенно свидетельствует, что перед нами вторичная СД-конструкция на основе аориста, но не форма презенса.

Характер аффикса современного презенса в огузских языках имеет два типа: с губным и негубным гласным (тип *-Ijor* и тип *-Ijer-*). Учитывая закономерный переход */ö/ > /e/* (возможно, через дифтонгизацию типа *öl-> iel-* или полудолготу (Osman Tuna 1987, 219)) в огузских языках центральной группы, можно в азербайджанском, южноогузских говорах Ирана, гагаузском, туркменском видеть прототипом *jer-* < *jör-* и для западноогузского *-jor-*.

Феномен туркменского языка, т.е. наличие в аффиксе неогубленной гласной *-ja:r/-jä:r,* в тюркологической литературе получил разное толкование. А.П.Поцелуевский видел решение в реально существующем в туркм. глаголе *jöre-* 'ходить' и его, по-видимому, более древней аористной форме **-jö:-r*. Эта точка зрения представляется предпочтительней других: закономерный переход */ö/* первого слога > возможный дифтонг */ie:/,* возникновение морфонемы *-**jier* с последующим переходом в подкласс аффиксов с широким гласным: *-jä:r/-ja:r.*

В образованиях типа **ä-r(α), *tu-r(α), *jö-r(α)* как формах количественной спецификации действия дотемпорального периода можно видеть своего рода лексический аорист, который и стал основой собственно грамматических презентных форм во всех тюркских языках с универсализацией преимущественно одной-двух форм и их ареальным закреплением, потеряв уже на этом этапе **-a* (гласный компонент словообразовательного аффикса ~ глагольной словоформы). Становление темпоральной системы представляло прежде всего выделение претерита из слабоструктурированной сферы акциальных форм ("аориста" дотемпорального этапа **-r, *-d*). Оно было и началом зарождения презентных форм на базе указанного выше "лексического аориста" (иначе — темпорализация *-A* через конструкцию типа **-A -tur*).

Таким образом, прототип **-A jor ~ -A jör* может быть реконструирован для праогузского, возможно для его уже намечавшегося ареального членения. Это дало такие основы презенса в огузском ареале: ***-jor* (преимущественно западноогузский) и ***-jör* (центрально- и северноогузский, куда должны быть отнесены гагаузские и туркменские ***-je:r*-варианты). Южноогузские и хорасанско-тюркские реализации отражают смешанный тип.

Представленность в современных огузских языках рефлексов разных архетипов говорит о дальнейших смешениях, которые имели место в исторический период. Вместе с тем представленность преимущественно одного из архетипов говорит о древнейшем характере такого распределения.

Наличие диалектных вариантов в западноогузском ареале типа *-jorur, -joru, -jörü — oturajorur, gelijoru* у горных юрюков, *gečijörürüz, čykyjörümüš* в Нигде (Karahan 1996, 141), достаточно редкие примеры в памятниках XIV–XV вв. типа *gelijörür (? geliyürür)* позволяют предположить и в западноогузском ареале неразвившиеся СД-конструкции с глаголами *jürü-/jörü-* второй хронологический пласт в развитии огузского презенса.

ЗОНА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ ОГУЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Все огузские языки и в современном состоянии аориста сохраняют функцию передачи будущего. В грамматической литературе эта функция, представленная аффиксом с широким гласным, в двух языках (аз. и туркм.) признается ведущей ("будущее неопределенное"). Признак определенности/неопределенности связан с наличием другой парадигмы, в которой выражение будущего сопровождается различными оттенками интенции (желание, долженствование и др.). Прототипическое значение будущего как интентума и, тем самым, включение этого значения чаще в парадигмы оптатива отразилось и в современном состоянии и может служить внутригрупповой классификационной чертой. В западной, северной и восточной частях огузского ареала будущее передается также специализированной формой *-(j)AǰAk /-ǰAk.* В южных (маргинальных) огузских языках ее нет. Нет ее и в халаджском, хотя и отразившем контактирование с огузским языковым массивом прежде всего в глаголе.

В **туркменском** парадигма будущего "определенного" не имеет показателей лица, отрицательная форма в основном передается именной конструкцией с именным отрицанием *däl: men alžak däl* 'я не возьму', *sen alǰak däl* 'ты не возьмешь' и т.д. Хотя глагольное отрицание проникает в эту парадигму: *bermeǰek* 'не даст' (Грам. туркм. 286).

Данная форма будущего представлена во всех диалектах туркменского с некоторой вариативностью: при преобладающей форме *-ǰAk* есть *-AǰAk* (гёклен, карак. туркм.), *-ǰAx* (нохур), *-ǰAγ* (хасар, энев, мукры); в некоторых диалектах двухвариантный по качеству гласного аффикс имеет еще и губные варианты *-ǰOk* (сарык, салыр, теке, човдур, йомуд, эрсары, гёклен и др.) (Бердиев 1988, 207).

В **турецком** парадигма с *-AǰAk* представлена как в лит. стандарте, так и в большинстве диалектов. В диалектах основа времени отмечена значительной вариативностью: соединительный гласный может и отсутствовать, но вариант *-ǰAk* характеризует лишь отдельные говоры (например, в диалектных зонах Кютахьи, Невшехира и др. *-verǰam, olǰen, alǰeŋ, etǰak*); нарушения палатально-велярной ассимиляции имеют определенную закономерность: соединительный гласный чаще повторяет качество гласного основы, при этом вторая часть аффикса имеет гласный другого ряда: *japaǰen, göreǰam* (Кютахья), *dikeǰaxsyn* (Диярбакыр), *veraǰeksyz, gelaǰek* (Баскиль), *alaǰegsin -soreǰaxsyn* (Эрзурум), *oturеǰaxsan* (Эрзинджан), однако преобладающим кажется вариант аффикса со вторым велярным гласным; второй гласный в аффиксе может быть губным: *čekeǰök, gideǰök, gečüreǰük* (говоры диалектной зоны оз. Ван).

В турецких диалектах есть другая парадигма будущего, которая своей основой имеет формант *-IǰI / -UǰU*, иногда с широкой соединительной гласной *-AǰI,* — причастие со значением 'имеющий склонность к какому-л. действию...', 'выполняющий постоянно какое-л. действие'. Парадигма: *geliǰim, geliǰiŋ, geliǰi, geliǰik, geliǰiŋiz, geliǰiler* (диалектная зона Антакьи). Форма имеет глагольное отрицание: *gelmejiǰim.* Иногда член этой парадигмы выступает в составе парадигмы *-AǰAk.* Например, в говорах Эрзинджана *geliǰim, bulaǰim, gideǰim,* но *vereǰen, alaǰan.*

В одном из румелийских говоров (о-в Флорина) сохранилась форма будущего на *-sA: sojunsam* 'я разденусь', *versa* 'даст' (Моллова 1974, 112). В армяно-кыпчакских памятниках основой будущего долженствовательного

выступала форма *-sAr* (Грунин 1967, 371), сопоставимая с *-IsAr* в анатолийско-турецком: *dad edisaram* 'буду взывать (к тебе) о помощи', *bir hika:jet ediserüz* 'мы расскажем предание', *kyja:metde elbette sorylysarsyz* 'в Судный день вас спросят'. Поскольку язык памятников анатолийско-турецкого в своей основе был близок к ареальному огузо-кыпчакскому койне, в XV–XVI вв. данная форма будущего теряет свою частотность и выходит из употребления. Все указанные формы будущего с показателем *-sA/-sAr/-IsAr* восходят к словообразовательному аффиксу *-sA-/-IgsA-* (Рамстедт 1957, 168; Bodroligeti 1970, 175), одна из филиаций которого легла в основу условного наклонения.

В **азербайджанском** лит. языке форма будущего категорического — *(j)ažak/-(j)äžäk*. Парадигма: *oxujažayam* 'я прочту', *oxujažagsan, oxujažagdyr, oxujažagyg, oxujažagsyńyz, oxujažagdyrlar* (Грам. аз. 137).

Вариативность в диалектах проявляется следующим образом: а) формант не имеет гласной инициали, т.е. *-žAk* (караб. диал.), возможное различие *-ž-/ -ź* (айрум., казах., кубин.), вариативность первой гласной инициали (нух. *-yžax, -ižax*), наличие также губного варианта (*durožax*) и второй гласной аффикса: *-a-/-e-/-y-/-i- (galažay ~ galažeg, galžyjyx ~galžih`, galažo:uy ~ galažö:ug`*, и др.; финаль аффикса может варьироваться (*-γ, -g', -x, -j*); наличие стяженных форм в 1 и 2 л. (ср. *alaźam* (казах.), *galažam* (шекин. и др.), *galaššan* < *galaźsan* (казах.) (Ширалиев 1983, 125–130). Значительная вариативность в парадигме будущего говорит о ее неустоявшемся характере.

В диалектах азербайджанского языка, по-видимому, полностью не представлена парадигма будущего с афф. *-IžI/-UžU*, хотя отдельные ее члены прослеживаются по некоторым говорам: *galažyjam* (нах., орд., теб.), *galažijäm* (шек., зак.), *guruźujux* (казах.), *alyžijyx, gälížijux* (нух.) (Рустамов 1965, 235–236).

Специфическая форма отмечена в 3 л. в нухинском диалекте *-užat/-üžat/ -yžat, -ižat*, которую Рустамов объясняет ассимиляцией аффикса сказуемости (*-yžyxdy* > *-yžytty* > *-yžyt* (там же 238).

В описание форм будущего обычно включают парадигму с формантом *-as/-äs* (казах., нух.), *-asy/-äsi* (нах., орд.), *-ejs* (джабр.): *Ordubada hačan gedässän?... säbäbini ašayyda dijäsijäm*. В лит. языке парадигма не сохранилась, но отмечена в некоторых диалектах северной и, отчасти, южной группы: *danyšasy-jam* 'мне надо поговорить' (Ширалиев 1983, 124). Отрицание именное: *alasi dögür* (шемах.), *alasy dögül* (закат.). В казахском диалекте отмечена парадигма будущего с показателем *-aš, -äš, -eš, -Oš, -Uš, -Iš* в формах 2л. ед. и мн. *galaššan, galyššyńyz* (по Рустамову, здесь имеет место соответствие *s* ~ *š*).

Формы лица в парадигме будущего: *-Am, -Im*; *-sAn, -sIn*; *-Ix, -oųγ, - oųg'*; *-syŋyz, -saŋyz, -siŋiz, -syjyz, -syz, -süz, -sjuz, -suuz, -sooz* (Ширалиев 1983, 125-127).

Особая форма 1 и 2 л. ед. и мн. отмечена в казахском диалекте (говор Ашырлы):

а) в парадигме будущего 2 л. ед. и мн. *alaš-dan, alaš-daŋyz, dijäš-dän, dijäš-daŋyz*; ср. будущее в других говорах казахского диалекта: *alaźam, alašsan, alaźax, alaźejyx, alaźasyŋyz, alaźaxlar*;

б) в 1 и 2 л. ед. и мн. в пересказывательной парадигме: *tökör-müš-däm, tökör-müš-dän, tökör-müš, tökör-müš-däx', tökör-müš-däńiz, tökör-müš-där* (Джафарали А. 1962). Та же форма лица отмечена и в другой пересказывательной парадигме: *jazyb-byš-dam, jazyb-byš-dan* и т.д. Участие афф. *-dan, -daňyz* в парадигме будущего сопоставимо с показателем императива в халаджском, желательной формой в туркм. *-ajadym, -ajadyŋ* (см. раздел "Оптатив").

По-видимому, как оптатив в функции будущего следует рассматривать формы типа *vurasyn* 'ударишь', *vurasyz* 'ударите', *gäläsän* 'придешь', *gäläsüz* (бак., шемах.).

В **гагаузском** литературном языке будущее определенное имеет формант *-ažäk/ -ežek*, в центральном диалекте *-äžek /-yžek*, в основах на гласный происходит сужение гласного ауслаута: *bašläjžek*. Под влиянием аффрикаты /ž/ гласная аффикса лица получает палатальное произношение: *alažäm* (Покровская 1964, 191).

Аффиксы лица в основном выступают в стяженном варианте. Парадигма: *alažam, alažan, alažäk, alažäz, alažänyz, alažäklär*. Для данной формы будущего характерно значение намерения.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ЗОНЫ БУДУЩЕГО В ОГУЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Типология футуральных форм свидетельствует об их позднем происхождении. Это подтверждают и тюркские языки, в частности огузские. Будущее как составная часть темпорального потенциала аориста оказалось формализованным только в литературном стандарте: в диалектах тотально этого не произошло, хотя тенденция к выделению форманта с широким гласным для передачи футурума, несомненно, существует. Парадигма с *-AžAk/ -žAk* зародилась в недрах огузской темпоральной системы, но получила характер упорядоченной парадигмы только в западноогузском ареале. В восточном этот процесс оказался незавершенным в силу кыпчакско-карлукской интерференции и сохранения оптативных парадигм. Форма *-AsI* как основа парадигмы будущего в некоторых азербайджанских диалектах выступает реликтом общего кыпчакско-огузского достояния, оставив на периферии огузской темпоральной системы в основном модальную конструкцию типа *-AsI gel-* 'хотеть что-л. сделать' (см. раздел "Нефинитные формы").

Форма *-DAčI* в огузских диалектах не зафиксирована; отмечена в мишарском диалекте татарского; в енисейско-орхонских памятниках; полная парадигма дана у Абу-Хайяна. По-видимому, должна быть отнесена в пратюркское состояние как словообразовательная модель (см. раздел "Нефинитные формы").

Реконструкция подсистемы не-прошедшего в праогузском состоянии

Периферия	*Базовая форма*	*Периферия*
угасание дотемпор. системы инфекта, *-A/-U, -I* > статус зависимых предикативов	Аорист *-Ar/-Ur* (с неформализов. зонами презенса и будущего)	начало аналит. континуативных конструкций > ареальные типы презенса

Зона будущего ~ волитивные формы

Оптатив	*Синкретичная форма инъюнктива ~ аориста*	*Периферия*
-A, -Aj -IγčI	*-sA ~ -sA -> (-sAr)*	*-DAčI, -A-sIγ*

ЗОНА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННЫХ ОГУЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Подсистема форм прошедшего в огузских языках в современном состоянии представлена следующим образом.

Претерит (простое прошедшее) *-DI*; -перфект *-mIš / -Ip / -An;* подсистема аналитических форм, включающая простые формы; архаичные формы, сохранившиеся в диалектах.

Перфектные формы неодинаково представлены по языкам и диалектам, в целом отражая в западнотюркском ареале тенденцию к одноперфектному типу временнóй системы. По отдельным говорам сохраняются архаизмы — стативно-результативные формы дотемпоральной системы (типа *-Ik /-Uk, -Il /-UlU, -IKIl*). Конфигурация подсистемы простых форм и ее внутренних связей исторически сложилась и зависит от положения перфекта — ее наиболее подвижного элемента, а также от сохранения в семантической структуре претерита признака инклюзивности субъекта речи.

Претерит

Формант *-DI* в большинстве огузских языков имеет в инициали *-t /-d,* по характеру гласного в литературных стандартах представлены все варианты по ряду и огубленности: *-dI, -dU, -tI, -tU.* Вариативность инициали в диалектах и маргинальных языках значительна (см. ниже).

В **турецком** в диалектах восточной группы выделяется зона Эрзурум—Эрзинджан—Сивас—Невшехир, в которой инициаль преимущественно звонкая: *etdi, jatdux, getdim* (Эрзинджан). Вне этой зоны постепенно расширяется чередование *-d-/-t-* в зависимости от ауслаута основы. В некоторых турецких диалектах в среднеанатолийском регионе инициаль также имеет характер слабого смычного: *atDy, getDi.* В западной группе анатолийских диалектов в инициали аффикса имеет место ассимиляция по глухости/звонкости. Ассимиляция, обуславливаемая сонорным ауслаутом основы, типа *-ld->-ll-, -nd->-nn-* для западноогузского ареала в целом не характерна.

В одном из островных говоров Средней Анатолии (выходцы из Хорасана) аффикс претерита *-De: gitDe, gačDe, aldem, vorde* (Osman Tuna 1987, 226).

Редкий вариант *-ǰi (gelǰi)* 'он пришел' отмечен в одном из туркменских говоров Бартына (Korkmaz 1994). Его можно сопоставить с формой претерита *-ǰy/ -ǰi* в саларском языке (Тенишев 1976, 150).

В восточной группе наблюдается значительная вариативность гласного аффикса, которая в западном направлении приближается к литературному стандарту. Вариативность сводится к непоследовательности палатально-велярной гармонии и немотивированному (обусловленному исторически) использованию губных аффиксов в некоторых членах парадигмы: особенно это характерно для 1 л. мн. типа *géttuk* (Сивас), *gettox* (Битлис) и др. Проявления вариативности в разных членах парадигмы:

а) независимо от гласного основы гласный аффикса всегда негубной *(I): -i-, -y-, -í-* (полупалатальный)*: düštím* 'упал', *ögrendím, girdyh* 'мы вошли', *söndí* 'погас', *japti:* 'ты сделал', *gördi:* 'ты увидел', 2 л. мн. всегда *-di:z/ -ti:z asti:z* 'вы повесили', *bozmadi:z* 'вы не нарушили' (Урфа);

б) в форме 1 л. мн. гласный преимущественно велярный губной независимо от основы: *gelduh, verduh, bitirduh* (Ардаган-Пософ, Карс, Эрзурум, Эрзинджан, Битлис, Диярбакыр, Элязыг); в некоторых диалектах 1 л. мн. имеет губной гласный, но различающийся по ряду: *aldux, geldükh* (Испир), вариативность губного гласного очень часто не связана с качеством основы: *geldim ~ geldüm, aldym~aldum* (Эрзурум);

в) в форме 3 л. ед. гласный преимущественно палатальный негубной: *aldi, vurdi, tutti* (говоры оз. Ван, Диярбакыр); в зоне Сиваса при губном гласном в основе аффикс может иметь губной призвук: *gördüm ~ gördi°m, dišti°*;

г) при близости к литературной норме одновременно наблюдаются отклонения по ряду и огубленности: *vürdi* 'он ударил', *doğdym* 'я родился', *ettux* 'мы сделали', *ičdux* 'мы пили' (зона Элязыга). Западная группа анатолийских и румелийских диалектов имеет парадигму, близкую к литературному языку, вариативность имеет место в основном в островных ("туркмено-юрюкских") говорах или на периферии ареала (северо-запад, юго-запад, южная полоса Анатолии).

Особенностью **азербайджанского** языка является преимущественно звонкая инициаль аффикса. Глухой вариант отмечен в говорах Армении, агдашском говоре и в ордубадском диалекте после ауслаута *-t, -š, -h: čatty, ešitti, tuttu, düšti, galhty* (Рустамов 1965, 195). В этой форме Рустамов усматривает глухой вариант аффикса, отмеченный в рунических памятниках, т.е. также и после сонорного ауслаута типа *olurtym.* Однако такой тип вариативности инициали скорее связан с большим диапазоном ассимиляции, в том числе и после сонорного или фрикативного ауслаута: *allym, dönnüm* (Нуха), *jazzym, gäzzi, bassy* (шемах. диал., говоры муганской группы) (там же 196). Качество гласной аффикса в лит. языке определяется гармонией гласных *-dI, -dU.*

В западной группе диалектов (казах., гяндж., караб., айрум.) характер парадигмы близок к литературной норме: губной/негубной гласный в аффиксе определяется наличием губного/негубного гласного в ауслауте основы.

В восточной группе диалектов (бак., кубин., шемах.) губной/негубной вариант аффикса различается по лицам: в 1 и 3 л. ед. негубной при любой основе: *gurdym* 'построил', *gördi* 'он видел', в 1 л. мн. и 2 л. ед. и мн. — губной аффикс при любой основе: *aldun* 'ты купил', *alduɣ* 'мы купили', *gäldüg'* 'мы пришли', *alduz* 'вы купили' (Ширалиев 1983, 110).

При таком самом общем характере вариантов аффикса наблюдаются различия по отдельным говорам:

а) при губной основе *-düm~ -dim*: *gördüm ~ gördim* (бак.); при негубной *-dun ~ -dyn, -dün ~ -din: aldun~ aldyn, geldün~ geldin*;

б) отсутствие палатально-велярной гармонии: *aldim* (бак.), *getdym* (Мекри); также в формах 2 л. ед. *getdyn, dedyn* (орд.);

в) наибольшая вариативность наблюдается в формах 1 л. мн.:

– в некоторых говорах ордуб. диалекта при палатальной основе – велярный аффикс: *geldyx, käsdyx, jedyx;*

– в говорах восточной группы губной аффикс – независимо от характера основы: *syrduɣ, durduɣ, säpdük; baxdun* (Рустамов 1965, 188–194).

Хорасанско-тюркский звонкой инициалью после глухих основ сближается с претеритом азербайджанского и восточноанатолийского типа (*jatduh, gitdih, jetišduh,* но и *čiktim*). Степень ассимилятивных процессов (хотя есть тип *alluh)* пока неясна. Из материалов островного говора в Средней Анатолии (выходцы из Хорасана) явствует, что показатель претерита в этом говоре сохранился как морфонема: *gitDe, gačDe, GorhDe, aldem* (Osman Tuna 1987, 226).

Южноогузские говоры на юге Ирана имеют островной характер, сохраняя сильную вариативность инициали аффикса, хотя в целом она близка к азербайджанскому типу. Отметим некоторые особенности:

Во всех говорах преобладает звонкая инициаль *-d* (*gerdum* 'я увидел', *jetišdi* 'достиг', *bahdym* 'посмотрел'), в некоторых говорах преимущественно в ее слабом варианте (*jatDi, etDi, čihDi, gitDi*) или как полная гемината (*giddim, čaddi).* В меньшей степени представлен глухой вариант после глухого ауслаута (*gitti, attilar).* После сонорных основ возникают варианты: ед. 1 л. *-lim, -rim, -nim (allim, vurrym, -minnim),* 2 л. *-du:, -lu:, -rin (aldu:, allu:),* 3 л. *-ri, -ði, -li, -ni, -ŋi / vurri, minni, gyrry)*; мн. 1 л. *luh, -rih,* 2 л. *-luz, -lu:z* (Doerfer, Hesche 1990). Этот тип ассимиляции близок к башкирскому.

В части говоров 1 лицо ед. представлено только палатальным узким (*-dim),* в меньшей части представлены также и губные (*-dum, -düm).* 2 л. ед. — в основном губной вариант: *-du, -du:, -duŋ,* 3 л. ед. — в основном узкий негубной палатальный (*-di, -ti, -ri, -li, -ni).* Форманты 1 и 2 л. мн. представлены по отдельным говорам соответственно в губном, в негубном и смешанном вариантах. Так, говор Парадомба использует показатели с палатальным негубным, в говоре сонкор — во мн. числе чаще губной велярный, в говоре

Корва губные аффиксы выступают чаще в велярном варианте, негубные — в палатальном (там же 287–289, 225–227).

Для парадигмы претерита в южноогузских характерно наличие рудимента *-i* и *-in* в показателях 1 л. ед. и мн. *-dim-i, -lim-i, -dum-in, -duh-i, -dig-in,* иногда во 2 л. ед. *-din-i.*

В **туркменском** орфоэпической нормой претерита является вариант со звонкой инициалью: *tutdy, gitdi, garašdym, čyhdyŋ* и т.д. Однако диалекты дают значительную вариативность: *-dy, -di, ty, -ti, -zy, -zi, -ny, -ni, -ly, -li, -sy, -si.* Распределение по диалектам:

вариант *-ty/-ti* может рассматриваться как результат ассимиляции по глухости: *čykty* (гёклен), *ekti* (човдур), однако глухая инициаль может быть и после сонорных: *bolty* (саят), *urty* (гарадашлы). Варианты *-zy, -zi, -ly, -li, -ny, -ni, -sy, -si* после основ на *-z, -l, -n, -s* отмечены в диалектах теке, гёклен, йомуд, мюрче, энев: *geliller, bassylar, edinnim, ajlanny, gezzi* (Бердиев 1988, 216).

Вариативность гласных в аффиксе претерита в туркменском лежит в границах подкласса узких гласных и выявляет следующие типы:

В литературном стандарте последовательно проявляется уподобление по палатальности / велярности основы (*allym, gellim),* лабиальная гармония как орфоэпическая норма распространяется только на два слога при конечном закрытом *(bollum, güllüm)*; в 3 л. ед. (закрытый слог) аффикс *-DI* губного варианта не имеет (*bolly, gülli).*

Диалектная парадигма претерита обнаруживает следующие особенности: а) в диалектах энев и хасар афф. 3 л. ед. имеет вариант *-de — gäzde, čyɣarde;* б) в 3 л. ед. может быть и губная гласная: *öldü, göpdü* (алили, теке, энев); в) огубление может распространяться и на аффикс отрицания: *görmödi* (алили), *düšmödi* (човдур); г) после фрикативного ауслаута аффикс претерита может иметь глухую инициаль: *jaztym* (ю.-з. йомуд); д) в 1 и 2 л. мн. показатель лица может иметь следующие варианты: *jazzyh, jazzyŋyz* (нохур), *getirdij, gajtdyj, getirdijiz, gajtdyjyz* (хасар), *gäzdig, jyhyldyɣ* (энев).

Претерит *-DI* передает очевидное для говорящего действие, в основном в его акциальном проявлении, предполагающем возможность количественной характеристики (длительность, многократность, интенсивность и др.). В языках, где перфект имеет тенденцию к модальной спецификации (например, тур.), претерит расширяет свою зону реализации, выполняя функции перфекта. В отличие от восточнотюркских языков в западной части тюркского мира претерит *-DI* не сохранил системного признака включенности субъекта речи в событие. Этот признак превратился в более абстрактную грамматическую идею достоверности события.

Перфект

По ведущей форме и конфигурации зоны перфекта огузские языки можно сгруппировать так:

а) ведущая и единственная в литературном стандарте форма перфекта

-mIš (тур.); на основе *-mIš* уже в историческое время в тур. возникла новая парадигма с основой *-mIštIr* с преимущественным употреблением в 3 л. (реперфективация *-mIš* отмечается в анатолийско-турецких памятниках XIV в.). Новая форма имеет ограниченное функциональное поле. Модальная спецификация *-mIš* (невключенность субъекта речи в событие, эмфатическая фиксация результата действия и эмфатическая пересказывательность) сузила его функции перфекта (актуализации актантов, а не самого события) и расширила функции претерита (значительно — в гагаузском, в определенной степени — в турецком; Грунина 1975, 44).

Перфект *-mIš* как ведущая форма перфекта представлен в огузских говорах южного Ирана, а также в халаджском, по-видимому, как результат интерференции огузской глагольной системы. По материалам Дёрфера, здесь перфект близок к азербайджанскому типу (нерелевантность к включенности субъекта речи в событие, функция актуализации актантов, но не самого действия). В южноогузских говорах Ирана, по-видимому, в слабой степени представлен также перфект *-Ip* (*gördi ki... bir tala garga učip* 'смотрит, пролетела стая ворон');

б) в зоне перфекта взаимодействуют две формы: *-mIš* и *-Ip*, при этом одна из парадигм может быть неполной (отсутствие 1 или 1 и 2 л. ед. и мн.): азербайджанскиц, хорасанско-тюркский, часть восточноанатолийских говоров турецкого.

в) в зоне перфекта могут сохраняться реликтовые формы *результатива*. В некоторых говорах южной Анатолии в сфере прошедшего представлены три формы: *-DI* — прошедшее очевидное, наблюдаемое говорящим, *-mIš* — только форма пересказывательности, *-(j)Ik* — перфект-претерит (в том числе в нарративе при невключенности говорящего в событие — *Miskioğlu*; Грунина 1999, 36). В зоне Карса отмечено предикативное употребление *-Ik* в закономерных для этого региона вариантах *-Ig/-Ih: yollarımızın birezi yapığsa, birezi yapıh değel* 'часть дорог у нас сделана, часть — не сделана') — говор ханакских туркмен;

г) в целом для огузских языков в их современном состоянии не отмечено употребление *-DIk* как элемента индикатива. Редкие случаи такого употребления отрицательной формы встречаются в поэзии периода анатолийско-тюркского (ср., у Гюльшехри *hič unutmaduyuz biz sizi* 'мы вас не забыли'). Как рефлекс предикативного употребления *-DIk* можно рассматривать его участие в конструкции с предикативными именами *-dığı yok/ *-dığı var*.

В памятниках **турецкого** языка в XIII–XIV вв. перфект имел две парадигмы, причем парадигма *-Ip* была неполной (без 1 л.). Форма *-miš* в памятниках, как и сейчас в некоторых диалектах, имела только один палатальный негубной вариант *-miš*. В значительном числе восточноанатолийских диалектов представлены две формы перфекта *-miš* и *-Ip* (вторая — в говорах Арпачай-Пософ, в зоне Карса, в которой граница *-Ip* доходит до Ахлата (р-н оз. Ван), на западе зоны употребление *-Ip* затухает в р-не Эрзинджана). Для

западноанатолийского ареала эта форма перфекта не характерна. Представленность перфекта *-Ip* в анатолийско-турецких памятниках, возможно, свидетельствует о существовании огузо-кыпчакского койне — основе письменного языка той эпохи. Реперфективация *-Ip* шла и в недрах разговорного языка через бивербальные конструкции. Ср. у Нешри: *Kulagumuz top avazyna ögrenüb durur išitmez* 'Наши уши привыкли к грому пушек, не слышат'.

В литературном **азербайджанском** *-miš* имеет полную парадигму, *-Ip* не имеет форм 1 л. В некоторых диалектах перфект имеет смешанную парадигму: 1) 1 и 2 л. *-miš*, 3 л. *-yb (-yf)* — караб., нах., орд., шек., теб.; 2) 1 л. *-miš* (в говорах Армении есть и *-ybym*), 2 л. *-yb* (*-yf*) — казах., гяндж., зак., ерев., айрум. В 3 л. в этой группе везде *-yb* (*-yf*). Эта форма перфекта в азербайджанском *не имеет* компонента, восходящего к глаголу *tur-* (ср. туркм. *-Iptyr*) за исключением некоторых говоров закатало-кахской (северной) группы (Рустамов 1965, 210);

Для азербайджанского спорной остается интерпретация формы *-ItdI/ -UtdI*, отмеченной только в 3 л. в нухинском и кубинском диалектах: или это реликтовая форма от основы **-It/-Ut*, или результат ассимиляции *-yp -ty(r) > -ytty > -yt-dy* (Рустамов 1965, 49; но Гаджиева 1979, 90).

Зона перфекта *-Iptyr* в современных огузских языках обнаруживает среднеазиатский источник своего проникновения в состав индикатива в туркменском, хорасанско-тюркском. Это проявление первой кыпчакской волны затухает в южном Иране и халаджском, в азербайджанском и части восточноанатолийских диалектов турецкого сохраняется *-Ip*. По-видимому, эта форма относится к общетюркскому пласту (с *-Ip* в качестве перфекта) при позднейших трансформациях с помощью вспомогательного глагола *tur-* (*-Ip turur > -Iptyr*) в туркменском и в говорах южного Ирана; в зонах контактирования с языками кыпчакского и карлукского типа возможна интерференция перфекта *-gAn*.

* * *

Итак, для современных огузских языков можно вывести такие подтипы в сфере простых форм прошедшего времени:

1. западноанатолийский тип с оппозициями а) *-dI* : *-mIš, -mIštIr* (претерит : перфект) и б) *-mIš* : *-mIštIr* (перфект с разным распределением перфектных функций и модальной составляющей). В островных диалектах существует архаичная система с оппозициями: а) *-DI* : *-(j)Ik* (претерит : претерит ~ перфект); б) *-DI, -(j)Ik* : *-mIš* (очевидность : пересказывательность);

2. центральноогузский с оппозициями а) *-dI: -mIš, -Ip* (претерит : перфект) и б) *-mIš* : *-Ip* (оппозиция не системного свойства, определяемая больше функциональной разновидностью речи);

3. восточноогузский тип с оппозициями а) *-DI, -IptIr* : *-An(dIr)* (претерит : перфект), б) *-DI* : *-IptIr* (с разным распределением в синтагматике).

Таким образом, группа простых форм прошедшего в современных огузских языках выявляет такие особенности:

1) по базовой для современного состояния форме перфекта огузские

языки делятся на три группы: имеющие в качестве базовой форму *-mIš* (западноогузский ареал), *-mIš* и *-Ip* в смешанной парадигме (центральноогузский ареал) и *-IptIr* (восточноогузский ареал); при наличии других элементов системы, восполняющих функцию перфекта, эти формы не имеют широкого поля функционирования, т.е. в огузских языках мы имеем в целом одноперфектный тип временнóй системы, что связано с системным качеством претерита *-DI*: самым общим обозначением события и нерелевантностью других признаков: включенности говорящего в событие, количественной реализации действия и др.). Качественные расхождения в положении самого перфекта по языкам сводятся к наличию/отсутствию его спецификации по модальному насыщению (субъектный модус) и объему собственно перфективных функций (актуализации актантов). При исторической смене базовой формы, каковой была *-mIš*, имели место такие процессы: полное замещение претеритом функций перфекта (гаг.), тенденция к статусу претерита ~ перфекта новой формы (туркм.), положение грамматического синонима претерита *-DI* (сал.);

2) процесс реперфективации осуществлялся через презенс вспомогательного глагола *Dur- (-mIš durur > -mIšdur > -mIštIr)* по исторической модели возникновения перфекта как члена темпоральной системы: включения в предикативную форму другого глагола, обычно глагола бытия (ср. совр. тур. *gelmiš bulunuyor* 'приехал = и находится (здесь)'.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗОНЫ ПРОШЕДШЕГО ПРАОГУЗСКОГО ЯЗЫКА

1. Если исходить из представления о прототюркской структуре глагольной основы как СГ // СГСГ, синкретичной по своему характеру (имя/глагол), она могла сохранять такую структуру и при наращении грамматикализующихся элементов. Первичные акциальные формы типа **-(α) + d(α) ~ *-(α) + -δ(α) ~ *-(a) + -r(a)* и др. могли выступать и как словообразовательные, и как словоизменительные форманты (Кормушин 1988), например, пратюркская акциальная форма претерита ~ аориста **-d(α)* имела прототюркский коррелят в словообразовательном форманте **-d(α)* (рефлекс в звукоподражательных глаголах типа тур. *gürül-de-* 'грохотать'). Реликтовая форма аз. *aladam* 'я беру', о которой шла речь выше, возможно, восходит к архетипу **-A-dA,* который представлял собою аорист ~ претерит (протоаорист) дотемпоральной эпохи, рефлексы которого просматриваются в претерите **-d(α)*, аористе *–AdA* и **-r(α).*

2. В дотемпоральной системе среди неакциальных форм глагола, в которых действие выступало в его субстантивном или признаковом качестве, существовало определенное число первичных глагольных имен, большая часть которых уже в исторический период утратила свою продуктивность. Сама природа таких образований являла собою синкретизм слово- и формообразовательных единиц, вероятно связанных с определенным типом лек-

сической основы. Первичные глагольные имена, развившиеся в грамматические формы статального характера, были той основой, на которой формировался перфект как член темпоральной системы. Одни из них сохранились как реликты в современной темпоральной системе (**IK),* другие вычленяются только в составе фузионных вторичных глагольных имен (**-A-n, *-mα-š, *-IγI > lI* и др.). Поскольку сложение темпоральной системы было длительным процессом, группу статальных форм можно представить на разной ступени своего вхождения в эту систему: периферийных образований с окказиональной предикативной функцией; реликтов еще прежней дотемпоральной системы, соотнесенных в ней с акциальными формами незавершенного действия (инфекта); уже сложившихся членов темпоральной системы. Это затрудняет ареальную интерпретацию явлений позднепратюркского, в котором прототипы перфектных форм могли находиться на разных ступнях своей эволюции как темпоральных форм. Так, недостаточно указания на *-mIš* лишь как на огузскую черту, поскольку она отмечена и в других группах, в северовосточных и западнокыпчакских языках. Например, по материалам периферийных башкирских диалектов эта форма сохраняется в них не только как достаточно широкий массив абстрактных существительных типа *kürmeš* 'зрение', *jörömöš* 'ходьба', *bötmöš* 'конец' (Максютова 1996, 46), но отмечена и функция финитной формы: *jetešer kiläp, heδgä büläk törmöš* 'сейчас придет, собирает вам гостинец' (там же 222). Значительное место *-mIš* (> *bIt)*, которое занимает эта форма в системе индикатива в якутском языке, позволяет говорить о том, что становлению *-mIš* как системообразующего признака предшествовало вхождение этой формы в более раннее языковое сообщество еще в границах пратюркского. Тем самым в реконструкции праогузской системы индикатива в отношении перфекта *-miš* возможны два подхода: а) предположение об уже существовавшем в пратюркском языке перфекте *-miš,* историческая судьба которого в дальнейшем по-разному складывалась в разных языках (сохранение на периферии тюркского мира и угасание и полное исчезновение в центре); б) предположение о *-miš* в пратюркской глагольной системе как стативно-результативном образовании, оставшемся таковым или по-разному вошедшем в темпоральную систему и в круг ее системных связей в период распада на ареальные языковые сообщества. Очевидно, что **-miš* как исходная глагольная форма (глагольное имя) входила в общетюркский фонд и в период распада пратюркского вошла в ареальные темпоральные системы на разном эволюционном этапе своего развития: или еще как стативное образование (огузский ареал), или уже в статусе темпоральной формы (возможно, это ее состояние отразилось в дальнейшей судьбе як. *-byt*). Тем самым, уже в историческое время в определенном ареале она стала или ведущей формой перфекта, или была подавлена модификациями претемпоральной формы **-(°)p~* ее позднейшими филиациями типа *-Ip turur, -Iptur.* На материале халаджского можно говорить о роли глагола *är-* в развитии перфекта как темпоральной формы на основе ее стативной природы: об этом свидетельству-

ют включения *-är* в лично-предикативный показатель (Doerfer 1988, 173).

3. Можно принять гипотезу в отношении формы **-Ip* как бифункциональной: древнейшего перфекта ~ деепричастия предшествования (Кормушин 1984, 44). Аналогично тому процессу, который имел место в сфере аориста (вхождение в его функциональную, а затем и в системную зону бивербальных конструкций со значением собственно презенса), происходит реперфективация **-Ip* на основе вспомогательного глагола *tur-*.

В западном тюркском ареале реперфективация **-(°)p* представлена незначительно. Например, если в тувинском яз. мы видим разные хронологические этапы грамматикализации *tur-* (*körüptür* 'оказывается, увидел' — *körüp tur* 'видит' (Грам. тув. 373, 380)), то в тур. памятниках глагольная форма сохраняет еще облик синтаксической конструкции: *jijüb dururum (Nešri)* 'я ел'. В западноогузском ареале дальнейшей грамматикализации этой конструкции не произошло. Вместе с тем широко известная особенность нарратива в османских памятниках — иметь *-Up* в цепи последовательных событий — может рассматриваться как рефлекс дотемпоральной перфектной формы в функции пересказывательного претерита (вместо *-DI*, что предполагало бы включенность субъекта речи в цепь событий). Хотя несомненна уже стилистическая маркированность такого употребления.

Другими словами, во взаимодействии двух форм перфекта в огузских языках следует различать дотемпоральную форму ***-(°)p* и усиленную элементом реперфективации форму ***-Ip turur* > *-Ip-tyr*.

Для азербайджанского при всей значимости роли кыпчакского пласта в перфекте *-Ip* следует видеть более древнее образование — общетюркский перфект, сохранение которого было, очевидно, обусловлено наложением кыпчакского адстрата (*-Iptur*), который тем не менее не повлиял кардинально на формальную структуру дотемпорального перфекта ~ деепричастия. Этот кыпчакский адстрат в туркменском наложился на перфект ***-Ip*, при этом полностью вытеснил *-miš* как временну́ю форму.

4. Выше указывалось, что в ряде островных диалектов юго-запада Анатолии сохранилась архаичная форма, выступающая в функции перфекта. В говоре селения Йедитепе (Хатай) форма *-(j)Ik/-(j)Uk*, которая в тюркологической литературе чаще рассматривается как "пассивное причастие" (см. обзор точек зрения: Севортян 1966, 204–206), здесь имеет полную парадигму, аффиксальное отрицание (типа *gelmejik* 'не пришел') и соответствующую парадигму давнопрошедшего времени (*geliktim* 'я приходил'). По-видимому, мы имеем реликт стативно-результативной формы — филиации первого эволюционного слоя тюркских глагольных имен ("функциональных форм") и среди них **-(°)K*, сохранившегося впоследствии в составе уже темпоральной системы. В современном языке эта форма на очень ограниченном пространстве сохранилась как перфект ~ пересказывательный претерит (аналогично употреблению *-miš* в рунических памятниках), будучи противопоставленной *-DI* -форме инклюзивности субъекта речи (так называемой очевидности). Ср. типы употребления: — *Dükkanyny ačyk mysyn?* 'Ты магазин открыл?' — *Ačygym* 'Открыл'; в рассказе об абсолютно достоверных событиях, но в передаче лица, в них не участвовавшего. Характерно, что в рассказе о деяниях пророка в этом говоре употребляется *-DI*, *-miš* невозможно как подчеркнутая недостоверность (как в совр. туркм.).

5. Уже в пратюркском происходит формирование второго слоя глагольных имен. Среди них для характеристики огузского регионального языка важно определение места в глагольной системе **-DUK* / **-DIK*. Ни один из тюркских языков, кроме якутского, не сохранил полной финитной парадигмы этой формы. По характеру ее функционирования (подчеркнутое утверждение самого события) эта форма перфектной не является. Темпоральная сфера ее очень размыта: прошедшее, настоящее, настоящее обычное, перфективность, будущее. Парадигма имеет посессивное спряжение, хотя и с перебивами на лично-местоименное в 1 и 2 л. в вопросительных предложениях. Существование парадигмы с *-DUK* подтверждают материалы халаджского: *kälmäyizi šitmädikäm* 'я не слышал, как вы пришли' (Doerfer 1988, 175). Наличие в якутском полной парадигмы *-tAh* с посессивным типом спряжения *min bardaγym* 'я ходил', *en bardaγyη* 'ты ходил', *bardaγa* 'он ходил' и т.д. позволяет реконструировать **-DAK* ~**-DOK* > ***-DUK* в ареальном огузском во всех возможных для глагольного имени синтаксических функциях: как предикативной, так и в зависимом предикате (причастия и имени действия).

-D(α)K имеет рефлексы в современных огузских языках, даже в тех из них, которые как продуктивную форму ее утратили (туркм., хорас.-тюрк., ю.-огуз., халадж.), но сохраняют во всех этих языках *-mAdIk*.

Можно рассматривать парадигму **-D(α)k* как темпоральное уточнение претерита ~ аориста **-DI*: так она предстает в северо-восточном ареале, т.е. там, где претерит **-DI* сохранил признак инклюзивности субъекта речи в событие и тем самым имел ограниченное функциональное поле реализации.

Участие отрицательной формы ***-DUK* в парадигме перфекта ***-miš* свидетельствует о том, что парадигма последнего еще не была упорядочена и как собственно перфект (т.е. темпоральное образование) еще не сложилась. Это позволяет предположить, что ***-mAd(α)K* было уже усвоенной формой и более ранней, чем *-mAmIš* в будущем перфекте. Таким образом, для ареального огузского языка периода распада пратюркского ***-D(α)K* уже было элементом темпоральной системы, но как своего рода уточнение исходно амбивалентного содержания *аориста ~ *претерита — формы **-DI*.

Реконструкция перфективных форм

6. Итак, из группы стативных форм, которые исторически предшествовали формированию перфекта, в огузских языках следует выделить **-mIš*.

Возможный фузионный характер этой формы позволяет видеть в ней первичное глагольное имя **-m* (возможно и **-mA* как признак субъекта), в

значениях которого центральными усматриваются название действия, *одного акта действия* и *результата* (Севортян 1966, 295). Из этимологий второго компонента наиболее приемлемой представляется статус **-š* как форманта, связанного со значением перехода из одного состояния в другое, которое наиболее отчетливо отразилось в аффиксе глагольного словообразования *-la-š*.

Выше уже отмечалось, что общетюркское деепричастие *-Ip* в пратюркском выступало как бифункциональная форма — деепричастие предшествования и дотемпоральный перфект. Если рассматривать перфект как такую темпоральную форму, которая синтезирует два временны́х плана (событие прошлого и его последствия в настоящем), в отличие от статива или результатива, для которых прошлое событие нерелевантно, для ***-mIš* следует реконструировать еще на позднепратюркском этапе состояние статива. Многие из стативных форм этого слоя обнаруживаются в современных кыпчакских языках. Чем более широк диапазон этих непродуктивных лексических единиц, тем более явственным становится первоначальный статус глагольного имени **-mIš* для более широкого ареала. Из материалов периферийных башкирских говоров можно привести примеры типа *tartmyš* 'упрямый', *qyrqmyš* 'скупой' и др.

7. Развитие перфекта *-Ip* как темпоральной формы происходило или внутри конструкции с непредельным глаголом (*alyp gider* 'идет взявши'), или с глаголом в презентно-аористной форме типа *alyp turur* > *alyp tur* > *alyptIr* 'взял (взявши)'. Тот же тип развития можно реконструировать и для статива **-miš:* а) образование словообразовательной модели с дальнейшей тенденцией к грамматикализации > стативные причастия со значением признака субъекта; б) участие в атрибутивной конструкции типа *cebe gijmiš er* 'одетый в латы человек'; в) возможность ее включения в атрибутивной функции в глагольную конструкцию типа *Šerifi cebe gijmiš gördiler (Saltuk-n)* 'увидели Шерифа одетым в латы' или типа *almyš gider* 'несет'; г) формирование предикативной парадигмы с неравномерным развертыванием по лицам.

Парадигма перфекта в халаджском еще сохраняет остаток именного (стативного) типа конструкции в предикативном употреблении: *kälmiš är* < *ärür* 'пришел' (Doerfer 1988, 174). Модель *kälmiš turur* скорее являет собою реперфективацию, т.е. принадлежит иному хронологическому слою.

8. Итак, сложение зоны претерит—перфект огузского типа можно представить следующим образом:

Группа неакциальных форм, или первичные глагольные имена (типа **-k, *-γ, *-n, *-š* и др.), которые в современном состоянии вычленяются лишь в составе непродуктивных форм отглагольного словообразования, в пратюркском языке существовала как система синкретичного словообразовательно-словоизменительного типа.

Для дотемпоральной системы инфекта в его составе можно предположить группу *аориста ~ претерита **-d(α)/*-r(α)* и рассматривать ее как прототип темпоральной системы претерит—аорист. В этой ранней темпоральной системе прототипом перфекта выступал **(°)-p*. Претерит **-D(α)* исходно перфектом не был. В этой системе формальная оппозиция претерита как формы прошедшего, по-видимому, складывается на основе начавшейся грамматикализации форм глагола **ä-* 'быть'. В становлении сложной морфемы *-DI ädi* можно видеть и начало темпоральной структуризации акциальных форм (прошедшее : непрошедшее). Неакциальные формы (прототип функциональных форм — глагольных имен современного типа) являли собою синкретичное состояние словообразующих и формообразующих единиц. В круг их категориальных значений по семантическим ступеням развития входили названия орудия, объекта, результата и субъекта действия, название признака, название действия, имя действия (Севортян 1966, 13). Очевидно, диахроническим сдвигом в такой системе стало возникновение собственно глагольного формообразования (типа *-DIk, -mIš, -mAk* и др.), важнейшим признаком которого стала независимость производных единиц от характера глагольной основы. В сложении таких единиц материалом в значительной степени служили единицы первого эволюционного слоя (первичные глагольные имена) и синкретичные основы инфекта, выступавшие и как формы акциональной спецификации, и как первичные финитные формы (тип **-D(α)-/*-D(α)*). Исходя из этих гипотетических положений, ниже предлагается видение огузского типа в уже сложившейся темпоральной системе позднего пратюркского периода.

В подсистеме претерит ~ аорист элементом, призванным разграничить ее еще не преодоленную темпоральную амбивалентность явилась форма **d(α)K (-dAK / -dOK).*

Махмуд Кашгари в своем сочинении прямо указывал на употребление *-duk* вместо *-dy* " у огузов и некоторых кыпчаков" — II 66): *men aŋar tawar bärdük* 'я дал ему товар'. В МК приводится и парадигма с предикативным *-duk,* хотя и без показателей лица: *men ja qurduq* 'я сделал лук', *ja qurduq* 'он сделал лук' (II 64) и т.д. Характер употребления этой формы у Махмуда Кашгари подтверждает ее причастный статус и, шире, статус глагольного имени, отмеченного уже в рунических памятниках. Вместе с тем отсутствие в парадигме лично-предикативных показателей говорит о ее относительно позднем вхождении в глагольную систему в *данном* этнолингвистическом сообществе ("у огузов и кыпчаков" в конце XI в., т.е. в границах уже распавшегося неоднородного этнически Огузского государства и в условиях второй кыпчакской волны).

Возможности перфективного толкования **-D(α)K* мешает тот факт, что *DIK ~ DUK* в его финитных фиксациях перфективных свойств не обнаруживал, как и в своем качестве зависимого предиката. Скорее в этой форме следует видеть результат словообразования от синкретичной основы **-DA-*, что дало первичное глагольное имя **-DA-K* со значением акциального признака субъекта (тип *kača-k* 'беглец'). Другая гипотеза, по которой та же основа, но уже как предикат в конструкции предложения получала дейктическую (про-

странственную) частицу, и уже в составе конструкции на этой основе формировался вариант претерита, как кажется, имеет право на существование. Однако она затрудняет в этом случае обоснование глагольно-именной природы *-*D(α)K*.

Само возникновение формы типа -**D(α)K* означает формирование пласта вторичных глагольных имен — продуктивных глагольных форм, достигающих абстракции словоизменительного типа (в современной грамматической терминологии — "функциональные формы"). Возникновение вторичных глагольных имен, как и начало их внедрения в темпоральную систему, следует отнести к периоду пратюркского, хотя в дальнейшем они могли становиться классифицирующими формами в ареальных темпоральных системах.

Можно предположить, что **-d(α°)K* как глагольное имя второго эволюционного слоя сформировало свою темпоральную парадигму, но по существу оказалось избыточным в одном ряду с претеритом *-DI* и контаминировалось с его парадигмой.

9. Неакциальные формы (первичные глагольные имена), вовлекаясь в парадигму финитных форм, проходили стадию перехода от окказиональных именных предикативных структур к глагольным парадигмам. В такой эволюции от системы *претерит — презенс к трехчленной системе претерит — презенс — перфект и в формировании именно зоны перфекта в тюркских языках можно говорить о переходном этапе — существовании категории результатива ~ статива. По-видимому, на этапе распада позднего пратюркского состояния и формирования его ареальных подсистем происходил переход результативно-стативных конструкций в глагольные парадигмы. Как следствие этого парадигмы перфекта на разных этапах имели неупорядоченный характер (наличие некоррелирующих частей положительных и отрицательных форм, неполные парадигмы, сохранение копулы наряду с личным показателем как следы перехода от словосочетания к словоформе). Категориальное значение перфекта как формы, соединяющей представление о событии и его качественном переходе в новое состояние и, тем самым, соединяющей два темпоральных плана — прошлое и настоящее, на начальном этапе формирования как члена темпоральной парадигмы могло сохранять свойства стативно-результативной формы (тип *Šerifi cebe gijmiš gördiler (Sal-n)* 'Увидели Шерифа в доспехах').

10. **-miš* реконструируется как морфонема, которая в современном состоянии лишь в литературном стандарте имеет сингармонические варианты, но в диалектах может сохраняться и статус морфонемы.

В формировании парадигмы перфекта *-miš* можно выделить следующие синтаксические структуры и формальные способы организации парадигм:

а) в структуре именного сказуемого с актуализацией субъекта; наличие глагольной связки: наиболее ранней *är(ür)*, следы отмечены в халадж. *kälmišär, kälmišär*^{i}; тур. диал. (Болу) *kelin olmuš*^{i}*yus* 'мы приобрели невестку' (букв. 'мы стали имеющими невестку'); тур. диал. *ben de aynı šekilde doğmuš-u-yun* 'я тоже так родился)' (Кютахья), т.е. в сказуемом может сохраняться рефлекс дейктической частицы (копулы?): *miš-i, -miš-in*;

б) включение в другой предикат: *almyš gidär* 'несет' (букв. 'взяв идет'), *ata binmiš irišügelüp (Sal-n)* 'приехал на коне'; ср. с аналогичной функцией *-Ip: gördi kim bir kiši toza gark olup gelür (Sal-n)* 'увидел, что приближается какой-то человек весь в пыли' (букв. 'погрузившись в пыль') грамматикализация сопряженности двух временны́х планов имеет место при включении в глагол *är-* 'быть': *kälmiš ärür* 'пришел и пребывает (здесь)';

в) посессивная конструкция: **almyš-ym bar // *almyš barym* 'я взял (нечто) = я имею нечто взятым' > *almyš-ym*. Такой тип конструкции сохранился в як. *barbyt-ym* 'я ушел', в ареале огузского он не получил развития.

В темпоральной подсистеме прошедшего в позднем пратюркском форма **-miš,* по-видимому, имела разное положение в системе по диалектам, которое отразилось в древнетюркских памятниках и дальнейшем региональном расхождении огузского этноса. Оно проистекало из разного положения ***-DI,* маркированного по признаку очевидности (включенности говорящего в событие) в ареале, который может быть условно назван диалектом Б (в современной классификации — языки северо-восточной группы), и немаркированности этого признака (очевидность > достоверность) в диалекте А (современный огузский ареал). Разное положение ***-DI* определило разное развертывание функционального потенциала ***-miš*.

Для общетюркского типа простых форм прошедшего (претерит ~ презенс) в огузском ареале следует допустить первоначальную вариативность третьего члена подсистемы. Выше уже говорилось о неакциональных формах первого эволюционного слоя (типа **-IK)*. Архетип третьего члена огузской темпоральной системы складывается как признаковая форма (***глагольное имя с потенциалом агенса). Стативная форма ***-miš* тяготела к презенсу > появление синтаксической конструкции ***-miš är(ür).* Форма динамического признака ***-DUK* в такой же предикативной конструкции была близка к ***-DI* и, по-видимому, уже выступала как претерит ~ презенс. Форма ***-DUK* как член темпоральной системы оказалась неконкурентной претериту *-DI* и как финитная форма не получила заметного развития. Это обусловило ее господствующее положение в огузской глагольной системе как формы нефинитной (реализация потенциала глагольного имени).

Стативная природа **-miš* обусловила ее противопоставление претериту ~ презенсу и привела к возникновению собственно перфекта. В этом противопоставлении определяющую роль получил признак инклюзивной позиции субъекта по отношению к событию: как реликт он отмечается в маргинальных тюркских языках (в северо-восточной группе в так называемом "близком прошедшем"; здесь в силу функциональной ограниченности собственно претерита существует несколько претеритально-перфектных форм). То же реликтовое состояние зоны прошедшего отмечается и в островных диалектах турецкого языка, где сохранилась оппозиция *-DI* : *-Ik* по признаку

инклюзивности. В рунических памятниках **-*miš* обнаруживает то же соотношение с -*DI*, выступая как пересказывательный претерит без сдвига к модальной эмфазе. Это свидетельствует о предшествующем длительном существовании данной формы как перфекта. Вместе с тем состояние этой перфектной формы там, где она не была затронута перфектом кыпчакского типа, т.е. в западноанатолийском ареале, говорит, с одной стороны, о сужении ее перфективных функций и, с другой стороны, о превращении в модально отмеченный член системы. Этот процесс оказался взаимосвязанным с утратой признака инклюзивности в претерите и внедрении его формы в функциональную зону перфекта. В центральноогузском ареале парадигма -*mIš* оказалась нарушенной, но сохранились функции, которые присущи перфекту -*Ip*. Реперфективация *-*Ip* в восточноогузской зоне, связанная с ранней кыпчакской интерференцией, привела к исчезновению перфекта -*mIš* из системы индикатива. Сохранение перфекта -*mIš* в халаджском, возможно, связано с очень ранним вычленением из огузского ареала.

Таким образом, при общих источнике и тенденциях становления как темпоральной формы перфект -*mIš* имел разную судьбу в ареальном расхождении праогузского. В становлении -*miš* как темпоральной формы обозначились два типа по соотношению с претеритом: в силу отмеченности -*DI* по включенности субъекта речи в событие форма -*miš* имела более широкий потенциал для развития претеритальных функций (ср. якутские парадигмы претерита ~ перфекта) и немаркированность указанного признака в самом перфекте; в западнотюркском ареале указанное свойство -*DI* было утрачено рано, тем самым, перфект получил маркированность по невключенности субъекта в событие и, тем самым, ограничения в развертывании своего потенциала, в том числе и типологического перехода в претеритальную форму. Такая возможность реализовалась только как пересказывательный претерит.

Реликтовые формы перфекта (тур. диал. -*Ik*, аз. диал. -*It*, туркм. -*Ik*, контаминировавшееся с -*Ip*) восходят к этапу становления темпоральной системы пратюркского. Соотношение *-*p*/*-*t*/*-*k* как алломорфов перфекта ~ деепричастия в центральноогузском регионе, в котором обычно усматривается лишь фонетическое чередование, может рассматриваться как ранний этап состояния перфектной зоны в пратюркском.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ФОРМ

1. Прототипом аналитических форм темпоральной системы следует рассматривать парные конструкции с грамматикализацией второго элемента: реконструкция *-*DI är(ür)* (Doerfer 1988) позволяет соотнести ее с -*DI ärdi* и рассматривать оппозицию двух морфологических комплексов как базу вычленения собственно грамматической сферы прошедшего. Сохранение *ädi* в языках Алтая как атемпоральной частицы косвенно свидетельствует о темпоральной нерасчлененности раннепратюркского *-*D(°)*. Появлению грамматических аналитических форм прошедшего предшествовал этап таких перифрастических форм в основном аспектуального содержания.

2. Для состояния праогузского уже можно говорить о сложении форм относительной ориентации: -*DI ärdi* и -*(°)r ärdi*. Сам процесс сложения морфемного комплекса в маргинальных диалектах отразился в сохранении грамматической самостоятельности второго компонента аналитической формы. Ср. *aldym ydy, aldu ydy, alur ydym* и др.

3. О процессах разрушения или утраты морфемы можно судить по сохраняющимся аналитическим конструкциям. Утраченная форма перфекта может еще существовать в аналитической форме плюсквамперфекта. При разрушенном механизме старого аориста и его функциональном смешении с формами нового презенса аналитические формы сохраняют его свойства. Показателен в этом отношении туркменский язык: литературный язык удерживает две парадигмы имперфекта, и один из них — с общеогузской основой аориста и функциями нелокализованного времени ("неопределенный имперфект"), в то время как аорист в системе простых форм уже выступает только как форма будущего.

4. Сохранение аналитической формы при отсутствии простой позволяет предположить ее существование в предшествующие эпохи. Ср. сохранение огузского причастия со значением свойства и склонности к действию в парадигме давнопрошедшего в диалекте эмрели: *gelegendi* 'он часто приходил', существование давнопрош. -*mIšdIk* при отсутствии перфекта.

5. В диалектах интерференция инодиалектных форм, в частности перфекта, приводит к утрате основной парадигмы, но при этом ее свойства могут переходить в новую парадигму через лексикализовавшиеся формы глагола *är-*: туркм. *gelipmišdik* 'говорят, мы приехали из...', аз. *jazyb-byš, jazyb-byš-dam, jazyb-byš-dan* и т.д. (Рустамов 1965).

Схема реконструкции огузского индикатива

(Состояние праогузского индикатива на этапе позднепратюркского)

Периферия системы

Дотемпоральные формы: инфект-*A*, группа перфектов ~ деепричастий *-*p*, *-*t*, *-*k*; оппозиция претерит -*DI -D(°)K*; оптатив как зона будущего.

Базовые формы

Темпоральная парадигма: претерит -*dy*, аорист -*r*, начало формирования бивербальных континуативных конструкций, стативные парадигмы; начало распада аориста -*r* на значимые алломорфы.

Тенденции развития

Возникновение оппозиции аорист -*r* ~ презенс -*A jor*, реперфективация -*(°)p*, вычленение перфекта из статальной конструкции -*miš ärür*, -*k ärür*; появление на периферии -*ažak* еще в системе перифрастических конструкций.

КОСВЕННЫЕ НАКЛОНЕНИЯ

Рассмотрим исходные положения для анализа указанных категорий.

Относительно терминологии: в целом семантическое поле указанных категорий (волитив) включает волеизъявление, направленное на исполнение / пожелание к исполнению действия участниками речевого акта. Гамма семантических переходов в поле волеизъявления исторически получала выражение как средствами грамматики (наклонения императива и оптатива), так и лексики в комплексе с просодическими способами передачи. В формировании грамматических категорий императива и оптатива лежали синкретичные глагольные формы, поэтому существенной была роль частиц и других вспомогательных средств, определявших семантические границы повеления/пожелания. Первичный императив (2 л.) исходно базировался на уже существовавших формах реализации глагола. Современный "чистый" императив, равный виртуальной глагольной основе, — результат длительной эволюции таких форм. Принимается гипотеза о существовании в период прототюркского языка категории инфекта, незаконченного действия, наиболее общего качественного и количественного представления происходящих процессов (акциальная система форм). Базой инфекта были образования с гласным ауслаутом, т.е. со структурой СГ (СГ). Инфект с помощью просодических и лексических средств выступал и как инъюнктив — категория семантического поля волитивности. Филиации прототюркского инфекта ~ инъюнктива позволяют предположить его формантом *-*A*, допуская более поздние этапы эволюции значимого расхождения на варианты с широким/узким гласным. Первичный императив представлял собою внепарадигмные вокативные образования, возникшие на базе инфекта. Их грамматикализация охватывала ситуацию речевого акта (противопоставление субъекта и адресата волеизъявления), поэтому на очень ранней ступени происходит формализация его участников с помощью дейктических элементов, прежде всего *-*n*. Предполагается, что архетип прототюркского императива (2 л. ед.) может быть реконструирован как *-*A:* ~*-*A:j* с возможным плеоназмом *-*A:-j-A:* ~ *-*A:-γ-A:*. Рефлексы: -*A:j* во всех туркменских диалектах — тип *ala:j* 'возьми', тип *ga:la:* 'останься' (човдур), *ala://ala:ya* 'возьми' (йомуд) и др. Реликты *-*A* — "императивного корня" (термин Г.Дёрфера) обнаружены им в халаджском: императив -*i* (тип *al-i* 'возьми'), который образует оппозицию с возможной краткой формой *al* по эмоциональной напряженности (Doerfer 1988, 185). Аналогичный реликтовый элемент можно видеть в як. *bar-y-ma* 'не ходи' (Коркина 1970, 148). Исходная гипотеза о существовании инфекта ~ инъюнктива как первичной основы и ее вокативных наращениях приводит к признанию вторичности краткой формы. В процессе грамматикализации вокативного элемента *-*A:(j)* и в силу сдвигов в слоговой структуре инфекта (СГСГ > СГС) изменился и "императивный корень": постепенно сложился "чистый" императив, в котором снято волитивное многообразие *-*α:j*, а сам этот формант стал основой перв-

ичного оптатива, или "слабого императива с семантикой пожелания, смягченного приказания, предупреждения и др." (Функц. грам. 1990, 173). Формант -*A:j* выступает как основа оптатива в современном туркм. (диалект теке и лит. норма), -*A://-A:gA* (йомуд), -*A:j//-A:gAj* (эрсары, сарык, салыр, човдур и др.). В диалекте сакар выступает только -*A:j* и нет диалектов только с -*A:gA(j)*. Элемент -*γ-* в составе аффикса рассматривается как соединительный согласный. Универсализация *γ*-вариантов была связана с процессами изменения слоговой структуры и неравномерно проявилась в тюркском континууме. Достаточно распространенная точка зрения на происхождение *-*gA(j)* из императива глагола *goj-* 'положить' в сочетании с императивом же основного глагола (типа *al-goj*) отвергается не в силу своей простоты, но невозможности в этом случае объяснить общетюркскую вокалическую основу -*Aj-* ~ -*A-* в формах 1 л. ед. и мн. (*al-a-jyn, al-a-ly* ~ *al-a-lyŋ*). По-видимому, элемент -*γ*— присоединялся к значимой основе *-*A* в составе ее плеонастических наращений *-*A:* ~ *-*A:jA*. Материал туркм. языка интересен в том смысле, что он сохранил двуединый статус такого показателя как модальной категории (тип *al-aj* 'возьми') и словообразовательного аффикса модального содержания (тип *al-aj-* 'желательно бы взять', ср. в туркм. презенс от такой основы: *ber-äj-jär-in* 'ладно уж, дам'). Можно найти аналогию этому явлению в якутском -*aaxtaa*: с одной стороны, частица уменьшительности и, с другой — морфологический показатель модально-эмоционального отношения к действию в статусе словообразовательной категории -*aaxtaa-* (Коркина 1970, 294). Это подтверждает существующее в алтаистике положение о полисемантичности и полифункциональности алтайских агглютинативных аффиксов (Чареков 2000, 11).

Грамматикализация вокативной частицы как показателя императива была связана с формальным выделением субъекта волеизъявления с помощью дейктического элемента *-*in* в противопоставлении субъекта и адресата волеизъявления: *-*A:j-yn:* *- *A:j*. Можно предположить, что это был показатель императивной ситуации и для других ее участников (в восточнотюркском *-*gIn*, в центральноогузском ареале — в форме 1 л. мн. — аз. -*Ag-In/-Ag-Un*). Возможно, это -*in* отмечается в якутском "усилительно-просительном" варианте императива: *min baryym-yyj // baryym-yn-yyj* 'разрешите, я пойду', *ehigi bar-yŋ-yt-yyj // baryŋ-yt-yn-yyj* 'пожалуйста, пойдите', также в парадигме оптатива *bihigi baryax-tybyt-yn* 'пусть мы пойдем', *ehigi baryax-tygyt-yn* 'пусть вы пойдете' (Коркина 1970, 157, 166). Необходимо отметить, что этот показатель отсутствует в формах 3 л., т.е. при невключенности адресата волеизъявления в речевую ситуацию. Вместе с тем возможное истолкование -**t* в 3 л. халаджского императива -*(i)tA* как эксклюзивной дейктической частицы с последующим плеоназмом показателя включенности в речевой акт -**in* (Doerfer усматривает здесь древний каузатив — Doerfer 1988, 192) позволило бы видеть в первичной парадигме императива дейктический принцип организации.

Формализация оппозиции императивной ситуации и маркирования 1 л.

на фоне сдвигов в слоговой структуре привела к появлению нулевой формы императива и его градуальной оппозиции типа туркм. *al* : *alaj* ~ *ala:*, халадж. *al* : *ali*.

В современных огузских языках в парадигме императива (в других терминах — желательно-повелительном наклонении) объединены формы собственно императива (2 и 3 л.) и оптатива (1 л.) *-A:jIn, -A:lI* ~ *-A:jlI / -A:lIŋ / -A:jlIŋ*. Как показывает туркменский материал, первичный оптатив как выдержанная парадигма (во всех лицах, ср. 3 л. *alsyn — alajsyn*) сложился на основе показателя *-A:j*, сохранившего свой двойной грамматический статус (отсюда в диалектах: *al-a:ja-jyn, al-a:j-a:ly* т.е. плеоназм словообразовательного аффикса с модальным содержанием + формант наклонения).

ЗОНА ОГУЗСКОГО ВОЛИТИВА

Как показано выше, современный туркменский язык имеет формант *-A:j* как показатель наклонения (*ala:j* 'возьми-ка!') и *-Aj*, аффикс словообразовательного типа, предшествующий другим косвенным наклонениям и выступающий в составе спрягаемых и частично неличных форм. Ср. *geläjmesin* 'лучше бы ему не прийти', *bu sowdany gojajalyŋ* 'нам лучше эту торговлю оставить', *šunuŋ jaly bolajsa* 'вот бы (все) были такими, как он' и др. Парадигма: ед. (1) *-A:j-In, -A:-gAj-yn*; (2) *-A://-A:gA* (йомуд), *-A:j//-A:-gAj*; (3) *-A:sIn// -A:gAsIn, -A:jsIn//-A:gAjsIn*; мн. (1) *-A:lI//-AlI, -A:jlI//-AjlI* (в диалектах нохур, кырач, энев значение двойственности), *-A:lI:ŋ// -A:lIŋ, -A:jlI:ŋ// -A:gAjlI:ŋ, -AjIk* (ставроп. и каракалп. туркм.); (2) *-A:ŋ, -A:gAŋ // -A:jIŋ, -A:gAjIŋ* (Бердиев 1988, 238–239). Туркменский не знает афф. *-AlIm*. Вариативность указанных формантов составляет черту узуса. В диалекте човдур отмечен плеоназм обоих вариантов, ср. *ek-ega-j-alyŋ* 'посеем-ка'. Парадигма такого первичного оптатива существует наряду с парадигмой императива (типа *al, algyn, alsyn, alyŋ*).

Как представляется, в туркменском сохранился, тем самым, первый пласт формализации субъективной модальности. Парадигма выдерживалась по единой основе наклонения, но еще не имела оформление личноместоименного типа.

Инициаль первичного форманта (широкая гласная) (*-AjIn*) сохранилась в форме 1-го лица в туркменском, в гагаузском и турецком (непоследовательно в восточноанатолийских диалектах) — (*-jIm/-IjIm*). В южноогузском регионе *-AjIm* > *-IjIm* при широкой вариативности второго (узкого) гласного дает другой тип: *-IjIm* > *jIm/jUm*. В азербайджанском и хорасанско-тюркском то же сужение и элизия *-j-* > *-Im/-Um*.

Этот характер основы *-Aj* : *-Ij* является одним из дифференцирующих признаков анализируемой подсистемы современных огузских языков: условно тип А и тип Б.

По типу оформления лица в первичной парадигме оптатива, помимо оппозиции субъекта и адресата волеизъявления *-A:jIn: -A:j*, возникло противопоставление *-A:jIn* : **-A:jIK* 'я' : 'мы с тобой вдвоем' и *-A:jIn* : *-A:jlI/-A:jlI:ŋ* 'я' : 'мы многие'. Грамматическая идея двойственности сохраняется в туркменском языке (*-A:lI*) в диалектах нохур, хасарли, энев. Для выделенного выше типа А реконструируется **-A:lI*, для Б — **-A:jIk* > **-AK*.

Внепарадигмные образования первичного императива как таковые не были собственно формами лица. В силу этого в своем ареальном распределении они могли становиться основой разных парадигм оптатива (ср. состояние грамматической "желательности" в якутском языке: основы *-aja, -yax, -yax-tyn* + личноместоименная парадигма лица). Как развернутая парадигма первичный оптатив сложился на основе "императивного корня" (ср. халаджский и туркменский типы). Другая парадигма оптатива в огузском возникла на основе **-A* и единых по типу местоименных показателей лица. Следует предположить, что эта основа также восходит к инфекту ~ инъюнктиву. Парадигма: *ala-m, ala-syn// ala-ŋ, ala-wuz, ala-syz, ala-lar*.

Состояние категорий волитивности в современных огузских языках

1. Императив

Форма 2 л. ед.ч. в туркменском сохраняет прототип императива **-A:j*, также нулевая форма, *-A:j, -A:, -A:ɣA, -AɣAj*.

Во всех огузских языках 2 л. ед. имело плеонастическую форму пожелания ~ повеления *-gIn, -gUn* (сохраняется в совр.туркм.) ~ *-gIl* (в тур. и аз. памятниках и диалектах, човдур. диалекте), может входить в состав формы первичного оптатива в туркм. *-A:jgIn*.

В центральноогузском ареале формант *-gIn/-gIl* может получать наращения — *-An, -nAn, -nA* (аз. *gelginän* 'приди', *gojgunan* 'положи', в памятниках *-gIlän: degilän* 'скажи', *-dinän, -dinä -geldinän* 'приди', *dejnädinän* 'скажи' и др. (Ширалиев 1983, 107). В туркменском аналогичный плеоназм имеет форму показателя принадлежности 2 лица: *bargynyŋ* 'пойти бы тебе' (говоры диалекта теке). Как результат спирантизации *g->j-* и последующей метатезы и элизии можно рассматривать аз. вариант *-jnän/-jnan/-nan/-nän: tüšgünän// tüšüjnän, ačyjnan, oturnan, saxlajnan* и др. (Рустамов 1965, 263). Особый показатель императива в говорах Алдере, Вартаннизора, Лехваза, Нуведи (Армения): *-dinän* (*gäldinän* 'приди') — имеет и такой вариант: *-jnäginän — gäljnäginän* и *-jnädinän — gäljnädinän* (Ширалиев 1983, 107).

В южноогузском — нулевая форма; редко *-ɣAj; -ginän (~gä:n), -ginä, -gänä, -aj, -äj*; в оптативе *-äsä*, по-видимому, как вариант при стяжении *-An* (*-an* ~ *-än*) (Doerfer, Hesche 1990, 55).

Хорас.-тюрк. нулевая форма, *-ginän*; в оптативе как *-Asä(n)*, так и *-Aŋ* (Doerfer, Hesche 1993, 384).

Показатель 2 л. мн.ч. повел. наклонения *-Iŋ/-Uŋ и -In/-Un* входит в состав собственно императива всех современных огузских языков. Вариативность по отдельным языкам: в азербайджанских диалектах вариантом *-Un* выступает *-Uz*: *bilün// bilüz* 'знайте' (то же в южноогузском ареале). В ту-

рецком *-In, -Un* и *-InIz/-UnUz* различаются лишь стилистически. В туркменском в парадигме оптатива с формантом *-Aj* 2 л. мн. имеет показатель *-Iŋ/-Uŋ/-Aŋ: alajyŋ/ala:ŋ* 'возьмите, пожалуйста' // 'взяли бы'.

Формант императива 2 л. мн. от основ на гласный дает в огузских языках два типа реализации: *-ŋ/n, -jIŋ/-jUŋ, -jIn/-jUn* (соответственно туркм. и аз., тур., гаг.). В азербайджанском такое соотношение не характерно для языка памятников, хотя варианты с *-j-* отмечены (*baglan//baglajyn*). В западных диалектах в этой позиции отмечается долгота: *saxle:ˈn* 'храните', что позволяет предположить для варианта *-n* в памятниках сохраняющуюся долготу, а тем самым вариант с *-j-* считать первичным (Рагимов 1965, 25).

2. Положение оптативных парадигм (по языкам)

1 лицо ед. числа

Азербайджанский. В лит. первичный оптатив 1 л. ед. *-Im/-Um* (< **-AjIm*) с разной универсализацией по диалектам. В восточной группе диалектов 1 л. преимущественно *-Im*, в западной также и варианты с широким гласным: *-em, -om, -öm: baxem, vurom, gülöm* (Рустамов 1965, 255). В некоторых диалектах (бак., шемах. и др.) соединительный *-j-* возникает после основ на гласный (*-jIm, -jUm: oxyjym, išlijim, gözdüjüm*, его стяжение дает варианты с долгим гласным). В письменных памятниках в основном представлены *-AjIn и -AjIm* (до XVIII в.), второй — с усиленной экспрессивностью (Рагимов 1965, 44). В парадигме второго оптатива (основа *-A*) преимущественно широкий вариант аффикса. Ср. *göräm* (оптатив), но *görim* в современном императиве (первичном оптативе).

Турецкий. В литературном языке *-AjIm* (в памятниках *AjIn*), в восточноанатолийском регионе в основном *-Im, -Um* с разным закреплением фонетических вариантов по говорам: *im; -ym; -Um*; также *-en (< -ajyn)*; редко *-AjIm, -AjIn* и др. В западной группе диалектов наряду с *-AjIm* сохранилось и *-AjIn // > An: alyjyn, verijin, giden, varan, zykaren, dute:n* и др. (Karahan 1996, 148–149). Формант *-Am* как оптатив.

Гагаузский. *-AjIm* в основах на согласные, *-jAjIm* > *-jIm* в основах на гласные (Покровская 1964, 208–209).

Южноогузский близок к азербайджанскому: преимущественно узкий вариант *-Im, -Um*, также *-imi, -i:m*. Широкий вариант *-a:m, -aᵊm* преимущественно в оптативе (Doerfer, Hesche 1990).

Хорасанско-тюркский. *-Im, -Um* как формы диалогической сферы ("императив"), *-Am* скорее как форма оптатива.

Огузские диалекты узбекского. *-aj, -äj* (Абдуллаев 1978, 57).

Формант **1 лица мн. числа** также принадлежит к признакам раннего членения праогузского на две группы: а) включающей компонент *-lI (-lI, -llm, -llŋ)* и *-AK (-AK, -Aɣ, -Ax*; в современных огузских языках в основном туркменский сохраняет в глаголе выражение двойственности *-ly, -li*; частично то же в говоре Гиресуна (сев.-вост. Антолии); б) аффикс *-Ak* представлен

в прототипе Б (аз. и восточноанатолийские говоры, южноогуз., хорас.-тюрк.). Расширение азербайджанского показателя 1 л. мн. *-AK* формантом множественности *-Un/ -Uz* (*gedäk // gedägüz // gedägün* 'пойдемте') позволяет предположить как исходное в **-Ak* для типа Б значение множественности или двойственности (ср. последнее в якутском). По этому признаку к данной группе может быть отнесен и говор туркмен Ставрополья (но с сохранившейся огузской основой *-Aj*). В плеонастических вариантах аз. *-Ag-In/ -Ag-Un* и *-Ag-Uz*, по-видимому, исторически немаркированная по лицу форма **-AK* получала показатель 1 л. или (что более вероятно) восстанавливала уже семантически размытый показатель множественности.

В этом смысле интерес представляет реликтовая форма в говоре Манисы (юго-западная Анатолия): *-amyŋ* (*az daha oturemyŋ* 'посидим еще немного') — и в другой части той же диалектной зоны Кютахьи: *hep beraber japamyŋ* 'сделаем-ка вместе' (Gülensoy 1985, 109). В этом говоре в желательной форме 1 л. мн. выступает *-am/-em*, поскольку показатель 1 л. ед.ч. *-en* (*baken* 'посмотрю-ка'), отсюда значение множественности в *gidem görem* 'пойдем посмотрим', тем самым вторая часть в плеонастическом образовании восполняет значение мн.числа. Возможно, здесь имеет место стяжение *-AlIm* > *-Am* (Karahan 1996, 50). В диалектах западноанатолийской группы отмечен и такой тип плеоназма в 1 л. мн.: *gidelimiŋ* 'пойдемте', *atašlyjalymyŋ* 'давайте зажжем' (Karahan 1996, 50, со ссылкой на Korkmaz 1956). Вместе с тем приведенное выше толкование *-amyŋ* можно и оспорить и видеть в нем стяженную вопросительную конструкцию туркменского типа (ср. *oturar mysyŋ* > *oturarmyŋ* > *otura:myŋ* 'не посидишь ли?').

Возможно, как формант множественности выступает *-m* в *-lIm* (турецкий, гагаузский тип) при сходной структуре в кыпч. *-lI-k*, и, тем самым, можно было бы так рассматривать плеонастический формант из диалектной зоны тур. Кютахьи: *-amyй* (*oturam-yй* 'посидим-ка'), а также и *-й* в *-lI-й* (туркменский тип). Употребление в диалектной зоне Кютахьи *-Am* для 1 л.мн. (*gidem görem* 'пойдем посмотрим') позволяет предположить, что противопоставление **-Aj* : **-A:jIn* по признаку включенности участников речевого акта в императивную ситуацию могло расшириться в структуре афф. 1л. мн. первоначально за счет элемента множественности: > **-Aj-In* > **-A(j) -Im* + *-Iŋ*. Возможно и другое решение: показатель 1 л. ед. + мн. (**-m-* + **-Iŋ*). Можно напомнить, что у *-aŋ* в восточнотюркских языках отмечается значение двойственности (ср. хакас.), ср. *-Iй* — компонент туркменской формы 1 л. мн. *-A:lI:ŋ*.

В 1л. ед. и мн. числа формант желательного наклонения (первичного оптатива) имел тенденцию вытеснить личноместоименный показатель в оптативе *-A*.

По типу аффикса 1 л. мн.ч. все огузские языки достаточно четко делятся на две группы: — группа с элементом *-lI* — тур., турк., гаг. с дальнейшим распределением на *-llm* (тур., гаг.) и *-llŋ* (турк.) и группа с показателем *-Ak* ~ *-Ax* (аз., ю.-огуз., хорас.-тюрк.).

Огузские диалекты узбекского дают смешанный, хотя и *-ll-* тип: *-aly/-äli* (после согл.), *-agaly/-ägäli* (после гласных основ); у чимкентских огузов *-ajnuk* (*barajnuk*) (Абдуллаев 1978, 57).

Все огузские языки сохраняют общетюркскую форму императива 3 л. *-sIn/-sUn*. В туркменском она входит составной частью в парадигму оптатива: *al-aj-syn* 'хорошо бы ему взять'.

Оптатив -A в огузских языках можно относить к образованиям более поздней формации: по сравнению с рассмотренным первичным оптативом он имеет упорядоченную парадигму и личноместоименные показатели по аналогии с парадигмами индикатива. Парадигма этого вторичного оптатива *-A* (см. выше) совпадает с парадигмой аориста западнокыпчакского типа (ср. тат. *ala-m, ala-syŋ, ala, ala-bys, ala-syz, ala-lar*). По-видимому, наличие этой парадигмы в огузо-кыпчакском ареальном койне отразилось в ее функционировании уже в огузском языковом континууме — в письменном анатолийско-турецком языке XIII–XIV вв. и частично в религиозной и научной литературе XV–XVI вв. Однако грамматическое содержание огузской парадигмы говорит о ее иной грамматической природе. Весь материал турецких памятников свидетельствует о том, что это был оптатив, который постепенно разрушился (Грунина 1966). Здесь проявилась не только типологическая черта системной неустойчивости этой категории, но и влияние письменного языка, в котором волитивно насыщенные глагольные категории уступали свое место новым членам индикатива. Именно поэтому формы оптатива больше сохраняются в бесписьменных языках (ср. сохранение в целом оптатива *-A* в хорасанско-тюркском и огузских диалектах Ирана, в турецких восточноанатолийских диалектах). Оптатив *-A* в азерб. письменных памятниках был активной формой до XVIII в. (что сближает его с тур. лит. языком той же эпохи). Как и в турецком, форма 1 л. мн. *-avuz* была вытеснена разговорной формой *-Ak* ~ *-Ax* (в тур. — формой *-AlIm*). Все огузские языки сохранили формы 2 л. ед. и мн. *-AsIn/-AsIŋ* и *-AsIz* с отрицанием, т.е. прохибитив (типа тур. *düšmejesin* 'смотри, не упади'), в зложеланиях (типа *kör olasyn* 'чтоб тебе ослепнуть!') и некоторых связанных конструкциях именно как типы волитивных употреблений.

Таким образом, разрушение парадигмы оптатива *-A* представлено поразному: если в 1 л. в тур. лит. *-Am* заместилось формой первичного оптатива (желательно-повелительного наклонения) *-AjIm*, то в восточноанатолийских диалектах, в азербайджанском, южноогузском различаются *-AjIm* и *-Am*. Письменный вариант оптатива 1 л. мн. *-AwUz* также был замещен членом императивной парадигмы *-AlIm* или *-Ak*. Можно допустить, что формы 1 л. первичного оптатива, которые мы видим в *-AjIn* ~ *-AjIm* и *-AlIm* ~ *-AlIŋ* и *-Ak*, не столько заместили формы оптатива, сколько исходно конкурировали с ними.

Оптатив *-A* в туркменском представляется книжной формой, и в своей парадигме имеет те же лакуны, что и в турецком и азербайджанском лит. вариантах.

В связи с огуз. оптативом *-A* возникает и вопрос о статусе халадж. *-gA* < *-igA*, интенционале у Г.Дёрфера (Doerfer 1988, 195). Эта форма также реконструируется им как наложение на "императивный корень" *-i*. Из приведенных случаев употребления этой формы можно сделать вывод, что в халаджском она передает желание, сомнение, опасение и др. модальные значения, высказываемые говорящим относительно действия — своего или чужого, т.е. может быть отнесена к оптативу. Структура этого оптатива сходна с вторичным огузским оптативом, о котором говорилось выше, однако отличительной чертой является разнотипное оформление личных показателей: *kör-i-g`ä-m, kör-i-g´ä-ŋ, kör-i-g`ä, kör-i-g´ä-k, kör-i-g´ä-ŋiz, kör-i-g`ä-lär* (Doerfer 1988, 193) 'я хочу увидеть, ты хочешь увидеть' и т.д. В этой парадигме можно видеть, с одной стороны, "диалогические" формы императива (1 и 2 л.), но и наличие единой основы *-gA*, в которой уже не просматривается вокативное "прошлое" туркм. *-A:j*.

В современном туркменском языке, по памятникам азербайджанского языка можно говорить еще об одной парадигме ***оптатива*** с формантом ***-a:jady/-ä:jedi***. Ср. *ala:jady-m* 'хорошо бы мне взять // дай Бог, возьму', *ala:jady-ŋ, ala:jady, ala:jady-k, ala:jady-ŋyz, ala:jady-lar* (Грам. туркм. 298). Очевидно, что показатель первичного оптатива как словообразовательный элемент входит в состав глагольной словоформы *-dy*, в которой здесь трудно усмотреть претерит. Эта словоформа может быть сопоставлена с маргинальной формой настоящего в азербайджанском типа *gačadam* 'я бегу', *gačadug* 'мы бежим' (Ширалиев 1983, 120), с настоящим в западносиб. тат. диалектах: *alatym, alatyŋ, alaty, alatyk, alatygys, alatylar* 'я беру', 'ты берешь' и т.д. (Тумашева 1977, 90), в маргинальных башк. диалектах *ala-ty-m, ala-ty-ŋ, ala-ty, ala-ty-bys, ala-ty-gys* (Максютова 1996, 55). С этим же показателем, возможно, соотносится чув. *-at*, этот же показатель в аз. диалектах *-at: alat* 'он берет' (Рустамов 1965, 229). Можно предположить, что исходной словоформой для оптатива туркм. типа явилась также форма инфекта, но уже с аффиксом характера протекания действия **-α-dα-* (ср. о *dy* как показателе многократного действия — Гаджиева 1979, 84). Возможно, такое толкование туркм. оптатива *-a-ja-dy-* приблизит к пониманию халадж. императива *-iDAm* (*ke´rdäm* 'я хотел бы посмотреть'), *-iDUm, -iDAk, -itA* (Doerfer 1988, 188). Возможно, рудимент инфекта мы видим и в аз. диал. *gel-din-än* 'прийти бы тебе' (см. выше).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОГУЗСКОГО ВОЛИТИВА

Общетюркский императив возник на основе прототюркского инфекта (протоаориста) как группа внепарадигмных образований с вокативными элементами в своем составе, формируясь как парадигма (по типу отношений между участниками речевого акта). Ареальная спецификация первичной парадигмы происходила через универсализацию показателей лица. Возможно в период распада пратюркского вариативность форм 1–2 лица легла

в основу дальнейшего огузского диалектного членения: *-AjIn ~ -AjIm : -Im, -AjIñ ~ -AjIm : -Ak*. Важной чертой этого хронологического пласта следует считать изменение фономорфологического статуса волитивной основы: значимое расхождение широкой/узкой гласной инициали (**-Aj/*-Ij*) в форме 1л. ед. Уже на этом этапе появилась основа для оптатива **-A(j) ~ *-I(j)*. Этот первичный оптатив имел единую основу, но еще не имел упорядоченного типа личных показателей. Он еще сохранял связь с диалогической сферой (наследие императива), но двойственный характер этой основы (наклонение и словообразовательный тип модальной категории) предопределял его оптативную природу (необязательность ожидания реакции адресата волеизъявления). Такой тип волитивной категории можно реконструировать для огузских языков (как реликт сохраняется в современном туркменском). По-видимому, такой тип оптатива имел и более широкие границы ареального распространения. К типу общеогузского оптатива можно отнести и парадигму с основой **-A* и личноместоименным типом спряжения. Оптатив типа *-AjA:dI*, который отмечается на участках кыпчакского "клина" в огузском ареале, т.е. в центральноогузском регионе, выступает скорее как реликт пратюркского.

КОНДИЦИОНАЛИС

Условная форма *-sA* входит в общетюркский морфологический фонд, но для огузского ареала представляет интерес своей исходной связью с формами волитива.

В памятниках *-sA* выступало со значением желания < **se-* 'желать, намереваться' (Рамстедт 1957, 121). В современных огузских языках это значение отчетливо сохраняется в изолированном употреблении условной формы в туркменском (ср. *ajtsaŋyz-la* 'скажите, пожалуйста), в турецком (*ujusan-a* 'спи же!'), в азербайджанских памятниках, но не в современных языках (Рагимов 1965, 161).

По-видимому, афф. *-sA* в пратюркском имел двойной статус: он уже сложился как предикативный показатель и в этом своем качестве был близок к *-aj* — форманту первичного оптатива. Ср. сохраняющийся морфологический комплекс в туркменском литературном *-AjsA* (ср. *ċykajsa* 'хорошо бы ему выйти!', *gela:sa* 'хорошо бы он пришел', *jaga:sa* 'хорошо бы дождь пошел' (йомуд), употребление типа *bilsem* 'хочу знать' в "Деде Горкуд" (Рагимов 1965, 151). С другой стороны, *-sA* выступал как словообразовательный аффикс модальности, присоединяясь как прямо к глагольной основе, так и к определенной глагольной словоформе. Оба типа отмечены у Махмуда Кашгари: *körsedim* 'я захотел его увидеть' (*MK* III 300), *barygsady* 'он захотел пойти' (*MK* III 346). Развитие первого *-sA* означало формирование наклонения: через желательность к выражению условия. Второй формант в своем употреблении был связан словоформой: ею чаще оказывался аорист, что вызвало форму *-IgsA-r* > в огузском ареале *-IsAr*. Именно *-IsAr* представлен в анатолийско-турецких памятниках как будущее время с оттенком долженствования. Следует думать, что *-IgsAr ~ -IsAr* сложился в огузо-кыпчакском ареале; как маргинальная форма он отмечен в долженствовательном наклонении *-sAr* в армяно-кыпчакских документах (Грунин 1967, 371), в говоре о-ва Флорина как парадигма будущего в 1 и 2 л. (Моллова 1974, 87–88). Т.е. обе формы, будучи едиными по своему происхождению, реализовали поразному свой двойной грамматический статус. По-видимому, полисемантичность *-sA* обуславливала плеонастические образования. Ср. в современных говорах Эрзурумской диалектной зоны: *aldijsam-sa, almišisam-sa, alirsam-sa, alažahsam-sa, almalijisam-sa, bašlar-syh-sa, ohursumsa* (Gülensoy 1985, 332, 374).

Оптатив типа *ala:jadym* 'хорошо бы мне взять', о котором говорилось выше, имеет аналог и в сложной морфеме *-sA + -di*. Ср. *ol oba gitsedi* 'хорошо бы ему поехать в село', *py:lan za:t alsaty* 'хорошо бы ему что-нибудь купить' (диалект мюрче). Следует думать, что туркменский сохранил в такой конструкции *-ady/-edi* как рудимент инфекта (протоаориста), и его следует отличать от более поздних образований претерита *idim, idiŋ, idi* и пр., которые переводят *-Aj и -sA* в сферу прошедшего, придавая им значение неосуществившегося (// нереального) условия.

НЕФИНИТНЫЕ ФОРМЫ

В данном разделе рассматривается та часть нефинитных форм глагола, которая явилась основой сложения темпоральной системы огузского индикатива и базой для развития полипредикативных конструкций.

При общем для всех тюркских языков центре — претерите *-DI*, аористе *-(°)r* и *-A* и перфекте *-(°)p* (СИГТЯ 1988) — различия возникали в силу растянутого во времени проникновения в темпоральную систему ее периферийных форм и разного состояния соответствующей подсистемы нефинитных форм. Значительное сходство в их инвентаре в сравнении с другими ареальными группами тем не менее давало разную конфигурацию глагольных подсистем — финитных и нефинитных.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

Уже в пратюркском в составе нефинитных форм вычленялись глагольно-именные образования и деепричастия. Глагольно-именная подсистема включала два эволюционных слоя: первичные глагольные имена — результат уже непродуктивного словообразования, составившего значительный лексический пласт языка, и вторичные глагольные имена — элементы активного или малопродуктивного глагольного формообразования. В период распада пратюркского языка они уже составляли периферию финитной системы, в которой можно было бы выделить три сферы: глагольные имена, имевшие устройство предикативной парадигмы; формы, потенциально способные к предикативному развертыванию; архаичные формы, сохранявшие в себе следы прежнего положения в дотемпоральной системе. В дальнейшем в группе нефинитных форм разграничиваются деепричастия и глагольные

ные имена, при этом в составе последних вычленяются: а) статус причастий (адъективных образований, заключающих в себе признак только субъекта: тур. *jazan adam* 'пишущий человек', б) состояние собственно глагольных имен, реализующих одновременно субъектно-объектный потенциал глагола, но через иной тип связи, ср. туркм. *meniŋ jazan kitab-ym* 'книга, которую я написал // написанная мною книга': в такой конструкции *-an* одновременно реализует все актанты (*я* написал *книгу*) и два типа связи: атрибутивную *[jazan] kitabym* и предикативную [*meniŋ jazan*] *kitab-ym*.

Вторичные глагольные имена по своему происхождению могли быть реликтами предыдущей системы, закрепившимися на островных участках современной темпоральной системы (таково положение *-Ik/-Uk* в некоторых диалектах современного турецкого языка). Чаще вторичные глагольные имена возникали как фузионные плеонастические сращения, закрепляющие грамматическую идею или снимающие семантическую размытость исходного форманта (возможно, так произошло сложение форманта **-D(α)K*). Можно предположить, что пласт первичных глагольных имен отражал классное распределение грамматических формантов, обнаруживая рефлексы активного строя (попытка рассмотреть в этом плане дотемпоральную систему: Грунина 1996). Рассмотрение первичных отглагольных имен (их полный охват в синхронном состоянии см. Севортян 1966) как задача реконструкции прототюркской глагольной системы — задача будущего.

Хронологически неравномерное становление темпоральной парадигмы и обретение ею типового устройства проходит в составе семантико-синтаксических структур, подлежащих выявлению. В этом процессе парадигма может остаться несформировавшейся до конца (ср. положение форм перфекта *-miš* и *-(°)p* в разных языках). Как признак инновации парадигмы может быть отсутствие формантов лица или наличие формально неоднородной отрицательной основы (ср. положение современной парадигмы будущего с основой *-ǯAK* и соотношение положительных и отрицательных парадигм *-An* и *-mAdlk* в туркменском).

Вторичные глагольные имена в современных огузских языках

Базовые формы

-Ar — общетюркская форма глагольного имени, в огузском ареале в этом качестве явно утратила свой функциональный потенциал. Статус этой формы как "чистого" причастия обнаруживается в многочисленных лексикализовавшихся единицах типа тур. *kajnar* 'источник, родник', аз. *ačar* 'ключ', туркм. *görer* 'зрячий' и др. В основном в туркменском эта форма еще сохраняет также статус глагольного имени. Ср. *gidere jerim* 'место, куда бы я мог пойти', *oturara jagdajym jok* 'у меня нет возможности сидеть' и др. (Грам. туркм. 367). Рудименты этого глагольного имени говорят о том, что она могла пройти полный цикл вхождения в различные семантико-синтаксические схемы, прежде чем стать одной из базовых форм общетюркского индикатива.

-An — все огузские языки; диалектные варианты: туркм. *-On* после губн. основ, после основ на гласный — *-ʼy:n (oky:n < oka:n),* наряду с *-An,* в човдурском и кырачецком также *-gAn.* Отриц. коррелят в туркм. *-mAdlk* при возможном — *mA:n.* Значение: наст.-прош. Только причастие — в турецком, в восточноанат. возможно *-anda, -andan.* В азербайджанском возможна конструкция *men ačan gapy* 'дверь, которую я открыл', *sän ačan gapy* и т.д. (Грам. аз. 141), частично функция глагольного имени типа *gelenimde* 'когда я пришел'. В слабой степени глагольно-именная конструкция сохранилась в гагаузском: *biz tutäǯäz senin gösteren jolunu* 'мы будем идти путем, указанным тобой' (Покровская 1964, 232), также типа *istejän musafirleri čaaryǯäjz* 'позовем желанных гостей' (там же). В туркменском *-An* отмечены все функции глагольного имени (*gelenimde, gelenimi, men gelen öjim* 'дом, в который я пришел'). О первичном имени *-(°)n,* на основе которого сформировалось причастие *-An,* только как таковое сохраняющееся в западноогузском ареале, см. ниже.

-mIš — только статус причастия; в некоторых турецких диалектах сохранение морфонемного статуса *-miš*; как глагольное имя в огузских языках не представлено. В гагаузском только как пассивное причастие (Покровская 1964, 235).

-DIK/-DUK — активная форма глагольного имени в турецком и азербайджанском; необходимость выражения субъекта аффиксом принадлежности в составе глагольного имени (тип *benim okuduğum kitap,* полная утрата структуры **ben okuduk kitap//*benim okuduk kitab-ym*). Ослабление функций в южноогузском ареале. Рудименты в хорасанско-тюркском; в туркменском функциональная база значительно сужена — глагольно-именной статус сохранен в основном в отрицательных формах типа *gelmediginiŋ ešitdim* 'я слышал, что ты не пришел', *meniŋ görmedik ǯajym* 'дом, который я не видел', деепричастные образования типа *ol geldigi* 'как только он пришел', *sen geldigiŋ* 'как только ты придешь', *biz geldigimizče* 'по мере нашего приближения' (Грам. туркм. 360). Сохранение в туркменском определительной структуры типа *meniŋ görmedik ǯaj-ym* дает возможность проецировать ее и в западноогузский ареал, где в настоящее время она существует лишь в обороте с *-AǯAk.* То же значение имеет и сохранение в туркменском конструкций *-dygy jok, -dygy bar, -dygy däl* как ступеней в финитном и нефинитном расхождении *-DIK.*

В гагаузском сохранились слабые следы функционирования *-DIK* как глагольного имени, в том числе в обороте *-dygyy var/-dygy jok* в значении единичного факта, в деепричастной конструкции *-dyktan sora* 'после того как...', но в основном как причастие в отриц. форме и с показателем страд. залога. Спецификой гаг. *-DIk* является грамматикализация формы с аффиксом принадлежности 3 л.: *aldyy < aldygy* 'взятый', *istedii* 'желаемый'.

Об утрате собственного значения аффиксом принадлежности говорит тип конструкции *okuduu kijad-ym* 'книга, которую я прочитал' (Покровская 1964, 237). В типе функционирования гаг. *-DIk* обнаруживается сходство с туркменским. Положение в системе глагольных форм *-DIK* и *-An* отделяет западноогузский ареал от остальной части огузского мира.

Функциональное расширение *-An* в этом регионе — следствие инодиалектной интерференции.

-AǰAk — глагольное имя и причастие в западноогузском ареале (тур., аз.). Отсутствует в хорасанско-тюркском, южноогузском и халаджском. По-видимому, инновация в гагаузском и туркменском. В последнем в силу разрушения аориста *-(ʔ)r -ǰAk* стало основой парадигмы футурума, но еще полностью не сформировавшейся (нет показателей лица и отрицательной основы, коррелирующей с положительной). В гагаузском обнаруживает слабые следы глагольного имени (с афф. принадлежности). Причастие *-AǰAK* в азербайджанском в составе временнóй парадигмы обнаруживает значительную вариативность по диалектам: зап. группа (огуз. тип) *-Aź/-äź, -Iź/-Uź, -Oź* (казах. диал.), *Iǰ/-Uǰ, -Iź/-Uź, -ź* (нухин. диал.), также *-aǰay, -ǰay, -aǰ, -äǰ, -äǰi, -ǰ* и др.; вост. (кыпч.) группа: *-AǰAy, -ǰay, -aǰ* и др.

Среди нефинитных форм явно инновационного характера необходимо выделить формы причастия настоящего длительного, которые сложились на базе способа действия в форме причастия *-An*. Это туркм. ***-jAn*** *(-ja:n/-jä:n),* принятое как литературная норма, а также его варианты в диалектах: *-I:n (-y:n/-i:n)* в ушакском говоре (Амансарыев 1970, 13), *-jon* в основах с губным гласным *(tutjo:n, geljo:n)* (эрсары), *-Díra:n/-Díro:n* (сарык), *-jö:rän* (сакар), плеонастические образования *-jaran, -jären, -gAn* в основах на гласный, а также в отрицательной форме *-mAgAn;* туркм. ставр. *-jAtAn* (Очерки 327); в диалекте дуеджи *-dugan* (Нартыев 1959, 162).

Архаичные формы

Среди архаичных глагольно-именных форм можно выделить несколько типов: а) сохраняющих разную степень развертывания статуса глагольного имени (причастия и/или имени действия) в разных частях огузского языкового ареала; б) в своем развитии как функциональных форм не достигших полноты выражения глагольных свойств и универсальности образования от любой глагольной основы. В первой группе могут быть выделены единицы, которые сохраняли продуктивность еще в исторический период. Среди них:

-DAčI, причастие потенциального или обязательного в своей реализации свойства. Отмечена в памятниках рунической письменности, у МК *-tačy (tuttačy* 'намеревающийся взять') противопоставлена как форма "туркменов и их соседей" форме *-gučy* "у тюркских племен" (МК II 342). У Абу-Хайяна предстает как основа парадигмы: *öldäčibiz* 'мы (непременно) умрем', *öldürüldäči* 'он не будет убит', *turmadačy* 'он не встанет' (Абу-Х 137–139); в среднеаз. Тефсире: *käčmiš käldäči gunahlar...* 'прошлые и будущие грехи'

(Боровков 1946, 170). Структурная модель этого причастия позволяет предположить его образование от основы акциального содержания ~ глагольного имени *(*-DA)*, если сопоставить его с глагольным именем **-(-α)γ*, рано утратившим сонант финали, ср. у Абу-Х тип *baračy,* где гласный аффикса имени деятеля > **-čy.* Ср. также: *külač* 'смешливый', тур. диал. *kekeč* 'заика'.

****-(ʔ)K *-(ʔ)G*** — глагольно-именные формы, которые в огузских языках почти целиком оказались в сфере непродуктивного словообразования. В группе последних можно обнаружить многообразный набор семантических типов (см. Севортян 1966), некоторые из них продолжали сохранять продуктивность в составе сложных морфем. Среди них следует отметить формы с узким гласным от переходных глаголов, которые имели значение пассивного признака (в силу чего и получили в тюркологической литературе название пассивных причастий: история вопроса в Севортян 1966, 204–206: *ačyk* 'открытый', *kesik* 'отрезанный', *tutuk* 'схваченный' и др. Сам характер гласного в аффиксе достаточно регулярно разводил значения активности/неактивности носителя признака по характеру гласного, соответственно широкому и узкому (ср. тур. *tutak* 'злая собака' (< 'хватающая'), но *tutuk* 'закрытый', 'завешенный'). Общетюркский показатель *-(ʔ)G*, возможно в силу неустойчивости гласной финали совпадал с предыдущим аффиксом (*tutaq ~ tutaγ*), однако продолжал существовать со значением названия процесса, которое можно уловить по производным у МК: *tutuγ* 'приступ падучей', *soruγ* 'поиск пропавшей вещи', *qusyγ* 'рвота' (МК *I* 354–356). Закономерностью огузского конечного сонанта было его падение (ср. *tuta* < **tutaγ* 'падучая'), чаще при узком гласном (ср. тур. *jaty* <**jatyγ* 'ночлег' (МК III 19) при существовании *jatyq* 'место ночлега'. Производное *-yγ / y(γ)* как причастие постоянного свойства или склонности к активному действию, вероятно, возникло как защита от смешения с *-(y)q*-стативом (ср. у МК *quruγ* 'сухой' (*quruγ jer*), *quruq — quruq qašyq* 'сухая ложка'). На этой почве в форме *-yγly* появляется параллелизм разных значений: дискретно проявляющегося свойства (*ärmäs män tutuγly* 'я не брал (их)') и статива (*körgäj jerni čyqyγly* 'увидят землю вспученной') (Боровков 1946, 359). Одновременно развивается и плеонастическая стативная форма *-yqly (bojun kötürükli* 'покорный' (там же 145). Разрушение *-yγly* в огузском > *-yly* дало неразвившийся статив, сохранившийся в виде отдельных лексических единиц типа тур. *asyly* 'висящий', *takyly* 'прицепленный', *saryly* 'завернутый в...'. В туркменском сохранилась плеонастическая форма *-yqly (asykly//asyk* 'висящий') со значением пассивного статива (например, у эмрели: *kesikli, danykly*). Ср. тур.диал. *dajanykly* 'животное, которое не в силах идти < упирающееся' < **dajanyγ* 'склонный упираться, артачиться', но в лит. *dajanykly* 'прочный, крепкий' < **dajanyk* *'крепкий'. В халаджском, по-видимому, сохраняется этап смешения двух форм: *-yγly* рассматривается как перфект (Doerfer 1988), так же у юго-западных йомудов: *berigli* 'отданный'. Лит. норма *-IlgI (jazylgy* 'написанный' — метатеза *-ygly* ?).

Форма лексического пассива *-IK/-UK* (тип *ačyk, kesik* и др.), по-видимому, еще в пратюркском имела тенденцию сформироваться как категория статива с разграничением объектной ("пассивное причастие") и субъектной разновидностей. Рудименты этого состояния мы находим в аффиксах *-ak/-ek,* которые сохранились в наслоениях на статальные же формы. Ср. тур. диал. *gelmišek* 'пришелец' (то же в башк. диалектах — Максютова), в туркм. *ötmezek (pyčak)* 'тупой (нож)', *gačmazak (mal), ösmezek (ekin)* и др. Положение этой формы как результативного статива отмечено в турецких островных говорах юга Анатолии: *čözülük sač* 'рассыпавшиеся волосы', *tutuluk kuš* 'пойманная птица', *janmajyk ev* 'несгоревший дом' (Karahan 1996, 148).

Формой неразвившегося причастия со значением потенциального признака > причастия будущего времени следует считать образование **-Iγčl,* в огузском ареале давшее *-Ižl* (ср. тур.диал. *neri gidiži ben?* 'куда я пойду?'). В островных туркменских говорах юга Анатолии, в восточноанатолийских говорах *-Ižl* может выступать основой футурума. В азербайджанских диалектах парадигма будущего выявляет смешанный характер ее основы: **-Aγ-čl* > *-Ažl/ -Ač* и **-Iγ-čl* > *-Ižl.* Однако можно предположить и то, что современный нормативный формант *-(A)žAK* мог возникнуть как плеонастическое образование *-Ač-Ak* (ср. тип *gelmiš-ek).*

Уже в исторический период глагольное имя ***-ASI*** в западноогузском ареале выступало как элемент модальной конструкции (*-AsI gel-* 'хотеть совершить действие', при этом глагольное имя получало аффикс принадлежности), а также в формулах зложелания (тур. *jere batasy* 'чтоб ему сквозь землю провалиться!'), что говорит о уже утраченных функциях глагольного имени как активной формообразующей единицы. Вместе с тем в таком качестве *-AsI* продолжает функционировать в остальной части огузского языкового ареала. В азербайджанском литературном это чаще пассивное причастие (*jazylasy kitap* 'книга, которую следует написать'), представлено в диалектах при вариативности *-asy/-äsi, -as/-äs, -ejs* как основа будущего времени в основном в 3 л., частично в 1 и 2 л. Ср. *Bunun da säbäbini ašagyda dijäsijäm* 'О причине этого я скажу ниже' (Рустамов 1965, 239). В совр. туркменском глагольное имя *-AsI* выступает в основном в составе фразеологических оборотов. В диалектах отмечено и как глагольное имя в определительной конструкции. Ср. *Bazarda edesi išimiz jok* 'На базаре нам делать нечего' — в основном в салырском диалекте и у каракалпакских туркмен (Очерки 328). Модель фразеологического оборота *-AsI gel-* можно отнести к огузо-кыпчакскому языковому ареалу пратюркского. У МК относительно этой формы: "у огузов имя орудия от всех глаголов"... *jyγač byčasy näŋ* 'предмет для рубки дерева' (II 73).

К такому же языковому состоянию пратюркского можно отнести и форму причастия ***-AgAn***, выступающего во всех огузских языках как форма непродуктивного словообразования со значением склонности к какому-либо действию, постоянно и интенсивно проявляемого свойства (например, тур. *gülegen* 'всегда смеющийся', туркм. *ičegen* 'пьяница', аз. *jatagan* 'любящий много спать' и др.). Точки зрения на природу начального гласного этого аффикса см.: Севортян 1966, 319–320. Указанный аффикс представляет интерес в связи с общеогузским причастием *-An,* которое в силу кыпчакской интерференции в туркменском и частично азербайджанском выступает и как глагольное имя. С этим связана интерпретация количественной характеристики в *-A-gAn* не столько со значением интенсивности в *-A,* сколько с аналогичной семантикой причастия *-gAn* (Севортян 1966, 320). При такой интерпретации придется признать значительную роль восточнотюркского *-gAn* — функциональной формы — в сфере огузского формообразования. При этом интерпретация *-A-* как деепричастия не дает функционального обоснования сочетанию двух разнородных аффиксов. Тем самым, гипотеза П.М.Мелиоранского об *-A-* как показателе количественной характеристики в глагольной основе, по-видимому, не утратила своей убедительности. Но в этом случае значение активного свойства в аффиксе придется связать со значением первичного имени *-(°)n,* а *-g-* рассматривать как соединительный согласный.

Первичное глагольное имя *-(°)n* в семантике своих производных сохраняет внутренний активный признак субъекта, который связан с глаголами активной типологии и проявлениями стихийной силы. Ср. *esin* 'ветер', *akyn* 'поток', *tütün* 'дым', *čakyn* 'молния', *jalyn* 'пламя', *jylan* 'змея (ползущая)' и др. Можно думать, что причастие ~ имя действия *-An* сформировалось на основе первичного имени, при этом закрепление за глагольным именем широкого гласного было отражением определенной закономерности, которая прослеживается и в распределении по двум классам **-(°)K,* о чем уже шла речь выше. Явление плеоназма афф. *-Ak* в выражении активного признака имело место и в этом случае. Ср. *tutan* *'приступ болезни' (букв. 'держащий' > 'припадок'). Т.е. исходной моделью в *-AgAn,* возможно, было не *-A-gAn,* но *-A-g-An.*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОДСИСТЕМЫ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ФОРМ В ПЕРИОД ВЫЧЛЕНЕНИЯ ПРАОГУЗСКОГО

Принимается гипотеза об изначальном синкретизме слово- и формообразования в глаголе. Первичные глагольные имена этого эволюционного слоя, реализуя формообразующую функцию, в процессе грамматикализации могли передавать признаковое значение глагола как адъектив, субстантив и как синкретичные адъективно-субъективные образования. Спецификация таких форм зависела от их семантического типа, от характера лексической основы, от типа семантико-синтаксической схемы, в которой реализовалось то или иное глагольное имя. Внутреннее развитие глагольного имени выявляло базовые формы с тенденцией к предикатному развертыванию и глагольному насыщению, и периферию системы, где сосуществовали инновационные образования и формы, утрачивающие свой потенциал. Принимается также гипотеза о первичном разграничении в сфере глагола форм

акциальных, представляющих процесс в своем качественно-количественном протекании, и форм неакциальных, в которых воплощение действия в предметно-признаковые единицы носило малоабстрагированный характер, являя россыпь конкретных семантических типов вне их темпоральной соотнесенности. Темпорализация системы не привела к исчезновению системы неакциальных форм, но привела к их большей абстракции и функциональной значимости в грамматической системе. Очевидно, уже в дотемпоральной системе происходит формирование так называемых вторичных глагольных имен — функциональных форм современного типа.

Для периода становления огузской подсистемы функциональных форм (глагольно-именного формообразования) наиболее важными представляются следующие соотношения: а) глагольное имя *-D(ʔ)K* и зона претерит ~ аорист; б) *-D(ʔ)K* и система результативно-стативных форм первичного эволюционного слоя; в) *-D(ʔ)K* и перфект *-miš*.

Содержательная близость *-D(ʔ)K* к формам пратюркского претерита (темпоральная амбивалентность) делает более вероятной гипотезу о связи этого глагольного имени с акциальной основой **-D(ʔ)-* протоинфекта (протоаориста ~ претерита) и первичным глагольным именем **-(ʔ)K*. Благодаря этому элементу мог появиться прототип глагольного имени, в котором передавалось содержание уже специфицированного аспектуально инфекта, т.е. передающего характер процесса вне предикативной конструкции. Эту адъективную функцию *-DIK* сохраняют все огузские языки, уже утратившие это глагольное имя, чаще всего в отрицательной форме *-mAdIK*.

Глагольное имя *-D(ʔ)K* в огузских языках представлено лишь с узкой гласной, при этом последовательно (особенно по памятникам) губной, что позволяет предположить, что в огузском ареале это была морфонема *-DUK*. Сохранение ее в якутском в форме *-tAx* говорит о первоначальном широком варианте **-A- ~ O*. Все языки, сохраняющие это глагольное имя или его рудименты, фиксируют вхождение его в конструкцию с *bar* и *jok*, чаще только с *jok*. Такая конструкция говорит о древней парадигме глагольных имен синкретичного типа. Предикатив *bar* — древнейшая форма аориста — в конструкции с именем формировал или конструкцию бытия ('я есмь такой'), или конструкцию посессивности ('я имею нечто'). Первая конструкция, по существу, утрачена, вторая предполагает наличие аффикса принадлежности при объекте обладания. В огузских говорах южного Ирана сохранились оба типа: первый тип — *xošxandan vardux* 'мы были веселы', второй — *män bi gižä konaɣ varym* 'у меня сегодня вечером будет гость' (Doerfer, *Hesche* 1990, 88, 289). Т.е. значение посессивности могло оформляться по первому типу 'быть каким-л.' > 'быть имеющим нечто'. *С* рудиментом такой конструкции мы встречаемся в саларском языке, где причастие *-miš* уже утрачено, но заимствованное *-gAn* выступает в конструкции *men oxuɣan var* 'я читал' (='я был читающим') (Тенишев 1976, 156). Формально посессивный тип конструкции эволюционировал в собственно предикативный и объектно направленный. Таким образом, в сказуемом в определенном семантико-синтаксическом типе предложения формировался подкласс предикативов (функциональных форм) как новая грамматическая сущность. *-D(ʔ)K* содержательно и функционально оказался близким претериту *-DI*, поэтому не сохранился как финитная форма, но в огузских языках стал базовой формой зависимых предикатов. Кыпчакская волна, разделившая огузский языковой ареал, вытеснила эту форму в западный регион (тур., аз.), в других огузских языках потеснила ее или привела к замене формой *-An*.

Можно согласиться с гипотезой об исходно стативном характере *-miš*, т.е. глагольной форме, в которой не выражена причинная связь ее содержания с исходным действием. Его первичной синтаксической функцией было участие в субъектно ориентированной семантической конструкции: *batmyš* 'разорившийся' (результатив-статив), *eskimiš* 'устаревший' (статив). Стативный статус формы, возможно, был связан с **-m + -š* как совокупности законченных актов (в *-š-* возможна грамматическая идея перехода в иное состояние). Расширение глагольного содержания *-miš* шло через его включение в состав другой глагольной конструкции: а) участие в атрибутивной конструкции типа тур. *cebe gijmiš er* 'одетый в латы человек', б) возможность включения в главный предикат: *ekmek almyš gider* 'несет хлеб'; в тур. диалектах сохраняются следы включения в сказуемое в форме именной синтагмы: *kelin olmuš(ú)jus* 'мы приобрели невестку' (Болу), *ben de ayný šekilde doďmuš(u)jun* 'я тоже так родился' (Кютахья); в) возможность ее включения в предложение: *Šerifi cebe gijmiš gördiler (Sal-n)* 'увидели Шерифа, одетого в латы'; г) развертывание предикативной парадигмы с неравномерной представленностью по лицам и с отсутствием глагольного отрицания (с последующим подключением инородной отрицательной основы *-mAdIk*).

В формировании парадигмы *-miš* от статива к перфекту как формы темпоральной решающую роль сыграл глагол *er-* 'быть'. Его следы глагольной связи обнаруживаются в халадж. *kälmišär, kälmišär-i, kälmiš ärür* (Doerfer 1988). На следующем хронологическом этапе эту функцию выполнял уже глагол *tur-*.

Развитие *-miš* как глагольного имени отмечено только в его якутском аналоге и в памятниках древнеуйгурского круга. По-видимому, кыпчакская волна, вклинившаяся в огузский языковой ареал, имела место еще в тот период, когда *-miš* еще сохранял качества статива. В этом своем качестве *-miš* не мог конкурировать с акционально насыщенным *-DIK*, сохранив лишь узкую сферу перфективного причастия. Как темпоральная форма перфект в этом ареале оказался противопоставленным претериту по признаку невключенности говорящего в событие, что привело его к форме модальной и эмфатической спецификации (с сильно выраженной функцией инференциальности). С этой функцией в форме модальной частицы он свидетельствует о своем стативно-перфектном прошлом в туркменском, хорасанско-тюркском и диалектах южного Ирана. О существовании в этих языках перфективных форм свидетельствует язык сказок с парадигмой плюсквамперфекта *-miš*

idi. На том участке огузского ареала, который подвергся кыпчакской интерференции, развитие *-miš* пошло по другому пути: он расширил свои функции глагольного имени, а при *-DI*, сохранявшем значимость инклюзивности говорящего в событие, развился в пересказывательный претерит (типа повествований в рунических эпитафиях).

Функционально *-miš* как статив может быть сопоставлен с некоторыми первичными глагольными именами. О *-Ik /-Uk* в тур. диалектах как о реликтовой форме статива и перфективного претерита речь уже шла выше. Можно предположить, что эту форму сохранили турецкие туркмены, в языке которых многие не огузские элементы объясняются кыпчакскими наслоениями. Однако представляется, что в данном случае мы имеем дело с явлением, восходящим к прототюркской дотемпоральной эпохе и той системе стативов, которая в ней существовала. К ней можно отнести и **-(°)t*, в составе маргинальных парадигм азербайджанского перфекта, туркм. *-Ik*, рассматриваемое туркменскими лингвистами как фонетический вариант деепричастия *-Ip*. Возможно, перед нами алломорфы дотемпорального перфекта, в основе своей первичные глагольные имена. В этом случае дотемпоральный перфект **-p* как глагольно-именное образование даст нить к толкованию загадочных реликтов этого деепричастия *-IbAn/-UbAn* как тип стативного обновления. Эта гипотеза труднодоказуема, однако усложненные формы указанного деепричастия имеют одну общую со стативом черту в функции определения к главному глаголу — включение в его процесс: ср. *düšüben jola gider* 'вышел в путь идет'.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Все современные огузские языки сохраняют общетюркские формы деепричастий *-Ip, -A* (в удвоенном употреблении) и их производные, которые имеют свои особенности по языкам.

-ArAk имеет в своем составе показатель степени признака; получил развитие только в западноогузском, в туркменском этот же показатель функционирует в составе деепричастия *-Ip-rAk* (в диалектах имеет функциональные варианты: *-Ipžlk, -Ipragada(n), -Ipdažlk*). В современном западноогузском при основах на гласный аффикс деепричастия имеет соединительный *-j-*, в памятниках в основном *-p* так, как это имеет место в современном туркменском, где в этом случае возникает долгота: *oka-* > *oka:p* 'прочитав'. То же в основах с отрицанием: *-mA:n*. Т.е. туркменский сохранил более старое состояние некоррелирующих форм положительного и отрицательного аспекта. В диалектах сохраняется форма *-mAjIn* (нохур), *-mAj* (маныш)/ *-mi:n* (чардж.), что соотносится с др.-тюрк. *-mAtI(n)* ~ *-mAdIn*. Элемент *-In* можно сопоставить с предполагаемым деепричастием **-In* (ср. сохранившееся в туркменском и анатолийских диалектах *dejin* 'чтобы' (букв. 'говоря').

На основе общетюркского ***-I + čA(K)*** во всех огузских языках получило развитие деепричастие предшествования 'как только': *-InžA*, в совр. туркм. *-I:nžA,* и только в полож. форме: *-mAjInčA* отмечено лишь в памятниках; огуз.-кыпч. *-I'žAK* (в тур. памятниках также *-IžAγAz* и *-IžAγAzIn)*. Обе формы следует рассматривать как филиации прототюркского инфекта *-α* > деепричастия *-A/-I/ -U*.

По-видимому, ту же форму деепричастия предшествования следует видеть в истоках туркменского литературного ***-A:gada(n)***, в диалектах: также *-I:gAdA(n)* — теке, *-A:kkAdA// -A:kAdA* — гёклен, *-IkA, -A:gA* (салыр), *-gAdIn, -IkA, -AgAdA* (човд.). Элемент *-gAdA(n)* можно сопоставить с послелогом *gadan* в центральноогузском регионе.

КЫПЧАКСКАЯ ГРУППА

ВВЕДЕНИЕ

Пракыпчакский язык хронологически можно начинать, по крайней мере, за 5-10 веков до момента упоминания о племенном союзе кыпчаков и одновременно – о кыргызах в китайских источниках – 201–203 гг. до н.э. В древнетюркском Селенгинском памятнике 759 г. имеются сведения об известном племени *türk qypčaq*. О кыпчакских языках писал Махмуд Кашгари в XI в., в Египте сохранились кыпчакские памятники средневековья, начиная с Кыпчакско-монгольско-персидского словаря (1245 г.). Знаменитый Кодекс Куманикус был создан в Крыму в конце XIII в., литературным языком Золотой Орды XIII-XV вв. стал кыпчакский язык.

Слово "кыпчак" *qypčaq* на языке тюрков-кыпчаков первоначально обозначало 'союз, объединение'. Оно образовано от слова *qyp-* 'связывать, перевязывать'. Ср. кирг. *qypčyj-* 'плотно прилегать, быть в обтяжку', каз. *qypša bel,* кирг. *qypča bel* 'тонкая, сжатая талия', каз. *qypy/ qyby* 'связь, сердцевина' и т.д.

Кыпчакские племена населяли огромную территорию от Алтая до Дуная в древности и проживают на ней и сейчас, за некоторыми изменениями, связанными с государственным устройством стран. Об обширности территории кыпчакских племен в казахском фольклоре поется: *Barar žeriŋ Balqan taw, O da bizdiŋ körgen taw* 'Вы полетите на Балканские горы, Мы тоже видели эти горы'; *Ulyŋ Ürimde, Qyzyŋ Qyrymda.* 'Твой сын в Риме, а дочь – в Крыму' и т.д.

Недостаточная оценка роли кыпчакских племен, кыпчакского племенного союза и кыпчакских языков в истории связана с слабой их изученностью. С другой стороны, в европейской науке существует пренебрежение к тюркам, их истории и культуре. Об этом писал Ф.Энгельс, по достоинству оценивая вклад гуннов в европейскую культуру, и другие – о пренебрежении европейцев к вкладу сельджуков в европейскую историю.

В официальной историографии принято ограничивать территорию и время обитания кыпчакских племен; например, считается, что кыпчаки до IX в. жили к западу от реки Иртыш и к востоку от реки Урал. Обзор сведений о кыпчаках см. Тынышпаев 1992, 28.

"Кыпчаки", "кимаки", "половцы", "печенеги", "черные клобуки", "мамлюки", "моголы" и т.д. – названия племен, языки которых мы теперь объединяем под общим названием "кыпчакские/кыпшакские языки".

Можно предложить как схематическую гипотезу хронологии языковых изменений кыпчакских языков: **ранний пракыпчакский** (X в. до н.э – II в. н.э)

сохранял 8 классических гласных пратюркского языка и идеальный закон гармонии звуков, глухие звуки в начале и конце слова, основной словарный состав пратюркского языка. Но и на этом этапе трудно предположить существование монолитного единства пракыпчакских диалектов.

В **среднекыпчакском** (II-VII вв.) появляются особенности, отличающие языки кыпчаков, населяющих разные ареалы: восточный, северный, центральный и западный.

В **позднем пракыпчакском** (VII-XII вв.) усиливался процесс распада на группы.

Последующие этапы развития кыпчакских языков (XIII-XVIII вв.) характеризуются дальнейшим формированием специфических особенностей как ареальных групп, так и отдельных кыпчакских языков. XIX-XX вв. – это время сложения современных кыпчакских языков, которые имеют значительные расхождения между собой.

Возникновение ареальных особенностей в пракыпчакском привело к образованию четырех групп современных кыпчакских языков:

а) западная: караимский, карачаево-балкарский, крымскотатарский, кумыкский, урумский;

б) северная: башкирский, язык барабинских татар, татарский;

в) центральная: язык астраханских ногайцев-карагашей, язык алабугатских татар, казахский, каракалпакский, кыпчакское наречие узбекского языка, ногайский, язык юртовских татар (астраханских ногайцев);

г) восточная: алтайский, киргизский.

Переходными между ними можно назвать: барабинский – между северными и центральными, ногайский, кумыкский – между центральными и западными.

Процесс распада пракыпчакского языка на четыре группы начался давно, по крайней мере – на рубеже христианской эры, и не одновременно. Возможно, раньше всех отделился северокыпчакский язык (болгарская), от которого происходят башкирский и татарский языки, затем – восточнокыпчакский (кыргызский), от которого пошли киргизский и алтайский, более длительные контакты сохранились между центральными (кимакскими), к которым восходят казахский, каракалпакский, являющийся ближайшим к казахскому языку, ногайский, язык астраханских ногайцев и др., и западными (куманские, половецкие): карачаево-балкарский (карачаевский и балкарский разделились поздно), крымскотатарский (соединение огузского типа с кыпчакским – ногайским – типом произошло значительно позже), кумыкский, в формировании которого также, но в значительно меньшей степени, участвовали огузские элементы.

Вместе с тем следует отметить, что связи между четырьмя группами сохранились в разной степени вплоть до XVIII-XIX вв., до окончательной колонизации Россией их носителей и введения обязательной оседлости для всех.

После этого все кыпчакские языки подвергались русификации со сторо-

ны российских колониальных властей, дальнейшее их развитие происходило под сильным влиянием русского языка при ослаблении межкыпчакских контактов.

Каждый из кыпчакских языков и каждая из групп кыпчакских языков имели внешние связи, что отразилось на их развитии:

а) с тюркскими языками: сибирскими, карлукскими, огузскими;

б) с нетюркскими языками: монгольскими, китайским, тунгусо-маньчжурскими, иранскими, семитскими, иберийско-кавказскими, славянскими, балтийскими, угро-финскими.

Наибольшим изменениям подверглись кыпчакские языки регионов: западнокыпчакского, восточнокыпчакского, северокыпчакского, имевшие длительные контакты с нетюркскими языками, вместе с тем они сохранили и древние черты.

Для реконструкции пракыпчакского языка использованы данные кыпчакских памятников средневековья, современных кыпчакских языков всех групп. Учтены были также материалы кыпчакских говоров узбекского языка, в которых морфология, так же как фонетика, лексика и синтаксис, имеет кыпчакские черты, сходные с казахским языком. Охвачены также материалы древнетюркских памятников.

Понятие "кыпчакские языки" – лингвистическое понятие, оно для пракыпчакского состояния представляет собой общее название языков не только кыпчакских племен, но и других племенных союзов и племен, близких по языку. Это относится и к современному состоянию, когда сформировались кыпчакские нации и народности. "Кыпчакские языки" – часть более общего понятия "тюркские языки".

К работе привлекаются два среза языкового развития – пракыпчакское состояние и данные современных кыпчакских языков – и сравнивается их соотношение.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

Основанием для реконструкции системы вокализма пракыпчакского языка-основы служат главным образом материалы 10 современных кыпчакских языков с их диалектами — кумыкского, карачаево-балкарского, караимского, северных диалектов крымскотатарского, ногайского, каракалпакского, казахского, татарского, башкирского и барабинского; в необходимых случаях привлекаются материалы киргизского и, реже, южных диалектов алтайского языка, а также репрезентативный эмпирический материал из известных письменных памятников кыпчакских языков — куманско-половецкого ("Кодекс Куманикус"), мамлюкско-кыпчакского и армяно-кыпчакского.

СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Современные кыпчакские языки подразделяются на 3 основные подгруппы — ***куманскую*** (понто-каспийскую), ***канглыйскую*** (арало-каспийскую), ***уральскую*** (татаро-башкирскую); в последнее время к кыпчакским языкам относят также киргизский и южные диалекты алтайского языка, объединяя их в ***периферийную*** подгруппу. Каждая из основных трех подгрупп кыпчакских языков имеет свои специфические особенности в системе вокализма, как в количественном, так и в качественном отношениях.

К **куманской подгруппе** относятся кыпчакские языки: кумыкский, карачаево-балкарский, караимский и крымскотатарский, которые сохранили классическую тюркскую восьмичленную вокалическую структуру: *а, е, у, і, о, ӧ, и, ӱ* — древнюю структуру гласных, восходящую к пратюркскому состоянию.

Нефонематические восходящие и нисходящие дифтонги в караимском языке (тракайском и крымском диалекте) во внимание не принимаются, редкая диалектная фонема *ӓ* в крымскотатарском языке не учитывается из-за ее иноязычной природы.

К куманской подгруппе примыкают языки **канглыйской подгруппы** — ногайский, каракалпакский и казахский, содержащие по 9 гласных звуков: *а, е, ӓ, у, і, о, ӧ, и, ӱ*. Дополнительный девятый гласный *ӓ* в канглыйских языках является поздним приобретением и встречается только в составе заимствованных из персидского языка слов (включая опосредованную последним лексику арабского происхождения) и для диахронических компаративных исследований не представляется релевантным. Вместе с тем, вокалические системы представителей канглыйской подгруппы отличаются наличием другой инновации — трансформацией узких гласных в так называемые гласные неполного образования, т.е. исторической редукцией узких гласных: **у>ă, *і>ĕ, *и>ŏ, *ӱ>ӧ̆*. Но широкие гласные **а, *е, *о, *ӧ* в канглыйской подгруппе кыпчакских языков сохранились в неизменном виде.

В **уральской подгруппе** кыпчакских языков, куда входят татарский и башкирский языки, а также язык барабинских татар, исторические трансформации системы вокализма носят более глубокий характер. В уральско-кыпчакских языках, как и в канглыйско-кыпчакских, все архетипические узкие гласные подверглись редукции, в результате чего появились так называемые гласные неполного образования (редуцированные, сверхкраткие, или беглые, гласные): **у > ă* (орф. *ы*), **і > ĕ* (орф. *е, э*), **и > ŏ* (орф. *о*), **ӱ > ӧ̆* (орф. *ө*).

После исторической трансформации узких гласных в сверхкраткие (редуцированные) в татарском и башкирском языках место узких гласных в вокалической структуре оказалось свободным и его стали занимать широкие гласные. Иными словами, начался процесс сужения широких гласных: **о > и, *ӧ > ӱ, е/ӓ > і, *а > а°*. Последний гласный в большинстве диалек-

тов башкирского языка практически сохранил свое качество, но в татарском, очевидно, под влиянием булгаро-чувашского субстрата (ср. чувашское передвижение **a > a° > o > y*) приобрел огубленный характер. (См. в этом отношении взаимно дополняющие друг друга работы: Гарипов 1979 а; Гарипов 1979 б и, особенно, приложенные к последней работе Структурно-стереометрические таблицы, а также: Ахметьянов 1978.)

Удержанию широкого характера гласного *а* в известной степени способствовало, видимо, относительно раннее появление в вокалической структуре татарского и башкирского, а также в канглыйской подгруппе кыпчакских языков переднерядной его параллели *ӓ*, встречающейся в первом слоге слов, заимствованных главным образом из персидского языка (включая арабские слова, заимствованные через персидский язык).

Система вокализма татарского и башкирского языков в целом стоит относительно близко к вокалической структуре канглыйских языков и весьма отличается от системы гласных звуков куманско-кыпчакских языков. Это со всей очевидностью показывает, что предполагаемая пракыпчакская этноязыковая общность первоначально распалась на две ветви — западную (куманскую) и восточную (канглыйско-уральскую); позднее, очевидно, после распада Золотой Орды, восточная ветвь распалась на две группы — канглыйскую (арало-каспийскую) и уральскую подгруппы. Все это, конечно, ни в коей мере не исключает контактов (временами весьма активных) между восточными и западными кыпчакскими языками, начавшихся, видимо, в монгольский период истории этих народов и продолжавшихся с разной интенсивностью и в более поздние периоды истории. Следы этих контактов более рельефно проявляются в системах консонантизма отдельных кыпчакских языков.

Для языка барабинских татар характерно постепенное передвижение от пратюркской системы вокализма к уральско-кыпчакской под влиянием фонетической системы казанскотатарского языка, в результате чего праязыковые широкие гласные *ӓ, о, ӧ* переходят соответственно в узкие *ĕ/i, и, ӥ*, а архетипические узкие губные гласные *и, ӥ* — соответственно в губные неполного образования *ŏ, ӧ̆*.

Фонетическая корреляция в области вокализма между тремя основными подгруппами кыпчакских языков в общих чертах выглядит следующим образом:

Куман.		**Кангл.**		**Урал.**
а	>	*а*	>	*а°*
(е)		*(ӓ)*		*(ӓ)*
е	>	*е*	>	*i*
у	>	*ў*	>	*ă*
i	>	*ĕ*	>	*ĕ*
о	>	*о*	>	*и*
ӧ	>	*ӧ*	>	*ӥ*
и	>	*ӣ*	>	*ŏ*
ӥ	>	*ӥ*	>	*ӧ̆*

Поскольку (сверх)широкий гласный *ӓ* в первом слоге во всех кыпчакских языках (где он представлен) встречается главным образом в составе фарсизмов (включая опосредованные персидским языком слова арабского происхождения), то для пракыпчакского состояния следует реконструировать восьмигласную вокалическую структуру, сохранившуюся почти без изменений в куманской подгруппе, а также в ряде других групп тюркских языков.

СООТВЕТСТВИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Для установления регулярных межъязыковых фонетических соответствий определяющее значение имеет широкий учет гласных, выступающих в сильной позиции, т.е. в тех условиях, в которых менее всего сказывается влияние позиционных и комбинаторных факторов, поэтому в дальнейшем основное внимание уделяется гласным первого слога.

Гласный *а*

В пракыпчакскую эпоху, скорее всего в позднепратюркский период, в историческом общем предке всех кыпчакских языков количественная градация гласных пала и праязыковые долгий *ā* и "краткий" *а* нормальной длительности совпали в одном гласном *а* нормальной длительности, который практически без особых изменений встречается во всех современных кыпчакских языках, и только в казанскотатарском, благодаря воздействию булгарского субстрата, гласный *а* первого слога принял определенный губной оттенок, т.е. трансформировался в *а°*.

В большинстве живых кыпчакских языков и средневековых письменных памятниках кыпчакского круга широкий негубной гласный заднего ряда нижнего подъема *а* сохраняется без изменений во всех возможных позициях в слове.

В **абсолютном начале** слова гласный *а* устойчив во всех кыпчакских языках (за исключением некоторых позиционно обусловленных комбинаторных изменений явно вторичного характера, о которых см. ниже):

кум. *aw, haw,* кбалк. *aw* ('сеть, бредень', но *uw* 'охота'), кар.к. *aw* ('тенета, силки', 'охота', 'дичь', но кар.т. *uw* 'невод'), ктат. *aw*, тат. *а°w-*, башк. *а°w*, ног. aw, ккалп. *aw*, каз. *aw* 'охота (на зверей)', 'дичь';

кум. *aw-*, кбалк. *aw-*, кар.к. *aw-dar*, ктат. *aw-*, тат. *а°w-*, башк. *а°w-*, ног. *aw-*, ккалп. *aw-*, каз. *aw-*; ср. тур. диал. *aɣ-, uɣ-, ɪɣ-* 'свешиваться, сваливаться на одну сторону', 'склоняться', 'падать';

кум. *aɣač,* кбалк. *aɣač*, *aɣas*, кар.т.г. *aɣač*, кар.г. *aɣac*, ктат. *aɣač*, тат. *а°ɣа°č*, башк. *а°ɣа°č*, ног. *aɣaš*, ккалп. *aɣaš*, каз. *aɣaš* 'дерево'; в письм. пам.: арм.-пол. *aɣač* 'дерево';

кум. *ajaq*, кбалк. *ajaq*, кар.к. *ajaq*, *ajaɣ*, кар.г. *ajak*, ктат. *ajak*, тат. *а°jaq*, башк. *а°jaq, а°δaq,* ног. *ajaq*, ккалп. *ajaq*, каз. *ajaq* 'нога'; в письм. пам.: куман. *ajaq*, арм.-кыпч. *ajaχ* 'нога';

кум. *aq*, кбалк. *aq*, ктат. *aq,* кар.к. *aq*, кар.т. *aχ*, тат. *а°q*, башк. *а°q,* ног.

aq, ккалп. *aq*, каз. *aq* ‘белый, белизна’; в письм. пам.: везде *aq* ‘белый’, куман. *aχ* ‘белый’;

кум. *aq-*, кбалк. *aq-*, кар.к. *aq-*, кар.т. *aχ-*, ктат. *aq-*, тат. *a°q-*, башк. *a°q-*, ног. *aq-*, ккалп. *aq-*, каз. *aq-* ‘течь’; в письм. пам.: везде *aq-* ‘течь’, куман. *aχ-* ‘течь’;

кум. *aqča*, кбалк. *aχca, ačχa*, кар.т. *aχca, aχcy*, кар.г. *aχca, aχcy*, ктат. *aqča*, тат. *a°qča*, башк. *a°qsa*, ног. *aqša*, ккалп. *aqša*, каз. *aqša* ‘деньги’, ‘монета’;

кум. *al*, кбалк. *al*, кар.к. *al*, ктат. *al*, тат. *a°l*, башк. *a°l*, ног. *al*, ккалп. *al*, каз. *al* ‘алый’; в письм. пам.: везде *al* ‘алый, красный’;

кум. *ala*, кбалк. *ala*, кар. *ala*, ктат. *ala*, тат. *a°la°*, башк. *a°la°*, ног. *ala*, ккалп. *ala*, каз. *ala* ‘разноцветный, пестрый’; в письм. пам.: куман. *ala* ‘пестрый’;

кум. *alaša*, кбалк. *alaša*, кар. *alaša*, ктат. *alaša*, тат. *a°la°ša°*, башк. *a°la°ša°*, ног. *alasa*, ккалп. *alasa*, каз. *alasa* ‘мерин, лошадь’;

кум. *alacyq, alačuq*, кар.к. *alačyq*, кар.г. *alacyk*, кар.т. *alacyc*, тат. *a°lacyq*, башк. *a°lasyq*, ккалп. *ylašyq*, каз. *lašyq* (< *ylašyq* < *alašyq*) (элизия анлаутного *a-* относительно типична для казахского языка) ‘шалаш’; куман. *alačuq* ‘шалаш; шатер’;

кум. *ant*, кбалк. *ant*, кар.к. *ant*, ктат. *ant*, тат. *a°nt*, башк. *a°nt*, ног. *ant*, ккалп. *ant*, каз. *ant* ‘клятва’; в письм. пам.: куман. *ant*, арм.-кыпч. *ant, and* ‘клятва; присяга’;

кум. *aŋ*, кбалк. *aŋ*, кар.т. *aŋ*, ктат. *aŋ*, тат. *a°ŋ*, башк. *a°ŋ*, ног. *aŋ*, ккалп. *aŋ*, каз. *aŋ* ‘сознание’; в письм. пам.: арм.-кыпч. *aŋ-* ‘(на)поминать’; *aŋ-la-* ‘выслушать’;

кум. *ary-*, кбалк. *ary-*, кар. *ary-*, ктат. *ary-*, тат. *a°r-*, *a°r-*, башк. *a°r-*, ног. *ar-*, ккалп. *har-*, каз. *ar-* ‘уставать, ослабевать’; в письм. пам.: *ar-*, куман. *ar-* ‘уставать’;

кум. *ara*, кбалк. *ara*, кар. *ara*, ктат. *ara*, тат. *a°ra°*, башк. *a°ra°*, ног. *ara*, ккалп. *ara*, каз. *ara* ‘промежуток’, ‘середина’; в письм. пам.: везде *ara*, куман. *ara*, арм.-кыпч. *ara* ‘середина’, ‘между’;

кум. *arpa*, кбалк. *arpa*, кар. *arpa*, ктат. *arpa*, тат. *a°rpa°*, башк. *a°rpa°*, ног. *arpa*, ккалп. *arpa*, каз. *arpa* ‘ячмень’; в письм. пам.: куман. *arpa* ‘ячмень’.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого, корневого, слога, гласный *a* в кыпчакских языках характеризуется высокой степенью устойчивости. Только в некоторых языках куманской и уральской подгрупп наблюдаются позиционно обусловленные случаи палатализации медиального *a* в соседстве с палатальными согласными *j* и *č*, более характерные для татарского и башкирского языков.

Кум. *baba*, кбалк. *baba*, кар. *baba*, ктат. *baba*, тат. *baba*(*j*), башк. *baba*(*j*), ног. *baba*, ккалп. *baba*, каз. *baba* ‘отец; дед, прадед’;

кум. *baw*, кбалк. *baw*, *bau*, кар. *baw*, кар.к. *baγ* (< огуз.); ктат. *baw*, диал. *baγ* (< огуз.), тат. *ba°w*, диал. *ba°j*, миш. *bäj* (с вторичной палатализацией под влиянием *j*), башк. *ba°w*, *ba°j*, ног. *baw*, ккалп. *baw*, каз. *baw*, *bau* ‘узел’;

кум. *baǯa*, кбалк. *baǯa*, кар.к. *baǯanaq* (< огуз.), ктат. *baǯanaq* (< огуз.), тат. *ba°ǯa°*, диал. *paǯa*, *pača*, *paca*, башк. *ba°ǯa°*, ног. *baža*, ккалп. *baža*, каз. *baža* ‘свояк’;

кум. *baj*, кбалк. *baj*, кар. *baj*, ктат. *baj*, тат. *ba°j*, башк. *ba°j*, ног. *baj*, ккалп. *baj*, каз. *baj*, кирг. *baj* ‘богатый; ‘богач’;

кум. *bat-*, кбалк. *bat-*, кар.т.г. *bat-*, ктат. *bat-*, тат. *ba°t-*, башк. *ba°t-*, ног. *bat-*, ккалп. *bat-*, каз. *bat-* ‘погружаться’; в письм. пам.: везде *bat-* ‘погружаться, увязать; тонуть’;

кум. *baš*, кбалк. *baš*, диал. *vaš*, кар.т.к. *baš*, кар.г. *bas*, ктат. *baš*, тат. *ba°š*, башк. *ba°š*, ног. *bas*, ккалп. *bas*, каз. *bas* ‘голова’; в письм. пам.: везде *baš*, куман. *baš*, арм.-кыпч. *bas* ‘голова’, ‘главный’;

кбалк. *mašaq*, кар.т. *bašaq*, кар.г. *basak*, ктат. *bašaq*, *mašaq*, тат. *ba°ša°q*, башк. *ba°ša°q*, ног. *masaq*, ккалп. *masaq*, каз. *masaq*, диал. *mašaq*, кирг. *bašaq*, *mašaq* ‘колос’; в письм. пам.: везде *bašaq* ‘колос’, ‘наконечник стрелы’;

кум. *jaw-*, кбалк. *ǯaw-*, кар. *jaw* (кар.к. *jaγ-* < огуз.), ктат. *jaw-* (*jaγ-* < огуз., ср. тур. *jaγ-*), тат. *ja°w-*, *ǯa°w-*, башк. *ja°w-*, ног. *jaw-*, ккалп. *žaw-*, каз. *žaw-* ‘идти (об атмосферных осадках)’; в письм. пам.: везде *jaγ-*, куман. *jaw-* ‘идти, падать (об атмосферных осадках)’;

кум. *jaw*, кбалк. *ǯaw*, кар. *jaw* (кар.к. *jaγ* < огуз.), ктат. *jaw* (южн. *jaγ* < огуз., ср. тур. диал. *jaγ*) ‘масло, жир’; в письм. пам.: везде *jaγ* ‘жир, масло’, куман. *jaγ, jaw* ‘жир, масло’;

кум. *jawyn*, *jawun*, кбалк. *ǯawum*, тат. *ja°wɨ̆m*, башк. *jawŭn*, ног. *jawɨ̆n*, ккалп. *žawɨ̆n*, каз. *žawɨ̆n* ‘дождь; осадки’;

кум. *jawluq*, кбалк. *žawluq*, кар.к. *jawluq*, кар.т. *jawluχ*, кар.к. *jawlyq*, ктат. *jagliq* (< огуз.), тат. *ja°wlɨ̆q*, *ǯa°wlɨ̆q*, башк. *ja°wlɨ̆q*, ног. *jawlɨ̆q*, ккалп. *žawlɨ̆q*, каз. *žawlɨ̆q*, кирг. *žōluq* ‘платок’; в письм. пам.: везде *jaglyq* ‘платок’, арм.-кыпч. *jaglyc* ‘платок’;

кум. *jaq-*, кбалк. *ǯaq-*, кар.т. *jaχ-*, кар.к. *jaγ-*, *jaq-*, ктат. *jaq-*, тат. *jaq-*, *ǯa°q-*, башк. *ja°q-*, ног. *jaq-*, ккалп. *žaq-*, каз. *žaq-* ‘мазать’; в письм. пам.: везде *jaq-* ‘(с)маз(ыв)ать’;

кум. *jaqšy*, *jaχši*, кбалк. *aχšy*, *ǯaχšy*, кар.т. *jaqšy*, кар.г. *jaqsy*, *jaχsy*, кар.т.к. *žaχšy*, ктат. *jaχsɨ̆*, тат. *jaχšɨ̆*, башк. *ja°qšɨ̆*, ног. *jaqsɨ̆*, ккалп. *žaqsɨ̆*, каз. *žaqsɨ̆* ‘хороший’; в письм. пам.: везде *jaqšy*, *jaχšy*, арм.-кыпч. *jaχši*, *jaγši* ‘хороший’;

кум. *qabaq*, диал. *qawaq*, кбалк. *qab*, кар.к. *qabaq*, кар.г. *kabak*, кар.т. *kabaχ*, ктат. *qabaq*, тат. *qa°ba°q*, башк. *qa°ba°q*, ног. *qabaq*, ккалп. *qabaq*, каз. *qabaq*, диал. *qawaq* ‘тыква’; в письм. пам.: *qabaq*, куман. *qabaq* ‘тыква’;

кум. *qaz*, кбалк. *qaz*, кар.к. *qaz*, ктат. *qaz*, тат. *qaz*, башк. *qa°δ*, ног. *qaz*, ккалп. *γaz*, каз. *qaz* ‘гусь’; в письм. пам.: везде *qaz*, куман. *qaz* ‘гусь’;

кум. *qaz-*, кбалк. *qaz-*, кар.к. *qaz-*, кар.т.г. *kaz-*, ктат. *qaz-*, тат. *qa°zɨ̆-*, башк. *qa°zɨ̆-*, ног. *qazɨ̆-*, ккалп. *qaz-*, каз. *qaz-* ‘копать’; в письм. пам.: *qaz-*, куман. *qazy-* ‘рыть, копать’;

кум. *qazan*, кбалк. *qazan*, кар.к. *qazan*, ктат. *qazan*, тат. *qa°za°n*, башк.

qa°δan, ног. *qazan*, ккалп. *qazan*, каз. *qazan* ‘котел’; в письм. пам.: везде *qazan*, куман. *qazan* ‘котел’;

кум. *qaryn*, кбалк. *qaryn*, кар.к. *qaryn*, кар.т.г. *karyn*, ктат. *qaryn*, тат. *qa°rын*, башк. *qa°rын*, ног. *qarын*, ккалп. *qarын*, каз. *qarын* ‘живот’, ‘утроба’, ‘брюхо’; в письм. пам.: везде *qaryn*, куман. *qaryn* ‘живот’, ‘желудок’;

кум. *qaryš*, кбалк. *qaryš*, кар.к. *qaryš*, кар.т. п. *karyš*, кар.г. *karыš*, ктат. *qaryš*, тат. *qa°rыš*, башк. *qa°rыš*, ног. *qarыš*, ккалп. *qarыš*, каз. *qarыs* ‘пядь’; в письм. пам.: везде *qaryš* ‘пядь (расстояние от большого пальца до мизинца или указательного)’, ‘четверть (аршина)’;

кум. *qat*, кбалк. *qat*, кар.к. *qat*, кар.т.г. *kat*, ктат. *qat*, тат. *qa°t*, башк. *qa°t*, ног. *qat*, ккалп. *qat*, каз. *qat* ‘слой, ряд’, ‘этаж’, ‘сторона’; в письм. пам.: везде *qat* ‘слой, ряд’, ‘бок, сторона’;

кум. *qat-*, кбалк. *qat-*, кар.к. *qat-*, тат. *qa°t-*, башк. *qa°t-*, ног. *qat-*, ккалп. *qat-*, каз. *qat-* ‘примешивать, добавлять’; в письм. пам.: везде *qat-* ‘примешивать, добавлять’;

кум. *taw*, кбалк. *taw*, кар. *taw*, кар.к. *taγ*, *daγ* (< огуз.), ктат. *taw*, южн. *daγ* (< огуз.), тат. *ta°w*, *ta° ў*, башк. *ta°w*, ног. *taw*, ккалп. *taw*, каз. *taw*, *tau* ‘гора’; в письм. пам.: куман. *taγ*, *taw* ‘гора’;

кум. *taja-n-*, кбалк. *taja-n-*, кар. *taja-n-*, ктат. *taja-n-*, тат. *ta°ja°-n-*, башк. *ta°ja°-n-*, ног. *taja-n-*, ккалп. *taja-n-*, каз. *taja-n-* ‘опирать(ся), прислонять(ся)’; в письм. пам.: *taja-n-* ‘подпирать’, ‘опираться’;

кум. *taq-*, кбалк. *taq-*, кар.к. *taq-*, кар.г. *tak-*, кар.т. *taχ-*, ктат. *taq-*, тат. *ta°q-*, башк. *ta°q-*, ног. *taq-*, ккалп. *taq-*, каз. *taq-* ‘прицеплять, вешать’; в письм. пам.: везде *taq-*, куман. *taq-* ‘привешивать’;

кум. *taš*, кбалк. *taš*, кар.т.к. *taš*, кар.г. *tas*, ктат. *taš*, тат. *ta°š*, башк. *ta°š*, ног. *tas*, ккалп. *tas*, каз. *tas* ‘камень’; в письм. пам.: везде *taš*, куман. *taš* ‘камень’;

кум. *tašy-*, кбалк. *tašy-*, кар.т.к. *taš-*, ктат. *taš-*, тат. *ta°šɨ-*, башк. *ta°šɨ-*, ног. *tašɨ-*, ккалп. *tasɨ-*, каз. *tasɨ-*, кирг. *tasy-* ‘переливаться через край’; в письм. пам.: везде *taš-* ‘литься, разливаться’;

кум. *tašy-*, *taši-*, кбалк. *tašy-*, кар.т.к. *tašy-*, ктат. *tašy-*, тат. *ta°šɨ-*, башк. *ta°šɨ-*, ног. *tasɨ-*, ккалп. *tasɨ-*, каз. *tasɨ-* ‘носить, таскать’, ‘возить’; в письм. пам.: везде *tašy-* ‘таскать, носить’ и т.д.

Анализ межъязыковых корреляций более чем 200 общекыпчакских слов показал поразительную устойчивость инициального и медиального гласного *a* практически во всех кыпчакских языках. Наблюдаются лишь единичные случаи опереднения в соседстве с палатальными согласными *j* и *c* в татарском (*ači* > *äči* ‘горький’, *ajran* > *äjrän* ‘кислое молоко’), башкирском (a*či* > *äči* ‘горький’) и, отчасти, в крымском диалекте караимского языка (a*ччi* > *ecci* ‘горький’, *ajt* > *äjt* ‘говорить’).

Особо следует отметить огубленность *a°* в уральской подгруппе кыпчакских языков: главным образом в казанскотатарском (в мишарских и сибирских говорах обычно сохраняется нелабиализованный *a*) и, отчасти, в башкирском (где огубление *a* ограниченно допускается лишь в смежных с татарскими говорах; орфоэпической нормой является произношение в первом слоге открытого *a*) (см.: Киекбаев 1959 б, 26–28; Яруллина 1959, 169–170; Юлдашев 1966, 174).

Появление огубленного *a°* в башкирском языке имеет явно вторичный и относительно поздний характер; в любом случае его нельзя датировать временем ранее рубежа XVIII–XIX вв. Да и в самом татарском языке лабиализация гласного *a*, судя по всему, имеет явно вторичный характер. По осторожному высказыванию Т.М. Гарипова, “казанский диалект и основанный на нем татарский литературный язык интенсивно развили лабиализацию данной фонемы, особенно в анлауте — скорее всего, не без влияния Волго-камского языкового союза” (Гарипов 1979 а, 231).

Татарское оканье, конечно, имеет местное, субстратное происхождение и своим возникновением обязано булгарскому субстрату. Первоначальной территорией возникновения татарского оканья следует признать предкамские и закамские районы, где начиная с XV в. начал складываться казанско-татарский язык.

Проблема происхождения и развития булгаро-чувашского оканья и уканья детально и аргументированно разрешена чувашским языковедом Н.И.Егоровым (Егоров 1983, 35–63; 1985, 3–28; 1986, 3–16).

Рассмотренный нами обширный репрезентативный эмпирический материал наглядно показывает, что гласный *a* первого слога устойчиво сохраняется во всех кыпчакских языках, включая и известные языки письменных памятников кыпчакского круга. Следовательно, его можно смело экстраполировать на пракыпчакский уровень.

Гласный *e*

На основании анализа фактического материала всех известных живых и архаических тюркских языков ученые говорят о существовании в пратюркском краткого открытого *ä* и долгого закрытого *ē* и о комбинаторном варьировании *ä* ~ *ε* ~ *e* в разных фонетических окружениях на поздней стадии праязыка и на разных этапах истории современных тюркских языков вплоть до настоящего времени (СИГТЯ 1984, 23).

Ко времени обособления и становления самостоятельного кыпчакского праязыка количественное противопоставление гласных по признаку длительности-краткости было утрачено и пратюркские открытый краткий *ä* и закрытый долгий *ē* слились в одну индифферентную фонему *e*.

Наблюдаемое в некоторых современных кыпчакских языках противопоставление широких негубных гласных переднего ряда *ä* — *e* по признаку открытости-закрытости (более низкого подъема — более верхнего подъема) получило распространение главным образом в канглыйской и, отчасти, уральской подгруппах современных кыпчакских языков и, несомненно, имеет вторичное происхождение. Открытый вариант *ä* данной фонемы в названных языках по преимуществу представлен только в составе слов, заимствованных из персидского языка (включая опосредованные персидским

слова арабского и иного происхождения). Следовательно, противопоставление вариантов *ä* и *e* могло развиться в указанных языках только после установления устойчивых контактов между кыпчакскими и иранскими (персидским, таджикским) языками и не может претендовать на пракыпчакскую древность. Природа открытого варианта *ä* обусловлена специфическими артикуляционными особенностями гласного *a* в иранских языках (обычно он характеризуется как "нелабиализованный гласный нейтрального продвинутого вперед ряда нижнего подъема; более передний по артикуляции, чем русское *a*..." — Основы иранского языкознания 22). Данный звук не вписывается в исконную тюркскую систему вокализма, а только пристраивается к ней, и, как заимствованный звук, должен рассматриваться отдельно.

В большинстве письменных живых кыпчакских языков гласный *e*, как правило, сохраняется без каких-либо изменений во всех возможных положениях в слове. В татарском и башкирском языках, составляющих уральскую подгруппу кыпчакских языков, широкий негубной гласный переднего ряда нижнего подъема *e* претерпел сужение и трансформировался в узкий негубной гласный переднего ряда верхнего подъема *i*. Сужение *e* > *i* в уральской подгруппе кыпчакских языков произошло сравнительно поздно под интенсивным воздействием булгаро-чувашского субстрата. Таким образом, для пракыпчакского состояния реконструируется только один вариант широкого неогубленного гласного переднего ряда *e*.

В абсолютном начале слова гласный *e* обычно сохраняется без каких бы то ни было изменений в куманской и канглыйской подгруппах кыпчакских языков, а в уральской подгруппе сужается и переходит в качественно новый гласный *i*. (Вместе с тем, в языках куманской и канглыйской подгрупп отмечаются особые нерегулярные, позиционно обусловленные случаи корреляций фонемы *e*, связанные с ассимилятивно-диссимилятивным воздействием смежных согласных звуков, которые будут особо оговорены ниже.)

Кум. *e-*, кбалк. *e-*, кар. *e-*, ктат. *e-*, тат. *ĕ-*, башк. *ĕ-*, ног. *e-*, ккалп. *e-*, каз. *e-* 'быть'; в письм. пам.: везде *er-*, куман. *er-* 'быть' (< пратюрк. *er-*);

кум. *ez-*, кбалк. *ez-*, кар.т.г. *ez-*, ктат. *ez-*, тат. *ĕz-*, башк. *ĭδ-*, ног. *ez-*, ккалп. *ez-*, каз. *ez-* '(раз)мять'; в письм. пам.: везде *ez-* 'мять', 'давить', 'растирать';

кум. *egiz*, кбалк. *egiz*, кар. *egiz*, ктат. *ekiz* (< огуз.), тат. *ĕgĕz*, башк. *ĕgĭδ*, ног. *egiz*, ккалп. *egiz*, каз. *egĕz* 'близнецы, двойня'; в письм. пам.: куман. *egiz* 'близнецы';

кум. *ekmek*, кбалк. *ötmek*, кар.г. e*kmek*, *etmek*, кар.т. *et'm'ak*, кар.к. *ötmek*, ктат. e*kmek*, *ötmek*, тат. *ĕkmäk*, башк. *ĕkmäk*, ног. *ötpek*; в письм. пам.: *etmek*, куман. *ötmek*, *etmek* 'хлеб';

кум. *eki*, кбалк. *eki*, кар.к.т. г. e*ki*, кар.г. *iki*, ктат. e*ki*, тат. *ĕkĭ*, башк. *ĕkĭ*, ног. *eki*, ккалп. *eki*, каз. *ekĭ* 'два'; в письм. пам.: куман. *iki*, *ekki*, арм.-кыпч. *eki* 'два';

кум. *ele-*, кбалк. *ele-*, кар.к.г. *ele-*, кар.т. *öl'a-*, кар.к. *öle-*, ктат. e*le-*, тат. *ĕla-*, башк. *ĕlä-*, ног. *ele-*, ккалп. *ele-*, каз. *ele-* 'просеивать (через сито)'; в

письм. пам.: везде *ele-* 'просеивать';

кум. *elli*, кбалк. *elli*, кар.к. *elli*, кар.г. *enli*, *iŋli*, кар.т.г. *eŋli*, ктат. e*lli*, тат. *ĕllĭ*, башк. *ĕllĭ*, ног. *elli*, ккалп. *elli*, каз. *elüw* 'пятьдесят';

кум. *erkek*, кбалк. *erkek*, кар.к.г. *erkek*, ктат. *erkek*, тат. *ĭrkäk*, башк. *ĭrkäk*, ног. *erkek*, ккалп. *erkek*, каз. *erkek* 'самец; особь мужского пола', 'мужчина'; в письм. пам.: везде *erkek* 'самец', 'мужчина';

кум. *erte*, кбалк. *erte*, *ertte*, кар.к.г. *erte*, кар.т. *ört'a*, ктат. *erte*, тат. *ĭrtä*, башк. *ĭrtä*, ног. *erte*, ккалп. *erte*, каз. *erte* 'рано, утро'; в письм. пам.: везде *erte* 'рано', 'утро'; куман. *erte* 'рано', 'утро'; арм.-кыпч. *ertä* 'завтра';

кум. *es*, кбалк. *es*, кар. *es*, ктат. *es*, тат. *ĭs*, башк. *ĭθ*, ног. *es*, ккалп. *es*, каз. *es* 'память; ум'; в письм. пам.: везде *es*, куман. *es* 'память; разум';

кум. *et*, кбалк. *et*, кар. *et*, ктат. *et*, тат. *ĭt*, башк. *ĭt*, ног. *et*, ккалп. *et*, каз. *et* 'мясо'; в письм. пам.: везде *et*, куман. *et* 'мясо; тело, плоть';

кум. *et-*, кбалк. *et-*, кар. *et-*, ктат. *et-*, тат. *ĭt-*, башк. *ĭt-*, ног. *et-*, ккалп. *et-*, каз. *et-* 'делать, совершать'; в письм. пам.: везде *et-*, куман. *et-*, арм.-кыпч. *et-* 'делать; поступать';

кум. *ešit-*, кбалк. *ešit-*, кар.к.т. *ešit-*, кар.г. *esit-*, ктат. *ešit-*, тат. *ĭšĭt-*, башк. *ĭšĭt-*, ног. *esit-*, ккалп. *esit-*, каз. *esĭt-* '(у)слышать'; в письм. пам.: везде *ešit-*, куман. *ešit-* 'слышать';

кум. *eš-*, кбалк. *eš-*, кар.т. *eš-*, ктат. *eš-*, тат. *ĭš-*, башк. *ĭš-*, ног. *es-*, ккалп. *es-*, каз. *es-* 'вить, свивать'; в письм. пам.: везде *eš-* 'вить; плести', 'свивать';

кум. *ešik*, кбалк. *ešik*, кар.к.т. *ešik*, кар.г. *esik*, ктат. *ešik*, тат. *ĭšĭk*, башк. *ĭšĭk*, ног. *esik*, ккалп. *esik*, каз. *esĭk* 'дверь'; в письм. пам.: куман. *ešik*, арм.-кыпч. *esik* 'дверь'.

В **инициальной позиции** в сравнительно небольшом числе исконных тюркских слов наблюдается сужение праязыкового широкого негубного гласного переднего ряда *e*, т.е. исторический переход широкого *e* в узкий *i*. Этот процесс охватывает практически все подгруппы кыпчакских языков, причем в уральской и, отчасти, канглыйской подгруппах наблюдается дальнейшая редукция узкого негубного гласного переднего ряда *i*, т.е. исторический переход широкого *e* в узкий *i* с последующей редукцией до *ĭ*.

кум. *in* (в составе *inbaš* < *in* 'плечо' + *baš* 'голова'; 'начало'), кбалк. *im* (< *in* в составе *imbaš*, где *m* < *n* перед *b*), *in* (в составе *inbaš*), кар.т.г. *in*, кар.т. *i:n*, кар.т. *iń* (< *iŋ* < *egin*), тат. *ĭŋ*, башк. *ĭŋ*, ног. *ijin*, ккалп. *ijin*, каз. *ĭĭn*, *i:n* 'плечо'; в письм. пам.: везде *egin* 'плечо';

кум. *ijir-*, кбалк. *ijir-*, кар.г. *ijir-*, кар.т. *i:r-*, ктат. *ijir-*, ног. *ĭĭr-*, ккалп. *ĭĭr-*, каз. *ĭĭr-* 'прясть'; в письм. пам.: везде *egir-*, куман. *egir-* 'прясть; сучить' (< **egir-*);

кум. (*i*)*je*, *jeje* (< аз.), кбалк. *ije*, кар.к. *ije*, *je*, ктат. *ije*, тат. *ijä*, башк. *ijä-*, ног. *ĭje*, ккалп. *ĭje*, каз. *ĭje*, диал. *ĭge*, *ege* (< узб.) 'хозяин'; в письм. пам.: арм.-кыпч. *ijä* 'господин, хозяин; муж' (< пратюрк. **eδe* < **ädä*);

кум. *jer*, диал. *jeger* (< аз.), кбалк. *ijer*, кар.т. *jer*, *er*, кар.т. *eger* (< огуз.), кар.г. *yγyr*, ктат. *ejer*, тат. *ĭjär*, башк. *ĭjär*, ног. *ĭjer*, ккалп. *jer*, каз. *er*, диал.

jeger (< узб.) ‘седло’; в письм. пам.: куман. *ejer* ‘седло’ (< пратюрк. **eδŋär* < **aδŋär*);

кбалк. *igi*, кар.т. *iji*, кар.г. *egi*, *eji* (< огуз.), ктат. *eji* (< огуз.), тат. *igĭ*, *izgĭ* (< уйг.), башк. диал. *igĭ*, ног. *ĭgĭ*, ккалп. *ĭgĭ*, каз. *ĭgĭ*, *ĭgĭ* ‘хороший’, ‘благо; добро’; в письм. пам.: куман. *egi*, *ejgi*, арм.-кыпч. *igi* ‘хороший, добрый’ (< пратюрк. **eδgi* < **äδgü*);

кум. *iri-*, кбалк. *eri-*, кар. *iri-*, ктат. *eri-* (< огуз. ?), тат. *irĭ-*, башк. *irĭ-*, *irĭ-*, ног. *irĭ-*, ккалп. *erĭ-*, каз. *erĭ-* ‘(рас)таять, (рас)плавиться’; в письм. пам.: куман. *iri-* ‘расплываться’, арм.-кыпч. *eri-t-* ‘растопить, расплавить’ (< пратюрк. **eri-*) (в данном слове наблюдаются интересные фонетические изоглоссы, объединяющие, с одной стороны, кбалк. *eri-* с ккалп. и каз. формами, с другой — западнокыпчакские формы *iri-* с ногайскими, что, очевидно, свидетельствует об определенной близости карачаево-балкарского языка с восточнокыпчакскими в исторической ретроспективе).

Такое положение вещей наводит на мысль о том, что сужение широкого *e* > *i* имело место в определенном круге слов уже в пракыпчакском, и этот вторичный *i* в языках уральской и канглыйской подгрупп повел себя как исконный *i* и подвергся редукции.

Спорадическое сужение *e* > *i* наблюдается на диалектном уровне в ряде кыпчакских языков, например: в языке казахов Кустанайской области (лит. *šen* > диал. *sin* ‘обруч’ и т.д.), диалектах каракалпакского языка (сев.-вост. *endi* > юго-зап. *imdi*, *indij* ‘теперь’; сев.-вост. *eki* > юго-зап. *iki* ‘два’ и т.п.), в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка (лит. *endi* ~ диал. *indi* ‘теперь’; лит. *ešik* ~ диал. *išik* ‘дверь’, ‘двор’ и т.д.). Спорадическое сужение праязыкового гласного *e* > *i* наблюдается также в кумыкском (общекыпч. *eŋ* ~ кум. *iŋ* ‘очень, самый’), в караимском (кар.к. т. *egirmi* ~ кар.г. *igirmi* ‘двадцать’; *čerim* ~ *čirim* ‘дремота’ и т.д.) (см.: Гаджиева 1975, 103–104).

Общекыпчакское сужение инициального широкого гласного *e* > *i* регулярно наблюдается в соседстве с последующим палатальным плавным сонантом *j*, имеющим различное происхождение. Этот палатальный плавный сонант может восходить к разным праязыковым согласным: 1) к пратюркскому *j* (общекыпч. **ijmen-* < пратюрк. **ejmen-* ‘стесняться’); 2) к пратюркскому *g* (общекыпч. **ijin* < пратюрк. **egin* ‘плечо’; общекыпч. **ijir-* < пратюрк. **egir-* ‘прясть’ и т.д.); к пратюркскому *δ* (общекыпч. **ijle-* < пратюрк. **eδle-* ‘выделывать шкуру’). Отсюда следует, что общекыпчакское позиционно обусловленное сужение *e* > *i* перед последующим палатальным плавным согласным *j* имело место относительно поздно, уже после трансформации праязыковых **g* и **δ* в *j*, скорее всего в эпоху самостоятельного развития пракыпчакского языка.

Таким образом, сужение *e* > *i* имело место в позднепракыпчакском; для раннепракыпчакского состояния реконструируется во всех подобных случаях широкий негубной гласный переднего ряда *e*.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого, корневого, слога, пра-

языковой гласный *e* обычно сохраняется в куманской и канглыйской подгруппах кыпчакских языков и только в уральской подгруппе (в татарском и отчасти башкирском языках) регулярно сужается и переходит в узкий негубной гласный переднего ряда *i*.

Сужение *e* > *i* в уральской подгруппе кыпчакских языков имеет явно вторичный характер, происходило уже после окончательного распада пракыпчакского единства на ряд самостоятельных языков (точнее — в ходе самостоятельного развития татарского языка) и только позднее распространилось на башкирский язык. В восточном диалекте татарского языка сужение широкого гласного первого слога (в инициальной и медиальной позициях) имеет спорадический характер, и оно, несомненно, спровоцировано ассимилирующим влиянием татарского литературного языка. Для пракыпчакского состояния и в медиальной позиции на месте пратюркских **ä* и **ē* восстанавливается единственно возможная фонема *e*.

Кум. *bez-*, кбалк. *bez-*, кар.г.к. *bez-*, ктат. *bez-*, тат. *bĭž-*, башк. *bĭδ-*, ног. *bez-*, ккалп. *bez-*, каз. *bez-* ‘испытывать отвращение’, ‘надоедать’; в письм. пам.: везде *bez-*, куман. *bez-* ‘отворачиваться’;

кум. *bez:ek*, *bezgek*, кбалк. *bezgek*, кар.т. *bezgäk*, *bez'gek*, ктат. *bezgek*, тат. *bĭžgäk*, башк. *bidgak*, ног. *bezgek*, ккалп. *bezgek*, *beskek*, каз. *bezgek* ‘лихорадка, малярия’; в письм. пам.: везде *bezgek*, куман. *bezgek* ‘холодная лихорадка’;

кум. *beze-*, кбалк. *beze-*, кар.к. *beze-*, ктат. *beze-*, тат. *bĭžä-*, башк. *bĭδa-*, ног. *beze-*, ккалп. *beze-*, каз. *beze-* ‘украшать, наряжать’; в письм. пам.: везде *beze-* ‘украшать’;

кум. *belgi*, кбалк. *belgi*, кар.т. *belgi*, кар.г.т. *bälgi*, кар.к. *bilgi*, ктат. *belgi*, тат. *bilgĭ*, башк. *bilgĭ*, ног. *belgĭ*, ккалп. *belgĭ*, каз. *belgĭ* ‘знак, признак’; в письм. пам.: везде *belgü* ‘(при)знак, примета’ (формы типа *belle* в кар.к., ктат., ккалп., скорее всего, из огуз.);

кум. *gebek*, кбалк. *kebek*, кар.к. *kebek*, ктат. *käbäk*, тат. *kibäk*, башк. *käbäk*, *käwäk*, ног. *kebek*, ккалп. *kepek*, каз. *kebek* ‘отруби’; в письм. пам.: везде *kebek* ‘отруби’;

кум. *gert-*, кбалк. *kert-*, кар.к. *kert-ik* ‘зарубка’, ‘вырез’; ктат. *kert-*, тат. *kirt-*, башк. *kirt-*, ног. *kert-*, ккалп. *gert-*, каз. *kert-* ‘(за)рубить’, ‘делать зарубку’; в письм. пам.: везде *kert-* ‘делать зарубку, метку’;

кум. *ges-*, диал. *kes-*, кбалк. *kes-*, кар.к.г. *kes*, кар.т. *k'es'-*, ктат. *kes-*, тат. *kis-*, башк. *kiθ-*, ног. *kes-*, ккалп. *ges-*, каз. *kes-* ‘резать’; в письм. пам.: везде *kes-*, *käs-* ‘(раз)резать, отрезать’.

В медиальной позиции, как и в инициальной, в сравнительно небольшом числе примеров наблюдается сужение праязыкового широкого негубного гласного переднего ряда *e* в *i* в позиции перед последующим палатальным плавным согласным *j*.

Кум. *bij*, *bek* (< огуз.), кбалк. *bij*, кар. *bij*, кар.к. *beg* (< огуз.), ктат. *bej* (< огуз. — тур. *bej*), тат. *bi*, башк. *bij*, ног. *bij*, *bek*, ккалп. *bij*, *bek*, каз. *bi*, *bek*

'бек, князь; вождь'; в письменных памятниках представлен довольно широкий спектр форм, что свидетельствует об интенсивных межъязыковых миграциях данного слова; куман. *bij*, арм.-кыпч. *bij*, *bi* 'господин; судья';

кум. *mij*, кбалк. *myjy*, кар. *mij*, ктат. *mij*, *mäŋ* (< огуз.), тат. *mi*, башк. *mÿjÿ*, ног. *myj*, *bek*, ккалп. *mij*, каз. *myj*, *mij* 'мозг'; в письм. пам.: куман. *mäŋ* 'мозг' (< пратюрк. **beŋi*);

кум. *biji-* 'плясать', *bijiv*, *bi* 'пляска'; кбалк. диал. *bij* 'пляска', тат. *bijĕ*, башк. *bÿjĕ*, ног. *bijĕ*, ккалп. *bijĕ*, *bij*, каз. *bijĕ*, *bi:-*, *bi*, диал. *büjĕ* 'танцевать, плясать'; в письм. пам.: куман. *biji-* 'плясать' (< пратюрк. **bed̲i-*);

кум. *gij-*, кбалк. *kij-*, кар. *kij-*, ктат. *kij-*, тат. *kij-*, *kÿj-*, башк. *kÿj-*, ног. *kij-*, ккалп. *kij-*, каз. *kij-* 'одевать, носить, надевать на себя'; в письм. пам.: везде *kij-*, куман. *kij-* 'надевать' (< пратюрк. **ked̲-*);

кум. *tij-*, кбалк. *tij-*, кар. *tij-*, ктат. *tij-*, тат. *tij-*, башк. *tÿj-*, ног. *tij-*, ккалп. *tij-*, каз. *tij-* 'касаться; трогать'; в письм. пам.: *teg-*, *tej-*, куман. *teg-*, *tej-*, *Ettuh. tij-*, арм.-кыпч. *ti-* 'касаться; толкать', 'соответствовать';

кум. *gijik*, кбалк. *kijik*, кар. *kijik*, тат. *kijik*, башк. *kijik*, ног. *kijik*, ккалп. *kijik*, каз. *kijik*; в письм. пам.: везде *käjik*, *kijik*, куман. *kejik* 'дикое животное; дичь' (< пратюрк. **ked̲ik*, ср. чув. *kajăk*).

Как уже было отмечено выше, позиционно обусловленное сужение **e* > *i* имело место в позднепракыпчакском языке перед исконным и вторичным *j* (< пратюрк. **j*, **g*, **δ*), что подтверждается и примерами с медиальным *e*.

Итак, на месте пратюркских *ä* ~ *ɛ* ~ *e* или, по другим данным, *ä* и *ę̄* (для пратюркского состояния также можно реконструировать оппозицию из двух пар открытых и закрытых долгих и кратких широких гласных переднего ряда **ā*, **ä*, **ē*, **e*) для пракыпчакского состояния можно уверенно и однозначно реконструировать один-единственный широкий негубной гласный переднего ряда нижнего подъема *e* нормальной длительности.

Гласный *y*

Для пратюркского состояния обычно реконструируются долгий **ȳ* и краткий **y* (нормальной длительности) — узкий негубной гласный заднего ряда. Оппозиция по длительности-краткости, очевидно, была утеряна уже ко времени выделения самостоятельного пракыпчакского языка-основы, и для пракыпчакского состояния уверенно реконструируется один-единственный гласный *y* нормальной длительности.

В уральской и, отчасти, канглыйской подгруппах кыпчакских языков узкий негубной гласный заднего ряда *y* подвергается регулярной редукции и переходит в "сверхкраткий" *ÿ*.

Наблюдаемый в целом ряде современных тюркских, в том числе и кыпчакских, языков спорадический процесс опереднения *y* в *i* (например, в кумыкском, караимском, диалектах карачаево-балкарского и др.) не носит сколько-нибудь выраженного регулярного характера и, скорее всего, объясняется изначальной слабой дифференцированностью этих звуков по ряду.

Вместе с тем, в ряде тюркских языков, в том числе и кыпчакских, можно

выявить ряд специфических позиционно обусловленных закономерностей в процессе палатализации *y* > *i*. Так, например, в говоре тракайских караимов инициальный гласный *y* переходит в *i*, особенно после исчезновения начального *j* (кар.т. *ir* < *jyr* 'песня', *il* < *jyl* 'год'); в балкарских диалектах наблюдается довольно регулярное опереднение *y* > *i* перед последующим *j* (балк. *sijyr-* < *syjyr-* 'убирать'); в кумыкском языке имеем регулярную палатализацию *y* > *i* в абсолютном начале слова (кум. *inan-* < *ynan-* 'верить'; *indyr* 'ток, гумно'; *irys* < *yrys* 'счастье, доля' и т.д.).

В **абсолютном начале** слова гласный *y* относительно устойчив и довольно хорошо сохранился в большинстве современных тюркских языков.

В уральской подгруппе (татарском и башкирском) наблюдается регулярная редукция инициального узкого гласного *y*, и он переходит в сверхкраткий *ÿ*, что имеет явно вторичный характер.

В кумыкском языке в абсолютном начале слова узкий неогубленный гласный заднего ряда *y* регулярно переходит в гласный палатального ряда; палатализация инициального *y* > *i* спарадически наблюдается также в карачаево-балкарском, караимском языках и в некоторых письменных памятниках.

Кум. *γyz*, кбалк. *yz*, кар.к.г. *yz*, кар.т.г.к. *iz*, кар.т. *jiz*, кар.т. *jyz*, ктат. *iz*, тат. *ĭz*, башк. *ĭδ*, ног. *yz*, ккалп. *ĭz*, каз. *ĭz* 'след'; в письм. пам.: куман. *iz*, арм.-кыпч. *iz* (в составе *izdä-* 'искать') 'след';

кум. *ynan* 'вера', *inan* 'верить'; кбалк. *inam*, *inan-*, *ijnan-*, кар. *ynam* (в составе *ynamly* 'верный'), *ynan-*, *inan-* 'верить', ктат. *inam* 'вера', *ynan-*, *inan-*, тат. диал. *inan-*, *ünan-*, башк. *inan-*, ног. *ynan-*, ккалп. *nanym* (< *ynan-ym*), *nan-* (< *ynan-*), каз. *nanym* (< *ynan-ym*), *nan-* (< *ynan-*) 'вера' (именные основы), 'верить' (глагольные основы); в письм. пам.: куман. *ynam* (в составе *ynamly* 'заслуживающий доверия') 'вера', 'доверие';

кум. *indyr*, кбалк. *yndyr*, кар.т.л. *yndyr*, *indyr*, ктат. *yndyr*, тат. *ÿndÿr*, башк. *ÿrδÿn*, ног. *yndyr*, куман. *yndyr* 'гумно, ток';

кбалк. *yŋyrčaq*, *angyrcaq*, кар.г. ïγïr, тат. *ÿŋÿrčaq*, башк. *ÿŋÿrsaq*, ккалп. *yŋyršaq*, каз. *yŋyršaq* 'вьючное седло'; в письм. пам.: куман. *jyŋyrčaq* 'вьючное седло';

кум. *irγy-*, тат. *ÿrÿ-*, башк. *ÿrÿ-*, ног. *yrgyt-*, ккалп. *yrγy-*, каз. *yrγy-* 'прыгать', 'ринуться'; 'бросать';

кбалк. *yšan-*, диал. *išan-*, кар.к.т. *yšan-*, кар.т. *išan-*, кар.г. *ysan-*, *isan-*, ктат. *yšan-*, тат. *ÿšan-*, башк. *ÿšan-*, диал. *ĭšän-*, ног. *sen-* (< *isen-* < *yšan-*), ккалп. *sen-* (< *yšan-*), каз. *sen-* (< *isen-* < *yšan-*) '(по)верить, доверять'; в письм. пам.: везде *yšan-*, куман. *yšan-* 'доверяться', 'надеяться'.

В **медиальной позиции** гласный *y* весьма устойчиво сохраняется во всех кыпчакских языках. Только в кумыкском языке наблюдается диалектная палатализация *y* > *i* после инициального плавного согласного *j*, а в тракайском говоре караимского языка начальное сочетание *jy-* обычно упрощается и на его месте остается переднерядный *i*. Это позволяет во всех тех случаях, когда в большинстве современных языков и письменных памятни-

ков представлен гласный *у*, смело проецировать его и на пракыпчакский уровень.

В татарском и башкирском языках, составляющих уральскую подгруппу, а также, отчасти, в канглыйской подгруппе узкий гласный заднего ряда *у* в медиальной позиции регулярно подвергается дальнейшей редукции и переходит в сверхкраткий *ў*. Как и в инициальной позиции, этот процесс в указанных языках имеет явно вторичное происхождение, поэтому при реконструкции пракыпчакского состояния показания этих языков не учитываются.

Кбалк. *bygyn*, тат. диал. *bўγγn*, *pўγγn*, башк. *bўγγm*, каз. *mўgўn* 'бок, боковая сторона'; в письм. пам.: везде *bygyn* 'бок';

кум. диал. *buraχ-*, кбалк. *byrγa-*, кар.к. *byraq-*, ктат. *byraq-*, *buraq-*, башк. *bўraq-tўr-*, башк. диал. *bўrγa-*, ног. *bylaqtyr-* 'оставлять, бросать'; в письм. пам. (начиная с XIV в.): везде *byraq-* 'бросать, оставлять';

кум. *ǯyj-*, кбалк. *ǯyj-*, диал. *žyj-*, кар.т.г. *jyj-* (в составе *jyjyn* 'собрание; толпа'), кар.т.к. *ij-* (в составе *ijin*, *ijyn* 'сборище; толпа'); кар.к. *yj-* (в составе *yjyn* 'сборище'), кар.к. *ǯyj-*, кар.к. *čyj-* (в составе *čyjyn* 'сборище'), ктат. *jў-*, *jyj-*, тат. *ǯўj-*, башк. *jўj-*, ног. *jўj-*, ккалп. *žўj-*, каз. *žўj-* 'собирать'; в письм. пам.: везде *jyγ-*, куман. *ju-* 'собирать';

кум. *ǯyjyr-*, кбалк. *ǯyjyr-*, тат. *ǯўjўr-*, башк. *jўjўr-*, ног. *jўjўr-*, ккалп. *žўjўr-*, каз. *žўjўr-* 'делать складки, сборки; морщить';

кум. *jyq-*, диал. *jiχ-*, кбалк. *ǯyq-*, кар.к. *jyq-*, кар.т. *jyχ-*, ктат. *jyq-*, тат. *jўq-*, *ǯўq-*, башк. *jўq-*, ног. *jўq-*, ккалп. *žўq-*, каз. *žўq-* '(с)валить', 'опрокидывать'; в письм. пам.: везде *jyq-*, куман. *jyχ-*, арм.-кыпч. *jeγ-* 'уронить, повалить';

кум. *jylan*, диал. *jilan*, кбалк. *ǯylan*, кар. *jylan*, кар.т. *ilan*, ктат. *jylan*, тат. *jўlan*, *ǯўlan*, башк. *jўlan*, ног. *jўlan*, ккалп. *žўlan*, каз. *žўlan* 'змея'; в письм. пам.: везде *jylan*, куман. *jylan* 'змея';

кум. *jylqy*, *jilqy*, кбалк. *ǯylqy*, кар.к. *jylqy*, ктат. *jylqy*, тат. *jўlqў*, *ǯўlqў*, башк. *jўlqў*, ног. *jўlqў*, ккалп. *žўlqў*, каз. *žўlqў* 'табун лошадей'; в письм. пам.: везде *jylqy*, куман. *jylqy* 'стадо лошадей, табун';

кум. *jyraq*, диал. *jiraq*, кар.к. *jyraq*, кар.г. *jyrak*, кар.т. *jyraχ*, *iraχ*, ктат. *jyraq*, тат. *jўraq*, башк. *jўraq*, ккалп. *ўraq*, *žўraq*, каз. *žўraq* 'далекий'; в письм. пам.: везде *jyraq*, куман. *yraq*, *yraχ* 'далекий';

кум. *jyr-*, кбалк. *ǯyr-*, кар. *jyr-t-*, кар.т. *ir-t-*, ктат. *jyr-*, тат. *ǯўr-*, *jўr-*, башк. *jўr-*, ног. *jўr-*, ккалп. *žўr-*, каз. *žўr-* '(по)рвать'; в письм. пам.: везде *jyr-* '(разо)рвать'; куман. *jyr-t-*, арм.-кыпч. *yrt-*, *jyrt-* 'рвать, разрывать';

кум. *myjyq*, кбалк. *myjyq*, кар.к. *myjyq*, кар.т. *myjyc*, кар.г. *mijuq*, ктат. *byjyq*, *myjyq*, тат. *mўjўq*, башк. *mўjўq*, ног. *mўjўq*, ккалп. *mўjўq* 'усы';

кум. *qyz*, кбалк. *qyz*, кар. *qyz*, ктат. *qyz*, тат. *qўz*, башк. *qўδ*, ног. *qўz*, ккалп. *qўz*, каз. *qўz* 'девушка'; в письм. пам.: везде *qyz*, куман. *qyz* 'девушка', 'дочь';

кум. *qyz-*, кбалк. *qyz-*, кар. *qyz-*, кар.т. *qyzy-*, ктат. *qyz-*, *χyz-*, тат. *qўz-*, башк. *qўδ-*, ног. *qўz-*, ккалп. *qўz-*, каз. *qўz-* 'накаляться'; в письм. пам.: везде *qyz-*, куман. *qyz-*;

кум. *qyzyl*, кбалк. *qyzyl*, кар.т.г. *qyzyl*, ктат. *qyzyl*, тат. *qўzўl*, башк. *qўδўl*, ног. *qўzўl*, ккалп. *qўzўl*, каз. *qўzўl* 'красный'; в письм. пам.: везде *qyzyl*, куман. *qyzyl* 'красный';

кум. *tyq-*, кбалк. *tyq-*, кар.к.т. *tyq-*, ктат. *tyq-*, тат. *tўq-*, башк. *tўq-*, ног. *tўq-*, ккалп. *tўq-*, каз. *tўq-* 'совать', 'набивать'; в письм. пам.: везде *tyq-*, куман. *tyχa-* 'затыкать';

кум. *tygys*, кар. *tygyš* 'всовывание', тат. *tўγγz*, башк. *tўγўδ*, ног. *tўγγz*, ккалп. *tўγγz*, каз. *tўγγz* 'плотный', 'частый', 'тесный ';

кум. *tyn-*, *tin*, кбалк. *tyn-* (в составе именных основ *tyn(y)č* 'смирный', 'тихий', *tynym* 'покой' и т.п.), кар. *tyn-*, ктат. *tyn-*, тат. *tўn-*, башк. *tўn-*, ног. *tўn-*, ккалп. *tўn-*, каз. *tўn-* 'успокаиваться', 'переставать', 'отдыхать'; в письм. пам.: везде *tyn-*, куман. *tyn-* 'переставать', 'успокаиваться', 'отдыхать';

кум. *tyrnaq*, кбалк. *tyrnaq*, кар. *tyrnaq*, ктат. *tyrnaq*, тат. *tўrnaq*, башк. *tўrnaq*, ног. *tўrnaq*, ккалп. *tўrmaq*, каз. *tўrnaq* 'ноготь'; в письм. пам.: везде *tyrmaq*, куман. *tyrnaq* 'ноготь; ногти'.

Обобщая все, сказанное выше, можно для пракыпчакского состояния однозначно реконструировать узкий негубной гласный заднего ряда верхнего подъема *у*.

Гласный *i*

В раннепратюркском существовало противопоставление долгого **ī* и краткого (нормальной длительности) **i*, однако уже в среднепратюркский период это противопоставление было нейтрализовано, и долгий — и краткий *i* слились в одном звуке *i* нормальной длительности. В пракыпчакском языке, выделившемся из позднепратюркского состояния, количественного противопоставления долгих и кратких гласных не было. Поэтому в современных кыпчакских языках рефлексы пратюркского долгого **ī* ничем не отличаются от репрезентаций гласного **i* нормальной длительности.

В **абсолютном начале слова** пракыпчакский гласный *i* регулярно сохраняется в кыпчакских языках куманской подгруппы, а в уральской и отчасти канглыйской подгруппах (в татарском и башкирском языках) подвергается редукции и переходит в сверхкраткий редуцированный негубной гласный переднего ряда неполного образования, т.е. пракыпчакский гласный *i* полного образования регулярно переходит в гласный неполного образования *ĭ*.

Кум. *il-*, кбалк. *il-in-* 'цепляться', кар.г. *il-*, ктат. *il-*, тат. *il-*, башк. *il-*, ног. *il-*, ккалп. *il-*, каз. *ĭl-* 'вешать, повесить'; в письм. пам.: везде *il-*, куман. *il-* 'прицеплять, привешивать, вешать';

кар.к. *ileri* (< огуз.), кар.к.г. *ilgeri*, кар.к. *ilkeri*, ктат. *ileri* (< огуз.), тат. *ĭḳğčŏĭ*, башк. *ĭḳğčŏĭ*, ног. *ilgeri*, ккалп. *ilgeri*, каз. *ĭḳğčŏĭ* 'вперед, передовой', 'раньше'; в письм. пам.: везде *ilgeri*, *ilgeru*;

кар.к.т. *ilk*, ктат. *ilk*, тат. *ĭlk*, башк. *ĭlk*, ног. *ilik*, каз. *ilk* 'первый; прежний'; в письм. пам.: везде *ilk(i)* 'первый; начальный';

кбалк. *iŋir*, *iŋgir*, кар.т.г. *ingir*, кар.т. *iŋgir*, *in'gir*, кар.к. *yŋyr*, *yŋγyr*, *ynγyr*,

кар.т. *engir*, тат. *ĭŋgĭr*, башк. *ĭŋĭr*, ккалп. *iŋir*, каз. *ĭŋĭr* ‘сумерки, вечер’;

кум. *inek*, кбалк. *ijnek*, диал. *ijneg*, *inek*, кар.г. *jinek*, ктат. *inek*, тат. диал. *ĭnäk* ‘корова’; в письм. пам.: куман. *inek*, арм.-кыпч. *inäk* ‘корова’;

кум. *ini*, тат. *ĭnĭ*, башк. *ĭnĭ*, ног. *ini*, ккалп. *ini*, каз. *ĭnĭ* ‘младший брат’; в письм. пам.: везде *ini*, куман. *ini* ‘младший брат’;

кум. *ine*, кбалк. *ijne*, кар.г.к. *jine*, *jine*, кар.г. *ine*, кар.т. *in'a*, ктат. *igne* (< огуз.), *ine*, тат. *ĭna*, башк. *ĭna*, ног. *ijne*, ккалп. *ijne*, каз. *ĭjne* ‘иголка’; в письм. пам.: куман. *ine* ‘игла, иголка’;

кум. *it*, кбалк. *it*, кар.г.т. *it*, кар.г. *jit*, ктат. *it*, тат. *ĭt*, диал. *it*, *ĭjt*, башк. *ĭt*, ног. *ijt*, ккалп. *ijt*, каз. *ĭjt* ‘собака’; в письм. пам.: везде *it*, куман. *it* ‘собака’;

кар.к. *it-*, *hit-*, *ijt-*, ктат. *it-*, *ite-*, тат. *ĭt-*, башк. *ĭt-*, ног. *ijte-*, ккалп. *ijte-r-*, каз. *ite-r-*, *ĭjte-r-* ‘толкать, двигать’; в письм. пам.: везде *it-*, куман. *it-* ‘толкать’;

кум. *iček*, кбалк. *ičegi*, кар.т. *ičäk*, кар.г. *icigi*, тат. *ĭčäk*, *ĭcägĭ*, башк. *ĭsak*, *ĭsägĭ*, ног. *išek*, ккалп. *išek*, каз. *ĭšek* ‘кишка’, ‘внутренности’; в письм. пам.: везде *iček*, *ičägü*, куман. *ičeχ* ‘кишка, внутренности’;

кум. *iš*, кбалк. *iš*, кар.к.т. *iš*, кар.г. *is*, ктат. *iš*, тат. *ĭš*, башк. *ĭš*, ног. *is*, ккалп. *is*, каз. *ĭs* ‘работа, труд; дело’; в письм. пам.: везде *iš*, куман. *iš*, арм.-кыпч. *iš* ‘дело, работа’ и т.д.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого, корневого, слога, гласный *i* в современных кыпчакских языках, как и в языках письменных памятников кыпчакского круга, сохраняется в большинстве случаев без каких-нибудь изменений; только в языках уральской и отчасти канглыйской подгрупп подвергается редукции и переходит в гласный неполного образования *ĭ*. В диалектах караимского языка наблюдается спорадическое расширение узкого гласного *i* в медиальной позиции, т.е. переход его в широкий негубной гласный переднего ряда *e*, например: общекыпчак. **jiber-* ~ кар. *jeber-* ‘посылать’; общекыпчак. **jigiren-* ~ кар.г. *jeren-*, но кар.к. *jiren-* ‘питать отвращение’; общекыпчак. **jigirme* ~ кар. *egirmi*, но кар.к. *jigirmi* ‘двадцать’ и др. Примечательно, что случаи расширения *i* > *e* в диалектах караимского языка, как правило, встречаются главным образом после инициального плавного *j-*. Явление это новое, характерное только для караимского языка и, возможно, вызвано влиянием иносистемного (славянского?) языка. Поэтому данные караимского языка не могут быть проецированы на пракыпчакский уровень.

Сравнительное изучение большого количества межкыпчакских соответствий показывает достаточно высокую устойчивость праязыкового *i* в большинстве современных кыпчакских языков.

Кум. *biz*, кбалк. *biz*, кар. *biz*, ктат. *biz*, тат. *bĭz*, башк. *bĭδ*, ног. *biz*, ккалп. *biz*, каз. *bĭz* ‘мы’; в письм. пам.: везде *biz*, куман. *biz*, арм.-кыпч. *biz* ‘мы’;

кум. *biz*, кбалк. *biz*, *miz*, кар.к.г. *biz*, тат. *bĭz*, башк. *bĭδ*, ног. *biz*, ккалп. *biz*, каз. *bĭz*, диал. *bĭgĭz* ‘шило’; в письм. пам.: везде *biz*, куман. *biz* ‘шило’;

кум. *bil-*, кбалк. *bil-*, кар. *bil-*, ктат. *bil-*, тат. *bĭl-*, башк. *bĭl-*, ног. *bil-*,

ккалп. *bil-*, каз. *bĭl-* ‘знать, ведать’; в письм. пам.: везде *bil-*, куман. *bil-*, арм.-кыпч. *bil-* ‘знать, признать’;

кум. *bile-*, кбалк. *bile-*, кар.к.г. *bile-*, ктат. *bile-*, тат. *bĭla-*(*w*), башк. *bĭla-*(*w*), ног. *bile-*, ккалп. *bile-*, каз. *bĭle-* ‘точить’; в письм. пам.: везде *bile-*, куман. *bile-* ‘точить (на оселке)’;

кум. *bilek*, кбалк. *bilek*, кар.к.г. *bilek*, ктат. *bilek*, тат. *bilak*, башк. *bilak*, ног. *bilek*, ккалп. *bilek*, каз. *bilek*, *bĭlek* ‘запястье, кисть руки’; в письм. пам.: везде *bilek*, куман. *bilek* ‘запястье’;

кум. *jiber-*, кбалк. *ǯiber-*, кар.к. *jibir-*, кар.к. *geber-*, кар.г.к.т. *jeber-*, ктат. *ǯiber-*, тат. *ǯĭbär-*, *jĭbär-*, башк. *jĭbar-*, ног. *jiber-*, ккалп. *žiber-*, каз. *žĭber-* ‘посылать, отсылать’; в письм. пам.: везде *jiber-* ‘посылать’;

кум. *jibi-*, кбалк. *ǯibi-*, кар.т.г. (*j*)*ibi-*, ктат. *jibi-*, тат. *ǯĭbĭ-*, башк. *jĭbĭ-*, ног. *jibi-*, ккалп. *žibi-*, каз. *žĭbĭ-* ‘мокнуть, намокать, размокать’;

кум. *jigit*, *igit*, кбалк. *ǯigit*, кар.л.т. *jigit*, кар.т.г. *igit*, кар.т. *igit*, ктат. *jigit*, тат. *jĭgĭt*, башк. *jĭgĭt*, ног. *jigit*, ккалп. *žĭgĭt*, каз. *žĭgĭt* ‘молодой человек; юноша’, ‘молодец’, ‘храбрец’; в письм. пам.: везде *jigit*, куман. *jegit* ‘молодой’;

кум. *ǯirgen-*, кбалк. *ǯijirgen-*, кар.к.г. *iren-*, кар.к. *jiran-či*, кар.г. *jerenci*, кар.т. *jerinči*, *jerenči* ‘отвратительный’, тат. *ǯĭrän-*, башк. *jiran-*, ног. *jijren-*, ккалп. *žijren-*, каз. *žijren-* ‘питать отвращение’; в письм. пам.: везде *jigren-* ‘питать отвращение, гнушаться’;

кум. *kijiz*, кбалк. *kijiz*, кар.г.к. *kijiz*, кар.г. *tijiz*, ктат. *kijiz*, тат. *kijiz*, *kijiz*, башк. *kijid*, ног. *kijiz*, ккалп. *kijiz*, диал. *kijgiz*, каз. *kijiz* ‘кошма, войлок’; в письм. пам.: *kijiz* (с фонетическими вариантами *kiz*, *giz*), куман. *kijiz* ‘кошма’, ‘войлок’;

кум. *kim*, кбалк. *kim*, кар.т.г. *kim*, ктат. *kim*, тат. *kĭm*, башк. *kĭm*, диал. *kam*, ног. *kim*, ккалп. *kim*, каз. *kĭm* ‘кто’; в письм. пам.: *kim*, куман. *kim* ‘кто’;

кум. *kinnik*, *kindik*, кбалк. *kindik*, кар. *kindik*, ктат. *kindik*, тат. *kindik*, башк. *kindik*, диал. *kintik*, ног. *kindik*, ккалп. *kindik*, каз. *kindik* ‘пуп’; в письм. пам.: везде *kindik*, куман. *kindik* ‘пуп’;

кум. *kiš*, ктат. *kiš*, тат. *kĭš*, башк. *kĭš*, ног. *kis*, каз. *kĭs* ‘соболь’; в письм. пам.: везде *kiš*, куман. *kiš* ‘соболь’;

кум. *giši*, диал. *kiši*, кбалк. *kiši*, кар.т.к. *kiši*, ктат. *kiši*, тат. *kĭšĭ*, башк. *kĭšĭ*, ног. *kisi*, ккалп. *kisi*, каз. *kĭsĭ* ‘человек’; в письм. пам.: везде *kiši*, куман. *kiši*, арм.-кыпч. *kiši* ‘человек’;

кум. *tiz-*, кбалк. *tiz-*, кар.г. *tiz-*, ктат. *tiz-*, тат. *tĭz-*, башк. *tĭδ-*, ног. *tiz-*, ккалп. *tiz-*, каз. *tĭz-* ‘нанизывать’; в письм. пам.: везде *tiz-* ‘нанизывать’;

кум. *tiri*, кбалк. *tiri*, кар. *tiri*, кар.г. *kiri*, ктат. *diri* (< огуз.), тат. *tĭrĭ*, башк. *tĭrĭ*, ног. *tiri*, ккалп. *tiri*, каз. *tĭrĭ* ‘живой’; в письм. пам.: везде *tiri*, куман. *tiri* ‘живой’;

кум. *tiš*, кбалк. *tiš*, кар.т.к. *tis*, кар.к. *diš* (< огуз.), ктат. *diš* (< огуз.), тат. *tĭš*, башк. *tĭš*, ног. *tis*, ккалп. *tis*, каз. *tĭs* ‘зуб’; в письм. пам.: везде *tiš*, куман. *tiš* ‘зуб’;

кум. *tiši*, кбалк. *tiši*, кар.т.к. *tiši*, кар.г. *tisi*, кар.т. *diši*, ктат. *tiši*, тат. *tĭšĭ* ‘самка (животных)’; в письм. пам.: везде *tiši*, куман. *tiši* ‘самка’ и т.д.

В относительно небольшом числе примеров наблюдается нетривиальное внутрикыпчакское межъязыковое колебание узкого негубного гласного по ряду: на месте гласного переднего ряда *i*, представленного в большинстве кыпчакских (и других тюркских) языков иногда в одном или нескольких языках появляется узкий негубной гласный заднего ряда *y*, например: общекыпч.* *iŋgir* ~ кар.к. *yŋyr*, но кар.т.г. *iŋgir* 'сумерки'; общекыпч.* *jigirma* ~ кбалк. *žyjyrma*, ног. *jyrma*, каз. *žyjyrma*, ср. также ног. *jigirma*, ккалп. *žigirma* (с заднерядным гласным *a* в ауслауте) 'двадцать' и др. Привлечение сравнительного материала из других некыпчакских тюркских языков, а также письменных памятников показывает, что для пратюркского состояния в подобных случаях надежно восстанавливается переднерядная праформа, которая, естественно, должна проецироваться и на пракыпчакское состояние.

Таким образом, пракыпчакский узкий негубной гласный *i* регулярно сохраняется без каких-либо изменений как в большинстве современных кыпчакских языков, так и в языках основных письменных памятников кыпчакского круга. Только в татарском и башкирском языках наблюдается регулярная, почти тотальная, редукция гласного *i* первого слога как в инициальной, так и в медиальной позициях. Процесс редукции узких гласных, судя по всему, первоначально развивался в казанскотатарском языке (в среднем диалекте татарского языка), затем распространялся на мишарский (западный) диалект, а также на башкирский язык и, в последнюю очередь, на язык сибирских татар (восточный диалект татарского языка). Причиной появления в казанскотатарском языке редуцированных гласных на месте узких, по нашему предположению, является влияние булгаро-чувашского языкового субстрата.

Таким образом, в тех случаях, когда в большинстве современных кыпчакских языков, а также в языках письменных памятников кыпчакского круга в инициальной и медиальной позициях первого слога слова представлен узкий негубной гласный переднего ряда *i*, а в татарском и башкирском языках — редуцированный гласный *ĭ* (орфографически *э-, е*), для пракыпчакского состояния всегда следует реконструировать гласный *i*.

Гласный *o*

В системе вокализма пратюркского языка исследователи реконструируют два широких губных гласных заднего ряда — долгий *ō* и краткий *o* (нормальной длительности). В позднепратюркский период количественная дифференциация гласных пала, и оба эти гласных звука совпали в одном гласном *o* нормальной длительности. Поэтому для пракыпчакского состояния следует реконструировать только один широкий губной гласный заднего ряда нижнего подъема *o* нормальной длительности. Гласный *o* представлен в большинстве языков письменных памятников кыпчакского круга, сохраняется он обычно без изменений во всех современных кыпчакских языках, за исключением уральской подгруппы. В кыпчакских языках уральской подгруппы в позднесредневековый период начался процесс редукции узких

гласных, что впоследствии привело к регулярному сужению широких гласных. В уральской группе прослеживается два этапа количественного изменения системы вокализма: 1) редукция узких гласных (пракыпчак. **u* > урал. *ŭ*); 2) сужение широких гласных (пракыпчак. **o* > урал. *u*). Особенности вокализма татарского и башкирского языков, окончательно сформировавшиеся относительно поздно, в период самостоятельного развития этих языков (XVI–XVIII вв.), не могут быть отнесены к пракыпчакскому состоянию. Следовательно, во всех случаях, когда общетюркскому **o* в большинстве современных кыпчакских языков (за исключением татарского и башкирского) обычно соответствует *o* (а в определенных комбинаторно обусловленных случаях, например, перед согласными *w, j*, также и *u*, о чем см. ниже), для пракыпчакского состояния однозначно реконструируется гласный **o*.

В **абсолютном начале слова** пракыпчакский широкий губной гласный заднего ряда нижнего подъема **o* обычно сохраняется без каких-либо видимых изменений в языках всех письменных памятников и в большинстве современных кыпчакских языков. В татарском и башкирском наблюдается регулярное сужение **o*, переход его в узкий губной гласный заднего ряда верхнего подъема *u*.

Кум. *owa*, кбалк. *oba*, кар. *oba*, ктат. *oba*, тат. *uba*, башк. *oba*, диал. *uba*, ног. *oba*, ккалп. *oba*, каз. *oba* 'куча камней', 'курган', 'холм' (< монг.);

кум. *oz-*, кбалк. *oz-*, кар. *oz-*, ктат. *oz-*, тат. *uz-*, башк. *uδ-*, ног. *oz-*, ккалп. *oz-*, каз. *oz-* 'обгонять, перегонять, опережать'; в письм. пам.: везде *oz-*, куман. *oz-* 'опережать, идти впереди';

кум. *oj*, кбалк. *oj*, кар. *oj*, ктат. *oj*, тат. *uj*, башк. *uj*, ног. *oj*, ккалп. *oj*, каз. *oj* 'низина, низменность', 'долина', в письм. пам.: везде *oj* 'долина';

кум. *oj-*, кбалк. *oj-*, кар. *oj-*, ктат. *oj-*, тат. *uj-*, башк. *uj-*, ног. *oj*, ккалп. *oj-*, каз. *oj-* 'долбить; вдалбливать'; в письм. пам.: везде *oj-*, куман. *oj-* 'выдалбливать','вырезать', 'долбить';

кум. *oj*, кбалк. *oj*, кар. *oj*, ктат. *oj*, тат. *uj*, башк. *uj*, ног. *oj*, ккалп. *oj*, каз. *oj* 'мысль', 'ум'; в письм. пам.: везде *oj* 'мысль';

кум. *ujaw*, кбалк. *ujaw*, кар.т. *ojaw*, кар.г. *ojow*, кар.к. *ojuw*, тат. *ujaw*, башк. *ujaw*, ног. *ujaw*, ккалп. *ojaw*, каз. *ojaw* 'бодрствующий', 'чуткий'; в письм. пам.: куман. *ojow*, *ujaχ* 'бодрствующий', 'чуткий' (< пратюрк. **odgaq*); нетривиальное сужение *o* > *u* в кум., кбалк., ног., а также в куманском, скорее всего, вызвано своеобразным развитием звукосочетания **δγ*;

кум. *oq*, кбалк. *oq*, каз. *oq*, ккалп. *oq*, тат. *uq*, башк. *uq*, ног. *oq*, кар. *oq* 'стрела', 'пуля'; в письм. пам.: *oq* 'стрела';

кум. *ol*, кбалк. *ol*, кар.т.г. *ol*, ктат. *ol*, тат. *ul*, башк. *ul*, ног. *ol*, каз. *ol*, ккалп. *ol* 'он', 'тот'; в письм.пам. везде: *ol*, куман. *ol*, арм.-кыпч. *ol* 'он', 'тот';

кум. *on*, кбалк. *on*, кар. *on*, ктат. *on*, тат. *un*, башк. *un*, ног. *on*, ккалп. *on*, каз. *on* 'десять'; в письм. пам.: везде *on* 'десять';

кар.к. *onurtqa*, *onurga*, кар.г. *onurga*, ктат. *onurga*, тат. *ун̆ртqа*, башк.

umўrtqa, ног. *omurtqa*, ккалп. *omurtqa*, каз. *omurtqa* ‘позвоночник’, ‘спинной хребет’;

кум. *or-*, кбалк. *or-*, ктат. *or-*, *ora-*, каз. *or-*, ккалп. *or-*, ног. *or-*, тат. *ur-*, башк. *ur-* ‘жать’; в письм. источниках: везде *or-* ‘жать’, ‘собирать урожай’;

кум. *ora-*, кбалк. *ur-* (*určuq*), кар.к. *ory-* (в составе *ormeli* ‘сплетенный, скрученный’), ктат. *ora-*, тат. *ura-*, башк. *ura-*, ног. *ora-*, каз. *ora-*, ккалп. *ora-* ‘наматывать’, ‘обвертывать’;

кум. *orman*, кбалк. *orman*, кар.к. *orman*, ктат. *orman*, каз. *orman*, ккалп. *orman*, ног. *orman*, тат. *urman*, башк. *urman*, куман. *orman* ‘лес’;

кум. *osal*, кбалк. *osal*, кар. *osal*, ктат. *osal*, каз. *osal*, ног. *osal*, тат. *usal*, башк. *usal*, ккалп. *osal*, куман. *osal* ‘плохой’, ‘небрежный’, ‘ленивый’;

кум. *ot*, кбалк. *ot*, кар.к. *ot*, ктат. *ot*, каз. *ot*, ног. *ot*, тат. *ut*, башк. *ut*, ккалп. *ot*, куман. *ot* ‘трава’, ‘целебная трава’;

кум. *ot*, кбалк. *ot*, кар. *ot*, ктат. *ot*, каз. *ot*, ног. *ot*, тат. *ut*, башк. *ut*, ккалп. *ot*, куман. *ot* ‘огонь’;

кум. *očaq*, *oǯaq*, кбалк. *oǯaq*, ктат. *oǯaq*, кар.к. *oǯaq*, кар.т.г. *oǯax*, кар.г. *ocak*, кар.к. *učaq*, тат. *učaq*, башк. *usaq*, ног. *ošaq*, каз. *ošaq*, ккалп. *ošaq* ‘очаг’; в письм. пам.: везде *očaq*, *oǯaq* ‘очаг’ и т.д.

В абсолютном начале слова в ряде примеров пракыпчакский широкий губной гласный заднего ряда **o* сужается и переходит в узкий губной гласный заднего ряда *u*. Обычно сужение *o* > *u* имеет место в позиции перед последующим билабиальным *w*, развившимся из праязыковых *w (β), γ, k* и реже — *j*.

Кум. *uw-*, кбалк. *uw-*, кар.т. *uw-*, ктат. *oγ-* (< огуз.), тат. *u-*, башк. *ўw-*, ног. *uw-*, ккалп. *uw-*, каз. *uw-* (в канглыйской подгруппе — только в составе производных, ср.: *uwqala-* ‘растирать’, ‘тереть’ и т.п.) ‘тереть; мять’ (< пратюрк. **oβ-* ‘мять’);

кум. *ulaq*, кбалк. *ulaq*, кар.к. *ulaq*, кар.т. *ulax*, ктат. *oγlaq* (< огуз.), тат. *ŏlaq*, башк. *ўlaq*, ног. *ulaq*, ккалп. *ylaq*, каз. *laq* (< *ylaq*) ‘козленок’; в письм. пам.: куман. *ulax*, а также *ogulaq* ‘козленок’ (< пратюрк. **ogulaq*);

кум. *uwuz*, кбалк. *uwuz*, тат. *uўўz*, башк. *ўwўδ*, ног. *ŭwyz*, ккалп. *ŭwўz* ‘молозиво’;

кум. *uwurt*, кбалк. *uwurt*, тат. *urt*, башк. *urt*, ног. *uwyrt*, ккалп. *urt* (< *uwyrt*), каз. *urt* (< *uwyrt*) ‘внутренняя сторона щеки’ (< пратюрк.**owurt*);

кбалк. *uwuč*, кар.т.г. *uwuč*, *uwuc*, ктат. *awuč* (< огуз.), *auč* (< огуз.), *auǯ* (< огуз.) тат. *uč* (< *ŭwўč*), башк. *us* (< *ŭwўč*), ног. *uwys*, ккалп. *uwўs*, каз. *uwys*; в письм. пам.: куман. *owuč* ‘ладонь’, ‘горсть’, ‘пригоршня’ (< пракыпчак. **owuč* < пратюрк.**aβuč*);

кум. *ulan*, кбалк. *ulan*, кар. *ulan*, кар.к. *oγlan* (< огуз.), тат. *ŭlan*, башк. *ŭlan*, ног. *ulan*, ккалп. *uglan* (< карлук.), каз. *ŭlan*; в письм. пам.: куман. *oγlan* ‘ребенок’, ‘дитя’ (< пратюрк. **oγlan*);

кум. *uruču*, диал. *oru*, кбалк. *uru*, кар.г. *oγry*, кар.т.г. *uru*, ктат. *oγry*, тат. *uγrў*, башк. *ŏγrŏ*, ног. *urў*, ккалп. *ury*, каз. *ury*; в письм. пам.: куман. *oγur*, *oγry*, арм.-пол. *oγru* ‘вор’ (< пракыпчак. **owru* ~ *oγru*);

кум. *určuq*, кбалк. *určuq*, кар.к. *určyq*, кар.г. *uwurčuq*, кар.т. *uwurčox*, тат. *ŭrčўq*, башк. *ŭrsuq*, ног. *uršyq*, каз. *uršyq* ‘веретено’ (< пракыпчак. **uwurčyq* < пратюрк.**oγurčyq* ~ **oγurčuq*);

кум. *uša-*, кбалк. *uša-*, кар.к. *oxša-*, кар.т. *ukša-*/*uxša-* кар.г. *uksa-*, кар.к. т. *uša-*, ктат. *oqša-*, *oxša-*, тат. *ŭša-*, башк. *ŭqša-*, каз. *ŭsa-*, *ŭqsa-*, куман. *owša-* ‘уподобляться, быть похожим’ (< пракыпчак. **owša-* < пратюрк.**oγša-* < **oq* ‘подобный, похожий’);

кум. *ujaw*, кбалк. *ujaw*, кар. *ojaw*, *ojow*, *ojuw*, ктат. *ujaw*, тат. *ujaw*, башк. *ŭjaw*, ног. *ujaw*, ккалп. *ojaw*, каз. *ojaw* ‘бодрствующий’;

кум. *ujan-*, кбалк. *ujan-*, кар. *ojan-*, ктат. *ujan-*, тат. *ujan-*, башк. *ujan-*, ног. *ujan-*, ккалп. *ojan-*, каз. *ojan-* ‘просыпаться’.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого, корневого, слога, пракыпчакский гласный *-o-* в языках письменных памятников кыпчакского круга и в большинстве современных кыпчакских языков, за исключением татарского и башкирского, обычно сохраняется в неизменном виде. В уральской подгруппе кыпчакских языков пракыпчакский медиальный широкий губной гласный заднего ряда *-o-* закономерно и регулярно сужается и переходит в узкий губной заднего ряда *-u-*. Поведение этого гласного в медиальной позиции ничем не отличается от поведения анлаутного *o*.

Кбалк. *boz*, ктат. *boz*, тат. *buz*, башк. *buδ*, ног. *boz*, каз. *boz*, ккалп. *boz*, куман. *boz* ‘серый, сивый’;

кум. *boj*, кбалк. *boj*, кар. *boj*, ктат. *boj*, тат. *buj*, башк. *buj*, ног. *boj*, каз. *boj*, ккалп. *boj*, куман. *boj* ‘рост’, ‘тело’ (< **bod*);

кум. *boja-*, кбалк. *boja-*, кар. *boja-*, ктат. *boja-*, тат. *buja-*, башк. *buja-*, ног. *boja-*, каз. *boja-*, ккалп. *boja-*, куман. *boja-* ‘красить’;

кум. *bojun*, кбалк. *bojun*, кар. *bojun*, ктат. *bojun*, тат. *bujun*, башк. *bujun*, тат. *myjyn*, башк. *myjyn*, ног. *mojyn*, каз. *mojyn*, ккалп. *mojyn*, куман. *bojyn*, *bojun* ‘шея’;

кум. *borč*, кбалк. *borč*, кар.т.к. *borč*, кар.г. *borc*, каз. *boryš*, ног. *borš*, ккалп. *boryš*, тат. *burč*, башк. *burys*, куман. *borč*, арм.-пол. *borč* ‘долг’, ‘заем’;

кум. *boš*, кбалк. *boš*, кар.т.к. *boš*, кар.т.г. *bos*, ктат. *boš*, тат. *buš*, башк. *buš*, каз. *bos*, ног. *bos*, ккалп. *bos*, куман. *boš*, арм.-пол. *boš* ‘свободный’, ‘пустой’;

кум. *joj-*, кбалк. *ǯoj-*, *zoj-*, кар.к. *ǯoj-*, тат. *ǯuj-*, башк. *juj-*, каз. *žoj-*, ног. *joj-*, ккалп. *zoj-* ‘уничтожать’, ‘истреблять’, ‘стирать’; в письм. пам.: везде *joj-* (пратюрк. **jod-* ‘уничтожать’, ‘стирать’);

кум. *jol*, кбалк. *ǯol*, кар. *jol*, ктат. *jol*, тат. *jul*, *ǯul*, башк. *jul*, каз. *žol*, ног. *jol*, ккалп. *žol* ‘дорога’; в письм. пам.: везде *jol*, куман. *jol* ‘дорога’;

кум. *jomaq*, диал. *jummaq*, кбалк. *ǯomaq*, кар.к. *jomaq*, кар.г. *jomak*, кар.т. *jomax*, тат. *jumaq*, *ǯumaq*, *ǯumax*, башк. *jumaq*, каз. *žumbaq*, ног. *jumaq*, ккалп. *žumbaq* ‘сказка’, ‘загадка’;

кум. *xozγa-*, кбалк. *qoz-*, *qozγa-*, кар. *qozγa-*, тат.диал. *quzγa-*, башк. диал.

quδy-, ног. *qoz-*, *qozγa-*, ккалп. *qoz-*, *qozγa-*, каз. *qoz-*, *qozγa-*, 'возбуждаться', 'двигать, сдвигать', 'шевелить';

кум. *qoj*, кбалк. *qoj*, кар. *qoj*, ктат. *qojun*, *qoj*, тат. *quj*, башк. *quj*, ног. *qoj*, ккалп. *qoj* 'овца', 'курдючная овца'; в письм. пам.: везде *qoj* 'овца' (а также *qojun* 'овца');

кум. *qol*, кбалк. *qol*, кар. *qol*, кар.т.г. *kol*, каз. *qol*, ктат. *qol*, тат. *qul*, башк. *qul*, ккалп. *qol* 'рука'; в письм.пам.: везде *qol*, куман. *qol*, арм.-пол. *xol* 'рука';

кум. *qoltyq*, *qoltuq*, кар.к. *qoltyq*, *qoltuq*, кар.г. *koltuq*, кар.т. *koltux*, ктат. *qoltuq*, тат. *qultyq*, башк. *qultyq*, ног. *qoltuq*, ккалп. *qoltyq*, каз. *qoltyq* 'подмышка', 'пазуха', 'внутренний угол'; в письм. пам.: везде *qoltuq*, куман. *qoltuq* 'подмышка';

кум. *qon-*, кбалк. *qon-*, кар.г. *qon-*, кар.т. *kon-*, ктат. *qon-*, тат. *qun-*, башк. *qun-*, ног. *qon-*, ккалп. *qon-*, каз. *qon-* 'опускаться с высоты, садиться', 'останавливаться (на ночлег)'; в письм. пам.: везде *qon-*, куман. *qon-* 'останавливаться (на ночлег)';

кум. *qop-*, кбалк. *qop-*, кар.к. *qop-*, кар.г. *kop-*, ктат. *qop-*, тат. *qup-*, башк. *qup-*, ног. *qop-*, ккалп. *qop-*, каз. *qop-*, куман. *qop-* 'подниматься (в различных значениях)', 'отрываться';

кум. *toj-*, кбалк. *toj-*, кар. *toj-*, ктат. *toj-*, *doj-*, тат. *tuj-*, ног. *toj-*, ккалп. *toj-*, каз. *toj-* 'наедаться, насыщаться'; в письм. пам.: везде *toj-* (< пратюрк. **tod-*) 'насыщаться';

кум. *toq*, кбалк. *toq*, кар.к. *toq*, кар.г. *tok*, ктат. *toq*, тат. *tuq*, башк. *tuq*, ног. *toq*, ккалп. *toq*, каз. *toq*, куман. *toq* 'сытый', 'полный';

кум. *tol-*, кбалк. *tol-*, кар.к. *tol-*, ктат. *dol-*, тат. *tul-*, башк. *tul-*, ног. *tol-*, ккалп. *tol-*, каз. *tol-*, куман. *tol-* 'наполняться'; в письм. пам.: везде *toj-* (< пратюрк. **tod-*) 'насыщаться';

кум. *ton*, кбалк. *ton*, кар.к. *ton*, *don*, кар.т. *ton*, тат. *tun*, башк. *tun*, ног. *ton*, ккалп. *ton*, каз. *ton*, куман. *ton*, арм.-пол. *ton* 'верхняя одежда';

кум. *toru*, кбалк. *toru*, ктат. *tor*, тат. *tury*, башк. *tury*, ног. *tory*, ккалп. *tory*, каз. *tory* 'гнедой' и т.д.

Сравнительный анализ материала всех современных кыпчакских языков, а также основных письменных памятников убедительно демонстрирует устойчивое сохранение пракыпчакского гласного *o* в медиальной позиции практически во всех известных (современных и архаичных) кыпчакских языках. Только в уральской подгруппе кыпчакских языков произошло регулярное сужение праязыкового медиального *o*. Татарско-башкирское сужение медиального *o* не может быть возведено к пракыпчакскому состоянию.

Вместе с тем, в медиальной позиции в ограниченном количестве исконных слов отмечается сужение праязыкового широкого гласного заднего ряда *-o-* во всех кыпчакских языках, включая и языки письменных памятников кыпчакского типа (в смешанных огузско-кыпчакских памятниках часто параллельно встречаются формы как с широким *o*, так и с узким гласным заднего ряда *u*). Сужение праязыкового гласного **o* > *u* является позиционно обусловленным комбинаторным явлением, оно наблюдается главным образом перед последующим билабиальным щелевым сонорным звуком *w*. Такое позиционно обусловленное сужение *o>u* не имеет отношения к регулярному, закономерному сужению *o* > *u* в татарском и башкирском языках.

Кум. *buw-*, кбалк. *buw-*, кар.к. *boγ-* (< огуз.), кар.т. *bu-*, кар.т.г. *buw-*, ктат. *boγ-*, *buw-*, тат. *bu-*, башк. *byw-*, диал. *bŭw-*, ног. *buw-*, каз. *buw-*, ккалп. *buw-* 'душить, удавить'; в письм. пам.: везде *boγ-*, куман. *buw-* 'душить';

кум. *buγaz*, кбалк. *buwaz*, кар.к. *boγaz*, ктат. *boγaz*, тат. *buγaz*, *bywaz*, башк. *bywad*, ног. *boγaz*, каз.диал. *buγyz*, ккалп. *buγaz* 'горло'; в письм. пам.: везде *buγaz*, куман. *boγaz* (< пратюрк. **boγaz*);

кбалк. *buwaz*, *buaz*, тат. *bywaz*, диал. *buaz*, *buwaz*, башк. *bywad*, ног. *buwaz*, каз. *buwaz*, ккалп. *buwaz* 'стельная'; в письм. пам.: везде *boγaz* 'сужеребая (лошадь)';

кум. *quw-*, кбалк. *quw-*, кар.к. *quw-*, кар.т.г. *kuw-*, ктат. *quw-*, тат. *qu-*, башк. *qyw-*, ног. *quw-*, каз. *quw-*, ккалп. *quw-* 'гнать'; в письм. пам.: везде *qow-*, арм.-пол. *xow-* 'гнать', 'преследовать';

кум. *tuw-*, кбалк. *tuw-*, кар.к. *doγ-*, кар.т.г. *tuw-*, ктат. *doγ-*, *tuw-*, тат. *tu-*, башк. *tyw-*, ног. *tuw-*, каз. *tuw-*, *tu*, ккалп. *tuw-* 'рождаться', 'рожать'; в письм. источниках: везде *toγ-* в составе *toγuš* 'рождение', арм.-пол. *toγ-* 'рождаться', 'быть рожденным', куман. *toγ-*, *tow-* (< пракыпчак. **tow*);

кум. *juwurt*, кбалк. *ǰuwurt*, балк. *žuwurt*, *zuwurt*, ктат. *joγurt*, *juγurt*, ног. *juwyrt*; в письм. пам.: куман. *juγurt* 'особым образом заквашенное кислое молоко' (< пракыпчак. **jowurt*) и т.д.

Итак, следует считать установленным, что в позднепракыпчакском имело место не простое сужение широкого заднерядного губного гласного **o* в узкий *u*, а довольно сложный исторический процесс слияния этимологических звуковых комплексов **oq* > **oγ* > **ow* > **uw* > **ŭw* в один узкий заднерядный губной верхнего подъема *u*, ср.: пратюрк. **oqša-* > **oγša-* > пракыпчак. **owša-* > **uwša-* > совр. *uša-* 'быть похожим, походить (на кого, что)'; пратюрк. **oγlan* (**oγul* < **oq*) 'юноша', 'потомок' > пракыпч. **owlan* > **uwlan* > **ŭŭķāŋ* > совр. кыпч. *ulan* 'сын' и т.п.

Процесс сужения *o* > *u* в кыпчакских языках имеет место как в абсолютном начале слова, так и в медиальной позиции первого корневого слога, но всегда только перед последующим этимологическим (**w* ~**β*) или вторичным (< **γ* < ***q*) билабиальным щелевым сонорным *w*. Надо полагать, что процесс сужения **o* > *u* начался в пракыпчакском и завершился в позднепракыпчакской общности.

В единичных случаях в современных кыпчакских языках наблюдается позиционно обусловленное опереднение вторичного узкого губного гласного *u* (< праязыкового **o*) в соседстве (чаще всего — в постпозиции) с палатальными согласными; ср., например: пратюрк. **jōry-*, кум. *jürü-*, кбалк. *ǰürü-*, кар.т.к. *jürü-*, кар.т. *ürü-* (< **jürü-*), ног. *jür-*, ккалп. *žür-*, каз. *žür-* 'идти, ходить'.

Спорадическая палатализация заднерядных гласных в соответствующих

позициях наблюдается во всех тюркских языках и наиболее последовательно повторяется в татарском и башкирском языках. Процесс опереднения заднерядных гласных в смежных позициях с палатальными согласными отмечается в языках самых ранних письменных памятниках и, по всей вероятности, имеет пратюркскую древность, но он никогда не имел тотального характера и ограничивался определенными диалектными проявлениями.

Гласный *ö*

В пратюркском языке функционировал широкий губной гласный переднего ряда нижнего подъема *ö* в двух вариантах: долгом **ō* и кратком **ö* (нормальной длительности). Противопоставление гласных по количественному признаку пало уже в позднепратюркский период, и так называемые "первичные" долгие гласные совпали с соответствующими гласными нормальной длительности.

Совокупность доступного языкового материала дает все основания реконструировать для пракыпчакского состояния только один гласный **ö* нормальной длительности. Никаких следов былого количественного противопоставления широкого губного гласного переднего ряда *ö* по признаку долготы/краткости в современных кыпчакских языках не сохранилось.

Фонема *ö* представлена в большинстве языков письменных памятников кыпчакского круга, она сохраняется обычно без каких-либо изменений во всех современных кыпчакских языках, за исключением татарского и башкирского, составляющих отдельную уральскую группу. В татарском и башкирском языках широкий губной гласный переднего ряда *ö* трансформировался в узкий губной гласный переднего ряда *ü*. Сужение **ö* > *ü* под воздействием булгарского субстрата первоначально развивалось в казанскотатарском языке (среднем диалекте) и оттуда иррадиировало сначала на западный (мишарский) диалект, затем распространилось на башкирские говоры и через письменный татарский язык проникло в восточный диалект (язык сибирских татар). Следовательно, начальный этап сужения **ö* > *ü* датируется временем не ранее появления кыпчакских предков казанских татар в волжском регионе. Отсюда вытекает, что уральско-кыпчакское сужение гласного **ö* > *ü* началось где-то в середине XV в. и никак не может быть отнесенным к пракыпчакскому состоянию.

Явно вторичный и относительно поздний характер имеет также наблюдаемая в луцко-галицком диалекте караимского языка регулярная делабиализация широкого губного гласного *ö*, в ее результате чего он переходит в широкий негубной гласный переднего ряда *e*, ср.: кар.к. *ögej* ~ кар.г. *egej* 'неродной'; кар.к.т. *öt* ~ кар.г. *et* 'желчь'; кар.к. *öz* ~ кар.г. *ez* 'сам'; кар.к. *özge* ~ кар.г. *ezge* 'иной'; кар.к. *ögüz* ~ кар.г. *egiz* 'бык'; кар.к.т. *öpke* ~ кар.г. *epke* 'легкие' и т.д.

Делабиализация широкого губного гласного переднего ряда *ö* > *e* в луцко-галицком диалекте караимского языка вызвана поздним славянским влиянием и не может быть отнесена к праязыковому уровню.

Таким образом, есть все основания реконструировать в первом слоге слова широкий губной гласный переднего ряда **ö* для пракыпчакского состояния во всех тех случаях, когда пратюркскому **ö* и **ō* в наиболее релевантных языках куманской и канглыйской подгрупп и большинства письменных памятников соответствует широкий *ö*, а в татарском и башкирском — узкий *ü*.

В **абсолютном начале слова** пракыпчакский широкий губной гласный переднего ряда нижнего подъема *ö* обычно сохраняется без каких-либо видимых изменений своего качества во всех памятниках и в большинстве современных кыпчакских языков. В татарском и башкирском наблюдается регулярное сужение широкого гласного *ö* > *ü*.

Кум. *öt*, кбалк. *öt*, кар.к.т. *öt*, кар.г. *et*, ктат. *oṭ*, тат. *üt*, башк. *üt*, диал. *ut*, ног. *öt*, каз. *öt*, ккалп. *öt* 'желчь'; в письм. пам.: везде *öt* 'желчь';

кум. *öz*, кбалк. *öz*, кар.к. *öz*, кар.г. *ez*, ктат. *oz'*, тат. *üz*, башк. *üδ*, ног. *öz*, каз. *öz*, ккалп. *öz* 'сам', 'сердцевина'; в письм.пам.: везде *öz* 'сам', 'самость', 'тело';

кум. *ökür-*, кбалк. *ökür-*, кар.к. *ökür-*, *öksiz*, кар.г. *ekir-*, тат. *ükür-*, башк. *ükir-*, ног. *ökir-*, ккалп. *ökir-*, каз. *ökir-* 'реветь', 'мычать', 'рыдать'; в письм. пам.: везде *ökür-*, куман. *ögür-* 'пронзительно кричать';

кум. *öksüz*, кбалк. *öksüz*, кар.к. *öksüz*, *öksiz*, кар.г. *eksiz*, кар.т. *öksüz*, ктат. *öksüz*, тат. *üksüz*, башк. *ükhiδ*, ног. *öksiz* 'сирота', 'одинокий'; в письм. пам.: везде *öksüz* 'сирота';

кум. *gökün-*, кбалк. *ökün-*, кар.к. *ökün-*, тат. *ükin-*, башк. *ükin-*, ног. *ökin-*, ккалп. *ökin-*, каз. *ökin-* 'сожалеть', 'раскаяться'; в письм. пам.: везде *ökün-* 'сожалеть';

кум. *ör*, диал. *or*, кбалк. *ör*, кар.к. *ör* (в составе *örkeč* 'горб'), ктат. *ör*, тат. *ür*, башк. *ür*, ног. *ör*, каз. *ör*, ккалп. *ör* 'верх', 'верхняя часть';

кум. *ördek*, диал. *urdek*, кбалк. *ördek*, кар.к. *ördek*, ктат. *ördek*, тат. *ürdäk*, башк. *ürδäk*, диал. *üräk*, *üjräk*, ног. *ör*, каз. *üjrek*, ккалп. *ördek*, *üjrek* 'утка'; в письм. пам.: везде *ördek*.

В современных кыпчакских языках, которые не принадлежат к уральской группе, также наблюдаются единичные случаи сужения праязыкового **ö* и переход в узкий губной гласный переднего ряда *ü*, ср., например, пракыпч. **öw* ~ кум. *üj*, кбалк. *üj*, кар.к. *üj*, тат. *üj*, диал. *ü*, башк. *ÿj*, ног. *üj*, каз. *üj*, ккалп. *üj* 'дом'; в письм. пам.: куман. *ew*, *öw*, *iv* 'дом'; пракыпч. **öwren-* < пратюрк.**ögren-* ~ кум. *üjren-*, кбалк. *üren-*, кар.к. *ügren-*, *ören-*, кар.т. *üren-*, *üvrän-*, кар.г. *ivren-*, ктат. *ögren-*, *ujren-*, каз. *ujren-*, ккалп. *ujren-* 'учиться'; в письм. пам.: везде *ögren-*, куман. *övren-*, *üren-* 'учиться', 'обучаться'.

Случаи сужения праязыкового **ö* > *ü*, как видно из примеров, являются позиционно обусловленными и наблюдаются главным образом перед пракыпчакским билабиальным щелевым сонорным *w*, в свою очередь восходящим к пратюркским *g* и *β(w)*, которые в современных кыпчакских языках в словах с переднерядным вокализмом отражаются обычно как палатальный плавный сонант *j*.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого слога, пракыпчакский широкий губной гласный переднего ряда **ö* в основном ведет себя так же, как в анлауте, он сохраняется без особых изменений в языках известных письменных памятников кыпчакского круга и в большинстве современных кыпчакских языков и диалектов. Лишь в уральской группе этот гласный регулярно сужается и переходит в узкий губной гласный переднего ряда верхнего подъема *ü*.

В луцко-галицком диалекте караимского языка наблюдается регулярная делабиализация широкого **ö > e* под влиянием славянского субстрата, в котором никогда не было губных гласных переднего ряда. В кайтакском диалекте кумыкского языка происходит депалатализация *ö > o* под влиянием, видимо, местного аварского субстрата. Отмеченные фонетические сдвиги имеют несомненно вторичный характер и датируются относительно поздним периодом самостоятельного развития этих языков. При реконструкции вокалической системы пракыпчакского языка они не учитываются.

Кум. *böl-*, кбалк. *böl-*, кар.к. *böl-*, ктат. *böl-*, тат. *bül-*, башк. *bül-*, ног. *böl-*, ккалп. *böl-*, каз. *böl-* ‘делить’, ‘распределять’; в письм. пам.: везде *böl-* ‘(раз)делить’;

кум. *börü*, кбалк. *börü*, кар.к. *börü*, кар.т. *beri*, кар.г. *beri*, ктат. *börü*, тат. *büri*, башк. *büri*, ног. *böri*, ккалп. *böri*, каз. *böri* ‘волк’; в письм. пам.: везде *böri*, куман. *böri*, *börü* ‘волк’;

кум. *börk*, кбалк. *börk*, кар.к. *börk*, кар.г. *berk*, ктат. *börük*, тат. *bürik*, *bürük*, башк. *burk*, ног. *börk*, ккалп. *borik*, каз. *börik* ‘шапка’; в письм. пам.: везде *börk* ‘шапка’;

кум. *joge*, кбалк. *ǯöge*, *žöge*, *zöge*, кар.г. *jewke* ‘береза’, тат. *jüke*, диал. *ǯükä*, *jügä*, башк. *jükä*, ног. *jöke*, ккалп. *žoke*, каз. *žöke* ‘липа’, ‘мочало’, ‘рогожа’;

кум. *jon* (в составе производных), кбалк. *ǯön* (в составе *ǯöne* ‘отправляться’), кар.к. *jön* (в составе *jöne* ‘благоприятствовать’), ктат. *jön*, тат. *jün*, диал. *ǯün*, башк. *jün*, ног. *jön*, ккалп. *žön*, каз. *žön* ‘сторона’, ‘направление’; в письм. пам.: везде *jön* ‘сторона’;

кум. *jörme*, кбалк. *ǯörme*, *žörme*, *zórme*, кар.г. *jerme*, тат., башк. *jürmä*, ног. *jörme*, ккалп. *žörme*, каз. *žörgem* ‘вид бараньей колбасы’;

кум. *gön*, кбалк. *gön*, *kön*, кар.г. *gen*, кар.т. *gön*, тат. *kün*, башк. *kün*, ног. *kön*, ккалп. *kön*, каз. *kön* ‘выделанная кожа’; в письм. пам.: везде *kön*, арм.-пол. *kön* (*kon*) ‘выделанная кожа’.

В современных кыпчакских языках и диалектах, которые не принадлежат к уральской подгруппе, в ограниченном числе примеров наблюдаются позиционно-комбинаторное сужение медиального широкого губного гласного переднего ряда **ö* и его переход в узкий губной гласный переднего ряда *ü*. Такое развитие широкого гласного *ö* обычно наблюдается перед последующим палатальным плавным сонантом *j*, который может быть как исконным, так и восходящим к пратюркским **g, ß(w)* и **d*.

Кум. *küj*, диал. *kuj*, *guj*, кбалк. *küj*, карач. *küw*, тат. *küj*, башк. *küj*, ног. *küj*, ккалп. *güj*, каз. *küj* ‘мотив’, ‘мелодия’, ‘напев’, ‘песня’; в письм. пам.: везде

kög, Абушка *kok* ‘мелодия’;

кум. *kijiz*, диал. *gujiz*, кбалк. *kijiz*, *küj kijiz*, кар.г. *kijiz*, *tijiz*, тат. *kijiz*, *kiiz*, ног. *küjiz*, ккалп. *kijiz*, диал. *kijgiz*, каз. *kijiz* ‘ковер’, ‘кошма’, ‘войлок’; в письм. пам.: везде *köwüz*, куман. *köwuz*, а также *kijiz* ‘кошма’, ‘войлок’.

По показаниям всех современных кыпчакских языков, а также большинства письменных памятников для пракыпчакского состояния надежно реконструируется широкая губная гласная фонема переднего ряда как в абсолютном анлауте, так и в медиальной позиции.

Обобщая показания проанализированного материала, можно выявить следующие закономерности исторического развития пракыпчакского широкого губного гласного переднего ряда **ö* в современных кыпчакских языках:

1. Пракыпчакский **ö* первого слога обычно устойчиво сохраняется в большинстве современных кыпчакских языков куманской и канглыйской подгрупп, а в языках уральской подгруппы регулярно сужается в *ü*.

2. В позиции перед последующим плавным палатальным сонантом *j*, имеющим различную природу (< пратюрк. **j, *w, *g, *d*), праязыковой широкий губной сужается во всех современных кыпчакских языках, что позволяет датировать это явление позднепракыпчакским периодом; в уральской подгруппе языков этот вторичный узкий подвергается дальнейшей редукции.

3. В луцко-галицком диалекте караимского языка под влиянием славянского субстрата происходит делабиализация пракыпчакского широкого губного гласного переднего ряда **ö > e*.

4. В кайтакском диалекте кумыкского языка под влиянием аварского субстрата происходит веляризация пракыпчакского **ö > o*.

Гласный *и*

В системе пратюркского вокализма были представлены долгий и краткий варианты узкого губного гласного заднего ряда верхнего подъема: **ӣ* и **и*. Противопоставление гласных по долготе-краткости было утрачено уже в позднепратюркском, и долгий и краткий варианты этого гласного совпали в одном узком губном гласном заднего ряда нормальной длительности *и*.

Никаких следов былого противопоставления гласного *и* по количественному признаку в языках письменных памятников кыпчакского круга, а также в современных кыпчакских языках и диалектах не прослеживается. Поэтому есть все основания реконструировать для пракыпчакского состояния узкий губной гласный заднего ряда *и* нормальной длительности.

В современных кыпчакских языках пракыпчакский узкий губной гласный заднего ряда *и* отражается двояко. В куманской подгруппе кыпчакских языков этот гласный обычно сохраняется без каких-либо видимых качественных и количественных изменений. В канглыйской подгруппе кыпчакских языков пракыпчакский **и* редуцируется и переходит в сверхкраткий **ĭ*. В этом отношении кыпчакские языки канглыйской подгруппы следуют за татарским и башкирским языками, объединяющимися в уральскую подгруп-

пу, где пракыпчакский **u* также образует полуузкий или редуцированный *ŭ*.

В действующих орфографиях указанных кыпчакских языков редукция гласных не всегда отражается последовательно. Так, в ногайском и каракалпакском языках сверхкраткий или редуцированный губной гласный заднего ряда *ŭ* передается буквой *у*, а в татарском и башкирском — буквой *о*; только в казахском языке принята специальная буква *ұ* для обозначения этого гласного. В этой связи в тюркологической литературе редуцированные гласные указанных языков не всегда получают должное отражение даже в специальных работах. В соответствии с установившейся традицией, в данной работе мы особо отмечаем редукцию узких гласных только в татарском, башкирском и казахском языках, но при этом следует иметь в виду, что данное явление характерно также для ногайского и каракалпакского языков.

В **абсолютном начале слова** гласный *u* сохраняется обычно без каких-либо видимых качественных и количественных изменений в куманской подгруппе живых кыпчакских языков, а также во всех известных письменных памятниках кыпчакского круга, а в современных языках уральской и канглыйской подгрупп подвергается известной редукции и отражается как редуцированный (сверхкраткий) гласный заднего ряда *ŭ*.

Кум. *uwaq*, кбалк. *uwaq-*, кар.г. *uwaq*, кар.г. *uwax*, кар.к. *ufaq*, ктат. *ufaq*, тат. *waq* (*ŭwaq*), башк. *waq* (*ŭwaq*), ног. *uwaq*, ккалп. *uwaq*, каз. *ŭwaq* ‘мелкий, некрупный’; в письм. пам.: арм.-кыпч. *uwax* ‘мелкий’;

кум. *ujat*, кбалк. *ŭjat*, кар. *ujat*, ктат. *ujat*, тат. *ŭjat*, башк. *ŭjat*, ног. *ujat*, ккалп. *ujat*, каз. *ŭjat* ‘стыд; стыдливый’, ‘совесть’; в письм. пам.: везде *ujat*, полов. *ujat* ‘стыд’;

кум. *učuz*, кбалк. *učuz*, кар.к. *učuz*, *učiz*, кар.т. *učuz*, кар.г. *ucuz*, ктат. *uǯuz*, тат. *ŭčuz*, диал. *učiz*, башк. *ŭshuδ*, ног. *ušsuz*, ккалп. *ušuz* ‘дешевый’; в письм. пам.: везде *učuz*, полов. *učuz* ‘не имеющий ценности, дешевый’;

кум. *ut-*, кбалк. *ut-*, кар. *ut-*, ктат. *ut-*, тат. *ŭt-*, башк. *ŭt-*, ног. *ut-*, ккалп. *ut-*, каз. *ŭt-* ‘выигрывать’; в письм.пам.: везде *ut-* ‘выигрывать’, ‘побеждать’;

кум. *utan-*, кар.к. *utan-* ‘стыдиться’; в письм.пам.: везде *utan-* ‘стесняться’;

кум. *uč*, кбалк. *uč*, кар.к. *uǯ*, кар.т.г. *uč*, кар.г. *uc*, ктат. *uč*, *uǯ*, тат. *ŭč*, башк. *ŭš*, ккалп. *uš*, каз. *ŭš* ‘конец’, ‘вершина’; в письм. пам.: везде *uč*, куман. *uč*, Ettuh. *öč*, *uč* ‘конец; край’;

кум. *uč-*, кбалк. *uč-*, кар.к. т. *uč-*, кар.г. *uc-*, ктат. *uč-*, тат. *ŭč-*, башк. *ŭš-*, ккалп. *uš-*, каз. *ŭš-* ‘летать’; в письм. пам.: везде *uč-*, куман. *uč-* ‘летать; улетать’ и т.д.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого, корневого, слога, пракыпчакский гласный **u* практически сохраняется без видимых качественных и количественных изменений во всех известных письменных памятниках кыпчакского круга и в живых языках и диалектах куманской подгруппы (кумыкском, карачаево-балкарском, караимском и крымскотатарском). В кыпчакских языках уральской и канглыйской подгрупп наблюдается регулярная редукция данного узкого губного гласного заднего ряда *u* и его

трансформация в сверхкраткий губной заднего ряда *ŭ*.

Кум. *bu*, кбалк. *bu*, кар. *bu*, кар.г. *bo*, ктат. *bu*, диал. *bo*, тат. *bu*, башк. *bŭl*, ног. *bu*, ккалп. *bul*, каз. *bŭ*, *bŭl* ‘этот’; в письм. пам.: везде *bu*, куман. *bu*, арм.-пол. *bu* ‘этот’;

кум. *buγa*, кбалк. *buγa*, кар. *buγa*, ктат. *buγa*, тат. *bŭγa*, башк. *bŭγa*, ног. *buγa*, ккалп. *buγa*, каз. *bŭqa* ‘бык’; в письм.пам.: везде *buγa*, куман. *boγa* ‘бык’;

кум. *buz*, кбалк. *buz*, кар. *buz*, тат. *bŭz*, башк. *bŭδ*, диал. *mŭδ*, ног. *buz*, ккалп. *muz*, каз. *mŭz* ‘лед’; в письм. пам.: везде *buz*, куман. *buz* ‘лед’;

кум. *žuw-*, кбалк. *žuw-*, *ǯuw-*, *zuw-*, кар. *juw-*, ктат. *juw-*, тат. *ju-*, *ǯu-*, башк. *jŭw-*, ног. *juw-*, ккалп. *žuw-*, каз. *žŭw-* ‘мыть; стирать’;

кум. *juwa*, кбалк. *uja*, кар.к. *uja*, кар.т.г. *huja*, *γuja*, ктат. *juwa*, тат. *ŭja*, башк. *ŭja*, ног. *uja*, ккалп. *uja*, каз. *ŭja* ‘гнездо’; в письм. пам.: везде *juwa*, *uja* ‘гнездо’;

кум. *qus-*, кбалк. *qus-*, кар. *qus-*, ктат. *qus-*, тат. *qŭs-*, башк. *qŭδ-*, ног. *qus-*, ккалп. *qus*, каз. *qŭs-* ‘рвать, блевать’; в письм. пам.: везде *qus-*, куман. *qus-* ‘рвать, блевать’;

кум. *quš*, кбалк. *quš*, кар. *quš*, *kuš*, ктат. *quš*, тат. *qŭš*, башк. *qŭš*, ног. *qus*, ккалп. *qus*, каз. *qus* ‘птица’; в письм. пам.: везде *quš*, куман. *quš* ‘птица’;

кум. *quwušgan*, *qušγun*, кбалк. *quwusxan*, ктат. *qušqan*, тат. *qujŭšqan*, башк. *qujušqan*, ног. *qujysqan*, ккалп. *qujysqan*, каз. *qujysqan* ‘подхвостник’, ‘подвея’; в письм. пам.: куман. *qujšqan*, *kojšnak* ‘подхвостник’, ‘подвея’ и т.д.

В редких случаях наблюдаются спорадические межкыпчакские и внутриязыковые междиалектные колебания в историческом развитии узкого губного гласного заднего ряда *u* в некоторых современных языках по ряду (задний *u* ~ передний *ü*), по раствору (узкий *u* ~ широкий *o*) или лабиальности (губной *u* ~ негубной *y*), которые требуют специального объяснения.

Межъязыковые и внутриязыковые междиалектные спорадические колебания по ряду, как правило, являются позиционно обусловленными и наблюдаются в позиции рядом с палатальными согласными *č, j, ǯ*, см.:

общекыпчак. *uč* ~ Ettuh. *üč* ‘конец’;

общекыпчак. *ujat* ~ кбалк. диал. *üjat* ‘стыд’;

общетюрк. *mujnuz* ~ общекыпчак. *müjüz* ~ ктат. *bojnuz* (< огуз.) ‘рог’ и т.д.

Причиной опереднения заднерядного гласного, как правило, является прогрессивная или регрессивная ассимиляция смежных палатальных согласных.

Межкыпчакские и внутриязыковые колебания по лабиальности (губной *u* ~ негубной *y*) встречаются в следующих примерах:

общетюрк. *mujnuz* ~ общекыпчак. *müjüz* ~ ктат. *bojnuz* (< огуз.), кар.т. *müwüz*, кар.г. *miwiz* ‘рог’;

общекыпчак. *buzaw* ~ кар.к. *buzuw* ~ *byzuw*, башк. *bŭδaw* ‘теленок’;

общекыпчак. *buγaw* ~ башк. *bŭγaw* ‘оковы’;

общекыпчак. *bulγa* ~ ног. *bylγa-*, ккалп. *bylγa-*, каз. *bŭlqa-* ‘мешать; смешивать’;

общекыпчак. *bulut* ~ каз. *bulyt* ‘облако’;

общекыпчак. *burčaq* ~ куман. *burčaq* / *byrčaq* ‘горох’;
общекыпчак. *juw-* ~ башк. *jўw-* ‘мыть; стирать’;
общекыпчак. *juban-* ~ *jyban-*, башк. *jўvan-* ‘утешаться’;
общекыпчак. *jumurtqa* ~ кум. *jymyrtqa*, кар.г. *jymyrtka* ‘яйцо’;
общекыпчак. *jumšaq* ~ кум. *jymyšaq*, кар. *jymšaq*, ктат. *jymšaq* ‘мягкий’;
общекыпчак. *qujaš* ~ ног. *qyjaš* (< **quwaš*?) ‘солнце’;
общекыпчак. *quwan-* ~ башк. *qўwan-* ‘радоваться’;
общекыпчак. *qumursqa* ~ тат. *qўrmўsqa*, башк. *qўmўr&qa* ‘муравей’ и др.

Практически все случаи колебания *u* ~ *y*, или делабиализации, связаны со смежными губными согласными *b, m, w*, которые относительно интересующего нас гласного могут стоять как в препозиции, так и в постпозиции.

Спорадические межъязыковые перебои по признаку раствора (узкий *u* ~ широкий *o*) отмечены в следующих примерах:
общекыпчак. *buγa* ~ куман. *boγa* ‘бык’;
общекыпчак. *quwan-* ~ куман. *qowan-* ‘радоваться’;
общекыпчак. *qulan* ~ Абу-Х. *qolun* / *qulun* ‘жеребенок’;
общекыпчак. *qurgašin* ~ кум. *qorgašin*, кбалк. *qorgašin*, ккалп. *qorgašyn*, каз. *qorgasyn*, куман. *qorgašyn* ‘свинец’ и др.

Незначительное число неоднородных примеров на перебой *u~o* не позволяет пока выявить определенную закономерность в развитии этого явления.

Каждый из выявленных случаев спорадических позиционно обусловленных фонетических корреляций не имеет всеобщего характера, т.е. не охватывает всю лексику с соответствующими позиционными фонетическими характеристиками, и не имеет сплошного ареала распределения. Такое точечное распределение в языковом пространстве свидетельствует о вторичном характере рассмотренных позиционно обусловленных корреляций. Эти фонетические колебания и перебои спонтанно возникали в каждом отдельном языке уже в ходе их автономного развития.

Рассмотренный материал однозначно показывает, что пракыпчакский узкий губной гласный заднего ряда *u*, в котором совпали пратюркские краткий *u* и долгий *ū*, весьма устойчиво сохраняется в письменных памятниках кыпчакского круга, а также в куманской подгруппе современных кыпчакских языков. Регулярная редукция пракыпчакского *u* первого слога в уральской и канглыйской подгруппах кыпчакских языков имеет явно вторичный характер и, по нашему мнению, возникла не ранее XV в. в результате наложения среднекыпчакского языка на среднебулгарский и образования казанскотатарского языка. В последующий период этот процесс распространился на западный (мишарский) и, отчасти, восточные (сибирские) диалекты татарского языка, а также на башкирский и канглыйские языки.

Гласный *ü*

Для пратюркского состояния исследователи восстанавливают противопоставление по длительности долгого **ū* и краткого (нормальной длительности) **ü*. Количественная оппозиция гласных в истории тюркских языков начала утрачиваться относительно рано, уже в позднепратюркский период. В кыпчакских языках никаких следов количественной оппозиции не сохранилось, поэтому для пракыпчакского состояния реконструируется только один узкий губной гласный переднего ряда нормальной длительности *ü*.

В языках письменных памятников кыпчакского круга праязыковой **ü* обычно сохраняется без особых количественных и качественных изменений. В современных кыпчакских языках и диалектах праязыковая фонема отражается двояко: в языках куманской подгруппы она сохраняется, как правило, без особых изменений. В языках уральской подгруппы и отчасти в языках канглыйской подгруппы праязыковой *ü* подвергается редукции и переходит в сверхкраткий *ŭ̈*, а в казахском и каракалпакском его рефлекс близок к типу *ŭ̈* (СИГТЯ 1984, 70).

Надо заметить, что сверхкраткий характер гласного *ŭ̈* в казахском, каракалпакском и ногайском языках в действующих орфографиях не отражается — этот гласный передается буквой *ұ*, принятой в других языках для обозначения гласного *ü* полного образования. В связи с этим в тюркологической литературе, даже в работах фонологического характера, сверхкраткий, или редуцированный *ŭ̈*, не находит адекватного отражения. В соответствии с установившейся в тюркологии традицией, в настоящей работе в репрезентативных материалах мы особо отмечаем сверхкраткий характер *ŭ̈* только в татарском, башкирском и казахском языках, но при этом имеем в виду, что редукция **ü* > *ŭ̈* имеет место и в каракалпакском и ногайском языках.

По степени возрастания редукции узких гласных кыпчакские языки канглыйской подгруппы занимают промежуточное положение между языками куманской подгруппы (где этот процесс практически не получил развития) и уральской подгруппы (где редукция узких гласных получила наиболее глубокое развитие). Кыпчакские языки куманской подгруппы в этом отношении сохранили пракыпчакское состояние. Редукция узких гласных развивалась наиболее последовательно и глубоко также в чувашском языке, где полностью утерян также и лабиальный признак развившихся из узких гласных редуцированных звуков: огубленность редуцированных сохранилась только на уровне локальных говоров. Такое хронотопологическое распределение редукции узких гласных по степени глубины и последовательности явления свидетельствует, что она зародилась в булгарском языке и проникла в наслоившийся на него кыпчакский суперстрат.

В **абсолютном начале слова** пракыпчакский узкий губной гласный переднего ряда верхнего подъема **ü* сохраняется практически без изменений в современных языках куманской подгруппы кыпчакских языков, а также во всех известных в настоящее время письменных памятниках кыпчакского круга. В языках канглыйской подгруппы, как уже отмечалось, этот гласный подвергся определенной количественной и качественной редукции и перешел в сверхкраткий *ŭ̈*, а в языках уральской подгруппы этот процесс получил более глубокое развитие и привел к полной редукции гласного **ü* (в та-

тарской и башкирской орфографиях отмечается буквой *ө*, в нашей транскрипции — знаком *ӧ*).

Кум. *üz-*, диал. *uz-*, кбалк. *üz-*, кар. *üz-*, кар.г. *iz-*, ктат. *üz-*, тат. *ӱz-*, башк. *ӱδ-*, ног. *üz-*, ккалп. *üz-*, каз. *ӱz-* ‘рвать; разрывать’; в письм. пам.: везде *üz-*, куман. *üz-* ‘обрывать, ломать’;

кум. *ün*, кбалк. *ün*, кар.к. *ün*, кар.г. *in*, ктат. *yn*, тат. *ӱn*, башк. *ӱn*, ног. *ün*, *yn*, ккалп. *ün*, *yŋ*, каз. *ӱn*, *yŋ* ‘голос; звук’; в письм. пам.: везде *ün*, куман. *ün* ‘голос; звук’;

кум. *üleš-*, кбалк. *üleš-*, кар.к. г. *üleš-*, кар.к. *öleš-*, кар.т. *üläš-*, кар.г. *iles-*, ктат. *üleš-*, тат. *ӱläš-*, башк. *ӱläš-*, ног. *üles-*, ккалп. *ules-*, каз. *ӱles-* ‘делить’, ‘разделить’; в письм.пам.: везде *üleš-*, куман. *üleš-* ‘разделить (между собой)’;

кум. *ürk-*, кбалк. *ürk-*, кар.к. *ürk-*, ктат. *ürk-*, тат. *ӱrk-*, башк. *ӱrk-*, ног. *ürk-*, ккалп. *ürk-*, каз. *ӱrk-* ‘(ис)пугаться’, ‘вздрогнуть (от испуга)’; в письм. пам.: везде *ürk-* ‘вздрогнуть от испуга’, ‘бояться’;

кбалк. *üŋür*, *üŋgür*, кар.т.г. *üngür*, кар.т. *üŋgür*, *ün'gür*, кар.к. *yŋyr*, *yŋyyr*, *ynyyr*, кар.т. *eŋgür*, тат. *ӱŋgӱr*, башк. *ӱŋӱr*, ккалп. *üŋür*, каз. *ӱŋӱr* ‘сумерки’;

кум. *üč*, диал. *uč*, кбалк. *üč*, кар. *üč*, кар.г. *ič*, *jic*, *ic*, *oc*, ктат. *üč*, тат. *ӱč*, башк. *ӱs*, ног. *üš*, ккалп. *üš*, каз. *ӱš* ‘три’; в письм. пам.: везде *üč*, куман. *üč* ‘три’;

кум. *üšü-*, кбалк. *üšü-*, кар.к. *üšü-*, кар.г. *isi-*, ктат. *üšü-*, тат. *ӱšӱ-*, башк. *ӱšӱ-*, ног. *üsi-*, ккалп. *üsi-*, каз. *ӱsӱ-* ‘зябнуть; мерзнуть’; в письм. пам.: везде *üši-*, куман. *üši* ‘замерзать, мерзнуть’ и т.д.

Приведенный материал дает основания для заключения о высокой степени сохранности праязыкового *ü* в языках средневековых памятников, а также в живых языках куманской подгруппы в целом. Особо отметим, что в галицком диалекте караимского языка обнаруживается делабиализация узкого губного гласного переднего ряда, которая факультативно сопровождается появлением протетического элемента *j-* или утратой инициального *j-*, ср. общекыпчак. *jüz* ~ кар.г. *jiz*/*iz* ‘лицо’; общекыпчак. *jüzük* ~ кар.г. *jizik*/ *izik* ‘кольцо’; общекыпчак. *jüz* ~ кар.г. *jiz*/*iz* ‘сто’; общекыпчак. *jük* ~ кар.г. *jik*/*ik* ‘груз’ и т.д. Делабиализация *ü* > *i* и связанный с ней перебой в отношении инициального протетического или этимологического *j-* могут быть вызваны своеобразным воздействием местных славянских говоров, в которых вообще отсутствует переднерядный узкий губной *ü* (а также и широкий *ö*) и наблюдается спорадическое появление протетического *j-* перед инициальным гласным, ср., например, такие межславянские соответствия: рус. *ива* ~ чеш. *jiva*, в.-луж. *jiwa*; рус. *игла* ~ польск. *jigła*/*jegła*; рус. *игра* ~ полаб. *jagreica* ‘игра’; рус. *изба* ~ чеш. *jizba*; рус. *икра* ~ слвц. *jikra* и т.д., а также выпадение инициального *j-* в тюркских заимствованиях в русском языке: тюрк. *jegren* ‘рыжий’ ~ рус. *игрений* ‘светло-рыжий’, тюрк. *jüzüm* ‘виноград’ ~ рус. *изюм*, тюрк. *jylym* ‘невод’ ~ рус. *илым* и т.д. В свете подобных фонетических явлений в славянских языках правомерно говорить о появлении ряда специфических особенностей галицкого диалекта в результате приспособления караимского языка к произносительному узусу местных славянских говоров.

Кроме перечисленных межъязыковых корреляций, встречаются также спорадические случаи расширения (*ü* > *ö*) и делабиализации (*ü* > *e*) инициального *ü*, о чем будет сказано ниже.

В **медиальной позиции**, т.е. в середине первого, корневого, слога, пракыпчакский узкий губной гласный переднего ряда *ü* практически сохраняется без видимых качественных и количественных изменений во всех известных кыпчакских письменных памятниках, а также в современных языках куманской подгруппы. В уральской подгруппе праязыковой гласный *ü* подвергается полной редукции и переходит в сверхкраткий гласный переднего ряда *ӱ*.

Явление редукции медиального гласного *ü* получило известное распространение в языках канглыйской подгруппы, но не зашло столь далеко, как в уральских языках. Создается общее представление, что редукция узкого гласного *ü* первоначально возникла в центральном диалекте татарского языка, постепенно распространилась на западный (мишарский), а впоследствии и на восточный (сибирский) диалект, а также на башкирские диалекты. Появление сверхкратких гласных на месте узких в языках канглыйской подгруппы кыпчакских языков — явление относительно недавнее, оно возникло как результат влияния языков уральской подгруппы.

Кум. *bük-*, кбалк. *bük-*, кар. *bük-*, кар.г. *bik-*, ктат. *bük-*, тат. *bӱk-*, башк. *bӱk-*, ног. *bük-*, ккалп. *bük-*, каз. *bӱk-* ‘гнуть’, ‘сгибать’, ‘подгибать’; в письм. пам.: везде *bük-*, куман. *bük-* ‘гнуть’, ‘складывать’;

кум. *bürüš-*, *bür-*, кбалк. *bür-*, кар.к. *bürüš-*, ктат. *bürüš-*, тат. *bӱr-*, башк. *bӱr-*, *bӱrӱš-*, ног. *bür-*, ккалп. *bür-*, каз. *bӱr-*, *bӱrӱš-* ‘делать складки, сборки’, ‘сморщиваться’;

кум. *bürke-*, кар.к. *bürü-* (в составе *bürüšuk* ‘памятный’), ктат. *bürü-*, тат. *bӱrkä-*, башк. *bӱrkä-*, *bӱrkӱ-*, ног. *bürke-*, ккалп. *bürke-*, каз. *bӱrke-* ‘покрывать, накрывать’, ‘окутывать, закутывать’;

кум. *jüz*, кбалк. *jüz*, кар.к. *jüz*, кар.г. *jiz*/*iz*, ктат. *jüz*, тат. *jӱz*, башк. *jӱδ*, ног. *jüz*, ккалп. *žüz*, каз. *žӱz* ‘лицо’; в письм. пам.: везде *jüz*, куман. *jüz*, арм.-пол. *juz*, *jüz* ‘лицо’;

кум. *jüzük*, кбалк. *ǯüzük*, кар.к. *jüzük*, кар.т. *üzük*, кар.г. *ezik*, *izik*, ктат. *jüzük*, тат. *jӱzik*, башк. *jӱδӱk*, ног. *jüzik*, ккалп. *žüzik*, каз. *žӱzӱk* ‘кольцо’, ‘перстень’; в письм. пам.: везде *jüzük*, куман. *jüzük*, арм.-пол. *juzuk*, *jüzük* ‘кольцо, перстень’;

кум. *jüzüm*, кбалк. *ǯüzüm*, кар. *jüzüm*, *jüzim*, кар.г. *izim*, ктат. *üzüm*, *özüm*, тат. *jӱzӱm*, *jӱzӱm*, башк. *jӱδӱm*, ног. *jüzim*, ккалп. *žüzim*, каз. *žӱzim* ‘виноград; изюм’; в письм. пам.: везде *üzüm* ‘виноград’;

кум. *gübe*, кбалк. *kübe*, кар.к. *kübe*, *köbe*, кар.т. *kübä*, *küvä*, кар.г. *kibe*, ктат. *kübe*, тат. *kӱbä*, башк. *kӱbä*, ног. *kübe*, ккалп. *kübe*, *güpi*, каз. *kӱpi* ‘кольчуга, броня; щит’; в письм. пам.: везде *kübe*, куман. *kübe* ‘кольчуга’;

кум. *külte*, кбалк. *külte*, кар. *külte*, кар.г. *kilte*, ктат. *külte*, тат. *kӱltä*, башк. *kӱltӑ*, ног. *külte*, ккалп. *külte*, каз. *kӱlte* ‘сноп; связка’; в письм. пам.: везде *külte*, куман. *külte* (в составе *külte-beg* ‘венок’) ‘связка’;

кум. *güren*, кбалк. *küren*, тат. *kŭrän*, башк. *kŭrän*, ног. *küren*, ккалп. *küren*, каз. *kŭren* ‘коричневый; карий; рыжий; бурый’;

кум. *tüme*, кбалк. *tüjme*, кар.т. *tüwmä*, кар.г. *tiwme* (в составе *tiwmele* ‘застегивать’), тат. *tŭjmä*, башк. *tŭjmä*, ног. *tüjme*, ккалп. *tüjme*, каз. *tŭjme* ‘пуговица’; в письм. пам.: куман. *tüwme*, арм.-пол. *tüwme* ‘пуговица’;

кум. *tüje*, кбалк. *tüje*, кар.к. *dewe* (< огуз.), кар.г. *tewe*, кар.т. *tewä*, ктат. *dewe*, тат. *dŭja*, башк. *dŭjä*, ног. *tüje*, ккалп. *tüje*, каз. *tŭje* ‘верблюд’; в письм. пам.: куман. *töwe* ‘верблюд’ и т.д.

Помимо регулярных межъязыковых корреляций фонемы *ü*, наблюдаются спорадические межкыпчакские и внутриязыковые междиалектные колебания и перебои в развитии этого звука в отдельных языках и диалектах.

Нетривиальные межъязыковые междиалектные спорадические чередования для наглядности сгруппированы по следующим параметрам: а) по ряду (передний *ü* ~ задний *u*), б) по степени раствора (узкий *ü* ~ широкий *ö*), в) по лабиальности (губной *ü* ~ негубной *i*).

а) Межъязыковые и внутриязыковые междиалектные перебои по ряду:
общекыпчак. *ülke* ~ ктат. *ulke* ‘край, страна’;
общекыпчак. *üčün* ~ кум. *učun* ‘для, ради’;
общекыпчак. *bürče* ~ каз. *bŭrče*/*bursa*, *borsa*, кар. *burača* ‘блоха’;
общекыпчак. *bütün* ~ кар.к. *bütün*/*butun* ‘весь’;
общекыпчак. *jüzük* ~ кум. *jüzük*/*juzuk* ‘кольцо’;
общекыпчак. *jük* ~ кум. *jük*/*juk* ‘груз; вьюк’;
общекыпчак. *jügün-* ~ кар. *jügün-*/*juɣun-*/*joɣun-* ‘кланяться’;
общекыпчак. *jün* ~ кар. *jün*/*jun*, тат. *jŭn*/*jŭn*, куман. *jün*/*juŋ*/*jun* ‘шерсть’;
общекыпчак. *küčük* ~ тат. *kŭčük*/*kŭčŭk* ‘щенок’
общекыпчак. *küz* ~ кум. *güz*/*guz* ‘осень’;
общекыпчак. *kümüš* ~ кум. *gümüš*/*gumuš*, кар. *kümüš*/*gumuš* ‘серебро’ и т.д.

Рассмотренные примеры показывают, что случаи спорадического перебоя *ü* > *u* в отдельных кыпчакских языках имеют различное происхождение, они возникли в ходе автономного развития данных языков и диалектов. Следовательно, при реконструкции пракыпчакского состояния учитывать их не следует.

б) Межъязыковые и внутриязыковые междиалектные колебания по степени раствора (узкий *ü* ~ широкий *ö*) немногочисленны и носят спорадический характер, см.:
общекыпчак. *üz-* ~ Кутб. *öz-* / *üz-* ‘рвать’;
общекыпчак. *üleš-* ~ *üleš-* / *öleš-* ‘разделять’;
общекыпчак. *ülke* ~ ног., ккалп., каз. *ölke* ‘край; страна’;
общекыпчак. *jüzüm* ~ ктат. *üzüm* / *özüm* ‘виноград’;
общекыпчак. *küzgü* ~ Из. дар. *közgü* ‘зеркало’;
общекыпчак. *kümüš* ~ куман. *kümüš* ~ *kömiš* ‘серебро’;
общекыпчак. *tüjme* ~ Абу-Х. *tüwme* / *döwme* ‘пуговица’;
общекыпчак. *tüje* ~ куман. *töwe* ‘верблюд’ и др.

Большинство примеров на перебои по раствору (*ü* > *ö*) почерпнуто из арабографичных письменных памятников, в которых тюркские *o, ö, u, ü* обычно передаются арабской буквой ‘вав’ и чаще всего графически никак не дифференцируются. Подобные единичные примеры при реконструкции фонетической системы пракыпчакского состояния принципиального значения не имеют.

в) Большинство примеров, иллюстрирующих перебои по лабиальности, носит междиалектный характер и относится к галицкому диалекту караимского языка. Основной причиной делабиализации узкого губного гласного переднего ряда *ü* > *i* в галицком диалекте было воздействие славянского субстрата.

Встречается незначительное количество примеров, где делабиализация этимологического *ü* вызвана появлением вторичного плавного сонанта *-j-* (< пратюрк. *-d-*).

Кум. *bijik*, кбалк. *bijik*, *mijik*, кар. *bijik*, кар.к. *büjük*, ктат. *büjük*, тат. *bijik*, башк. *bijik*, ног. *bijik*, ккалп. *bijik*, каз. *bijik* ‘большой; великий’, ‘высокий’; в письм. пам.: везде *büjük* ‘большой’ (< **büdäk*);

кум. *gijew*, кбалк. *kijew*, кар.г. *gijaw* (< огуз.), кар.т. *kijow*, *küjew*, кар.к. *güjew*, *küjüw*, ктат. *güjüw*, тат. *kŭjäw*, башк. *kŭjäw*, ног. *kijew* (огуз.), ккалп. *kijew*, *küjew*, каз. *küjew* ‘зять; жених’; куман. *küjegü* ‘зять’ (< * *küdägü*).

Следует специально оговориться, что приведенные случаи межъязыковых и внутриязыковых спорадических перебоев по ряду, степени раствора и лабиальности носят вторичный характер и имеют различную природу, они возникли и развивались уже после окончательного распада кыпчакской общности на отдельные языки, причем автономно в каждом языке и даже диалекте. Поэтому для реконструкции пракыпчакского языка подобные автономные языковые образования значения не имеют.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОКАЛИЗМА В КЫПЧАКСКИХ ЯЗЫКАХ

Детальный анализ регулярных и спорадических корреляций пракыпчакских гласных звуков первого слога в абсолютном начале слова и медиальной позиции в языках средневековых письменных памятников кыпчакского круга и современных кыпчакских языках и диалектах, проведенный на обширном репрезентативном эмпирическом материале, позволил выявить основные закономерности регулярных, позиционных и обусловленных иноязычным влиянием качественных и количественных изменений, имевших место в вокализме кыпчакских языков.

Установлено, что пратюркский уровень в своей системе вокализма содержал 16 гласных фонем: *a, ā, e, ē, y, ȳ, i, ī, o, ō, ö, ȫ, u, ū, ü, ŭ*.

Ни в одном из современных кыпчакских языков никаких явных следов былого противопоставления гласных по долготе/краткости не сохранилось. Не обнаружены они и в языках дошедших до наших времен кыпчакских письменных памятников. Поэтому мы исходим из стандартной восьмичленной структуры вокализма пракыпчакского языка. Пракыпчакская система

вокализма была восьмичленной стандартной тюркской. Такой она представлена в языках известных письменных памятников кыпчакского круга. Фонетическая эволюция пракыпчакских гласных незначительна: в языках куманской подгруппы пракыпчакская система вокализма сохранилась полностью, только в языках уральской и, в меньшей степени, канглыйской подгрупп при почти полном сохранении праязыковой системы противопоставлений многие гласные подверглись несущественным изменениям: в современных языках обеих подгрупп произошла специфическая редукции узких гласных: ** y > ў, * i > ĭ, * u > ŭ, *ü > ŭ̈*, что, в свою очередь, вызвало сужение широких гласных в языках уральской подгруппы: **o > u, *ö > ü, *e > i*, а также огубление широкого негубного гласного заднего ряда **a > a°*.

Система вокализма современных кыпчакских языков уральской подгруппы занимает промежуточное положение между стандартной пракыпчакской и булгарско-чувашской системами вокализма, а система вокализма канглыйских языков — промежуточное положение между стандартной тюркской (= пракыпчакской) и уральской системой вокализма.

Создается впечатление, что вокализм кыпчакских языков уральской и канглыйской подгрупп на определенном историческом этапе эволюционировал по булгарско-чувашскому пути, причем языки уральской подгруппы явно лидировали и вплотную подошли к булгарско-чувашской системе вокализма, а языки канглыйской подгруппы последовали за языками уральской подгруппы, но несколько от них отстали в своей эволюции. Такое положение вещей наглядно прослеживается при сравнении пракыпчакской, куманской, канглыйской, уральской и чувашской систем вокализма (см. таблицу).

Сравнительная таблица пракыпчакской, куманской, канглыйской, уральской и чувашской систем вокализма[1]

Языки	**Гласные звуки**							
пракыпчакский	*a*	*e*	*o*	*ö*	*y*	*i*	*u*	*ü*
куманские	*a*	*e*	*o*	*ö*	*y*	*i*	*u*	*ü*
канглыйские	*a*	*e*	*o*	*ö*	*ў*	*ĭ*	*ŭ*	*ŭ̈*
уральские	a°	*i*	*u*	*ü*	*ў*	*ĭ*	*ŭ*	*ŭ̈*
чувашский	*u, y*	*a, i*	*u*	*ü*	*ў*	*ĭ*	*ў(ŭ)*	*ĭ(ŭ̈)*

Вместе с тем специфический путь эволюции системы вокализма уральских и канглыйских кыпчакских языков, а также булгаро-чувашского языка, несомненно, связан с реальными межэтническими и межъязыковыми контактами. В связи с этим возникает ряд проблем временно́го и пространственного (хронотопологического) характера: установление первоначального очага или очагов редукции узких гласных и определение хронологических

[1] В чувашской части таблицы учтены только тюркско-чувашские регулярные фонетические корреляты, характерные для исконной лексики (в скобках отмечены сохраняющиеся в верховых и, особенно, среднеизовых говорах огубленные редуцированные *ŭ̈, ŭ*, восходящие к праязыковым узким губным гласным).

рамок этого явления; выяснение направления и путей развития и распространения в интересующем нас этнолингвистическом пространстве; объективная привязка данных явлений к конкретным историческим событиям, имевшим место в установленном хронотопологическом локусе, и т.д.

В пользу предположения, что редукция узких гласных возникла в одном из языков и распространилась на другие, в частности, свидетельствует тот факт, что в чувашском языке этот процесс имеет более глубокий характер, чем, например, в татарском, и в определенных случаях распространился на все гласные звуки, включая и широкие. Только при признании приоритета булгарского языка получает наиболее достоверное объяснение развитие редукции узких гласных в татарском языке, вернее, в его центральном (казанском) диалекте, где этот процесс осуществляется наиболее последовательно. Дальнейшая дивергенция редукции узких гласных в остальные кыпчакские языки происходила уже под непосредственным влиянием татарского языка.

Хронологически возникновение редукции узких гласных, скорее всего, датируется древнебулгарским временем, что косвенно подтверждается развитием древнебулгарского *sabir* в среднебулгарский *suvar*. Как известно, сужение широких гласных (*a > u*) в первом слоге стало возможным только после редукции узких (*u > ŭ*) гласных и освобождения их места. Таким образом, устанавливается, что ко времени появления булгаро-суварских племен в Поволжье процесс редукции узких гласных в булгарском языке был завершен и началось сужение широких гласных. Показательны в этом отношении древнебулгарские заимствования в венгерском языке, где на месте общетюркского *a* первого слога выступает узкий гласный *y*, ср.: общетюрк. *tana* ‘телка’ > др.-булг. *tynaw* → венг. *tinó* (чув. *tyna*); общетюрк. *talgy* ‘мялка’ > др.-булг. *tylўw* → венг. *tiló* (чув. *tylў*); общетюрк. *jaz-* ‘писать’ > др.-булг. *jyr* → венг. *ír* (чув. *śyr*) и т.д. (см. подробнее Егоров 1983). Таким образом, достаточно уверенно можно утверждать, что в древнебулгарском языке процесс редукции узких гласных завершился и начался процесс сужения широких гласных. Следовательно, можно полагать, что процесс редукции узких гласных начался в булгарском языке[2].

В кыпчакских языках этот процесс начинается значительно позже, никак не ранее второй половины XIII в. и не позже середины XV в. Во всяком случае, в известных средневековых памятниках кыпчакского круга факты редукции узких гласных не прослеживаются. Установлено, что в XIII–XIV вв. на территории Волжской Булгарии большая часть пришлого населения Золотой Орды, состоявшего в основном из носителей кыпчакского языка, была ассимилирована булгарами. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитафии, написанные арабской графикой на булгарском языке. Показа-

[2] Пользуясь случаем, выражаю благодарность Н.И.Егорову и О.А. Мудраку за консультации по вопросам исторического развития булгаро-чувашской фонологической системы, а также за ценные замечания, высказанные в ходе знакомства с данной работой.

тельно, что, судя по нисбам, под этими булгароязычными эпитафиями покоятся большей частью выходцы из Средней Азии и сопредельных территорий (Егоров 1984, 90–102). Следовательно, в золотоордынский период своей истории кыпчакский язык испытывал мощное воздействие со стороны булгарского (волжскобулгарского) языка, вплоть до полной ассимиляции. Естественно, уже в XIII–XIV вв. в определенных диалектах золотоордынско-кыпчакского языка под влиянием булгарского мог зародиться процесс редукции узких гласных. Однако дальнейшая судьба средневековых кыпчаков золотоордынского периода неизвестна. Тем не менее, уже в золотоордынский период булгарский язык мог вызвать определенный резонанс в фонетической системе контактировавших диалектов кыпчакского языка.

Судя по тому, что редукция гласных наиболее последовательно и глубоко осуществляется в татарском языке, центром иррадиации данного явления в кыпчакском языке, видимо, следует считать татарский язык. Такое предположение подтверждается историко-культурологическими и ареально-географическими свидетельствами.

Казанскотатарский язык, судя по всему, начал приобретать свои специфические фонетические особенности после обоснования кыпчакоязычных предков татар в регионе Волго-Камья, а также — после возникновения Казанского ханства (не ранее XV в.). Обосновавшись в Среднем Поволжье, золотоордынские кыпчаки в период расцвета Казанского ханства ассимилировали местное булгарское население. Таким образом, в результате наслоения среднекыпчакского языка на местный булгарский субстрат на территории Казанского ханства в период второй половины XV в. складывается основа татарского языка с характерным булгарским сдвигом в системе вокализма. Наиболее последовательно перестройка системы вокализма произошла в центральном (казанском) диалекте, а в западном (мишарском) диалекте передвижки в системе вокализма происходили несколько позднее. Из обзора исторических источников выясняется, что до конца XVI в. этноязыковые контакты между казанскими татарами и мишарями (обосновавшимися в Поочье, в районе Мещеры) были спорадическими и не столь интенсивными, чтобы вызвать радикальные изменения в системе вокализма мишарского диалекта. Начиная с XVI в. большая часть мишарей переселяется в Среднее Поволжье, и уже здесь начинаются непосредственные мишарскотатарские этноязыковые контакты. Решающими факторами в сближении системы вокализма казанскотатарского и мишарского языков были распространение казанскими татарами среди мишарей мусульманского просвещения в досоветскую эпоху и внедрение преподавания татарского литературного языка в мишарских школах — в советский период. Исходя из вышеизложенного, можно уверенно констатировать, что система вокализма мишарского диалекта в своей основе была стандартно-кыпчакской и только в XIX–XX вв. начала подстраиваться к системе казанскотатарского языка.

Восточный диалект (сибирский) татарского языка в ходе своего развития претерпевал значительно меньшее нивелирующее воздействие со стороны казанскотатарского языка и в своей основе сохранил стандартно-кыпчакскую систему вокализма. Определенные сдвиги в системе вокализма восточного диалекта равивались непосредственно под влиянием норм татарского литературного языка, решающим фактором при этом было введение преподавания татарского литературного языка.

Башкирская система вокализма, по мнению ряда исследователей, сложилась под сильным влиянием казанскотатарского языка. При сравнительном изучении систем вокализма татарского и башкирского языков обнаруживается, что система гласных башкирского языка сохраняет относительно больше стандартно-кыпчакских черт, чем татарский. Так, например, в ряде диалектов башкирского языка почти не прослеживается сужение широких гласных, в частности, сохраняется *е*, который в татарском и башкирском литературном языке последовательно сузился в *і*, и т.д. Татарско-башкирские языковые связи в области фонетики изучены достаточно хорошо. Тем не менее, в проблеме исторических взаимовлияний между этими двумя близкородственными языками остается много спорных вопросов, обусловленных скорее субъективными, чем объективными причинами.

В башкирском языке различают три основных диалекта — восточный, южный и западный. В ходе продолжительного и непосредственного взаимодействия двух близкородственных языков в разных диалектах башкирского языка сложились как в количественном, так и в качественном отношениях пласты татарского воздействия. Наиболее сильно проявляется татарское воздействие в западном диалекте: дело доходит до того, что татарские языковеды не без оснований относят его к среднему опорному диалекту татарского языка (Махмутова 1962, 57–85). Довольно сильное влияние татарского языка прослеживается также на всех строевых уровнях восточного и южного диалектов. Такое положение наводит на мысль о том, что фонетическая система башкирского языка в определенные периоды своей истории перестраивалась по татарскому типу вокализма. Это предположение полностью согласуется с данными истории татарско-башкирских взаимоотношений.

Исторические источники и лингвистический материал свидетельствуют, что вплоть до XVIII в. территория распространения башкирского языка охватывала некоторые юго-восточные районы современного Татарстана, непосредственно примыкающие к Башкирии. Местные татарские говоры сохраняют ряд специфических фонетических признаков, характерных только для башкирского языка. Вплоть до XVIII в. летние кочевья башкир доходили до Мензелинского района на севере и Лениногорского на юге современной Татарии. Позднее в связи с массовым оседанием территории бывших летовок башкиры начали продавать, и на этих землях стали поселяться татарские, чувашские, марийские припущенники. В связи со строительством Закамской II засечной укрепленной линии (1731–1732 гг.) в юго-восточных районах Башкирии появляются служивые татары-мишари. В XVIII–XIX вв. в башкирских аулах начинают работать многочисленные мусуль-

манские духовные лица из числа татар, при мечетях начинают функционировать мектебы и медресе, преподавание в которых велось на татарском языке. Светское просвещение также проникало к башкирам через татар. Все это говорит о том, что башкирский язык начиная со времен Казанского ханства и в особенности в XVIII–XIX вв. испытывал мощное воздействие со стороны татарского языка, местами приводившее к полной ассимиляции местного населения. В свете этих фактов вопрос о причинах развития специфических особенностей башкирского языка, заключающихся прежде всего в редукции праязыковых узких гласных и последующем сужении широких, однозначно решается в пользу татарского языка.

В кыпчакских языках канглыйской подгруппы — казахском, каракалпакском и ногайском, испытывавших менее интенсивное влияние со стороны татарского языка, — перестройка системы вокализма, соответственно, не могла развиться столь же глубоко, как в башкирском, здесь она захватывает только узкие гласные, но не затронула широких.

В западной, куманской, подгруппе кыпчакских языков, не имевших сколько-нибудь заметных контактов с казанскотатарским языком, пракыпчакская система вокализма сохранилась практически в неизменном виде.

Таким образом, можно считать установленным, что специфические фонетические особенности татарского языка, заключающиеся в редукции праязыковых узких (** y > ў, * i > ĭ, * u > ŭ, *ü > ŭ̈*) и последовавшем за ней сужении широких (**o > u, *ö > ü, *e > i, *a > a°*) гласных, могут быть объяснены булгарским субстратом. Сложившаяся в ходе ассимиляции булгарского языка стандартным кыпчакским система вокализма в последующем иррадиировала во все известные кыпчакские языки уральской (мишарский, башкирский) и канглыйской подгрупп; в куманско-кыпчакских языках никаких следов влияния булгаро-татарской системы вокализма не прослеживается.

К симметричной восьмичленной системе вокализма уральской и канглыйской подгрупп в ходе их автономного исторического развития пристроился широкий гласный *ä*, имеющий ограниченное употребление (главным образом в составе лексики арабского и персидского происхождения).

Нам представляется, что в формировании отличительных фонетических особенностей (особенно в области консонантизма) восточнокыпчакских языков решающую роль сыграл иносистемный (ираноязычный) субстрат, а западнокыпчакских — печенежско-огузский, что способствовало сохранению фонетической системы западнокыпчакских языков в относительно чистом виде.

Распад пракыпчакской общности на западную и восточную ветви, очевидно, начался еще в домонгольскую эпоху и связан с проникновением половцев русских летописей или куман западных авторов в степи Юго-Восточной Европы. Оставшаяся в азиатских степях часть кыпчаков составила основу канглыйской подгруппы, а вторгшаяся в южнорусские степи часть — куманской. Однако на протяжении всей истории кыпчакоязычных пле-

мен центробежные дивергенции постоянно нивелировались центростремительными конвергентными явлениями. Конвергенция восточных и западных кыпчаков наиболее интенсивно развивалась в золотоордынскую эпоху, тогда в зоне контактов между двумя основными ветвями складывается смешанный язык ногайского типа с преобладанием западных элементов.

Начало формирования отдельных языков внутри восточной и западной ветвей относится к постзолотоордынской эпохе, за точку отсчета, видимо, следует принять рубеж XIV–XV вв. Именно тогда начинается возрождение отдельных государственных образований — Крымского, Астраханского, Ногайского, Узбекского, Казахских жузов и других ханств. В составе этих ханств происходит окончательная перегруппировка прежних родоплеменных диалектов. При детальном анализе этно- и лингвогенеза каждого из отдельных современных кыпчакских языков выясняется чрезвычайно сложный и многокомпонентный состав влившихся в тот или иной народ этнических элементов, однако в силу исторических причин на западе преобладали одни языковые элементы, а на востоке — другие. В период возвышения Ногайского ханства, например, в предке ногайского языка исконные западные особенности основательно вытеснены восточными. Отпочковавшиеся от Ногайской Орды еще до преобладания в языке восточных элементов предки казанских татар (кстати казахи до сих пор называют татар *поγaj*, т.е. ногайцами), а также балкарцев оказались в западнокыпчакском окружении, но сохранили некоторые черты восточных кыпчаков (в частности — "джеканье"). Окончательное формирование татарского языка происходило после образования Казанского ханства в середине XV в. Башкирский язык, скорее всего огузский в своей основе, подвергался неоднократной кыпчакизации: в домонгольскую эпоху, в золотоордынский период и, наконец, в относительно позднее время со стороны татарского и казахского языков. Таким образом, окончательное формирование башкирского языка относится уже к эпохе Казанского ханства или даже к более позднему периоду. В уральской подгруппе кыпчакских языков прослеживаются черты как западных, так и восточных кыпчакских языков.

В общей сложности формирование всех основных кыпчакских языков происходило в пределах XV–XVI вв.

КОНСОНАНТИЗМ

Количество согласных в современных кыпчакских языках до сих пор точно не установлено. Например, М.Томанов считал, что в современном казахском языке имеется 26 согласных фонем (Томанов 1981, 19). На самом деле в это число включаются заимствованные в письменном языке, но еще не усвоенные фонемы, такие как *в, х, ц, ч* и др.

В пракыпчакском можно установить 17 согласных фонем, если считать *q-k* за одну фонему, но разные звуки языка, также *γ-g* как одну фонему, и 19

фонем, если считать указанные пары разными фонемами.

Чтобы понять сущность многочисленных переходов согласных, целесообразно рассмотреть их по месту образования, поскольку, как показывают исследования, исторические переходы и межъязыковые различия согласных наблюдаются главным образом по акустическим признакам, а не по месту образования.

Пракыпчакские и современные кыпчакские согласные по месту образования делятся на три группы: 1) губные, 2) переднеязычные, 3) среднеязычные, которые по способу образования могут быть смычными, спирантами; акустически глухими, звонкими и сонантами.

СОСТАВ И СООТВЕТСТВИЯ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Губные *p, b, m, w*

Эти звуки в пракыпчакском обычно губно-губные, в нем не было губно-зубных.

p – губно-губной глухой смычный. Ассимилятивная (позиционно-комбинаторная) характеристика: 1) артикуляторная – в начале и в конце слова, а также в соседстве со смычными согласными артикулируется как смычный, в итервокальной позиции и в соседстве со щелевыми согласными – билабиальный смычно-щелевой; 2) акустическая – смычный вариант согласного произносится с сильным придыхательным взрывом. Подобные характеристики с некоторыми дополнениями и изменениями приводятся по (Джунисбеков 1991, 30-34).

p в пракыпчакском употреблялся, по-видимому, преимущественно в конце слова.

p- в **начале** слова. Пратюркский *p-* в пракыпчакском уже, помимо глухого варианта, начал употребляться в ассимилированных акустических вариантах: *p-/b-/m-*. Это явление отражается как в современных кыпчакских литературных языках, так и в их диалектах. Каз., ног. *pyšaq /byšaq* 'нож', *pis-/bis-* 'созревать, свариться', *putaq/butaq* 'ветка'. В большинстве современных кыпчакских языков употребительны слова с начальным *b-*: каз., кар.г., ккалп., ног. *bas*; алт., башк., кар.к.т., кбалк., кирг., ктат., куман., кум., тат., урум. *baš* 'голова'; *bol* 'быть' – во всех языках, кроме башк., тат. *bul-*.

p-/b-: каз.диал. *puta/buta* 'кустарник', *puw/buw* 'пар', *pit-/bit-* 'заканчиваться'.

Допуская, что в раннем пратюркском начальным был **p-*, можно видеть, что в позднем пракыпчакском и современных кыпчакских языках **p- > b- > m-* распространенное явление. **paqa* > алт., башк., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., тат., урум. *baqa,* кар.т.г. *baka* 'лягушка', кбалк. *maqa*, тат. диал. *maγa.*

-p- **внутри** слова употреблялся в пракыпчакском, сохранился в современных: *apa* 'мать, старшая сестра'; каз., ккалп. *qapy* 'ворота', *kepe* 'землянка'. Вместе с тем, в ряде случаев *-p->-b-*: **töpö>* каз., кирг., кум. *töbö* 'макушка,

холм', ног. *qapaq*, алт., каз. *qabaq* 'веко, бровь', каз., ног. *kirpik*, алт. *kibrik* 'ресница'.

**-p->-b->-m-*: **köpük> köbük>* кбалк. *kömük* 'пена'; во всех кыпчакских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, – *tuman*, реконструируемая пратюркская форма **tuban,* соответствующая в куманском *tuban.* Возможно, здесь мы имеем другое явление.

-p в **ауслауте** в пратюркском и пракыпчакском широко употреблялся с предыдущим гласным, он сохранился во всех тюркских, в том числе и кыпчакских, языках: каз., кирг. *žap*, алт., башк., тат., кар., ккалп., ктат., кбалк., кум., ног., урум. *jap* 'закрывай', *tap* 'найди', *qap/kap/xap* 'мешок'.

При присоединении аффиксов с начальным гласным, попадая в интервокальную позицию, конечный *-p* основы озвончается и спирантизуется:

p>b>w: каз. *žap+yl> žabyl/žawyl* 'закрывайся', *tap+yl >tabyl>tawyl* 'найдись'; кум., каз. *qap+y > qaby* 'его мешок', кум. *qap ala> qabala* 'он берет мешок'.

p>0: кум. *alyp gel > alykel* 'принеси', *jatyp qal >jatyqal* 'ложись' (Моллаев, 1967 13).

Употребление *p* в аффиксах и частицах после глухих основ – свойство кыпчакских языков, например отрицательная и вопросительная частицы: *-pa/-pe/-ba/-be/-ma/-me: ajtpa, ketpe, kezbe, alma, kelme;* омоморфный имяобразующий аффикс *-pa/-pe/-ba/-be/-ma/-me: as-pa* 'вешалка', *kes-pe* 'лапша', *žaz-ba* 'письменный', *žar-ma* 'крупа', *ker-me* 'аркан натянутый'.

Константные и вариативные черты (Торсуев 1977, 13) современных фонем *b, p, m* имеют много сходств, это обстоятельство позволяет им переходить в разных позициях в слове друг в друга. Использование носителями языка вариативных черт тесно связано с его способностью воспринимать звуковые сходства и различия, еще не получившие фонологический статус.

Главной различительной чертой глухих и звонких выступает наличие голоса во вторых и отсутствие его в первых. Вместе с тем, глухие согласные, попадая в интервокальную позицию, лишаются голоса не на всем протяжении произнесения; как показывают экспериментальные исследования, на начальной фазе они приобретают звонкость, что является основой для перехода глухого согласного в последующем в звонкий согласный или сонорный.

Отсутствие противопоставления глухих и звонких смычных согласных можно рассматривать как раннюю пратюркскую черту, о чем писали тюркологи (обзор см. СИГТЯ 1984, 171-176), это состояние существовало и в пракыпчакском, довольно распространенное явление и в современных диалектах кыпчакских языков. Например, "средний и караидельский говоры башкирского языка не знают противопоставления глухих и звонких смычных согласных. Ни в анлауте, ни в интервокальной позиции данная корреляция не выдерживается. В речи одного и того же лица отмечается безразличное смешение глухих со звонкими независимо от каких-либо фонетических условий" (Хисамитдинова 1989, 47).

Кыпчакские языки сохранили древние черты пратюркского и в других начальных глухих: *k-, t-,* которые в ряде групп тюркских языков, например, в огузских, перешли в соответствующие звонкие *g-, d-*.

Каз. *f > k, f > p*: *күпәйке* < *фуфайка*.

b – губно-губной звонкий смычный. Ассимилятивная (позиционно-комбинаторная) характеристика: 1) артикуляторная – в начале слова артикулируется как смычный, в интервокальной позиции – как билабиально-щелевой или с оттенками щелинности; 2) акустическая – при произнесении смычного варианта (в анлауте) в голосе присутствует больше шума, при щелевом варианте преобладает звонкость или оттенок сонорности.

В пракыпчакском употребляется в анлауте и инлауте.

В **анлауте** *b* произносится четко как смычно-взрывной. В пракыпчакском, как и в позднем пратюркском, употреблялся регулярно в начале многих слов, которые сохранились в современных кыпчакских языках в неизменном виде: каз., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кар., кум., ног., урум. *boj,* башк., тат. *buj* 'тело, рост'; *baj* 'богатый, богач', *bas/baš* 'голова, главный'; *beš /bes* 'пять'; каз, кар., кирг., ккалп., ктат., урум. *bar* 'есть', *ber-* 'давать'.

Начальное соответствие *b-/p-* является реликтом пратюркского состояния: каз. *pyšaq/byšaq,* башк.диал. *pysaq* 'нож', *palta* 'топор', *pirte* ~ лит. *birde* 'он дал'; алт. *par-* 'иди, ходи'.

p-/b-/m-: башк. диал. *pajtaq /majtaq* ~ лит. *bajtaq* 'порядочно' (Хисамитдинова 1989, 47).

b-/m-: кум. *biŋ/miŋ* 'тысяча', *men/ben* 'я'.

В **середине** слова *b* в пракыпчакском употреблялся в "чистом" виде как смычный, аналогично употребляется он в современных языках: урум. *jalbar-,* каз. *žalbar-* 'умолять'; во многих современных кыпчакских языках, попадая в интервокальное положение, *p* спирантизуется, переходя в *w:* каз., ккалп. *saba>sawa* 'бурдюк'; алт., бараб., башк, каз., ккалп., ктат., ног., тат. *tabaq>tawaq* 'миска'. Алт. *sabyr-*, каз. *suwur-*, тат. *sawur-/suwyr-* 'веять'. В этой позиции замена *b* на *w* не меняет значения слова, они являются факультативными вариантами одной фонемы и не образуют фонологической или смыслоразличительной оппозиции (Татубаев 1978, 65).

-b->-m-: в большинстве языков *čybyn/sybyn,* кирг. *čymyn* 'муха'.

При сочетании слов, а также слова с аффиксом могут происходить разные фонетические явления. Двойная ассимиляция при сочетании *n+b*: кум. *on+bir>ommir* 'одиннадцать'.

В позиции после глухих согласных в словосочетаниях начальный *b-* второго слова подвергается оглушению и переходу в *p*: каз. *at+berdi=atperdi* 'он дал имя'.

В **конце** слова в пракыпчакском и современных кыпчакских языках *b* не употребляется. В заимствованиях *-b* переходит в *-p*: каз. *kitab> kitap,* кирг. *kitep* 'книга', *klub> qulup* 'клуб'.

Предположение о том, что в пратюркском были слова *ab* 'охота', *eb* 'дом', *sab* 'слово', *sub* 'вода', *seb-* 'любить', которые в современных языках

приобрели разные формы: *aγ, aw; ev, ow, uj, üg,* вызывает сомнения. Скорее, процесс был иной: первичными являются формы *aq, saq,* которые затем развились в *aγ >aw>ab; saγ >saw>soj/söz; suγ > suw* 'вода', *suγuq >sujuq* 'жидкий' и т.д.

В аффиксах и частицах *b* встречается как промежуточное звено в цепи сингармонических вариантов озвончения и сонаризации первичного *-p: pa/pe/ba/be/ma/me, -pyz/-piz/-byz/-biz /-myz/-miz.*

m – губно-губной сонорный смычно-щелевой носовой. Ассимилятивная (позиционно-комбинаторная) характеристика: 1) артикуляторная – во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный; 2) акустическая – в начале слова и в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных и в конце слога преобладает воздушность.

В пракыпчакском и современных кыпчакских языках употребляется во всех позициях в слове.

В **начале** в пракыпчакском *m-* мало употреблялся: каз., ккалп., кирг., ног., ктат., урум. *men* 'я', *mal* 'скот, товар, имущество' (Мусаев 1975, 69-78); каз., урум. *müjüz* 'рог'; урум. *monžax,* каз. *monšaq* 'бусы'; каз., ккалп. *mys* 'медь', *mas* 'пьяный', *mes* 'бурдюк', *myq* 'гвоздь', *maŋra-* 'блеять', кирг. *maarama* 'блеющий', кирг., каз. *myrylda-* 'мурлыкать'. Звукоподражания: каз. *myjaw* 'мяуканье', *myrs-myrs* 'приглушенный смех'. **buz* 'лед' в большинстве современных кыпчакских языков употребляется с начальным *m-*: *muz.* Фонологически слово противопоставляется *buz-* 'разрушать'.

m-/b-: каз., урум. *munda/mynda,* а также *bunda* 'здесь'.

В **середине** пракыпчакский *-m-* сохраняется: алт., бараб., башк., каз., ккалп., ктат., ног., тат. *tamyr/tamur* 'корень', *alma* 'яблоко'; *jaman/ žaman* 'плохой', *tuman* 'туман, мгла', карач. – соответствие *tuban* свидетельствует о первичности *-b-* (см. *b*). Об этом же говорит *-m-/-b-* в алтайских диалектах: *tebir/temir* 'железо', *töben /tömen* 'вниз'.

-m-/-n-: каз., кбалк. *endi* 'теперь, сейчас' < *emdi.*

-m->-0-: кум. *mamama > maama* 'моей маме'.

В **конце** слова пракыпчакский *-m* сохраняется во всех языках: *kim* 'кто'; *jem/žem* 'корм'; *em/* каз. *jem* 'лечение, средство для лечения', 'соси'; кар., ктат., кум., ног. *jum,* башк., тат. *jom,* кбалк., кирг. *žum,* каз.,ккалп. *žum* 'закрывай (глаза, рот и т.д., но не дверь, ворота, вещи)'.

В аффиксах *m-* употребляется как сингармонический вариант в цепи *p-/b-/m-*, а в конце аффикса *-m* обычно употребляется с предыдущим узким гласным: *-ym/-um/ -üm/-im.*

w – губно-губной сонорный щелевой, не имеет фонематического противопоставления. Ассимилятивная (позиционно-комбинаторная) характеристика: 1) по артикуляции – во всех комбинаторных позициях артикулируется как билабиальный щелевой; 2) акустически – в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность: каз. *žuwun/ žuwun* 'умойся', *uw* 'яд', *taw* 'гора'.

w характерен не для всех кыпчакских языков. В казахском он возник в результате соноризации древнетюркского *q>γ>w*: *taγ>taw* 'гора', *baγ>baw* 'сад' и т.д. Ср. также современные казахские соответствия *-q/-w: suraq/ suraw* 'вопрос', *quraq/quraw* 'собрание, мозаика', *baq/baw* 'сад', показывающие начальное и конечное состояние звука.

w, возможно, употреблялся в пракыпчакском в **анлауте** – как "протетический" сонант, ср. современное казахское произношение: *wol* 'он', *won* 'десять', *wöl* 'умирай' (пишутся *ол, он, өл* и т.д.), звуки *о, ө* в начале имеют согласный элемент *w*, так же как *е* в начале имеет согласный элемент *j*: *jel* 'страна, народ'.

В **инлауте** *-w-* обычно употребляется в интервокальной позиции как результат ослабления *-p-* или *-b-*: каз. *taba >tawa* 'сковорода', *sep+e >sebe> sewe* 'разбрызгивая'.

В **ауслауте** *-w-* представляет собой переход пратюркского **-γ, *-k/-g*: каз., ккалп. *taw< *taγ* 'гора', *žaw <jaγ* 'жир'; каз. *jelüw*, кбалк. *elliw < *ellik* 'пятьдесят'.

В аффиксах современных кыпчакских языков *-w* – результат развития пратюркского **-γ, *-g*. Аффикс собирательного числительного *-aw/-ew< *-γu/ -gü:* каз. *birew,* кбалк. *biräw* 'один, некто', каз. *altaw* 'шестеро', каз. *törtew,* кбалк. *törtäw* 'четверо'.

Переднеязычные *t, d, n, l, č, š, s, ž/ǯ, z/δ, r*

t – глухой смычный. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный; 2) акустическая характеристика – перед гласными и в конце слова произносится с сильным придыхательным взрывом, перед согласными – как имплозивный.

В пракыпчакском *t* употреблялся во всех позициях в слове, что сохраняется в современных кыпчакских языках, за редким исключением, продиктованным огузским влиянием.

t- в **начале** слова употреблялся в пракыпчакском и сохранился в кыпчакских памятниках и во всех современных кыпчакских языках: алт., каз., ккалп., ног., кар.г. *tas*; кирг., кум., кар.т.,к., кбалк., ктат., урум. *taš*; башк., тат. *tâš* 'камень'; во всех языках *tap-*, башк., тат. *tâp-* 'найти'. Кыпчакские языки в отношении *t-*, как и во многом другом, сохраняют консерватизм. Ср. в огузских языках начальный *t > d*: *til > dil* 'язык' – результат ассимилятивного изменения, *taγ>daγ* 'гора' вместо кыпчакских соответствий *til, taw*.

Вместе с тем в некоторых кыпчакских языках и их диалектах наблюдается соответствие *t-/d-*: в башкирском при общих закономерностях *tel* 'язык', *taw* 'гора', *timer* 'железо' и т.д., в литературном *dürt*, диал. *türt* 'четыре', *dawar/tawar* 'отрез ткани' (Хисамитдинова 1989, 36). Это следует рассматривать как поздние ассимилятивные изменения.

t/d/δ в башкирских диалектах и говорах – распространенное явление: *ti/ di/ δi* 'он говорит', *tütä / tüdä / tüδä / düδä* 'обух' – лит. *töjδä; Itel / Idel / Iδel* 'река Урал' (Хисамитдинова 1989, 38-42).

Незначительные случаи перехода *t > d* в западнокыпчакских языках – карачаево-балкарском, кумыкском, крымскотатарском и урумском – объяснимы процессом ассимиляции и влиянием огузских языков: кум. *dol* 'обильный', *dögerek* 'круглый', *tamγa/damγa* 'пятно', ктат., урум. (южный или огузский диал.) *taw/daγ,* но урум. *dögül* 'не'. Из других кыпчакских языков ср. каз. *tarbyz/ darbyz/ qarbyz* 'арбуз'.

t->č-: кбалк. *čiγan<tiken* 'колючка', *čyč-<tyč* – 'испражняться' (Чеченов 1996, 237).

-t- в **середине** слова и в интервокальной позиции в пракыпчакском существовал. Он сохраняется и в современных кыпчакских языках: алт., астр.-ног., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., сиб.-тат., урум. *butaq (<but+a+q),* кар.т. *butax,* кар.г. *butak* 'ветвь'; каз., ккалп., ног. *atys* 'стрельба'.

-t->-d- характерно для диалектов алтайского языка, *-d-* возник в результате ассимиляции: *budaq* 'ветвь', *ada* 'отец'; кбалк. *čadyr/čatyr < čatyr* 'шатер, палатка'; озвончение при аффиксации: ктат. *at+y>ady* 'его имя'.

-t-/-d-/ -δ- в башкирских диалектах: *jete/ jede/ jeδe* 'семь'.

-t-> ɜ: кум. *at+lar > aɜlar* 'лошади'.

-t в **ауслауте** употреблялся в пракыпчакском, как и в пратюркском. Все современные кыпчакские языки сохранили это состояние. Обычно предыдущим звуком является гласный, но встречаются также предыдущие сонорные, но не звонкие: алт., астр.-ног., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., сиб.-тат., урум. *at*; башк., тат. *ât* 'лошадь', каз. *öt* 'желчь', *et,* башк., тат. *it* 'мясо'; после сонорных: *art* 'зад, задняя часть', *ant* 'клятва', *ert-* 'вести'. В алтайском при присоединении к словам с конечным *-t* аффиксов с начальным гласным происходит его озвончение: *at+ym=adym* 'моя лошадь'.

t употребляется в начале и конце многих аффиксов, имеющих звонкие и сонорные варианты, возникшие, по-видимому, еще в пратюркском. Аффикс множественного числа *-tar/-dar/-lar/-nar: at-tar, mal-dar/ mal-lar/ mal-nar;* аффикс местного падежа: *-ta/-da/-nda: at-ta, mal-da, maly-nda;* аффикс прошедшего воремени *-ty/-dy: at-ty, bar-dy* и т.д.

-t-/-d-/-l- как межкыпчакское соответствие наблюдается в аффиксах диалектов казахского языка: *sizder/sizler* 'вы', *qyzdar/qyzlar* 'девушки', *tasty/ tasly* 'каменистый', *saqta-/saqla-* 'беречь'.

d – звонкий смычный. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный; 2) акустическая характеристика – в начале и середине слова произносится как звонкий, в конце слова – как глухой *[-t]*.

d – редкий звук для знаменательных лексических основ пракыпчакского языка, так же как и для современных кыпчакских языков. Он встречается лишь в аффиксах в начальной позиции как ассимилятивный вариант звука *t*.

В **анлауте** пракыпчакского, как и современных кыпчакских языков, *d-* употребляется редко. Каз. глагол *de* 'говори' и его разные формы: *degen* 'сказанный' и т.д. В большинстве слов *d-* встречается в диалектах, контактировавших с огузскими языками (см. выше – *t*).

В каз. *dejin/šejin* 'до' присутствует не фонетическое соответствие, а слова имеют разные этимологические корни: *dek* и *šek*.

-d- не употребляется в пракыпчакском и современных кыпчакских языках также в **инлауте** слов, за исключением начала ассимилированных вариантов аффиксов внутри слова: каз. *berdi* 'он дал', *ajtady* [ajtat] 'он скажет' – в начале аффикса прошедшего времени; *qolda* 'в руке' – в начале аффикса местного падежа. Если *-d-* существовал в пратюркском, то его переход в *-j-* мог осуществиться в допракыпчакскую эпоху – в позднем пратюркском состоянии. Во всех современных кыпчакских языках, так же как и в средневековых кыпчакских памятниках, вместо реконструируемого пратюркского интервокального **-d-* регулярно употребляется *-j-: ajaq/ ajax/ ajak* 'нога', *ajyr-* 'разделять', *qajyŋ/qajyn/kajyn* 'береза'.

-d->-j->-w-* в единственном примере из карачаево-балкарского языка: *quwusxan* (Чеченов 1996, 255), *ср.* каз. *qujusqan* 'подхвостный ремень для лошади' <qudusqan*.

-d-> -n-: кум. *tamda> tamna* 'на стене'.

-d также не употребляется в пракыпчакском **ауслауте**. Сомнительно реконструируемому пратюркскому **-d* в современных кыпчакских языках соответствует *-j: qoj/koj* 'овца', *qyj-* 'жалеть', *quj-* 'наливать' и т.д. В заимствованных словах в современных кыпчакских языках конечный *-d* заменяется на *-t*: каз. *zawut* < рус. *завод* и т.д.

n – сонорный смычный. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный; 2) акустическая характеристика – в начале слова и в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность.

n- в **начале** слова в пракыпчакском, как и в пратюркском, не употреблялся. Современные кыпчакские слова типа *ne, nemene* 'что' появились в результате стяжения слова и выпадения начальных звуков, ср. в киргизском его соответствие – более древняя форма *emne.* Утверждение Рамстедта о существование в праалтайском начального *n-*, перешедшего затем в тюркских языках в *j-*, высказанное на заре увлечения алтайской гипотезой родства, беспрерывно цитируемое последующими поколениями "алтаистов", сомнительно, поскольку точных следов не найдено. В современных кыпчакских языках анлаутный *n-* употребляется в заимствованных словах.

-n- в **инлауте** употреблялся в пракыпчакском преимущественно в интервокальной позиции, что сохранилось и в современных кыпчакских языках: алт., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., урум. *ana*; башк., тат. *ana* 'мать, мама'; *sana* 'считай'. В некоторых случаях гласный, следующий за *-n-*, выпадает, *-n-* оказывается не в интервокальной позиции: каз. *šanyš-/ šanšy-*, ног. *šanš-;* др.-тюрк., ср.-век. кыпч.пам., *sanč-;* балк., кум., ктат., кар.к. *čanč-*; кар.т. *sanč-;* кар.г. *sanc* 'уколоть'.

Поэтому он был употребителен и в сочетании с последующими согласными, редко – с предыдущим согласным, что также характерно для современных кыпчакских языков: алт., башк., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат., урум. *tyrna-* 'царапать'; при присоединении к основе с конечным *-n* он может оказаться **перед** согласным: *qan+dyq/qan+lyq* 'ханство' и т.д.

-n->-m- ассимилятивно: кум. *jan+maj >jammaj* 'не горит', каз. *žanbaj > žambaj* 'не горя'.

В **ауслауте** в пракыпчакском *-n* употреблялся широко. Это состояние сохраняется и в современных кыпчакских языках: алт., башк., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат., урум. *san* 'число'; *sen/sän* 'ты'; *ton* 'шуба'.

При присоединении к конечному *-n* некоторых аффиксов и при сложении основ поисходит ряд изменений *-n: -n>-m* – каз. *qaban+baj > Qabambaj* – собственное имя, *n>ŋ – kelgen+ge> kelgeŋge* 'пришедшему'; *n>ŋ* – кбалк. *qan + qa > qaŋa* 'крови'.

Неустойчивость и выпадение конечного *-n* имеет место в ряде кыпчакских языков, в особенности в карачаево-балкарском: *oqusun> oqusu* 'пусть он читает'. Во многих языках развитие первичного слова *bir+le+n* до состояния послелога, затем – аффикса > *bile > ile> -le/-la* сопровождалось выпадением конечного *-n*. Вместе с тем в ряде кыпчакских языков, в частности, центральных и восточных, в этом процессе конечный *-n* сохранился: каз., ккалп. то же слово: *-menen >-men,* ног. *-mynan* и др.

Начальный *n-* в аффиксах появился, по-видимому, еще в пракыпчакском языке в результате ассимиляции смычных глухих, звонких и перехода их в сонорный: *t-/d-/n-* как результат соноризации звонкого в интервокальной позиции, например, аффикс родительного падежа в современных кыпчакских языках: *-tyŋ/-dyŋ/-δyŋ/ -nyŋ,* винительного – *-ty/-dy/-δy/-ny* и т.д.

l – плавный, смычно-щелевой. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как боковой щелевой; 2) акустическая характеристика – в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность.

В пракыпчакском *l* употреблялся преимущественно в середине и конце слова. Современные кыпчакские языки сохранили это состояние.

В **начале** слова *l-* в пракыпчакском употреблялся в подражательных словах типа: *lap-lap, law-law* – подражание пламени, *lek-lek* – о толпе, *loq-loq* – о блевании, *łyq* – о полноте жидкости, как и в современных кыпчакских языках.

Вместе с тем следует отметить, что количество гласных, следующих за *l-*, в современных языках ограничивается: *a, e, o, y.*

В заимствованиях, хотя и пишется *l-*, перед ним часто обязательно присутствие вставного гласного – прибавляется еще один слог: каз. *laž > ylaž* 'средство, мера', *laqab > ylaqap* 'молва', *Lenin > Ilenin.*

В некоторых современных кыпчакских языках начальный *l-* появился в результате фонетических преобразований древнетюркских слов: др.-тюрк. *oɣlaq>* каз. *ylaq> laq* 'козленок'.

Поэтому нельзя считать *l-* чужеродным явлением в анлауте тюркских языков. Об этом свидетельствует и то, что в современных кыпчакских языках *l-* широко употребляется в заимствованиях из арабского, иранских, русского и других языков, которые оказывали влияние в разной степени на тюркские языки.

Если принимать гипотезу о том, что аффиксы в тюркских языках возникли из полнозначных слов – не подражательных, можно согласиться с мнением, что начальный *l-* в аффиксах не является пратюркским состоянием, а возник в результате ассимиляции *t- > -d > -l* (см. раздел "Морфология"); вместе с тем, вполне допустимо считать его характерным пракыпчакским явлением или возникшим на более позднем этапе развития пратюркских диалектов.

-l- в **середине** слова в пракыпчакском употреблялся в двух позициях: в интервокальной и между гласным и согласным звонким, глухим или сонантом в непроизводных основах и перед звонким в производных и словоизменительных основах. Это состояние сохранилось в современных кыпчакских языках: алт., башк., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., тат., урум. *kelin* 'невестка'; алт., башк., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., тат., урум. *qulaq*, кар.т. *kulax*, кар.г. *kulak* 'ухо'; алт. *mulut*, башк., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., тат., урум. *bulut* 'облако, туча'; тат., алт., башк., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., тат., урум. *alty* 'шесть'; алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., урум. *balta*, башк., тат. *bâlta*, алт. *malta* 'топор'. Ср. также: *ala* 'пестрый', *ele-* 'просеивать', *alma* 'яблоко', *al-dy* 'он взял', *alγa* 'вперед', *alty* 'шесть', *alqa* 'колье'. В ряде языков в середине слова *-l-* употребляется и после глухих – это, по-видимому, позднее явление: зап.кыпч. *at-lar* 'лошади', *at-ly* 'всадник', *saq-la* 'береги' и т.д.

-l-/-d- в основах и аффиксах: каз. диал. *siŋli/siŋdi* 'младшая сестра', *qorluq/qorduq* 'мучение', *udduq/urluq* 'кража' (Омарбеков, Жүнісов 1985, 159).

Выпадение *-l-* в инлауте как процесс его ослабления в интервокальной позиции и перед согласными смычными и щелевыми – довольно распространенное явление в кыпчакских языках: каз. *ol+γa* (аффикс направительного падежа) > *oγan*, кум. *ol+γar >oγar* 'ему', кум. *talalar> taalar* 'поляны'; каз., кбалк. *bosa<bolsa* 'если будет' (см. Чеченов 1996, 334).

-l в пракыпчакском, как и в пратюркском, широко употреблялся в **ауслауте**. Эту позицию он сохранил в современных кыпчакских языках: алт., башк., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., тат., урум. *al* 'бери'; алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., урум. *qol*, кар.т.г., урум. *kol*, башк., тат. *qul* 'рука'; алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., куман., кум., ног., урум. *kel*, башк., тат. *kil* 'приходи'.

l в аффиксах в пракыпчакском употреблялся как комбинаторный вариант фонемы *t/d/l/n: -tar/-dar/-lar/-nar* – аффикс множественного числа, *-tyq/-dyq/-lyq/-ty/-dy/-ly* – аффикс словообразования имен существительных и прилагательных и т.д. В ряде современных кыпчакских языков в подобных аффиксах закрепился начальный *l-: -lar, -lyq, -ly* и т.д.

č – двухфокусный глухой смычно-щелевой взрывной. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычно-щелевой; 2) акустическая характеристика – всегда глухой взрывной. Случаи озвончения при его произнесении редки. Эта аффриката преемственно перешла в пракыпчакский из позднего пратюркского. Поэтому определенно можно сказать, что в пракыпчакском она существовала во всех позициях в слове.

В современных кыпчакских языках она подверглась значительным изменениям в разных группах, языках и диалектах.

В **анлауте** *č-* сохранился в большинстве кыпчакских языков: алт., кбалк., кирг., кум., ктат., урум., кар.к. *čyq-*, кар.т. *čyx-* 'выходить'.

Наиболее характерным для центральных кыпчакских языков является переход *č- > š-*. Его можно рассматривать как индикатор этой группы: каз., ккалп., ног. *šyq-, šap-* 'скакать', карач. *šaj < čaj* 'чай', *šaj < čaj* 'мелкая река' (Чеченов 1996, 271). Недалеко от этой группы находится татарский, в котором *č- > šš-: ššyq-, ššåp-*.

č- >c- произошел в далеких друг от друга диалектах: мишарском татарского языка, барабинском сибирских татар, галицком караимского языка: *čyq- 'выходить', čap-* 'рубить, косить'.

č- >s- является отличительной чертой башкирского языка: *syq, sap*. Башкирский язык отражает последнюю ступень в переходе *č->š- >s-*.

č->ž- в диалекте карачаево-балкарского языка: *čypčyq > žybžyq* 'птичка' (Акбаев 1963, 39).

В **инлауте** в пракыпчакском и современных "чокающих" кыпчакских языках в середине слова *-č-* употребляется, как правило, в интервокальной позиции и является конечным звуком производящей основы: в словах *ač-yq* 'открытый', *bič-aq* 'нож', *keč-ik-* 'опаздывать', *čeč-im* 'решение' выделенные части являются словообразовательными аффиксами. С этой позицией в слове связаны и те изменения, которые претерпел *-č-* в разных кыпчакских языках.

-č->-š-, как и в анлауте и ауслауте, является характерной особенностью центральных кыпчакских языков: казахского, каракалпакского и ногайского. В киргизском этого не произошло. Каз., ккалп., ног. *byšaq, ašyq, kešik*. Вместе с тем, в диалектах и говорах этих языков сохраняется древний *-č-*: каз. диал. *čuqur* 'яма', *čoq* 'горящий уголь', *čeke* 'висок' при литературных: *šuqur, šoq, šeke*.

-č->-s-, как и в других позициях, – характерная особенность башкирского языка: *asyq, bysaq, kesik*.

-č-/-c-, как и в других позициях, – особенность кар.г., мишар., балк. диалектов: *ačyq/acyk, byčaq/bicak, kečik/kecik*.

-č->-ž- – озвончение при аффиксации: ктат. *uč+u> uža* 'его конец'.

-č->-šš-, как и в других позициях, в татарском: *aššyq, byššaq*.

В **ауслауте** в "чокающих" кыпчакских языках и диалектах пракыпчакский *-č* сохраняется: алт., кирг., кум., кбалк., ктат., кар.к.т., урум. *ač-* 'открывать', *čač-* 'разбрасывать'. Наблюдаются те же явления, что в анлауте и инлауте.

-č > -š происходит закономерно в центральных кыпчакских языках: каз., ккалп., ног.: *aš-, šaš-*.

-č >-s, как и в других позициях, — закономерность башкирского языка: *as-, sas-*.

-č >-c, как и в других позициях, — закономерность вышеназванных диалектов: бараб., кар.г., мишар., кбалк. диал. *ač-, čač-*.

-č > -šš — явление, характерное для татарского языка: *ašš, šäšš*.

В **аффиксах** пракыпчакский *č* сохраняется или изменяется в соответствии с закономерностями кыпчакских языков. Например, известный общетюркский аффикс *-čy* по языковым группам имеет формы: 1) кирг., кум., кбалк., кар.к.т., урум. *-čy: orman-čy*; 2) каз., ккалп., ног. *-šy: orman-šy*; 3) бараб., кар.г., миш. *-cy: orman-cy*; 4) крымскотатарский язык в этом отношении стоит особо: *č >ǯ: -čy > -ǯy – orman-ǯy* 'лесник'.

š — двухфокусный глухой щелевой. 1) Артикуляторная характеристика — во всех комбинаторных позициях артикулируется как щелевой; 2) акустическая характеристика — всегда глухой. Случаи озвончения редки.

š в пракыпчакском употреблялся во всех позициях в слове. В некоторых случаях имел не совсем дифференцированное соответствие *с s* или употреблялся, чередуясь с ним.

В **анлауте** в пракыпчакских диалектах он употреблялся, чередуясь *s-/š-*. Отражением этого явления может служить наличие в центральных кыпчакских языках начального *s-* вместо *š-* : каз., ккалп., ног. *sol*, соответствующее тат. *šul*. Употребление в пратюркском анлауте *š-* правомерно ставится под сомнение многими тюркологами. Начальный *š-* в каз., ккалп. *šaš* 'волосы; разбрасывай', *šeš-* 'развязывать', *širi-* 'гнить' и т.д. является рефлексом пракыпчакского *č-*.

š-/s-: каз. диал./лит.яз. *šora/sora* 'спрашивай', *šor/sor* 'солончак', *šerik/ serik* 'товарищ, компаньон' (Омарбеков, Жүнісов 1985, 92).

Переход начального *š- > 0* (ноль): др.-тюрк. *šiš* -> каз. *isi-* 'пухнуть'.

Вставка в начале гласного: кар., кум. *šu*> каз. *osu* 'это'. Казахский язык в некоторых случаях избегает начального *š-*.

В **инлауте** *-š-* широко употреблялся в пракыпчакском, обычно — в интервокальной позиции, что сохранилось и в современных кыпчакских языках: др.-тюрк., кар.к.т., кбалк., кирг., ктат. *kiši*; кум. *giši*; башк., тат. *keše* 'человек'; кар.т.к. *ešik* 'дверь', ктат., кар.т.к. *tešik* 'отверстие'; кар.к.т., кирг., ктат., кум., кбалк. *bešik*, башк., тат. *bišik* 'колыбель'.

В центральных кыпчакских языках и в галицком диалекте караимского языка в этой позиции *-š-* соответствует *-s-*. Каз., ккалп., ног., кар.г. *kisi, tesik, esik; besik,* каз. *žasa* 'живи'.

-š- употребляется также между гласным и согласным, обычно — глухим, что говорит о наличии в таких случаях словообразовательного элемента: каз., ккалп. *eški* 'коза'; *tysqy < tyš+qy* 'внешний'.

-š- >-ž-: алт. *kiži* 'человек' <*kiši.*

В интервокальной позиции иногда наблюдается чередование *-s-/-š-* в казахском литературном языке и диалектах: *mysyq/myšyq* 'кошка', *basqar-/ bašqar-* 'руководить', *tösök/ töšök* 'постель', что отражает промежуточный этап в развитии *š >s* и недифференцированность их употребления в пракыпчакском, в котором не было их фонологического противопоставления.

В **ауслауте** в пракыпчакском существовал *-š*. Он сохранился в большинстве современных кыпчакских языков: алт., кар.т.к., кирг., кбалк., ктат., кум., урум. *baš* 'голова', *boš* 'пустой'; кар.т.к., кирг., кбалк., ктат., кум., урум. *iš*, башк., тат. *eš* 'дело, работа'. Каз. *aš-* 'открывать' является рефлексом пракыпчакского *-č*.

-š/-s: каз. диал./лит. яз. *baš/bas* 'голова', *beš/bes* 'пять', *altmyš/alpys* 'шестьдесят'.

В центральных кыпчакских языках и в галицком диалекте караимского языка, частично в алтайском произошел переход конечного *-š>-s*: каз., ккалп., ног., кар.г. *bas* 'голова', алт., каз., ккалп., ног., кар.г. *is* 'дело'.

В аффиксах также наблюдается соответствие в центральных кыпчакских языках *š/s: -yš, -iš, -ys, -is:* алт., кар.т.к., кирг., кбалк., ктат., кум., урум *alyš*, 'взятие', *keliš* 'приход'; каз., ккалп., ног., кар.г. *alys, kelis.*

s — глухой щелевой. 1) Артикуляторная характеристика — во всех комбинаторных позициях артикулируется как щелевой; 2) акустическая характеристика — всегда глухой.

s в пракыпчакском употреблялся во всех позициях в слове. Это состояние сохранилось и в современных кыпчакских языках.

В **анлауте** современных кыпчакских языков *s-* сохранился: пракыпч. *sal-*: алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат., урум. *sal-* 'класть'; пракыпч. *süt*: алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *süt*, тат. *söt* 'молоко'.

Переход в результате "изнашивания" *s->h-* произошел в башкирском языке, приведенным словам в нем соответствуют: *hal, höt*. Процесс еще большего изнашивания *s-* наблюдается среди некыпчакских тюркских языков, в частности, в якутском, где название молока звучит как *uut*.

В **середине** слова *s* употребляется в производных основах, как правило, в интервокальной позиции или в сочетании с глухими: пракыпч. *bosa-* 'освобождаться', алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат. урум. *bosa-*, тат. *busa-*; каз. *asa* 'свыше', *astar* 'подкладка'.

-s->-δ -[межзубный верхнезубный спирант] осуществился в башкирском — *buδa-*.

Переход глухого *-s-* в звонкий *-z-* также в результате изнашивания произошел в алтайском — *boz-a.*

-s в **конце** слова употребляется весьма часто: алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат. урум. *as-* 'переходить, повесить', *es* 'память'; каз. *as* < *aš* 'пища'.

В башкирском произошел, как и в интервокальной позиции, переход *-š>-s: aš>as, eš>es* и т.д.

В единичных случаях как результат ассимиляции последующим звуком в карачаево-балкарском произошел переход *s* > *č*: *basqyč* 'лестница' >*bačqyč/ bačxyč/baxčyč* (Чеченов 261).

ž — двухфокусный или плоскощелевой звонкий. 1) Артикуляторная характеристика – в начале и середине слова после смычных согласных артикулируется как аффриката, в интервокальной позиции и после щелевых согласных – как щелевой; 2) акустическая характеристика – в интервокальной позиции и соседстве с плавными сонантами всегда произносится как звонкий, в остальных случаях возможно и глухое произношение.

В пракыпчакском он употреблялся во всех позициях в слове, преимущественно в анлауте и чередовался с *j-*. В соответствиях между тюркскими языками первичным следует считать более сложный, не совсем расчлененный звук *ǯ-/ž-*, а не истертый, простой *j-* (см. *j*).

В **начале** слова и слога это – аффриката *ǯ-*, которая сохранилась лишь в некоторых кыпчакских языках: кирг. *ǯel* 'ветер', *ǯer*, тат. *ǯir* 'земля', кирг. *olǯo* 'добыча'; кбалк. *ǯyr* 'песня', кирг. *ǯaj* 'лето'.

ǯ-/ž-: каз. диал./лит. *ǯajlaw/ žajlaw* 'джайлау', *ǯyj/žyj* 'собирай', *ǯorγa/žorγa* 'иноходец'.

В **середине** слова в интервокальной позиции и в конце слога после гласного это – щелевой: *baža* 'свояк', *kenže* 'младший', что и послужило исходной позицией перехода *ž* в дальнейшем в другие звуки.

В **конце** слова это – щелевой, встречается редко – в заимствованиях: каз. *taž* 'венец'.

z – звонкий щелевой. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как щелевой; 2) акустическая характеристика – в начале и середине слова перед звонкими и сонорными, а также в интервокальной позиции произносится как звонкий, перед глухими согласными оглушается, в конце слова возможно оглушение.

z в пракыпчакском употреблялся в середине и конце слова и не встречался в начале. В современных языках **начальный** *z-* является индикатором заимствованных слов: каз. *zer* 'орнамент', *zaman* 'период, время'. Отсутствие в кыпчакских аффиксах *z-*, по-видимому, свидетельствует о том, что на позднем этапе формирования тюркских диалектов, когда начинает возникать множество аффиксов, уже был осуществлен *z->j-*.

z в **середине** слова в пока этимологически не всегда выясненных производных словах употребляется в основном в интервокальной позиции: алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *qyzyl* 'красный' – производное от *qyz* 'нагревайся'; *uzun*, тат. *yzyn* 'длинный' – производное от *uz-/oz-* 'удаляться', *azyq* <*as+lyq*; *jüzük* 'кольцо, перстень', алт., каз., кар.к.,

кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *qazyq*, кар.г. *kazyk*, кар.т. *kazyx* 'кол', каз. *qazsa* [qassa] 'если он копает'.

После гласного перед согласным: алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *bezgek* 'лихорадка'; *azγyn* 'заблудший'.

-z- в башкирском перешел в межзубной *-δ-*, приведенные примеры в нем звучат соответственно: *qaδyq, qyδyl, yδyn*. Как известно, подобное явление имеется из других тюркских языков в туркменском.

-z в **конце** слова широко употреблялся в пракыпчакском и продолжает употребляться в современных кыпчакских языках. Каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *az* 'мало', *qyz* 'девушка, дочь', карт.г. *kaz* 'гусь', кбалк. *buz*, каз. *muz* 'лед'.

Оглушение *-z>-s* происходит в алтайском *az>as* 'мало'. В киргизском подобное явление наблюдается в ряде слов: *aγyz> oos* 'рот', но: *oozumda* 'в моем рту' – *z* восстанавливается в интервокальной позиции.

Особенностью башкирского языка является переход *-z>- δ*: *aδ, qaδ* и т.д.

δ. Мнение о том, что в пратюркском существовал звонкий межзубной спирант *δ*, который якобы сохранился в древнетюркских памятниках, вряд ли можно принимать всерьез. Речь в данном случае идет, по-видимому, об ассимилятивных вариантах звука *t/d/z/δ/j/0*, которые в разной степени сохранились как в древнетюркских памятниках, так и в ряде современных тюркских языков: *atax/ adaq/ azaq/ aδaq/ ajaq* 'нога', *azyγ / ajuw* 'медведь', *qazyη/ qajyη* 'береза' и т.д.

Этот *z* еще в раннем пракыпчакском перешел в *j*, и это состояние сохранилось во всех кыпчакских языках, в том числе и в башкирском, где, казалось бы, должен сохраниться "пратюркский" *δ*. Башкирский и туркменский языки подтверждают появление этого звука позже и его отсутствие в пратюркском.

Наличие в ряде современных языков *-t-/-d-* вместо *-z-/-j-*: як. *atax* 'нога', *atyr* 'жеребец', *tot-* 'накормить досыта', тув. *adak* 'низ', тоф. *qadyng* 'береза' и т.д. – наводит на мысль о том, что первичным в наиболее раннем пратюркском было не *δ* и не *z*, а *t*, который затем изнашивался: *t>d>r>z>δ>j >0*. Иллюстрацией этому могут служить примеры як. *-t-* > тув. *-d-* > чув. *-r-* > хак. и шор. *-z-* > большинства тюркских языков *-j->* гаг. *-0-*: *bödük >büzük> bujük* > *büük* 'большой'.

Пратюркский *z* употреблялся в пракыпчакском в середине слова в интервокальной позиции и в конце слова. В современных кыпчакских языках он в форме *j* употребляется главным образом в середине слова: алт., кирг. *qajyη*, кар.т.г. *kajyn*, каз., кар.к. ккалп., ктат. кум., ног. *qajyη*, башк., тат. *qâjyη* 'береза', *ajyr* 'отделяй', *bijik* 'высокий'.

В конце слова и в конце закрытого слога перед согласными поздний пратюркский *z* и пракыпчакский *j* в основном сохранились в современных кыпчакских языках как *-j*. Каз., ккалп., ктат., кум., кбалк., ног. *qujruq* 'хвост', *ajyr* 'жеребец' и т.д.

Вместе с тем в некоторых языках наблюдается соответствие *-z/-j*: каз. *žaj-/žaz-* 'разворачивать, развертывать', *žaz* 'лето', но *žaj-law* 'летнее место жительства'. Это свидетельствует о том, что *z* в интервокальной позиции и между гласным и сонантом спирантизуется и сонаризуется.

-z/-s: алт. *tas* <*taz* 'плешивый', *tas* 'камень'.

-z>-s в конце аффиксов: каз. диал. *baramyz>baramys* 'мы пойдем', *kelesiz> kelesis* 'вы придете', *inimiz> inimis* 'наш младший брат', *awlymyz>awlymys* 'наш аул'.

r — сонорный дрожащий. 1) Артикуляторная характеристика – в интервокальной позиции артикулируется как одноударный (одна смычка), перед согласными и в конце слова – как многоударный (две и более смычек); 2) акустическая характеристика – всегда сонорный, не происходит оглушения.

r в пракыпчакском, как и в современных кыпчакских языках, является характерным тюркским звуком.

В **анлауте** в пракыпчакском *r-* не употреблялся, так же как и в пратюркском. Вместе с тем следует отметить, что он во многосложных словах весьма часто употребляется в начале слога. Это состояние сохранилось и в современных кыпчакских языках. Анлаутный *r-* в современных кыпчакских языках весьма употребителен в заимствованиях. Однако письменные языки не всегда отражают подлинную картину его использования в анлауте. Например, во многих языках в заимствованиях перед словом появляется протетический гласный *y-*, который на письме не отражается: каз. *yraqymet* < ар. *raxmat* пишется *рахмет*.

r в **середине** слова употреблялся в пракыпчакском часто в интервокальной позиции, причем при слогоделении он оказывался в начале следующего слога: алт., каз., кар.к.т.г., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *a-ra*; башк., тат. *â-ra* 'середина', *qa-ryn/ka-ryn* 'желудок, живот'; между гласным и смычным глухим и сонорным согласным: алт., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум *art*; башк.,тат. *ârt* 'спина, задняя сторона'; *tart* 'тяни', *ars* подражание звуку крупных хищников; *tyrnaq/tyrnak/tyrnax* 'ноготь, коготь', *Ertis* 'Иртыш'.

При употреблении с предыдущим согласным последний и *r* выступают как граница слогораздела: алт., башк., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат., урум. *quj-ruq*; кар.г. *kuj-ruk*, кар.т. *kuj-rux*; башк., тат. *qoj-roq* 'хвост'.

Выпадение *-r-* в слабой позиции – в интервокальной позиции или между гласным и сонантом или звонким согласным – является распространенной древней чертой многих языков мира. Среди современных кыпчакских языков многочисленны случаи выпадения *-r-* в карачаево-балкарском языке (см. Чеченов 1996, 339-340).

-r в **ауслауте** широко употреблялся в пракыпчакском, как и в пратюркском, и сохранился в неизменном виде в корневых основах: алт., каз., кар., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., урум. *bar-*, башк., тат. *bâr-* 'идти'; алт., башк., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат., урум. *kör-*, башк., тат. *kür-*, кар.г. *ker-* 'видеть'.

Единичные случаи выпадения *-r* отмечены в словаре Махмуда Кашгари, например, вариант аффикса мн.ч. *-la/-le*, из современных кыпчакских языков подобное явление происходит регулярно в карачаево-балкарском и реже – в кумыкском (Дмитриев 1940, 65). По мнению А.А.Чеченова, это явление в карачаево-балкарском объясняется влиянием восточноиранского субстрата (Чеченов 1996, 343).

Среднеязычные *k, g, q, γ, j, ǯ, h*

k – глухой смычный, некоторыми фонологами *k* и *q* обоснованно рассматриваются как одна фонема. 1) Артикуляторная характеристика – в начале слова и в соседстве со смычными согласными артикулируется как смычный, в интервокальной позиции и в соседстве со щелевыми согласными – как щелевой; 2) акустическая характеристика – смычный его вариант произносится с сильным придыхательным взрывом.

В пракыпчакском *k* употреблялся во всех позициях в слове. Пракыпчакский *k-* в **анлауте** сохранился во всех кыпчакских языках, кроме урумского. **kel* 'приходи': алт., каз., кар., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *kel*; башк., тат. *kil*; алт., каз., кар.т.к., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *küz*, кар.г. *kiz* 'осень'; алт., каз., кар., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *kep-* 'сохнуть'; в большинстве кыпч. яз. *köp*, башк., тат. *küp*, кар.г. *kep* 'много'; алт., каз., кар., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *kök*, башк., тат. *kük*, кар.г. *kek* 'синий, голубой'.

При словосложении начальный *k-* второго компонента, попадая в интервокальное положение, может озвончаться: *bu+kün > bugün, bul künde > bulgünde* 'сегодня'.

k->g- каз. диал. *kör-/gör-* 'видеть', *küz/güz* 'осень'; кбалк. в отдельных словах: *kep+en > geben* 'стог, копна'; *gebenek* 'войлочная накидка с капюшоном'- ср. каз. *kebenek*; кбалк. *gözetčilik* 'охрана, дозор', каз. *küzetši* 'охранник'; башк. диал. *kelän/gelän* 'всегда', ср. урум. *köz/göz* 'глаз'.

Внутри слова *-k-* сохранился: алт., кар., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *eki*, каз. *jeki*, башк., тат. *iki* 'два'; *ökün-*, кар.г. *ekin-* 'сожалеть'; *sirke* 'уксус'; *ülker/* каз. *ürker*, балк. *ulkar* 'Плеяды'.

**k>g: *ekiz>* каз., ккалп., ног. *egiz*, кбалк. *ägiz* 'близнецы'; каз. *segiz*, кбалк. *sägiz* 'восемь', башк. *ükeð/ügeð* 'бык'.

-k-/-g-/-ǯ: башк. диал. *sikertkä*, лит. *siǯertka*, тат. *sigertkä*, каз. *šegirtke* 'кузнечик'.

k > x: балк. диал. *eski > esx'i* 'старый' (Акбаев 1963, 112; Чеченов 1996, 204).

В **ауслауте** пратюркский *-k* сохранился в современных кыпчакских языках: каз., кар., ккалп., ног. *etek*, кбалк. *ätäk* 'подол', каз., кар., ккалп., ног. *erkek*, кбалк. *arkäk* 'мужчина, самец', *pük-*, кбалк. *buk-* 'сгибать'; во всех языках: *kindik* 'пуповина', *kürgek> kürek*, кбалк. *küräk* 'лопата'.

**-k>-g>-0: *tirik>tirig>* в современных кыпчакских языках: каз., ккалп.

кбалк., ног. *tiri*, башк., тат. *tärä* 'живой'; каз. *ölik* 'труп, мертвец', *öli* 'мертвый'. Этот процесс, можно предположить, также осуществлен еще в допракыпчакскую эпоху в позднем пратюркском.

Казахский язык в некоторых словах сохранил начальный и последний этапы развития конечного *k: bek/beg/bej/bij* 'бек, бей'.

В аффиксах *k* имеется в форме дательно-направительного падежа и некоторых словообразовательных аффиксах с сингармоническими их вариантами: *-ke/-ge; -ki/-gi.*

Начальные соответствия глухого и звонкого *k-/g-, q-/ɣ-* в аффиксах свидетельствуют о первичности начального глухого, который затем подвергался ассимиляции и озвончению: *-qan, -ken, -qaj, -kej > -ɣan, -gen, -ɣaj, -gej; -qa>-ɣa, -qy > -ɣy* и т.д.

По турецкой традиции тюркологи продолжают называть аффиксы по начальному звонкому или сонорному: *-ɣan, -ɣaj, -lar* и т.д., тогда как их надо называть по начальному глухому, как первичному: *-qan, -qaj, -tar* и т.д.

При присоединении аффиксов с начальным гласным к основам с конечным *-k,* попадая в середину слова в интервокальное положение, он озвончается и переходит в *g*: *erkek+i = erkegi* 'самец из них'; *jek-* 'запрягать' *+il > jegil-* 'быть запряженным', *tök+ül-> tögül-* 'вылиться, высыпаться'; каз. *bek + i = begi,* исходя из этого в словах *egiz, segiz,* можно видеть результат ассимиляции *k>g* и выделять в них корень и аффикс или другое слово. Конечный *-k* основы озвончается также на стыке основ, когда следующая основа начинается с гласного: каз. *bek+zat > Begzat* — собственное имя, *tek žat> tegžat* 'лежи тихо', *kürek aldy> küreg aldy* 'он взял лопату'. В некоторых редких случаях не происходит озвончения *k: ekew* 'двое', ср. *egew* 'напильник'.

g. Некоторыми фонологами обоснованно *g* и *ɣ* рассматриваются как одна фонема. Они фонологически не противопоставлены, в одной позиции с гласными не употребляются. Возможно, они не различались в пратюркском языке как отдельные звуки носителями языка, затем произошло их различение по месту образования, так же как: *q–k, t–t', s–s'* и т.д.

g — среднеязычный звонкий щелевой. 1) Артикуляторная характеристика — в начале слова артикулируется как смычный, в интервокальной позиции — как щелевой; 2) акустическая характеристика — при произнесении смычного варианта (в начале слова и слога) в голосе присутствует больше шума, при щелевом варианте — преобладает звонкость (оттенок сонорности).

В пракыпчакском *g* употреблялся лишь в середине слова, поэтому можно предположить, что он является ассимилятивным вариантом первичного *k.*

g- в **начале** слов пракыпчакского языка, как и другие звонкие, не употреблялся. Он встречается в звукоподражаниях: каз. *gürül + de-*, встречается также вариант *kürülde-* 'громыхать', *gür-gür* – подражание громыханию. В этой позиции *g-* не употребляется и в современных кыпчакских языках. Он может представлять собой ассимилированный вариант первичного *k* в интервокальной позиции в сочетании слов, первый компонент которых оканчивается на гласный: каз. *keše+keldi > kešegeldi* 'он вчера пришел'; *bu kün > bügün* 'сегодня'.

В заимствованиях *g-* переходит в *k-, ǯ-:* каз. *keneral/ ǯanaral/ǯandaral < general,* каз. лит. *gül* , диал. *kül* 'цветок'.

-g- в **инлауте** в пракыпчакском относился к редким звукам, обычно он употреблялся в интервокальной позиции. Реликты пратюркского интервокального *-g-* сохранились в некоторых языках: алт., каз., кар., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *ege-*; башк., тат. *ige-*, кбалк. *ägä-* 'пилить'; кар.к., ктат. *jügen,* каз., ккалп. *žügen,* кбалк. *žügän* 'узда', *egiz* 'близнецы', *kelgen* 'пришедший'.

-k-/-g-/-j-/-w-: кум. *jürek+i > jüregi/ jüreji* 'его сердце' *tük+i > tügü/ tüwü* 'его волос'.

Пратюркский *-g-* еще в пракыпчакском имел тенденцию к переходу в *-j-: *bögür >böjür>* каз. *büjür* 'бок', **bögürek>böjürek* >каз., ккалп., кбалк. *büjrek* 'почка'.

В карачаево-балкарском процесс идет еще дальше — к выпадению *-j-: büjrek/büräk; *jügür- >žürä-* 'бежать' (Чеченов 1996, 215).

В пракыпчакском не было **ауслаутного** *-g.* Его существование в пратюркском также сомнительно, поскольку в конце слова в пратюркском употреблялись глухие смычные. Реконструируемый ауслаутный *-g* является озвонченным вариантом ауслаутного *-k.* По крайней мере, для утверждения о существовании в пратюркском *-g* не хватает достаточных оснований. В алтайском языке представлены формы: с одной сороны — *aɣ* 'сеть', *taɣ* 'гора', с другой — *üɣ* 'дом' (Мандрова 1982, 12); это говорит о недифференцированности звуков *g–ɣ* как фонем.

Несмотря на это, большинство тюркологов считают, что в пратюркском употреблялся в ауслауте *-g,* который в современных языках переходит в *-j: *teg-* > алт., башк., каз., кар., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног., каз.- тат. *tij-* 'касаться, тронуть'; **eg-* > алт., башк., каз., кар., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног., тат. *ij-* 'гнуть'; **tüg-* > алт., башк., каз., кар.к.т., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног., тат. *tüj-*, кар.г. *tij-* 'завязывать'. Если и был ауслаутный *-g* в пратюркском, то *-g>-j* осуществился еще в допракыпчакскую эпоху в позднем пратюркском. В кыпчакских языках отсутствуют данные о пракыпчакском *-g.*

q — увулярный глухой смычный. 1) Артикуляторная характеристика — в начале слова и в соседстве со смычными согласными артикулируется как смычный, в интервокальной позиции и в соседстве со щелевыми согласными — как щелевой; 2) акустическая характеристика — смычный его вариант произносится с сильным придыхательным взрывом. В пракыпчакском употреблялся во всех позициях в слове.

В современной тюркологии вопрос о фонологическом статусе *k-q, g-ɣ* является одним из наиболее спорных. Некоторыми фонологами *k* и *q* с фонематической позиции правомерно рассматриваются как одна фонема. Если одни считают их отдельными фонемами, другие считают их сингармоническими модификациями одного согласного звука. "Общее для оттенков *[k=q]* — смычка, глухость, придыхательность. Различие — по месту образова-

ния и участию губ, с помощью которых образуются четыре сингармонзвука согласного *[k=q]: [k, ko, q, qo]*" (см. Джунисбеков 1991, 11).

В пракыпчакском *q* преимущественно употреблялся в анлауте и ауслауте. В инлауте подвергался озвончению.

**q* сохранился в большинстве кыпчакских языков, имевших контакты с другими тюркскими языками, и не сохранился в изолированных языках и диалектах, подвергшихся влиянию других языков.

В **анлауте:** алт., каз., кар.к., кбалк., ккалп., кирг., ктат., кум., ног. *qoj;* башк., тат. *quj* 'овца'; каз., ккалп., кбалк., кирг., кум., ног. *qara,* башк., тат. *qåra.*

Поскольку *q* является сложным для артикуляции звуком, в некоторых языках произошел его переход в более простой звук с сохранением других основных характеристик.

q->k-: кар.т.г. *koj, kara.*

q->x-: урум. *xabux* < *qabuq* 'кора', *xajttyx* 'мы вернулись' (Гаркавец 1999, 14); куман. *xašux* 'ложка'; кбалк. *xap* 'утварь, вещи' (Чеченов 1996, 183) < **qap* 'мешок', кум. *xum* 'песок', *xonšu* 'сосед'.

q-/γ-: каз. диал. *qaz/γaz* 'гусь', *qarγys/γarγys* 'проклятие'.

q-/d-: каз. *qarbyz/darbyz* 'арбуз' – исключительный, фонетически не объяснимый феномен.

Внутри слова пракыпчакский (пратюркский) *-q-* сохранился в большинстве кыпчакских языков в разных комбинаторных позициях. Каз., ккалп., кар.к., кирг., кум., ног., тат. *baqyr* 'медь'; *buqa* 'бык'.

-q->- γ - в западнокыпчакских языках: кбалк. *baγyr* 'медь', кбалк., кум., кар.к. *buγa* 'бык-производитель'; сюда же примыкает алтайский: *puγa* 'бык'; башк. диал. *aqaj* = лит. *aγaj* 'брат, дядя', каз. также *aγaj, toγyz* 'девять'.

Озвончение *-q-* при аффиксации: *taq+ym=taγym* 'прикрепление'; *soq- + -yp = soγyp* 'ударив'.

-q->-x- обычно происходит в конце первого слога и в начале второго слога в соседстве со смычным согласным. Это – черта некоторых западных кыпчакских языков: кум. *toxsan* 'девяносто', кбалк. *axča* 'деньги', *basxyč* 'лестница', *qočxar* 'баран', *asxaq* 'хромой' – соответствия в других языках: *toqsan, aqča, basqyč, qočqar, aqsaq*; *tajaq+čyq* > *tajaxčyq* 'посошок', в "цокающем" диалекте карачаево-балкарского языка – перед глухими аффиксами: *tajaq+ty >tajaxty* 'палку', *ajaq+ty >ajaxty* 'ногу' (Чеченов 1996, 193). Это – дополнительное свидетельство первичности глухого согласного, а не сонанта в начале аффикса: не *tajaq+ny, ajaq+ny* и т.д.

В **ауслауте** *-q* сохранился также в большинстве кыпчакских языков: каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., кум., ног. *ajaq;* башк., тат. *åjåq* 'нога'; каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., кум., ног. *baq-,* башк., тат. *båq-* 'смотреть'.

-q>-x: ктат. диал., кар.т. *ajax.* В куманском в письме также отмечено это явление: *byčaq> byčax* 'нож'. Опираясь на данные группы западнокыпчакских языков, можно предположить наличие в куманском этого феномена.

-q>-k: кар.г. *ajak <ajaq* 'нога'.

-q>-xt: кар.т. *joxt <joq* 'нет'.

В аффиксах *q* употребляется обычно в начале слога: форма дательно-направительного падежа *-qa,* причастия *-qan,* залога *-qaj;* словообразовательные аффиксы: *-qy, -qyš: artqy* 'задний', *atqyš* 'стрелок' и т.д.

γ. Некоторыми фонологами *γ–g* рассматриваются как одна фонема, по произношению *γ* — заднеязычный (увулярный) звонкий щелевой. 1) Артикуляторная характеристика – в начале слова (в некоторых языках) артикулируется как смычный, в интервокальной позиции – как щелевой; 2) акустическая характеристика – при произнесении смычного варианта (в начале слова) в голосе присутствует больше шума, при щелевом варианте – преобладает звонкость (оттенок сонорности).

В пракыпчакском *γ* употреблялся в середине слова, поэтому можно считать, что он является ассимилятивным вариантом *q.*

γ в **начале** слов пракыпчакского языка, как и другие звонкие, не употреблялся; не употребляется в исконных словах и в современных кыпчакских языках. Современный *γ* представляет собой ассимилированный вариант начального *q-,* обычно попавшего в интервокальную позицию, а также в сочетании слов, первый компонент которого оканчивается на гласный, а следующий начинается с *q-*: каз., ккалп., ног., ктат., кар.к. *qal-* 'оставаться', *artta qaldy> artta γaldy* 'он остался позади': *at-qa* 'к лошади', но *bala-γa* 'к ребенку'.

В современных кыпчакских языках анлаутный *γ* характерен лишь для заимствованных слов: каз. *γalym* 'ученый', *γylym* 'наука'.

В **середине** слова *-γ-* в пракыпчакском, как и в современных кыпчакских языках употребляется широко как исторически ассимилированный звонкий вариант *-q-:* каз., ккалп., ног. *aγa* 'старший брат', *jaγa/žaγa* 'воротник', *buγu* 'олень', *tyγyz (<tyq+yz)* 'плотный'; кар.к., ктат. *baγla-* 'привязывать', *baγyr* 'медь', каз. *baqyr* отражает более древнее состояние по отношению к реконструируемой пратюркской форме **baγyr.*

γ, так же как и *g,* является слабым звуком, подвергающимся изменениям. В пракыпчакском еще сохранялся интервокальный *-γ-,* который в кыпчакских языках в этой позиции подвергается воздействию окружающих звуков весьма сильно, что приводит к его переходу в ряд других спирантов по ступеням: *γ >v> w> j> 0.*

-γ->-v-: др.-тюрк. *baγyr* 'печень' > тат., башк., кар.т.г. *bavyr,* др.-тюрк. *aγyz* 'рот'> кбалк. *avuz.*

-γ->-w-: каз., кбалк., ккалп., кум., ног. *bawur, awuz*; тат. *båwyr, åwyz,* башк. *awyδ.*

-γ- >0: кирг. *boor, ooz;* алт. *oos, uus;* кум. *almaγa> almaa* 'чтоб взять'.

-γ->-j-: *baγla* > каз. *bajla-* 'завязывать', наряду с *bawla-* 'вязать сноп'; *syγyr* > каз., кбалк., кум., тат. *syjyr* 'корова'.

В **конце** слова пратюркский реконструируемый **-γ* в некоторых современных кыпчакских языках, контактировавших с огузскими, сохраняется:

кар.к., ктат. *taγ/daγ,* в большинстве языков *-γ* также неустойчив и переходит в *-v, -w.*

-γ > -v: taγ > кар.т.г., башк., тат. *tav*; *jaγ-* 'падать, сыпаться (о дожде, снеге)' > кбалк. *jav-*; *baγ >* кбалк. *bav* 'завязка, шнурок'.

-γ>-w: каз., кбалк., ккалп., кум., ног. *taw, baw, aw* 'сеть, ловушка'.

-γ>-o: кирг. *too* 'гора', *boo,* производное – *boolo-* 'завязывать'.

-γ>-j: baγla > каз., ккалп., кбалк., кар., ног. *bajla* 'завязывай'; *syγ>syj-* 'вмещаться'.

-γ >0: saryγ > каз., кбалк. *sary* 'желтый'.

В аффиксах *γ* встречается как фонетическая субституция *q* в их начале: *-qan/-γan, -qa/-γa, -qy/-γy.*

γ в пракыпчакском существовал как отдельный звук, отличный от *g,* однако они с современной точки зрения не были фонематически расчленены, так же как и *q–k.* Другие противопоставленные по признаку мягкость/твердость пары – *t'-t, l'-l, s'-s* и т.д. – не рассматриваются в фонетических исследованиях как отдельные фонемы, хотя попытки расценивать как отдельные фонемы *l'–l* были. В тюркских языках оппозиции твердых и мягких фонем, в современном понимании фонологии, не имело места, несмотря на то что в древней письменности тюрков мягкий и твердый звуки имели свои графические выражения для их различения.

В пракыпчакском и современных кыпчакских языках увулярные *q, γ* не противопоставлены фонематически среднеязычным *k, g.* Оппозиция *q–k* усиливалась арабской графической традицией использования отдельных букв: *qaf–kaf.*

j — сонорный щелевой. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как щелевой; 2) акустическая характеристика – в начальной и интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность.

j существовал в пракыпчакском и употреблялся во всех позициях в слове.

В **анлауте** *j-* употребляется в средневековых кыпчакских памятниках, а также в современных кыпчакских языках, расположенных ближе к огузским языкам, а также в поволжских: кар., ктат., кум., куман., урум., тат. *jaz,* башк. *jað* 'лето, весна'; кар., ктат., кум., урум. *jem* 'корм'.

В пракыпчакских диалектах в анлауте *j-* чередовался с другими согласными: *ǰ-, ž-* , что отражается и в современных кыпчакских языках.

Надо полагать, что современные кыпчакские языки, имеющие в анлауте *ǰ-, ž-* вместо *j-*, сохранили более древний и сложный звук. Обзор точек зрения о начальном *j-/ǰ-/ž-* дан Э.Р.Тенишевым в СИГТЯ 1984, 256-259. Несмотря на продолжающиеся дискуссии о существовании в пратюркском анлауте *j-,* можно утверждать, что в пракыпчакском он определенно присутствовал.

В современных кыпчакских языках анлаутному *j-* в казахском, каракалпакском, в диалектах карачаево-балкарского, киргизском, степных говорах крымскотатарского, казанскотатарском соответствует более древняя форма

этого звука – *ǰ-/ž-*: *ǰyl/ žyl* 'год', в караимском, кумыкском, ногайском, башкирском, татарском *j-: jyl.*

В киргизском и алтайском в некоторых случаях развитие пошло дальше – к выпадению начального *j-: jyr>yr* 'песня', *yrda* 'пой песню'.

j-/ǰ-/ž-: каз. диал. *jas/ ǰas/ žas* 'молодой', *jat/ ǰat/ žat* 'ложись', *jarym/ǰarym* 'половина' и т.д. (Омарбеков 1992, 44). В урумском слова с начальным *ǰ-: ǰoj-* 'губить', *ǰiren* 'гнедой' А.Гаркавец считает "ногаизмами" (Гаркавец 1999, 15).

j-/d'-/ č-: в алтайском *d'yl/čyl* 'год'.

ǰ-/ž-/t-/n-: каз. имя библейского пророка *ǰüsüp/ žüsüp/ tüsüp/ nüsüp* 'Иосиф'.

В карачаево-балкарских диалектах встречается немало соответствий начальному *j-: j-/d- – dulduz/ žulduz* 'звезда', *j-> č-/c- – čajqa-/ cajqa-* 'качать';

j>0: кбалк. *jaqsy> ahsy* 'хороший', *jaman> aman* 'плохой'.

j- как "протетический" характерен для начала слов казахского языка: *jel* 'страна, народ', *jeki* 'два' и т.д. (пишутся: *ел, екі*).

Из сказанного, также учитывая данные других тюркских языков, можно заключить, что в пратюркском все же начальным был неопределенный сложный звук, который мог произноситься как *ǰ-, č-,* затем развиться в более простые звуки, постепенно "изнашиваясь", он превращался в *s, ž, j, n, d,* которые не имели фонематического значения для носителя языка в определенных позициях.

-j- в **середине** слова в пракыпчакском, как в пратюркском и в современных кыпчакских языках, употребляется в интервокальной позиции и в сочетании с последующими сонорными и глухими: алт., каз., кирг., ккалп., ног. *mojun*; башк., тат. *mujyn,* кар., кбалк., ктат., кум. *bojun*; во всех языках *ajt-* 'говорить'; каз. *aja* 'пожалей', *ajyq* 'выздоравливай'.

В **ауслауте** *-j* употребляется как в пракыпчакском, так и во всех современных кыпчакских языках. Во всех языках *aj* 'месяц, луна', *toj,* башк., тат. *tuj* 'пир, свадьба; наедайся, насыщайся', *taj* 'жеребенок-стригун', *oj-,* башк.,тат. *uj-* 'долбить'.

Возможно, *-d>-j* в таких словах, как *qod > qoj* 'овца', *qyd >qyj* 'жалеть' и т.д. говорит о вторичности *-j,* также и *j-, -j-.*

Таким образом, можно отметить различные соответствия анлаутного *j-* и его удивительную устойчивость в инлауте и ауслауте. Это объясняется, по-видимому, тем, что *j* в этих позициях отражает последний этап в развитии *ǰ>č>s> ž >d>n>j.*

η — среднеязычный и увулярный сонорный смычный. 1) Артикуляторная характеристика – во всех комбинаторных позициях артикулируется как смычный; 2) акустическая характеристика – в интервокальной позиции произносится как типичный сонант, после гласных в конце слога преобладает воздушность.

ŋ в пракыпчакском употреблялся в инлауте и ауслауте. **В анлауте** он встречается в детском звуке плача: *ŋa-ŋe* как наиболее архаичное сочетание в начале слова.

Инлаутный *-ŋ-* в интервокальной позиции в пракыпчакском сохранили современные кыпчакские языки: кирг., кбалк. *keŋeš,* каз. , ккалп., ног. *keŋes,* башк., тат. *kiŋäš* 'совет'; каз., кбалк. *iŋir* 'вечер, вечерние сумерки'; урум. *köjüŋüz* 'ваше село', *bujuruŋuz* 'пожалуйста'. Употребление *-ŋ-* между гласным и согласным свидетельствует о присутствии здесь словообразовательного аффикса, оно также наблюдается при присоединении словоизменительных аффиксов: алт., кирг. *aŋčy*, каз., ккалп., ног. *aŋšy* 'охотник'; каз., ккалп. *aŋyz* 'легенда', *teŋiz* 'море'.

При употреблении *-ŋ-* в интервокальной позиции в ряде случаев происходит метатеза: гласный + согласный > согласный + гласный: *teŋir/teŋri* > *täŋir/täŋri,* ср. куман. *teŋeri.* См. также подобную метатезу в сочетании *n с* другими звуками в разделе о *n – sanyš > sanšy.*

-ŋ->-n- происходит между гласным и согласным, который обычно является элементом словообразовательного аффикса, это характерно для некоторых центральных и западных кыпчакских языков: каз.диал. *taŋda-/tanda-* 'выбирать', *qalyŋyraq/ qalynyraq* 'потолще'; кар.т.г. *tynla-* 'слушать', в других кыпчакских языках – *tyŋla;* кбалк. *ǯanša* 'болтай' < *jaŋša.* Переход *-ŋ->-n-* в интервокальной позиции – редкое явление: *könül* > кар.т. *könül,* кар.г. *kenil* 'душа'.

-ŋ->-γ-/-g-: *bardyŋyz* > кбалк. *bardyγyz* 'вы пошли', *keldiŋiz*> кбалк. *keldigiz* 'вы пришли' (Чеченов 328); хотя в кыпчакских языках существует фонологическое противопоставление *-γ – -ŋ:* алт. *taγ* 'гора' – *taŋ* 'заря'.

Процесс *-ŋ-> -γ->-j->0* происходил в тюркских языках, по-видимому, еще в допракыпчакскую эпоху и сохранился в ряде современных кыпчакских языков: пратюрк. **söŋük* 'кость', каз., ккалп., кум., ног. *süjök,* кар.г. *sijek,* **köŋlek* 'рубашка' > куман. *könlek* > каз., кирг., ккалп., ног. *köjlök* > кбалк. *kölek,* кум. *gölek*; ср. также башк. *küldäk,* арм.-кыпч. *kölmek;* **köŋül* > кбалк. *kül.*

-ŋ->-w-: каз., кбалк. *suwsar* < **saŋsar* 'куница'.

В пракыпчакском *ŋ* в **ауслауте** употреблялся и сохранился в современных кыпчакских языках: алт., башк., каз., кар.к., кбалк., кирг., ккалп., ктат., кум., ног., тат., урум. *taŋ* 'заря, рассвет, утро', *teŋ/tiŋ* 'равный'; урум. *babaŋ* 'твой отец'.

-ŋ->-n осуществился в ряде современных кыпчакских языков: кар.г.т. *tan* 'заря', *kajyn* 'береза', башк., тат. *tirän* при каз., кирг., ккалп., ног. *tereŋ* 'глубокий'. Переход *-ŋ/-n* для диалектов некоторых языков нормальное явление: каз. *qalyŋ /qalyn* 'толстый', *tereŋ /teren* 'глубокий', *jerteŋ /jerten* 'завтра', *qajyŋ /qajyn* 'береза'.

ŋ в аффиксах в пракыпчакском употреблялся в их конце, это состояние сохранилось в современных кыпчакских языках, например, в форме родительного падежа *-tyŋ/-dyŋ/-nyŋ.* В соответствии с закономерностями отдельных языков он мог подвергаться изменениям: *-nyn* и т.д.

Диссимилятивное появление *-ŋ-* в кар.т. *qul+luq> kuŋluk, qol + lar > koŋlar* и т.д. (см. *l*).

Больше всего *ŋ* подвергся изменениям в западнокыпчакских языках, претерпевших значительное влияние окружающих языков, в которых он отсутствует.

h. В пратюркском и пракыпчакском употреблялся лишь в конце некоторых междометий: каз. *ah!, uh!, oh!.* Он фонематически может быть противопоставлен другим увулярным фонемам, например: *aq* 'белый', *uq-* 'понимать', *oq* 'стрела'.

Каждый звук, живя в составе слова в соседстве с другими звуками и в потоке речи, подвергается ассимиляции, диссимиляции, переходит в другие звуки, поэтому не всегда возможно установить единственный из всех его вариантов в пратюркском или в пракыпчакском.

Закономерность кыпчакских языков – согласные, относящиеся по месту образования к одной группе, переходят друг в друга. Губные: *p>b>m>w>0;* переднеязычные: *t>d>l>n, t >d>th>j>0, ǯ>c>s, c>ǯ> ž >j>0, ǯ> ž >z, r>z;* среднеязычные: *q>γ>ŋ, k>g>ŋ, γ>j>0, g>j>0, ŋ>j.* Переход в звуки, относящиеся по месту образования к другим группам – редкое явление: *γ>w>0.*

Главным различительным признаком в подобных явлениях выступают акустические свойства, наличие шума и голоса. Таким образом, они существуют во взаимосвязи, а не изолированно. При этом первичными можно считать глухие. Выделение единственного варианта во многом оказывается условным, особенно это относится к пратюркскому состоянию.

СОСТАВ ПРАКЫПЧАКСКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

		Губные	Переднеяз.	Среднеяз.	Увулярные
Смычные	глухие	*p*	*t*	*k*	*(q)*
	звонкие	*b*	*d*	*g*	*(γ)*
Щелевые	глухие			*s, š*	
	звонкие	*(w)*	*z*	*j*	*(h)*
Аффрикаты	глухие		*č*		
	звонкие		*ǯ (ž)*		
Сонанты	боковые			*l*	
	плавные	*m*	*n*		*ŋ*
	дрожащие			*r*	

В скобках указаны звуки, которые с современной точки зрения не являются отдельными фонемами.

ГАРМОНИЯ ЗВУКОВ (СИНГАРМОНИЗМ)

Гармония звуков, или сингармонизм, в тюркских языках — максимально близкое произношение звуков по разным признакам: тембру (рядности), огубленности и смычке в составе фонетической (слога) и морфологической единицы (слова) в потоке речи. Она в тюркских языках изначальна, она – свойство самой речи и не "возникла", она неотделима от первичной тюркской речи и, в отличие от других языков мира, сохранилась до наших дней. Сингармонизм тюркских языков – "фундаментальное структурно-типологическое явление, затрагивающее не только все уровни фонетического яруса структуры языка, но и ярус морфологический" (Реформатский 1966, 198; см. также: *Тенишев Э.Р.* О связи гармонии и агглютинации в тюркских языках// Морфологическая типология и проблемы классификации. М.; Л.1965).

Как первичны такие слова и слоги с палатально-велярной гармонией, как 1) с заднерядным гласным и твердым согласным: *at, sa, sy* и т.д., 2) с переднерядным гласным и мягким согласным: *et, se, si* и т.д., так же первичны такие слова и слоги с губной гармонией, как 3) с гласными губными (заднерядными) и огубленными согласными: *ot, so, su,* 4) с гласными губными (переднерядными) и согласными огубленными: *öt, sö, sü* и т.д.

Слово является комплексной фонологической единицей, в которой проявляются закономерности гармонии звуков. Оно фрагмент потока речи, а не изолированный элемент. Гармония гласных и согласных в составе слова и слога — закон пратюркского и пракыпчакского языков.

Звуки единого слова — звукового комплекса — по законам тюркской речи должны "состоять из звуков максимально близких в отношении артикуляции". Не имеет значения, корень это или производная основа, важно то, что слоги в потоке речи между собой вступают во взаимодействие.

Таким образом, сингармонизм слога и слова проявляется в трех видах: 1) гармония гласных, 2) гармония гласных и согласных, 3) гармония согласных.

Репрессированный казахский тюрколог еще в 20-х годах XX в. специально и тонко исследовал проблемы тюркского сингармонизма. О том, что сингармонизм — свойство не только гласных, но и согласных, он писал: "Как произносятся гласные, так произносятся и согласные". Поэтому он впервые предложил вместо выражения "гармония гласных" употреблять выражение "гармония звуков" (Досмұхамедұлы 1991, 82-83).

Экспериментальное исследование взаимоотношения гласных и согласных тюркологами[3] показало сингармонистическое единство гласных и согласных. Гласные в сочетании с согласными получают роль индикатора согласных по палатальности/велярности, огубленности/неогубленности; а индикатором характеристики согласных по способу и месту образования выступают сами согласные. Например, согласный *q* в слове *qol* — велярный и огубленный, индикатором чего выступает гласный *o,* сам по себе звук *q* характеризуется тем, что он является глубоко заднеязычным по месту образования и смычным по способу образования.

В словах *qol, ala, tol, töl, bula, böle* и т.д. фонема *l* до известной степени модифицируется в зависимости от ее фонетического положения. Варианты фонемы *l* различаются по лабиализации, положению языка в фазах выдержки и рекурсии, по аспирации — по слуховому эффекту.

Гармония звуков осуществляется в слове как в сочетании гласных с гласными, так и в их сочетании с согласными. Например, согласный звук (фонема) *l* в сочетании с гласными разного ряда и разной степени огубленности в словах *al, el, ol, öl* произносится по-разному, имея разные аллофоны, соответственно как: твердый неогубленный, мягкий неогубленный, твердый огубленный, мягкий огубленный. Таким образом, *l* в приведенных словах — разные звуки.

"Структура соединения фонем представляет собой артикуляторно-акустические связи входящих в слово звукофонем. Тем самым структура соединения характеризует закономерные артикуляторно-акустические отношения фонем, определяющих качественные модификации в фонемной структуре слова... Структура соединения фонем имеет дело с звуками-фонемами, образуя связанную последовательность их; материалом для силлабической структуры служит эта связанная последовательность звуков-фонем, которую она подразделяет на отрезки-слоги..." (Дмитриев 1948, 38). Сингармонизм есть свойство, модель всего слова, а не только отношение аффикса к корню или основе.

Фонологически корневую и аффиксальную морфемы следует рассматривать как равные элементы в процессе гармонии звуков, несмотря на то что при присоединении к основам зависимость характера звуков аффикса от звуков корня и основы очевидна (Торсуев 1969, 6-7). Первоначально в пракыпчакском гармония звуков в слове, надо полагать, соблюдалась последовательно как в отношении палатальности-велярности, так и в отношении огубленности-неогубленности. С течением времени, с развитием языка некоторые его закономерности начали разрушаться. Сильно изменилась губная гармония, которая в современных языках имеет множество вариантов отклонения от первоначальной закономерности. Наиболее устойчивой оказалась палатально-велярная гармония звуков. Однако и она подверглась изменению и также стала нарушаться во многих современных языках под влиянием экстралингвистических (влияние неродственных языков) и лингвистических (словосложение, функционирование иноязычных аффиксов) факторов.

Пракыпчакский язык в отношении сингармонизма звуков в речи является продолжателем традиций пратюркского, сохранившихся до наших дней в современных языках.

[3] *Кязимов Ф.А.* Принципы сингармонизма в азербайджанском языке// Изв. ОЛЯ АН СССР. 1954. Т.13, вып. 1; *Джунисбеков А.* Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980, и др.

Поскольку гласные имеют четко выраженную сингармоническую системную структуру, гармонию звуков целесообразно рассматривать, базируясь на классификации гласных. Классическая тюркская система восьми ("кратких") гласных — *a, e, y, i, o, u, ö, ü* — с признаками велярности, палатальности, огубленности и неогубленности идеально отражает закон сингармонизма. Пракыпчакская система вокализма соответствует пратюркской "восьмерке", сформировавшейся на позднем этапе праязыка. Соответственно происходит и гармония звуков, где ее формальным показателем, как в устной речи, так и в письменной, выступает характер гласных.

Междометия, как относящиеся к наиболее древним слоям лексики, оказались хранителями системы восьми гласных: *aj, ej, oj, öj, uj, üj, yj, ij* и т.д.

Классическая система восьмерки пракыпчакского вокализма *a y o u; e i ö ü,* зафиксированная в древних тюркских памятниках, сохранилась не во всех современных кыпчакских языках, в большинстве из них она нарушена в разной степени.

В древних кыпчакских систему 8 гласных сохранили печенежский, куманский (половецкий). Из современных наиболее устойчивой она оказалась в западнокыпчакских языках: карачаево-балкарском, кумыкском, крымскотатарском (девятая *ä* имеется в его южном диалекте, подвергшемся огузскому влиянию). Среди них караимский относится к числу языков с сильно измененной системой вокализма (в тракайском, крымском диалектах — 9 фонем, в галицком — 6).

В современном литературном киргизском языке к восьми "кратким" гласным прибавились 6 долгих: *ö:, ü:, e:, u:, o:, a:,* нет долгих *i, y*; в диалектах имеется девятая гласная фонема *ä*. (Обзор литературы о тюркском сингармонизме см. СИГТЯ 1984, 433-454.)

Вдобавок к 8 "кратким" гласным алтайского языка 8 долгих гласных появились в диалекте чалканцев (Сыдыков 1990, 41).

В казахском, каракалпакском и ногайском литературных языках девятая фонема *ä* относится к редкоупотребительным, главным образом она встречается в заимствованиях из арабского и персидского языков.

Пракыпчакский сингармонизм гласных базируется на указанных 8 гласных звуках-фонемах. Девятый гласный *ä,* возникший позже, в процессе гармонии участвует аналогично гласному *e*, он в некоторых языках обычно употребляется в первом слоге, но в северных кыпчакских (поволжских) языках выступает также в других слогах.

Дополнительно выделяемые в тюркских, в том числе и в кыпчакских, языках признаки гласных — краткость, долгота или сверхкраткость – в процессе гармонии звуков не имеют существенного значения. Так же как признаки, свойственные только гласным, по подъему: открытость, закрытость – противопоставление гласных по широте-узости: *a–y, e–i, o–u, ö–ü* не имеют значения для сингармонизма, хотя в редких случаях гармония гласных по этому признаку может происходить при аффиксации в некоторых языках.

Пракыпчакская система консонантизма — также наследник пратюркского консонантизма. Гармония звуков является и свойством согласных. Согласные по закону сингармонизма имеют переднерядный, заднерядный, лабиализованный и нелабиализованный варианты, что гармонирует с системой как вокализма, так и с системой консонантизма, что, однако, не всегда отражается на письме. Теоретически это вызывает споры о выделении, например, мягких *l', t'* и противопоставлении их твердым *l, t* и т.д. Гармония согласных между собой выражается также в их сочетаемости по признаку глухости-неглухости (звонкости, сонорности), что принято отражать в письме в большинстве случаев.

Гармония звуков в пракыпчакском, как и в современных кыпчакских языках, происходит по определенным признакам — по двум типам противопоставления гласных: по ряду — велярности-палатальности: *a–e, y–i, o–ö, u–ü;* по участию губ — неогубленности-огубленности: *a–o, e–ö, y–u, i–ü*:

а) по ряду — палатально-велярная гармония, которую также называют "нёбной". По этому закону вместе с заднерядными гласными в слове или в слоге употребляются велярные или твердые гласные и согласные, а вместе с гласными переднерядными — соответственно гласные переднего ряда и переднеязычные, мягкие согласные. Например, в слове *bala* все гласные заднерядные, в слове *bal* гласный *a* является заднерядным, соответственно согласные *b, l* являются твердыми; в слове *bel* гласный *e* является переднерядным, а согласные *b, l* — мягкими;

б) по активному участию губ: губная-негубная гармония. Вместе с гласным губным выступают огубленные гласные и согласные, а с гласным негубным — неогубленные гласные и согласные. В слове *boldu* все гласные огубленные, в слове *bol-* 'быть' гласный *o* — огубленный, соответственно согласные *b, l* также являются огубленными. В слове *dala* 'поле, степь' гласные *a* — неогубленные, соответственно согласные *b, l* — тоже неогубленные. В одном и том же слове параллельно могут существовать и нёбная, и губная гармония, например, в слове *boldu* все гласные заднерядные и губные и т.д.

При рассмотрении вопросов сингармонизма практически удобно оперировать характерными признаками гласных как индикаторами, что общепринято.

В гармонии согласных с согласными и гласными индикаторами выступают согласные — их уподобление по глухости-неглухости, по месту образования — "ассимиляция", обычно это явление происходит на стыке основы и аффикса или на стыке двух основ, а не в составе корня или непроизводной основы. Уподобление происходит по следующим параметрам:

1) по глухости — после конечного глухого основы употребляется аффикс или другая морфема с глухим начальным звуком: каз. *at-tar* 'лошади', *taz* 'плешивый', *tazša* >*tašša* 'плешивец'. Это явление отмечено также в древнетюркских памятниках: *taš-qa* (КТм 11) 'к камню', *tabγač-qa* (Оа 2) 'к табгачам' (Кононов 1980, 68);

2) по неглухости – после неглухого (гласного, звонкого и сонорного) звука употребляется неглухой (звонкий, сонорный): *ata-lar* 'отцы', *tonlar* 'шубы';

3) по месту образования — последующий или предыдущий звук должен быть по месту образования ближе к соседнему звуку: каз. *bolγan + baj > Bolγam-baj* (собств. имя) — последующий губно-губной согласный *b* превращает *n* в *m*. Подобная гармония происходит как в прогрессивном (когда предыдущий звук влияет на последующий согласный: *at-tar*), так и регрессивном (когда последующий звук уподобляет себе предыдущий: *qap+y> qab-y* 'его мешок', *qazaq + ym > qazaγ-ym* 'мой казах', *kerek+i>keregi* 'его нужда'), а также в прогрессивно-регрессивном направлениях: *sen keldiŋ > seŋ-geldiŋ* 'ты пришел'. В этом одно из отличий гармонии согласных от гармонии гласных, в последней гармония происходит в прогрессивном направлении.

Гармония звуков в пракыпчакском происходит независимо от количества слогов в слове. Она соблюдается как в односложных словах и внутри слога, так и в дву- и многосложных основах. Это характерно для пракыпчакского и среднекыпчакского и для большинства современных кыпчакских языков.

1. Гармония звуков в односложных словах (корнях) и слогах.

Пракыпчакская система гармонии звуков — гласных с согласными — в односложных структурах: словах (корнях) и слогах — сохранилась во всех современных кыпчакских языках.

На уровне односложного корня и слога последовательно соблюдается как палатальная, так и губная гармония.

Непоследовательность гармонии звуков начинается, как правило, в сложных основах, звуки компонентов которых принадлежат к противопоставленным рядам, а также в производных и словоизменительных формах слова с заимствованными или поздно возникшими аффиксами; наличие в слове гласных разных рядов может быть одновременно индикатором нетюркского происхождения формы или слова.

1) Согласно закону **палатально-велярной** гармонии в одной односложной структуре по правилам пракыпчакского сингармонизма, сохранившимся в современных кыпчакских языках, могут соседствовать:

а) при велярной гармонии соседствуют велярный (твердый) гласный и твердый согласный. Например, в структуре ГС: *al, yl, ol, ul; at, yt, ot, ut;* в структуре СГ: *ba, by, bo, bu* и т.д.;

б) при палатальной гармонии соседствуют палатальный (мягкий) гласный и мягкий согласный. Например, в структуре ГС: *el, il, öl, ül; et, it, öt, üt;* в структуре СГ: *be, bi, bö, bü* и т.д.; первичные междометия: *aj, ja, yj, ij; oj, öj, üj, uj* и т.д.; глаголы: *ur-, at-, et-* и т.д.

Таким образом, противопоставляются по велярности-палатальности слова и слоги из двух фонем — ГС: *al–el, yl–il, ol–öl, ul–ül; at–et, yt–it, ot–öt, ut–üt;* СГ: *ba–be, by–bi, bo–bö, bu–bü* и т.д.; слова и слоги из трех фонем–СГС: *qal–kel, qyl–kil, qol–köl, qul–kül; tal–tel, tyl–til, tol–töl, tul–tül; sal–sel, syl–sil, sol–söl, sul–sül* и т.д. ГСС: *art–ert, ant–ent, ort–ört* и т.д.; слова и слоги из четырех фонем — СГСС: *sart–sert, turt–türt, qylt–kilt* и т.д.

2) Согласно закону **губно-негубной** гармонии:

а) в одном слоге/слове соседствуют губной гласный и губной или огубленный согласный: *öl, ül, öt, üt, bo, bu, bö, bü; bul, bult* и т.д.;

б) в одном слоге соседствуют негубной гласный и негубные или неогубленные согласные: *at,et; ket, sat, qyl, jyl, tal, til, bil* (здесь губной согласный — по смычке губ, а не по их округлению, поэтому он может соседствовать с негубным гласным).

На примерах из казахского языка можно продемонстрировать, как слова различаются по комбинациям противопоставлений сингармонических признаков (аналогичная картина во многих других современных языках; подобные противопоставления были характерны и для пракыпчакского состояния):

1) твердый негубной — мягкий негубной: *tys–tis, bas–bes;*
2) твердый губной — мягкий губной: *sol–söl, ǯon–ǯön;*
3) твердый губной — твердый негубной: *tot–tat, sur–syr;*
4) твердый губной — мягкий негубной: *ton–tin, tus–tis;*
5) мягкий губной — мягкий негубной: *ön–in, tur–ter;*
6) мягкий губной — твердый негубной: *tus–tas, ör–ar.*

(Джунисбеков 1991, 73)

Варианты палатального и лабиального сингармонизма ведут себя как равноправные единицы языка, наделены одинаковой функцией — словоразличительной (Кокорин 1962, 12).

2. Гармония звуков в двусложных структурах. Она имеет место а) в первичных основах: *ata, baba, bala, kisi, segiz* и т.д.; б) при аффиксации в производных основах: *baš-ly, bel-dik* и в) при присоединении словоизменительных аффиксов: *at-qa, taš-ny.*

Пракыпчакская гармония в двухсложных структурах при аффиксации (словоизменении и словообразовании) сохранилась во всех современных кыпчакских языках.

Классическим и идеальным пракыпчакским образцом сингармонизма может служить таблица сочетаемости гласных современного киргизского языка, показывающая также сингармонистическую характеристику согласных в слове.

	a	*y*	*o*	*u*	*ö*	*ü*	*e*	*i*
a	*ata*	*atyr*						
y	*myna*	*čyny*						
o			*otor*	*toru*				
u	*ulaq*			*uruq*				
ö					*törö*	*börü*		
ü					*čükö*	*čükü*		
e							*ene*	*eki*
i							*kire*	*ini*

(Дыйканов 1989, 15)

Надо полагать, что киргизский и частично алтайский языки сохранили до наших дней наиболее древнюю форму особенностей пракыпчакского

(возможно и пратюркского) сингармонизма в полной мере. В них также сохраняются первичные закономерности сочетания фонетических вариантов аффиксов с основой слова, исходя из особенностей сингармонизма основы. В соответствии с этим аффиксы имеют наибольшее количество сингармонистических вариантов. Закон гармонии звуков непосредственно определяет количество фонетических вариантов аффиксов. Например, аффикс множественного числа в киргизском имеет 12 фонетических вариантов: *-lar/ -ler/ -lor /-lör, -dar/ -der/ -dor/ -dör, -tar/ -ter/ -tor/ -tör.*

В пракыпчакском гармония звуков в двухсложных структурах соблюдалась последовательно, она сохраняется и в среднекыпчакских языках. В новых — современных — кыпчакских языках уже отмечается ослабление действия гармонии и нарушение отмеченных выше последовательностей звуков, но их степень варьирует по языкам. Ослаблению и нарушению подвергаются в большей степени вначале узкие гласные, затем — и широкие.

Палатально-велярная гармония в двухсложных структурах имеет два вида: а) велярная, или заднерядная, гармония, б) палатальная, или переднерядная, гармония. В палатально-велярной гармонии участвуют как негубные, так и губные гласные.

Гармония по ряду/мягкости-твердости в пракыпчакском и современных кыпчакских языках в тюркских словах и освоенных заимствованиях соблюдается регулярно.

***Негубные*:** а) велярная (заднерядная): *а-а, а-у, у-у, у-а;*

б) палатальная: *е-е, е-і; і-і, і-е* (в современных языках также: *ä-e, ä-i*). Отсутствует в пракыпчакском сочетание *ä-ä.*

Губные: а): велярная: *о-о, о-и, и-и, и-о;* б) палатальная *ö-ö, ö-ü, ü-ü, ü-ö.*

В пракыпчакском негармонично и поэтому невозможно сочетание гласных с гласным и согласным разных рядов, согласных с согласным разных рядов, например, такие, как: *а-е, у-і, b+i—b'+y* и т.д.

Смешанные сочетания, когда губной соседствует с негубным, представляет собой нарушение губной гармонии, они распространены в современных кыпчакских языках, как правило, под влиянием письменности, строго регламентирующей правописание: а) велярная гармония: *о-а, и-а, и-у, о-у;* б) палатальная гармония: *ö-e, ü-i, ö-i, ü-e.* В этом случае велярная гармония соблюдается, однако губная гармония нарушается.

В древнетюркских памятниках: *alqyn-, basla-, qaγan, achyγ suw* (КБ XXVI–57/29) 'горькая вода' — Кононов 1980, 66.

В древнекыпчакских: печен. – негубн.: *xara* 'черный', *jaγy* 'враг'; губн.: *xopon* 'дикая свинья', *čopon* 'пастух'; нарушение губной гармонии в письме: *burlyq* 'место, где много мела' (ЯМ ТЯ 109). Куманскому был свойствен пракыпчакский сингармонизм, который в письме не всегда отражался. мамл.-кыпч. *qačmaya* 'чтобы бежать'; Во многих современных кыпчакских языках широкие гласные аффиксов губной гармонии не подчиняются.

Негубная гарм. — кум.: *atlar* 'лошади', *qalyγyz, qyrda* (ЯМ ТЯ 321); каз. *atalarymyzdy*, ккалп. *taslarda, atamyz*, юрт. *tašqa, balasyz*; башк., каз. *balalar*

'дети'; нарушение губн. гарм.: кум., каз. *ojmaq* 'наперсток', юрт. *tuqta* 'остановись', *qydyru* 'гулять'.

Последовательная палатальная и губная гармония: кум. *jolu* 'его путь', кирг. *otto-* 'пастись', каз., кирг., алт. *kölgö* 'на озеро, к озеру', кирг. *güldün* 'цветка', *burčtu* 'угол' (вин.пад.); алт. *bolγon* 'бывший'; алт. афф. мн.ч.: *-lar/ -ler/-lor/-lör* и т.д.

Палатальная гармония, так же как велярная, в особенности — негубная, сохраняется в современных кыпчакских языках: ***негубные*** сочетания: *е-е, е-і, і-і, і-е, е-ä, ä-i, i-ä;* ***губные:*** *ö-ö, ö-ü, ü-ü, ü-ö;* ***смешанные,*** где палатальная гармония соблюдается, но нарушается губная гармония под влиянием правил орфографии: *ö-e, ö-i, ü-i, ü-e* и т.д.

В древнетюркских памятниках: *beglär, ere(/ä)n* (Кононов 1980); печен. *küjäl* 'голубой', *pitik* 'письмо, грамота'.

В современных кыпчакских: кум. *erler* 'мужчины', *keldigiz*, каз. *keldiŋiz* 'вы пришли', башк. *bäxetleheð* 'ты счастливый', каз. *kelgenderdi*; ккалп. *bilimleri* 'их знания', тат. *žide* 'семь', *sigez* 'восемь'; юрт. *mendej* 'как я', *kitsi* 'уходи же', *tigärsik* 'колесо', *tiräzä* 'окно'.

Как отмечают специалисты, башкирские гласные развились благодаря передвижению в шкале древнетюркского вокализма. Серийному передвижению подверглись гласные *о, ö, ä, и, ü, і* в первом слоге собственно тюркских слов. Тюркские широкие гласные *о, ö, ä* сузились и дали в нем соответственно узкие гласные *и, ü, і* , т.е. *о>и, ö>ü, ä>і*; а тюркские узкие гласные *и, ü, і,* расширившись, дали соответственно полуширокие *о, ö, е*: *toquz* > башк. *tuγγð* 'девять', *bolty*>башк. *buldy, köŋül* > *küŋel* 'сердце'. Частичному изменению подверглись также древнетюркские гласные *а, у* под влиянием *і* (или *-j*) умляута: *baγlanyš>bäjläneš, baγyr>bäyer* (Киекбаев 1959 б, 12-13). Однако это мало отразилось на гармонии звуков. Например, в приведенных примерах велярно-палатальная гармония соблюдается, губная нарушается.

Велярно-палатальная гармония звуков в двухсложных и многосложных структурах к концу слова по разным причинам может ослабиться, что в дальнейшем способствует ее нарушению.

Негубная-губная гармония в двухсложных структурах. О негубной гармонии см. выше: а) велярная гармония; б) палатальная гармония.

Губная гармония. В пракыпчакском, по-видимому, соблюдались закономерные теоретические сочетания гласных и соответственно согласных по огубленности звуков и по ряду: 1) заднерядная: а) *о-о,* б) *о-и*, в) *и-о*, г) *и-и;* 2) переднерядная: а) *ö-ö,* б) *ö-ü,* в) *ü-ö,* г) *ü-ü.* В современных кыпчакских языках из них редкие сочетания представляют собой: (а), (в), т.е. участие широких гласных во втором слоге: *о-о, ö-ö, и-о, ü-ö.*

В основной массе современных кыпчакских языков губная гармония сохраняется до второго слога включительно: кум. *tuttu, tuttular.* Нарушение губной гармонии происходит начиная со второго слога, каз.: *о-а, ö-e, ü-i,* — большей частью под влиянием письменных правил. Кроме того в некото-

рых языках широкие губные во втором и последующих слогах начали сужаться: *o>u, ö>ü.*

В древнетюркских языках, надо полагать, губная гармония в двухсложных основах последовательно соблюдалась, по крайней мере это зафиксировано в отношении узких гласных: *bodun, qutluγ, qulluγ; köŋül, külüg* (Кононов 1980, 67), однако письмо не всегда это передавало. В орхоно-енисейских памятниках губная гармония "отражена лишь в небольшой части памятников, в большинстве же памятников она не находила отражения, поскольку аффиксы, в которых гласные выписывались, имели либо губную огласовку (палатальную или велярную), либо негубную (также палатальную или велярную)" (ЯМ ТЯ 94). Надо полагать, что в следующих и подобных им словах в древнетюркских языках должна была соблюдаться губная гармония (Кононов 1980, 67): *börü* (написано *böri*), *süčüg* (написано *süčig*). Это явление было характерно и для пракыпчакского языка и средневековых кыпчакских письменных памятников.

Особенности арабской графики не дают четкого представления о фонологической системе и гармонии звуков. Это относится, можно сказать, ко всем арабографичным памятникам. Их фонологию можно реконструировать на основе данных фонологической системы древнетюркских и среднетюркских памятников и современных кыпчакских языков.

Мамлюкско-кыпчакская губная гармония в деепричастиях: *urup* 'побив', *körüp* 'увидев'; нарушение: *tojγaj* 'чтобы(он) насытился', *küčkä* 'силе' (ЯМ ТЯ 77).

В хорезмско-тюркском аффиксы принадлежности имеют по 4 варианта, в том числе и с губными гласными: *-ym/-im/-um/-üm* (ЯМ ТЯ 142), что говорит о существовании губной гармонии в этом языке и сближает его с среднекыпчакскими языками.

В диалектах узбекского языка — так называемых "кыпчакских говорах" – сингармонизм, как велярно-палатальная, так и частично губная гармония, реализуется на уровне фонетического закона.

Последовательное соблюдение губной гармонии в отношении широких гласных отмечается в татарском: *bolotlo* 'облачный', *bötönlök* 'целостность', хотя орфография не отражает это явление (ЯМ ТЯ 361). Башкирская губная гармония в отношении первичных узких гласных: *qom+lo (<qumlu)* 'песчаный', *tör+lö (<türlü)* 'разный'. Велярная гармония в языке астраханских ногайцев: *burun;* палатальная с широкими гласными: *kölgö, köjlök;* с узкими: *tülkü, kümüs.* Урум.: *üčünǯü* 'третий', *bojun* 'шея' (ЯМ ТЯ 452).

Гармония по огубленности регулярно соблюдается в киргизском и алтайском языках, в других языках ограничена определенным количеством слогов от начала слова. В барабинском из всех губных широкие *o, ö* факультативно огубляют последующие гласные.

В каракалпакском губная гармония ограничена уподоблением узких гласных второго, реже — третьего слога: *bütün* 'весь', но: *toγyz* 'девять'. В казахском лабиальная аттракция характерна в основом для узких гласных

второго слога, в последующих слогах она ослабляется: *qolum, qolumdy, qolumdaγy; kölümizdegi*, хотя возможно и употребление широкого гласного во втором слоге: *köldö* 'на озере, в озере' и т.д.

Специфика татарского языка — огубленное произношение *a* происходит в односложных словах и в начальных слогах многосложных слов, это влияет на губную гармонию звуков: *bąląląrγa.* Передвижение гласных (*u>o, ü>ö, i>e*), как и в башкирском, особо не отражается на гармонии звуков: *qol* 'раб', *qul* 'рука', *kön* 'день', *kük* 'небо'.

Подобные перебои (соответствия), как в татарском и башкирском наблюдаются и в казахских говорах, однако общий закон губной гармонии соблюдается: узкий *и* казахского литературного языка соответствует широкому гласному *о* в говорах: *uqsas – oqsas* 'похожий', *urpaq – orpaq* 'поколение', *urla- – orla-* 'воровать'; *sura(q) – sora(q)* 'вопрос'; широкий *ö* литературного языка соответствует в говорах узкому *ü: ögej – ügej* 'неродной', *söndür- – sündür-* 'гасить', *köŋül – küŋül* 'душа'.

3. Гармония звуков в трех- и многосложных словах. Структуры, включающие в себя три слога и более, представляют собой:

1) производные слова: а) аффиксального образования, б) аналитические образования — сложные слова;

2) слова со словоизменительными аффиксами, в этих случаях последний слог основы оказывает влияние на последующий аффиксальный слог. Таким образом, в пракыпчакском и в современных кыпчакских языках последовательность звукового комплекса частей звуковой структуры вполне предсказуема. При этом функция предсказательности, не ограничиваясь предсказательностью дальнейшей звуковой последовательности, распространяется и на семантико-грамматический аспект морфем и слова в целом;

3) заимствованные из нетюркских языков слова.

Гармония трехсложных структур с *негубными* гласными в пракыпчакском.

Велярно-палатальная гармония. Велярные: 1) *a-a-a, a-a-y, a-y-y, a-y-a*; 2) *y-a-a, y-y-a, y-a-y, y-y-y;*

Примеры: *balyqtaqy, qazγanmasar, qaγanlyq, qazγanur, qylyčlady* (Кононов 1980, 66); тат. *bardymy?* 'сходил ли он?' каз., кар. *atalarymyzdan,* ктат. *qyrmysqa* 'муравей', кум. *qalyγyz*, каз. *qalyŋyz* 'оставайтесь'.

Палатальные: 3) *e-e-e, e-e-i, e-i-i, e-i-e;* 4) *i-e-e, i-i-e, i-e-i, i-i-i;* 5) *ä-i-e, i-e-ä* и т.д.

Примеры: *beglärdä, ekälim, icikmis, tilädim* (Кононов 1980, 66), кар.т. *bitiklärimiz* 'наши книги', тат. *diŋgezdägelärneŋ* 'у тех, кто в море'; ктат. *čegertki* 'кузнечик', кум. *geligiz* 'приходите', *deŋizni* 'море (в вин. пад.)', ктат. *sepetler* 'корзины', каз. *älsizder* 'слабые'.

В пракыпчакском, по-видимому, не было такого сочетания, как *ä-e-e, ä-e-i, ä-i-e, ä-i-i* и т.д., поскольку в нем не было *ä*, возникшего позже под влиянием заимствованных слов. Подобные и другие пятого типа сочетания возможны из кыпчакских в современных татарском, казахском и башкирском языках как новое явление.

Губная гармония. Широкие губные, по-видимому, употреблялись в пракыпчакском во всех слогах, свидетельством чего из современных языков выступают киргизский и алтайский, сохранившие это состояние, а также реликтовые явления в разговорном языке в ряде современных кыпчакских: казахском, татарском, башкирском и др., которые могут в определенной степени охарактеризовать этапы развития. В большинстве же современных кыпчакских языков широкие губные характерны в основном для первого слога. Узкие губные в большинстве современных кыпчакских языков наблюдаются также во втором и — реже — в последующих слогах.

Велярная губная гармония: 1) *о-о-и, о-и-и;* 2) *и-и-и; и-о-и*: кирг. *qoldoɣu*, кар.т. *qolumnu* 'мою руку', кум. *doɳuznu* 'свинью'. При ослаблении огубленности последний гласный переходит в *у*: каз. *qolumdu/qolumdy.*

Палатальная губная гармония: 3) *ӧ-ӱ-ӱ,ӧ-ӧ-ӱ;* 4) *ӱ-ӱ-ӱ, ӱ-ӧ-ӱ;* кар.т. *közümnü,* 'мой глаз' (в вин. пад.), кирг. *köldögü* 'то, что на озере', *külödü* 'он смеется'. При ослаблении огубления последний гласный переходит в *і*: каз. *közümdü/ közümdi.*

Губная гармония в трехсложных словах последовательно сохраняется и в ряде современных кыпчакских разговорных языков, хотя в некоторых из них она ослаблена. Например, в современном казахском губная гармония несколько ослаблена по сравнению с киргизским из-за письма, в котором запрещено было писать широкие губные гласные во втором и последующих слогах. Узаконение в киргизском губной гармонии в письме способствовало ее сохранению. В разговорном казахском существует употребление широкого губного гласного и во втором слоге, например, письменная форма *өгей* произносится *ögöj*, *көреген — körögen* и т.д. — положение губ не меняется в продолжение всего слова. В казахском сохранение *ӧ* во втором слоге, так же как в киргизском, — древнее явление.

В языке тюркской рунической письменности в письме отмечено соблюдение губной гармонии во втором слоге, а иногда — и в третьем. После негубного в третьем слоге иногда появляется губной звук, дальше нарушается губная гармония. Велярные губные: *olursyqym, olurupan, boltuqta, buluɳdaqy*, *udymadym* (по-видимому, должно произноситься *udumadym*). Палатальные губные: *ülügüm, jüzüɳä, ötükän* (Кононов 1980, 67). Появление в третьем слоге губных при предыдущих негубных*: ebgärü, ilgärü, ikägü;* вклинивание негубного между губными: *körmädük* (там же 66). Из этого можно предположить, что на письме отражались не все черты гармонии, особенно губной.

В четвертом слоге узкие губные в некоторых языках сохраняются: урум. *bujuruɳuz* 'пожалуйста', *pörübümüz* 'наш погреб', а в некоторых огубление ослабляется и даже исчезает, вместо губного появляется негубной: ктат. *doquzunǯi* 'девятый', каз. *toɣuzunšy/ toɣuzynšy.*

Правила орфографии современных кыпчакских языков недостаточно точно отражают подлинную гармонию звуков. В разговорной речи можно наблюдать картину, значительно отличающуюся от письменного языка. Например, в казахской разговорной речи можно наблюдать сочетания слогов, которые не всегда отражаются на письме:

1-й слог	2-й слог	3-й слог	4-й слог	
ül	*ke*	*ni*	*rek*	– пишется
ül	*kö*	*nü*	*rök*	– читается

(Омарбеков, Жүнісов 1985, 25-30)

С дальнейшим развитием кыпчакских языков происходит процесс ослабления и **нарушения** гармонии звуков. Этому способствуют в большинстве случаев определенные явления, которые одновременно служат своеобразным показателем.

а) Сложного слова, состоящего из нескольких слов. Вместе с тем в древнетюркских незаимствованных словах по характеру нарушения гармонии при аффиксации можно прозрачно разделять на составные части производные формы слова, например, формы деепричастия в рунических памятниках: *ešid-ü, opla- ju*, формы падежей: *eb-gärü* и т.д.

б) Заимствованного и еще не полностью освоенного нетюркского слова или аффикса: *altun* (в большинстве современных языков — *altyn* без огубления второго гласного) 'золото' < кит. 'красная медь', *azun* 'мир, вселенная' < иран. (Кононов 1980, 67); заимствованные из персидского языка аффиксы *-paz, -ker.* Хотя иноязычное слово, войдя в состав конкретного кыпчакского языка, приобретает фонетический облик соответственно с одним из сингармонических тембров. Подробно о примерах казахского языка см. Джунисбеков 1991, 70. Как известно, многие тюркские языки "(тюрков Стамбула, казанских татар, узбеков и других) из-за множества заимствований из неродственных языков и тесных контактов с их носителями потеряли сингармонизм, в казахском и киргизском, которые очень мало контактировали с другими народами, закон сингармонизма не претерпел изменений" (Досмұхамедұлы 1991, 82).

В кумыкском, как считают специалисты, большинство нарушений гармонии звуков происходит в заимствованиях (Моллаев 1967). Таким образом, особую подсистему при нарушении сингармонизма могут образовать иноязычные фонемы в заимствованиях, не используемые в словообразовании в данном кыпчакском языке, не проникшие в его исконную лексику и, следовательно, не входящие как равноправные в его собственную фонематическую систему.

в) Письменных традиций: в сохранении или ослаблении гармонии гласных и согласных письменность, используемая для данного языка, играет определенную роль. Здесь также вступает в силу противопоставление: письменный язык — разговорный язык. В языках народов, имевших раннюю и используемую широкой массой письменность, имеется больше нарушений гармонии звуков. Массовое распространение письменности среди кыпчакских языков возникло относительно поздно. Это также содействовало строгому сохранению в них гармонии звуков, в них меньше нарушений сингармонизма. Традиции рунической, арабской, латинской, еврейской, русской

письменностей оказали свое влияние на развитие фонетической системы кыпчакских языков — на ослабление и нарушение первоначальной идеальной гармонии звуков устно-разговорного языка. Письменная форма языка также могла жестко фиксировать определенные нормы произношения разных поколений, разных территорий, разных категорий людей. Если вождь племени или рода имел свое собственное, даже искаженное произношение, подвластные подражали его языку и т.д.

Нередко в трудах по древним и средневековым тюркским языкам, преувеличивая доминирующую роль письменной формы, зафиксированной в их памятниках, над устной речью того времени, делается вывод о непоследовательности в них как губной, так и палатальной гармонии. Однако надо учесть, что письмо, строго подчиненное своим правилам, весьма часто не отражает и не может отражать закономерности устной речи. Это явление наблюдается и в современных языках. Например, каз. письм. форма *қолы* — *qoly* 'его рука', *күші* — *küši* 'его сила', на основе этого в ряде тюркологических исследований делается вывод о том, что в подобных словах губная гармония не соблюдается. Однако здесь губная гармония не соблюдается в письменной речи, но последовательно соблюдается в устной речи, указанные слова соответственно произносятся [qolu], [küšü].

Обозначаемые на письме согласные звуки *q, ɣ* — всегда твердые и по закону сингармонизма сочетаются только с заднерядными гласными, а их антиподы *k, g* — всегда мягкие и сочетаются с переднерядными гласными, и т.д. Эти согласные оказывают соответствующее влияние на слоговую гармонию.

г) Некоторые кыпчакские аффиксы, в основном позднего происхождения, по ряду причин не подчиняются гармонии и этим также способствуют ослаблению сингармонизма. К таким относятся, например, современные казахские исконные аффиксы *-men, -niki,* которые не подчиняются ни палатально-велярной, ни губной гармонии; аффиксы с широкими гласными, которые не подчиняются закону губной гармонии: *-lar, -qa, -ke* и т.д.

Помимо сказанного выше, одно и то же слово может иметь до известной степени различную звуковую структуру в разных "стилях произношения", выходящую за пределы сингармонизма.

В результате воздействия указанных факторов процесс ослабления и нарушения сингармонизма в современных языках развивается дальше. Например, одна фонема *а* дает в устной речи разные варианты: *а, у; е, і; о, ө, ы, ү*, как это наблюдается лишь в одном современном казахском языке (Бизаков 1972).

Нарушение велярно-палатальной гармонии может происходить как исключение в незаимствованных словах, как корневых, так и производных, с словоизменительными аффиксами. Нарушение палатального сингармонизма: башк. *ila-* 'плакать', *siraq* 'голень' — письменные формы канонизируются написанием звукосочетаний *jy, yj* одной буквой, в результате дифтонг переходит в монофтонг, это явление имеется и в казахской, и в других орфографиях, в заимствовании *ɣalim* 'ученый' и т.д.

В современном "идеальном" в отношении гармонии звуков киргизском палатально-велярный сингармонизм нарушается в незначительном количестве слов: в сложных словах или заимствованиях: *adegende, ečak, dale, qaer, qantip, čegara* (Дыйканов 1989, 14).

Нарушение губной гармонии — это и нарушение негубной гармонии в исконных несложных словах: *о–а:* астр. *qojɣa,* кирг., каз. *torala,* кум., ктат. *qojlar* (не *qojlor*) 'овцы'; *о–у* : астр. *toɣyz* 'девять'; *ө–е:* кум. *gözler* (не *gözlör*), каз. *közder* 'глаза'; *о–е:* кирг. *ošentip* 'таким образом'.

В киргизском в ряде двух- и трехсложных слов имеются дублеты неогубленных и огубленных гласных во всех слогах: *abaly–obolu, tabalɣy–tobolɣu, dabys–dobus, davlat–döölöt, čybyq–čubuq*; огубление во втором слоге и его отсутствие в первом: *у-и: aqyn–aqun*; некоторые из них сопровождаются появлением долготы губного гласного: *čylɣow–čulɣoo; qyrow–qyroo* (Дыйканов 14). Употребление губных во втором и третьем слогах при отсутствии их в первом слоге наблюдалось и в древних тюркских языках; письменные формы: во втором слоге — *ančulady,* в третьем слоге — *alqynur* (Кононов 1980, 66).

Губные по сравнению с негубными весьма ограничены в возможностях сочетаться между собой: *и+о, ү+ө,* а также с другими гласными: *а+о, у+и, е+ө, і+ү.*

Кажущаяся дисгармония происходит также с согласными. Это — диссимиляция: ср. каз. *mal+dar* 'скоты' вместо ожидаемого "правильного" в других кыпчакских и тюркских языках *mal+lar*, заимствованное слово *molda* вместо *molla* 'мулла', кар.т. *koŋlar* вместо *kollar* 'руки' и т.д. По-видимому, здесь вступает в силу закон экономии.

После распада пратюркской общности пракыпчакский продолжал сохранять систему гармонии звуков. В средневековых кыпчакских языках (куманские, мамлюкские, печенежские памятники) уже наблюдается нарушение гармонии звуков под влиянием внешних факторов и письменного языка.

При дальнейшем развитии гармонии звуков между кыпчакскими языками под влиянием разных внешних и внутренних факторов произошло больше расхождений в сингармонизме.

Гармония звуков в кыпчакских языках, как и сами языки, развивается, подвергается изменениям. Процесс гармонии звуков трудно поддается периодизации в развитии кыпчакских языков, настолько последние оказались в основных чертах монолитными.

Пракыпчакский до позднекыпчакского состояния в полной мере сохранял "идеальный" закон гармонии звуков, характерный для пратюркской системы.

В среднекыпчакских языках начали формироваться некоторые ареальные особенности по регионам: восточнокыпчакские, северо-восточные, северокыпчакские и западнокыпчакские. Возможно, что на базе сравнительного анализа данных гармонии звуков как средневековых кыпчакских памятников, так и современных кыпчакских и других тюркских языков можно

реконструировать 9 гласных фонем в мамлюкско-кыпчакском, куманском и печенежском языках.

Современные кыпчакские (XVIII–XX вв.) языки, в общем сохраняя основные закономерности гармонии звуков, приобрели больше расхождений между собой. Например, в галицком диалекте караимского языка исчезла гармония звуков по палатальной огубленности, поскольку исчезли переднерядные губные гласные, которые заместились переднерядными негубными (Мусаев 1964). Современные литературные кыпчакские языки и их диалекты мало отличаются друг от друга. Поэтому диалектные особенности кыпчакских языков в отношении гармонии звуков незначительны и не существенны, они оказываются в общем внутренними явлениями для кыпчакских языков. Это характерная черта данной группы, в отличие от других групп тюркских языков.

Кыпчакские языки проявляют консерватизм и внутреннюю монолитность в отношении сингармонизма. Это объясняется тем, что, в течение многих веков территориально находясь в середине тюркоязычного ареала, они имели мало контактов с нетюркскими языковыми группами. Они существовали в основном в устной форме, поэтому имевшееся письмо при массовой неграмотности населения не могло оказать разрушающего влияния на гармонию звуков. Возникшие литературные языки были очень близкими к народно-разговорным, на основе которых они были созданы. Слабое знание и употребление основной массой носителей кыпчакских языков письменных тюркских литературных языков в прошлом также способствовали их консервации. Происходившие постоянные внутрикыпчакские контакты на огромном пространстве смешивали кыпчакские языки. Закон, тысячелетиями запрещающий внутриродовые браки у носителей кыпчакских языков, нивелировал диалекты и говоры.

МОРФОЛОГИЯ

Морфология пракыпчакского языка, как и пратюркского, обладала аглютинативным строем.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Пракыпчакскому языку свойственны грамматические словоизменительные категории имени: числа, принадлежности, сказуемости-лица и склонения.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Имя существительное имеет противопоставленную категорию единственного—множественного числа. Единственное число в пракыпчакском, так же как и в современных кыпчакских языках, не имеет особого показателя, его маркером служит отсутствие аффикса множественного числа, оно представляет собой так называемую нулевую форму имени, это явление характерно для всех кыпчакских языков без исключения, так же как и для тюркских языков вообще.

Семантика множественности многих слов, обычно нулевой формы существительных — наименований видов и родов предметов, выражается и при отсутствии показателя множественного числа: каз. *qoj* ‘овца, овцы’, *kijik* ‘лань, лани’, *žylqy* ‘лошади, лошадь’, *eški* ‘коза, козы’, *adam* ‘человек, люди’, *qatyn* ‘женщина, женщины’, *bala* ‘ребенок, дети’ и т.д.

В современных языках под влиянием нетюркских языков для различения категории числа при имени во многих случаях стали употреблять аффикс множественного числа. Таким образом, для современных языков отсутствие специального показателя множественного числа при реальном выражении множественности характерно в меньшей степени.

Развитие пратюркской формы множественного числа *-tar/-ter* в кыпчакских языках отличается многообразием фонетических вариантов, возникших, с одной стороны, в разных ареалах, с другой — на индивидуальной основе.

В семантике формы множественности различие по языкам незначительно, основное значение — собирательная множественность — одинаково во всех кыпчакских языках.

В качестве основной формы в литературе обычно приводится наиболее распространенный и характерный для всех кыпчакских языков один из фонетических вариантов — *-lar/-ler*, хотя эта форма, надо полагать, не является пракыпчакской и пратюркской, поскольку для пракыпчакского и пратюркского характерен был начальный глухой согласный *-t*.

алаб. *-lar/-lär, -nar/-när*
алт. *-tar/-ter/-tor/-tör, -dar/-der/-dor/-dör, -lar/-ler/-lor/-lör*
астр. *-lar/-ler, -nar/-ner*
бараб. *-tar/-tär, -lar/-lär, -nar/-när*
башк. *-tar/-tär, -δar/-δär, -lar/-lär, -nar/-när, -tor/-tör, -δor/-δör, -lor/-lör,-nor/-nör*
каз. *-tar/-ter, -dar/-der,-lar/-ler*
кар. *-lar/-ler*
ккалп. *-lar/-ler*
кбалк. *-la/-le*
кирг. *-tar/-ter/-tor/-tör, -dar/-der/-dor/-dör, -lar/-ler/-lor/-lör*
ктат. *-lar/-ler*
кум. *-lar/ler*
ног. *-lar/-ler,-nar/-ner*
тат. *-lar/-lär,-nar/-när*
урум. *-lar/-lär,-nar/-när*
юрт. *-lar/-lär*

Двухвариантные *-lar/-ler*-языки: караимский, карачаево-балкарский (с выпадением конечного *-r: -la/-le),* крымскотатарский, кумыкский, юртовских татар. Это языки западнокыпчакской группы, к которым примыкает

каракалпакский. Они проявляют в этом общность с огузской группой тюркских языков.

Четырехвариантные с прибавлением к приведенным двух вариантов с начальным сонорным носовым: *-nar/-ner*: астраханских ногайцев, татарский, урумский.

Шестивариантные:

1) казахский с начальным чередованием *l/d/t;*

2) барабинских татар с начальным чередованием *l/n/t.*

Двенадцативариантные: алтайский и киргизский с начальным чередованием *l/d/t,* умноженные на 4 широкие гласные *a, o, e, ö.*

Шестнадцативариантными — наиболее многочисленными — алломорфами обладает башкирский: *l/n/t/δ,* умноженные на 4 широкие гласные.

Хотя литературно-письменные традиции некоторых языков провозглашают лишь формы *-lar/-ler,* по диалектам и говором возможно многообразие фонетических вариантов.

С начальным глухим *t-* выделяются в отдельную группу: алтайский, барабинских татар, башкирский, казахский, киргизский, узбекский ("кыпчакские" говоры). Начальный глухой согласный характерен из других тюркских языков также для представителей восточного ареала: чулымско-тюркского, тувинского, хакасского, тофаларского, шорского, якутского, сарыг-югурского, уйгурского, лобнорского — что сближает их с восточными кыпчакскими языками. Все эти языки находятся на древней территории, где, по предположениям ученых, формировались древнейшие тюркские диалекты. Это говорит, возможно, о том, что древнейшую форму аффикса множественности тюркских языков следует реконструировать как **-tar/*-ter,* учитывая начальный глухой характер слова, легшего в ее основу. Варианты с начальными звонким и сонорными возникли позже в результате длительного процесса ассимиляции. Широкое распространение в памятниках формы с начальным сонорным *-lar/-ler,* по-видимому, отражает письменные традиции, так же как и в современных письменных языках можно обнаружить немало несоответствий устной и письменной формы слов и аффиксов.

Возможно, в основу аффикса множественного числа легли слова, подобные имеющимся во многих тюркских языках: *tar* 'узкий, тесный' < 'собранный', основа в глаголе *tar+a-* 'распространяться, умножаться, расходиться', *tary* 'просо'; *ter-* 'собирать', *ter* 'пот' — слова с семантикой множества.

Если учесть, что тюркские языки во многих случаях обходятся без формального показателя множественности: *qoj* 'овца, овцы'; *bes qoj* 'пять овец' (в языках, сохранивших древние черты, форма имени не изменяется при сочетании с числительными) и т.д., возникновение аффикса множественности от значимого слова не должно вызывать сомнения.

Многие варианты так называемых реликтовых древних форм множественности в современных и древних тюркских языках являются, по-видимому, развившимися ассимилятивным способом фонетическими вариантами

первоначально единой формы *-tar/-ter* с соответствиями: *-t/-d/-l/-δ/-n/-m/-z/-s/-š/-č/-r* – с разными звуковыми изменениями, в особенности — редукцией начального и конечного согласного как первоначальной формы *-tar/-ter*, так и последующих алломорфов, что дало еще в пратюркских диалектах поздней эпохи множество вариантов, сохранившихся как редкость в современных языках (см. СИГТЯ 1988, 10-22).

Пракыпчакский язык, так же как и пратюркский, в большинстве случаев обходился без особого показателя множественного числа.

В раннем пракыпчакском возможно признать еще не сформировавшееся состояние основного варианта показателя множественного числа с начальным *-l- (-lar/-ler),* который употребляется во всех современных кыпчакских языках.

Среди кыпчакских языков выделяются группы: *-tar/-dar*-языки и *-tor*-языки – алтайский и киргизский – как обладающие наиболее древними формами; *-nar* языки: алабугатских татар, астраханских ногайцев, барабинских татар, башкирский, ногайский, татарский, урумский; *-δar*-язык – башкирский.

Этапы ассимилятивной эволюции аффикса множественности представляется как: *-tar/-ter > -dar/-der > -δar/-δer> -nar/-ner> -lar/-ler/> -lär.*

Вариант *-lär* возник позже других, он свойствен языкам, подвергшимся влияниям письменных традиций, особенно огузским, карлукским и другим языкам, на которые оказали влияние нетюркские литературные языки.

В семантике формы множественности различия незначительны, основное значение одинаково во всех кыпчакских языках.

Другие формы множественности, возможно, были характерны для пракыпчакского языка, но они не получили такого развития, как *-tar/-lar*, сохранились лишь в некоторых формах имени и глагола: *-z* употребляется в формах принадлежности и сказуемости первых двух лиц: *-ymyz, -yŋyz, -myz, -syz*; *-s/-š* – как показатель взаимно-совместного залога.

Одна из древних форм, обозначавших множественность, – аффикс *-tyq/-lyq* превратился в словообразовательный аффикс имен существительных и прилагательных со множеством различных новых значений. Этот аффикс, имеющий в кыпчакских языках фонетические варианты *-tyq/-tik,-dyq/-dik, -nyq/-nik, -lyq/-lik* (плюс столько же губных вариантов) и придающий слову значение собирательной множественности, вполне возможно, восходит к глаголу **tyq-* 'включать, втыкать, совать, прятать' с соединительным значением.

Алабугатский язык отличается от всех других тем, что имеет поздно заимствованный аффикс калмыцкого происхождения *-myt/-mit,* который обычно присоединяется к именам и имеет значение "дом, очаг, семья того-то": *oyylymytna bardym* 'я ходил к сыну (его семье)' (Арсланов 1997, 176).

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Категория принадлежности в пракыпчакском, так же как и в пратюркском, выражалась главным образом синтетическим способом и оформля-

лась соответствующими аффиксами лица, показывающими при названии предмета обладания одновременно грамматическое лицо обладателя. Происхождение аффиксов принадлежности от личных местоимений теперь не вызывает сомнений у тюркологов. Обзор существующих мнений см. СИГТЯ 1988; Щербак 1977.

Аффиксы принадлежности в современных кыпчакских языках отличаются многообразием фонетических вариантов, что свидетельствует о длительном процессе их формирования.

В кыпчакских языках сформированы аффиксы принадлежности единственного и множественного числа.

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
алаб.	*-m, -ym/-im*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ*	*-y/-i/-sy/-si*
алт.	*-m,-ym/-im/-um/-üm*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ/-uŋ/-üŋ*	*-y/-i/-u/-ü, -zy/-zi/-zu/-zü*
астр.	*-m, -ym/-im*	*-ŋ, -yŋ /-iŋ*	*-y/-i/-sy/-si*
бараб.	*-m, -ym/-im*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ*	*-y/-i/-sy-si*
башк.	*-m,-ym/-em/-om/-öm*	*-ŋ, -yŋ/-eŋ/-oŋ/-öŋ*	*-y/-e, -hy/-he/-ho/-hö*
каз.	*-m,-ym/-im/-um/-üm*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ/-uŋ/-üŋ*	*-y/-i/-u/-ü/-sy/-si* вежл. *-yŋyz/-iŋiz, -ŋyz/-ŋiz*
кар.	*-m, -ym/-im/-um/ -ium/-in/-un*	*-j, -yj/-ij/-uj/-üj/ -n/-yn*	*-y/-i/-u/-ü-, -sy/-si/-su/-sü*
ккалп.	*-m,-ym/-im*	*-yŋ/-iŋ*	*-i, -sy/-si*
кбалк.	*-m,-ym/-im/-um/-üm*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ/-uŋ/-üŋ*	*-y/-i, -u/-ü, -sy/-si/-su/-sü*
кирг.	*-m,-ym/-im/-um/-üm*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ/-uŋ/-üŋ* вежл. – *+-z/-yz*	*-y/-i, -u/-ü-, -sy/-si/-su/-sü*
ктат.	*-m,-ym/-im*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ*	*-y/-i, -sy/-si*
кум.	*-m,-ym/-im/-um/-üm*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ/-uŋ/-üŋ*	*-y/-i/-u/-ü, -sy/-si/-su/-sü*
ног.	*-m,-ym/-im*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ*	*-y/-i, -sy/-si*
тат.	*-m,-ym/-em*	*-ŋ, -yŋ/-eŋ*	*-y/-e, -sy/-se*
урум.	*-m,-ym/...*	*-n, -yn/-in, -yŋ/-iŋ*	*-y/-i, -sy/-si*
юрт.	*-m,-ym/-im*	*-ŋ, -yŋ/-iŋ*	*-y/-i, -sy/-si*

Для форм аффиксов принадлежности главное значение имеет потивопоставление основ по конечному звуку основы: гласный/согласный. Согласно этому аффиксы 1-го и 2-го лица начинаются с гласного после основ с конечными согласными, а после гласных основ теряют "вставной" гласный. Аффикс 3-го лица имеет начальный *-s-* после гласного, после согласных основ *-s-* опускается.

В орфографиях многих языков губные варианты не получили узаконения, несмотря на их существование в устной речи: так, в казахском пишется *қолым*, произносится [qolum].

В тракайском диалекте караимского языка аффикс 2-го лица *-ŋ* перешел в *-j*.

Форма принадлежности 2-го лица во множественном числе с показателем *-z* в ряде языков приобрела значение вежливой формы 2-го лица единственного числа.

Аффикс принадлежности присоединяется к именной основе, как это происходило в пратюркском и пракыпчакском, до присоединения аффикса падежа: кар. *kol-um-da* 'в моей руке'.

Множественное число аффиксов принадлежности в современных кыпчакских языках имеет разное оформление по лицам. При одновременном присоединении к основе аффиксов принадлежности и множественного числа последний в основной части кыпчакских языков предшествует посессивному аффиксу, в некоторых языках он вставляется перед аффиксом принадлежности.

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
алт.	*-(y)bys/-(i)bis,-ubus/-übüs*	*-(y,u)gar/-(i, ü)ger*	*-y/-i/-u/-ü, -zy/-zi/-zu/-zü*
астр.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-laryŋ/-leriŋ*	*-lary/-leri*
бараб.	*-(y)bys, -(y)mys*	*-(y)ŋys/-(y)γys, -(y)ŋnar*	афф.мн.ч.+*-y/-i*
башк.	*-(y)byδ/-(e)beδ, -(o)boδ/-(ö)beδ*	*-(y) γyδ/-(e)geδ, -(o)γoδ/-(ö)göδ*	афф.мн.ч.+*-y/-e*
каз.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-(y)ŋyz/-(i)ŋiz*	*-y/-i, -sy/-si* афф.мн.ч.+*-y/-i*
кар.	*-(y)myz/-(i)miz, -(u)muz/-(iu)miuz,*	*-(y)jyz/-(i)jiz, -(u)juz/-(ju)jüz -(y)nyz/-(i)niz,-(iu)niuz*	афф.мн.ч.+*-y/-i*
ккалп.	*-(y)myz/-(i)miz,*	*-(y)ŋyz/-(i)ŋiz,*	*-y/-i, -sy/-si* афф.мн.ч.+*-y/-i*
кбалк.	*-(y)byz/-(i)biz/ -(u)buz/-(ü)büz*	*-(y)γyz/-(i)giz/ -(u)γuz/-(ü)güz*	афф.мн.ч.+*-y/-i*
кирг.	*-(y)byz/-(i)biz/ -(u)buz/-(ü)büz*	*-(y)ŋar/-(i)ŋer/ -(u)ŋar/-(ü)ŋör*	афф.мн.ч.+*-y/-i, -u/-ü*
ктат.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-(y)ŋyz/-(i)ŋiz*	*-y/-i,-sy/-si,* афф.мн.ч.+*-y/-i*
кум.	*-(y)byz/-(i)biz/ -(u)buz/-(ü)büz*	*-(y)γyz/-(i)giz/ -(u)γuz/-(ü)güz*	*-y/-i, -sy/-si*
ног.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-(y)ŋyz/-(i)ŋiz*	афф.мн.ч.+*-y/-i*
тат.	*-(y)byz/-(e)bez*	*-(y)γyz/-(e)gez*	афф.мн.ч.+*-y/-e*
урум.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-(y)nyz/-(y)ŋyz/-(i)ŋiz*	афф.мн.ч.+*-y/-i*
юрт.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-(y)ŋ yz/-(i)ŋiz*	*-lary/-leri*

Многовариантностью отличаются формы 1-го и 2-го лица мн.числа, которые имеют в некоторых языках до 12 вариантов. В некоторых языках в 3-м

лице при коллективной принадлежности, когда один предмет принадлежит множеству лиц, аффикс множественного числа не присоединяется к основе.

Все формы аффиксов принадлежности четко разделяются на те, которые присоединяются к основам с конечным гласным, и те, которые присоединяются к основам с конечным согласным.

В алтайском, барабинском, киргизском аффикс принадлежности предшествует аффиксу множественного числа во 2-м лице. В ряде языков (караимском, юртовском) в аффиксе 2-го лица *-ŋ* перешел в *-n*.

Переход *-ŋ* в аффиксе 2-го лица множественного числа в *-γ, -g* произошел в языках: алтайском, башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском и татарском.

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ-ПРЕДИКАТИВНОСТИ ЛИЦА ПРИ ИМЕНИ

Происхождение приименных аффиксов сказуемости 1-го и 2-го лиц от личных местоимений соответствующих лиц очевидно. Аффиксы сказуемости-лица при именах в кыпчакских языках сохранили первоначальные фонетические варианты, совпадающие с местоимениями 1-го и 2-го лица, что же касается аффикса 3-го лица, то в его основу легли формы глагола *tur*.

Единственное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
алаб.	*-myn/-min*	*-syŋ/-siŋ*	*0*
алт.	*-myn/-min,-byn/-bin,-pyn/-pin, -mun/-mün,-bun/-bün,-pun/-pün*	*-zyn/-zin, -syn/-sin*	*0*
астр.	*-myn/-min*	*-syŋ/-siŋ*	*0*
бараб.	*-myn/-min*	*-syn/-sin*	*-tyr/-ty*
башк.	*-myn/-men, -mon/-mön*	*-hyŋ/-heŋ,-hoŋ/-höŋ*	*0*
каз.	*-myn/-min,-byn/-bin,-pyn/-pin*	*-syŋ/-siŋ,* вежл. *-syz/-siz*	*0*
кар.	*-myn/-min,-men*(г.),*-m*	*-syn/-sin, -sen* (г.) *-sun/-siun,* сокр. *-s*	*-dyr/-dir, -dur/-diur, -tyr/-tir, -tur/-tiur*
ккалп.	*-myn/-min,-byn/-bin, -pyn/-pin*	*-syn/-sin,* вежл. *-syz/-siz*	*0*
кбалк.	*-ma/-me*	*-sa/-se*	*0*
кирг.	*-myn/-myn,-mun/-mün*	*-syŋ/-siŋ/-suŋ/-süŋ; -syz/-siz/-suz/-süz*	*0*
ктат.	*-(y)m/-(i)m*	*-syŋ/-siŋ*	*0*
кум.	*-man/-men*	*-san/-sen*	*-dyr/-dir, -dur/-dür*
ног.	*-man/-men*	*-syŋ/-siŋ*	*0*
тат.	*-myn/-men*	*-syŋ/-seŋ*	*-dyr, -ul*
урум.	*-myn/-min*	*-syn/-sin*	*0*
юрт.	*-man/-men*	*-syn/-sin*	*0*

В большинстве современных языков, как и в пратюркском, 3-е лицо не имеет специального показателя лица, оно выражается нулевой формой имени. В ряде языков в послепракыпчакский период появился аффикс 3-го лица, образованный от глагола *tur-* 'стоять' посредством аффикса *-ur*. Впоследствии этот аффикс полностью или частично подвергся выпадению, а начальный глухой согласный глагола перешел в звонкий *d-*. Аффикс 3-го лица в ряде языков, в особенности у представителей западнокыпчакской группы — караимском и кумыкском, приобрел множество вариантов.

Кумыкский язык сохранил в аффиксах первичную тюркскую форму личных местоимений первых двух лиц. В большинстве языков широкий гласный местоимений 1-го и 2-го лица *-e-* подвергся сужению и стал подчиняться закону нёбной гармонии: *-i-/-y-*. В большинстве кыпчакских языков конечный *-n* в аффиксе 2-го лица перешел в *-ŋ*. В некоторых языках аффиксы первых двух лиц претерпели сильное стяжение — как в глагольной форме аффиксов лица, например, в караимском, крымчакском и крымскотатарском. Начальный согласный аффикса 1-го лица во многих языках подвергается ассимиляции: *-p/-b/-m*. В крымскотатарском языке произошло выпадение начального согласного *m-* аффикса 1-го лица и переход конечного согласного *-n>-m*. В карачаево-балкарском личные местоимения первых двух лиц при переходе в аффикс потеряли конечный согласный *-n*.

Начальный *s-* аффикса 2-го лица сохранился во всех языках, кроме алтайского, в котором он перешел в *z-*, и башкирского, в котором он перешел в *h-*.

Наблюдаются различия в формах аффиксов лиц между ближайшими родственными языками, например, в крымчакском 3-е лицо выражается не нулевой формой, а аффиксом *-dyr*, что отличает его от крымскотатарского и сближает с кумыкским. В ногайском аффикс 1-го лица — как в кумыкском, а 2-го лица — как в крымскотатарском. Подобные явления могут свидетельствовать как о связи языков, так и о параллельном развитии форм.

В западных диалектах караимского языка аффиксы лица-сказуемости при имени стали малоупотребительными и под влиянием окружающих индоевропейских языков развились аналитические конструкции: *karaj bar-men* 'я (есмь) карай', *karaj bar-s* 'ты (еси) карай' и т.д. Отрицательная форма в караимском образуется посредством частицы *tiuwiul/tiwil,* а не *emes,* как в большинстве кыпчакских языков: *ol karaj tiuwiul* 'он не караим', ср. каз. *ol qazaq emes* 'он не казах'.

Множественное число

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
алаб.	*-mys/-mis*	*-syŋyz/-siŋiz, -syz/-siz*	*-lar/-lär*
алт.	*-bys/pis,-ys/-is, -ybys/-ibis*	*-zyŋar/-ziŋer,-syŋar/-siŋer*	*-tar/ter, -lar/-ler, -dar/-der*
астр.	*-myz/-miz*	*-syz/-siz*	*-lar/-ler*
бараб.	*-pys/-bys*	*-syŋys, -sys, -syslar*	*-lar/-ler*
башк.	*-byδ/-beδ,-boδ/-böδ*	*-hyγyδ/-hegeδ, -hoγoδ/-högöδ*	*-tar/-tär,-lar/-lär, -dar/-där, -δar/-δär*

каз.	*-myz/-miz, -byz/-biz, -pyz/-piz*	*-syŋdar/-siŋder, -syzdar/-sizder*	*-tar/-ter, -dar/-der, -lar/-ler*
кар.	*-byz/-biz,-buz/ -büz* (т.к.), *-larbyz/-lärbiz*(т.)/ *-lerbiz* (г.к.)	*-syz/-siz,-suz/ -süz* (т.к.), *-larsyz/-lersiz* (г.) *-lärsiz* (т.)	*dyrlar/*(т.)*-dirlär, -durlar/*(г.)*-dürlär, -tyrlar/*(т.)*-tirlär, -turlar/*(т.)*-türlär,* (г.к.) *-dirler/-tirler*
ккалп.	*-myz/-miz,-byz/ -biz,-pyz/-piz*	*-syŋlar/-siŋler,-syzlar/-sizler*	*-lar/-ler*
кбалк.	*-byz/-biz/-buz/-büz*	*-syz/-siz/-suz/-süz*	*0*
кирг.	*-byz/-biz/-buz/-büz, -pyz/-piz/-puz/-püz*	*-syz(dar)/-siz(der), -suzdar/-süzdör, -syŋar/-siŋer*	*0*
ктат.	*-(y)myz/-(i)miz*	*-syz/-siz,-syŋyz/-siŋiz*	*-lar/-ler -nar/-ner*
кум.	*-byz/-biz/-buz/-büz*	*-syz/-siz/-suz/-süz*	*-dur/-diur/-dir, -dy, -lar/-ler*
ног.	*-myz/-miz*	*-syz/-siz*	*-lar/-ler*
тат.	*-byz/-bez*	*-syz/-sez*	*0, -dyr/-der*
урум.	*-myz/-miz*	*-syz/-siz*	*0, -lar/-lär/-ler*
юрт.	*-myz/-miz*	*-synyz/-siniz, -syz /-siz*	*0, -lar/-lär*

Алтайский язык сохранил первичную тюркскую форму 1-го лица с глухим началом, но с конечным глухим: *-pis,* в казахском она сохранилась с начальным глухим, но с конечным звонким: *-piz*. В кумыкском 1-е лицо сохранило первичную форму с начальным звонким и конечным звонким: *-biz.* В караимском также сохранились изначальные фонетические формы: 1-го лица *p-/b-,* 2-го лица *s-*.

Таким образом, в современных кыпчакских языках сохраняются полные первичные формы аффиксов сказуемости как единственного числа: 1 л. *-pen/-ben/-men;* 2 л. *-sen;* 3 л. *0, -tur;* так и множественного числа: 1 л. *-piz/-pis/ -biz/-bis;* 2 л. *-siz;* 3 л. *-turlar.*

В башкирском, киргизском, караимском, кумыкском губная гармония соблюдается в словах как с гласными заднего ряда, так и переднего ряда.

В башкирском в форме аффикса 2-го лица мн.числа в интервокальной позиции *-ŋ-* перешел в *-ɣ-*.

Нулевая форма в 3-м лице ед.числа — самая древняя аналитическая форма — первична. Она сохранилась в большинстве кыпчакских языков. Аффикс 3-го лица *-tyr/-dyr,* восходящий к глаголу *turur* от *tur-* 'стоять', более поздний, характерен для немногих языков: барабинского, кумыкского, караимского. Эта форма возникла, по-видимому, не без влияния соседних контактирующих огузских языков. Происходит ее дальнейшее изнашивание: > *-dy* с гармонией и ассимиляцией гласных > *-d* в ряде языков.

Нулевая форма в 3-м лице мн.числа также первична, аффикс *-lar* — более поздняя форма. Она еще не формировалась в пракыпчакском языке.

Промежуточный этап составляет употребление параллельно как нулевой формы, так и аффикса множественного числа, что характерно для среднекыпчакского уровня. На позднекыпчакском уровне и в современных кыпчакских языках употребление аффикса множественного числа приобретает все более широкое распространение в разных языках.

Аффиксы сказуемости/лица при именах совпадают с аффиксами лица первой группы, используемыми при глаголах — так называемой "полной" формой (см.ниже). Приглагольные аффиксы лица второй группы, так называемой краткой формы, значительно отличаются как от приименных, так и приглагольных первой группы. Они возникли на базе аффиксов первой группы, но с добавлением других форм, например, *-q* во множественном числе 1-го лица.

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

Показателем основного падежа как в пратюркском, пракыпчакском, так и в современных языках является отсутствие аффиксов других – косвенных – падежей, так называемая нулевая форма имени.

Если в пратюркском исследователи устанавливают от шести до восьми падежей, то в пракыпчакском можно твердо определить наличие шести падежей — трех грамматических: основного, родительного, винительного, и трех пространственных, хотя они также выполняют грамматические функции: направительного, местного и исходного. Другие падежи в разных языках развились в послекыпчакский период.

Аффиксы косвенных падежей реагируют на глухость-неглухость конца основы. Это означает, по-видимому, что первичное слово, легшее в основу аффиксов падежей, имело глухое начало. Таким образом, кыпчакские языки сохранили древнейшее состояние пракыпчакских диалектов (ср. также сохранение вместе с восточными тюркскими языками в кыпчакских языках аффикса множественного числа с глухим началом). Для тюркских аффиксов в их древнейшем состоянии главное значение имело противопоставление глухой/неглухой, а не гласный/согласный конца основы.

Формы пяти косвенных падежей, идущих от пратюркского и унаследованных пракыпчакским, в современных кыпчакских языках имеют следующие алломорфы, которые различаются также по диалектам. Многовариантность характерна и для некоторых некыпчакских тюркских языков, например, в туркменских письменных памятниках зафиксированы 14 вариантов, а в диалектах — 30 вариантов аффикса исходного падежа (Байлыев 1990, 24).

алаб.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ, -ny/-ni;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di;* напр.: *-qa/-kä,/-ɣa/-gä;* местн.: *qa/-kä, -ɣa/-gä;* исх.: *-tan/-tän,-dan/-dän;*

алт.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ, -tuŋ/-tüŋ, -duŋ/-düŋ, -nuŋ/-nüŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni, -tu/-tü, -du/-dü, -nu/-nü;* напр.: *-qa/-ke,-ɣa/-ge, -qo/-kö, -ɣo/-gö;* местн.: *-ta/-te,-da/-de, -to/-tö,-do/-dö*; исх.: *-taŋ/-deŋ, -daŋ/-deŋ, -toŋ/-töŋ, -doŋ/-döŋ;*

астр.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de, - na/-ne*; исх.: *-tan/-ten, -dan/den, -nan/-nen;*

бараб.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de, - na/-ne*; исх.: *-tan/-ten, -dan/den, -nan/-nen;*

башк.: род.: *-tyŋ/-teŋ, -dyŋ/-deŋ, -tuŋ/-tüŋ,-duŋ/-düŋ, -δyŋ/-δoŋ, -δeŋ/-δöŋ, -nyŋ/-neŋ, -noŋ/-nöŋ;* вин.: *-ty/-te, -dy/-de, -tu/-tü, -du/-dü, -δy/-δo, -δe/-δö, -ny/-ne, -no/-nö;* напр.: *-qa/-ya, -kä/-gä;* местн.: *-ta/-da, -tä/-dä, -δa/-δä, -la/-lä;* исх.: *-tan/-tän, -dan/-dän, -nan/-nän, -δan/-δän;*

каз.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de, - na/-ne*; исх.: *-tan/-ten, -dan/den, -nan/-nen;*

кар.: род.: *-nyn/-nin, -nyŋ/-niŋ, -nuŋ/-nüŋ;* вин.: *-ny/-ni, -nu/-nü;* напр.: *-qa/-ka/-xa, -ya/-ga/-ge/-gä;* местн.: *-ta/-te, -da/-de;* ; исх.: *-tan/-ten, -dan/den;*

ккалп.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de*; исх.: *-tan/-ten, -dan/-den, -nan/-nen;*

кбалк.: род.: *-ny/-ni, -nu/-nü;* вин.: *-ny/-ni, -nu/-nü;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-da/-de*; исх.: *-dan/den;*

кирг.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ, -tuŋ/-tüŋ, -duŋ/-düŋ, -nuŋ/-nüŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni, -tu/-tü, -du/-dü, -nu/-nü;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge, -qo/-kö, -yo/-gö;* местн.: *-ta/-te, -da/-de, -to/-tö, -do/-dö;* исх.: *-tan/-ten, -dan/den, -ton/-tön, -don/-dön;*

ктат.: род.: *-nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de;* исх.: *-tan/-ten, -dan/den;*

кум.: род.: *-nyŋ/-niŋ, -nuŋ/-nüŋ;* вин.: *-ny/-ni, -nu/-nü;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-da/-de;* исх.: *-dan/den;*

ног.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de;* исх.: *-tan/-ten, -dan/-den -nan/-nen;*

тат.: род.: *-nyŋ/-neŋ;*: вин.: *-ny/-ne;* напр.: *-qa/-gä, -ya/-gä;* местн.: *-ta/-tä, -da/ -dä;* исх.: *-tan/ -tän, -dan/-dän, -nan/-nän;*

урум.: род.: *-nyŋ/-niŋ, -nuŋ/-nüŋ;* вин.: *-ny/-ni, -nu/-nü;* напр.: *-qa/-ke/-kä, -ya/-ge/-gä, -a/-e/-ä;* местн.: *-ta/-te/-tä, -da/-de/-dä;* исх.: *-tan/-ten, -dan/ -den, -tän/-dän;*

юрт.: род.: *-tyŋ/-tiŋ, -dyŋ/-diŋ, -nyŋ/-niŋ;* вин.: *-ty/-ti, -dy/-di, -ny/-ni;* напр.: *-qa/-ke, -ya/-ge;* местн.: *-ta/-te, -da/-de;* исх.: *-tan/-ten, -dan/den, -nan/-nen.*

Во многих языках в притяжательном склонении имеются отличия от простого — непритяжательного склонения, особо велики отличия в формах направительного и местного падежей с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица. В каз., ккалп., кар., кум., ног. аффиксы 1-го и 2-го лица в направительном падеже имеют формы *-a/-e,* 3-го лица — *-na/-ne*, местного падежа — *-nda/-nde.* В башкирском и татарском соответственно направительный падеж — *-a/-ä, -na/ -nä,* местн. *-nda/-ndä.* В алтайском притяжательное склонение — как в указанной группе языков, исключение — наличие губных вариантов.

Вариант с начальным *t-* родительного и винительного падежей исчез в западнокыпчакских языках: караимском, карачаево-балкарском, крымско-татарском, кумыкском, крымчакском, урумском, а также в татарском. Это,

возможно, огузская черта или результат самостоятельного ассимилятивного развития в этих языках. Глухие согласные в этих языках сохраняются в начале аффиксов пространственных падежей, за некоторыми исключениями.

В киргизском и алтайском губная развитая гармония дает дополнительно к другим языкам аффиксы с губными гласными.

Алтайский отличается от всех кыпчакских языков тем, что в нем конечный согласный аффикса исходного падежа *-n* перешел в *-ŋ.*

Отличие алабугатского языка ярко выражено в совпадении форм аффиксов направительного и местного падежей: *-qa*, другие падежные аффиксы — как в других кыпчакских языках.

Особенностью карачаево-балкарского и кумыкского языков является 1) отсутствие глухих вариантов в аффиксах местного и исходного падежей; 2) употребление после конечного глухого основы с переднерядными гласными варианта со звонким согласным аффикса направительного падежа *-ge* вместо ожидаемого *-ke: terek-ge* ‘к дереву’, тогда как в основах с заднерядными гласными употребляется вариант с глухим гласным *-qa: atqa* ‘к лошади’ (см. Хабичев 1977, 51). Помимо этого в карачаево-балкарском в форме родительного падежа выпал конечный *-ŋ*, что дало форму, аналогичную форме винительного падежа. Вместе с тем следует напомнить, что современные орфографические правила иногда скрывают различия в произношении.

В юртовском простое склонение сходно с таковым в ногайском, а притяжательное склонение — как в казахском и других языках.

В склонении личных местоимений некоторые падежи имеют различия по языкам. Например, в форме направительного падежа личного местоимения 1-го лица в ряде языков происходит метатеза *-nge/-nya>-yan: manya > maγan,* а также перестройка нёбной гармонии: каз. с заднерядными гласными *maγan* вместо ожидаемого “законного” с переднерядными *men-ge.*

Формы аффиксов падежей с гласным *-ä* взамен пракыпчакского *-e* являются сравнительно поздними, возникшими у каждого языка самостоятельно.

Судя по данным современных кыпчакских языков, можно предположить, что в пракыпчакском, так же как и пратюркском, все падежные аффиксы имели глухое начало: **-tyŋ, *-ty, *-qa, *-ta, *-tan;* в результате длительного процесса ассимиляции по разным параметрам падежные аффиксы приобрели современные многочисленные варианты.

Сочетание двух падежных аффиксов в некоторых говорах башкирского и татарского языков — новое явление, обычно форма родительного падежа личных и указательных местоимений сочетается с формами пространственных падежей. В подобных случаях форма родительного падежа слова воспринимается как притяжательное местоимение (см. СИГТЯ 1988, 135).

В семантическом плане наблюдается сходство падежей по разным кыпчакским языкам. Однако имеются и некоторые различия: например, в урумском языке форма направительного падежа наряду с направлением также обозначает место действия.

Выделяемые некоторыми специалистами творительный падеж *-nan/-nän/-nen* (ЯМ ТЯ 453) и инструментальный падеж возникли в языках индивидуально, но из единого источника — послелога.

Инструментальный падеж развился в некоторых кыпчакских языках после распада пракыпчакского языка: каз. *-men/-ben/-pen*, кар. *-ba/-bja/-be*, ктат. *-nen* от послелога, восходящего к глагольной форме *birlen* (Мусаев 1964, 158-59).

В казахском седьмой падеж — инструментальный имеет несингармонические варианты — только с переднерядным гласным *-e-: -men/-ben/-pen*, что говорит, по-видимому, о незавершенности процесса перехода послелога в падежный аффикс, так же как и в соединительный союз.

Помимо приведенных 6 основных падежей татарские лингвисты выделяют в татарском также уподобительный на *-daj*, местно-временной II на *-dayy*, лишительный на *-syz*, обладательный на *-ly* (см. ЯМ ТЯ). Подобные падежи при желании можно было бы выделять для всех кыпчакских языков, поскольку эти формы имеются у всех.

М.А.Хабичев отмечал в карачаево-балкарском языке реликты древней формы продольного падежа с аффиксом *-tyn/-tin/-tun/-tün* с глухим начальным согласным, который впоследствии выпал, аффикс приобрел форму *-yn/-in/-un/-ün*, превратившись в адвербиальный показатель: *ǯoltun* 'по дороге', *terektin* 'по дереву' — в современном языке подобные слова рассматриваются как наречие (Хабичев 1977, 52-53).

Аффикс древнего направительного падежа *-qary* сохранился в ряде наречий кыпчакских языков: кар. *art-xary* 'назад'; кар., кбалк. *ič-keri*, каз. *iš-keri* 'внутрь', каз. *endi-gäri* 'в дальнейшем' и т.д.

Так называемый аффикс сравнительно-ограничительного падежа *-ča* в современных языках представляет собой словообразующий аффикс наречий.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное является относительно новой частью речи по сравнению с существительным. Его развитие связано с развитием абстрагирующей и анализирующей мыслительной деятельности человека, выделением вещей из класса себе подобных по определенным параметрам их качеств и свойств. В современных кыпчакских языках прилагательное выделяется как отдельная часть речи своими содержательными, морфологическими и функциональными свойствами.

Имя прилагательное сформировалось как за счет имени существительного, так и путем образования новых слов от имен и глаголов посредством специальных аффиксов, которые первоначально также были имяобразующими. В современных кыпчакских языках продолжают существовать аффиксы, которые образуют как имена существительные, так и прилагательные, например *-daj, -syz, -ly, -lyq, -qy, -ša, -šy* (Шаяхметов 1973, 1973).

Непроизводных, или первичных, прилагательных в пракыпчакском и в

современных кыпчакских языках, так же как и вообще в тюркских языках, немного. Многие из первичных прилагательных восходят к именам существительным: *kök* 'синий, небо', *aq* 'белый, молоко', *ker* 'гнедой', *sur* 'серый', *tez* 'быстрый', *boz* 'серый', *tory* 'коричневый' *qur* 'сухой', *bos/boš* 'пустой' и т.д., первичность многих из них еще предстоит доказать, например, *kök* первоначально обозначало 'небо', *aq* — 'молоко' и т.д. Обычно рассматриваемые как первичные основы: *ulu, kiči, jaman, jaqšy, jašyl, aččy, qyzyl* и т.д., несомненно, этимологизируются как производные.

Позже у имен прилагательных появились свои грамматические словообразовательные и словоизменительные категории.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ

Степень сравнения прилагательных, которую еще называют по-разному в тюркологии: "интенсив, уменьшительная форма, форма ослабления качества" и т.д., выражает главным образом усиление или ослабление качества предмета по сравнению с другим предметом. Основная ее форма образуется двухвариантным пракыпчакским аффиксом ***-raq**, восходящим к пратюркскому. Некоторые языки (алт., астр., ктат., крмч.) потеряли форму *-raq* как синтетическую, она может употребляться в аналитических конструкциях.

алаб. *-tyraq/-tiräk, -dyraq/- diräk: terendiräk* 'глубже'; *-law/ läw, -naw/-näw;*
алт. усилит.степ.: *jaan-jaan* 'большой-пребольшой', *qyp-qyzyl* 'красный-красный';
астр. *-law/-lew, -naw/-new;*
бар. *-raq/-räk;*
башк. *-raq/-räk;* интенсив: *qyp-qyδyl;*
каз. *-(y)raq/-(i)rek; -ɣylt(ym); -law;* интенсив: *qyp-qyzyl;*
кар.т. *-rax/-rjak,* г.*-rak/-rek,* к. *-raq/-rek;*
ккалп. *-(y)raq/-(i)rek*: *alaraq* 'более пестрый';
кбалк. *-(y)raq/-(i)rek/-(u)raq/-(ü)rek;*
кирг. *-(y)raaq/-(i)reek/-(u)raaq/-(ü)reek; -ɣylt(ym), -yš: qyz-ɣyltym, aɣyš* 'беловатый';
ктат. *-ǯa/-ǯe; -ča/-če; -ǯaraq/-ǯerek;, -ltym; -law;*
кум. *-raq/-rek;*
ног. *-(y)raq/-(i)rek;*
тат. *-raq/-räk: jašel-räk* 'зеленоватый';
урум. *-ča/-če;*
юрт. *-raq/-räk.*

Аффикс *-raq* обычно присоединяется к качественным непроизводным прилагательным, однако в некоторых языках он может присоединяться и к относительным прилагательным, которые находятся на стадии перехода в качественные: кбалк. *qarusuz-uraq* 'слабее'.

Отсутствие "вставного" гласного после основ на конечный согласный в некоторых языках, например, в караимском, кумыкском, татарском и др.,

появление долготы в киргизском при сохранении "вставного" гласного — результат позднего самостоятельного развития языка.

В киргизском и карачаево-балкарском существуют варианты с губными гласными.

В большинстве кыпчакских языков употребительна форма на *-raq*, в некоторых языках ее стали заменять другими формами: *-ča, -law, -yš, -ɣyltym;* в отдельных языках наблюдается параллельное употребление *-raq* и других форм. Происходит увеличение количества форм, выражающих как усиление, так и ослабление качества предмета, причем большинство из них носит индивидуальный характер.

В алабугатском имеется "вставной" согласный *t-/d-* в начале аффикса, возможно, это более древняя форма. Для киргизского языка характерно удлинение гласного между согласными.

В крымскотатарском более распространен аналитизм с сочетанием прилагательного с усилительными частицами: *pek..., tim... -raq.*

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Пракыпчакский язык унаследовал от пратюркского десятеричную систему счета, сохранившуюся и в современных кыпчакских языках.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные в пракыпчакском аналогичны с пратюркскими. В современных кыпчакских языках они отличаются от пракыпчакского фонетическими вариантами.

Названия единиц первого десятка во всех современных кыпчакских языках сохранились в таком виде, какими они были в пракыпчакском и пратюркском.

НАЗВАНИЯ ЕДИНИЦ И ДЕСЯТКА

алаб.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üč*, 4 — *dört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *ǯetti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣyz*, 10 — *on*;
алт.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üč*, 4 — *tört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *jeti*, 8 — *segis*, 9 — *toɣus*, 10 — *on*;
астр.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *öš*, 4 — *dört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 – *četi/ǯeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣyz*, 10 — *on*;
бараб.: 1 — *pir/bir*, 2 — *äki/eki*, 3 — *üč/öč*, 4 — *tört*, 5 — *päš/peš/beš*, 6 — *alty*, 7 — *jädi/jedi*, 8 — *sägis/segis*, 9 — *toɣys/toɣyz*, 10 — *on/un*;
башк.: 1 — *ber*, 2 — *ike*, 3 — *ös*, 4 — *dürt*, 5 — *biš*, 6 — *alty*, 7 — *jete*, 8 — *higeδ*, 9 — *tuɣyδ*, 10 — *un*;
каз.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üš*, 4 — *tört*, 5 — *bes*, 6 — *alty*, 7 — *žeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣuz*, 10 — *on*;
кар.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üč/ic*, 4 — *dört*, 5 — *bes/beš*, 6 — *alty*, 7 – *jeti*, 8 – *segiz*, 9 — *toɣuz*, 10 — *on*;
ккалп.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üš*, 4 — *tört*, 5 — *bes*, 6 — *alty*, 7 — *žeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣuz*, 10 — *on*;
кбалк.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üč*, 4 — *tört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *ǯeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣuz*, 10 — *on*;
кирг.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üč*, 4 — *tört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *ǯeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣuz*, 10 — *on*;
ктат.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üč*, 4 — *tört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *jeti*, 8 — *sekiz*, 9 — *doquz*, 10 — *on*;
кум.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üš*, 4 — *tört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *jetti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣuz*, 10 — *on*;
ног.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *üš*, 4 — *dört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *jeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣyz*, 10 — *on*;
тат.: 1 — *ber*, 2 — *ike*, 3 — *öč*, 4 — *dürt*, 5 — *biš*, 6 — *alty*, 7 — *ǯide* 8 — *sigez*, 9 — *tuɣyz*, 10 — *un*;
урум.: 1 — *bir*, 2 — *eky*, 3 — *üč*, 4 — *tört*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *jeti*, 8 — *sekiz*, 9 — *doquz*, 10 — *on*;
юрт.: 1 — *bir*, 2 — *eki*, 3 — *öš*, 4 — *dürt*, 5 — *beš*, 6 — *alty*, 7 — *jeti*, 8 — *segiz*, 9 — *toɣyz*, 10 — *un*.

Пракыпчакские и пратюркские числительные сохранились в современных языках, различия относятся к фонетическим явлениям.

Общим пракыпчакским звуком для всех современных кыпчакских языков в названии "один" остается лишь конечный *-r*, в названии "два" — средний согласный *-k-*, в названии "четыре" — конечное сочетание *-rt*. Название шестерки *alty* сохраняет все четыре звука в первозданном виде. Остальные (три, пять, семь, восемь, девять, десять) по фонетическим признакам имеют много расхождений по разным языкам. По фонетическому облику каждого из названий единиц можно провести своеобразную классификацию кыпчакских языков. Например, по названию "три" группируются *üč*-языки (их 6), *üš*-языки (5), *öš* (2), а остальные – одинокие: *üc/öč, ös, üč/ic, öč*-языки.

К сказанному еще следует добавить, что письменные и устные формы числительных в современных языках имеют различия, например, по правилам казахской орфографии пишут *toɣyz*, а произносят [toɣuz] и т.д.

ЦЕЛЫЕ ДЕСЯТКИ, СОТНЯ, ТЫСЯЧА

алаб.: 20 — *žyjrma*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elü*, 60 — *altmyš*, 70 — *žetmiš*, 80 — *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 -*žüz*, 1000 — *myŋ*;
алт.: 20 — *jirme*, 30 — *odus*, 40 — *törtön*, 50 — *bežen*, 60 — *altan*, 70 — *jeten*, 80 — *segizen*, 90 — *toguzon*, 100 — *jüs*, 1000 — *muŋ*;
астр.: 20 — *cyjrma*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elü*, 60 — *alpys*, 70 — *četpis*, 80 — *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 — *čöz*, 1000 — *myŋ*;
бараб.: 20 — *jigirmä*, 30 — *otys*, 40 — *qyryq*, 50 — *äli*, 60 — *altmyš*, 70 — *jätmiš*, 80 — *säksän*, 90 — *toqsan*, 100 — *jüs/jös/jöz*, 1000 — *myŋ*;
башк.: 20 — *jegerme*, 30 — *utyδ*, 40 — *qyrq*, 50 — *ille*, 60 — *altmyš*, 70 — *jetmeš*, 80 — *hikhän*, 90 — *tuqhan*, 100 — *jöδ*, 1000 — *meŋ*;

каз.: 20 — *žyjyrma*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *eluw*, 60 — *alpys*, 70 — *žetpis*, 80 — *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 — *žüz*, 1000 — *myŋ*;
кар.: 20 — *igirmi*, 30 — *otuz*, 40 — *kyrk/kyrx*, 50 — *elli/eŋli*, 60 — *altymys/altymyš*, 70 — *jetmis/jetmiš*, 80 — *seksen/seksjan*, 90 — *toksan/toxsan*, 100 — *jüz/iz*, 1000 — *myŋ/min*;
ккалп.: 20 — *žyjyrma*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elli*, 60 — *alpys*, 70 — *žetpis*, 80 — *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 — *žüz*, 1000 — *myŋ*;
кбалк.: 20 — *eki on*, 30 – *üč on*, 40 — *tört on* и т.д., также: 60 — *altmyš*, 70 — *žetmiš*, 80 — *seksän*, 90 — *toxsan*, 100 — *žüz*, 1000 — *miŋ*,
особый счет: *bir žyjyrma* (20), *eki žyjyrma* (40), *üč žyjyrma* (60), *on žyjyrma* (200);
кирг.: 20 — *žyjyrma*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elüü*, 60 — *altymyš*, 70 — *žetimiš*, 80 — *seksen*, 90 — *toqson*, 100 — *žüz*, 1000 — *miŋ*;
ктат.: 20 — *jigirmi*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elli*, 60 — *altmyš*, 70 — *jetmiš*, 80 — *seksen*, 90 — *doqsan*, 100 — *jüz*, 1000 — *biŋ*;
кум.: 20 — *jigirma*, 30 — *otuz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elli*, 60 – *altmyš*, 70 — *jetmiš*, 80 — *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 — *jüz*, 1000 — *miŋ*;
ног.: 20 – *jyrma*, 30 – *otyz*, 40 — *qyrq*, 50 — *elli*, 60 — *alpys*, 70 — *jetpis*, 80 – *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 — *jüz*, 1000 — *myŋ*;
тат.: 20 — *egerme*, 30 — *utyz*, 40 — *qyryq*, 50 — *ille*, 60 — *altmyš*, 70 — *žitmeš*, 80 — *siksän*, 90 — *tuqsan*, 100 — *jöz*, 1000 — *meŋ*;
юрт.: 20 — *jegerme*, 30 — *utyz*, 40 — *qyryq*, 50 — *elli*, 60 — *alpys/alpyš*, 70 — *jetpis*, 80 — *seksen*, 90 — *toqsan*, 100 — *jüz*, 1000 — *myŋ*.

Tümen ‘десять тысяч’, характерное для пратюркского и пракыпчакского (считается согдийским заимствованием), широко употребительное в древнетюркских памятниках, в современных кыпчакских языках не употребляется, в них принята европейская система исчисления.

Заметно в наименованиях числительных большое фонетическое разнообразие по языкам. Единственное название числа, которое имеет одинаковый фонетический облик во всех современных кыпчакских языках, это — *alty* ‘шесть’, остальные имеют различные фонетические варианты, что можно рассматривать как результат самостоятельного развития на базе фонетических закономерностей каждого из языков. Каждое звуковое отличие названия числа показывает различие между современными кыпчакскими языками.

В кыпчакских языках наблюдаются две системы для выражения целых десятков. По одной системе десятки выражаются сочетанием слова *on* ‘десять’ с названиями единиц: *eki on* ‘двадцать’, *üč on* ‘тридцать’ и т.д. — так до девяноста включительно. По другой системе, наиболее распространенной, до пятидесяти включительно употребляются “непроизводные слова”: *jigirmi, otuz* и т.д., затем начиная с шестидесяти употребляются сочетания названий единиц с элементом *-myš*. Смешение двух систем в некоторых языках происходит начиная с шестидесяти: *alty on* — *altymyš*.

В карачаево-балкарском наряду с двумя системами наименования десятков: с одной стороны — *bir on, eki on, üč on, tört on* и т.д., с другой —

altmyš, žetmiš, seksän, toxsan — появилась особая двадцатиричная система счета: *bir žyjyrma* (20), *eki žyjyrma* (40), *üč žyjyrma, on žyjyrma* (200). В кумыкском языке, по свидетельству Н.К.Дмитриева, «до сих пор распространен двадцатиричный счет, употребляемый в общении с чеченцами и другими соседними народами. Употребляются только целые двадцатки, за исключением одной, например, *üč jigirma bola* ‘ему 60 (букв.: ‘три двадцатки’) лет’» Дмитриев 1962, 333).

Другие разряды числительных образуются от количественных числительных посредством различных аффиксов и аналитических форм. Среди них общей для всех кыпчакских языков является форма порядковых числительных, другие разряды числительных в современных кыпчакских языках не имеют единой формы, что свидетельствует о том, что они образовались после распада пракыпчакской общности.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В образовании порядковых числительных сохраняется единый пракыпчакский аффикс **-(y)nčy/-(i)nči* с соответствующими каждому языку вариантами: чоканье, шоканье, соканье, цоканье; губные варианты развиты не во всех языках (губные варианты на письме не всегда отражаются). Так называемый вставной гласный (приведен в скобках) появляется после согласных основ.

алаб. *-(y)nčy/-(i)nči;*
алт. *-(y)nčy/-(i)nči, -(u)nču/-(ü)nčü;*
астр. *-(y)nšy/-(i)nši;*
бараб. *-(y)ncy/-(i)nci;*
башк. *-(y)nsy/-(e)nse/-(o)nso/-(ö)nsö;*
каз. *-(y)nšy/-(i)nši;*
кар.т.к. *-(y)nčy/-(i)nči/-(u)nču/-(ü)nčü*; г.*-(y)ncy/-(i)nci-/(u)ncu;*
ккалп. *-(y)nšy/-(i)nši;*
кбалк. *-(y)nčy/-(i)nči, /-(u)nču/-(ü)nčü;*
кирг. *-(y)nčy/-(i)nči /-(u)nču/-(ü)nčü;*
ктат. *-(y)nžy/-(i)nži/-(u)nžu/-(ü)nžü;*
кум. *-(y)nčy/-(i)nči/-(u)nču/-(ü)nčü;*
ног. *-(y)nšy/-(i)nši;*
тат. *-(y)nčy/-(e)nče;*
урум. *-(y)nžy/-(i)nži/-(u)nžu/-(ü)nžü;*
юрт. *-(y)nčy/-(i)nči.*

Языками, сохранившими форму с *-č-* (видимо, пракыпчакскую), являются современные кыпчакские языки: алтайский, караимский (тракайский и крымский диалекты), карачаево-балкарский, киргизский, кумыкский, татарский и юртовский. Другие кыпчакские языки подвергли фонетическим изменениям первичный *-č-*. На втором месте по количеству стоят восточно-кыпчакские *š*-языки: астраханских ногайцев, казахский, каракалпакский и

ногайский. Цокающими являются барабинский на востоке и галицкий диалект караимского языка на западе кыпчакского ареала. Джокающими выступают крымскотатарский и урумский.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Пракыпчакским аффиксом, образующим разделительные числительные, был, по-видимому, **-(š)ar/-(š)er,* который сохранился не во всех языках. Конкурирующей формой, которая развилась в ряде языков позже, оказался аффикс исходного падежа, а в некоторых языках в этой функции выступает форма (формально — деепричастие от глагольной основы на *-la*, образованной от числительного) на *-lap.*

алаб. *-(š)ar/- (š)är;*
алт. *-taŋ/teŋ, -daŋ/-deŋ, -naŋ/-neŋ;*
астр. *-sar/-ser, -ar/-är; -lap/-lep; -arlap/-erlep;*
бараб. *-ar/-ar* (редко), чаще — *-dan/-dän;*
башк. *-(š)ar/- (š)är;*
каз. *-tan/-ten, -dan/-den, -nan/-nen; -tap/-tep,-dap/-dep, -lap/-lep;*
кар.т. *-(š)ar/-(š)jar*, г.*-sar/-ser*, к. *-(š)ar/-(š)er;*
ккалп. *-tan/-ten, -dan/-den, -nan/-nen;*
кбалк. *-(š)ar/-(š)er;*
кирг. *-tan/-ten, -dan/-den; -tap/-tep,-dap/-dep, -lap/-lep;*
ктат. *-(š)ar/-(š)er;*
кум. *-(š)ar/-(š)er;*
ног. *-sar/-ser, -ar/-är; -lap/-lep;*
тат. *-(šar/-(š)är;*
урум. *-(š)ar/-(š)er;*
юрт. *-(š)ar/-(š)er; -lap /-lep.*

В большинстве кыпчакских языков сохранилась пракыпчакская форма *-(š)ar/-(š)er,* которая подверглась в некоторых языках фонетическим изменениям: переходу *š>s* или его выпадению, это — западнокыпчакские и северокыпчакские языки. В восточнокыпчакских языках для образования формы разделительных числительных стала активно использоваться форма исходного падежа существительных *-dan,* а также форма на *-tap/-lap.*

Разнообразие в кыпчакских языках наблюдается также в образовании и развитии других разрядов числительных.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные в ряде языков образуются с помощью аффикса *-aw/-ew,* в некоторых языках он осложняется аффиксами глаголообразования и деепричастия, создавая новый аффикс:

алт. *-u/-ü; -(y)la/-(i)le; -tap/-tep, -dap/-dep, -lap/-lep;*
астр. *-(a)w/-(e)w;*
башк. *-äwδäp/-äwδäšep;*

каз. *-(a)w/-(e)w, -tap/-tep; -tasyp/-tesip; -awlasyp/-ewlesip;*
кирг. *-oo/-öö;*
тат. *-(a)w/-(ä)w, -äwläp/-äwläšep;*
алаб. *-aw/-äw* (с приблизит. знач.);
ктат. *-lašyp/-lešip, -lap/-lep.*

Значение и функции формы на *-aw* различаются по языкам. Например, в казахском языке числительные при помощи данного аффикса образуются только от единицы до семи включительно, тогда как аффикс *-tap/-tep, -dap/-dep, -lap/-lep* может образовывать собирательные числительные без ограничения.

Один аффикс может образовывать разные разряды числительных в разных языках, например, афф. *-aw/-äw* в языке алабугатских татар образует приблизительное числительное, в разных языках приблизительные и собирательные имеют один аффикс *-tap.*

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Пракыпчакская модель дробных числительных: знаменатель выражается числительным в исходном падеже, числитель — числительным в основном падеже: каз., ккалп. *onnan eki* ‘две десятых’. Она сохранилась в большинстве языков. В некоторых языках в этой модели произошло изменение падежной формы — знаменатель вместо исходного употребляется в местном падеже, например: ктат. *onda eki.*

МЕСТОИМЕНИЕ

Местоимение относится к относительно древним частям речи.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В пракыпчакском языке личные и указательные местоимения были унаследованы от пратюркского и уже сформированы, со временем в разных языках они приобрели различные фонетические варианты в соответствии с закономерностями развития языков. В современных кыпчакских языках они установились в следующих формах.

	Ед.число	*Мн.число*
алаб.	*men, sen, o/ol*	*bizlär, sizlär, olar* — вторичн.мн.ч.
алт.	*men, sen, ol*	*bis/bister, sler/slerler, olor*
астр.	*men, sen, ol*	*biz, siz, olar*
бараб.	*män/men, sen/sin, ol/ul*	*pis/bis/biz, sis/silär, alar*
башк.	*min, hin, ul*	*beδ, heδ, ular*
каз.	*men, sen, ol*	*biz, siz, olar*
кар.	*men, sen, ol*	*biz, siz, alar*
ккалп.	*men, sen, ol*	*biz, siz, olar*
кбалк.	*men, sen, ol*	*biz, siz, ala*
кирг.	*men, sen, al*	*biz, siz(der)/siler, alar*

ктат.	*men, sen, o*	*biz, siz, olar*
кум.	*men, sen, o(l)*	*biz, siz, olar*
ног.	*men, sen, ol*	*biz, siz, olar*
тат.	*min, sin, ul*	*bez, sez, alar*
урум.	*män/men, bän/ben; sen, o*	*biz, siz, olar/onlar*

Личное местоимение 1-го лица ед. числа характеризуется единым для всех кыпчакских языков начальным *m-*, исключение представляет урумский, в котором под влиянием огузских языков появилось наряду с начальным *m-* параллельное употребление с *b-*. Второй звук — гласный в местоимениях 1-го и 2-го лица — в большинстве языков *-e-*. От основной массы кыпчакских языков отделились северные (поволжские) языки: башкирский и татарский, в которых широкий *-e-* перешел в узкий *-i-*. От большинства кыпчакских языков отличаются также урумский и барабинский, в которых наряду с средним *-e-* появился параллельно *-ä-*. Отличительной чертой развития башкирского от всех других кыпчакских является то, что в местоимении 2-го лица начальный *s-* перешел в *h-*.

Личное местоимение 3-го лица в большинстве языков имеет начальный широкий гласный *o-*. Исключение составляют северные кыпчакские языки, в которых он сузился, превратившись в *u-*. Подобное же явление происходит параллельно с употреблением *o-* в барабинском под влиянием татарского литературного языка. В киргизском языке начальный губной *o-* перешел в негубной *a-*.

По форме личного местоимения 1-го лица множественного числа особо стоит лишь барабинский, в котором наряду с начальным звонким употребляется и вариант с начальным глухим. В форме 2-го лица свою особенность проявляет башкирский язык с интердентальным *-δ* вместо *-z*. В форме этого местоимения в башкирском и татарском происходит некоторое расширение гласного *i>e*.

В ряде языков местоимения 1-го и 2-го лица во множественном числе приобрели вторичную форму множественности — к ним прибавляется общий аффикс множественного числа *-ler*: *biz+ler, siz+ler*. Развитие формы множественного числа местоимения 2-го лица пошло еще дальше в алтайском, где к форме с аффиксом множественного числа *-ler* прибавляется еще один аффикс множественного числа, таким образом это местоимение приобретает третью форму множественности: *sler+ler*.

Во всех кыпчакских языках форма множественного числа личного местоимения 3-го лица образуется присоединением общего аффикса множественного числа *-lar*. В алтайском и киргизском, в отличие от всех других языков, форма множественного числа личного местоимения 3-го лица подвергается губной ассимиляции.

При присоединении аффикса *-lar* происходит ряд фонетических изменений. В большинстве языков это выпадение конечного *-l* основы. В урумском

отмечен переход конечного *-l* в *-n*. В карачаево-балкарском наблюдается выпадение конечного *-r* аффикса множественного числа.

В средневековом тюрки представлены современные кыпчакские варианты: *män/men/min, sän/sen/sin, ol/ul/o* (ЯМ ТЯ 135). Возможно, в отношении гласных это лишь своеобразное чтение арабографичных текстов. Склонение в нем "правильное" и "неправильное": наряду с *manga/menga* (тут на письме отсутствует гармония звуков — *KM*), зафиксированы и *miŋä/miŋär, maγa.*

Древнетюркские памятники: "В личных местоимениях наблюдаются колебания *b ~ m, ä ~ i: bän ~ män* 'я', *sän ~ sin* 'ты', *ol* 'тот, он, она', *bis(lar)* 'мы', *siz(lär)* 'вы', *anlar, alar, olar* 'они'" (ЯМ ТЯ 42). Здесь, по-видимому, спорно наличие *ä* вместо *e*. Это не соответствует данным современных кыпчакских языков. В остальном пракыпчакский унаследовал признаки пратюркского. В пракыпчакском начальный *b-* перешел в *m-* в личном местоимении 1-го лица.

В ряде современных кыпчакских языков претерпели изменения некоторые формы падежей личных местоимений, особенно направительного. В куманском форма направительного падежа: *maŋa/maγa/maa* (ЯМ ТЯ 114), что соответствует и многим современным кыпчакским языкам: алаб. *maγa/ maγan, saγa/saγan, oγa/oγaj/ oγan.* В некоторых языках произошла метатеза *nγ >γn* в этой падежной форме: астр., каз. *maγan, saγan, oγan* — с сохранением конечного *-n* основы и его переносом на конец слова. Претерпела изменения и форма исходного падежа, где происходит выпадение одного из *-n-* на стыке основы и аффикса: алаб. *menän, senän, onan,* каз. *menen, senen, onan/odan.*

О том, что конечный *-n* в личных местоимениях представляет собой местоименный аффикс: *me-n, se-n, o-n,* могут свидетельствовать формы падежей: *on-da, on-u, on-dan* и т.д., но при присоединении аффикса множественного числа в слове *ol* выпадает конечный согласный во всех языках.

Можно полагать, что личные местоимения, судя по их фонетическим особенностям, возникли на базе указательных местоимений, хотя праалтайскими формами считаются *min, sin, in* (ЯМ ТЯ 12).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Указательные местоимения в современных кыпчакских языках также сохранили пракыпчакские, унаследованные от пратюркского формы.

Главными указательными местоимениями в пракыпчакском являются два слова, разделившие между собой дейктические функции: **pu/bu* — дейксис видимого, **on/ol* — предмет упомянутый, более отдаленный — дейксис представления, а также указание на контекст — анафора. В ряде языков развилось слово, представляющее собой промежуточное звено между ними — указание на близость к говорящему или слушающему — *šu, šo,* и их производные.

алт. *bu, ol, tu/tuu ol* 'вон тот';
бараб. *pu/bu, ol/ul; sul/su /sol, tigi/tegi;*

башк. *byl, oso (ol+sol)*;
каз. *bu(l), ol, sol, osy, ana, myna;*
кар. *bu(l), ol;*
ккалп. *bul, ol, sol;*
кбалк. *bu, ol, byla, ala;*
кирг. *bu(l) ošo(l) ušu(l);*
ктат. *bu, o;*
кум. *bu, šu, šo;*
ног. *bul, ol, sol;*
тат. *bu, ul, šušu, tege.*

В башк. *byl* происходит делабиализация гласного, *oso (ol+sol)* представляет собой позднее образование, так же как каз. *osy, ana, myna;* кирг. *bu(l), ošo(l), ušu(l)* имеют сходства с крх.-уйг. *bu, ol, ošol* (ЯМ ТЯ 145).

Особенности склонения в кумыкском: направительный падеж *bu-γar*. В казахском и кумыкском при склонении *bul* переход *b->m-: mu-nu, munda, mundan.* Форма направительного падежа: астр. *boγan* 'этому', *soγan* 'тому'; каз. *buγan, soγan.*

Во всех современных кыпчакских языках начальный согласный первого местоимения — звонкий *b-*. Пракыпчакское глухое начало *p-* представлено в барабинском, однако современные письменные формы не отражают особенности происходящего оглушения в устной речи. Особо стоят алтайское *tu/tuu,* татарское *tege* и барабинское *tigi/tegi* с начальным глухим *t-*.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Первичные пракыпчакские вопросительные местоимения: *kim?* 'кто?', *ne?* 'что?', *qaj/qan?* 'какой?' — сохранились и в современных языках. Эти три местоимения послужили основой для развития от них производных: каз. *nemene?, qajsy?, qandaj?* и т.д.

ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Возвратные местоимения возникли на позднем этапе после распада пракыпчакской общности на базе разных слов по группам кыпчакских языков. Можно отметить три группы кыпчакских языков в соответствии с наличием слова, выступающего в роли основы возвратных местоимений: *öz, boj, kes:* каз., ктат. *öz-üm, öz-üŋ,* башк. *üδ-em, üδ-eŋ* и т.д., алт. *boj-um, boj-uŋ, boj-u,* кбалк. *kes-im, kes-i.*

Неопределенные, определенные и отрицательные местоимения также возникли после распада пракыпчакской общности самостоятельно в каждой из подгрупп или отдельном языке: ктат. *kimse,* каз. *birew* 'кто-то', *eškim* 'никто' и т.д.

НАРЕЧИЕ

Наречие как часть речи исторически формируется на базе имен прилагательных, существительных, глаголов, поэтому его можно рассматривать как относительно молодую часть речи по сравнению с ними. Оно начало формироваться на поздней пратюркской стадии и в пракыпчакском и большее развитие получило уже после распада пракыпчакского на региональные и индивидуальные языки. Поэтому трудно установить общие для всех кыпчакских языков основы-наречия.

Первичных или корневых наречий — неразложимых на составные части на современном этапе наших знаний или непроизводных — в пракыпчакском и современных кыпчакских языках немного. В тех наречиях, которые принято считать первичными, при внимательном рассмотрении проглядывают первоначальные имена существительные и прилагательные. Некоторые качественные и количественные прилагательные продолжают "по привычке" функционировать одновременно как имя прилагательное и наречие. Например, *az* в функции и значении прилагательного 'малочисленный' сочетается с именем существительным: *az kisi* 'мало людей', а в функции и значении наречия 'мало' сочетается с глаголом: *az aldy* 'он взял мало' (малое количество чего-то).

Аффиксы, образующие наречия, формировались во многих случаях в пракыпчакском, особенное развитие подобные аффиксы получают после распада пракыпчакского индивидуально в каждом из языков или в определенных регионах кыпчакских языков.

алаб. *tez* 'быстро', *ären, az, keč*; афф: *-ča, -taj;*
алт. *uur* 'тяжело', *jok, eje* 'да', *as, emdi*; афф: *-ča, -yn, -ynča, -aj, -daŋ, -daj, -dyj, — kary, -tap* (*orustap* 'по-русски');
астр. *qaty, ajlaq* 'очень', *köp, keše; keš, köp, tez;* афф: *-laj, -qaj, -n, -dan;*
бараб. афф: *-ca/-ča,- tap,-taw, -taj, -yn;*
башк. афф: *-sa, -daj, -lata, -(y)n, -san;*
каз. *az, köp, äreŋ, žyldam, erte, žaqyn;* афф: *-ša, -laj, -daj, -dajyn, -tap, -yn;*
кар. афф: *-ca/-ča, -laj/-lej, -yn;*
ккалп. *az, žyldam, erte, žaqyn, awa, žoq(jaq);* афф: *-ša, -daj, -lap;*
кбалк. *aqy-ryn, bir-ge, ertte-den, endi, ary, beri, eniš-ge* 'вниз'; *az, köp, bir-az, saw-laj* 'целиком', *amal-syz-dan* 'поневоле';
кирг. афф: *-ča, -lap, -čylap, -laj, -daj;*
ктат. *čabik* 'быстро'; афф: *-ža(žyna), -ča(syna), -lajyn, -lary, -yna, — dan;*
крымч. *jawaš, tez, zornen* 'с трудом', *qolaj,* 'легко', *jaxsy, erken-keč, son, syndy* 'сейчас', *az, čoq, čoq-tan* 'давно', *tün-en* 'вчера';
кум. афф: *-ča, -laj, -lajyn, -lej, issilejin* 'горячо';
ног. афф: *-ša, -daj, -lap, -lata, -da;*
тат. *tiz, bügen, juri* 'нарочно', *kinät;* афф: *-ča, -läj, -yn, -dä;*
юрт. *ajlaq* 'очень', *tiz, küp, syra* 'совсем'; афф: *-daj/-dyj,-laj/-lyj, -lata, -da.*

Юртовский в наречиях сохранил особенности ногайского языка и его диалектов: *ajlaq* 'очень', *tiz, küp, syra* 'совсем', *bigin, ujtip;* аффиксы: *-daj/-dyj, -laj/-lyj, -lata, -da.*

Непроизводных по сегодняшним представлениям пракыпчакских наречий немного: *az* 'мало', *köp, čoq, čaq* 'много', *bek* 'крепко, очень', *bos/boš, qur* 'попусту, свободно', *tym, kil, eŋ* 'очень, сильно', *keč* 'поздно', *tek* 'только'. Они одновременно выполняли и многие продолжают выполнять функции как наречия, так и имен существительных и прилагательных, отражая недифференцированное состояние ряда представителей этих частей речи. Кроме того, в функции наречий употреблялись и продолжают употребляться имена прилагательные, например, каз. *žaqsy bala žaqsy oqyjdy* 'хороший мальчик хорошо учится', что вполне компенсирует недостаточное количество наречий как функциональной части речи.

Общие пракыпчакские аффиксы, образующие наречия от имен, — *-ča, -yn, -daj,* некоторые из них являются и пратюркскими. Вместе с тем необходимо отметить, что ни один из этих аффиксов не принадлежит только наречию, например, афф. *-ča* образует имена в словах: кирг. *qyzyl-ča,* каз. *qyzyl-ša* 'свекла', 'сыпь на теле' и т.д. Относительно поздними пракыпчакскими, по-видимому, являются деепричастные формы, образованные от производных от имен существительных и субстантивированных прилагательных глаголов на *-ta/-la* с добавлением модификаторов: *-la-j, -la-ta, -la-p, -la-typ.*

Большинство наречий образовано на базе самостоятельного развития кыпчакских языков после распада пракыпчакского. Например, в казахском языке насчитывается более сорока наречий, образованных от основы *bir* 'один' разными средствами, среди них много специфически казахских (Искаков 1950, 127).

Современные кыпчакские языки по сравнению с пракыпчакским отличаются значительным разнообразием большого количества новых образований и развитой системой семантически специализированных слов, участвовавших в формировании в кыпчакских языках новой части речи — наречия. В качестве производящих форм выступают аффиксы собственно наречиеобразования, формы пространственных падежей, аффиксы деепричастия, развитое словосложение, а также подражательные слова.

Качественные наречия, так же как и имена прилагательные, имеют степень сравнения, широко распространена пракыпчакская форма на *-(y)raq,* что также характеризует недифференцированное состояние наречий и прилагательных в пракыпчакском. Кбалк. *terk-irek,* тат. *tiz-räk,* каз. *tez-irek* 'быстрее'; кбалк., каз. *aqyryn-yraq* 'медленнее', *az-raq* 'поменьше'; также сохраняется аналитический способ выражения усиления качества, свойственный именам прилагательным: тат. *tip-tiz, bik tiz* 'очень быстро'.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

К служебным частям речи относятся два типа служебных элементов: 1) грамматические части речи: а) служебные имена и служебные глаголы, б) послелоги, в) союзы; 2) семантические части речи: а) модальные слова и б) частицы.

Степень семантической связи с исходным полнозначным словом у разных служебных частей речи неодинакова. Поскольку служебные имена и служебные глаголы, а также модальные слова еще полностью не оторвались от своих первооснов грамматически и семантически и представляют собой полнозначные слова, они в данном разделе не рассматриваются.

ПОСЛЕЛОГИ

Существующие параллельные формы послелога, с одной стороны, свидетельствуют о его связи со знаменательным словом, которое легло в его основу, с другой — о продолжающемся процессе формирования этой служебной части речи. Первые, самые древние, послелоги сочетались с именем в основном падеже. Затем появились послелоги, управляющие направительным и исходным падежами.

Усиление роли послелогов в грамматических функциях привело к прекращению существования некоторых древних падежных форм, например, инструменталиса на *-yn*, направительного падежа на *-γary* и др., которые изолировались в функции наречия. Многие послелоги, если не все, по происхождению связаны с именами и глаголами. Помимо грамматических функций, они придают сочетанию определенную дополнительную семантику.

Послелоги как бы являются продолжением грамматической формы имени. Каждый послелог специализирован в отношении к падежам.

Сочетание послелогов с падежами, или управление, в современных кыпчакских языках осуществляется с пятью падежами: (1) основным, родительным (главным образом местоимений), (2) направительным, (3) исходным, (4) инструментальным — этот падеж не во всех грамматиках узаконен.

алаб. (1) *man/män /mynan/minän* 'с'; (2) *döjim* 'до', *šekälim/šekim* 'около', *körä* 'согласно'; (3) *bermän* 'сюда';

алт. (1) *la/le* 'с', *(u)čun* 'за', *sajyn* 'по', *aldynda* 'перед'; (2) *jaap* 'к', *jetire* 'до', (3) *ötküre* 'через';

астр. (1) *pynan/bynan, mynan* 'с'; (2) *tama(γa)n, šejin* 'до'; (3) *soŋ* 'после';

бараб. (1) *pirlän/pyla, ilä*; *mynan/myna/maan, ucin/üčün*; *šäkilli/šägall, käbäk/kebäk, čaq/caq* 'словно'; (2) *qaršy* 'напротив'; (3) *soŋ/su, ary, bašqa* 'кроме', *aša/ašyry* 'через'; (4) *birgä/pirgä* 'вместе';

башк. (1) *menän, ösön, šikelle*; (2) *taba(n), qaraj, kürä, saqly(m)*; (3) *huŋ, bašqa, birle* 'ближе', *alyp*;

каз. (1) *penen/ pen, üšün, sajyn*; (2) *qaraj, qarsy, dejin/šejin*; (3) *soŋ, basqa, göri, özge* 'кроме', *kejin* 'после', *asa, beri*; (4) *birge* 'вместе';

кар. (1) *byla, üčün/icin, üsnü/isne, ašyra/asyra, saryn, civre* 'вокруг', *kibik*; (2) *körja/kere, derja/deri* 'до'; (3) *son, sortun, bašqa/basqa, atlam* 'свыше';

ккалп. (1) *penen/benen, ušyn*; (2) *dejin, qadar* 'до'; (3) *soŋ, ary* 'за';

кбалк. (1) *byla, qatyš, üčün, kibik, qylly*; (2) *deri, ǯuwuq, qaršy*; (3) *sora, ary, bašlap* 'с';

кирг. (1) *menen, symaq*; (2) *körö*; (3) *bašqa, murun, kijin, soŋ*;

ктат. (1) *sajyn, učun, kibi*; (2) *qadar, taba*; (3) *soŋ, berli*;

крымч. (1) *sajyn, ičun, kybyk*; (2) *qadar, köre*; (3) *son, berly, bašqa*;
кум. (1) *bulan, učun, jimik*; (2) *taba(q), göre*; (3)*soŋ, berli, bašγa*;
ног. (1) *man/ban/pan/ men, üšin*; (2) *köre, qaraj*; (3) *soŋ, basqa*;
тат. (1) *belän, öčen, šikelle*; (2) *kürä*; (3) *suŋ, bašqa, birle, elek*;
юрт. (1) *m(yn)an/m(in)än*; (2) *tiki, tamaγan* 'до'.

Общих для современных кыпчакских языков послелогов немного: сочетающиеся с именем в основном падеже *byla, üčün;* управляющий направительным падежом *taba(n);* управляющий исходным падежом *soŋ,* юрт. *tamaγan* сохраняет более раннюю форму послелога, имеющего в разных языках формы *taman, taba.*

Первичных, или собственных, послелогов в кыпчакских языках, да и в тюркских языках нет. Послелоги получили развитие в более позднюю эпоху, возможно, — еще в пратюркскую. Существующие послелоги представляют собой различные изолированные формы а) имен: *soŋ* 'конец' > 'после', б) глаголов: *birle-gen >birlen>bilen> bile> le>la; menen>mynan> man>men* и т.д. 'объединенный' > 'вместе > 'с' и т.д.

Один и тот же послелог в разных кыпчакских языках может управлять разными падежами, что свидетельствует о самостоятельном развитии послелога. Например, послелог, возникший на основе деепричастной формы от глагола *kör-* в башк. *kürä,* кум. *göre,* кар. *kere* — направительным, каз. *göri* — исходным; башк. *birle,* каз. *beri* восходят к одному корню, но управляют разными падежами и т.д.

Служебные имена пространственного значения: *ast* 'нижняя часть, нижнее пространство', *üst* 'верхняя часть', *ald* 'передняя часть', *art* 'задняя часть', а также слова, обозначающие 'начало', 'конец' — *baš* 'голова', *ajaq* 'нога' и другие, приобретая в основном формы пространственных падежей, выполняют функции различных послелогов. Они представляют собой переходный этап между служебными словами и послелогами с пространственным значением. Они употребляются в этой функции с аффиксами принадлежности соответствующих лиц в сочетании с аффиксами пространственных падежей: *ald-ym-da* 'передо мною', *ald-yŋ-a, ald-y-nan* и т.д. В функциональном плане аналогичны этим словам и другие слова пространственного значения: *orta* 'середина', *boj* 'тело' и др.

СОЮЗЫ

В кыпчакских языках союзы еще не получили достаточного развития по сравнению, скажем, с некоторыми огузскими или карлукскими языками, их мало, они продолжают создаваться. Большое развитие получили союзы в языках, имеющих длительные письменные традиции. Союзы могут быть простыми и составными. Имеется немало союзов, исторически представляющих собой изолированные формы падежей имен, формы глаголов.

Наиболее древними являются соединительные союзы. Они сильно изношены. В современных кыпчакских языках представлены союзы следующих

разрядов: 1) соединительные, 2) разделительные, 3) противительные, 4) причинно-следственные.

алаб. (1) *da/dä* 'и', *tek* 'не только', (3) *ä* 'а', *nege desäŋ* 'потому что';
алт. (1) *da/de,la/le, baza* 'еще'; (2) *emeze, ajsa* 'или'; (3) *je* 'но', *dese* 'а';
астр. (1) *da/de/ta/te;* (2) *tek;* (3) *leken, nege deseŋ;*
башк. (1) *da/dä/ta/tä/δä, taγy, jänä;* (2) *bersä, jäki, tik, bary;* (3) *läkin, ämmä, fäqät;*
каз. (1) *m/b/pen, m/b/penen, da/de/ta/te, žäne;* (2) *tek, ja/jaki, ne...ne, birde;* (3) *al, biraq, degenmen, alajda, sonda da;* (4) *öjtkeni, sondyqtan, sebebi;*
кар. (1) *da/de/ta/te, daγy, bilen, γanuz;* (2) *jemese;* (3) *tek, ajtsada; ki, egjar;*
ккалп. (1) *da/de, häm;* (2) *ja/jaki;* (3) *biraq;* (4) *öjtkeni, sondyqtan, sebebi;*
кбалк. (1) *a, bla, em(da);* (2) *ne...ne, bir...bir, oγese* 'или'; (3) *a(wa), alaj, bolsa;* (4) *sebebi, any sebepli;*
кирг. (1) *menen, da, dale, a, žana;* (2) *že, ary...ary;* (3) *a, biroq;* (4) *antkeni, sebebi, eger(de);*
ктат. (1) *nen/den/ile, ve, em;* (2) *ja...ja, de...de;* (3) *olla, amma, läkin, joqsa, jada, anža;*
кум. (1) *bulan, da/de;* (2) *ne...ne, ja/ja da;* (3)*amma, tek;* (4) *eger, onu učun;*
ног. (1) *m/b/pan, da/de/ta/te, em;* (2)*ne..ne,* (3) *ama, tek;* (4) *eger, nege, deseŋ;*
тат. (1) *da, ki, häm, janä;* (2) *ni...ni;* (3) *ä, äma, läkin;* (4) *čönki;*
юрт. (1) *da/dä/ta/tä;* (2) *ni...ni, ja;* (3) *tik;* (4) *ägärenki* 'если'.

Наиболее распространенный и употребительный во всех кыпчакских языках пратюркский союз ***-ta** возник на основе деепричастной формы *taqa* от глагола *taq-* 'прикалывать, присоединять': *taqa>taγa>taγy>taa>ta>da* и т.д. По этой же модели и семантике образован союз *žana/žana/žäne/jana* и т.д. на базе деепричастной формы *žana-j/jana-j* глагола *žana-/jana-* 'присоединяться, прикалываться'.

Ряд союзов проник в кыпчакские после средневековья из тюркских литературных языков прошлого: в татарском — "огузский" союз *ki,* араб. *läkin;* перс. *häm* проник в башкирский, караимский, крымскотатарский, ногайский, татарский. Кыпчакские языки значительно отличаются от огузских очень малым количеством союзов, заимствованных из арабского и персидского языков. См., например, Зейналов 1966, 81, где из приведенных 16 союзов 10 являются заимствованными.

ЧАСТИЦЫ

В том, что частицы когда-то были полнозначными словами, не приходится сомневаться. Основная доля частиц прошла этапы: полнозначное слово > модальное слово > модальная частица > собственно частица. Некоторые частицы находятся на пути перехода в разряд аффиксов.

Многовариантность некоторых частиц по языкам свидетельствует о длительном процессе их развития. В кыпчакских языках наиболее развиты следующие категории частиц: 1) вопросительные, 2) ограничительные, 3) усилительные, 4) просительные, 5) отрицательные, 6) сомнения, предположе-

ния. Вместе с тем следует отметить неравномерность развития частиц в современных кыпчакских языках. Так же как союзы, частицы более развиты в языках с длительной письменной традицией и богатыми фольклорными произведениями.

алаб. (1) *-ma/-mä*; (3) *γu, qaj/käj, da, taγyn*;
алт. (1) *-m/b/p-a/e, -na/ne*; (2) *-la/-le* 'только'; (3) *ok, ijne* 'ведь';
астр. (1) *-my/mi*; (2) *tek*; (3) *γoj/kej, aš/eš* '-ка', *äli*;
бараб. (1)*-ma/-my*; (2) *oq, qyna/γyna /qyja* 'только'; *ta/da, äli*; (4) *yč/eč/yc/ec*;
башк. (1) *my/me/mo/mö*; (2) *qyna, yq*; (3) *da/ta, dabaha*, (4) *sy*;
каз. (1) *-ma/me,ba/be,pa/pe*; (2) *a/ä, aq, aw, aj, γana, dy/di, eken*; (3) *da/de/ta/te, qoj/γoj*; (4) *šy/ši*; (5) *emes, tügil, eš*; (6) *mys*;
кар. (1) *mo*; (2) *γyna*; (3) *že, to*; (4) *ča, ta*; (6) *esce*;
ккалп. (1) *-ma/-me/ba/be/pa/pe*, (2) *a/ä, aw, γana, dy/di*; (3) *qoj/γoj*; (4) *sy/si*;
кбалк. (1)*-m(y,i)*; (2) *ǯalanda* 'только'; (4) *čy/ci*; (5) *tüjüldü*;
кирг. (1) *ee, yja* (2) *bejm, daγy*; *ele, γana*; (3) *eŋ, ötö, tük*; (4) *γoj*; (5) *eč*; (6) *γo, miš*;
ктат. (1) *-my/-mi, da/de*; (2) *faqat*; (3) *daa, dyr*; (4) *čy/či*;
кум. (1) *ma* (2) *sama*; (3) *daγy da, ču*; (6) *buγaj* 'кажется';
ног. (1) *-ma/me/ba/be/pa/pe*; (2) *γana/gene*; (3) *da/de/ta/te, eŋ*;
тат. (1) *my/me*; (2) *γyna /genä/qyna/kenä, läbasa*; (3) *bit*; (5) *ič*;
юрт. (1) *ma/mä/ba/bä*; (2) *γyna /ginä/qyna/kinä*; (3) *γu, daγy(n)/dägi(n)/da/dä.*

Особенность татарского языка — много заимствованных служебных элементов — результат сильного воздействия арабского, персидского, а также русского языков. Такое явление наблюдается и во многих других областях татарского языка.

В современных кыпчакских языках сохранились пракыпчакские и пратюркские частицы — первообразные, собственно частицы, этимологию которых трудно установить. К ним в первую очередь относится вопросительная частица *-ma*, которая сохранилась в большинстве языков. Вместе с тем в разных языках возникли самостоятельно новые частицы.

ГЛАГОЛ

НАКЛОНЕНИЕ

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное наклонение в пракыпчакском, так же как и в пратюркском, имело две формы: 2-го лица — нулевую форму глагола и 3-го лица — афф. *-syn/-sin*. Это состояние сохранилось в современных кыпчакских языках, которые имеют мало различий в выражении повелительного наклонения. Вместе с тем в ряде языков периферии развились новые формы. В некоторых современных грамматиках к повелительному наклонению относят

формы желательного или желательно-повелительного наклонения 1-го лица, форму 2-го лица с просительной частицей *-čy/-šy*.

	1 лицо	2 лицо	3 лицо
алаб.	–	*0, -yŋyz*	*-syn*
алт.	ед. *-ajyn/-ejin* мн. *-aly(k)/-eli(k) -ajly/-ejli, -aly/-eli*	*-gyn/-gin/-kyn/-kin* *-ygar/-iger, -gylagar/-gileger, -kylagar/-kileger*	*-zyn/-zin/-syn/-sin* *-zyn/-zin/-syn/-sin*
астр.	–	*0*, мн.ч. *-yŋyz/ -iŋiz*	*-syn/-sin*
бараб.	–	*0*, мн.ч. *-(y)ŋ/-(i)ŋ, -(y)γys, -(y)ŋys*	*-syn/-sin*
башк.	–	*0*, мн.ч. *-(y)γyδ/-oγoδ/ -ögöδ/-egeδ*	*-hyn/-hen/-hon/-hön;* мн.ч. *-hyndar/-hendär/ -hondor/-höndör*
каз.	–	*0*, мн.ч. *-(y)ŋyz/-iŋiz*	*-syn/-sin*
кар.	–	*0, -kyn /-gyn...*, мн.ч. *-ynyz*	*-syn/-sin/-sun/-sjun*
ккалп.	–	*0, -saŋ(yz)*	*-syn/-sin*
кбалк.	–	*0, -(y)γyz/-(u)γuz/ -(i)giz/-(ü)güz*	*-syn/-sin/-sun/-sün*
кирг.	–	*0, -γyn /-gin,* мн.ч. *-(y)yzdar, -γyla/-gile*	*-syn/-sin/-sun/-sün*
ктат.	–	*0*, мн.ч. *-(y/a)ŋyz/-(i)ŋiz/-ŋ*	*-syn/-sin*
кум.	–	*0*, мн.ч. *-(y)γyz/-(u)γuz/ -(i)giz/-(ü)güz*	*-syn/-sin/-sun/-sün*
ног.	–	*0*, мн.ч. *-(y) ŋ yz/-(i)ŋiz*	*-syn/-sin/-sun/-sün*
тат.	–	*0*, мн.ч. *-(y) γ yz/-(i)giz*	*-syn/-sin/-sun/-sün*
юрт.	–	*0*, мн.ч. *-(y)ŋyz/-(i)ŋiz*	*-syn/-sin/-sun/-sün*

Среди новых форм, возникших после распада пракыпчакской общности, можно отметить ккалп. *-saŋ(yz)*, кар., кирг., каз. диал. *-kyn/-γyn*, имеющий в алтайском вариант *-kylagar*. Алтайский язык выделяется тем, что по сравнению с другими языками имеет множество форм повелительного наклонения. В фонетическом отношении можно отметить переход *ŋ* в *γ* в аффиксе 2-го лица множественного числа в ряде северных и западных кыпчакских языков.

Множественное число 2-го лица образуется в большинстве языков посредством древнего аффикса множественности *-z*. Позже развилась форма с аффиксом *-lar*. Форма повелительного наклонения 3-го лица обслуживает как единственное, так и множественное число. Вместе с тем в ряде языков во множественном числе стали прибавлять аффикс множественного числа *-lar*. Особенностью киргизского языка является то, что вместо ожидаемого *-lar* присоединяется *-(y)š*, причем он ставится, как в форме совместного залога, перед аффиксом *-syn*.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

По своей семантике желательное наклонение близко к повелительному наклонению. Можно заметить некоторое разделение функций форм наклонений глаголов: повелительное наклонение не имеет формы 1-го лица, а желательное — формы 2-го лица.

Форма желательного наклонения употребляется в основном в 1-м лице ед. и мн. числа, лишь в редких языках спрягается по всем трем лицам, например, в караимском. В ряде грамматик эта форма рассматривается как повелительное или повелительно-желательное наклонение.

	Ед.число	Мн.число
алаб.	*-ajym/-äjim*	*-ajyq/-äjik*
алт.	*-γaj /-gej +-ym/-im*	*-γajybys, -γajlyq*
астр.	*-ajym/-ejim*	*-ajyq/-ejik*
бараб.	*-(a)jym/-(e)jim*	*-(a)jyq/-(e)jik*
башк.	*-aj*	накл. намерения *-maqsy; -qy-m kil-*
каз.	*-(a)jyn/-(e)jin*	*-(a)jyq/-(e)jik, -qy-m+kel-, -maqšy*
кар.	*-(a)jym/-(e)jim*	*-(a)jyq/-(a)jyk/-(a)jyx*
ккалп.	*-ajyn/-ejin*	*-ajyq/-ejik*
кбалк.	*-(a)jym/-(e)jim*	*-(a)jyq/-(e)jik,* 2л. ед.ч. *-γyn/-gin /-γun/-gün*
кирг.	*-ajyn/-ejin*	*-aly(q)/-eli(k); -γaj/-gej (+ele), -qy-m kel-*
ктат.	*-(a)jym/-(e)jim*	*-(a)jyq/-(e)jik*
кум.	*-(a)jym/-(e)jim*	*-(a)jyq/-(e)jik*
ног.	*-(a)jym/-(e)jim*	*-(a)jyq/-(e)jik*
тат.	*-(y)jm/-(ä)jm*	*-(y)jq/-(ä)jk,* намерения: *-maqčy*
юрт.	*-ajym/-äjim, -yjm/-im*	*-(a)jyq/-(e)jik*

Аффикс *-ajyn/-ejin* в ряде грамматик рассматривается как показатель формы повелительного наклонения, желательно-побудительного наклонения.

Появились новые формы. Ареал составляет аналитическая форма в башкирском, казахском и киргизском *-qy-m/ŋ/sy kel-*. Другим ареальным образованием являеятся форма *-maqšy* (намерение) в башк., каз., тат.

Общекыпчакская форма *-(a)j* возникла в результате выпадения древнего начального согласного формы *q-/ɣ-*, что сохранилось в алтайском языке: *-γaj/-gej*. Эта форма приобрела в большинстве современных языков значение и функцию сослагательного наклонения. Произошли и другие изменения. Например, древняя форма желательного наклонения *-qaj* в башкирском языке переосмыслена, употребляется в отрицательной форме и "служит для обозначения опасения" (Юлдашев 1958, 165).

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Единая пратюркская и пракыпчакская форма на *-sa* сохранилась во всех современных кыпчакских языках.

Алаб. *-sa,* алт. *-sa/-se,-za/-ze,* астр. *-sa/-se,* бараб. *-sa/-se,* башк. *-ha-hä, -γan bulha,* каз. *-sa/-se,* кар. *-sa/-se/-sja,* ккалп. *-sa/-se,* кбалк. *-sa/-se,* кирг. *-sa/-se,* ктат. *-sa/-se,* кум. *-sa/-se,* ног. *-sa/-se,* тат. *-sa/-sä,* урм. *-sa/-se,* юрт. *-sa/-se.*

В фонетическом плане отличаются башкирский и татарский, в которых в варианте с переднерядным гласным *-e* перешел в *-ä*; в отношении согласного аффикса самостоятельное развитие получил башкирский язык с *h-* вместо общетюркского и общекыпчакского *s-*. В алтайском, в отличие от всех других кыпчакских, *s-* подвергается ассимиляции после неглухих звуков и переходит в *z-*.

На базе формы *-sa* возникают некоторые новые аналитические формы условного наклонения, например, башк. *-γan bulha.*

ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Эта форма наклонения признана не всеми грамматиками и обычно не всегда приводится в грамматических справочниках. Пожалуй, она является самой молодой формой наклонения и еще не получила соответствующего грамматического оформления. Она возникла после пракыпчакского периода и образуется в каждом языке индивидуально, но существует общая модель: присоединение к глаголу аффикса именной формы с одновременным сочетанием этой формы с предикативными словами *bar, kerek.*

башк. *-(a)hy-m/-(ä)hem bar;*
каз. *-u-ym kerek;*
кар. *-ma kerek/kerjak;*
ккалп. *-u-m kerek;*
ктат. *-maq kerek oqumaq kerekim; -maly/-meli* — огузская форма;
тат. *-asy bar, juq.*

Особо выделяется северокыпчакский ареал башкирского и татарского языков с формой *-ahy/-asy bar*. Долженствование, относящееся к прошлому, выражается присоединением к указанной модели служебного недостаточного глагола, образованного от *e-:* каз. *edi,* башк. *ine* и т.д.

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Форма *-qaj/-kej, -γaj/-gej*, восходящая к пракыпчакскому, по разным языкам имеет разные значения и в ряде грамматик трактуется в качестве формы разных наклонений: сослагательного, желательного, побудительного, желательно-побудительного, что свидетельствует о многообразии выражаемой ею семантики.

алт. *-ar/-er edi, -gaj/-gej edi;*
бараб. *-yr eti, -maq eti;*
башк. *-(y/o/e/ö)r ine, -saq ine, -γan bulyr ine;*
каз. *-ar/-er edi, -qaj/-γaj, -kej/-gej, -qaj/-gej edi;*
кар. *-γaj/-gaj/-gej/-gjaj/-kaj/-kej, -γaj+edi;*
ккалп. *-qaj/-kej/-γaj/-gej;*
кбалк. *-γaj edi;*

кирг. *-ajyn/-ejin,* мн.ч. *-aly(q)/-eli(k); -γaj/-gej (+ele), -qy+kel;*
ктат. *-qaj/-kej,-γaj/-gej;*
кум. *-qaj/-kej/-γaj/-gej;*
ног. *-qaj/-kej/-γaj/-gej;*
тат. *-yr ide;*
юрт. *-qaj/-käj/-γaj /-gäj+idi.*

В башкирском и татарском образовалась ареальная форма, состоящая из аффикса "причастия" *-yr* и служебного недостаточного глагола *ine/ide.*

В большинстве языков в роли формы сослагательного наклонения выступает форма на *-γaj,* которая в орхоно-енисейских памятниках не отмечена, а в древних кыпчакских памятниках выступала в основном как показатель будущего времени (Шукуров 1970, 87). Нерасчлененные пракыпчакские значения формы с этим аффиксом – времени и модальности – сохраняются и в современных языках.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное наклонение представлено формами настоящего, прошедшего и будущего времени.

В тюркологии и кыпчаковедении отсутствует терминологическая унификация в отношении временных форм; кроме того, существуют различия в значениях, выражаемых одной формой в разных языках, поэтому приходится прибегать к нумерации названий форм времен.

Каждая форма времени выражается сочетанием показателя (синтетического или аналитического) времени с аффиксами лица при глаголах. Глагольные аффиксы лица разделились на две группы. Аффиксы лица 1-й группы сохранили первичные формы, тогда как аффиксы 2-й группы – так называемая "сокращенная форма", сильно износилась вследствие высокой частотности употребления.

Настоящее время

Настоящее время в современных кыпчакских языках представлено тремя формами, выражающими разные значения. Из них наиболее древней является пракыпчакская форма на *-a/-e/-j,* являющаяся также пратюркской. Обычно эта форма возводится к деепричастию идентичной формы. Возможно, однако, что она восходит к первичной форме *-γaj/-gej* (см. раздел "Наклонение"). Например, в памятниках азербайджанского языка XV в. наряду с формой *(j)a/-(j)ä* встречается также *-aj/-äj* (Рагимов 1965, 1957). Другие формы, образованные аналитическим способом посредством сочетания двух форм деепричастия основного глагола с вспомогательными глаголами состояния, возникли после распада пракыпчакского языка в разных регионах, о чем свидетельствует разнообразие вспомогательных глаголов. (1 – индикатив, настояще-будущее, обычное; 2 – настоящее данного момента; 3 – настоящее длительное).

алаб. (1) *-a/-e/-j,* (2) *-yp tor;*
алт. (1) *-adyr/-edir,* (2) *-(y,i)p jat-/jadyr,* (3) *-adyr/-edir/-aat/-eet;*
астр. (1) *-a/-e/-j,* (2) *-(y,i)b atyr;*
бараб. (1) *-a/-e/-j, -aty,* (2) *-(y,i)p tur, otyr, jat,* (3) *-atyγan;*
башк. (1) *-a/-ä/-j;*
каз. (1) *-a/-e/-j,* (2),(3) *-(y,i)p tur, otyr, ǰat, ǰür;*
кар. (1) *-a/-ja/-e/-j;*
ккалп. (1) *-a/-e/-j,* (2) *-(y,i)p ǰat;*
кбалк. (1) *-a/-e-j, -uwču;*
кирг. (1) *-a/-e-j,* (2), (3) *-(y,i,u, ü)p tur, otur, ǰat, ǰür;*
ктат. (1) *-a/-e/-j,* (2), (3) *-(y,i,u, ü)p tur, otur;*
кум. (1) *-a/-e/-j;*
ног. (1) *-a/-e/-j,* (2), (3) *-a/-e/- jatyr;*
тат. (1) *-a/-ä/-j;*
урум. (1) *-a/-e/-j;*
юрт. (1) *-a/-ä/-j,* (2) *-a/-ä/-j jatyr/ tyryr/ utyry,* (3) *-(y,i)p jatyr/ tyryr/ utyry.*

Основная и единственная форма настоящего времени — *-a/-e-j,* к которой непосредственно присоединяются аффиксы лица, в пракыпчакском она выражала обычно совершающееся в момент речи действие, относящееся как к настоящему, так и будущему времени, это состояние сохранили и современные языки. На ее базе возникла аналитическая форма с сочетанием основного глагола с глаголами состояния *-a/-e/-j+tur, otur, ǰat, ǰür.* Вторая аналитическая форма возникла сочетанием деепричастия на *-p* с глаголами состояния *tur, otur, jat/ǰat, jür/ǰür.* Наибольшую активность в образовании новых форм проявляет глагол *jat-/ǰat-* 'лежать, находиться в покое', на втором месте — *tur-* 'стоять, находиться, пребывать'. Эти новые формы обозначают действие, совершающееся только в момент речи, и противопоставляются основной форме, выражающей обычное, постоянное действие. Следует отметить, что новые аналитические формы возникли не во всех кыпчакских языках, например, они отсутствуют в ряде северокыпчакских языков: башкирском, татарском, а также в западнокыпчакских: кумыкском, карачаево-балкарском, караимском. В карачаево-балкарском развилась новая форма *-uwču,* которая в других языках рассматривается как причастие настоящего времени.

Прошедшее время

Формы прошедшего времени отличаются многообразием; наряду с пракыпчакскими возникло много новых аналитических временных форм. Настоящее и будущее времена не получили такого развития, как прошедшее время.

1 – прошедшее категорическое, определенное, 2 – прошедшее результативное (перфект), 3 – давнопрошедшее (предпрошедшее), 4 – прошедшее длительное, 5 – прошедшее незаконченное, 6 – прошедшее данного момента, 7 – прошедшее заглазное, 8 – прошедшее неопределенное, 9 – прошед-

шее субъективное, 10 — прошедшее намерения, 11 — прошедшее в настоящем, 12 — прошедшее сослагательное, 13 — будущее в прошедшем.

алаб. (1) *-dy; (2) -ypty, -γan; (3) -yp edi, -γaj(-ny) edi;* (4) *-tqan, -tyn;* (5) *-(a, e)r edi;*

алт. (1) *-dy/-di/-ty/-ti;* (3) *-γan /-gen edi;* (4) *-(y,i)p turdy;* (6) *-(y,i)p jatty;* (7) *-(y, i)p tur;* (8) *-γan/-gen /-qan;*

астр. (1) *-dy/-di/-ty/-ti* (отр. *-ajtqan žoq);* (2) *-(y,i)p(ty);* (3) *-yp edi, -γan edi;* (4) *-adaγan edi, -(y,i)p edi;* (5) *-(a,e)r edi;* (8) *-γan/-gen /-qan;*

бараб. (1) *-ty /-ti;* (2) *-γan;* (3) *-tyγan eti;* (5) *-a eti;* (9) *-(y)p;*

башк. (1) *-ty/-te/-dy/-de/-δy/-δe;* (2) *-γan, -γan bar, juq;* (3) *-γajny, -a/ä torγajny, -a/ä torγan buldy/bulγan, -yr ine; (5) -a/ä ine;* (10) *-maqsy;*

каз. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (2) *-γan;* (3) *-γan edi;* (5) *-atyn edi;* (7) *-(y,i)p;*

кар. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (4) *-(y,i)r edi;*

ккалп. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (2) *-γan;* (3) *-γan edi;* (12) *-(a,e)r edi;* (11) *-(y)p;*

кбалк. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (2) *-γan/-gen/-qan/-ken;* (3) *-γan edi;*

кирг. (1) *-ty/-ti/-dy/-di* + губн. вар.; (2) *-γan/-gen/-qan/-ken* + губн. вар.; (5) *-ču;*

ктат. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (2) *-γan/-gen/-qan/-ken;* (3) *-γan/-gen/-qan/-ken edi;* (5) — *a/e/j edi, -(a,e)r edi;* (13) *-ažaq/-ežek edi;*

кум. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (2) *-γan/-gen;* (3) *-γandy/-gendi;* (5) *-ady/-edi, -ardy/-erdi;* (13) *-ažaqty/-ežekti* (ср. ктат.);

ног. (1) *-ty/-ti/-dy/-di;* (2) *-(y, i)p;* (3) *-γan/-gen/-qan/-ken edi;* (7) *-γan/-gen/-qan/-ken e-;* (8) *-γan/-gen/-qan/-ken;*

тат. (1) *-ty/-te/-dy/-de*; (2) *-γan /-gän/-qan/-kän*; (3) *-γan ide*; (5) *-a ide;* (13) *-ačaq ide;*

юрт. (1) *-ty/-ti/-dy/-di*; (2) *-(y, i)p*; (3) *-(y, i)p idi, -γan idi;* (4) *-a/-e/-j+daγan*; (5) *-a idi*; (8) *-γan /-gän/-qan/-kän;* (13) *-ajaq idi.*

Общей для всех языков является пракыпчакская и пратюркская форма прошедшего категорического времени на *-dy* с фонетическими вариантами.

Среди современных кыпчакских языков особое развитие получил киргизский язык со специфической формой *-ču* (обзор литературы о ее происхождении см. Джусупакматов 1983, 97-99), которая, по-видимому, имеет связь с *-ty/-dy*.

Возникли и продолжают возникать многочисленные аналитические формы. В разделе приведены не все сложные формы. Новые формы прошедшего времени образуются присоединением вспомогательных глаголов к причастным и деепричастным формам глагольной основы: *-γan, -(y,i)r, -(y,i)p, -a/-e/-j.*

В разных кыпчакских языках произошли расхождения в семантике форм времен. Например, казахский и ногайский языки принято считать ближайшими родственниками, однако имеется существенное различие в семантике форм, например, форма на *-(y,i)p* в казахском обозначает заглазное, неочевидное прошедшее время, тогда как в ногайском она имеет значение прошедшего с наличным результатом действия.

Будущее время

Будущее время имеет меньше форм, чем прошедшее, но больше, чем настоящее время. 1 — будущее неопределенное, настояще-будущее, 2 — будущее определенное, 3 — будущее долженствовательное (намерения), 4 — будущее в прошедшем, 5 — будущее предположительное, 6 — будущее категорическое. Эти формы не в одинаковой мере развиты во всех кыпчакских языках.

алаб. (1) *-ar/-är,* отр. *-mar;* (2) *-žaq /-žäk;*

алт. (1) *-(a, e)r; -(a, e)t;* (3) *-atan/-eten;*

астр. (1) *-(a, e)r,* отр. *-mas;* (2) *-jaq;* (4) *-jaq edi;*

бараб. (1) *-(y)r;* (5) *-asaq;*

башк. (5) *-(y, e, o, ö)r;* (6) *-(a, ä)saq;*

каз. (5) *-(a, e)r;* (1) *-a/-e-j;* (3) *-(m, b, p)aqšy/-(m, b, p)ekši;*

кар. (6) *-(y)r;*

ккалп. (1) *-(a)r;* (2) *-(a, j)žaq /-(e, j)žek;*

кбалк. (5) *-(y)r;* (6) *-ryq/-nyq/-lyq;*

кирг. (5) *-(a)r;* (6) *-a/-e/-j;*

ктат. (1) *-(a, e, y, i)r;* (2) *-(a, j)žaq /-(e, j)žek;*

кум. (5) *-(a, e)r;* (2) *-(a, j) žaq/-(e, j) žek;*

ног. (1) *-(a, e)r;* (2) *-ajaq/-ejek;*

тат. (5) *-(y, e)r;* (6) *-(a, j)čaq/-(ä, j)čäk;*

юрт. (5) *-(y, e)r;* (2) *-(a, j)aq/-(e, j)ek.*

Форма будущего времени в пракыпчакском *-(a,e)r* выражала неопределенность, предположительность будущего действия, это значение сохранилось в казахском, каракалпакском, карачаево-балкарском, киргизском языках. С этим связано и выражение одной формой настоящего и будущего времени в этих языках. Семантика категоричности, определенности развилась позже — в каждом из языков самостоятельно.

"Огузская" форма *-(a)žaq /-(e)žek* имеется в алабугатском, астраханском, барабинском, каракалпакском, крымскотатарском. В этой форме наблюдается все этапы фонетических изменений начального первичного **č: č/ž/s/ž/j.*

Для выражения отрицательного аспекта употребляется общетюркский аффикс *-ma,* после чего следует обычный показатель времени. Исключение составляет аффикс *-(a, e, y, i)r,* который в большинстве языков изменяет переход *-r>-s:* вместо ожидаемого "правильного аффикса" *-mar* существует аффикс *-mas.* Лишь в языке алабугатских татар после аффикса отрицания *-ma* сохраняется *-r: -mar.* При многих формах прошедшего времени вместо аффикса отрицания *-ma* употребляется предикатив со значением 'отсутствует': *joq/žoq/žoq.*

ЗАЛОГИ

Основной залог не имеет особого залогового показателя, его маркером служит отсутствие других залоговых показателей, т.е. "нулевая форма" гла-

гола, хотя по семантике многие глаголы в форме других залогов могут выражать значение не косвенного залога, а основного. Распространено употребление одной залоговой формы вместо другой; ср., например, употребление возвратного вместо основного в алаб.: *Tösäkti tösänči* 'стели-ка матрац'.

ВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ

Пракыпчакский показатель возвратного залога, восходящий к пратюркскому, сохранился во всех языках в двухвариантной, а там, где существует губная гармония, — в четырехвариантной форме. Правда, в современной орфографии не всех кыпчакских языков губная гармония отражается на письме, так же как и в кыпчакских памятниках. В кыргызском и карачаево-балкарском языках наряду с аффиксом **-(y)n* возник его диссимилятивный вариант *-(y)l*, который в других языках является основным вариантом аффикса страдательного залога. В каракалпакском развились специфические формы: *-lyq/-lik, -yq/-ik.*

алаб. *-(y)n/-(i)n;*
алт. *-(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n;*
астр. *-(y)n/-(i)n;*
бараб. *-(y)n/-(i)n;*
башк. *-(y)n/-(o)n/-(e)n/-(ö)n;*
каз. *-(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n;*
кар. *-(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n;*
ккалп. *-(y)n/-(i)n, -lyq/-lik, -yq/-ik;*
кбалк. *-(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n, -(y)l/-(i)l/-(u)l/-(ü)l;*
кирг. *-(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n, -(y)l/-(i)l-(u)l/-(ü)l;*
ктат. *-(y)n/-(i)n;*
кум. *-(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n;*
ног. *-(y)n/-(i)n;*
тат. *-(y)n/-(e)n;*
юрт. *-(y)n/-(i)n.*

ПОНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Понудительный залог отличается от других залогов многообразием формы. Основными выступают два пракыпчакских аффикса, восходящие к пратюркским: **-qyz* и **-tyr*. Другие аффиксы представляются результатом самостоятельного развития, некоторые — "изношенными" формами указанных аффиксов, например, карачаево-балкарские и киргизские формы.

алаб. *-qyz /-kiz,-γyz/-giz;*
алт. *-tyr/-tir,-dyr/-dir;*
астр. *-qyz/-kiz,-γyz/-giz;*
бараб. *-qys, -(y)t, -(y)r,* редко: *-tyr,* единично: *-sat, -qyr, -qar, -γyl, -tys;*
башк. *-tyr/-ter/-tor/-tör, -dyr/-der/-dor/-dör, -δyr/-δer/-δor/-δör;*
каз. *-tyr /-tir, -dyr/-dir, -qyz/-kiz, -γyz/-giz, -t, -r;*
кар. *-tyr/-tir, -dyr/-dir, -t, -r;*
ккалп. *-tyr/-tir, -dyr/-dir, -qyz/-kiz/-γyz/-giz, -t, -z;*

кбалк. *-tyr/-tir,-tur/-tür, -dyr/-dir, -dur/-dür, -yr/-ir, -ur/-ür, -ar/-er, -(y/i/u/ü)t, -γyz/-giz, -γuz/-güz, -yz/-iz,-uz/-üz;*
кирг. *-tyr/-tir, -tur/-tür, -dyr/-dir, -dur/-dür, -qyz/-kiz, -quz/-küz, -γyz/-giz, -γuz/-güz, -(a)r/-(e)r, -t;*
ктат. *-tyr/-tir,-dyr/-dir, -t;*
кум. *-tyr/-tir, -tur/-tür, -dyr/-dir, -dur/-dür, -yr/-ir, -ur/-ür, -t;*
ног. *-tyr/-tir, -dyr/-dir;*
тат. *-tyr/-ter, -dyr/-der, -(y)r/-(e)r,-(γ) ar/-(g)är;*
юрт. *-tyr/-tir, -dyr/-dir;*

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Единый пракыпчакский двухвариантный аффикс, восходящий к пратюркской форме, образует форму страдательного залога, в языках с губной гармонией он превращается в четырехвариантный. Он претерпел изменение переднерядного гласного в башкирском и татарском языках. В большинстве языков после глаголов с конечным *-l* происходит диссимиляция *l >n*.

алаб. *-(y)l/-(i)l;*
алт. *-(y)l/-(i)l;*
астр. *-(y)l/-(i)l;*
бараб. *-(y)l/-(i)l;*
башк. *-(y)l/-(e)l,* после *-l: -(y)n/-(e)n;*
каз. *-(y)l/-(i)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n;*
кар. *-(y)l/-(i)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n;*
ккалп. *-(y)l/-(i)l;*
кбалк. *-(y)l/-(i)l/-(u)l/-(ü)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n /-(u)n/-(ü)n;*
кирг. *-(y)l/-(i)l/-(u)l/-(ü)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n/-(u)n/-(ü)n;*
ктат. *-(y)l/-(i)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n;*
кум. *-(y)l/-(i)l/-(u)l/-(ü)l;*
ног. *-(y)l/-(i)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n;*
тат. *-(y)l/-(e)l;*
урум. *-(y)l/-(i)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n;*
юрт. *-(y)l/-(i)l,* после *-l: -(y)n/-(i)n.*

ВЗАИМНО-СОВМЕСТНЫЙ ЗАЛОГ

Форма взаимно-совместного залога образуется посредством пракыпчакского двухвариантного аффикса, восходящего к пратюркской форме, имеющей также значение множественности. В языках с губной гармонией она существует в четырехвариантной форме, однако в письме у многих языков губная гармония не отражается. Существенное изменение произошло в согласном аффикса в восточнокыпчакских языках: казахском, каракалпакском, ногайском и юртовских татар, где *š* перешел в *s*.

алаб. *-(y)š /-(i)š;*
алт. *-(y)š/-(i)š;*
астр. *-(y)š/-(i)š;*
бараб. *-(y)š /-(i)š;*

башк. *-(y)š /-e)š;*
каз. *-(y)s /-(i)s;*
кар. *-(y)š /-(i)š, -(y)s/-(i)s;*
ккалп. *-(y)s/-(i)s;*
кбалк. *-(y)š/-(i)š/ -(u)š/-(ü)š;*
кирг. *-(y)š/-(i)š/ -(u)š/-(ü)š;*
ктат. *-(y)š/-(i)š;*
кум. *-(y)š/-(i)š/-(u)š/-(ü)š;*
ног. *-(y)s /-(i)s;*
тат. *-(y)š/-(e)š;*
урум. *-(y)s/-(i)s ;*
юрт. *-(y)š/-(i)š.*

Не все залоговые формы употребительны в языках с одинаковой степенью частотности. Например, в башкирском "страдательный залог образуется только от ограниченного числа переходных глаголов, имеющих субъективно-объективную обратимость. Употребляется он преимущественно в письменной речи" (Юлдашев 1958, 99). Это свидетельствует о том, что категория залога в тюркских языках — развивающаяся категория.

В кыпчакских языках широко распространено сочетание разных залоговых форм: страдат.+взаимн., страдат.+понудит., страдат.+возврат., возврат.+понудит., взаимн.+страдат., взаимн.+понудит., двух и более форм понудит. залога, понудит.+взаимн., понудит.+страдат.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ПРИЧАСТИЕ

Большинство из тех форм, что называются "причастием" в современных грамматиках, является многофункциональными аффиксами, образующими формы как причастия, так и времен изъявительного наклонения. Таковы, например, реконструируемые для пракыпчакского языка две формы: *-qan/-ken/-yan/-gen* и *-ar/er.*

	Прош. вр.	Наст. вр.	Буд. вр.
алаб.	*-yan /-gän, -uly/-üli*	*-adyn/-atyn*	*-ǯaq/-ǯäk*
алт.	*-kan/-ken/ -yan /-gen*	*-atan/-eten, -kalak/-galak*	*-(a, e)r*
астр.	*-qan/-ken/ -yan /-gen*	*-adaγan/-edegen*	*-ajaq/-ejek*
бараб.	*-qan/-yan*	*-atyγan*	*-(y, i)r, -maq*
башк.	*-qan/-kän/-yan /-gän*	*-usy*	*-asaq, -(y)r, -(a)hy*
каз.	*-qan/-ken/-yan/-gen*	*-(a, j)tyn/-(e, j)tin, -uwšy*	*-(a, e)r*
кар.	*-qan/-ken/-yan/-gen/-xan*	*-(a, e, j)dogon*	*-(y, i)r*
ккалп.	*-qan/-ken/-yan/-gen*	*-(a, e, j)tuγun*	*-(a, e)r*
кбалк.	*-qan/-ken/-yan /-gen*	*-(a, e, j)turγan, -uču*	*-(a, e, y, i, u, ü)r*
кирг.	*-(q,γ)an/on, -(k,g)en/ön*	*-uuču/-üüčü*	*-(a,e)r*
ктат.	*-qan/-ken/-yan/-gen*	*-(a, e)r*	*-aǯaq/-eǯek*
кум.	*-qan/-ken/-yan/-gen*	*-aγan/-egen*	*-aǯaq /-eǯek*
ног.	*-qan /-ken/-yan/-gen*	*-(a,e,j)taγan, -aγan-egen*	*-(a,e,j)ek, -(a, e)r*

тат.	*-qan/-kän /-yan /-gän*	*-učy, -a torγan*	*-asy/-äse(<-aǯaq)*
юрт.	*-qan/-kän/-yan/-gän*	*-(a, e, j)daγan*	*-ajaq/-äjäk*

Отрицательная форма от *-(a, e)r*, так же как от аналогичной формы будущего времени, образуется аффиксом *-mas/-mes.*

Приведенные формы являются ядерными, узаконенными для грамматик современных кыпчакских языков.

В качестве причастных форм в современных языках и их диалектах рассматривается много и других форм. Например, для татарского языка и их диалектов причастными формами считаются: *-učy/-ucy, -maly/-makly/-mally, -yšly, -učan, -uly, -yrdaj, -yrlyk, -gylyk, -gysyz, -gytaj, -a torgan, -atygan, -akaj, -yr, -asy, -ačak, -dačy, -gala, -mak, -makcy, -gan, -myš, -dyk* (Юсупов 1986, 9). Помимо этого, в тюркских языках возникают новые формы причастия со специализированной семантикой.

Некоторые аналитические формы сильно стерлись: *-a turγan> -ataγan > -atyn >-etin.* В татарском изменилась первоначальная форма аффикса *-aǯaq*, он приобрел современную форму *-asy/-äsi.*

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Наиболее древние пракыпчакские и пратюркские: деепричастие на *-(y, i)p*, обозначающее действие, предшествующее другому — основному действию, и деепричастие на *-a/-e/-j*, выражающее одновременное с главным действие. Эти формы, в отличие от более поздних форм, являются многофункциональными и участвуют также в образовании временны́х форм изъявительного наклонения. Затем появились формы со значением предела действия в прошлом и будущем *-qaly, -qanča,* после этого появились многочисленные узкоспециализированные формы, детализирующие условия главного действия.

алаб. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -qaly /-käli/-γaly/-gäli, -γančy;*
алт. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -kaly/-keli/-γaly/-geli, -kažyn/-kežin;*
астр. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -qaly/-keli/-γaly/-geli, -qanša /-genše;*
бараб. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -qaly/-käli/-γaly/-gäli, -qac(tan)/-gäc(tän), -yrγa;*
башк. *-(y, e)p, -a/-ä/-j, -qansa/-gänsä, -qas/-käs;*
каз. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -qaly/-keli/-γaly/-geli, -qanša/-genše;*
кар. *-(y, i)p, -a/-e/-ja/-j, -adoγoč/-adoγoc, -γačox/-gacoq, -γynča/-γynca;*
ккалп. *-(y, i)p, a/-e/-j, -qaly/-keli/-γaly/-geli, -qanša/-genše;*
кбалк. *-(y, i, u, ü)p, -a/-e/-j, γanlaj/-genlej/-γanly/-genli, -γynčy/-ginči;*
новейшие формы: *γanda/-gende, -γanlyqqa/-genlikke;*
кирг. *-(y, i, u, ü)p, -a/-e/-j,* новые: *-γany/-geni, -majynča/-mejinče;*
ктат. *-(y, i, u, ü)p, qanǯa/-kenǯe,* новая: *qanda/-kende;*
кум. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -γanly/-genli, -γanča/-genče;*
ног. *-(y, i)p, -a/-e/-j, -qaly/-keli/-γaly/-geli, -qanša/-genše;*
тат. *-(y,e)p, -a/-ä/-j, -γančy/-gänčä, -γač/-gäč,* отриц. *-mičä;*
юрт. *-(y,i)p, -a/-ä/-j, -γanča/-gänčä/-γančy/-gänči/-γaš/-gäš.*

В правописании аффикса с узкими гласными *-(y, i, u, ü)p* губная гармония не отражается.

Караимский язык сохранил конечный согласный *-q* в новообразованной форме деепричастия на *-γačox/-gacoq,* наибольшее стяжение и изменение этой формы произошло в татарском: *-γač/-gäč,* языке юртовских татар: *-γaš/-gäš.* Форму причастия на *-qan* в этом аффиксе сохранили казахский, каракалпакский и кумыкский языки. Карачаево-балкарский сохранил первичную форму другого аффикса *-γanlaj/-genlej,* которая в дальнейшем развилась в *-γanly/-genli> -γaly/-geli.* Таким образом, степень сохранения пракыпчакских форм различна в разных языках.

В течение веков продолжается образование новых деепричастных форм на базе разных других форм (Nuri Yuce 1973).

ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ

Единой формой имен действия в современных кыпчакских языках выступает пракыпчакская форма с аффиксом *-uw.* Второй формой является *-yš.* Оба эти аффикса в современных кыпчакских языках выступают также в функции словообразовательного аффикса. Заметное место занимает в ряде языков и аффикс *-maq.* Все эти и другие, сходные по семантике, формы во многих грамматиках рассматриваются как формы инфинитива.

алаб. *-uw/-üw;* "инфинитив": *-maγa/-mägä, -maq/-mäk;*
алт. *-u/-ü/-uu/-üü, -(y, i)š;*
астр. *-uw/-üw;* "инфинитив": *-maγa/-mege/-bege, -maq/-mek;*
бараб. "инфинитив": *-yrγa;*
башк. *-yw/ew -maq;* "инфинитив" *-yrγa;*
каз. *-uw/-üw, -(y, i)s, -maq/-baq/-pek, -qy/-ki/-ki/-gi;*
кар. *-maq/-mek,* в зап. диалектах: *-ma/-me/-mja;*
ккалп. *-uw/-üw, -(y, i)s, -maq/-mek;*
кбалк. *-yw/-iw/-uw/-üw;*
кирг. *-uu/-üü, -oo/-öö, -maq/-mek;*
ктат. *-uw/-üw, -(y, i)š, -maq/-mek, -ma/-me;*
кум. *-yw/-iw/-uw;*
ног. *-uw/-üw, -(y, i)s, -maq/-baq/-pek;*
тат. *-uw/-üw;* "инфинитив" *-yrγa;*
урум. *-uw/-üw, -(y, i)š, -maq/-mek, -ma/-me;*
юрт. *-uw/-üw;* "инфинитив" *-maγa /-baγa/-paγa/-mege/-bege/-pege.*

Образование так называемого "инфинитива" (термин русской грамматики, поскольку в тюркских языках все неличные формы — "инфинитивы") происходило поздно под влиянием славянских языков, сильное воздействие которых ощущали на себе многие кыпчакские языки. Этим объясняется несовпадение его форм в языках: астр. *-maq/-mek,* кар. *-ma/-me/-mja,* тат. *-yrγa,* юрт. *-paγa/-baγa, -bege/-pege, -maγa/mege.* Как видно, его основой выступают причастие и имя действия, которые могут приобретать аффикс направительного падежа.

КАРЛУКСКО-УЙГУРСКАЯ ГРУППА

Современные узбекский и уйгурский языки объединяются в существующих классификациях тюркских языков в одну группу, которую мы ниже для краткости будем именовать **карлукской** (или же **карлукско-уйгурской**), хотя А.Н. Самойлович предпочел не использовать это название и предложил обозначать указанную совокупность языков и "наречий" как "юго-восточную группу" тюркских языков (Самойлович 1922, 13). Оба языка исторически имеют общую этническую базу своего формирования, которая связана с судьбой карлукско-уйгурских тюркских племен, консолидировавшихся в границах Западного тюркского каганата и позднее — Уйгурских княжеств и Караханидского государства в Восточном Туркестане, Семиречье и Мавераннахре. Литературные формы узбекского и уйгурского языков продолжают традиции средневековых литературных языков, обслуживавших Караханидское государство и его политических преемников — государства Тимуридов, Шейбанидов, Хорезмских правителей, но обогащенных чертами локальных вариантов письменных языков. Исторические корни этих литературных языков восходят, однако, к литературным языкам Восточного и Западного тюркских каганатов.

Если взглянуть на раннюю этническую историю двух современных народов – уйгуров и узбеков, языки которых включаются в одну классификационную группу – карлукско-уйгурскую (юго-восточную) группу тюркских языков, то она оказывается связанной с продвижением из Центральной Азии на восток тюркоязычных народов, входящих в племенные союзы карлуко-чигилей и уйгур-огузов. Многочисленные потомки этих тюрок в средние века стали играть исключительную роль в формировании населения Восточного Туркестана, которое переходило к оседлости или оставалось кочевым, и в создании здесь сменяющих друг друга государственных образований. Будучи в языковом отношении носителями близких древнетюркских диалектов, уйгуро-карлуки осваивали земли Туркестанских оазисов и Ферганской, Зеравшанской, Чирчикской долин, входя в языковые контакты с местным ираноязычным населением и с соседними тюркскими племенами (кыпчаками и огузами), но продолжая сохранять как основу свой древний карлукско-уйгурский диалект. Нужно полагать, что сохранению в указанном регионе на протяжении столетий особенностей этого диалекта не могло не способствовать то обстоятельство, что распространенный в этих местах письменный литературный язык, многочисленные и нередко обширные памятники которого дошли до наших дней, был близок по своим характеристикам к народному языку, поскольку создавался некогда на основе его наддиалектной формы (койне). К тому же уйгуры-мигранты оказывались на

территориях, где были распространены именно карлукские говоры узбекского языка.

Этническая и языковая преемственность, отличающая стародавних насельников указанного региона, явилась основой тех общих закономерностей в развитии карлуко-чигиле-уйгурских диалектов (в частности их темпоральной системы), которые обладали устойчивостью в течение длительного времени и выявляются в современных говорах уйгурского и узбекского языков.

Материалы этих двух современных языков с их диалектами стали базой для реконструкции языка-основы группы карлукско-уйгурских языков.

Имея в принципе единую этнокультурную среду своего формирования, современные уйгурский и узбекский языки приобрели в ходе исторического развития особенности (прежде всего в фонетике), не только выделяющие их среди других тюркских языков, но и отличающие их один от другого. Среди этих особенностей обращают на себя внимание нарушение законов сингармонизма, изменения в составе гласных фонем, сильная редукция широких гласных, влияние узких гласных на предшествующие широкие гласные (явление умлаута), неустойчивость сонорных согласных и некоторые другие, особенно заметные при сопоставлении литературной формы языков с их многочисленными диалектами.

Диалекты карлукско-уйгурских языков

Языки карлукской группы характеризуются разветвленным диалектным строением, что связано в значительной мере со сложными этнолингвистическими процессами при формировании уйгурского и узбекского этносов и интенсивными и длительными межъязыковыми контактами с окружающими их народами, говорящими на близкородственных тюркских языках или на языках иных систем (иранских, монгольском, китайском, тибетском). Диалекты, являясь наиболее — после наречия – объемными единицами членения общенародного языка, представлены, в свою очередь, рядом крупных и мелких говоров, различия между которыми наблюдаются прежде всего в фонетике, морфологии и – менее – в лексике. Очень часто эти диалектные фонетические, морфологические и лексические особенности наиболее рельефно проявляются на фоне закономерностей литературных языков.

Диалекты уйгурского языка. В уйгурском языке сейчас принято выделять три диалектные единицы (Садвакасов 1997, 437-438, 449; Тенишев 1963 а; Кайдаров 1966):

1) северо-западный, или центральный, диалект – самый разветвленный, представлен 12 говорами. Он является диалектной базой уйгурского литературного языка, выступающего в двух вариантах – язык уйгуров СУАР КНР и язык уйгуров стран СНГ;

2) южный, или хотанский, диалект объединяет несколько мелких говоров;

3) восточный, или лобнорский, диалект также является относительно однородным. Некоторые особенности языка лобнорцев позволяют даже рассматривать его как особый тюркский язык (пережиток "разговорного языка древних киргизов", по мнению С.Е. Малова), однако идущий под влиянием уйгурского языка по пути превращения в одно из уйгурских "наречий" (Малов 1956, 4-5).

Диалекты узбекского языка. В узбекском языке четко различают три наречия: карлукское, или карлуко-чигиле-уйгурское, кыпчакское и огузское (Ходжиев 1997, 436; Решетов, Шоабдурахмонов 1977), в состав которых входят ряд диалектов и многочисленные говоры. Стоя на позициях ареальной лингвистики, А.Б. Джураев предлагает делить узбекский языковой массив на 11 диалектных зон (Джураев А. 1991, 62 и сл.). Для нас особый интерес представляет карлукское наречие, диалекты и говоры которого проявляют черты сходства с уйгурским языком, что естественно, поскольку носители этого наречия являются потомками средневековых карлукских племен (Шаниязов 1964). Эти диалекты в историческом плане взаимодействовали с таджикским языком, в то время как кыпчакские диалекты характеризуются чертами соседних кыпчакских языков, а огузские диалекты – чертами огузских языков (Шаабдурахманов 1983).

К карлукскому наречию относятся ташкентский, ферганский, андижано-шахриханский, наманганский, самаркандско-бухарский, джизакско-каршинский, маргилано-кокандский и североузбекские говоры. Ташкентский говор, как говор столицы республики и важнейшего культурно-экономического центра, занимает особое место в формировании не только современного литературного языка, но и общенационального устного средства общения, общеузбекского койне.

По ряду фонетических и морфологических признаков эти говоры можно сгруппировать по нескольким типам: ташкентский тип, ферганский тип, самаркандско-бухарский тип.

Внутри карлукского наречия заметны также различия между сельскими, кишлачными говорами и городскими говорами, последние явились опорными при формировании узбекского литературного языка, и поэтому по характеристикам фонем они сближаются с литературным языком. В то же время интересно, что у большинства сельских жителей сохраняется историческая память о своей былой родовой или племенной принадлежности.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

"По способу артикуляции все гласные однотипны: струя воздуха может беспрепятственно проходить через полость рта наружу. Различаются они только по действию тех или иных органов [речи]" (Зиндер 1979, 196). В тюркологии гласные принято делить 1) по положению языка в ротоглоточной полости: передние (~ переднерядные), или палатальные, или мягкие, и задние (~ заднерядные), или твердые; иногда выделяют гласные смешанного (среднего) ряда (или индифферентные); 2) по подъему языка: верхнего подъема, или узкие, и нижнего подъема, или широкие; средняя ступень подъема — полуширокие гласные; 3) по действию губ: губные, или лабиальные, и негубные. Благодаря большой подвижности языка и губ объем резонатора может меняться в существенных пределах, поэтому в реальности возможна только скользящая шкала фонетической квалификации гласных звуков, отличающихся сильной качественной градацией. Особыми фонетическими качествами обладают дифтонги.

Для фонетики ряда тюркских языков важна также долготная характеристика гласных звуков, в таком случае выделяют краткие и долгие гласные (иногда полудолгие). К дополнительным характеристикам тюркских гласных относится их назализация и фарингализация.

Уйгурский литературный язык

Вокализм современного уйгурского литературного языка включает восемь фонем.

Таблица 1

Гласные фонемы уйгурского литературного языка

	Передние	Смешанные	Задние
Узкие	*ü*	*ï*	*u*
Полуширокие	*ө*	*ə*	*o*
Широкие	*ä*		*a*

На периферии системы гласных находятся фонемы, встречающиеся только в лексических заимствованиях в основном из русского языка — *y(i)* и *ɛ*.

Этот состав гласных фонем уйгурского литературного языка показан в монографии "Строй уйгурского языка" (Строй 1989, 117-118), а также у А.Т.Кайдарова (Кайдаров 1966, 365), В.М.Насилова (Насилов 1949, 5; 1940, 5), у Т.Талипова (Система 1960; Уйгурский 1963, 191), Э.Н.Наджипа (Наджип 1960, 32-33), Н.А. Баскакова (Баскаков 1955).

Несмотря на наличие 8 фонем, уйгурские гласные не являют собой типичное тюркское их распределение по сингармонистичным парам. Это обусловлено появлением в языке так называемых нейтральных (индифферентных) *ə* и *ĭ*, последний из которых возник в результате нейтрализации оппозиции переднерядного *i* и заднерядного *y*. Большинство уйгуроведов придерживаются точки зрения В.В.Радлова о сужении уйгурских широких гласных под влиянием последующих узких гласных. "В определенную эпоху развития языка за конвергенцией гласных [у], [i] последовали новые изменения, которые в свою очередь вызвали перестройку его системы. В результате слияния близких по артикуляции фонем [у], [i] в один индифферентный звук [ï] в уйгурском языке появился совершенно новый, качественно отличный от других гласных звук [ə] (*e*) (*e* — в уйгурской орфографии. — *Д.Н.*) в таких общетюркских словах, как *qəjĭn* 'береза' (др.-тюрк. *qaδyn*), *käjĭn* 'потом, после' (др.-тюрк. *käδin*), *tärĭq* 'просо' (др.-тюрк. *taryɣ*), *čärĭk* 'войско' (др.-тюрк. *čärig*) и т.д." (Талипов 1972, 55). В таком случае сужающее воздействие оказывает нейтральный *ĭ* следующего слога, и гласные *ə, ĭ* выступают в словах с гласными как переднего, так и заднего ряда.

Указанная фонетическая закономерность уйгурского языка, т.е. "резко выраженная обратная лабиально-палатальная гармония гласных, заключающаяся в регрессивном влиянии гласного второго слога на предыдущие широкие гласные" (Баскаков 1955, 119; Садвакасов 1988, 63-65) — так называемый "уйгурский умлаут" (*i*-умлаут и *u*-умлаут) — выделяет этот язык и его диалекты среди других тюркских языков. В соответствии с этим законом широкие *a* и *ä (æ)* регулярно переходят в *ə* (~ чередуются с *ə*), а в словах с последующими узкими губными гласными — подверглись исторической лабиализации — *a* > *o, ä* > *ö*; ср.: уйг. *älĭp* < *al-yp* 'взяв', *kätĭp* < *kät-ip* 'уйдя', *sätĭš* < *sat-yš* 'продажа', *bärĭš* < *bär-iš* 'выдача', *bäšĭ* < *baš-y* 'его голова', *tamĭyĭ* < *tamayy* < *tamaq-y* 'его горло'; *qošuq* < *qašyq* 'ложка', *tonu-* < *tany-* 'узнавать', *ošuq* < *ašyq* 'альчик', *joruq* < *jaruq* 'свет', *tömür* < *tämir* 'железо', *töšük* < *täšik* 'дыра'.

Нейтральные звуки *ə* и *ĭ* появляются также в первых и последующих слогах многосложных основ, если в них широкие *a* и *ä* попадают в слабую позицию (обычно при наращении аффикса). Эту характерную уйгурскую фонетическую закономерность определяют как редукцию широких гласных; ср.: уйг. *bala* 'ребенок' — *balĭ-lar* 'дети' — *balĭ-lĭr-ĭ* 'его дети', *kəlĭmän* < *käl-ä-män* 'я приду', *bərĭdu* < *bär-ä-du/(-dy)* 'он дает', *jatĭdu* < *jat-a-du/(-dy)* 'он лежит', *kemĭlɛr* < *kemä-lär* 'лодки', *bäšĭdĭkĭ* < *baš-ĭ-daky* 'находящийся в начале'. В середине слова в открытом слоге эти широкие гласные в соответствии с лабиальной гармонией также переходят в узкие *u, ü*; ср.: *tujuɣĭ* < *tujaɣ-y* 'его копыта', *börügüm* < *böräk-im* 'моя почка'.

Указанные фонетические закономерности уйгурского языка создают особые условия распределения гласных в слове: гласные *a, ä, u, ü, ĭ* употребляются во всех позициях, гласные *o, ö, ä* выступают только в анлауте и в начальном — следовательно, корневом — слоге, но не в аффиксах. Нейтральные *ə* и *ĭ* встречаются в мягко- и твердорядных словах.

Такие заметные отклонения от правил тюркского сингармонизма говорят об особом проявлении в уйгурском языке данного общетюркского фонетического закона.

В уйгурском литературном языке нет фонологически значимой долготы гласных, однако в нем появляется компенсационная долгота, возникающая обычно в результате падения неустойчивых согласных (см. раздел "Консонантизм").

Узбекский литературный язык

Таблица 2

Гласные фонемы узбекского литературного языка

	Передние	Смешанные	Задние
Узкие		*ĭ*	*u*
Полуширокие	*e*		*o̊*
Широкие	*a*	*ɔ*	

Данный состав гласных фонем мы видим у А.Н. Кононова (Кононов 1960, 15-16), у В.В. Решетова (Решетов 1961, 16; 1966, 341), в академической грамматике (ЎТ 1969). В приведенный перечень фонем не включены фонемы, вошедшие из русского языка, — *ä, o* и *y*.

Фонетическая система литературного языка основывается на фонетике говоров городского типа карлукского наречия.

Отличительная черта узбекского вокализма — 6 гласных фонем — выделяет этот язык среди тюркских как язык, потерявший практически палатальный и лабиальный сингармонизм. На уровне аффиксальной части слова это привело к тому, что аффиксы, как правило, выступают в одном фонетическом варианте.

В результате потери в литературном языке типичных тюркских сингармонистических оппозиций в системе сложились гласные фонемы *o̊* и *u*, сохранившие в историческом плане от бывших оппозиций *o–ö* > *o̊* и *u–ü* > *u* признаки лабиальности и степени подъема, при этом *o̊* как лабиализованный гласный заднего ряда среднего/верхне-среднего подъема встречается только в первом слоге (пережиток былого распределения *o–ö* в слове); фонема *u* занимает любые позиции в слове.

Узбекский и уйгурский литературные языки объединяет существование в их вокализме индифферентной фонемы *ĭ*, возникшей на основе нейтрализации оппозиции двух узких фонем *i–y*, закономерной пары в восьмифонемной сингармонистической системе общетюркского вокализма; узбекская фонема *ĭ* сохранила только дифференциальный признак верхнего подъема.

Другой особенностью узбекского вокализма является наличие фонемы *ɔ*, которая определяется как гласный заднего ряда нижнего подъема (широкий); участие губ в произношении этого гласного или отсутствует, или проявляется в слабой степени, но в любом случае относится к его фоническим свойствам, а не к фонологическим признакам (отсюда споры среди узбековедов об огубленности данной фонемы). Тем не менее наличие такого звука позволяет говорить об "оканье" как характерной черте узбекского языка

(Абдуллаев 1957). Реализация этой фонемы весьма колеблется по говорам: она варьирует по степени открытости, продвинутости и участия губ (огубленности), есть различия и в ее дистрибуции.

Большинство исследователей склоняются к признанию роли внутренних факторов истории узбекского языка, а также межъязыковых контактов — прежде всего с иранскими языками (таджикским языком) — в развитии этой фонемы *ɔ*.

Артикуляционно *a* в литературном языке характеризуется как максимально широкий гласный, продвинутый вперед, акустически воспринимаемый с *ɔ*-образным оттенком. Такой гласный выступает в любом слоге и в любом окружении, даже в соседстве с гуттуральными *q, ɣ, x*: *aqa* 'старший брат', *amakĭ* 'дядя', *arra* 'пила', *sanamɔq* 'считать', *ĭdɔragača* 'до конторы', *o̊qĭjapman* 'я читаю'.

Диалектный материал

Диалекты уйгурского языка

Основные фонетические закономерности вокализма, свойственные литературному языку: существование индифферентных гласных фонем, умлаут, редукция широких гласных, особенности действия лабиальной и палатальной гармонии, — поскольку относятся к общим фонетическим признакам национального уйгурского языка вообще (Кайдаров 1966, 148), проявляются в диалектах и говорах в той или иной степени регулярности и полноты. В диалектах и говорах также значительно варьируют произносительные, комбинаторные варианты гласных фонем.

Так, несмотря на то, что фонема *ĭ* свойственна всем уйгурским диалектам, она может реализоваться в них с разной регулярностью в трех основных произносительных вариантах: 1) редуцированный вариант *i* в соседстве с сонорными (турфанский, илийский говоры); 2) отодвинутый вариант, более задний *ĭ(ĭ)*, приближающийся к *y*, в соседстве с гуттуральными согласными (аксуйский, кучарский, кашгарский, яркендский, хотанский); 3) оглушенный, шепелявый вариант *ĭˢ*, встречающийся в анлауте ряда слов (турфанский, кучарский, аксуйский, кашгарский, яркендский, хотанский, илийский) (Кайдаров 1969, 151):

1) турф. *bilimiz* 'мы узнаем', ферган. *turisilidɛ* 'они стояли', турф. *miltik* 'ружье';

2) куч. *qĭɣan* < *qĭlɣan* 'он сделал', акс., кашг. *ɣalĭq* 'глотка', акс., кашг. *qĭχ* 'сорок', куч. *qĭra* 'наем', хотан. *qĭčqĭt-* 'приглашать';

3) акс., кашг., куч., хотан., турф., ярк. *ĭˢkĭ* (но лобн., хам. *ikkĭ* ~ *ikĭ*) 'два', хотан. *ĭˢkezäk* 'близнецы', акс. *ĭˢt* (но лобн. *it*) 'собака', ярк. *ĭˢtĭk* 'острый', хотан. *ĭˢpar* 'мускус', Jarr$_2$ *ĭˢkɛn* ~ *ĭˢkʼɛn* ~ *išˢkʼɛn* 'оказывается'.

Эти и подобные позиционные варианты фонемы *ĭ* не разрушают ее фонологического единства и не меняют статуса индифферентного звука уйгурской фонетической системы.

При сохранении в уйгурских диалектах восьмифонемного вокализма (с

оппозицией парных *а : ä, и : ü, о : ö* и двух нейтральных *ə, ĭ)* здесь заметны различия в проявлении правил сингармонизма. Например, в пржевальском (иссыккульском) говоре губная гармония довольно последовательно соблюдается в слогах после узкого или широкого губного гласного: пржев. *joluŋɣa* 'на твою дорогу', *bolup* 'став', *bulut* 'облако' (Баскаков 1978, 4); более последовательно проявляется палатальная гармония, поскольку в говоре может восстанавливаться оппозиция *i : y*: пржев. *ajlynyp* 'повернувшись', *salamymny* 'мой привет' (в Вин.п.), *qašlyryŋ* 'твои брови'. В илийском говоре также наблюдается соблюдение губной гармонии (илий. *pütünsürük* 'целиком', *pulum* 'мои деньги', *külüm* 'моя зола'), а палатальная нарушается чаще; ср.: илий. *tala-ɣa* 'на улицу', *käl-gän* 'он пришел', но *qošumčılar* 'приложения'. Наиболее полно и последовательно губная гармония проявляется в лобнорском диалекте (как результат киргизских связей), в языке илийских уйгуров: лобн. *köŋlök* 'рубашка', *boron* 'ветер', *ojɣotop* 'разбудив'.

В целом, однако, можно сделать заключение, что нарушение закономерностей сингармонизма отмечается во всех уйгурских диалектах и говорах (Кайдаров 1969; Тенишев 1963 а).

То же самое можно сказать и о проявлениях в говорах других основных закономерностей уйгурского вокализма — законов а) редукции широких гласных и б) обратного влияния узких гласных (умлаута):

а) из опубликованных данных можно вывести, что наиболее последовательно редукция широких гласных происходит в илийском говоре как кульджинских (синьцзянских), так и семиреченских уйгуров (включая ферганский говор), т.е. в том говоре, который исторически лег в основу уйгурского литературного языка в обеих его ипостасях (для СУАР и СНГ). Поэтому если в литературном языке отражение редукции гласных стало орфографическо-орфоэпической нормой, то в диалектной речи илийцев все равно наблюдаются отклонения от этих норм и существуют непоследовательности в проявлении редукции тех или иных широких. Выявляются также некоторые ареальные закономерности: «в кучарском, аксуйском, кашгарском говорах, близких в территориальном отношении к илийскому, "нарушение" редукции сравнительно меньшее, чем в соседних с ним турфанском и яркендском говорах. А хамийский говор на северо-востоке и хотанский диалект на юго-западе страны, граничащие с лобнорским диалектом, в котором вообще не представлен закон редукции, против всякого ожидания отражают данный закон более последовательно, чем соседние говоры — турфанский, яркендский... Таким образом, редукция в системе уйгурских диалектов представлена далеко не единообразно. С учетом этого закона общенародный уйгурский язык можно разделить условно на три группы говоров: а) илийская группа, как последовательно отражающая закон редукции; б) лобнорская группа, как не отражающая этого закона, и в) турфано-кашгаро-хотанская группа, в которой этот закон сильно нарушен и отражается далеко не одинаково» (Кайдаров 1969, 156);

б) закон обратного влияния узких гласных (уйгурский умлаут) так же непоследователен в своем проявлении по говорам. Здесь илийский говор опять демонстрирует наибольшую регулярность сужения широких в одно- и двусложных словах, охватывающего и слова заимствованные; ср.: илий. *kevĭr* < ар. *kabr* 'великий', *ɣerĭp* < ар. *ɣarp* 'странник'. Снижение регулярности по говорам идет в такой последовательности: хамийский, турфанский, кучарский, аксуйский, кашгарский, ферганский, яркендский и хотанский, а лобнорский диалект показывает максимальную непоследовательность этого явления.

Ряду уйгурских диалектов свойственно еще одно фонетическое явление, состоящее в сужении широких *а, ä, о, ö* и в более передней их артикуляции, причем и здесь виден разнобой по говорам в этом процессе. В лобнорском и кучарском могут сужаться все широкие: *а > е, ä > е, е > ĭ, о > u, ö > ü*; ср.: лит. *aɣa* ~ лобн. *ege* 'хозяин', лит. *ana* ~ лобн. *ene* 'мать', лит. *öt-* ~ лобн. *üt-* 'проходить', лит. *dä-* ~ лобн., куч. *de-* 'говорить', лит. *tazĭla-* ~ ферган. *täzälä-* 'чистить', лит. *šaptula* ~ куч. *šeptol* 'персик', лит. *zaman* ~ куч. *zeman* 'время', лит. *tonu-* ~ куч. *tunu-* 'узнавать', лит. *tošu-* ~ куч. *tušu-/tešu-* 'таскать, доставлять', лит. *ölüm* ~ куч. *ülüm* 'смерть'; в аксуйском, хамийском, турфанском, кашгарско-ферганском, хотанском таких переходов меньше: лит. *kät-* ~ акс. *ket-*, лит. *zänǯĭr* ~ акс., турф. *zenǯĭr* 'цепь', лит. *käl-* ~ акс.,кашг., турф., хотан. *kel-* 'приходить', лит. *köj-* ~ ферган. *küj-* 'гореть', лит. *söj-* ~ ферган. *süj-* 'целовать', лит. *käč-* ~ пржев. *käč-* 'проходить', лит. *oɣul* ~ хотан. *uɣal* 'сын', лит. *oqu-* ~ куч. *uqĭ-* 'читать', лит. *očuq* ~ хотан. *učuq* 'открытый', лит. *öz* ~ хотан. *üz* 'сам', лит. *ölük* ~ кашг. *üläk* 'труп', лит. *ämčäk* ~ ярк. *emčäk* 'грудь', лит. *ǯohut* ~ акс. *ǯövut* 'еврей'; минимум таких переходов отмечен в илийском говоре.

Поскольку указанное фонетическое явление распространено в большинстве уйгурских говоров, то оно также может служить маркером их различий, однако его проявление в отношении негубных и губных гласных столь различно, что пока не удается выявить его доминанту, кроме общей тенденции в каждом говоре (Кайдаров 1969, 159-161).

В связи с этим явлением возникает особый вопрос о месте *ä*, поскольку в современном уйгурском (и в азербайджанском) языке фонема этого качества заняла место в системе вокализма, а более узкие *ɛ–е* выступают ее позиционными вариантами. Интерес вызван проблемой восстановления в тюркском оппозиции *а–ä//а:–ä:* или *а–ä*, но *а:–ɐ:* (СИГТЯ 1984, 18-23). Представляется, что здесь следует учитывать именно указанное свойство сужения гласных в уйгурском языке в целом (Талипов 1983, 22-25; 1972, 31-33), благодаря которому проявляется тенденция приведения к тюркской "исторической норме" некогда фонологизированного в языке варианта широкого переднего гласного самого нижнего подъема, артикуляционный статус которого в системе вокализма из-за идущего в языке процесса разрушения сингармонизма не получает принципиально "прочной" позиции (фонологически здесь пока более важен признак рядности, чем подъема; признак подъема нейтрализуется в случаях уйгурского умлаута). В противополож-

ность уйгурскому, в узбекском литературном языке (~ в опорных говорах) признак рядности практически исчезает, и в системе появляются две широкие фонемы — *а* и *ɔ*.

В отдельных уйгурских говорах отмечается и обратное явление — расширение узких гласных, причем переднерядные гласные в таком случае могут замещаться заднерядными: *ü* > *u*, *ö* > *o*; ср.: лит. *gül* ~ кашг., ярк., ферган. *gul* 'цветок', лит. *göš* ~ куч., турф., ферган. *goš* 'мясо', лит. *buɣdaj* ~ куч., хот., кашг. *boɣdaj* 'пшеница', илий. *böläk* ~ хотан. *büläk* 'другой, отличный'; в лобнорском и кучарском говорах такой переход не отмечен, нет его и в илийском говоре и, естественно, в литературном языке.

Таким образом, мы наблюдаем достаточно пеструю картину проявления по говорам общеуйгурских фонетических закономерностей.

Диалекты узбекского языка

Поскольку литературный узбекский язык характеризуется распадом сингармонизма и наличием узкого гласного смешанного ряда *ĭ* (в этом он совпадает с уйгурским языком) со всеми вытекающими отсюда фонетическими явлениями, то узбекские диалекты и говоры демонстрируют как отклонения от данной фонетической системы, так и известные ступени ее сложения, т.е. те или иные отступления от законов тюркского сингармонизма, максимум которых представлен в литературной форме языка. Все говоры, относящиеся к **карлукскому** наречию узбекского языка, в области вокализма тяготеют к одному из трех известных типов: ташкентскому, ферганскому или самаркандско-бухарскому типам. Для ташкентской группы характерно отсутствие контрастирующих по открытости пар гласных и употребление вместо них гласных смешанного ряда; в ферганском типе, наоборот, отмечается еще сохранение в ряде случаев сингармонистических вариантов гласных; самаркандско-бухарский тип отличается нейтрализацией сингармонистических оппозиций и особым качеством широкой фонемы *а* в любых слогах. Внутри этих типов возможны по отдельным говорам заметные колебания в составе гласных фонем – от шести-семи до десяти фонем – и в их качестве.

В говорах **ташкентского** типа, как и в литературном языке, обычно наличествует 6 гласных фонем. В то же время в ряде говоров еще сохраняются отдельные контрастивные пары фонем, благодаря чему число фонем увеличивается до 7-9. Так, в говорах Бустанликского и Бекабадского районов Ташкентской области есть оппозиция *о : ö*, проявляющаяся в нескольких словах — ташк. *bol-* 'стать' — *böl-* 'делить', *ot* 'трава' — *öt-* 'желчь', в них число гласных фонем — 7; в Ангренском районе есть говоры, в которых наличествует 9 фонем (8 сингармонистичных пар и девятая фонема — переднерядная, сдвинутая назад *æ*), однако эти говоры в фонетическом отношении тяготеют к говорам кыпчакского типа.

При характеристике отдельных говоров прежде всего обращает на себя внимание статус в них фонемы *ɔ*, которая, имея, как и в литературном языке, широкое распространение, варьирует по степени раствора, огубленности

и по распределенности в слогах слова. В первом слоге *ɔ* встречается во всех говорах ташкентского типа: *ɔz* 'мало', *ɔlmæ* 'яблоко', *ɔrqa* 'спина', *ɔnæ* 'мать', *qɒr* 'снег', *sɔmsæ* 'пирожок'. Во втором и последующих слогах наблюдаются отклонения от литературной нормы: *ɔwɔz* 'голос', *ɔlɔw* 'пламя', *tɔzæ* 'чистый', но в других случаях — ташк. *bɔhɔ* ~ лит. *bahɔ* 'цена', ташк. *wɔqt* ~ лит. *waqt* 'время', ташк. *kɔttæ* ~ лит. *kættæ* 'большой', ташк. *bætqɒɣ* ~ лит. *bɔtqɔq* 'болото', ташк. *æzrɔɣ* ~ лит. *ɔzrɔq* 'меньше'; такие колебания очень непоследовательны и проявляются в слогах разной структуры: ташк. *æwwæl /ɔwwɔl* ~ лит. *æwwæl* 'прежде', ташк. *sajlɔw / sæjlæw* ~ лит. *sæjlɔw* 'выборы', ташк. *tɔwɔ /tɔwɔɣ* ~ лит. *tɔwɔq* 'курица' (ТОЎШ 1976, 8-14; Шаабдурахманов 1983, 25-43).

Из других особенностей говоров ташкентского типа можно отметить явление лабиализации *ĭ* > *u* под воздействием соседнего билабиального *w*, в силу чего возникли специфические показатели временны́х форм: ташк. *kelduw, bɔrwɔmmĭz, bɔræwuz / bɔræ:wuz* < лит. *keldĭk, bɔrjapmĭz, bɔrarmĭz* 'мы пришли', 'мы идем', 'мы пойдем', ташк. *qatuw* ~ лит. *qatĭq* 'катык'.

С другой стороны, имеются случаи делабиализации *u* > *ĭ* в непервых слогах: ташк. *uzĭn* ~ лит. *uzun* 'длинный', ташк. *učĭn* ~ лит. *učun* 'для', ташк. *ĭstĭdæ* ~ лит. *ustĭda* 'над', ташк. *bĭzɔq / bĭzaɣ* ~ лит. *buzɔq* 'теленок', ташк. *qĭlɔq* ~ лит. *qulɔq* 'ухо'.

Возможна также редукция широкого *а*, особенно в многосложных словах: ташк. *ɔlĭš(ĭ)wrædĭ* ~ лит. *ɔlĭša-b/werdĭ* 'он продолжал брать'.

Встречаются случаи расширения узкого лабиального, причем в отдельных говорах наблюдается проявление палатальной оппозиции: ташк. *komĭč / komĭš* ~ лит. *kumuš* 'серебро', ташк. *köj* ~ лит. *kuj* 'мелодия', ташк. *ɔlax* ~ лит. *ulɔq* 'козленок'.

Благодаря неустойчивости отдельных консонантов и их падению возникают вторичные долгие гласные, хотя это явление также непоследовательно проявляется в говорах ташкентского типа: ташк. *čelæ*: ~ лит. *čelæk* 'ведро', ташк. *bɔ:mĭ* ~ лит. *bɔrmĭ* 'есть ли?', ташк. *te:mæ* ~ лит. *tegmæ* 'не трогай', ташк. *o:nuč* ~ лит. *ůn uč* 'тринадцать'.

Для говоров **ферганского** типа характерно сохранение в большей степени оппозиций гласных по признаку палатальности, поэтому в них насчитывается 6-7 фонем, но обычно — от 8 до 10 гласных фонем. Исследователи подчеркивают, что речь жителей городов и поселков ближе к литературной норме по сравнению с речью сельских жителей, поэтому в кишлачных говорах чаще существуют сингармонистические пары гласных. Так, в городском говоре Андижана имеется 9 гласных фонем (*æ, а, ɔ, е, о, ö, и, ü, ĭ*), в говорах окрестных кишлаков — 10 и более фонем, т.е. в них сингармонизм проявляется в полной мере; то же наблюдается в городских говорах Верхней Кашкадарьи — Яккабада, Чиракчина (в них 6-7 фонем), противопоставляемых переходным говорам этого региона, в которых наблюдается усиление карлукских черт и затухание кыпчакских признаков (становление фонемы *ɔ* и размытость смыслоразличительных функций у лабиальных фонем) (Кудратов

1968, 8-19); в кокандском говоре также 6 гласных фонем (его яркой особенностью является наличие в системе только фонемы *æ*, в то время как *a* выступает ее произносительным вариантом обычно в соседстве с гуттуральными) (Насыров 1965, 10-11); в городских и смешанных говорах западной Ферганы имеется по 8 гласных фонем, а в соседствующих с ними кыпчакских говорах — 9 фонем и более (Тургунов Т. 1968, 4-9); в балыкчинской группе говоров (Андижанская область) представлено 10 гласных фонем: ряд широких здесь состоит из *ä–a–ɔ*, причем статус последней как отдельного члена, видимо, не устоялся, поскольку существуют двухвариантные слова или случаи спонтанного расширения *a*: балык. *tɔyɔ / taya* 'дядя', *ɔnɔr/ anɔr* 'гранат', *tɔryx* ~ лит. *tarïq* 'просо' (Тургунов А. 1969, 12-13).

Фонема *ɔ* присутствует во всех говорах ферганского типа, однако она здесь (особенно в кишлачных говорах) встречается обычно в односложных корнях или в первом слоге многосложных слов, редко переходя в последующий слог и в аффиксы (ср.: в говорах ташкентского типа для нее таких ограничений нет): ташк. *qɔčɔɣ/qɔčɔ:* ~ ферган. *qɔčɔq/qɔčaq* ~ лит. *qɔčɔq* 'беглец', ташк. *pæjpɔq* ~ ферган. *pejpaq* ~ лит. *pæjpɔq* 'носок', ташк. *tɔzærɔ:/ tɔzærɔɣ* ~ ферган. *tɔzæræɣ* ~ лит. *tɔzærɔq* 'чище'.

К говорам ферганского типа относится также наманганский говор (говор города Намангана и близлежащих районов), который имеет большое сходство с литературным языком, также является "окающим" (в нем 6 гласных фонем, представленных 14 произносительными вариантами), однако на фоне других говоров он выделяется фонетической особенностью — явлением умлаута ("умлаутный говор" узбекского языка — Боровков 1946, 30), сближающим его с уйгурским языком. Умлаут, т.е. уподобление гласного предшествующего слога гласному последующего слога, а также некоторые иные фонетические особенности говора (например, частое выпадение сонантов и гуттуральных с образованием вторичной долготы гласного) объясняются влиянием уйгурского языка, носители которого массово переселялись в этот регион начиная с XVI в. (Атамирзаева 1974, 6-8). Описывающие это явление узбековеды не различают случаи синхронного позиционного влияния узких на предшествующие широкие и историческое сужение широких в словах с узким гласным, т.е. то, что уйгуроведы называют, с одной стороны, умлаутом, а с другой — редукцией широких гласных.

Умлаут в говорах Наманганской области конкретно проявляется в том, что широкие *a, ɔ* и полуширокие (средние) *e, ů* под влиянием узких гласных следующего слога претерпевают сужение и переходят *a* > *ɛ, ɔ* > *ɛ* или *ů* (последнее чередование можно объяснить тем, что *ɔ* в говоре часто имеет лабиальный оттенок), *e* > *ĭ, ů(o)* > *ʊ* ; ср.: наманг. *qulɛɣĭ* ~ лит. *qulɔɣĭ* 'его ухо', наманг. *qɔzænĭ* ~ лит. *qɔzɔnĭ* 'его котел', наманг. *katːæšĭdænĭdĭ* ~ лит. *kattasĭdan edĭ* 'он был из бóльших', наманг. *tæšĭ/tůšĭ* ~ лит. *tɔšĭ* 'его камень', наманг. *bɔlælɛĭ* ~ лит. *bɔlælærĭ* 'его дети', наманг. *jůːšĭ* ~ лит. *jɔšĭ* 'его возраст', наманг. *ĭnmːastaˑ(n)* ~ лит. *erĭnmastan* 'не ленясь', наманг. *kʊzĭm* ~ лит. *kůzĭm* 'мой глаз', *sʊjub* < *sůjĭb* ~ *sewĭb* 'любя'; ср. также: наманг. *hæĭ* ~ лит. *harĭ*

'матица', наманг. *ɛnĭq* ~ лит. *anïq* 'ясно', наманг. *ɛql* ~ лит. *aql* 'ум', наманг. *kĭlĭn* ~ лит. *kelĭn* 'невестка', наманг. *ʊruˑ(ɣ)* ~ лит. *ůrĭk* 'урюк', наманг. *ʊtun* ~ лит. *ůtĭn* 'дрова', наманг. *ĭšĭˑ(ɣ)* ~ лит. *ešĭk* 'дверь'. Сужение широких в наманганском говоре носит непоследовательный характер, по-разному проявляется в первом и последующих слогах (например, широкие изменяются только в открытых слогах) и зависит от количества слогов в слове (Атамирзаева 1974, 18-24), однако в целом это явление вызвало появление в говоре устойчивых артикуляционных вариантов гласных — *ɛ, ʊ, o̜*, которые придают определенный акцент речи наманганцев.

В их говоре прослеживается также "лабиальная разновидность гармонии, которая является абсолютной, т.е. распространяющейся на всю основу и все морфологические элементы, кроме падежных аффиксов. В целом губная гармония наманганского говора сходна с губной гармонией уйгурского языка. Лабиализоваться могут как широкие, так и узкие гласные" (Атамирзаева 1974, 15): наманг. *ukɔm* ~ лит. *ukæm* 'мой брат', наманг. *o̜zuq* ~ лит. *ɔzĭq* 'пища', наманг. *o̜šuq* ~ лит. *ɔšĭq* 'альчик', наманг. *ʊstur* ~ лит. *ůstĭr* 'выращивай', наманг. *kʊrup* ~ лит. *kůrĭb* 'увидев', наманг. *to̜mur* ~ лит. *tɔmĭr* 'жила', наманг. *qɔnɔt* ~ лит. *qanɔt* 'крыло', наманг. *bɔhɔˑdur* ~ лит. *bahɔdĭr* 'смелый'.

Как отмечал В.В. Решетов, некоторые фонетические явления в андижанском говоре можно объяснить, лишь предположив известное влияние на него уйгурского языка, сходное с влиянием на наманганские говоры. Даже теперь в Андижане есть махалля, в которых живут уйгуры, хотя они идентифицируют себя с узбеками (Маматов 1967, 6).

В говорах ферганского типа отмечены и другие фонетические изменения гласных, в частности более передняя реализация фонем: ферган., андиж. *čɛč* ~ лит. *sɔč* 'волосы', андиж. *sɛwæt* ~ лит. *sæwæt* 'корзина', андиж. *šæx* ~ лит. *šɔx* 'рог'; делабиализация: андиж. *čĭmælĭ* ~ лит. *čumɔlĭ* 'муравей', андиж. *qɔbĭl* ~ лит. *qabul* 'прием', ферган. *ĭmær* ~ лит. *umær* 'Умар'; лабиализация: коканд. *jutmuš* ~ лит. *jetmĭš* 'семьдесят', коканд. *duwɔnæ* ~ лит. *dɛvɔnæ* 'юродивый', коканд. *kůpælæk* ~ лит. *kæpælæk* 'бабочка' и др. (детальную характеристику произносительных вариантов гласных и их позиционных изменений в говорах Андижанской области см.: Иброхимов 1967, 18-56).

Говоры **самаркандско-бухарской** группы, охватывающие говоры города Самарканда и его ближайших окрестностей (Самаркандский сельский район, города Ургут, Нурата, Каттакурган, Джизак), Бухары и ее ближайших окрестностей, а также Шахрисябза, Китаба, Коканда, Верхней Кашкадарьи (г. Карши и окрестности), Южного Таджикистана, как известно, Е.Д.Поливанов квалифицировал как "иранизованные" и даже "максимально иранизированные", поскольку в них в наибольшей степени нарушены законы сингармонизма. Действительно, здесь доминирует шестичленная система вокализма, и все говоры являются окающими, имея фонему *ɔ*, причем часто характеризующуюся заметной лабиализацией (*ɔ̊*), однако распределение

между *а* и *ɔ* в составе слова отличается от говоров ташкентского типа. Городские жители большинства указанных городов и их ближайших окрестностей являются двуязычными, владея узбекским и таджикским языками, кишлачные жители могут быть и одноязычными; в связи с этим отмечаются и различия в фонетических нормах первых — двуязычных и вторых — одноязычных (Мирзаев 1969, 19-27). Однако в целом в указанном регионе наблюдается максимум — по сравнению с другими районами — взаимодействия узбекского и таджикского языков. Нужно еще раз заметить, что на основе произносительных норм этих городских говоров формировались система гласных литературного узбекского языка и орфоэпические правила последнего.

Вопрос о влиянии таджикского языка и вообще тюркско-иранского двуязычия на становление современной системы вокализма, в которой разрушен сингармонизм, давно обсуждается в тюркологии. Е.Д. Поливанов именно с двуязычием связывал исчезновение сингармонистических оппозиций в узбекских диалектах, современные узбековеды склоняются к точке зрения, что иранское влияние было дополнительным стимулирующим фактором в этом процессе, который развивался спонтанно внутри самой тюркской системы вокализма (Шаабдурахманов 1983, 22-25; Джураев А. 1991, 127-140).

В отличие от говоров ташкентского типа и литературного языка, в данной группе говоров четко сохраняется широкая фонема *а*, естественно, при наличии и *ɔ*; ср.: сам.-бух. *а-ɔ*, ташк. *æ-ɔ*, однако в говоре Коканда имеется три широкие фонемы — *а, æ, ɔ*. В говоре Самарканда и Бухары индифферентная фонема *ĭ* выделяется четкостью произношения, отсутствием редукции, что создает впечатление ее известной длительности, в то же время фонема *ů* чаще реализуется в более переднем варианте *ӧ (ø)*, наконец, фонема *ɔ* выступает в огубленном варианте. Таким образом, городские говоры этого типа, особенно если их носители билингвы, выделяются своим вокализмом среди других узбекских говоров карлукского наречия. Что касается речи так называемых одноязычных жителей городов и кишлаков, то она характеризуется признаками их родных (в данном случае карлуко-чигиле-уйгурского наречия) говоров, с другой стороны, испытывает влияние литературной нормы, а также соседствующих говоров иного типа, поэтому, как в свое время указывал Е.Д. Поливанов, эти говоры можно относить к "промежуточным", "смешанным" говорам.

По данным М.М.Мирзаева (Мирзаев 1969, 19-25), в городском говоре Бухары *ɔ* имеет устойчивую лабиализацию, в кишлачных — только оттенок огубления; ср. для первых: бух. *bɔ°ɣ* 'сад', бух. *ɔ°rɔ°m* 'покой', бух. *ɔ°šnɔ°* 'приятель'; для вторых: бух. *qɔšĭq* 'ложка', бух. *bɔzɔr* 'базар', бух. *gelɔs* 'черешня'. Отметим, что оба варианта *ɔ* могут встречаться в любых слогах, в литературном языке в ауслауте обычно выступает *а-æ*. Для фонемы *а* типично отсутствие более переднего или более узкого варианта произношения: бух. *manga* 'мне', бух. *arɔ°ba* 'повозка'; такими же признаками обладает фонема *а* в каршинском говоре: карш. *ammɔr* 'амбар', *bɔraman* 'я иду',

balĭɣ 'рыба'. В шахрисябском говоре, входящем в этот диалектный тип, регулярно выступает более передний вариант широкой фонемы *æ:* шахр. *sælt* 'свободный', то же в карлукском говоре Южного Таджикистана: карлук. *ærɔqčĭn* 'тюбетейка'.

В говорах самаркандско-бухарского типа отмечены типичные чередования гласных: лабиализация — бух. *kůpruk* ~ лит. *kůprĭk* 'мост', бух. *mɔku* ~ лит. *mɔkĭ* 'челнок', бух. *mudur* ~ лит. *mudĭr* 'заведующий', бух. *dajdu* ~ лит. *dæjdĭ* 'бродяга', андиж. *ɔɣɔnæ-* ~ лит. *aɣna-* 'валяться', андиж. *bɵdænæ,* карш. *bodana* ~ лит. *bedænæ* 'перепел', карш. *ĭšuŋ* ~ лит. *ĭšĭŋ* 'твоя работа', карлук. *kůjmɔ°ɣ* ~ лит. *qajmɔq* 'сливки', шахр. *üčæk* ~ лит. *ĭčæk* 'кишки', шахр. *čüwün* ~ лит. *čĭwĭn* 'муха'; делабиализация — бух. *qĭjav* ~ лит. *kujɔw* 'зять', карлук. *ĭtqĭr* ~ лит. *utkĭr* 'острый', карлук. *ĭššaɣan* ~ лит. *ůxšaɣan* 'похожий', шахр. *qajɣɛ* ~ лит. *qajɣu* 'горе', карш. *qojwuddĭ* ~ лит. *qůjĭb jubɔrdĭ* 'он отпустил'; расширение узких — карлук., карш. *oj* ~ лит. *uj* 'дом', карш. *sojundĭ* ~ лит. *sujundĭ* 'он обрадовался' (дополнительные примеры см.: Ражабов 1977).

Рассматривая системы вокализма в различных говорах, включаемых в карлукское наречие узбекского языка, можно видеть, что они по составу фонем распадаются на две группы: с минимальным составом гласных (6 фонем) и с максимальным составом гласных (10 фонем), причем немалое число говоров имеет девятифонемный вокализм. Это свидетельствует о разрушении сингармонизма, во-первых, и о его сохранении во многих диалектных единицах, хотя, может быть, и не таком последовательном, во-вторых. Такая подвижность говорит о незаконченности формирования в данном диалектном массиве единой системы гласных, о том, что эти диалекты и говоры демонстрируют разные этапы развития своих фонетических систем, идущих в целом к свертыванию сингармонистических оппозиций (при этом нельзя забывать, что все они испытывают сильное давление литературного языка с его шестифонемным вокализмом).

Начальные этапы развития указанных процессов иллюстрируют так называемые переходные говоры узбекского языка, относящиеся тем не менее к карлуко-чигиле-уйгурскому наречию. Здесь можно сослаться на сайрамский говор, который локализуется в Казахстане, вблизи г. Чимкента (Зуфаров 1966). В говоре 9 гласных фонем, звук *ɔ* выступает произносительным вариантом *а* и встречается в первом слоге: сайрам. *ɔzan* ~ лит. *azɔn* 'раннее утро', сайрам. *ɔnar* ~ лит. *anɔr* 'гранат'. Сохраняется последовательный сингармонизм; отмечены явления лабиализации — сайрам. *bükæwül* ~ лит. *bakawul* 'повар', сайрам. *qowm* ~ лит. *qawm* 'род'; делабиализации — сайрам. *byzaq* ~ лит. *buzɔq* 'теленок'; сужения гласной — сайрам. *šænbi* ~ лит. *šɛnbæ* 'суббота', сайрам. *waqyja* ~ лит. *waqea* 'случай'; расширения гласной — сайрам. *æmæs* ~ лит. *emes* 'не', сайрам. *sæn* ~ лит. *sɛn* 'ты', сайрам. *öj* ~ лит. *uj* 'дом'; опереднения — сайрам. *mɛjiz/mɛgiz* ~ лит. *magĭz* 'кишмиш'. Указанные закономерности, а также особенности консонантизма говора и его морфологии позволяют выявить влияние на него соседствующего казах-

ского языка, т.е. усиление кыпчакских языковых свойств. Сложное взаимодействие между кыпчакскими чертами и карлукскими наблюдается в говорах Джизака, городской говор которого принадлежит к окающим. В говоре 7 гласных фонем, представлены *а–æ–ɔ*, но нет четкого распределения *æ–ɔ* (как в соседнем самаркандском говоре), поэтому возможны колебания типа: джизак. *ɔlmæ* ~ *ælmæ* 'яблоко', *ɔjaq* ~ *æjaq* 'нога', *ortɔq* ~ *urtɔɣ* 'товарищ' (Гулямов Х. 1954, 6-8).

Каракульский говор узбекского языка взаимодействует с огузскими диалектами (хорезмско-огузскими говорами) и является "переходным от огузского типа к говорам карлукского типа" (Шамсиддинов 1965, 5). В нем отмечен сохранившийся сингармонизм, в системе 10 гласных фонем, широких — 3 фонемы: *а–æ–ɔ*, среди которых есть лабиализованная фонема *ɔ°*, выступающая в смыслоразличительной функции, т.е. как самостоятельная фонема, а не вариант, как в хорезмско-огузских говорах: карак. *tɔ°r / dɔ°r* ~ хорезм. *dar* ~ лит. *tɔr* 'узкий', карак. *jɔ°z* ~ хорезм. *ja:z* ~ лит. *jɔz* 'лето'. Распространены явления расширения гласных: карак. *næčtæ* ~ лит. *nɛčtæ* 'сколько', карак. *kæpæk* ~ лит. *kepæk* 'отруби', карак. *tiræš-* ~ лит. *tĭrĭš-* 'стараться'; сужения гласных: карак. *gid-* ~ лит. *ket-* 'уходить', карак. *ǰɔrip* ~ лит. *ǰɔrop* 'веник'; лабиализации: карак. *sowyn-* ~ лит. *sewĭn-* 'радоваться', карак. *kowš* ~ лит. *kɛwiš* 'обувь', карак. *döwlæt* ~ лит. *dæwlæt* 'государство'. При наличии явных признаков огузского типа в говоре начинается разрушение палатальной гармонии и заметное сужение сферы действия лабиальной, что вызвано влиянием соседних говоров бухарского типа и литературного языка, в силу чего каракульский говор стал фактически окающим, пополнившим собой состав говоров карлукского наречия узбекского языка.

Несмотря на различия в системах вокализма, которые были показаны выше, все говоры на основе объединяющих их фонетических и мофологических признаков "составляют *единый* диалектный комплекс" (Решетов 1957, 24), что и позволяет включать их в карлукское наречие узбекского языка.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЛАСНЫХ В ЯЗЫКАХ УЙГУРО-КАРЛУКСКОЙ ГРУППЫ И ИХ ДИСТРИБУЦИЯ

Рассмотрение приведенного материала по составу гласных фонем уйгурского и узбекского языков – языков уйгуро-карлукской группы позволяет выявить общие тенденции исторического развития этих фонологических единиц и особенности их распределения, характерные для большинства привлеченных диалектов и говоров, что дает основания реконструировать на некоей исторической глубине общее состояние вокализма в данной языковой группе.

Большое количество синхронных фактов свидетельствует о существенности различий между вокализмом так называемых городских и сельских (кишлачных) говоров, а также между фонетикой речи "двуязычных" и "одноязычных" носителей карлукского наречия. Такие различия издавна бросались в глаза авторам, описывающим жизнь, быт и культуру тюркских племен. Активное взаимодействие уйгурских и карлукских племен прежде всего с ираноязычными народами началось со времени проникновения тюрок на территорию Восточного Туркестана и Средней Азии и продолжается до настоящего времени; здесь также практически до XX в. шла параллельная жизнь оседлого (оазисного и городского) и кочевого тюркского населения (см.: Восточный Туркестан 1992). Деятельность древних культурных центров — монастырей и культурную жизнь вокруг них, включая ставки тюркских правителей, отмечал в своих путевых заметках Сюань-цзан (VII в.), характеризуя при этом и быт кочевников. На противопоставление "города" и "села" обращал внимание также Махмуд Кашгарский, разделяя тюркские диалекты на "чистые" и "смешанные", причем, с его точки зрения, "правильной, или чистой, является речь людей, говорящих только на тюркском языке и не смешавшихся с иранцами" (цит. по: Кононов, Нигматов 1981, 136), а "нечистая" речь у городских билингвов, говорящих по-тюркски и посогдийски или на других региональных языках, иначе говоря: тюркский (надо думать, в форме городского койне) и иранские (разные восточноиранские) языки были прежде всего *разговорными* языками основного населения указанного региона в течение многих веков. Еще позже об этом писали Алишер Навои ("все тюрки ... понимают сартский язык", а иранцы почти не владеют тюркским языком) и Бабур, в "Записках" которого имеется известный пассаж о языке жителей Андижана. Таким образом, о полилингвизме жителей городов и оазисов, уходящем в глубь веков, имеются достоверные исторические сведения. В то же время языки монолингвов тюрок-кочевников отличались известной гомогенностью, продолжая сохранять особенности племенных наречий и говоров. Из изложенной социолингвистической ситуации, устойчивой в течение ряда веков, следует сделать вывод о том, что сдвиги в фонетических системах монолингвов и полилингвов происходили разными темпами, а вокализм находившихся под ираноязычным влиянием городских тюрок развивался в сторону разрушения сингармонизма, что отчетливо наблюдается в современных говорах, например, в узбекских самаркандско-бухарского типа и в уйгурских ферганских говорах.

Описанная языковая ситуация, с другой стороны, подсказывает, что в результате постоянных перемещений тюркских кочевых племен, а также большой динамики участвовавших в частых военных походах масс населения происходили интенсивные межплеменные контакты и, следовательно, междиалектное взаимодействие, которое вело к появлению общетюркского койне, влиявшего на племенные диалекты. Последние, однако, в силу устойчивости этнокультурных традиций, действующих веками в рамках отдельного рода, племени, продолжали сохранять свои основные системные признаки. Эти две противоречивые тенденции действуют на протяжении всей истории тюркских языков и проявляются в наши дни, когда карлуки осели на землю (вибрация междиалектных границ наглядно показана в работе: Джураев А. 1991).

Таким образом, основу для воссоздания истории фонетической системы уйгуро-карлукских языков могут составить прежде всего данные народных говоров уйгурского и узбекского языков.

В современных уйгурских и узбекских говорах карлукского наречия, а также в письменных памятниках этих языков нет очевидных доказательств сохранения в карлукских языках первичных долгих гласных, хотя некоторые моменты в орфографии ряда тюркских примеров у Махмуда Кашгарского позволяют говорить об остаточных явлениях оппозиции гласных по долготе в описываемых им диалектах (Боровкова 1966, 13-19); к тому же, делаются попытки найти отражение долгих и в других средневековых тюркоязычных памятниках (Tekin T.). Интересно замечание Г. Садвакасова: "В уйгурском языке широкие гласные *а, ə*, восходящие к соответствующим древнетюркским долгим гласным *а:, ə:*, в отличие от исторически недолгих, обычно не поддаются закону обратного влияния узких гласных и не переходят в *е*: *ɣaz* < *ɣa:z* 'гусь' — *ɣa:zï* (а не *ɣezï*) 'его гусь', *qar* < *qa:r* 'снег' — *qa:rï* 'его снег', *bæš* < *bę:š* 'пять' — *bæ:šï* (а не *bešï*) 'пятеро' и т.д." (Садвакасов 1972, 7). К сожалению, степень последовательности указанной закономерности и ее проявление в отдельных говорах уйгурского языка пока не описаны.

В узбекском языке рефлексы первичных долгих сохраняются в двух говорах — карабулакском (вблизи г. Туркестана) и иканском (вблизи г. Манкента), хотя и входящих в карлуко-чигиле-уйгурское наречие (в его северную группу), но являющихся акающими. В карабулакском говоре из долгих представлены *а:, о:, i:* — кбул. *а:d* 'имя' — *at* 'лошадь' ~ лит. *ot*, кбул. *о:d* 'огонь' — *ot* 'трава' ~ лит. *ůt*, кбул. *а:ǯ* 'голодный' — *ač* 'открой' ~ лит. *oč*, кбул. *qy:z* 'дочь'; в иканском говоре среди его 18 гласных фонем есть 9 соотнесенных с краткими долгих фонем: *а:, ɛ:, е:, ɣ:, i:, u:, ü:, о:, ö:* — икан. *ba:r* 'имеется' — *bar* 'иди' ~ лит. *bor*, икан. *tü:š* 'сон' — *tüš* 'сходи' ~ *tuš* (Решетов, Шоабдурахмонов 1978, 46-48). Первичные долгие представлены также в говорах огузского типа (южный Хорезм), в которых наблюдается сходство с туркменскими долготами.

После распада тюркского праязыка и совпадения долгих и кратких тюркский вокализм реконструируется в следующем виде:

**а, *ä, *о, *ö, *ɣ, *i, *u, *ü* (СИГТЯ 1984, 66).

Исторические соответствия между приведенной восьмичленной системой вокализма на уровне распада общетюркского на группы и ее развитием внутри уйгуро-карлукской группы языков представляются в следующем виде.

1. Ряд гласных нижнего подъема (широких)

1) Фонема заднего ряда ***а*** < **а* представлена во всех сингармонистичных говорах уйгуро-карлукской группы языков, употребляется в первом и последующих слогах без ограничений. В зависимости от комбинаторных условий реализуется в разных артикуляционных вариантах. Обычно более задний оттенок появляется в соседстве с гуттуральными *ɣ, q, x*, которые свойственны всем рассматриваемым говорам, более передний вариант *а* возникает в соседстве с передне- и среднеязычными, иногда приближаясь к переднерядному *æ*, а в узбекском литературном языке передняя артикуляция этимологического *а* в пределах всего слова (включая аффиксы) становится нормой. Отметим, что в комбинациях с указанными согласными смещение артикуляции вперед или назад характерно для всех гласных.

Тенденция опереднения *а* свойственна, таким образом, многим говорам и узбекского, и уйгурского языков, причем в последнем реализация исконного *а* как переднерядного — **а* > *ä* ~ *æ* — представлена в целом ряде слов.

В уйгурском языке и "уйгуризованных" узбекских говорах в силу действия в нем законов умлаута и редукции широких гласный *а* чередуется с *ə, ĭ*.

В узбекском языке в ряду широких появилась фонема *ɔ* < **а*, которая характеризуется для литературной нормы как самый открытый негубной звук заднего ряда, занимающий любую позицию в слове и несколько варьирующийся по рядности. В несингармонистичных карлукских говорах, как указано выше, возможны разные степени ее лабиализации (лабиализация широких гласных в некоторых позициях не чужда и уйгурским говорам), причем по говорам отмечается неоднозначная дистрибуция *а* и *ɔ*, однако карлукское оканье является стойким признаком этого диалектного массива. Статистически *а* и *ɔ* в литературном узбекском языке занимают соответственно 37% и12% (Ризаев 1970, 10), что говорит все-таки о сохранении здесь общетюркской тенденции аканья. С другой стороны, на общетюркском фоне — в связи с явлением развития оканья в других языках (ср.: чувашский, татарский, башкирский, якутский) — становление в узбекских говорах вариантов широкого *а (ʌ, ɑ, ɒ* и *å*) и фонологизация их в качестве фонемы *ɔ* выглядят не аномалией, а известной закономерностью, связанной с несколькими системными причинами: внутренними фонетическими (обычно ассимилятивными) процессами в говорах, воздействием иноязычного окружения, интерференцией систем в силу полилингвизма носителей говора и, в целом, благодаря существенным сдвигам в закономерностях тюркского сингармонизма, в нашем же случае — его более или менее последовательном разрушении.

Таким образом, тюркский **а* в уйгурском языке реализуется как *а* или иногда как *ä*, в узбекских карлукских сингармонистичных говорах как *а* и непоследовательно как *ɔ*, в несингармонистичных говорах — как *а* (с тенденцией к *æ*) или *ɔ*, т.е.:

**а*
- ↗ уйг. *а (~ ä)*: *al-* 'брать', *at* 'имя' / 'лошадь', *az* 'мало', *arqa* 'зад'
- ↘ узб. *а* ~ *ɔ*: *arpa* 'ячмень', *asta* 'тихо', *alp* 'герой', *ɔt* 'имя'/'лошадь', *ɔz* 'мало', *ɔrqa* 'зад'

2) Фонема переднего ряда ***ä*** < **ä*, определяемая часто как широкая гласная пятой ступени подъема (*æ*), представлена в сингармонистичных говорах, где сохраняется оппозиция по ряду. В уйгурском языке, как весьма распространенная, встречается во всех позициях, в том числе и в ауслауте; в говорах узбекского языка выступает в нескольких произносительных вариан-

тах, причем характерно, что в городских говорах и в литературном языке также находит реализацию как *æ*, но вне оппозиции с *a*.

В узбекском языке возможна реализация в качестве фонемы верхне-среднего подъема *e* или *ɛ*, т.е. как фонемы более узкой (орфографически —э/е), которая в городских говорах склонна к еще большей закрытости – *ẹ*.

*ä
↗ уйг. *ä* ~ *æ*: *ät* 'тело', *käč* 'ночь', *sän* 'ты', *jär* 'земля'
↘ узб. *æ* / *e* (*ẹ*): *et* 'мясо, тело', *kеč* 'вечер', *sen* 'ты', *jer* 'земля', *sækïz* 'восемь'

2. Ряд гласных среднего подъема (средних/полуширокых).

1) Фонема заднего ряда ***o*** **< **o*, лабиализованная**, реализация которой по говорам несколько колеблется по степени раствора, представлена также в сингармонистичных говорах. В уйгурском языке употребляется в первом слоге; в ауслауте также не встречается, а в тех говорах, где существует расширение в этой позиции узких (юго-западные говоры), произносится дифтонгоидный звук *o*", восходящий к сочетанию гласный + -*ɣ*/-*w* (+ гласный) — *qyro*" < *qyraɣu* 'иней'. В узбекском языке, в говорах с разрушенным сингармонизмом, **o* репрезентируется как лабиализованный заднего ряда *ů*, который дальше первого слога не встречается.

*o
↗ уйг. *o*: *qorq-* 'бояться', *toŋ* 'мерзлый', *poq* 'навоз', *or-* 'жать'
↘ узб. *ů*: *qůrq-* 'бояться', *tůŋ* 'мерзлый', *bůš* 'пустой', *ůŋ* 'правый', *ůn* 'десять'

2) Фонема переднего ряда ***ö***, **лабиализованная**, представлена в сингармонистичных говорах, составляет оппозицию по ряду с *o*. В уйгурском языке встречается только в первом слоге. В карлукских говорах узбекского языка является противочленом *o*. В городских говорах слилась с индифферентной фонемой *ů*, которая ее исторически и заместила.

*ö
↗ уйг. *ö*: *čök-* 'опускаться', *töl* 'приплод', *öz* 'сам'
↘ узб. *ů*: *čůk-* 'опускаться', *tůl* 'окот', *ůz* 'сам', *bůrï* 'волк', *kůč* 'скарб'

3. Ряд гласных верхнего подъема (узких)

1) Фонема заднего ряда ***y*** **< **y*** представлена в сингармонистичных говорах, в которых сохранилась оппозиция *y–i*. Во всех говорах уйгурского языка и в несингармонистичных говорах узбекского языка в результате конвергенции с переднерядной фонемой *i* исторически замещена индифферентной фонемой *ï*, варьирующейся по рядности в зависимости от окружения.

*y
↗ уйг. *ï*: *qïl-* 'делать', *qïz* 'дочь', *pïš-* 'зреть', *sïɣ-* 'вмещаться'
↘ узб. *ï*: *qïl-* 'делать', *qïz* 'дочь', *pïš-* 'зреть', *sïɣ-* 'вмещаться'

2) Фонема заднего ряда ***u*** **< **u*, лабиализованная**, которая сохраняется в сингармонистичных говорах обоих языков, реализуется в меняющихся по

раствору вариантах. В силу своей самой узкой артикуляции в слабых позициях часто редуцируется.

В узбекском литературном языке замещается индифферентной фонемой *u*, в которой совпали фонемы *u* и *ü*.

*u
↗ уйг. *u*: *qum* 'песок', *tut-* 'держать', *bulut* 'облако'
↘ узб. *u*: *qum* 'песок', *tut-* 'держать', *bulut* 'облако'

3) Фонема переднего ряда ***i*** **< **i*** во всех уйгурских говорах и в узбекских несингармонистичных говорах реализуется как индифферентная (смешанного ряда) фонема *ï*, с которой также совпала фонема заднего ряда *y*. Произносительные варианты *ï* в зависимости от позиций меняются по свойству рядности — более передний / более задний. Подвержена редукции.

*i
↗ уйг. *ï*: *kïm* 'кто', *kïr-* 'входить', *tïk-* 'шить', *sïz* 'вы'
↘ узб. *ï*: *kïm* 'кто', *kïr-* 'входить', *tïk-* 'шить', *sïz* 'вы'

4) Фонема переднего ряда ***ü*** **< **ü*, лабиализованная**, сохраняется в говорах уйгурского языка и сингармонистичных говорах карлукского наречия узбекского языка в разных позициях, легко редуцируется. В городских узбекских говорах и в узбекском литературном языке отражается в индифферентной фонеме *u*, которая позиционно получает более переднюю или заднюю артикуляцию.

*ü
↗ уйг. *ü*: *üz-* 'рвать', *üst* 'верх', *sür-* 'гнать', *kül-* 'смеяться'
↘ узб. *u*: *uz-* 'рвать', *ust* 'верх', *sur-* 'гнать', *kul-* 'смеяться'

Из приведенных соответствий следует, что все уйгурские говоры и сингармонистические узбекские говоры карлукского наречия в целом сохраняют историческую систему вокализма периода распада общетюркского состояния с ее оппозициями гласных по рядности и огубленности. В рамках этой системы возможны чередования и альтернации фонем, которые в принципе отмечаются и в других тюркских языках, и в этом отношении карлукский вокализм показывает достаточную устойчивость тюркских фонетических закономерностей, восходящих к общетюркскому состоянию.

Таким образом, общекарлукская система гласных была унаследована от периода распада тюркского праязыка и продолжала развиваться в направлении реализации фонетических закономерностей, свойственных тюркской стандартной системе вокализма.

В то же время карлукский вокализм выделяется значительными новациями, общая направленность которых характеризуется разрушением ряда типичных сингармонистических оппозиций, выразившихся в конвергенции гласных верхнего и средне-верхнего подъема — *y–i, u–ü, o–ö* и возникновении в результате этого индифферентных фонем смешанного ряда–*ï, u, ů*. Однако этот процесс затронул языки уйгуро-карлукской группы не равномерно: в уйгурском языке в целом произошла утеря первой оппозиции (*y–i*), в узбекском языке, в части говоров его карлукского наречия, конвергенция

прошла по трем указанным оппозициям, в силу чего именно здесь оказался в большой степени разрушенным сингармонизм.

Сдвиги в фонетических системах двух языков сопровождались появлением в них дополнительных особенностей: для уйгурского языка стало характерно сужение предшествующих гласных под влиянием последующих узких (явление умлаута), а для узбекского — появление в ряду широких двух распределенных фонем заднего ряда *а–ɔ*.

Совершенно ясно, что эти особенности возникли в результате действия внутренних и внешних фонетических факторов, о которых говорилось выше. Иными словами, есть прямые доказательства того, что все указанные изменения в карлукских языках происходили прежде всего в речи оседлых тюрок-карлуков (жителей оазисов и городов) в связи, надо думать, с распространяющимся их тюркско-иранским двуязычием. Поэтому именно оттуда шла иррадиация новаций, коснувшихся и речи карлуков-кочевников. Ныне это вылилось в противопоставленность особенностей городских и сельских карлукских говоров (или говоров билингвов и монолингвов).

Если явления в системах вокализма уйгурских и узбекских говоров могут быть объяснены описанными процессами, то остается неясной хронологическая граница этих изменений. Можно считать, что если тюркско-иранский билингвизм оседлых карлуков уходит далеко в глубь веков, то активное влияние языка последних на окружающие сингармонистические племенные говоры относится к более поздним эпохам, среди которых следует назвать время монгольских походов начиная с Чингисхана и включения карлуков в последующие государственные образования. Иначе говоря, исходной границей существенных преобразований в вокализме уйгуро-карлукских языков являются, вероятно, XIV-XV вв.

КОНСОНАНТИЗМ

Различительные признаки собственно тюркских согласных фонем группы карлукских языков зависят от места, способа образования звука и участия голоса. Существует несколько типов оппозиций согласных фонем:

а) оппозиция по основному активному органу и месту преграды, охватывающая следующие группы согласных: губные (губно-губные, губно-зубные), зубные (переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные), увулярные, фарингальные;

б) оппозиция по способу образования, охватывающая следующие группы согласных: шумные (взрывные, щелевые-фрикативные, аффрикаты), сонорные;

в) оппозиция по дополнительному активному органу, иначе, оппозиция "носовые–неносовые";

г) по участию/неучастию голоса, иначе, оппозиция "звонкий–глухой".

В целях краткости изложения состав согласных фонем "карлукских языков" можно представить в виде системы четырех групп, совмещающих в себе названные выше оппозиции.

Уйгурский литературный язык

1) смычные: *p, b, t, d, g, k, ǵ, q*;
2) щелевые: *v, s, š, ž, z, j, χ , γ, h*;
3) аффрикаты: *č, ǯ*;
4) сонанты: *m, n, l, r, ŋ* (Строй 1989, 127-146).

Тот же самый состав согласных фонем уйгурского литературного языка у А.Т. Кайдарова (Кайдаров 1966, 367), В.М. Насилова (Насилов 1949, 16; 1940, 10), у Т.Талипова (Уйгурский 1963, 204), Э.Н.Наджипа (Наджип 1960, 33-34). В разделе щелевых и аффрикат не указаны *f, š́, c* (Строй 1989, 127); причина элиминирования заключается в том, что эти согласные встречаются только в заимствованных словах.

Узбекский литературный язык

1) смычные: *p, b, t, d, k, g, q*;
2) щелевые: *φ, β, s, z, š, (ž), j, x, γ, h*;
3) аффрикаты: *č, ǯ*;
4) сонанты: *m, n, l, r, ŋ* (Решетов 1961, 36-45).

Тот же состав согласных фонем у А.Н. Кононова (Кононов 1960, 23-34), у В.В. Решетова (Решетов 1966, 342-343), в академической грамматике (ЎТ 1969). В приведенный перечень фонем не включены фонемы, вошедшие из русского языка – *c, š́*; фонема *ž* встречается в усвоенных языком заимствованиях, а также в некоторых изобразительных словах: *βižilla-* 'шипеть (при горении)'.

Диалектный материал

Диалекты уйгурского языка

Поскольку на центральном диалекте уйгурского языка базируется система литературного языка, фонетические различия по говорам сводятся в основном к комбинаторным особенностям. Поэтому этот диалектный материал добавляет мало нового в приведенную выше систему согласных уйгурского языка: в диалектах она в целом совпадает с системой согласных литературного языка.

Так, литературному языку и всем диалектам и говорам свойственна "неустойчивость" сонорных *r, n, l* и фарингального *h*, которые могут выпадать в разных позициях (Садвакасов 1970; Талипов 1988; Кайдаров 1969, 291-293; Трофимов 1975, 12-19).

Заднеязычный носовой сонант *η* в мягкорядных словах представлен более передним вариантом, в заднерядных словах – более задним.

В диалектах в разной степени в анлауте *j* выступает наряду с *ž* и *ǯ*.

Что касается особого качества фонем в говорах, то следует отметить появление в некоторых из них на месте *r* ретрофлексного *ɾ* (или какуминального *ɾ*?); это наблюдается в турфанском и яркендском говоре центрального диалекта (может быть, и в кашгарском – см.: Ильминский 1861, 43) и хотанском диалекте: *tuɾsaq* 'если будем стоять', *beɾe* 'один из них', *baɾmaη* 'не ходите' (Тенишев 1963 а, 137-138; Кайдаров 1969, 153). В кашгарском и ак-

суйском говоре *r* приобретает шумность и в анлауте может заменяться *ʒ* (*z*) (там же). Язычковый характер может иметь *ʁ* в илийском говоре, как об этом сообщает Н.А.Баскаков (Кайдаров 1969, 153).

Согласный *h* в начале слов характеризуется неустойчивостью и в ряде говоров нечетко различается по своей артикуляции от *χ*, *γ*, *q* (хотанский диалект, кучарский и хамийский говоры). Однако А.Т.Кайдаров считает, что эта особенность не может рассматриваться в качестве классификационного признака этих говоров (Кайдаров 1969, 153-155).

В илийском говоре отсутствует четкое различие в реализации начального *v* и *β* (Аганина 1954, 9), поэтому русские заимствования с начальным *v* звучат в исходной форме: *vagon* 'вагон'.

Диалекты узбекского языка

Именно в городских говорах, особенно в речи интеллигенции, представлены проникшие с заимствованиями спирант [ž], аффриката [c] и губно-зубной фрикативный [f]. Звук *f* отмечается в заимствованных словах прежде всего в говорах самаркандско-бухарского типа, в других говорах его обычно замещает *p*.

Чертой, объединяющей многие говоры карлукского наречия и роднящей их с говорами уйгурского языка, является нечеткость артикуляции начальных спирантов *h* и *χ*, в ташкентском говоре на этом месте появляется палатализованный *χ'* (Решетов 1961, 44). В других говорах в анлауте здесь возникает сонант *γ* или *γ'* (Тургунов 1968, 10). Спирант *h* проявляет также неустойчивость.

Другой общей особенностью этих говоров являются сдвиги в ряду велярных — заднеязычно-небных и заднеязычно-увулярных: здесь часты нарушения оппозиции по глухости/звонкости (*k* > *g*, *q* > *γ*), причем звонкий реализуется как сонант (иногда как *γ*^{x}), или ослабление смычки и замещение смычного спирантом (*k* > *x*, *q* > *χ*). В шахрисябском говоре *k* и *g* имеют более переднюю артикуляцию, характеризуются неустойчивостью и легко поддаются ассимиляции (Джураев Б. 1964, 51-53).

Заднеязычный носовой сонант *ŋ* в шахрисябском, наманганском говорах имеет более переднюю артикуляцию и лишен дополнительных признаков, какие он имеет в ряде других говоров — *ŋ*^{g}, *ŋ*^{k} (самаркандско-бухарская группа, андижанский говор). В отдельных случаях встречается и увулярный вариант *ɳ* (кокандский говор: *ši:paɳ* 'полевой стан'). В то же время регулярно отмечаются позиционные варианты *ŋ* в словах переднего и заднего ряда: соответственно дополнительная палатализация или веляризация.

Сонорные *r*, *l*, *n* тоже проявляют неустойчивость и в речевом потоке часто выпадают (Решетов 1961, 37, сл.).

Экспериментально-фонетическое исследование наманганского говора выявило в нем последовательное и устойчивое явление аспирации глухих смычных согласных *p'*, *t'*, *k'*, *q'* и глухой аффрикаты *č'*, безусловно проявляющееся в начальной и конечной позициях согласного в слове: *t'ɔr* 'узкий',

t'ɔqat' 'терпение', *k'es* 'режь', *q'at* 'слой', *sɔt'* 'продавай' (Атамирзаева 1974, 26-28). Узбекские диалектологи обычно не отмечают такой особенности смычных в других диалектах узбекского языка.

ДИСТРИБУЦИЯ И СООТВЕТСТВИЯ СОГЛАСНЫХ

Сопоставим консонантные системы в литературном уйгурском и узбекском языке.

	Уйгурский язык	**Узбекский язык**
Смычные	*p, b, t, d, k ,g , ġ , q*	*p, b, t, d, k, g, q;*
Щелевые	*β, s, z, š, (ž), j, γ, x, hv,*	*s, z, š, (ž), j,γ,χ ,h*
Аффрикаты	*č , ǯ*	*č , ǯ*
Сонанты	*m, n, l, r, ŋ*	*m, n, l, r, ŋ*

Близость фонологических систем уйгурского и узбекского языков позволяет сделать заключение о наличии некоего инварианта, объединяющего оба языка, а вариации отдельных фонем объяснять влиянием привходящих факторов. Это свидетельствует о том, что фонологические системы их опорных говоров в отношении консонантизма характеризуются близостью, однако дистрибуция согласных и их соответствия отражают своеобразие развития данных языков.

Этот инвариант, следовательно, допустимо представить в следующем виде:

1) смычные: $^{**}p$, $^{**}b$, $^{**}t$, $^{**}d$, $^{**}g$, $^{**}k$, $^{**}q$;
2) щелевые: ($^{**}\beta$), $^{**}s$, $^{**}z$, $^{**}š$, $^{**}j$, $^{**}x$, $^{**}γ$, $^{**}h$;
3) аффрикаты: $^{**}č$, $^{**}ǯ$;
4) сонанты: $^{**}m$, $^{**}n$, $^{**}l$, $^{**}r$, $^{**}ŋ$.

Практически все диалекты языков карлукской группы фиксируют звонкую аффрикату *ǯ*, вероятно, ее можно реконструировать уже для общекарлукского периода, поскольку к этому времени здесь прошел процесс озвончения анлаута и возникла оппозиция *č* : *ǯ*, однако ее частотность в диалектах была различной. Известна роль этих среднеязычных аффрикат и других среднеязычных в дифференциации анлаута тюркских слов в разных диалектах как одного из классификационных признаков последних.

Видимо, в развитии карлукских языков проходил также и процесс фонологизации фрикативного *β*. Выступая ранее как вариант фонем *p* и *b* в позиции в середине слова, этот звук позднее, оставаясь вариантом указанных фонем в данной позиции, стал приобретать статус отдельной фонемы в начальной позиции. Одновременно наблюдался процесс его сонантизации и превращения в губно-губной сонант: *β* > *w*. Данным процессам тоже способствовало контактирование с языками других систем. В отдельных диалектах был представлен и губно-зубной аллофон *v*. Их распределение в современных диалектах не поддается формализации.

То же можно сказать о раннем проникновении из контактирующих языков губно-зубного *f* (Талипов 1972, 60-63).

Может также возникнуть вопрос о включении фонемы *ž* (правда, с оговорками) в исходную схему, поскольку здесь следует учитывать тот факт,

что карлукский этнос (токуз-огузы) исторически длительное время контактировал с ираноязычными этносами (более ранние контакты — с согдийцами, позднее — на территории Восточного Туркестана с восточноиранскими племенами, часть из которых подверглась тюркизации, а также с иранцами, проживающими в Средней Азии, в новейшее время – широкие контакты с таджиками). Сильнейшее влияние на тюркские диалекты Восточного Туркестана оказывал китайский язык. Нельзя исключать также и влияние контактов с арабским языком, распространившимся на указанной территории после принятия тюрками ислама. Роль персидского языка в сфере культуры (особенно литературы, поэзии) и арабского языка в сфере науки и религии вряд ли можно преуменьшать, так как эти языки имели широкое распространение среди образованных слоев тюркоязычного населения. Как показывают диалектологические исследования, в современных уйгурских и узбекских диалектах, особенно в указанных контактных ареалах, наличествует в качестве самостоятельной фонема *ž* (Кайдаров 1969, 283; Мирзаев 1965, 9) и, значит, усваивается носителями тюркских языков. Косвенным свидетельством в пользу раннего внедрения в тюркскую фонетику этой фонемы может служить специальный знак в древнеуйгурском алфавите. Для жителей Восточного Туркестана нельзя в этом случае исключать и влияние китайского языка. Конечно, этот звук проникал с заимствованиями и оставался достоянием таких слов, как и во многих современных диалектах, однако в ходе исторического развития отдельных племенных и региональных языков карлукской группы фонема *ž* расширяла свои функции, занимая соответствующее место в ряду шипящих. Таким образом, будучи на ранних этапах развития языков карлукской группы на периферии их фонологической системы, фонема *ž* со временем в ряде диалектов оказывалась звонким коррелятом к *š*.

Следовательно, для общекарлукского периода мы восстанавливаем достаточно симметричную систему консонантов, в которой представлены оппозиции глухой/звонкий, однако и в современных диалектах наблюдается пестрая картина соответствий звонких и глухих в начале слов, прежде всего смычных, которые отражают, надо думать, более ранний период развития языка с глухим анлаутом.

Особенности распределения согласных наблюдаются как между языками, так и внутри языков между диалектами, а также внутри последних.

I. Между языками

А. Согласные в начале слова

1. Глухие/звонкие:

p- ~ b-: уйг. *pat-* ~ узб. *bɔt-* ‘погружаться, тонуть’, уйг. *palta* ~ узб. *bɔltа*‘топор’, уйг. *putaq* ~ узб. *butɔq* ‘ветка’, уйг. *pütün* ~ узб. *butun* ‘весь’, уйг. *pük-* ~ узб. *buk-* ‘сгибать’, уйг. *pit* ~ узб. *bit* ‘вошь’, *pič-* ~ *bič-* ‘резать’, *poqaq* ~ *buqɔq* ‘зоб’;

t- ~ d-: уйг. *döš* ~ узб. *tůš* ‘склон горы, бугор’, уйг. *dykyrli-* ~ узб. *tiqirla-* ‘стучать, биться *о сердце*’ *(*редкое соответствие);

q ~ ġ ~ γ: уйг. *ġulač* ~ узб. *qulɔč* ‘сажень’, уйг. *ġulan* ~ узб.*qulɔn* ‘кулан’;

k ~ g: уйг. *kez* ~ узб. *gez* ‘момент, время’, уйг. *gezək* ~ узб. *kezak* ‘очередь’, уйг. *gez-* ~ узб. *kez-* ‘гулять’, уйг. *günǰüt* ~ узб. *kunǰut* ‘кунжут’, уйг. *galwaŋ* ~ узб. *kalbak* ‘разиня’.

2. Смычный/щелевой:

q ~ γ: узб. *qanǰiγa* ~ уйг. *γanǰuγa* ‘торока’;

q ~ x ~ χ: узб. *qůšni* ~ уйг. *xošna* ‘сосед’.

3. Смычный/аффриката:

t ~ č: узб. *tuš* ~ уйг. *čüš* ‘сон’, узб. *tuš* ~ уйг. *čüš* ‘полдень’, узб. *tiš* ~ уйг. *čiš* ‘зуб’, узб. *tiši* ~ уйг. *čiši* ‘самка’, узб. tuš- ~ уйг. *čüš-* ‘спускаться’, узб. *tüšek* ~ уйг. *čüšək* ‘постель’, узб. *tušun-* ~ уйг. *čüšən-* ‘понимать’, узб. *tůqmɔq* ~ уйг. *čoqmaq* ‘дубинка’.

4. Щелевой/аффриката:

s ~ č: узб. *soč* ~ уйг. *čač* ‘волосы’, узб. *sɔč-* ~ уйг. *čač-* ‘разбрызгивать’, узб. *sičqɔn* ~ уйг. *čašqan* ‘мышь’, уйг. *siz-* ~ узб. *čiz-* ‘чертить’, уйг. *siziq* ~ узб. *čiziq* ‘черта’, уйг. *soz-* ~ узб. *čůz-* ‘тянуть’, уйг. *sozma* ~ узб. *čůzma* ‘вид мучной пищи’.

5. Сонант/щелевой:

j ~ ž (перед узкими гласными): узб. *jirɔq* ~ уйг. *žiraq* ‘далекий’, узб. *jil* ~ уйг. *žil* ‘год’, узб. *jiγ-* ~ уйг. *žiġ-* ‘собирать’, узб. *juqɔri* ~ уйг. *žuquri* ‘верхний’, узб. *jur-* ~ уйг. *žür-* ‘ходить’, узб. *jurak* ~ уйг. *žürek* ‘сердце’, узб. *jut-* ~ уйг. *žut-* ‘глотать’, узб. *jupqa* ~ уйг. *župqa* ‘тонкий’, узб. *juk* ~ уйг. *žük* ‘вьюк’;

j ~ š: узб. *jelim* ~ уйг. *šilim* ‘клей’, узб. *jalaŋ* ~ уйг. *šalaŋ* ‘редкий — о растительности’.

6. Сонант/аффриката:

j ~ ǰ: узб. *jɔqa* ~ уйг. *ǰaq* ‘скула’, узб. *jilγa* ~ уйг. *ǰilġa* ‘ручей’, узб. *jigit* ~ уйг. *ǰigit* ‘юноша’, узб. *juluq* ~ уйг. *ǰuluq* ‘обветшалый’.

7. Щелевой/∅:

j ~ ∅: уйг. *žiltiz* ~ узб. *ildiz* ‘корень’, уйг. *žiŋnə* ~ узб. *igna* ‘иголка’.

8. Щелевой/щелевой:

s ~ š: узб. *sůr-* ~ уйг. *šoru-* ‘сосать’.

9. Смычный/сонант:

b ~ m: узб. *bundaj* ~ уйг. *mundaq* ‘такой’, узб. *bunča* ~ уйг. *munčə* ‘столько’, узб. *buzɔq* ~ уйг. *mozaj* ‘теленок’.

Б. Согласные в середине слова

b ~ v в интервокальной позиции: узб. *tuban* ~ уйг. *tövən* ‘низ’, узб. *kůbiz* ~ уйг. *qovuz* ‘комуз’, узб. *qɔbɔn* ~ уйг. *qavan* ‘кабан’, узб. *bɔbɔ* ~ уйг. *bava* ‘дедушка’, узб. *ɔbɔd* ~ уйг. *avat* ‘благоустроенный’;

β ~ ∅ (с огублением предшествующего гласного): узб. *ɔβ* ~ уйг. *oβ* > *o* ‘охота’, узб. *ɔvqat* ~ уйг. *oqat* ‘еда’, узб. *hɔβuč* ~ уйг. *oč* ‘горсть’;

ŋ ~ n: уйг. *toŋġuz* ~ узб. *tůnγiz* ‘свинья’, уйг. *qoŋġuz* ~ узб. *qůnγiz* ‘жук’, уйг. *qoŋġraq* ~ узб. *qůnγirɔq* ‘звонок’, уйг. *qiŋġir* ~ узб. *qirγir* ‘кривой’;

ŋ ~ g: уйг. *jiŋnə* ~ узб. *igna* ‘иголка’, уйг. *müŋüz* ~ узб. *muguz* ‘рог’ ;

ŋ ~ *j*: уйг. *iŋək* ~ узб. *ijak* 'подбородок';

r ~ ∅ — иногда с возникновением заместительной долготы предшествующего гласного (характерная речевая особенность уйгурского языка дает, тем не менее, и межъязыковые соответствия): узб. *ûrdak* ~ уйг. *ödək* 'утка', узб. *ûrɔq* ~ уйг. *oġaq* 'серп', узб. *arslon* 'лев' ~ уйг. *aslan* 'котенок', узб. *tɔrmɔq* 'ответвление' ~ уйг. *tamaq* 'грабли', узб. *supurgi* ~ уйг. *süpügə* 'веник', узб. *burčak* ~ уйг. *büžək* 'угол', узб. *erte* ~ уйг. *ətə* 'утро, завтра';

č ~ *ǰ*: узб. *sanč-* ~ уйг. *sanǰ-* 'вонзать'.

В. Согласные в конце слова

b > *p*: уйг. *onlap* ~ узб. *ûnlap* 'десятками', узб. *dep* ~ уйг. *dəp* 'говоря';

другие звонкие в конце слов также оглушаются – *z* > *ẓ* > *s*: уйг. *söẓ* ~ узб. *sû ẓ* (~ *sös*) 'слово', уйг., узб. *muẓ* 'лед'; *g* > *ġ* > *k*: уйг., узб. *bek* 'бек', *əg-* > уйг., узб. *ək* 'гни!';

ġ ~ *γ*: уйг. *taġ* ~ узб. *tɔγ* 'гора', уйг. *jaġ* ~ узб. *jɔγ* 'жир', уйг. *čoġ* ~ узб. *čûγ* 'угли, жар';

q ~ *γ*: уйг. *aččiq* ~ узб. *aččiγ* 'горький', уйг. *səriq* ~ узб. *sariγ* 'желтый', уйг. *joruq* ~ узб. *joruγ* 'свет', уйг. *jaraq* ~ узб. *jarɔγ* 'оружие', уйг. *uruq* ~ узб. *uruγ* 'семя';

k ~ ∅/*q* ~ ∅: уйг. *küčlük* ~ узб. *kučli* 'сильный', уйг. *tuzluq* ~ узб. *tuzli* 'соленый', уйг. *bojluq* ~ узб. *bûjli* 'рослый', уйг. *ǰürəklik* ~ узб. *jurakli* 'храбрый';

č ~ *š*: узб. *ječ-* ~ уйг. *ješ-* 'расстегивать';

r ~ ∅: в уйгурском языке аффикс множественного числа *-lar//-lər* в речи как норма выступает в форме *-la//-lə*: уйг. *qušla* ~ узб. *qušlar* 'птицы', уйг. *öjlə* ~ узб. *ujlar* 'дома'.

II. Внутри языков (между диалектами)

Распределение согласных и их соответствия по диалектам в целом мало выходят за рамки закономерностей, отмеченных в межъязыковых сопоставлениях. Это говорит о том, что развитие консонантных систем в ядре карлукских племенных диалектов подчинялось единым закономерностям, которые в то же время неравномерно реализовывались хронологически в разных ареалах. На эти закономерности в периферийных диалектах накладывались особенности контактирующих с ними тюркских диалектов или других языков.

Уйгурский язык

1. В начале слова

Преимущественно в анлауте выступает *b*, однако в тюркских словах встречается и *p* как результат вторичного оглушения (?) или пережиток (?) более раннего состояния (ответить на этот вопрос трудно; можно также думать, что здесь имеет место неустоявшаяся литературная норма, сохраняющая диалектные варианты слов); ср.: *pačaq* 'голень', *patqaq* 'грязь, болото', *pašət* 'бешмет', *pičən* 'сено', *počaq* 'горох'.

Сходные формы отмечены в уйгурских диалектах; ср.: лобн. *poqoq*, хам. *poqaq*, куч. *poxaq* 'зоб', лобн., куч., хотан. *pačaq* 'нога, лапа', лобн., хам., хотан., ярк. *paqa* 'лягушка', хам. *puqa* ~ лит. *buqa* 'бык', хам. *peġir* ~ лит. *beġir* 'печень'.

Т.Т. Талипов считает, что появление *p* в анлауте тюркских слов есть результат исторического перехода *b-* > *p-*, т.е. оглушения звонкого начала (Строй 1989, 129-130). Существует и другая точка зрения, относящая процесс соноризации *p-* еще в раннетюркский период (СИГТЯ 1984, 179-180). Если считать древнеуйгурские письменные памятники буддийского содержания отражающими этап развития тюркских диалектов карлукского типа, то сохранение в современном уйгурском языке слов с анлаутным *p-* может говорить о наличии в них некогда сильных смычных (возможно, придыхательных) начальных фонем (Тенишев 1963 а, 132; Ашури 1990). Во всяком случае, следы подобного перебоя смычных *b-* ~ *p-* прослеживаются и в диалектах уйгурского языка, и в других тюркских языках.

b ~ *m*: лит. *mərgən* ~ лобн. *bejgen* 'стрелок', лит. *mozaj* ~ лобн. *buzu* 'теленок', лит. *bojun* ~ лобн. *mojun* ~ *mojn* 'шея', лит. *burun* ~ лобн. *mujun* 'нос';

b ~ *v*: лит. *ba(r)* ~ лобн. *vaj* ~ хам., хотан. *va* 'есть, имеется', лит. *bilən* ~ лобн. *vilən* ~ турф. *vilə* 'вместе', лит. *bas-* ~ хам. *vas-* 'давить', лит. *batur* ~ хам. *vatur* 'богатырь';

d ~ *t*: лит. *tüv* ~ лобн. *düp* 'дно', лит. *tö(r)t* ~ лобн. *döjt* 'четыре', лит. *tütün* 'дым' ~ лобн. *düdü-* 'дымить', лит. *tolqun* ~ чилик. *dolqun* 'волна', лит. *top* ~ чилик. *dop* 'мяч' (Аганина 1954, 8), *delpek* ~ *təlpək* 'меховая шапка';

k ~ *g*: лит. *kümüš* ~ лобн. *gömüš* 'серебро';

q ~ *ġ*: лит. *qulup* ~ лобн. *ġulpu* ~ хам., турф. *ġulup* 'замок', лит. *qutul-* ~ лобн. *ġotul-* 'спасаться', лит. *quduq* ~ хам. *ġuduq* 'колодец', лит., лобн., кашг. *ġulač* ~ лобн., хотан. *qulač* 'сажень', чилик. *qotu* ~ *ġotu* 'костяк';

k ~ *č*: лит. *kim* ~ кашг., долан., ярк., хот. *čim* 'кто', лит. *kigiz* ~ Jarт. *čigiz* 'войлок', лит. *kirdim* ~ ферган. *čijdim* 'я вошел' – перед узкими гласными;

q ~ *č*: Jarт. *qat-* ~ лит. *čat-* 'присоединять, прибавлять';

q ~ *x*: лобн. *qizmət* ~ лит., хам., хотан. *xizmət* 'служба', лит. *kəpəz* ~ хам. *xapaz* 'клетка';

x ~ *ġ*: лит., куч., хам. *xoraẓ* ~ чилик. *ġoraz* 'петух', лит. *xiš* ~ чилик. *ġiš* 'кирпич', хам. *qazna* ~ лит. *ġəznə* 'казна';

h ~ *ġ*: лит. *hola* ~ чилик. *ġola* 'двор';

v (β) ~ *ġ*: лит. *vədə* ~ лобн. *ġadə* 'обещание', лит. *vapa* ~ хот. *ġupa* 'верность', лит. *vaqit* 'время' ~ лобн. *ġaqti* 'его время'.

Последние типы соответствий в анлауте встречаются спорадически, и поэтому они обычно не учитываются при классификации уйгурских диалектов (Кайдаров 1969, 184). А.Т. Кайдаров так же относится и к более распространенному чередованию *d* ~ *t* (там же).

t ~ *č*: куч., лобн. *tiši* ~ лит., илий. *čiši* 'самка', кашг., куч., лобн., турф., хотан. *tiš* ~ лит., илий. *čiš* 'зуб', акс. *tüšür* ~ лит., илий. *čüšür* 'урони', хам.

tüšək ‘одеяло’ ~ лит., илий. *čüšək* ‘тюфяк’.

Исторически сложилось так, что в литературном языке, как и в илийском говоре, в анлауте преобладают *č-* у коррелирующих слов, а *t*-варианты представлены в диалектах, причем с разным соотношением анлаутных *t-* и *č-* (наиболее последовательное *t-* в лобнорском диалекте). Поскольку такое соответствие встречается в анлауте перед узкими *i* и *ü*, то в целом круг подобных соответствий ограничен.

s ~ *č*: ферган. *sičqan* ~ лит., хам. *čašqan* ‘мышь’, ферган. *sanač* ~ лит. *čanač* ‘бурдюк’.

Соответствие *j* ~ *ž* ~ *ǯ* представлено практически во всех говорах уйгурского языка, и речь должна идти о соотношении в них соответствующих слов с разным анлаутом. В литературном языке наблюдается следующая картина: с анлаутным *j-* насчитывается 530 слов, с *ǯ-* – 568, с *ž-* – 437 (Кайдаров 1969, 179), и здесь видна тенденция незначительного преобладания в анлауте *ǯ-*.

j ~ *ž*. В лобнорском, хотанском диалектах и в хамийском, турфанском говорах преимущественно употребляется *j-*, в кучарском и яркендском говорах отмечены колебания *j-* ~ *ž-*, в аксуйском и илийско-семиреченском говорах более частотно *ž* (в последнем говоре употребление *ž-* за счет *j-* возросло буквально на глазах, начиная с 1940-х годов, однако, в целом, как и в литературном языке, количество слов с *ž-* все же меньше, чем с анлаутным *ǯ-* – Кайдаров 1969, 283). Особенностью начального *ž* является то, что оно употребляется только перед узкими *i* и *ü*, поэтому такие соответствия ограничены:

лобн., хам., хотан. *jit-* ~ лит. *žüt-* ‘теряться’, лобн., хотан., хам., кашг. *jyġla-* ~ лит. *žiġli-* ‘плакать’, лобн., хотан. *jut-* ~ лит., чилик. *žut-* ‘глотать’, лобн., хотан., хам., кашг. *ju-* ~ лит. *žuj-* ‘мыть’, лобн., хотан., хам., кашг. *jükli-* ~ лит. *žükli-* ‘вьючить’, лобн., хотан., хам. *jügən* ~ лит. *žügən* ‘узда’, лобн., акс., хам., кашг. *jumšaq* ~ лит. *žumšaq* ‘мягкий’.

j ~ *ǯ*. Различие около 3% между словами с *j-* и с *ǯ-* слишком незначительно, чтобы заключить, что уйгурский язык является именно *ǯ*-языком, хотя наличие в анлауте тюркских слов звонкой аффрикаты выделяет этот язык среди языков карлукской группы (в узбекском языке подобное соотношение явно в пользу *j-*). Однако если принять точку зрения Т.Т.Талипова о том, что в развитии *j* > *ǯ* сибилянт *ž* отражает более раннюю ступень этих соответствий (Талипов 1983, 35-39), то по общему числу других соответствий с *j-* (72%) уйгурский язык следует отнести в карлукской группе к языкам, отличным от тюркских *j*-языков.

Соответствия *j* ~ *ǯ* представлены также между диалектами:

лит., акс., кашг. *jel* ~ лобн. *ǯel* ‘ветер, простудное заболевание’, хам., турф., хотан. *jürü-* ~ лобн. *ǯürü-* ‘ходить’, хотан. *jürək* ~ куч. *ǯürək* ‘сердце’, хотан. *jut-* ~ кашг. *ǯut-* ‘глотать’, лит., хам., ярк. *jat* ~ лобн. *ǯat* ‘чужой’, кашг., турф. *jigenə* ~ хам. *ǯigenə* ‘сережка’;

ǯ ~ *č*: лит., хам., лобн., кашг., турф. *ǯigdɪ* ~ хам. *ǯidə* ~ хам. *čidə* ‘джида, лох’, лит. *ǯüǯə* ~ лобн. *čüǯə* ‘цыпленок’.

2. В середине слова

b ~ *v* (~ *β*): спирантизация инлаутного *b-* прежде всего во втором слоге характерна для большинства уйгурских диалектов и литературного языка, т.е. ее следует признать общеуйгурским явлением. Что касается спирантизации *b-* в последующих слогах, то здесь наблюдается различие по диалектам, например, в илийском говоре и лобнорском диалекте она более последовательна, чем в кашгарском говоре (Кайдаров 1969, 174). Ср.:

хам., лобн. *töbə* ~ лобн., хам. *tövə* ~ лит., акс., куч, хот. *töpə* ‘верх, верхушка’, Jarr₁ *baba* ~ турф., хам., лобн. *bava* ~ хот. *buva* ~ лит., лобн., хам. *bova* ‘дед, дедушка’; лобн. *ibejt-* ~ лобн. *ivejt-* ~ лит., лобн. *evət-* ~ кашг., турф., хот. *ivət-* ‘посылать’; куч., турф. *tabaq* ~ лит., лобн., куч. *tavaq* ~ хам. *tovaq* ‘блюдо’; лобн., акс., хам. *kövrük* ~ лит. *körük* ‘мост’, хам. *qobuq* ~ хам. *qovuq* ~ лобн., хам. *qaviq* ‘дверь’; Jarr₁ *dobursaq* ~ *dovesaq* ‘мочевой пузырь’; Jarr₁ *tibet* ~ *tövət* ‘Тибет’, кашг., лобн. *tobra* ~ хот. *tovra* ‘торба’ (здесь соседство с сонорным). То же бывает регулярно во всех диалектах в случае внешнего сандхи: Jarr₁ *suvaši* < *su baši* (геогр. название).

Однако в уйгурских говорах представлены и случаи сохранения *-b-* в интервокальной позиции и в соседстве с сонорным: хам. *dobala-* ‘сгружать’, лобн., акс., ярк. *qabul* ~ лит., хот. *qobul* ‘принятие’, лобн. *tüblük* ‘углубление для очага’ (но – *tüvən* ‘низ’), лобн. *tabyš-* ‘оказывать почтение’, хам. *xabar* ~ лобн. *xavar* ~ лит. *xəvər* ‘известие’ (но – хам., кашг., ярк. *nabat* ~ *navat* ‘леденец’), лит. *əbaja* ‘недавно’, лобн., хам. *dumbaq* ~ *duŋbaq* ‘барабан’.

g ~ *v*//*ġ* ~ *v* – в интервокальной позиции или в соседстве с сонорным типичная особенность уйгурских диалектов, однако распределение этих соответствий четко не очерчено. В лобнорском диалекте отмечено больше *g*-вариантов, в илийском и хотанском шире представлены *v*-варианты. Данная закономерность распространяется и на заимствованные слова.

Ср.: лит., лобн. *ajvan* ~ лобн. *ejvan* ~ лобн. *ejgən* ~ лобн. *egen* ‘веранда’; лобн. *duga* ~ лобн. *duġa* ~ лобн. *duva* ~ лит. *dua* ‘молитва’; лит. *əvlat* ~ лобн. *oġlat* ‘потомство’; лит. *əvlija* ~ лобн. *öglüjə* ‘святой’; лит. *ǯavap* ~ лобн. *ǯiġap* ‘ответ’; лит. *uval-* ‘крошить’ ~ хам. *uġyla-* ‘растирать’; лит.; кашг. *adavət* ~ турф. *adagüt* ‘вражда’; лит. *karvan* ~ кашг. *kervən* ~ турф. *kergan* ‘караван’; лит. *tuvaq* ~ хот. *tuġaq* ‘крышка’;

k ~ *g*//*q* ~ *ġ* – в исходе односложных слов глухие гуттуральные смычные, попадая при аффиксации или в случае сандхи в интервокальную позицию, в ряде диалектов озвончаются, хотя по литературным нормам это явление свойственно только многосложным словам (лит. *žük-üm* ‘мой груз’, но лит. *ösümlüg-i* ‘его растение’, лит. *čeq-i* ‘его колесо’, лит. *qučiġ-i* ‘его объятие’), или, наоборот, в многосложных словах не озвочнаются; ср.: акс. *anekin* ‘затем’, лит. *boġusa* ~ хот. *bu°ġus* ~ кашг. *boqusa* ‘соха’, кашг. *süjġaš* < *süjük aš* ‘название мясного блюда’, хот. *taġy* ~ *taqy* ‘еще’, лобн. *baq* ‘связка, нерв’ > *baġ-i* ‘его связка’, лобн. *bög-ümgə* ‘моему начальнику’, лобн. *bügün* ~ *bükün* ‘сегодня’, лобн. *sek* ‘собака’ > *seg-i* ‘его собака’;

j ~ *β* ~ *v*: Jarr₂ *ujat* ~ *uβat* ~ *uvat* ‘стыд’, лит. *tujaq* ~ Jarr₁ *tuvaq* ‘копыто’;

j ~ *ž:* куч., акс. *quž-up* ~ лит. *quj-up* 'наливая', куч. *už-ni* ~ лит. *uj-ni* 'быка';

ġ ~ *v:* хот. *suġaq* ~ кашг. *sovaq* ~ лит. *soġuq* 'холод', хот. *tuġaq* ~ лит. *tuvaq* 'крышка';

h ~ *x* ~ *χ:* Jarr$_2$ *dehqan* ~ *dexan* ~ лит. *dixan* 'крестьянин';

h ~ *ġ:* чилик. *ǯohər* ~ *ǯoġar* 'астра';

k ~ *x*: турф. *erkək* ~ лит. *ə(r)xək* 'мужчина';

q ~ *x*: Jarr$_2$ *toqsan* ~ *toqsən* ~ лит. *toxsən* 'девяносто';

č ~ *ǯ:* турф. *qančuq* ~ кашг. *qanǯik* ~ лит. *qanǯuq* 'сука';

r ~ *ž:* лит. *qirġol* ~ куч. *qižġol* 'фазан', лит. *kir-ip* ~ акс., кашг., ярк. *kiž-ip* 'войдя';

r ~ *j*: лит. *ilgiri* ~ ярк. *ilgiji* 'прежде', лит. *biri* ~ ярк., хотан. *biji* 'один из них', лит. *ara* ~ хотан. *aja* 'промежуток', лобн. *baran* ~ *bajan* 'название болезни', кашг., ярк. *qarla-* ~ *qajla-* 'озираться', лит. *uruq* ~ Jarr$_2$ *ujuġ* 'семена';

r ~ ∅ – "выпадение переднеязычного щелевого вибранта *r* в уйгурском языке и его диалектах в середине слова перед согласными имеет тотальное распространение и носит почти универсальный характер" (Талипов 1988, 119): кашг. *bače* ~ лит. *barčə* 'весь', лит. *jə(r)siz* 'безземельный', лит. *pa(r)čə* 'кусок', лит. *ta(r)tma* 'подпруга', лит., хам. *qa(r)ġa* 'ворона', лит., акс., хотан., кер. *oġaq* ~ турф. *oġraq (< *orgaq)* 'серп', кашг. *taġaq* < *tarġaq* 'баранья лопатка', хот. *jögə-* ~ турф. *jürgə-* 'заворачивать', ферган. *čači-* ~ лит. *čarči-* 'уставать', лит. *qiriq* ~ ферган. *qiq* 'сорок', лит. *a(r)pa* 'ячмень', лит. *a(r)tuq* 'лишний', лит. *qa(r)ġa* 'ворона' – выпадение сопровождается удлинением предшествующего гласного;

l ~ ∅: куч. *köŋlək* ~ хотан. *könək* 'рубашка', турф. *kegilə* < *kel-gilə* 'приходи же!', куч. *boġača* < *bolġača* 'до наступления'.

3. В конце слова:

k ~ *g/q* ~ *ġ (~ γ)/x* – практически весь ряд гуттуральных в ауслауте односложных и многосложных слов сохраняется, что является одним из устойчивых классификационных признаков уйгурского языка. Звонкие в исходе слов, однако, оглушаются (лит. *əg* 'гни!', но *ək-kən* 'согнувший'). Ср.:

лит. *bəg* 'бег', *kök* 'голубой', *tuġ* 'знамя', *oq* 'пуля', *oġlaq* 'козленок', *körük* 'мост', *dovusaq* 'мочевой пузырь', кер. *kejəlyx* 'кериец'.

Отмечаются междиалектные различия; ср.:

хот., кашг. *ačiġ* ~ лит. *ačči̇q* ~ хам. *ačiq* 'кислый', кашг., турф., хам. *aġriq* ~ хам. *aġriġ* 'больной', хот. *qajdaġ* ~ *qajdaq* ~ лобн. *qandaq* 'каким образом', лит. *uruq* ~ турф., хот., ярк. *uruġ* 'семена', лит. *qošuq* ~ хам. *qošuġ* 'ложка';

r ~ *j*: лит. *bir* ~ лит., ферган. *bij* 'один', Jarr$_2$ *pər* ~ лит. *pəj* 'перо', лит. *xemir* ~ ферган. *xəmij* 'тесто', лит. *kəndir* ~ ферган. *kəndij* 'конопля';

r ~ *ž* (~ *ʒ*): лит. *bir* ~ кашг. *biž* 'один';

r ~ ∅ – почти регулярное явление: лит. *baza(r)* 'базар', лит. *ba(r)* ~ хотан., хам. *va* ~ *vā* 'есть, имеется', лит. *egər* 'седло', лит. *tonu(r)* 'печь', лит. *ja(r)* 'обрыв', ферган. *baha(r)* 'весна', лит. *kö*: 'смотри', лит. *silə:* 'вы', лит. *öjlə:* 'дома', *qušla:* 'птицы' – (выпадение *-r* в аффиксе множественного числа *-lar* – регулярное явление в литературном языке и в большинстве говоров).

Выпадение *r* сопровождается возникновением компенсирующего удлинения предшествующего гласного. Однако долготы в уйгурском языке "постоянно присутствуют только в тех случаях, в которых беглый *r* утрачен совсем. Во всех остальных случаях эти долготы носят факультативный характер, т.е. с выпадением *r* они появляются, а с его восстановлением исчезают" (Садвакасов 1970, 72); ср.:

лит. *tə:* 'собери', но *ter-ip* 'собрав', лит. *jamġu:* 'дождь', но *jamġur-i* 'его дождь', лит. *dəptər-lə:* 'тетради', но *dəptər-lər-i* 'его тетради'.

Узбекский язык

1. В начале слова

В анлауте, как правило, выступает звонкое *b*. В тех говорах, где сохраняются остаточные явления сингармонизма, в соседстве с гласными переднего ряда *b* получает палатализацию: андиж. *b˝uw˙u* 'бабушка', *s˙umb'ə* 'зубило' (Иброҳимов 1967, 57).

b ~ *p:* лит. *butəq* ~ шахр. *putəγ^x* ~ андиж. гор. *putag* 'ветка', лит. *bit* ~ андиж. гор. *pït* ~ сайр. *pit* 'вошь', карнаб. *Pïxərə* 'Бухара', сайр. *pičïm* ~ лит. *bičïm* 'покрой', андиж. гор. *pïtədï* 'он написал', карлук. *bučəq* ~ лок. *pyčaq* 'нож', карлук. *bi:šiγ* ~ лок. *pyšyq* 'вареный', балык. *bïčən* ~ лит. *pičan* 'сено', ниез. *putqul* ~ лит. *butqul* 'полностью'. Чаще оглушение *b* > *p* наблюдается в соседстве с узкими гласными, но встречается и в словах с широкими гласными: шахр. *pəqïr* 'медная монета', карнаб. *pətïnkə* 'ботинок'. В принципе, в городских узбекских говорах карлуко-уйгурского наречия анлаутное *b-* устойчиво, колебания *b* ~ *p* затрагивают чаще те слова, для которых обычно подобное межъязыковое соответствие (*bit*, *butun* и пр. – см. выше), в некоторых случаях исследователи отмечают, что это происходит в узбекских говорах, носители которых исторически контактировали с кыпчакскими говорами.

b ~ *m*: андиж., бух., ош., карнаб, сайр., ташк., ферган. *mundə* ~ лит. *bunda*'в этом', ош. *məjrəm* ~ лит. *bajram* 'праздник', сайр. *mojun* ~ лит. *bůjin* 'шея', бух. *munəqa* 'такой', карнаб. *mïnən* ~ лит. *bilan* 'с'; возможно влияние носовых согласных с составе слов;

b ~ *v*: лит. *ber-* ~ карлук. гор. *ver-* 'дать' — спорадически в городских говорах, кашк. *bərəγ* ~ лит. *varaq* 'лист';

f ~ *p*: сам.-бух. *fəqət* ~ карш. *paqat* ~ ташк. *pəqət* 'только', сам.-бух. *fïrebgər* ~ карш. *pïrïbgar* ~ ташк. *pïrïbgər* 'хитрый' – в заимствованиях;

t ~ *d*: ташк. *dələ* ~ андиж. *tala* 'поле', ташк. *toqnəš* ~ андиж. *doqnəš* 'встреча', андиж. *tumalaq* ~ ташк. *dumaloq* 'круглый', лит. *tovuš* ~ андиж. *dəwuš* 'голос', карш. *delvə* ~ лит. *telba* 'юродивый', лит. *tevarak* ~ балык. *dempərə* 'окрестность' – спорадическое явление в карлукском наречии;

t ~ *č:* лит. *tüšak* ~ ташк. *čušəj* 'матрац', лит. *tugmoq* ~ андиж. *čïgmək*

'завязывать', андиж. *tžzə* ~ ош. *čžzə* 'колено', лит. *tuš* ~ андиж. *čüš* 'полдень', карлук. *čüš-* ~ лит. *tuš-* 'спускаться', лит. *tušunča* ~ балык. *čüčünčə* 'понятие' – перед узким (чаще губным) гласным в корне;

t ~ *j*: лит. *timdala-* ~ балык. *jumdələ-* 'царапать';

s ~ *č*: лит. *sɔč* ~ ташк. *čɔč* ~ ферган. *čəč* 'волосы', лит. *sɔčiq* ~ ташк. *čɔčuγ* ~ андиж., ферган. *čačïq* 'полотенце', лит. *saqič* ~ сам.-бух. *saqqïč* ~ ташк. *čəqïč* ~ андиж. *šïrïš* 'жевательная резинка', лит. *sičqon* ~ шахр. *čičqɔn* 'мышь';

s ~ *š*: лит. *supurgi* ~ наманг. *šupurgï* 'веник', лит. *sůlaqaj* ~ шахр. *šoləkəj* 'слюна', лит. *suvoq* ~ шахр. *šuvɔγ* 'штукатурка', лит. *siračˇ* ~ ниез. *šïrəč* 'клей' — редкие случаи;

s ~ *t*: лит. *sirpančiq* ~ ташк. *tïrpančïq* 'скользкий' – редкие случаи;

s ~ *z*: лит. *sovči* ~ андиж. *zəwči* 'сваха';

š ~ *č*: лит. *šippak* ~ ниез. *čïppəj* 'чувяки', лит. *šiš* ~ ниез. *čiš* 'опухоль';

j ~ *č*: лит. *ječ-* ~ шахр. *čeč-* 'раздеваться';

j ~ *t*//*d*: лит. *jumalɔq* ~ андиж. *tumalaq* ~ ташк. *dumalɔ:* 'круглый', андиж. *jïg* ~ ташк. *duv* ~ лит. *duk* 'веретено';

j ~ *ǯ*: ташк. *jur-* ~ вод. *ǯur-* 'ходить', лит. *jung* ~ ташк. *jun* ~ вод. *ǯun* 'шерсть', ташк. *jüj* ~ *ǯüj-* 'толковать' – в говорах, где возможны контакты с кыпчакскими диалектами;

j ~ ∅: лит. *jilqi* ~ ферган. *ïlqï* 'табун', лит. *jirɔq* ~ андиж. *ïraγ* ~ наманг. *ïrɔq* ~ ташк. *ïrɔ:* 'далекий', карш. *ïŋïčkə* 'тонкий', лит. *jigit* ~ карш. *ïgït* 'юноша', лит. *jiriŋ* ~ карлук. *iriŋ* 'гной' – обычно перед узкими гласными;

∅ ~ *j*: лит. *uzum* ~ карнаб. *juzum* 'виноград';

č ~ *ǯ*: лит. *čangal* ~ карш., шахр. *ǯəŋŋə* 'коготь';

ǯ ~ *č*: лит. *ǯüǯča* ~ коканд. *čoǯə* 'цыпленок';

k ~ *g*: лит. *kekirdak* ~ карш. *gəgïrdək* 'гортань';

g ~ *k*: лит. *gůǯa* ~ балык. *köča* 'похлебка';

q ~ *k*: лит. *qalampir* ~ уйчи. *kalampir* 'красный перец', лит. *kečqurun* ~ уйчи. *qəčqurun* 'вечером', лит. *qamči* ~ балык. *kəmči* 'плеть';

γ ~ *q*: лит. *γilaj* ~ балык. *qïlïj* 'косоглазый';

x ~ *γ*: лит. *xazina* ~ ниез. *γəzinə* 'казна', лит. *xütik* ~ уйчи. *γodïk* 'осленок';

x ~ *q*: ташк. *xipčin* ~ вод. *qïrčïn* 'прут';

x ~ *h*: лит. *xušjor* ~ андиж. гор. *hušjor* 'бдительный,' лит. *xat* ~ ош. *hət* 'письмо';

h ~ ∅: лит. *hid* ~ андиж. *ïd* 'запах', лит. *hašar* ~ андиж. *əšər* 'помощь', лит. *huš* ~ андиж. *üš* 'чувство', лит. *huštak* ~ андиж. *üštək* 'свисток';

∅ ~ *h*: лит. *ůrmala-* ~ шахр. *hormələ-* 'ползти', лит. *ůr-* шахр. *hor-* 'плести', лит. *ajvon* ~ балык. *həjvɔn* 'веранда';

n ~ *l*: ниез. *lɔdɔn* ~ лит. *nɔdɔn* 'невежда', ниез. *nekïn* ~ лит. *lekin* 'однако'.

2. В середине слова

b ~ *β* ~ *(w)*: спирантизация *b* в интервокальной позиции, или в соседстве с проточными, или в положении сандхи характерна для карлукского наречия узбекского языка, для большинства *ў*-екающих говоров, хотя она и не чужда кыпчакским говорам, однако здесь она выражена слабее, и часто *b* в них произносится менее звучно. Ср.:

лит. *tebrat-* ~ андиж. *teβrət-* 'двигать', лит. *jubor-* ~ андиж. *jüβər-* 'отправить', лит. *qůjib jubor* ~ андиж. *qojwɔr* 'отпусти', лит. *eja beriŋ* ~ андиж. *jeβrïŋ* ~ ташк. *jewürïŋ* 'ешь!', лит. *šu bůlsa* ~ ташк. *šu wůsə* 'относительно этого', лит. *bɔbɔ* ~ шахр. *bɔβɔ* 'дедушка', лит. *asbɔb* ~ коканд. *ɔsβɔp* 'прибор', лит. *čɔrbɔγ* ~ джиз. гор. *ča̲rβəγ* 'приусадебный сад', лит. *sabab* ~ ферган. *sabav* 'причина', лит. *kelib edi* ~ ташк. *keluwdï* 'он пришел', лит. *qila ber-* ~ ташк. *qïlɣwur-* 'продолжать делать';

b ~ *j*: лит. *bibi* ~ сайр. *biji* 'бабушка', лит. *tabib* ~ джизак. *təjïp* 'лекарь';

b ~ *m*: лит. *mažbur* ~ джизак. гор. *mažmur* 'обязанный';

p ~ *β (~ w)*: лит. *čɔpib kel-* ~ водил. *čöβïpke-* 'прибежать', лит. *tɔpib kel-* ~ водил. *töβïpke-* 'найти', карлук. *sɔp* 'рукоятка' ~ *sɔβï* 'его рукоятка', лит. *tepa* ~ коканд. *teβə* 'верх', лит. *gaplaš* ~ шахр. *gəβləš* 'поговори!';

β ~ *j*: лит. *suβini* ~ наманг. *sujunï* 'его воду', лит. *sebimli* ~ андиж. *süjümlïk* 'ласковый';

β ~ *g*: лит. *čiβin* ~ андиж. *čügün* 'комар', лит. *uβra* ~ андиж. *ögrə* 'лапша';

β ~ *γ*: лит. *tarbuz* ~ андиж. гор. *tɔrγïz* 'арбуз', лит. *qɔβurma* ~ андиж. гор. *qoγurmə* 'жаркое';

β ~ ∅: лит. *suβli* ~ андиж. *su:lïk* 'орошаемый', лит. *sɔβγa* ~ наманг. *sɔγə* 'подарок', лит. *taβba* ~ наманг. *tɔbə* 'раскаяние' – с удлинением предшествующего гласного;

č ~ *s*: лит. *bůjinča* ~ шахр. *bojinsə* 'подхомутник', лит. *důŋča* ~ шахр. *doŋsə* 'холмик';

č ~ *š*: лит. *učta* ~ наманг. *ušta* 'три штуки', лит. *kučli* ~ наманг. *kʻušlu* 'сильный';

č ~ *š*: лит. *ičti* ~ ташк. *ïštï* 'он выпил', лит. *nečta* ~ ташк. *neštə* 'сколько', лит. *ɔčdi* ~ андиж. *ɔštï* 'он открыл' – (в соседстве с *t*), лит. *qůrqinčli* ~ андиж. *qorqïnšlï* 'страшный', андиж. *əqïšnïk* < рус. *окучник*, лит. *qůčqɔr* ~ карнаб. *qɔšqɔr* 'баран', лит. *čůčqa* ~ карнаб. *čošqa* 'свинья' – (в комплексе *č* + сонорный и при наличии в слове гуттурального);

š ~ *r*: лит. *bɔšmaldɔq* ~ балык. *bɔrmɔldɔqx* 'большой палец';

ǯ ~ *j*: лит. *mažlis* ~ ташк. *məjlis* 'собрание';

d ~ *t*: лит. *tasdiqla-* ~ андиж. *tastïγla-* 'утверждать' – после глухих согласных;

t ~ *č*: андиж. *čöntək* ~ ташк. *čönčək* 'карман';

t ~ *h*: лит. *qatlama* ~ коканд. *qahləmə* 'слоеная лепешка';

t ~ *d*: лит. *čitgar* ~ ташк. *čidgər* 'набойщик ситца';

t ~ ∅: лит. *baxtli* ~ наманг. *baxlïγ* 'счастливый' – при стечении трех согласных;

n ~ *ŋ*: лит. *kůlanka* ~ андиж. *kölənkə* 'тень', лит. *enkajiš* ~ андиж. *eŋkəjïš* 'склонение', лит. *inqilɔb* ~ андиж. *ïnqïlɔp* 'революция', лит. *jangi* ~ андиж. *jəŋgï* ~ ташк. *jeŋgï* 'новый' – в комплексах *nk*, *nq*, *ng*, т.е. перед гуттуральными;

n ~ *r:* лит. *bekinmačɔq* ~ барык. *bekĭrməčəh* 'прятки';

n ~ *j*: лит. *qandaj* ~ андиж. *qajdaq* 'какой';

n ~ ∅: лит. *sizniki* ~ ферган. *sĭzĭkĭ* 'ваш';

l ~ *ŋ:* лит. *jolgiz* ~ андиж. *jɔŋɣus* 'одинокий';

l ~ *n*: ташк. *kojlak* ~ карш., наманг. *kojnak* 'рубашка';

l ~ ∅: лит. *kelgan* ~ карнаб. *kegən* 'пришедший', лит. *keltir-* ~ карнаб. *ketĭr-* 'приносить', лит. *qɔlɣan* ~ ташк. *qɔɣən* 'оставленный', лит. *ɔlsa* ~ ташк. *ɔsə* 'если взять';

m ~ *β* ~ (*w*)*:* лит. *kůrdimiz* ~ ташк. *kůrdĭβuz* 'мы видели';

m ~ *j*: лит. *qimmat* ~ балык. *qĭjmət* 'ценный';

r ~ *t*: коканд. *Səmətqan* 'Самарканд';

r ~ *l*: лит. *sarqit* ~ балык. *sɔlqĭt* 'остатки', лит. *sajratma* ~ балык. *səjlətmə* 'перепелка';

r ~ *j*: лит. *darjo* ~ балык. *dəjlə* 'река';

r ~ ∅: лит. *tarsaki* ~ ферган. *təsəkĭ* 'пощечина', лит. *murč* ~ шахр. *muč* 'перец', лит. *qurt* ~ шахр. *qut* 'червь', лит. *qůrqma* ~ шахр. *qoxmə* 'не бойся';

j ~ *g*: лит. *kejin* ~ андиж. *kegĭn* 'после', андиж. *tügmə* ~ *tüjmə* ~ ташк. *tuwmə* 'пуговица', лит. *sůgal* ~ андиж. *sʊjəl* 'бородавка';

k ~ *g*: лит. *bešik* 'колыбель' ~ андиж. *bešĭgĭ* 'его колыбель', лит. *etak* 'подол' ~ андиж. *etəgĭ* 'ее подол', лит. *tekin* ~ шахр. *təgin* 'бесплатный' – в возникшей интервокальной позиции только в двусложных словах, в одно- и трехсложных словах интервокальное *k* сохраняется; ср.: андиж. *kök-ĭ* 'его небо', *ček-ĭ* 'его граница', *ĭštĭrɔ:q-ĭ* 'его участие';

k ~ *h*: лит. *keksalar* ~ андиж. *kehsələr* 'старики', лит. *kůkrək* ~ джиз. *kohrəj* 'грудь';

k ~ ∅: лит. *kaklik* ~ шахр. *kə:lik* 'куропатка', лит. *jaktak* ~ шахр. *jə:tək* 'халат';

q ~ *x*: лит. *saqla* ~ андиж. *saxla* 'сохрани', лит. *βaqti* ~ андиж. *βaxtĭ* 'его время', лит. *tůqsɔn* ~ шахр. *toxsən* 'девяносто', лит. *maqsad* ~ джиз. *məxsət* 'цель', лит. *ůqlow* ~ шахр. *oxlɔɣ*^{x} 'скалка', лит. *ůqsiz* ~ шахр. *oxsiz* 'без пули';

q ~ *ɣ:* лит. *qirqinči* ~ андиж. *qĭrɣĭnʒĭ* 'сороковой', лит. *čiqib* ~ ферган. *čyɣyp* 'выйдя', лит. *qajoqda* ~ джиз. *qa:ɣdə* 'в какой стороне', лит. *taqdim* ~ шахр. *təgdim* 'преподношение';

q ~ *β:* лит. *čiqindi* ~ балык. *čĭβĭndĭ* 'отбросы';

ɣ ~ *j:* лит. *bɔɣlam* ~ андиж. *bəjlam* 'связка';

ɣ ~ *w:* лит. *qůɣirčɔq* ~ шахр. *qawuččɔɣ* 'кукла', лит. *gugurt* ~ джиз. *gəwut* 'спички';

ɣ ~ *x*: лит. *jɔɣsiz* ~ андиж. *jaxsĭz* 'без масла', джиз. *Pərganə* ~ *Pərxanə* 'Фергана';

ɣ ~ ∅: лит. *tůɣri* ~ ташк. *tů:rĭ* 'верно', лит. *ůɣli* ~ ташк. *ů:lĭ* 'его сын';

g ~ *j*: лит. *ertaga* ~ коканд. *ertɛjə* 'завтра', лит. *juragi* ~ марг. *jürɛjĭ* 'его сердце', лит. *kigiz* ~ андиж. *kĭjgĭz* 'войлок', лит. *sigir* ~ ферган. *sĭjĭr* 'корова';

h ~ *j*: лит. *xɔhiš* ~ андиж. *xɔjĭš* 'желание', лит. *nasihat* ~ кашк. *nəsĭjət* 'наставление', лит. *tegirmɔn* ~ кашк. *tĭjĭrmən* 'мельница', лит. *kůhna* ~ карш. *kojna* 'старый';

h ~ ∅: лит. *dahliz* ~ андиж. *dəlĭz* 'прихожая', лит. *tahqiq* ~ андиж. *taqĭq* 'проверка', лит. *šahar* ~ ферган. *šə:ər* 'город', лит. *nahs* ~ шахр. *nəs* 'нечистый', лит. *bahɔr* ~ карш. *bɔ:ɔr* 'весна';

ŋ ~ *ɣ:* лит. *sůŋra* ~ шахр. *sɔɣrə* 'затем';

ŋ ~ *m*: ташк. *jələŋβɔš* ~ андиж. *jələmbɔš* 'непокрытый';

ŋ ~ *j:* лит. *siŋlim* ~ шахр. *sijnim* 'моя сестра', лит. *miŋbɔši* ~ андиж. гор. *mĭjβɔšĭ* 'тысячник';

ŋ ~ ∅: лит. *kůŋlim* ~ ферган. *kö:nim* 'моя душа'.

3. В конце слова

В этой позиции общая тенденция – оглушение согласных или спирантизация (ослабление).

b ~ *p*: карлук. *kelib* > *kelip* 'придя', ферган. *ɔlib* > *ɔlip* 'взяв', ташк. *kitɔb* > *kitɔp* 'книга', лит. *kabɔb* ~ наманг. *kʻɔβɔp* 'жаркое';

β ~ *j:* лит. *seβ* ~ андиж. *süj* 'люби';

β ~ *ɣ:* лит. *tumɔβ* ~ шахр. *tumɔɣ* 'насморк', лит. *ůqlɔβ*~ шахр. *oxlɔɣ* 'скалка';

β ~ ∅: лит. *ɔβ* ~ наманг. *ɔ·* 'охота', лит. *čuβ* ~ ташк. *ču:* 'чека', лит. *suβ* ~ карлук. *su:* 'вода';

t ~ ∅: лит. *gůšt* ~ наманг. *goš* 'мясо', лит. *past* ~ наманг. *pʻas* 'низкий', лит. *tůrt* ~ *tůr* 'четыре', лит. *daraxt* ~ ташк. *dərəx* 'дерево', лит. *ɣišt* ~ карш. *ɣĭš* 'кирпич' – в односложных словах в конце закрытого слога;

d ~ *d̲* ~ *t*: лит. *dud* > наманг. *dud̲* 'скрытый', лит. *ozod* > наманг. *ɔzɔt* 'свободный';

d ~ (> *t*) ~ ∅: лит. *baland* > *balant* ~ ташк. *bələn* 'высокий', лит. *xursand* > *xursant* ~ наманг. *xursan* 'довольный' – через ступень оглушения *-t*;

z ~ *s*: лит. *sůz* ~ *sůs* 'слово', лит. *juz* ~ *jus* 'сто';

g ~ *k*: лит. *barg* ~ *bark* 'лист';

k ~ *ɣ:* лит. *etak* ~ наманг. *etaˑ(ɣ)* 'подол', лит. *bilak* ~ наманг. *bilaˑ(ɣ)* 'запястье', лит. *ůrdak* ~ карнаб., марг. *ordəɣ* 'утка' – конечное *ɣ* очень слабое, а предшествующий ему гласный удлиняется;

k ~ *h*: лит. *ipak* ~ балык. *jĭpəh* 'шелк', лит. *kůk* ~ сайрам. *köh* 'зеленый';

k ~ *x'*: лит. *ellik* ~ ташк. *ellĭx'* 'пятьдесят', лит. *kerak* ~ ферган. *kerəx'* 'нужно';

k ~ *j*: лит. *etik* ~ карлук. *etĭj* 'сапог', лит. *tůrt kunlik* ~ марг. *tör kullĭj* 'четырехдневный', лит. *čelak* ~ ташк. *čeləj* 'ведро', лит. *kepak* ~ карнаб. *kipəj* 'отруби', лит. *ůzbek* ~ карнаб. *ozβəj* ~ *ozbəj* 'узбек', лит. *ešik* ~ коканд. *ešij* 'дверь', лит. *ůzak* ~ кашк. *orĭj* 'стержень';

k/g/q ~ *β:* лит. *tuzuk* ~ карш., ташк. *tuzuβ* 'исправный', лит. *berdik* ~ карш., ташк. *berduβ* 'мы дали', лит. *buzɔq* ~ карш. *buzɔβ* (но ташк. *buzɔ:*) 'теленок';

k ~ ∅: лит. *etak* ~ андиж. *eta:*^{g} 'подол', лит. *jetak* ~ андиж. *jetə:*^{g} 'на поводе'; лит. *qijinčilik* ~ карлук. *qĭjĭnčĭlĭ:* 'трудность' – с удлиннением предшествующего гласного;

q ~ *x:* лит. *tɔq* ~ наманг. *tʻɔx* 'нечет', лит. *čiroq* ~ карнаб. *čirəx* 'лампа',

лит. *quruq* ~ балык. *qurux* 'сухой', лит. *ariq* ~ балык. *ɤrĭx* 'худой', лит. *naq* ~ шахр. *nax* 'как раз';

γ ~ ∅: лит. *belbɔg* ~ наманг. *belβɔ(γ)* ~ ташк. *belβɔ:* 'пояс', лит. *bɔrajlik* ~ наманг. *bɔrajlu·(γ)* 'пойдемте';

q ~ *γ*: лит. *sɔβuq* ~ карнаб. *suβuγ* 'холод', лит. *baliq* ~ карнаб. *bəlĭγ* 'рыба', лит. *ůrɔq* ~ карш., наманг., ташк. *ůrɔγ* 'серп', лит. *ɔčiq* ~ карш., наманг., ташк. *ɔčuγ* 'открытый', лит. *tajɔq* ~ карлук. *tŭjɔγ* 'палка', лит. *ariq* ~ шахр. *ɤriγ* 'арык', лит. *čiq* ~ шахр. *čiγ* 'выходи';

q ~ ∅: лит. *qišlɔq* ~ ташк. *qĭšlɔ:* 'кишлак' – в исходе многосложного слова с удлинением предшествующего гласного, однако в других говорах возможно сохранение в исходе слов *-γ* < *-q*; ср.: лит. *jɔq* ~ наманг. *joγ* 'нет', лит. *ɔdɔq* ~ марг. *ɔdɔγ* 'конец', лит. *qirq* ~ наманг. *qĭrγ* 'сорок';

h ~ ∅: лит. *gunɔh* ~ карнаб. *gunə* ~ карш. *gunɔ:* 'грех', лит. *pɔdšɔh* ~ карш. *pɔšš ɔ:* 'царь';

č ~ *š*: лит. *qilič* ~ карабул., наманг. *qylyš* (~ *qylyč*^{š}) 'сабля', лит. *heč* ~ карабул. *heš* 'ни';

ǯ ~ *č*: лит. *riβɔǯ* ~ балык. *rĭβɔč* 'развитие';

l ~ ∅: лит. *ɔl-* ~ ташк., шахр. *ɔ-* 'взять', лит. *qɔl-* ~ ташк. *qɔ-* 'оставаться', лит. *bůl-* ~ ташк. *bů-* 'стать', лит. *kel* ~ карнаб. *ke* 'приходи' – падение конечного *-l* наиболее часто в глаголах;

r ~ *l*: лит. *anǯir* ~ карнаб. *ənǯĭl* 'инжир', лит. *zanǯir* ~ бух., карнаб. *zənǯĭl* 'цепь', лит. *deβɔr* ~ сайрам. *deβal* 'стена';

r ~ ∅: лит. *bɔr* ~ карлук., карнаб. *bɔ* 'есть', лит. *bɔlalar* ~ карлук. *bɔllə* 'дети', лит. *keldiler* ~ ташк. *keldĭlə* 'они пришли', лит. *ber* ~ ташк. *bə* 'дай', лит. *sizlar* ~ бух. *sĭla* 'вы', лит. *ular* ~ бух. *ula* 'они', лит. *ůtir* ~ шахр. *ottə* 'садись', лит. *kelgandir* ~ шахр. *kegəndo* 'наверное, он пришел';

n ~ *j*: лит. *undan kejin* ~ андиж. *ĭndəǰ kegĭn* 'после этого' – на стыке слов, начинающихся с *k-* / *j-*.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОГЛАСНЫХ В ЯЗЫКАХ УЙГУРО-КАРЛУКСКОЙ ГРУППЫ И ИХ ДИСТРИБУЦИЯ

Рассмотрение приведенного материала по консонантному составу уйгурского и узбекского языков – языков уйгуро-карлукской группы, позволяет выявить общие фонологические единицы и их распределение, характерное для большинства привлеченных языковых стратов, что дает основания признать за указанными фонологическими единицами определенную историческую глубину и считать их общим историческим достоянием данной языковой группы. Характерным для этого периода можно, видимо, считать закончившийся процесс ослабления глухих и озвончения анлаута прежде всего в ряду лабиальных *p-* — *b-*, *v-* (*β-*), *m-*. Отмеченные межъязыковые и междиалектные сответствия слова с глухим началом являются или остаточными явлениями, или диалектными вкраплениями, свидетельствующими только о

неравномерности указанного процесса. Однако статистика показывает, что, например, в современном узбекском языке в общем числе употребленных в речи шумных согласных фонем глухие составляют почти 19%, а звонкие – 14%, а общее процентное соотношение парных глухих и звонких фонем (*b* : *p*, *d* : *t*, *g* : *k*, *γ* : *x*, *z* : *s*, *ǯ* : *č*) явно в пользу звонких: 15% и 85% соответственно (Ризаев 1970, 10). Более того, появление в ряде случаев в начале слова звонких дентальных *d-* и *ǯ-*, а также заднеязычного *g-* свидетельствует о межгрупповых контактах и о раннем проникновении в карлукские языки огузских и кыпчакских элементов. Так, уже Махмуд Кашгарский выделял "язык огузов", сопровождая слова, начинающиеся с *d-* и *g-*, пометой "огуз"; судя по его пометам, начальное *d-* встречалось также в языке городского населения Барсгана, племен уч, канчак и аргу (Боровкова 1966, 30).

1. Ряд лабиальных – *b, *p, *v (*β), *m

1) Уйгурский и узбекский языки принадлежат к тюркским языкам, в которых в анлауте определенно доминирует звонкое смычное *b*, что свидетельствует о его весьма раннем озвончении в карлукских языках. В узбекском языке губные составляют 16% употребления всех согласных в тексте, хотя следует помнить, что среди слов с *m*, *v*, *f* в современном словаре много заимствований, а фонема *b* по частотности стоит на девятом месте в списке всех фонем данного языка (Ризаев 1970, 10); видимо, и уйгурский язык близок по этим параметрам к узбекскому языку. Правда, в межъязыковых соответствиях заметно преобладание в уйгурском языке начального *p-* на месте узбекского *b-*.

В начале слова перед гласными *b-* в этих языках достаточно устойчиво, и поэтому имеется значительное количество межтюркских соответствий.

В силу того что *b* характеризуется слабостью смычки в определенных позициях – обычно в интервокальной или по соседству с сонорным, наблюдается спирантизация и переход *b* > *β* (*w*), т.е. в губно-губной спирант или *v*, или губно-зубной спирант (примеры таких переходов приведены выше). Здесь оказывает влияние также и темп речи: замедленная речь способствует сохранению качества *b*, убыстрение – спирантизации. Явление спирантизации относится к числу характерных особенностей уйгурского языка как в его литературной форме, так и во всех диалектах, хотя в группе северо-восточных говоров оно более последовательно, чем в юго-западных. Аналогичные изменения присущи всем говорам карлукского наречия, большинству *й*-екающих говоров, в литературном языке интервокальное *-b-* более устойчиво. Таким образом, спирантизация смычного *b* в середине слова и часто в позиции сандхи – типичное для языков карлукской группы фонетическое явление, имеющее большую историческую глубину. Оно фиксируется и в Словаре Махмуда Кашгарского: *jubqa* ~ *juvqa* ~ *juβγa* 'тонкий', *jabčan* ~ *jaβčan* 'полынь', в текстах на брахми все случаи с *-w-* в словах: *jawlaq* 'плохой', *tawran-* 'крутиться'.

В отдельных случаях в середине слова наблюдается переход *-b-* > *-m-*.

В конце слова регулярно оглушение, причем звонкость может восстанавливаться при наращении аффиксов с гласным началом.

Во всех указанных случаях поведение *b* в языках карлукской группы не отличается заметно от других тюркских языков, отмеченные переходы знают также языки алтайской семьи.

2) Как в межъязыковых соответствиях, так и меж- и внутридиалектных прослеживаются случаи *b-* ~ *p-*, однако, как указывалось, это соответствие можно рассматривать как непоследовательность исторического процесса озвончения начального *p-* (возможно, вторичного оглушения). Для карлукских языков его переход в *b-* фиксируется уже в раннее время. Так, у Махмуда Кашгарского только в четырех корнях встречается начальное *p-*, причем два из них – заимствования.

Обращает на себя внимание наличие придыхательности *pʿ* в наманганском говоре узбекского языка, которая значительно ослабляется в середине слова и менее в конце.

В интервокальной позиции в говорах уйгурского и узбекского языков происходит озвончение *-p-* > *-b-* или спирантизация *-p-* > *-β- (w)*, причем это проявляется в разных говорах неодинаково, так, в кашгарском говоре уйгурского языка *-p-* часто сохраняется (*kavapi* 'его жаркое'), в литературном спирантизуется (*kavabi* 'его жаркое'); влияет также количество слогов в слове – в односложных чаще сохраняется (северные уйгурские говоры – *qəpi* 'его мешок'), в многосложных спирантизуется. Во всяком случае, спирантизация и озвончение *-p-* в середине слова относятся к регулярным явлениям в группе карлукских языков.

В абсолютном конце слов *-p* сохраняется.

3) В начале собственно тюркских слов *β- (v-)* не встречается. Благодаря контактам с арабским и иранскими языками в карлукских языках эти звуки появляются в заимствованиях.

В середине слова появляется как результат спирантизации губных взрывных *-b-* и *-p-*. Махмуд Кашгарский в этой позиции отмечал различие между *-v-* (губно-зубной) и *-β-* (губно-губной) в разных древних диалектах: "...огузы и кто примыкает к ним заменяют фā ракӣ на вāв" (Боровкова 1966, 22). Как видно, старые филологи сверхслабое *-β-* считали особенностью фонетики "огузских" диалектов. В результате сонантизации возникают соответствия *β* ~ *j* или *β* ~ *γ*.

В конце односложных слов *-b* может выпадать, и поэтому предшествующий гласный удлиняется (наманг. *ɔ́* < *ɔβ* 'охота').

Говоря о качестве пракарлукского губного спиранта, следует, видимо, остановиться на возможности существования *β* и *v* как комбинаторных вариантов этого спиранта.

4) Вопрос о фонеме *m* не может быть однозначно решен на материале языков карлукской группы, как, впрочем, и относительно всех тюркских языков (СИГТЯ 1984, 303-309). В начальной позиции *m-* встречается в небольшом числе собственно тюркских слов. Здесь примечательны его соответствия с анлаутным *b-* в известных и по другим языкам основах личных и определительных местоимений (типа *bundaj* ~ *mundaj*, *men* ~ *ben*) и ряда существительных. Однако если признавать общей тенденцией развития тюркского анлаута ослабление его фонации, то в данном случае формы с начальным *b-* нужно считать исходными. Такие переходы известны и другим алтайским языкам.

Сонант *m* встречается в серединной позиции и в исходе слов. Часто выступает в начале аффиксов.

2. Ряд переднеязычных – **t*, **d*, **s*, **š*, **z*, **č*, (ǯ*), **r*, **l*, **n***

Язычные согласные в тюркских языках относятся к самым частотным, в узбекском языке они, например, составляют 48% от всех фонем в тексте, причем удельный вес переднеязычных в этом объеме равен 35%, что свидетельствует об их большой функциональной нагрузке.

1) Согласный *t* употребляется в любом положении и в сочетании с любыми гласными. В начальной позиции сохраняется в тюркских словах, чередование с *d-* в ряде слов отражает междиалектные связи с огузами, в языке которых происходило озвончение начального *t-*. В корпусе Словаря Махмуда Кашгарского отмечено всего около 15 слов с *d-*, большинство из них автор обозначил как диалектные. Наличие в общекарлукский период в анлауте тюркских слов сильного **t* подтверждает также сохранившаяся в наманганском говоре аспирация этого звука (*tʿ*): *tʿut* 'тутовник'.

В начале аффиксов выступал как позиционный альтернант *d-*: *-ty* ~ *-dy* (прошедшее время).

В середине слова и в ауслауте *t* сохраняется, в исходе слова, однако, при стечении согласных после переднеязычного спиранта может выпадать (типа *pas* < *past* 'низко').

Таким образом, языки карлукской группы сохраняют общетюркский **t* во всех позициях в слове.

2) В начале слов в языках карлукской группы *d-* не употреблялся. Все случаи соответствий с *t-* следует признать результатом вторичного озвончения последнего или заимствованием слова. В индексе слов к текстам на брахми только в одном случае зарегистрировано написание *dhayāṇ-* для *tajan-* 'опираться', остальные слова только с *t-* (TT VIII 99).

В середине слов сохраняется, хотя, возможно, является продуктом озвончения исконного *-t-* или развития звукового ряда *-j-* ~ *-δ-* ~ *-z-* ..., о чем говорят междиалектные соответствия.

В исходе слов *-d* встречается, однако, как в большинстве тюркских языков, выступает с оглушением или чередуется с *-t*.

Особого рассмотрения в языках карлукской группы требует соотношение *d* ~ *δ*. В живых уйгуро-карлукских говорах последний звук, как известно, не встречается, но в графике ряда средневековых письменных памятников используется арабская буква ذ для обозначения звонкого переднеязычного спиранта. Если написания с *δ* в некоторых памятниках можно рассматри-

вать как дань определенной письменной (орфографической ?) традиции, то употребление этого знака Махмудом Кашгарским, который имел возможность наблюдать язык уйгуро-карлукских племен в средние века и осознавал фонетическое различие между ﺩ и ﺫ в арабском языке, основывалось, надо думать, на звуковых реалиях. Он указывал, что произношение с *-δ-* является особенностью языка чигилей, частично – ягма и кыпчаков, а в других языках-диалектах присутствует *-j-* или *-z-*, но на практике такое строгое распределение слов в Словаре не выдерживалось.

Т.А.Боровкова высказала мысль, что в X–XI вв. *-δ-* являлось позиционным вариантом *-d-*, поскольку буква ﺫ писалась обычно в интервокальном положении и перед сонорными и звонкими согласными (Боровкова 1966, 25-29), т.е. в указанных позициях в языке некоторых уйгуро-карлукских племен происходила спирантизация слабого *-d-*. Нечто похожее отмечается в современном башкирском языке, где переход *-d-* > *-δ-* связан с особым качеством башкирского *d* (Дмитриев 1948, 24-27). Но в большинстве рассматриваемых случаев, в которых отмечено соответствие *d* ~ *δ*, речь идет о *d*, развившемся в ряду внутрисловных соответствий *j* ~ *d* ~ *t* ~ *δ* ~ *z* ~ *r*. Однако артикуляционно-фонетические условия этих переходов в тюркологии практически не проработаны, как и фонетические характеристики такого *-d-* (СИГТЯ 1984, 279-299; ср.: Щербак 1970, 160). Характерно, что в текстах на брахми также отмечается чередование в инлауте написаний с *-d-* ~ *-t-* ~ *-δ-*; *ср.*: *edhgü* ~ *etgü* ~ *etkü* ~ *eδgü* = *edgü* 'хороший'.

Таким образом, хотя соответствие *d* ~ *δ* и является достоянием письменных памятников караханидско-уйгуро-карлукского типа, следует признать, что в тот исторический период спирант *δ* являлся в середине слова позиционным вариантом *d*, поэтому реальным дистинктивным междиалектным соответствием оставалось *d* ~ *j*.

То же самое следует сказать о рассматриваемом соответствии и в исходе односложных слов, поскольку в многосложных словах в этой позиции *δ* практически не встречается.

3) Глухой свистящий спирант **s* в общекарлукском сохраняется во всех позициях в слове.

Отмечаемое межъязыковое соответствие узб. *č-* ~ уйг. *s-* (иногда – наоборот) является обычным для тюркских языков.

4) Глухой шипящий спирант *š* в начале слов редок, часто это бывают изобразительные слова или заимствования. В анлауте возможны переходы *š* > *č*, также известные из истории тюркских и других алтайских языков, такой переход отмечал еще Махмуд Кашгарский; типичным является развитие *š-* перед узким гласным в *s-*.

В середине слов *-š-* обычно сохраняется, в соседстве с *t* может изменяться в *č*. Устойчив *-š* также в исходе слов.

5) В начале слов *z* встречается только в заимствованиях. В середине слов сохраняется. Как любой звонкий, в исходе слов оглушается и приближается к *s*.

6) Как уже указывалось выше, *ž* не входил исторически в фонетическую

систему карлукских языков, однако в речи лиц, владевших иранскими языками, арабским или китайским, этот звук существовал. Зафиксированы заимствования с начальным *ž*, Махмуд Кашгарский специально отмечает слова с этим необычным для языка тюрок того времени звуком (в корпусе Словаря 28 таких слов).

В современном уйгурском языке появление в анлауте *ž* относится к междиалектным соответствиям и возможно только перед узкими гласными, т.е. в результате ослабления и палатализации сильной аффрикаты *ǯ-*; надо думать, что это произошло уже в новой истории уйгурского языка.

7) Глухая аффриката **č*, являясь наследием раннетюркского состояния, определенно присутствовала в общекарлукском, поэтому во всех современных уйгуро-карлукских диалектах имеются устойчивые соответствия. Встречается во всех позициях и в них достаточно устойчива.

В начале слова перед узкими гласным *č-* может быть вторичного происхождения как результат развития сочетания **ti-* при наличии в составе слова глухого спиранта. В уйгурском языке это развитие распространено (наиболее последовательно в илийском говоре) и проникло в литературную норму, в силу чего исторические варианты с **ti* воспринимаются как диалектные. Такое же развитие наблюдается и в узбекских диалектах.

8) Несмотря на то что в современных языках карлукской группы звонкая аффриката *ǯ* входит в их фонологические системы, нет оснований реконструировать ее для общегруппового состояния этих языков.

В начале слов ее появление, как правило, связано с развитием анлаутного ряда *j* ~ *ǯ* ~ *ž* ... В современном узбекском языке вообще аффрикаты составляют только 2% от всех случаев употребления смычных в тексте, так что эти фонемы не относятся к числу частотных; в уйгурском языке в указанном ряду начальных согласных с небольшим перевесом все же доминирует *j-* , хотя здесь имеется и немало слов с анлаутными *ǯ-* и *ž-*. Последняя особенность, как принято в узбекской диалектологии, считается одним из ярких фонетических признаков кыпчакских языков вообще и кыпчакизированных узбекских говоров, в частности (Решетов, Шоабдурахмонов 1978, 97). В караханидско-уйгурских памятниках также в начале слов обычно выступает *j-*. Махмуд Кашгарский тоже не отмечает соответствие *j-* ~ *ǯ-*. Все это свидетельствует о том, что древнейшие уйгуро-карлукские диалекты в анлауте имели *j-*, а появление в этой позиции звонкой аффрикаты или звонкого спиранта относится к самостоятельной истории отдельных диалектов и говоров, имевших прежде всего контакты с диалектами кыпчакского типа в более позднее время (Дониеров 1972).

Закреплению *ǯ* в карлукских диалектах способствовало также проникновение заимствованных арабских и персидских слов и формирование литературной нормы.

Как уже отмечалось, современный уйгурский язык выделяется тем, что в нем представлено значительное число тюркских слов с анлаутными *ǯ-* и *ž-*. Так сложилось в истории этого языка, что говоры центрального диалекта,

ставшие диалектной основой уйгурского языка и оказавшиеся в гуще междиалектного контактирования, характеризуются именно указанным признаком, в то время как диалекты ближе к границам распространения уйгурского языка отличаются "йотовой" характеристикой (лобнорский, хотанский, яркендский, кашгарский).

9) Сонорный *r* в начале тюркских слов не встречается. Встречается в середине и исходе слов. Отличительной особенностью *r* является его неустойчивый характер: часто выпадает в середине в соседстве с другим сонорным, глухим или переходит в *-j-*.

В конце слов сохраняется, однако в исходе аффиксов (*-lar*, *-tyr*) выпадает, иногда с образованием заместительной долготы предыдущего гласного.

10) Для сонанта *l* тоже типичны серединная и конечная позиции. Везде сохраняется его общетюркский характер.

Для *l*, как для сонанта, также характерна неустойчивость в середине слов, особенно на стыке основы с исходом на *l* и аффиксом.

11) Редкий для начала слов сонорный *n* в середине и конце слов сохраняется. Переход в середине слова *n* > *η* наблюдается в соседстве с гуттуральными.

3. Ряд среднеязычных – *j

Этот ряд представлен только одной фонемой *j*, статус которой частично обсуждался выше. В современных текстах на узбекском языке частотность фонемы *j* составляет 3% среди всех язычных согласных (их 48% от всех согласных), аффрикат – 2% среди взрывных (их 22% от всех согласных), таким образом, здесь явно доминирует среднеязычный *j* (Ризаев 1970, 10–11); иначе говоря, лежащие в основе литературной формы этого языка диалекты карлукского наречия относятся к *j*-диалектам. В уйгурском литературном языке и его диалектах тоже в целом преобладает *j*, и этот язык также считается *j*-языком.

В отношении *j* в начальной позиции языки карлукской группы сохраняют его ведущую роль и, тем самым, характеризуются архаической чертой тюркской фонетики, если признавать глубокую древность анлаутного **j* (СИГТЯ 1984, 275). Из этой группы выделяется уйгурский язык, но, как указывалось, в его диалектах распределение *j* и *ǰ* непоследовательно и там, где исторически межплеменные контакты с носителями кыпчакских диалектов, в которых, надо думать, рано обозначился переход *j* > *ǰ*, были ограничены, ныне наблюдается устойчивость начального *j-*. Подобную социолингвистическую картину можно наблюдать в истории формирования узбекского языка, в котором участвовали уйгуро-карлукские, огузские и кыпчакские диалекты. Абсолютное доминирование анлаутного *j* в ранней истории уйгуро-карлукских диалектов косвенно подтверждают древнеуйгурские, караханидско-уйгурские и чагатайские письменные памятники, хотя нельзя не учитывать и консервативность письменной литературной традиции. Таким образом, на уровне общекарлукского состояния наличие в начале тюркских слов *j-* можно считать достоверным.

Связанная с иным рядом общетюркских соответствий серединная позиция *-j-*, по данным современных диалектов и говоров, свидетельствует о том, что общекарлукским достоянием здесь была фонема *j*. Одновременно в других группах тюркских диалектов того времени в этой позиции мог выступать звонкий спирант *-δ-* (о его возможном качестве и о его соотношении с *-d-* см. выше). Отражение *δ* на месте *-j-* в письменных средневековых памятниках можно объяснить двумя причинами: 1) влиянием отличных от карлукских тюркских диалектов, взаимодействие карлуков с которыми происходило в IX–XV вв. (скорее – IX–XIII вв.), и 2) влиянием уже сформировавшейся литературно-письменной традиции, корни которой восходят к языку тюркских диалектов с серединным *-d- (~ δ)*, к традиции рунических текстов.

В исходе слова типичной общекарлукской чертой было *-j*, случаи употребления *-δ* также объясняются указанными выше причинами.

4. Ряд гуттуральных – *k, *g, *q, *χ, *γ, *η

В современном узбекском языке заднеязычные и увулярные составляют соответственно 7% и 3% – всего 10% от общего количества язычных согласных.

1) В этом ряду **k* является наиболее устойчивой фонемой, сохраняющейся с пратюркского состояния.

В начальной позиции сильный заднеязычный *k-* присутствует во всех уйгуро-карлукских говорах, в то же время иногда отмечается его ослабление и чередование с *g-*, которое считается признаком языков огузской группы. Однако в большинстве случаев такое озвончение наблюдается в словах переднего ряда и связано с влиянием последующего переднерядного гласного: все диалектологи отмечают в такой позиции палатальный характер *k'* (> *g*).

В серединной позиции *-k-*, как правило, сохраняется. Отмечаемые по говорам случаи озвончения в интервокальной позиции *-k-* > *-g-* часто связаны со слоговой структурой слова.

В абсолютном исходе слова обычно сохраняется, хотя, как и любой глухой смычный, может ослабляться до слабого *-g* или *-γ*, в последнем случае при слабой артикуляции *-γ* почти не слышен, а предшествующий гласный удлиняется.

Как представляется, отмеченные случаи ослабления и озвончения **k* следует относить к самостоятельному развитию уйгуро-карлукских говоров после отдаления их от центра формирования языков карлукской группы и началу активных междиалектных контактов.

2) В начале тюркских слов для общекарлукского периода *g-* восстановить нельзя, так как начало тюркских слов было глухим.

В середине слова, вероятно, является продуктом озвончения **-k-* между гласными одного ряда; часто сохраняется. Однако может выступать в составе аффиксов. В интервокальной позиции может спирантизоваться – *g* > *γ'* и после этого отмечаются разнообразные переходы: *g* > *v* (*β* ~ *w*), *g* > *j*, *g* > ∅ (см. выше).

В конце односложных слов встречается, но, вероятно, получает спиранти-

зацию и приближается к γ', вызывая удлинение предшествующего гласного.

3) Заднеязычный смычный сонант η в начале слов не встречается.

В середине слов в карлукских языках сохраняется. Как отмечают диалектологи, его фонация зависит от состава гласных: в словах мягкого ряда он более передний, палатализованный, в словах заднего ряда отодвинут назад, веляризованный. Развитие в отдельных диалектах связано с этими условиями, а также соседством с другими согласными. Междиалектные соответствия говорят о возможности участия в ассимиляционных процессах носовой или взрывной составляющих этой фонемы: $\eta > g/\gamma$ или $\eta > n$, и затем, соответственно, происходят дальнейшие закономерные изменения уже этих звуков.

В конце слов обычно сохраняется, сочетаясь с передне- и заднерядными гласными; соответствия с другими согласными отражают ту же картину их возникновения и развития, что и в середине слова.

4) Смычный увулярный q является общетюркским достоянием и хорошо сохраняется в уйгуро-карлукских говорах практически во всех позициях.

В начале слов q в языках карлукской группы устойчив, в то же время, как показывают межъязыковые, так и меж- и внутридиалектные соответствия, возможны в этой позиции ослабление смычки и спирантизация, что дает соответствие $q > x \sim \chi$. Другой стороной этого процесса могло быть озвончение и переход $q > \dot{g}$, что и наблюдалось в некоторых словах.

В инлауте обычно сохраняется, но перед губными и переднеязычными согласными также спирантизуется или в интервокальной позиции озвончается: $q > \dot{g}$.

Те же изменения наблюдаются и в исходе тюркских слов, причем в случае сильного ослабления и появления $q > \gamma$ последний может выпадать, вызывая удлинение предыдущего гласного.

5) В системе гуттуральных общим групповым достоянием является также звонкий увулярный спирант $*\gamma$, который не встречается в начале тюркских слов. Исследователи уйгурского и узбекского языков отмечают, что в этих языках часто трудно установить фонетическую локализацию гуттуральных, поскольку она зависит от их позиции в слове и от состава гласных: в соседстве с гласными переднего ряда отмечается палатализация и более передняя артикуляция. Это же относится и к гуттуральному звонкому спиранту, который в диалектах реализуется и как заднеязычный ($\dot{g}$), и как увулярный (γ). Вообще, если среди взрывных согласных этой группы их распределение отличается строгостью: k в словах переднего ряда, q – заднего ряда, а их ослабление в любых позициях связано со спирантизацией или – более редко – озвончением, то среди спирантов этой группы их оппозиции взрывным и распределение специфичны для разных уйгуро-карлукских говоров.

В середине слов γ обычно сохраняется в интервокальной позиции, перед глухими переднеязычными оглушается $\gamma > x$, а перед сонантами выпадает – $\gamma > \varnothing$, вызывая удлинение предыдущего гласного.

В конце слова сохраняется, что является одним из особых признаков уйгуро-карлукских говоров на фоне других языковых групп.

6) В ряду гуттуральных закономерным противочленом смычных является увулярный глухой спирант $x \sim \chi$. Как показывают приведенные выше соответствия по языкам и диалектам, этот спирант свойствен практически всем уйгуро-карлукским говорам. Однако его статус как отдельной фонемы разнится в зависимости от вхождения его в оппозиции с смычными $q : x$, $k : x$, $g : x$. В современных языках x встречается во всех позициях, однако только в заимствованных словах он в анлауте выступает как отдельная фонема, в тюркских словах этот спирант является позиционным или комбинаторно-позиционным вариантом смычных гуттуральных и звонкого γ. Наличие этой фонемы в период общеуйгуро-карлукского состояния подтверждается регулярными соответствиями в современных словах, а также типологическим правилом уравновешивания системы смычных и спирантов. "Присутствие в системе звонкой велярной фрикативной /γ/ имплицирует наличие соответствующей немаркированной глухой фонемы /x/" (Гамкрелидзе 1974, 43).

* * *

Таким образом, рассмотрение состава согласных в языках уйгуро-карлукской группы позволяет реконструировать для уровня общегруппового состояния следующий состав согласных фонем, представленный в табл. 3.

В скобки заключены фонемы, которые, как представляется, еще не входили в систему согласных или находились не ее периферии.

Таблица 3

Согласные фонемы в общекарлукском

По месту артикуляции						
По характеру артикуляции		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Увулярные
Смычные	глухие	*p*	*t*		*k*	*q*
	звонкие	*b*	*d*		*g*	
Щелевые	глухие		*s, š*			*χ*
	звонкие	*v (β)*	*z (ž)*	*j*		*γ*
Аффрикаты	глухие		*č*			
	звонкие		*(ǯ)*			
Сонанты	боковые		*l*			
	дрожащие		*r*			
	плавные	*m*	*n*		*η*	

МОРФОЛОГИЯ

ГЛАГОЛ

ИНДИКАТИВ

Темпоральная система группы карлукских языков является результатом дальнейшего развития и расширения общетюркской темпоральной системы и отражает типичные семантические и формальные закономерности становления временных форм, присущие тюркским языкам вообще. Эти особенности определяются в целом морфологизацией специфических в пределах группы или даже отдельного языка (resp. диалекта) аспектуально-акциональных аналитических конструкций и появлением за счет этого расширенных гетерогенных временных парадигм. Последнее ведет к перераспределению значимостей и функций форм во временной системе и выталкиванию на периферию некоторых древних форм, место которых занимают "новые" формы, сложившиеся в ходе эволюции уже отдельных языков.

К настоящему времени в карлукских языках – уйгурском и узбекском, имеющих литературную форму, сложилась устойчивая временная парадигма, в которой четко прослеживается оппозиция форм "*первичной* и *вторичной* ориентации на грамматический настоящий момент" (Гузев 1990, 66-72) и второй противочлен этой оппозиции содержит указание на соотнесенность действия с неким моментом прошлого. Таким образом, в современных карлукских языках представлена система двойной ориентации действий, в то время как исторически ей предшествовала, как показывает реконструкция позднепратюркского, система одинарной темпоральной ориентации действий (СИГТЯ 1988, 423).

Как в уйгурском, так и в узбекском языке формы времен первичной ориентации традиционно рассматриваются в трех временных планах: настоящем, прошедшем и будущем (Строй 1989, 301-309; Наджип 1960, 94-101; Баскаков 1939, 209-218; Насилов 1940, 82-111). Для характеристики тюркской временной парадигмы актуальны как положительные, так и отрицательные формы, поскольку их структура может свидетельствовать о специфике формирования парадигмы, особенно в случае ее гетерогенного типа.

В качестве личных показателей при спряжении в разных временах используются обе их серии – местоименного и посессивного типов, или лично-местоименного и лично-посессивного типов, которые подчиняются соответствующим морфонологическим правилам, причем вариации типов в рамках одной парадигмы наблюдаются на уровне диалектов и даже отдельных говоров, в литературной форме языка обычно состав лично-предикативных показателей стандартен. Характерно, что в 3 л. показатель мн. числа часто не употребляется (СИГТЯ 1988, 375, сл.).

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ИНДИКАТИВА ПЕРВИЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УЙГУРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Формы времен плана прошлого

В современном уйгурском языке выделяют две синтетические формы прошедшего времени: "категорическое" (*-di/-ti*), "причастное" (*-γan/-gen*) - и несколько форм вторичного происхождения (из аналитических конструкций), в которых в результате переразложения и опрощения возникли новые показатели времени: "повествовательное" время (*-ip-tu*), "многократное" (*-a-diγan*) (Строй 1989, 307-309; Наджип 1960, 94-98; Баскаков 1939, 209-215; Насилов 1940, 82-111). Эти производные временные формы будут рассмотрены ниже. Интересно, что в уйгурских грамматиках в парадигму включаются разные такие формы, что свидетельствует о неодинаковом уровне грамматикализации исходных аналитических конструкций и о гетерогенности парадигм.

Прошедшее на *-di/-ti*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-dim* 'я пошел'	*bar-duq* 'мы пошли'
2 л. *bar-diŋ* 'ты пошел'	*bər-diŋla(r)* 'вы пошли'
3 л. *bar-di* 'он пошел'	*bar-di* 'они пошли'

Прошедшее на *-γan/-gən*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-γan-mən* 'я пошел'	*bar-γan-miz* 'мы пошли'
2 л. *bar-γan-sən* 'ты пошел'	*bar-γan-silə(r)* 'вы пошли'
3 л. *bar-γan* 'он пошел'	*bar-γan* 'они пошли'

В прошедшем времени на *-di* показатели лица лично-посессивного типа, в 1 л. мн. ч. в качестве личного окончания выступает формант *-q*, причем здесь временной показатель имеет стандартную форму *-duq*; в прошедшем на *-γan* – показатели лично-местоименного типа.

Что касается семантики этих двух форм, то первая из них является общетюркской формой претерита, как правило прошедшего неотносительного времени, и нейтральной в аспектуальном и модальном планах. Прошедшее на *-γan* выступает как перфект со свойственными ему аспектуально-модальными коннотациями, среди которых семантика эвиденциальности занимает первое место. Эвиденциальность (в другой терминологии – "пересказывательность", "заглазность" и др.) является, видимо, закономерным развитием перфектной семантики, однако уровень семантизации данной линии развития перфекта и смысловых оттенков эвиденциальности различается по языкам. В современном уйгурском языке последняя выступает как сопряженная функция временной формы на *-γan* в переносном употреблении (в определенных типах контекста или ситуаций) на основе заложенных в ее категориальном значении семантических потенций.

В стандартных грамматиках приводится "прошедшее повествовательное время" (Строй 1989, 309; Наджип 1960, 96; Кайдаров 1966, 377) или "прошедшее конкретное данного момента" (Баскаков 1939, 213), которое исторически построено по модели: "деепричастие на *-(i)p* основного глагола + вспомогательный (служебный) глагол *tur-* 'стоять' > *-tu /-ti*"; на этой основе возник ныне функционирующий как синтетический показатель *-(i)pti/-(i)ptu*, однако его последний элемент неустойчив и в живой речи выпадает, особенно во 2 л. обоих чисел, и поэтому фактически он устойчив только в 3 л. Кстати, это дает повод предполагать, что в древности первичное спряжение формы на *-ip* происходило путем прямого ее сочетания с личными показателями сказуемости, а введение в состав формы вспомогательного глагола – более позднее явление, возникшее по аналогии в период активного формирования в тюркских языках аспектуально-акциональных аналитических конструкций.

Прошедшее повествовательное на *-(i)pti*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bər-ip(ti)-mən* 'я пошел'	*bər-ipti-miz* 'мы пошли'
2 л. *bər-ip-sən* 'ты пошел'	*bər-ip-silə(r)/-siz* 'вы пошли'
3 л. *bər-iptu* 'он пошел'	*bər-iptu* 'они пошли'

Интересно, что во 2 л. выступает только чистая деепричастная форма.

Эта временная форма является одним из исторических вариантов перфекта, но в уйгурском языке синхронно функционирует как прошедшее с сильной коннотативной семантикой эвиденциальности ("заглазности") (Öztürk 1997, 125).

Формы времен плана настоящего

В парадигму этого временного плана в литературном языке включают обычно две формы, представленные синхронно синтетическими показателями. Как и в случае с прошедшими временами, в разных грамматических описаниях уйгурского языка можно встретить несколько аналитических форм, причисляемых к данной парадигме. Этот разнобой также свидетельствует о том, что даже литературная норма по отношению к диалектным вариантам еще не устоялась и завершенная канонизация всей временной парадигмы отсутствует.

Показатели лица во временных формах этого плана – лично-местоименного типа.

Настоящее на *-a /-ə*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-i-mən* 'я иду'	*bar-i-miz* 'мы идем'
2 л. *bar-i-sən* 'ты идешь'	*bar-i-silə(r)/-siz* 'вы идете'
3 л. *bar-i-du(r)* 'он идет'	*bar-i-du(r)* 'они идут'

Показатель времени изменяется согласно закону ассимиляции гласных;

после глаголов с исходом основы на гласную аффикс выступает в форме *-j-* – *oqu-j-mən* 'я читаю'. Отрицательная основа времени строится по модели: *bar-ma-j-mən/-sən/-miz* 'я не иду / ты не идешь / мы не идем...', здесь используется стандартное глагольное отрицание *-ma-*. Обращает на себя внимание форма 3 л., в которой сохраняется элемент *-du(r)* как пережиток аналитической конструкции "деепричастие на *-a* + служебный глагол *tur-* > *dur-* 'стоять' в форме настоящего времени на *-r* – *tur-ur/dur-ur* > *dur* > *-du(r)*".

Эта форма презенса распространена во многих тюркских языках и отличается четко выраженной семантикой неотносительного настоящего с широкой гаммой реализации разнообразных презентных смыслов, затрагивающих также и план будущего. Последнее обстоятельство дает повод некоторым грамматистам квалифицировать время на *-a* как "настоящее-будущее время", однако, если последовательно стоять на позициях различения языкового (системного) значения морфемы и передаваемых с ее помощью речевых смыслов (и это существенно как для синхронических, так и диахронических исследований!), то указанная форма по всем показаниям несет системное значение настоящего времени ("непредшествования настоящему моменту" – В.Г.Гузев), чем, собственно, и объясняется ее широкий семантический потенциал, реализуемый в разных контекстах. В связи с этим интересно наблюдение Ш.В. Кибирова: «На наш взгляд, форма деепричастия с аффиксом *-a* (с вариантами в разных тюркских языках) является формой только настоящего времени, и присвоение ей функций будущего или так называемого "общего" времени неправомерно. Все оттенки значения, в том числе значение будущего времени, лежат за пределами самой формы настоящего времени на *-a*. Эти значения привносятся контекстом или лексико-семантической структурой основы. Применение формы настоящего времени в значении будущего возможно тогда, когда данное действие относится к сфере будущего, а к сфере будущего оно может относиться благодаря тому, что глагольная форма на *-a* имеет значение совершенного вида...» (Строй 1989, 307). Следует только пояснить, что когда автор говорит о "совершенном виде" тюркского глагола, то он, несомненно, имеет в виду предельное значение глагольной основы.

Формы времен плана будущего

В темпоральной системе многих языков формы будущего времени как отдельные компоненты системы формируются позднее относительно других презентно-претеритных форм. Обычно первоначально реализация футуральной семантики (смыслов) осуществляется на базе презентных форм, как это, например, реконструируется для "позднепратюркского" (СИГТЯ 1988, 423). Однако уже начиная с древнейших памятников тюркской письменности (с VII в. н. э.) в отражаемых ими архаичных диалектах выявляется система времен, в которой существуют специализированные формы для передачи различных модальных оттенков действий, следующих за "настоящим моментом". В сложившейся системе современных уйгуро-карлукских языков

и их диалектов такие формы определяются как формы будущего времени. В стандартной грамматике уйгурского языка их названо две – будущее на *-ar* и на *-maqči*. В отношении формы на *-maqči*, вторичной и поздней по происхождению, сразу необходимо отметить, что она является фактически формой оптатива и ее не следует включать в парадигму индикатива, поэтому единственной синтетической формой будущего времени в уйгурском языке является общетюркское *-(a)r*. Правда, как указывалось выше, ряд уйгуроведов считает и форму на *-a* принадлежащей плану будущего. Однако существует и иное толкование последней формы как формы настоящего неотносительного (см. выше).

Возможно включение в парадигму будущих времен и формы вторичного происхождения на *-yiɖək / -gidək* с модальным оттенком предположительности, однако в академической грамматике уйгурского языка эта форма не дается.

Будущее на *-r/-ar/-ər*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-a(r)-mən* 'я пойду'	*bar-a(r)-miz* 'мы пойдем'
2 л. *bar-a(r)-sən* 'ты пойдешь'	*bar-a(r)-silə(r)/-siz* 'вы пойдете'
3 л. *bar-a(r)* 'он пойдет'	*bar-a(r)* 'они пойдут'

Отрицательная форма образуется с помощью аффикса *-mas/-məs: bar-mas-mən/-sən/-miz* 'я не пойду / ты не пойдешь / мы не пойдем ...'; здесь выступает закономерный тюркский отрицательный коррелят формы – *-mas*.

Семантика этой формы отягощена модальными оттенками совершения действия в будущем: ею передается "процесс, который вообще совершится, который может совершиться, которому надлежит совершиться, который совершается вообще, как функция, присущая определенному предмету" (Насилов 1940, 98). Последний семантический вариант перекликается с семантикой настоящего времени на *-a*, в этом находят отражение былые исторические значимости указанных форм, перераспределение которых происходило в процессе формирования временной системы уйгурского языка (см. ниже).

* * *

Восходящие к общетюркскому состоянию синтетические временные **формы на *-di, -yan, -a, -ip, -ar* организуют ядро** темпоральной системы уйгурского языка, вокруг которого группируются **формы вторичного происхождения.** Будучи в исходе аспектуально-акциональными, они в современном языке взяли на себя уточнение аспектуально-темпоральных особенностей протекания процесса, что и вызвало перераспределение в системе значимостей древних показателей. К числу форм **вторичного** происхождения относятся следующие.

К плану настоящего относится "настоящее время данного момента", образуемое по модели "деепричастие на *-ip* основного глагола + один из служебных непредельных глаголов с семантикой статики, состояния – *jat-* 'лежать', *tur-* 'стоять', *oltur-* 'сидеть', *žür-* 'ходить' в форме настоящего времени на *-a*", причем служебные глаголы могут фонетически изменяться, и на их базе возникает также составной формант. Так, конструкция *-ip + jat-* 'лежать' дает широко употребляемый стандартный временной показатель *-(i)vat-: bər-ip + jat-a-mən > bər-ivat-i-mən* 'я иду теперь'; другие служебные глаголы чаще употребляются в более полной форме: *bərip tur-up-/oltur-up-/žür-üp-sən* 'ты идешь в данный момент'.

Парадигму этого времени приводит в своем очерке грамматики Э.Н.Наджип (Наджип 1960, 98-99).

Настоящее данного момента на *-(i)vat*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bər-ivati-mən* 'я иду'	*bər-ivati-miz* 'мы идем'
2 л. *bər-ivati-sən* 'ты идешь'	*bər-ivati-silə(r)/-siz* 'вы идете'
3 л. *bər-ivati-du* 'он идет'	*bər-ivati-du* 'они идут'

Данное время передает действие, синхронное с точкой отсчета в настоящем, иногда – действие регулярное или постоянное.

В этот ряд может быть также включена отмечаемая не во всех грамматиках форма "настоящего(-будущего) многократного" времени на *-a-diyan*, показатель которого исторически представляет собой сращение деепричастия на *-a* основного глагола и служебного глагола *tur-* 'стоять' + *-yan > dur-yan > -diyan*. Форма выражает длящийся, развивающийся в настоящем времени процесс или тенденцию его зарождения, возникновения (Насилов 1940, 106), т.е. *bar-idiyan* 'он ходит' и 'он имеет намерение пойти; может, пойдет'.

Настоящее на *-adiyan*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-idiyan-mən* 'я хожу'	*bar-idiyan-miz* 'мы ходим'
2 л. *bar-idiyan-sən* 'ты ходишь'	*bar-idiyan-silə(r)/-siz* 'вы ходите'
3 л. *bar-idiyan* 'он ходит'	*bar-idiyan* 'они ходят'

Сюда же примыкает редкое в разговорном языке "настоящее актуальное" время на *-maqta*.

Настоящее на *-maqta/-məktə*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-maqti-mən* 'я иду'	*bar-makti-miz* 'мы идем'
2 л. *bar-maqti-sən* 'ты идешь'	*bar-maqta-sla(r)/-siz* 'вы идете'
3 л. *bar-maqta* 'он идет'	*bar-maqta* 'они идут'

Отрицательная форма этого времени практически не употребляется, редко встречаются формы 1-го и 2-го л. Вообще, эта форма признается сугубо литературной и поэтому стилистически связанной.

Как видно, показатель данного времени, хотя и выступает синхронно как самостоятельный отдельный формант, исторически вторичен, производен от формы местного падежа *-ta/-da* и глагольного имени *-maq*, формант которого также, возможно, сам производен, а его функциональное развитие на-

чинает фиксироваться с памятников древнеуйгурского языка.

Будущее на *-gidək*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-ɣidək-mən* 'я пойду'	*bar-ɣidək-miz* 'мы пойдем'
2 л. *bar-ɣidək-sən* 'ты пойдешь'	*bar-ɣidək-slə(r)/-siz* 'вы пойдете'
3 л. *bar-ɣidək* 'он пойдет	*bar-ɣidək* 'они пойдут'

Это время передает ожидаемое действие с оттенком возможности, потенции свершения его субъектом, отсюда и предположительность действия. Появление этого сложного аффикса относится к ранней истории уйгурского языка: в его состав входит глагольное имя на *-ɣi* + аффикс уподобления *-dek*.

Временные формы индикатива вторичной ориентации

Эти формы ориентированы на грамматическую точку отсчета в прошлом, и поэтому все они принадлежат к плану отдаленного прошлого. Оператором изменения темпоральной ориентации действия с грамматического настоящего момента на момент прошлый служит включенная в состав аналитической конструкции одна из форм прошедшего времени глагола статики *er-* 'быть' > *ir-* > *i-/ä- (ə-)*, которая в составе конструкции предшествует основе времени первичной ориентации и которая обычно принимает на себя лично-предикативные показатели. В принципе, любая форма первичной ориентации может быть преобразована указанным способом в соответствующую форму вторичной ориентации, создавая тем самым симметричную парадигму, однако в рассматриваемых языках полного параллелизма не наблюдается и ряд временных форм не может быть перенесен в другую плоскость отсчета. В литературном уйгурском языке выделяются следующие формы вторичной временной ориентации.

Давнопрошедшее на *-ɣanədi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-ɣanədim* 'я уже ходил'	*bar-ɣanəduq* 'мы ходили'
2 л. *bar-ɣanədiŋ* 'ты ходил'	*bar-ɣanədiŋiz* 'вы ходили'
3 л. *bar-ɣanədi* 'он ходил'	*bar-ɣanədi* 'они ходили'

В живой речи обычно происходит стяжение служебного глагола и возникают формы *bar-ɣan-dim, bar-ɣan-diŋ*... Время обозначает действие, совершившееся ранее другого или относительно давно.

Предпрошедшее на *-(i)pədi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bər-iv-idim* 'я ходил (тогда)'	*bər-iv-iduq* 'мы ходили'
2 л. *bər-iv-idiŋ* 'ты ходил'	*bər-iv-idiŋla(r)* 'вы ходили'
3 л. *bər-iv-idi* 'он ходил'	*bər-iv-idi* 'они ходили'

Как видно, аффикс деепричастия основного глагола *-(i)p* при слиянии со служебным глаголом *edi*, т.е. *-(i)p + edi*, оказавшись в интервокальной позиции, переходит в *-(i)v-*. В отрицательной форме деепричастие сохраняется –

bar-ma-p-sən 'ты не ходил'. Время обозначает действие, происшедшее "в недавнем прошлом", часто многократно (Наджип 1960, 97).

Прошедшее многократное на *-(a)rədi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-attim* 'я ходил'	*bar-attuq* 'мы ходили'
2 л. *bar-attiŋ* 'ты ходил'	*bar-attiŋla(r)* 'вы ходили'
3 л. *bar-atti* 'он ходил'	*bar-atti* 'они ходили'

В результате ассимиляции возникает стяженный аффикс *-atti* < *-arədi*, иногда он выступает в форме *-ajtti* (здесь наличествует привычное чередование *r* ~ *j*); то же происходит в отрицательной форме: *-masədi* > *-majtti* > *-matti* – *bar-mattim* 'я не ходил'. Тюркологи данную форму времени часто называют "неопределенным имперфектом", она передает многократное действие (от предельных глаголов) или длительное действие (от непредельных глаголов), совершавшееся в некий временной промежуток прошлого.

Прошедшее длительное на *-adiɣanədi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bar-idiɣanədim* 'я ходил'	*bar-idiɣanəduq* 'мы ходили'
2 л. *bar-idiɣanədiŋ* 'ты ходил'	*bar-idiɣanədiŋla(r)* 'вы ходили'
3 л. *bar-idiɣanədi* 'он ходил'	*bar-idiɣanədi* 'они ходили'

Данная временная форма передает длительное действие в определенный момент прошлого.

Приведенный выше стандартный набор временных форм, включаемый в уйгурские грамматики, дополняется многими аспектуально-акциональными аналитическими конструкциями, которые с помощью различных вспомогательных глаголов, принимающих временные или модально-временные показатели (типа *iken, imiš, ise, -dir*), выражают тонкие семантические оттенки протекания действия темпорального, аспектуального и модального планов. К сожалению, эта сфера уйгурской грамматики остается практически неизученной, и поэтому трудно сделать выводы в сравнительно-историческом аспекте (Scharlipp 1984).

Диалектный материал

Данные уйгурских диалектов и говоров говорят о том, что темпоральная система современного уйгурского языка развивалась в общем направлении, что и обусловливает относительное ее единство в рамках языкового массива. Что касается первичных синтетических временных форм – ядра темпоральной системы, то они представлены во всех диалектных единицах уйгурского языка; близки между собой и нынешние синтетические показатели вторичного происхождения, имеющие, однако, различия в фонетическом оформлении. В аналитических темпорально-аспектуальных формах, включающих вспомогательные глаголы, по диалектам наблюдаются различия в предпочтительном использовании какой-либо аналитической модели, а также того или иного вспомогательного глагола при сохранении семантики

данной аналитической формы.

Так, в хамийском говоре в парадигме настоящего времени на *-a/-ə* элемент *-du/-di* выступает не только в 3 л., как в литературном языке, но и в 1 л. ед.ч. – *bar-ə-di-mən* 'я иду', *qyl-ə-di-mən* 'я делаю', аналогичная форма отмечена в лобнорском диалекте – *baj-(< bar-)a-di-men* 'я иду', в хотанском диалекте данная форма приобретает вид *bar-ạt-mən* 'я иду'; та же форма сохраняется в 1 л. мн.ч. – *al-ạt-mạz* – лит. *al-i-miz* 'мы берем'. Этот признак – различия в аффиксах 1 л. ед.ч. настоящего времени – может быть использован в качестве диагностического при классификации уйгурских диалектов (Тенишев 1963а, 137).

В турфанском говоре прошедшее многократное образуется формой *-ur-du/-ür-dü* (показатель основы времени *-r* употребляется с губным гласным вместо лит. *-ar-di*) – *bar-ur-dum* 'я ходил', *kit-ür-düm* 'я уходил'.

Между уйгурскими диалектами наблюдаются морфонологические различия. Характерной последовательной особенностью лобнорского и хамийского диалектов, а также частично хамийского, кучарского, турфанского, аксуйского, кашгарского, яркендского говоров центрального диалекта является появление в окончании 3 л. ед. ч. настоящего времени на *-a* более широкого [o] на месте узкого [u] – *-do/-to* < *-du/-tu*: *baj//vaj (< bar)-a-do* 'он идет', *qyl-a-do* 'он делает', *kel-ə-do* 'он подходит', *toj-a-do* 'он насыщается', *je-j-do* 'он ест', *bol-ma-j-do* 'он не присутствует', но 3 л. мн. ч. – *qyl-a-du-la* 'они делают' (Кайдаров 1969; Асаналиев 1964, 198–202).

Фонема [o] в указанных диалектных единицах появляется на месте [u] также и в 1 л. мн. ч. прошедшего на *-di*, т.е. здесь аффикс выступает в форме *-doq* при стандартном лит. *-duq* – *bar-doq* 'они пошли', *kel-doq* 'они пришли', *de-doq* 'они сказали'. Та же фонема замещает [u] в полной форме 1 л. ед.ч. настоящего времени на *-a* – *bar-a-dor-mən* = *bar-a-du(r)-mən* 'я иду'.

В тех говорах, где палатальная гармония распространяется на окончание, возникает вариант 1 л. мн. ч. прошедшего на *-di* – *-dük/-tük* – хотан. *kör-dük* 'мы видели'.

В диалектах наблюдаются колебания в использовании негубных и губных гласных в огласовке показателя будущего времени на *-(ʾ)r:* в лобнорском диалекте действует последовательно гармония, определяющая качество гласного в аффиксе гласным корня – лобн. *ojno-j* < *ojnor* 'он будет играть', *öt-öj* < *ötör* 'он споет', *qoj-oj* < *qojor* 'он положит', но *uč-aj* < *učar* 'он полетит', *tur-aj* < *turar* 'он встанет', *tüš-əj* < *tüšər* 'он упадет', *öl-məs* 'он не умрет' (Асаналиев 1964, 132–133). Вызвано употребление губных вариантов фонетическими причинами, свойственными ряду уйгурских диалектов, или это пережиток исторического состояния, когда распространение имели именно губные варианты аффиксов, сейчас сказать трудно, однако данная особенность укладывается в общую линию фонетического развития тюркских аффиксов. Интересно, что в ряде говоров отмечена тенденция к употреблению губных вариантов личных показателей – кашг. *je-düm* 'я ел', *seril-düm* 'я спустился', *uǯuqtu(r)-dum* 'я прикончил', *tošu-dum* 'я перевез', *čörü-düm* 'я выплеснул'.

С другой стороны, в некоторых говорах наблюдается замена в аффиксах

губных на негубные, например в кашг.-ферган. *öl-əpto* – лит. *öl-üptu* 'он умер', кашг.-ферган. *bol-ədi* – лит. *bol-idu* 'он станет', кашг.-ферган. *kel-edi* – лит. *kel-idu* 'он придет' (здесь возможно влияние узбекского языкового окружения). В хотанском диалекте в прошедшем на *-di* выступает аффикс с широким негубным гласным > *-da*: хотан. *ba: (< bar)-dam* – лит. *ba:-dim* 'я пошел', хотан. *bol-daq* – лит. *bol-duq* 'мы стали'.

Фонетическими причинами обусловлено, например, падение конечного *-n* в личном показателе *-mən: mə < mən, sə < sən – bar-a-m-sə* 'ты пойдешь?' (Аганина 1954, 11).

Несмотря на схожесть временных парадигм в уйгурских диалектах, в некоторых из них отмечены специфические формы времени, характерные только для них.

В чиликском говоре на территории Казахстана существует настоящее актуальное (длительное) на *-yšta/-ištə – ulā künniŋ issišini küt-üš-tə* 'они ждут дневную жару'. Как видно, эта временная форма структурно совпадает с формой настоящего актуального на *-maqta*, в ней вместо глагольного имени на *-maq* выступает глагольное имя на *-iš*.

В хотанском диалекте употребляется причастие на *-yuluq*, которое может выступать в предикативной функции, передавая значение настоящего-будущего потенциального – *bar-yuluq* 'он ходит, способен ходить'. Эта форма интересна тем, что она фиксируется еще в древнеуйгурском языке (Тенишев 1963 а, 146). Вообще, для этого диалекта характерно сохранение архаичных черт в морфологии. В языке долан та же форма состояния (= настоящее обычное) представлена в виде *-yluq/-glük: həp ajalla oqu-yluq* 'все женщины учатся' (Тенишев 1965, 99).

Что касается семантики, функционирования и дистрибуции временных форм современного уйгурского языка, то эта содержательная сторона в имеющихся описаниях представлена весьма фрагментарно и скупо, поэтому, кроме общих значений и регулярных случаев употребления, детали функционирования форм остаются в тени. Встречаются частные упоминания особенностей употребления временных форм, из которых непросто сделать выводы. Например, интересно упоминание о том, что в чиликском говоре зафиксирована "различная стилистическая нагрузка у параллельно употребляющихся форм прошедшего несовершенного, многократного (на *-ar + erdi – Д.Н.*): *qilattim/qilar idim* 'я делал бы', *qimattim/qilmas idim* 'я не делал, я не делал бы' " (Аганина 1954, 13). К сожалению, примеров и пояснений нет. В силу указанных обстоятельств приходится опираться только на имеющиеся данные, содержащиеся в описательных грамматиках уйгурского языка.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ИНДИКАТИВА ПЕРВИЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Временна́я парадигма современного узбекского языка в структурном и формальном отношениях близка к уйгурской. Различия заметны в морфоно-

логическом плане. Здесь также представлены формы первичной и вторичной ориентации действия относительно точки темпорального отсчета. Последние представляют собой аналитические конструкции со служебным глаголом *e-* < *er-* 'быть'. Наряду с древними синтетическими показателями в образовании временных форм участвуют аффиксы исторически производные, возникшие в результате слияния и опрощения компонентов аналитических образований, обычно аспектуально-акционального содержания. Временная система современного языка и ее история в узбекском языкознании описаны значительно полнее и глубже, чем применительно к уйгурскому языку, хуже обстоит дело с показом семантики и функций времен в диалектологических работах, в которых основное внимание обращается на формальную сторону показателей, а их значения даются обобщенно. В большинстве случаев, однако, диалектные формы действительно больше различаются своим формальным устройством, разным уровнем фонетических преобразований исходных показателей, чем своими значениями. Конечно, это касается прежде всего карлукско-уйгурских диалектов и говоров узбекского языка, в диалектах кыпчакского и огузского типов временная парадигма представляется смешанной, измененной под влиянием контактирующих языков.

В грамматиках узбекского языка состав парадигмы времен и номенклатура последних даются достаточно последовательно и единообразно (Кононов 1960, 202-245; Коклянова 1963; Ҳожиев 1973; 1975; Решетов 1961; 1966; Öztürk 1997). В известной мере это объясняется длительностью письменной традиции узбекского языка и ее преемственностью на разных этапах развития языка.

Ядро темпоральной системы узбекского языка ныне составляют временные формы: ***-di, -yan, -a, -ib, -(a)r***, восходящие к древнему историческому состоянию тюркских языков. Они полностью совпадают с соответствующими показателями уйгурского языка. Узбекскую систему также формируют и аффиксы вторичного происхождения, в основе которых лежат аналитические конструкции, как правило, аспектуального содержания. Совокупная временная парадигма представлена следующими временами, образованными первичными и вторичными по происхождению синтетическими показателями.

Формы времен плана прошлого

Прошедшее на *-di*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-dim* 'я пошел'	*bɔr-diq* 'мы пошли'
2 л. *bɔr-diŋ* 'ты пошел'	*bɔr-diŋiz* 'вы пошли'
3 л. *bɔr-di* 'он пошел'	*bɔr-di(-lar)* 'они пошли'

Прошедшее на *-gan*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-gan-man* 'я пошел'	*bɔr-gan-miz* 'мы пошли'
2 л. *bɔr-gan-san* 'ты пошел'	*bɔr-gan-siz* 'вы пошли'
3 л. *bɔr-gan* 'он пошел'	*bɔr-gan(-lar)* 'они пошли'

Прошедшее повествовательное на *на -(i)p(di)*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-ip-man* 'я пошел'	*bɔr-ip-miz* 'мы пошли'
2 л. *bɔr-ip-san* 'ты пошел'	*bɔr-ip-siz* 'вы пошли'
3 л. *bɔr-ipdi* 'он пошел'	*bɔr-ipdi(-lar)* 'они пошли'

Прошедшее на *-di* функционирует как претерит, лишенный видовых и модальных признаков, и используется для передачи последовательных событий. Эта функция не отличается от других современных тюркских языков.

Отрицательное значение у времени на *-gan* передается тремя способами: с использованием глагольного отрицания *-mа-* – *bɔr-ma-gan-man* 'я не пошел', предикативного именного отрицания *emas* – *bɔr-gan emas-man* 'я не пошел' и отрицательного предикатива *jɔq* 'нет, не имеется' – *bɔr-gan-im jɔq* 'я не пошел' (показателями лица выступают здесь лично-притяжательные аффиксы при основе времени на *-gan*). Во временном плане принципиальных различий между формами не отмечается, дифференцируются они по степени категоричности отрицания. Однако исторически это различие свидетельствует о разных путях вхождения глагольного имени *-gan* в темпоральную парадигму: как временной основы перфекта, как отглагольного адъектива, как масдара.

Времена на *-gan* и *-ipdi* исторически являются формами с перфектной семантикой, отличающимися в общей парадигме оттенками своих значений. Для узбекского языка, как и для других тюркских языков, характерна многозначность перфекта. Это отмечают многие грамматисты, используя для обозначения этих видовременных форм термины типа прошедшее "неочевидное", или "повествовательное", или "заглазное" и пр. Действительно, часто трудно различить – особенно в изолированном высказывании – для чего использована форма перфекта: для выражения результата предшествующего действия или для передачи косвенной засвидетельствованности. В узбекском языке общим значением указанных форм является выражение актуального для момента сообщения результата действия, которое может отстоять от этого момента на разную временную глубину. Эти формы передают следующие смыслы: 1) перфектно-результативное значение; 2) ограниченно-длительное статальное значение; 3) конкретные факты в повествовании (в фольклоре); в этом значении особенно употребительна форма на *-ipdi*, которая в грамматиках часто именуется "прошедшим субъективным"; 4) пересказывательное значение; наиболее часто "пересказывание" относится к 3-му лицу; поскольку форма на *-gan* или *-ipdi* сама по себе не несет информации о конкретном источнике сведений (последний должен быть выражен особо либо в составе предложения, либо модусным глаголом в полипредикативной структуре), то пересказывание приписывается любому обобщенному лицу: "некто говорит.., ряд лиц говорит .., говорят.., говорится.., утверждается.., дескать...", в этом случае говорящий не является свидетелем или непосредственным наблюдателем, очевидцем исполнения сообщаемого факта.

Следует настоятельно подчеркнуть, что здесь речь идет не о достоверности излагаемого события, а о косвенном источнике информации (Насилов 1999).

В узбекском языке по сравнению с перфектом на *-gan* форма на *-ipdi* встречается чаще в повествовательных текстах, в разговорной и сценической речи, в фольклорных произведениях. В последней форме значение эвиденциальности более самостоятельно и поэтому часто не нуждается в поддержке специализированного контекста, особенно если она употребляется в упомянутых стилистических разновидностях языка.

Формы времен плана настоящего

В состав этих временных форм входят общетюркский презенс на *-a* (в терминах узбекской грамматики – "настоящее-будущее время") и ряд форм так называемого "настоящего конкретного", показатели которого – вторичного происхождения, возникшие из аналитических конструкций.

Формант *-(a)jap-* является результатом исторического развития акциональной аналитической конструкции со значением дуративного способа действия "деепричастие на *-a* + вспомогательный глагол тюрк. *jat-* ~ узб. *jɤt-* 'лежать' в форме деепричастия на *-(i)p* + личные показатели"; исторически последним, возможно, предшествовал еще один вспомогательный глагол *tur-* 'стоять' в форме на *-r*, о чем говорит сохранение в 3 л. его осколка – показателя *-ti//-di//-du* < *tu-r* < *tur-ur* (в диалектах он может появляться и в других лицах; ср. также уйгурские данные). Характерно, что показатель *-(a)jap* широко распространен в ферганских говорах узбекского языка. В литературном варианте языка это время частотно в устной речи.

Акциональная конструкция с тем же вспомогательным глаголом *jat-* ~ узб. *jɤt-* 'лежать' явилась исходной и для второго варианта "настоящего конкретного времени – *-(a)-jɤt-ir* + личные показатели". В 3 л. выступает чистая основа времени с нулевым показателем лица. Эта форма времени весьма употребительна в литературном письменном языке.

Вариантом данного аффикса является форма *-(a)jɤt-ip* + личные показатели, т.е. с заменой причастной формы на деепричастную в бывшем вспомогательном глаголе.

Четыре глагола статики – *tur-* 'стоять'//*jɤt-* 'лежать'//*ůtir-* 'сидеть'//*jur-* 'ходить' (в тюркских языках глагол *jur-* 'ходить' относится к группе глаголов состояния), форму этого времени образуют специфически – по модели "*-ib* + личные показатели": *tur-ip//jɤt-ip//ůtir-ip//jur-ip-man* ~ *-san* ~ *-di* ~ *-miz* ~ *-siz* ~ *-di(-lar)* 'я ~ ты ~ он ~ мы ... стоим//лежим//сидим//идем'. Они в такой форме могут использоваться в качестве служебных в составе аналитического показателя настоящего конкретного времени, образуемого от всех других глаголов.

Таким образом, эта третья форма выступает и сейчас в виде аналитической конструкции "деепричастие на *-(i)b/p* основного глагола + один из четырех вспомогательных глаголов состояния – *tur-* 'стоять'// *jɤt-* 'лежать'// *ůtir-* 'сидеть'// *jur-* 'ходить' в форме деепричастия на *-ib/p* + личные показатели" ⇒ *-(i)p tur-ip//jɤt-ip//ůtir-ip// jur-ip* + показатели лица. В 3 л. наращивается аффикс *-di*.

Все эти варианты показателей времени, объединяемые в гетерогенную парадигму "настоящего конкретного", "настоящего прогрессива", выражают действия, совершение которых сопряжено с моментом речи ("момент говорения находится внутри периода совершения данного действия" – Поливанов 1925, 80), совпадает с конкретным настоящим моментом. Однако в семантике проявляется их акциональное прошлое, и поэтому нередко эти действия воспринимаются с акциональными оттенками длительности, дуративности, обычности.

В парадигму включается также настоящее длительное время на *-mɔq-da*, свойственное письменному языку.

Настоящее время на *-a/-j*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-a-man* 'я иду'	*bɔr-a-miz* 'мы идем'
2 л. *bɔr-a-san* 'ты идешь'	*bɔr-a-siz* 'вы идете'
3 л. *bɔr-a-di* 'он идет'	*bɔr-a-di(-lar)* 'они идут'

Настоящее конкретное

1. Настоящее конкретное на *-(a)jap*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-jap-man* 'я иду'	*bɔr-jap-miz* 'мы идем'
2 л. *bɔr-jap-san* 'ты идешь'	*bɔr-jap-siz* 'вы идете'
3 л. *bɔr-japti* 'он идет'	*bɔr-japti(-lar)* 'они идут'

2. Настоящее конкретное на *-(a)jɤtir*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-ajɤtir-mən* 'я иду'	*bɔr-ajɤtir-miz* 'мы идем'
2 л. *bɔr-ajɤtir-sən* 'ты идешь'	*bɔr-ajɤtir-siz* 'вы идете'
3 л. *bɔr-ajɤtir* 'он идет'	*bɔr-ajɤtir(-lar)* 'они идут'

3. Настоящее конкретное на *-ib tur-ib//jur-ib//...*

Ед. число

1 л. *bɔr-ib tur-ib // ůtir-ib // jur-ib // jɤt-ib-man* 'я иду'
2 л. *bɔr-ib tur-ib // ůtir-ib // jur-ib // jɤt-ib-san* 'ты идешь'
3 л. *bɔr- ib tur-ib // ůtir-ib // jur-ib // jɤt-ib-di* 'он идет'

Мн. число

1 л. *bɔr-ib tur-ib // ůtir-ib // jur-ib // jɤt-ib-miz* 'мы идем'
2 л. *bɔr-ib tur-ib // ůtir-ib // jur-ib // jɤt-ib-siz* 'вы идете'
3 л. *bɔr-ib tur-ib // ůtir-ib // jur-ib // jɤt-ib-di(-lar)* 'они идут'

Настоящее длительное на *-m(q)da*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-mɔqda-man* 'я иду'	*bɔr-mɔqda-miz* 'мы идем'
2 л. *bɔr-mɔqda-san* 'ты идешь'	*bɔr-mɔqda-siz* 'вы идете'
3 л. *bɔr-mɔqda* 'он идет'	*bɔr- mɔqda(-lar)* 'они идут'

Формы времен плана будущего

В состав этой группы времен включают также настоящее-будущее на *-a*, однако эта форма принадлежит парадигме презентных форм, так как семантика будущего проявляется у данной формы только в тех контекстах, где ситуация относится к плану будущего. Собственно будущими временами в узбекском языке выступают две формы.

"Будущее предположительное" образуется общетюркским показателем *-(a)r ~ -mas/-maz* и передает действие в будущем, исполнение которого говорящему видится как возможное.

Как особая форма времени признано в литературном языке "будущее категорическое" на *-(j)aʒak* + личные показатели, так и остающееся достоянием письменной речи (часто в официальном стиле). Оно выражает действие в будущем, осуществление которого представляется обязательным.

Будущее на *-ar*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-ar-man* 'я пойду'	*bɔr-ar-miz* 'мы пойдем'
2 л. *bɔr-ar-san* 'ты пойдешь'	*bɔr-ar-siz* 'вы пойдете'
3 л. *bɔr-ar* 'он пойдет'	*bɔr-ar(-lar)* 'они пойдут'

Будущее на *-(j)aʒak*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-aʒak-man* 'я пойду'	*bɔr-aʒak-miz* 'мы пойдем'
2 л. *bɔr-aʒak-san* 'ты пойдешь'	*bɔr-aʒak-siz* 'вы пойдете'
3 л. *bɔr-aʒak* 'он пойдет'	*bɔr-aʒak(-lar)* 'они пойдут'

Временные формы индикатива вторичной ориентации

В образовании форм вторичной темпоральной ориентации участвует на правах служебного элемента аналитической формы глагол *e-* < *er-* 'быть' обычно в форме прошедшего на *-di*, он часто стягивается с временным аффиксом основного глагола в единый показатель. На стыке этих морфем могут наблюдаться свойственные узбекскому языку морфонологические явления.

Давнопрошедшее на *-gan edi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-gan edim* 'я ходил'	*bɔr-gan edik* 'мы ходили'
2 л. *bɔr-gan ediŋ* 'ты ходил'	*bɔr-gan ediŋiz* 'вы ходили'
3 л. *bɔr-gan edi* 'он ходил'	*bɔr-gan edi(-lar)* 'они ходили'

Предпрошедшее повествовательное на *-ib edi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-ip edim* 'я пошел'	*bɔr-ip edik* 'мы пошли'
2 л. *bɔr-ip ediŋ* 'ты пошел'	*bɔr-ip ediŋiz* 'вы пошли'
3 л. *bɔr-ip edi* 'он пошел'	*bɔr-ip edi(-lar)* 'они пошли'

Прошедшее многократное *на -ar edi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-ar edim (bɔr-ardim)* 'я ходил'	*bɔr-ar edik (bɔr-ardik)* 'мы ходили'
2 л. *bɔr-ar ediŋ(bɔr-ardiŋ)* 'ты ходил'	*bɔr-ar ediŋiz* 'вы ходили'
3 л. *bɔr-ar edi (bɔr-ardi)* 'он ходил'	*bɔr-ar edi(-lar)* 'они ходили'

Прошедшее длительное на *-mɔqda edi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-mɔqda edim* 'я ходил'	*bɔr-mɔqda edik* 'мы ходили'
2 л. *bɔr-mɔqda ediŋ* 'ты ходил'	*bɔr-mɔqda ediŋiz* 'вы ходили'
3 л. *bɔr-mɔqda edi* 'он ходил'	*bɔr- mɔqda edi(-lar)* 'они ходили'

Прошедшее длительное на *-(a)jɔtgan edi*

Ед. число	Мн. число
1 л. *bɔr-a-jɔtgan edim* 'я ходил'	*bɔr-a-jɔtgan edik* 'мы ходили'
2 л. *bɔr-a-jɔtgan ediŋ* 'ты ходил'	*bɔr-a-jɔtgan ediŋiz* 'вы ходили'
3 л. *bɔr-a-jɔtgan edi* 'он ходил'	*bɔr-a-jɔtgan edi(-lar)* 'они ходили'

В структуру данного времени входит причастие настоящего времени на *-a/-j-jɔtgan*, показатель которого восходит к акциональной конструкции "деепричастие на *-a/-j* + вспомогательный глагол *jɔt-* 'лежать' в форме на *-gan*". Эта временная форма передает длительное действие в опредленный момент прошлого ("определенный имперфект").

Всем приведенным временам свойственно смещение точки отсчета в плоскость прошлого, т.е. отстящего от настоящего момента. Часто при перемещении абсолютной временной формы в плоскость относительных времен сохраняется ее исходное аспектуально-модальное значение, но воспроизводимое уже в иной временной плоскости, однако может возникать и новое значение, например, у формы *-ar edi* в определенных контекстах (в частности, в условном периоде) появляется значение уступительности (→ будущее, перенесенное в плоскость прошлого).

Диалектный материал

Все говоры карлуко-чигиле-уйгурского наречия узбекского языка характеризуются известной общностью совокупной временной парадигмы, и только в отдельных из них выявляются времена, которые отличаются от других говоров как по своей форме, так и по содержанию. Однако в говорах этого наречия действуют специфические фонетические закономерности, в силу которых временные формы получают морфонологическое разнообразие. Различия в аффиксах наблюдаются в плане подчинения их действию законов сингармонизма, а также ассимилятивных явлений на стыке морфем. Характерно, что говоры фиксируют разные ступени слияния компонентов темпорально-акциональных аналитических конструкций, конечным результатом которого является появление нового синтетического показателя временной формы (Решетов, Шоабдураҳмонов 1978; Раджабов 1971; Раджабов 1977;

Джураев Б. 1964; Жураев Б. 1969; Мирзаев 1969; Уринбоев, Жураев 1985; ТОЎШ 1976; Иброхимов 1967; Шаабдурахманов 1983; ЎХШМорф. и др.).

В силу указанных особенностей ниже, как правило, приводятся не полные парадигмы соответствующих времен в тех или иных говорах карлукского наречия узбекского языка, а показываются особенности образования времени в говоре или группе говоров.

К карлуко-чигиле-уйгурскому наречию принадлежат в основном говоры городов и поселков городского типа (ташкентский, наманганский, андижанский, маргеланский, ферганский, кокандский, джизакский, ургутский и др.), а также близлежащих сельских поселений (кишлаков). В то же время, несмотря на общность большинства фонетических и морфологических черт, отдельные говоры и даже группы говоров проявляют некоторые особенности, свойственные говорам других наречий узбекского языка (в частности, кыпчакского), что объясняется сложными процессами межэтнических и межъязыковых контактов внутри узбекской нации. На особенности говоров оказывают влияние и длительные таджикско-узбекские языковые связи.

Прошедшее на *-di,* которое в узбекских грамматиках называется "прошедшим категорическим", характеризуется устойчивостью формы своего показателя. Однако принятый единый орфографический вариант аффикса с начальным звонким зубным *-d-* и нейтральным гласным *-i-* (*-ĭ*) в живой литературной и диалектной речи обычно подчиняется закону оглушения начального согласного: *-di* > *-ti*. В говорах отмечаются также такие его вариации.

1) Наличие варианта аффиксов 1 л. ед. ч., 3 л. ед. ч. и мн. ч., 1 л. мн. ч. с губным гласным: *-dum/-düm* (последнее в говорах, где сохраняется сингармонизм), *-du/-dü, -duk/-dük* – сам.-бух., наманг., карш., карнаб., ургут., уйчи., шахр., сайр. *bɔr-dum//-du//-duk* 'я шел//он шел//мы шли'; ургут. *bɔr-ma-duk* 'мы не пошли'; шахр. *üz-düm* 'я сорвал', *kod-dük* < *kůr-dik* 'мы увидели', *jɔx-tük* 'мы зажгли'. Огласовка этого аффикса с губним – одна из древних.

Аффикс 1 л. мн. ч. *-dik/-duk/-tik/-tuk* может изменяться в соответствии с фонетическими закономерностями конца слова, действующими в говорах: *-dik/-tik* > *-dij/-tij (-k ~ -j)* – ташк. *wol-dĭ̄* < *bůldik* 'мы стали', к.-кург. *ĭ̆šlə-dĭ̄* 'мы работали', *čɔp-tĭ̄* 'мы скакали', *kut-tĭ̄* 'мы ждали'; тур.-калт. *ketkaz-dĭ̄* 'мы отправили'; *-dik* > *-dix' (-k* > *-x')* – ферган. *kel-dix'* 'мы пришли'; ташк. *kör-dĭ̆x'* 'мы увидели', *bɔr-dĭ̆x'* 'мы пошли'; *-dik* > *-dig (-k* > *-g)* – ташк. *bɔr-dug* 'мы пошли'; карнаб. *ĭ̆šlə-dug* 'вы работали'; *-dik* > *-dĭ̄ß-k* > *-ß)* – ташк., карш. *kor-duß* 'мы видели', *kel-duß* 'мы пришли', *ket-tuß* 'мы ушли'; переход *-dik* > *-dĭ̄ß* последовательно проявляется в говорах Ташкентской области; *-duk/-tuk* > *u: (-k* > *ß)* – наманг. *ĭ̆š-tu: (*< *ič-di)* 'он пил'.

2) Употребление в 1 л. мн. ч. аффикса *-dimiz/-timiz/-diwiz/-tiwiz/-diwize* вместо *-dik*: ташк., карнаб. *bɔr-dĭ̆mĭ̆z* 'мы пошли', *jur-dĭ̆mĭ̆z* 'мы ходили'. Возможно появление *-dimiz* с губными гласными, при этом *-dimiz/-diwiz* > *-duwuz* > *-du:uz/-du:uz-a* > *-du:z* > *-duz* – ташк. *bɔrduwuz* 'мы пошли', *kor-duwuz/kor-duwuz-a/*

kor-duwza/kordu:z/korduz 'мы видели'; карш. *bɔ̆šlə-duwuz* 'мы начали'.

3) Употребление во 2 л. мн. ч. аффикса *-diŋiz* с губным гласным *-duŋiz* – ташк. *bɔr-duŋiz* 'мы пошли'. Возможны фонетические изменения аффикса *-diŋiz* > *-diniz (ŋ*> *n)* > *-dijiz (ŋ*> *j) /-tijiz* > *-diz (ŋ* > ∅*) /-tiz* – ташк. *boš-diz*'; андиж. *ket-wɔr-dĭ̄ĭ̆z* < *ketib jubor-diŋiz* 'вы отправлялись'; тур.-калт. *ketkəz-mə-dĭ̄ĭ̆z* 'вы не отправили'; к.-кург. *čɔp-tĭ̆z* 'вы скакали'; наманг. *bed-dĭ̄ĭ̆z* 'вы отдали'.

Во 2 л. мн.ч. в качестве показателя множественности может включаться аффикс *-lar/-lər: -diŋiz-lar*, в котором отмечаются соответствующие фонетические изменения: *-diŋizlar* > *-dijnər/-dijlə/-dizlə* – шахр. *üz-dijlə* ~ *üz-dizlə* 'вы сорвали', *tok-tijlə* ~ *tok-tizlə* 'вы пролили' (последняя форма в говоре "наряду со значением множественности выражает оттенок вежливости в отношении множества лиц, а форма *toktijlə* передает значение только множественности" – Джураев Б. 1964, 145), ташк. *qil-dĭ̄lə* 'вы сделали' (в говоре эта форма передает множественность, но и оттенок пренебрежительности – ТОЎШ 1976, 57; ср. выше, шахрисябский говор); андиж. *kel-dĭ̄-nər* 'вы пришли'.

В некоторых случаях показатель *-lar* следует за показателем времени *-di* и аффикс 2 л. мн.ч. приобретает вид *-di-lar-iŋ(iz)* с дальнейшими возможными фонетическими изменениями – ташк. *qil-dĭ̆-lər-ĭ̆ŋ-mĭ̆*'вы сделали?'; марг. *kut-tĭ̆-lər-ĭ̆ŋ* 'вы ждали'; андиж. *kel-dĭ̆-lə:ŋ* 'вы пришли'.

4) На стыке основы и показателя *-di* часто наблюдается ассимиляция: андиж. *kod-diz*^{s} < *kůr-diŋiz* 'вы видели', *jɔn-niz*^{s} 'вы загорелись', *qil-lizlə* 'вы сделали', *ju-dijlə* < *juw-diŋiz* 'вы вымыли'; шахр. *bol-lim* 'я стал', *kel-lim* 'я пришел'; самар. *bɔr-du* 'он пошел'.

5) В 3 л. мн.ч. показатель множественности *-lar* фонетически изменяется – *-dilə/-tilə/-tulə*: андиж. *tok-tĭ̆lə* 'они вылили'; ташк. *kel-dĭ̆lə* 'они пришли'.

Нужно учитывать действующую в узбекском языке морфологическую особенность: для выражения множества действующих лиц вместо показателя *-lar* в глаголе часто используется показатель совместного залога *-(i)š*: ташк. *qač-yš-ty* 'они бежали', *ič-ĭ̆š-tĭ̆* 'они пили'.

Прошедшее на *-gan* также отличается устойчивостью показателя *-gan*, изменения которого обычно бывают обусловлены типичными фонетическими закономерностями: его гласный подчиняется сингармонизму, в зависимости от исхода глагольной основы аффикс получает разные варианты, изменения бывают также на стыке аффикса и показателя лица – шахр. *tük-kən (men)* 'завязал' (в шахрисябском говоре эта временная форма часто не получает показателей лица, даже в 1 л. ед. и мн.ч., и действующее лицо выражается лексически – Джураев Б. 1964, 146), *jɔŋ-ŋən* 'загорелся', *jɔz-gən* 'написал(и)', *kom-ŋən* 'зарыл(и)', *jəq-qan* 'собрал(и)'; ташк. *tɔp-kan-san* 'ты нашел', *kor-gal-la* 'они видели', *bɔr-gən-wuz* 'они пошли'; самар., андиж. *tuš-gəm-mən* 'я слез'; к.-кург. *čĭ̆q-qən-lə* 'они вышли'; карах. *ɔqy-yəm-bĭ̆z* 'мы читали'; наманг. *qɔ-yəm-mə(n) (*< *qɔl-gan-man)* 'я остался', *jür-gə:-sə(n)* 'ты ходил'; карш. *tašla-jan* 'он бросил'.

В узбекских говорах карлукского наречия представлены также три варианта отрицательных форм времени.

Семантически это время, как и в литературном языке, реализует в диалектах два основных значения – перфектное и эвиденциальное.

Прошедшее на *-ibdi*, называемое обычно "прошедшим повествовательным", также подвергается стандартным фонетическим преобразованиям на границах основы глагола и аффикса, а также аффикса и личного показателя: ташк. *qoj-ĭm-mĭz* 'мы оставили', *bĭl-mə-p-sən* 'ты не знал', *bɔr-ĭp-pĭz* 'мы пошли'; наманг. *kem-m-mĭz (< kelib-miz)* 'мы приехали', *uxlə-m-mən* 'я спал', карш. *keb-biz (< kelib-biz)* 'мы приехали'; карлук. *kel-uw-ti* 'он приехал', *tuzla-w-sila (< tuzla-b-sizlar)* 'вы посолили'; *ɔp-tü (< ɔl-ibdi)* 'он взял'.

Настоящее на *-a/-j* претерпевает изменения фонетического плана, например, в ряде говоров показателем 1 л. мн. ч. выступает *-wuz*$^{(s)}$ вместо *-miz* (этот показатель широко представлен в говорах Ташкента): ташк. *tut-ɔwuz* 'мы держим', *ket-ə-wuz* 'мы уходим', *de-j-wĭs ~ de-j-uz* 'мы говорим', *bĭl-mə-j-mĭz* 'мы не знаем'; карлук. *bɔr-ɔwuz* 'мы идем'; ташк., марг. *išli-j-di* 'он работает' (явление умлаута), *kel-mi-j-man* 'я не работаю', *kor-a-l-la < kŭr-a-di-lar* 'они видят'; андиж. *šĭlɛ-j-mən* 'я работаю'.

Большое разнообразие наблюдается по говорам в оформлении форм "настоящего конкретного", которые в литературном языке представлены тремя типами *-(a)jap, -(a)jɔtir//-(a)jɔtib, -ib turib//jurib//jɔtib//ůtirib*. В говорах изменения касаются всех этих способов. Различна по говорам также и частотность указанных вариантов аффиксов. Так, форма *-jɔtir* среди других говоров наиболее широко представлена в катта-курганском, каракульском, карнабском говорах (*kel-əjɔtir* 'он приближается'), в говорах Ферганы и Ташкента этот показатель редок; в джизакском говоре часто встречается вариант *-jɔtib/p* (*jɔz-jɔtĭp-pĭz* 'мы пишем'), в андижанском говоре он обычно встречается у вспомогательных глаголов в аналитических акциональных конструкциях (*šĭlə-p jɔtĭp-pĭz* 'мы работаем'), в карнабском говоре аффикс *-jap* вовсе не употребляется.

1) Весьма частотный аффикс *-(a)jap*, совпадающий с его литературной формой, представлен в говорах Андижана, Коканда, Джизака, Ферганы, Каттакургана, Янгикургана, в части говоров вокруг Ташкента и Самарканда; в живой речи аффикс может фонетически изменяться – ташк. *ber-jəp-pən, sora-jam-man* 'я спрашиваю'; андиж., ферган. *bar-jəp-sĭlər* 'вы идете'; наманг. *ket-jəm-mən* 'я ухожу', *qĭl-jət-tĭ* 'он делает'.

В связи с этим следует отметить особенность употребления в ташкентских говорах показателей лица в указанных формах настоящего времени: здесь в парадигме сосуществуют показатели лица обеих серий – местоименного и посессивного типа, *-mən//-tĭm, -sən//tĭŋ-mĭz//-tĭg ~ -tĭj, -sĭz//-tĭz – ket-wɔt-mən// ket-wɔt-tĭm* 'мы идем', *ket-wɔt-mĭz // ket-wɔt- tĭg* 'вы идете' (ТОЎШ 1976, 69).

В говорах самаркандской и бухарской групп, в шахрисябском говоре существует единый аффикс *-ɔp ~ -jɔp* (сам.-бух. *kel-ɔp-tĭ/-tu* 'он идет', *šĭla-jɔp-san* 'ты работаешь', *bɔr-ɔm-man* 'я иду', *ke-mə-pto < kel-ma-p-ti* 'он не идет'; кашк. *kɛl-ɔ:tu* 'он идет'.

2) Аффикс *-jɔtir* и варианты *-jɔtip ~ -jɔtup* в говорах встречаются реже, чем

предыдущий показатель времени, – к.-кург. *bɔr-ɔ-jɔtĭr-mĭz* 'мы ходим'; андиж., ургут. *bɔr-ɔtup-man* 'я иду'; шахр. *bɔr-ɔ:tup-siz*^{s} 'вы идете', *bɔr-ɔ:tup-to* 'он идет', *išl-ɔ:tum-mən* 'я работаю', *oqy-jɔ:tup-sən* 'ты читаешь' (форма *-(j)ɔ:tup* в шахрисябском говоре встречается только в речи представителей старшего поколения, поэтому может считаться архаичной – Джураев Б. 1964, 139); карак. *bɔr-ə-jɔtĭm-mən* 'я иду'; карш. *ɔl-ɔ:ti-mən* 'я беру'.

В ташкентских говорах представлен также вариант с губной огласовкой *-wɔt ~ -ɔt* и в Намангане *-ut ~ -üttĭ/-üttü* (Решетов 1948) (ташк. *əjt-ɔt-mən* 'я говорю', *bɔr-wɔm-mən* 'я иду'; карнаб. *ket-wɔt-mən* 'я ухожу', *bɔr-wɔs-sən* 'ты идешь'; наманг., парк. *bɔr-wɔt-tĭm* 'я иду'; карнаб. *jɔz-mə-wɔt-mĭz* 'мы не пишем'; наманг. *təšl-ut-sən* 'ты бросаешь', *kör-üttü* 'я смотрю', *qĭl-üttĭ-mə(n)* 'я делаю'; уйчи. *kəl-wət-mən* 'я прихожу'.

В сайрамском говоре аффикс выступает в форме *-jat/-jət* (сайрам. *tur-jat-man* 'я стою', *kel-jət-siz* 'вы идете'; карах. *bĭl-mə-jət-sən* 'ты не знаешь'; фариш. *kel-jatti-man* 'я прихожу'.

В ташкентских говорах отмечен вариант *-wɔtĭp: sorə-wɔtĭm-mən* 'я спрашиваю'.

3) Аналитические показатели данного времени *-ib tur-ip//jɔt-ip//ůtir-ip// jur-ip* используются во многих говорах, и с ними происходят закономерные фонетические изменения, особенно в направлении стяжения показателей в живой речи. В шахрисябском говоре, в говорах Самарканда, Бухары, Карши, в Ургуте вместо вспомогательного глагола *tur-* 'стоять' предпочитают использовать глагол *toxtə-* 'останавливаться, стоять', здесь же глагол *ůtir-* 'сидеть' выступает в форме *ott^{ə}-*, он употребляется в составе аналитической формы, передающей действия только лиц: шахр. *qyl(iß) jür-üp-sən* 'ты делаешь', *təjjɔllə-ß (< tajɔrla-p) otti-ip-t^{u}lə* 'они готовят', *kɛ-mɛ-j (< kel-ma-j) toxtə-p-to* 'он не приходит', *jɔz-ip toxtəm-mən* 'я пишу'; кашк. *oqĭ(-p) jɔt-ĭp-pən* 'я учусь'; карак. *išləßjɔt-yp-sən* 'ты работаешь'; карбул. *tašy-p jap-ty* 'течет через край'.

Настоящее на *-mɔqda* также встречается в диалектах (например, в говорах Самарканда), но его употребление ограничено; считается, что это связано с влиянием литературного языка (Ражабов 1971, 264): андиж. *-mɔqda ~ -mɔqdə*; в бухарских и ташкентских говорах оно практически не употребляется.

Так же редко встречается в говорах и форма прошедшего длительного на *-mɔqda edi*.

Будущее (предположительное) на *-ar* принадлежит к числу древнейших тюркских темпоральных форм, но свойственно всем узбекским диалектам.

Форма отличается устойчивостью, только встречается закономерное для живой речи падение конечного *-r* и типичные ассимилятивные явления на стыке показателя времени и личных показателей: андиж., ферган., ташк. *bɔr-ər-mən*, ташк. *bɔr-ə:-mən* 'я пойду', *bɔr-ər-wuz ~ bɔr-ə:-wuz* 'мы пойдем', *bɔr-ə:-sĭlə* 'вы пойдете'; *kor-a:-man* 'я увижу'; шахр. *kor-ər-siz*^{s} 'вы увидите'; андиж. *čüš-məs-sən* 'ты не упадешь'; бух. *sůzla-r-lar* 'они скажут'.

В узбекском карлукском говоре Южного Таджикистана, в некоторых го-

ворах Андижана, Ферганы, Ташкента, Сурхандарьи отрицательная форма этого времени представлена во всей парадигме отличным от других диалектов аффиксом *-ma-r-*: карлук. *bɔr-ma-r-man ~san ~di* 'я пойду ~ты пойдешь ~ он пойдет', *bɔr-ma-r-wuz ~ -silla ~ -dila* 'мы пойдем ~ вы пойдете ~ они пойдут'.

Будущее категорическое на *-aǯak* свойственно огузским диалектам, на основе которых эта форма и была декретирована в 1929 г. в парадигму времен литературного узбекского языка. До сих пор она остается специфически литературной формой. В узбекских карлукских говорах, контактирующих с огузскими говорами, эта форма может спорадически появляться – турткул. *bar-aǯak-sylar/-syzla* 'вы пойдете'; карак. *bɔr-aǯɔq* 'он пойдет'.

В карлукских говорах встречается форма будущего времени на *-(a)digan*, принимающая личные показатели местоименного типа. В официальную темпоральную парадигму литературного языка указанная форма не включается, однако в грамматиках в разделе "Причастие" при описании функций причастия "настощего-будущего времени" на *-digan* указывается его синтаксическая позиция сказуемого, в которой к причастию присоединяются личные показатели местоименного типа (Решетов 1961, 182): *ɔl-a-digan-man/-san/-miz* ... Эта форма обозначает будущее время с оттенком долженствования – '(я) должен ~ (мне) нужно взять'.

В говорах эта временная форма представлена такими фонетическими вариантами – ташк. *jɔz-a-dĭgɔn-men* 'я напишу', *bɔr-a-dĭgɔn-man* 'я пойду', *tuy-ə-dĭjɔn* 'она родит', *ber-ə-turyan* 'он даст'; коканд. *bɔr-ɛj-dĭgɔn-mən* 'я пойду'; карш. *bɔr-ɛj-tĭkɔn-mən* 'я пойду', андиж. *jɔz-a-dĭgɔn-mən / jɔz-a-dɔgɔn-mən* 'я напишу', *jɔz-a-dɔgɔn-sĭlər* 'вы напишите' (вариант *-dɔgɔn* в говоре используется чаще), *bɔr-a-dĭrgən* 'он пойдет' (вариант встречается в речи старшего поколения под влиянием старой письменной традиции); ташк. *hajda-j-tyr-yan* 'он вспашет'; карнаб. *jur-ĭj-tigen* 'он будет ходить', *qĭrq-e-tigen* 'он отрежет'; шахр. *išlə-j-tigɔn* 'он будет работать'; ташк. *tur-ə-tĭjən* 'он встанет'.

Временные формы **вторичной ориентации** регулярно образуются с помощью служебного показателя прошедшего времени *edi* 'был'.

Как ни редка в современных языках форма давнопрошедшего времени на *-a/-j edi*, она зарегистрирована в карабулакском говоре – кбул. *qyl-dyŋyz edi* 'вы сделали' (см. также замечания ниже в связи с формой *-ar edi*).

Давнопрошедшее на *-gan edi* в говорах также характеризуется стяжением показателя *edi* – ташк. *jat-qan edĭŋ* 'ты стоял', *tur-gənĭdĭm* 'я стоял', *tur-gənĭduǰ//tur-gənĭduz//tur-gənĭduwz(ə)//tur-gənĭdu:z(ə)* 'мы стояли'; андиж. *ek-mə-gən-ĭdĭk//ek-mə-gən-ĭttĭk* 'мы не посеяли'; карш. *bɔr-ma-jan-ĭdĭŋ* 'ты не ходил'.

Предпрошедшее повествовательное на *-ib edi*, являющееся одной из примет разговорной речи, выступает в следующих формах, с регулярным стяжением компонентов: ташк. *ɔl-uw-duß//ɔl-uw-duz* 'мы брали', *kel-u:-dĭ* 'он приходил'; андиж. *əjt-uw-dĭŋ* 'ты говорил', *əjt-mɔ-w-dĭjnər* 'вы не говорили'; шахр. *bɔr-uw-dum* 'я ходил', *bɔr-mə-w-dum* 'я не ходил'; карнаб. *bar-uw-dug* 'мы ходили'; бух. *ujlan-ĭptĭ* 'он женился'; джизак. *dĭ-wu:-dum* 'я говорил', *jɔz-u:-dĭŋ* 'ты писал', *ber-uw-duß* 'мы отдавали', *ber-uw-dĭjla* 'вы отдавали'; кашк. *ĭšl-ɔw-dĭm* 'я работал'; сайрам. *keß-di* < *kelib edi* 'он приходил'.

Прошедшее многократное на *-ar edi* ("неопределенный имперфект") относится к регулярным формам, отмеченным во всех узбекских говорах. Как и в других случаях, аналитические формы подвержены в живой речи стяжениям, в них происходят соответствующие фонетические изменения. Стандартная карлукская парадигма этого времени с падением *e-* в служебном глаголе – *bɔr-ər-dĭm ~ bɔr-ər-dĭŋ ~ bɔr-ər-dĭ ~ bɔr-ər-dĭk ~ bɔr-ər-dĭŋĭz ~ bɔr-ər-dĭ(lar)/bɔr-məs-dĭ*. В говорах узбекского языка видим следующие варианты этой формы – ташк. *bɔr-ə:-dĭm* 'я ходил', *bɔr-məs-tĭm* 'я не ходил', *bɔr-ə:-duβzə* 'мы ходили', *bɔr-ər-dĭjlə* 'вы ходили'; андиж. *bɔr-a:r-ydym ~ bɔr-a:t-tĭm* 'я ходил', *bɔr-a:r-ĭdĭk/bɔr-a:r-ĭduß/bɔr-a:r-ĭduwze* 'мы ходили', *bɔr-a:r-ĭdjnər* 'вы ходили', *bɔr-ma:r-ĭdĭ* 'он не ходил' (отрицательный аффикс *-ma:r*); бух. *jɔǯ-ar-dĭk ~ jɔǯ-aj-edĭk (-r > -j – ?)* 'мы писали'; наманг. *ur-əd-dĭ* 'он бил'; карак. *bil-ət-tim* 'я знал'.

Следует задержать внимание на следующих формах: карнаб. *jur-ĭj-dym* 'я ходил', *kor-ĭj-dy* 'он смотрел'; шахр. *išlə-j-dim* 'я работал'; кашк. гор. *bɔr-əj-dim* 'я ходил', *bɔr-əj-dijlə* 'вы ходили'; карш. *bor-aj-duβ* 'мы ходили' В них отмечен сложный показатель *-a/-j(e)di*, нередко рассматриваемый диалектологами как результат фонетического преобразования показателя времени *-r* > *-j* (ЎХШМорф. 1984, 147-148). Действительно, такой переход характерен для некоторых узбекских говоров, часто при изменении *-r* появляется заместительная долгота предшествующего гласного (см. ташкентские варианты), однако это фонетическое явление не касается всех узбекских говоров. Значит, стоит предположить, что не всегда форма прошедшего многократного на *-a/-j edi* оказывается результатом изменения конечного *-r* в составе *-ar + edi*. Она вполне может быть особой аналитической формой многократного времени, в основе которой лежит сочетание показателя настоящего времени на *-a/-j* со связкой *edi*. В рамках структурной модели рассматриваемого времени вторичной темпоральной ориентации такое сочетание показателей – форма настоящего времени + связка прошедшего времени = настоящее, перенесенное в плоскость прошлого – закономерно. Некоторые узбекские диалектологи также характеризуют показатель *-aj-di* как специфическую диалектную форму прошедшего многократного (Раджабов 1958, 13; Джураев А. 1986, 14; 1991, 144). Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что переход ауслаутного *-r* > *-j* или появление заместительной долготы характерны не для всех говоров, где наличествует форма на *-a/-j-di*, поэтому усматривать ее возникновение в любых говорах в связи с изменением *-r* едва ли правомерно, к тому же форма на *-ajdi* имеется в кыпчакских говорах. Скорее всего, в таких случаях имеет место контаминация временных форм или образование по аналогии.

Возможно также образование формы прошедшего длительного на *-adigan edi*, которое тоже в грамматиках не упоминается в темпоральной парадигме: андиж. *bɔr-adĭɣɔn-ĭdĭm//bɔr-adɔgɔn-ĭdĭm* 'я ходил', *bɔr-adɔgɔn-*

ĭdĭjĭž 'вы ходили'; уйчи. *bɔr-ɔdĭγɔn-ĭdĭm* 'я ходил'.

Имеется прошедшее длительное на *-(a)jɔɣan edi* и его синонимические варианты *-ajɔɣir edi* и *-ajɔɣib edi*, представленные в говорах рядом фонетических вариантов – карлук. *bɔr-jətkən-ĭdĭ/ bɔr-jətkəndĭ/ bɔr-(ĭ)w(tkən-ĭdĭ/ bɔr-wɔɣkən-ĭdĭ/bɔr-ɔɣkən-ĭdĭ/bɔr-jəkkən-ĭdĭ/ bɔr-ɔɣkɔn-ĭdĭ/ bɔr-(ĭ)wɔɣən-[1]dĭ* 'он ходил'; карлук. *bɔr-(ə)jɔɣĭr-dĭ/ bɔr-(ə)jtĭr-dĭ* 'он ходил'; карлук. *bɔr-ajɔɣĭp-tĭ/ bɔr-əjtĭr-uw-dĭ/ bɔr-əjtur-uw-dĭ/ bɔr-wɔɣuw-dĭ/ bɔr-(ə)jɔɣĭj-dĭ* 'он ходил'.

В узбекских говорах зафиксированы временные формы, имеющие узкое ареальное распространение или встречающиеся в речи носителей говора спорадически (это бывает связано и с возрастным различием носителей или степенью их образованности), иногда подобные формы сосуществуют с более частотными формами, обладая стилистическими коннотациями и семантическими нюансами.

Интересен вариант прошедшего многократного (= лит. *-ar edi*), отмеченный в андижанских говорах: *bɔr-a:sĭ-dĭm//bɔr-a:sĭ-ttĭm* 'я ходил', *bɔr-a:sĭ-dĭŋ, bɔr-a:sĭ-dĭk* 'мы ходили', *bɔr-a:sĭ-dĭjnər* 'вы ходили'. Появление этой формы связывают с уйгурским влиянием, так как в состав населения некоторых кышлаков Андижанской области влились уйгуры (Иброхимов 1967, 210-211). Исторически форма, как предполагает С. Ибрагимов, восходит к сочетанию формы глагольного имени на *-asi* + *edi*: *bɔr-a:sĭ-dĭm* < **bɔr-asi edim* (там же). Это, однако, требует особого анализа.

В связи с указанной формой следует обратить внимание на распространенный в ареале говоров шахрисябского типа другой показатель прошедшего многократного *-(ə)j(i)čijdi*, употребляющийся в живой речи чаще показателя *-ar edi*: шахр. *bɔr-əjč-ijdim* 'я ходил', *išlə-jč-ijdim* 'я работал'. Ближайший прототип данного аффикса Б.Джураев видит в форме *-γγčγdy*, представленной в кыпчакских говорах узбекского языка (Джураев Б. 1964, 157): бахмал. *bar-γγčγdym* 'я ходил', *bar-γγčγdyŋ* 'ты ходил', *bar-γγčγdy* 'он ходил', *bar-γγčγdyŋγs* 'вы ходили', *bar-ma-γγč edym* 'я не ходил' (Данияров 1975, 166); гал.-ар. *kel-gič ijdim/edim* 'я приходил'. Из говоров кыпчакского типа и проникла указанная форма в карлукские говоры Шахрисябза. Имеется она и в каршинском говоре, передавая действия "многократно повторяющиеся или длящиеся в течение продолжительного времени": карш. *bɔr-gĭč-ĭjdĭm/ bɔr-gĭč-ĭjdĭŋ/bɔr-gĭč-ĭjdĭ* 'я/ты/он ходил', *bɔr-gĭč-ĭjduβ/bɔr-gĭč-ĭjdĭjĭž* 'мы/вы ходили' (Шерматов 1960, 29). Показатель *-γγč* Б.Джураев возводит к форме глагольного имени *-γuči* + *edi* (*bar-γučγ edim* 'я ходил') > *-γγč edy* > *-əjč-ijdi*; по фонетическим нормам говора *-γ-* рядом с узким гласным изменяется в *-j-* (Джураев Б. 1964, 157).

Возникает вопрос, имеют ли показатели *-γγčγ(j)dy* и *-(ʾ)j(i)čijdi* единую исходную форму, как полагает Б.Джураев, или последний более сложный по происхождению, как его видит А.Шерматов, который в каршинском говоре аффикс *-γγčγ(j)dy* трактует как форму многократно-длительного времени, а аффикс *-(ʾ)j(i)čijdĭ* – как форму "несовершенного вида"; ср.: карш. *bɔr-gĭč-ĭj-dĭ* 'он ходил, хаживал', но *bɔr-aj-čĭj-dĭ* 'ходил бы', *ɔl-ma-j-čĭj-dĭŋ* 'он не взял бы',

oqĭj-čĭj-duβ 'мы читали бы' (Шерматов 1960, 30). Б.Джураев объясняет элемент *-əj* как вставку между основой глагола и показателем **-gič* для "удобства произношения", А.Шерматов показывает его как особый компонент составного аффикса, оба диалектолога предлагают одинаковый перевод примеров (типа 'я работал, работал бы'; причем сослагательное значение дается для условных конструкций), однако из-за недостаточности материала решить этот вопрос пока не удается. (Ср. сюда элемент *-a-* в *-ayan* ?)

Здесь уместно привести парадигму прошедшего многократного из локайского говора (кыпчакского типа) с показателем *-γuč – bar-γuč-em/ bar-γuč-eŋ/bar-γuč-edi* 'я/ты/он приходил, ходил бы', *bar-γuč-ek/bar-γuč-eŋiz/ bar-γuč-ediler* 'мы/вы/они приходили, ходили бы' (ср. здесь же: будущее предположительное (= лит. *bɔr-ar-man*) – *bar-γuč-man/bar-γuč-san* 'я/ты пойдешь'). Похожие формы отмечены в некоторых говорах Ташкентской области: ташк. *dĭguč-ĭjĭdĭ* 'он говорил', *ot-gĭč-ĭjĭdĭ* (= *ût-ar edĭ*) 'он проходил'. Можно думать, что элемент *-γuč* также связан исторически с формой глагольного имени (причастия) на *-γučĭ* с семантикой будущего действия, а современная диалектная модель будущего предположительного (план первичной темпоральной ориентации) закономерно соотносится с моделью прошедшего многократного (план вторичной темпоральной ориентации) (Благова 1976). Поэтому есть все исторические основания согласиться с заключением Б. Джураева о происхождении элемента *-(γ)ĭč- в шахрисябской форме типа *bɔr-əj-čij-dim* 'я ходил'. Кроме того, в кыпчакских говорах Верхней Кашкадарьи функционируют причастие на *-γγč ~ -qγč ~ -gič ~ -kič* (*men ǯat-qγč öj* 'комната, в которой я обычно сплю'; в городских говорах ареала эквивалент этой формы *-tĭgən*) и причастие на *-asy – ber-əsĭ bol-lə* 'он собрался дать'.

Предполагая историческую связь **-γučγ* > *-(ʾ)γuč//-γĭč*, видимо, следует упомянуть отмеченный в кыпчакских языках показатель *-čʃ(ʾ)γ*, образующий отглагольные имена как с семантикой инструмента, так и – что показательно – с семантикой устойчивого признака, качества; ср.: ккалп. *zarla-γyš* 'плаксивый, плакса', *avyr-γyš* 'болезненный', *süz-giš* 'бодливый', *silte-giš* 'координирующий, координатор' (Баскаков 1952, 406-408); каз. *at-qyš* 'стрелок', *bil-giš* 'знаток', *žaz-γyš* 'хорошо пишущий' (Öner 1998, 83-85). Именно показатель в такой форме мог стать основой образований указанных временных форм в кыпчакских диалектах, откуда они проникли в карлукские говоры.

Рассматривая взаимодействие сосуществующих в данном ареале форм прошедшего многократного времени, А.Джураев отмечает, что "в городских говорах шахрисябского типа форма *-гич + эди* утвердилась, чему, видимо, способствовали не только продолжительные кыпчакские импульсы, но также и то, что диалектоносители ... воспринимают эту глагольную форму как более выразительную, чем глагольная форма *-(a)ӣ + эди*" (Джураев А. 1986, 15).

Как видно, в узбекских говорах карлукского наречия разнообразием формантов отличается прошедшее многократное время. А. Джураев, занимаясь вопросами узбекской ареальной лингвистики, выстраивает следующий ряд показателей, образующих указанное время. В начале ставим форму

на *-ar edi*, как центральную форму узбекского языка и представленную практически во всех говорах и через литературную норму влияющую на распределение значимостей указанных ниже форм, затем следуют такие формы, либо сосуществующие на равных с *-ar edi*, либо смещающие ее в некоторых говорах на функциональную периферию: *-(a)digan edi/-a edi/-gič edi/-asi edi/ -gu(w)čï edi/-(a)wuq edi/-(a)q edi* (последние две формы введены из ходжелийско-кунградских говоров в Каракалпакии) (Джураев А. 1986, 144–145). Что касается этих двух форм с элементами *-(a)wuq и -(a)q*, то и они исторически представляют собой форманты отглагольных имен с семантикой устойчивого свойства (**-(ʾ)q* имел также значение результатива); ср.: ккалп. *ʒarqyra-wyq* 'светлячок', *baqyra-wyq* 'крикун' ~ *toŋqylda-q* 'брюзжащий, брюзга'. Все приведенные образования с темпоральной семантикой многократного, обычного действия укладываются в единую типологическую модель: "глагольное имя со значением свойства + личный показатель (формы первичной ориентации) или спрягаемая связка прошедшего времени *edi* (формы вторичной ориентации). Эта же типологическая константа действует и в пределах временной системы узбекского языка и его народных говоров.

В узбекских говорах, как и в литературном языке, представлены многие аналитические конструкции, в которых используется до 30 вспомогательных глаголов, уточняющих аспектуально-акционально-темпоральные особенности развертывания действия (Насилов Д. 1989), а также перифрастические формы со служебным глаголом *bol-*, имеющие аспектуально-акциональное значение. Известные из истории тюркских языков начиная с ранних письменных памятников, эти аналитические образования получили развитие в новейшее время истории тюркских языков.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕКАРЛУКСКОЙ ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ

Если сопоставить между собой совокупные парадигмы времен индикатива в современном уйгурском и узбекском языках, то обращает на себя внимание их заметное совпадение по основным параметрам – формальным и семантическим. Причем нельзя сказать, что литературные и диалектные формы принципиально отличаются друг от друга, только в последних наблюдается бóльшая фонетическая вариативность. Это наглядно видно в приведенной ниже схеме. По сравнению со схемой, представленной Р.Озтюрком (Öztürk 1997, 253), наша схема шире, поскольку в ней даны и диалектные формы трех временных планов. В схеме не учитываются, однако, многие вторичные формы, в которых участвуют модальные элементы типа *emiš, eken*, а также модальная частица *-dir* (ряд их попал в схему Р. Озтюрка). Все они вносят коннотации, обычно связанные с эвиденциальностью, указанием на источник знаний или же с неуверенностью в передаче сведений, встраиваясь в уже существующую темпоральную систему. Естественно, остаются без внимания и окказиональные образования, возможные в индивидуальной речи носителей уйгурских или узбекских диалектов.

В отношении узбекского языка в схеме приведены данные, касающиеся только говоров, авторы описаний которых относят их по определенным признакам к карлукскому (карлуко-чигиле-уйгурскому) наречию, однако данные многих диалектологических работ говорят о смешанном характере языковых признаков в речи носителей говоров, о включении в их речь особенностей, отмечаемых в других наречиях узбекского языка – кыпчакском и огузском. Все это свидетельствует о сложном процессе формирования говорной речи и о возможности выделения только "диалектных зон узбекского языка" (Джураев А. 1991), в рамках которых, в свою очередь, удается установить только "фокусные точки" (они "проявляют феномен расхождения со своим диалектно-языковым окружением"; "здесь рельефно представлено взаимопереплетение диалектного и наддиалектного"), "причем узбекские говоры в фокусных точках, за исключением фокусных точек Хорезмской диалектной зоны, относятся к карлукскому диалектному типы" (там же 170). В силу указанных причин для реконструкции значимы только "центральные", "базовые" формы, которые демонстрируют определенную тенденцию в развитии грамматической формы и ее функционирования. Формальное изменение показателя сопряжено, естественно, с фонетическими закономерностями конкретного диалекта или говора, но системный статус формы на определенном этапе развития языковой системы в целом во многом связан со значениями отдельных временных форм, активно функционирующих на данном историческом отрезке во всей темпоральной системе. Поэтому желательно уловить в последней, как в фокусе, "переплетение" диалектного и наддиалектного, приобретающего часто письменно-литературную форму.

Таблица 4

Уйгурский язык	Узбекский язык
Формы прошедшего времени	
-di/-ti	*-di*
-ɣan	*-gan*
-ipti (>ivdi)	*-ipdi*
-ɣanədi	*-gan edi*
-ipədi	*-ib edi*
	-di edi
-arədi	*-ar edi*
-adiɣanədi	*-adigan edi*
	-ajɤgan edi
	-ajɤir edi
	-ajɤib edi
[-aədi]	*-a edi*
[-gidəkədi]	*-ɣu(w)čï edi/-ɣič edi*
	-asi edi
	[-(a)wuq edi]
	[-(a)q edi]
-maqtaədi	*-mɤqda edi*

Формы настоящего времени	
-a/-j	*-a/-j*
	-ajap
-ivat	*-ajɤir/-jat*
	-ajɤip
[-ip tura-/ žürə-...//turup-/žürəp-]	*-ip turib-/ ůtirib-/jurib-/jɤib-*
-adiyan	
-maqta	*-mɤqda*
-ištə	
-γluq	
Формы будущего времени	
-ar/-r	*-ar/-r*
-gidək	*-adiyan*
	-aǯak

Примечательно также, что в узбекском языке на диалектном уровне фокусные точки, как показано в исследовании А. Джураева, представлены прежде всего говорами карлукского типа. По-видимому, это объясняется той особой ролью, которую сыграли в истории становления национального узбекского языка именно говоры указанного типа, поскольку их языковое влияние каким-то образом определяло направление развития языковой стихии в данном географическом регионе.

Что касается уйгурского языка, то его развитие связано с несколькими географическими регионами, границы которых выявлены в ходе диалектальных исследований. Это язык основной массы современных уйгуров, проживающих в СУАР КНР (уйгуры Восточного Туркестана), и язык семиреченских и ферганских уйгуров, составляющих большинство населения за пределами Восточного Туркестана (в других географических районах – Киргизия, Туркмения и др. – представлены островные говоры). Оба диалектных ареала обслуживаются общим литературным языком, имеющим, правда, два соотносящихся с этими ареалами варианта. Однако уйгурские говоры в ареалах связаны единством происхождения: исторически осуществлялась иррадиация уйгуроязычного населения из Восточного Туркестана, и мигранты принесли с собой и частично сохранили особенности родного говора. С другой стороны, на новых территориях они оказывались в окружении близкородственных, но часто принадлежащих другим классификационным группам языков, активное взаимодействие с которыми вело к интерференции диалектных признаков.

Все языки и диалекты карлукско-уйгурской группы унаследовали от позднепратюркского языкового состояния претерит на **-dy*, презенсы на **-a* и **-r*, перфекты на **-yb* и **-γan*. Все эти формы, в свою очередь, формировали относительные времена, в которых происходило смещение точки темпоральной ориентации, семантически оправданное необходимостью уточнять таксисные отношения событий.

Между тем восстанавливаемая в позднепратюркском периоде развития языка специализированная форма перфекта (**-yb* или **-γan*; **-myš* для другого ареала) показывает, что в тюркской темпоральной системе уже формировалась оппозиция временных форм первичной и вторичной ориентации и обозначался переход от системы абсолютных времен в раннепратюркском к системе с двумя точками отсчета. Это развитие происходило в точках семантического пересечения настоящего общего и перфекта. Перфект сначала внутренне намечает семантическое противопоставление итога совершаемого действия (наиболее выпуклого в образованиях от предельных глаголов или – в случаях если таковые еще не сформировались как отдельные лексемы – при обозначении действий, ведущих к преобразованию видимого, а потом и мыслимого объекта) и самого действия как *идущего* до предела, итога процесса. Не случайно тюркологи отмечают, что ставшие перфектом формы глагольных имен на **-γan* и **-myš* первоначально обозначали постоянный признак, склонность или приобретенное свойство совершать данное действие (= панхроничная семантика) (убедительный обзор точек зрения см.: Кормушин 1984, 39-48), но ведь этот признак и сам его инициирующий процесс фазово связаны: признак не опережает, а совпадает или следует за процессом (*книгочей* становится таковым в результате процесса предыдущего *чтения*, иначе как бы он стал любителем чтения?). Так перфектная семантика подводит языковое сознание к актуализации самого этого процесса как длящегося в определенный период; кроме того, и сам постоянный признак тоже актуален в *текущий* период времени. Двойственная семантика перфекта (статальность и процессность) как бы проясняет фазовую структуру любого процесса, наталкивает на желательность обозначить специально каждую из его фаз. Так возникает возможность (и потребность!) обозначить настоящее текущее, актуальное, процессуальное действие, т.е. создать специальную форму прогрессива, что и происходит в темпоральной системе следующего периода развития тюркских языков. (Другой стороной этого семантического феномена является возникновение специализированных форм результатива.) И эта закономерность хорошо видна в темпоральной системе карлукских диалектов, поскольку некоторые этапы формирования настоящего актуального отражены в письменных памятниках, исторически связанных с карлукской языковой средой.

Точно так же семантическое своеобразие глагольной формы на *-b* определило ее проникновение в область перфекта на основе ее системного значения – предшествующего (завершенного или начавшегося до...) события, т.е. специальной таксисной формы вторичной репрезентации глагольного действия как обстоятельства другого события (ситуации). Схожесть филиаций семантики состоявшегося события (*-b*) и возникшего признака-состояния (*-γan, -myš*) позволяла входить этим формам в темпоральную систему древних тюркских диалектов на правах перфекта, включающегося в формирующуюся оппозицию: прошедшее общее – настоящее общее – преднастоящее = перфект – настоящее актуальное – постнастоящее = будущее. Как видно, развитие системы происходит за счет расширения и формализации семантического поля настоящего. Здесь следует отметить, что все эти потен-

ции расширения были уже заложены в "призначной" семантике возводимых к пратюркскому состоянию форм на *-r* и на *-a*, функционирование которых описано в тюркологии (Кормушин 1984; Грунина 1991; Насилов Д. 1981; Щербак 1981). Надо думать, что такое продвинутое состояние темпоральной системы (с перфектом), т.е. изменение системы с первичной ориентацией на систему с двойной ориентацией на временной оси, сложилось к позднепратюркскому состоянию, ко времени распада тюркского единства и начала самостоятельного развития отдельных ветвей тюркских языков (~ диалектов).

Это предположение, видимо, подтверждается общеизвестным фактом распределения форм перфекта по языковым подгруппам. Перфект на *-miš* считается классификационным признаком огузской группы тюркских языков (правда, при этом не всегда учитывается необходимое соотношение *-miš* и *-duq*, "сожительство" которых характеризует степень замкнутости подгруппы), в других группах используются показатели *-b(ty)* и *-γan*. Это свидетельствует о том, что расширение парадигм шло уже в отдельных группах. Факты современных карлукских языков и их диалектов подтверждают, что в них основными формами, несущими перфектную семантику, стали *-b/-pty* и *-γan*.

Когда сравниваешь темпоральную систему, которая отражена в письменных памятниках, связанных с регионом исторического расселения карлуко-чигиле-уйгуров и поэтому в какой-то степени отражающих, вопреки наддиалектному характеру письменного языка (Тенишев 1981; Насилов Д. 1993), особенности местных диалектов, то обращает на себя внимание доминирование в системе перфекта на *-miš*. Эта форма активно представлена в так называемых памятниках древнеуйгурского языка (манихейского, буддийского и христианского содержания, найденных в Восточном Туркестане), в уйгурских юридических документах, в языке "Кутадгу билиг", в примерах у Махмуда Кашгарского (Щербак 1961; Насилов Д. 1963; Нигматов 1989; Боровкова 1966). Характерно, что в большинстве случаев предикативного употребления глагольного имени (причастия) на *-miš* оно ведет себя как прошедшее относительное время – перфект, обычно употребление этой формы в 3 л. В отличие от памятников орхоно-енисейской письменности, где в определенных контекстах возникала оппозиция прошедшего на *-di* и *-miš* по признаку "очевидности/неочевидности" действия, или эвиденциальности, в памятниках карлукско-уйгурского типа такого противопоставления этих форм не было и значение пересказывательности в перфекте на *-miš* не проявлялось, здесь обычно выражалась результативность. Эта особенность отличает язык данных памятников от последующих этапов развития карлукских языков, а также и языков (диалектов) огузского типа. Глагольное имя на *-miš* в предикативной функции еще несло в себе много субстантивных черт (преимущественно 3 л., отрицание по модели "*-miš* + аффикс принадлежности + предикатив *joq*; есть и положительная форма с *bar*) (Насилов Д. 1963). Видимо, можно предположить, что это был этап вхождения указанной формы в темпоральную парадигму древних карлукско-уйгурских диалектов, в то время как в языке рунических памятников, возникшем, вероятно, на несколько иной диалектной основе, вхождение *-miš* в парадигму времен было более продвинутым.

Между тем в современных карлукско-уйгурских языках и диалектах доминирует форма перфекта на *-γan*, а форма на *-miš* в темпоральной парадигме вообще отсутствует. Таким образом, наблюдается смена форм, семантически эквивалентных. Однако глагольное имя на *-γan* является одним из древнейших образований, что доказывается его широким распространением с большой функциональной нагрузкой в современных группах тюркских языков – кыпчакских, карлукских и северо-восточных, а также наличием вкраплений его производных в разных текстах на протяжении всей письменной истории тюркских языков и в современных языках разных групп. Из этого следует, что форма на *-γan* как морфологическое образование в сфере глагола может быть отнесена к периоду после распада общетюркского языка, но она не находила полного отражения в ранних памятниках, как принадлежащая иному тюркоязычному ареалу, где активизировалась форма на *-miš*. Но уже первые фиксации в памятниках случаев предикативного употребления *-γan* (например, у Махмуда Кашгарского) показывают семантическое наполнение этой формы, аналогичное форме на *-miš*, поэтому она при втягивании во временную парадигму прошла, видимо, тот же путь развития, что и форма на *-miš* (речь идет о развитии значений предшествования, результативности, пересказывательности).

Переломным для интенсивного развития функций формы на *-γan* в языках именно карлукско-уйгурского типа явился, можно предположить, период смены языковой ситуации в Восточном Туркестане и в Средней Азии, произошедшей в результате монгольского нашествия (начиная с середины XIII в.), которое вызвало интенсивные межплеменные контакты и смешение племен и, следовательно, междиалектную интерференцию, а также формирование в силу последних обстоятельств иного койне на данной территории, что, естественно, привело к проникновению распространенных в устной речи форм в разные стили литературных языков, т.е. наметилось расшатывание старой литературной нормы, восходящей еще к самым ранним тюркским письменным памятникам. Видимо, после этого и стала расти частотность *-γan* в письменных текстах. Конечно, можно допустить, что толчком к активизации именно этой формы как перфекта явилось влияние контактирующих с карлуками племен – носителей диалектов кыпчакского типа, в которых она функционировала и ранее.

Но поскольку в сложившейся к тому времени карлукско-уйгурской темпоральной парадигме перфект уже занимал свое системное место (формант *-miš*), а сам показатель *-γan* никогда не был чужд диалектам этого типа (он функционировал на уровне отглагольных и глагольных имен и семантически совпадал с *-miš*), в условиях сменившейся языковой ситуации внедрение *-γan* в парадигму и оттеснение *-miš* к периферии произошло естественным образом и, видимо, безболезненно для языкового сознания населения инте-

ресующего нас региона.

Иначе говоря, применительно к структуре и семантике временной парадигмы диалектов карлукско-уйгурского типа в сущности ничего не изменилось. Произошли преобразования только на уровне формы: два синонимичных показателя в тех же синтаксических позициях (надо думать, не без соперничества и взаимной вариативности) сменяли друг друга и в конце концов в данном ареале в диалектной стихии победила форма на *-yan*, живая и до сих пор. От формы на *-miš* здесь остались осколки в виде модальных показателей, лексикализовавшихся образований; в литературной среде форма на *-miš* в качестве перфекта использовалась как стилистически отмеченный вариант или как грамматический синоним. Хронологически исследователи относят к этому периоду (вторая половина XIII в. и XIV в.) смену диалектной основы литературных языков Средней Азии: "...возникают совершенно новые смешанные [литературные] языки, в которых при огузской или кыпчакской основе уйгурские языковые элементы сохраняются как дань старой уйгурской, вернее уйгурско-карлукской, литературной традиции" (Наджип 1989, 245). Языковой базой таких изменений как раз и была новая языковая ситуация, оказавшая давление на развитие существовавших в этом регионе карлуко-чигиле-уйгурских племенных языков.

Ситуация с соотношением форм перфекта на *-yan* и на *-miš* в истории карлуко-уйгурских диалектов наталкивает на необходимость выделить в их развитии два страта – **раннекарлукский** и **позднекарлукский**, первый из которых непосредственно продолжает линию развития тюркских языков в позднепратюркский период и характеризуется вычленением в глаголе форм вторичной ориентации действия начиная со специализированных форм перфекта. Заполнение этой семантической клеточки вызвало к жизни грамматикализацию и парадигматизацию симметричных простым формам других форм вторичной ориентации, в состав которых вошли аналитические формы с претеритом глагола бытия *er-* 'быть' и позднее – *tur-* 'стоять'. Второй страт демонстрирует дальнейшее развитие двучленной темпоральной парадигмы, смену в ней ряда показателей времен, а также ее расширение за счет проникновения в диалекты синонимичных форм из контактирующих языков.

Видимо, в то же время и при тех же условиях в темпоральную систему карлукских диалектов внедряется и активизируется другая форма перфекта – на *-ibti*, которая также свойственна ныне большинству современных говоров и зарегистрирована как литературная в уйгурском и узбекском языках. По-видимому, она локализовалась в ограниченном ареале, во всяком случае отдаленном от тех диалектов, которые легли в основу древних литературно-письменных языков; в их памятниках представлены единичные образования с этой формой. Наличие конкурирующей формы вызвало перераспределение функциональных возможностей между *-yan* и *-ibti*. Последняя форма получила модальную окраску "прошедшего субъективного" и стилистически закрепилась за устной формой языка; значение пересказывательности

стало чаще связываться с формой на *-yan*. Так намечается линия становления перфектных форм в карлукских языках.

Развивающаяся, видимо, с раннекарлукского периода конкуренция в сфере настоящих времен между общетюркскими формами на *-r* и на *-a*, в силу того, что последняя была уже актуализована в диалектах, вошедших в контакт с карлукско-уйгурскими, подошла к тому, что форма на *-r* была вытеснена на периферию презентной семантики, а затем и в сферу будущих времен, оказавшись в конце концов "будущим предположительным", а аналитическая форма *-r ɛdi* поэтому в условном периоде приобрела семантику сослагательности ("будущее в прошедшем"). На ранней стадии развития карлукских языков единственной формой "настоящего общего" с широкой семантикой была форма на *-r*.

Расширение карлукской парадигмы через включение разных форм перфекта и общего настоящего дало простор действию универсальной тенденции – созданию специализированных форм настоящего актуального времени (прогрессива ~ дуратива). Все формы прогрессива возникли в карлукских языках на последующих ступенях их развития за счет грамматикализации и внедрения в темпоральную парадигму форм способов глагольного действия. Акциональные формы строились по единой модели "деепричастие + вспомогательный глагол", который уточнял и актуализировал фазовую структуру процесса (Насилов Д. 1989). В образовании настоящего актуального/длительного/данного момента участвовали глаголы статики "стоять", "лежать", "сидеть", "ходить" (см. выше). Поскольку процесс образования таких форм в отдельных диалектах и говорах проходил в разное время, то и использование вспомогательных глаголов, и уровни грамматикализации акциональных аналитических конструкций в них весьма индивидуальны, о чем говорят приведенные выше примеры.

С формированием в каждом диалекте/говоре своей новой темпоральной парадигмы в сфере простых временных форм там складывалась и соотносительная структура сложных временных форм, выражающих вторичную темпоральную точку отсчета (см. приведенную таблицу временных форм в обоих языках). Однако, как видно, во временной системе действовали общие тенденции, и поэтому формальное развитие форм происходило по устойчивым моделям, заполненным разными простыми формами и различными вспомогательными глаголами тоже в разных формах.

Таким образом, вырисовывается следующая картина древнейшего состояния темпоральной системы в карлукско-уйгурских диалектах.

Учитывая уже существующую реконструкцию временных форм для позднепратюркского состояния (СИГТЯ 1988, 423), на этом уровне, в начале самостоятельного развития отдельных групп, **общекарлукско-уйгурский** диалектный тип располагал, надо думать, такими временными формами:

претерит **-di;*
перфект **-miš (~ **-γan);*
презенс **-r ~ (**-a);*
футурум: глагольные имена с модальным значением, типа **-γu ~ **-tači.*
На уровне **раннекарлукского** страта парадигма усложняется:
претерит *-di — предпрошедшее 1) *-di erdi;*
2) *-γan/(*-miš) erdi;*
перфект *-γan ~ *-ib (~*-miš);*
презенс *-r ~ *-a;*
футурум *(*-r).*

Здесь происходит активная конкуренция междиалектных синонимичных форм, создающих смешанную парадигму. Набирают силу акциональные аналитические конструкции, уточняющие темпоральную (фазовую) структуру процесса.

На уровне **позднекарлукского** страта идет дальнейшее усложнение парадигмы, устанавливается симметричная система с формами вторичной временной ориентации, в рамках временных сфер идет конкуренция диалектных/говорных вариантов форм (особенно в сфере настоящего при развитии форм прогрессива), аналитические показатели вступают на путь превращения в синтетические. Парадигма принимает следующий вид:

Абсолютные	Относительные
претерит *-di*	*(-di + e(r)di)*
перфект *-γan ~ -ibti*	*-γan + e(r)di*
презенс *-a*	*-a + e(r)di*
прогрессив *-a + jat- / tur-*	*-a + jat- / tur + e(r)di*
футурум *-r*	(*-r + e(r)di* > сослагательность)

На этапах самостоятельного развития карлукско-уйгурских диалектов/говоров в них формируются свои темпоральные парадигмы, в которых используются модели, существовавшие в карлукских языках, но не получившие общегруппового развития, а также временные формы, входящие из соседних контактирующих говоров других типов, особенно кыпчакских, где старые общетюркские формы более активно функционировали, чем в языках карлукской группы.

Позднюю историю становления временной карлукской парадигмы можно отследить в письменных памятниках из Восточного Туркестана и Средней Азии, в которых находила отражение разговорная стихия.

На уровне литературного языка также наблюдается смена древней уйгуро-карлукской традиции новой, которая связывается с иным уровнем развития уйгурско-карлукского языка и в первую очередь с чагатайским литературным языком и его последующими изводами.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Множественное число, пратюркская форма которого *-lar/*-ler*, в уйгурско-карлукской группе языков реализовалось в виде двух вариантов *-lar/-lär* в уйгурском (обычно конечный согласный аффикса не произносится: *-la/-lä*) и безвариантного *-lar* в узбекском (при наличии вариантов в разговорной речи, диалектах и говорах, см. ниже).

Уйгурский язык

В уйгурском литературном языке существует два варианта форманта множественного числа – *-lar/-lär*, но это только на письме, обычно же конечный согласный этого аффикса не произносится, т.е. *-la/-lä* (Наджип 1960, 51). При наращивании аффиксов, например, принадлежности, гласный форманта множественного числа превращается в узкий (как и предшествующий форманту конечный широкий гласный основы): *bala* 'ребенок', *balilar* 'дети', *baliliri* 'его дети' (Наджип 1960, 51), но *öjlär* 'дома'.

Узбекский язык

В узбекском литературном языке фиксируется безвариантный аффикс множественного числа *-lar*.

Примеры: *ata-lar* 'отцы', *söz-lar* 'слова'.

Диалектный материал

Диалектный материал обнаруживает как различия со стандартной формой, так и совпадения с нею.

В диалектах современного уйгурского языка, по неполным сведениям, представлены следующие варианты аффикса множественного числа: *-lar/-lär, -la/-lä/-li*, позиционные варианты *-ly(r)/-li(r), -lu(r)/-lü(r)*. В ферганском говоре употребляется весь набор этих вариантов: *-la(r)* – для твердых основ; *-lä(r)* – для мягких основ; *-li* – как для твердых, так и для мягких. Примеры: *atyla(r)* 'отцы', *qušla(r)* 'птицы', *öjlä(r)* 'дома', *jüklä(r)* 'грузы' (Садвакасов 1976, 101). В позиции между основой и показателями падежа или принадлежности широкие гласные *a, ä* в составе аффиксов *-la(r)/-lä(r)* редуцируются и переходят в узкие *y~i, u~ü*, благодаря чему аффикс множественного числа имеет разновидности *-ly(r)~li(r), -lu(r)~lü(r)*; например: *kijimlirim* 'мои одежды', *taγlyry* 'его горы', *qollurum* 'мои руки', *sözlürüŋ* 'твои слова' (там же). В отличие от литературного произношения, а также семиреченского говора употребление полных вариантов (*-lar, -lär*) и усеченных (*-la, -lä*) в ферганском говоре не регламентировано. Отмечаемое в ферганском говоре отсутствие строгой последовательности в употреблении твердых и мягких вариантов аффикса множественного числа (к твердой основе довольно часто присоединяется мягкий вариант аффикса, и наоборот: *ukalär* 'братишки', *otlär* 'огни', *ujγurlä:niŋ tamahliri* 'уйгурские блюда' – Садвакасов 1976, 101) может рассматриваться как этап на пути к становле-

нию безвариантного аффикса множественного числа типа узб. *-lar*.

В кашгарском говоре, как и в современном уйгурском литературном языке, *-lar* по сравнению с *-la* употребляется очень редко, см. *iščila* 'рабочие', *adamla* 'люди' (вариант *-na~ -nä* здесь не отмечен) (Алиев 351).

В узбекских говорах карлукского типа представлены следующие варианты аффикса множественного числа: *-lar/-lär/-lɛr/-lɔr/ -läj, -la/-lä/-lɔ/-lɛ, -nar/-när, -na/-nɛ* (ЎзХШМорф. 16).

В говорах этого типа наряду с аффиксом *-lar*, даже шире названного, распространен вариант *-lär*, см. анд. *ɔdamlar*, наманг. *bɔɣlär* 'сады', *pullär* 'деньги'; вариант *-lär* (или *-lör*) обычен в позиции перед аффиксами принадлежности, например, ташк. *ɔkälärim*, наманг. *ɔkɔlɛrim* 'мои братья'; кок. *oɣylläri,* бух. *oɣulläri,* уйг. *dädäläri* (ЎзХШМорф. 6).

В узбекских говорах используются также позиционные варианты *-lɛr, -läj*. См. *-lɛr* в наманганском городском говоре в тех случаях, когда аффикс множественного числа стоит перед аффиксами принадлежности: *ɔkälɛrim* 'мои старшие братья', *ukäleri* 'его младшие братья', *čišleri* 'их зубы'; в отдельных говорах карлукского типа в позиции перед гласным последующего аффикса выступает вариант *-läj*: кок. *özläjiŋ* 'вы сами', пск. *jigilläjiŋ* 'твои парни' (ЎзХШМорф. 6).

В отдельных говорах карлукского типа встречается позиционный вариант *-när,* употребляемый после аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица ед. числа с окончанием на сонорные *-m, -ŋ (> -j-)*: *qɔʒanijnär* 'твои котлы', ю.-ферг. *buwimnär* 'моя бабушка' (почтительно), *holäjnär* 'твоя тетушка' (почтительно) (ЎзХШМорф. 7).

Во всех говорах карлукского наречия широко употребляется аффикс *-lä* (в отдельных говорах – его варианты *-la, -lɔ, -lɛ*): ташк. *kočälä* 'улицы', джиз. *jigillä* 'парни', тагоб. *ẖɔtinlä*, наманг. *ẖɔtillä* 'женщины' (см. также бух. *balala,* южн.-тадж. (карл.) *qy:zla:ni* 'девушек', наманг. *ɔkämleni köddüm* 'я увидел моих братьев'; там же, 8).

В карлукских говорах Андижана, Коканда, Уйчи, Ошоба и Южной Киргизии аффикс *-nä* используется в позиции после сонорных (а также заместительной долготы ставшего ауслаутным гласного: *-iŋ > -i:*): анд. *ešigijnä* 'твои двери', *üji:nä* 'твои дома', ю.-кирг. *özünägä äjttim* 'я говорю вам самим'; варианты *-na* (ю.-тадж. *ɔčaŋna* 'твоя мать' (почтительно)), *-nä, -nɛ* (наманг. умлаутные говоры *ɔkɔ:nä* 'твои братья', *özünä* 'вы сами'), верх.-кашк. *-nä* (ЎзХШМорф. 9).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В ранний период прауйгурско-карлукского показатель множественного числа был четырехвариантным – *-lar/-lär, -la/-lä*. Варианты с начальным *n-*, как и с конечным *-j*, а также с узкой и губной (узкой и широкой) огласовками, поскольку они представлены не во всех языках и диалектах уйгурско-карлукской группы, не говоря уже о тюркских языках вообще, являются модификациями исходной формы с начальным *l-* и широкой огласовкой в

позднепратюркский период.

В поздний период прауйгурско-карлукского происходит дальнейший рост количества вариантов форманта множественного числа за счет добавления вариантов с более открытыми широкими гласными *-ɔ-* и *-ɛ-*, узкими *-y-/-i-*, узкими губными *-u-/-ü-*, с сонорным носовым *n-* и с позиционной заменой конечного *-r* на *-j*.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В современных языках уйгурско-карлукской группы посессивное значение регулярно передается следующими аффиксами.

Уйгурский язык

В уйгурском литературном языке парадигма категории принадлежности представлена как с губными узкими гласными (*u, ü*), так и с негубными гласными, узкой (*i*), а для 1-2-го лица ед.числа – и с широкими (*a, ä*).

Ед.число	Мн.число
1-е л. *-m, -im/-Um*	*-miz, -imiz/-Umiz*
2-е л. *-ŋ, -iŋ/-Uŋ, -Aŋ; -ŋiz, -iŋiz/-Uŋiz* – в уйгурском языке образует преимущественно вежливую форму 2-го л. ед.числа.	*-ŋlar, -iŋlar/-Uŋlar, -AŋlAr*
3-е л. *-si, -i*	*-si, -i*

(Наджип 1960, 54-55)

Аффиксы принадлежности 3-го лица ед. и мн. числа совпадают; показатель мн. числа *-lar* входит в состав лишь аффикса принадлежности 2-го лица мн. числа (*-ŋ + -lar*), чем этот последний и отличается от аффикса 1-го лица мн.числа *-(i/U)miz*, где сохраняется архаичный формант мн.числа *-(i)z* (СИГТЯ 1988, 10), вопреки тенденции парадигматического подравнивания.

Примеры: *baš* 'голова' – *bešim* 'моя голова', *qulaq* 'ухо; уши' – *quluɣum* 'мои уши', *ǯüräk* 'сердце' – *ǯürügüm* 'мое сердце' (Наджип 1960, 37, 55), *harwuniŋ čeki* 'колесо телеги', *jezimiz* 'наше село'.

При оформлении категории принадлежности для некоторых тюркских имен, утративших в уйгурском корневой полугласный *-w (-b)* или корневой согласный *-q*, а также для арабизмов с согласным *h* или "айн" в исходе используются варианты аффиксов с начальными гласными; они отделяются от конечного гласного оформляемого имени посредством вставного *-j-*, который в силу неустойчивости орфоэпических и орфографических норм может чередоваться с сонорным *-r-*, например: *sujum* 'моя вода', *tohyjum /tohurum* 'моя курица', *gunajim* 'мой грех' (Наджип 1960, 55).

Как видим, в уйгурском литературном языке формы 1-го лица ед. и мн. числа, а также вежливая форма 2-го лица ед.числа представлены каждая четырьмя вариантами лично-посессивных показателей; формы 2-го лица ед. и мн.числа – шестью вариантами для каждой из них, а формы 3-го лица ед.

и мн.числа — всего лишь двумя вариантами для обеих (варианты *-jim/-jum, -rum* из-за неполноты сведений в этот подсчет не включены).

Узбекский язык

В узбекском литературном языке посессивная парадигма представлена аффиксами с негубными узкими гласными, варианты с губными узкими гласными отсутствуют.

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-m, -im/-Um*	*-miz, -imiz*
2-е л.	*-ŋ, -iŋ*	*-ŋiz, -iŋiz*
3-е л.	*-si, -i*	*-si, -i (-lari)*

В узбекском, как и в уйгурском, в целом можно говорить о совпадении посессивных формантов 3-го лица ед. и мн.числа: вариант мн. числа *-lari* факультативен. В морфемосочетании, представляющем узбекский аффикс 2-го лица мн.числа *-(i)ŋiz*, сохранился архаичный формант мн.числа *-(i)z* — в полном соответствии со структурой аффикса 1-го лица мн.числа *-(i)miz* (СИГТЯ 1988, 10). Варианты аффиксов принадлежности с губными гласными в узбекском отсутствуют, аффиксы каждого лица в ед. и мн. числе двухвариантны.

Примеры: *ukam (ukaŋ, ukasi* и т.д.) 'мой (твой, его и т.д.) брат'.

Диалектный материал

В уйгурских говорах, и особенно в ферганском, категория принадлежности отличается богатством и разнообразием фонетических вариантов аффиксов. Здесь представлены варианты посессивных аффиксов не только с узкими (*i, y*) и широкими гласными (*a, ä* — для 1-го лица ед.числа и 2-го лица ед. и мн.числа) заднего и переднего ряда, но и с узкими губными гласными обоих рядов, а также варианты аффиксов всех трех лиц и обоих чисел с начальным *-r-* для известной группы слов (см. об этом Наджип 1960, 55, Садвакасов 1976, 108-109). См.:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(I)m, -(U)m, -(A)m, -rIm, -rUm*	*-(I)mIz, -(U)miz, -rImIz, -rUmIz*
2-е л.	*-(I)ŋ, -(U)ŋ, -(A)ŋ;* вежливая форма *-(I)ŋIz, -(U)ŋIz, -rIŋIz, -rUŋIz, -liri*	*-(I)ŋlar, -(U)ŋlar, -(A)ŋlAr; -r(I)ŋlar, -r(U)ŋlar*
3-е л.	*-sI, -rI, -rU, -I, -U*	*-sI, -rI, -rU, -I, -U*

(Садвакасов 1976, 110)

Следует отметить совпадение формантов 3-го лица ед. и мн.числа; использование различных показателей мн.числа в вежливой форме 2-го лица ед.числа [*-I/(U)z*] и 2-м лице мн. числа [*-la(r)*]; использование морфемосочетания 3-го лица — *-liri* — в качестве одного из показателей вежливой формы 2-го лица ед.числа; распространение вариантов аффиксов принадлежности с начальным *-r-* на всю посессивную парадигму, а не одного лишь 3-го лица ед.числа, как в некоторых хакасских диалектах (см. МИБ 71). Количество вариантов аффиксов для каждого лица ед. и мн. числа колеблется в пределах от 10 до 11 и даже 16 (для 2-го лица ед. числа, включая его вежливую форму).

В узбекских говорах ферганского типа посессивная парадигма в целом совпадает с таковой литературного языка; аффиксы двухвариантны, и только аффикс 2-го лица мн.числа имеет третий вариант — *-(i)jiz*. В андижанском, папском, ошском, южноферганских говорах 2-е лицо мн. числа представлено вариантами *-(i)jlär/-(i)jnär/-jijnär*. В кокандском говоре афф. 1-го лица ед.числа имеет в своем составе губной узкий гласный: *-um*; в бухарском говоре афф. 1-го и 2-го лица ед. числа имеют губной гласный — *-um, -uŋ* (ЎзХШМорф. 18). В карлукских говорах по большей части "твердые" и "мягкие" варианты посессивных аффиксов не различаются. Такое различение в наманганских (умлаутных) говорах проводится в отношении лишь вариантов с губными гласными.

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(i)m, -(U)m*	*-(i)miz, -(u)muz*
2-е л.	*-(i)ŋ, -(U)ŋ*	*-(i)ŋiz, -(U)ŋiz, -(i)jiz, -iz, -UjUz, -(i)nä*
3-е л.	*-si, -i, -U*	*-si, -i, -U, (-läri)*

(ЎзХШМорф. 19)

В ташкентском и близком к нему карнабском и каршинском говорах различение по "твердости-мягкости" не проводится ни в отношении вариантов с узкими гласными, ни в отношении вариантов с губными гласными (последние в разных говорах представлены с различными ограничениями).

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	*-(i)m*	ташк. *-(u)wuz, -(u)wuzä, -(u)wzä, -uzä, -uz* карш. *-(w)uz* карн. *-(i)wiz/-(u)wuz, -(i)biz, -(i)miz*
2-е л.	*-(i)ŋ*	ташк. *-(i)jiz, -iz/-i:z, -(i)jlä* карш. *-(j)iz, -jla* карн. *-(i)ŋiz, -(i)jiz, -iz, -ijlä*
3-е л.	*-si, -i*	*-si, -i*

(там же 19)

Здесь обращают на себя внимание также разные градации фонетического развития показателей 1-2-го лица мн.числа.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМЫ ПОСЕССИВНОСТИ

С учетом данных как литературных языков, так и их диалектов прауйгурско-карлукская парадигма посессивности может быть представлена в следующем виде:

	Ед.число	Мн.число
1-е л.	***-m/**-(I)m/**-(U)m*	***-miz/**-imiz/**-Umiz*
2-е л.	***-ŋ/**-iŋ/**-Uŋ*	***-ŋiz/**-iŋiz/**-Uŋiz,*
	вежл. форма ***-ŋIz/**-iŋiz, **-UŋIz*	***-ŋlar/**-iŋlar/**-Uŋlar*
3-е л.	***-si, **-i*	***-si, **-i*

Сохраняя в целом тесную связь с пратюркской парадигмой, прауйгурско-карлукская парадигма вместе с тем претерпела следующие морфонологические и морфологические изменения:

1) в прауйгурско-карлукский период развиваются показатели принадлежности с губными гласными в их первом слоге для 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа;

2) в прауйгурско-карлукской парадигме на первый план выдвигаются варианты посессивных показателей с переднерядным гласным *-i* в своем составе, в чем можно усматривать признак ослабления законов сингармонизма уже в этот период;

3) в уйгурском языке и диалектах, а также в ряде узбекских говоров (андижанском, папском, ошском, южноферганских) в результате перемещения пратюркского форманта 2-го лица мн.числа *-iŋiz* в зону 2-го лица ед.числа (вежливая форма) для 2-го лица мн.числа стала использоваться наряду с пратюркской также поздняя форма с современным показателем мн.числа *-(i/U)ŋ+lar*. Параллельное функционирование двух форм – формы, восходящей к "пратюркской", и более поздней форм 2-го лица мн.числа – зафиксировано в таких узбекских диалектах и говорах, как ташкентский, каршинский, карнабский, отчасти в наманганских (умлаутных).

ПАДЕЖНОЕ СКЛОНЕНИЕ

Тюркское склонение опирается на взаимодействие категории падежа и категории посессивности (см. СИГТЯ 1988, 31 и сл.); структурными разновидностями склонения являются именная, посессивно-именная и местоименная (см. ниже, в разделе "Местоимение").

Рассмотрим сначала именную парадигму, охватывающую склонение существительных, числительных, субстантивированных прилагательных и имеющую в целом единообразный характер.

ИМЕННАЯ ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ

Уйгурский язык

Неопределенный падеж: нулевая форма. Примеры: *ana* 'мать', *kök* 'небо' (здесь и ниже примеры приводятся по: Наджип 1960, 59; Садвакасов 1997, 442).

Родительный падеж: *-niŋ* (разг. также *-nUŋ*). Примеры: *aniŋ* 'матери', *kökniŋ* 'неба'.

Дательный падеж: 1) после конечных гласных, сонорных и звонких согласных – *-ɣa/-gä*; 2) после глухих согласных – *-qa/-qä/-kä*. Примеры: *ani-ɣa* 'матери', *küz-gä* 'на осень', *taq-qa* 'в горы', *kök-kä* 'на небо'.

Винительный падеж: для всех фонетических условий исхода склоняемого имени используется афф. *-ni*. Примеры: *ani-ni* 'мать', *kök-ni* 'небо'.

Местный падеж: 1) после конечных гласных, сонорных и звонких согласных – *-da/-dä*; 2) после глухих согласных – *-ta/-tä*. Примеры: *ani-da* 'у матери',

aj-da 'на луне', *kök-tä* 'на небе'.

Исходный падеж: 1) после конечных гласных, сонорных и звонких согласных – *-din*; 2) после глухих согласных – *-tin*. Примеры: *ani-din* 'от матери', *mart aj-din* 'с месяца марта', *kök-tin* 'с неба'.

Таким образом, в уйгурском литературном языке насчитывается шесть падежей, падежные аффиксы могут иметь от одного до четырех-пяти фонетических вариантов для имен в единственном числе и от одного до двух вариантов – во множественном (Наджип 1960, 59).

В группе обстоятельственных наречий сохранилась пратюркская форма направительного падежа ("соединение двух показателей направительного падежа"), например: *ič-kiri* 'внутрь', *taš-kiri* 'вовне', *ǰu-quri* 'ввысь' (Наджип 1960, 57).

Остатки орудного падежа можно наблюдать лишь в отдельных наречиях времени.

Узбекский язык

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: *-niŋ*. В литературной разговорной речи начальный *n-* в афф. *-niŋ* в результате ассимиляции может заменяться на *d-, t-*: *-diŋ, -tiŋ*, Примеры: *qåwun-niŋ* 'дыни', *ǫquwčilar-niŋ* 'учеников' (Кононов 1960, 102).

Дательный падеж: 1) после конечных гласных, сонорных и звонких согласных склоняемого имени – *-ga*; 2) после глухих согласных – *-ka* (на письме – *-ga*); 3) после согласных *-k, -g* – *-ka* (на письме и в произношении); 4) после конечных *-q, -ɣ* – *-qa* (на письме и в произношении). Примеры: *åta-ga* 'отцу', *uj-ga* '(к) дому', *jil-ga* 'году', *iš-ga* 'на работу, работе', *etik-ka* '(к) сапогу', *bark-ka* '(к) листу', *ǫrtåq-qa* '(к) товарищу', *båq-qa* '(к) саду, в сад' (Кононов 1960, 91).

Винительный падеж: *-ni* (в произношении в зависимости от качества конечного согласного склоняемого слова – иногда *-di, -ti*). Примеры: *åj-ni* 'луну', *ålma-ni* 'яблоко', *jåz-ni* 'лето' (Кононов 1960, 96).

Местный падеж: *-da* (после глухих согласных склоняемого слова в произношении регулярно оглушается: *-ta*). Примеры: *jol-da* 'в пути', 'на дороге', *åta-da* 'у отца', *ot-da* 'в огне' (Кононов 1960, 92, 101).

Исходный падеж: *-dan* (после глухих согласных в произношении регулярно оглушается: *-tan*). В разговорной речи изредка слышится *-din/-tin*.

Отмечается субстантивация отдельных словоформ старинного направительного падежа. Пример: *tašqariga* 'вовне', *ičqari-ga* 'во внутренние покои' (УзХШМорф, 218, 219).

Диалектный материал

Уйгурские диалекты также имеют шесть падежей в склонении, но по сравнению с литературным языком располагают бóльшим количеством вариантов показателей родительного и исходного падежей (возможно, за счет влияния местного узбекского языка и его диалектов таш-

кентско-ферганского типа) (Садвакасов 1976, 116, 126-127).

1) Родительный падеж на *-nIŋ/-nUŋ* фактически не отличается от соответствующих формантов литературного языка и семиреченского говора, хотя в литературном стандарте орфографически принят лишь вариант *-niŋ* (Садвакасов 1976, 115-116). Примеры: *aqsunuŋ ǯuwanla:ri* 'аксуйские молодухи'. Эта группа вариантов употребляется намного шире, чем афф. *-nI* (там же).

2) Родительный падеж на *-nI/-nU*: *qutu-ni ičidä* 'внутри посуды', *däjri-ni suji* 'вода реки'. Этот вариант показателя родительного падежа не чужд кашгарскому говору, а также хотанскому диалекту уйгурского языка, например: *gül-ni tikäni* 'шип розы' (Садвакасов 1976, 116). Использование родительного падежа на *-nI* в уйгурских говорах и диалекте следует рассматривать как ареальное явление.

3) Показатель исходного падежа *-din, -tin* (см. то же – лит.-орф. *-din, -tin*) в зависимости от фонетических особенностей склоняемого имени может иметь губные варианты *-dUn/-tUn*, а также варианты с заднерядным негубным *-dyn/-tyn/-dUn*: *qar-dyn* 'от снега', *taɣ-dyn* 'с горы'; *qol-dun* 'из руки', *üzüm-dün* 'из винограда'.

4) Еще один показатель исходного падежа с широким гласным в своем составе и с дополнительным варьированием его начального согласного – *-dAn, -tAn, -nAn* – имеет заметно ограниченную употребляемость в ферганском говоре: *bu nimä-dän bolädi?* 'из чего это сделано?'. Скорее всего, это также явление ареального характера.

В диалектах узбекского языка число падежей колеблется от шести до четырех-пяти в зависимости от того, считать ли афф. *-ni* показателем родительно-винительного падежа, а афф. *-gä, -qa* – показателем дательно-местного падежа или же различать родительный падеж (*-ni, -niŋ*), винительный падеж (*-ni*) и дательный падеж (*-gä, -qa/-kä*), местный падеж (*-da, -gä, -kä*) (ЎзХШМорф. 35).

Родительный падеж в узбекских говорах карлукского типа наряду с афф. *-nIŋ* имеет также афф. *-nI* с его ассимилятивными вариантами, которых здесь насчитывается 21: помимо *-ni (-нъ), -di, -ti*, еще и *-wi, -gi, -ɣi, -ǯi, -ži, -zi, -ji, -ki, -qi, -li, -mi, -ni, -ri, -si, -ḫi, -hi, -či, -ši* (ЎзХШМорф. 39).

Дательный падеж в большинстве карлукских говоров (в отличие от узбекских говоров других типов), как и в литературном языке, имеет только афф. *-gä, -kä, -qa (-qä)* (ЎзХШМорф. 44).

Винительный падеж помимо афф. *-ni, -di, -ti* также представлен значительным числом ассимилятивных вариантов, см., например: ташк. *gäräž-ži sɔt-tuwzä* 'Мы купили гараж'; коканд. *ɔlmə-ni jidi* 'съел яблоко' (ЎзХШМорф. 42).

Местный падеж в большинстве карлукских говоров имеет только афф. *-dä/-tä* (ЎзХШМорф. 48).

Исходный падеж выражается в говорах ассимилятивными вариантами с переднерядным гласным *-dän, -tän, -nän* (изредка *-dan, -tan, -nan*): ташк. *teräj-dän* 'от тополя', *tegirmon-nän* 'с мельницы', наманг. *Nɔmɔngɔn-nən kegän* 'приехал из Намангана' (ЎзХШМорф. 52). Изредка в отдельных карлукских говорах наблюдается архаичный афф. *-din*: *qiwlä-din* '[со стороны] Кыблы' (чаще – в посессивно-именной парадигме, см. ниже) (ЎзХШМорф. 52).

Реликт орудного падежа можно усмотреть в единичном наречии *künin*: *künin ọmbeš-jigirmä göhtär häjdäb täšäjdi* 'за день пропахивает 15-20 га' (ЎзХШМорф. 209-210). Как и в литературном языке, отмечаются случаи субстантивации отдельных словоформ направительного падежа (ЎзХШМорф. 218, 219).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ СКЛОНЕНИЯ

Категория падежа в прауйгурско-карлукском представлена следующими шестью падежами: неопределенным, родительным, дательным, винительным, местным, исходным. Формы направительного падежа отдельных слов, обозначающих преимущественно пространственные ориентиры, сохранились как обстоятельственные наречия.

Ранний период

Неопр.	нулевая форма
Род.	***-nIŋ*
Дат.	***-ɣa/****-gä~****-qa/****-qä/****-kä*
Вин.	***-nI*
Местн.	***-da/****-dä/****-ta/****-tä*
Исх.	***-dIn/****-tIn~****-dAn*

Для прауйгурско-карлукской морфонологии склонения раннего периода свойственно то, что падежные форманты с известной полнотой продолжают подчиняться гармонии гласных (закону сингармонизма).

В поздний период именно на уровне морфонологии происходят некоторые изменения, способствующие разрушению сингармонизма, постепенному и неравномерному в двух ветвях рассматриваемой группы. Такая неравномерность развития падежных систем близкородственных языков одной группы намечается и в некоторых других отношениях, см. ниже.

Поздний период

Неопр.	нулевая форма
Род.	***-niŋ;* ***-nUŋ* (для уйг. и карл.); ***-ni* (для карл.диал.[1])
Дат.	***-ɣa/****-gä~****-qa/****-qä/****-kä*
Вин.	***-ni*
Местн.	***-da/****-dä/****-ta/****-tä*
Исх.	***-din/****-tin~****-dAn/****-tan*

Для родительного и винительного падежей стали употребляться аффиксы *-niŋ, -ni* с переднерядным узким гласным в их составе, независимо от огласовки склоняемого имени. Аффикс родительного падежа с губной огла-

[1] С точки зрения функциональной интерес представляет использование словоформ родительного падежа в позиции именной части сказуемого в таком средневековом памятнике (рубеж XV–XVI вв.), как Бабур-наме (Благова 1994, 273), а также в маргинальных татарских говорах (Рамазанова 1970, 23-24; Рамазанова 1988, 62; Бурганова 1962, 38).

совкой получил распространение в уйгурской ветви рассматриваемой группы, тогда как в карлукских языке и диалектах для родительного падежа наряду с афф. *-niŋ* стал использоваться афф. *-ni*.

Форманты исходного падежа с широкой и узкой огласовками параллельно употребляются в языке и диалектах уйгурской ветви, в то время как в карлукской ветви преимущественно употребляется афф. *-dan*; что же касается афф. *-dIn*, то он превратился в диалектную маргиналию.

Отношение прауйгурско-карлукской падежной парадигмы к пратюркской

В прауйгурско-карлукской парадигме уже в ранний период естественно были утрачены такие падежи, присущие пратюркскому склонению раннего периода, как направительные падежи на **-k/*-g*, на *-rA~rI, -qarI,* направительно-продольный (экватив) на *-čA*, орудный (творительный) на *-In*, совместный на *-lA~lI, -lAn* (СИГТЯ 1988, 84-88, 91-106); утрачен также формант винительного падежа *-γ/-g*. Эти утраты для прауйгурско-карлукского состояния естественны, поскольку они реализовались уже в поздний период пратюркского языка, с которым непосредственно связан ранний период прауйгурско-карлукского. Из пратюркской именной парадигмы склонения прауйгурско-карлукская парадигма не только восприняла, но и абсолютизировала для любых фонетических условий исхода склоняемого имени падежные форманты с начальными согласными – род.п. афф. *-niŋ,* вин.п. афф. *-ni*, дат.п. афф. *-qa/-kä* (см. СИГТЯ 1988, 110, 113-117); по этому признаку произошло выравнивание соответствующих падежных изменений имен с любым ауслаутом.

ПОСЕССИВНО-ИМЕННАЯ ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ

Посессивно-именная парадигма в литературных уйгурском и узбекском языках, как и в их диалектах и говорах, подравнивается под именную парадигму по всем падежам. Для имени, оформленного аффиксом принадлежности любого лица и числа, используются только стандартные аффиксы родительного (*-niŋ,* в уйгурском также *-nUŋ*), винительного (*-ni*, в уйгурском также *-nU*), дательного (*-ga*) падежей, т.е. аффиксы с начальным согласным в своем составе. Примеры однотипны:

	Уйгурский	Узбекский
Неопр.	*dadam* 'мой отец'	*åtam* 'мой отец'
Род.	*dadam-niŋ*	*åtam-niŋ*
Дат.	*dadam-γa*	*åtam-ga*
Вин.	*dadam-ni*	*åtam-ni*
Местн.	*dadam-da*	*åtam-da*
Исх.	*dadam-din*	*åtam-dan*
	(Наджип 1960, 61)	(Кононов 1960, 93)

Диалектный материал

В узбекских (карлукских) говорах в результате ассимилятивных процессов для родительно-винительного падежа 1-го лица ед.ч. возможны варианты афф. *-di, -mi*: *ukä-m-di/ukä-m-mi håwlisi* 'двор моего младшего брата' (ЎзХШМорф. 42).

Винительный падеж на *-n* для существительных в посессивной форме 3-го лица в уйгурском и узбекском языках, их говорах не зафиксирован; см. уйг.диал. *bala-sy-ny* 'его ребенка', ферг. *malni tezäk'lirine, atni tezäk'lirine... toplajdu* '...собирают коровяк, конский навоз [для удобрения]' (Садвакасов 1976, 122; в последнем примере представлен вариант винительного падежа *-ne*).

В составе словоформ дательного, местного, исходного падежей тех имен, которые выступают с афф. 3-го лица, посессивный показатель *-n-* отсутствует.

Примеры: уйг. *et-i-ga* 'его лошади', *et-i-da* 'на его лошади', *et-i-din* 'от его лошади'; узб. *åta-si-ga* 'его отцу', *åta-si-da* 'у его отца', *åta-si-dan* 'от его отца' (Кононов 1960, 93); уйг.диал. ферган. *bir bir-i-gä* 'один к одному', *bar-i-din* 'из всех них', так же в семиреченском говоре (Садвакасов 1972, 124); узб.диал. *öz-iŋ-gä* 'тебе самому', *åwåz-i-ga* 'его голосу', *åtå-m-mi öj-i-da* 'в доме моего отца', *åta-si-din* 'от его отца', *öz a'ja'γ-i-din* 'от его собственной ноги' (ЎзХШМорф. 47, 48, 42, 52). В ферганском уйгурском говоре только в отдельных случаях между аффиксом принадлежности 3-го лица и аффиксом местного падежа (но не дательного и не исходного!) отмечено наличие показателя посессивности *-n-* (Садвакасов 1972, 124); скорее всего, это осколочное явление ареального характера.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЕССИВНО-ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ СКЛОНЕНИЯ

Процессы подравнивания посессивно-именной парадигмы склонения под именную парадигму активно развертывались уже в ранний период развития прауйгурско-карлукского языка. Отдельные этапы этого подравнивания зафиксированы некоторыми письменными памятниками. Так, в языке "Кутадгу билиг" Юсуфа Баласагуни (XI в.) посессивно-именная парадигма противопоставляется именной только одной своей частью – 3-м лицом, для которого в формах дательного, местного, исходного падежей регулярен показатель посессивности *-n-*, а винительный падеж представлен аффиксами *-nI* и *-n* (Благова 1982, 103).

Примеры: *jüz-i-ni* 'его лицо' и *baš-y-n* 'его голову'; *kiši körk-i-n-gä* 'красоте человека', *sü baš-y-n-ga* 'начальнику войска' (см. Благова 1982, 103).

В "Атабату л-хакаик" Югнеки (XII – начало XIII в.) во всех разновременных списках поэмы, происходящих с различных территорий, для локальных падежей 3-го лица наряду с регулярными формами, имеющими в своем составе показатель посессивности *-n-*, зафиксированы соответствующие формы без этого показателя. В отдельных случаях формы карлукского типа (без

-n) имеются как в самаркандском, так и в двух стамбульских списках: *soŋ-y-da* 'в конце его', *bir bir-i-kä* 'один одному из них', *fazl-y-tin* 'о его достоинстве'; в других случаях в самаркандском списке представлены формы с аффиксом посессивности *-n-* (*til-i-n-din* 'от его языка', *jol-y-n-da* 'на его дороге', *ič-i-n-gä* 'внутрь него'), а в стамбульских списках – соответствующие формы без *-n-* (*til-i-din, jol-y-da, ič-i-kä*) (см. Благова 1982, 146).

В поздний период прауйгурско-карлукская посессивно-именная парадигма сформировалась окончательно в результате подравнивания ее к именной парадигме. Характеристическими чертами прауйгурско-карлукской посессивно-именной парадигмы являются: 1) использование стандартных аффиксов с консонантным анлаутом: род.п. *-niŋ*, вин.п. *-ni*, дат.п. *-ga*; 2) отсутствие афф. *-n* винительного падежа 3-го лица; 3) отсутствие показателя посессивности *-n-* для 3-го лица в формах дательного, местного, исходного падежей.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Уйгурский язык

1) Цвета предметов, масти животных: *aq* 'белый'; *qara* 'черный'; *seriq* (Садвакасов 1976, 147: *säriq*) 'желтый'; *qizil* ([Наджип] 1968, 579, 626; ср. Садвакасов 1976, 147: *sürük*) 'красный'; *kök* 'синий, голубой'; *toruq (toroq)* 'гнедой (о масти)' (Малов 1961, 186); *qonγur* 'бурый' ([Наджип] 1968, 519);

2) пространственные, временные признаки: *uluγ* 'большой' (в смысле общественного значения); *kičik* 'малый, маленький', 'младший'; *büjük* 'великий', 'высокий'; *pas* 'низкий' ([Наджип] 1968, 249); *uzun* 'длинный'; *qisqa* 'короткий' ([Наджип] 1968, 627);

3) качества и свойства предметов: диал. *bek* (Малов 1961, 99; Jarr. 53), *bɛk* (Jarr. 51) 'крепкий', 'твердый', 'весьма'; *qattiq* 'твердый', 'жесткий', 'очень' (Малов 1954, 160); *höl* 'мокрый', 'сырой', 'влажный'; *eγir* 'тяжелый'; *jeŋil* (+ уйг. диал., Малов 1954, 155) 'легкий';

4) внутренние свойства человека: *jaqši* 'хороший', 'добрый' (диал. Jarr. 146: *jaqšy* 'приятный', 'деликатный'); *jaman* (диал. Малов 1954, 154, Мал. УНС 115, Jarr. 152) 'плохой', 'дурной'; *siliq* 'гладкий', 'ровный', 'вежливый'; *aligädän* 'глупец' (Наджип 1968, 51), *aŋqaw* 'глупый', 'глуповатый' (Наджип 1968, 43);

5) физические признаки и состояния людей и животных: *taz* 'парша', 'паршивый', 'больной паршой' (Малов 1954, 182 *tas* 'паршивец-плешивец'); *toq* 'сытый' (Наджип 1968, 274, 318); *ač* (Jarr. 11 диал.: *a:č, a:ǯ*) 'голодный'; *joγan* 'толстый' (диал. Малов 1954, 156, Малов 1961, 117, Jarr. 158 – то же), диал. *qelin* 'толстый' (Садвакасов 1976, 149).

Помимо указанных источников использовались также: ЭСТЯ 1974, 85, 116, 208, 524, 571, 593; ЭСТЯ 1978 117, 289; ЭСТЯ 1989, 63-64, 109, 188, 208.

Узбекский язык

1) *a°q* 'белый'; *qa°ra* 'черный' (ср. диал. парное ЎзХШМорф. 65: *ɔq-qɔrä nässä* 'разноцветные вещи'); *sariq* (ЎзХШМорф. 57: диал. *sariq*) 'желтый'; *qizil* (ЎзХШМорф. 64: наманг., анд., ферг. *qъzъl*) 'красный'; *kọk* 'синий, голубой'; *ǯigarraŋ* 'коричневый';

2) *uluγ* 'великий'; *katta* 'большой'; *kičkina* 'маленький' и диал. *kičikrɔγ uj* 'дом поменьше' (ЎзХШМорф. 68; ср. ЎзХШМорф. 65: парное *kättä-kiči: mihmollä* 'большие-маленькие гости'); *bujuk* 'великий, огромный, громадный', 'высокий'; *baland* 'высокий', *juksak* 'высокий', *past* 'низкий'; *uzun* 'длинный' (ср. ЎзХШМорф. 65: ташк. парное *uzin-qisqä tärih* 'длинная-короткая история'; Абдуллаев Хор.Ш 89: *uzyjn*); *qysqa* 'короткий'; *teran* 'глубокий', *čukur* 'глубокий (о реке)';

3) *qattiq* 'крепкий' (ЎзХШМорф. 57: карл. *qattъq*); *ḥol* 'мокрый, сырой'; *åγir* 'тяжелый'; *jeŋil'* 'легкий';

4) *jaḫši* (уз.диал. Я.Гул.Т. 1965, 95 – то же) 'хороший', 'добрый'; *ja°ma°n* (диал. Решетов 1951, 380, Гулямов 1965, 35; ЎзХШМорф. 64: наманг., анд., ферг. *jɔmɔn*) 'плохой', 'дурной'; *suluw, kọrkam, čira°jli, güzel* 'красивый'; *anqa°w* 'глупый', *ahma°q, tentak* 'глупый';

5) *ta°z* 1. 'парша', 'паршивый'; 2. 'плешь', 'плешивый', *jalaŋ, jalanγoč* 'голый'; *tọq* 'сытый'; *a°č* 'голодный'; *jọγa°n (semiz)* 'толстый'.

Помимо приводимых выше в тексте источников использовались также указанные выше в рубрике "уйг." тома ЭСТЯ (страницы те же), а также Кононов 1960, 144-145.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1) ***aq* 'белый' (<**aq*); ***qara* 'черный' (<**qara*); ***sariq* 'желтый' (<**saryγ*); ***kök* 'синий' (<**kök*); ***qyzyl* 'красный' (<**qyzyl*);

2) ***uluγ* 'большой' → 'великий' (<**uluγ*); ***kičig* 'малый', 'маленький' (<**kičig*); ***büjük* 'большой', 'высокий'; ***uzun* 'длинный' (<**uzun*);

3) ***qattiq* 'крепкий', 'твердый'; ***höl* 'мокрый', 'сырой', 'влажный'; ***aγir* 'тяжелый'; ***jeŋil* 'легкий';

4) ***jaqši~**jaḫši* 'хороший', 'добрый'; ***jaman* 'плохой', 'дурной'; ***silig~**suluw* 'красивый', 'гладкий' → 'вежливый'; ***anqaw* 'глупый';

5) ***taz* 'парша', 'паршивый'; ***toq* 'сытый'; ***ač* 'голодный'; ***joγan* 'толстый'.

КОНКРЕТНЫЕ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Положительная степень – основа прилагательного.

Сравнительная степень

I. **Аналитическая форма**. Субъект сравнения представлен словоформой неопределенного падежа, объект сравнения – словоформой исходного падежа; прилагательное не осложнено специальным аффиксом.

Субъект сравнения в этой модели может быть опущен в тех случаях, когда он подразумевается.

Уйгурский язык: *Mamuttin küčlük* '[он] сильнее Мамута'; *qardin aq* 'белее снега' (Наджип 1960, 71).

Диалектный материал (ферганский говор): *attin ezig* 'выше коня'; *Qyličtin tiz erur, Qyldin iŋiškä* 'Острее меча, Тоньше волоска' (Садвакасов 1976, 148). При этом способе выражения сравнительной степени как в литературном языке, так и в говорах могут использоваться также послелоги *qariγanda, körä, nisbätän*, требующие от объекта сравнения дательного падежа: *uniŋγa qariγanda bu jaḫši* 'это лучше того' (Наджип 1960, 71); *ǯoraḫan sizgä nisbätän (~qariγanda) čoŋ* 'Джурахан старше вас' (Садвакасов 1976, 148).

Узбекский язык: в литературном языке, его диалектах и говорах представлены такие же варианты реализации указанной модели: *Temirdan poḷat qattiq* 'Сталь тверже железа'; карл.диал. *Sännän korä u kučlъ* 'По сравнению с тобой он сильнее' (ЎзХШМорф. 68-69). Помимо послелога *korä* при объекте сравнения в карлукских говорах могут использоваться и другие послелоги: *qaraγanda* 'по сравнению с', *nъsbätän* 'по отношению к', а также усиливающие наречия *jänä* 'еще', *jänädä* 'еще более', *jänäjäm* 'и еще больше', например: *jänä (jänädä, jänäjäm) bäläntt* 'более высокий', 'выше' (Тургунов 1968, 15).

II. **Синтетическая форма** – прилагательное + афф. *-raq-/räk*. Эта форма прилагательного может также использоваться в вышеописанной аналитической модели.

Уйгурский язык: *uzunraq* 'длинный', *jaḫširaq* 'получше', ферг. гов.: *issiγγraq* 'теплее, жарче'; *tatlγγraq* 'слаще' (Садвакасов 1976, 148). См. также: *bu öj u öjdin egizräk* 'Этот дом [чуть] выше того дома'; *bu uniŋγa nisbätän arzanraq* 'Это чуть дешевле того' (Наджип 1960, 71); ферг.гов.: *ta:wuzγa qaryγanda (~nisbätän) qoγun tatlγγraq* 'Дыня слаще арбуза'.

Узбекский язык: *jaŋiraˀq* 'новее', *aqllíraˀq* 'умнее' (Кононов 1960, 145); диал. *jaḫšъrɔγ kǫjläg* 'рубашка получше', *kičikrɔγ uj* 'дом поменьше' (ЎзХШМорф. 69). См. также использование этой формы прилагательного в составе аналитической модели сравнительной степени (в результате процесса регрессивной ассимиляции в говоре зафиксированы словоформы *qъzъrrɔq* < *qizilraˀq, qattъdag* < *qattъqraˀq*): *manъ köjnegъm sanikъdän qъzъrrɔq* 'Моя рубашка краснее твоей' (Шарипов 1962, 14); *Temъrdän poḷat qattiъdag* 'Сталь тверже железа' (ЎзХШМорф. 69).

Превосходная степень

Передается посредством препозитивных частиц или приемом неполной редупликации.

Уйгурский язык: Превосходная степень выражается путем сочетания прилагательных с частицей *äŋ* 'самый' или с одним из наречий – *bäk* 'очень', *nahajiti/najiti* 'чрезмерно', *γajät* 'весьма', *ḫojma* 'весьма', *taza* 'очень'; примеры: *bäk amraq* 'очень длинный', *najiti nuryun* 'очень много', *ḫojma tatliq* 'очень сладкий'. Неполная редупликация: *qap-qara* 'совершенно черный', *sap-seriq* 'желтый-прежелтый', *köm-kök* 'совершенно синий' (Наджип 1960, 71, 72).

Диалектный материал. В ферганском говоре наряду с частицей *eŋ* 'самый' используются усилительные наречия *ötä, ǯüdä* 'очень'; *ǯüdijäm (ǯüdä häm)* 'весьма, очень и очень'; *intajin, rasa, taza* 'очень'; примеры: *eŋ kattə* 'самый большой', *ötä uzaq* 'очень далекий', *ǯüdä jaḫši* 'очень хороший', *rasa ötkür* 'очень острый'. Прием неполной редупликации: *qyp-qyzyl* 'красный-прекрасный', *appaq* 'белый-пребелый', *qap-qara* 'черный-пречерный'. Полная редупликация: *uzun-uzun* 'достаточно длинный', *katty-katta* 'достаточно большой' (Садвакасов 1976, 148).

Узбекский язык: *eŋ jaŋi* 'самый новый', 'новейший', *eŋ aqlli* 'самый умный', 'умнейший'. Неполная редупликация: *qaˀp-qaˀra* 'черный-пречерный', *jum-jumalaˀq* 'совершенно круглый' (Кононов 1960, 145). См. в диалектах *qъp-qъzъl//qъppa-qъzъl* 'очень красный', *sap-sarъq//sappa-sarъq* 'очень желтый' (Шарипов 1962, 14).

Диалектный материал. В карлукских говорах наряду с частицей *eŋ* используются следующие наречия: *ǯüdä, ǯъdä, ǯä:, γɔjät/γajättä, nъḫɔjättä, čynɔn, aˀrtъq*; вместо *eŋ* и *ǯuda* в карлукских говорах нередко выступают *rɔsä, tɔzä* (например: *rɔsä čъrɔjlъ qyz* 'самая красивая девушка') (ЎзХШМорф. 65-66), а также модификатор *toḫ* ('сытый' > 'насыщенный [цветом]'; модификатор *ɔč* 'голодный' употребляется в форме ослабления качества, см. ниже) – *toḫ sarъq* 'темно-желтый', *toḫ kǫk* 'темно-голубой' (Шарипов 1962, 14). В целях усиления качества используется также неполная редупликация: *köm-kök at* 'чернобурый конь' *ɔp-ɔškɔrä gunɔ:* 'совершенно очевидное прегрешение' (ЎзХШМорф. 65-66).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНКРЕТНЫХ ФОРМ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сравнительная степень

Реконструируются две разновидности выражения сравнения.

1. Аналитическая форма (модель): субъект сравнения в неопределенном падеже – объект сравнения в исходном падеже – прилагательное, не осложненное специальным аффиксом.

2. Синтетическая форма – прилагательное + афф. ***-raq/***-räk*.

Превосходная степень

Реконструируются две аналитические формы, образованные с помощью:

1) препозитивной частицы ***eŋ* и наречных слов ***ǯudä, **rasa*;

2) приема неполной редупликации: ***qap**-qara* 'совершенно черный', ***köm**-kök* 'совершенно синий'.

АБСТРАКТНЫЕ ФОРМЫ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Формы ослабления качества

Уйгурский язык

Синтетические формы:

1) афф. *-mtul*: *qaramtul* 'черноватый' (Наджип 1960, 71);

2) афф. *-iš, -Uš*: *eqiš* 'беловатый', *köküš* 'синеватый' (там же); в ферганском говоре *aquš* 'беловатый', *köküš~kökiš* 'синеватый' (Садвакасов 1976, 150);

3) афф. *-yuč/-güč*, с утратой последнего слога прилагательного при оформлении этим аффиксом: *qizγuč* 'красноватый' (от *qizil* 'красный'), *sarγuč* 'желтоватый' (от *seriq* 'желтый') (Наджип 1960,); в ферганском говоре – афф. *-γuš, -γγš*: *qγzγγš* 'красноватый', *sa:γuš~saryuš* 'желтоватый' (Садвакасов 1976, 150);

4) афф. *-yraq/-iräk, -uraq/-üräk* в ферганском говоре: *egiziräk tay* 'высоковатая гора' (ср. синтетическую форму сравнительной степени *egizräk* 'повыше' (Наджип 1960, 71)), *küčlügüräk* 'чуть сильный, сильноватый', *qeliniraq* 'немного толстый, чуть толстый, толстоватый' (Садвакасов 1976, 149);

5) афф. *-qina/-kinä, -γina/-ginä*, то же в ферганском говоре: *jaḫšiγina* 'хорошенький', *kičikkinä* 'малюсенький', *tatliqqina* 'сладенький', диал.Ф. *tüzükkinä* 'хорошенький', 'добренький', *toqqyna* 'сытенький' (Наджип 1960, 71; Садвакасов 1976, 150).

Имеется также аналитическая модель:

6) модификатор *-ač* + обозначающее цвет прилагательное – *ač kök* 'светло-зеленый', *ač qizil* 'розовый' (Наджип 1968, 20).

Узбекский язык

В литературном языке представлены синтетические формы, в диалектах – также аналитическая модель. См.:

1) афф. *-(i)mtir*, обычный для литературного языка, а иногда встречающийся и в говорах: *a'qimtir* 'беловатый', *qoḳimtir*, диал. *qoḳъmtьr* 'синеватый', *qa'ramtir* 'черноватый', *sarγimtir* 'желтоватый' (Кононов 1960, 145, 161; ЎзХШМорф. 67);

2) афф. *-(i)mtil* (в говорах с вариантом *-(i)mtul*), в литературном языке встречается редко, распространен в говорах: *qa'ramtyl~qorämtul* 'черноватый', *qoḳumtьl~qoḳymtyl* 'синеватый', *эqъmtьl* 'беловатый' (ЎзХШМорф. 67);

3) афф. *-(i)š* в литературном языке: *saryiš* 'желтоватый', *qoḳiš* 'синеватый', *a'qiš* 'беловатый', *qizγiš* 'красноватый' (Кононов 1960, 160); в диалектах и говорах – с вариантами *-(i)č/-(u)č*: *aγγš~эqъš/эquč* 'беловатый', наманг. *seryъš/ seryuč, qъzγuč*, ташк. *säryъš, qъzγъš* (ЎзХШМорф. 67);

4) афф. *-gina* в литературном языке, в диалектах и говорах с вариантами: лит. *jaḫšigina* 'хорошенький', *jumša'qqina,* диал. (анд., ферг.) *jumšäqqъnä* 'мягонький' (Кононов 1960, 145, 160; ЎзХШМорф. 67);

5) В диалектах ослабление цвета передается посредством сочетания соответствующего прилагательного с модификатором *эč* ('голодный'; модификатор *toḫ* 'сытый' употребляется для усиления качества, см. выше): *эč saryq* 'светло-желтый', *эč qъzγl* 'светло-красный' (Шарипов 1962, 14).

Формы усиления качества

Уйгурский язык

1) Изафетная конструкция: объект сравнения в родительном падеже, прилагательное принимает посессивный показатель 3-го лица: *atniŋ jaḫšisi* 'лучший из коней', *atlarniŋ äŋ jaḫšisi* 'самый лучший из коней' (Наджип 1960, 71);

2) объект сравнения (местоимения *hämmä, barčä* 'все') в исходном падеже: *hämmidin joγan* 'больше всех', *barčidin küčlük* 'сильнее всех';

3) повтор прилагательного, причем в начальной позиции стоит прилагательное в форме исходного падежа: *toγridin-toγri* 'прямо-прямо', 'прямой из прямых', 'самый правильный', *očuqtin-očuq* 'без всякого секрета', 'самый открытый' (Наджип 1960, 71); то же в ферганском диалекте: *aqtin-aq* 'белый-пребелый', *jiraqtin-jiraq* 'далеко-далеко', *gözäldin-gözäl* 'очень красивый' (типологически можно сравнить с русск. *полным-полно*);

4) усиление цвета передается сочетанием соответствующего прилагательного с модификатором *toq* 'сытый' (> 'насыщенный [цветом]'): *toq qizil* 'темно-красный, бордовый', *toq kök* 'темно-синий' (Наджип 1968, 626, 652), а также *qara*: *qara qizil* 'темно-бордовый' *qara qoŋγur* 'темно-бурый' (там же 579). В качестве такого же модификатора при других качественных прилагательных может выступать прилагательное *jaman* 'плохой': *jaman jaḫši* 'очень хороший', *jaman joγan* 'очень большой'.

Узбекский язык

1) повтор прилагательного при использовании изафетной конструкции (в карлукских диалектах родительный падеж прилагательного в начальной позиции, т.е. в функции объекта сравнения, имеет усеченный аффикс *-ni*, совпадающий с аффиксом винительного падежа): *märtъ-märtъ (~märdъ)* 'из смелых смелый', 'самый смелый' (ЎзХШМорф. 67);

2) аналогичный повтор прилагательного, причем в начальной позиции стоит прилагательное (объект сравнения) в исходном падеже: карл. *jɔmɔnnän-jɔmɔn* 'плохой из плохих' (ЎзХШМорф. 67);

3) объект сравнения – местоимение *hamma, barča* 'все' – в исходном падеже, см. карл. *bärčäsъdän ozγъr jъgъt* 'из всех самый понятливый молодой человек' (ЎзХШМорф. 67);

4) в карлукских диалектах усиление цвета передается также аналитической моделью – путем сочетания соответствующего прилагательного с модификатором *toq/toh* 'сытый' (> 'насыщенный [цветом]'): *toḫ sarъq* 'темно-желтый', *toḫ koḳ* 'темно-голубой' (Шарипов 1962, 14). Для других качественных прилагательных в качестве модификатора используется качественное прилагательное *ja'ma'n* 'плохой': *jɔmɔn jaḫšъ* 'самый хороший' (Шарипов 1962, 14).

РЕКОНСТРУКЦИЯ АБСТРАКТНЫХ ФОРМ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Формы ослабления качества

1) Прилагательное + афф. ***mtul/***mtul~***mtir*;

2) прилагательное + афф. ***Iš/***Uš*;

3) прилагательное + афф. ***qina/***yina* (с вариантами);

4) модификатор ***ač* + цветообозначающее прилагательное;

Формы усиления качества

1) Конструкция с объектом сравнения в исходном падеже, наличным или подразумевающимся субъектом сравнения в неопределенном падеже;

2) модификатор ***toq* + обозначающее цвет прилагательное;

3) модификатор ***jaman* + качественное прилагательное.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Относительные прилагательные образуются с помощью специальных аффиксов.

У й г у р с к и й я з ы к:

1) афф. *-luγ/-lük, -liq/-lik*: *bala-čaqiliq* 'имеющий детей', 'многодетный', *ösümlük* 'дающий прирост (напр., о капитале)', *oγurluq* 'ворованный, краденый', *qilčilik* 'незначительный' (Наджип 1968, 195, 102, 104, 629). То же в диалектах, см. в ферганском говоре: *tuzluq* 'соленый', *qyšlyk* 'зимний' (предназначенный на зиму), *tätlik* 'вкусный' (Садвакасов 1976, 151);

2) афф. *-qi/-ki, -γi/-gi*: *ički* 'внутренний', 'нижний' (*ički kijim* 'нижнее белье'), *qišqi* 'зимний', *küzgi* 'осенний', *neriki* 'находящийся дальше, по ту сторону' (Наджип 1968, 159, 628, 662, 740). То же в диалектах и говорах, см. в ферганском: *kečki* 'вечерний', *jazγy* 'летний', *bajγqy* 'недавний', *murunqy* 'прежний' (Садвакасов 1976, 152);

3) афф. *-diki*: *joldiki* 'находящийся на дороге', *kočidiki* 'находящийся на улице' (Наджип 1960, 60). То же в диалектах, см. в ферганском говоре: *jəqindiki* 'ближний, находящийся вблизи', *baza:diki* 'находящийся на базаре', *šä:rdiki* 'находящийся в городе' (Садвакасов 1976, 152).

У з б е к с к и й я з ы к:

1) афф. *-li*: *jejišli* 'съедобный', *minišli ot* 'лошадь для верховой езды', *adabli* 'вежливый, учтивый' (Кононов 1960, 147). Этот аффикс активно используется в диалектах и говорах: карл. *soǰъklъ: qyz* 'любимая девушка', *bâläläъ oj* 'семейный дом' (букв. 'дом с детьми'), *mewälъ: däräḫ* 'дерево с плодами', ташк. *orte boj(lъ)* 'среднего роста', ташк. *tuzlъ: ɔwqät* 'посоленная еда' (ЎзХШМорф. 58, 59);

2) афф. *-liq/-lik*, в литературном языке встречается редко: *jaŋi čâčwonparanǯilik ajaˀllar* 'женщины в новых чачванах и паранджах'. Афф. *-lъk/-lъγ/-lъj/-luk/-luγ* обычен в узбекских говорах карлукского типа: *ɔqъllъk* 'умный', анд. *tanъγlъγ kъšъ* 'знакомый человек', ферг. *bɔlälъj oj bɔzɔr* 'дом с детьми – базар', *sutluk sъgъr* 'дойная корова', *qъšlɔ:luγ bɔlä* 'сельский парень' (ЎзХШМорф. 59-60);

3) афф. *-gi, -qi/-ki*: *koklamgi* 'весенний', *bugungi* 'сегодняшний', *taški* 'внешний', *ički* 'внутренний' (Кононов 1960, 149). То же (с рядом вариантов) в узбекских диалектах и говорах: наманг. *Bäḫɔrgъ ḫäräkät – kuzgъ bäräkät* 'Весеннее движение – осенний отдых (покой)'; карл. *täšqъ korъnъš* 'внешний вид' (ЎзХШМорф. 60);

4) афф. *-dagi*: *ojdagi* 'находящийся в доме (дома)', *tâγdagi* 'находящийся на горе', *tundagi* 'имевший место ночью', *odatdagi iš* 'обычное дело' (Кононов 1960, 150-151). Этот аффикс (с вариантами) обычен для диалектов и говоров: ташк. *kuzdъgъ qɔwun* 'осенняя дыня', *däläddъgъ bɔγ* 'сад, находящийся среди поля', Шахр. *ojizdiki* (лит.-орф. *ojiŋizdagi*) 'находящийся в вашем доме' (ЎзХШМорф. 50).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Реконструируются три формы, образующиеся посредством:

1) афф. ***liq/***lik;*

2) афф. ***qi/***ki, ***gi;*

3) афф. ***daki (>***diki).*

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

НАЗВАНИЯ ЕДИНИЦ

У й г у р с к и й я з ы к: *bir* 'один', *ikki* 'два', *üč* 'три', *tört* 'четыре', *bäš* 'пять', *altä* 'шесть', *jätti/jättä* 'семь', *säkkiz* 'восемь', *toqquz* 'девять' (Наджип 1960, 74-75; 1968, 46, 783, 508).

Д и а л е к т н ы й м а т е р и а л. Названия единиц в уйгурских диалектах и говорах имеют фонетические дублеты, в которых отражены звуковые изменения: "1" – *bir* – кашг., ферг. *bi:, bij, biž*, семиреч. *bir, bij*, редко *biž*; "2" – *ike, ikke, ikki* (Малов 1954, 152), ферг., семиреч. *iški, iškki*, ферг. *äki*; "3"– *üč* (только в изолированном положении) – в ферг. и семиреч. перед согласными (кроме *s*) *üš*; перед *s* ассимилируется им: *üssǫm* 'три рубля'; "4" – *tört*; ферг. – *tö:, tör, töt, tür, türt* (последние два варианта имеют ареальный характер), в семиреч. более употребителен вариант *töt*; "5" – *bəš* – в ферг., кашг. еще и *beš*; "6" – ферг. *alty*; "7" – ферг. *jetti~jeti; jeti* диал. Малов 1961, 117 (турф., хот.), *jätä, jätti, jetti* диал. – Малов 1954, 155; "8" – ферг. *säkkis ~ säkis*; "9" – ферг. *toqquz~toquz* (Садвакасов 1976, 158), см. также уйг. диал. *toqoz* (Малов 1961, 160 (кашг.), Jarr. 312), уйг.диал. *jetti* (Малов 1961, 117, Малов 1954, 115, Jarr. 155).

Помимо указанных в тексте источников использованы материалы: ЭСТЯ 1980, 255; ЭСТЯ 1989, 167.

У з б е к с к и й я з ы к: *bir* 'один', *ikki* 'два', *uč* 'три', *tǫrt* 'четыре', *beš* 'пять',

a°lti 'шесть', *jetti* 'семь', *sakkiz* 'восемь', *toqqiz* 'девять' (Кононов 1960, 166).

Диалектный материал: "2" – Шахр. *ekki*, ферг. *ekkъ*, анд. *ъkɔw*; "3" – Шахр. *u:č*,карл. *uš-torttä* 'три-четыре штуки', анд., ташк. *ussom*, наманг. *üč*, карл. *ušta-ušta*; "4" – карл. *tọr*; "9" – анд. *toqqъs*, ташк. *toqqọz* (ЎзХШМорф. 73-74, 76, 79).

НАЗВАНИЯ ДЕСЯТКОВ

Уйгурский язык: *on* 'десять', *žigirmä* 'двадцать', *ottus* 'тридцать', *qyryq* 'сорок', *ällik* 'пятьдесят', *atmiš* 'шестьдесят', *jätmiš* 'семьдесят', *säksän* 'восемьдесят', *toḫsän* 'девяносто'.

Диалектный материал: "20" – ферг. *jigirmä~jigi:rmä*, семиреч. *žigirmä~žigi:rmä*; "30" – ферг. *ottuz~ottus* (последний редко); "40" – ферг. *qyryy* (редко), ферг., кашг. *qyq~qyḫ*; "50" – ферг. *ällik~elig*; "60" – ферг. *atmyš*; 70 – *jätä*.

Узбекский язык: *ọn* 'десять', *jigirma* 'двадцать', *ọttiz* 'тридцать', *qirq* 'сорок', *ellik* 'пятьдесят', *a°ltmiš* 'шестьдесят', *jetmiš* 'семьдесят', *saksa°n* 'восемьдесят', *toqsa°n* 'девяносто' (Кононов 1960, 166).

Диалектный материал: "10" – регрессивная ассимиляция конечного согласного при сочетании с названиями единиц – карл. *ombъr, ombeš*; "20" – наманг. *jъgъmä*; "40" – наманг., джиз. *qъ:q~qъ:ḫ*, карл. *qъ:p (бъr)*; "50" – карл. *ellъj, elluw*; "60" – наманг. *ɔltъmъš~ɔltъmuš*, ташк. *ɔtmuš*; "70" – наманг., коканд., карш. *jetmuš, jetmъš*; "80" – ташк. *säḫsɔn*; "90" – ташк. *toḫsɔn*, джиз., ферг., карш. *toḫsän* (ЎзХШМорф. 74).

НАЗВАНИЯ ВЫСШИХ РАЗРЯДОВ

Уйгурский язык: *jüz* 'сто', *miŋ* 'тысяча', *tümän* 'десять тысяч' (Наджип 1960, 74); то же в ферганском говоре (Садвакасов 1976, 160).

Узбекский язык: *juz* 'сто', *miŋ* 'тысяча' (Кононов 1960, 166); то же в диалектах и говорах карлукского типа (ЎзХШМорф. 74).

СИСТЕМА СЧЕТА

Уйгурский язык: II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *on bir* 'одиннадцать', *on ikki* 'двенадцать', *on üč* 'тринадцать', *on tört* 'четырнадцать', *on bəš* 'пятнадцать',.. *on toqquz* 'девятнадцать'. То же в ферганском говоре: *on üč* 'тринадцать' (Садвакасов 1976, 159).

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *jigirmä bir* 'двадцать один', *jigirmi ikki* 'двадцать два',... *jigirmä toqquz* 'двадцать девять'. Так же в ферганском говоре: *jigi:mi iškki* 'двадцать два' (Садвакасов 1976, 159); последняя форма поддерживается данными чагатайского памятника рубежа XV-XVIII вв. *jigirmi ~ jigirmä* (Благова 1994, 291).

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *ottuz bir* 'тридцать один', *ottuz ikki* 'тридцать два', *ottuz üč* 'тридцать три',... *ottuz toqquz* 'тридцать девять'; так же в ферганском говоре (Садвакасов 1976, 159; Наджип 1960, 75).

Узбекский язык: II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *ọn bir* 'одиннадцать', *ọn ikki* 'двенадцать', *ọn uč* 'тринадцать', *ọn tọrt* 'четырнадцать', *ọn beš* 'пятнадцать', *ọn ålti* 'шестнадцать', *ọn jetti* 'семнадцать', *ọn sakkiz* 'восемнадцать', *ọn toqqiz* 'девятнадцать' (Кононов 1960, 166).

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *jigirma bir* 'двадцать один', *jigirma ikki* 'двадцать два', *jigirma uč* 'двадцать три',... *jigirma toqqiz* 'двадцать девять'.

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *ọttiz bir* 'тридцать один', *ọttiz ikki* 'тридцать два', *ọttiz uč* 'тридцать три',... *ọttiz toqqiz* 'тридцать девять'.

Диалектный материал. Такая же система счета представлена в узбекских диалектах и говорах. Вместе с тем в отдельных говорах карлукского типа сохранились следы некогда существовавшего счисления методом "приближения" к следующему десятку (об этом методе см. СИГТЯ 1988, 180 и сл.), при этом иным является порядок следования числительных: единицы низшего порядка – единицы высшего порядка. Примеры: наманг. *tör jъgъmä* 'четырнадцать', *jettъ ọn* 'семнадцать', *beš jъgъmä* 'пятнадцать', *ъkъ ellъg* 'двадцать два'. Встречаются также случаи счисления по "пятидесяткам", например, в ташк., ферг. группах говоров: *jetъ jigirmägä qъr, beš ọn bersaŋ jetädъ*. В говорах карлукского типа, особенно в речи лиц пожилого возраста, наблюдались случаи "уменьшающего счета" – с использованием слова *käm* 'мало' при названии единиц (*bъr käm qъr/qъḫ/qъrq* 'тридцать девять', *uč käm ellъj/ellъg* 'сорок семь'), а также "увеличивающего счета" с использованием слова *ɔrtъq* 'сверх, больше', *zъjät* 'более' (при счете денег: *toḫsännän/toḫsɔndän ussọm ɔrtъq/ɔttъq* 'девяносто три рубля', *jetmušdän/jetmъštän ɔltъ sọm zъjɔt/zъjät* 'семьдесят шесть рублей' (ЎзХШМорф. 79-80). Об этих способах счисления см. СИГТЯ 1988, 180-193.

В чагатайском памятнике рубежа XV-XVI вв. представлены следы счета по "девяткам": *bir toquz at wä bir toquz parčä* 'одна девятка коней и одна девятка ткани', *üč toquz ton* 'три девятки одежды (халатов)' (Благова 1994, 292-293).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Названия единиц

Ранний период

1) ***bir (<*bi:r)*, 2) ***iki (<*iki)* (реконструируется при опоре на уйг.диал. *ike* (Малов 1954, 152)), 3) ***üč (<üč)*, 4) ***tört (<*dö:rt)*, 5) ***bäš (<*bä:š)*, 6) ***alty (<*alty)*, 7) ***jäti/**jeti (<*jäti)*, 8) ***säkiz/**säkis (<*säkis)*, 9) ***toqoz/**toquz (<*doqoz)*. Форма ***toqoz* реконструируется при учете уйг.кашг. *toqoz* (Малов 1961, 160, Малов 1954, 115, Jarr. 155).

Поздний период

1) ***bir (<**bir)*, 2) ***ikki (<**iki)*, 3) ***üč (<*üč)*, 4) ***tört (<**tört)*, 5) ***bäš/**beš (<*bäš)*, 6) ***alty(<**alty)*, 7) ***jäti/**jetti (<**jäti/**jätti/**jeti)*, 8) ***säkkiz/**

sakkiz (<säkis/**säkiz), 9) **toqus/**toqqoz/**toqquz/**toqqiz (<**toqoz/**toquz). Форма *toqus* для позднего периода реконструируется при опоре на уйг. ферг. *toqus* (Садвакасов 1976, 158); *toqqoz* – узб.ташк. *toqqoz* (ЎзХШМорф. 79).

Для позднего состояния прауйгурско-карлукского языка характерна явно выраженная тенденция к удвоению интервокального согласного *-k-/-q-* в составе числительных **ikki, **jetti, **säkkiz, **toqqiz, **toqquz, **toqqoz.

Названия десятков

Ранний период

1) **on (< *o:n), 2) **jigirmä (<*jegirbe), 3) **otus (<*otuz), 4) **qyryq/ **qyrq (<*qyryq), 5) **älig (<*äliy), 6) **altmyš (<*altmyš - Щербак 1977 139; ЭСТЯ 1974, 141)), 7) **jätmiš (<*jätmiš, см. *jätimis* (СИГТЯ 1988, 176; там же о других реконструкциях этого числительного)), 8) **säksa°n (<*säkiz o:n), 9) **toqsa°n (<*doqoz o:n).

Поздний период

1) **on (<**on), 2) **jigirmä/**jigirmi (<**jigirmä), 3) **ottuz/**ottiz (<**otuz), 4) **qyryq/**qyrq (<**quryq/**qyryq), 5) **ällik/**ellik (<**ällig), 6) **altmiš (<**altmiš), 7) **jätmiš/**jetmiš (<**jätmiš), 8)**saksa°n/**säksän (<**säksa°n), 9) **toqsa°n/ **tohsän (<**toqsa°n).

Проявившаяся в поздний период тенденция к геминации интервокальных согласных в названиях единиц (см. выше) сказалась также на удвоении других интервокальных согласных – *-t* и *-l* – в названиях десятков: *ottuz, ellik*. Здесь видна системность действия названной тенденции в определенных участках зоны числительного.

Названия высших разрядов

Ранний период

**jüz (< *jü:z) 'сто', **miŋ (<*biŋ/*miŋ) 'тысяча', **tümän (<*tümän) 'десять тысяч'.

Поздний период

jüz (< **jüz) 'сто', **miŋ (<miŋ) 'тысяча', **tümän (<**tümän) 'десять тысяч'.

Система счета

Ранний период

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка):

on **bir 'одиннадцать', **on **iki 'двенадцать', **on **üč 'тринадцать', **on **tört 'четырнадцать', **on **bäš 'пятнадцать',... **on **toquz/toqoz 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): **jigirmä **bir 'двадцать один', **jigirmä **iki 'двадцать два', **jigirmä **üč 'двадцать три', **jigirmä **tört 'двадцать четыре', **jigirmä **bäš 'двадцать пять',... **jigirmä **toqoz/**toquz 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): **otuz **bir 'тридцать один', **otuz **iki 'тридцать два', **otuz **üč 'тридцать три', **otuz **tört 'тридцать четыре', **otuz **bäš 'тридцать пять',... **otuz

toqoz/toquz 'тридцать девять'.

Поздний период

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка):

on **bir 'одиннадцать', **on **iki 'двенадцать', **on **üč 'тринадцать', **on **tört 'четырнадцать', **on **bäš/beš 'пятнадцать',... **on **toquz/**toqqoz/ **toqquz 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): **jigirmä/**jigirmi **bir 'двадцать один', **jigirmä/**jigirmi **iki 'двадцать два', **jigirmä/**jigirmi **üč 'двадцать три', **jigirmä/**jigirmi **tört 'двадцать четыре', **jigirmä/**jigirmi **bäš/**beš 'двадцать пять',... **jigirmä/**jigirmi **toquz/**toqqoz/**toqquz 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): **ottuz/**ottiz **bir 'тридцать один', **ottuz/**ottiz **ikki 'тридцать два', **ottuz/**ottiz **üč 'тридцать три', **ottuz/**ottiz **tört 'тридцать четыре', **ottuz/**ottiz **bäš/**beš 'тридцать пять',... **ottuz/**ottiz, **toquz/**toqqoz/ **toqquz 'тридцать девять'.

При реконструкции количественных числительных, как и других их разрядов, в прауйгурско-карлукском языке использовались результаты пратюркской реконструкции, осуществленной Э.Р.Тенишевым (СИГТЯ 1988, 162-201).

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Уйгурский язык

Порядковые числительные образуются посредством присоединения афф. *-nči/-inči* к количественному числительному: *birinči* 'первый', *ikkinči* 'второй', *üčinči* 'третий', *törtinči* 'четвертый', *bäšinči* 'пятый', *altinči* 'шестой',... *säkkizinči* 'восьмой',... *altmišinči* 'шестидесятый' (Наджип 1960, 75; 1968, 46, 56, 174, 508).

В значении 'первый' употребляется также производное (от арабизма *awwal*) *awwalqi*.

Диалектный материал. В ферганском и семиреченском говорах наряду с афф. *-(I)nčI* используется также афф. *-(I)nžI*: *birinči~birinži* 'первый', *iškinči~iškinži* 'второй', *onynži* 'десятый', *miŋinči* 'тысячный' (Садвакасов 1976, 160).

Узбекский язык

Порядковые числительные образуются с помощью афф. *-(i)nči*: *birinči* 'первый', *ikkinči* 'второй', *učinči* 'третий', *tǫrtinči* 'четвертый', *bešinči* 'пятый'... (Кононов 1960, 167-168).

Диалектный материал. В узбекских говорах карлукского типа используются афф. *-(ъ)нчъ, -(i)lämčъ*, в наманганском говоре – еще и афф. *-unčъ* (*učunčъ* 'третий', *tǫtynčь* 'четвертый'), а в андижанском и ошском говорах карлукского типа – афф. *-ьнжъ, -нжъ*: *bьrьnжъ* 'первый', *ьkkьnжъ* 'второй' (ЎзХШМорф. 74). Судя по тому, что в говорах карлукского типа афф. *-(i)lamči* присоединяется чаще всего к числительным "2"—"8", в то время как

в огузских говорах сфера употребления этого аффикса значительно шире, можно считать афф. *-(i)lamčy* в карлукских говорах явлением ареальным; об этом аффиксе см. СИГТЯ 1988, 186.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В прауйгурско-карлукском можно восстановить форму с афф. *-(i)nči*:

ранний период: ***birinči*, ***ikinči*, ***üčinči*, ***törtinči*, ***bäšinči* ...

поздний период: ***birinči*, ***ikkinči*, ***üčinči*, ***törtinči*, ***bäšinči/**bešinči; **birinǯi*, ***iškinǯi*, ***onynǯi*.

Судя по тому, что афф. *-(i)nǯi* присоединяется не к любому числительному, но строго выборочно, этот аффикс, как и афф. *-(i)lamčъ*, можно относить к явлениям ареального характера.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Уйгурский язык

Собирательные числительные образуются при помощи афф. *-ülän, -jlän* (с переходом узкого негубного *i* в исходе основы числительного в узкий губной *ü*) и отвечают на вопросы *näččilän?* и *qančilän?* (эти вопросительные местоимения отсутствуют в других тюркских языках): *ikkilän/ikkäjlän* 'двое, вдвоем', *bäšülän* 'пятеро, впятером', *altülän/altäjlän* 'шестеро, вшестером', *jattäjlän* 'семеро, всемером' (Наджип 1960, 75; 1968, 46, 174, 783).

Диалектный материал. Так же в семиреченском говоре: *ikkilän* 'вдвоем', *üčilän* 'втроем'. В ферганском и других уйгурских говорах афф. *-ülä(n), -ölä(n)* присоединяются к количественным числительным от "2" до "7" включительно: ферг. *ikö:län,* хамийск. *ikööläп, ikö:lä, ikö:läп, ikkö:läп* 'двое, вдвоем', *üčölä, üčölän* 'трое, втроем', *törtölä, törtölän* 'четверо, вчетвером', *bäšö:läп* 'пятеро, впятером', *altö:läп* 'шестеро', *jättö:läп* 'семеро, всемером' (Малов 1954, 137, 142, 152, 155, 186, 190; Садвакасов 1976, 161). Кроме того, в ферганском говоре представлены собирательные числительные, образованные с помощью афф. *-ow, -äw, -a˚w*, которые не зафиксированы в литературном языке и семиреченском говоре: *ikkow* 'двое', *üčow* 'трое', *bešow* 'пятеро' (Садвакасов 1976, 161). Сохранение собирательных числительных на *-ow* в ферганском говоре стимулировано, возможно, причинами ареального характера.

Словоформа *biräw~bira˚w* в уйгурском употребляется в основном в функции неопределенного местоимения 'кто-то', 'некто' и в значении 'чужой, посторонний' (Садвакасов 1976, 161), как и в узбекском (Кононов 1960, 169).

Узбекский язык

Собирательные числительные производятся с помощью 1) афф. *-ala* (основы на узкий гласный *-i* в сочетании с афф. *-ala* утрачивают узкий гласный); этим способом образуются числительные от количественных "2"–"7": *ikkala* 'вдвоем', *učala* 'втроем', *tǫrtala* 'вчетвером', *bešala* 'впятером', *altala* 'вшестером', *jettala* 'всемером' (Кононов 1960, 169); 2) афф. *-ow* (с подобным же ограничением его присоединяемости к группе числительных "2"–"7" и утратой при этом узкого гласного *-i* в основе числительного): *ikkow* 'двое', *učow* 'трое', *tǫrtow* 'четверо', *bešow* 'пятеро', *åltow* 'шестеро', *jettow* 'семеро'; собирательные числительные, образованные этим способом, заметно употребительнее тех, которые произведены с помощью афф. *-ala* (Кононов 1960, 169).

Диалектный материал. В говорах карлукского типа представлены различные соотношения в использовании этих двух аффиксов. Так, в кокандском и наманганском вместо афф. *-ow* употребляется афф. *-älä*: *bešälä* 'пятеро', *jetälä* 'семеро'; в других карлукских говорах обе формы могут употребляться параллельно: *učɔw~učälä*, в каршинском афф. *-ow, -älä* могут присоединяться к числительному до "10" включительно, а не до "7", как обычно в литературном языке и в других говорах (ЎзХШМорф. 76).

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Для прауйгурско-карлукского возможны следующие формы:

1) ***öläп/**üläп (<*-ayulan/*-äy'üläп): **ikö:läп/**ikiläп* 'вдвоем', ***üčöläп* 'втроем', ***jättö:läп* 'всемером';

2) ***-ölä, **-älä, **-ala (<*-ayula/*-äy'ülä): **ikö:lä/**ikala* 'вдвоем', ***üčälä* 'втроем', ***jetälä* 'всемером';

3) ***-ow, **-äw, **-a˚w (<*-ayu/*-äy'ü): **ikow* 'двое', ***učow* 'трое', ***jetow* 'семеро'.

Последняя форма относится к раннему периоду тюркского языка (СИГТЯ 1988, 188–190), первые две к позднему периоду (СИГТЯ 1988, 190–191). Связь последней формы с более поздней первой формой может быть показана самим фактом существования уйг.диал. *ikööläп* 'вдвоем' (Малов 1954, 152). Полученная реконструкция опирается на диалектные материалы и поддерживается данными чагатайского памятника рубежа XV–XVI вв., где находим собирательные числительные на *-Aw/-Ow* (*ikäw* 'вдвоем'), *-ala, -laj* (*ikala, ikilaj* 'двое, вдвоем', *učala* 'трое, втроем') (Благова 1994, 294).

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Уйгурский язык

Разделительные числительные образуются от количественных числительных посредством форманта *-din* (исходный падеж): *ondin* 'по десять', *jüzdin* 'по сто' (Наджип 1960, 75).

В диалектах разделительные числительные производятся таким же способом, к тому же *-din* может присоединяться не только к количественному числительному, но параллельно также и к штучному числительному на *-ta/-tä*: *bäštidin* 'по пять', *ottustädin* 'по тридцать', *jüztidin* 'по сто'. В ферганском говоре разделительные числительные также образуются присоединением к количественным числительным афф. *-lap, -läp*: *onlap* 'по десять', *jüzläp* 'по сто' (Садвакасов 1976, 162). В тех же целях возможны аналитические модели – повторение аффигированной и неаффигированной формы числительного, а также двух одинаково аффигированных форм. Примеры:

ikki-ikkidin 'по два', *bir-birläp* 'по одному', *töttün-töttün* 'по четыре', *birläp-birläp* 'по одному' (там же).

Узбекский язык

Разделительные числительные образуются присоединением аффикса исходного падежа *-dan* к штучным числительным и – гораздо реже – к неаффигированному количественному числительному. См. примеры: *bittadan* 'по одному', *ikkitadan* 'по два', *učtadan* 'по три', *beštadan* 'по пять' и *on a'ltidan* 'по шестнадцать'. Разделительность может выражаться аналитически – путем повторения количественного числительного: *ikki - ikki* 'по два', *uč uč* 'по три' (Кононов 1960, 168).

РЕКОНСТРУКЦИЯ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

При учете показаний памятника чагатайской литературы рубежа XV-XVI вв. относительно разделительного числительного на *-(r)ar* (БН 299, BN 233a *birar* 'по одному', *učar* 'по три', *jüzar* 'по сто', БН 374, BN 288b *ikirar* 'по два', *törtar* 'по четыре' (см. то же Con.Cl. I 98, 38, 349, 62, 127; Благова 1994, 95)), а также модели эксклюзивной выделительности – сочетания исходного и неопределенного падежей одного и того же собирательного числительного: *ikäwdin ikäw* 'только вдвоем' (Благова 1994, 294) – для прауйгурско-карлукского возможно реконструировать две формы:

1) ***-ar/***-är (<*-ar/*-är)*: ***birär* 'по одному', ***ikirär* 'по два', ***üčär* 'по три', ***törtär* 'по четыре', ***jüzär* 'по сто' (см. также Благова 1994, 295);

2) ***-din, ***-dan (<***-tin/***-din, *-tan/*-dan)* и при контаминации с формами штучного числительного ***-tidin (<***-ta-din), ***-tadan*: ***ondin* 'по десять', ***jüzdin* 'по сто', *on a'ltidan* 'по шестнадцать'; *bäštidin* 'по пять [штук]', *ottustädin* 'по тридцать', *ọtiz toqqiztadan* 'по тридцать девять'.

О разделительных числительных на *-(i)n* (*birin ikin* 'по одному – по два') см. Благова 1994, 295.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Уйгурский язык

Приблизительные числительные образуются посредством афф. *-čä*, в ферганском говоре продуктивность таких образований намного ниже, чем в литературном языке: *beščä* 'около пяти', *ončä* 'около десяти', *jigi:mičä* 'около двадцати' (Садвакасов 1976, 163; Наджип 1960, 75). Приблизительность счета выражается также сочетанием двух количественных числительных, близких по порядку следования, причем наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего (аналитическая модель): *on-on bäš* 'десять-пятнадцать', *ikki-üč* 'два-три'. Значение приблизительности в литературном языке передается путем присоединения *näččä* 'сколько' к количественному числительному: *on näččä* 'больше десяти', *jüz näččä* 'больше ста' (Наджип 1960, 75; Садвакасов 1976, 163). Контаминация формы множественного числа количественного числительного и афф. *-čA* представлена в таком образовании, как *onlarčä* 'десятки', 'десятками' (Наджип 1960, 75). Контаминацию двух средств выражения приблизительности счета – афф. *-čA* и позиционного соположения двух количественных числительных – можно наблюдать в чагатайском *jüz jüz elikčä ajaq* 'около ста – ста пятидесяти пехотинцев' (см. Благова 1994, 296).

Узбекский язык

Аффикс *-ča* представлен в контаминациях, во-первых, с аффиксом штучных числительных *-ta* и, во-вторых, с формой множественного числа количественных числительных: *sakkiztača* 'около восьми', *jigirma beštača* 'около двадцати пяти', *miŋtača* 'около тысячи, примерно с тысячу'; *ọnlarča* 'десятки', *jüzlarča* 'сотни', *miŋlarča* 'тысячи'. Приблизительно-разделительный подсчет выражается с помощью афф. *-lab* в сочетании с количественными числительными: *ọnlab* 'десятки', *jüzlab* 'сотни'. Приблизительность счета передается также аналитически – соположением двух количественных числительных: *ọn-ọn beš* 'десять-пятнадцать', *jüz - jüz ellik* 'сто – сто пятьдесят' (Кононов 1960, 170). В основном почти все описанные способы выражения приблизительности счета представлены в узбекских диалектах и говорах (см. ЎзХШМорф. 76-77).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Ранний период

Можно восстановить следующие способы выражения приблизительности счета:

1) афф. ***-čA* (<*-čA – см. СИГТЯ 1988, 196), присоединяемый непосредственно к количественному числительному: ***bäščä* 'около пяти', ***ončä* 'около десяти', ***jigirmičä* 'около двадцати';

2) аналитическая модель – композиционный способ соположения двух количественных числительных (меньшее число + большее число): ***on-***on ***beš* 'десять-пятнадцать'.

Поздний период

Характеризуется контаминациями различных способов выражения приблизительности:

1) множественное число количественного числительного + афф. ***-čA*: ***onlarča* 'десятки', ***jüzlarča* 'сотни';

2) композиционный способ соположения двух количественных числительных + афф. ***-čA*: ***jüz-***jüz ***ellikčä* 'сто – сто пятьдесят';

3) штучное числительное + афф. ***-čA*: ***sakkiztača* 'около восьми', ***jigirmi ***beštača* 'около двадцати пяти'.

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Уйгурский язык

В литературном языке и диалектах представлены две аналитические модели образования дробных числительных:

1) сочетание двух количественных числительных, в котором на первом месте стоит знаменатель в форме исходного падежа, а на втором – числитель в неопределенном падеже: *bäštin bir* 'одна пятая', *miŋdin bir* 'одна тысячная', *ondän ikki* 'две десятых';

2) изафет III типа (знаменатель в родительном падеже, числитель – с аффиксом принадлежности 3-го лица): *ikkiniŋ biri* 'одна вторая', *tötnüŋ üči* 'три четвертых' (Наджип 1960, 75; Садвакасов 1976, 161-162).

Узбекский язык

В литературном языке и диалектах, говорах представлена одна модель – сочетание двух количественных числительных, из которых знаменатель в исходном падеже стоит на первом месте, а числитель в неопределенном падеже – на втором месте: *ikkidan bir* 'одна вторая', *toŗtdan bir* 'одна четвертая', *üčdan ikki* 'две третьих'.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРОБНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В прауйгурско-карлукском можно восстановить аналитическую модель дробных числительных – сочетание знаменателя в форме исходного падежа (начальная позиция) и числителя в неопределенном падеже (конечная позиция): ***bäštin* ***bir* 'одна пятая', ***miŋdin* ***bir* 'одна тысячная', ***ik(k)idan* ***bir* 'одна вторая', *üčdan ikki* 'две третьих'.

В качестве реликта сохранилась другая модель – конструкция изафета III типа (знаменатель в форме родительного падежа, числитель – в посессивной форме 3-го лица): ***ik(k)iniŋ* ***biri* 'одна вторая', *tö(r)tnüŋ üči* 'три четверти'; модель сохранилась от позднего периода тюркского языка (СИГТЯ 1988, 199).

МЕСТОИМЕНИЕ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Основные формы

Уйгурский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män* 'я'	*biz* 'мы'
2-е л.	*sän* 'ты', *siz* (вежливая форма)	*silä* 'вы'
3-е л.	*u* 'он, она'	*ular* 'они'

Диалектный материал. В ферганском говоре налицо варьирование многих личных местоимений: *män~men* 'я', *sän~sen* 'ты', вежливая форма *siz~sili* 'Вы', *u* 'он'; *biz* 'мы', *silä(r)* 'вы'~*sili* 'вы', *ula(r)* 'они' (Садвакасов 1976, 163); см. также хам.диал. *men, mä* (< *män*) 'я', *män* 'я'; *sän* (но косвенная основа *sen-*) 'ты'; *u, o, ul* 'он'; *biz, bez, bizlär* 'мы'; *silär, slär, sler, slä* 'вы' (Малов 1954, 168-169, 178-179, 188, 171, 142).

Узбекский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men*	*biz*
2-е л.	*sen*	*siz*
3-е л.	*u*	*ular*

Диалектный материал. В говорах карлукского типа представлена следующая картина:

	Ед. число					
	Анд., Ош.	Карн.	Ферг., Марг.	Шахр., Джиз.	Бух.	Сам.,Ургут
1-е л.	*men*	*mɛn*	*män*	*män*	*män*	*man*
2-е л.	*sen*	*sɛn*	*sän*	*sän*	*sän*	*san*
3-е л.	*u*	*u*	*u*	*u*	*u*	*ul*
	Мн. число					
	Анд., Ош.	Карн.	Ферг., Марг.	Шахр., Джиз.	Бух.	Сам.,Ургут
1-е л.	*bъz*	*bъz*	*bъz*	*bɔz*	*biz*	*biz*
2-е л.	*sɔz*	*sъz*	*sɔz/sɔlä*	*sɔz*	*siz*	*siz*
3-е л.	*ulär*	*ulä*	*ulä*	*ulä(r)*	*ulä(r)*	*ulä(r)*

(ЎзХШМорф. 85)

В говорах карлукского типа отмечено также варьирование местоимений 1-го-2-го лица мн.числа *bъzə/bъzər, sɔlä/sɔlä(r)* (ЎзХШМорф. 83).

СКЛОНЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Уйгурский язык

Неопр.п.	*män* 'я'	*sän* 'ты'	*u* 'он'
Род.	*meniŋ*	*seniŋ*	*uniŋ/eniŋ (<aniŋ)*
Дат.	*maŋa*	*saŋa*	*uniŋŋa*
Вин.	*meni*	*seni*	*uni*
Местн.	*mändä, meniŋdä*	*sändä, seniŋdä*	*unda, uniŋda*
Исх.	*mändin, mäniŋdin*	*sändin, seniŋdin*	*undin, uniŋdin*

(Наджип 1960, 77)

Диалектный материал. В ферганском говоре налицо варьирование многих падежных форм, чем они отличаются от соответствующих форм литературного языка:

1-е лицо

Неопр.п.	*män~men* 'я'
Род.	*mäniŋ/mäni~meniŋ/meni*
Дат.	*maŋa/meŋä~mäŋgä/meŋgä*
Вин.	*mäni~meni*
Местн.	*mändä/mäniŋdä~mendä/meniŋdä*
Исх.	*mändän/mäniŋdin~männän~mändin~mendän/meniŋdän~mendin/meniŋdin*

2-е лицо

Неопр.п.	*sän~sen* 'ты'
Род.	*säniŋ/säni~seniŋ/seni*
Дат.	*saŋa/seŋä~säŋgä/seŋgä*
Вин.	*säni~seni*
Местн.	*sändä/säniŋdä~sendä/seniŋdä*
Исх.	*sändän/säniŋdin~sännän~sändin~sendän/seniŋdän~sendin/seniŋdin*

3-е лицо

Неопр.п.	*u* 'он'
Род.	*uniŋ/uny~anyŋ*
Дат.	*unuŋya~unuŋgä/uŋgä/aŋa*
Вин.	*yny/any*
Местн.	*unyŋda/unda/anda*
Исх.	*uniŋdun~unuŋdän/undän~undin~unnän/annän*

(Садвакасов 1976, 165)

Склонение личных местоимений в ферганском говоре характеризуется как смешанное: в нем отразились черты как собственно уйгурские, так и узбекские (Садвакасов 1976, 166 и сл.).

В хамийском наречии многие падежные формы личных местоимений также варьируются, обнаруживая отличия от норм литературного языка, например:

1-е л. *men, mä (< män)* 'я' – *meniŋ, meneŋ, mineŋ, miniŋ* – дат. *maŋa, manya, maŋya, manyo, mayan,maya, meniŋya* – исх. *meniŋdin*;

2-е л. *sän* 'ты' – дат. *sanya, saŋya, saŋa, seniŋya* – исх. *sändin, seniŋdin*;

3-е л. *u, ul, o* 'он' – вин. *uny* – дат. – *anya, aŋya, aŋa, eniŋya* – местн. *anda* (Малов 1954, 167, 168, 169, 177, 178, 188, 189, 171, 137).

Узбекский язык

Неопр.п.	*men* 'я'	*sen* 'ты'	*y (ул)* 'он'
Род.	*meniŋ*	*seniŋ*	*uniŋ*
Дат.	*menga*	*senga*	*unga*
Вин.	*meni*	*seni*	*uni*
Местн.	*menda*	*senda*	*unda*
Исх.	*mendan*	*sendan*	*undan*

(Кононов 1960, 174)

Диалектный материал. В говорах карлукского типа родительный и винительный падежи имеют показатель *-(n)ъ*. Склоняемая основа характеризуется широкой гласной *ä* (а не узкой *e*, как в литературной норме); в дательном падеже местоимения 1-2-го л. ед.ч. имеют форму *mäŋ-gä (< män-gä ?)* 'мне', *säŋ-gä (< sän-gä ?)* 'тебе'. См.:

Неопр.п.	*män* 'я'	*sän* 'ты'	*u* 'он'
Род.-вин.	*mänъ*	*sänъ*	*unъ*
Дат.	*mäŋgä*	*säŋgä*	*uŋgä*
Местн.	*mändä*	*sändä*	*undä*
Исх.	*mändän/männän*	*sändä/sännän*	*undän/unnän*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Раздельная реконструкция прямых и косвенных основ местоимений 1-2-го лица в ранний период пратюркского языка позволила восстановить в поздний период пути, которыми варианты бывшей косвенной основы, к примеру местоимения 1-го лица, *min (>men)~män~man* наряду с **pin~*bin (>ben)~pän~bän* приобрели статус прямой основы местоимения 1-го лица ед. числа; схожий путь развития прослеживается для местоимений 2-го лица (см. Благова 1988, 69-79; СИГТЯ 1988, 230-246). С учетом вышесказанного в прауйгурско-карлукском реконструируются следующие основные формы:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***men~**män*	***biz~**bez~**bъz*
2-е л.	***sen~**sän*	***siz~**silä(r)*
3-е л.	***u~**ul*	***ular~**ula(r)*

Косвенные основы восстанавливаются при этом в соответствии с позднепратюркским состоянием в виде ***män-~**men-*, ***sän-~**sen-* (см. СИГТЯ 1988, 227-246; ср. Благова 1988, 74); к ним добавляется ***man*, также присущая прауйгурско-карлукскому местоименному склонению.

Реконструкция склонения личных местоимений

Более позднее образование местоимений 1-2-го лица мн. числа **piz>*biz* 'мы', **siz* 'вы' нашло свое отражение в том, что при их склонении изменений в основах не происходит и склонение осуществляется присоединением падежных формантов, которые характерны для именной парадигмы (СИГТЯ 1988, 235). Ниже приводится реконструкция местоименной парадигмы склонения 1-3-го лица ед. числа как сохраняющей свою специфичность благодаря известным преемственным связям с позднепратюркским языковым состоянием (см. СИГТЯ 1988, 113-117, 127-129 и особенно табл. 12 "Соотношение местоименного *-n-* и именного *-n-* в раннепратюркском и позднепратюркском языковых состояниях, языке древнерунических и средневековых памятников, современных тюркских языках с учетом их типа (разновидности типа) склонения", помещенную на вкладыше).

	***men* ~	***män* 'я'
Неопр.п.	***men*	***män*
Род.	***meniŋ~**meniŋ/**meni*	***mäniŋ~**meniŋ/**mäni*
Дат.	***menga~**meŋgä~**meŋä*	***mäŋgä~**maŋa*
Вин.	***meni*	***mäni*
Местн.	***menda*	***mändä*
Исх.	***mendan*	***mändän~**mändin*

	**sen ~	**sän 'ты
Неопр.п.	**sen	**sän
Род.	**seniŋ~**seniŋ/**seni	**säniŋ/**säni~**säni
Дат.	**senga/**seŋgä ~**seŋa	**säŋgä~**saŋa
Вин.	**seni	**säni
Местн.	**senda/**sendä	**sändä
Исх.	**sendan/**sendän~**sendin	**sändän~**sändin

u~ul 'он'

Неопр.п.	**u~**ul
Род.	**uniŋ~**unuŋ/**uny
Дат.	**unga~**uŋgä
Вин.	**uni/**uny
Местн.	**unda
Исх.	**undan~**undin

При реконструкции личных местоимений и их склонения в прауйгурско-карлукском языке использованы результаты исследований Ф.Д.Ашнина (СИГТЯ 1988, 202-209) и Г.Ф.Благовой (СИГТЯ 1988, 210-255; Благова 1988).

С позиций восстановленных прауйгурско-карлукских косвенных основ местоимений 1-2-го лица ед. числа можно заметить, что в уйгурской местоименной парадигме склонения произошло перекрещивание трех вариантов этих косвенных основ: *men-* (род., вин. падеж, а также усложненные формы местн. и исх. падежей), *män-* (неопр., местн., исх. падежи), *man-* (дат. падеж). Реконструкция склонения личных местоимений 1-2-го лица ед. числа показывает более строгое распределение косвенных основ на две части парадигмы в соответствии с восстановленными парами основных форм *men-* и *män-, sen-* и *sän-*. Более сложную картину представляет только дательный падеж при обилии *men-, sen*-вариантов и проникновении форм с косвенными основами *man-, san-* в его зону, независимо от членения парадигмы на указанные части.

Усложненные формы локальных падежей личных местоимений по разному характеру варьирования их соответствующими простыми формами разных падежей, по неодинаковому охвату местоимений 1-3-го лица этими усложненными формами в современном уйгурском литературном языке и его говорах представляются явлением, еще не окончательно отстоявшимся, и, скорее всего, относятся к периоду после распада прауйгурско-карлукского языка (см. СИГТЯ 1988, 132-135).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Основные формы

Уйгурский язык

Три степени удаленности:

bu 'этот' (указание на видимый близкий предмет);

u 'тот' (указание на более отдаленный предмет);

šu 'вон тот' (указание на невидимый, но мысленно представляемый дальний предмет) (Наджип 1960, 78).

Диалектный материал. В ферганском говоре соответствующие степени удаленности передаются теми же указательными местоимениями, каждое из которых к тому же имеет по менее употребительному варианту, см. *bu~bul; u~ul; šu~šul* (Садвакасов 1976, 168-169). В хамийском наречии некоторые из названных вариантов различаются и по своему значению: *u* 'он', 'тот' – *ul* 'он' – *o* 'этот' (Малов 1954, 188, 171); *šu* 'этот', 'тот' – *šul* 'тот' (Малов 1954, 197), но *bo* 'этот' – *bu* 'этот' (Малов 1954, 142, 144).

Узбекский язык

bu 'этот' обозначает 1) наличный предмет; 2) известный предмет, о котором только что была речь; 3) наличный предмет, о котором речь уже была;

u 'тот' обозначает 1) предмет неопределенный или отстоящий от говорящего на большем расстоянии, чем предмет, определяемый местоимением *bu*; 2) предмет, о котором речь была раньше; в этом значении используется чаще в противопоставлении с *bu*;

šu 'вот тот' обозначает 1) наличный предмет, на который обращается особое внимание, используется преимущественно в эмоционально насыщенной речи; 2) известный предмет, о котором только что шла речь; 3) предмет, о котором речь пойдет ниже (Кононов 1960, 174-176).

Диалектный материал. В говорах карлукского типа используются те же самые указательные местоимения – *bu (~ bъ ~ bъl), u (~ul), šu (~šul),* обозначающие примерно те же степени удаленности (*u* указывает также на событие, которое говорящему было известно прежде) (ЎзХШМорф. 90-91).

СКЛОНЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Уйгурский язык

Неопр.п.	*bu* 'этот'	*u* 'тот'	*šu* 'вон тот'
Род.	*buniŋ*	*uniŋ/eniŋ*	*šuniŋ*
Дат.	*buŋa~buniŋya*	*uniŋya/eniŋya*	*šuŋa/šuniŋya*
Вин.	*buni/muni*	*uni*	*šuni*
Местн.	*bunda/munda~bununda*	*uniŋda/eniŋda*	*šuniŋda*
Исх.	*buniŋdin*	*uniŋdin/eniŋdin*	*šuniŋdin*

(Наджип 1960, 80; 1968, 217)

Диалектный материал

Ферганский говор

Неопр.п.	*bu* 'этот'	*šu* 'вон тот'	*u* 'тот'
Род.	*munuŋ*	*šunuŋ*	см. "Личные
Дат.	*muŋgä~munuŋgä*	*šunuŋgä*	местоимения.
Вин.	*muni*	*šuni*	Склонение".
Местн.	*munda~munuŋda*	*šunda~šunuŋda*	

Исх.	*mundin~munuŋdin,*	*šundin~šunuŋdin,*
	mundän~munuŋdän	*šundän~šunuŋdän*

В хамийском наречии: *bu~bo* 'этот' – род. *bunuŋ~munuŋ;* дат. *munуa/ muŋуa~bunuŋуa;* местн. *munda~bunuŋda;* исх. *munuŋdun* (Малов 1954, 144, 170); *šu~šul* 'тот' – местн. *šüttä* 'там, в том месте' (Малов 1954, 197, 198): под действием регрессивной ассимиляции *šundä* > *šüttä.*

Узбекский язык

Неопр.п.	*bu* 'этот'	*u* 'тот'	*šu* 'этот'
Род.	*buniŋ*	*uniŋ*	*šuniŋ*
Дат.	*bunga*	*unga*	*šunga*
Вин.	*buni*	*uni*	*šuni*
Местн.	*bunda*	*unda*	*šunda*
Исх.	*bundan*	*undan*	*šundan*

Диалектный материал. В говорах карлукского типа при склонении указательного местоимения *bu* наблюдается варьирование: род.-вин. *munъ~bunъ;* дат. *muŋga~bungä;* местн. *mundä~bundä;* исх. *munnän~ bunnan/bundän*; см. также *undyn/unny kejъn, šundyn/šunny kejin.*

РЕКОНСТРУКЦИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
(основные формы)

Ранний период: ***bu~****bul* (< **bu*) 'этот', ***u~****ul* (< **u~***o*) 'тот'.

Поздний период: ***bu~****bul* (< ***bu~****bul*) 'этот', ***u~****ul* (< ***u~****ul*) 'тот', ***šu~****šul* 'вон тот'.

Как видим, в поздний период развития прауйгурско-карлукского языка ранняя двучленная система указательных местоимений пополняется третьим членом – *šu~šul* 'вон тот', который как в отношении вариантности своей основной формы, так и в отношении форм склонения (см. ниже) подравнивается под правила ранней двучленной системы.

Реконструкция косвенных основ указательных местоимений в прауйгурско-карлукском связана либо непосредственно с пратюркским языковым состоянием раннего периода (**bun-*) и позднего периода (***bun-/****mun-*), либо опосредованно (***un-* < ***on-*) (см. СИГТЯ 1988, 227-246; Благова 1988, 73 и сл.); в соответствии с общим образцом появилась косвенная основа *šun-*.

Реконструкция склонения указательных местоимений

Ранний период

Неопр.п.	***bu~****bul* 'этот'	***u~****ul* 'тот'
Род.	***buniŋ~****muniŋ*	***uniŋ~****unuŋ*
Дат.	***bunga/****buŋa*	***unga~****uŋgä*
Вин.	***buni~****muni*	***uni/****uny*
Местн.	***bunda~****munda*	***unda*
Исх.	***bundan~****mundan,* ***bundin~****mundin*	***undan~****undin*

Поздний период

Сложившаяся в ранний период двучленная система указательных местоимений (см. выше) пополнилась третьим своим членом:

Неопр.п.	***šu~****šul*
Род.	***šuniŋ*
Дат.	***šunga/****šuŋa*
Вин.	***šuni*
Местн.	***šunda*
Исх.	***šundan*

В отношении форм склонения местоимение *šu~šul* подравнялось под падежные формы *bu~bul* и *u~ul.* В дальнейшем все три члена системы указательных местоимений в уйгурском склонении получают усложненные формы локальных падежей, при том что простые формы дательного и местного падежей сохраняются как варианты неравномерно – во-первых, не для всех указательных местоимений; во-вторых, шире в говорах, чем в литературном языке. В этой новации проявилось взаимодействие парадигм склонения личных и указательных местоимений после распада прауйгурско-карлукского.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В функции притяжательных местоимений могут использоваться формы родительного падежа личных местоимений; особенно ясно это видно из тех чагатайских текстов, где родительный падеж личного местоимения выступает в предикативной функции в составе типовой модели именного предложения: *bu ruba'i anyŋ dur* (см. Благова 1994, 299; такое использование подобных словоформ типично для данного памятника; о предикативном употреблении словоформ родительного падежа в некоторых маргинальных татарских говорах см. также Рамазанова 1970, 23-24; Рамазанова 1998, 62; Бурганова 1962, 38).

Притяжательные местоимения на *-niŋki* (уйг. *meniŋki* 'мой'), *-niki* (узб. *meniki* 'мой'), которые, как правило, по своей природе не могут выступать в атрибутивной функции, представляют собой позднее явление; во всяком случае, на протяжении всего наиболее репрезентативного памятника чагатайской литературы рубежа XV-XVI вв. зафиксирован единичный пример – *bizniki* 'принадлежащий нам', 'наш', но и тот приходится только на один из списков памятника (Благова 1994, 301); характерно, что в "Классифицирующем индексе" Эйи Мано (Con.Cl.I. 100) данная словоформа отсутствует.

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ

Уйгурский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*özäm* 'я сам'	*özimiz* 'мы сами'
2-е л.	*özäŋ,* вежливая форма *öziŋiz~özliri*	*özäŋlär*
3-е л.	*özi*	*özliri*

(Наджип 1960, 80-81; 1968, 99)

Диалектный материал. В ферганском говоре налицо узкая губная гласная в возвратных местоимениях 1-го лица мн. числа *özümiz* и вежливой формы 2-го лица ед.числа *özüŋiz* (в отличие от литературной нормы *özimiz* 'мы сами', *öziŋiz* 'Вы сами') (Садвакасов 1976, 175). В хамийском наречии наряду с *öz* 'сам', *öze, özĭ, özü* 'он сам' отмечены словоформы с анлаутной узкой губной гласной – *üze, üzi* 'он сам' (Малов 1954, 173, 189).

Узбекский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*ọzim* 'я сам'	*ọzimiz* 'мы сами'
2-е л.	*ọziŋ*	*ọziŋiz*
3-е л.	*ọzi*	*ọzlari*

В говорах карлукского типа отличия возвратных местоимений имеют чисто фонетический характер.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***özim* 'я сам'	***özimiz* 'мы сами'
2-е л.	***öziŋ*	***öziŋiz*~***öziŋlar*
3-е л.	***özi*	***özlari*

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Уйгурский язык

К косвенным основам указательных местоимений присоединяется афф. *-daq*: *bundaq* 'так', 'такой', *andaq* 'так', 'такой', *šundaq* 'так', 'таким образом' (диал. *šundaγ*) (Наджип 1968, 53, 223, 552).

Диалектный материал. В хамийском наречии названные словоформы образуются от косвенных основ *mun-, an-* (см. *mundaγ* 'так', 'такой, эдакий', *mundaq/munaq* – то же (Малов 1954, 170); *andaγ, andaq* 'такой' – там же 137).

Узбекский язык

К личным местоимениям присоединяются как афф. *-daj*, так и афф. *-dek*: *sizdek~sizdaj* 'подобный вам'. К косвенным основам указательных местоимений (для *bu* используются оба варианта: *bun-/mun-*) прибавляется афф. *-daj*: *bundaj/mundaj* 'этак', 'этакий', *undaj* 'так', 'такой', *šundaj* 'вот так', 'вот такой' (Кононов 1960, 285-286).

Диалектный материал. В народно-разговорной речи употребляется афф. *-dajin* (*šundajin = šundaj*), а также *-daʻq/-daʻγ, -daʻga/-daʻka* (*šundaqa, šundaʻγ*), а также редуцированные варианты: *bunaqa* (< *bundaqa*) 'этот', 'этакий'; *unaqa* (< *undaqa*) 'так', 'такой'; *šunaqa* (< *šundaqa*) 'так', 'такой' (Кононов 1960, 286; ЎзХШМорф. 205). В говорах карлукского типа распространены аффиксы, не имеющие сингармонических дублетов: *-däj, -dek, -doγ* > *-do:* (ЎзХШМорф. 206).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Восстанавливаются формы с афф. ***-daq/****-daγ/****-daj* и афф. ***-dek*: ***bundaq* ~***mundaq* 'так', 'такой'; ***andaq*~***andaγ* 'так', 'такой'; ***mendek* ~ ***mendaj* 'подобный мне'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Уйгурский язык

Вопросительные местоимения – *kim* 'кто?' (о человеке), *nimä* 'что?' (о предмете), *näččä* 'сколько?' (о единичных предметах), *qanča* 'сколько?' (по количеству), *qaj* 'какой?', 'который?', *qajsy* 'который?', 'какой из них?', *qajsyŋda* 'у кого из вас?', *qačan* 'когда?', *qajda~qajärdä~qanda* 'где?', *qajdaq/ qajdaγ~qandaq* 'какой?', 'каков?', 'как?', 'каким образом?' (Наджип 1960, 81; Наджип 1968, 577, 591, 593, 595, 734, 743).

Диалектный материал. В ферганском говоре – то же, но возможны и варианты: *kim ~ čim* 'кто?', *nemä ~ nä* 'что?' (последнее сохранилось в устойчивых сочетаниях); *näččä ~ neči* 'сколько?' (употребляется чаще, чем *qanča*, а в литературном языке и в семиреченском говоре и то и другое употребительно – Садвакасов 1976, 171-172); см. также в ферганском *qajsy* 'который?', 'какой из них?', *qačan* 'когда?', *qajda ~ qany* 'где?'; *qajan* 'куда?' (букв. 'в какую сторону?'), *qajdaq ~ qandaq ~ qandaj* 'какой?', 'каков?', 'как?', 'каким образом?' (там же 171). Схожее варьирование при совпадении и несовпадении ряда словоформ наблюдается в хамийском наречии: *kim ~ kem* 'кто?', *na ~ nä* 'что?', 'что за?', *neme* 'на что же?', 'что такое?' (при *nämä~nemä* 'вещь', 'нечто'); *nečä* 'сколько?', *qanča* 'сколько?', *käninča* 'сколько?'; *qaj* 'который?', *qačan* 'когда?'; *qan (< qane)* 'где?', *käŋ-γo (< qany-γo)* 'где же?', *qajan* 'где?', 'куда?', *qajdin ~ qajattin* 'откуда?'; *qajdaq* 'как?', 'каким образом?', *qandaq/qanaq* 'каким образом?' (Малов 1954, 158, 159, 160, 163, 164, 171).

Узбекский язык

Вопросительные местоимения – *kim* 'кто?', *nima* (в поэзии чаще *na, ne*) 'что?', 'какой?', *neča* (*nečta*) 'сколько (штук)?', *qanča* 'сколько?', *qajsi* 'какой?', 'который?', *qačaʻn* 'когда?', *qani* 'где?', *qandaj, qanaqa* 'какой?', 'каков?' (Кононов 1960, 181-183).

Диалектный материал. В говорах карлукского типа представлены варианты *kim~kъm~kem~kum* 'кто?', *nä~ne ~nъmä* 'что?', *neča~neččъ ~neččъ~коканд. nъččъ, qanča* 'сколько?'; *qäčaʻn/qačan/qäčän* 'когда?', *qani* 'где?', *qajsi* 'который?', 'какой из них?', *qandaj*, ташк. *qändaʻːɣ*, наманг. *qändɔq/qändäqä, qändaʻq/qändaʻγ/qänaʻ* (ЎзХШМорф. 95-99).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Реконструкции на уровне прауйгурско-карлукского языка поддаются вопросительные местоимения: ***kim*~***kem* 'кто?' (о человеке), ***nä*~***ne* ~ ***nimä* 'что?' (о предмете), ***nečä* 'сколько?', ***qaj*~***qajsi* 'который?', 'какой?', ***qajda* ~***qanda* ~***qani* 'где?', ***qačan* 'когда?', ***qajdaq/****qandaq*~ ***qandaj* 'как?', 'каким образом?'. Подобная реконструкция поддерживается также данными чагатайского языка рубежа XV-XVI вв., в памятнике которо-

го наблюдаются вопросительные местоимения *kim* 'кто?', *ne ~nimä* 'что?', *qaj ~qajsi, qajda~qanda* 'где?', *qajdin* 'откуда?' (Благова 1994, 305-306).

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Уйгурский язык

Неопределенные местоимения образуются двумя способами:

1) посредством афф. *-dur/-du,* присоединяемого к ауслауту соответствующей словоформы, в том числе и склоняемой;

2) при помощи афф. *alla-*, который предшествует некоторым вопросительным местоимениям.

Примеры: 1) *kimdur* 'кто-то', *nimidur* 'что-то', *qačandu* 'когда-то', *kimlärdindu* 'от каких-то людей', *nimlärdu* 'что-то' (мн.ч.); 2) *alliqačan* 'с незапамятных времен', 'давным-давно', *alliqanča* 'сколько-то', *alliqandaq* 'какой-то', *alliqajsi* 'какой-то', 'неизвестно какой', *allikim* 'кто-то', *allinimä* 'что-то' (Наджип 1960, 83; 1968, 49).

Диалектный материал. В ферганском говоре представлены оба этих способа производства неопределенных местоимений: *kimdir* 'кто-то', *qändäjdir* 'какой-то', *qačandir* 'когда-то', *qandaqtu* 'какой-то', *qačandu* 'куда-то'; *allyqandaq* 'какой-то', *allyqančä* 'сколько-то' (Садвакасов 1976, 174).

Узбекский язык

1) *kimdir* 'кто-то', *nimadir* 'что-то', *qandajdir* 'какой-то', *nečadir, qančadir* 'сколько-то', *kimdandir* 'от кого-то'; *qajergadir* 'куда-то';

2) *allakim* 'кто-то', *allanima, allanarsa* 'что-то', *allaqajsi, allaqandaj* 'какой-то', *allaqanča, allaneča* 'сколько-то' (Кононов 1960, 184).

Диалектный материал. В говорах карлукского типа представлены фонетические варианты названных местоимений. Примеры: 1) наманг. *kъmdur*, в других говорах *kъmdъ(r), kumdir, nъmädir*; 2) наманг. *äläjnъmä ~älläпъmä, äläqänča,* ташк. *älläjkъm, älläqäjsi, älläqändɔ:ʸ* (ЎзХШМорф. 103-104).

РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Приведенный материал позволяет восстановить на уровне прауйгурско-карлукского языка следующие два способа производства неопределенных местоимений от вопросительных:

1) посредством постпозитивного афф. ***-dur/**-dir/**-du/**-di* : ***kimdur~**kimdir* 'кто-то', ***nimädur~**nimädir* 'что-то', ***qačandu~**qačandi* 'когда-то'; 2) посредством препозитивного афф. ***alla-*: ***allaqanča* 'сколько-то', ***allaqandaq~**allaqandaj* 'какой-то'.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Послелоги и служебные слова, входящие в число служебных частей речи, в силу различия их структурных свойств традиционно (начиная с 1937 г. – Дмитриев 1937 129-145; 1962 114-132) рассматриваются раздельно.

Послелог – это морфологически не изменяемое слово «с его аморфностью, утратой предметной и наличием чисто "грамматической" семантики» (Дмитриев 1962, 119); послелог управляет тем или иным падежом предшествующего ему имени.

Служебные имена – это "имена с ослабленным реальным значением" (там же) при том, что они могут употребляться во фразах и как обычные слова, сохраняя тогда и полновесную семантику, и способность полного морфологического оформления. "Если же они функционируют служебно, в качестве обезличенного семантически элемента, то тогда и их морфологический диапазон значительно сужается: в этом случае они могут стоять только в тех падежах, которые передают пространственные отношения: т.е. в местном (статика), исходном (динамика движения в его начальной стадии: откуда?) и дательном (динамика движения в его завершительной стадии: куда?). Синтаксически служебные имена оформляются по двум путям: 1) изафет,... и 2) форма принадлежности..." (Дмитриев 1962, 120).

Как послелоги, так и служебные имена выражают синтаксические отношения между именем и глаголом, между именем и именем.

ПОСЛЕЛОГИ

Будучи тесно связанными с системой склонения, послелоги уточняют и дополняют значения падежей, а также передают синтаксические отношения, не выражаемые падежами.

Исторически послелоги возводятся к знаменательным словам, в их числе имя, деепричастие, наречие и т.п.; первообразные послелоги сравнительно немногочисленны.

Послелоги в зависимости от падежной формы управляемого имени делятся на три группы: 1) послелоги, управляющие неопределенным падежом (родительным падежом местоимений); 2) послелоги, управляющие дательным падежом; 3) послелоги, управляющие исходным падежом. Неопределенным падежом управляют послелоги, при помощи которых передаются главным образом инструментальное и комитативное, целевые, причинные, уподобительные отношения. Дательным падежом управляют послелоги, которые по своему исходному лексическому значению связаны с пространственно-направительными отношениями. Исходным падежом управляют послелоги, лексическое значение которых определено идеями удаления, отделения или сравнения, сопоставления, благодаря чему выражаются пространственные, временны́е, причинные или компаративные отношения (Кононов 1960, 296; СИГТЯ 1988, 491-492).

Уйгурский язык

1) Послелоги, управляющие неопределенным падежом:

а) *biläп* 'с', 'вместе с': *ata biläп ana* 'отец с матерью', *qärindaš biläп jazdim* 'Я писал карандашом';

б) *üčün* 'для', 'ради', 'за', 'из-за': *sän (seniŋ) üčün* 'ради тебя', *šuniŋ üčün*

'поэтому', 'ради этого', *polat üčün küräš* 'борьба за сталь';
в) *arqiliq* 'посредством', 'через', 'сквозь': *radio arqiliq* 'по радио', *Beǰingä Urumči arqiliq barimän* 'Я в Пекин поеду через Урумчи';
г) *ara* 'между' передает пространственно-временные и связанные с ними отношения: *öz ara* 'между собой', *biz öz ara bolγan gäp* 'разговор, происшедший между нами', *bulutar ara* 'среди облаков', *kün ara* 'в течение дня', 'за день';
д) *käbi* 'как', 'подобно' – передает качественное сравнение: *tömür käbi* 'как железо';
е) *qädär* – выражает количественное сравнение: *bu qädär* 'в такой степени', *bir ǰil qädär* 'приблизительно один год';
ж) *toγruluq/toγriliq* 'о', 'об', 'про': *paraŋ qiz toγriliq wä biz toγriliq ketip beriptu* 'Разговор зашел о девушке и о нас', *bu toγruluq* 'об этом';
toγrida 'о(б)', 'обо', 'про', 'относительно': *šu toγrida* 'об этом' (Наджип 1968, 317);
з) *sajin* – при именах темпорального значения выражает регулярно повторяющиеся промежутки времени: *minut sajin* 'ежеминутно';
и) *boji* 'по' (< *boj* 'стан', 'рост') – передает временны́е отношения (протяжение во времени): *ǰillar boji* 'годами', 'в течение многих лет', *pütün kün boji* 'по целым дням';
к) более поздние по своему происхождению послелоги, которые восходят к деепричастиям: *arilap* (от *arila-* 'ходить между чем-л.') – периодичность во времени и пространстве: *kün arilap* 'через день'; *atlap* (от *atla-* 'шагать') – чередование: *qur atlap* 'через строчку'; *tašlap* (от *tašla-* 'бросать') – *bät tašlap oqudum* 'Я читал, пропуская страницы'; *sanap* (от *sana-* 'считать'): *kün sanap öskän güllärniŋ biri* 'один из цветков рос по дням' (Наджип 1960, 62-64; Турдиева 1965, 170-174).

Диалектный материал. В уйгурских диалектах многие из названных послелогов часто варьируются. См. (ниже обозначения диалектных послелогов соответствуют обозначениям вышеназванных послелогов): а) ферг. *bilän~minän~mänän, birlä*; хам. *bilän~minän~minaŋ, minä*; в некоторых говорах также *wilän, län*; в) ферг. *arqylyq*; д) ферг. *käbi, siŋgäri~siŋgiri* (<тадж.) передают качественное сравнение; ж) вместо послелога *toγruluq/ toγriliq* в ферганском используется служебное имя *toγrustin* (см. ниже, "Служебное имя").

В ферганском говоре наряду с послелогом *taman* 'к', 'в сторону' (по сведениям Э.Н.Наджипа и Г.С.Садвакасова, этот послелог не употребляется в современном литературном языке; по сведениям К.Турдиевой – используется редко: *gospital taman* 'к госпиталю') широко используются послелоги *jäq* и *täräp* (< ар. *taraf*), как и в литературном языке и в семиреченском говоре. Архаичный послелог *özrä* 'на', 'над', 'сверху' отмечен в языке отдельных классических поэтических произведений (Садвакасов 1976, 232-234; Малов 1954, 142, 169; Турдиева 1965, 171, 174); в хамийском имеется послелог *ara* 'между' (Малов 1954, 138).

2) Послелоги, управляющие дательным падежом.
а) *qädär* 'до', 'вплоть до' – передает, в зависимости от лексического значения управляемой словоформы, предел во времени или пространстве: *Dondin tartip Финляндия qädär* 'от Дона до Финляндии', *saät bäškä qadar* 'до пяти часов';
б) *qarši* 'против' – выражает противопоставление: *öz aditimgä qarši* 'против моего обыкновения', *šamalγa qarši* 'против ветра';
в) *körä* (< деепричастие от *kör-* 'видеть') передает отношения соответствия: *šuŋä körä* 'в соответствии с этим';
г) *qarap* 'по', 'к', 'по направлению к' (< деепричастие от *qara-* 'смотреть') выражает пространственные отношения: *širγa qarap umtuldi* '[дракон] кинулся на льва';
д) *qariγanda* 'в сравнении с' (< причастие на *-γan* в местн. падеже от *qara-* 'смотреть') – выражает отношения сравнения, соответствия: *adättikigä qariγanda bügün köpräk išliduq* 'Сегодня мы работаем больше, чем обычно', *ḫäwärlärgä qariγanda* 'согласно сообщениям'; ср. также относительный синоним *oḫšaš* (Турдиева 1965, 175);
е) *qarimaj, qarimastin* 'несмотря на', 'вопреки' (< отрицательное деепричастие от *qara-* 'смотреть'): *kesäl bolušiγa qarimaj* 'несмотря на свою болезнь', *waqitniŋ käčligigä qarimastin* 'несмотря на позднее время';
ж) *jariša* (< деепричастие от *jaraš-* 'подходить, соответствовать') – выражает отношения соответствия: *zamaniγa jariša* 'в духе времени';
з) *oḫšaš* – передает отношения подобия: *qyzlarγa oḫšaš* 'похоже на девушек', *saŋa oḫšaš* 'вроде тебя';
и) *taman* 'к', 'по направлению к' – означает направление действия; синонимичен послелогу *qarap*;
к) *seri* 'к', 'по направлению к' – синонимичен *taman* и *qarap*; может употребляться и с неопределенным падежом: *Sekuntlar seri güllinär bu jeŋi zaman* 'Секундами расцветают эти новые времена'. В сочетании с причастием на *-γan* передает нарастание действия: *barγan seri öziniŋ parlaq nurini čačidu* 'Все больше и больше разбрасывает свои сверкающие лучи'; ср. *-siri* (Турдиева 1965, 175);
л) *jeqin* 'при', 'к', 'приблизительно' выражает отношения приближения в пространстве или же идею приблизительности: *küzgä jeqin* 'к осени', *ješi qirqqa jeqin* 'Ему почти сорок лет' (Наджип 1960, 63-65; Турдиева 1965, 175-176);

Диалектный материал. В ферганском говоре отмечены послелоги *qarap, qaryγanda, jäqin~jeqin, qarymaj* (Садвакасов 1976, 235).

3) Послелоги, управляющие исходным падежом.
а) *ilgiri* 'раньше', *burun* 'прежде', *äwwäl* (< ар.) 'раньше' – передает временные отношения: *u bizdin ilgiri käldi* 'Он пришел раньше нас', *kirištin burun, čiqišiŋi ojla* (пословица) 'Прежде чем войти, подумай, как тебе выходить';

б) *kejin* 'за', 'вслед', 'после' 'позже' – выражает временны́е и пространственные отношения: *mana šu waqiädin kejin* 'после вот этого события', *tamaqtin kejin* 'после обеда'; синоним *soŋra* 'за', 'вслед за' малоупотребителен и встречается изредка в языке поэзии;

в) *beri* 'начиная с [определенного времени]', 'от' – передает временны́е и пространственные отношения; ему синонимичен послелог *neri*: *üč kündin beri jamγur jaγmaqta* 'Вот уже три дня, как идет дождь';

г) *bujan* – синонимичен *beri*: *šundin bujan* 'с тех пор';

д) синонимичные послелоги деепричастного происхождения *bašlap* 'начиная с' (от *bašla-* 'начинать') и *tartip* 'с', 'с тех пор' (от *tart-* 'тянуть') передают временны́е и пространственные отношения: *10-mart-tin bašlap hawalar buzulup kätti* 'Начиная с 10 марта погода испортилась', *kičigimdin tartipla ämgäk qilin pišqanmän* 'Я сызмальства закален в труде';

е) синонимичные послелоги *bašqa* 'кроме', *böläk* то же (синоним *özgä* встречается в фольклорной поэзии) – выражают отношения исключения, лишения: *sendin bašqa turalmajman* 'Без тебя я не могу жить', *M. uniŋγa külkidin böläk ǯawap bärmidi* 'Кроме смеха М. не дал ему [другого] ответа';

ж) *tašqiri* 'вне', 'кроме', 'сверх' – передает отношения изоляции, исключения: *qanundin tašqiri* 'вне закона';

з) *artuq* 'больше', 'лучше' (< 'излишний', 'превышающий'): *jüzdin artuq* 'больше ста', *uniŋdin artuq* 'лучше того/его' (Наджип 1960, 65-66; 1968; Турдиева 1965, 177-179).

Диалектный материал. В ферганском говоре из послелогов, управляющих исходным падежом отмечаются: а) *ilgiri (~ilgäri), burun (~murun), awal (~äwäl~äwwäl~awyla)* 'раньше, прежде'; б) *kejin (~kijin~kegin~kigin~kein~ke:n~ki:n~kin~ -ki)*; в) *beri*; д) *ta(r)tip*; е) *bašqa* и его синоним *özgä*; з) *ujšuk* 'свыше, больше, с лишним': *ottuzdin ujšik* 'свыше тридцати' (Садвакасов 1976, 235-236).

В хамийском наречии отмечены послелоги:

а) *ilgäri~ilgeri*; послелог *burun* управляет здесь неопределенным падежом (Малов 1954, 144: *ike kün burun* 'двумя днями раньше'); б) *kejin~kein~kiin~ki:n~ki* (*andin ki* 'после того') (Малов 1954, 144, 152, 164); в) *özgä* 'другой', 'иной' – в стихах (Малов 1954, 173).

Наблюдения над функционированием послелогов в современном уйгурском литературном языке, его диалектах и говорах позволяют восстановить динамическую картину их становления в языке, представляющую интерес по крайней мере в следующих отношениях.

Для некоторых послелогов существует вариантность в характере их управления именем. Так, *seri* 'к', 'по направлению к' может управлять как дательным, так и неопределенным падежом (Наджип 1960, 65); аналогичная вариативность управления отмечена и для послелога *taman* 'к', 'по направлению к', который, кроме того, "может употребляться как в самостоятельном, именном значении, так и в функции служебного имени" (Наджип 1960, 65; ср. Садвакасов 1976, 234). Добавим, что *sari*, рассматриваемый в качестве послелога отыменного происхождения (СИГТЯ 1988, 494), составителями ДТС (488) квалифицируется как имя со значением 'направление, сторона', при этом иллюстративные примеры показывают способность этого имени к изменению по падежам, а также способность выступать определяемым в определительном словосочетании. В "Бабур-наме" *sari* сохранило все эти именные способности, вместе с тем выступая и в функции послелога (Благова 1960); характерно, что в хакасском *seri* оказалось включенным в падежную парадигму. О послелоге *tag* 'как, словно, будто, подобно', управляющем как именем, так и глагольными формами, читаем в: ДТС 546; таковым он является и в "Бабур-наме". В современном узбекском языке и его диалектах *-dek, -daj* служит аффиксом, образующим наречия (ЎзХШМорф. 240-241). В тувинском же фольклорном языен *deg*, выступая послелогом, может склоняться в составе единого сочетания с управляемым словом: *Далай дегни ижип алган бис / Танды дегни чип алганбис* 'С море мы выпили / С гору поели' (Орус-оол 2001, 190).

Способностью выступать в качестве послелога и служебного имени в уйгурских говорах обладают не только *taman*, но и *kejin* 'за', 'вслед за', 'после' 'позже', см. хамийск. *kejnizdin (< keiniŋizdin) qarap* 'смотря вслед вам' (Малов 1954, 164), а также архаичный послелог *ara* 'между' (Наджип 1960, 63). Об исконности такой способности может свидетельствовать тот факт, что одни и те же лексические основы в разном их морфологическом оформлении могут использоваться в функции послелога или служебного имени в различных уйгурских говорах. См., например, послелог *toγruluq/ toγriliq* 'о', 'об', 'про' в литературном языке и служебное имя *toγrustin (< toγra-si-din)~toγrydin (< toγra-din)* 'по поводу', 'с целью', 'за то, что' в ферганском говоре (Садвакасов 1976, 234); послелог *bašlap* 'начиная с' (< *baš-la-p*) и служебное имя *baš* в хамийском (Малов 1954, 141: *išik bešida* 'на двери', *talaniŋ bešida* 'в степи', *γuduq weširγa* 'к колодцу'); послелог *tašqiri* 'вне', 'кроме' и служебное имя *taš* (*tešida* 'снаружи, вне [чего]') в хамийском наречии (Малов 1954, 183).

Описанные случаи в совокупности составляют промежуточную зону между послелогами и служебными именами, показывая историческую проницаемость каждой из этих частей речи в отношении другой.

Узбекский язык

1) Послелоги, управляющие неопределенным падежом:

а) *bilän* 'с', 'вместе': *ọqituwčimiz bilän* 'с нашим учителем', *a'jni etak bilän jopib bọlmas* (посл.) 'Луну подолом не закроешь';

б) *učun* 'для', 'ради', 'за', 'из-за': *"qa'ra kun" učun* 'на черный день', *Bâγdâd ba'riš učun* 'чтобы поехать в Багдад';

в) *a'rqali* 'посредством', 'через': *baqa'wuli a'rqali unga zaharli âwlat berib*

'дав ему через посредство своего бакаула отравленную пищу', *ba'jni qǫrya'ni a'rqali ǫtib* 'пройдя через хутор бая';

г) *kabi* 'как', 'подобно' и его синоним *singari* (< тадж.): *ǻna kabi ba'šini siladi* 'она, как мать, погладила его по голове', *ta'š parčalari singari* 'как куски камня'; *janγliγ* – устаревший послелог;

д) *qadar*: *uč sa'at qadar* 'примерно часа три';

е) *sajin*: *kün sajin* 'целый день', 'с каждым днем', *quja'š tiqqajgan sajin* 'по мере того как поднимается солнце';

ж) *sari*, исторически управлявший дательным падежом, в современном узбекском литературном языке требует от имени неопределенного падежа: *katta majda'n sari* 'по направлению к большой площади'. В сочетании с причастием на *-γan* послелоги *sari* и *sajin* синонимичны: они выражают действие, происходящее одновременно и на протяжении времени совершения другого действия: *tozalaγan sari semiz a'tlarniŋ badanlari jarqirajdi* 'По мере того как чистят, блестят тела жирных коней';

з) *ta'ma'n* в современном литературном языке управляет как дательным, так и неопределенным падежом: *maktab ta'ma'n/maktabga ta'ma'n* 'к школе', 'по направлению к школе'; иногда *ta'ma'n* принимает на себя аффикс дательного падежа, выражая то же значение направленности действия на предмет, который обозначается управляемым именем: *mehma'nlar ta'ma'nga jurib ba'rdi* 'он направился к гостям' (Кононов 1960, 307);

и) *bǫjlab* (< *bǫj-la-b*) 'вдоль', 'по' – передает характер пространственного распространения: *butun dunja' bǫjlab* 'по всему миру';

к) архаичный послелог *uzra* передает направленность действия на предмет (на поверхность предмета) и осуществление действия (на поверхности предмета): *guzal watan uzra sa'čar mangi nur* 'на прекрасную родину льет он вечный свет'; употребляется редко, в стилизованных поэтических произведениях (Кононов 1960, 297-307).

Диалектный материал: а) послелог *bilän* в ферганских говорах представлен большим количеством вариантов: *bъläп, bъläj, mъnän, mъnä(n), mʲnän, mnäm*, во всех говорах *-män, -mäm, -läj, mätän*, см. ташк. *bɔlä mъnäm bъllä//bъrgä keldъ* 'он пришел вместе с сыном/с парнем';

б) послелог *učun* в говорах уйгурско-карлукского типа имеет варианты *-čun, -čъn, -ičin*, см. ниязб. *ъšläščun* 'чтобы работать', наманг. *mänъjčun* 'для меня', карш. *sъlär učun* 'для вас', ташк. *ɔjъm učun* 'ради моей матери';

в) ташк. *a'rqalъ/a'rqalъj*, в других говорах *ärqa'lъk, a'rqalig*;

г) послелог *kɛbъ* отмечен в наманганском говоре (Туляков 1965, 26); по диалектам и говорам *jangliγ* изредка отмечается в языке поэзии. В ташкентском, наманганских, ферганских говорах в функциях этих послелогов используются *sъngä:rъ, sъŋa':rъn, qäta'rъ, tengъ*;

д) *qädär* передает отношения меры и степени сравнения: ташк. *män unъ šu qädär päslъgъnъ bъlmäsdъm* 'Прежде я не знал, что он в эдакой мере низок'; шахр. *qaw(u)niz u qadar širin jämäsäkän* 'Ваши дыни, оказывается, не настолько сладкие'. Указательные местоимения в сочетании с этим послелогом – *bu qadar, šu qadar, u qadar* – встречаются в речи старшего поколения;

е) *säjъn* и *särъ* синонимичны, как и в литературном языке, при сочетании их с причастием на *-γan*: ташк. *ǫqъgän särъ//säjъn ъlъm a'šedi* 'По мере того как учится, знания возрастают'. Оба синонима встречаются в ташкентском говоре; в ферганских – только *sarъ* (ЎзХШМорф. 227).

2) Послелоги, управляющие дательным падежом:

а) *qadar* передает предел во времени или пространстве: *Ta'škentga qadar* 'до Ташкента', *sa'at učga qadar* 'до трех часов';

б) *qarši* : *iščilar urušga ham qarši,... buržujlarga ham qarši ekan* 'рабочие и против войны,..., и против буржуев';

в) *kǫra* : *sǫziga kǫra* 'судя по его словам', *ešitganimiziga kǫra* 'судя по тому, что мы слышали';

г) *qarab* помимо пространственных отношений служит выражению отношений сравнения, сообразности: *bir qišla'qqa qarab* 'в сторону кишлака';

kǫrpaŋga qarab a'ja'γiŋni uzat (пословица) 'Вытягивай свои ноги по своему одеялу', *kučimizga qarab* 'сообразно с нашими силами';

д) *qaraganda*, синонимичный послелогам *kǫra, qarab*, употребляется реже их: *ajtišlariga qaraγanda* 'судя по их рассказам';

е) *qaramaj, qaramastan* 'несмотря на': *heč narsaga qaramasdan* 'несмотря ни на что'; *ja'mγir ja'qqanligiga qaramaj* 'несмотря на то, что шел дождь';

ж) *jaraša* по своему значению соответствия близок к послелогам *kǫra, qarab, qaraganda*: *har kimdan qa'bilijatiga jaraša, har kimga mehnatiga jaraša* 'От каждого – по его способностям, каждому – по его труду';

з) *ta'ma'n*, означая направление действия, управляет в современном узбекском языке как дательным, так и неопределенным падежом: *maktabga*

ta'ma'n/maktab ta'ma'n 'к школе', 'по направлению к школе' (Кононов 1960, 307-309).

Диалектный материал: а) *qädär* отмечен в ташкентском, ошском говорах, где он используется параллельно с синонимичным послелогом *dɔwur~čɔwur*;

б) вместо послелога *qarši* используется служебное слово *rɔpɔrɔ* (< тадж.): *mɔšin(ä) šunnɔγ mäktäpti rɔpɔrɔsijä toḫtäjkän* 'Машина, оказывается, останавливается как раз напротив школы';

в) синонимичные послелоги *kǫrä* и *qärägändä* передают отношения

соответствия: ташк. *ɔdämlänъ gäpъgä qärägändä/ qọrä bu jъl qyš qättъy bolämъš* 'По словам людей, зима в этом году будет суровая';

г) послелог *ta'ma'n* с вариантами *tɔmɔn* (ташк.), *taman, tämɔn* вместо управления дательным падежом имени может сам принимать форму дательного падежа (или местного, исходного падежей): *tåqaj tamanya qačyp* 'убежав в сторону леса';

д) послелог *jäqъn* в чимкентском говоре имеет синоним *juwuq*. См.: ташк. *kečkä jäqъn sälqъn tušdъ* 'К вечеру стало прохладно', чимк. *tanya juwuq* 'под утро' (ЎзХШМорф. 224-232).

3) Послелоги, управляющие исходным падежом:

а) послелоги *ilgari, burun, awwal, a'ldin*, являясь синонимами, передают временны́е отношения предшествования одного действия другому: *gapirišdan ilgari//burun//awwal//a'ldin* 'прежде чем говорить', *hammadan burun* 'прежде всего', *bundan uč a'j ilgari* 'три месяца тому назад'; эти послелоги могут управлять также неопределенным падежом (как это видно из последнего примера);

б) синонимичные *kejin, soŋ* (*soŋra*) выражают временны́е отношения следования одного действия после другого: *a'wqattan kejin* 'после еды', *ča'jdan*

soŋ 'после чая', *bir neča minut sọzlašgandan soŋ* 'после нескольких минут разговора';

в) относительные синонимы *beri* и *nari*: *ertalabdan beri* 'с раннего утра', *uč kundan beri* 'в течение трех дней', *kọzdan nari – kọŋildan beri* (пословица) 'С глаз долой – из сердца вон';

г) послелог *buja'n*, синоним *beri*: *ikki haftadan buja'n* 'в течение двух недель (уже две недели как...)';

д) синонимичные послелоги деепричастного происхождения *ba'šlap, tårtip*, синонимы *beri, buja'n* обозначают исходный момент во времени и пространстве: *majdan ba'šlab* 'начиная с мая', *eŋ katta šaharlardan ta'rtib ta' eŋ kičik qišlaqlargača* 'от самых больших городов до самых маленьких селений';

е) *ba'šqa* 'кроме': *sendan ba'šqa* 'кроме тебя', *bulardan ba'šqa heč kim bu ǯåjga tušmagan* 'Кроме них, никто в это место не проникал';

ж) синонимичный предыдущему послелог *tašqari* 'вне', 'кроме', 'помимо': *bulardan tašqari* 'кроме этого', *askarlardan tašqari* 'помимо воинов' (Кононов 1960, 310-314).

Диалектный материал: а) послелоги *ilgari, burun, a'ldin, awwal* используются в вариантах: ташк. *ъlgärъ, burъn/burum* (*sännän burun*), *ɔwwɔl, ɔldъn*; ферг. *burun/burut, ɔwwɔllämbɔ*;

б) варианты: ташк. *kejin/kegъn, soŋ/sъgъn, sъjъn*; наманг. *ketъn, kejъn/kegъn/kъgъn/kъn*; ферг. *tъnnäj/inäj*;

в) послелог *beri* представлен в говорах вариантами: ташк. *berъ, berъn, berъsъ*, наманг. *bъrъn*, ферг. *berъ*; в некоторых говорах этот послелог не

употребляется, заменяясь послелогом *nary* (манк. *azandyn nary* 'с раннего утра');

г) в говорах ферганского, наманганского, ташкентского типа отмечен послелог *bujan* (ферг. *šunnän bujän* 'в течение этого [времени]');

д) синонимом к *berъ*, помимо *buja'n*, является также *bɔšläp*: ташк. *ošä kundän bɔšläp* 'начиная с того самого дня'.

Наблюдениями над функционированием послелогов в современном литературном узбекском языке и его говорах в целом подтверждается та картина становления и развития послелогов, которая намечена выше при анализе уйгурского материала. Например, послелог *sari* в узбекском уже утратил исторически присущее ему управление дательным падежом: он управляет здесь только неопределенным падежом. Послелог *ta'ma'n*, в литературном языке сохраняющий управление неопределенным и дательным падежами (как и в уйгурском), в говорах принимает форму дательного падежа (равно как и остальных локальных падежей), но не получает при этом соответствующего аффикса принадлежности (*ta'qaj tamanya qačyp* 'побежав в сторону леса' – ЎзХШМорф. 227); в ташкентском говоре подобное явление свойственно также послелогу *burun* 'прежде', 'раньше': *eldäm burun/el buruttän kewɔldъ* 'Он пришел раньше людей' (ЎзХШМорф. 230).

В свое время А.Н.Кононов особо отмечал способность той группы послелогов, которые передают временны́е отношения, принимать афф. *-ra'q*: *ilgari, burun, awwal, a'ldin* 'прежде', 'раньше' (*...ba'šqalardan awwalra'q čiqdim* '... я вышел пораньше других'; *har išga sizdin a'ldinra'q tušunaman* 'В любое дело я вникаю немного раньше вас'); к послелогу *kejin* могут присоединяться афф. *-ra'q*, частица *-gina* (*ulardan kejinra'q* 'несколько позже них'; *fakat ọn a'lti ja'šga čiqqanimdan kejingina* 'только после того как мне исполнилось шестнадцать лет') (Кононов 1960, 310, 311). В узбекских говорах послелог *qadar*, управляющий неопределенным падежом указательного местоимения *šu*, может получать афф. *-lik*: шахр. *a'j šu qadällik issiy bolliki...* 'Месяц был настолько жарким...' (ЎзХШМорф. 227). От словосочетания *unnän ketin* (< *kedin~keδin* > *kejin*) 'после него' может быть образовано относительное прилагательное с помощью афф. *-ki* (*unnän ketъnkъ bɔbɔmtz, ketъnkъsъ əwəzmurɔt* – ЎзХШМорф. 229 'следующий за ним – наш дед, последующий – Авазмурат'); как видим, на относительное прилагательное, образованное таким способом, нанизывается посессивный афф. 3-го лица. Этот посессивный аффикс может служить также субстантивации послеложного сочетания, см. ташк. *ošä däräḫtän berъsъ unъki* '[То, что находится] начиная от этих самых деревьев, принадлежит ему' (ЎзХШМорф. 231). См. выше о способности некоторых послелогов исторически изменяться по падежам, выступать определяемым в определительном словосочетании.

По-видимому, с этой же способностью послелога принимать дополнительные грамматические показатели связан и факт употребления при послелоге (наречии) *kejin* дополнительно еще и послелога *soyun/sɔyum (<soŋ),*

soγrə (<soŋra). Примеры: анд. *šärgä ɔlip kejännän kejin, soγra šergä olddilä*; ЮҚШ: *bъr ɔjdän kejin soγum bъzgъ selsɔwъttъ räjъsъ qъp qojdъlä* 'Спустя один месяц поставили (назначили) председателя нашего сельсовета'; шахр. *...ketkännäj kъn soγun män turdim* 'После того как [он] ушел, я встал'. Факты присоединения послелога к служебному имени взамен соответствующего падежного аффикса обнаружены при текстологическом обследовании списков "Бабур-наме", см. (Благова 1961 96-97).

В узбекских говорах послелог *bäqä~bäqъ~ba:qъ*, синонимичный послелогу *kejin*, может также выступать в функции служебного имени, получая при этом посессивный аффикс и показатель одного из локальных падежей: коканд. *munnän ba:γъsъγä köp ḫawär ɔpturämän sъzdän* 'После этого я получаю много известий от Вас'. Такой же способностью обладают *tašqari* – послелог и служебное имя (см. Кононов 1960, 313 и 325), *qarši* – послелог и служебное имя (см. Кононов 1960, 308 и 325). Послелог *ta'ma'n* используется как служебное имя с аффиксом принадлежности в изолированной форме только одного падежа – исходного (*ta'ma'nidan*); в дательном и местном падежах – без аффикса принадлежности.

В узбекском литературном языке и его говорах много таких лексических основ, которые – при различном морфологическом оформлении каждой из них – могут использоваться как в функции послелога, так и в функции служебного имени. См. *a'rqali* и *a'rqasiga(/-da/-dan)* (Кононов 1960, 302 и 318); *a'ldin* и *åldiga(/-da/-dan)* (Кононов 1960, 310 и 314); *bašlab* и диал. (ЮҚШ, ферг., ташк.) *båš/båšgä/ba'šъjä* (Кононов 1960, 313 и ЎзХШМорф. 232); архаический *ičra* и *ičiga (/-da/-dan)* (Кононов 1960, 320-321).

Приведенные данные позволяют охарактеризовать послелоги в узбекском языке и говорах как часть речи, находящуюся в процессе отстаивания.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЛЕЛОГОВ

1) Реконструкция послелогов, управляющих неопределенным падежом:

****bilän** 'с', 'вместе с' (< **bile/*bilen*);

****učun** 'для', 'ради', 'за', 'из-за' (< **učun*);

****arqali~**arqaliq/**arqiliq** 'посредством', 'через' (< **arqali*);

****käbi** 'как', 'подобно' (< **gibi~*kebi*);

****jaŋlıγ** 'как', 'подобно' (< **jaŋ* 'образ'+*-lıγ*);

****qadar** 'в ... степени', 'приблизительно', 'примерно';

****sajin** 'еже-' (< **sajin*);

****bojiča** 'по', 'на основании', 'согласно'; ****boji** 'в течение', 'на протяжении';

****uzra** 'на (*кого, что*)'~****özrä** (< ***üzrä*); реконструируется при опоре на данные чагатайского литературного языка.

****ara** 'между', 'в', 'на' (< **a:ra* 'промежуток' – ЭСТЯ 1978, 162-163; СИГТЯ 1988, 502).

2) Послелоги, управляющие дательным падежом:

****qadar** 'до' (< **qadar ?*);

****qarši** 'против', 'напротив';

****körä** 'судя по', 'согласно' (< **köre*);

****jaraša** 'в соответствии' (< **jaraša*);

****jaqγn** 'при', 'к', 'приблизительно' (< **jaqγn*).

Послелоги-неологизмы глагольного происхождения – ****qarab** (деепричастие на *-p*), ****qarayanda** (причастие на *-γan* + афф. местн. падежа), ****qaramaj** и ****qaramastan** 'несмотря на' (отрицательное деепричастие) – хронологизируются по-разному: ****qarab** может быть отнесен к позднему периоду пратюркского состояния (см. СИГТЯ 1988, 493); ****qarayanda**[2], ****qaramaj, **qaramastan** – к позднему периоду прауйгурско-карлукского.

Реконструируемая зона между подгруппами послелогов (1) и (2)

Промежуточную зону этого типа составляют послелоги:

****sari** 'к', 'по направлению к', 'в сторону' (< **sa + ri*);

****taman** – то же (< **taman*).

Эти послелоги имеют исторически изменчивое и неустоявшееся управление по языкам и диалектам уйгурско-карлукской группы.

В промежуточную зону также целесообразно включить послелог ****qadar**, управление которого зависит от значения управляемого слова; с неопределенным падежом послелог передает отношения меры, степени и приблизительности, с дательным падежом – отношения предела.

3) Реконструкция послелогов, управляющих исходным падежом:

****ilgari~**ilgeri** 'раньше', 'прежде' (< **ilgeri*);

****burun** 'раньше', 'прежде' (<***burun**; генетическое тождество *burun* 'раньше' и *burun* 'нос', 'перед' утверждается Э.В.Севортяном – ЭСТЯ 1978, 272);

****kejin** 'за', 'вслед', 'после' 'позже' (< **kijin*);

****soŋ** 'потом', 'затем' (< **soŋ*); ****soŋra** (< **soŋra*);

****beri** 'начиная с [определенного времени]', 'с' (< **bäri*);

****nari** 'по ту сторону', 'от' (< **näri*);

****bujan** 'по эту сторону' (< **bu jan*);

****bašqa** 'кроме' (< **bašqa*);

****tašqari** 'вне', 'кроме' (< **tašqari*);

****artuq** 'свыше, больше' (< **artuq*);

****özgä** 'кроме' (< **özge*); при реконструкции используются уйгурские диалектные данные и показания памятников чагатайского языка.

Послелоги-неологизмы, восходящие к деепричастию на *-p/-b*, – ****bašlab** 'начиная с', ****tartib** 'с', 'с тех пор' (а также узб. *bojlab* 'вдоль', 'по') – могут быть отнесены к позднему периоду пратюркского состояния (см. СИГТЯ 1988, 493). Предлагаемая выше реконструкция прауйгурско-карлукских послелогов осуществлена при учете исследования Л.С.Левитской (СИГТЯ 1988, 491-504). В свое время А.Н.Самойлович отметил: "Нет настоящих послелогов: их заменяют деепричастия и имена" (РНБ.Ф. 671. Д.136. Л. 56).

---

[2] По этой поздней модели в узбекском произведены такие послелоги, как *deganda* 'через', *kelganda* 'что касается' (Кононов 1960, 297, 310, 312).

В узбекском языке обнаружены остаточные следы промежуточной зоны между послелогами (1) и (3) подгрупп: послелоги *burun, ilgari, a'ldin* 'раньше', 'прежде' могут управлять как исходным, так и неопределенным падежом в узбекском языке.

О соотношениях служебного имени и послелога, имеющего ту же лексемную основу (***ara* 'между', 'на', 'в', *aldin* 'раньше', ***qarši* 'против', 'напротив', ***tašqari* 'вне', 'кроме', ***arqaly~**arqalik, **taman* 'по направлению к', ***bujan* 'по эту сторону', ***boji* 'по', ***bašlap* 'начиная с', ***toγrilik ~**toγruluq* 'о(б)', 'про'), см. ниже, в разделе "Служебные имена".

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

Уйгурский язык

ald 'перёд', 'передняя часть': *aldiγa* 'перед', 'возле', 'около'; *aldida* 'при', 'вблизи', 'возле', 'у', 'на'; 'в присутствии', 'перед'; *aldidin* 'от *кого*', 'мимо *кого*', 'перед *кем*'. Примеры: *uniŋ aldiγa berip käl* 'Сходи к нему', *köz aldimda* 'на моих глазах', *uniŋ aldidin öttim* 'Я прошел мимо него';

arqa 'спина': *arqasida* 'благодаря', 'из-за', 'вследствие'; *arqasidin* 'вслед за *кем*'. Примеры: *arqamda* 'за мной', 'на моей спине', 'благодаря мне', 'из-за меня'; *šuniŋ arqisidin ǯürüpmän* 'Я все время хлопочу об этом';

kejin 'зад': *käjiniga, käjinida* 'позади него', *käjindin* 'за его спиной'. Примеры: *käjiniŋgä qara* 'оглянись' (букв.: 'погляди за себя'); *išikniŋ käjinida turup turuŋ* 'Подождите за дверью'; *käjinidin söküp žürmäŋ* 'Не ругайте его за глаза';

jan 'бок'. Примеры: *üstalniŋ jeniγa* 'к столу', *šähär jenida* 'возле города', *meniŋ jenimda* 'при мне', *öz jenidin bärdi* 'Он отдал из своего кармана';

jaqa 'край', 'берег': *jaqisida*. Примеры: *su jaqisida* 'на берегу реки' (ср. также послелог *jaqγlap*: *därjani jaqγlap* 'вдоль реки' с редким управлением вин.пад.);

ottura 'середина': *otturisida* 'посередине', 'среди', 'между'. Примеры: *otturimizda* 'между нами', *öjniŋ otturisida* 'в середине дома';

ara 'промежуток', 'пространство между двумя точками': *arisida* 'между', 'посредине'. Примеры: *biznіŋ arimizda* 'между нами';

ariliq 'промежуток': *ariliγida* 'между';

ič 'нутро', 'внутренность': *ičidä* 'в', 'внутри', 'при', 'среди', 'в течение *какого-л.* времени'; *ičigä* 'внутрь', 'вглубь', 'в себя'; *ičidin* 'изнутри', 'из глубины'. Примеры: *mämlikätniŋ ičigä*[3] 'в глубь страны', *öj ičidä* 'дома', 'в комнате', *bu žillar ičidä* 'за эти годы', *žurt ičidä* 'среди народа';

taš 'внешняя сторона', 'наружная часть *чего*': *tešida* 'кроме', 'помимо', 'сверх того'. Примеры: *buniŋ tešida* 'кроме этого', 'сверх этого';

tašqiri 'внешний', 'наружный': *tašqirida* 'вне', 'за'. Примеры: *öjdin tašqirida* 'вне дома';

sirt 'внешняя сторона', наружная поверхность': *sirtida* 'кроме', 'помимо', 'сверх'. Пример: *buniŋ sirtida* 'кроме/помимо этого';

täg 'под', 'низ': *tegida* 'под ним', *tegigä* 'под', 'вниз', 'под низ'; *tegigä jät-* 'докопаться до сути';

ast 'низ', 'нижняя часть чего-то': *astida* 'под'. Пример: *suniŋ astida* 'под водой';

üst 'верх', 'верхняя часть', 'поверхность': *üstigä* 'наверх', 'поверх'; *üstidä* 'на', 'над', 'сверху', 'поверх'; 'о(б)'; *üstidin* 'с', 'с поверхности', 'сверху'; 'на', 'над', 'против'; Примеры: *uniŋ üstigä* 'кроме того'; *gäp kitap üstidä* 'Речь идет о книге'; *jaḫši mehman aš üstidä kelür* (посл.) 'Хороший гость приходит во время еды'; *meniŋ üstimdin šikajät qiliptu* 'Он подал на меня жалобу'; *dušmän üstidin qazanγan γalabijiti* 'победа, одержанная над врагом';

baš 'голова', 'вершина', 'верхняя часть', 'конец': *bešiγa* 'на каждого', *bešidin* 'с каждого', *bešida* 'на конце'; Примеры: *adäm bešiγa* 'на каждого человека', *adäm bešidin* 'с каждого человека', *köčiniŋ u bešida* 'на том конце улицы';

töpä 'вершина', 'верх', 'макушка', 'холм': *töpisigä* 'на', 'над', *töpisidä* 'на', 'над'. Примеры: *öjniŋ töpisigä čiq-* 'подниматься на крышу дома'; *öjniŋ töpisidä* 'на крыше дома';

boj 'стан', 'рост': *boji* 'на протяжении', 'в продолжение', 'в течение'; *bojiγa, bojida* 'у', 'вдоль'; *bojiča* 'вдоль', 'по'. Примеры: *kün boji* 'весь день', 'целый день', *jol boji* 'в течение всей дороги', *därjä bojida* 'у реки', 'вдоль реки'; *pütün dünja bojiča* 'во всем мире', 'по всему миру';

qaš 'бровь': *qešida* 'около', 'возле', 'рядом', 'подле', 'при', 'вблизи', 'у', 'под'; 'в присутствии'[4]; *qešiγa* 'возле него', 'рядом с ним'; *qešidin* 'мимо него'. Примеры: *öjniŋ qešida* 'у дома'; *qešimizda* 'возле нас'; *qešimda joq* 'у меня нет'; *uniŋ qešiγa käldim* 'Я подошел к нему'; *qešiŋγa al* 'Возьми к себе';

qarši 'против', 'навстречу': *qaršisida* 'напротив', 'против кого/чего-л.', 'перед кем/чем-л.';

taman 'сторона': *taman[i]da* 'на стороне кого-л.' Пример: *biznіŋ tamanda* 'на нашей стороне';

toγri 'прямой', 'прямо': *toγrida* 'о(б)', 'про', 'относительно' (послелог); *toγrisida* 'о(б)', 'про', 'относительно'; *toγrisiγa* 'напрямик', 'прямо' (наречие). Примеры: *uruš toγrisida* 'о войне' (Наджип 1960, 67; 1968, 30, 31, 32, 35, 46-47, 87-88, 126-127, 159, 190, 215-217, 276, 284, 301, 310, 311, 317, 344, 345, 534, 581, 621, 670, 775, 776, 780).

Диалектный материал. В ферганском говоре уйгурского языка отмечены следующие служебные имена:

ald 'перёд': *mä:čit aldida* 'у мечети', *awqat aldida* 'перед едой';

ič 'нутро': *bändilärniŋ ičidä asi guna:kär bändimän* 'Среди рабов божьих мятежный грешник я, раб божий', *köjnäk'niŋ ičidä* 'в рубахе';

tüw, täg 'низ', 'дно': *a'lma tägidä bir ba'la* 'Под яблоней юноша какой-то'; *qyzylgül tüwidä siŋčaj* 'под розой чай';

[3] Имеется вариант: *mämlikätniŋ ičkirisigä* 'в глубь страны'.

[4] Такое использование слова *qaš* 'бровь' типологически сопоставимо с русск.фольк. "Пред твои ясны очи".

üst 'верх', 'верхняя часть', 'поверхность': *jar üstügi* (< *üstigä*) *jar tutuq* 'Сверх возлюбленной другую возлюбленную мы завели', *awqatniŋ üstidä özüm turup* 'Стою́ сам над [приготовлением] пищи';

töpä: *tam töpüstä* (< *töpä-si-dä*) 'на стене', *tam töpiskä* (< *töpä-si-gä*) *tam salduq* 'На стену стену возвели мы';

qaš 'место около чего-нибудь': *Qary qaš, qäjrimi qaš, Qašiŋdi, bir jil išläjin* 'Чернобровая, с бровями дугой, Около тебя год [позволь] поработаю' (Садвакасов 1976, 237);

ara 'промежуток': *šu aryda* 'между тем'; *qyzylgül arasida* 'среди роз' (Садвакасов 1976, 233);

Послелог *toγrilik/toγruluq* в ферганском говоре не отмечен, употребляется служебное имя *toγrustin* (< *toγra-si-din*) (Садвакасов 1976, 234);

Послелог *jaq~jaγ* 'сторона', 'направление' используется как в неопределенном, так и в дательном падеже: *taγ jaq salqyn* 'В горах прохладно'; *u šaːr jaqqa ketti* 'Он отправился в город' (там же).

В хамийском наречии отмечены следующие служебные имена:

ald 'перёд';

aːqa~aqy (<*arqa*) 'зад': *aqysyda* (<*arqasyda*) 'сзади него', *aqysydin~aqysydyn* 'позади него'; *aqyŋyzdin qarap* 'смотря вам вслед', *aqamdin ker!* 'Ты входи за мной!';

kejin 'после': *keinizdin (keiniŋizdin) qarap* 'смотря вслед вам';

ič 'нутро': *su ičidä* 'внутри реки';

otura 'середина': *köl oturysyda* 'в середине озера';

taš 'внешность': *tešida* 'снаружи', 'вне [его]';

ast 'низ', 'нижняя часть';

tüp 'корень', 'дно': *daraq tüwidä* 'под деревом';

üst 'верх': *jilimniŋ üstündä* 'на верх клея';

baš 'голова', 'начало': *išik bešida* 'на двери', 'в дверях', *talajniŋ bešida* 'в степи', *γuduq wešiγa* 'к колодцу';

töwä~töbä 'крыша', 'верх': *töwigä, töwügä* 'на верх' *töbüsüdün* 'с крыши дома', 'сверху' (Малов 1954, 136, 137, 138, 141, 153, 164, 172, 183, 186, 187, 190).

Узбекский язык

aˀld 'перёд': *aˀldiga* — направленность действия к передней, лицевой части предмета; *aˀldida* — совершение действия перед предметом; *aˀldidan* — направленность действия в противоположную сторону от передней части предмета. Примеры: *deraza aˀldiga boriŋ!* 'Подойдите к окну!', *seniŋ aˀldiŋga kelaman* 'к тебе приду', *deraza aˀldida oṭiriŋ!* 'Сидите у окна (перед окном)!'; *qaˀziniŋ åldidan čiqqanida...* 'когда он вышел от кадия...';

aˀrqa 'спина', 'зад': *aˀrqasiga* — направленность действия к тыльной стороне предмета, по ту сторону его; *aˀrqasida* — совершение действия позади предмета, а также причинное значение; *aˀrqasidin* 'из-за', 'вслед за'. Примеры: *taγ aˀrqasiga* 'за гору'; *moγullar aˀrqasida* 'позади монголов', *jaḫši tarbija årqasida* 'благодаря хорошему воспитанию'; *ularniŋ aˀrqasidan baˀrdi* 'Она пошла вслед за ними'; *men bewafo dunjaˀ maˀli aˀrqasidan quwmajman* 'Я не гонюсь за благами этого вероломного мира'.

Синонимом к *aˀrqa* является служебное имя *aˀrt*: *dušman aˀrtida* 'позади врага', *aˀj-kunduzniŋ aˀrtidan ergašdi* 'Она шла позади Ай-Кундуз'.

Устаревшим синонимом к служебным именам *aˀrqa, aˀrt* является *ket* (< *ked* 'зад'): *ketida* 'позади него'; *ketidan* 'вслед за ним';

jaˀn 'бок': *jaˀniga* — направленность действия к боковой части предмета; *jaˀnida* 'около', 'возле', 'при'; *jaˀnidan* 'вдоль', 'мимо чего-л.'. Примеры: *stolni škaf jaˀniga qojiŋ* 'Поставьте стол возле (около) шкафа'; *ojniŋ jaˀnida baˀγ baˀr* 'При доме есть сад'; *u jaˀnimizdan oṭti* 'Он прошел мимо нас (сбоку)';

oṛta 'середина', 'центр': *oṛtasiga* — направленность действия к середине предмета; *oṛtasida* 'среди', 'посреди', *oṛtasidan* 'с середины', 'из середины'. Примеры: *majdaˀn oṛtasiga* 'на середину площади'; *haˀwli oṛtasida* 'посреди двора'; *qišniŋ oṛtasida* 'среди зимы'; *majdaˀn oṛtasidan* 'с середины/ из середины площади';

aˀra 'промежуток': *aˀrasiga* — направленность действия в промежуток между двумя предметами; *aˀrasida* — совершение действия между двумя точками пространства или времени; *aˀrasidan* — осуществление действия через пространство между предметами. Примеры: *aˀramizga sowuqluq tašadi* 'Между нами произошло охлаждение'; *ikki deraza aˀrasida* '[в простенке] между двумя окнами'; *namatlarniŋ aˀrasidan oq aˀtiš učun* 'для метания стрел через кошмы';

ič 'нутро': *ičiga* 'в глубь [предмета]'; *ičida* 'внутри [предмета]', 'в течение'; *ičidan* 'изнутри [предмета]'. Примеры: *qizni oj ičiga olib kirdi* 'Она ввела девушку в дом'; *oγir kečinmalar ičida* 'в тяжелых душевных переживаниях'; *uč kün ičida* 'за три дня', *båγ ičidan čiqdi* 'Он вышел из [глубины] сада';

tašqari 'вне', 'помимо', 'сверх': *tašqarisiga* 'за пределы чего-л.', *tašqarisida* 'вне', 'за', 'снаружи', 'за пределами чего-л.', *tašqarisidan* 'из пределов чего-л.'. Примеры: *šahar tašqarisiga* 'за город', 'за пределы города'; *šahar tašqarisida* 'вне города', 'за городом'; *šahar tašqarisidan* 'из окрестностей города', 'из-за города';

tag/aˀst 'низ': *tagiga/aˀstiga* 'вниз под'; *tagida/aˀstida* 'внизу под'; *tagidan/ åstidan* 'из-под'. Примеры: *dewɔr tagiga* 'под стены [крепости]', *oj aˀstiga* 'под дом', *taγniŋ tagida* 'под горой', *aˀγir juk aˀstida* 'под тяжелым грузом'; *koṛpa tagidan* 'из-под одеяла';

ust 'верх': *ustiga* — направленность действия на поверхность предмета, а также против предмета; *ustida* — совершение действия на поверхности предмета; *ustidan* — поверхность предмета является отправным пунктом действия. Примеры: *bir baland taˀšniŋ ustiga čiqib* 'взойдя на высокий камень'; *balḫ ustiga qošin taˀrtti* 'Повел войско на Балх'; *supa ustida oṭirganlar* 'Они сидели на супе́'; *kojlagi ustidan kijgan jaḫtagi* 'летний халат, надетый поверх его рубахи';

tepa 'вершина', 'холм': его производные — *tepasiga, tepasida, tepasidan* — синонимы соответствующим образованиям *ustiga, ustida, ustidan*. Примеры: *bu išniŋ tepasiga sizni qojamiz* 'Во главе этого дела мы поставим вас'; *stol tepasida bir lampa baˀr* 'На столе (стоит) лампа'; *qoṛγan tepasidan turib aˀtilgan taˀšlar*

'камни, бросаемые с крепости';

boj 'рост', 'длина': *bojiča* 'согласно чему-л.', 'в соответствии с чем-л.', 'по'. Пример: *qa'nun bojiča* 'по закону', 'в соответствии с законом';

qaš 'бровь': *qašiga, qašida, qašidin* — архаизмы в современном узбекском литературном языке, близкие по значению к соответствующим образованиям *a'ld, ja'n*;

qarši 'противоположная сторона': *qaršisiga* — направленность действия против кого/чего-либо; *qaršisida* — совершение действия напротив (против) другого предмета; *qaršisidan* — действие, исходящее от предмета с противоположной стороны. Примеры: *mana turar qaršimda ọlim* 'Вот стоит передо мной смерть'; *qaršisida ọtirgan beš kiši* 'пять человек, сидящих против него';

tọγri 'прямой', 'прямо': *tọγrisida* 'о(б)', 'относительно', 'по поводу'. Примеры: *seniŋ tọγriŋga bir gap ba'r* 'О тебе идут толки';

ta'ma'n 'сторона': *ta'ma'nidan* — выражает действующее лицо при глагольной форме страдательного залога. Пример: *mâhir rassomlar ta'ma'nidan gọzal miniatürlar bilan bezatilgan qọl jazmalari* 'рукописи, украшенные руками искусных художников прекрасными миниатюрами' (Кононов 1960, 314-326).

Грамматизованность значения двух последних служебных имен — *tọγri* и *ta'ma'n* — сочетается с ограничениями в их морфологическом оформлении: они могут иметь не три локальных падежа, но только по одному на каждый — местный падеж для *tọγri (tọγrisida)* и исходный падеж для *ta'ma'n* (*ta'ma'nidan*; см. узб.диал. *tâqaj ta'ma'nγa* — дательный падеж без соответствующего аффикса принадлежности).

Диалектный материал. В ташкентском, ферганских говорах употребляются служебные имена:

ɔldъgä, ɔldъdä 'вперед чего-л.', 'впереди чего-л.';

ъčъdä 'внутри чего-л.';

täjъdä 'в низу чего-л.' (< *tagida*);

jɔnъdän 'мимо чего-л. (сбоку)';

ustъgä 'к верху чего-л.', *ustъdä* 'на чем-л.'.

Используются также синонимы служебного имени *ɔldъdä*, а именно:

qa'š 'бровь' (*qɔšъgä/qošъjä*),

ba'š 'голова' (*bɔšъgä/bɔšъjä*),

tepä 'вершина', 'холм' (*tepägä, tepäsъgä*).

Примеры: Шахр. *sänъ qɔššiŋŋä//ɔliŋŋä ottusun* 'Пусть он сядет перед тобой'; *ɔčɔ:di bɔšidän näri kätmijde* 'Он не ушел с той стороны от очага'; ташк. *mänъ tepämgä dɔdläp keptъ* 'Он пошел жаловаться на меня'; шахр. *məni bɔšimŋä ärizä kọtärip kəlipte* 'Он возбудил против меня жалобу (заявление)'.

Служебное имя *qaršisiga* 'напротив чего-л.', *qaršisida* в узбекских говорах заменяется морфологически схожими образованиями (от тадж. *rɔpɔrɔ*) — *rɔpɔrɔsijä, rɔpɔrɔsidən* (ЎзХШМорф. 232).

Вместо малоупотребительного послелога *beri* 'с тех пор' в кокандском говоре используются комплексные образования, которые могут выступать в функциях как послелога, так и служебного имени (с соответствующим

оформлением): 1) *baqa* (< *bu ja'qqa*, построено по аналогии с послелогом *bujan*) ~ *baqasъ, ba:(γъ)gä* ~ *ba:(γъ)sъgä*; 2) *šaqa* (< *šu ja'qqa*) ~ *ša:(γъ)sъgä*. Примеры: *män nъčъ mättä ättъm kъgällärъdän baqasъ* 'Я несколько раз говорил, после того как он приехал'; *ettämätännän ba:(γъ)sъgä ъssъγ ɔwqat jъgänъm joγ* 'С утра я не ел ничего горячего' (Насыров 1965, 20).

Служебное имя *tọγrisida* в говоре кишлака Хумсон претерпевает метатезу: *ojɔnъ toryъsъdä turgänäkän; kozъjnъ toryäsъdä jɔ:tъptъku* (ЎзХШМорф. 232).

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ ИМЕН

***ald* 'перёд, передняя часть' > 'перед', 'к', 'у': ***aldiga, ***aldida, ***aldidan/-din* (< **al* + **-d/*-t*);

***arqa* 'зад, спина, задняя сторона' > 'сзади': ***arqasida, ***arqasidin* ~ ***arqasidan*;

kejin*~ket* (< *ked* 'зад'; ср. *kedin*: *kejin* 'потом' — Кононов 1960, 317) 'задняя сторона' > 'за, из-за': ***kejinigä, ***kejinidä, ***kejinidan/-din*; (< **kejin*~**kijin*); ***ketida, ***ketidin*;

***art* 'зад, задняя сторона' > 'за, вслед за': ***artida, ***artidan* (< **art* < *ar* + **-t* — Кононов 1960, 316, ЭСТЯ 1974, 179-180);

***jan* 'бок' > 'у, при, около', 'вдоль, мимо чего-л.': ***janiga, ***janida, ***janidan/-din* (< **ja:n*);

jaqa*~jaq* 'сторона', 'край, берег' > 'на, около, рядом': ***jaqisida* (< **jaq*);

orta* (~ottura* ?) 'середина', 'центр' > 'посреди': ***ortasiga, ***ortasida* (~***ottursida* ?), ***ortasidan/-din* (< **orta*, см. ЭСТЯ 1974, 474-476);

***ara* 'промежуток' > 'между, среди': ***arasiga, ***arasida, ***arasidan/-din* (<**a:ra*, см. ЭСТЯ 1974, 162-163);

***ič* 'нутро', 'внутренность' > 'в, внутри': ***ičiga, ičida, ***ičidan/-din* (< **ič*, см. ЭСТЯ 1974, 388-391);

***taš* 'внешняя, наружная сторона'; ***tašqiri* 'вне, помимо, сверх': **tašida*; ***tašqarisiga, ***tašqarisida, ***tašqarisidan/-din* (<**tas*, см. Räs. VEWT 466a; < **taš-qari*);

***ast* 'низ, нижняя часть' > 'под': ***astiga, ***astida, ***astidan/-din* (< **ast* <**as*+**-t* — см. СИГТЯ 1988, 502; ЭСТЯ 1974, 140-141);

***täg* 'низ' > 'под': ***tägiga, ***tägidä, ***tägidan/-din* (< **täg*);

***üst* 'верх, верхняя часть' > 'на, над, по': ***üstiga, ***üstida, ***üstidan/-din* (<**üst* < **üz* + **-t*, см. СИГТЯ 1988, 502; ЭСТЯ 1988, 638-639);

baš* 'начало, вершина' > 'на, около, у': ***bašiγa, ***bašida, ***bašidin*~bašidan* (< **baš*);

töpä*~tepa* 'вершина' > 'над, на': ***töpäsiga*~***tepasiga, ***töpäsida*~***tepasida, ***töpäsin (?)* ~ ***tepasidan* (< **depe* ?);

***boj* 'рост, длина' > 'по, вдоль, в соответствии': ***bojiča* (< **boj*);

***qaš* 'бровь' > 'около, возле, к': ***qašiga, ***qašida, ***qašidin* ~ ***qašidan* (<**qaš*);

***qarši* 'противоположная сторона' > 'напротив': ***qaršisida, ***qaršysida, ***qaršisidan* (< **qaršy*);

toγri* 'прямой, прямо' > 'о(б)', 'относительно', 'по поводу': ***toγrisida* (<toγri*);

***taman* 'сторона' > 'на стороне кого-л.', 'посредством кого-л.': ***taman[i]da, **tamanidan/-din*.

При реконструкции служебных имен в прауйгурско-карлукском языке использованы результаты исследования Л.С.Левитской (СИГТЯ 1988, 501-504).

Обзор приведенного выше материала показал, что в своем становлении и развитии послелоги и служебные имена не были изолированными разрядами слов, но, напротив, взаимодействовали достаточно тесно. Даже в современных, например, уйгурском и узбекском языках, их говорах ясно видно, что одни и те же лексемные основы используются для производства как послелогов, так и служебных имен. Примеры:

1) *ara* 'промежуток' > послелог *ara* 'между, в' и служебное имя *arasiga, arasida, arasidin*;

2) *aldin* – послелог; *aldiga, aldida, aldidan* – служебное имя;

3) *kejin* – послелог; в уйгурском *käjinigä, käjinidä, käjinidin* – служебное имя;

4) *ariliq* 'промежуток' > послелог *ariliq* и служебное имя *ariliγida* 'между чем-л.' в уйгурском;

5) *qarši* – послелог; служебное имя – *qaršisiga, qaršisida, qaršisidan*;

6) *ič* 'нутро'; послелог (арх.) *ičra*; служебное имя *ičiga, ičida, ičidin~ičidan*;

7) *tašqari~tašqiri* 'вне': послелог *tašqari~tašqiri*; служебное имя уйг. *tašqirida*; узб. *tašqarisida, tašqarisidan*; к тому же – уйг. служебное имя *taš* 'внешняя сторона': *tešida*;

8) *baš* 'начало', 'вершина' > послелог *baš-la-b*; служебное имя уйг. *bešiγa, bešida, bešidin*, узб.диал. *bɔšъgä/bɔšъjä, bɔšidän*;

9) *boj* 'рост', 'длина' > послелог *bojlab*; служебные имена уйг. *boji, bojiγa, bojida, bojiča,* узб. *bojiča*;

10) *taman* 'сторона' > послелог *taman*, управляющий дательным или неопределенным падежом; служебное имя: уйг. *biznің tamanda,* узб. *ta'ma'nidan* (для субъекта действия при глаголе страдательного залога), см. также узб. диал. *tåqaj tåmånγa* 'в сторону леса', где *tåmån* принимает аффикс дательного падежа без соответствующего аффикса принадлежности, подобное явление свойственно и послелогу *burun* в ташкентском говоре узбекского языка;

11) *jaq~jaγ* 'сторона', 'направление' > послелог *jaq/jaqqa*; узб.диал. послелоги *baqa* (< *bu ja'qqa*), *šaqa* (< *šu ja'qqa*) и служебные имена *baqasъ, ba:(γъ)sъgä, ša:(γъ)sъgä*.

Тот факт, что по крайней мере 11 лексемных основ задействованы одновременно как среди послелогов, так и среди служебных имен, сам по себе весьма значителен (прежде всего – с точки зрения статистической: сила давления материала), невзирая на вполне естественную неравномерную представленность этого явления по языкам и диалектам.

Из приведенного перечня видно, насколько обширна даже на современном этапе развития языков уйгурско-карлукской группы та промежуточная зона, которая составляется послелогами и служебными именами с общей для каждой пары лексемной основой. Таким образом, можно говорить об отсутствии исторической изолированности между этими двумя частями речи – и даже напротив – об их взаимопроницаемости.

Проверка полученных данных на материале других групп близкородственных тюркских языков может внести существенные коррективы в историю развития служебных частей речи в тюркских языках. Скорее всего, откроется возможность для пратюркского языкового состояния восстанавливать именно промежуточные зоны между послелогами и служебными именами (в этих зонах происходило отстаивание обеих частей речи), с одной стороны, и промежуточные зоны послелогов - по вариативности их управления – с другой. Реконструкция таких промежуточных зон создаст динамическую ретроспективу для дальнейшей истории развития этих частей речи.

КЫРГЫЗСКАЯ ГРУППА

В интересах точности и однозначности реконструкция фонетических единиц и грамматических категорий основывается на принципах системности и взаимосвязанности элементов внутри системы; вместе с этим отмечаются явления ареального характера. Основанием для реконструкции языка-основы "группы кыргызских (или Z) языков" послужили материалы пяти современных языков с их диалектами – хакасского, шорского, чулымско-тюркского, сарыг-югурского и фуюйско-кыргызского.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ
СОСТАВ ГЛАСНЫХ

Система гласных "группы кыргызских языков" образуется из оппозиции двух рядов гласных: краткие и долгие (односложные слова).

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

Их насчитывается восемь фонем.

Хакасский лит. язык: *a, e, o, ö, y, i, į, u, ü* (Дыр.Хак. 7-8).

Шорский лит. язык: *a, e, o, ö, y, i, u, ü* (Дыр.Шор. 7).

Чулымско-тюркский язык

среднечулымский диал.: *a, ä, o, ö, y, i, u, ü* (Бир.Чул. 6, 8, 9, 10-26),

нижнечулымский диал.: *a, (a), ä, (e), o, (ò), ö, y, (į), i, (ĭ), u, (ù), ü* (Дульз. Чул., 447).

Сарыг-югурский язык: *a, e, o, ö, y, i, u, ü* (Тен.Сюг. 7-9).

Фуюйских кыргызов язык: *a, (e), o, ö, ĭ, i, u, ü* (Тен.Ф.-кырг. 457; HG 8).

В.Г.Карпов в число гласных хакасского языка добавляет еще фонему *à (ъ)* – неогубленный гласный среднего ряда нижнего подъема. В действующей орфографии он обозначается буквой *а*: *pala* [palà] 'ребенок', *tura* [turà] 'дом' (Карпов 15, 18).

Диалектный материал. В диалектах, по неполным данным, наблюдается следующая картина.

В качинском (ДФП 9; ДХЯ Пат. I, 9), сагайском (ДХЯ Пат. II, 29) и шорском (ННМ; ДХЯ Меж. 50) диалектах хакасского языка количество и качество относительно кратких гласных совпадает с литературным языком. В чулымско-тюркском языке, не имеющем литературной формы, нижнечулымский диалект насчитывает, согласно А.П.Дульзону, четырнадцать гласных

(фонемы и их аллофоны). В скобки заключены аллофоны, фонем всего восемь, как и в других пяти языках.

* * *

Из приведенного материала можно видеть, что в пракыргызском языке было восемь кратких фонем:

***a, **e, **o, **ö, **y, **i, **u, **ü.*

Система пракыргызских кратких гласных полностью сохранила пратюркскую систему (см. Левит. Фон. 65).

Дистрибуция и соответствия кратких гласных

Негубные гласные краткие фонемы занимают позиции в начале, середине и конце слов. Губные – преимущественно начало или первый слог слова.

По причине раннего смешения племен и их языков возникают колебания по ряду, подъему и огублению гласных в начале, середине и конце слов.

Существующие материалы позволяют показать эти колебания как между языками, так и внутри языков (между диалектами) и внутри диалектов.

1. Между языками

1) *į ~ e* а) между сонантами: хак. *mįn* 'я' ~ шор. *men* 'я' (КА 32) ~ сюг. *men* 'я' (Тен.Сюг. 76);

б) перед сонантами: хак. *įm* 'лекарство' ~ шор. *em* 'лекарство' (КА 73); хак. *čįr* 'земля' ~ шор. *čer* 'земля' (КА 62) ~ сюг. *jer* 'земля' (Тен.Сюг. 183);

2) *o ~ u* перед сонантами: хак. *oŋna* 'понимать' ~ шор. *uŋna* 'знать' (КА 58) ~ сюг. *aŋna-* 'слушать, внимать' (Тен.Сюг. 183); хак. *or-* 'рыть, копать' ~ шор. *ur-* 'наливать, насыпать' (КА 58);

3) *u ~ o* перед смычными увулярными: хак. *uq* 'пуля' ~ шор. *oq* 'пуля' (КА 35) ~ сюг. *oq* 'стрела' (Тен.Сюг. 193);

4) *ü ~ ö* а) перед сонантами: хак. *ürtek* 'утка' ~ шор. *örtek* 'утка' (КА 37); хак. *ürtün* 'ток, гумно' ~ шор. *örten* 'гумно' (КА 37);

б) перед смычными переднеязычными: хак. *üt* 'желчь' ~ шор. *öt* 'желчь' (КА 38).

2. Внутри языков (между диалектами)

Хакасский язык

В начале слова

1) *į ~ e* а) между сонантами: хак.лит., кач., саг. *mįn* 'я' ~ бельт. *mįn/men* ~ кыз., шор.диал. *men*;

б) перед сонантами: хак.лит., кач., саг. *įm* 'лекарство' ~ шор., кыз. *įm/em* (Дм.Исх. 90); кач. *čįr* 'земля' ~ кыз. *šer* ~ шор. *čer* (ДХЯ Пат. I, 13);

2) *a ~ e* перед сонантами: кач. *čarabas* 'нельзя' ~ кыз. *serbes* ~ саг. *čerebes*; кач. *tamki* 'табак' ~ *temki* (ДФП 12);

3) *o ~ u* а) перед сонантами: хак.лит., кач., шор., кыз. *ol* 'он, тот' ~ саг., бельт. *ul*; хак.лит., кач., шор., кыз. *on* 'десять' ~ саг., бельт. *un* (Дм.Исх. 93-95);

б) перед щелевым увулярным: хак.лит. *oγγr* 'вор' ~ бельт. *uγγr* (ДХЯ Борг. 90);

4) *ö ~ ü* а) между двумя щелевыми: хак.лит. кач., кыз., шор. *sös* 'голова' ~ саг., бельт. *süs*;

б) между переднеязычным смычным и сонантом: хак.лит., кач., шор., кыз. *kör* 'смотреть' ~ саг., бельт. *kür*;

в) между переднеязычным и губным смычным: хак.лит., кач., кыз. *köp* 'много' ~ шор. *köp/küp* ~ саг., бельт. *küp* (Дм.Исх. 95-98).

В середине слова

1) *i ~ ö* между сонантами: хак.лит. *körindes* 'зеркало' ~ шор. *köröndöš* (ДХЯ Меж. 51);

2) *e ~ ö* после сонанта: хак.лит. *čürekte* 'в сердце'~ шор. *čüröktö* (ДХЯ Меж. 51);

3) *y ~ o* между сонантами: хак.лит. *omyrha* 'позвонок' ~ шор. *omortho* (ДХЯ Меж. 51).

В конце слова

1) *i ~ e* между переднеязычным и сонантом: хак.лит. *irkiṇ* 'порог' ~ бельт. *irken* (ДХЯ Борг. 88);

2) *e ~ i* между сонантом и щелевым: хак.лит. *küres* 'борьба' ~ бельт. *küris* (ДХЯ Борг. 88);

3) *a ~ y* а) между сонантом и щелевым увулярным: хак.лит. *ynaγ* 'дружный' ~ саг. *ynyγ*; хак.лит. *anaŋ* 'потом' ~ саг. *anyŋ* (ДХЯ Пат. II, 30);

б) в открытом слоге после смычного звонкого: хак.лит. *anda* 'там' ~ бельт. *andy* (ДХЯ Борг. 87);

4) *u ~ a* после сонанта: хак.лит. *pulut* 'облако' ~ бельт. *pulat*; хак.лит. *ulum* 'стог' ~ бельт. *ulam* (ДХЯ Борг. 89);

5) *a ~ u* после сонанта: хак.лит. *pulan* 'лось' ~ бельт. *pulun*; хак.лит. *sula* 'овес' ~ бельт. *sulu* (ДХЯ Борг. 89).

Шорский язык

В начале слова

1) *u ~ y* между смычным и сонантом: *pulan* 'лось' ~ *pylan* (Дыр.Шор. 8);

2) *u ~ o* а) между смычным и сонантом: южношорск. говоры *kujun* 'вихрь' (вм. *kojun*);

б) перед щелевым или смычным: южношорск. говоры *uskum* 'дикий лук' (вм. *oskum*);

в) после сонанта: южношорск. говоры *mugul* 'копна' (вм. *pogul*) (Абд. Чис. 34);

г) перед сонантом: диал. Мрассу *uŋna-* 'понимать' ~ диал. Кондомы *oŋna-* (Дыр.Шор. 8);

3) *ü ~ ö* а) между смычными переднеязычными: южношорск. говоры *küksü* 'спина' (вм. *köksü*);

б) перед сонантом: южношорск. говоры *ürtek* 'утка' (вм. *örtek*);

в) между смычным и щелевым: южношорск. говоры *küs* 'глаз' (вм. *kös*)

(Абд.Чис. 34);

г) перед сонантом: диал. Мрассу *čür-* 'ходить' ~ диал. Кондомы *čör-* (Дыр.Шор. 9);

4) *ö ~ e* а) перед сонантом: южношорск. говоры *öm* 'дом' (вм. *em*);

б) после смычного переднеязычного: южношорск. говоры *köbe* 'лодка' (вм. *kebe*);

в) перед звонким щелевым: южношорск. говоры *öžik* 'дом' (вм. *ežik*) (Абд.Чис. 34).

В середине слова

1) *a ~ y* а) после сонанта со звонким смычным: *albaga* 'соболь' ~ *albyga*;

б) после сонанта с глухим смычным: *kartaga* 'коршун, ястреб' ~ *kartyga* (Дыр.Шор. 7-8);

2) *u ~ y* после сонанта со звонким смычным: *albuga* 'ястреб' ~ *albyga* (Дыр.Шор. 8).

В конце слова

1) *i ~ e* а) после сонанта: *teskeri* 'в обратную сторону; вверх ногами' ~ *teskere*;

б) после звонкого переднеязычного: *emdegi* 'женщина'~ *emdege* (Дыр.Шор. 9);

2) *u ~ y* после сонанта и глухой аффрикаты: *kurču* 'наперсток' ~ *kurčy* (Дыр.Шор. 8);

3) *a ~ y* а) после сонанта и глухой аффрикаты: *karča* 'назад, обратно' ~ *karčy*;

б) после звонкого смычного: *araga* 'вокруг' ~ *aragy*;

в) после глухого смычного: *čajka-* 'качать' ~ *čajky-* (Дыр.Шор. 7-8).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

В начале слова

1) *ö ~ ȯ* в корнях: *kök* 'синий, голубой' ~ *kȯk; köl* 'озеро' ~ *kȯl; kör-* 'смотреть' ~ *kȯr-* (Бир.Чул. 129);

2) *ü ~ u̇* в корнях: *küč* 'сила' ~ *ku̇č; tük* 'пух' ~ *tu̇k; pük* 'луг' ~ *pu̇k* (Бир.Чул. 129).

Сарыг-югурский язык

В начале слова

1) *e ~ i* после сонанта: *nege* 'зачем' ~ *nige* (Тен.Сюг. 22);

2) *a ~ y* между смычными глухими: *qa't* 'сторона' ~ *qy't* (Тен.Сюг. 22);

3) *y ~ i* между сонантами: *jylan* 'змея' ~ *jilan*; *myŋ* 'тысяча' (вм. *miŋ*) (Тен.Сюг. 23);

4) *ü ~ u* а) перед щелевым: *üš* 'три' ~ *uš* (Тен.Сюг. 23);

б) между смычным и сонантом: *k'ul* 'зола' (вм. *kül*) (Тен.Сюг. 23);

5) *ü ~ o* между щелевым и сонантом: *çür-* 'мести' ~ *çor-* (Тен.Сюг. 23);

6) *ö ~ ü* после сонанта: *jörek* 'сердце' ~ *jürek* (Тен.Сюг. 21);

7) *ö ~ e* между глухими смычными: *kö'p* 'много' ~ *ke'p* (Тен.Сюг. 23);

8) *o* ~ *u* перед щелевым увулярным: *oγul* 'сын' ~ *uγul* (Тен.Сюг. 21);

9) *o* ~ *y* между смычным и сонантом: *torvaq* 'почва' ~ *tyrvaq* (Тен.Сюг. 23);

10) *u* ~ *o* между смычным сильным и сонантом: *t'ur-* 'стоять' ~ *t'or-* (Тен.Сюг. 23).

3. Внутри диалектов

Сагайский диалект хакасского языка

В начале слова

1) *o* ~ *u* перед сонантами: хак.лит. *on* 'десять' ~ саг. *un*; хак.лит. *hol* 'рука'~ саг. *hul*; хак.лит. *orta* 'правильно' ~ саг. *urta* ДХЯ Пат. II, 31);

2) *u* ~ *o* а) перед щелевыми: хак.лит. *uh* 'стрела' ~ саг. *oh*;

б) после смычного губного: хак.лит. *pu* 'этот' ~ саг. *po* (ДХЯ Пат. II, 32);

3) *a* ~ *y* между сонантами: *malty* 'топор' ~ *mylta* (ДХЯ Пат. II, 33).

В конце слова

1) *i* ~ *e* а) после сонанта: *kilni* 'невеста' ~ *kilne* (ДХЯ Пат. II, 33);

б) после звонкого смычного: *kildi* 'невеста' ~ *kilde* (ДХЯ Пат. II, 33);

2) *a* ~ *y* а) после смычного глухого: *palta* 'топор' ~ *palty*;

б) после щелевого увулярного: *tajγa* 'тайга' ~ *tajγy*; *toryа* 'шелк' ~ *toryy* (ДХЯ Пат. II, 33);

3) *y* ~ *a* между сонантами: *tajym* 'дядя' ~ *tajam* (ДХЯ Пат. II, 33);

4) *a* ~ *u* а) между сонантами: хак.лит. *pulan* 'лось' ~ бельт. *pulun*;

б) после сонанта: хак.лит. *sula* 'овес' ~ бельт. *sulu* (ДХЯ Борг. 89).

О соответствиях гласных см. еще Дм.Исх. 90-98.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СООТВЕТСТВИЙ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ

Обзор соответствий кратких гласных на разных языковых стратах — между языками, внутри языков (между диалектами) и внутри диалектов — показывает, что некоторые из них распространены во всех языковых стратах, имеют большую историческую глубину и тем самым могут быть отнесены к праязыковому состоянию "кыргызской" группы.

К таким соответствиям относятся:

1) ***i* ~ ***e* а) в начале слова (между и перед сонантами *m, n*; после звонкого переднеязычного *g*);

б) в конце слова (после сонанта *r*);

2) ***e* ~ ***i* а) в начале слова (после сонанта *n*);

б) в конце слова (между сонантом *r* и щелевым *s*);

3) ***o* ~ ***u* в начале слова (перед сонантами *l, n* и щелевым увулярным *γ*);

4) ***u* ~ ***o* в начале слова (между смычным *k* и сонантом *j*, перед щелевым *s* или смычным *k*, после сонанта *m*, перед сонантом *ŋ*, между смычным сильным *t'* и сонантом *r*, перед щелевым *h*, после смычного губного *p*);

5) ***u* ~ ***y* а) в начале слова (между смычным *p* и сонантом *l*);

б) в середине слова (после сонанта *l* со звонким смычным *b* — *lb*);

в) в конце слова (после сонанта *r* с глухой аффрикатой *č* — *rč*);

6) ***ö* ~ ***ü* в начале слова (между двумя щелевыми *s* и *s*, между переднеязычным смычным *k* и сонантом *r*, между переднеязычным *k* и смычным губным *p*, после сонанта *j*);

7) ***ü* ~ ***ö* в начале слова (между переднеязычными смычными *k* и *k*, перед сонантом *r*, между смычным *k* и щелевым *s*, перед сонантом *r*);

8) ***a* ~ ***y* а) в начале слова (между смычными глухими *q* и *'t*, между сонантами *m* и *l*);

б) в середине слова (после сонанта *l* со звонким смычным *b* — *lb*, после сонанта *r* с глухим смычным *t* — *rt*);

в) в конце слова (между сонантом *n* и щелевым увулярным *γ*, в открытом слоге после смычного звонкого *d*, после сонанта *r* и глухой аффрикаты *č* — *rč*, после звонкого смычного *g*, после глухого смычного *k*);

г) в конце слова (после смычного глухого *t*, после щелевого увулярного *γ*);

9) ***y* ~ ***a* в конце слова (между сонантами *j* и *m*);

10) ***u* ~ ***a* в конце слова (после сонанта *l*);

11) ***a* ~ ***u* в конце слова (после сонанта *l*).

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгих гласных фонем в хакасском, шорском, чулымско-тюркском и фуюйско-кыргызском языках восемь, в сарыг-югурском они отсутствуют.

Хакасский лит. язык: *a:, e:, o:, ö:, y:, i:, u:, ü:* (Дыр.Хак. 970, ГХЯ 13-21);

Шорский лит. язык: *a:, e:, o:, ö:, y:, i:, u:, ü:* (Дыр.Шор. 10-11; Амз.Шор. 6);

Чулымско-тюркский язык

среднечулымский диал.: *a:, e:, o:, ö:, i:* (Бир.Чул. 9, 10-26, 182);

нижнечулымский диал.: *a:, (ɑ:), (ä:), e:, o:, ö:, ĭ:, u:, ü:* (Дульз.Чул., 447).

Фуюйских кыргызов язык: *a:, e:, o:, ö:, i:, ĭ:, u:, ü:* (HG 10).

Диалектный материал. Диалекты несут в себе некоторые отличия сравнительно с литературными языками. Следует отметить в качинском диалекте конечные *o, ö* (*pyzö:* 'теленок', *čihčo:* 'висок', *hyro:* 'иней') (МИБ 42). Из четырех говоров качинского диалекта хакасского языка в уйбатском и староиюсском говорах вместо долгих гласных образовались дифтонги: *ie* (вм. *e:*), *uy* (вм. *uvy*), *ay* (вм. *avy*). В староиюсском говоре: *ien* 'плечо' (вм. *e:n*), *iezi* 'хозяин' (вм. *e:zi*), *siek* 'муха' (вм. *se:k*), в уйбатском говоре: *unuys* 'мукá наша' (вм. *unubys* > *unuvys*), *pavays* 'отец наш' (вм. *pabays* > *pavavys*) (ДФП 12). В остальных говорах (абаканском и белоиюсском), можно думать, образовались долгие гласные, как и в литературном языке (ДФП 9).

В сагайском диалекте долгие гласные совпадают с тем, что в литературном языке (ДХЯ Пат. II, 29).

В шорском диалекте долгая *e:* отсутствует (ДХЯ Меж. 50).

В среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка отсутствуют долгие *y:, u:, ü:*, а в нижнечулымском диалекте — долгая *y:*.

* * *

Приведенный материал дает возможность восстановить в пракыргызском языке восемь долгих фонем:

***a:, **e:, **o:, **ö:, **y:, **i:, **u:, **ü:.*

Наличие дифтонгов вместо долгих гласных в двух говорах качинского диалекта, отсутствие долгой *e:* в шорском диалекте хакасского языка, так же как отсутствие долгих *y:* и *u:* в среднечулымском и долгой *y:* в нижнечулымском диалектах чулымско-тюркского языка показывают на сложность образования долгих гласных в "группе кыргызских языков".

Образование долгих гласных

Пракыргызские долгие гласные — результат длительного исторического процесса трансформации звуков вследствие выпадения согласных *j, k, g, γ, n, ŋ* в позиции между гласными или в сочетании с сонорными согласными и последующего стяжения кратких в один долгий звук. Этот процесс можно показать на конкретных примерах.

Хакасский язык: *a:s (< *aγys)* 'рот', *so:x (< *soγuq)* 'холодный', *o:l (< *oγyl)* 'юноша' (Кар.Хак. 431), кач.диал. *pyzo:* 'теленок' *(< *byzau < *byzaγu)*, *xyro:* 'иней' *(< *xyrau < *xyraγu)* (ДФП 11), *se:k* 'муха' *(< *seŋek)*, *xu:* 'лебедь' *(< *kuγu)* (ДХЯ Пат. I, 9-11).

Шорский язык: *pa:r* 'печень' *(< *paγyr)*, *pü:n* 'сегодня' *(< *pügün)* (Дыр.Шор. 11).

Чулымско-тюркский язык (среднечулымский диал.): *a:č* 'дерево' *(<*aγač)*, *či:t* 'молодой' *(<*čigit)*, *kö:k* 'кукушка' *(<*kökük)* (Бир.Чул. 26-35).

Сарыг-югурский язык (отдельные случаи): *e:* 'его, ее' *(< *eni)*, *me:ŋ* 'мой' *(< *meniŋ)*.

Фуюйских кыргызов язык: *a:r (< *aγïr)* 'тяжелый', *a:s (< *aγïs)* 'рот', *sö:k (< *söŋek)* 'кость' (HG 10).

Можно полагать, что процесс образования долгих гласных в "группе кыргызских языков" все еще носит живой продуктивный характер. Об этом свидетельствуют достаточно разнообразные примеры. В качинском диалекте хакасского языка встречаются стяженные и полные формы *t'u:x* и *tujux* 'закрытый (наглухо)', *o:l* и *oγyl* 'парень', *kö:l* и *köŋni* 'настроение его', качинские *ta:x* 'курица', *xa:s* 'ремень', *pü:l* 'нынче', *pi:* 'кобыла', *pü:rek* 'почки', *kö:k* 'кукушка', в других диалектах имеют соответственно полные формы *taŋax, xajys, pojyl, pij, pügrek, kekük* (ДФП 10-11).

В шорском языке стяженные и полные формы распределяются по диалектам — стяженные формы в литературном языке и диалекте Мрассу, полные — в диалекте Кондомы: *čy:l-* 'собираться' ~ *čygyl-*, *pü:n* 'сегодня' ~ *pügün*, *pa:r* 'печень' ~ *paγyr* (Дыр.Шор. 11).

Текущий процесс сложения долгих гласных отражается и в неполноте диалектных парадигм: отсутствие долгой *e:* в шорском диалекте хакасского языка, долгой *y:* в нижнечулымском и долгих *y:* и *u:* в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка. Формирование долгих гласных происходило, по-видимому, по мере разрушения пратюркской парадигмы первичных долгих гласных и исчезновения отдельных ее звеньев в пракыргызском, которые постепенно заменялись долгими гласными производного характера.

Процесс стирания первичных долгих гласных проявляется в наличии трехстепенной долготы гласных в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка: *čoq* 'нет' ~ *čo:q* ~ *čo·q*; *čan* 'бок' ~ *ča:n* ~ *ča·n*; *sas* 'болото' ~ *sa:s* ~ *sa·s*; *čol* 'дорога' ~ *čo:l* ~ *čo·l*; *ös-* 'расти' ~ *ö:s-* ~ *ö·s-*; *sol* 'левый' ~ *so:l* ~ *so·l*; *tört* 'четыре' ~ *tö:rt* ~ *tö·rt* (Бир.Чул. 35-40).

Первичные долгие гласные

От пратюркской парадигмы первичных долгих фонем в "группе кыргызских языков" сохранились как реликт отдельные элементы в односложных словах среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка: *qa:t* 'жена', *ta:s* 'лысый', *sa:t* 'разговор', *je:n* 'рукав', *o:č* 'злой', *ö:t* 'желчь', *ü:n* 'голос' (Бир. Чул. 35-40).

Долгие гласные в основе или словоформах типа *pa:lyq* 'рыба', туркм. *ba:lyq*, *sa:ryy* 'желтый', туркм. *sa:ry*, *pe:žik* 'колыбель', туркм. *bi:šik*, *o:duŋ* 'дрова', туркм. *o:duŋ*, *pö:rük* 'шапка', туркм. *bö:rük*, а также в производных — словоизменительных формах — *qa:rym* 'мой снег' (от *qar* 'снег'), *pa:zym* 'моя голова' (от *pas* 'голова'), *e:reŋ* 'твой муж' (от *är* 'муж'), *čo:ny* 'его шуба' (от *čon* 'шуба') Р.М.Бирюкович называет первичными, ссылаясь на аналогию в туркменском яызке (Бир.Чул. 40-55), что едва ли соответствует истинному положению. Скорее всего здесь имеет место позиционная долгота, которая возникает у гласных первого слога перед узкими *y, i, u, ü* второго слога. Такая долгота отмечена и в хакасском языке, как аллофоны долгие варианты на письме не передаются: *xa:zyŋ* 'береза', *ta:zyŋ* 'бык', *čo:ryx* 'поездка', *kö:dir-* 'поднимать', *kį:ǯir* 'хрящ' (ГХЯ 21).

Дистрибуция и соответствия долгих гласных

Долгие гласные могут быть в позиции начала, середины, конца слов.

Колебания долгих гласных наблюдаются по ряду, подъему и огублению в любой позиции слова как между языками, так и внутри языков (между диалектами).

1. Между языками

į ~ e: перед звонким *d*: хак. *ijdi* 'так, таким образом' ~ шор. *e:de* 'так' (КА 74); хак. *įdök* 'также' ~ шор. *e:doq* 'также, тоже' (КА 74).

2. Внутри языков (между диалектами)

Хакасский язык

В начале слова

1) *e: ~ i:* а) перед звонким щелевым: хак.лит. *e:zi* 'хозяин' ~ саг. *i:zi* 'так';

б) перед сонантом: хак.лит. *e:mek* 'проволока' ~ саг. *i:mek* (ДХЯ Пат. II, 30);

2) *o: ~ u:* перед сонантом: хак.лит., кач., кыз., шор. *o:j* 'легко' ~ саг., бельт. *u:j* (Дм.Исх. 25); хак.лит. *xo:l* 'дупло' ~ саг. *xu:l* (ДХЯ Меж. 53);

3) *ö:* ~ *ü:* перед сонантом: хак.лит. *ö:r* 'стадо' ~ саг. *ü:r*; хак.лит. *kö:l* 'настроение' ~ саг. *kü:l*; хак.лит. *ö:rči* 'радость' ~ саг. *ü:rči* (ДХЯ Пат. II, 32).

В конце слова

o: ~ *a:* а) после звонкого: хак.лит. *pyzo:* 'теленок' ~ саг. *pyza*; хак.лит. *xyro* 'иней' ~ *xra*;

б) после сонанта: хак.лит. *tylo:* 'кочка' ~ саг. *tla* (ДХЯ Пат. II, 30).

Шорский язык

В начале слова

1) *u:* ~ *o:* перед сонантом: *u:l* 'сын' ~ *o:l* (Дыр.Шор. 8);

2) *ü:* ~ *ö:* между переднеязычными: *kü:k* 'кукушка' ~ *kö:k* (Дыр.Шор. 9).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

В начале слова

a: ~ *y: a:l* 'деревня' ~ *y:l*.

3. Внутри диалектов

Сагайский диалект хакасского языка

В первом слоге

ü:~ *ö:* перед сонантами: *pü:r* 'волк' ~ *pö:r*; *pü:n* 'сегодня' ~ *pö:n*; *pü:lgü* 'нынешний' ~ *ö:lgü* (ДХЯ Пат. II, 32).

РЕКОНСТРУКЦИЯ СООТВЕТСТВИЙ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ

Соответствия долгих гласных в принципе повторяют соответствия относительно кратких гласных, но мощность их значительно слабее мощности относительно кратких гласных.

К пракыргызскому языку могут быть отнесены такие соответствия:

1) ***e* ~ ***i:* в первом слоге (перед звонким щелевым *z*, перед сонантом *m*);

2) ***o:* ~ ***u:* в первом слоге (перед сонантом *j*);

3) ***u:* ~ ***o:* в первом слоге (перед сонантом *l*);

4) ***ö:* ~ ***ü:* в первом слоге (перед сонантами *l* и *r*);

5) ***ü:* ~ ***ö:* в первом слоге (между переднеязычными *k* и *k*; перед сонантами *n, l, r*).

Реконструкция пракыргызского вокализма

Ранний период

В раннем периоде пракыргызский унаследовал модель системы гласных пратюркского состояния. Она состоит из двух рядов: 8 гласных кратких и 8 долгих (первичных):

***a*, ***ä*, ***o*, ***ö*, ***y*, ***i*, ***u*, ***ü*;

***a:*, ***e:*, ***o:*, ***ö:*, ***y:*, ***i:*, ***u:*, ***ü:*.

В позднепратюркский период эта система испытала изменения, в числе которых разрушение ряда первичных долгих. Вследствие этого данная вокалическая система стала достоянием пракыргызского в сильно редуцированном виде (за счет утраты первичных долгих). Они сохранились только в чулымско-тюркском языке.

Дистрибуция кратких гласных заключалась в следующем: негубные гласные занимают позиции в начале, середине и конце слова; губные – преимущественно начало или первый слог слова. Вследствие раннего смешения племен и языков "кыргызской" группы возникли колебания по ряду, подъему и огублению кратких гласных в начале, середине и конце слов – образовались соответствия кратких гласных. К раннему периоду следует отнести следующие соответствия:

***i* ~ ***e*, ***e* ~ ***i*, ***o* ~ ***u*, ***u* ~ ***o*, ***a* ~ ***y* (ср. Левит.Фон. 52-64).

Поздний период

В поздний период пракыргызского система кратких и долгих восстановилась полностью. Замещение отдельных звеньев разрушающейся парадигмы первичных долгих происходило постепенно.

Ряд новых долгих гласных пополнили новообразования за счет выпадения согласных *j, k, q, γ, n, ŋ* в позиции между гласными или в сочетании с сонорными согласными и последующего стяжения кратких в одну долгую гласную. Образование вторичных долгих гласных в "группе кыргызских языков" шло довольно сложным путем. Наличие дифтонгов вместо долгих гласных в двух говорах качинского диалекта, отсутствие долгой *e:* в шорском диалекте хакасского языка, а также отсутствие долгих *y:* и *u:* в среднечулымском и долгой *y:* в нижнечулымском диалектах чулымско-тюркского языка показывают неоднородность пути комплектования долгих гласных пракыргызского языка. Первичные долгие сохранились в поздний период пракыргызского как реликтовые формы. Дистрибуция как кратких, так и долгих гласных в поздний период одинакова. Они могут быть в начале, середине и конце слов. Некоторое количество соответствий кратких гласных можно отнести к позднему периоду пракыргызского:

***u* ~ ***y*, ***ö* ~ ***ü*, ***ü* ~ ***ö*, ***y* ~ ***a*, ***u* ~ ***a*, ***a* ~ ***u*.

Долгие гласные подобно кратким образуют соответствия как у кратких гласных:

***e:* ~ ***i:*, ***o:* ~ ***u:*, ***u:* ~ ***o:*, ***ö:* ~ ***ü:*, ***ü:* ~ ***ö:*.

КОНСОНАНТИЗМ

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ

Различительные признаки согласных фонем "группы кыргызских языков" зависят от места, способа образования звука и участия голоса. Существует несколько типов оппозиций согласных фонем:

а) по основному активному органу, охватывающая следующие группы согласных: губно-губные, губно-зубные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные;

б) по дополнительному активному органу – иначе, оппозиция "носовые–неносовые";

в) по участию–неучастию голоса, оппозиция "звонкий–глухой".

В целях краткости изложения состав согласных фонем "кыргызских языков" можно представить в виде системы четырех групп, совмещающих в себе названные выше оппозиции.

Хакасский литературный язык:

1) смычные *p, b, t, d, g, q;*

2) щелевые *f, v, s, z, š, ž, h, γ;*

3) аффрикаты *č, ǯ;*

4) сонанты *j, m, n, ŋ, l, r* (ГХЯ 27-37).

Тот же самый состав согласных фонем хакасского литературного языка у В.Г.Карпова (Кар.Хак. 430), Г.И.Донидзе (Дон.Хак. 461), у Д.И.Чанкова в разделе щелевых не указаны *v, f, š, ž* (Чанков 9-89). Причина элиминирования заключается в том, что эти согласные встречаются только в заимствованных словах.

Шорский литературный язык:

1) смычные *p, b, t, d, k, g, q;*

2) щелевые *s, z, š, ž, h, γ;*

3) аффрикаты *č, (ǯ);*

4) сонанты *j, m, n, ŋ, l, r* (Дыр.Шор. 16-20).

В статье Г.Ф.Бабушкина и Г.И.Донидзе к разряду щелевых отнесена еще пара *v, f*, представленная в составе иноязычных слов (Баб. Дон.Шор. 469). В последней работе по шорскому языку Г.И.Донидзе в разряде щелевых фигурирует фарингальный *h* (Дон.Шор. 499).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект:

1) смычные *p, t, k;*

2) щелевые *v, s, š;*

3) аффриката *č;*

4) сонанты *j, m, n, ŋ, l, r* (Бир.Чул. 78-113).

Нижнечулымский диалект:

1) смычные *p, p', b, b', t, t', d, d', k, k', g, g', q;*

2) щелевые *v, s, s', z, z', ž, h, x, x', γ, γ';*

3) аффрикаты *c, c', ʒ, ʒ';*

4) сонанты *j, m, m̲, n, n', ŋ, l, l', l̲, ł, r, r', p̲* (Дульз.Чул. 448-449).

Палатализованные варианты только в редких случаях имеют значение фонем: *pol'-* 'садиться' и *pol-* 'быть, стать', *ot'-* 'садиться' и *ot-* 'огонь' (там же).

В подводящей итоги статье по чулымско-тюркскому языку Р.М.Бирюкович дает следующую систему согласных этого языка:

1) смычные *p* [b, ·b], *t* [d, ·d], *k* [k, q, g, ġ];

2) щелевые *v, s* [·z, ż], *š* [ž, ž́], *γ;*

3) аффрикаты *c* $^{(н)}$ [ʒ], *č* $^{(с)}$ [ǯ];

4) сонанты *j, m, n, ŋ, l, r* (Бир.Чул. 492).

Знаки (н) и (с) в разряде аффрикат означают соответственно "нижнечулымский" и "среднечулымский".

Сарыг-югурский язык:

1) смычные *p, ʾpᶜ, t, ʾtᶜ, k, ʾkᶜ, q, ʾqᶜ;*

2) щелевые *v, f, s, ʾsᶜ, š, ʾšᶜ ç, x, h;*

3) аффрикаты *ʒ, ʾʒᶜ, č, ʾčᶜ, c, ʾcᶜ, ʒ, ʾʒᶜ;*

4) сонанты *j, m, n, ŋ, l, ł, r* (Тен.Сюг. 11-18).

Фонемы *f, ç, ʒ, ʾʒᶜ, c, ʾcᶜ, ʒ, ʾʒᶜ* усвоены сарыг-югурским языком из потока китайских и тибетских слов.

Фуюйских кыргызов язык:

1) смычные *p, ʾpᶜ, t, ʾtᶜ, k, g, q;*

2) щелевые *s, z, š, ž, h, ħ γ; ʁ;*

3) аффрикаты *č, ǯ;*

4) сонанты *j, m, n, ŋ, l, r* (Тен.Ф.-кырг. 457, HG 11, 21).

Диалектный материал. Материалы диалектов добавляют мало существенно нового в приведенные выше системы согласных "кыргызских языков".

В ранней работе о качинском диалекте хакасского языка Д.Ф. Патачакова в ряду смычных называет *p, b, t, d, k, g*, в числе щелевых – *s, z, h, γ*, среди аффрикат – *č, ǯ* и сонантов – *j, m, n, ŋ, l, r*, указывая при этом, что в староиюсском говоре встречаются еще щелевые *š* и *ž*, а в сагайском и шорском диалектах – задненёбный *q*; из иноязычных слов качинцы усвоили губно-губные *v, f* и аффрикаты *ç* [щ], *c* [ц] (ДФП 12). Во второй, более поздней, работе исследовательница в своей схеме, приведенной выше, к щелевым относит еще одну пару – *š* и *ž* (ДХЯ Пат. I, 15).

Система согласных фонем сагайского диалекта, согласно Д.Ф.Патачаковой, полностью совпадает с названной выше системой качинского диалекта (ДХЯ Пат. II, 34-35). В шорском диалекте, который исследовала Н.Н.Межекова, система согласных повторяет качинскую, но с добавлением в разделе щелевых пары *š, ž* (Н.Н.Межекова подчеркивает их коренной характер – ННМ 10). На наличие *š, ž* в кызыльском диалекте указывают Н.К.Дмитриев и Ф.Г.Исхаков (Дм. Исх. 74-78, 412).

Хакасские диалекты (качинский, сагайский, шорский) и некоторые говоры (кач.диал.) хранят систему согласных, идентичную системе хакасского литературного языка. В говоре деревни Тургай нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка встречаются палатализованные варианты согласных: *n', l', r', p', t', d', c', ʒ', g', k'*. Палатализация согласных только в редких случаях имеет фонематическое значение (Дульз.Чул. 448).

* * *

Сравнение между собой систем согласных пяти языков "кыргызской" группы показывает, что существует некий инвариант, наиболее полно сохранившийся в хакасском и шорском языках. Чулымско-тюркский, сарыг-югурский и фуюйско-кыргызский представляют собою, несомненно, модифика-

ции инварианта: в силу влияния различных причин – внутренних и внешних (экстралингвистических, например, воздействия китайского языка на сарыг-югурский) – исходная система изменилась в трех языках, сохраняя все же в них свой прообраз.

Детально реконструкция пракыргызского консонантизма рассматривается ниже.

ДИСТРИБУЦИЯ И СООТВЕТСТВИЯ СОГЛАСНЫХ

Типовая консонантная модель слова в "кыргызской" группе имеет свои особенности. Из шумных согласных в начале и конце слов и в конце слогов употребляются только глухие. Это относится и к аффрикатам. Глухие звонкие в середине слова между гласными озвончаются (за исключением сарыг-югурского и фуюйско-кыргызского языков). В конце слова из звонких могут быть *γ* и *g*. В начале слова преимущественно сонанты *m* и *n*, в середине, конце слова и слога могут быть все сонанты – *j, m, n, ŋ, l, r*.

Формирование языков и диалектов "кыргызской" группы происходило не одновременно и в различных этноисторических условиях, что явилось причиной установления соответствий согласных как между языками, так и внутри языков (между диалектами) и внутри диалектов. Консонантные соответствия, установившиеся в начале, середине и конце слов, подвергаются реконструкции, как и соответствия вокалические. В свою очередь, реконструкция соответствий создает не только представление о фонетическом состоянии пракыргызского языка в целом, но и закладывает возможность наблюдения живых процессов развития отдельных языков группы в будущем.

1. Между языками

Дистрибуция

1) В начале слов глухие согласные:

а) хак., шор., чул., сюг. *paj* 'богатый, богач';

б) хак. *hys*, шор., чул. *qys*, сюг. *qyz* 'девушка, дочь';

в) хак., шор., чул. *čaj*, сюг. *jej* 'лето'.

2) В середине слов – *z*:

хак. *azah*, шор., чул., сюг., ф.-кырг. *azaq* 'нога'.

3) В конце имен – *γ, g, h* в конце глагольных основ – *z*:

а) хак., шор., чул. *taγ*, сюг. *tʿaγ*, ф.-кырг. *tah* 'гора';

б) хак., шор., чул. *kičig*, ф.-кырг. *gičüh* 'маленький';

в) хак. *kis- [kizerge]*, шор., сюг. *kez-*, ф.-кырг. *gïz-* 'надевать'.

Соответствия

В начале слова

1) *h ~ q ~ qʿ* перед гласными заднего ряда: хак. *han* 'хан' ~ шор., чул. *qan* ~ сюг. *qʿan*;

2) *č ~ j* перед всеми гласными: хак., чул. *čir* 'земля' ~ шор. ~ *čer* ~ сюг. *jer*;

3) *p ~ m* перед гласными заднего ряда: хак., шор. *paγa* 'лягушка' ~ сюг. *paga* ~ чул. *maγa*.

В середине слова

1) *m ~ b* между гласными переднего ряда: хак. *temir* 'железо' ~ сюг. *temer* ~ шор. *tebir*;

2) *z ~ ž ~ s* между всеми гласными: хак. *kizi* 'человек' ~ шор., чул. *kiži* ~ сюг. *kʿysy*, ф.-кырг. *gïžï-*;

В конце слова

1) *s ~ š* после гласных заднего ряда: хак., чул. *as* 'человек' ~ сюг., шор. *aš*;

2) *s ~ š/č ~ č ~ ʾčʿ* после гласных переднего ряда: хак. *is-* 'пить' ~ шор. *iš-/ič-* ~ чул. *ič-* ~ сюг. *iʾčʿ-*;

3) *h ~ q ~ q/qʿ* перед гласными заднего ряда: хак. *ah* 'белый' ~ шор., чул. *aq* ~ сюг. *aq/aqʿ*;

4) *b ~ m ~ p* после гласных переднего ряда: хак. *ib* 'дом' ~ шор. *em* ~ чул. *äp* ~ сюг. *jü/jüj/jüö*.

2. Внутри языков (между диалектами)

Хакасский язык

Дистрибуция

В начале слова

1) *p- (<*b)*: *par* 'есть, иметься', *pas* 'голова, начало', *pas-* 'давить, ступать'.

Но в "Лексиконе" Г.Ф.Миллера (1735 г.) [и в "Словаре" из коллекции Аделунга (XVIII в.)] во всех диалектах хакасского языка отмечено звонкое *b* в начале слов: *bala* 'дитя', *baba* 'отец', *byčak* 'нож', *buga* 'бык', *bugdaj* 'пшеница', *bej/bi* 'кобыла', *buzo* 'теленок', *bis* 'мы', *bür* 'лист' и т.д. (ДХЯ Борг. 123).

Противоречие можно объяснить тем, что оглушение начального **b* сравнительно недавнее явление (по крайней мере после XVIII в.), либо особенностями словарных записей XVIII в., для верификации которых требуются другие источники.

2) *č- (<*j)* перед всеми гласными: *čashy* 'весна', *čir* 'земля', *čyl* 'год', *čo:n* 'толстый', *čurt* 'жилище' (Дм.Исх. 103-104).

В "Лексиконе" Г.Ф.Миллера (1735 г.) звонкий *ǯ* вместо *č*: *ǯiltys* 'звезда' (хак.лит. *čiltys*), *ǯyl* 'год' (хак.лит. *čyl*), *ǯity* 'семь' (хак.лит. *čiti*) (МИБ 42).

3) *n- (<*j)* перед *a, y, i*: *na:* 'новый', *nan* 'бок', *nymah* 'сказка', *nige* 'невеста', *nimịs* 'зерно' (Дм.Исх. 104).

Сонант *n* в начале слов помечен в "Лексиконе" Г.Ф.Миллера (1735 г.): *nangmyr* 'дождь' (хак.лит. *naŋmyr*), *nag* 'щека' (хак.лит. *na:h*) (МИБ 42-43).

4) *h- (<*q)* в хакасском литературном языке перед всеми гласными заднего ряда: *haziŋ* 'береза', *harah* 'глаз, взгляд', *hozan* 'заяц', *huzuh* 'орех', *hyzar-* 'краснеть'.

По свидетельству научного сотрудника Хакасского НИИЯЛИ В.И.Доможакова, в отдельных территориальных говорах хакасского языка встречается *q* вместо *h*: *qara:* 'ночь' (хак.лит. *hara:*), *qaraq* 'глаз, взгляд' (хак.лит. *harah*), *qol* 'рука' (хак.лит. *hol*), *qurut* 'сушеный сыр' (хак.лит. *hurut*) (Дм.Исх. 130).

То же указывает М.И.Боргояков, приводя примеры из "Лексикона" Г.Ф.Миллера (1735), и резонно приходит к заключению, "что звук *x* в языке

населения XVIII в. не бытовал повсеместно. Широкое распространение он получил в более поздние периоды развития хакасского общенародного языка" (МИБ 43-44).

В середине слова

1) В середине слов, как правило, глухие *p, t, s, h, k* в позиции между гласными или сонорными согласными озвончаются: *hap-* 'хватать, ловить' – *habyl-* (страд.з.) 'быть схваченным; вспыхнуть', *at* 'имя' – *ady* (принадл.) 'его имя', *pas* 'голова; верхушка' – *aγas pazy* 'верхушка дерева', *azah* 'нога' – *a:l azaγy* 'окраина деревни', *könek* 'ведро' – *könegim/köne:m* 'мое ведро'.

2) В середине имен звонкое *z* (вм. **j*): *azah* 'нога, лапа', *hazyŋ* 'береза', *hozan* 'заяц', *kizö* 'зять', *ashyr* 'жеребец', *azyr* 'вилы' (Дм.Исх. 115).

М.И.Боргояков замечает, что "з-признак в середине слова встречается во всех словарных и диалектных материалах XVIII в., следовательно, этот важный отличительный признак хакасского языка в то время уже бытовал" (МИБ 50).

Тем не менее, следует также отметить, что в речи качинцев и койбалов, помеченных в "Лексиконе" Г.Ф.Миллера (1735) под географическим наименованием "Красноярский" (где качинцы и койбалы жили), встречались немногие слова с глухим *s* в интервокальном положении: красн. *asak* 'нога' (вм. хак.лит. *azah*), красн. *hasyng/kazyng* 'береза' (вм. хак.лит. *hazyŋ*), красн. *askyr* 'жеребец' (вм. хак.лит. *ashyr*, саг. *ahsyr*) (МИБ 43).

Это, конечно, не ошибочное написание, а фиксация того, что слышал автор из уст качинцев и койбалов, – это, несомненно, реликтовое *s*.

В хакасском языке в позиции между гласными в середине слова встречаются глухие согласные *t, č, k, h* (иногда и *p*), которые начинают собою слог, идущий за гласными, т.е. за открытым слогом: *otyh* 'огниво', *otah* 'шалаш', *hatyγ* 'твердый', *ačyγ* 'горький', *kičig* 'брод', *iki* 'два', *očyh* 'таган', *taha* 'каблук' и т.д. (Дм.Исх. 124).

Есть убедительное объяснение этой "аномалии" в хакасском языке. Оно принадлежит Н.К.Дмитриеву и Ф.Г.Исхакову. Касаясь названного явления, авторы пишут, что "глухие согласные в приведенных выше словах, возможно, в прошлом были удвоенными и лишь впоследствии они превратились сначала в простые, но с удлиненной долготой, а потом многие из них, утратив эту долготу, превратились в согласные с нормальной долготой" (Дм.Исх. 125).

Из этого списка слов надо исключить слова, относящиеся к культурной лексике, как, например, *hutuh* 'колодец' (вм. хак.лит. *huzuh*) (Дм.Исх. 114).

В конце слова

1) Звонкое *-p (<*-b)* в конце слов не употребляется, за исключением двух слов: *ib* 'юрта', *hyb* 'подкладка' (Дм.Исх. 119).

2) Глухая аффриката *č* в конечной позиции слов не встречается.

3) В конце слов, как правило, стоит щелевое *h* (вм. *q*). Но, по свидетельству В.И.Доможакова, в некоторых хакасских говорах *q* встречается не только в начале, но и в конце слов: *uq* 'пуля' (хак.лит. *uh*), *so:q* 'холодный' (хак.лит. *so:h*), *majmaq* 'обувь' (хак.лит. *majmah*) (Дм.Исх. 130).

4) Конец слова хранит звонкие *γ* и *g*: *suγ* 'вода', *taγ* 'гора', *uluγ* 'большой', *saryγ* 'желтый', *čylyγ* 'теплый', *izig* 'жарко', *čitig* 'острый', *töleg* 'платный', *süttig* 'молочный', *kičig* 'маленький' (Дм.Исх. 120).

5) *-s (<*č)*: *as-* 'открывать', *is-* 'пить', *küs* 'сила', *üs* 'три', *us* 'острие', *ös* 'месть', *sas* 'волосы' (Дм.Исх. 116).

6) *-s (<*š)*: *pas* 'голова', *tas* 'камень', *tis* 'зуб', *sadra* 'рябой', *salγyn* 'репа' (Дм.Исх. 116).

7) *-s (<*z)*: *pis* 'мы', *is* 'след', *hys* 'девушка', *has* 'гусь', *tus* 'соль' *sös* 'слово' (Дм.Исх. 116).

8) *-s (<*j)*: *tos-* 'насыщаться', *kis-* 'надевать', *čas-* 'расстилать', *tys-* 'унимать' (Дм.Исх.116).

Соответствия

В начале слова

1) *č ~ š* перед широкими гласными: кач. *čoh* 'нет' ~ кыз. *šoh*; кач. *čahsy* 'хороший' ~ кыз. *šahsy*; кач. *čarabas* 'нельзя' ~ кыз. *šarabas* (ДХЯ Пат. I, 18-19);

2) *č ~ n* перед широкими гласными: кач. *čalyys* 'хороший' ~ кыз. *nayys* (ДХЯ Пат. I, 18-19);

3) *n ~ č* перед узкими гласными: кач. *nitke* 'затылок' ~ саг. *čitke*; кач. *nymzah* 'затылок' ~ саг. *čymžah* (ДХЯ Пат. I, 18-19);

4) *č ~ s* перед узкими гласными: кач. *čymalčah* 'мизинец' ~ саг. *symalčah*; кач. *čüs* 'сто' ~ кыз. *süs* (ДФП 14);

5) *č ~ j* перед всеми гласными: кач. *čahsy* 'хороший' ~ кыз. *jahsy*; кач. *čir* 'земля' ~ кыз. *jär* (ДФП 14);

6) *p ~ m* перед губными гласными: кач. *pözik* 'высокий' ~ саг. *müzik* (ДФП 14);

7) *dž/zž ~ j ~ č* перед всеми гласными: кач. *džabys* 'низкий' ~ кыз. *jabys* ~ саг., бельт. *čabys*; кач. *zžon* 'толстый' ~ кыз. *jun* ~ кайд. *žon* ~ саг., бельт. *čon*; кач. *dzěl* 'ветер' ~ кыз. *jel* ~ кайд. *zžel* ~ саг., бельт. *čel*.

Примеры приведены (с сохранением транскрипции автора) из рукописи "Перевод Российского словаря на языки: качинский, кызыльский, кайданский, сагайский и бельтирский" (конец 60-х годов XVIII в.). Такие особенности качинского (*ǯ-*) и сагайского (*č-*) диалектов в начале XIX в. отмечены также Г.Спасским (Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. II. С. 9) (ДХЯ Борг. 122).

В середине слова

1) *č ~ ǯ* между широкими и узкими гласными: кач. *pyčah* 'нож' ~ кыз. *pyǯah*; кач. *ačyh* 'открытый' ~ кыз. *a:ǯyh* (ДХЯ Пат. I, 18);

2) *ǯ ~ ž* между гласными или сонантами и гласными: кач. *kinǯi* 'цепь' ~ кыз. *känži*; кач. *kiǯigde* 'в детстве' ~ кыз. *kižigde* (ДХЯ Пат. I, 18);

3) *m ~ b* между всеми гласными: кач. *nime* 'что' ~ шор.диал. *ebe*; кач. *tamah* 'пища' ~ шор.диал. *tabah* (ДФП 14).

В конце слова

1) *g ~ h* после узких гласных: бельт. *agryg* 'больной' ~ кач. *agryh*; белт. *čityg* 'острый' ~ кач. *džityh* ~ кыз. *ịdyh* [примеры принадлежат Н.Кострову (1858 г.)] (ДХЯ Борг. 122-123);

2) *g ~ ∅ ~ k* после губных узких гласных: белт. *sug* 'вода' ~ саг., кыз. *su* ~ кайд. *suk* [примеры принадлежат Н.Кострову (1858 г.)] (ДХЯ Борг. 123);

3) *ɣ ~ g* после согласных заднего ряда: кач. *suɣ* 'вода' ~ саг. *sug*; кач. *taɣ* 'гора' ~ саг. *tag*; кач. *šaɣ* 'сало' ~ саг. *čag*; кач. *saryɣ* 'желтый' ~ саг. *saryg* (ДХЯ Пат. I, 19);

4) *ŋ ~ g* после всех гласных: кач. *toŋ-* 'мерзнуть' ~ саг. *tog-*; кач. *teŋ-/teg-* 'касаться' ~ саг. *teg-/tig-* (ДХЯ Пат. I, 19).

Шорский язык

Дистрибуция

В начале слова

1) *p- (<*b)* перед всеми гласными: *pijik* 'высокий', *poju* 'он сам', *püdür-* 'создавать' (Дыр.Шор. 17);

2) *č- (<*j)* перед всеми гласными: *čaj* 'лето', *čig* 'сырой', *čet-* 'достигать', *čol* 'дорога', *čüs* 'сто' (Дыр.Шор. 18);

3) *n- (<*j)*: *nan-* 'возвращаться', *nybyrt* 'черемуха', *nik* 'легкий' (Дыр.Шор. 18);

4) *š- (<*č)* перед широкими гласными: *šana* 'лыжи', *šabal* 'хвоя', *šajɣɣ-* 'колыхать; взбалтывать' (Дыр.Шор. 17);

5) *q-*: *qar* 'снег', *qaraq* 'лаз', *qulaq* 'ухо', *qus* 'птица', *qalyq* 'народ' (Дыр.Шор. 16);

6) *k-*: *köl* 'озеро', *kül* 'зола', *kebege* 'печь', *kök* 'синий', *kičig* 'маленький' (Дыр.Шор. 16).

В середине слова

1) *-j-*: *qaja* 'скала', *qojun* 'вихрь' (Дыр.Шор. 19);

2) в середине слов (и словоформ) глухие согласные *p, t, č, s, š, k* в позиции между гласными или сонорными согласными приобретают звонкость: *aba* (вм. *apa*) 'отец', *köbük* (вм. *köpük*) 'пена', *kaby* (< *kap + y*) 'мешок его', *ada-* (из *at + a*) 'называть', *čadyg* (из *čat + yg*) 'жизнь', *pazym/pažym* (< *pas/paš + ym*) 'моя голова', *ežik* (< **ešik*) 'дверь', *pežik* (< **pešik*) 'колыбель', *ižen-* (< **išen-*) 'надеяться', *eže* (< **eče*) 'мать', *aŋžy* (< **aŋčy*) 'охотник';

3) в середине имен звонкий *z (<*j)*: *azak* 'нога', *kozan* 'заяц', *azyg* 'медведь', *mözük* 'высокий'.

В середине слова в позиции между гласными могут быть и глухие согласные *k, t*: *makyš* 'лестница', *öpökö* 'двор', *öreken* 'старуха'. Н.П.Дыренкова появление одиночных глухих согласных объясняет тем, что здесь имеет место "количественное увеличение, больше, чем один звук, что подтверждается параллельным произношением этих звуков как удвоенных и как долгих: *mÿkÿp-* и *mÿkkÿp-* 'плевать', *абакай* и *абаккай* 'госпожа, белолицая, красавица', *четы* и *четты* 'семь'" (Дыр.Шор. 20).

В конце слова

1) В конечной позиции встречается глухая аффриката *-č*: *ač* 'голодный', *ič-* 'пить', *keč-* 'переправляться' (Дыр.Шор. 18);

2) в конце слов может быть *-j*: *aj* 'месяц', *qoj* 'овца', *paj* 'богатый' (Дыр.Шор. 19);

3) глухое *s (<*z)*: *sös* 'слово', *as-* 'заблуждаться' (Дыр.Шор. 17);

4) глухое *š*: *paš* 'голова', *qyš* 'зима', *peš* 'пять' (Дыр.Шор. 17);

5) в конце слов обычно присутствие глухого *p*: *qap* 'мешок', *kep* 'одежда' (Дыр.Шор. 19);

6) в конце слов с задним рядом гласных встречается звонкий заднеязычный спирант: *taɣ* 'гора', *aɣ* 'сеть', *saryɣ* 'желтый', *uluɣ* 'большой', *koɣ-* 'преследовать' (Дыр.Шор. 16).

Соответствия

В начале слова

1) *p ~ m* перед широкими губными гласными: гов. верховьев р. Кондомы *pörü* 'волк' ~ *mörü*, гов. в. Кондомы и Мрассу *porsuq* 'барсук' ~ *morsuq* (см. еще *mus* 'лед'~*pus*, *mergen* 'ловкий'~ *pergen*, *maltyr* 'икры ног'~ *paltyr*) (Дыр.Шор. 19);

2) *č ~ š* перед негубными гласными: диал. Мрассу *šarčyn* 'коновязь' ~ диал. Кондомы *čarčyn*; диал. Мрассу *šyda-* 'терпеть' ~ диал. Кондомы *čyda-*; диал. Мрассу *šergej* 'ловушка' ~ диал. Кондомы *čergej* (Дыр.Шор. 18);

3) *j ~ č* перед широкими гласными: в прошлом русские слова с *j*-началом шорцы произносили с *č* – *Яков* [jakov] ~ *Čaqyp* (Дыр.Шор. 18).

В середине слова

1) *č ~ ž* между широкими и узкими гласными: диал. Мрассу *ažylyɣ* 'открытый' ~ диал. Кондомы *ačylyɣ*.

В конце слова

č ~ š после широких гласных: диал. Мрассу *aš* 'голодный' ~ диал. Кондомы *ač*.

Чулымско-тюркский язык

Дистрибуция

В начале слова

1) *p- (<*b)* перед всеми гласными: *paɣ* 'веревка', *puraq* 'мелкая рыба', *pölüɣ* 'граница' (Бир.Чул. 86);

2) *č- (<*j)* перед всеми гласными: *čaŋ* 'новый', *čip* 'нитки', *či:t* 'молодой', *čimči* 'щепотка' (Бир.Чул. 86);

3) *q-* перед всеми гласными: *qajmaq* 'сливки', *qamys* 'поварешка', *qaŋ* 'царь', *qur* 'пояс', *qaraɣat* 'смородина' (Бир.Чул. 92).

В середине слова

1) *-p-* в соседстве со щелевой или аффрикатой: *qyspaq* 'охапка', *äpči* 'женщина'. В интервокальной позиции и в соседстве с сонорными *p*, так же как и *t, s, h, k*, озвончается: *qa:byɣ* (ср. тур. *kapy*) 'дверь', *šolbo:n* (ср. кирг. *čolpon*) 'звезда', *kerbek* (ср. тат. *kerpek*) 'ресница' (Бир.Чул. 87), *qajnadarɣa* (ср. тат. *qajnatyrɣa*) 'варить', *šedän* (ср. тат. *čitän*) 'ограда' (Бир.Чул. 90), *parzyn* (ср.

тур. *varsyn*) 'пусть идет', *kem-bolza* (ср. тат. *kem-bulsa*) 'кто-нибудь' (Бир.Чул. 99), *soyur* (ср. тат. *suqyr*) 'слепой', *sayal* (ср. тур. *sakal*) 'борода' (Бир.Чул. 105).

2) *-č-* между гласными и в соседстве с сонорными: *a:čyq* 'открытый', *čirčä* 'стакан', *purčuq* 'почка' (Бир.Чул. 110).

Но в потоке речи после предшествующей гласной, звонкой или сонорной согласной возникает позиционный вариант *ǯ*: *anda ǯo:re:bys* 'мы там ходили', *suy ǯayan* 'шел дождь', *ol ǯadar* 'он дойдет' (Бир.Чул. 112);

3) *-z- (<*j)* между гласными и перед сонорными: *äzär* 'седло', *quzuq* 'орехи', *quzuruq* 'хвост', *čazay* 'пешком', *a:zra-* 'кормить' (Бир.Чул. 99).

4) *-j-* только между гласными: *ta:jym* 'младший брат моей матери', *ajaq* 'чашка', *ujat* 'стыд', *ojen* 'игра', *qojuŋ* 'грудь' (Бир.Чул. 106-107).

В конце слова

1) *-p* после всех гласных: *qap* 'охапка', *äp* 'дом', *čip* 'нитка' (Бир.Чул. 86);

2) глухая аффриката *-č* после всех гласных: *küč* 'сила', *uč* 'вершина', *käč* 'ребенок', *a:lyč* 'зверь', *qamyč* 'ковш', *sa:ruč* 'горностай' (Бир.Чул. 110);

3) глухое *-q* после всех гласных: *qajmaq* 'сливки', *qulaq* 'ухо', *qaraq* 'глаз' (Бир. Чул. 92);

4) звонкое щелевое *-y* после всех гласных: *tay* 'гора', *otay* 'шалаш', *suy* 'вода', *päy* 'начальство', *uluy* 'большой' (Бир.Чул. 105);

5) увулярное *-ŋ* после всех гласных: *taŋ* 'заря', *čaŋ* 'новый', *qali:ŋ* 'ветка', *qajlaŋ* 'чайка', *ti:ŋ* 'белка' (Бир.Чул. 84).

Соответствия

В начале слова

1) *č ~ š'* перед всеми гласными: тут.гов. *čäl* 'ветер' ~ мел.г. *š'äl*; тут.гов. *čip* 'нитка' ~ мел.гов. *š'ip*; тут.гов. *čaqsy* 'хорошо' ~ мел.гов. *š'aqsy* (Бир.Чул. 142);

2) *j ~ č ~ š'* перед всеми гласными: н.-чул. *jär* 'земля' ~ ср.-чул., тут.ч. *čär* ~ ср.-чул., мел.гов. *š'är*; н.-чул. *jamyy* 'кожа' ~ ср.-чул., тут.гов. *čamyy* ~ ср.-чул., мел.гов. *š'amyy*; н.-чул. *jigin-* 'собираться' ~ ср.-чул., тут.гов. *čigin-* ~ ср.-чул., мел.гов. *š'igin-* (Бир.Чул. 102, 172-173);

3) *c ~ č ~ š* перед всеми гласными: н.-чул. *cac* 'волос' ~ тут.г. *čač* ~ ср.-чул., мел.г. *šaš*; н.-чул. *üc* 'три' ~ ср.-чул., тут.г. *üč* ~ ср.-чул., мел.г. *üš* (Бир.Чул. 173).

В середине слова

1) *w ~ b* между широкими и узкими гласными: ср.-чул. *äweč* 'рубль' ~ *äbäč*; ср.-чул. *qawyrya* 'ребро' ~ *qa:byrya*; ср.-чул. *ta:wyraq* 'скоро' ~ *ta:byraq* (Бир.Чул. 108);

2) *w ~ p* между *q* и гласной: *aqwos* 'белый' ~ *aqpus* (Бир.Чул. 108).

Сарыг-югурский язык

Дистрибуция

В начале слова

В сарыг-югурском языке, не имеющем литературной формы, в начале слов встречаются сильные и слабые согласные с их аллофонами – в основном глухие согласные.

Слов с сонантным началом очень мало. Исключения составляют:

1) *j* перед всеми согласными: *jaymyr* 'дождь', *jol* 'дорога', *jer* 'земля', *jumšaq* 'мягкий', *jultys* 'звезда' (Тен.Сюг. 36);

2) *ǰ/ʒ/ʒ/ç/ʃ* в основном перед узкими, реже – перед широкими: *ǰiŋne* 'игла', *ʒim-* 'жмуриться', *ʒyyyt* 'юноша', *ʒe'p~çep~ʃep* 'нитка', *ʒö* 'дом', *ʒör-* 'ходить' (Тен.Сюг. 36).

В середине слова

В середине слов – те же сильные и слабые согласные с их аллофонами, что и в начале слов, но в средней позиции звонкие более устойчивы, чем в начале.

В середине имен встречается звонкое *z*: *azaq* 'нога, ступня', *quziyu* 'зять', *jazaq* 'пеший', *ezer* 'седло', *azyyr* 'жеребец', *pezik* 'большой' (Тен.Сюг. 36);

В конце слова

В конечной позиции – те же сильные и слабые согласные с их аллофонами, подобно началу и середине слова.

В конце слова устойчивы звонкие *γ, g, z* и сонанты: *tay* 'гора', *pay* 'веревка', *p'ey* 'князь, начальник', *qoz-* 'лить', *kez-* 'одевать', *aj-* 'говорить', *ej/äj* 'месяц, луна' (Тен. Сюг.).

Соответствия

В начале слова

1) *p ~ m* перед *u*: *puya* 'этому' ~ *muya*;

2) *p ~ v* перед широкими негубными гласными: *par-* 'идти' ~ *var-*;

3) *t ~ ǯ* перед узкими передними гласными: *ti* 'верблюд' ~ *ǰi*;

4) *š ~ ʒ* перед узкими губными гласными: *šizinzy* 'третий' ~ *ʒüzynzy*;

5) *ʃ ~ ʒ* перед гласными переднего ряда: *ʃip* 'нитка, веревка' ~ *ʒe'p*;

6) *j ~ ǰ* перед узкими гласными: *jil* 'год' ~ *ǰil*;

7) *ǰ ~ ʒ* перед узкими гласными: *jil* 'ветер' ~ *ʒil*, *jim-* 'жмуриться' ~ *ʒim-*;

8) *j ~ ʒ* перед губными гласными: *jö* 'дом' ~ *ʒö*, *jor-* 'ходить' ~ *ʒör-*;

9) *q' ~ x* перед широкими гласными: *q'aptro* 'осталось' ~ *xaptro*;

10) *š ~ č* перед широкими гласными: *šopaq (< *čovaq)* 'глина', *šaž (< *čač)* 'волосы';

11) *l ~ n* перед широкими губными гласными: *lom (<* гр. *nom)* 'канон, закон', *loxta (<* монг. *noxta)* 'уздечка' (Тен.Сюг. 25-26).

В середине слова

1) *ŋ ~ y* между широкими гласными: *jaŋan* 'слон' ~ *jayan*;

2) *š ~ č* между гласной и глухим согласным: *iškeri (< *ičkeri)* 'внутренний';

3) *s ~ š* перед узкими гласными: *isik (< *išik)* 'дверь';

4) *v ~ p* между сонорными и гласными: *solvan (< *čolpan)* 'утренняя звезда', *terve- (< *terbe-)* 'колебаться';

5) *v ~ y* между гласными заднего ряда: *savutaq (<* монг. *sayaday)* 'колчан' (Тен.Сюг. 26-27).

В конце слова

1) *š ~ ʒ* после узких гласных: *yš-* 'пить' ~ *hiʒ-*;

2) *s* ~ *z* после узких гласных: *mys* 'мы' ~ *byz*;

3) *š* ~ *č* после широких гласных: *aš (< *ač)* 'голодный', *qyrlaš (< *qyrlač)* 'ласточка';

4) *ʃ* ~ *č* после широких гласных: *oʃ (< *o:č ~ avuč)* 'горсть';

5) *ž* ~ *č* после широких гласных: *šaž (< *čač)* 'волосы', *šaž- (< *čač-)* 'брызгать' (Тен.Сюг. 25-26);

6) *s* ~ *š* после всех гласных: *qus (< *quš)* 'птица', *tas (< *taš)* 'камень', *as (< *aš)* 'угощение, пир', *qys (< *qyš)* 'зима', *kumus (< *kümüš)* 'серебро'.

Соответствие *s* < *š*, компенсирующее перебой *š* < *č*, является достоянием кыпчакских или испытавших их влияние языков (Тен.Сюг. 25-26).

Фуюйско-кыргызский язык

Дистрибуция

В начале слова

В фуюйско-кыргызском языке, у которого литературная форма отсутствует, в начале слов среди смычных возможны сильные и слабые согласные с их аллофонами.

В начале слов встречаются сонант *n*, щелевая *š* и аффриката *ǰ*:

1) *n (< *j-)* перед *a, o*: *nomurtga* 'яйцо', *nomoh* 'сказка', *namĭr* 'дождь', *na:h* 'щека', *nan-* 'возвращаться' (HG 16);

2) *š (<*č)* перед *a, e, ĭ*: *šĭh-* 'выходить', *šah* 'время, пора', *šerik* 'солдат' (HG 21);

3) *ǰ* перед *a, u, ü, e, i*: *ǰir* 'земля', *ǰe:rin* 'газель', *ǰes* 'медь', *ǰun-* 'мыться', *ǰür-* 'ходить', *ǰa:n-* 'слон' (HG 19).

В середине слова

Сохраняется классификационный признак *-z-*: *gozĭn* 'заяц', *buzĭh* 'большой', *bozĭm* 'я сам' (HG 17).

Звонкий между гласными спирантизуется: *aβa (< *aba)* 'отец'. Звонкий *d* в интервокальной позиции приобретает межзубный оттенок *ð*: *kĭðĭh (< gĭdĭr)* 'юг', *uðĭh (< udĭh)* 'сапог' (HG 12).

В конце слова

Встречаются звонкие согласные *b, z*: *ib* 'дом' (HG 11, 32) и *gĭb* 'одежда' (HG 49); *giz-* 'надевать' (HG 14).

Наблюдается оглушение звонких: *tah (<*tay)* 'гора', *gičüh (<*gičig)* 'маленький'.

Вместо *č* в конце слов — *š*: *uš-* 'летать', *iš-* 'пить' (HG 18).

3. Внутри диалектов

Диалекты хакасского языка

Качинский диалект

Соответствия

В начале слова

1) *j* ~ *č* перед широкими гласными: *jahsy* 'хороший' ~ *čahsy; jabal* 'плохой' ~ *čabal; jablah* 'картофель'~ *čablah; järba* — назв. реки ~ *čorba* (ДХЯ Пат. I, 16);

2) *č* ~ *n* перед негубными гласными: *čalbajta* 'плашмя' ~ *nalbajta*; *čyŋnahta-* 'прибирать' ~ *nyŋnahta-*; *čajhal-* 'важно раскачиваться' ~ *najhal-* (ДХЯ Пат. I, 19).

В конце слова

s ~ *č'* после негубных гласных: *ayas* 'дерево' ~ *ayač'*; *tökpes* 'пень' ~ *tökpeč'* (ДФП 14).

Баражульский говор качинского диалекта

Это говор качинцев Баражульского сельсовета Ширинского района. Наблюдения сделаны Н.А.Аткниной.

Соответствия

В начале слова

1) *s* ~ *š* перед всеми гласными: *syraj* 'лицо' ~ *šyraj*; *sabyn* 'мыло' ~ *šabyn*; *suru* 'бусы'~ *šuru*; *pashy* 'молоток' ~ *pašhy*; *tipsį* 'корытце' ~ *tipšį* (Дм.Исх. 112-113);

2) *s* ~ *č* перед узкими гласными: *siliŋ* 'костный мозг' ~ *čiliŋ*; *synčah* 'клин' ~ *čynčah*; *süstük* 'перстень' ~ *čüstük* (Дм.Исх. 113).

В середине слова

ž ~ *z* между гласными, сонорным и гласной: *kiži* 'человек' ~ *kizi*; *töžek* 'постель' ~ *tözek*; *haža* 'двор' ~ *haza*; *syžro* 'вилы' ~ *syzro*; *tumžuh* 'клюв' ~ *tumzuh* (Дм.Исх. 113).

В конце слова

s ~ *š* после всех гласных: *hamys* 'лицо' ~ *hamyš*; *tas* 'мыло' ~ *taš*; *ködes* 'бусы' ~ *ködeš*; *kibis* 'молоток' ~ *kibiš* (Дм.Исх. 113).

Кангатский говор качинского диалекта

Исходя из материалов "Лексикона" Г.Ф.Миллера (1735 г.), можно полагать, что кангаты (хааш) представляют собой отколовшуюся небольшую группу "красноярских" качинцев (МИБ 65).

В другом сочинении Г.Ф.Миллера "Собрание слов из языка чулымских татар, кангатов, тайгинцев, камасинцев" выясняется, что в кангатском говоре:

1) в начале слова — *n*: *na:g* 'щека', *nymyrha* 'яйцо';

2) в середине слова — *z*: *azak* 'нога', *hazyŋ* 'береза', *kozan* 'заяц';

3) в конце слова — *g*: *tag* 'гора' и *s*: *tus* 'соль' (МИБ 65-67).

Кайдынский говор качинского диалекта

В составе улусов XVII-XVIII вв. называется Кайдынов улус, который находится в пределах восточных Саян. Местное население края, кайдынцы, впоследствии влились в среду качинцев и койбалов.

В одном из словников Ф.П.Аделунга "Перевод Российского словаря на языки: качинский, кызыльский, кайдынский, сагайский и бельтирский" отмечены некоторые особенности кайдынского говора — *ž (zš)* в начале слов: кыз. *jürek* 'сердце' ~ кач. *žurek* ~ кайд. *žurek* ~ саг., бельт. *čurek*; кыз. *jun* 'толстый' ~ кач. *zžon* ~ кайд. *žon* ~ саг., бельт. *čon*; кыз. *jazy* 'поле' ~ кач. *zžazy* ~ кайд. *zšazy* ~ саг., бельт. *čazy* (МИБ 70-71). Любопытная черта кайдынского говора — интервокальный *r* вместо *z*: *urun* 'длина' (вм. *uzun*), *berük* 'высота'

(вм. *bezük*), *izeri* 'мать' (вм. *iǯezi*) (ДХЯ Борг. 123).

Камасинский говор качинского диалекта

Так определяет М.И.Боргояков статус речи камасинцев (по-хакасски *haŋmazy*), селившихся на правой стороне Енисея и делившихся на "степных" и "лесных", вопреки устаревшему мнению о самостоятельном языке камасинцев (МИБ 72, 75).

В камасинском говоре в начале слова было *š* (камас. *šortan* 'щука' ~ саг. *sortan* ~ кач. *sortan*; камас. *ša:gas* 'ум, разум' ~ койб. *sa:gas* ~ хак.лит. *sa:γys*), а также *b* (камас. *botho* 'каша' ~ койб. *botka* ~ хак.лит. *potha/pothy*). В середине слова — *v* (камас. *tavan* 'пятка' ~ койб., хак.лит. *taban*) (МИБ 72, 74-75).

Сагайский диалект

Дистрибуция

В начале слова

В сагайском диалекте в начале слова могут быть только глухие согласные (ДХЯ Пат. II, 35).

В середине слова

В позиции между гласными, как правило, звонкое *z*: *müzik* 'высокий'. Глухие согласные в интервокальной позиции озвончаются: *adi:rge* 'называть' (от *at* 'имя'), *nazarγa* 'толочь' (от *nas-* 'толочь') (ДХЯ Пат. II, 35).

В конце слова

В конце слова преимущественно глухие согласные за исключением слова *ib* 'юрта, изба' (ДХЯ Пат. II, 35).

Соответствия

В начале слова

1) *p* ~ *m* перед гласными: саг. *malty/malta* 'топор' ~ хак.лит. *palty;* саг. *ma:rsah* 'ласковый' ~ хак.лит. *pa:rsah*; саг. *masha* 'молоток' ~ хак.лит. *pasha* (ДХЯ Пат. II, 35);

2) *č* ~ *s* перед узким *y:* саг. *syγanah* 'локоть'~ хак.лит. *čyγanah* (ДХЯ Пат. II, 35).

В середине слова

g ~ *ŋ* между передними гласными: саг. *töŋe* 'бревно'~ хак.лит. *töge* (ДХЯ Пат. II, 35).

В конце слова

1) *g* ~ *j* после *y:* саг. *azyj* 'коренной зуб' ~ хак.лит. *azyγ* (ДХЯ Пат. II, 35);

2) *γ* ~ *g* после гласных заднего ряда: саг. *aryg* 'чистота'~ хак.лит. *aryγ*; саг. *pag* 'веревка'~ хак.лит. *paγ*; саг. *saryg* 'желтый'~ хак.лит. *saryγ* (ДХЯ Пат. II, 35).

Кызыльский диалект

Дистрибуция

В начале слова

1) *š- (<*s)* перед долгой гласной *o*: *šo:h* 'холод' *(<*soγuq)*;

2) *š- (<*c <*j)* перед всеми гласными: *šer* 'земля' *(<*jer)*, *šol* 'дорога' *(<*jol)*, *šyl* 'год' *(<*jyl)*, *šag* 'сало' *(<*jaγ)* (Дм.Исх. 108, 109).

В середине слова

*-z- (<*š)* между гласными переднего ряда: *izik* 'дверь' *(<*ešik)*, *pezik* 'колыбель' *(<*bešik)*, *kizi* 'человек' *(<*kiši)* (Дм.Исх. 107-108).

В конце слова

1) *-š (<*z)* после всех гласных: *haš* 'гусь' *(<*qaz)*, *puš* 'лед' *(<*buz)*, *ki:š* 'войлок' *(<*kigiz)* (Дм.Исх. 108-110);

2) *-s (<*š)* после гласных переднего ряда: *küres* 'борьба' *(<*küreš)*, *sis* 'шишка' *(<*šiš)*, *kümüs* 'серебро' *(<*kümüš)* (Дм.Исх. 108).

Соответствия

В начале слова

1) *s* ~ *č* перед всеми гласными: *sas* 'волос' ~ *čes*; *seste* 'зять' ~ *česte*; *sügen* 'узда' ~ *čügen* (Дм.Исх. 111);

2) *s* ~ *š* перед всеми гласными: *süprek* 'тряпка' ~ *šüprek*; *so:r* 'сани' ~ *šo:r*; *syh* 'влага' ~ *šyh* (Дм.Исх. 111);

3) *č* ~ *š* перед всеми гласными: *čon* 'народ' ~ *šon*; *čar* 'берег' ~ *šar*; *čylγy* 'табун лошадей' ~ *šylγy*; *čarba* 'крупа' ~ *šarba*; *či:t* 'молодой' ~ *ši:t* (Дм.Исх. 111).

В середине слова

1) *č* ~ *š* между гласными или сонантом и гласной: *čeče* 'сестра' ~ *šeše*; *namačy* 'заплата' ~ *namašy*; *morčo* 'цветок' ~ *moršo*; *kurču* 'наперсток' ~ *kuršu*; *tünček* 'узелок' ~ *tünšek* (Дм.Исх. 111);

2) *č* ~ *ž* между гласными или сонантом и гласной: *hačan* 'когда' ~ *hažan*; *pyčah* 'нож' ~ *pyžah*; *eček* 'пятка' ~ *ežek*; *pičik* 'бумага' ~ *pižik*; *mončyh* 'бусы' ~ *monžyh*; *a:lčy* 'гость' ~ *a:lžy*; *tarynčah* 'сердитый' ~ *tarynžah* (Дм.Исх. 112);

3) *s* ~ *š* между смычными *p, k* и гласной: *abysha/apsah* 'старик' ~ *apšah*; *küskü* 'осенний' ~ *küškü*; *miske* 'гриб' ~ *miške*; *öski* 'коза' ~ *öški*; *küske* 'мышь' ~ *küške* (Дм.Исх. 111);

4) *z* ~ *ž* между гласными или сонантом и гласной: *kizi* 'человек' ~ *kiži*; *izik* 'дверь' ~ *ižik*; *tözek* 'постель' ~ *töžek*; *pyzlan* 'сыр' ~ *pyžlan*; *tumzuh* 'клюв' ~ *tumžuh* (Дм.Исх. 111).

В конце слова

1) *č* ~ *s* после всех гласных: *halas* 'хлеб' ~ *halač*; *tökpes* 'пень' ~ *tökpeč* (Дм.Исх. 111);

2) *s* ~ *š* после гласных заднего ряда: *hus* 'птица' ~ *huš*; *tas* 'камень' ~ *taš*; *sas* 'волосы' ~ *šaš*; *tanys* 'знакомый' ~ *tanyš*; *aryys* 'товарищ' ~ *aryyš* (Дм.Исх. 111).

Шорский диалект

Дистрибуция

В начале слова

*č- (<*j)* перед всеми гласными: *čer* 'земля' *(<*jer)*, *čol* 'дорога' *(<*jol)*, *čyl* 'год' *(<*jyl)*, *čag* 'сало' *(<*jaγ)*, *čurta-* 'жить, проживать' (Дм.Исх. 108).

В середине слова

1) *-ž- (<*š)* между гласными: *ižik* 'дверь' *(<*ešik)*, *pežik* 'колыбель' *(<*bešik)*,

kiži 'человек' *(<*kiši)* (Дм.Исх. 107-108);

2) *-z- (<*j)* между гласными: *azah* 'нога' *(<*ajaq)* (Дм.Исх. 108);

3) *-č-* между гласными: *üčün* – послелог (Дм.Исх. 109).

В конце слова

1) *-š* после всех гласных: *küreš* 'борьба', *šiš* 'шишка', *kümüš* 'серебро' (Дм.Исх. 108);

2) *-s (<*z)* после всех гласных: *has* 'гусь' *(<*qaz)*, *pus* 'лед' *(<*buz)*, *ki:s* 'войлок' *(<*kigiz)* (Дм.Исх. 108);

3) *-s (<*j)* после всех гласных: *kis-* 'надевать' *(<*kij-)* (Дм.Исх.108);

4) *-g* после широких гласных: *tag* 'гора', *uštag* 'руководство' (ННМ 11).

Соответствия

В начале слова

1) *m ~ p* перед гласными заднего ряда: шор.диал. *malty* 'топор' ~ хак.лит. *palty;* шор.диал. *masha* 'молот' ~ хак.лит. *pasha*; шор.диал. *morsyh* 'барсук' ~ хак.лит. *porsyh* (ННМ 11);

2) *š ~ s* перед гласной *a*: *šaryndy* 'обертка' ~ *saryndy; šal-* 'положить'~ *sal-* (ННМ 11);

3) *s ~ š* перед гласными заднего ряда: *saŋma* 'рябчик' ~ *šoŋma*; *saš* 'волосы' ~ *šaš*; *so:r* 'сани' ~ *šo:r*; *syn* 'правда' ~ *šyn* (Дм.Исх. 112).

В середине слова

1) *m ~ b* между гласными переднего ряда: *simer* 'аккуратный'~ *siber* (ННМ 11);

2) *z ~ ž* между гласными или сонантом и гласной: *tuza* 'польза' ~ *tuža*; *köznek* 'окно' ~ *kožnek*; *azran-* 'кушать' ~ *ažran-* (Дм.Исх. 112).

У молодых носителей диалекта употребляется больше *z*, чем *ž*. У старшего поколения *ž* встречается даже в заимствованных словах: *žamok* 'замок', *žaem* 'заем' (ДХЯ Меж. 54).

3) *s ~ š* в соседстве с *k*: *öske* 'коза' ~ *öške*; *čahsy* 'хорошо' ~ *čahšy; pasha* 'другой' ~ *pašha* (Дм.Исх. 112).

В конце слова

1) *s ~ š* после узкого *y: yš-* 'посылать' ~ *ys-* (ННМ 11);

2) *š ~ s* после всех гласных: *küš* 'сила' ~ *küs*; *tiš* 'зуб' ~ *tis*; *hariš* 'ремень' ~ *haris*; *saŋyš* 'ум' ~ *sayys*; *syjlaš* 'угощение' ~ *syjlas* (Дм.Исх. 112).

Диалекты шорского языка

Кондомский диалект

Соответствия

В середине слова

j ~ z между всеми гласными: *pijik* 'высокий' ~ *mözük*; *qojan* 'заяц' ~ *qozan*; *poju/pojy* 'он сам' ~ *pozu/pozy* (Дыр.Шор. 17).

Каргинский говор мрасского диалекта

Соответствия

В середине слова

1) *ŋ ~ y* между гласной и сонантом или смычным: *naŋmur* 'дождь' ~ *nayur*; *naŋnan-/naŋylan-* 'раздаваться' ~ *naylan-* (Дыр.Шор. 17);

2) *ŋ ~ g* между гласной и сонантом или смычным: *eŋmen* 'плечо' ~ *egben* (Дыр.Шор. 17);

3) *ŋ ~ n* между гласной и сонантом: *syŋma* 'рябчик' ~ *synma* (Дыр.Шор. 17).

В конце слова

1) *ŋ ~ y* после гласных заднего ряда: *taŋ* 'гора' ~ *tay*; *suŋ* 'вода' ~ *suy* (Дыр.Шор. 17);

2) *ŋ ~ g* после гласных переднего ряда: *püŋ-* 'мигать' ~ *püg-* (Дыр.Шор. 17);

3) *ŋ ~ n* после всех гласных: *qalyŋ* 'толстый' ~ *qalyn*; *oduŋ* 'дрова' ~ *odun*; *örleŋ* 'подъем' ~ *örlen* (Дыр.Шор.17).

РЕКОНСТРУКЦИЯ СООТВЕТСТВИЙ СОГЛАСНЫХ

Анализ приведенного материала по консонантизму языков группы Z ("пракыргызской") позволяет выделить такие единицы и их соответствия, которые обладают исторической глубиной и распространены во всех или в большинстве языковых стратов (между языками, внутри языков и внутри диалектов), что дает право отнести эти единицы и соответствия к праязыковому состоянию группы Z-языков.

Соответствия

1) ***p* ~ ***m* в начале слова (перед всеми гласными);

2) ***m* ~ ***p* в начале слова (перед гласными заднего ряда);

3) ***m* ~ ***b* в середине слова (между всеми гласными);

4) ***č* ~ ***š* а) в начале слова (перед всеми гласными);
б) в середине слова (между гласными или сонантом и гласной);
в) в конце слова (после всех гласных);

5) ***š* ~ ***č* а) в середине слова (между гласной и глухой согласной);
б) в конце слова (после широких гласных);

6) ***č* ~ ***n* в начале слова (перед широкими гласными);

7) ***n* ~ ***č* в начале слова (перед узкими гласными);

8) ***č* ~ ***s* в начале слова (перед узкими гласными);

9) ***s* ~ ***č* в начале слова (перед всеми гласными);

10) ***č* ~ ***j* в начале слова (перед всеми гласными);

11) ***j* ~ ***č* в начале слова (перед широкими гласными);

12) ***š* ~ ***s* а) в начале слова (перед гласными заднего ряда);
б) в середине слова (между узкими гласными, между смычными *p, k* и гласной, в соседстве с *k, h*);
в) в конце слова (после всех гласных);

13) ***s* ~ ***š* а) в начале слова (перед широкими гласными);
б) в середине слова (между узкими гласными, между смычными *p, k* и гласной, в соседстве с *k, h*);
в) в конце слова (после всех гласных);

14) **z ~ **ž в середине слова (между гласными или сонантом и гласной);
15) **ž ~ **z в середине слова (между гласными или сонантом и гласной);
16) **ŋ ~ **γ а) в середине слова (между гласной и сонантом или смычной);
б) в конце слова (после гласных заднего ряда);

17) **g ~ **ŋ в середине слова (между передними гласными)
18) **ŋ ~ **g а) в середине слова (между гласной и сонантом или смычной);
б) в конце слова (после всех гласных);

19) **ŋ ~ **n а) в середине слова (между гласной и сонантом);
б) в конце слова (после всех гласных);

20) **s ~ **z в конце слова (после узких гласных);
21) **š ~ **č в конце слова (после широких гласных);
22) **γ ~ **g в конце слова (после гласных заднего ряда);
23) **j ~ **z в середине слова (между всеми гласными).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАКЫРГЫЗСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Ранний период

В ранний период пракыргызский усвоил систему согласных позднепратюркского состояния, когда в состав согласных вошли звонкие.

Реконструкция исходной системы согласных в пракыргызском следующая:
смычные **p, **b, **t, **d, **k, **g, **q;
щелевые **s, **z, **š, **ž, **h, **γ;
аффрикаты **č, **ǯ;
сонанты **j, **m, **n, **ŋ, **l, **r.

Дистрибуция согласных раннего периода пракыргызского имеет следующий вид:

В начале слова

1) Звонкое смычное **b перед всеми гласными;
2) звонкая аффриката **ǯ – также перед всеми гласными;
3) глухая увулярная согласная **q – перед гласными заднего ряда;
4) глухая переднеязычная смычная **k – перед гласными переднего ряда.

В середине слова

1) Звонкое **z между гласными, а также сонорной и гласной (**z < *j);
2) глухие геминаты **tt, **čč, **kk, **hh – между гласными.

В конце слова

1) Глухая увулярная согласная **q и звонкая щелевая **γ – после заднерядных гласных;
2) звонкое смычное **g – после переднерядных гласных;
3) звонкое **z – после всех гласных (**z > *j).

Во всех позициях слова встречаются сонанты. Колебания согласных в разных позициях происходят и в ранний период пракыргызского языка. К ним следует отнести следующие:

**m ~ **b, **č ~ **j, **j ~ **č, **ŋ ~ **γ, **g ~ **ŋ, **ŋ ~ **g, **ŋ ~ **n, **s ~ **z, **j ~ **z (СИГТЯ 1984, 480).

Поздний период

В поздний период пракыргызского система согласных та же, что и в ранний период. Изменения происходят в дистрибуции и соответствиях согласных.

Дистрибуция согласных включает в себя следующие новшества:

В начале слова

1) Оглушение **b (**b > **p) перед всеми гласными (судя по письменным фиксациям, **p заместил **b в хакасском языке не ранее XVIII в. (см. "Лексикон" Г.Ф.Миллера, 1735 г.)); ареальное сибирское явление: см. алтайский, тувинский, тофаларский языки.

2) Оглушение звонкой начальной аффрикаты **ǯ и замена ее глухой аффрикатой **č (потеря звонкости у **ǯ началась, возможно, параллельно с оглушением **b).

3) Спирантизация глухой увулярной согласной **q перед гласными заднего ряда (**q > **h) (процесс начался, вероятно, не ранее XVIII в. (см. "Лексикон" Г.Ф.Миллера, 1735 г.)).

4) Наличие сонанта **n перед всеми гласными (*j распалось на **ǯ и **n в хакасском, шорском и фуюйско-кыргызском языках).

В середине слова

Озвончение глухих **p, **t, **k, **č, **s, **š, **h между гласными; ареальное сибирское явление: см. алтайский, тувинский, тофаларский языки; опрощение глухих геминат (**tt > t, **čč > č, **kk > k, **hh > h).

В конце слова

Наличие глухой аффрикаты *č и глухой щелевой ś после всех гласных.

Поздний период пракыргызского имеет свой набор соответствий согласных:

**p ~ **m, **m ~ **p, **č ~ **š, **š ~ **č, **č ~ **n, **n ~ **č, **č ~ **s, **s ~ **č, **s ~ **š, **š ~ **s, **z ~ **ž, **ž ~ **z, **š ~ **č, **γ ~ **g (см. СИГТЯ 1984, 480).

МОРФОНОЛОГИЯ

В морфонологии (или фономорфологии) рассматриваются фонологические (фонетические) средства, применяющиеся в морфологических целях, или сопровождающие явления морфологии. Речь может идти о сингармонизме гласных и согласных, ассимилятивных явлениях в области гласных и согласных, чередованиях фонем, касающихся морфологии.

СИНГАРМОНИЗМ. ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

В ОСНОВАХ

Хакасский язык

Нёбная гармония

1. За гласной начального слога заднего ряда следуют гласные того же ряда: *harah* 'глаз', *tamah* 'хлеб', *hypty* 'ножницы', *sanirya* 'считать' (ДХЯ 22-23).

2. За гласной начального слога переднего ряда следует гласная переднего ряда: *kindir* 'конопля', *kizi* 'человек', *kime* 'лодка', *imnirge* 'лечить' (ДХЯ 22-23).

Нарушения нёбной гармонии – только в заимствованных словах и в диалектной лексике.

Губная гармония

1. За широкой губной гласной начального слога не следуют, за редким исключением, широкие губные гласные: *olyan* 'ребенок', *olyy* 'косогор', *poyyr* 'неровный', *soraj-* 'торчать', *ögle* 'десна', *ödik* 'обувь' (ДХЯ 25). Исключения: *oron* 'отдельный', *porčo* 'цветок', *sörön* 'прохлада', *tölön* 'селезенка' (Х.-р. словарь).

2. За узкой губной гласной начального слога следуют узкие губные гласные: *hulun* 'жеребенок', *xuzuruh* 'хвост', *tülgü* 'лиса', *kümüs* 'серебро' (ДХЯ 25).

Шорский язык

Нёбная гармония

1. За гласной начального слога заднего ряда следуют гласные заднего ряда: *azyq* 'запас (пищи)', *qazyŋ* 'береза', *haraq* 'глаз', *ajas* 'ясный' (Дыр.Шор. 13).

2. За гласной начального слога переднего ряда следуют гласные переднего ряда: *selej* 'глухарь', *tebir* 'железо', *kebege* 'речь', *tegelek* 'колесо', *kirbik* 'ресницы' (Дыр.Шор. 13). Исключения из нёбной гармонии – в заимствованных словах.

Губная гармония

1. За широкой губной гласной начального слога заднего ряда следуют из губных только *u, ü* или негубные гласные: *torčuq* 'соловей', *odus* 'тридцать', *ojun* 'игра' (но: *čobal* 'труд', *čoryan* 'одеяло'), *pörü* 'волк', *köbük* 'пена', *čorüs* 'ходьба' (но: *pöle* 'кузен, кузина', *sörte-* 'тащить') (Дыр.Шор. 14).

2. За узкой губной гласной начального слога следуют узкие губные гласные: *ubu* 'порог', *qulun* 'жеребенок', *uzu-* 'спать', *kümüs* 'серебро', *tülgü* 'лисица' (Дыр.Шор. 14).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Нёбная гармония

1. За гласной начального слога заднего ряда следуют гласные заднего ряда: *qyndyq* 'пуповина', *qystyr-* 'прищемить', *qamnos* 'елец' (Бир.Чул. 114-115).

2. За гласной начального слога переднего ряда следуют гласные переднего ряда: *käräk* 'надо', *čičke* 'цветок', *käzär-* 'рубить' (Бир.Чул. 114-115).

Губная гармония

1. За широкой губной гласной начального слога следуют *u* и *ü* или негубные гласные: *qortu* 'налим', *tolut* 'канат', *o:tuŋ* 'дрова' (но: *oram* 'улица', *čo:ryaq* 'одеяло'), *köksü* 'грудь', *öskü* 'весло', *kömüš* 'серебро' (но: *töžäk* 'перина', *özärgä* 'грести') (Бир.Чул. 114-115).

2. За узкой губной гласной начального слога следуют узкие губные гласные: *quzuq* 'орех', *qundus* 'бобер', *quruy* 'сухой' (но: *turna* 'журавль', *qulaq* 'ухо'), *ügü* 'филин', *kučkük* 'зеркало', *kübür* 'мох' (но *čüräk* 'сердце', *sügän* 'морда') (Бир.Чул. 120, 121, 123).

Сарыг-югурский язык

Нёбная гармония

1. За гласной начального слога заднего ряда следуют гласные заднего ряда: *tala* 'долина', *satyy* 'торговля', *syŋar* 'половина' (Тен.Сюг. 39).

2. За гласной начального слога переднего ряда следуют гласные переднего ряда: *eren* 'мужчина', *inek* 'корова', *minik* 'деньги' (Тен.Сюг. 39).

Губная гармония

1. За широкой губной гласной начального слога следует узкий *y*, реже следуют широкие *o, ö*: *p'oqyr-* 'прыгать', *moŋys* 'рога', *o'tys* 'тридцать' (но: *oyol* 'сын', *pokos* 'низкий', *t'or'ton* 'сорок', *tohson* 'девяносто', *moŋol* 'монгол'), *jöryk* 'сердце, душа', *köŋyl* 'сердце, душа', *kömyš* 'хлеб' (но: *ö'pö* 'легкие', *öškö* 'коза') (Тен.Сюг., словарь).

2. За узкой губной гласной начального слога следуют узкие губные гласные или негубные: *quzuruq* 'хвост', *jumut-* 'собираться', *qulun* 'жеребенок' (но: *t'uri* 'переднее почетное место', *sura-* 'просить, спрашивать', *q'uqa* 'грудь'), *ünzü* 'жемчуг', *ügüs* 'большая река', *zügük* 'цветок' (но: *čüme* 'грубая шерстяная материя', *čürik* 'косичка у женщины', *jügin* 'уздечка') (Тен.Сюг., словарь).

Фуюйско-кыргызский язык

Нёбная гармония

За гласной начального слога следуют гласные того же ряда: *qyzyl* 'красный', *saryy* 'желтый', *ilger* 'юг' (Тен.Ф.-кырг. 157).

Губная гармония

За широкой губной гласной первого слога могут следовать широкая и уз-

кая губные: *qozon* 'заяц', *ödük* 'сапоги'.

За узкой губной следуют широкие и узкие губные или негубные гласные: *tuhul* 'теленок', *unoh* 'мука', *qudyq* 'колодец', *uzi-* 'спать' (Тен.Ф.-кырг. 157).

Диалектный материал. В качинском и сагайском диалектах характер нёбной и губной гармонии совпадает с хакасским литературным языком.

В шорском диалекте наблюдается значительное по силе огубление широких гласных непервых слогов: *otoh* 'шалаш', *omortho* 'позвонок', *ordoš* 'обмен', *köröndöš* 'зеркало'. Огубление происходит даже в заимствованных словах (ДХЯ Меж. 51). Такое же заметное огубление последующих широких гласных после начального губного имеет место и в среднечулымском диалекте: *poroj* 'седой, серый', *tohson* 'девяносто', *mörgö* 'ёрш', *söjgö* 'черпак', *örtök* 'утка', *körök* 'пасть' (Бир.Чул. 119-122).

В СЛОВОФОРМАХ

В хакасском языке нёбная гармония соблюдается и в аффиксальной части слова: *ayas-tar-zar* 'к деревьям', *kime-ler-ni* 'лодок' (ГХЯ 23).

Губная гармония имеет место лишь для узких гласных: *tülqü-nü* 'лисицу', *turup* 'стоя' (Кар.Хак. 431). Широкие гласные не влияют на последующие слоги: *köl-ni* 'озера', *köl-de* 'в озере', *köl-ler* 'озера' (ГХЯ 25).

В шорском языке нёбная и губная гармония гласных совпадает с нёбной и губной грамонией в хакасском языке.

Особо следует отметить, что в шорском диалекте хакасского языка и в чулымско-тюркском (среднечулымском) существует гармония гласных по широкому ряду и в аффиксальной части слова: шор.диал. *čüröktö* 'в сердце', (ННМ 7), чул. *polγon* 'он был', *polγoq* 'он будет', *polo:du* 'бывает', *tölöžim* 'я платить хочу' (Бир.Чул. 119, 123).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ

Из приведенного выше материала путем сравнения отдельных звеньев гармонии гласных в языках и их диалектах "группы кыргызских языков" можно прийти к следующим выводам:

1) В "пракыргызском языке" существовала последовательная нёбная гармония гласных по заднему и переднему рядам как в основах, так и в словоформах.

2) Губная гармония носила более сложный характер, чем нёбная, и в основах, и в словоформах:

а) за начальным ***u* следовали ***u* или негубные гласные заднего ряда;

б) за начальным ***ü* следовали ***ü* или негубные гласные переднего ряда;

в) за начальным ***o* следовали ***u* или негубные гласные заднего ряда;

г) за начальным ***ö* следовали ***ü* или негубные гласные переднего ряда;

д) по данным хакасского языка, в особенности его шорского диалекта, чулымско-тюркского (среднечулымского), сарыг-югурского и фуюйско-кыргызского языков следует допустить существование в "пракыргызском языке" гармонии гласных по широкому ряду как в основах, так и словоформах.

Можно думать, что в современных языках "кыргызской группы" гармония губных гласных по широкому ряду носит сильно ослабленный, почти реликтовый характер, сравнительно с тем состоянием гармонии губных гласных широкого ряда, что представлена в современных киргизском, лобнорском, алтайском, якутском языках.

* * *

Ассимилятивные явления в области согласных, характеризующие преобразования морфем при их объединении в морфемные последовательности в призме словоизменения мы здесь детально не рассматриваем, так как конкретный материал обильно представлен в разделе "Морфология". Ограничимся несколькими, самыми общими замечаниями о морфонемах "пракыргызского" языка.

Они сводятся к следующему:

1. Не делая строгих подсчетов, можно тем не менее с уверенностью утверждать, что количество морфонем, участвующих в словоизменении имени в "пракыргызском", составляло не более четверти морфонем, участвующих в словоизменении глагола. Думается, что аналогичное положение было и в других группах тюркских языков, подвергавшихся реконструкции.

2. И в имени, и в глаголе менее всего одиночных морфонем.

И в имени, и в глаголе наиболее распространен тип форманта из трех морфонем (закрытый слог).

Форманты из пяти (***γalaq*) и шести (***čatqan*) единиц встречаются только в глаголе.

Частные замечания, касающиеся отдельно имен и глаголов:

1. В именах очень мало формантов, начинающихся с гласной морфонемы, они встречаются лишь в разрядах числительных: собирательных (***olaŋ/ ***öleŋ*; ***ala/***ele*; ***oγo/***ögö*) и разделительных (***ar/***er*).

Начальные согласные морфонемы образуют соответствия: ***l*~***t*~***n* (мн.ч. имен), ***n*~***d*~***t* (род., вин., исх. п.), ***l*~***n*~***d*~***t* (относит. прилаг.), ***γ*~***g*~***q*~***k* (относит. прилаг.), ***č*~***ǯ* (приблиз. числ.).

2. Залоги глагола образуют, как правило, одиночные морфонемы (согласные), кроме побудительного залога, состоящего из одной или трех морфонем.

Временны́е формы — это цепочки морфонем, иногда довольно протяженные. Все они — финитные формы.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Множественное число, пратюркская форма показателя которого – **-lar/*-ler*, в группе "кыргызских" языков реализовалось в виде различных фонетических вариантов исходного форманта.

Хакасский язык

В хакасском литературном языке существует шесть вариантов форманта множественного числа в зависимости от гласной и согласной конечного слога основы имени:

1) после конечных гласных и согласных *y, g, j, l, r* – *-lar/-ler*;
2) после конечных глухих согласных – *-tar/-ter*;
3) после конечных сонантов *m, n, ŋ* – *-nar/-ner* (Дыр.Хак. 19-20).

Примеры: *mal-lar* 'скот', *hus-tar* 'птицы', *ti:n-ner* 'белки' (ГХЯ 61).

Шорский язык

В шорском языке – также шесть вариантов форманта множественного числа:

1) после конечных гласных и согласных *y, g, j, l, r* – *-lar/-ler*;
2) после конечных глухих согласных – *-tar/-ter*;
3) после конечных сонантов *m, n, ŋ* – *-nar/-ner*.

Примеры: *qaja-lar* 'скалы', *qoj-lar* 'овцы', *oq-tar* 'пули', *tem-ner* 'времена' (Дыр.Шор. 38).

Чулымско-тюркский язык

В чулымско-тюркском языке (среднечулымский диалект) – те же шесть вариантов форманта множественного числа:

1) после конечных гласных и согласных *y, g, j, l, r* – *-lar/-lär*;
2) после конечных глухих согласных – *-tar/-tär*;
3) после конечных сонантов *m, n, ŋ* – *-nar/-när*.

Примеры: *mogalaq-tar* 'медведи', *quš-tar* 'птицы', *kälämčük-tär* 'бабочки' (Бир.Чул. 70).

Сарыг-югурский язык

В сарыг-югурском языке – восемь вариантов форманта множественного числа:

1) после конечных гласных и согласных *y, ł, l, r* – *-łar/-ler*;
2) после конечных глухих согласных – *-tar/-ter*;
3) после конечного звонкого *-z-* – *-dar/-der*;
4) после конечных сонантов *m, n, ŋ* – *-nar/-ner*.

Примеры: *ana-łar* 'матери', *kisy-ler* 'люди', *hat-tar* 'кони', *terek-ter* 'деревья', *qyz-dar* 'девушки', *göz-der* 'глаза', *łom-nar* 'каноны', *eren-ner* 'мужчины' (Тен.Сюг. 49-50).

Фуюйско-кыргызский язык

Существует шесть вариантов форманта множественного числа:

1) после гласных – *-lar*: *bala-lar* 'дети';
2) после конечных глухих – *-tar*: *gïs-tar* 'девушки';
3) после конечных звонких и сонантов – *-dar*: *gol-dar* 'руки'.

Отмечено употребление в аффиксе мн. числа гласных *ĕ, i* после узких гласных основы: *žir-tir* 'земли', *mi:s-tir* 'рога' (HG 28).

Диалектный материал. По неполным сведениям диалектные материалы обнаруживают как различия со стандартной формой, так и совпадения с нею. Форма множественного числа сагайского диалекта хакасского языка – та же, что в литературном хакасском языке: *-lar/-ler, -tar/-ter, -nar/-ner* (ДХЯ Пат. II, 38).

В мелетском говоре среднечулымского диалекта после конечной негубной *a* факультативно употребляется формант *-tor*: *qaryndas-to:rym* 'мои братья', *ayač-to:ry* 'его палки', *oγlan-no:ryŋ* 'твои дети' (Бир.Чул. 70).

В тутальском и мелетском говорах среднечулымского диалекта гласный форманта множественного числа опередняется перед формой принадлежности (Бир.Чул. 70), то же происходит в нижнечулымском говоре чулымско-тюркского языка (Дульз. Чул. 450).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАКЫРГЫЗСКОЙ ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В ранний период пракыргызского формант был шестивариантным: ***-lar/**-ler, **-tar/**-ter, **-nar/**-ner*. Варианты с начальными *t, n*, поскольку они представлены не во всех тюркских языках, являются модификациями исходной формы с начальным *l* в позднепратюркский период.

В поздний период пракыргызского происходит дальнейший рост числа вариантов форманта множественного числа за счет добавления вариантов со звонким *d*, губной гласной *o* и узкой *ĭ*.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В современных языках "кыргызской" группы посессивное значение передается следующими формантами.

Хакасский язык

В хакасском литературном языке посессивная парадигма представлена формантами с негубными гласными, форманты с губными гласными отсутствуют.

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-(y)m/-(i)m*	*-(y)bys/-(i)bis*
2-е л.	*-(y)ŋ/-(i)ŋ*	*-(y)ŋar/-(i)ŋer*
3-е л.	*-zy/-zi, -y/-i*	*-zy/-zi, -y/-i*

Аффикс 2-го лица мн. числа представляет собой сочетание аффиксов 2-го лица ед. числа *-(y)ŋ* + мн. числа *-nar*: *-(y)ŋnar* > *-(y)ŋŋar* > *-(y)ŋar*.

Примеры: *ahs-ym* 'мой рот', *paz-y* 'его голова', *kime-ŋ* 'твоя лодка' (ГХЯ 64-65).

Шорский язык

В шорском языке посессивная парадигма содержит варианты аффиксов и с губными гласными.

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-(y, i, u, ü)m*	*-(y)bys/-(i)bis/-(u)bus/-(ü)büs*
2-е л.	*-(y, i, u, ü)ŋ*	*-(y, i)ŋ*
3-е л.	*-zy/-zi/-zu/-zü, -y/-i/-u/-ü*	*-zy/-zi, -y/-i*

Примеры: *tura-m* 'город мой', *söz-iŋ* 'слово твое', *čol-y* 'путь его', *ad-ybys* 'имя наше', *aŋnar-yŋ* 'звери ваши', *ezikter-i* 'двери их' (Дыр.Шор. 48-49).

Другой вариант парадигмы:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-(y, i)m*	*-(y)bys/-(i)bis*
2-е л.	*-(y, i)ŋ*	*-laryŋ/-leriŋ, -taryŋ/-teriŋ, -naryŋ/-neriŋ*
3-е л.	*-zy/-zi, -y/-i*	*-lary/-leri, -tary/-teri, -nary/-neri*

Примеры: *čol-laryŋ* 1) 'ваш путь', 2) 'ваши пути', *čol-lary* 1) 'их путь', 2) 'их пути' (Баб. Дон.Шор. 470).

Чулымско-тюркский язык

В чулымско-тюркском языке (среднечулымский диалект) посессивная парадигма по линии гласных имеет полный вид, кроме 2-го лица множественного числа.

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-(y, i, u, ü)m*	*-(y)vys/-(i)vis/-(u)vus/-(ü)vüs*
2-е л.	*-(y, i, u, ü)ŋ*	*-(y)ŋnar, -(i)ŋner*
3-е л.	*-zy/-zi/-zu/-zü, -y/-i/-u/-ü*	*-zy/-zi/-zu/-zü, -y/-i/-u/-ü*

В форме 1-го лица мн. числа установилось соответствие *b* ~ *v*, но чаще употребляется смычный звонкий *b*. В форме 2-го лица мн. числа к аффиксам ед. числа присоединяется аффикс мн. числа (*-nar/-när*).

Примеры: *pala:-m* 'мой сын', *a:d-yvys/a:d-ybys* 'наше имя' (Бир.Чул. 61-62).

В нижнечулымском та же картина, что и в среднечулымском (Дульз.Чул. 450).

Сарыг-югурский язык

В сарыг-югурском языке посессивная парадигма имеет сильно усеченный вид вследствие влияния китайского языка с его анилитической формой посессивности.

После основ на гласную для 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа используется общий показатель, восходящий к показателю 2-го лица ед. числа.

	Ед. и мн. число
1-е и 2-е л.	*-(y)ŋ/-(i)ŋ*
3-е л.	*-sy/-si*

Примеры: *ana-ŋ* 1) 'моя мать', 2) 'твоя мать' 3) 'наша мать', 4) 'ваша мать'; *ana-sy* 1) 'его мать', 2) 'их мать'

От основ с конечной согласной образуется только форма 3-го лица.

	Ед. и мн. число
1-е и 2-е л.	-
3-е л.	*-y/-i*

Примеры: *azaq* 1) 'моя нога', 2) 'твоя нога' 3) 'наша нога', 4) 'ваша нога'; *azaŋ-y* 1) 'его нога', 2) 'их нога' (Тен.Сюг. 51-52).

Фуюйско-кыргызский язык

Посессивная парадигма фуюйско-кыргызского языка имеет следующий вид:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-(y)m*	*-(y)bys*
2-е л.	*-(y)ŋ*	*-(y)ŋar, -(y)ŋyr*
3-е л.	*-zy, -y*	*-zy, -y*

(HG 29)

2-е лицо мн. числа представлено формантами с широкой и узкой гласной. Исходной формой является *-(y)ŋar*. Форма с узкой гласной – модификация первого форманта: *-(y)ŋyr* < *-(y)ŋar* < *-(y)ŋŋar* < *-(y)ŋnar*.

В кумандинском диалекте алтайского языка форма мн. числа *-nyr/-nir* возможна (Баскаков 1972, 78).

Диалектный материал. В диалектах и говорах языков "кыргызской" группы имеются признаки, отличающие их от литературных норм. Посессивная парадигма сагайского диалекта хакасского языка включает в себя во всех лицах ед. и мн. числа форманты с губными гласными заднего и переднего рядов.

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*-(y)m/-(i)m/-(u)m/-(ü)m*	*-(y)bys/-(i)bis/-(u)bus/-(ü)büs*
2-е л.	*-(y)ŋ/-(i)ŋ/-(u)ŋ/-(ü)ŋ*	*-(y)ŋar/-(i)ŋer/-(u)ŋar/-(ü)ŋer*
3-е л.	*-zy/-zi/-zu/-zü, -y/-i/-u/-ü*	*-zy/-zi/-zu/-zü, -y/-i/-u/-ü*

Примеры: *tuz-um* 'моя соль', *tuz-uŋ* 'твоя соль' и т.д. (*tus* 'соль'), *kimeg-im* 'мое ведро' и т.д. (*kimek* 'ведро') (ДХЯ Пат. II, 39).

М.И.Боргояков указывает на любопытный факт – наличие в кайдынском говоре качинского диалекта и кызыльском диалекте хакасского языка форманта *-ry* в 3-м лице ед. числа вместо регулярного *-zy*: кайд.г. *iže-ry* 'его мать' (лит. *iže-zi*) и кыз.диал. *oma-ry* 'его лицо' (лит. *oma-zy*) (МИБ 71). Редкий случай морфологизованного соответствия *-zy/-ry* между гласными? Или, может

быть, интервокальный **-j >-r>-z* ? И *-z* не является результатом озвончения *-s*?

В шорском диалекте хакасского языка только 3-е лицо ед. и мн. числа содержит варианты аффикса с губными гласными. В 1-м и 2-м лицах они отсутствуют (ДХЯ Меж. 57).

В мрасском говоре шорского языка притяжательные форманты с лабиальными гласными более устойчивы, чем в говорах Кондомы (Дыр.Шор. 48).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАКЫРГЫЗСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПОСЕССИВНОСТИ

Принимая во внимание весь приведенный выше материал, "пракыргызскую" парадигму посессивности можно представить в таком виде:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***-(y)m/**-(i)m/**-u)m/**-(ü)m*	***-(y)bys/**-(i)bis/**-(u)bus/**-(ü)büs*
2-е л.	***-(y)ŋ/**-(i)ŋ/**-(u)ŋ/**-(ü)ŋ*	***-(y)ŋar/**-(i)ŋer/**-(u)ŋar/**-(ü)ŋer*
3-е л.	***-zy/**-zi/**-zu/**-zü, **-y/**-i/**-u/**-ü*	***-zy/**-zi/**-zu/**-zü, **-y/**-i/**-u/**-ü*

Общий тип реконструированной парадигмы сохраняется на различных этапах истории "пракыргызского" языка, допуская вариации в диалектах в различных языках.

Пратюркская посессивная парадигма, встречающаяся с переменными деталями в большей части тюркских языков и поэтому относимая к раннему периоду тюркского праязыка, представляет собой такую картину:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	**-(y)m/*-(i)m*	**-(y)byz/*-(i)biz*
2-е л.	**-(y)ŋ/*-(i)ŋ*	**-(y)ŋyz/*-(i)ŋiz*
3-е л.	**-sy/*-si, *-y/*-i*	**-sy/*-si, *-y/*-i*

(СИГТЯ 1988, 22)

"Пракыргызская" парадигма посессивности есть продолжение с некоторыми фонологическими изменениями парадигмы пратюркской:

1) в "пракыргызский" период развиваются варианты формантов с губными гласными во всех лицах и числах;

2) в 3-м лице ед. и мн. чисел происходит озвончение пратюркского *s* в интервокальной позиции, кроме сарыг-югурского языка, в котором сохраняется *-s-* ввиду маргинального положения сарыг-югурского языка;

3) в 1-м лице мн. числа конечный *-z* оглушается;

4) во 2-м лице мн. числа меняется один из элементов в структуре форманта ***-(y)ŋar:* <***-yŋ* + афф. мн.ч. ***-nar* вм. **-(y)ŋ* + афф. мн.ч. **-yz*. Причина такой замены неясна, но несомненно, что это — ареальное явление: подобный тип парадигмы посессивности, кроме языков "кыргызской" группы, встречается еще в алтайском, тувинском, тофаларском и киргизском языках. Такое состояние посессивной парадигмы, принадлежащее явно позднему периоду пратюркского, в ареальном плане именуется еще "сибирским".

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ

В языках "кыргызской" группы система склонения носит единообразный характер. Формы падежей образуются либо посредством специальных аффиксов, либо адаптированной формы послелога.

Хакасский язык

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: 1) после конечных гласных, сонорных и звонких согласных — афф. *-ŋyŋ/-ŋiŋ*; 2) после глухих согласных — афф. *-tyŋ/-tiŋ*.

Примеры: *suɣ-ŋyŋ* 'воды', *süt-tiŋ* 'молока' (ГХЯ 68).

Дательный падеж: 1) после долгих гласных и согласных *b, l, r, j, n, m* — афф. *-ɣa/-ge*; 2) после глухих согласных — афф. *-ha/-ke*; 3) после гласных нормальной долготы и согласных *g, ɣ, ŋ* — афф. *-a/-e*.

Примеры: *hana:-ɣa* 'телеге', *ib-ge* 'дому', *at-ha* 'лошади' (ГХЯ 69).

Винительный падеж: 1) после сонорных и звонких согласных — афф. *-ny/-ni*; 2) после глухих согласных — афф. *-ty/-ti*.

Примеры: *hara-ny* 'ночь', *kizö-ni* 'зятя', *tirek-ti* 'тополь' (ГХЯ 70).

Местный падеж: 1) после сонорных и звонких согласных — афф. *-da/-de*; 2) после глухих согласных — афф. *-ta/-te*.

Примеры: *čazy-da* 'в степи', *tabah-ta* 'в тарелке', *kürüp-te* 'в хлеву' (ГХЯ 71).

Исходный падеж: 1) после сонорных и звонких согласных — афф. *-daŋ/-deŋ*; 2) после сонантов *ŋ, n* — афф. *-naŋ/-neŋ*; 3) после глухих согласных — афф. *-taŋ/-teŋ*.

Примеры: *taɣ-daŋ* 'с горы', *tas-taŋ* 'из камня', *taŋ-naŋ* 'от зари' (ГХЯ 72).

Направительный падеж: 1) после сонорных и звонких согласных — афф. *-zar/-zer*; 2) после глухих согласных — афф. *-sar/-ser*.

Примеры: *čar-zar* 'к берегу', *sas-sar* 'к болоту' (ГХЯ 74).

В группе обстоятельственных наречий сохранилась пратюркская форма направительного падежа с формантом *-har/-ker, -ɣar/-ger*: *tas-har* 'наружу', *küs-ker* 'к осени', *čaj-ɣar* 'к лету', *pir-ger* 'в другую сторону' (ГХЯ 74).

Орудный падеж: оформляется афф. *-naŋ/-neŋ* (ударение предшествует аффиксу).

Примеры: *arɣyzý-naŋ* 'с товарищем', *paltý-naŋ* 'с топором', *sén-neŋ* 'с тобой' (ГХЯ 76).

Шорский язык

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: 1) после конечных гласных, согласных *n, ŋ, m* — афф. *-ŋyŋ/-ŋiŋ/-ŋuŋ/-ŋüŋ*; 2) после согласных *j, r, l, g* — афф. *-dyŋ/-diŋ/-duŋ/-düŋ*; 3) после глухих согласных — афф. *-tyŋ/-tiŋ/-tuŋ/-tüŋ*.

Примеры: *kizi-niŋ* 'человека', *qas-tyŋ* 'гуся', *qaja-nyŋ* 'скалы' (Дыр.Шор. 10-41).

Дательный падеж: 1) после конечных гласных и звонких согласных — афф. *-ɣa/-ge*; 2) после глухих согласных — афф. *-qa/-ke*.

Примеры: *aqča-ya* 'монете', *em-ge* 'лекарству', *tiš-ke* 'зубу' (Дыр.Шор. 42).

Н.П.Дыренкова отмечает специфику образования формы дат. падежа в определенных условиях: а) после конечных гласных основы начальный согласный аффикса *g* – выпадает: *tajya: (< tajya-ya)* 'тайге', *tere: (< tere-ge)* 'шкуре' (Дыр.Шор. 42); б) после конечного *ŋ* основы начальные согласные аффикса *γ, g* редуцируются: *aŋγa > aŋa* 'зверю', *oduŋγa > oduŋa* (в письменности: *aŋa* и *oduŋa*) (Дыр.Шор. 43); в) после конечных *γ, g* основы начальные согласные аффикса сокращаются: *taγγa > taγa* 'горé', *suγγa > suγa* 'водé' (в письменности: *taγa, suγa*) (Дыр.Шор. 43).

Винительный падеж: 1) после конечных гласных и согласных *n, ŋ, m* – афф. *-ny/-ni/ -nu/-nü*; 2) после согласных *j, r, l, g* – афф. *-dy/-di/-du/-dü*; 3) после глухих согласных – афф. *-ty/-ti/-tu/-tü*.

Примеры: *qazyŋ-ny* 'березы', *čar-dy* 'берег', *quzuq-ty* 'орех' (Дыр.Шор. 41-42).

Местный падеж: 1) после конечных гласных и звонких согласных – афф. *-da/-de*; 2) после глухих согласных – афф. *-ta/-te*.

Примеры: *aγaš-ta* 'на дереве', *čip-te* 'в сети', *ezer-de* 'на седле' (Дыр.Шор. 43-44).

Исходный падеж: 1) после конечных гласных и согласных *γ, g, j, l, r* – афф. *-daŋ/-deŋ*; 2) после согласных *n, ŋ, m* – афф. *-naŋ/-neŋ*; 3) после глухих согласных – афф. *-taŋ/-teŋ*.

Примеры: *aγ-daŋ* 'из сети', *tem-neŋ* 'от времени', *köbük-teŋ* 'из пены' (Дыр.Шор. 44-45).

Вторая форма исходного падежа образуется формантом с узкой негубной гласной *-tyn/-tin*: *no:-no: čerge kedertin* 'откуда-то со стороны', *sug töbertin* 'снизу по реке', *örertin* 'сверху', *mynartyn* 'отсюда', *tajya sartyn* 'по направлению к тайге' (Дыр.Шор 70).

Направительный падеж: его реликтовые (пратюркские) формы сохранились в обстоятельственных наречиях с формантами 1) *-qara~qa:ra, -kere~-ke:re – tyšqara~tyšqa:ra šyyyp* 'выйдя наружу (на улицу)', *teskere~teske:re aŋdaryldy* 'вверх ногами опрокинулись'; 2) *-ara ~a:ra, -ere ~e:re – attaŋ kedere ~kede:re parba* 'не отходи от лошадей прочь', *kajdara ~kajda:ra čürürejin* 'куда побегу' (Дыр.Шор. 69-70).

Орудный падеж: 1) после конечных гласных и согласных *γ, g, l, r* – афф. *-byla/-bile, -la/-le*; 2) после согласных *n, ŋ, m* – афф. *-myla/-mile, -ma/-me*. Ударение падает на слог перед аффиксом: *qól-ba (qól-byla)* 'рукой', *ün-me (ún-mile/ún-müle/ún-mle)* 'голосом' (Дыр.Шор. 45-46).

Амзоров приводит еще один вариант аффикса орудного падежа *-pa/-pe* (после глухих согласных): *čestek-pe* 'с ягодой' (Амз.Шор. 20).

Чулымско-тюркский язык

В среднечулымском диалекте система падежей имеет следующий вид:

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: 1) после конечных гласных и сонорных – афф. *-nyŋ/-niŋ/-nuŋ/ -nüŋ*; 2) после глухих согласных – афф. *-tyŋ/-tiŋ/-tuŋ/-tüŋ*.

Примеры: *pala-nyŋ* 'сына', *tük-tüŋ* 'шерсти' (Бир.Чул. I 17).

Дательный падеж: 1) после конечных гласных и сонорных – афф. *-ya/-ge*; 2) после глухих согласных – афф. *-qa/-ke*.

Примеры: *o:l-ya* 'мальчику', *at-qa* 'коню' (Бир.Чул. I 32).

3) после конечных гласных иногда встречается афф. *-a:/-e:*.

Примеры: *tura:* 'в город' (*tura* 'город'), *kemä:* 'в лодку' (*kemä* 'лодка'), *kiže:* 'человеку' (*kiže* 'человек') (Бир.Чул. I 32-33).

Винительный падеж: 1) после конечных гласных и сонорных – афф. *-ny/-ni/-nu/-nü*; 2) после глухих согласных – афф. *-ty/-ti/-tu/-tü*.

Примеры: *qulan-ny* 'жеребенка', *purun-nu* 'нос', *qus-tu* 'птицу' (Бир.Чул.I24).

Местный падеж: 1) после конечных гласных и сонорных – афф. *-da/-dä*; 2) после глухих согласных – афф. *-ta/-tä*.

Примеры: *taγ-da* 'на горé', *köl-dä* 'в озере', *ajaq-ta* 'в чашке' (Бир.Чул.I52).

Исходный падеж: 1) после гласных и сонорных согласных – афф. *-dyn/-din/-dun/-dün*; 2) после глухих согласных – афф. *-tyn/-tin/-tun/-tün*.

Примеры: *aγač-tyn* 'с дерева', *kiži-din* 'от человека', *taš-tyn* 'из камня' (Бир.Чул. I 46).

Направительный падеж оформляется афф. *-ča/-čä*: *čol-ča* 'по дороге', *ü:s-čä* 'через Чулым' (Бир.Чул. I 56-59).

Автор выражает сомнение в падежном статусе формы на *-ča/-čä* (Бир.Чул. I 60).

В нижнечулымском диалекте система падежей совпадает с таковой в среднечулымском диалекте (Дульз.Чул. 750).

Сарыг-югурский язык

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: 1) после конечных гласных, согласных *γ, g* и сонантов – афф. *-nyŋ/-niŋ*; 2) после звонких *z, ž* – афф. *-dyŋ/-diŋ*; 3) после глухих согласных – афф. *-tyŋ/-tiŋ*.

Примеры: *mla-nyŋ* 'ребенка', *qus-tyŋ* 'коровы', *qöz-dyŋ* 'глáза' (Тен.Сюг. 55).

Дательный падеж: 1) после конечных гласных, звонких *z, ž* и сонантов – афф. *-γa/-ge*; 2) после глухих согласных и звонких *γ, g* - афф. *-qa/-ke, -qᵊa/ -kᵊe*.

Примеры: *ala-γa* 'степи', *jü-ge* 'дому', *aχys-qa* 'рту', *pek-ke* 'князю' (*peγ* 'князь') (Тен.Сюг. 55).

Винительный падеж: 1) после конечных гласных, сонантов и звонких *γ, g* – афф. *-ny/-ni*; 2) после звонких *z, ž* – афф. *-dy/-di*; 3) после глухих согласных – афф. *-ty/-ti*.

Примеры: *łom-ny* 'закон', *qyz-dy* 'девушку', *hat-ty* 'коня' (Тен.Сюг. 56).

Местный падеж: 1) после конечных гласных, *j* и глухих согласных – афф. *-ta/-te*; 2) после сонантов и согласных *γ, g, z, ž* – афф. *-da/-de*.

Примеры: *ayył-da* 'во дворе', *syk-te* 'у двери', *ara-ta* 'в середине', *oj-ta* 'в долине', *jü-te* 'в доме' (Тен.Сюг. 56).

Исходный падеж: 1) после конечных гласных и глухих согласных – афф.

-tan/-ten; 2) после сонантов и согласных *γ, g, z, ž* – афф. *-dan/-den*; 3) после конечных гласных и глухих согласных – афф. *-tyn/-tin*; 4) после сонантов и согласных *γ, g, z, ž* – афф. *-dyn/-din*;

Примеры: *hasar-dan* 'из селения', *tala-tan* 'из степи', *minik-ten* 'из денег', *ynysynyŋki-den* 'от своего младшего брата', *peγnyŋki-tin* 'из принадлежащего князю' (Тен.Сюг. 57-58).

Сравнительный падеж: 1) после конечных гласных и глухих согласных – афф. *-taγ/-teg*; 2) после сонантов и согласных *γ, g, z, ž* – афф. *-daγ/-deg*.

Примеры: *žaž-daγ* 'как волос', *kʻysy-teg* 'как человек', *paš-taγ* 'как голова' (Тен.Сюг. 57-58).

Фуюйско-кыргызский язык

Неопределенный падеж: нулевая форма.
Родительный падеж: афф. *-nĭŋ/-niŋ, -dĭŋ/-diŋ, -tĭŋ/-tiŋ*.
Дательный падеж: афф. *a/-ĭ, ʁa/-γĭ, -ħa/-xi*.
Винительный падеж: афф. *-nĭ/-ni, -dĭ/-di, -tĭ/-ti*.
Местный падеж: афф. *-da/-dĭ, -ta/-tĭ*.
Исходный падеж: афф. *-nĭn/-nin, -dĭn/-din, -tĭn/-tin*.
Направительный падеж: афф. *-a(sar)*.

В последнем случае авторы не уверены – падеж это или послеложное сочетание (HG 29). В целом приводится только таблица формантов без указания фонетических условий их употребления.

Диалектный материал

Диалекты хакасского языка

Качинский диалект

В качинском диалекте орудный падеж образуется бóльшим количеством формантов, чем в литературном языке. Ударение падает на предшествующий аффиксу слог.

1) Афф. *-bynaŋ/-bineŋ, -pynaŋ/-pineŋ, -mynaŋ/-mineŋ*: *kizi-bineŋ* 'с человеком', *ot-pynaŋ* 'с огнем' (ДХЯ Пат. I, 19-20).

2) Афф. *-daŋ/-deŋ, -naŋ/-neŋ, -taŋ/-teŋ*: *hól-bineŋ* 'рукой' (ДХЯ Пат. I, 20).

Сагайский диалект

Родительный падеж имеет варианты формантов по линии гласных и начальных согласных (в зависимости от конечных звуков основы): *-nyŋ/-niŋ/-nuŋ/-nüŋ, -dyŋ/-diŋ/-duŋ/-düŋ, -tyŋ/-tiŋ/-tuŋ/-tüŋ* (ДХЯ Пат. II, 40).

Дательный падеж в говорах сагайского диалекта обладает вариантами форманта с долгими гласными *-γa:, -ha:* (лит. *-γa, -ha*) (ДХЯ Пат. II, 40).

Винительный падеж имеет, как и родительный падеж, вариации формантов по линии гласных и согласных: *-ny/-ni/-nu/-nü, -ty/-ti/-tu/-tü* (ДХЯ Пат. II, 41).

Направительный падеж выражен формантами *-zar/-zer, -sar/-ser*, а в некоторых говорах они оканчиваются краткими узкими гласными – *-zary/-zeri, -sary/-seri* (ДХЯ Пат. II, 40-41).

Бельтирский говор

Направительный падеж выражают форманты, оканчивающиеся на негубные узкие и широкие гласные *-zary/-zeri, -sary/-seri, -zara/-zere* (ДХЯ Борг. 94).

Орудный падеж обладает формантами, которые варьируются по линии начальных согласных: *-baŋ/-beŋ, -paŋ/-peŋ, -maŋ/-meŋ* (ДХЯ Пат. II, 40).

Тейский говор

Орудный падеж имеет свой ряд формантов: *-bla/-ble, -pla/-ple, -la/-le* (ДХЯ Пат. II, 40).

Шорский диалект

Родительный падеж имеет варианты формантов только с негубными гласными: *-nyŋ/-niŋ, -dyŋ/-diŋ, -tyŋ/-tiŋ* (ДХЯ Меж. 57-58).

Винительный падеж выражен формантами только с негубными гласными: *-ny/-ni, -dy/-di, -ty/-ti* (ДХЯ Меж. 58).

Направительный падеж обладает вариантами формантов с конечными узкими гласными: *-zary/-zeri, -sary/-seri* (ДХЯ Меж. 58).

Орудный падеж представлен двумя рядами формантов: *-naŋ/-neŋ, -maŋ/-meŋ, -bla/-ble, -pla/-ple, -mla/-mle* (ДХЯ Меж. 58).

Диалекты шорского языка

В говоре шорцев, живущих по р. Кондоме встречаются форманты направительного падежа с узким конечным гласным: 1) *-qary ~qa:ry | -keri ~ke:ri – tašqary ~ tašqa:ry* 'на улице', *teskeri ~ teske:ri* 'наоборот, наизнанку'; 2) *-ary ~ -a:ry/ -eri ~e:ri – ara ~ a:ri* 'туда', *pe:re ~ pe:ri* 'сюда', *kederi ~ kede:ri* 'в сторону, прочь', *töberi ~ töbe:ri* 'вниз, внизу' (Дыр.Шор. 70).

Диалекты чулымско-тюркского языка

Среднечулымский диалект

Тутальский говор

Орудный падеж имеет следующие форманты: *-byla/-bile, -bla/-ble* (Бир. Чул. I 39).

Мелетский говор

Орудный падеж выражен двумя рядами формантов: *-naŋ/-näŋ, -laŋ/-läŋ* (Бир.Чул. I 39).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАКЫРГЫЗСКОГО СКЛОНЕНИЯ

К системе "пракыргызского" склонения могут быть отнесены неопределенный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, направительный падежи. Современные направительный и орудный падежи оказываются вне системы вследствие того, что их форманты явно послеложного происхождения и употребление их как падежных форм началось сравнительно поздно.

Направительный падеж формально выражен следующими средствами: хак.лит. *-zar/-zer, -sar/-ser*; саг.диал. *-zary/-zeri, -sary/-seri*; бельт.гов. саг.диал. к этому ряду добавляет еще *-zara/-zere*; шор.диал. *-zary/-zeri, -sary/-seri*; ф.-кырг.

-a(sar). Вариант *-sary* есть, несомненно, самостоятельное слово со значением 'сторона' в роли послелога (ДТС 488).

Орудный падеж располагает такими формантными возможностями: хак.лит. *-naŋ/-neŋ*; кач.диал. *-bynaŋ/-bineŋ*, *-pynaŋ/-pineŋ*, и *-naŋ/-neŋ*, *-daŋ/-deŋ*, *-taŋ/-teŋ*; бельт.гов. саг.диал. *-baŋ/-beŋ*, *-paŋ/-peŋ*, *-maŋ/-meŋ*; тейск.гов. саг.диал. *-bla/-ble*, *-pla/-ple*, *-la/-le*; шор. диал. *-naŋ/-neŋ*, *-maŋ/-meŋ*; *-bla/-ble*, *-pla/-ple*, *-mla/-mle*; чул. яз., тутальск.гов. *-byla/-bile*, *-bla/-ble*; мел.гов. *-naŋ/-näŋ*, *-laŋ/-läŋ*; шор. яз. *-byla/-bile*, *-myla/-mile*, *-la/-le*, *-ma/-me*, *-pa/-pe*.

Все это многообразие вариантов аффикса восходит к послелогу *birle/birlen* 'вместе', послелог со значением совместности, взаимности 'с' (ЭСТЯ 1978 149-151). Конечный *n* > *ŋ* имеет аналогию с формантом исходного падежа **-dan* >***-daŋ*.

Ранний период

Систему составляют семь падежей со своими формантами.

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: ***-nyŋ/**-niŋ/**-nuŋ/**-nüŋ,*
***-dyŋ/**-diŋ/**-duŋ/**-düŋ,*
***-tyŋ/-tiŋ/**-tuŋ/**-tüŋ.*

Дательный падеж: 1) ***-γa/**-ge/**-qa/**-ke*; 2) ***-a/**-e*.

Винительный падеж: ***-ny/**-ni/**-nu/**-nü,*
***-dy/**-di/**-du/**-dü,*
***-ty/**-ti/**-tu/**-tü.*

Местный падеж: ***-da/**-de/**-ta/**-te.*

Исходный падеж: ***-nan/**-nen, **-dan/**-den, **-tan/**-ten,*
***-dyn/**-din/**-dun/**-dün, **-tyn/-tin/**-tun/**-tün.*

Направительный падеж: ***-γary/**-geri, **-qary/**-kery, **-ary/**-ery.*

В целом система характеризуется наличием формантов с полнотой гармонии гласных и соответствием начальных согласных *n* ~ *d* ~ *t* в родительном, винительном, исходном падежах — черта, свойственная кыпчакским языкам и группам тюркских языков Сибири. В чулымско-тюркском, сарыг-югурском и фуюйско-кыргызском языках в исходном падеже сохраняется общетюркский конечный *n*, поэтому он восстанавливается и в пракыргызском. Шорский, чулымско-тюркский, сарыг-югурский и фуюйско-кыргызский сохраняют "уйгурскую" форму исходного падежа — с узким гласным. В сарыг-югурском это "остаток" от древнеуйгурского языка, а в шорском, чулымско-тюркском и фуюйско-кыргызском — следствие влияния экстралингвистических факторов.

Направительный падеж представлен в "пракыргызском" языке в двух формах, в поздний период пракыргызского направительный падеж распадается на наречные образования.

Поздний период

В позднем периоде "пракыргызского" языка система не испытывает особых изменений, кроме полной потери направительного падежа и перехода

конечного *-n* > *-ŋ* в форме исходного падежа (может быть, по аналогии с формантом родительного падежа?).

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: ***-nyŋ/**-niŋ/**-nuŋ/**-nüŋ,*
***-dyŋ/**-diŋ/**-duŋ/**-düŋ,*
***-tyŋ/-tiŋ/**-tuŋ/**-tüŋ.*

Дательный падеж: 1) ***-γa/**-ge/**-qa/**-ke*; 2) ***-a/**-e*.

Винительный падеж: ***-ny/**-ni/**-nu/**-nü,*
***-dy/**-di/**-du/**-dü,*
***-ty/**-ti/**-tu/**-tü.*

Местный падеж: ***-da/**-de/**-ta/**-te.*

Исходный падеж: ***-naŋ/**-neŋ, **-daŋ/**-deŋ, **-taŋ/**-teŋ,*
***-dyn/**-din/**-dun/**-dün, **-tyn/-tin/**-tun/**-tün.*

* * *

В завершение темы для того, чтобы показать отношение пракыргызской системы склонения к пратюркской, приведем реконструкции пратюркских систем склонения.

Пратюркский ранний период

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: [*-In ~ -Iŋ*].

Винительный падеж: *-I; -g/-γ*.

Дательный падеж: *-A; -qA/-kA*.

Направительный падеж: *-rA ~ -rI; -A+ -rI; -qA + -rI; -kA + -rI;* диал. *-In*.

Направительно-продольный падеж: *-čA*.

Исходно-местный падеж: *-tA*.

Творительный падеж: диал. *-In*.

Совместный падеж: *-lA ~ -lI; -lAn* (СИГТЯ 1988, 84-86)

Известна еще одна система реконструкций склонения в ранний период пратюркского, близкая к приведенной выше.

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Винительный падеж: 1) *-y/-i*; 2) *-yγ/-iγ*.

Направительный падеж: 1) *-a/-ä*; 2) *-qa/-kä*; 3) *-ra/-rä*; *-ry/-ri*; *-ary/-äri*; *-γary/-gäri*; 4) *-ča/-čä*; 5) *-n*.

Исходно-местный падеж: *-ta/-tä*, *-da/-dä*.

Орудный падеж: *-yn/-in*.

Совместный падеж: 1) *-ly:γ/-li:γ'*; 2) *-la/-lä*; 3) *-lan/-län*.

Экватив: *-ča/-čä* (СИГТЯ 1988, 89-91).

Пратюркский поздний период

Неопределенный падеж: нулевая форма.

Родительный падеж: 1) *-In ~ -Iŋ*; 2) *-nIn ~ -nIŋ*.

Винительный падеж: 1) *-I;* 2) *-nI*.

Дательный падеж: 1) *-A*; 2) *-qa/-kä*.

Местный падеж: *-tA*.
Направительно-продольный падеж: *-čA*.
Исходный падеж: *-tAn* (СИГТЯ 1988, 108-110).

Согласно второй системе, схема реконструкций имеет следующий вид:
Неопределенный падеж: нулевая форма.
Родительный падеж: *-yn ~ -iŋ*.
Винительный падеж: *-y/-i*.
Дательно-направительный падеж: 1) *-qa/-kä*; 2) *-a/-ä*.
Местный падеж: *-ta/-tä*, *-da/-dä*.
Исходный падеж: *-tan/-tän*, *-dan/-dän*.

Приведение двух систем реконструкций склонения в пратюркском раннего и позднего периодов дает возможность детально проследить эволюцию этих систем до реконструкций групповых языков, в данном случае – пракыргызского.

Сравнение реконструкций показывает, что в ранний период пракыргызского система падежей совпадает с поздним периодом пракыргызского, но являя дальнейшую фонетическую эволюцию пратюркских формантов (ср. *n ~ d ~ t* в родительном, винительном, исходном падежах) и сохраняя направительный падеж раннепратюркского.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН В ПОСЕССИВНОЙ ФОРМЕ

В хакасском литературном языке отличительными чертами притяжательного склонения являются: в 1 л. ед.ч. дательный падеж оканчивается на *-a/-e*, также и во 2-м л. ед.ч. – *-a/-e*, в 3-м л. ед. и мн.ч. дательный падеж – *-na/-ne*, винительный падеж – *-n*, местный и исходный падежи имеют *-n-* между основой и формантом: *adym-a* 'моему коню', *adyŋ-a* 'твоему коню', *čiri-ne* 'его земле', *čiri-n* 'его землю', *čiri-n-de* 'в его земле', *čiri-neŋ* 'из его земли' (ГХЯ 80).

В шорском языке в 1 и 2 л. ед.ч. дательный падеж имеет аффикс *-ya/-ge* и *-a/-e*, в 3 л. ед. и мн.ч. дательный падеж с тем же аффиксом *-ya/-ge* и *-a/-e*, винительный падеж – *-n*, в местном и исходном падежах между основой и аффиксом присутствует *-n-*: *qojum-ya/qojum-a* 'моей овце', *kebeŋ-ge/kebeŋ-e* 'твоей лодке', *ini-n-ge/ini-ne* 'в берлогу', *qaby-n* 'его мешок' (Дыр.Шор. 52).

В среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка в 1, 2, 3 л. ед.ч. возможны аффиксы дательного падежа *-ya/-gä, -qa/-kä* и *-a/-ä* (встречается чаще первых двух аффиксов): *o:ǯum-ya* 'моему дяде', но: *ičäm-e: ayam-a:* 'моим матери и отцу', *qyštay-y-ya* 'к берлоге', но: *tato:zy-na* 'его отцу', *azayy-na* 'его ноге' (Бир.Чул. I 33).

В сарыг-югурском языке дательный падеж в в 1, 2, 3 л. имеет один и тот же аффикс *-ya/-ge*: *hatyŋ-ya* 'моему, твоему, его коню', *minigi-ŋge* 'его деньгам', в винительном падеже – афф. *-n*: *minig-in* 'его деньги' (Тен.Сюг. 58-59).

В диалектах хакасского языка картина различная: в качинском диалекте дательный падеж от 1, 3 л. ед.ч. имеет *-a/-e* (*holym-a* 'моей руке', *holy-na* 'его руке' – ДФП 17), в сагайском диалекте в 1, 2, 3 л. употребляется *-ya/-ge*: *adym-ya* 'моему коню', *adyŋ-ya* 'его коню', *ibi-n-ge* 'его юрте' (ДХЯ Пат. II, 41).

РЕКОНСТРУКЦИЯ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН В ПОСЕССИВНОЙ ФОРМЕ

На всем протяжении истории "пракыргызского" языка склонение посессивных форм сохранялось в следующем виде:
1 л. ед.ч. дат.п.: ***-ya/***-ge* и ***-a/***-e*;
2 л. ед.ч. дат.п.: ***-ya/***-ge* и ***-a/***-e*;
3 л. ед. и мн.ч. дат.п.: ***-ya/***-ge* и ***-na/***-ne*,
вин.п.: ***-yn/***-in*,
в местн. и исх.п. *-n-* между основой и аффиксом.

Приведенная таблица показывает, что в пракыргызском склонение посессивных форм представляло собою сочетание двух типов склонения: с афф. *-ya* (северный тип) и с афф. *-a* (южный тип).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

1) Цвет предметов, масти животных: *ah* 'белый', *hara* 'черный', *saryy* 'желтый', *hyzyl* 'красный', *kök* 'синий', *hüzeŋ* 'коричневый';

2) *uluy* 'большой', *kičig* 'маленький', *pözik* 'высокий', *čabys* 'низкий', *uzun* 'длинный', *tireŋ* 'глубокий';

3) качества и свойства предметов: *pik* 'крепкий', *öl* 'мокрый', *a:r* 'тяжелый', *ni:k* 'легкий';

4) внутренние свойства человека: *čahšy* 'хороший', *homaj* 'плохой', *silig* 'красивый', *alyy* 'глупый';

5) физические признаки и состояния людей и животных: *tas* 'лысый', *toh* 'сытый', *as* 'голодный', *čo:ŋ* 'толстый' (ГХЯ 83, 86).

Шорский язык

1) *ah* 'белый', *qara* 'черный', *saryy* 'желтый', *qyzyl* 'красный', *kök* 'синий';

2) пространственные, временны́е признаки: *uluy* 'большой', *kičig* 'маленький', *mözük* 'высокий', *čabys* 'низкий', *uzun* 'длинный';

3) *pek* 'крепкий', *öl* 'мокрый', *a:r* 'тяжелый', *ni:k* 'легкий';

4) *čaqšy* 'хороший', *čabal* 'злой', *silig* 'красивый', *alyy* 'глупый';

5) *tas* 'лысый; голый', *taq* 'сытый', *aš* 'голодный', *čo:n* 'толстый' (Дыр.Шор. 71-72).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

1) *aq* 'белый', *qara* 'черный', *saryy* 'желтый', *qyzyl* 'красный', *kök* 'синий';

2) *uluγ* 'большой', *kičig* 'маленький', *tärän* 'глубокий', *uzun* 'длинный', *qysqa* 'короткий';

3) *yγyr* 'тяжелый', *ni:k* 'легкий';

4) *čažan* 'ленивый' (Бир.Чул. II 10-11).

Сарыг-югурский язык

1) *aq* 'белый', *qara* 'черный', *saryγ* 'желтый', *qyzyl* 'красный', *kük* 'синий', *ja'syl* 'зеленый';

2) *uluγ* 'большой', *kyčyg* 'маленький', *po'qys* 'низкий', *uzun* 'длинный', *qysqa* 'короткий';

3) *jahšy* 'хороший', *jys* 'плохой', *jaŋy* 'новый' (Тен.Сюг. 69).

Фуюйско-кыргызский язык

1) *ah* 'белый', *gar* 'черный' (*qara* 'ночь'), *göh* 'синий';

2) *uluh* 'большой', *giček* ~ *gičüh* 'маленький', *uzun* ~ *uzu* 'длинный', *büzih* 'высокий';

3) *gadïh* 'крепкий', *ül* 'мокрый', *a:r* 'тяжелый' (HG 40; Glossary).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1) ***aq* 'белый' (<**aq*), ***qara* 'черный' (<**qara*), ***saryγ* 'желтый' (<**saryγ*), ***kök* 'синий' (<**kök*), ***qyzyl* 'красный' (<**qyzyl*);

2) ***uluγ* 'большой' (<**uluγ*), ***kičig* 'маленький' (<**kičig*), ***bözük* 'высокий', ***tereŋ* 'глубокий', ***uzun* 'длинный' (<**uzun*);

3) ***pek* 'крепкий', ***öl* 'мокрый', ***aγyr* 'тяжелый', ***ni:k* 'легкий';

4) ***čaqšy* ~ ***jaqšy* 'хороший', ***silig* 'красивый', ***alyγ* 'глупый';

5) ***tas* 'лысый; голый', ***toq* 'сытый', ***aš (**aš?)* 'голодный', ***čo:n* 'толстый'.

КОНКРЕТНЫЕ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Положительная степень – основа прилагательных.

Сравнительная степень

1. Аналитическая форма. Субъект сравнения ставится в неопределенном падеже, объект – в исходном падеже.

Хакасский язык:

kün ajdaŋ čaryh 'солнце светлее луны', *anzy mynzynaŋ niske* 'тот меньше этого' (ГХЯ 94), *inek hojdaŋ uluγ* 'корова больше овцы', *pü:r hizannaŋ küstig* 'волк сильнее зайца' (Дыр.Хак. 41).

Шорский язык:

oqtardaŋ qapčyγaj 'быстрее пуль', *örteŋ qyzyl* 'краснее пламени', *Tom suγy Mondum (~ Qondum) suγynaŋ qazyr* 'река Томь быстрее реки Кондомы' (Дыр.Шор. 80).

Чулымско-тюркский язык (среднечулымский диалект):

mändin ke:re 'старее меня', *parče:zyndyn paj* 'из всех богаче' (Бир.Чул. II 10).

2. Синтетическая форма – прилагательное + афф. *-raq/-rek*.

Сарыг-югурский язык:

uzunraq 'длиннее', *aqraq* 'белее', *qyzylraq* 'краснее', *jahsyraq* 'лучше', *pezgirek* 'выше' (Тен.Сюг. 69-70).

Фуюйско-кыргызский язык:

Garïrïh 'чернее' (HG 30).

Превосходная степень

Образуется посредством препозитивных частиц или приемом редупликации.

Хакасский язык:

iŋ časqalyγ 'самый счастливый', *iŋ čahsy* 'самый хороший', *tyŋ tireŋ* 'очень глубокий', *uγa: čahsy* 'очень хороший', *uγa: simis* 'чрезвычайно жирный' (ГХЯ 94; Дыр.Хак. 41).

Шорский язык:

eŋ čaγyštyγ 'самый умный', *eŋ-ne čaqšy* 'самый хороший', *eŋ-ne kičig* 'самый малый', *tyŋ kök* 'очень синий', *tyŋ so:q* 'очень холодный', *mayat qojuγ* 'очень густой', *naj čaqšy* 'очень хороший', *ajta-la uluγ* 'чрезвычайно большой' (Дыр.Шор. 79-80).

Чулымско-тюркский язык (среднечулымский диалект):

qap qara 'очень черный', *čym čyryq* 'очень (слишком) тихий' (Бир.Чул. II 11).

Сарыг-югурский язык:

jiŋ/ʒiŋ pezyk 'самый высокий', *jiŋ-ne kičik* 'самый маленький', *ʒiŋ jahšy* 'самый хороший' (Тен.Сюг. 70).

Фуюйско-кыргызский язык:

ïŋ GAr 'самый черный', *GAp GAr* 'совершенно черный' (HG 30).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНКРЕТНЫХ ФОРМ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Сравнительная степень

Реконструируются две разновидности форм сравнения прилагательных.

1. Аналитическая форма: субъект сравнения в неопределенном падеже – объект сравнения в исходном падеже – прилагательное.

2. Синтетическая форма: прилагательное + афф. ***-raq/**-rek*.

Превосходная степень

Реконструкции подлежат две аналитические формы, образованные:

1) препозитивными частицами **eŋ* и ***tyŋ*;

2) приемом редупликации типа ***qap* ***qara* 'очень черный', ***čym* ***čyruq* 'очень (слишком) тихий'.

АБСТРАКТНЫЕ ФОРМЫ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Форма ослабления качества

Хакасский язык

1) Афф. *-symah/-semek, -zymah/-zemek – harazymah* 'черноватый', *aqsymah* 'беловатый';

2) афф. *-amdyh/-emdik – ayamdyh* ‘беловатый’, *hyzamdyh* ‘красноватый’;

3) афф. *-ilbej – kögilbej* ‘синеватый’;

4) постпозитивная частица *arah – uluy arah* ‘побольше’, *kičig arah* ‘поменьше’, *kök arah* ‘голубоватый’ (ГХЯ 94; Дыр.Хак. 41).

Шорский язык

1) Афф. *-amdyq/-mdyq – qaramdyq* ‘черноватый’, *saryamdyq* ‘желтоватый’;

2) афф. *-yldyrym/-ildirim/-uldurum/-üldürüm – ayyldyrym* ‘беловатый’, *kögüldürüm* ‘синеватый’;

3) постпозитивная частица *-a:raq ~ -aryq ~ -araq – qyzyl a:raq ~ qyzyl aryq ~ qyzyl araq* ‘красноватый’, *aq a:raq ~ aq aryq ~ aq araq* ‘беловатый’, *kök a:raq ~ kök aryq ~ kögaraq* ‘синеватый’ (Дыр.Шор. 77, 76).

Чулымско-тюркский язык (среднечулымский диалект)

1) афф. *-syman – tügünsyman čip* ‘узловатые нитки’, *yyyrsyman* ‘тяжеловатый’;

2) афф. *-ymdyq/-imdik – ayymdyq* ‘беловатый’, *qaramdyq* ‘черноватый’;

3) афф. *-myq/-mik – ayymyq* ‘беленький’, *qyzymyq* ‘красненький’, *kö:gemik* ‘голубенький’ (Бир.Чул. II 11).

Сарыг-югурский язык

Афф. *-ymisrek/-imisrek/-misrek – ayimisrek* ‘беловатый’, *ja'sylimisrek* ‘зеленоватый’, *jahšymisrek* ‘вполне хороший’ (Тен.Сюг. 70).

Форма усиления качества

Хакасский язык

1) Изафетная конструкция – *čahsynyŋ čahsyzy* ‘лучший из лучших’, *homajnyŋ homajy* ‘плохой из плохих’, *aŋnarnyŋ iŋ simizi* ‘самый жирный из зверей’;

2) объект сравнения в исходном падеже, субъект – в неопределенном падеже – *attardaŋ artyh at* ‘лучший из коней’, *hardaŋ ah syraj* ‘лицо белее снега’, *ötigdeŋ ötig ün* ‘голос громче громкого’;

3) редупликативные сочетания – *hap harashy* ‘совершенно темный’, *čap čaryh* ‘совсем светлый’, *čop čo:ŋ* ‘очень толстый’ (ГХЯ 94; Дыр.Хак. 41).

Шорский язык

1) Объект сравнения в исходном падеже, субъект – в неопределенном падеже – *aqtaŋ aq* ‘совершенно невинный’;

2) редупликативные сочетания – *sap saryy* ‘совершенно желтый’, *qyp qyzyl* ‘совершенно красный’, *köpkök* ‘совершенно синий’ (Дыр.Шор. 77, 78).

Сарыг-югурский язык

Редупликативные сочетания – *sap/saw saryq* ‘совершенно желтый’, *qyp qyzyl* ‘совершенно красный’, *up uzun* ‘длинный-предлинный’ (Тен.Сюг. 70).

РЕКОНСТРУКЦИЯ АБСТРАКТНЫХ ФОРМ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Форма ослабления качества

В реконструкции возможны две формы:

1) прилагательное + афф. ***-amdyq/***-imdik/***-mdik*;

2) прилагательное + частица ***araq*.

Форма усиления качества

Реконструируются две формы:

1) конструкция с объектом сравнения в исходном падеже и субъектом сравнения в неопределенном падеже;

2) редупликативные сочетания типа ***sap ***saryy, ***qyp ***qyzyl, ***köpkök*.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

1) Афф. *-lyy/-lig, -tyy/-tig, -nyy/-nig*: *harlyy* ‘снежный’, *tonnyy* ‘имеющий шубу’, *tillig* ‘имеющий язык’, *süttig* ‘молочный’;

2) афф. *-yy/-gi, -qy/-ki*: *irtengi* ‘утренний’;

3) афф. *-dayy/-degi, -tayy/-tegi*: *tajyadayy* ‘таежный’, *kemedegi* ‘находящийся в лодке’ (Дыр. Хак. 40, ГХЯ 85).

Шорский язык

1) Афф. *-lyy/-lig, -tyy/-tig, -nyy/-nig*: *yrystyy* ‘счастливый’, *palalyy* ‘имеющий детей’, *qarlyy* ‘снежный’;

2) афф. *-yy/-gi, -qy/-ki*: *qyšqy* ‘зимний’, *časqy* ‘весенний’, *küskü* ‘осенний’ (Дыр.Шор. 73).

Чулымско-тюркский язык (среднечулымский диалект)

Афф. *-lyy/-lig, -tyy/-tig, -nyy/-nig*: *qullyy* ‘клыкастый’, *čolaqtyy* ‘полосатый’, *ärlig* ‘замужняя’ (Бир.Чул. II 11).

Сарыг-югурский язык

1) Афф. *-lyy/-lig, -nyy/-nig, -tyy/-tig, -dyy/-dig*: *ulaylyy* ‘имеющий подводу’, *k'unnyy* ‘солнечный’, *miniktig* ‘имеющий деньги’, *sojištyy* ‘радостный’, *šaždyy* ‘женщина’ (*досл.* ‘волосатая’);

2) афф. *-yy/-gi, -qy/-ki*: *pyyynqy* ‘сегодняшний’, *jiŋyrqy* ‘вечерний’, *p'yrynqy* ‘прежний’;

3) афф. *-dayy/-daqy, -tayy/-taqy, -teyy/-degy*: *sudaqy* ‘находящийся в воде’, *jüteyy* ‘находящийся дома’, *peydeyy* ‘находящийся у князя’.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Реконструируются три формы, образующиеся посредством:

1) афф. ***-lyy/***-lig, ***-nyy/***-nig, ***-dyy/***-dig, ***-tyy/***-tig;

2) афф. ***-yy/***-gi, ***-qy/***-ki;

3) афф. ***-dayy/***-degi, ***-tayy/***-tegi.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

НАЗВАНИЯ ЕДИНИЦ

Хакасский язык

pir ‘один’, *įkį* ‘два’, *üs* ‘три’, *tört* ‘четыре’, *pis* ‘пять’, *alty* ‘шесть’, *čitį* ‘семь’,

sigis 'восемь', *toyys* 'девять' (ГХЯ 113). В шорском диалекте *pes* 'пять' вм. *pis* (ДХЯ Меж. 59).

Шорский язык

pir 'один', *ijgi* 'два', *üš* 'три', *tört* 'четыре', *peš* 'пять', *alty* 'шесть', *četti* 'семь', *segis* 'восемь', *toyus* 'девять' (Дыр.Шор. 102).

Чулымско-тюркский язык

Первое слово (из пары числительных) – нижнечулымский диалект, второе – среднечулымский диалект.

pir – pir 'один', *igi – igi* 'два', *üc – üč* 'три', *tört – tö:rt/tört* 'четыре', *päš – päš* 'пять', *alty – alty* 'шесть', *jede – čede* 'семь', *sogis – segis* 'восемь', *toyus – to:yus* 'девять' (Бир.Чул. II 13).

Сарыг-югурский язык

per ~ pyr ~ py 'один', *išqy ~ šyky ~ išky ~ šike ~ ški* 'два', *uš ~ vyš* 'три', *t'ört ~ tiort ~ d'ört* 'четыре', *pes ~ bes* 'пять', *alty ~ halty* 'шесть', *jite ~ jity ~ jyty ~ ʒity ~ ʒyty* 'семь', *sekes ~ sekys ~ sakʿys ~ sa:qys* 'восемь', *ta'qys* 'девять' (Тен.Сюг. 71).

Фуюйско-кыргызский язык

bir 'один', *igi* 'два', *uš* 'три', *durt* 'четыре', *bis* 'пять', *altï* 'шесть', *čiti* 'семь', *segis* 'восемь', *toyus* 'девять' (HG 30).

НАЗВАНИЯ ДЕСЯТКОВ

Хакасский язык

on 'десять', *čibirgį* 'двадцать', *otys* 'тридцать', *hyryh* 'сорок', *ilig* 'пятьдесят', *alton* 'шестьдесят', *čiton* 'семьдесят', *sigįzon* 'восемьдесят', *toyyzon* 'девяносто' (ГХЯ 113).

Шорский язык

on 'десять', *čegirbe* 'двадцать', *odus* 'тридцать', *qyryq* 'сорок', *elig* 'пятьдесят', *alton* 'шестьдесят', *četton* 'семьдесят', *segizon* 'восемьдесят', *toguzon* 'девяносто' (Дыр.Шор. 102). В диалектах: *ujgon* 'двадцать', *užon* 'тридцать', *törton* 'сорок', *pežon* 'пятьдесят' (Дыр.Шор. 102).

Чулымско-тюркский язык

Первое слово – нижнечулымский диалект, второе – среднечулымский диалект.

on – on 'десять', *jarva – če:gerbe* 'двадцать', *otus – o:tus* 'тридцать', *qyryq – qyryq* 'сорок', *eliy – e:liy* 'пятьдесят', *alton – alton* 'шестьдесят', *jaton – čadon* 'семьдесят', *sekson – saqson* 'восемьдесят', *toqson – toqsan* 'девяносто' (Бир.Чул. II 13).

Сарыг-югурский язык

on 'десять', *jyyyrmo ~ ʒyyyrmo* 'двадцать', *ü'čon ~ ü'ʒon* 'тридцать' (при счете – *o'tys*), *törton* 'сорок', *peson* 'пятьдесят', *alton ~ halton* 'шестьдесят', *jiton ~ ʒeton ~ ʒiton* 'семьдесят', *saqyson* 'восемьдесят', *to'qyson ~ to'son* 'девяносто' (Тен.Сюг. 72).

Фуюйско-кыргызский язык

on 'десять', *jibir* 'двадцать', *otus* 'тридцать', *durdïn* 'сорок', *bïžïn* 'пятьдесят',

altan 'шестьдесят', *čïtïn* 'семьдесят', *sijgïzïn* 'восемьдесят', *doğuzïn* 'девяносто' (HG 30).

НАЗВАНИЯ ВЫСШИХ РАЗРЯДОВ

Хакасский язык

čüs 'сто', *muŋ ~ müŋ* 'тысяча', *tüben* 'бесконечно большое число' (ДХЯ 113).

Шорский язык

čüs 'сто', *muŋ* 'тысяча' (Дыр.Шор. 102).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

čüs 'сто', *muŋ ~ tyšša* 'тысяча' (Бир.Чул. II 13).

Сарыг-югурский язык

jöz ~ jüz 'сто', *per myŋ* 'тысяча' (Тен.Сюг. 72).

Фуюйско-кыргызский язык

jüs 'сто', *muŋ* 'тысяча', *duman* 'десять тысяч' (HG 30).

СИСТЕМА СЧЕТА

Хакасский язык

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *on pįr* 'одиннадцать', *on įkį* 'двенадцать', *on üs* 'тринадцать', *on tört* 'четырнадцать', *on pis* 'пятнадцать',.. *on toyys* 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *čibįrgį pįr* 'двадцать один', *čibįrgį įkį* 'двадцать два', *čibįrgį üs* 'двадцать три',.. *čibįrgį toyys* 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *otys pįr* 'тридцать один', *otys įkį* 'тридцать два', *otys üs* 'тридцать три',.. *otys toyys* 'тридцать девять' (ДХЯ 114).

Шорский язык

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *on pir* 'одиннадцать', *on ijgi* 'двенадцать', *on üš* 'тринадцать', *on tört* 'четырнадцать', *on peš* 'пятнадцать',.. *on toyus* 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *čegirbe pir* 'двадцать один', *čegirbe ijgi* 'двадцать два';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *odus pir* 'тридцать один', *odus ijgi* 'тридцать два', *odus üš* 'тридцать три',.. *odus toyus* 'тридцать девять' (Дыр.Шор. 103).

Чулымско-тюркский язык

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): среднечул. диал. – *on pir* 'одиннадцать', *on igi* 'двенадцать', *on üč* 'тринадцать', *on to:rt* 'четырнадцать', *on päš* 'пятнадцать',.. *on to:yus* 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): среднечул. диал. – *če:gerbe pir* 'двадцать один', *če:gerbe igi* 'двадцать два', *če:gerbe üč* 'двадцать три',.. *če:gerbe to:yus* 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *o:tus*

pir 'тридцать один', *o:tus igi* 'тридцать два', *o:tus üč* 'тридцать три',.. *o:tus to:γus* 'тридцать девять' (Бир.Чул. II 14).

Сарыг-югурский язык

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *pyr yγyrmo* 'одиннадцать', *išqy jγγyrmo* 'двенадцать', *üš yγyrmo* 'тринадцать', *tiort ʒiγyrmo* 'четырнадцать', *peš iγyrmo* 'пятнадцать',.. *to'qys yγyrmo* 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *pyr o'tys* 'двадцать один', *išqy o'tys* 'двадцать два', *üš o'tys* 'двадцать три',.. *to'qys o'tys* 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *ü'čon ber* 'тридцать один', *ü'čon šike* 'тридцать два', *ü'čon vyš* 'тридцать три',.. *ü'čon to'qys* 'тридцать девять' (Тен.Сюг. 72).

Система счета II и IV десятков в сарыг-югурском языке способом приближения к следующему десятку, по словам С.Е.Малова, представляет собою "островок старого тюркского счета", сохранившийся, кроме сарыг-югурского языка, еще в языках рунических и древнеуйгурских памятников (СИГТЯ 1988, 179-183).

Фуюйско-кыргызский язык

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): *on bĭr* 'одиннадцать'...

III, IV и др. десятки от 20 до 90: единицы + *ten* (HG 30).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Названия единиц

Ранний период

1) ***bir (< *bi:r)*, 2) ***iki (<*iki)*, 3) ***üč (<üč)*, 4) ***dört (<*dö:rt)*, 5) ***beš (<*bä:š)*, 6) ***alty (<*alty)*, 7) ***jeti/***ǯeti (<*jäti)*, 8) ***segis (<*säkis)*, 9) ***doγus (<*doqoz)*.

Поздний период

1) ***pir (< **bir)*, 2) ***igi (<**iki)*, 3) ***üš (<*üč)*, 4) ***tört (<**dört)*, 5) ***peš (<**beš)*, 6) ***alty (<**alty)*, 7) ***četi (<**ǯeti)*, 8) ***segis (<**segis)*, 9) ***toγus (<*doγus)*.

Названия десятков

Ранний период

1) ***on (<*o:n)*, 2)***jegirbe/**ǯegirbe (<*jegirbe)*, 3) ***otus (<*otuz)*, 4) ***qyryq/**törton (<*qyryq/*dö:rto:n)*, 5) ***elig/**bešon (<*äliγ/*bä:šo:n)*, 6) ***alton (<*alty o:n)*, 7) ***jeton/**ǯeton (<*jäti o:n)*, 8) ***segizon (<*säkiz o:n)*, 9) ***doγuzon (<*doqoz o:n)*.

Поздний период

1) ***on (< **on)*, 2) ***čegirbe (<**ǯegirbe)*, 3) ***otus (<**otus)*, 4) ***qyryq/*törton (<*qyryq/*törton)*, 5) ***elig/**pešon (<*elig/*bešon)*, 6) ***alton (<**alton)*, 7) ***jeton/**ǯeton (<**jeton/**ǯeton)*, 8) ***segizon (<**segizon)*, 9) ***toγuzon (<**doγuzon)*.

В диалектах шорского языка система "названия единиц + десять" началась с 'двадцати': *ujgon (ijgi + on)*, *užon* 'тридцать', *törton* 'сорок', *pežon* 'пятьдесят' (Дыр.Шор. 102). Динамика внедрения в старую систему десятков ("названия единиц × *on* 'десять'") новой системы очевидна. На самой ранней стадии старая система господствовала, что показывает шорский материал. На всем протяжении пракыргызского языка новая система прочно закрепилась за 20 и 30, следующие десятки – 40 и 50 – имеют параллельные формы, а у 60–90 сохранились только старые названия.

Названия высших разрядов

Ранний период

***jüz (< *jü:z)* 'сто', ***myŋ (<*biŋ/*miŋ)* 'тысяча', ***dümän (<*tümän)* 'десять тысяч'.

Поздний период

***čüz (< **jüz)* 'сто', ***muŋ (<**myŋ)* 'тысяча', ***tüben (<**dümän)* 'десять тысяч'.

Система счета

Ранний период

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): ***on bir* 'одиннадцать', ***on iki* 'двенадцать', ***on üč* 'тринадцать', ***on dört* 'четырнадцать', ***on beš* 'пятнадцать',.. ***on doγus* 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): ***jegirbe/**ǯegirbe bir* 'двадцать один', ***jegirbe/**ǯegirbe iki* 'двадцать два', ***jegirbe/**ǯegirbe üč* 'двадцать три', ***jegirbe/**ǯegirbe dört* 'двадцать четыре', ***jegirbe/**ǯegirbe beš* 'двадцать пять',.. ***jegirbe/**ǯegirbe doγus* 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): ***otus bir* 'тридцать один', ***otus iki* 'тридцать два', ***otus üč* 'тридцать три', ***otus dört* 'тридцать четыре', ***otus beš* 'тридцать пять',.. ***otus doγus* 'тридцать девять'.

Поздний период

II десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): ***on pir* 'одиннадцать', ***on igi* 'двенадцать', ***on üš* 'тринадцать', ***on tört* 'четырнадцать', ***on peš* 'пятнадцать',.. ***on doγus* 'девятнадцать';

III десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): ***čegirbe pir* 'двадцать один', ***čegirbe igi* 'двадцать два', ***čegirbe üš* 'двадцать три', ***čegirbe tört* 'двадцать четыре', ***čegirbe peš* 'двадцать пять',.. ***čegirbe toγus* 'двадцать девять';

IV десяток (единица высшего порядка – единица низшего порядка): ***otus pir* 'тридцать один', ***otus igi* 'тридцать два', ***otus üš* 'тридцать три', ***otus tört* 'тридцать четыре', ***otus peš* 'тридцать пять',.. ***otus toγus* 'тридцать девять'.

Иная картина в сарыг-югурском языке: в первых двух десятках (11–29) господствует праязыковая (реликтовая в данном случае) система счета (еди-

ница низшего порядка – единица высшего порядка): *pyr yγyrmo (<*pi:r jegirmä)* 'одиннадцать', *pyr o'tys (<*pi:r otuz)* 'двадцать один'... Начиная с III десятка возникает современная общетюркская система счета: *ü'čon ber (<*üčo:n pi:r)* 'тридцать один'.

Следует отметить, что пракыргызский сохранил всю праязыковую систему десятков (10–90) и праязыковую систему счета в реликтовом состоянии (11–29).

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

В значении 'первый' употребляется *pastaγy* (букв. 'начальный'). Далее порядковые числительные образуются посредством афф. *-(y)nžy/-(i)nži*: *ikinži* 'второй', *üzinži* 'третий', *törtinži* 'четвертый', *pizinži* 'пятый'... (ДХЯ 118).

Шорский язык

В роли 'первого' выступает слово *pastapqy* 'начальный' (в диалекте Мрассу – *pazančy*). Остальные числительные образуются при помощи афф. *-(y)nčy/-(i)nči, -(u)nču/-(ü)nčü*: *pirinči* 'первый' (редко), *üzünči* 'третий', *toγuzunčy* 'девятый' (Дыр.Шор. 105–106).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Значение 'первый' передает слово *pašta:γyzy* 'начальный'. Другие числительные образуются посредством афф. *-(y)nčy/-(i)nči, -(u)nču/-(ü)nčü*. Форма *pe:renči* выступает только в составных числительных: *on pe:renči* 'одиннадцатый', *če:gerbe pe:renči* 'двадцать первый' (Бир.Чул. II 14–15).

Сарыг-югурский язык

Порядковые числительные образуются с участием афф. *-nzy/-nzylyq*: *pyrynzy ~ pyrynzylyq* 'первый', *škynzy ~ škynzylyq* 'второй', *pesynzy ~ pesynzylyq* 'пятый' (Тен.Сюг. 73).

Фуюйско-кыргызский язык

Для образования порядковых числительных служит афф. *-nji*: *iginji* 'второй', *durdïnji* 'сороковой', *jüzinji* 'сотый' (HG 30).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В пракыргызском можно восстановить форму с афф. ***-(y)nčy/**-(i)nči, **-(u)nču/ **-(ü)nčü (<*-(y)nčy/*-(i)nči, *-(u)nču/*-(ü)nčü)*:

ранний период: ***birinči, **ikinči, **üčünčü, **dörtünčü, **bešinči...*

поздний период: *pirinči, iginči, üšünčü, törtünčü, pešinci...*

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

Собирательные числительные образуются с помощью афф. *-olaŋ/-öleŋ*: *iköleŋ* 'двое, вдвоем', *üzöleŋ* 'трое, втроем', *toγuzolaŋ* 'вдевятером' (ДХЯ 121–122).

Шорский язык

Для образования собирательных числительных служит афф. *-ala/-ele, -la/-le*: *ijgele* 'вдвоем', *üzele* 'втроем', *törtele* 'вчетвером' (Дыр.Шор. 105).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Собирательные числительные образуются посредством афф. *-laŋ/-läŋ*: *igiläŋ* 'вдвоем', *altylaŋ* 'вшестером' (Бир.Чул. II 16).

Сарыг-югурский язык

Собирательные числительные образуются с помощью афф. *-ogo*: *yškogo* 'вдвоем', *üzogo* 'втроем', *törtogo* 'вчетвером', *pesogo* 'впятером', *onogo* 'вдесятером' (Тен.Сюг. 73).

Фуюйско-кыргызский язык

При образовании собирательных числительных употребляется афф. *-lï*: *igilï* 'вдвоем', *užïlï* 'втроем', *durtïlï* 'вчетвером' (HG 30).

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Для пракыргызского возможны три формы:

1) ***-olaŋ/**-öleŋ (<*-aγulan/*-äγ'ülän)*: ***iköleŋ/**igöleŋ* 'вдвоем', ***üčöleŋ/**üšöleŋ* 'втроем', ***doγuzolaŋ/**toγuzolaŋ* 'вдевятером',

2) ***-ala/**-ele, **-la/**-le (<*-aγula/*-äγ'ülä)*: ***ikile/**igile* 'вдвоем', ***üčele/**üšele* 'втроем', ***doγuzala/**toγuzala* 'вдевятером',

3) ***-ogo/**-öγö (<*-aγu/*-äγ'ü)*: ***ikög'ö/**igög'ö* 'вдвоем', ***üčög'ö/**üšög'ö* 'втроем', ***doγuzoγo/**toγuzoγo* 'вдевятером'.

Последняя форма относится к раннему периоду тюркского праязыка (СИГТЯ 1988, 188–190), а первые две – к позднему периоду (СИГТЯ 1988, 190–191).

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

Разделительные числительные образуются посредством трех видов аффиксов.

1) *-ar/-er* (после основ на согласные) и *-lar/-ler* (после основ на гласные): *toγyzar* 'по девять', *pirer* 'по одному', *altylar* 'по шесть', *čitiler* 'по семь',

2) *-arlap/-erlep* (после основ на согласные) и *-larlap/-lerlep* (после основ на гласные): *onarlap* 'по десять', *pizerlep* 'по пять', *pirerlep* 'по одному',

3) *-naŋ/-neŋ, -daŋ/-deŋ, -taŋ/-teŋ* (исх.п.): *ikideŋ* 'по два', *üsteŋ* 'по три', *čüsteŋ* 'по сотне' (ДХЯ 120).

Возможна контаминированная форма: *-ar* + *-naŋ* и т.д. (ХРСл. 413).

Шорский язык

Разделительные числительные образуются с помощью афф. *-daŋ/-deŋ, -taŋ/-teŋ* (исх.п.): *üšteŋ* 'по три', *pešteŋ* 'по пять', *čettideŋ* 'по семь' (Дыр.Шор. 105).

Сарыг-югурский язык

Разделительные числительные образуются по модели: числительное удваивается, второй компонент ставится в исходном падеже: *šky-škyden* 'по два', *üš-üšten* 'по три', *pes-pesten* 'по пять' (Тен.Сюг. 73).

РЕКОНСТРУКЦИЯ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В пракыргызском восстанавливаются две формы:

1) ***-ar/**-er* и ***-lar/**-ler* (< **-ar/*-är* и **-sar/*-sär, *-kar/*-kär, *-rar/*-rär, *-lar/*-lär*): ***doγuzar/**toγuzar* 'по девять', ***jetiler/**ǰetiler/**četiler* 'по семь',

2) ***-naŋ/**-neŋ, **-daŋ/**-deŋ, **-taŋ/**-teŋ* (< **-tan/*-ten, *-dan/*-den*): ***ikideŋ/**igideŋ* 'по два', ***üčteŋ/**üšteŋ* 'по три'.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

Образуются аффиксальным путем – афф. *-ča/-če, -ǯa/-ǯe*: *onǯa* 'около десяти', *iligǯe* 'около пятидесяти', *čüsče* 'около ста' (ДХЯ 123).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Способ образования – аффиксальный, афф. *-ča/-čä*: *se:gesčä* 'около восьми', *čadonča* 'около семидесяти', *toqsanča* 'около девяноста' (Бир.Чул. II 14).

Фуюйско-кыргызский язык

Образуются посредством афф. *-čï/-ǰï*: *jibirǰï* 'около двадцати', *otuscï* 'около тридцати' (HG 30).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Восстанавливается одна форма – афф. ***-ča/**-če, **-ǯa/**-ǯe*: ***onǯa* 'около десяти', ***eligǯe* 'около пятидесяти', ***jüzče/**čüsče* 'около ста'.

ДРОБНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Хакасский язык

Дробные числительные образуются аналитическим путем – изафет III типа (знаменатель в род.п., числитель – с афф. принадлежности 3 л.): *törttiŋ üzi* 'три четверти', *altynyŋ pizį* 'пять шестых' (ДХЯ 123).

Шорский язык

Конструкция та же, что и в хакасском языке:

1) *onnyŋ pir pölügi* 'одна часть десяти = одна десятая',

2) нормативный вид: *peš pölüktiŋ törti* 'четыре части пяти' = 'четыре пятых', *üš pölüktiŋ ijgizi* 'две части трех' = 'две трети'.

В говорах: *čettiniŋ altyzy* 'шесть седьмых', *törttiŋ üzi* 'три четвертых' (Дыр.Шор. 108).

Сарыг-югурский язык

Конструкция подобна хакасской и шорской: *škynyŋ bir* 'одна вторая', *törttyŋ vyš* 'три четвертых' *onnyŋ to'qys* 'девять десятых'.

Эти конструкции в речи сарыг-югуров употребляются мало, вместо них предпочитают китайские эквиваленты (Тен.Сюг. 73).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРОБНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

В пракыргызском реконструируется конструкция изафета III типа (знаменатель в форме род.п., числитель – в посессивной форме 3 л.): ***dörttiŋ üči/**törttiŋ üši* 'три четверти', ***doγustyŋ beši/**toγustyŋ peši* 'пять девятых',

***jüzdiŋ biri/**čüstiŋ piri* 'одна сотая'. Этот способ образования дробных числительных сохранился от позднего периода тюркского праязыка (СИГТЯ 1988, 199).

МЕСТОИМЕНИЕ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Основные формы

Хакасский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min* 'я'	*pis* 'мы'
2-е л.	*sin* 'ты'	*sirer* 'вы'
3-е л.	*ol* 'он, она'	*olar* 'они'

(ГХЯ 146).

В диалектах наблюдаются отклонения от литературной нормы: в шорском диалекте – *men* 'я', *sen* 'ты' (ДХЯ Меж. 52), в сагайском диалекте – *ul ~ ol* 'он, она', *siler* 'вы' (ДХЯ Пат. II, 42). Исходная форма, очевидно, *siler*, от нее производная – *sirer (l//r)*. В кызыльском диалекте – *men* 'я', *bis* 'мы', *sler* 'они' (ДХЯ Спасс. 149). В бельтирском говоре сагайского диалекта *ul* 'он, она' (ДХЯ Борг. 95).

Шорский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men* 'я'	*pis* 'мы'
2-е л.	*sen* 'ты'	*siler ~ sler* 'вы'
3-е л.	*ol* 'он, она'	*ylar ~ lar ~ olar ~ alar* 'они'

(Дыр.Шор. 82)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män* 'я'	*pis* 'мы'
2-е л.	*sän* 'ты'	*silär ~ slär* 'вы'
3-е л.	*ol* 'он, она'	*olar* 'они'

(Бир.Чул. II 16)

Сарыг-югурский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men* 'я'	*mys ~ myz ~ myster* 'мы'
2-е л.	*sen* 'ты'	*siler ~ seler ~ sele* 'вы'
3-е л.	*gol ~ kol ~ ol* 'он, она'	*golar ~ kolar ~ olar* 'они'

(Тен.Сюг. 76)

Фуюйско-кыргызский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min* 'я'	*bïs* 'мы'
2-е л.	*sin* 'ты'	*sirïr* 'вы'
3-е л.	*ol* 'он, она'	*olor* 'они'

(HG 30–31)

Склонение личных местоимений

Хакасский язык

Неопр.	*min* 'я'	*sin* 'ты'	*ol* 'он, она'
Род.	*miniŋ*	*siniŋ*	*anyŋ*
Дат.	*maγa:*	*saγa:*	*aγa:*
Вин.	*mini*	*sini*	*any*
Местн.	*minde*	*sinde*	*anda*
Исх.	*minneŋ*	*sinneŋ*	*annaŋ*
Напр.	*minzer*	*sinzer*	*anyŋzar*
Оруд.	*minneŋ*	*sinneŋ*	*annaŋ*

(ДХЯ 145)

Шорский язык

Неопр.	*men* 'я'	*sen* 'ты'	*ol* 'он, она'
Род.	*me:ŋ ~ meniŋ*	*se:ŋ ~ seniŋ*	*a:ŋ ~ anyŋ*
Дат.	*maγa ~ ma:*	*saγa ~ sa:*	*aγa ~ a:*
Вин.	*meni*	*seni*	*any*
Местн.	*mende*	*sende*	*anda*
Исх.	*meneŋ*	*seneŋ*	*anaŋ*
Оруд.	*me:ŋme*	*se:ŋme*	*a:ŋma*

(Дыр.Шор. 82)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Неопр.	*män* 'я'	*sän* 'ты'	*ol* 'он, она'
Род.	*me:ŋ*	*se:ŋ*	*anyŋ*
Дат.	*ma:*	*sa:*	*ana* (ср.-чул.) ~ *aγa* (н.-чул.)
Вин.	*me:ni*	*se:ni*	*a:ny*
Местн.	*mändä*	*sändä*	*anda*
Исх.	*mändin*	*sändin*	*andyn*
Оруд.	*me:ŋbelä,* *me:ŋvelä*	*se:ŋbelä,* *se:ŋvelä*	*a:nyŋbyla,* *a:nyŋvyla*

(Бир.Чул. II 17)

Сарыг-югурский язык

Неопр.	*men* 'я'	*sen* 'ты'
Род.	*menyŋ ~ meniŋ ~ minyŋ*	*senyŋ ~ seniŋ ~ sinyŋ*
Дат.	*maγa ~ maŋa ~ ma:*	*saγa ~ sa:γa ~ saŋa ~ sa:*
Вин.	*meny*	*seny*
Местн.	*mende*	*sende*
Исх.	*menden ~ menyŋden*	*senden ~ senyŋden*

Неопр.	*gol ~ ol* 'он, она'		
Род.	*gonyŋ*	~	*anyŋ*
Дат.	*goγa*		*aγa ~ oγa*
Вин.	*gony*		*any ~ ony*
Местн.	*gonda*		*anda ~ onda, anyŋda ~ onyŋda*
Исх.	*gondan,* *gonyŋdan*		*andan ~ ondan,* *anyŋdan ~ onyŋdan*

(Тен. Сюг. 76)

Фуюйско-кыргызский язык

Неопр.	*min* 'я'	*sin* 'ты'	*ol* 'он, она'
Род.	*miniŋ*	*siniŋ*	*anyŋ*
Дат.	*mĭ:*	*sĭ:*	*oloγo*
Вин.	*mini*	*sini*	*any*
Местн.	*miṇdĭ*	*siṇdĭ*	*anda*
Исх.	*minĭn*	*sindĭn*	*anan*
Напр.	*minsar ~ minsarĭh*	*sinsar ~ sinsarĭh*	*olsar ~ olsarĭh*

(HG 31)

Диалектный материал

Диалекты хакасского языка обнаруживают немало расхождений с литературным языком в падежных формах. В сагайском диалекте эти расхождения приходятся на род., дат. и оруд. падежи от основных форм *min* 'я', *sin* 'ты', *ol ~ ul* 'он, она':

	min 'я'
Род.	*miniŋ ~ mi:ŋ ~ me:ŋ*
Дат.	*ma:γa ~ ma: ~ me:ge, me:, mege:*
Оруд.	*min(n)eŋ ~ minmeŋ ~ minle*
	sin 'ты'
Род.	*siniŋ ~ si:ŋ ~ se:ŋ*
Дат.	*sa:γa ~ sa: ~ se:ge ~ se: ~ sege:*
Оруд.	*sin(n)eŋ ~ sinmeŋ ~ sinle*
	ol ~ ul 'он, она'
Род.	*anyŋ*
Дат.	*a:γa ~ a: ~ ana: ~ ana:γa*
Оруд.	*anymaŋ ~ anybla ~ anyla*

(ДХЯ Пат. II, 42).

В бельтирском говоре сагайского диалекта отличия от норм литературного хакасского языка обнаруживаются в род., дат., исх., напр. и оруд. падежах при основных формах *min* 'я', *sin* 'ты', *ul ~ ol* 'он, она':

Род.	*mi:ŋ ~ meaŋ*	*si:ŋ ~ seaŋ*	*anyŋ*
Дат.	*mege ~ me:*	*sege ~ se:*	*aγa ~ a:*
Исх.	*mindeŋ*	*sindeŋ*	*anaŋ*
Напр.	*minzeri*	*sinzeri ~ sinze:*	*andary ~ anda*
Оруд.	*mineŋ*	*sineŋ*	*anaŋ*

(ДХЯ Борг. 95).

Шорский диалект показывает отклонения от хакасских литературных норм в род., дат., вин., напр. и оруд. падежах при основных формах *men* 'я', *sen* 'ты', *ol* 'он, она':

Род.	*me:ŋ ~ mi:ŋ*	*se:ŋ ~ si:ŋ*	*a:ŋ ~ anyŋ*
Дат.	*ma: ~ ma:γa*	*sa: ~ sa:γa*	*a: ~ a:γa*
Вин.	*meni ~ meniji*	*seni ~ seniji*	*any ~ anyjy*
Напр.	*menzeri*	*senzeri*	*anyŋzary*
Оруд.	*meŋmle*	*seŋmle*	*anyŋbile*

(ДХЯ Меж. 59).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Основные формы

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***men* ~ ***min* 'я'	***bis* ~ ***pis* 'мы'
2-е л.	***sen* ~ ***sin* 'ты'	***siler* ~ ***sirer* 'вы'
3-е л.	***ol* ~ ***ul* 'он, она'	***olar* ~ ***ular* 'они'

Колебания *e* ~ *i* в 1 и 2-м л. ед.ч., а также *o* ~ *u* в 3 л. ед.ч. и *p* ~ *b* в 1 л. мн.ч. относятся к различным хронологическим, ареальным и диалектным уровням тюркского праязыка. Все это достаточно убедительно показано в работе Ф.Д.Ашнина (СИГТЯ 1988, 202-209). Местоимение 3 л. (*ol* ~ *ul*), восходящее к указательному местоимению, в позднепратюркском заменило раннепратюркское **i* (СИГТЯ 1988, 204, 212-215, 221).

Реконструкция склонения личных местоимений

Наиболее показательные пути развития падежных форм наблюдаются в личных местоимениях 1, 2, 3 л. ед. числа. Во мн. числе изменения носят регулярный характер и легко восстановимы. Вследствие этого здесь приводятся парадигмы только для трех форм ед. числа.

	***men* ~ ***min* 'я'	
Неопр.	***men*	***min*
Род.	***meniŋ*	***miniŋ*
Дат.	***maγa* ~ ***maŋa*	***maγa* ~ ***mege*
Вин.	***meni*	***mini*
Местн.	***mende*	***minde*
Исх.	***menden* ~ ***mendin*	***minneŋ* ~ ***mindeŋ* ~ ***mindin*

	***sen* ~ ***sin* 'ты'	
Неопр.	***sen*	***sin*
Род.	***seniŋ*	***siniŋ*
Дат.	***saγa* ~ ***saŋa*	***saγa* ~ ***sege*
Вин.	***seni*	***sini*
Местн.	***sende*	***sinde*
Исх.	***senden* ~ ***sendin*	***sinneŋ* ~ ***sinden* ~ ***sindin*

	***ol* ~ ***ul* 'он, она'	
Неопр.	***ol*	***ul*
Род.	***anyŋ*	***anyŋ*
Дат.	***aγa* ~ ***ana* ~ ***oγa*	***aγa*
Вин.	***any* ~ ***ony*	***any*
Местн.	***anda* ~ ***onda*	***anda*
Исх.	***annaŋ* ~ ***ondon*	***annaŋ*

Как видно из таблиц, в 1 и 2 л. ед. числа корневая гласная *e* или *i* в основных формах сохраняется и в косвенных падежах, кроме дат. падежа, в котором корневые *e, i* сливаются в *a*, что унаследовано от пратюркского языка (СИГТЯ 1988, 235).

Для 3 л. ед. числа корневые гласные *o* и *u* в косвенных падежах переходят в негубной *a*, за исключением дат., вин., местн., исх. падежей для *ol*, в которых сохраняется корневой *o* – достояние пратюркского языка позднего периода (СИГТЯ 1988, 245-255).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Основные формы

Хакасский язык

Три степени удаленности:

pu 'этот' (ближайший, упоминаемый);

ol 'тот' (дальний, отсутствующий);

tigi 'вон тот' (самый отдаленный) (ГХЯ 148).

В сагайском диалекте наблюдается соответствие *u* ~ *o* – *pu* ~ *po* 'этот' и *ul* ~ *ol* 'тот' (ДХЯ Пат. II, 42). В шорском диалекте – только *po* 'этот' (ДХЯ Меж. 59).

Шорский язык

Те же три формы с тем же дейксисом: *pu* 'этот', *ol* 'тот', *tigi* 'вон тот' (Дыр.Шор. 87).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Те же три формы с тем же дейксисом: *pu* 'этот', *ol* 'тот', *teγ* 'вон тот' (Бир.Чул. II 18).

Сарыг-югурский язык

Отмечены четыре формы с тем же дейксисом: *po* ~ *pu* 'этот', *šu* 'тот', *gol* ~ *gul, kol* ~ *kul* и *ol* 'вон тот' (Тен. Сюг. 77-78).

Фуюйско-кыргызский язык

Существуют две формы: *bu* 'этот' и *ol* 'тот, вон тот' (HG 31).

Склонение указательных местоимений

Хакасский язык

Неопр.	*pu* 'этот'	*tigi* 'вон тот'	*ol* 'тот'
Род.	*mynyŋ*	*tiginiŋ*	см. "Личные
Дат.	*puγa*	*tige:*	местоимения"
Вин.	*myny*	*tigini*	
Местн.	*mynda*	*tigide*	
Исх.	*mynnaŋ*	*tigideŋ*	
Напр.	*puzar* ~ *mynzynzar*	*tigizer* ~ *tigizinzer*	
Оруд.	*mynynaŋ*	*tigineŋ*	

(ГХЯ150)

Шорский язык

Неопр.	*po* 'этот'	*tigi* 'вон тот'
Род.	*po:ŋ* ~ *ponyŋ*	*tiginiŋ*
Дат.	*po:* ~ *poγa*	*tigige* ~ *tigi:*
Вин.	*pony*	*tigini*
Местн.	*mynda*	*tigide*
Исх.	*mynaŋ*	*tigideŋ*

(Дыр.Шор. 87-88)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Неопр.	*pu* 'этот'	*teɣ* 'вон тот'
Род.	*punuŋ*	*teɣniŋ*
Дат.	*puɣa*	*teɣa*
Вин.	*puny*	*teɣni*
Местн.	*mynda*	*teɣda*
Исх.	*myndyn*	*teɣdin*
Напр.	*punuŋbyla ~ punuŋvyla*	*teɣbelä ~ teɣvelä*

(Бир.Чул. II 18)

Сарыг-югурский язык

Неопр.	*po ~ pu* 'этот'
Род.	*mynyŋ ~ pynyŋ*
Дат.	*muɣa ~ puɣa*
Вин.	*myny ~ pyny*
Местн.	*mynyŋda*
Исх.	*mynyŋdaŋ*

(Тен. Сюг. 77-78)

Фуюйско-кыргызский язык

Неопр.	*bu* 'этот'
Род.	*mĭniŋ*
Дат.	*buɣa*
Вин.	*mĭnĭ*
Местн.	*mĭnda*
Исх.	*mĭndan ~ mĭnĭn*
Напр.	*busar ~ busarĭh*

РЕКОНСТРУКЦИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Основные формы

Ранний период: ***bu* ~ ***bo* 'этот', ***ul* ~ ***ol* 'тот'.

Поздний период: ***pu* ~ ***po* 'этот', ***ul* ~ ***ol* 'тот', ***tigi* 'вон тот'.

Колебане губных широких и узких в двух формах местоимений – достояние тюркского праязыка (СИГТЯ 1988, 212-215).

Реконструкция склонения указательных местоимений

Ранний период

Неопр.	***bu* 'этот'
Род.	***munyŋ*
Дат.	***buɣa*
Вин.	***muny*
Местн.	***munda*
Исх.	***mundan*

Парадигма склонения ***bu* 'этот' является, несомненно, наследницей соответствующих форм склонения ***bu* 'этот' в позднепратюркском (СИГТЯ 1988, 251-253).

Поздний период

	Начальная пора	***Поздняя пора***
Неопр.	***pu* ~ ***po*	***pu* ~ ***po*
Род.	***punuŋ* ~ ***ponuŋ*	***munuŋ* ~ ***munyŋ*
Дат.	***puɣa* ~ ***poɣa*	***muɣa*
Вин.	***puny* ~ ***pony*	***muny* ~ ***myny*
Местн.	***mynda* ~ ***mynda*	***munda* ~ ***mynda*
Исх.	***myndyn* ~ ***mynnaŋ*	***mundan* ~ ***myndaŋ*, ***mundyn* ~ ***myndyŋ*

В дальнейшем происходило взаимодействие и смешение парадигм, что и отразилось в парадигмах современных языков "кыргызской" группы.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Хакасский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*miniŋ*	*pistiŋ*
2-е л.	*siniŋ*	*sirerniŋ*
3-е л.	*anyŋ*	*olarnyŋ*

(ГХЯ 153)

Шорский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*me:ŋ ~ meniŋ*	*pistiŋ*
2-е л.	*se:ŋ ~ seniŋ*	*silerdiŋ ~ slerdiŋ*
3-е л.	*a:ŋ ~ anyŋ*	*ylardyŋ ~ lardyŋ*

(Дыр.Шор. 85)

Сарыг-югурский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*menyŋyy*	*mystyŋyy*
2-е л.	*seniŋyy*	*silernyŋyy*
3-е л.	*gonyŋyy*	*golarnyŋyy*

(Тен.Сюг. 80)

Притяжательные (или лично-притяжательные) местоимения представляют собой форму родительного падежа от личных местоимений. В сарыг-югурском языке за родительным падежом следует формант относительного прилагательного. В данном случае притяжательно-предикативные местоимения выполняют функцию притяжательных местоимений.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Ранний период

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***meniŋ*, ***miniŋ*	***bistiŋ*
2-е л.	***seniŋ*, ***siniŋ*	***silerdiŋ*
3-е л.	***anyŋ*, ***anyŋ*	***olardyŋ*

Поздний период

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***menin*, ***minin*	***pistin*
2-е л.	***senin*, ***sinin*	*silerdin*, *siredin*
3-е л.	***anyn*, ***anyn*	***olardyn*

ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Хакасский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*pozym* 'я сам'	*pozybys* 'мы сами'
2-е л.	*pozyn* 'ты сам'	*pozynar* 'вы сами'
3-е л.	*pozy* 'он сам', 'она сама'	*postary* 'они сами'

(ГХЯ 155)

Сарыг-югурский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men e'sy ~ uzu, men e'sym ~ uzum* 'я сам'	*mys e'sy* 'мы сами'
2-е л.	*sen e'sy ~ uzu, sen e'sym ~ uzum*	*siler e'sy, siler e'sym ~ uzum*
3-е л.	*gol e'sy ~ uzu, gol e'sym ~ uzum*	*golar e'sy, golar e'sym ~ uzum*

(Тен. Сюг. 81)

Фуюйско-кыргызский язык

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*bozĭm* 'я сам'	*bozĭbĭs* 'мы сами'
2-е л.	*bozĭn*	*bozĭnar*
3-е л.	*bozĭ*	*boztarĭ*

(HG 31)

Диалектный материал

Шорский язык

а) Диалект низовья р. Мрассу
б) Диалект верховья р. Мрассу

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	а) *pozum* ~ б) *pozym* 'я сам'	а) *pozubus* ~ *pozubys* ~ б) *pozybys* 'мы сами'
2-е л.	а) *pozun* ~ б) *pozyn* 'ты сам'	*postaryn* 'вы сами'
3-е л.	а) *pozu* ~ б) *pozy* 'он сам', 'она сама'	*postary* 'они сами'

Диалект р. Кондомы

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*pojum ~ pojym*	*pojubus ~ pojys*
2-е л.	*pojun ~ pojyn*	*pojlaryn*
3-е л.	*poju ~ pojy*	*pojlary*

(Дыр.Шор. 97)

Чулымско-тюркский язык

Тутальский говор среднечулымского диалекта

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*po:zum*	*po:zubus*
2-е л.	*po:zun*	*po:zunnar*
3-е л.	*po:zu*	*po:zular*

Нижнечулымский диалект

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*ö:züm*	*ö:zübüs ~ özübüs*
2-е л.	*ö:zun*	*ö:zünnär*
3-е л.	*ö:zu*	*ö:zülär*

(Бир.Чул. II 21-22)

Хакасское, шорское (диал. Мрассу), чулымско-тюркское (ср.-чул.) *pos ~ poz* исторически соответствует шорскому (диал. Кондомы) *poj (<*boj) ~ bod ~ bоδ* 'тело, стан, рост' – ДТС 106-107, 108.

В нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языка наряду с *poz* выступает и другая основа *öz* 'сущность; сам, свой' (ДТС 394) – по-видимому, вклад древнеуйгурского языка, ставший в говоре чулымско-тюркского языка реликтовым явлением. Слово *e'sy* восходит к сюг. *ise ~ isy* 'хозяин', а *uzu* – к *öz*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ

Ранний период

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***bojum*	***bojubus*
2-е л.	***bojun*	***bojunnar ~ **bojlaryn*
3-е л.	***boju*	***boj(u)lary*

Поздний период

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	***pojum*	***pojubus*
2-е л.	***pojun*	***pojunnar ~ **pojlaryn*
3-е л.	***poju*	***poj(u)lary*

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Хакасский язык

К основам личных и указательных местоимений присоединяется афф. *-day/-deg*: *anday* 'такой, подобный этому; таким образом', *mynday* 'этакий; этак; подобно этому', *tig(i)deg* 'вон такой; таков; подобный такому' (ГХЯ 151-152).

В сагайском диалекте употребляется аффикс с узкой гласной: *-dyy/-dig*: *andyy* 'такой' (ДХЯ Пат. II, 42).

Шорский язык

Местоимения образуются посредством аффикса с узкой гласной *-dyy/-dig*: *mendig* 'подобный мне, как я', *sendig* 'подобный тебе, как ты', *ylardyy ~ lardyy* 'подобный ему, как он' (Дыр.Шор. 84).

Сарыг-югурский язык

Для образования местоимений употребляется аффикс с широкой гласной *-day/-dey*: *mendey* 'подобный мне, как я', *anday* 'такой', *mystey* 'подобный нам, как мы' (Тен.Сюг. 80).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Следует восстановить обе формы – с формантом ***-day/***-deg* и с формантом ***-dyy/***-dig*: ***mendeg ~ **mendig* 'подобный мне', ***anday ~ **andyy* 'подобный этому, такой'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Хакасский язык

К вопросительным местоимениям относятся: *kem* 'кто?' (о человеке), *nime* 'что?' (о предмете), *hajzy* 'который?', *niŋče* 'сколько?' (о единичном предмете), *hanža* 'сколько?' (по количеству) (ГХЯ 158).

В кызыльском диалекте: *kym ol* 'кто?' (о человеке), *kymyzy* 'который?' (ДХЯ Спасс. 149).

Шорский язык

Вопросительными местоимениями являются: *kem* 'кто?' (о человеке), *no:* 'что?' (о предмете), *qajy ~ qaj* 'который?; какой?', *qajzy ~ qajyzy ~ qajy-pir* 'который?; какой из них?', *qajlary* 'какие из них?' (Дыр.Шор. 91-93, 95).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

К вопросительным местоимениям принадлежат: *kim* 'кто?' (о человеке), *nömä* 'что?' (о предмете), *qaja* 'где?', *qačan* 'когда?', *qajnar* 'какой?' (Бир.Чул. II 19).

Сарыг-югурский язык

Вопросительными местоимениями являются: *qʿym ~ qʿymdyr* 'кто?' (о человеке), *ne ~ ni ~ nedir ~ nime* 'что?' (о предмете), *qaʾз ~ qʿaз ~ qaʾš* 'сколько?', *qajsy ~ qajsydyr* 'который?; какой?' (Тен.Сюг. 78-79).

Фуюйско-кыргызский язык

К числу вопросительных местоимений относятся: *qĭm* 'кто?' (о человеке), *nʸem* 'что?' (о предмете), *Gajda* 'где?; куда?', *Gažan* 'когда?' (HG 31).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Можно реконструировать следующие основы: ***kem ~ **kim* 'кто?' (о человеке), ***ne ~ **ni ~ **nime* 'что?' (о предмете), ***qajy ~ **qaj ~ **qajsy ~ **qajzy* 'который?; какой?', ***qajda* 'где?', ***qačan* 'когда?'.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Они образуются путем присоединения к вопросительным местоимениям частиц *-da:/-de:, -ala/-ele*.

Хакасский язык

kem-de: 'кто бы', *nimede:* 'что бы', *haida-da:* 'где-то', *hajzy-da:* 'какой-то', *kem-ne* 'кто бы то ни был', *pir kizi* 'кто-то, некий', *pir nime* 'что-то, нечто' (ГХЯ 162).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

kim-älä 'кто-нибудь', *nömä-älä* 'что-нибудь', *qaja-ala* 'где-нибудь', *kim bolza* 'кто-нибудь' (Бир.Чул. II 21).

Сарыг-югурский язык

qʿymer 'кто-то', *nier* 'что-то' (Тен.Сюг. 82).

РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Опорой реконструкции неопределенных местоимений являются вопросительные местоимения: ***kem-da:* 'кто бы', ***nime-de:* 'что бы', ***qajda-da:* 'где-то', ***kim-ele* 'кто-нибудь', ***qaja-ala* 'где-нибудь'.

ГЛАГОЛ

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Хакасский язык

Основной залог: нулевая форма.

Возвратный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-n*; 2) после конечных согласных – афф. *-yn/-in*. Примеры: *tara-n-* 'расчесываться', *hyr-yn-* 'бриться', *kör-in-* 'смотреться' (ГХЯ 175).

Страдательный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-l*; 2) после конечных согласных (кроме *-l*) – афф. *-yl/-il*; 3) после конечного *-l* – афф. *-yn/-in*. Примеры: *sana-l-* 'считаться', *id-il-* 'делаться' (основа *it-* 'делать'), *paz-yl-* 'писаться' (основа *pas-* 'писать') (ГХЯ 178).

Взаимный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-s*; 2) после конечных согласных – афф. *-ys/-is*. Примеры *čo:hta-s-* 'разговаривать', *paz-ys-* 'переписываться' (основа *pas-* 'писать'), *kör-is-* 'видеться' (ГХЯ 177).

Побудительный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-t*; 2) после конечных глухих согласных – афф. *-tyr/-tir*; 3) после конечных звонких согласных – афф. *-dyr/-dir*. Примеры: *söle-t-* 'заставить говорить', *pas-tyr-* 'заставить писать', *hal-dyr-* 'заставить остаться, оставлять' (ГХЯ 179).

Шорский язык

Основной залог: нулевая форма.

Возвратный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-n*; 2) после конечных согласных – афф. *-yn/-in/-un/-ün*. Примеры: *sana-n-* 'думать (про себя)', *tud-un-* 'держаться' (основа *tut-* 'держать'), *kör-ün-* 'видеться' (Дыр. Шор. 146).

Страдательный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-l*; 2) после конечных согласных (кроме *-l*) – афф. *-yl/-il/-ul/-ül*; 3) после конечного *-l* – афф. *-yn/-in/-un/-ün*. Примеры: *tasta-l-* 'быть брошенным', *až-yl-* 'быть открытым' (основа *ač-* 'открывать'), *ködür-ül-* 'быть поднятым' (Дыр.Шор. 145).

Взаимный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-š*; 2) после конечных согласных – афф. *-yš/-iš/-uš/-üš*. Примеры *čo:qta-š-* 'разговаривать (вместе)', *paz-yš-* 'идти, ступать (вместе)' (основа *pas-* 'идти'), *čügür-üš-* 'разбежаться (вместе, в разные стороны)' (Дыр.Шор. 146-147).

Побудительный залог: I. 1) после конечных гласных – афф. *-t*; 2) после конечных глухих согласных – афф. *-tyr/-tir/-tur/-tür*; 3) после конечных звонких согласных – афф. *-dyr/-dir/-dur/-dür*. Примеры: *maqta-t-* 'заставить хвалить', *azyra-t* 'заставить кормить' (основа *azyra-* 'кормить'), *at-tyr-* 'заставить стрелять', *tol-dur-* 'наполнять', *mün-dür-* 'посадить (на коня)' (Дыр.Шор. 148-149); II. 1) после конечных гласных – афф. *-r*; 2) после конечных согласных – афф. *-yr/-ir/-ur/-ür*. Примеры: *qač-yr-* 'гнать, заставлять бежать', *keč-ir-* 'перевести, переправить (через реку)', *už-ur-* 'валить' (основа *uč-* 'падать') (Дыр.Шор. 150-151); III. 1) после конечных глухих согласных – афф. *-qys/-kis/-qus/-küs*; 3) после конечных звонких согласных – афф. *-yys/-gis/-yus/-güs*. Примеры: *tur-yys-* 'заставить стоять', *qal-yys* 'оставить', *čör-gis-* 'заставить идти' (Дыр.Шор. 150-151); IV. 1) после согласных – афф. *-ys/-is*. Примеры: *ay-ys-* 'заставить течь, лить' (основа *aq-* 'течь'), *em-is* 'кормить грудью', *ert-is-* 'пропустить' (Дыр.Шор. 151).

Чулымско-тюркский язык
Среднечулымский диалект

Основной залог: нулевая форма.

Возвратный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-n*; 2) после конечных согласных – афф. *-yn/-in/-un/-ün*. Примеры: *ämnä-n-* 'лечиться', *ta:r-yn-* 'причесываться', *ču:n-* 'мыться' (Бир.Чул. II 29).

Страдательный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-l*; 2) после конечных согласных (кроме *-l*) – афф. *-yl/-il/-ul/-ül*; 3) после конечного *-l* – афф. *-an/-än*, *-yn/-in/-un/-ün*. Примеры: *sana-l-* 'считаться', *ta:b-yl-* 'находиться' (основа *ta:p-* 'найти'), *payla-n-* 'быть связанным' (Бир.Чул. II 29-30).

Взаимный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-š*; 2) после конечных согласных – афф. *-aš/-yš/-iš/-uš/-üš*. Примеры *sa:t-aš-* 'поговорить', *pa:r-yš-* 'идти (вместе)', *sur-uš-* 'спрашивать (друг друга)', *kül-üš-* 'смеяться (вместе)' (Бир.Чул. II 27-29).

Побудительный залог: 1) после конечных гласных и *-r* – афф. *-t*; 2) после конечных глухих согласных – афф. *-tyr/-tir/-tur/-tür*, а после звонких согласных – афф. *-dyr/-dir/-dur/-dür*; 3) после глухих согласных – афф. *-ar/-är/ -yr/-ir/-ur/-ür*; 4) после глухих согласных – афф. *-qyr/-kir/-qur/-kür*; 5) после глухих согласных – афф. *-qys/-kis/-qus/-küs*. Примеры: *olur-t* 'заставить сидеть', *ča:r-tyr-* 'заставить рубить', *čun-dur-* 'заставить мыться', *šyy-ar-* 'заставить выйти' (основа *šyq-* 'выходить'), *ič-ir-* 'заставить пить', *os-qur-* 'будить', *čat-qys-* 'заставить лечь', *tur-yus-* 'заставить встать' (Бир.Чул. II 30-31).

Сарыг-югурский язык

Основной залог: нулевая форма.

Возвратный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-n*; 2) после конечных согласных – афф. *-yn/-in*. Примеры: *al-yn-* 'брать (для себя)', *sor-in-* 'ходить (по своим делам)' (Тен.Сюг. 102).

Страдательный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-l*; 2) после конечных согласных – афф. *-yl/-il*. Примеры: *sasta-l-* 'сверкать (о солнце)', *šamna-l-* 'засиять (о луне)', *q'at-yl-* 'присоединяться' (Тен.Сюг. 102).

Взаимный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-s*; 2) после конечных согласных – афф. *-ys/-is*. Примеры *ojna-s-* 'играть (друг с другом)', *tany-s-* 'узнавать (друг друга)', *ajt-ys-* 'говорить (друг с другом)' (Тен.Сюг. 102).

Побудительный залог: 1) после конечных *a, r, ř* – афф. *-t*; 2) после конечных *i, t, n, ŋ, l* – афф. *-tyr/-tir/-tur/-tür/-ʒir/-'ʒir*; 3) после конечных *ʒ, t, z* – афф. *-o't/-o'ter*; 4) после конечных *t, ʒ, z, l* – афф. *-yr/-ir*; 5) после конечных *z, t, l* – афф. *-yyr/-gyr/-hyr/-her*. Примеры: *ji-tyr-* 'накормить', *ɵosa-t* 'ослабить', *k'e-hyr-* 'привести' (основа *k'el-* 'приходить') (Тен.Сюг. 102-103).

Фуюйско-кыргызский язык

Основной залог: нулевая форма.

Возвратный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-n*; 2) после конечных согласных – афф. *-in*. Примеры: *ju:-n-* 'умываться', *gĭz-in-* 'одеваться' (HG 36).

Страдательный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-l*; 2) после конечных согласных (кроме *-l*) – афф. *-il*; 3) после конечного *-l* – афф. *-yn/-in*. Примеры: *dab-il-* 'быть найденным' (основа *dap-* 'находить'), *sat-il-* 'быть проданным' (HG 36).

Взаимный залог: 1) после конечных гласных – афф. *-š*; 2) после конечных согласных – афф. *-iš/-üš*. Примеры *bĭr-iš-* 'давать (взаимно)', *gür-üš-* 'видеться, встречаться', *sur-uš-* 'спрашивать (друг друга)', *kül-üš-* 'смеяться (вместе)' (HG 36).

Побудительный залог: 1) после конечных гласных и *-r* – афф. *-t*; 2) после конечного *š* – афф. *-ĭr*; 3) после конечных глухих согласных – афф. *-tĭr*; 4) после конечных звонких согласных – афф. *-dĭr*. Примеры: *jügür-t-* 'заставить бежать', *düž-ir* 'уронить' (основа *düš-* 'падать'), *jat-tĭr-* 'уложить, заставить лечь', *Gal-dĭr-* 'оставить' (HG 36).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА

Основной залог: нулевая форма.

Возвратный залог: 1) после конечных гласных – афф. ***-n*; 2) после конечных согласных – афф. ***-yn/***-in/-un/-ün*.

Страдательный залог: 1) после конечных гласных – афф. ***-l*;

2) после конечных согласных (кроме *-l*) – афф. ***-yl/**-il/**-ul/**-ül*; 3) после конечного *-l* – афф. ***-yn/**-in/**-un/**-ün*.

Взаимный залог: 1) после конечных гласных – афф. ***-š*; 2) после конечных согласных – афф. ***-yš/**-iš/**-uš/**-üš*.

Побудительный залог: 1) после конечных гласных и *r* – афф. ***-t*; 2) после конечных глухих согласных – афф. ***-tyr/**-tir/**-tur/**-tür*; 3) после звонких согласных и сонантов – афф. ***-dyr/**-dir/**-dur/**-dür*; 4) после конечных гласных – афф. ***-r*; 5) после конечных согласных – афф. ***-yr/**-ir/**-ur/**-ür*; 6) после глухих согласных – афф. ***-qyr/**-kir/**-qur/**-kür*; 7) после звонких согласных – афф. ***-yyr/**-gir/**-yur/**-gür*; 8) после глухих согласных – афф. ***-qys/**-kis/**-qus/**-küs*; 9) после звонких согласных – афф. ***-yys/**-gis/**-yus/**-güs*.

Парадигмы возвратного, страдательного и взаимного залогов в пракыргызском полностью повторяют парадигмы указанных залогов в пратюркском, небольшая разница наблюдается лишь в парадигмах побудительного залога (СИГТЯ 1988, 281-324, СГ 200-205).

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

Обозначает такие характеристики действия, как длительность, повторяемость, интенсивность.

Аналитические формы

Хакасский язык

Можно привести следующие формы: (дееприч.) *-p + tur-* 'стоять', *-p + odyr-* 'сидеть', *-p + čör-* 'ходить'. Примеры: *pas sal tur-* 'записывать (каждый раз)', *idip odyr-* 'продолжать делать' (ГХЯ 182).

Шорский язык

Следующие формы: *-p + tur-* 'стоять', *-a + tur-* 'стоять', *-p + odur-* 'сидеть', *-p+čör-* 'ходить'. Примеры: *qy:r turča-* 'читает (напряженно)', *qy:r odurča* 'читает (не торопясь)', *qy:r čörča* 'читает (все время)' (Шенцова 1997, 38-39; Дыр.Шор. 218-221).

Сарыг-югурский язык

Следующие формы: *-p + jat-* 'лежать', *-p + joř-* 'ходить'. Примеры: *men qaravatte (< qarap jatte)* 'я наблюдал', *uziler ma hizіv jořtyʻn* 'мы сами долго ели и пили' (Тен.Сюг. 104-105).

Синтетические формы

Хакасский язык

Многократное действие, совершаемое многими субъектами, – афф. *-yla/-gle/-hla/-kle*. Примеры: *ojnayla-* 'поигрывать, играть много', *čörgle-* 'расхаживать', *pashla-* 'пописывать', *kiskle-* 'резать (много раз)' (Дыр.Хак. 71; ГХЯ 186-187).

Шорский язык

Формы, выражающие многократность, учащательность – афф. *-qyla/-kile/-qula/-küle*; *-yyla/-gile/-yula/-güle*. Примеры: *at-qyla-* 'постреливать', *ojna-yyla-* 'поигрывать', *kes-kile-* 'резать (много раз)', *uzu-yyla-* 'спать многократно', *čör-gile-* 'похаживать' (Дыр.Шор. 71; ГХЯ 147-148).

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАТЕГОРИИ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

Аналитические формы

Восстанавливаются сочетания деепричастных форм с афф. ***-p* или афф. ***-a/**-e* и серии служебных глаголов: ***tur-* 'стоять', ***odur-* 'сидеть', ***čör-* 'ходить' (в сюг. ***joř-*).

Значение этих сочетаний: различного рода (в зависимости от семантики основного глагола) длительные, повторяющиеся, интенсивные действия.

Синтетические формы

Формы, выражающие многократность, учащательность передает следующая реконструированная форма: афф. ***-yyla/**-gile/**-yula/**-güle*; ***-qyla/**-kile/**-qula/**-küle*.

КАТЕГОРИЯ АКЦИОНАЛЬНОСТИ

Сущность форм – обозначать фазы действия (начало, конец, прекращение).

Аналитические формы

Хакасский язык

1. Начало действия:

а) быстрое начало: *-p + ys-* 'лежать' – *sana-b-ys-* 'сосчитать (быстро)';

б) начало длительного действия: *-p + pir-* 'давать' – *yrlap pir-* 'запевать', *tözep pir-* 'постелить';

в) начало целостного действия: *-p + syh-* 'выходить' – *yrlap syh-* 'запеть', *toyyn syh-* 'начать работать'.

2. Окончание действия: *-p + par-* 'идти' – *ushun par-* 'проснуться', *majyh par-* 'устать'.

3. Прекращение действия: *-p + sal-* 'класть', *-p + hal-* 'остаться' – *sana-p sal-* 'сосчитать', *küre-p sal-* 'сгрести', *at-hal-* 'подстрелить', *aračyla-p hal-* 'спасти' (ГХЯ 183-187).

Шорский язык

1. Начало действия:

а) быстрое начало: *-p + ys-* 'посылать' или *-a + per-* 'давать', *-p + yza per-* 'давать' (начало длительного действия) – *sarna-b ys-* 'запевать', *sarn-a per-* или *sarna-b yza per-* 'запевать, начинать петь';

б) начало целостного действия: *-p + pašta-* 'начинать', *-p + šyq-* 'выходить' – *sarna-p pašta-* или *sarna-p šyq-* 'начать петь'.

2. Окончание действия: все формы прошедшего времени: *paryan-* 'ушел',

pardy- 'ушел (недавно)'.

3. Прекращение и результативность действия: *-p + par-* 'идти', *-p + sal-* 'класть', *-p + qal-* 'оставаться' – *pölüspe:n sal-* 'перестать помогать', *ištet sal-* 'заставить сделать', *ištet par-* или *ištet qal-* 'быть изготовленным'.

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

1. Быстрое начало действия: *-p + ys-* 'посылать' – *pyžyp (< pyš-yp) ys-* 'начать созревать (о ягодах)'.

2. Окончание действия: *-p + par-* 'идти' – *pyšpar (< pyšyp par-)* 'поспеть (о ягодах)'.

3. Прекращение действия: *-p + sal-* 'класть' – *či:p sal-* 'съесть', *ičі:p sal-* 'выпить', *yrlyp sal-* 'спеть' (Бир.Чул. II 32-43).

Сарыг-югурский язык

1. Начало длительного действия: *-p + per-* 'давать' – *apper- (< alyp per-)* 'относить'.

2. Прекращение действия: *-p + par-* 'идти, ехать', *-p + q'al-* 'оставаться' – *zütep par-* 'похудеть', *untyq q'al-* 'забыть' (Тен.Сюг. 104-105).

Синтетические формы

Хакасский язык

Начало действия передают две серии аффиксов:

1) *-ɣali/-geli/-qali/-keli,*

2) *-ala/-ele.*

Примеры: *par-ɣali* 'с тех пор как ушел', *kil-geli* 'с тех пор как пришел', *par-a la* 'как только ушел', *kil-e le* 'как только пришел'.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КАТЕГОРИИ АКЦИОНАЛЬНОСТИ

Аналитические формы

Реконструируются формы, передающие:

а) начало действия – оно может быть быстрым, дительным, целостным: ***-p + ***ys-* 'посылать', ***-p + ***per-* 'давать', ***-p + ***šyq-* 'выходить';

б) окончание действия: ***-p + ***par-* 'идти';

в) прекращение действия: ***-p + ***sal-* 'класть', ***-p + ***qal-* 'оставаться'.

Синтетические формы

Они отмечены только в хакасском языке (см. выше) и не подлежат реконструкции на уровне пракыргызского языка.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ И ВРЕМЕНИ

В современных языках и диалектах "кыргызской" группы наклонения и времена формально выражаются следующими средствами.

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Настоящее время

Хакасский язык

Настоящее время I

Действие в момент речи повторяющегося или постоянного характера.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-ča/-če* + афф. лица, при конечных гласных основы афф. *-p* сохраняется, при конечных согласных – выпадает.

Пример (*ojna-* 'играть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min ojna-p-ča-m* 'я играю'	*pis ojna-p-ča-bys*
2-е л.	*sin ojna-p-ča-zyŋ*	*sirer ojna-p-ča-zar*
3-е л.	*ol ojna-p-ča*	*olar ojna-p-ča-lar*

В 1-м лице мн. числа иногда прибавляется афф. мн.ч. *-tar/-ter (-bystar): pis toyyn-ča-bys-tar* '(мы и вы) все вместе работаем' (ГХЯ 200-201).

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bin/-pin/-min* + афф. *-ča/-če* + афф. лица.

Пример: *al-bin-ča* 'он не берет', *it-pin-če* 'он не делает' (ГХЯ 202).

Форма возможности

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + гл. *pol-* 'быть' + афф. *-ča/-če* + афф. лица.

Пример: *it pol-ča-zyŋ* 'ты можешь (умеешь) делать' (ГХЯ 202).

Форма невозможности

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + гл. *pol-* 'быть' + афф. *-bin/-pin/-min* + афф. *-ča/-če* + афф. лица.

Пример: *it pol-bin-ča-zyŋ* 'ты не можешь (не умеешь) делать' (ГХЯ 202).

Вариант настоящего времени I

Встречается в поэтических произведениях.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-čadyr/-čedir* + афф. лица.

Пример: (*töz-* 'расстилать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min töz-ep-čedir-bin* 'я расстилаю'	*pis töz-ep-čedir-bis*
2-е л.	*sin töz-ep-čedir-zyŋ*	*sirer töz-ep-čedir-zer*
3-е л.	*ol töz-ep-čedir*	*olar töz-ep-čedir-ler*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bin/-pin/-min* + афф. *-čadyr/-čedir* + афф. лица.

Пример: *ol tajna-bin-čadyr* 'он не жует'.

Форма возможности

Структура: осн.гл. +афф. *-p* +гл. *pol-* 'быть'+ афф. *-čadyr/-čedir* + афф. лица.

Пример: *ol tajnap pol-čadyr* 'он может жевать'.

Форма невозможности

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + гл. *pol-* 'быть' + афф. *-bin/-pin/-min* + афф.

-čadyr/-čedir + афф. лица.

Пример: *ol tajna-p pol-bin-čadyr* 'он не может (не умеет) жевать' (ГХЯ 201).

Настоящее время II

Обычное, повторяющееся, привычное действие, которое может прерываться.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-a-dyr/-e-dir* + афф. лица.

Пример: (*it-* 'делать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min id-e-dir-bin* 'я делаю (обычно)'	*pis id-e-dir-bis*
2-е л.	*sin id-e-dir-zyŋ*	*sirer id-e-dir-zer*
3-е л.	*ol id-e-dir*	*olar id-e-dir*

Отрицательная форма

1) Структура: осн.гл. + афф. *-a/-e* + *čoγyl* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*sana-* 'считать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min sani(r) čoγyl-byn* 'я не считаю (обычно)'	*pis sani(r) čoγyl-bys*
2-е л.	*sin sani(r) čoγyl-zyŋ*	*sirer sani(r) čoγyl-zar*
3-е л.	*ol sani(r) čoγyl*	*olar sani(r) čoγyl*

2) Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-er* + *čoγyl* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*čör-* 'ходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min čörer čoγyl-byn* 'я не хожу (вообще)'	*pis čörer čoγyl-bys*
2-е л.	*sin čörer čoγyl-zyŋ*	*sirer čörer čoγyl-zar*
3-е л.	*ol čörer čoγyl*	*olar čörer čoγyl*

(ГХЯ 204)

Настоящее время III

Очевидное действие, совершаемое в данный момент. Образуется только от двух основ: *par-* 'идти' и *kil-* 'приходить'.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-i(r)* + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min par-ir-byn / par-i-m* 'я иду'	*pis par-ir-bys / par-i-bys*
2-е л.	*sin par-ir-zyŋ*	*sirer par-ir-zar / par-i-zar*
3-е л.	*ol par-ir / par-i*	*olar par-ir-lar / par-i-lar*

(ГХЯ 206)

Настоящее время IV

Очевидное действие, развивающееся в данный момент.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + глаголы *odyr-* 'сидеть', *tur-* 'стоять', *čör-* 'ходить' + афф. лица.

Примеры: *kir-ip odyr-lar* 'они восходят', *čar-yptur ibire* 'светит вокруг' (ГХЯ 207).

Ш о р с к и й я з ы к

Настоящее время I

Действие, происходящее в определенный момент в настоящем (в момент речи).

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-ča* (< гл. *ča(t)-* 'лежать' + афф. лица.

Пример: (*ište-* 'работать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men ište-p-ča-m* 'я работаю'	*pis ište-p-ča-bys*
2-е л.	*sen ište-p-ča-ŋ*	*siler (sler) ište-p-ča-zar*
3-е л.	*ol ište-p-ča*	*(y)lar ište-p-ča-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + афф. *-ča* + афф. лица.

Пример: (*sura-* 'спрашивать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men sura-ba:n-ča-m* 'я не спрашиваю'	*pis sura-ba:n-ča-bys*
2-е л.	*sen sura-ba:n-ča-ŋ*	*siler (sler) sura-ba:n-ča-zar*
3-е л.	*ol sura-ba:n-ča*	*(y)lar sura-ba:n-ča-lar*

(Дыр.Шор. 193-195)

Настоящее время II

Обычное, постоянное действие, которое может произойти и в недалеком будущем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men par-adyr-ym* 'я иду'	*pis par-adyr-bys*
2-е л.	*sen par-adyr-zyŋ*	*siler (sler) par-adyr-zar*
3-е л.	*ol par-adyr*	*(y)lar par-adyr-lar*

(Дыр.Шор. 204-209)

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-a/-e* + *čoγyl/čoγun* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*kör-* 'видеть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kör-e čoγyl-ym* 'я не вижу'	*pis kör-e čoγyl-bys*
2-е л.	*sen kör-e čoγyl-zyŋ*	*siler (sler) kör-e čoγyl-zar*
3-е л.	*ol kör-e čoγyl*	*(y)lar kör-e čoγyl-lar*

(Баб.Дон.Шор. 475)

Ч у л ы м с к о - т ю р к с к и й я з ы к

Среднечулымский диалект

Настоящее время I

Обычное действие, независимо от способа его протекания (в данный момент речи).

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ady/ädi* + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-ady-m* 'я беру'	*pis al-ady-bys*
2-е л.	*sän al-ady-ŋ*	*silär al-ady-ŋnar*
3-е л.	*ol al-ady*	*olar al-ady(-lar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/är* + *čoq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-ar čoq-män* 'я не беру'	*pis al-ar čoq-pus*
2-е л.	*sän al-ar čoq-suŋ*	*silär al-ar čoq-suŋnar*
3-е л.	*ol al-ar čoq*	*olar al-ar čoq(-lar)*

(Бир.Чул. I 45-47)

Настоящее время II

Длительное и повторяющееся в данный момент действие.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ptyr/-ptir* + афф. лица.

Пример: (*pär-* 'давать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pär-tir-män* 'я даю'	*pis pär-tir-bis*
2-е л.	*sän pär-tir-ziŋ*	*silär pär-tir-ziŋnär*
3-е л.	*ol pär-tir*	*olar pär-tir*

Между согласными *r* и *t* аффикс деепричастия *-p* выпадает.

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + *čoq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-ar čoq-män* 'я не беру'	*pis al-ar čoq-pys*
2-е л.	*sän al-ar čoq-syŋ*	*silär al-ar čoq-syŋnar*
3-е л.	*ol al-ar čoq*	*olar al-ar čoq/čoɣul*

(Бир.Чул. I 48-50)

Настоящее время III

Действие с малой интенсивностью в момент речи.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-byl* (< деепр. *-p* + *-o:lur* > *-bol* > *-bɔl)* + афф. лица.

Пример: (*a:l-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män a:byl-män* 'я беру'	*pis a:byl-bys*
2-е л.	*sän a:byl-syŋ*	*silär a:byl-syŋnar*
3-е л.	*ol a:byl*	*olar a:byl*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + *čoq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-ar čoq-män* 'я не беру'	*pis al-ar čoq-pys*
2-е л.	*sän al-ar čoq-syŋ*	*silär al-ar čoq-syŋnar*
3-е л.	*ol al-ar čoq*	*olar al-ar čoq/čoɣul*

(Бир.Чул. I 51-53)

Настоящее время IV

Действие в момент речи, длительное, модально окрашенное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + гл. *čat-* 'лежать' + афф. лица.

Пример: (*pöktü-* 'думать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pöktü-p ča:dym* 'я думаю'	*pis pöktü-p ča:dybys*
2-е л.	*sän pöktü-p ča:dyŋ*	*silär pöktü-p ča:dyŋnar*
3-е л.	*ol pöktü-p ča:dy*	*olar pöktü-p ča:dy*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + *čoq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*pöktü-* 'думать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pöktü-r čoq-män* 'я не думаю'	*pis pöktü-r čoq-pys*
2-е л.	*sän pöktü-r čoq-syŋ*	*silär pöktü-r čoq-syŋnar*
3-е л.	*ol pöktü-r čoq*	*olar pöktü-r čoq*

(Бир.Чул. I 53-54)

Настоящее время V

Действие, контактное с моментом речи, непрерывно длительное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-byla/-belä* (< деепр. *-p* + афф. *-yl)* + гл. *čat-* 'лежать' + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pa:rybyla ča:dym* 'я иду'	*pis pa:rybyla ča:dybys*
2-е л.	*sän pa:rybyla ča:dyŋ*	*silär pa:rybyla ča:dyŋnar*
3-е л.	*ol pa:rybyla ča:dy*	*olar pa:rybyla ča:dy(lar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar(-aj)/-är* + *čoq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män paraj čoq-män* 'я не иду'	*pis paraj čoq-pys*
2-е л.	*sän paraj čoq-syŋ*	*silär paraj čoq-syŋnar*
3-е л.	*ol paraj čoq*	*olar paraj čoq(tar)*

(Бир.Чул. I 55-56)

Нижнечулымский диалект

Настоящее время I

Обычное действие как постоянное свойство предмета, лица, многократное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-a:dy/-e:di* + афф. лица.

Пример: (*pil-* 'знать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pil-e:di-m* 'я знаю'	*pis pil-e:di-vis*
2-е л.	*sän pil-e:di-ŋ*	*silär pil-e:di-iŋnar*
3-е л.	*ol pil-e:di*	*olar pil-e:di-lär*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + *joq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*pil-* 'знать'):

1-е л. *män plärro:m (< pil-är joɣum < pil-är joqum)* 'я не знаю'

3-е л. *ol pl-är-roq* (Дульз.Чул. 452–453).

Настоящее время II

Действие обычное, происходящее в данный момент.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ptur* + афф. лица.

Пример: (*tur-* 'стоять, пребывать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män tur-tur-um* 'я стою'	*pis tur-tur-bys*
2-е л.	*sän tur-tur-zuŋ*	*silär tur-tur-zuŋnär*
3-е л.	*ol tur-tur*	*olar tur-tur-lar*

Между согласными *r* и *t* аффикс деепричастия *-p* выпадает.

Настоящее время III

Длительное, неоднократное действие, происходящее в данный момент.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + *jat-/jät-* 'лежать' + афф. лица.

Пример: (*kel-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män ke-p jäd-im* 'я прихожу (сейчас)'	*pis ke-p jäd-ivis*
2-е л.	*sän ke-p jäd-iŋ*	*silär ke-p jäd-iŋnär*
3-е л.	*ol ke-p jäd-i*	*olar ke-p jäd-i-lär*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + *joq* 'нет' (начальный *j* сохраняется только после гласных и *j*, в других случаях *j* →*r*) + афф. лица.

Пример: (*kel-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män kel-är-roq-ym* 'я не прихожу (сейчас)'	*pis kel-är-roq-pys*
2-е л.	*sän kel-är-roq-syŋ*	*silär kel-är-roq-syŋnar*
3-е л.	*ol kel-är-roq*	*olar kel-är-roq-tar*

(Дульз.Чул. 453–454)

Настоящее время IV

Действие данного момента, медлительное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + гл. *ot-* 'сидеть' + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pa:r- voťʼ-im* 'я иду (не торопясь)'	*pis pa:r- voťʼ-is*
2-е л.	*sän pa:r- voťʼ-iŋ*	*silär pa:r- voťʼ-iŋnar*
3-е л.	*ol pa:r- voťʼi*	*olar pa:r- voťʼ-ilar*

(Дульз.Чул. 454)

Сарыг-югурский язык

Настоящее время I

Действие, происходящее в данный момент речи или регулярное по природе.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + гл. *par-* 'идти'; для 2-го и 3-го лица – также структура: осн. гл. + афф. *-u/-o* + афф. *-dro*.

Пример: (*maŋ-* 'идти, ходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men maŋ-yp par* 'я иду (сейчас)'	*mys maŋ-yp par*
2-е л.	*sen maŋ-u-dro/maŋ-yp par*	*siler maŋ-u-dro/maŋ-yp par*
3-е л.	*gol maŋ-u-dro/maŋ-yp par*	*golar maŋ-u-dro/maŋ-yp par*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-u/-o* + *joqtyr/joqtro* 'нет'.

Пример: (*maŋ-* 'идти, ходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men maŋ-u joqtyr/joqtro* 'я не иду'	*mys maŋ-u joqtyr/joqtro*
2-е л.	*sen maŋ-u joqtyr/joqtro*	*siler maŋ-u joqtyr/joqtro*
3-е л.	*gol maŋ-u joqtyr/joqtro*	*golar maŋ-u joqtyr/joqtro*

(Тен.Сюг. 83–84)

Настоящее время II

Действие повторяющееся, привычное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣaqʿ/-qaqʿ/-gekʿ/-kekʿ/* + афф. *-tro/-er*.

Пример: (*tyz-* 'писать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men tyz-ɣaqʿ-tro/-er* 'я пишу (вообще)'	*mys tyz-ɣaqʿ-tro/-er*
2-е л.	*sen tyz-ɣaqʿ-tro/-er*	*siler tyz-ɣaqʿ-tro/-er*
3-е л.	*gol tyz-ɣaqʿ-tro/-er*	*golar tyz-ɣaqʿ-tro/-er*

(Тен.Сюг. 85–86)

Настоящее время III

Действие длительное, многократное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-o:ɣan/-u:ɣan* + афф. *-tyr/-tro*.

Пример: (*kel-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kel-o:ɣan-tyr/-tro* 'я прихожу (длительно)'	*mys kel-o:ɣan-tyr/-tro*
2-е л.	*sen kel-o:ɣan-tyr/-tro*	*siler kel-o:ɣan-tyr/-tro*
3-е л.	*gol kel-o:ɣan-tyr/-tro*	*golar kel-o:ɣan-tyr/-tro*

(Тен.Сюг. 86–87)

Фуюйско-кыргызский язык

Настоящее время I

(Current Definite Present)

Конкретное действие в данный момент.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-dĭ/-da* + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-dĭ-min/bar-da-min* 'я иду (сейчас)'	*bis bar-dĭ-bĭs/bar-da-bĭs*
2-е л.	*sin bar-dĭ-sĭŋ*	*sirĭr bar-dĭ-zĭŋnar/ bar-da-zĭŋnar/bar-da-sirer*
3-е л.	*ol bar-da-l (< bar-da-ol?)*	*olor bar-da-l*

(HG 35)

Настоящее время II

(Current Progressive Present)

Действие в данный момент, длительное.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-tur* + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-tur-min* 'я иду (длительно)'	*bis bar-tur-bĭs*
2-е л.	*sin bar-tur-sĭŋ*	*sirĭr bar-tur-zĭŋnar*
3-е л.	*ol bar-tur*	*olor bar-tur*

(HG 35)

Будущее время

Хакасский язык

Будущее время I

Действие обычное, как постоянный признак предмета, лица, совершаемое после момента речи.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-er* + афф. лица.

При стечении гласных основы с гласными аффикса происходит стяжение их и переход в нейтральный по отношению к вокальной гармонии гласный *i*.

Пример: (*ada-* 'называть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min adi-r-(<ada- + -ar)-byn* 'я назову'	*pis adi-r-bys*
2-е л.	*sin adi-r-syŋ*	*sirer adi-r-zar*
3-е л.	*ol adi-r*	*olar adi-r-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bas/-bes/-pas/-pes/-mas/-mes,* + афф. лица.

Пример: (*is-* 'пить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min is-pes-pin* 'я не буду пить'	*pis is-pes-pis*
2-е л.	*sin is-pes-siŋ*	*sirer is-pes-ser*
3-е л.	*ol is-pes*	*olar is-pes-ter*

(ГХЯ 227-228)

Шорский язык

Будущее время I

Действие, происходящее вообще, естественное по своей природе.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-er, -yr/-ir* + афф. лица.

Пример: (*kör-* 'видеть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kör-er-im* 'я увижу'	*pis kör-er-bis*
2-е л.	*sen kör-er-ziŋ*	*siler (sler) kör-er-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol kör-er*	*(y)lar kör-er-ler*

(Дыр.Шор. 187)

В 1-м л. ед. числа возможны иные формы: *sura-ar-bym(byn)* 'я спрошу', *kör-er-bim(bin)* 'я увижу'. В разговорной речи встречается стяженная форма: *sura:m/surarym* 'я спрошу', *kele:m/kekerim* 'я приду' (Дыр.Шор. 188).

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bas/-bes/-pas/-pes/-mas/-mes* + афф. лица.

Пример: (*ajt-* 'сказать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men ajt-pas-(s)ym* 'я не скажу'	*pis ajt-pas-pys*
2-е л.	*sen ajt-pas-syŋ*	*siler (sler) ajt-pas-sar*
3-е л.	*ol ajt-pas*	*(y)lar ajt-pas-tar*

В 1-м л. ед.ч. *par-bas-pyn(pym)* > *par-bas-sym* (т.е. долгий *s* < *ss*) (Дыр.Шор. 188-189).

Будущее время II

Действие или состояние, которое, возможно, совершится или наступит в будущем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣadyɣ/-gedig, -qudyɣ/-kedig, -madyɣ/-medig* + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men par-ɣadyɣ-ym (-byn ~ -bym)* 'возможно, я пойду'	*pis par-ɣadyɣ-bys*
2-е л.	*sen par-ɣadyɣ-zyŋ*	*siler (sler) par-ɣadyɣ-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol par-ɣadyɣ*	*(y)lar par-ɣadyɣ-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-badyɣ/-bedig (-ba:dyɣ/-be:dig), -padyɣ/-pedig (-pa:dyɣ/-pe:dig)* + афф. лица.

Аффикс отрицания *-ba* + *-ɣadyɣ* > *-baɣadyɣ* > *-ba:dyɣ* > *-badyɣ|*

Пример: (*kel-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kel-bedig-im/kel-be:dig-im/ kel-bedig-bin(-bim)* 'я не приду (возможно)'	*pis kel-bedig-bis*
2-е л.	*sen kel-bedig-ziŋ*	*siler (sler) kel-bedig-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol kel-bedig*	*(y)lar kel-bedig-ler*

Форма на *-badyγ* малоупотребительна, чаще встречается форма с *-ebes* (<**emes*). Обычно же вместо *-badyγ* выступает *-pas* (*ol ajt-pas* 'он не скажет').

Пример: (*al-* 'брать, взять'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men al-γadyγ ebes-(s)im,* 'я не возьму (возможно)'	*pis al-γadyγ ebes-pis*
2-е л.	*sen al-γadyγ ebes-siŋ*	*siler (sler) al-γadyγ ebes-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol al-γadyγ ebes*	*(y)lar al-γadyγ ebes-ter*

или

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men al-pas-(s)ym,*	*pis al-pas-pys*
2-е л.	*sen al-pas-syŋ*	*siler (sler) al-pas-sar*
3-е л.	*ol al-pas*	*(y)lar al-pas-tar*

(Дыр.Шор. 190)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Будущее время I

Неосложненное действие после момента речи.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-ar-män* 'я возьму'	*pis al-ar-bys*
2-е л.	*sän al-ar-zyŋ*	*silär al-ar-zyŋnar*
3-е л.	*ol al-ar*	*olar al-ar(-lar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-er* + *čoq* 'нет' + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män par-aj čoq-män* 'я не пойду'	*pis par-aj čoq-pus*
2-е л.	*sän par-aj čoq-syŋ*	*silär par-aj čoq-syŋnar*
3-е л.	*ol par-aj čo:γul*	*olar par-aj čoq(-tar)/čo:γul*

(Бир.Чул. I 57-58)

Аффикс *-aj* исторически возник в результате регрессивной ассимиляции *-aj čoq* < *-ar joq*.

Будущее время II

Обязательность совершения действия в будущем (ведущая форма будущего времени).

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-lyq/-rik* (*pär-rik-män* 'я дам') + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-lyq-män* 'я возьму'	*pis al-lyq-bys*
2-е л.	*sän al-lyq-syŋ*	*silär al-lyq-syŋnar*
3-е л.	*ol al-lyq*	*olar al-lyq(-tar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-buq* + афф. лица.

Аффикс *-buq* состоит из афф. отрицания *-ba* и афф. времени *-luq*: *-ba* + *-luq* > *-buq*. Аффикс отрицания варьируется по линии первого согласного: *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me*.

Пример: (*sana-* 'читать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män sana-buq-män* 'я не буду читать'	*pis sana-buq-bys*
2-е л.	*sän sana-buq-syŋ*	*silär sana-buq-suŋnar*
3-е л.	*ol sana-buq*	*olar sana-buq(-tar)*

(Бир.Чул. I 59)

Будущее время III

Для среднечулымского диалекта возможно образование от одной основы форм будущего времени на *-lyq*, а от другой основы – форм будущего времени на *-yoq*, т.е. двух различных форм, отличающихся семантически (Бир.Чул. I 61-62).

Нижнечулымский диалект

Будущее время I

Действие, обычно совершающееся после момента речи.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är, -y:/-i:* + афф. лица.

Афф. *-y:/-i:* возник в результате утраты конечного *-r* и удлинения гласного (*-y:/-i:* < *-yr/-ir*).

Пример: (*sal-* 'класть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män sal-ar-ym* 'я положу'	*pis sal-ar-vys*
2-е л.	*sän sal-ar-yŋ/-zyŋ*	*slär sal-ar-zyŋnar*
3-е л.	*ol sal-ar*	*olar sal-ar(-lar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bas/-bes/-pas/-pes* + афф. лица.

Пример: (*sal-* 'положить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män sal-vas-ym* 'я не положу'	*pis sal-vas-ys*
2-е л.	*sän sal-vas-yŋ*	*slär sal-vas-syŋnar*
3-е л.	*ol sal-vas*	*olar sal-vas(-lar)*

(Дульз.Чул. 457-458)

Будущее время II

Действие, в совершении которого есть уверенность.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-luq/-lük, -tuq/-tük, -ruq/-rük, -suq/-sük, -nuq/-nük, -puq/-pük, -juq/-jük, -cuq/-cük* + афф. лица.

Пример: (*sat-* 'продавать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män sat-tuq-ym* 'я продам'	*pis sat-tuq-ys*
2-е л.	*sän sat-tuq-syŋ*	*slär sat-tuq-syŋnar*
3-е л.	*ol sat-tuq*	*olar sat-tuq-tar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-yoq* + афф. лица.

Пример: (*sal-* 'положить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män sal-voγ-um/sal-vo-um/ salvo:m* 'я не положу'	*pis sal-voq-vys*
2-е л.	*sän sal-voq-suŋ*	*slär sal-voq-suŋnar*
3-е л.	*ol sal-voq*	*olar sal-voq(-tar)*

(Дульз.Чул. 458-459)

Будущее время III

Действие определенно произойдет.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-yoq/-qoq/-gök/-oq/-ök* + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män par-yoγ-um* 'я непременно пойду'	*pis par-yoγ-us*
2-е л.	*sän par-yoγ-uŋ*	*slär par-yoγ-uŋnar*
3-е л.	*ol par-yoq*	*olar par-yoq(-tar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-a/-e* + афф. *-buq* + афф. лица.

Пример: (*tyŋna-* 'слушать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män tyŋna- buq-um* 'я не буду слушать'	*pis tyŋna- buq-us*
2-е л.	*sän tyŋna- buq-uŋ*	*slär tyŋna- buq-uŋnar*
3-е л.	*ol tyŋna- buq*	*olar tyŋna- buq(-tar)*

(Дульз.Чул. 459).

Будущее время IV

Действие, которое происходит в данный момент и продолжается далее.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-jadar/-jäder (< jat-/jät-* 'лежать' + афф. *-ar/-er)* + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pa:r jad-ar-ym* 'я пойду'	*pis pa:r jad-ar-vys*
2-е л.	*sän pa:r jad-ar-zyŋ*	*slär pa:r jad-ar-zyŋnar*
3-е л.	*ol pa:r jad-ar*	*olar pa:r jad-ar-tar*

(Дульз.Чул. 459-460)

Сарыг-югурский язык

Будущее время I

Действие, естественное по своей природе или происходящее по воле действующего лица.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-yyš/-qᶜyš/-gyš/-kᶜyš/-xyš* + афф. *-er(e)/-ir(e)/-tyr/ -tro.*

Пример: (*tut-* 'держать, поймать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men tut-qᶜyš-tro/-ere* 'я поймаю'	*mys tut-qᶜyš-tro/-ere*
2-е л.	*sen tut-qᶜyš-tro/-ere*	*siler tut-qᶜyš-tro/-ere*
3-е л.	*gol tut-qᶜyš-tro/-ere*	*golar tut-qᶜyš-tro/-ere*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-yy/-qy, -gy/-ky* + афф. *-mes(< -emes)* + афф. *-tyr/-tro/-er(e)/-ir(e).*

Пример: (*tut-* 'держать, поймать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men tut-qy-mes-tro/-er* 'я не поймаю'	*mys tut-qy-mes-tro/-er*
2-е л.	*sen tut-qy-mes-tro/-er*	*siler tut-qy-mes-tro/-er*
3-е л.	*gol tut-qy-mes-tro/-er*	*golar tut-qy-mes-tro/-er*

(Тен.Сюг. 87-89)

Будущее время II

Действие регулярное, естественное, продолжающееся.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-er/-yr/-ir/-r.*

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men par-ar* 'я пойду'	*mys par-ar*
2-е л.	*sen par-ar*	*siler par-ar*
3-е л.	*gol par-ar*	*golar par-ar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ma-s/-me-s/-pa-s/-pe-s.*

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men par-ma-s* 'я не пойду'	*mys par-ma-s*
2-е л.	*sen par-ma-s*	*siler par-ma-s*
3-е л.	*gol par-ma-s*	*golar par-ma-s*

(Тен.Сюг. 89-90)

Будущее время III

Действие, которое непременно произойдет.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-γy/-qy/-γo/-qo/-γu/-qu*.

Пример: (*jet-* 'делать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men jet-qo* 'я сделаю (непременно)'	*mys jet-qo*
2-е л.	*sen jet-qo*	*siler jet-qo*
3-е л.	*gol jet-qo*	*golar jet-qo*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-γy/-qy/-gy/-ky* + афф. *-me-s (<*ermes)/-ma-s/-pa-s/-pe-s*.

Пример: (*jet-* 'делать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men jet-qy-me-s* 'я не сделаю (непременно)'	*mys jet-qy-me-s*
2-е л.	*sen jet-qy-me-s*	*siler jet-qy-me-s*
3-е л.	*gol jet-qy-me-s*	*golar jet-qy-me-s*

(Тен.Сюг. 90-91)

Будущее время IV

Действие, которое непременно произойдет в будущем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-γyr/-qyr/-gyr/-kyr* + афф. *-tyr/-tro*.

Пример: (*ta'p-* 'находить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men ta'p-qyr-tro* 'я найду'	*mys ta'p-qyr-tro*
2-е л.	*sen ta'p-qyr-tro*	*siler ta'p-qyr-tro*
3-е л.	*gol ta'p-qyr*	*golar ta'p-qyr-tro*

(Тен.Сюг. 91-92)

Фуюйско-кыргызский язык

Будущее время I

(Near Future)

Будущее ближайшего действия.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-i* + афф. лица.

Афф. *-i* < *-*a/-e*.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-i-m* 'я пойду'	*bis bar-i-bis*
2-е л.	*sin bar-i-ziŋ*	*sirĭr bar-i-ziŋar*
3-е л.	*ol bar-i*	*olor bar-i*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-jo:l (<jogol* 'нет') + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-jo:l-min* 'я не пойду'	*bis bar-jo:l-bĭs*
2-е л.	*sin bar-jo:l-siŋ*	*sirĭr bar-jo:l-zĭŋar*
3-е л.	*ol bar-jo:l*	*olor bar-jo:l*

(HG 35)

Будущее время II

(Indefinite Future)

Неопределенное действие в будущем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ĭr* + афф. лица.

Афф. *-ĭr* < *-*ar/-er/-ir*.

Пример: (*gĭl-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min gĭl-ĭr-min* 'я приду'	*bis gĭl-ĭr-bĭs*
2-е л.	*sin gĭl-ĭr-ziŋ*	*sirĭr gĭl-ĭr-zĭŋar*
3-е л.	*ol gĭl-ĭr*	*olor gĭl-ĭr*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba-s/-bĕ-s/-pa-s/-pĭ-s*.

Пример: (*gĭl-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min gĭl-bĭs-min* 'я не приду'	*bis gĭl-bĭs-bĭs*
2-е л.	*sin gĭl-bĭs-siŋ*	*sirĭr gĭl-bĭs-sĭŋar*
3-е л.	*ol gĭl-bĭs*	*olor gĭl-bĭs*

(HG 35)

Прошедшее время

Хакасский язык

Прошедшее время I

Недавно исполненное прошедшее-категорическое время.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-dy/-di/-ty/-ti* + афф. лица.

Афф. *-dar* < *-daar* < *-dy* + *ŋ* + *ar*.

Пример: (*sana-* 'считать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min sana-dy-m* 'я считал (недавно)'	*pis sana-dy-bys*
2-е л.	*sin sana-dy-ŋ*	*sirer sana-dy-ŋar/sana-dar*
3-е л.	*ol sana-dy*	*olar sana-dy-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. *-dy/-di/-ty/-ti* + афф. лица.

Пример: (*pök-* 'решать (задачу)'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min pök-pe-di-m*	*pis pök-pe-di-bis*
2-е л.	*sin pök-pe-di-ŋ*	*sirer pök-pe-di-ŋer/pök-pe-der*
3-е л.	*ol pök-pe-di*	*olar pök-pe-di-ler*

(ГХЯ 207-208).

Прошедшее время II

Действие, имевшее место в неопределенном прошлом, результат или следствие которого сохраняются и в настоящем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ŋan/-gen* (после гласных и звонких согласных), *-han/-ken* (после глухих согласных), *-an/-en* (после согласных *ŋ, g, n*) + афф. лица.

Пример: (*pil-* 'знать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min pil-ge-m* 'я знал'	*pis pil-ge-bis*
2-е л.	*sin pil-ge-zyŋ*	*sirer pil-ge-zer*
3-е л.	*ol pil-gen*	*olar pil-gen-ner*

(ГХЯ 210-212).

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. *-ŋan/-gen* + афф. лица: *pil-be:n (< pil-be-gen)* 'он не знал', *pas-pa:n (< pas-pa-ŋan)* 'он не писал', *toŋ-ma:n (< toŋ-ma-ŋan)* 'он не мерз' (ГХЯ 211).

Прошедшее время III

Прошедшее обычное, иногда многократное действие.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ǯaŋ/-ǯeŋ, -čaŋ/-čeŋ* + афф. лица.

Пример: (*at-* 'стрелять'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min at-čaŋ-myn* 'я стрелял'	*pis at-čaŋ-mys*
2-е л.	*sin at-čaŋ-zyŋ*	*sirer at-čaŋ-zar*
3-е л.	*ol at-čaŋ*	*olar at-čaŋ-nar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. лица.

Пример: (*it-* 'делать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min it-pe-ǯeŋ-min* 'я не делал'	*pis it-pe-ǯeŋ-mis*
2-е л.	*sin it-pe-ǯeŋ-ziŋ*	*sirer it-pe-ǯeŋ-zar*
3-е л.	*ol it-pe-ǯeŋ*	*olar it-pe-ǯeŋ-ner*

(ГХЯ 213)

Вариант прошедшего времени III

В хакасском литературном языке встречается все чаще.

Положительная форма

Формант времени выступает в двух вариантах: *-ǯa/-ǯe-/ča/-če* (в 1 и 2 л. ед. и мн.ч.) и *-ǯaŋ/-ǯeŋ/-čaŋ/-čeŋ* (в 3 л. ед. и мн.ч.). Вариант *-ǯa/-ǯe-/ča/-če* < *-ǯaŋ/-ǯeŋ, -čaŋ/-čeŋ*.

Пример: (*yrla-* 'петь'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min yrla-ǯa-m* 'я пел'	*pis yrla-ǯa-bys*
2-е л.	*sin yrla-ǯa-zyŋ*	*sirer yrla-ǯa-zar*
3-е л.	*ol yrla-ǯaŋ*	*olar yrla-ǯaŋ-nar*

Прошедшее время на *-ča/-če* (после конечных глухих согласных) совпадает с настоящим временем на *-ča* (*at-ča-m* 'я стреляю'). В настоящем времени *-ča* и *-če* четко различаются по линии гласной. В прошедшем времени на *-ča* гласный *-a* обычно редуцирован и произносится как средний звук между *a* и *e* и при твердых, и при мягких основах (ГХЯ 213).

Прошедшее время IV

Действие, которое совершилось в определенный момент, известный говорящему.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-čathan/-četken* + афф. лица.

Пример: (*uzu-* 'спать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min uzu-p-čatha-m(-byn)* 'я спал (тогда)'	*pis uzu-p-čath-bys*
2-е л.	*sin uzu-p-čatha-zyŋ*	*sirer uzu-p-čatha-zar*
3-е л.	*ol uzu-p-čathan*	*olar uzu-p-čathan-nar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bin* + афф. *-čathan/-četken* + афф. *-m(-byn), -zyŋ, -bys, -zar, -nar*.

Примеры: (*ojna-* 'играть') — *olyannar ojnabin čathannar* 'дети не играли тогда'; (*kül-* 'смеяться') — *apsah külbin četken* 'старик не смеялся (в тот момент)' (ГХЯ 216).

Прошедшее время V

Действие, совершившееся в неопределенный момент прошлого вне наблюдения говорящего ("заглазное" действие).

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-tyr/-tir (< tur-* 'стоять'*)* + афф. лица.

Пример: (*aŋna-* 'охотиться'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min aŋna-p-tyr-byn* 'я охотился (оказывается)'	*pis aŋna-p-tyr-bys*
2-е л.	*sin aŋna-p-tyr-zyŋ*	*sirer aŋna-p-tyr-zar*
3-е л.	*ol aŋna-p-tyr*	*olar aŋna-p-tyr*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bin* + афф. *-dyr/-dir* + афф. лица.

Пример: (*kör-* 'видеть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min kör-bin-dir-bin* 'я не видел (оказывается)'	*pis kör-bin-dir-bis*
2-е л.	*sin kör-bin-dir-ziŋ*	*sirer kör-bin-dir-zar*
3-е л.	*ol kör-bin-dir*	*olar kör-bin-dir-ner*

(ГХЯ 218)

Прошедшее время VI

Ожидаемое действие, которое вот-вот должно произойти.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣalah/-gelek, -halah/-kelek, -alah/-elek* + афф. лица.

Пример: (*tik-* 'шить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min tik-kelek-pin* 'я еще не шил'	*pis tik-kelek-pis*
2-е л.	*sin tik-kelek-siŋ*	*sirer tik-kelek-ser*
3-е л.	*ol tik-kelek*	*olar tik-kelek-ter*

(ГХЯ 220)

Прошедшее время VII

Прошедшее действие с оттенком повествовательности.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ǯyh/-ǯik/-čyh/-čik* + афф. лица.

Пример: (*sat-* 'продавать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min sat-čyh-pyn* 'я продавал'	*pis sat-čyh-pys*
2-е л.	*sin sat-čyh-syŋ*	*sirer sat-čyh-sar*
3-е л.	*ol sat-čyh*	*olar sat-čyh-tar*

(ГХЯ 220)

Давнопрошедшее время

Действие в прошлом, предполагающее совершение после него, ближе к моменту речи, другого действия.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣan/-gen/-han/-ken* + гл. *pol-* 'быть' в форме прош. вр. II + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min par-ɣan pol-ɣa-m* 'я уже ходил'	*pis par-ɣan pol-ɣa-bys*
2-е л.	*sin par-ɣan pol-ɣa-zyŋ*	*sirer par-ɣan pol-ɣa-zar*
3-е л.	*ol par-ɣan pol-ɣan*	*olar par-ɣan pol-ɣan-nar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + гл. *pol-* 'быть' в форме прош. вр. II + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min al-ba:n pol-ɣa-m* 'я еще не брал'	*pis al-ba:n pol-ɣa-bys*
2-е л.	*sin al-ba:n pol-ɣa-zyŋ*	*sirer al-ba:n pol-ɣa-zar*
3-е л.	*ol al-ba:n pol-ɣan*	*olar al-ba:n pol-ɣan-nar*

(ГХЯ 222, 227)

Ш о р с к и й я з ы к

Прошедшее время I

Действие, законченное незадолго до данного момента, сообщение о достоверном факте.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-dy/-di/-du/-dü/-ty/-ti/-tu/-tü* + афф. лица.

2-е л. мн.ч. *-a:r* < *-ŋŋar* < *-ŋ* + *-nar*.

Пример: (*šyq-* 'выходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men šyq-ty-m* 'я вышел'	*pis šyq-ty-bys*
2-е л.	*sen šyq-ty-ŋ*	*siler (sler) šyq-ty-a:r*
3-е л.	*ol šyq-ty*	*(y)lar šyq-ty-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. *-dy/-di/-du/-dü/-ty/-ti/-tu/-tü* + афф. лица.

Пример: (*kel-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kel-be-di-m* 'я не пришел'	*pis kel-be-di-bis*
2-е л.	*sen kel-be-di-ŋ*	*siler (sler) kel-be-di-a:r*
3-е л.	*ol kel-be-di*	*(y)lar kel-be-di-ler*

(Дыр.Шор. 180–181)

Прошедшее время II

Действие, совершившееся в прошлом, но не приуроченное к определенному моменту.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣan/-gen/-qan/-ken* + афф. лица.

Пример: (*pol-* 'быть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men pol-ɣa-m* (<*pol-ɣan-ym* < *pol-ɣan-myn(mym)* 'я был'	*pis pol-ɣan-mys*
2-е л.	*sen pol-ɣan-zyŋ*	*siler (sler) pol-ɣan-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol pol-ɣan*	*(y)lar pol-ɣan-nar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + афф. лица.

Пример: (*nan-* 'возвращаться, вернуться'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men nan-ma:m* (< *na:n-ym* < *nan-ma-yam)* 'я не вернулся'	*pis nan-ma:n-mys*
2-е л.	*sen nan-ma:ŋ*	*siler (sler) nan-ma:n-zar(za:r)*
3-е л.	*ol nan-ma:n*	*(y)lar nan-ma:n-nar*

(Дыр.Шор. 182–183)

Прошедшее время III

Действие обычное, повторяющееся и необходимое.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-čaŋ/-čeŋ* + афф. лица.

Пример: (*kel-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kel-čeŋ-im* (< *-mim* < *-min)* 'я приходил (обычно, часто)'	*pis kel-čeŋ-mis*
2-е л.	*sen kel-čeŋ-ziŋ*	*siler (sler) kel-čeŋ-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol kel-čeŋ*	*(y)lar kel-čeŋ-ner*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men al-ba-čaŋ-ym/ al-ba-čaŋ-(m)ym* 'я не брал'	*pis al-ba-čaŋ-mys*
2-е л.	*sen al-ba-čaŋ-zyŋ*	*siler (sler) al-ba-čaŋ-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol al-ba-čaŋ*	*(y)lar al-ba-čaŋ-nar*

(Дыр.Шор. 184–185)

Прошедшее время IV

Несовершенное действие ("еще не...").

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-γalaq/-gelek/-qalaq/-kelek,* + афф. лица.

Пример: (*at-* 'стрелять'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men at-qalaq-pym(-pin)* 'я еще не стрелял'	*pis at-qalaq-pys*
2-е л.	*sen at-qalaq-syŋ*	*siler (sler) at-qalaq-sar(-sa:r)*
3-е л.	*ol at-qalaq*	*(y)lar at-qalaq-tar*

(Дыр.Шор. 191)

Прошедшее время V

Действие, совершенное в прошлом, очевидцем которого, как правило, говорящий не был.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-(p)tyr/-(p)tir* (< афф. *-p* + глагол *tur-* 'стоять') + афф. лица.

Пример: (*ojna-* 'играть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men ojna-ptyr-ym/ojna-ptyr-bym(-byn)* 'я играл (оказывается)'	*pis ojna-ptyr-bys*
2-е л.	*sen ojna-ptyr-zyŋ*	*siler(sler) ojna-ptyr-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol ojna-ptyr*	*(y)lar ojna-ptyr-lar*

Пример: (*kel* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kel-tir-im/kel-tir-bim(bin)* 'я пришел (оказывается)'	*pis kel-tir-bis*
2-е л.	*sen kel-tir-ziŋ*	*siler (sler) kel-tir-zar(za:r)*
3-е л.	*ol kel-tir*	*(y)lar kel-tir-ler*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + афф. *-dyr/-dir* + афф. лица.

Пример: (*kör-* 'видеть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kör-be:n-dir-im/ kör-be:n-dir-bim(-bin)* 'я не видел (оказывается)'	*pis kör-be:n-dir-bis*
2-е л.	*sen kör-be:n-dir-ziŋ*	*siler (sler) kör-be:n-dir-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol kör-be:n-dir*	*(y)lar kör-be:n-dir-ler*

(Дыр.Шор. 200–201)

Прошедшее время VI

Незавершенное действие в прошлом.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-čytqan/-čatqan* + афф. лица.

Пример: (*pil-* 'знать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men pil-čytqa-m* 'я знал'	*pis pil-čytqan-mys*
2-е л.	*sen pil-čytqan-ziŋ*	*siler (sler) pil-čytqan-zar(za:r)*
3-е л.	*ol pil-čytqan*	*(y)lar pil-čytqan-nar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + афф. *-čytqan /-čatqan* + афф. лица.

Пример: (*šyq-* 'выходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men šyq-pa:n čytqa-m* 'я не выходил'	*pis šyq-pa:n čytqan-mys*
2-е л.	*sen šyq-pa:n čytqan-zyŋ*	*siler (sler) šyq-pa:n čytqan-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol šyq-pa:n čytqan*	*(y)lar šyq-pa:n čytqan-nar*

(Дыр.Шор. 197)

Форма невозможности

Действие невыполнимо, невозможно.

а) Структура: осн.гл. + гл. *pol-* 'быть' + афф. *-bas/-bes/-pas/-pes/-mas/-mes* + афф. лица.

Пример: (*kör-* 'видеть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kör pol-bas-(s)ym* 'не смог видеть'	*pis kör pol-bas-pys(-sybys)*
2-е л.	*sen kör pol-bas-syŋ*	*siler (sler) kör pol-bas-sar(-sa:r)*
3-е л.	*ol kör pol-bas*	*(y)lar kör pol-bas-tar*

б) Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n, -pa:n/-pe:n, -ma:n/-me:n* + афф. *-ča/-če* + афф. лица.

Пример: (*kör-* 'видеть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kör pol-ba:n-ča-m* 'не смогу видеть'	*pis kör pol-ba:n-ča-bys*
2-е л.	*sen kör pol-ba:n-ča-ŋ*	*siler (sler) kör pol-ba:n-ča-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol kör pol-ba:n-ča*	*(y)lar kör pol-ba:n-ča-lar*

(Дыр.Шор. 214)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Прошедшее время I

Прошедшее действие, имеющее результат в настоящем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-yan/-gen, -qan/-ken* + афф. лица.

В 1 л. ед. и мн. числа конечный *-n* аффикса времени выпадает, образуя долгий гласный.

Пример: (*käl-* 'приходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män käl-ge:m* 'я приходил'	*pis käl-ge:bis*
2-е л.	*sän käl-ge:ŋ*	*silär käl-ge:ŋnär*
3-е л.	*ol käl-gän*	*olar käl-gän-när*

Глаголы с конечной гласной имеют стяженную форму в результате выпадения начальной и конечной согласных в аффиксе (*sana:m* 'я читал'). В основах с конечной согласной в аффиксе выпадает конечный *-n* (*paɣa:m* 'я ходил' < *paryan* + *män*).

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + афф. лица.

Пример: (*par-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män parba:m* 'я не ходил'	*pis parba:bys*
2-е л.	*sän parba:ŋ*	*silär parba:ŋnar*
3-е л.	*ol parba:n*	*olar parba:n(-nar)*

(Бир.Чул. I 64-66)

Прошедшее время II

Действие, не состоявшееся в прошлом.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣalaq/-gelek/-qalaq/-kelek* + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-ɣalaq-män* 'я еще не брал'	*pis al-ɣalaq-ybys*
2-е л.	*sän al-ɣalaq-syŋ*	*silär al-ɣalaq-syŋnar*
3-е л.	*ol al-ɣalaq*	*olar al-ɣalaq*

(Бир.Чул. I 66-67)

Нижнечулымский диалект

Прошедшее время I

Недавнее действие, имеющее результат в настоящем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-dy/-di/-ty/-ti* + афф. лица.

В 1 л. ед. и мн. числа конечный *-n* аффикса времени выпадает, образуя долгий гласный.

Пример: (*ajt-* 'сказать')

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män ajt-ty-m* 'я сказал'	*pis ajt-ty-vys*
2-е л.	*sän ajt-ty-ŋ*	*slär ajt-ty-ŋnar*
3-е л.	*ol ajt-ty*	*olar ajt-ty-lar*

(Дульз.Чул. 455)

Прошедшее время II

Действие в неопределенном прошлом.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ɣan/-gen/-qan/-ken* + афф. лица.

В 1 и 2-м л. ед. и мн. числа конечный *-n* аффикса времени отпадает.

Пример: (*jap-* 'запирать, закрывать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män jap-qa-m* 'я запер'	*pis jap-qa-vys*
2-е л.	*sän jap-qa-ŋ*	*slär jap-qa-ŋnar*
3-е л.	*ol jap-qan*	*olar jap-qan-nar*

(Дульз.Чул. 455)

Прошедшее время III

Обычное, регулярное действие в прошлом.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-a* + афф. *-ď'iɣan* (< *-*tyryan*) + афф. лица.

В 1-м и 2-м л. ед. и мн. числа афф. *-ď'iɣan* теряет конечный *-n*.

Пример: (*pol-* 'быть')

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pol-a-ď'iɣa-m* 'я бывал'	*pis pol-a-ď'iɣa-vys*
2-е л.	*sän pol-a-ď'iɣa-ŋ*	*slär pol-a-ď'iɣa-ŋnar*
3-е л.	*ol pol-a-ď'iɣan*	*olar pol-a-ď'iɣan-nar*

(Дульз.Чул. 455)

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ar/-är* + афф. *-roqqan* (< *joqqan* 'нет') + афф. лица.

Пример: (*pol-* 'быть')

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pol-ar roqqa-m* 'я не был'	*pis pol-ar roqqa-vys*
2-е л.	*sän pol-ar roqqa-ŋ*	*slär pol-ar roqqa-ŋnar*
3-е л.	*ol pol-ar roqqan*	*olar pol-ar roqqan-nar*

(Дульз.Чул. 456)

Прошедшее время IV

Заглазное действие, бессознательно совершенное или забытое.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-t'i (< tur-* 'стоять') + афф. лица.

Пример: (*per-* 'давать, дать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män per-ip-t'i-m* 'я дал'	*pis per-ip-t'i-vis*
2-е л.	*sän per-ip-t'i-ŋ*	*slär per-ip-t'i-ŋnär*
3-е л.	*ol per-ip-t'i*	*olar per-ip-t'i-lär*

(Дульз.Чул. 457)

Прошедшее время V

Прошедшее время неполного действия.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-a:laq/-älek* (после гласных)*/-alaq/-elek* (после звонких согласных)*/-qalaq/-kelek* (после глухих согласных) + афф. лица.

Пример: (*jet-* 'достигать, догонять'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män jet-keleg-im* 'я не донгал еще'	*pis jet-keleg-is*
2-е л.	*sän jet-keleg-iŋ*	*slär jet-keleg-iŋner*
3-е л.	*ol jet-keläk*	*olar jet-keläk-tär*

(Дульз.Чул. 457)

Сарыг-югурский язык

Прошедшее время I

Констатация действия, законченного к моменту речи.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-dy/-de/-di/-ʾty/-ʾte/-ʾti.*

Пример: (*qara-* 'смотреть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men qara-ʾte* 'я смотрел'	*mys qara-ʾte*
2-е л.	*sen qara-ʾte*	*siler qara-ʾte*
3-е л.	*gol qara-ʾte*	*golar qara-ʾte*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ma/-me* + афф. *-dy/-de/-di, -ʾty/-ʾte/-ʾti.*

Пример: (*qara-* 'смотреть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men qara-ma-ʾte* 'я смотрел'	*mys qara-ma-ʾte*
2-е л.	*sen qara-ma-ʾte*	*siler qara-ma-ʾte*
3-е л.	*gol qara-ma-ʾte*	*golar qara-ma-ʾte*

(Тен.Сюг. 92-93)

Прошедшее время II

Действие, начавшееся в прошлом и имеющее результат в настоящем.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-yan/-gen/-han/-hen* + афф. *-tro/-dro/-er/-ir.*

Пример: (*oŋše-* 'читать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men oŋše-yan-tro* 'я читал'	*mys oŋše-yan-tro*
2-е л.	*sen oŋše-yan-tro*	*siler oŋše-yan-tro*
3-е л.	*gol oŋše-yan*	*golar oŋše-yan-tro*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ma/-me* + афф. *-yan/-gen/, -han/-hen* + афф. *-tro/-dro/-er/-ir.*

Пример: (*oŋše-* 'читать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men oŋše-ma-yan-tro* 'я не читал'	*mys oŋše-ma-yan-tro*
2-е л.	*sen oŋše-ma-yan-tro*	*siler oŋše-ma-yan-tro*
3-е л.	*gol oŋše-ma-yan*	*golar oŋše-ma-yan-tro*

(Тен.Сюг. 93-94)

Прошедшее время III

Начало действия как следствие предыдущего действия.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-p* + афф. *-tyr/-tro.*

Пример: (*sat-* 'продавать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men sat-yp-tro* 'я продал'	*mys sat-yp-tro*
2-е л.	*sen sat-yp-tro*	*siler sat-yp-tro*
3-е л.	*gol sat-yp-tro*	*golar sat-yp-tro*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-me:n/-mi:n, -pe:n/-pi:n* + афф. *-tro/-dro.*

Пример: (*sat-* 'продавать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men sat-pi:n-dro* 'я не продал'	*mys sat-pi:n-dro*
2-е л.	*sen sat-pi:n-dro*	*siler sat-pi:n-dro*
3-е л.	*gol sat-pi:n-dro*	*golar sat-pi:n-dro*

(Тен.Сюг. 94-95)

Давнопрошедшее время

Действие, совершившееся раньше другого действия.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-oʾte/-uʾte.*

Пример: (*kel-* 'приходть'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kel-oʾte* 'я приходил (давно)'	*mys kel-oʾte*
2-е л.	*sen kel-oʾte*	*siler kel-oʾte*
3-е л.	*gol kel-oʾte*	*golar kel-oʾte*

Фуюйско-кыргызский язык

Прошедшее время I
(Definite Past)

Прошедшее определенное действие.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-di/-dĭ/-ti/-tĭ* + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-dĭ-m* 'я пошел'	*bis bar-dĭ-bĭs*
2-е л.	*sin bar-dĭ-ŋ*	*sirĭr bar-dĭ-ŋar*
3-е л.	*ol bar-dĭ*	*olor bar-dĭ-lar/-ĭštĭ*

(HG 34-35)

Прошедшее время II
(Indefinite Past)

Действие в неопределенном прошлом.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-tir/-tĭr* + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-tĭr-min* 'я ходил'	*bis bar-tĭr-bĭs*
2-е л.	*sin bar-tĭr-siŋ*	*sirĭr bar-tĭr-sĭŋar*
3-е л.	*ol bar-tĭr*	*olor bar-tĭr*

(HG 35)

Прошедшее время III
(Narrative Past)

Повествовательное действие.

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-γan/-gen/-qan/-ken* + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-γan-min/bar-γa-m* 'я хаживал'	*bis bar-γan-bĭs/bar-γa-bĭs*
2-е л.	*sin bar-γan-zĭŋ*	*sirĭr bar-γan-zĭŋar*
3-е л.	*ol bar-γan*	*olor bar-γan*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-bĭĭn/-pĭĭn* + афф. *-min, -m, -zĭŋ; -bĭs, -zĭŋar.*

Пример: *bar-bĭĭn-min/bar-bĭĭ-min* (< *bar-bĭgĭn-min* < *bar-ba-γan-min* 'я не хаживал'). Эта форма часто заменяется формой с афф. *-γalaš/-halaš, -qĭlĭš/-xĭlĭš,* вероятно, не тюркского происхождения: *bar-γalaš-min* 'я не хаживал', *bar-γalaš-pĭs* 'мы не хаживали' (HG 35).

Диалектный материал

Диалекты хакасского языка

Качинский диалект

Во 2-м лице ед. числа ряда времен вместо распространенных личных показателей *-syŋ/-siŋ, -zyŋ/-ziŋ* употребляется форма с широкими *a, e*: *-saŋ/-seŋ, -zaŋ/-zeŋ* — *al-a-zaŋ* 'ты возьмешь', *al-γa-zaŋ* 'ты брал', *it-pe:zeŋ* 'ты не делал' (ДХЯ Пат. I, 20). Прошедшее время VII образуется с аффиксами с конечным смычным *-q*: *-čyq* и *-žuq* — *tyγžuq* 'она родила', *syqčyqtar* 'они вышли' (Малов 1926, 296).

Сагайский диалект

Формант прошедшего времени VII сохраняет конечный *-q/-k*: *-čik, -žik* — *kelžik* 'он пришел', *segirtčikpin* 'я заставил прыгнуть' (Малов 1926, 296).

Шорский диалект

Настоящее время I образуется при помощи афф. *-čar.*

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-čar* + афф. лица.

Пример: (*tur-* 'стоять'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min tur-čar-ym* 'я стою'	*pis tur-ča(r)-mys*
2-е л.	*sin tur-čar-zyn/-zyŋ*	*sirer tur-ča(r)-zar(y)*
3-е л.	*ol tur-čar-y*	*olar tur-ča(r)-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba:n/-be:n/-pa:n/-pe:n/-ma:n/-me:n* + афф. *-čar* + афф. лица.

Пример: (*ürgen-* 'учиться'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min ürgen-ma:n-čar-ym* 'я не учусь'	*pis ürgen-ma:n-čar-bys*
2-е л.	*sin ürgen-ma:n-čar-zyn/-zyŋ*	*sirer ürgen-ma:n-ča(r)-zary*
3-е л.	*ol ürgen-ma:n-čar*	*olar ürgen-ma:n-ča(r)-lar*

(ННМ 19-20)

Диалекты шорского языка

В шорских говорах рек Кондомы и Томи (отчасти верховья р. Томи) существует более полная форма Настоящего времени I, в говорах р. Мрассу (и в литературном языке) глагол *čat-* 'лежать' сокращается в аффиксе до *-ča.* В говорах шорцев верховьев р. Мрассу могут быть отмечены и форма на *-ča/-če* (*kör-če* 'видит', *ös-če* 'растет', *kir-če* 'входит'), и форма на *-čar/-čer,* в которой удерживается конечный *-y* (*al-čar-y* 'берет', *taš-čar-y* 'таскает').

Варианты форм Настоящего времени I:

men sura-p-čad-ym 'я спрашиваю'
men kel-čad-ym 'я прихожу'
ol sura-p-čar/sura-p-čyr 'он спрашивает'
men kel-čar-ym/kel-čer-im/kel-če-m 'я прихожу'
(y)lar kel-ča-lar/kel-če-ler 'они приходят'

Формы с *-čar* при глаголах с передними гласными встречаются в говорах шорцев верховьев р. Томи, а формы, гармоничные с афф. *-če,* — в говорах шорцев верховьев р. Мрассу (Дыр.Шор. 195).

Отрицательные формы Настоящего времени I в говорах шорского языка:

1-е л. ед.ч.	*pil-be:n-čad-ym/pil-be:n-čar-ym* 'я не знаю'
2-е л. ед.ч.	*kör-be:n-ča-zyŋ/kör-be:n-čar-zyŋ* 'ты не видишь'
1-е л. мн.ч.	*pil-be:n-čad-ys* 'мы не знаем'
	sura-ba:n-čad-yvys 'мы не спрашиваем'
	sura-ba:n-čary-bys 'мы не спрашиваем'
	pil-be:n-čary-bys 'мы не знаем'

(Дыр.Шор. 195)

Будущее время I в шорских говорах имеет приметой времени *-a/-e*: *par-a-zyŋ* 'ты пойдешь', *kel-e-ziŋ* 'ты придешь', *sur-ar-yŋ* 'ты спросишь', *iste-ri-ŋ* 'ты поработаешь'. В 1-м лице мн. числа есть еще формы с афф. *-tar/-ter*: *pis tud-ar-bys-tar* 'мы (многие) поймаем', *nan-ar-bys-tar* 'мы (многие) вернемся', *kel-er-bis-ter* 'мы (многие) придем'.

В говорах шорцев р. Кондомы соответственно: *par-ar-bys* 'мы пойдем', *nan-ar-bys* 'мы вернемся', *kel-er-bis* 'мы придем'. Вместе с этим возможны формы с долготой гласного форманта: *par-a:r-ys* ~ *par-ar-ys* 'мы пойдем', *kel-e:r-is* ~

kel-er-is 'мы придем'; есть и такие формы: *par-ar-ybys* 'мы пойдем', *kel-er-ibis* 'мы придем'.

В шорских говорах верховья р. Мрассу при передних гласных основы встречаются формы с *-ze:r ~ -zer*: *kör-er-ze:r ~ kör-er-zer* 'вы увидите', *kel-er-ze:r ~ kel-er-zer* 'вы придете' (Дыр.Шор. 188). Они могут быть и в отрицательных формах: *kör-bes-se:r/-ser* 'вы не увидите', *kel-bes-se:r/-ser* 'вы не придете' (Дыр.Шор. 189).

В Будущем времени II встречаются формы с узкими начальными гласными: *-yydyy/-qydyy, -gidig/-kidig* (Дыр.Шор. 190).

В говорах шорцев верховья р. Мрассу форма 2-го лица мн. числа Прошедшего времени I — *kel-de:r* 'вы пришли', *čör-de:r* 'вы ходили', *kör-de:r* 'вы видели'.

В говорах шорцев р. Кондомы наряду с полной формой 1-го лица мн. числа Прошедшего времени I *šyk-ty-bys* 'вы вышли', *kel-di-vis* 'мы пришли' употребляется сокращенная форма *šyk-ty-s* 'мы вышли', *kel-di-s* 'мы пришли', *šyk-pa-dy-s* 'мы не вышли', *kel-be-di-s* 'мы не пришли' (Дыр.Шор. 181).

В Прошедшем времени II в говорах р. Кондомы встречаются редкие формы: 2-е лицо мн. числа *pol-yan-zyn* 'ты стал', *kel-gen-zin* 'ты пришел', *pol-ya-ŋ* 'ты стал', *kel-ge-ŋ* 'ты пришел'. 1-е лицо мн. числа (редко): *pol-yan-bys* 'мы стали', *kel-gen-bis* 'мы пришли'.

В говорах шорцев р. Мрассу в 1-м лице мн. числа: *pol-ya-bys* 'мы стали', *kel-ge-bis* 'мы пришли' или с долготой гласного аффикса: *pol-ya:-bys* 'мы стали', *kel-ge:-bis* 'мы пришли', во 2-м лице мн. числа при основах с передними гласными встречаются формы *kör-gen-zer/-ze:r* 'вы видели' и *pol-ya-zar/pol-ya:-za:r* 'вы стали' (Дыр.Шор. 182).

В некоторых шорских говорах в 1-м лице ед. числа отрицательной формы Прошедшего времени II возможны формы *pol-ba:n-mym/-myn* 'я не был' и *kel-be:n-mim/min* 'я не видел'.

В говорах шорцев верховьев р. Мрассу во 2-м лице ед. числа встречаются параллельные формы: *pol-ba:n-zyŋ/pol-ba:-zyŋ* 'ты не был' и *kes-pe:n-ziŋ/kes-pe:-ziŋ* 'ты не отрезал'. Для 1-го лица мн. числа наряду с *pol-ba:n-mys* 'мы не стали' и *kel-be:n-mis* 'мы не пришли' существуют еще *pol-ba-bys* и *kel-be-bis*, а также с долготой: *pol-ba:-bys* и *kel-be:-bis*. Во 2-м лице мн. числа при передних гласных есть формы *kes-pe:n-zer/-ze:r* 'вы не отрезали' и *kör-be:n-zer/-ze:r* 'вы не видели' (Дыр.Шор. 183).

Для 2-го лица мн. числа Настоящего времени III в говорах шорцев верховьев р. Мрассу известны и такие формы (при глаголах с передним рядом гласных): *kel-be-čeŋ-zer/-ze:r* 'вы не пришли' и *kör-be-čeŋ-zer/-ze:r* 'вы не видели' (Дыр.Шор. 184–185).

В говорах шорцев верховьев р. Мрассу для Прошедшего времени III возможны такие формы: 1-е лицо ед. ч. — *at-qalaq-qym / at-qalaq-ym / at-qalaɣ-ym / at-qalaq-sym* 'я еще не стрелял'; 1-е лицо мн. ч. — *at-qalaq-sys/at-qalaq-qys* 'мы еще не стреляли' и 2-е лицо мн. ч. — *sler kör-gelek-ser/-se:r* 'вы еще не видели' (Дыр.Шор. 191).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Анализ общих и различающихся элементов в плане настоящего, будущего, прошедшего времен позволил выделить ряд форм различного хронологического уровня, относящихся к праязыку «кыргызской» группы.

Ранний период

Прошедшее время

Прошедшее время на *-dy*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. ***-dy/***-di/***-ty/***-ti* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-m*, 2-го л. ед.ч. ***-ŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-bys/***-bis*, 2-го л. мн.ч. ***-ŋnar/***-ŋner*, 3-го л. мн. ч. ***-lar/***-ler*.

Структураотрицательной формы: осн.гл. + афф. ***-ba/***-be/***-pa/***-pe/***-ma/***-me* + афф. ***-dy/***-di* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-m*, 2-го л. ед. ч. ***-ŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-bys/***-bis*, 2-го л. мн. ч. ***-ŋnar/***-ŋner*, 3-го л. мн.ч. ***-lar/***-ler*.

Прошедшее время на *-yan*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. ***-yan/***-gen/***-qan/ ***-ken* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-m*, 2-го л. ед.ч. ***-zyŋ/***-ziŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-mys/ ***-mis*, 2-го л. мн.ч. ***-ŋnar/***-ŋner*, ***-zyŋnar/***-ziŋner*, 3-го л. мн.ч. ***-nar/***-ner*.

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. ***-ba:n/***-be:n/***-pa:n/***-pe:n/***-ma:n/***-me:n* + афф. ***-yan/***-gen* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-m*, 2-го л. ед.ч. ***-zyŋ/***-ziŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-mys/***-mis*, 2-го л. мн.ч. ***-ŋnar/***-ŋner*, ***-zyŋnar/***-ziŋner*, 3-го л. мн.ч. ***-nar/***-ner*.

Будущее время

Будущее время на *-(a)r*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. ***-ar/***-er/***-yr/***-ir*, ***-r* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-m*, 2-го л. ед.ч. ***-zyŋ/***-ziŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-bys/ ***-bis*, 2-го л. мн.ч. ***-ŋnar/***-ŋner*, ***-zyŋnar/***-ziŋner*, 3-го л. мн.ч. ***-lar/***-ler*.

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. ***-bas/***-bes/***-pas/***-pes/***-mas/***-mes* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-pyn/***-pin*, 2-го л. ед.ч. ***-syŋ/***-siŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-pys/***-pis*, 2-го л. мн.ч. ***-syŋnar/***-siŋner*, 3-го л. мн.ч. ***-tar/***-ter*.

Поздний период

Прошедшее время

Прошедшее время на *-ǯaŋ*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. ***-ǯa(ŋ)/***-ǯe(ŋ)/***-ča(ŋ)/***-če(ŋ)* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-ym/***-im/***-myn/***-min*, 2-го л. ед.ч. ***-zyŋ/***-ziŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-mys/***-mis*, 2-го л. мн.ч. ***-zar (***-za:r)*, 3-го л. мн.ч. ***-nar/***-ner*.

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. ***-ba/***-be/***-pa/***-pe/***-ma/***-me* + афф. ***-ǯa(ŋ)/***-ǯe(ŋ)* + афф. 1-го л. ед.ч. ***-ym/***-im/***-myn/***-min*, 2-го л. ед.ч. ***-zyŋ/***-ziŋ*; 1-го л. мн.ч. ***-mys/***-mis*, 2-го л. мн.ч. ***-zar (***-za:r)*, 3-го л. мн.ч. ***-nar/***-ner*.

Прошедшее время на *-ǯa*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. ***-ǯa/***-ǯe/***-ča/***-če* (в

1-м и 2-м л. ед. и мн.ч.), **-ža(ŋ)/**-že(ŋ)/**-ča(ŋ)/**-če(ŋ) (в 3-м л. ед. и мн.ч.) + афф. 1-го л. ед.ч. **-m/**-myn/**-min, 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar (**-za:r), 3-го л. мн.ч. **-nar/**-ner.

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. **-ba/**-be/**-pa/**-pe/**-ma/**-me + афф. **-ža/**-že/**-ča/**-če (в 1-м и 2-м л. ед. и мн.ч.), **-ža(ŋ)/**-že(ŋ)/**-ča(ŋ)/**-če(ŋ) (в 3-м л. ед. и мн.ч.) + афф. 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar (**-za:r), 3-го л. мн.ч. **-nar/**-ner.

Прошедшее время на *-(p)čatqan*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. **-p + афф. **-čatqan/**-četqen + афф. 1-го л. ед.ч. **-m/**-byn/**-bin, 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar (**-za:r), 3-го л. мн.ч. **-nar/**-ner.

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. **-ba:n/**-be:n/**-pa:n/**-pe:n/**-ma:n/**-me:n + афф. **-čatqan/**-četqen + афф. 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar (**-za:r), 3-го л. мн.ч. **-nar/**-ner.

Прошедшее время на *-yalaq*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. **-yalaq/**-gelek/**-qalaq/**-kelek + афф. 1-го л. ед.ч. **-pyn/**-pin, 2-го л. ед.ч. **-syŋ/**-siŋ; 1-го л. мн.ч. **-pys/**-pis, 2-го л. мн.ч. **-sar (**-sa:r)/**-ser 3-го л. мн.ч. **-tar/**-ter.

Отрицательная форма не восстанавливается ввиду того, что соответствующие формы в живых языках не употребляются.

Прошедшее время на *-žyq*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. **-žyq/**-žik/**-čyq/**-čik + афф. 1-го л. ед.ч. **-pyn/**-pin, 2-го л. ед.ч. **-syŋ/**-siŋ; 1-го л. мн.ч. **-pys/**-pis, 2-го л. мн.ч. **-sar/**-ser, 3-го л. мн.ч. **-tar/**-ter.

Отрицательная форма не восстанавливается.

Настоящее время

Настоящее время на *-ča*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. **-ča/**-če + афф. 1-го л. ед.ч. **-m, 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar/**-zer, 3-го л. мн.ч. **-lar/**-ler.

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. **-ba:n/**-be:n/**-pa:n/**-pe:n/**-ma:n/**-me:n + афф. **-ča/**-če + афф. 1-го л. ед.ч. **-m, 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ, **-yŋ/**-iŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar/**-zer, 3-го л. мн.ч. **-lar/**-ler.

Настоящее время на *-adyr*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. **-adyr/**-edir + афф. 1-го л. ед.ч. **-byn/**-bin, **-ym/**-im, 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar/**-zer, 3-го л. мн.ч. (**-lar/**-ler).

Структура отрицательной формы: осн.гл. + афф. **-a/**-e + *čoγyl* 'нет' + афф. 1-го л. ед.ч. **-byn/**-bin, **-ym/**-im, 2-го л. ед.ч. **-zyŋ/**-ziŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys/**-bis, 2-го л. мн.ч. **-zar/**-zer, 3-го л. мн.ч. (**-lar/**-ler).

Настоящее время на *-(p)tur*

Структура положительной формы: осн.гл. + афф. **-(p)tur + афф. 1-го л. ед.ч. **-myn, **-um, 2-го л. ед.ч. **-zuŋ, **-syŋ; 1-го л. мн.ч. **-bys, 2-го л. мн.ч. **-zuŋnar, 3-го л. мн.ч. (**-lar).

Отношение временны́х форм пракыргызского к пратюркским формам

К раннему периоду пракыргызского реконструкция позволяет отнести прошедшие времена на *-dy* и на *-yan*, а из форм настоящих и будущих времен – форму на *-(a)r*. Поздний период пракыргызского охватывает временны́е формы большей частью прошедшего плана: прошедшие времена на *-žaŋ, -ža, -(p)čatqan, -yalaq* и *-žyq*. Сюда же относятся из сферы настоящих времен формы на *-ča, -adyr* и *-(p)tur*.

Из пратюркского фонда (позднего периода) сохранились в ранний период пракыргызского только прошедшее на *-dy* и будущее на *-(a)r*. Прошедшее перфективное на *-yan* – более позднего происхождения и ареально ограничено. Остальные реконструированные формы времен принадлежат более позднему темпоральному плану пракыргызского и свойственны главным образом современным языкам "кыргызской группы".

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Побуждение к действию, приказ, просьба, призыв.

Хакасский язык

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-i* + афф. лица *-m, -syn/-sin/-zyn/-zin; -aŋ/-eŋ, -ibys, -aŋar/-yŋar/-eŋer, -synnar/-synner/-zynnar/-zynner*.

Пример: (*sat-* 'продавать')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е л. *min sad-i-m* 'продам-ка я'	*pis sad-aŋ* 'давай (ты и я) будем продавать'	*pis* а) *sad-i-vys* 'разрешите нам продать' б) *sad-gaŋar* 'давайте будем продавать'
2-е л. *sin sat* 'продай'		*sirer sad-aŋar* 'продавайте'
3-е л. *ol sat-syn* 'пусть продаст'		*olar sat-syn-nar* 'пусть они продают'

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. лица.

Пример: (*sat-* 'продавать')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е л. *min sat-pi-m* 'не продам-ка я'	*pis sat-pa:-ŋ* 'не будем (ты и я) продавать'	*pis* а) *sat-pi-bys* 'не будем-ка продавать' б) *sat-pa:-ŋar* 'давайте не будем продавать'
2-е л. *sin sat-pa* 'не продавай'		*sirer sat-pa:-ŋar* 'не продавайте'
3-е л. *ol sat-pa-zyn* 'пусть не продает'		*olar sat-pa-zyn-nar* 'пусть не продают'

(ГХЯ 180-190).

Шорский язык

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. 1-го л. ед.ч. *-aj(yn)/-ej(in)/-yj(yn)/-ij(in)/-uj(un)/-üj(ün);* 2-го л. ед.ч. *-zaŋ/-zeŋ/-saŋ/-seŋ;* 3-го л. ед.ч. *-zyn/-zin/-zun/-zün* и *-syn/-sin/-sun/-sün;* 1-го л. дв.ч. *-aŋ/-eŋ/-a:ŋ/-e:ŋ;* 1-го л. мн.ч. *-aŋnar/-eŋner/-a:ŋnar/-e:ŋner;* 2-го л. мн.ч. *-a:r* (после согласных)/*-la:r* (после гласных); 3-го л. мн.ч. *-zynnar/-zinner/-zunnar/-zünner* и *-synnar/-sinner/-sunnar/-sünner.*

Пример: (*par-* 'идти')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е л. *men par-aj(yn)* 'пойду-ка я'	*pis par-aŋ/-aŋ* 'пойдем-ка мы вдвоем'	*pis par-aŋnar/-a:ŋnar* 'пойдем-ка мы'
2-е л. *sen* а) *par* 'иди', б) *par-zaŋ* 'иди же'		*siler (sler) par-a:r* 'идите'
3-е л. *ol par-zyn* 'пусть пойдет'		*(y)lar par-zyn-nar* 'пусть они идут'

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. лица.

Пример: (*kel-* 'приходить')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е л. *men kel-be-jin* 'да не приду-ка я'	*pis kel-be-eŋ/-e:ŋ*	*pis kel-be-eŋner*
2-е л. *sen* а) *kel-be* б) *kel-be-zeŋ*		*siler (sler) kel-be-a:r*
3-е л. *ol kel-be-zin*		*(y)lar kel-be-zinner*

(Дыр.Шор. 169-174)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-i* и *-q* (дв.ч.) + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е л. *män al'im* 'возьму-ка я'	*pis al-a-q* 'возьмем-ка мы вдвоем'	*pis al-i-vys*
2-е л. *sän* а) *al* 'возьми', б) *al-yyl* 'возьми же'		*siler al-yš*
3-е л. *ol al-syn* 'пусть возьмет'		*olar al-synnar* 'пусть они возьмут'

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be (-va/-ve)* + афф. лица.

Пример: (*käl-* 'приходить')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
1-е л. *män käl-vä-im* 'да не приду-ка я'	*pis käl-vä-q*	*pis käl-vä-ibis*
2-е л. *sän* а) *käl* б) *käl-gil*		*siler käl-iš*
3-е л. *ol käl-sin*		*olar käl-sin*

(Бир.Чул. I 68-73)

Сарыг-югурский язык

Положительная форма

Структура: осн.гл.

Пример: (*pašta-* 'начинать')

	Ед. число	Мн. число
2-е л.	*sen pašta* 'ты начинай'	*siler pašta* 'вы начинайте'
3-е л.	*gol pašta* 'пусть начинает'	*golar pašta* 'пусть они начинают'

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ma/-me.*

Пример: (*pašta-* 'начинать')

	Ед. число	Мн. число
2-е л.	*sen pašta-ma* 'ты не начинай'	*siler pašta-ma*
3-е л.	*gol pašta-ma*	*golar pašta-ma*

(Тен.Сюг. 97)

Фуюйско-кыргызский язык

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-i* + афф. *-zĭn, -yar-nĭ/-lĭ(q).*

Пример: (*bar-* 'идти')

Ед. число	Дв. число	Мн. число
2-е л. *sin bar* 'иди'	*sirĭr gĭl-lĭ* 'прийти ли нам вдвоем'	*sirĭr bar-yar-nĭ* 'вы идите'
3-е л. *ol barzĭn* 'пусть пойдет'		*olor barzĭn* 'пусть они пойдут'

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be.*

Пример: (*bar-* 'идти'):

2-е л. *sin bar-ba* 'ты не иди'

3-е л. *ol bar-ba-zĭn* 'пусть он не идет' (HG 36)

Диалектный материал

Диалекты хакасского языка

Наиболее полно и систематизированно диалектный материал по повелительному наклонению хакасских диалектов дан Д.Ф.Патачаковой. Ниже приводятся ее данные:

1-е лицо единственного числа

Желание или просьба совершить какое-либо действие: афф. *-i:m* — в качинском, сагайском, кызыльском и шорском диалектах, афф. *-ij(ў)/-ij(ĭ)/-i:n* — в периферийных говорах сагайского диалекта, афф. *-i:n* — в южных бельтирских говорах, например: *aliim* 'возьму-ка я', *čör-ij* 'похожу-ка я'. В говорах шорского диалекта встречается афф. *-i·jyn/-i·jin, -a·jyn/-e·jin, -a·jym/-e·jim.* Наиболее употребительны аффиксы *-a·jyn* и *-e·jin*, например: *ali·jўn* 'возьму-ка я', *kez-e·jin* 'надену-ка я'.

Отрицательная форма во всех случаях образуется афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-va/-ve/-ma/-me* (Пат. 73-76).

1-е лицо двойственного числа

Действие двух лиц с выражением чувств пожелания, убеждения или принуждения передается афф. 1-го лица двойственного числа *-a:ŋ/-e:ŋ, -a:h/-e:k*. Первая пара свойственна качинскому и сагайскому диалектам, например: *balγa:ŋ* 'давай (мы с тобой) завяжем'. В шорском диалекте встречается вариант аффикса с узким *-i (-i:ŋ)*, например: *per-e:ŋ* и *per-i:ŋ* 'давай (я и ты) дадим'. Афф. *-a:h/-e:k* – только в кызыльском диалекте, например: *uz-a:h* 'давай же спать (с тобой)', *id-e:k* 'сделаем-ка (с тобой)'. При неопределенном количестве лиц употребляется афф. *-a:ŋa:r/-e:ŋe:r, -a:lar/-e:ler, -a:lys/-e:lis*. Первая пара – в качинском диалекте, например: *par-a:ŋa:(r)* 'пойдемте (мы с вами)', *sa:ŋa:(r)* 'пойдем-ка (мы с вами)'. Вторая пара – в сагайском и шорском диалектах, например: *id-e:ler* 'давайте делать (мы с вами)'. Третья пара – в кызыльском диалекте, например: *pa-a:lys* 'давайте запишем (мы с вами)' (Пат. 83-84).

1-е лицо множественного числа

Желание, просьба или требование выполняется несколькими лицами. Для этой цели в качинском диалекте служит аффикс *-i:vys/-i:vis*, например: *al-i:vys* 'разрешите взять (нам)'; в уйбатском говоре – *-ĭ̂ys (< -i:vys)* и *-i̯is (<-i:vis)*, например: *alĭ̂ys* 'позвольте, мы возьмем' (Пат. 79).

2-е лицо единственного числа

Побуждение к действию одного или нескольких лиц.

В сагайском и шорском диалектах существуют формы с афф. *-saŋ/-seŋ, -zaŋ/-zeŋ* и *-siŋ/-ziŋ*, например: *is-seŋ* 'послушай-ка', *tonan-zaŋ* 'одевайся же' (Пат. 85).

2-е лицо множественного числа

Обращение с призывом к нескольким лицам. Употребляются афф. *-ŋar, -sa:r, -hla, -ys*. Первый аффикс *(-ŋar/-ŋer)* известен во всех диалектах хакасского языка. Но в качинском диалекте существуют еще варианты этого аффикса: *-ŋa:r/-ŋe:r/-yŋa:r/-iŋe:r/-u:ŋa:r/-ü:ŋe:r*, например: *sole-ŋe:r* 'скажите', *hal-yŋa:r* 'оставайтесь', *ür-ü:ŋe:r* 'заплетайте'. В сагайском и шорском диалектах отмечены афф. *-aŋar/-eŋer*, например: *odyr-aŋar* 'садитесь', *kör-eŋer* 'смотрите', и афф. *-sa:r/-se:r/-za:r/-ze:r (-sa:r < -saŋ + lar)*, иногда – афф. *-saŋar/-seŋer*, например: *par-zaŋar* 'идите', *kil-zeŋer* 'приходите'. Шорскому диалекту свойствен афф. *-hla/-kle, -hyla/-hile, -γla/-gle, -γyla/-gile* и *-la/-le*, например: *syh-hla* 'выходите', *kile-gle* 'приходите'. В кызыльском диалекте приметен афф. *-ys/-is/-s*, например: *odyr-ys* 'садитесь', *kir-is* 'входите'. Афф. *-ys* активно используется в белоиюсском говоре качинского диалекта, смежного с кызыльским, например: *ojna-s* 'играйте', *syγ-ys* 'выходите', *ma-s* 'нате' (Пат. 87-88).

В диалектах хакасского языка сохранились формы повелительного наклонения, имеющие общетюркский облик с афф. *-a:jyn/-e:jin, -a:jym/-e:jim; -hla/-kle; -ys/-is/-s* (Пат. 92).

Диалекты шорского языка

В говорах шорцев верховья р. Мрассу во 2-м лице мн.ч. различные нюансы повеления несут формы с афф. *-a:r/-e:r*, например: *per-e:r* 'дайте же', *kör-e:r* 'смотрите-ка' и с афф. *-gyla/-kile/-γyla/-gile*, например: *odur-γyla* 'да сядьте же' (Дыр.Шор. 169-170).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Структура положительной формы: 1-е л. ед.ч. – осн. гл. + афф. ***-ajym/ ***-ejim/***-ajyn/***-ejin/***-yjyn/***-ijin,* 3-е л. ед.ч. – осн. гл. + афф. ***-syn/***-sin/ ***-zyn/***-zin;* 1-е л. дв.ч. – осн. гл. + афф. ***-aŋ/***-a:ŋ/***-eŋ/***-e:ŋ, ***-aq/***-a:q/***-ek/ ***-e:k*; 1-е л. мн.ч. – осн. гл. + афф. ***-ajvys/***-ejvis, ***-aŋnar/***-a:ŋnar/***-eŋner/ ***-e:ŋner;* 2-е л. мн.ч. – осн. гл. + афф. ***-yŋar/***-iŋer,* 3-е л. мн.ч. – осн. гл. + афф. ***-synnar/***-sinner/***-zynnar/***-zinner.*

Структура отрицательной формы: осн. гл. + афф. ***-ba/***-be/***-pa/***-pe/ ***-va/***-ve/***-ma/***-me* + афф. лица.

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Выражает желание, согласие совершить действие вообще, неуверенное действие в будущем.

Хакасский язык

Положительная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-γaj/-gej* (после гласных и звонких согласных, кроме *γ, g, ŋ*)*/-haj/-kej* (после глухих согласных)*/-aj/-ej* (после *γ, g, ŋ*) + афф. лица *-byn/-bin; -zyŋ/-ziŋ; -bys/-bis; -zar/-zer; -lar/-ler*. Начальные *γ, g* аффикса наклонения в позиции между гласными выпадают, образуя долготу гласного.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min al-γaj-byn* 'ладно, я возьму'	*pis al-γaj-bis*
2-е л.	*sin al-γaj-zyŋ*	*sirer al-γaj-zar*
3-е л.	*ol al-γaj*	*olar al-γaj-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-ba/-be, -pa/-pe, -ma/-me* + афф. *-γaj/-gej/-haj/-kej* + афф. лица.

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min al-ba:j-byn* 'ладно, я не возьму'	*pis al-ba:j-bys*
2-е л.	*sin al-ba:j-zyŋ*	*sirer al-ba:j-zar*
3-е л.	*ol al-ba:j*	*olar al-ba:j-lar*

Элемент *ba:j < baaj < ba-γaj.*

(ГХЯ 196-198)

Шорский язык

Положительная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-γaj/-gej* (после гласных и звонких согласных)*/ -qaj/-kej* (после глухих согласных) + афф. лица *-ym/-im, -bym/-bim, -byn/ -bin, -zyŋ/-ziŋ, -yŋ/-iŋ; -bys/-bis, -zar/-zer, -lar/-ler.*

Пример: (*nan-* 'возвращаться'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men nan-γaj-ym/-bym/-byn* 'пожалуй, вернусь-ка я'	*pis nan-γaj-bys*
2-е л.	*sen nan-γaj-zyŋ/-yŋ*	*siler (sler) nan-γaj-zar*
3-е л.	*ol nan-γaj*	*(y)lar nan-γaj-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. *-γaj/-gej/-qaj/-kej* + афф. лица.

Пример: (*kül-* 'смеяться'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men kül-bej-im/-bim/-bin* 'пожалуй, не посмеюсь-ка я'	*pis kül-bej-bis*
2-е л.	*sen kül-bej-ziŋ/-iŋ*	*siler (sler) kül-bej-zer*
3-е л.	*ol kül-bej*	*(y)lar kül-bej-ler*

(Дыр.Шор. 174-175)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Положительная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-γač/-geč* (после гласных и звонких согласных)*/-qač/-keč* (после глухих согласных) + афф. лица *-ym/-im; -yŋ/-iŋ; -bys/-bis, -yŋnar/-iŋner, (-lar/-ler).* Начальные *γ, g* аффикса наклонения в интервокальной позиции выпадают, образуя долготу гласного (*sana:čym* < *sana:-γa-čym*).

Пример: (*al-* 'брать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män al-γa:čym* 'я, пожалуй, возьму'	*pis al-γačybys*
2-е л.	*sän al-γa:čyŋ*	*ilär al-γačyŋnar*
3-е л.	*ol al-γačy*	*olar al-γačy(-lar)*

Специализированной отрицательной формы желательное наклонение не имеет.

(Бир.Чул. I 73-74)

Нижнечулымский диалект

Положительная форма I

Структура: осн. гл. + афф. *-γaj/-qaj/-gäj/-aj/-äj* + афф. *-m, -n; -bys/-bis, -yŋnar/-iŋner, -lar/-ler.*

Пример: (*at-* 'стрелять'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män at-qaj-m* 'постреляю-ка я'	*pis at-qaj-bys*
2-е л.	*sän at-qaj-ŋ*	*silär at-qaj-yŋnar*
3-е л.	*ol at-qaj*	*olar at-qaj-lar*

Своей отрицательной формы не имеет, употребляется отрицательная форма от форм *-γoq/-qoq.*

(Дульз.Чул. 460-461)

Положительная форма II

Структура: осн. гл. + афф. *-γaldyr/-gelder* (после гласных и звонких согласных)*/-qaldyr/-kelder* (после глухих согласных) + афф. *-män, -syŋ/-siŋ; -bys/-bis, -syŋnar/-siŋnär, -dyr/-dir.*

Пример: (*pär-* 'давать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pär-gelder-män* 'я хочу дать'	*pis pär-gelder-bis*
2-е л.	*sän pär-gelder-siŋ*	*silär pär-gelder-siŋnär*
3-е л.	*ol pär-gelder*	*olar pär-gelder-dir*

(Дульз.Чул. 461; Бир.Чул. I 75-76)

Сарыг-югурский язык

Положительная форма

Структура: 1-е л. ед. и мн.ч. — осн. гл. + афф. *-en(e)/-in(e)/-yn(y)/-in(i) (<*-ajyn/*-ejin)*; 2-е л. ед. и мн.ч. — осн. гл.; 3-е л. ед. и мн.ч. — осн. гл. + афф. *-γa(j)/-ge(j)* (после гласных и звонких согласных)*/-qa(j)/-ke(j)* (после глухих согласных) и афф. *-γy(j)/-gi(j)* (после гласных и звонких согласных)*/-qy(j)/-ki(j)* (после глухих согласных).

Пример: (*yzyt-* 'посылать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men yzd-e:n(en) (< yzyt+en)* 'пошлю-ка я'	*mys yzd-e:n(en)*
2-е л.	*sen yzyt*	*siler yzyt*
3-е л.	*gol yzyt-kej*	*golar yzyt-kej*

Отрицательная форма

Структура: 1-е л. ед. и мн.ч. — осн.гл. + афф. *-mas/-mes, -pas/-pes*; 2-е л. ед. и мн.ч. — осн. гл. + афф. *-ma/-me/-pa/-pe*; 3-е л. ед. и мн.ч. — осн. гл. + афф. *-ma/-me/-pa/-pe* + афф. *-γa(j)/-ge(j)/-qa(j)/-ke(j)/-γy(j)/-gi(j)/-qy(j)/-ki(j).*

Пример: (*t'ap-* 'находить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men t'ap-pas* 'не найду-ка я'	*mys t'ap-pas*
2-е л.	*sen t'ap-pa*	*siler t'ap-pa*
3-е л.	*gol t'ap-pa-γyj*	*t'ap-pa-γyj*

Для двух (и более) лиц желательная форма образуется посредством афф. *-iny/-ina.* Положительная форма: *mys par-iny* 'пойдем-ка (мы с тобой)', *kel-iny* 'придем-ка (ты и я)'. Отрицательная форма (с афф. *-mina/-pina*): *mys par-mina* 'не пойдем-ка (мы с тобой)', *mys kel-mina* 'не придем-ка (ты и я)'.

Двойственная форма возникла, по-видимому, из *n*-овых форм 1-го л. ед. и мн.ч., так же как и дв. число в хакасском и шорском языках (ср. хак. и шор. *-aŋ/-eŋ* и сюг. *-iny/-ina*) (Тен.Сюг. 97-99).

Фуюйско-кыргызский язык

Формы со значением желания, повеления, увещевания (exhortative) образуются посредством афф. *-γaj/-haj, -γĭj/-qĭj* (HG 36).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Желательное наклонение в группе "кыргызских" языков представляет собою редкое смешение явно междиалектных форм, с одной стороны, и форм императивного поля – с другой.

Тем не менее, общие элементы, несущие семантическую суть различного оттенка желаний, выделимы, что дает возможность реконструкции парадигматики в целом.

Структура положительной формы: осн. гл. + афф. ***-yaj/**-gej* (после гласных и звонких согласных, кроме *γ, g, ŋ*)/***-qaj/**-kej* (после глухих согласных)/***-aj/**-ej* (после *γ, g, ŋ*) + два ряда личных формантов: 1) 1-е л. ед.ч. – ***-bym/**-bim, **-byn/**-bin;* 2-е л. ед.ч. – ***-zyŋ/**-ziŋ;* 1-е л. мн.ч. – ***-bys/**-bis;* 2-е л. мн.ч. – ***-zar/**-zer;* 3-е л. мн.ч. – ***-lar/**-ler* и 2) 1-е л. ед.ч. – ***-ym/**-im;* 2-е л. ед.ч. – ***-yŋ/**-iŋ;* 1-е л. мн.ч. – ***-bys/**-bis;* 2-е л. мн.ч. – ***-yŋnar/**-iŋner;* 3-е л. мн.ч. – ***-lar/**-ler.*

Структура отрицательной формы: осн. гл. + афф. ***-ba/**-be/**-pa/**-pe/**-ma/**-me* + афф. ***-yaj/**-gej* + два ряда личных формантов: 1) 1-е л. ед.ч. – ***-bym/**-bim, **-byn/**-bin;* 2-е л. ед.ч. – ***-zyŋ/ **-ziŋ;* 1-е л. мн.ч. – ***-bys/**-bis;* 2-е л. мн.ч. – ***-zar/**-zer;* 3-е л. мн.ч. – ***-lar/**-ler* и 2) 1-е л. ед.ч. – ***-ym/**-im;* 2-е л. ед.ч. – ***-yŋ/**-iŋ;* 1-е л. мн.ч. – ***-bys/**-bis;* 2-е л. мн.ч. – ***-yŋnar/**-iŋner;* 3-е л. мн.ч. – ***-lar/**-ler.*

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Означает условие (реальное или нереальное) для осуществления действия, а также пожелание, просьбу, уступительность.

Настоящее-будущее время

Хакасский язык

Положительная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-za/-ze/-sa/-se* + афф. лица *-m, -ŋ, -bys/-bis/-ŋar/-ŋer/-lar/-ler.*

Пример: (*pas-* 'писать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min pas-sa-m* 'если я напишу'	*pis pas-sa-bys*
2-е л.	*sin pas-sa-ŋ*	*sirer pas-sa-ŋar*
3-е л.	*ol pas-sa*	*olar pas-sa-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + *-za/-ze* + афф. лица.

Пример: (*pas-* 'писать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min pas-pa-za-m* 'если я не (на)пишу'	*pis pas-pa-za-bys*
2-е л.	*sin pas-pa-za-ŋ*	*sirer pas-pa-za-ŋar*
3-е л.	*ol pas-pa-za*	*olar pas-pa-za-lar*

(ГХЯ 192-193)

Шорский язык

Положительная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-za/-ze-/-sa/-se* + афф. лица *-m, -ŋ, -bys/-bis, -zar (-za:r)/-sar/(-sa:r), -lar/-ler.*

Пример: (*sura-* 'спрашивать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men sura-za-m* 'если я спрошу'	*pis sura-za-bys*
2-е л.	*sen sura-za-ŋ*	*siler (sler) sura-za(-za:r)/-zar*
3-е л.	*ol sura-za*	*(y)lar sura-za-lar*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-be/-pa/-pe/-ma/-me* + афф. лица.

Пример: (*čör-* 'ходить'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men čör-be-ze-m* 'если я буду ходить'	*pis čör-be-ze-bis*
2-е л.	*sen čör-be-ze-ŋ*	*siler (sler) čör-be-zar(-za:r)*
3-е л.	*ol čör-be-ze*	*(y)lar čör-be-ze-ler*

(Дыр.Шор. 176-180)

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Положительная форма

Структура: *-za/-zä-/-sa/-sä* + афф. лица *-m, -ŋ, -bys/-bis, -aŋnar/-äŋnär, -lar/-lär.*

Пример: (*pär-* 'давать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pär-zä-m* 'если я дам'	*pis pär-zä-bis*
2-е л.	*sän pär-zä-ŋ*	*silär pär-zä-ŋnär*
3-е л.	*ol pär-zä*	*olar pär-zä-lär*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-bä/-pa/-pä/-ma/-mä* + афф. лица.

Пример: (*pär-* 'давать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*män pär-bä-zä-m* 'если я не дам'	*pis pär-bä-zä-bis*
2-е л.	*sän pär-bä-zä-ŋ*	*silär pär-bä-zä-ŋnär*
3-е л.	*ol pär-bä-zä*	*olar pär-bä-za-lär*

(Бир.Чул. I 77-78)

Сарыг-югурский язык

Положительная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-'sa/-'se/-sa/-se.*

Пример: (*tyz-* 'писать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men tyz-sa* 'если я (на)пишу'	*mys tyz-sa*
2-е л.	*sen tyz-sa*	*siler tyz-sa*
3-е л.	*gol tyz-sa*	*golar tyz-sa*

Отрицательная форма

Структура: осн. гл. + афф. *-ma/-me/-pa/-pe* + афф. *-sa/-se.*

Пример: (*tyz-* 'писать'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*men tyz-ma-sa* 'если я не (на)пишу'	*mys tyz-ma-sa*
2-е л.	*sen tyz-ma-sa*	*siler tyz-ma-sa*
3-е л.	*gol tyz-ma-sa*	*golar tyz-ma-sa*

(Тен. Сюг. 100-101)

Фуюйско-кыргызский язык

(Conditional)

Положительная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-za/-zĭ,/-sa/-sĭ* + афф. лица *-m, -ŋ; -bĭs/-bis, -ŋar/-ŋer, (-lar/-ler).*

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-za-m* 'если я не пойду'	*bis bar-za-bĭs*
2-е л.	*sin bar-za-ŋ*	*sirer bar-za-ŋar*
3-е л.	*ol bar-za*	*olor bar-za(-lar)*

Отрицательная форма

Структура: осн.гл. + афф. *-ba/-bĭ/-pa/-pĭ* + афф. *-za/-zĭ/-sa/-sĭ* + афф. лица.

Пример: (*bar-* 'идти'):

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*min bar-ba-za-m* 'если я не пойду'	*bis bar-ba-za-bĭs*
2-е л.	*sin bar-ba-za-ŋ*	*sirer bar-ba-za-ŋar*
3-е л.	*ol bar-ba-za*	*olor bar-ba-za(-lar)*

(HG 36)

РЕКОНСТРУКЦИЯ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Настоящее-будущее время

Структура положительной формы: осн. гл. + афф. ***-sa/***-se/***-za/***-ze* + афф. 1-го. л. ед.ч. – ***-m,* 2-го л. ед.ч. – ***-ŋ,* 1-го л. мн.ч. – ***-bys/***-bis,* 2-го л. мн.ч. – ***-(ŋ)nar/***-(ŋ)ner* и ***-za:r,* 3-го л. мн.ч. – *(***-lar/***-ler).*

Структура отрицательной формы: осн. гл. + афф. ***-ba/***-be/***-pa/***-pe/***-ma/***-me* + афф. ***-sa/***-se/***-za/***-ze* + афф. 1-го л. ед.ч. – ***-m,* 2-го л. ед.ч. – ***-ŋ,* 1-го л. мн.ч. – ***-bys/***-bis,* 2-го л. мн.ч. – ***-(ŋ)nar/***-(ŋ)ner* и ***-za:r,* 3-го. л. мн.ч. – *(***-lar/***-ler).*

ПРИЧАСТИЕ

Хакасский язык

1. Причастия настоящего времени: а) с афф. *-čathan/-četken,* присоединяемым к форме деепричастия на *-(y)p: tajna-p-čathan* 'жующий', *sine-p-četken* 'измеряющий'. Отрицательная форма – с отрицательной формой деепричастия *-bin: kör-bin-četken* 'не смотрящий'; б) с афф. *-iγan/-igen: par-iγan kisi* 'идущий человек', *kil-igen a:lčylar* 'идущие (сюда) гости'; в) с афф. *-dyrγan/-dirgen: toŋ-a-dyrγan köl* 'замерзающее (обычно) озеро', *kiz-e- dirgen ton* 'шуба, которую

(обычно) носят' (ГХЯ 231-233).

2. Причастие настояще-будущего времени. Форма образуется посредством афф. *-čaŋ/-čeŋ/-ǯaŋ/-ǯeŋ: tynan-ǯaŋ tura* 'дом, где отдыхают'. Отрицательная форма: *sadyl-ba-ǯaŋ tovarlar* 'непродающиеся товары' (ГХЯ 233).

3. Причастия будущего времени: а) с афф. *-ar/-er/-r: taz-ar suγ* 'река, которая будет разливаться', *in-er palyh* 'рыба, которая будет спускаться вниз', *tölir (< töle-j-er) ahča* 'деньги, которые будут платиться'; б) с афф. *-γadaγ/-gedeg/-hadaγ/-kedeg/-adaγ/-edeg* (с предположительным оттенком): *yrla:daγ (< yrla-γadaγ) hyzyǯaŋ* 'девочка, которая, похоже, будет петь', *čaγadaγ naŋmyr* 'дождь, который, кажется, пойдет' (ГХЯ 236-237).

4. Причастия прошедшего времени: а) с афф. *-γan/-gen/-han/-ken/-an/-en: hajna:n (< hajna-γan) suγ* 'кипевшая вода', *čüγür-gen at* 'бежавшая лошадь'. Отрицательная форма: *hyryn-ba:n kisi* 'не бривший человек'; б) с афф. *-γalah/-gelek/-halah/-kelek/-alah/-elek: toŋ-alah suγ* 'еще не замерзшая речка', *tik-kelek kögenek* 'еще не сшитое платье' (ГХЯ 233-235).

Шорский язык

1. Причастие настоящего времени

Образуется с помощью афф. *-čatqan/-četken/-čytqan/-čitken: par-čathan čol* 'путь, по которому проезжают', *uzup-čythan čer* 'место, где спят', *aq-čytqan sug* 'текущая вода'. Отрицательная форма: *tut-pa:n-čatqan* 'не держащий', *kel-ben-četken* 'не приходящий' (Дыр.Шор. 136-137).

2. Причастие настояще-будущего времени. Образуется с помощью афф. *-čaŋ/-čeŋ: kel-čeŋ kiži* 'человек, который придет; который должен прийти; который обычно приходит', *naŋčaŋ čol* 'дорога, по которой должны вернуться; по которой вернутся; по которой обычно возвращаются' (Дыр.Шор. 131).

3. Причастия будущего времени

а) С афф. *-r/-ar/-er/-yr/-ir/-ur/-ür: ajd-ar kiži* 'человек, который будет говорить', *aŋ-ar aŋčy* 'охотник, который идет охотиться', *kel-er a:lčy* 'гость, который придет'. Отрицательная форма: *undudul-bas kün* 'незабываемый день', *pildir-bes čolčaγaš* 'незаметная тропинка'; б) с афф. *-qadyγ/-kedig/-γadyγ/-gedig* (в диалектах: *-qydyγ/-kidig/-γydyγ/-gidig*). Есть оттенок предположительности: *polγadyγ kerek* 'возможное дело', *pil-gedig kiži* 'знающий (возможно) человек', *köp ište-p al-γadaγ ebes* 'много, пожалуй, не заработаешь' (Дыр.Шор. 129-130, 135).

4. Причастия прошедшего времени

а) С афф. *-γan/-gen/-qan/-ken: ert-ken tem* 'прошедшее время', *qaq-qan qaraquš* 'клевавший беркут'. Отрицательная форма: *pil-be:n čol* 'неведомый путь', *qoruq-pa:n* 'не испугавшийся'; б) с афф. *-qalaq/-kelek/-γalaq/-gelek: taŋčary-γalaq polγan* 'заря еще не занялась', *kün örlen-gelek* 'солнце еще не высоко (не поднялось)', *töle-gelek (= tölele:k/tölelek)* 'еще не плативший', (Дыр.Шор. 127, 128, 135, 136).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

1. Причастие настояще-будущего времени. Образуется с помощью афф.

-(a)tqan/-(e)tqen: kez-etqen agac 'дерево, подходящее для рубки', *cav-atqan özö* 'вещь для косьбы (например, коса)', *süz-etken quš* 'плавающая птица' (Бир.Чул. I 89; Дульз.Чул. 456).

2. Причастия будущего времени:

а) С афф. *-ar/-är/-r/-aj* (после основ на *-r*)*/-i* (после основ на гласный): *käl-äj kiži* 'человек, который придет', *čaqši kör-är kiži* 'хорошо видящий человек'; б) с афф. *-lyq/-lik/-ryq/-rik/-tyq/-tik*: *käl-lik kiži* 'человек, который придет обязательно', *kir-rik kiži* 'человек, который (непременно) зайдет', *čänš-tik inäk* 'бодливая корова' (Бир.Чул. I 85, 86, 89).

3. Причастия прошедшего времени: с афф. *-γan/-qan/-gän/-kän: köj-gän äp* 'сгоревший дом', *čomaq ys-han kiži* 'человек, рассказывающий сказки' (Бир.Чул. I 83-85).

Сарыг-югурский язык

1. Причастия настоящего времени: а) с афф. *-γaqˁ/-qaqˁ/-gekˁ/-kekˁ: küʾzürgek jertyne* 'передвигающее сокровище', *qatyr-γaqˁ jertyne* 'рассекающее сокровище'; б) с афф. *-oγan/-uγan: sat-oγan kegde* 'продающаяся бумага', *aq-uγan su* 'текущая вода'; в) с афф. *-γuzu/-qˁuzu: uza-γuzu* 'удлиняющий', *tozma-γuzï* 'не наедающийся' (Тен. Сюг. 110).

2. Причастие будущего времени: с афф. *-ar/-er/-r: maŋ-ar zaγ* 'пора, когда уходят', *sap jonaž jer* 'место, где нарезают кнутовища'. Отрицательная форма: *harva:mas teʾkemes pyq* 'необоримая и нескончаемая сила'.

3. Причастие прошедшего времени: образуется с помощью афф. *-γan/-γen/-qan/-ken: olyr-γan jer* 'место, где поселились'. Отрицательная форма: *kˁul-megen kˁysï* 'не смеявшийся человек' (Тен. Сюг. 111).

Диалектный материал

Диалекты шорского языка

В некоторых говорах гласный вспомогательного глагола *čat-* лабиализуется: *tura-čutqan* 'держащий', *kör-čütken* 'видящий'. В говорах шорцев верховья р. Мрассу происходит стяжение форм до *-čaγan/-čγγan*: *par-čaγan* 'идущий', *tur-čaγan* 'стоящий'. В говорах шорцев р. Кондомы и Томи, ниже впадения в р. Мрассу, широкий *a* в глаголе *čat-* сужается до *y: par-čγγan* 'идущий' и *tur-čγγan* 'стоящий'.

В говорах шорцев р. Кондомы возникают и такие аллегроформы: *par-čyn|pa:r-čyn* 'идущий', *kel-čin|ke:l-čin* 'приходящий' (Дыр.Шор. 136-137).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИЧАСТИЙ

Могут быть реконструированы следующие формы причастий:

1) причастие настоящего времени на ***-čatqan/**-četken*;

2) причастие настояще-будущего времени на ***-čaŋ/**-čeŋ/**-žaŋ/**-žeŋ*;

3) причастия будущего времени на: а) ***-ar/**-er/**-yr/**-ir/**-ur/**-ür/**-r*; б) ***-γadaγ/**-gedig/**-qadaγ/**-kedig;*

4) причастия прошедшего времени на: а) ***-γan/**-gen/**-qan/**-ken;* б) ***-γalaq/**-gelek/**-qalaq/**-kelek.*

Хронологически причастные формы пракыргызского распределяются по трем временны́м уровням:

1. Пратюркский – ***-ar/**-er.*

2. Региональный – а) ***-γan/**-gen*, б) ***-γalaq/**-gelek.*

3. Групповой – а) ***-čatqan/**-četken*, б) ***-čaŋ/**-čeŋ*, в) ***-γadaγ/**-gedig* (ср. СИГТЯ 1988, 444-471).

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Хакасский язык

1. Деепричастие на *-p*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yp/-ip* (после согласных)*/ -p* (после гласных).

Примеры: *tur-yp* 'стоя', *čid-ip (< čit-ip)* 'дойдя', *aŋna-p* 'охотясь'.

Если в конце основ встречаются согласные *-p, -γ, -g, -ŋ*, в форме деепричастия они выпадают, образуя долгий гласный.

Примеры: *ha:p (< hap-yp)* 'поднимая', *čy:p (< čyγ-yp)* 'собирая', *si:p (< sig-ip)* 'чертя', *to:p (toŋ-yp)* 'замерзая' (ГХЯ 238).

2. Деепричастие на *-a*.

Состав: осн. гл. + афф. *-a/-e*.

Примеры: *čad-a (< čat-a)* 'лежа', *odyr-a* 'сидя', *kör-e* 'видя', *sani (< sana-+j+y)* 'считая', *tözi (< töze-+j+i)* 'расстилая' (ГХЯ 230).

3. Отрицательное деепричастие на *-bin*.

Состав: осн. гл. + афф. *-bin* (после гласных и звонких согласных)*/ -pin* (после глухих согласных)*/ -min* (после *m, n, ŋ*).

Этимология: *-min* < **-ma + -jyn* (*-ma* – афф. отрицания и *-jyn* – афф. старого деепричастия).

Примеры: *uzu-bin(-dyr)* 'не спя', *at-pin(-dyr)* 'не стреляя', *kör-bin(-dir)* 'не видя', *turbin čo:htapča* 'говорить, не вставая' (ГХЯ 211, 218, 241).

4. Деепричастие на *-γanža*.

Состав: осн. гл. + афф. *-γanža/-genže* (после гласных и звонких согласных)*/ -hanža/-kenže* (после глухих согласных)*/-anža/-enže* (после согласных *-γ, -g, -ŋ*).

Примеры: *tur-γanža* 'пока не встану; до вставания', *uza:nža (< uzu-γanža)* 'до сна', *toŋ-anža* 'до замерзания'.

Отрицательная форма: *to:s-pa:nža (<to:s-pa-γanža)* 'до окончания' (ГХЯ 242).

5. Деепричастие на *-γali*.

Состав: осн. гл. + афф. *-γali/-geli* (после гласных и звонких согласных)*/ -hali/-keli* (после глухих согласных)*/-ali/-eli* (после согласных *-γ, -g, -ŋ*).

Примеры: *pozyŋ pol-γali da:* 'достигнув такого возраста', *hon-γali* 'живя с тех пор' (ГХЯ 242-243).

6. Деепричастие на *-abas*.

Состав: осн. гл. + афф. *-abas/-ebes*.

Этимология: *-abas* < *-ap-ayas* < *-ap-alyas* (Малов 1926, 299-301).

Примеры: *sal-abas* 'кладя', *kil-ebes* 'приходя', *söl-i-bes (< söle-j-ebes)* 'говоря'.

В литературном хакасском языке форма малоупотребительна.

Шорский язык

1. Деепричастие на *-p*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yp/-ip/-up/-üp* (после согласных)/ *-p* (после гласных).

Примеры: *par-yp* 'пойдя', *kel-ip* 'дойдя', *tur-up* 'стоя', *kör-üp* 'видя', *čör-üp* 'идя' (Дыр.Шор. 155).

2. Деепричастие на *-a*.

Состав: осн. гл. + афф. *-a/-e*.

Примеры: *par-a* 'идя', *kel-e* 'приходя', *čügür-e* 'бегая' (Дыр.Шор. 158-159).

3. Деепричастие на *-yanča*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yanča/-genče* (после гласных и звонких согласных)/*-qanče/-kenče* (после глухих согласных).

Примеры: *men par kel-genče* 'до тех пор, как я съезжу', *me:ŋ küzim al-yanča* 'пока у меня хватает силы', *qanattary ty-yanča* 'пока не окрепнут крылья' (Дыр.Шор. 161-162).

4. Деепричастие на *-čadyp (< čat-yp)*.

Состав: осн. гл. + афф. *-čadyp*.

Примеры: *nan-čadyp* 'возвращаясь', *per-čadyp* 'давая', *čör-čadyp* 'ходя' (Дыр.Шор. 158).

5. Деепричастие на *-ala*.

Состав: осн. гл. + афф. *-ala/-ele*.

Примеры: *ajd-ala (< ajt-ala)* 'как только сказал', *anaŋ šyy-ala (< šyq-ala)* 'потом выйдя', *kör-ele* 'лишь только увидя' (Дыр.Шор. 161).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

1. Деепричастие на *-p*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yp/-ip/-up/-üp* (после согласных)/ *-p* (после гласных).

Примеры: *par-yp* 'идя', *tut-up* 'поймав', *kör-üp* 'увидев', *ojna-p* 'поиграв'.

Если в конце основ встречается *-l*, он выпадает, образуя долгий гласный: *a:p (< al-yp)* 'взяв', *ke:p (< kel-ip)* 'придя' (Бир.Чул. I 90).

2. Деепричастие на *-a*.

Состав: осн. гл. + афф. *-a/-e* (после согласных)/ *-i* (после гласных).

Примеры: *al-a* 'беря', *par-a* 'идя', *ojn-i (< ojna-j-a)* 'играя' (Бир.Чул. I 91).

3. Деепричастие на *-yač*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yač* (после гласных и звонких согласных)/*-qač* (после глухих согласных).

Примеры: *al-yač alyyl* 'если брать, то берите' (Бир.Чул. I 91-92).

Сарыг-югурский язык

1. Деепричастие на *-p*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yp/-ip* (после согласных)/ *-p* (после гласных).

Примеры: *semen q'ol-yp kel* 'приходи, прося пищу', *hatty mynyp par* 'сев на коня, поезжай' (Тен.Сюг. 112).

2. Деепричастие на *-o*.

Состав: осн. гл. + афф. *-o/-u*.

Примеры: *χat pero* 'давши коней', *menyŋke kelo* 'приехав ко мне', *jamo-jamo* 'латая (долго)' (Тен.Сюг. 112).

3. Деепричастие на *-a*.

Состав: осн. гл. + афф. *-a/-e, -y(j)/-i(j)*.

Примеры: *maŋa-maŋa* 'идя (длительно)', *gele-gele* 'приходя (длительно)', *tyŋni-tyŋni* 'слушая (долго)' (Тен.Сюг. 111).

4. Деепричастие на *-yaš*.

Состав: осн. гл. + афф. *-ya(š)/-ge(š)* (после озвонченных согласных)/ *-qa(š)/-ke(š)/-ky(š)* (после глухих согласных).

Примеры: *k'ükyškyn par-yaš* 'голубь, как только прилетел', *myzty tela-yaš* 'взяв нас (с собой)' (Тен.Сюг. 112).

5. Деепричастие на *-yala*.

Состав: осн. гл. + афф. *-yyla/-yele/-gyle/-gele* (после звонких согласных)/ *-qyla/-kyle* (после глухих согласных).

Примеры: *kelyn al-yyla k'elti* 'пришел, чтобы взять невесту', *jigyle kelgo* 'приду, чтобы съесть' (Тен.Сюг. 112).

Фуюйско-кыргызский язык

1. Деепричастие на *-p*.

Состав: осн. гл. + афф. *-ĭp/-ip* (после согласных)/ *-p* (после гласных).

Примеры: *sat-ĭp alim* 'купив, возьму(I buy)', *gĭl-ĭp jidim* 'придя, поел (I ate after coming)' (HG 33-34).

2. Деепричастие на *-ĭ*.

Состав: осн. гл. + афф. *-ĭ/-i*.

Примеры: *barĭ bas gĭlim* 'I'll come after going', 'I'll go and come', *gĭl-i bĭs gürim* 'I'll see upon arriving' (HG 34).

Диалектный материал

Диалекты хакасского языка

В качинском диалекте – два вида деепричастий: 1) деепричастие с афф. *-yas/-ges/a:s/-e:s*, например: *tynan-ya:s* 'отдохнув', *čör-e:s* 'находясь на ногах', 'находясь в движении'; 2) деепричастие с афф. *-aba:s/-ebe:s*, например: *par-aba:s* 'придя', *kör-ebe:s* 'посмотрев' (ДХЯ Пат. I, 22).

В сагайском диалекте встречается деепричастие с афф. *-has/-ges/-kes/-as/-es*, например: *tynan-yas* 'отдохнув', *a:ll-a:s* 'находясь в гостях' (ДХЯ Пат. II, 43). Отрицательная форма имеет афф. *-ba:n/-be:n*, например: *uzu-ba:n-dyr* 'он не спал', *kör-be:n-dir* 'он не видел' (ГХЯ 219).

Диалекты шорского языка

В говорах шорцев рек Кондомы и Томи есть афф. *-yančy/-genči/-qančy/*

-kenči. Примеры: *pat-qančy* 'пока не утонет', *ert-kenči* 'пока не пройдет' (Дыр. Шор. 164).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕЕПРИЧАСТИЙ

К пракыргызскому языку могут быть возведены следующие формы деепричастий:

1) деепричастие на ***-p*,
2) деепричастие на ***-a*,
3) деепричастие на ***-yanča*,
4) деепричастие на ***-yač*,
5) деепричастие на ***-yali*.

Наиболее древними отложениями пратюркского уровня среди деепричастных форм пракыргызского являются деепричастия на ***-p* и ***-a*. Остальные реконструированные формы (*-yanča*, *-yač*, *-yali*) носят региональный и групповой (местный) характер (ср. СИГТЯ Морфология 471-483).

ПОСЛЕЛОГИ

ПОСЛЕЛОГИ-ИМЕНА

Имена существительные, в состоянии изафетной связи с предшествующими именами, будучи оформлены показателями дательного, местного, исходного, направительного и орудного падежей, уточняют положение в пространстве и во времени предмета или лица. В круг этих имен входят слова с пространственной семантикой.

Хакасский язык

1. *Aln* 'перед'.
2. *Išt* 'внутренность, внутренняя часть'.
3. *Kest* 'задняя сторона'.
4. *Oryn* 'место'.
5. *Ort* 'середина'.
6. *Paš* 'голова; начало'.
7. *So:* 'конец'.
8. *Tast* 'наружная, внешняя сторона'.
9. *Tös* 'основание'.
10. *Üst* 'верх, верхняя часть'.
11. *Hyr* 'край, грань' (ГХЯ 263-267).

Шорский язык

1. *Al* 'перед, передняя часть'.
2. *Paš* 'голова'.
3. *So:* 'задняя часть, конец'.
4. *Kest* 'задняя сторона'.
5. *Arya* 'спина'.
6. *Üst* 'верх, верхняя часть'.

7. *Čan* 'бок'.
8. *Tös* 'основание'.
9. *Alt* 'низ, нижняя часть'.
10. *Orta* 'середина'.
11. *Išt* 'внутренняя часть, нутро'.
12. *Qaš* 'берег; край'.
13. *Qyryj* 'край; обочина'.
14. *Tast* 'снаружи, внешняя сторона'.
15. *Tüp* 'дно'.
16. *Payry* 'печень'.
17. *Qoj* 'пазуха'.
18. *Syltay* 'причина'.
19. *Šyltay* 'причина' (Шенцова 53-54; Дыр.Шор. 239).

Чулымско-тюркский язык
Среднечулымский диалект

1. *Ara* 'промежуток'.
2. *Al* 'перед, передняя часть'.
3. *Alt* 'низ, под'.
4. *Täk* 'на'.
5. *Paš* 'голова'.
6. *Čan(y)* 'сторона'.
7. *Is* 'внутренность, нутро, живот' (Бир.Чул. I 104-106).

Сарыг-югурский язык

1. *Altyry* 'низ, нижняя часть'.
2. *Art* 'задняя часть'.
3. *Paš/vaš* 'голова'.
4. *Q'a't* 'слой'.
5. *Jan* 'сторона'.
6. *Jentyk* 'бок'.
7. *Šy/hiž* 'внутренняя часть, нутро'.
8. *Ez* 'верх, верхняя часть'.
9. *Ul'ttyry* 'низ, нижняя часть'.
10. *Typ* 'дно'.
11. *Tas* 'снаружи, внешняя сторона' (Тен.Сюг. 117-119).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЛЕЛОГОВ-ИМЕН

На уровне пракыргызского реконструируются следующие слова:

1) ***aln* (< **aly:n*) 'передняя часть, перед, лоб',
2) ***arya* (< **arka*) 'спина',
3) ***alt* (< **alt*) 'нижняя часть, низ',
4) ***paš* (< **balč*) 'голова',
5) ***išt* (< **ič*) 'внутренняя часть, нутро',

6) ****kest** ‘задняя сторона’,
7) ****orta (< *orta)** ‘середина’,
8) ****so: (< *soŋ)** ‘конец’,
9) ****tas** ‘снаружи, внешняя сторона’,
10) ****tös** ‘основание’,
11) ****üst (< *üst)** ‘верхняя часть, верх’,
12) ****čan (< *jan)** ‘сторона, бок’,
13) ****qyryj** ‘край, обочина’,
14) ****tüp** ‘дно’.

Группа послелогов-имен обозначает части тела человека (****aln, **arya, **paš, **išt**), остальные обозначают различные части пространства.

ПОСЛЕЛОГИ-ЧАСТИЦЫ

Частицы именного и глагольного происхождения, управляющие одним из пространственных падежей, теряя свою семантику, выражают пространственные, временны́е, причинно-следственные отношения в составе предложения.

Хакасский язык

Послелоги-частицы с неопределенным и винительным падежами:
1. *Azyra* ‘через, более’.
2. *Arali* ‘среди’.
3. *Arti:naŋ* ‘более’.
4. *Ibire* ‘вокруг’.
5. *Indire* ‘под, вдоль по’.
6. *Kịzire/kičire* ‘через’.
7. *Oshas* ‘как; похожий, подобный’.
8. *Ötire* ‘сквозь, насквозь’.
9. *Pastyra* ‘через, по’.
10. *Saj* ‘каждый, еже-’.
11. *Sylta:nda* ‘благодаря, по причине’.
12. *Töbin* ‘вниз’.
13. *Tobyra* ‘сквозь, через’.
14. *Üčün* ‘из-за, за то, ради’.
15. *Ho:styra* ‘согласно, по’.
16. *Čilị* ‘как, подобно’.
17. *Čoγar* ‘вверх’ (ГХЯ 254–258).

Послелоги с дательным и направительным падежами:
1. *Aldyra* ‘в сторону’.
2. *Kire* ‘внутрь, в’.
3. *Köre* ‘из-за, благодаря’.
4. *Sirị* ‘вплоть до’.
5. *Te:re* ‘до’.
6. *Toγyr* ‘против, поперек’.

7. *Tö:j* ‘похожий, словно’.
8. *Tüzire* ‘навстречу’.
9. *Udur* ‘против’.
10. *Hoza* ‘наряду, вместе’.
11. *Hyza* ‘около’.
12. *Čaγyn* ‘около’.
13. *Čịtire* ‘до’ (ГХЯ 258–261).

Послелоги с исходным падежом:
1. *Pasha* ‘кроме’.
2. *Pe:r* ‘с, со’.
3. *Syγara* ‘из, с’.
4. *Tastyh* ‘в стороне, вдали’ (ГХЯ 261–262).

Послелоги с орудным падежом:
1. *Hada* ‘вместе с’.
2. *Hosti* ‘рядом’ (ГХЯ 262).

Шорский язык

Послелоги с неопределенным, родительным и винительным падежами:
1. *Ala* ‘с тех пор как’.
2. *Ažyra* ‘через, сквозь; более’.
3. *Sa:ra (sa:ry/sar/sa/, se:r/ser/ze:r/zer, sartyn)* ‘к, по направлению’.
4. *Közübe* ‘вместе, включая’.
5. *Pyla* ‘вместе с’ (Дыр.Шор. 232–239, Шенцова 55–57).

Послелоги с дательным падежом:
1. *Čettire* ‘до (о времени)’.
2. *Čettire* ‘до (о пространстве)’.
3. *Šyγara* ‘в течение, до’.
4. *Kire* ‘в, внутрь’.
5. *Tebe* ‘к, по направлению к’.
6. *Na:ra* ‘к, вплотную’.
7. *Tö:nče* ‘до’ (Шенцова 55).

Послелоги с исходным падежом:
1. *Pe:re/pertin* ‘с’.
2. *A:ra* ‘о, из-за, ради’.
3. *Üčün* ‘из-за, ради’.
4. *Artyn* ‘в результате, вследствие’.
5. *Köre* ‘по, смотря по’ (Шенцова 56).

Чулымско-тюркский язык

Среднечулымский диалект

Послелоги с неопределенным и родительным падежами:
1. *Ažyra* ‘через, сквозь’.
2. *Kedžer* ‘через’.

3. *Saj* 'каждый, еже-'.
4. *Kökten* 'похожий'.
5. *Syndyy* 'похожий, подобный'.
6. *Üčün (üšün, üžün)* 'из-за, ради' (Бир.Чул. I 101-104).

Послелоги с дательным падежом:
1. *Čiläp* 'как'.
2. *Udur* 'навстречу' (Бир.Чул. I 102-103).

Послелоги с орудным падежом:
1. *Qoža* 'рядом'.
2. *Äjländerä* 'вокруг' (Бир.Чул. I 102).

Сарыг-югурский язык

Послелоги с неопределенным падежом:
1. *Pylen/pulen* 'с, вместе с'.
2. *Požin/pužin/ožin/užin* 'с, мимо'.
3. *Užinpyli* 'вместе с'.
4. *Se:n/senla/sein* 'каждый, еже-'.
5. *Puryn* 'до (о времени)' (Тен.Сюг. 119-120).

Послелоги с исходным падежом:
1. *Soŋ* 'потом, после'.
2. *Beri/ber* 'в течение (о времени)' (Тен. 120).

Фуюйско-кыргызский язык

Послелоги с неопределенным падежом:
1. *Bul* 'вместе, с'.
2. *Ošlïh* 'как, подобно'.
3. *Üšïn* 'для, из-за, ради' (HG 32).

Диалектный материал

Диалекты хакасского языка

В шорском диалекте послелог *bile* имеет варианты *pile/pla/ple/mla/mle* (ДХЯ Меж. 61).

Диалекты шорского языка

В говорах шорцев верховья р. Мрассу есть послелог *sa:ry/se:ri* : *kiži ze:ri (ze:r)* 'к человеку', *pis se:ri (ser)* 'по направлению к нам' (Дыр.Шор. 233).

В говорах шорцев р. Кондомы – послелог *pyla* и *la/le*, а в говоре шорцев верховья р. Мрассу – *pa/pe/ba/be/ma/me* (Шенцова 57).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЛЕЛОГОВ-ЧАСТИЦ

Послелоги-частицы с неопределенным, родительным и винительным падежами:

1) ***ašyra* 'через, сквозь; более',
2) ***sajyn* 'каждый, еже-',
3) ***üčün* 'из-за, ради',
4) ***bilen* 'вместе, с'.

Послелоги с дательным и направительным падежами:

1) ***čettire* 'до',
2) ***kire* 'внутрь, в',
3) ***köre* 'из-за, благодаря',
4) ***udur* 'против, навстречу'.

Послелог с исходным падежом:
***beri* 'в течение (о времени)'.

Из значительного числа послелогов-частиц в языках "кыргызской" группы реконструируется в пракыргызское состояние едва ли девятая часть.

Восстановленные послелоги-частицы в одной из групп тюркских языков имеют различные хронологический уровень и соотнесенность с пратюркским языком. Недостаточная проработанность этих вопросов делает преждевременными какие-либо конкретные заключения о хронологических рамках "пракыргызских" послелогов-частиц и их региональное распределение.

ТОБАСКАЯ ГРУППА

Основанием для реконструкции языка-основы так называемой группы тобаских идиом (языков и /или диалектов) послужил их общий классификационный фонетический признак инлаутного дентального *-d-*, по которому они четко дифференцируются от всех соседних языков, представляющих собой иные группы близкородственных идиом: *z*-языки (хакасский, шорский, чулымский), *t*-языки (якутский и долганский), *j*-языки (диалекты алтайского языка). В состав тобаской группы входят следующие современные языки и диалекты: 1) язык *тыва*, или тывинский, или тувинский (в прошлом – урянхайский), с его диалектами, включая сюда заметно отличающийся от основного диалектного массива *тоджинский* (Республика Тыва, Россия); 2) язык *тофа*, или тофский (тофаларский, в прошлом – карагасский), с его говорами; тофы живут на северных склонах восточных Саян (Иркутская обл., Россия); 3) язык *туха*, или *уйгуро-урянхайский,* или язык *цатанов* (наименование тувинцев монголами), живущих в северо-западной Монголии – сомон Цагаан-нур Хубсугульского аймака (на границе с юго-восточной частью Тувы; цатаны – оленеводы, выходцы из тувинской Тоджи); 4) язык *ту'ва*, живущих в крайне западном углу Монголии, на стыке границ Монголии, России и Китая, – сомон Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака – и небольшая группа переселенцев из сомона Цэнгэл в Селенгинском аймаке; 5) язык *дъва*, или *мончаков* (наименование тувинцев казахами) в северо-западном Китае (Или-Казахский автономный округ Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района); к мончакским говорам относится также ховдинский, или буянтский, говор выходцев из китайской части Алтая, живущих в Монголии, в сомоне Буянт Ховдинского аймака, а также в городе Ховд и его предместьях. Носители перечисленных идиом имеют общее самоназвание (в фонетических вариантах) *to'pa ~ to'fa ~ to'ba ~ to'va ~ tu'va ~ ty'va ~ dy'va ~ du'wa,* почему и возможно принять для них общее название "топаские", или "тобаские", диалекты, а для их языка-основы – термины "общетобаский" и "пратобаский".

Вопросы происхождения тувинского языка и родственных тобаских диалектов нельзя считать окончательно решенными, однако некоторые отправные положения здесь более или менее ясны. По-видимому, остается в силе основной постулат В.В.Радлова о возникновении тувинской речи в результате тюркизации какого-то палеосибирского населения (кетов, самодийцев и т.п.). Так же думали и писали Н.А.Баскаков (1969, 317), В.М.Наделяев, В.И.Рассадин (1971, 147) и другие тюркологи – лингвисты и историки. Дальнейшее углубление этой теории состоит в построении конкретной лин-

гвоисторической схемы-гипотезы, в основание которой должны лечь ответы на вопросы: "где и когда" могла произойти указанная тюркизация, а также "на какой языковой субстрат легла тюркская речь"? При всей, казалось бы, очевидности понятия "тюркская речь", и оно не может остаться непроясненным: какого лингвогенетического типа тюркский диалект послужил основным источником в период тюркизации тоба, учитывая, что и в последующее время могло происходить контактирование и взаимодействие тобаских диалектов с диалектами какого-либо иного типа. Реконструкция тобаского языка-основы призвана не только ответить на последний, чисто лингвистический, вопрос о тюркском диалекте – источнике пратобаского (среди прочих задач реконструкции), но в известной мере осветить и остальные названные историко-генетические проблемы.

Тобаский язык-основа чисто теоретически не является региональным праязыком в обычном смысле, образующимся в результате естественного ветвления общесемейного древа на каком-то последующем после распада праязыка этапе (ветвления второго-третьего порядков). Общетобаский, как и другие языки ассимилятивно-контактного происхождения, представляет собой своеобразный "привой" одной из тюркских диалектных ветвей к иноязычному субстрату. Точка скрещения является началом общетобаского, но, забегая вперед, скажем: она заведомо позже точки отхождения "ветви-подвоя" от общетюркского ствола. Поэтому в иерархии послепраязыковых реконструкций пратобаский выступает как региональный язык второго порядка. Благодаря этому при его построении результаты внутреннего сравнения тобаских диалектов возможно и необходимо дополнить внешним сравнением сразу по нескольким направлениям: а) сравнением с региональным праязыком первого (или, осторожнее, более высокого) порядка – языком-основой для всей данной ветви, включая скрещенные "языки-привои"; б) сравнением с промежуточными состояниями от регионального праязыка до точки начала тобаского и за ней, отраженными в письменных памятниках; в) сравнением со всеми ответвлениями ветви-"подвоя", как предшествовавшими пратобаскому, так и последовавшими за ним.

Упомянутый выше критерий инлаутного *d* недвусмысленно указывает на древние уйгуро-карлуко-чигиле-аргуские диалекты как язык-перципиент, или суперстрат. Не противоречит этому то, что современные диалекты уйгурского и опорные фергано-ташкентские диалекты узбекского – все *j*-язычны: наличие у них *d*-признака в прошлом не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют древнеуйгурские рунические памятники VIII в. с территории Северной Монголии и древнеуйгурские памятники уйгурского, манихейского и брахми письма IX–X вв. с территории Восточного Туркестана. Можно было бы думать, что уйгуры и карлуки-чигили применяли здесь "не свое", не генуинное для них литературно-наддиалектное койне (как это возможно предполагать в отношении орхонских тюрок или древних кыркызов на Енисее), если бы не свидетельство Махмуда Кашгарского, который особо подчеркнул живые диалектные различия тюркских языков XI в., в том числе

альтернацию *-j- ~ -z- ~ -δ-*, указав для наречий чигилей и уйгуров дентальный межзубный *δ*. Вне зависимости от того, как современные карлукско-уйгурские идиомы пришли к *j*-признаку – путем замены старых *d*-форм новыми *j*-формами под влиянием новых престижных литературных языков (этот путь кажется более предпочтительным) или это было собственное развитие *-δ- > -j-*, — вне зависимости от этого, а также несмотря на контакты с иноструктурными тюркскими диалектами, современные уйгурский и узбекский языки являются прямыми продолжателями данной генетической линии. Поэтому как древнеуйгурские памятники разной поры, так и данные современных уйгурского и узбекского языков и их средневековых памятников могут служить материалом для внешнего сравнения реконструкций пратобаского.

Впрочем, не все потомки названной уйгуро-карлуко-чигиле-аргуской группы древних близкородственных диалектов полностью заместили *d*-формы *j*-формами. Помимо тувинского (и якутского — см. несколько ниже) современный халаджский язык, который до сих пор многие считают особым огузским диалектом (ср. Щербак 1997, 471), обладает представительной серией *d*-форм. Поэтому на самом деле халаджский должен быть отнесен к представителям не огузской, а уйгурской ветви, хотя и с существенным наложением огузского адстрата.

Другим фоном внешнего сравнения может служить якутский и долганский языки со своими диалектами и говорами. В данных идиомах представлен *-t-*, но его невозможно рассматривать иначе, как результат оглушения исконного **-d-*. С другой стороны, якутские идиомы, так же как и тобаские, — результат тюркизации, причем, как указывает инлаутный **d*, из того же, в принципе, источника. Для якутского в этом случае оказывается определимым не только источник, но и место заимствования. Археологически якуты выводятся из курумчинской археологической культуры Западного Прибайкалья (VI–X вв.). Именно в этом регионе древнетюркские орхонские надписи VIII в. называют соседями II Восточнотюркского каганата племенное объединение Трех курыкан. Отождествление протоякутов с курыканами практически общепринято. Непосредственными соседями курыкан-протоякутов с юга были уйгурские племена (племенное объединение Девяти огузов), располагавшиеся в VI–VIII вв., возможно и ранее, в северной Монголии на реках Селенга, Тола. Именно они, скорее всего, и послужили источником тюркской речи для протоякутов.

Общая якутско-тобаская изоглосса "переход корневого *а* в некоторой части слов в *у*" (см. ниже), общие специфические черты в морфонологии, как и основная их общая изоглосса **-d-*, говорят о том, что и прототоба следует искать где-то рядом, в северо-западной Монголии – юго-западном Прибайкалье. Уйгуро-тюркская основа языка в якутском претерпела больше изменений, сравнительно с тувино-тофаларским. Возможно, отчасти это связано и с тем, что протоякутский образовался несколько ранее пратобаского. В силу сказанного якуто-долганские данные в проекции на их праязыковое

состояние помогают в принятии реконструктивных решений в отношении пратобаского.

Якутский с халаджским сближает целый ряд признаков, и главный среди них – сохранение первичных долгих, в том числе представление их в виде дифтонгов (*ât* 'имя', *huot ~ hôt* 'огонь' и т.п.). Наличие анлаутного **h* дало Г.Дёрферу основание видеть в халаджском более древнее состояние, чем в древнетюркском; из этого он сделал вывод, что халаджский отделился от пратюркского раньше других языков (но позже, чем чувашско-булгарский) и представляет собой самостоятельную ветвь, отдельную от якутского, хакасского, уйгурского, кыпчакского и огузского. Однако, если вспомнить, что якутский менял общетюркский **s* на *h* и сохранял неначальный *h* (иногда он опознается по озвонченности: *-h- > -ɣ-*), но начальный *h-* полностью терял (**s- > *h- > Ø*), тогда, учитывая другие общие якуто-халаджские черты, можно считать эти языки однопорядковыми ветвлениями единой уйгуро-аргуской ветви.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

Система вокализма "группы тобаских языков" строится на противопоставлении трех, а по мнению ряда специалистов – четырех, рядов гласных: а) чистых (нефарингализованных и неназализованных) кратких, б) чистых (нефарингализованных и неназализованных) долгих, в) долгих назализованных, г) фарингализованных. Подсистема чистых кратких является фундаментом тобаского вокализма и, как показывает анализ, она унаследована от пратюркского языка. Три других его ряда – долгие, долгие назализованные и фарингализованные гласные, – возникли в послепратюркскую эпоху и их становление относится частью к предыстории, частью к истории тобаских диалектов.

Краткие гласные: *а, е, у, і, о, ӧ, и, ӥ*. Для всех идиом тобаской группы фиксируется обычная для большинства тюркских языков подсистема из восьми кратких чистых (нефарингализованных и неназализованных) гласных. В тофаларском В.И.Рассадин прежде выделял восемь фонем (Рассадин 1971, 24), но в последних описаниях настаивает на системе из девяти гласных: *а, е, у, і, і̂, о, ӧ, и, ӥ* (Рассадин 1997, 373). Оппозиции образуются противопоставлением пар гласных по одному из трех артикуляторно-акустических признаков: а) по ряду (гласные заднего, или твердого, ряда – *а, у, о, и*, гласные переднего, или мягкого, ряда – *е, і, ӧ, ӥ*); б) по подъему (среди твердорядных гласные *а, о* – нижнего подъема, а *у, и* – верхнего; среди мягкорядных нижнего подъема гласные *е, ӧ*, а верхним подъемом образуются гласные *і, ӥ*); в) по огубленности-неогубленности (гласные, *о, ӧ, и, ӥ* отличаются от *а, е, у, і* дополнительной работой губ). О противопоставленности *і – і̂* см. ниже, "Гласный *і̂*".

Гласный *а*. Тобаская фонема *а* реализуется как более задний вариант *ɑ* в соседстве с заднеязычными и особенно увулярными и фарингальными согласными, в сочетании с остальными согласными выступает более передний вариант. Тобаский *а* соответствует общетюркскому краткому **а* и долгому **â*: тув. *аъда*, тоф. *ada* 'отец' – общетюрк. **ata*; тув. *аълду*, тоф. *alty* 'шесть' – общетюрк. **alty*; тув., тоф. *ara* 'промежуток' – общетюрк. **ara*; тув., тоф. *bar* 'есть, имеется' – общетюрк. **bâr*; тув. *ҷаɣа*, тоф. *ҷaha* 'воротник' – общетюрк. **jaqa*; тув., тоф. *sal-* 'класть, положить' – общетюрк. **sal-*; тув., тоф. *tany-* 'знать, узнать' – общетюрк. **tany-*; тув., тоф. *qal-* 'оставаться, оставаться не по своей воле (тоф.)' – общетюрк. **qâl-*; тув., тоф. *qazy* 'брюшной жир у лошади' – общетюрк. **qazy* и т.д.

В уйгуро-урянхайском *а* в ряде многосложных слов развился из *у* под влиянием другого *а* в слове как в последующем, так и предшествующем слоге: уйг.-ур. *alxaɣ* – тув. *alɣуɣ*, тоф. *alhyɣ* 'широкий', уйг.-ур. *darɣaɣ* – тув. *dyrɣaq*, тоф. *dyrqaq* 'ноготь', уйг.-ур. *alta* – тув. *аълду*, тоф. *alty* 'шесть' (Болд 1978, 16). В последнем случае Э.В.Севортян, опираясь на широкий гласный в уйг. *alt*, сюг., як. *alta*, лоб. *alto*, допускал возможность исконного варьирования в связи со "структурностью слова" (ЭСТЯ 1974, 142). Представляется все же, что данные языки с теми или иными оговорками указывают на уйгурский языковой ареал в его раннесредневековом виде; с другой стороны, наличие подобного чередования в целом ряде языков ареала говорит о том, что возникло оно еще на уровне группового праязыка.

Гласный *е*. Тобаская фонема *е* чаще всего реализуется как гласный средней ступени подъема *ɛ*, свободно замещаясь более широким *ä*, особенно в конце слов; в окружении среднеязычных согласных обычно выступает полуширокий аллофон *е*. Тобаский *е* соответствует общетюркскому краткому **ä* и долгому **ā*: тув., тоф. *er* 'муж, мужчина' – общетюрк. **ēr*; тув., тоф. *eš* 'друг, товарищ' – общетюрк. **ēš*; тув. *edek*, тоф. *etek* [ɛdɛk/ɛdäk] 'подол' – общетюрк. **etek*; тув., тоф. *ber-* 'давать' – общетюрк. **bēr-*; тув., тоф. *beš* 'пять' – общетюрк. **bēš*; тув., тоф. *men* 'я' – общетюрк. **ben*; тув., тоф. *čel-* 'бежать рысью' – общетюрк. **jēl-*; тув., тоф. *čer* 'земля' – общетюрк. **jer*; тув., тоф. *čet-* 'вести за руку, на поводу' – общетюрк. **jēt-*; тув., тоф. *kel-* 'приходить' – общетюрк. **kel-*; тув., тоф. *kes-* 'бродить' – общетюрк. **kēz-* и т.д.

Гласный *у*. Тобаская фонема *у* реализуется как задний гласный верхней ступени подъема. Тобаский *у* в большинстве случаев соответствует общетюркскому краткому **у* и долгому **ӯ*, однако в небольших сериях слов он обнаруживает иные соответствия. Примеры на основное соответствие: тув., тоф. *yt-* 'посылать' – общетюрк. **ӯδ-*; тув. *уъzyr-*, тоф. *ysyr-* 'кусаться' – общетюрк. **ysyr-*; тув., тоф. *yɣla-* 'плакать' – общетюрк. **ĭɣla-*; тув. *tyn-*, тоф. *dyn-* 'дышать' – общетюрк. **tyn-*; тув. *dyrɣaq*, тоф. *dyrqaq* 'ноготь', уйг.-ур. *darɣaɣ* – общетюрк. **tyrŋaq*; тув., тоф. *hyl* 'волос, щетина' – общетюрк. **qyl*; тув., тоф. *qys* 'девочка, дочь' – общетюрк. **qyz*; тув., тоф. *ҷyl* 'год' – общетюрк. *jyl*; тув., тоф. *ҷydy-* '(дурно) пахнуть' – общетюрк. *jyty-* и т.д.

О спорадическом переходе *у* > *а* в уйгуро-урянхайском см. выше.

Соответствие *у* < **а*. В небольшом числе тобаских слов *у* в первом корневом слоге соответствует общетюркскому **а*. Аналогичное изменение наблюдается в якутском, хотя в нем только некоторые слова представлены с *у*. Правда, и сами тобаские диалекты дают неединообразное отражение в этом случае (примеры приведены в: Ряс.Мат. 55; Исхаков 1957, 28–30; Щербак 1970, 145; СИГТЯ 1984, 61–62):

тув. *ҷylɣa-*, тоф. *ҷylqa-* 'лизать' – общетюрк. *jalɣa-*, ср. як. *sala:-*;

тув., тоф. *ҷuъp-* 'накрыть, покрыть' – общетюрк. *jap-*, ср. як. *sap-*;

тув., тоф. *ҷyry-* 'светить, освещаться; улыбаться', як. *syrdat-* – общетюрк. *jary-*;

тув., тоф. *ҷuъt-* 'лежать, ложиться', як. *syt-* – общетюрк. *jat-*;

тув. *dyrɣaq*, тоф. *dyrqaq* 'гребень' – общетюрк. *tarɣaq// taraq* (совпало с тув. *dyrɣaq*, тоф. *dyrqaq* 'ноготь' < общетюрк. **tyrŋaq*);

тув. *myjaq*, тоф. *myjaq* 'помет'– др.-уйг., карах.-уйг. *majaq* 'помет (голубиный, верблюжий, коровий)' (ДТС 335), уйг. *majaq* 'помет (верблюжий, овечий)' (Рассадин 1971, 208);

тув., тоф. *xylba* 'черемша' – региональное: алт. *qalma*, шор. *qalba*, хак. *xalba* (Рассадин 1971, 193);

тув. *qylyn*, тоф. *hylyn* 'толстый' – общетюрк. *qalyn*, ср. як. *xalyŋ*;

тоф. *hylym* 'калым' – общетюрк. *qalyŋ*, ср. тув. *qalym*, як. *xalym*;

тув. *qymҷy*, тоф. *qymšy*, як. *qymñy:* 'кнут' – общетюрк. *qamҷy*;

тув. *xymyš*, тоф. *hymys* 'ковш, поварешка' – общетюрк. *qamyč*, ср. як. *хамуас*;

тув., тоф. *qyry* 'локтевая кость' – общетюрк. *qary*, ср. як. *xary*;

тув., тоф. *qyry-* 'стареть', як. *qyryj-* – общетюрк. *qary-*;

тув. *qyryn*, тоф. *hyryn* 'живот' – общетюрк. *qaryn*, ср. як. *xaryn*;

тув., тоф. *suъp* 'рукоятка' – общетюрк. *sap*;

тув. *tuъp-*, тоф. *tuъp-//tuъp-* 'находить' – общетюрк. *tap-*;

тув., тоф. *tuъrt-* 'тянуть, тащить' – общетюрк. *tart-*, ср. як. *tart-*.

По-видимому, необходимо исключить из данного списка приводимые иногда в нем тув., тоф. *yɣla-* 'плакать' – огуз. *aɣla-*, тув. *yjaš*, тоф. *ńeš* (< **yjaš*) 'дерево' – огуз. *aɣač*, где *у* не ограничивается тоба-якутским ареалом, а широко представлен в кыпчакских языках и имеет, вероятно, иную природу, связанную с не объясненным пока наличием в этих словах в части тюркских языков начального *j*. Иными словами, тув., тоф. *yɣla-* < **jyɣla-*; тув. *yjaš* < **jyɣač* (в последнем случае с выпадением *ɣ* и метатезой в первом слоге: *jy* > *yj*; в тофаларском затем первый гласный редуцировался, а назализовавшийся *j* развился в среднеязычный *ń*;) еще на стадии *j-* и до начала тобаского развития *j-* > *ҷ-*.

В половине приведенных выше случаев появление *у* в первом слоге можно было бы объяснить влиянием *у* второго слова, но остальные слова – это либо односложные, либо двусложные с широким *а* во втором слоге.

Из числа аффиксальных форм данным чередованием, несомненно, было захвачено непродуктивное ныне причастие на *-yɣan* < **-aɣan-* (о нем см. ниже). И здесь в последующем слоге широкий *a*.

Данное соответствие фиксируется в специальной литературе давно (Радлов 87; Катанов 15). Говоря о его возможной природе, отмечают древность этого явления. Так, М.Рясянен указал на урало-алтайские соответствия как свидетельство древности чередования *a* ~ *y* (Ряс. Мат. 55). А. фон Габэн привела примеры соответствия *a~y* в древнетюркском, объединив, правда, чередования в аффиксах и корнях, и квалифицировала это явление как диалектное (Gab.AG 74). Л.С.Левитская, обобщив случаи появления *y* < *a* в древнетюркском, чувашском, якутском, тувинском и тофаларском, в ряде диалектов огузской и кыпчакской групп, посчитала это явление общетюркским, обусловленным, как считал еще Г.И.Рамстедт, позиционно-комбинаторными факторами: в безударном слоге двусложного слова перед *j* и после *j*, а также перед *r* и *l* (СИГТЯ 1984, 63). Несомненно при этом: подобный переход был по сути своей маргинальным явлением, т.е. он затрагивал только часть слов с определенными фонетическими условиями и происходил лишь в определенных диалектных зонах, в том числе, очевидно, – в прауйгуро-карлуко-чигиле-аргуской. Нельзя исключать, что случаи аналогичного перехода *y* < *a* в кыпчакских и других диалектах следует рассматривать особо (как *yɣla- ~ aɣla-*, *yjaš*, *ńeš ~ aɣač*). Создание литературного койне на уйгуро-карлукской основе не только заблокировало проникновение *y*-форм в памятники, но и, видимо, повлияло на сами диалекты. В живой же речи уйгуро-карлукских диалектов того времени, судя по большему числу примеров в якутском, тувинском и тофаларском, это явление было достаточно заметным. Как бы то ни было, определенно можно полагать, что пратобаский "захватил" рассматриваемое чередование, еще какое-то время действовала аналогия (ср. выше *myjaq*, *xylba*), но уже очень скоро живая фонетическая природа этого явления перестала ощущаться и новообразования прекратились, причем не везде сразу, ср. выше тоф. *hylym* 'калым' и тув. *qalym*, а также лишь частичные совпадения тобаских и якутских форм с *-y-*.

Гласный *i*. Тобаская фонема *i* реализуется в трех звукотипах – *i*, *ɪ*, *î*. Первые два являются позиционно-комбинаторными вариантами, третий можно назвать историческим вариантом. Гласный *i* – нормальной длительности и наиболее верхней ступени подъема (наиболее узкий) употребляется в абсолютном начале слова и после всех согласных, кроме переднеязычных *d, t, n,* после которых употребляется *ɪ*, гласный передний, но более открытый (большей степени раствора): тув, тоф. *il-* 'прицепить, подцепить'; тув., тоф. *idik* [idɪk] 'обувь'; тув., тоф. *sidik* [sidɪk] 'моча', и т.д.

Гласные *i* и *î* противопоставлены по двум признакам: по степени длительности и ширине раствора: гласный *i* – нормальной длительности и наиболее верхней ступени подъема (наиболее узкий), тогда как *î* в сравнении с ним – более краткий (редуцированный) и большей степени раствора, сдвинутый в сторону среднего ряда (В.А.Богородицкий описывал его как краткий *i* с оттенком *e* – Бог. 3, 46), т.е. *i̯*. Указанный гласный *î* присутствует в целой серии тобаских слов: *bîr* 'один', *sîler* 'вы', *čedî* 'семь', *îs* 'след', *îš* 'пей', где он является свободным, т.е. не обусловленным позиционно-комбинаторными факторами, вариантом фонемы *i*; свободное варьирование типа *bîr//bir* отмечается в произношении одних и тех же лиц (Исх., Пальм. 11). Теоретически подобное положение указывает на снятое противопоставление, т.е. некогда слова с *î* и *i* были распределены, а с нейтрализацией оппозиции *î–i*, первое стало свободно заменяться вторым. Как показывают данные сравнительной фонетики, "лишний" по отношению к восьмичленной системе гласных (сбалансированной в отношении гармонии гласных) девятый полуширокий гласный наличествует в целом ряде тюркских языков (хакасском, азербайджанском и некоторых кыпчакских языках), так что В.В.Радлов и другие тюркологи предполагали его восходящим к праязыку (см.: Щербак 1970, 27–28). А.М.Щербак настаивает на восьмичленной системе для праязыка. Возможно, как и в других случаях, различные реконструкции необходимо приписать более раннему и более позднему состояниям общетюркского языка: для позднего (накануне распада) состояния – восьмичленная система кратких гласных при наличии гармонии гласных; для более раннего состояния – при не сложившейся еще гармонии гласных могло быть несимметричное – девять и более – число гласных. Во всяком случае следы девятого гласного в тобаских диалектах, несомненно, восходят к периоду до образования (отделения) пратобаского. Этот гласный в качестве маргинальной фонемы, ограниченной определенными словами и словоформами, подтверждается древнейшими памятниками енисейского рунического письма IX–XI вв. по наличию особого знака *ε* для полуширокого *e*. В дальнейшем сфера применения указанного гласного в тобаских диалектах сужалась (в отличие, например, от хакасского), вплоть до низведения гласного *î* на положение свободного, немотивированного аллофона фонемы *i*.

Гласный *o*. Тобаская фонема *o* реализуется как полуширокий задний гласный слабого огубления. Соответствует общетюркскому краткому **o* и первичному долгому **ō:* тув., тоф. *ol* 'тот/та/то; он/она/оно', тув., тоф. *oŋ* 'правый', тув., тоф. *qoš* 'парная кладь, вьюк; пара, парный', тув., тоф. *ot* 'огонь' (< общетюрк. **ōt*). В общетюркском указательном местоимении *bu* 'этот' тобаские (вместе с сарыг-югурским) сохраняют, вероятно, исконный широкий: тув., тоф. *bo* 'этот/эта/это'. Иногда широкий сохраняется только в тофаларском: тоф. *bodu-*, тув. *budu-* 'красить'. В диалектах Тувы действует общетюркское ограничение на применение широкого *o* только в первом слоге, тогда как в тофаларском развилась ассимилятивная тенденция, отчасти аналогичная якутскому (а также киргизскому и алтайскому языкам), распространять широкий *o* на второй слог, заменяя им узкие *u* или *y*, ср.: тоф. *topoq* и тув. *dovuq* 'коленная чашечка', тоф. *oron* и тув. *orun* 'место сидения; кровать', тоф. *dorgo* и тув. *torgu* 'шелковая ткань'.

Гласный *ö*. Тобаская фонема *ö* реализуется как полуширокий передний гласный, как и *o*, слабого огубления. Соответствует общетюркскому кратко-

му *ö и первичному долгому *ō: тув., тоф. öt ‘желчь’, тув., тоф. pök- ‘насыщаться (жирной пищей), наедаться досыта’, тув., тоф. höl ‘озеро’. Дистрибуция ö в тобаских диалектах ограничена первым слогом.

Гласный ы. Тобаская фонема ы реализуется как сильно огубленный гласный заднего ряда самого верхнего подъема. Соответствует общетюркскому краткому *ы и первичному долгому *ы: тув., тоф. ызын ‘длинный’, тув., тоф. суɣ ‘вода’, тув., тоф. қуру- ‘сохнуть’.

Гласный ӱ. Тобаская фонема ӱ реализуется как сильно огубленный гласный переднего ряда верхнего подъема. Соответствует общетюркскому краткому *ӱ и первичному долгому *ӱ: тув., тоф. ӱн ‘голос’, тув., тоф. сӱт ‘молоко’, тув., тоф. бӧрӱ ‘волк’.

Таким образом, тобаские диалекты унаследовали и сохранили общетюркскую систему из восьми кратких гласных со следами девятого полуширокого e̯, реализующегося здесь как i^{e} в составе свободных (исторических) аллофонов гласного верхнего подъема i.

Долгие гласные: a:, e:, ы:, i:, o:, ö:, u:, ӱ:. Все тобаские диалекты обладают корреляцией по долготе гласных. В основном тобаские долгие гласные по отношению к общетюркскому состоянию – вторичны, они возникли здесь, как и в ряде других групп тюркских языков, из стяжения гласных соседних слогов после выпадения находившихся в интервокальном положении сонантов j, g, n, ŋ, m, l, r, v (примеры на выпадение носовых n, ŋ, m см. в разделе “Долгие назализованные гласные”):

тув., тоф. a:t- (<*avyt-) ‘качать (ребенка)’;

тув., тоф. ba:r (<*baɣyr) ‘печень’;

тув., тоф. da:š (<*davyš-) ‘звук, шум’;

тув. ča:ra-, тоф. ńa:ry- (< *jaɣry-) ‘набиться ссадине (на спине верхового животного)’;

тув. če:rbi (<*jeɣirmi) ‘двадцать’;

тув., тоф. so:q (<*soɣyq) ‘холодный’; тоф. bo:s (<*boɣaz), тув. bo:sta: (вероятно, <*boɣaz+laɣ) ‘горло’;

тув., тоф. ö:r (<*jgür) ‘табун (скота)’, *также* тоф. ‘группа (людей); стая (птиц, животных)’;

тув., тоф., уйг.-ур. ö:ren- (<*ögren-) ‘учиться, привыкать’;

тув., тоф. qu: (<*quɣu) ‘лебедь’.

Образование долгих гласных происходило путем стяжения не только первого и второго слогов корня, но распространялось иногда и на последующие слоги: тув. daga: (<*taqyɣu) ‘курица’; тув. qary: (<*qaryɣ) ‘ответ’; тоф. hüdæ:, тув. küdä: (< *küdägü) ‘зять’.

В некоторых диалектах и говорах соответствующего стяжения не произошло, и представлены двусложные основы с сохраняющимся этимологическим согласным:

тув. лит., тоф. di:ŋ – Бай-Т. tijiŋ ‘белка’;

тув. лит. hu:rek – hujurek // hurujek К.-Хем., тодж. ‘лопата’.

Иногда этимологические дублеты сохраняются и в литературном языке: bovurzak // bo:rzak ‘вид печенья’.

В ряде слов прежде всего основного диалектного массива тоба процесс падения интервокального согласного и стяжения соседних гласных прошел, но не оставил следов в виде долготы, что наглядно видно по облику этого же слова в маргинальных диалектах: тув. sal (< *sa:l < *saɣal < *sakal) ‘борода и усы’ – тоф. sahal; тув. te (< *te:s < *teɣe < *teke) ‘дикий козел (*самец*)’ – тоф. tehe ‘горный козел’, а также гомогенная тувинская форма dege ‘козел-самец (*домашний и дикий*)’, с наметившимся семантическим отличием от te; тув. ten (< *te:n < *tiɣen < *tiken) ‘колючка, шип’. В тофаларских формах sahal и tehe, судя по рефлексу h (< q) сохранялся до фрикативизации сильный, почему двуслог и не реформировался в долгий.

Наряду со вторичными долготами некоторые говоры в отдельных словах сохраняют так называемые первичные долготы, восходящие к общепратюркскому состоянию:

тув. лит., тоф. ak – Бай-Т. a:k ‘белый’, общетюрк. *a:k;

тув. лит., тоф. er – Бай-Т. e:r ‘мужчина’, общетюрк. *e:r;

тув. лит., тоф. dört – Бай-Т. dö:rt ‘четыре’, общетюрк. *dö:rt;

тув. лит., тоф. ot – Бай-Т. o:t ‘огонь’, общетюрк. *o:t;

тув. лит. pös – Бай-Т. pö:s ‘материя, ткань’, общетюрк. *pö:s.

Во многих случаях вторичные долгие гласные составляют морфонологические чередования с этимологическим сочетанием гласный плюс сонант, например: тоф. bo:s (<*boɣys) ‘горло’, но: boqsym ‘мое горло’; тоф. hö:l (< *köŋül) ‘душа, совесть; желание’ при höŋnü ‘его душа, желание’ (тув. соответственно hö:ŋ ‘желание’ – höŋnü ‘его желание’); o:l ‘сын, мальчик’ – oɣlu ‘его сын’. Фактически во всех подобных тобаских словах корень слова не единствен, как обычно считается для тюркских языков, а предстает в двух морфонологических вариантах – актуальном bo:s и виртуально-историческом boqs-, а также соответственно hö:l // höŋn-, o:l // oɣl- и т.д.

Аналогичные морфонологические корреляции составляют пары глагольных форм, в которых одна из пары представлена основой на -g/-ɣ или косвенной от нее формой с консонантным наращением, а вторая – косвенной формой с вокальным наращением, например: eggen ‘повернувший’ – eer ‘тот, кто повернет’ (eg//e:-), čy:l ‘собирайся’ – čyɣlyr ‘он соберется’ (čy:l// čyɣl-). Такие же чередования образуются в глаголах в случаях выпадения сонантов при образовании будуще-настоящего времени:

ba:r ‘он уйдет’ (< ba(r↓)yr) – bargan ‘он ушел’ (ba:- // bar);

kö:r ‘он посмотрит’ (< kö(r↓)ür) – körgen ‘он смотрел’ (kö:- // kör).

Важно подчеркнуть, что виртуальность корней типа boqs-, oɣl-, e:-, čyɣl-, ba:-, kö:- сопряжена с таким их свойством, как невозможность выступать нулевой словоформой в парадигматическом ряду – именительным падежом имени или повелительной формой 2-го л. ед.ч. глагола.

Наличие недолготных вариантов корней типа *boqs-*, *oɣl-*, *čyɣl-* позволяет яснее понять ситуацию с возникновением вторичных долгих гласных. Говоря, что вторчиные долгие возникают в результате падения интервокальных сонантов, мы называем процесс, а не его причину. Собственно же фонологической причиной этого, является, по-видимому, сильное ослабление согласного в интервокальной позиции до уровня сонанта (сверхслабого), который мог растворяться между гласными. Когда к слабому согласному в результате синкопы срединного гласного начинает примыкать другой согласный, степень сонантности уменьшается (*oɣul* > *ogl-*, *čyɣyl* > *čygl-*; он может даже перейти в шумный: *boɣaz* > *boqs-*), и это препятствует в ряде случаев нивелированию согласного (ср., впрочем, такие случаи, как *ö:rän-*, *ča:ra-*).

Описанные выше случаи морфонологических корреляций "долгий гласный // краткий гласный плюс сонант или шумный" носят в тобаских диалектах массовый характер, так как дополняются аналогичными, но совершенно актуальными чередованиями при наращении словоизменительных формантов (типа *kimä* 'лодка' → дат.пад. *kimää* < **kimägä*, др. примеры см. в Морфологии). Все это указывает, с одной стороны, на незаконченность, в известной степени, процесса образования долгих гласных, а с другой – на то, что этот процесс начался (и многие его факторы действуют и сейчас) именно в данном языковом коллективе. Иными словами, длительный процесс образования долгих составляет в основном историю тобаских диалектов, однако его начало может лежать и в их предыстории.

Как известно, образование вторичных долгих имело место также еще в целом ряде тюркских языков восточного ареала разных классификационных подгрупп: это почти все *z*-языки – хакасский, шорский, чулымский (за исключением сарыг-югурского), *t*-языки – якутский, долганский, "центрально-восточные" *j*-языки – киргизский, алтайский. Во всех названных языках долгие гласные и, соотвественно, корреляция по долготе/краткости являются развившимися в силу тех же причин, что и в тобаских диалектах, – в результате падения корневых сонантов на стыке слогов и аттракции соседних гласных. Однако вторичные долгие не отмечены в уйгурском и узбекском, а также в древнеуйгурском. Следовательно, в тюркской основе пратобаского (как и других региональных праязыков) образование вторичных долгих не происходило. Этот механизм должен был включиться после наложения тюркской основы на монгольский языковой субстрат. Известно, что все древние северные монгольские диалекты – ойратские, халха-монгольские и бурятские, т.е. те диалекты, что могли находиться в разного рода взаимодействиях с названными тюркскими языками, – именно в период раннего средневековья переживали аналогичный процесс образования долгих гласных из двуслогов с сонантами: *VɣV* > *ā, ō* и т.д., который завершился к XIII в. А все перечисленные выше тюркские языки, в которых возникли вторичные долгие гласные, совершенно недвусмысленно и очевидно относятся к числу языков, отмеченных мощным монгольским влиянием. Могли ли и в какой мере на становление вторичных долгих в тюркских языках повлиять внутренние предпосылки в виде наличия, может быть остаточного, так называемых первичных долгих, восходящих к эпохе пратюркского языка? Этот вопрос не следует снимать с обсуждения, ибо на возможность подобной взаимосвязи указывает якуто-долганский вокализм, в котором и сохранились первичные, и развились вторичные долготы, причем между первичными и вторичными долгими в этих диалектах нет каких-либо качественных различий. Спорадически первичные долготы сохраняют и тобаские диалекты (см. выше), а также диалекты других групп.

Долгие назализованные гласные *ã:, ẽ:, ỹ:, ĩ:, õ:, ɵ̃:, ũ:, ɯ̃:*. Долгие назализованные гласные тобаских диалектов, как и долгие чистые (неназализованные), являются вторичными. Они образовались по тому же принципу, что и чистые долгие, т.е. в результате элизии соседних слогов, с той только разницей, что выпадающим согласным при этом обычно бывает какой-либо назальный сонант: *ŋ, n, m,* след которого сохраняется в виде носовой окраски образовавшегося долгого гласного:

тув., тодж. *čã:*, тоф., уйг.-ур. *ńã:* (<**jaŋa* <**jaŋy*) 'новый';
тув. *yjã:š*, тоф. *ńeš* (<**jyɣač* 'дерево');
тоф. *mẽ:*, тув. *me:* (<**meŋä*) 'головной мозг';
тоф. *sẽ:k*, тув. *se:k* (<**seŋäk*) 'муха';
тув., тоф., тодж. *sĩ:r, sĩ:r* (<**siŋir*) 'сухожилие';
тув. *õ:rga*, тоф. *õ:rha* (<**oŋurga*) 'позвоночник, спинной хребет';
тодж. *xõj*, тоф. *ho:j*, тув. *xo:j* (<**qoj*) 'овца';
тув., тоф., тодж. *sõ̃:k*, монч. *sö:k* (<**söŋük*) 'кость';
тув. *čũ:rɣa*, тув. Бай-Т. *čumurɣa*, тоф. *ńumurha*, 'яйцо';
тоф. *ńũ:s*, тув. *čaŋgys* (<**jalaŋys*) 'один, единственный; одинокий';
тув. *hũ:ŋ* – Бай-Т., к.-хем., тодж. *humuŋ* 'бадья'.

Иногда выпадающий срединный сонант является неносовым, но все же носовую окраску возникшего долгого можно объяснить присутствием носового согласного на конце слова:

тув. *sỹ:n* 'марал', тоф. *sy:n* 'изюбрь' (< **syɣun*);
тув. *čõ:n*, тоф. *ńo:n* (<**joɣun*) 'толстый (о круглом)'.

Однако в ряде случаев видимых причин для развития назализации нет:

тув., тоф. *ã:r* (<**aɣyr*) 'тяжелый';
тув., тоф. *ã:rï-* (<**aɣry-*) 'болеть';
тув., тоф. *ã:s* (<**aɣyz*) 'рот; пасть; устье (реки)';
тув., тоф. *sã:t* 'шейная артерия';
тув. *xã:q*, тоф. *hã:q* 'мелкий тальник';
тув., тоф. *ẽ:* 'хозяин' (< **ege* < **eje* < **ede*);
тув., тоф. *ỹ:t* 'голос, звук';
тув. *õ:r*, тоф. *õ:ry* 'вор' (< **oɣry*).

Б.И.Татаринцев в подобных случаях считает, что "назализованный долгий в тувинском и тофаларском может отражать не только первичный *ŋ*, но и *ŋ* < *ŕ*". В этом случае чередование носового и неносового заднеязычных

сонантов смыкается с аналогичными случаями чередований на уровне пратюркского.

Обращает на себя внимание междиалектная нестабильность назализованности образующихся долгих гласных: почти в половине приведенных выше примеров в одних диалектах назальная окраска есть, а в других отсутствует. Это должно указывать на то, что назализация гласного была сопутствующим фонетическим признаком, который в одних случаях закреплялся, становясь традиционным (обязательным) элементом гласного, в других случаях – постепенно элиминировался. Явление это зарождалось как общетобаское, поскольку было вызвано к жизни одинаковыми процессами в одинаковых условиях, приведших в ряде случаев к аналогичным результатам. Однако далее оно развивалось в диалектах самостоятельно, чем и можно объяснить неодинаковость дальнейших результатов. К числу таких неодинаковостей, возникших, возможно, еще на ранней стадии, следует отнести случаи перехода в тофаларском и уйгуро-урянхайском назальной окраски гласного на предшествующий согласный **j-* (>**ǰ-* >*ń-*), как в вышеприведенных словах *ńeš, ńumurha, ńo:n*, в которых тувинский сохраняет назализованные гласные (*yjã:š, čũ:rɣa, čõ:n*). Можно определенно высказать предположение, что и весь ряд слов с начальным *ń* в тофаларском и уйгуро-урянхайском возник по причине перехода назальности с гласного на предшествующий согласный, поскольку почти все тофаларские слова с *ń-* имели или имеют в своем составе носовой сонант (примеры см. ниже, в разделе "Согласные"). О том, что назальная окраска гласного имела место, возникала в принципе, свидетельствуют, во-первых, серия тофаларско-урянхайских слов с начальным *ń* на месте *j* и, во-вторых, назализованные гласные в ряде слов в тувинском. В большинстве же подобных слов диалектов Тувы назализованные гласные подверглись деназализации.

Существование двоякого рода рефлексов общетюркского начального **j-* в тофаларском и уйгуро-урянхайском (**j-* > *č-, z-* и **j* >*ń-*) при единственности отражения в тувинском (**j-* > *č-*) позволяет соотнести указанные консонантные переходы и возникновение назализации гласных на оси относительной хронологии: назализация гласных возникала раньше перехода **j-* > *č-*, поскольку часть слов с **j-* в некоторых тобаских диалектах успела передать возникшую назализацию корневого гласного начальному согласному (на примере слова 'толстый': **joɣun* > **jõ:n* > **ǰõ:n* > *ńo:n*) и, тем самым, избежала общетобаского перехода **j-* > *č-*.

Избирательность и факультативность назализованных гласных в тобаских диалектах на фоне относительно большего их удельного веса в прошлом симптоматизирует назализацию как обусловленную влиянием наложения (адстрата), поскольку воздействие адстрата (в отличие от воздействия субстрата) со временем ослабевает. Судя по стабильности и большей выраженности назализации в Тодже и у тофаларов такое адстратное влияние, скорее всего, исходило от самодийского этнического компонента древних тоба.

Обозначившееся историческое убывание назализации, причем неравномерное по диалектам, в плане синхронии привело к определенной ущербности этого явления в фонетической системе языка, а вместе с тем вызвало и неоднозначные оценки. Как особый фонологический ряд долгие назализованные гласные в тувинском и тофаларском признаются далеко не всеми исследователями. Большинство из них, не отрицая самого факта образования долгих назализованных, считают, что они недостаточно распространены, чтобы признать их самостоятельными фонемами. Так, Ф.Г.Исхаков и А.А.Пальмбах в "Грамматике тувинского языка" указывали, что "во всех диалектах тувинского языка встречаются с большей или меньшей степенью назализации долгие гласные, образовавшиеся в результате выпадения носового согласного. ... Кроме того, – добавляют авторы, – по-разному в говорах подвергаются назализации как долгие, так и краткие гласные, не связанные с выпадением носового согласного. Носовые гласные этого рода наиболее распространены в тоджинском говоре ... и значительно реже встречаются в основных говорах центрального и западного районов Тувы" (Исх., Пальм. 41). Таким образом, речь идет не только об этимологически мотивированном образовании долгих назализованных гласных в результате выпадения носовых сонантов и аттракции соседних гласных (аналогично образованию чистых вторичных долгих), но и о случаях позиционно обусловленной назализации (при наличии других носовых в слове).

Аналогично, в русле положений "Грамматики тувинского языка" Ф.Г.Исхакова и А.А.Пальмбаха, оценивает сотояние тоджинского вокализма З.Б.Чадамба: система гласных у нее состоит из 24 фонем – по восемь кратких, долгих и назализованных. "Кроме того, – добавляет З.Б.Чадамба, – в незначительном числе слов тоджинского диалекта, как и общенародного тувинского языка в целом, встречаются назализованные варианты долгих гласных, представляющие собой обычно результат слияния гласных после выпадения сверхслабых *м, н, ң, й*" (Чадамба 1974, 18–19). Заметив, что "в некоторых словах выступают более древние назализованные варианты кратких или долгих гласных (*ãj* 'сарана', *xõj* 'овца')", З.Б.Чадамба указывает также на то, что "назализации способствует соседство назализованного согласного (= позиционно обусловленная назализация – *И.К.*) или же его присутствие в этимологически восстанавливаемой части слова" (там же).

А.Ч.Кунаа при анализе звукового строя тесхемского говора тувинского языка в системе его вокализма признал существование назализованных гласных. Правда, назализованный ряд у него не полностью симметричен ряду кардинальных кратких, он состоит из шести фонем – *ã, õ, ỹ:, ẽ:, ð̃:, ẽ:* (осутствуют назализованные узкие огубленные *ũ:* и *ǖ:*). При этом ученый утверждал, что "фонематические признаки назализованности и неназализованности тесхемского говора для литературного тувинского языка являются оттенковыми" (Кунаа 1958, 8).

В отличие от А.Ч.Кунаа, В.М.Наделяев признавал как в тофаларском, так и в тувинском языке в целом (а не в отдельных его диалектах) наличие наза-

лизованных гласных, причем тоже неполного ряда, но не из шести, как у А.Ч.Кунаа, а из семи фонем: *ã, õ, ỹ:, ẽ:, õ̃:, ĩ:, ü:* (осутствует *ü̃:*) (Наделяев 1969, 235–236).

Подробно описал явления назализации гласных в тофаларском языке В.И.Рассадин. "Степень назализованности, по нашим наблюдениям, – пишет он, – заметно варьирует в произношении одних и тех же лиц. Иногда она довольно сильна, а иногда в одном и том же самом слове долгий гласный произносится без заметной назализации, как чистый долгий гласный. Видимо, – делает вывод В.И.Рассадин, – назализация не имеет фонематического значения, так как отсутствие или наличие назализованности гласного не изменяет смысла и не разрушает слова. Только в одном случае, по утверждению тофаларов, назализацией долгого гласного отличается слово *ẽ:r-* 'лаять' от слова *e:r-* 'крутить', 'прясть'. Во всех остальных случаях произнесение слова с различной степенью назализованности можно рассматривать как обычные варианты произношения. Тофаларскому произношению вообще свойственна некая "гнусавость", придающая речи характерный носовой оттенок" (Рассадин 1971, 22–23).

В серии работ К.А.Бичелдей отстаивает фонематичность долгих назализованных гласных для тувинского языка (Бичелдей 1979; 1985; 2001а, б). Он полагает, что в тувинском языке назализованные гласные образовали самостоятельный фонемный ряд, однако наряду с этим широкое распространение во всех диалектах и говорах Тувы имеет позиционная (оттенковая) назализации всех гласных (кратких, долгих и фарингализованных) в соседстве с назальными согласными (Бичелдей 1985; 2001а, б). Ученый констатирует, что фонематическая (синхронно необусловленная) назализация "проявляется неравномерно по диалектам, а иногда – даже внутри говоров одного и того же диалекта", и это, по его мнению, "объясняется этногенетическими особенностями носителей тех или иных диалектов" (Бичелдей 2001а, 48). Согласно его анализу, восемь долгих назализованных гласных насчитывают диалекты центральный, юго-восточный (корректируя данные А.Ч.Кунаа), западный и таежный говор северо-восточного (тоджинского) диалекта, тогда как речной говор этого диалекта имеет семь назализованных долгих. Важным аргументом в пользу самостоятельности назализованных долгих, их отдельности от чистых долгих, помимо существования минимальных пар служат, по мнению К.А.Бичелдея, их существенные различия в артикуляторной настройке, что в акустическом плане сопровождается общим понижением формантных показателей фонации назализованных гласных (там же, 50–51).

Из приведенного краткого обзора точек зрения становится очевидным, что такое явление, как полная (по мнению одних исследователей) или неполная (по мнению других) фонологизация назализованных аллофонов относится к собственной истории тобаских диалектов и во многом, вероятно, связана с влиянием адстрата. Однако определенные внутренние предпосылки мог иметь и язык-источник пратобаского: достаточно вспомнить, что

язык орхонских памятников обладал среднеязычным проточным *j́* (или смычным *ń*), передававшимся особой руной #.

Фарингализованные гласные: *аъ, еъ, уъ, іъ, оъ, öъ, иъ, üъ*. Корреляция по фарингализованности свойственна только тобаской группе тюркских языков и составляет заметную специфику тобаских диалектов. Как установлено специальными исследованиями (прежде всего: Кунаа 1957, 6–7), артикуляторно фарингализация гласных возникает в результате мускульного напряжения стенок глотки и корня языка и подвижки гортани вниз, так что в нижней части голосового тракта образуется дополнительный резонатор. Наличие этого резонатора и указанная работа артикуляторных органов акустически обеспечивают в данном типе гласных а) появление низкого тона (нижних формант), б) движение тона, который в целом характеризуется как нисходяще-восходящий в односложных словах и как ровный в многосложных (см. также: Бичелдей 1999, 30). По длительности тувинские фарингализованные существенно различаются в зависимости от позиции в слогах разных типов: в односложных словах фарингализованные равны или даже несколько больше долгих чистых и долгих назализованных в аналогичных позициях, тогда как при наращении аффиксов, переходя в позицию первого слога в многосложном слове, фарингализованные сравниваются с краткими гласными (Бичелдей 1999, 38). Тофаларские фарингализованные являются краткими (Рассадин 1971, 25–30).

Фарингализация присутствует во всех основных тобаских диалектах – диалектах Тувы (за исключением маргинальных говоров на юге и юго-востоке), тофаларском и уйгуро-урянхайском. Какого-либо описания уйгуро-урянхайской фарингализации нет, упоминается лишь, что "фарингализованные гласные долготно неустойчивы" (Болд 1978, 8), что, по-видимому, согласуется с тувинскими данными. Тофаларская фарингализация, по мнению В.И.Рассадина, отличается от тувинской. "На слух, – пишет он, – тофаларские фарингализованные гласные заметно отличаются в произношении от тувинских и напоминают больше краткие фарингализованные гласные в кетских диалектах, в которых они звучат кратко и отрывисто, даже с каким-то придыханием. В силу такой особенности фарингализации гласных в тофаларском языке наблюдается некоторое начальное придыхание у глухих сильных последующих согласных, чего, кстати, в тувинском языке нет" (Рассадин 1971, 93).

Фарингализованные гласные составляют полный фонемный ряд. В тувинском четыре коррелятивных ряда кратны восьми фонемам: восемь фарингализованных противопоставлены восьми кратким чистым, восьми долгим чистым и восьми долгим назализованным. Исследователь тофаларского В.И.Рассадин постулирует в нем только три фонемных ряда (не выделяя в качестве самостоятельного назализованные гласные), при этом в первоначальных публикациях система вокализма строилась им кратно восьми, а в последующих публикациях базовый и, соответственно, производные ряды увеличены до девяти членов (Рассадин 1971, 24; Рассадин 1997, 393):

тув., тоф. *аът-* ‘стрелять’ – общетюрк. **at-*; тув., тоф. *қаът* ‘слой, ряд’ – общетюрк. **қat*;

тув., тоф. *чеът-* ‘достигать’ – общетюрк. **jet-*; тув., тоф. *кеъс-* ‘резать’ – общетюрк. **kes-*;

тув., тоф. *уът* ‘собака’ – общетюрк. **yjt*; тув., тоф. *буъш-* ‘созревать’ – общетюрк. * *byš-*; тув., тоф. *суъқ-* ‘давить’ – общетюрк. * *syq-*;

тув., тоф. *ът-* ‘толкать’ – общетюрк. **it-*;

тув., тоф. *от* ‘трава’ – общетюрк. **ot*);

тув., тоф. *өът-* ‘проходить насквозь’ – общетюрк. **öt-*; тув., тоф. *бөърт* ‘шапка’ – общетюрк. **börük*;

тув., тоф. *дүъш-* ‘падать; слезать, сходить’ – общетюрк. **tüš-*;

тув., тоф. *қуърт* ‘червь; жук’ – общетюрк. **qurt*.

В некоторых случаях фарингализация происходила в одних диалектах, тогда как в других гласный оставался чистым, ср.: тув. *аъда* и тоф. *ada* ‘отец’ – общетюрк. **ata*; тув. *аълдї* и тоф. *altї* ‘шесть’ – общетюрк. **altї*, тув. *аърт-* и тоф. *art-* ‘не израсходоваться, быть в излишке’ – общетюрк. **art-*, тув. *буъдуқ* и тоф. *буduq* ‘ветка’ – общетюрк. **butaq*.

Фарингализации были подвержены не только тюркские по происхождению слова, но также монгольские и поздние русские заимствования: тув. *аътdan*, тоф. *amdan* ‘вкус (пищи)’ (< монг.), тув. *дуъza*, тоф. *dusa* ‘польза’ (< монг.), тув. *доъdar*, тоф. *dotar* ‘подкладка; верх (одежды)’ (< монг.), тув. *саърїк* ‘сапог’ (< рус.), тув. *дуъga* ‘дуга’ (< рус.) (Татаринцев 1975, 92 и след.; Бичелдей 2001, 84–89).

Фарингализацию довольно долго не “слышали”: ее практически не отметили крупные лингвисты (не говоря об этнографах) – М.А.Кастрен (50-е гг. XIX в.), Н.Ф.Катанов (начало XX в.), Н.П.Дыренкова (30-е годы XX в.). Хотя, как показывает В.И.Рассадин, записи Ю.П.Штубендорфа, одновременные с кастреновскими, в своеобразной форме (с применением букв *х* и *ш* для отражения придыхательности) недвусмысленно говорят о наличии фарингализации в целом ряде слов (см. подробнее: Рассадин 1978, 201–203).

Происхождение фарингализации, ее причины и механизм, междиалектные различия находят разноречивые толкования, однако общим местом, пожалуй, является утверждение о том, что в тобаской фарингализации в своеобразной форме отражаются и преломляются фонетические и фонологические закономерности общепратюркского состояния. Во многих исследованиях показана зависимость (или связь) в распределении гласных и последующих согласных в пратюркском слоге: после долгих гласных следовал звонкий (слабый) согласный, после кратких гласных – глухой (сильный) согласный (подробнее см.: Щербак 1970, 136–137). Тувинско-тофаларские фарингализованные развились только в закрытых слогах второго типа, на месте исконно кратких, по-видимому, как инкурсия к артикуляторному напряжению последующих сильных глухих, что выражалось в описанном выше напряжении нижней части голосового тракта при произнесении гласного. Именно так, исходя из взаимоотношений гласных и согласных слога, объяс-

нял механизм возникновения фарингализации В.М.Иллич-Свитыч: он полагал, что последующие сильные согласные передали напряжение предшествующим гласным, а сами в результате этого перешли в категорию слабых (Иллич-Свитыч 1963, 55), что, заметим, действительно для тувинского, но не согласуется с позднее описанными фактами тофаларского. Тем не менее объяснение В.М.Иллич-Свитыча было принято большинством ученых (отдельно стоят попытки ряда авторов вывести фарингализацию из этимологического консонанта, критику см.: Щербак 1970, 45; к консонантной теории позднее примкнул Л.Болд (Болд 1978, 9)). А.М.Щербак, соглашаясь с В.М.Иллич-Свитычем и добавляя определенную фактологию в его аргументы, заявил: «Хотя предположение о развитии “фарингализации” (закавычено у авт. – *И.К.*) в результате взаимодействия гласных с согласными еще не является ответом на вопрос о ее происхождении, оно все же в значительной мере приближает нас к нему» (Щербак 1970, 46).

Думается, что причинным толчком или, скорее, катализатором указанного В.М.Иллич-Свитычем акустико-артикуляторного преобразования и фонологизации данных фонетических признаков послужили, вероятно, как справедливо считают многие ученые, внешние факторы – влияние иноязычного субстрата или адстрата, т.е. двуязычие в начальный период усвоения тюркской речи в “тобаской” этнической среде, которая к тому же могла быть неоднородной. Эту мысль последовательно развивал в своих выступлениях В.М.Наделяев, как это хорошо показано в анализе К.А.Бичелдея (Бичелдей 1999, 17–19). В.М.Наделяев связывал появление фарингализованных гласных в тувинском языке с самодийским субстратом (цит. по: Щербак 1970, 46). В.И.Рассадин, указывая на отсутствие фарингализации в самодийских языках и ее наличие в кетских – а именно с этими двумя языковыми группами обычно связывают возможность отношений наложения (субстратности) ряда тюркских языков Сибири, в том числе тобаских диалектов, предположил источником тувинско-тофаларской фарингализации кетский субстрат (Рассадин 1971, 22, 93). Еще раньше влиянием кетского субстрата с его тоновой системой объяснял возникновение тувинско-тофаларской фарингализации А.П.Дульзон (1973, 102–103). Критикуя точку зрения А.П.Дульзона, К.А.Бичелдей задался рядом вопросов: почему тоновая система кетского языка обусловила возникновение в тувинском языке только одного тона из четырех возможных; почему это влияние охватило только краткие гласные; почему низкий ровный тон кетского языка в тувинском реализовался как нисходяще-восходящий? (Бичелдей 1999, 32). При всей видимой затруднительности осмысленных ответов на указанные, логически обоснованные вопросы, ответить на них все же возможно (об этом несколько ниже).

А.П.Дульзон опубликовал свою цитируемую работу в известной мере как ответ на выводы статьи Г.К.Вернера, который в качестве причин возникновения фарингализации допускал несколько возможных факторов: а) влияние енисейского субстрата, б) результат конвергентного развития языков разных систем в рамках языкового союза в бассейне Верхнего Енисея, но

больше всего он склонялся к тому, что в) фарингализация восходит к пратюркской или общеалтайской слоговой акцентуации, являясь рефлексом фарингализованных и нефарингализованных слоговых акцентов. По-видимому, А.П.Дульзон не допускал того, чтобы видеть истоки тувинско-тофаларской фарингализации столь глубоко, в пратюркском, но мысль о связи фарингализации с тоновой характеристикой слога была ему близка, тем более что позволяла увязать ее с давно развиваемой им идеей о енисейско-кетскоязычной подоснове значительной части населения Южной Сибири, получившей обоснование на большом топонимическом материале.

В общем русле идей о влиянии напряженности согласных на возникновение фарингализации высказался Б.И.Татаринцев, также подчеркивавший, что исчезновение придыхательности сильных было причиной появления фарингализации (1974, 22). Но в тофаларском, повторяем, придыхательность сильных не исчезла, а фарингализация установилась. Кажется, с этим последним положением согласуется и мнение Э.Р.Тенишева, который видит в развитии саларской аспирации шумных смычных аналогию начального периода становления тувинской фарингализации, и оба процесса должны были, по его мнению, занять не менее 500 лет (Тенишев 1999, 133).

К.А.Бичелдей в серии книг и статей, посвященных проблемам тувинской фонетики, по вопросу о происхождении фарингализации придерживается концепции В.М.Иллич-Свитыча и В.М.Наделяева, делая, впрочем, акцент на ослаблении поствокальных сильных как непосредственной причине возникновения фарингализации (Бичелдей 1999, 25). При этом К.А.Бичелдей отчетливо, по пунктам фиксирует различия между тувинской и тофаларской фарингализацией, но не пытается их объяснить (Бичелдей 1999, 14; 2001а, 55). Это и понятно: в тофаларском отсутствует основное, по мнению К.А.Бичелдея, условие для возникновения фарингализации – ослабление ауслаутных сильных согласных.

Позиция К.А.Бичелдея внутренне смыкается с позицией В.И.Рассадина, для которого тофаларская фарингализация стоит особняком, что, по его мнению, возможно, даже связано с разноэтничными субстратами для тофов и тувинцев.

Представляется, что далеко не во всем согласующиеся общие и частные положения теорий В.М.Наделяева, В.М.Иллич-Свитыча, А.П.Дульзона, Г.К.Вернера, В.И.Рассадина, Б.И.Татаринцева, К.А.Бичелдея, Э.Р.Тенишева, объясняющих пути возникновения и развития тобаской фарингализации, могут и должны быть рассмотрены в рамках единого подхода и общего концептуально-схематического построения. Понятно, что такая общая схема не может быть простой суммой выдвинутых положений, но определенной их селекцией и ранжированием. Основанием для построения общей селективной схемы служит то несомненное обстоятельство, что не могло быть "двух разных фарингализаций", тувинская и тофаларская фарингализации имели единый источник и обусловлены едиными факторами, а различия возникли и упрочились исторически.

Начнем с предыстории тобаских диалектов. В "тюркском" языке-источнике пратобаского на конце односложных слов и в конце первых слогов многосложных слов, судя по данным древнетюркских памятников, противопоставлялись глухие и звонкие. В анлауте такое противопоставление либо отсутствовало, либо реализовалось на минимальном материале. Древнетюркское противопоставление глухих/звонких на конце односложного слова – в позиции, которая в современных языках является позицией нейтрализации – объясняется более древними, возможно праязыковыми, закономерностями построения слога, выражавшимися, в частности, во взаимозависимости характера вторых согласных и гласных в слогах типа (C)VC: глухость конечных согласных была связана с краткостью гласного, а звонкие согласные следовали за долгими гласными. Указанная зависимость обеспечивала сильное примыкание вторых, так называемых сильноначальных согласных к гласным (Бондарко, Вербицкая, Гордина 2000, 103–105); а может быть, напротив, сильное примыкание согласных к гласным порождало "неразрывность их количественного статуса", выражавшуюся в импликации: долгий гласный + краткий (звонкий, слабый) согласный, а если краткий гласный, тогда следующий согласный долгий (глухой, сильный)? При любом соотношении причины и следствия, это положение привело к тому, что последовательности типа (C)VC стали в тюркских языках слоговыми структурами наряду с "естественными" слогами открытого типа (C)V.

Когда система глухие/звонкие "тюркского" языка-источника пратобаского наложилась на субстрат, характеризовавшийся системой сильные/слабые, произошла перекодировка согласных: "тюркские" звонкие стали пратобаскими слабыми, а "тюркские" глухие – соответственно пратобаскими сильными. Однако закономерности построения слогов остались неизменными, так что слоговая структура в прежнем виде сохранилась и при переходе на новый субстрат: слабые согласные следуют за позиционно долгими гласными, сильные – за краткими. Ввиду сильного примыкания согласных к гласным аспирированность конечных сильных распространяется на предшествующие гласные (аналогично тому, как проявляется позиционно обусловленная назализация). И теперь немаловажные вопросы: как и почему в большей части тоба-диалектов было нарушено (длительное, по Э.Р.Тенишеву) существование позиционной аспирации и что явилось фактором, способствовавшим постепенному превращению позиционных фарингализованных аллофонов гласных в самостоятельные фонемы?

Для ответа на эти вопросы еще раз обратимся к различиям в тофаларско-тувинской фарингализации. Тофаларский фактически сохраняет особенности древнетюркской слоговой структуры: краткий фарингализованный гласный + долгий (сильный) согласный и т.д. Тувинский на месте фарингализованного краткого имеет фарингализованный долгий. Именно это изменение, как нам представляется, привело к нарушению неоднократно упоминавшегося древнего слогового распределения и повлекло за собой ослабление последующего согласного.

В том, что конечный сильный согласный окрашивал определенным тембром предшествующий гласный, нет ничего удивительного, это закономерно, и для этого не требуется какого-либо внешнего влияния. Но то, что эта окрашенность приобрела глоттальный характер в виде низкого отрывистого тона, – вот это, видимо, обеспечено внешним влиянием, скорее всего, енисейским. Поскольку роль субстрата в предлагаемых построениях пратобаского очерчивается языком монгольского генетического типа, давшим пратобаскому консонантную систему сильные/слабые (а также вторичные долгие), то влияние енисейских диалектов следует рассматривать как адстратное, накладывавшееся поверх языковых черт субстрата и суперстрата и не вступавшее с ними в противоречие. Говоря о влияниях на пратобаский, следует вспомнить и о самодийском вкладе, о котором речь шла выше, при анализе назализованных долгих. В свете открывающейся таким образом многокомпонентности в формировании в раннем средневековье тоба-диалектов будет правильным вернуться к мысли Г.К.Вернера (никем достаточно серьезно не обсуждавшейся) о том, что тувинский язык и, шире, континуум тоба-диалектов возник в результате конвергентного развития языков разных систем в рамках языкового союза в бассейне Верхнего Енисея.

Начальную стадию возникновения фарингализации законсервировал тофаларский. Он сохраняет две основные ее приметы, перекидывающие мостик от древнетюркского к пратобаскому: 1) взаимообусловленную распределенность гласных и согласных в слоге – фарингализованные здесь выступают только в связке с сильными (что подкрепляет мнение К.А.Бичелдея о нефонематическом, или оттенковом, статусе фарингализованных в тофаларском); 2) фарингализованные здесь кратки. Нынешнее положение тувинского, отличающегося от тофаларского по обоим пунктам, следует рассматривать как развившееся позднее, и это абсолютно достоверно в отношении пункта первого: не только в пратюркском, но и в древнеуйгурском во всех словах, получивших у тоба фарингализацию, находились глухие согласные. Иными словами, тувинский нейтрализовал оппозицию сильных в ин- и ауслауте, тогда как тофаларский ее сохранил (Широбокова 2000, 19). Однако указанная нейтрализация была, скорее всего, лишь следствием перехода кратких фарингализованных в долгие. Какая причина породила эту подвижку, а именно удлинение фарингализованных, – пока не ясно. Таким образом, правило В.М.Иллич-Свитыча "последующие сильные согласные передали напряжение предшествующим гласным, а сами в результате этого перешли в категорию слабых" нуждается в следующих коррективах: "а) сильные согласные передали напряжение предшествующим гласным, возникла фарингализация как дополнительный позиционный признак гласных; б) в центральных диалектах фарингализованные оттенки гласных получили удлинение, что из-за жесткой количественной зависимости согласных от количества гласного повлекло ослабление последующих согласных и нейтрализацию оппозиции сильных/слабых в инлауте в пользу слабых; тем самым различительная функция от согласных перешла к гласным, превратив

их в самостоятельные фонемы; в) в маргинальных и островных диалектах, прежде всего в тофаларском, фарингализованные гласные остались краткими, в инлауте сохраняется противопоставление сильных/слабых согласных, а фарингализованные гласные не получили самостоятельного фонемного статуса".

Такие случаи межтобаских соответствий, как тоф. *seъhes*, тув. *ses* (<**se:s* < **seɣis* < **sekiz*) 'восемь', тоф. *toъhos*, тув. *tos* (< **to:s* < **toɣus* < **toquz*) 'девять', показывают хронологическую распределенность процессов образования долгих гласных и появления фарингализованных гласных: сначала установился механизм вторичного долготообразования (включая образование долгих назализованных), а затем возникла фарингализация (поэтому в ряде слов некоторые диалекты через стадию сонантизации ликвидировали серединные шумные, тогда как другие диалекты, не сонантизовавшие эти шумные, впоследствии включили подобные слова в процесс образования позиционной фарингализации гласных). Об относительном предшествовании падения интервокальных согласных и стяжении этих гласных в единый слог говорят и вышеприведенные примеры (тув. *sal* 'борода и усы', тув. *te* 'дикий козел'), поскольку в тофаларских формах *sahal* 'борода и усы', тоф. *tehe* 'горный козел' вполне могла развиться (но по каким-то причинам не развилась) фарингализация. Можно думать, что разрыв между началом обоих процессов – образованием вторичных долгих и фарингализованных гласных – незначителен, поскольку только самые употребительные слова, наподобие числительных, успели завершить стирание межвокальных сонантов и не были затронуты фарингализацией.

КОНСОНАНТИЗМ

Консонантизм "группы тобаских языков" строится на использовании следующих системообразующих различий согласных: а) по основному активному речевому органу, б) по дополнительному активному речевому органу – опущенная/неопущенная нёбная занавеска, в) по способу образования шума, г) по степени напряженности активного органа и связанному с этим признаку относительной силы/слабости воздушной струи. Первые три типа различительных признаков, создающих между согласными фонемами оппозитивные отношения, аналогичны таковым же в консонантных системах остальных тюркских языков и унаследованы всеми ими от общепратюркского. Четвертый тип оппозиций – противопоставление сильных/слабых – среди тюркских языков отмечен еще лишь в саларском и сарыг-югурском. Во всех остальных тюркских языках, включая близкородственные якутский с долганским, уйгурский и узбекский, реализуется оппозиция глухих/звонких. Учитывая круг языков, реализующих соответственно оппозиции сильных/слабых и глухих/звонких, можно заведомо сказать, что противопоставление по силе/слабости согласных является инновацией тобаских (а также салар-

ского и сарыг-югурского) языков. Сравнительный анализ распределения сильных/слабых для каждого фонемного ряда по позициям в слове между родственными тобаскими диалектами характером своих расхождений также убеждает в том, что нынешняя система является результатом ее вырастания из иной системы (см. ниже).

В каждом из названных типов оппозиций современные тобаские диалекты обнаруживают определенную перестроенность по отношению к пратюркскому, и это сказалось как на качественной стороне оппозиций (например, система сильные/слабые, соотношение смычных и щелинных среди гуттуральных – см. ниже, и др.), так и на репертуаре фонем. Изменения в составе фонем произошли не только под влиянием перестройки оппозитивных отношений, но и в результате системных сдвигов, так называемых историко-фонетических переходов, типа общ.-тюрк. **j-* > тув., тоф. *č-*, уйг.-ур. *z-*, общ.-тюрк. **č-, -č-* > тув., тоф. *š-, -š-*, уйг.-ур. *s-* и т.п. Часть подобных инноваций произошла в период самостоятельного развития тобаских диалектов и при восстановлении пратобаского, следовательно, должна быть элиминирована. Эта часть инноваций составляет содержание собственно истории группы тобаских идиом. Другая часть инноваций, особенно общих у тобаской группы с другими, в частности, с якутской, уйгуро-карлукской, осуществилась еще до отделения пратобаского и в пратобаский, напротив, должна быть постулирована. Эта часть инноваций составляет содержание предыстории тобаских идиом и занимает отрезок их исторического пути от "общетюркского праязыка" до "общетобаского праязыка".

СИСТЕМА ФОНЕМ

Взаимодействие названных типов различительных признаков способно создать большое число звукотипов, каждый из которых может быть фонологизован и представлять собой фонему. Тобаские диалекты (как и в целом тюркские языки, а также, можно сказать, как и обычно реальные языки) используют далеко не полностью потенциально возможную систему, фонологизуя некоторую часть звукотипов и занимая некоторую другую часть в качестве их обусловленных (позиционных) аллофонов.

Оппозиция по активному органу в тобаских диалектах реализуется в следующих группах согласных: губные–переднеязычные–среднеязычные–гуттуральные (заднеязычные и увулярные)–фарингальные; в каждом из этих рядов существуют назальные фонемы, противопоставленные ртовым, правда фарингальный носовой *h̃* отмечен только в тофаларском "в немногих словах" (Рассадин 1971, 51). Все группы согласных, кроме фарингальных, являются исконными для тюркских языков и восходят к общепратюркскому. В группе гуттуральных объединяются согласные заднеязычные и увулярные – *k* и *q*, *g* и *ɣ*, *x* и *χ*, поскольку как в целом в тюркских языках, так и в тобаских диалектах заднеязычные и увулярные не противопоставлены друг другу фонематически, а выступают как позиционные варианты, реализуемые в словах соответственно с передним и задним вокализмом.

Фарингальные согласные не были свойственны пратюркскому языку. В ряде современных тюркских языков, в частности в якутском, *h* развился из сибилянтов, главным образом из **s*. В тобаских диалектах *h* развился из гуттурального смычного и так же, как *h* < **s* в других тюркских языках, представляет собой собственную инновацию.

Оппозиция по способу образования шума реализуется в разграниченности одинаковых по месту образования согласных на смычные и щелевые, а также комбинированные по способу образования смычно-щелевые (аффрикаты). Противопоставление смычных и щелевых в тобаских диалектах реализуется в четырех исконных для тюркских языков рядах, тогда как инновационный фарингальный ряд представлен щелевым. Аффрикаты, как и в общепратюркском, наличествуют только в среднеязычном ряду. Характер оппозитивных отношений и общеструктурное распределение типов шумных по артикуляторным рядам являются в тобаских идиомах такими же, как в общепратюркском, однако именно среди тобаских щелевых достаточно много инноваций, произошедших в результате различного рода фонемных переходов.

Оппозиция по напряженности/ненапряженности. Существенной особенностью тобаского консонантизма, как уже сказано, является то, что его система построена на противопоставлении сильных и слабых согласных, создаваемом различиями в большей/меньшей напряженности артикулирующих органов (сонанты в этой системе занимают положение сверхслабых). Другие артикуляторные факторы – аспирация (придыхательность)/отсутствие аспирации, участие/неучастие голоса (глухость/звонкость), длительность/краткость согласных – являются сопутствующими и зависят от комбинаторных условий. Все четыре названных фактора противопоставленности согласных фонем физиологически (артикуляторно) являются взаимосвязанными: глухие согласные произносятся всегда с большим напряжением, с более или менее выраженной аспирацией, более длительно; звонкие менее напряжены, кратки, в норме в них нет аспирации. Фонологизованным может быть один из признаков, другие становятся факультативными; иногда факультативные признаки используются как обязательные в позиционном аллофонировании. Каждый из названных типов противопоставленности (в случае его фонологизованности) будет отличаться от другого позициями максимального различения и нейтрализации, а также позициями аллофонирования, характерными уже для каждого конкретного языка, но наборы аллофонов в принципе могут быть или очень близки, или идентичны. Это и дает возможность людям с разными артикуляторными базами (навыками произнесения) практически осваивать фонологическую систему чужого языка, производя субституции на уровне аллофонов. В индивидуальном случае это создает акцент, поддающийся минимизации; в общем случае, при перенятии чужого

языка целой популяцией, "акцент народа" творит новый язык, как это и произошло, вероятно, с пратоба.

Являясь результатом изменения характера оппозиции, тобаские сильные/слабые, тем не менее, не обнаруживают взаимнооднозначного соответствия с системой глухие/звонкие.

В тувинском, тофаларском, уйгуро-урянхайском и других тобаских идиомах в целом мы имеем следующие ряды фонем (сильные выделены с помощью значка аспирации ^{h}, слабые – отсутствием значка и указанием на возможность реализации в виде глухих/звонких аллофонов):

1) смычные: сильные – *p^h, t^h*, слабые – *p/b, t/d, k/g*, сверхслабые (сонанты) – *m, n, ń (ń);*

2) щелевые: сильные – *x^h, s^h, $š^h$*, слабые – *s/z, š/ž, h*, сверхслабые (сонанты) – *l, r, ɣ, j, ǰ;*

3) аффрикаты: *ħč, ħž.*

АЛЛОФОНИРОВАНИЕ (ДИСТРИБУЦИЯ АЛЛОФОНОВ)

Позиционное аллофонирование в тувинском, тофаларском и уйгуро-урянхайском категорий, взаимопротивопоставленных по силе/слабости согласных, судя по имеющимся описаниям, реализуется в следующем виде (примеры главным образом в разделе "Дистрибуция фонем").

Анлаут. В абсолютном начале слова смычные согласные губно-губного и переднеязычного рядов, когда они бывают сильными фонемами, произносятся всегда глухо и с относительно сильным (заметным) придыханием, т.е. реализуются в виде напряженных глухих аспирированных аллофонов *p^h-* и *t^h-*. Эти же согласные, будучи слабыми фонемами, в абсолютном начале слова произносятся "с весьма слабым озвончением или вовсе без озвончения" (Исх., Пальм. 50, 57; Рассадин 1971, 41, 47), т.е. реализуются как ненапряженные (близкие к имплозивным) непридыхательные глухие или полузвонкие аллофоны, соответственно *p-* или *b-* для губно-губных и *t-* или *d-* для переднеязычных.

Анлаутные гуттуральные имеют две важные особенности фонетической реализации в тобаских диалектах. В словах с мягкоорядным вокализмом выступают заднеязычные, а в словах с твердорядным вокализмом – увулярные (иногда их называют глубокозаднеязычными) смычные и щелевые согласные, которые благодаря дополнительности своего распределения не составляют отдельных фонемных рядов, а образуют позиционные аллофоны. Эта особенность присуща всем тюркским языкам, однако в части из них (например, в турецком) аллофонирование в ряду гуттуральных осуществляется парой заднеязычных – задненебного (твердые *k, g* и т.д.) и средненебного (мягкие *k', g'* и т.д.) артикулирования, тогда как в большинстве тюркских языков, как и в тобаских идиомах, сохраняется, по-видимому, исконный для них тип аллофонии – парой увулярные/заднеязычные.

Вторая особенность реализации гуттуральных является чисто тобаской и связана с системой сильные/слабые. Когда в этих диалектах анлаутные гуттуральные функционируют в качестве аллофонов слабой фонемы */k/*, они реализуются как смычные глухие *k-* и *q-* (в позициях сандхи в потоке речи здесь могут выступать озвонченные аллофоны *g* и *ɢ*). Однако в качестве функционально противопоставленных им аллофонов сильной фонемы */k^h/* выступают щелевые согласные: в тувинском – заднеязычный *x-* в мягкорядных словах, увулярный *χ-* и в некоторых случаях фарингальный *h-* – в твердорядных словах; в тофаларском – фарингальный *h-* выступает и в твердорядных, и в мягкорядных словах; в ряде случаев тофаларский *h-* получает назализацию от последующего назализованного гласного: *h̃*. Подобная особенность реализации исконных начальных гуттуральных смычных в виде щелевого или смычного в зависимости от силы/слабости согласного в точности соответствует положению дел в монгольских языках. Надо сказать, это естественное развитие гуттурального в данной ситуации, т.е. в ситуации его функционирования в качестве сильного аспирированного и при отсутствии фонематической противопоставленности между заднеязычным и увулярным смычными: придыхательный элемент *h* как главный признак напряженности согласного начинает доминировать и либо трансформирует смычный элемент *k* в проточный заднеязычный или увулярный звук (как в тувинском), либо полностью вытесняет его (как в тофаларском).

Ауслаут. Конец первого слога и/или конец слова является естественной позицией нейтрализации согласных, противопоставленных по напряженности (как и по глухости/звонкости). В тувинском ауслауте здесь выступают ненапряженные глухие аллофоны *p, t, s, š, k/q*. Тофаларский ауслаут показывает принципиально иную картину, кроме губно-губного ряда, где также выступает слабый *p* в глухом варианте. Переднеязычные и заднеязычные согласные могут быть представлены в тофаларском ауслауте наряду со слабыми также сильными согласными, но при определенных позиционных условиях: сильные согласные будут там, где в слове будет находиться фарингализованный гласный, а слабые займут место в связке с чистыми (нефарингализованными): *аъt^h* 'лошадь' – *at* 'имя', *аъs^h(-)* 'повесь (вешать)' – *as-* 'заблудиться, сбиться с пути', *аъ$š^h$(-)* 'открой (открывать)' – *aš-* 'перейти (через горы)', *аъrt^h-* 'оставаться, быть в излишке' – *art* 'перевал', *кеъs^h* 'отрежь' – *kes* 'броди', *беъk^h* 'крепкий' – *beɣ* 'начальник'.

Инлаут. В середине слова сохраняется то же приципиальное различие между тобаскими идиомами, что и в ауслауте: в большинстве из них в этой позиции применяются только слабые, тогда как в окраинных диалектах, и прежде всего в тофаларском, могут выступать и сильные, и слабые (подробнее см. след. раздел). Сильные согласные в любом окружении представлены глухими аллофонами, тогда как слабые рядом с глухими согласными реализуются как глухие, а перед сонантом или другим гласным (т.е. в интервокальной позиции) озвончаются:

тоф. *аъt^h*, тув. *аъt* 'лошадь' – тоф. *аъt^hym*, тув. *аъdym* 'моя лошадь';

тоф., тув. *at* 'имя' – тоф., тув. *adym* 'мое имя';

тоф. *aъs^{h}qan*, тув. *aъsqan* 'повесил' – тоф. *aъsar* , тув. *aъzar* 'повесит';

тоф., тув. *asqan* 'заблудился, сбился с пути' – тоф., тув. *azar* 'заблудится'.

Общей особенностью диалектов является ослабление смычки в интервокальном положении, а также после сонантов и перед гласными, т.е. *b* и *p* выступают в этих позициях в виде плоскощелевых *β* и *φ*. Однако и здесь положение идиом неодинаково: в тофаларском свободно варьирует – даже в речи одного и того же человека – щелинное и смычное произношение, тогда как в тувинском возобладало и вошло в норму щелинное произношение (отображаемое обычно на письме графемой *в/v*): тув. *t^{h}eβe*, тоф. *t^{h}ebe~ t^{h}eβe* 'верблюд', тув. *tyъβa* 'тувинец', тоф. *toъp^{h}a ~ toъφa* 'тофа(лар)'.

ДИСТРИБУЦИЯ ФОНЕМ

Распределенность сильных/слабых по позициям слова несимметрична для каждого артикуляторного ряда и при этом неодинакова в каждом идиоме.

Анлаут. В губной паре *p^{h}–p/b* как в тувинском, так и в тофаларском в начале слова значительно, в пропорции 5:1, преобладает слабый *p/b*. Среди слов с начальным сильным *p^{h}* встречаются в основном средневековые заимствования из монгольского языка и поздние русизмы, но есть и небольшое число исконных тюркских слов: тув., тоф. *p^{h}aq* 'полость щек', тув., тоф. *p^{h}aš* 'котел (тув.), посуда (любая) для варки пищи (тоф.)', тоф., тув. *p^{h}ök-* 'насыщаться жирной пищей (тоф.), наедаться досыта (тув.)'. Еще в четырех случаях сильный анлаутный *p^{h}* представлен в тувинских словах, а тофаларские выступают со слабым *p*: тув. *p^{h}aɣa* – тоф. *paɣa* 'лягушка', тув. *p^{h}aš* 'сифилис' – тоф. *paš* 'рана', тув. *p^{h}or* 'глина' – тоф. *por* 'естественные солонцы', тув. *p^{h}öš* – тоф. *pöš* 'кедр'. Представляется, что здесь везде тувинский сильный развился позднее, а тофаларский слабый – исконный: первые три слова имели в пратюркском **b* в реконструкции Э.В.Севортяна (ЭСТЯ II); название кедра – скорее всего, местное субстратное слово, судя по алтайской форме *möš* – первоначально тоже было со звонким, отразившимся в виде слабого согласного в тофаларском.

В переднеязычной паре *t^{h}–t/d* в анлауте распределение более пропорционально, хотя и здесь в соотношении 2:1 преобладает слабый *t/d*. Со слабым *t/d-* выступают общетюркские слова, для которых в реконструкции Э.В.Севортяна постулируется звонкий *d-*: тув., тоф. *daɣ* 'гора', тув., тоф. *dal-* 'падать в обморок; биться в припадке', тув., тоф. *damyr* 'кровеносный сосуд', тув., тоф. *daŋ* 'заря', тув., тоф. *daš* 'камень', тув., тоф. *daštyn* 'снаружи' (< * *daš* 'внешняя сторона'), тув., тоф. *de-* 'сказать', тув., тоф. *deɣ-* 'касаться', тув. *dem, demin*, тоф. *de:min* 'только что, недавно', тув., тоф. *demir* 'железо', тув., тоф. *deŋ* 'равный', тув., тоф. *deš-* 'прокалывать', тув., тоф. *der* 'пот', тув., тоф. *dile-* 'просить', тув., тоф. *diš* 'зуб', тув., тоф. *dol-* 'наполняться', тув., тоф. *doŋ-* 'замерзать', тув., тоф. *dört* 'девять', тув., тоф. *duruja* 'журавль', тув., тоф. *dus* 'соль', тув., тоф. *duš-* 'встречаться', тоф. *duša-*, тув. *duъža-* 'путать передние ноги лошади' (ЭСТЯ IV).

Среди слов с начальным сильным *t^{h}*, как и в случае с *p^{h}*, ощутима прослойка монголизмов, но встречаются также общетюркские слова: тув. *t^{h}aj-*, тоф. *t^{h}aj* - 'скользить', тув., тоф. *t^{h}any-* 'узнавать', тув. *t^{h}eve*, тоф. *t^{h}ebe* 'верблюд', тув., тоф. *t^{h}eъp-* 'лягать, пинать', тув., тоф. *t^{h}öъk-* 'выливать', тув. *t^{h}uъp-*, тоф. *t^{h}uъp-* 'находить', тув., тоф. *t^{h}uъt-* 'поймать', тув., тоф. *t^{h}uъrt-* 'тянуть'.

Как и среди остальных анлаутных смычных в переднеязычном ряду, между тувинским и тофаларским также существует несовпадение в представленности одних и тех же слов слабой или сильной фонемой: тоф. *t^{h}aqyjaq* – тув. *taɣa:* 'курица', тоф. *t^{h}op^{h}oq* – тув. *tovuq* 'коленная чашечка', тоф. *t^{h}öp^{h}ö* – тув. *tüvü* 'метель', тоф. *t^{h}oъp^{h}raq* – тув. *tovuraq* 'земля, почва', тоф. *t^{h}yt* – тув. *tyt* 'лиственница'. Существует и прямо противоположное отражение, когда в тофаларском представлен слабый начальный *t*, а в тувинском – сильный *t^{h}*: тоф. *tajaq* – тув. *t^{h}ajaq* 'посох', тоф. *taŋma* – тув. *t^{h}aŋma* 'печать', тоф. *tar* – тув. *t^{h}ar* 'узкий', тоф. *tara:* – тув. *t^{h}ara:* 'злаки, зерно', тоф. *tereŋ* – тув. *t^{h}ereŋ* 'глубокий', тоф. *tot-* – тув. *t^{h}ot-* 'насытиться', тоф. *tur-* – тув. *t^{h}ur-* 'вставать', тоф. *tyn* 'дыхание' – тув. *t^{h}yn* 'жизнь'.

В ряду гуттуральных соотношение между тувинским и тофаларским анлаутом коренным образом отличается от их в принципе одинакового положения в ряду губных и переднеязычных, и это отличие касается характера отражения пратобаского сильного *k^{h}*. Пратобаский анлаутный слабый *k* сохраняется во всех тоба диалектах в виде смычных *k* и *q*. Соотношение слов с начальным слабым и начальным сильным, как и в других рядах, в пользу слабого в полтора-два раза, т.е. несколько меньше чем в переднеязычном ряду. Примеры:

тув., тоф. *kel-* 'приходить'; тув., тоф. *kes-* 'бродить'; тув. *kes-*, тоф. *kes^{h}-* 'отрезать'; тув., тоф. *ket-* 'одеть'; тув., тоф. *kir-* 'войти'; тув. *kiži*, тоф. *kíši* 'человек'; тув., тоф. *kök* 'синий'; тув., тоф. *kör-* 'видеть'; тув. *köъš-*, тоф. *köъš^{h}-* 'кочевать'; тув., тоф. *küs* 'осень'; тув., тоф. *küš* 'сила';

тув., тоф. *qadyr* 'отвесный, обрывистый'; тув., тоф. *qajda* 'где?'; тув. *qaъp-*, тоф. *qaъp^{h}-* 'хватать (ртом)'; тув., тоф. *qas* 'гусь'; тув. *qaъzyrgy*, тоф. *qaъs^{h}yrgy* 'вихрь, смерч'; тув., тоф. *qas-* 'копать, рыть'; тув. *qaъt*, тоф. *qaъt^{h}* 'слой'; тув. *qaъt-*, тоф. *qaъt^{h}-* 'вить, свивать'; тув. *qaъt-*, тоф. *qaъt^{h}-* 'засыхать'; тув., тоф. *qazy* 'брюшной жир лошади'; тув., тоф. *qyl-* 'делать'; тув., тоф. *qys* 'девушка'; тув., тоф. *qys-* 'раскаляться'; тув. *qyъs-*, тоф. *qyъs^{h}-* 'сжимать'; тув., тоф. *qysyr* 'яловая'; тув. *qyъš*, тоф. *qyъš^{h}* 'зима'; тув., тоф. *qyzyl* 'красный'.

Пратобаский сильный *k^{h}* в современных диалектах отразился, как уже сказано, в виде щелевых [x], [χ], [h]: значительная, по-видимому, аспирированность сильного *k^{h}* (скорее всего, его увулярная реализация, особенно в заднерядных словах; в мягкорядных действовала аналогия) привела к утрате смычки и переходу смычного в щелинный звук. Однако фонологическое со-

держание указанных рефлексов неодинаково: если тувинские *x* и *χ* являются фонологически сильными (а это подавляющее число, видимо, 99% отражений), то фарингальный *h* – фонологически слабый согласный. В тувинском с начальным *h* представлено всего несколько слов, но в тофаларском это единственное отражение пратобаского сильного k^h:

тув. *xady*, тоф. *hady* 'сосна'; тув. *xam*, тоф. *ham* 'шаман'; тув. *xyl*, тоф. *hyl* 'волос, щетина'; тув. *xir*, тоф. *hir* 'грязь'; тув. *xöl*, тоф. *höl* 'озеро'; тув. *xün*, тоф. *hün* 'солнце; день'.

Тотальность отражения пратобаского сильного $*k^h$ в тофаларском в виде слабого *h* привела к утрате среди тофаларских анлаутных гуттуральных противопоставления по силе/слабости. Теперь весь ряд тофаларских гуттуральных представлен только слабыми: слабые смычные [k] и [q] являются позиционными аллофонами слабого /*k*/, а в слабом фарингальном *h* сошлись аллофоны сильного /k^h/: [$*k^h$] >*h*, [$*q^h$] >*h*. Принципиально изменился и характер оппозиции: из привативной по степени напряженности согласных она превратилась в эквиполентную по признакам активного органа (заднеязычные/фарингальные) и по способу образования шума (смычные/щелинные).

Благодаря тому, что ослабление в тофаларском пратобаского начального сильного гуттурального не привело к совпадению с рефлексами исконно слабого гуттурального, а представлено особым рефлексом *h*, оказывается доступным определить, что и в гуттуральном ряду, как и в других рядах, были междиалектные несоответствия в представленности анлаутного гуттурального сильной или слабой фонемой. В нижеследующих примерах тувинские формы начинаются со слабого *k* (*k/q*; в современной тувинской графике оба эти аллофона передаются одной буквой *к*), тогда как тофаларский *h* свидетельствует, что прежде здесь в этом диалекте находился сильный $*k^h$:

тув. *qanat*, тоф. *hanat* 'крыло'; тув. *quj*, тоф. *huj* 'пещера'; тув. *qul* 'раб', тоф. *hul* 'батрак'; тув. *qum*, тоф. *hum* 'батрак'; тув. *kidis*, тоф. *hidis* 'войлок'; тув. *küde:*, тоф. *hüdæ:* 'зять'.

Есть случаи противоположного характера, т.е. тувинские формы обладают в анлауте сильным гуттуральным, а тофаларские – слабым:

тув. *xadyŋ*, тоф. *qadyŋ* 'крыло'; тув. *xar*, тоф. *qar* 'снег'; тув. *xol*, тоф. *qol* 'рука'; тув. *xon-*, тоф. *qon-* 'ночевать'; тув. *xeg-*, тоф. *keg-* 'резать, крошить'; тув. *xügür*, тоф. *küker* 'сера'.

Инлаут. В инлауте проявляется коренное различие между тувинским, с одной стороны, тофаларским и уйгуро-урянхайским – с другой: в тувинском различение сильных/слабых в инлауте нейтрализовано и здесь в этой позиции употребляются только слабые, тогда как в тофаларском и уйгуро-урянхайском – и сильные, и слабые (см. также выше раздел "Фарингализованные гласные"). Общей особенностью диалектов является ослабление смычки в интервокальном положении, а также после сонантов и перед гласными, т.е. *b* и *p* выступают в этих позициях в виде плоскощелевых *β* и *φ* (см. выше). Однако и здесь положение идиом неодинаково: в тофаларском свободно варьирует – даже в речи одного и того же человека – щелинное и смычное произношение, тогда как в тувинском возобладало и вошло в норму щелинное произношение.

Отмеченность сильных проявляется в том, что они сохраняют свои особенности в любой позиции в слове. Так, в анлауте они всегда глухие, в инлауте они произносятся либо с придыханием, либо геминированно. Такое распределение свойственно тофаларскому. Считается, что оппозиция сильных–слабых в тувинском инлауте в основном нейтрализована, поскольку в подавляющем большинстве случаев все инлаутные тувинские согласные реализуются в звонком варианте. Однако в ряде тувинских слов сохраняется глухое и при этом слегка геминированное произношение: *eki* [ek:i] 'здравствуй', *akyj* [*ak:yj*] 'мой старший брат' (Исх., Пальм. 63). В отличие от этого, слабые смычные в интервокальной позиции и после сонантов фрикатизуются, т.е. *b* выступает в виде *β*, *k* – в виде *γ*.

В начале и конце слова, а также в середине слова перед сильным согласным слабые согласные реализуются, как правило, в виде глухих; в середине слова между гласными или между сонантом и гласным слабые выступают в звонком варианте.

ИСТОРИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

К происхождению системы сильные/слабые

Значительная смещенность в соотношении сильных/слабых согласных в сторону слабых по всем рядам тобаского анлаута показывает, что предшествующая пратобаскому система согласных языка-донора не была основана на том же противопоставлении. Вероятно, древнеуйгуро-карлукская система состояла из глухих и звонких. В этом случае глухие согласные, не обладая в системе глухие/звонкие аспирированностью (признаком, акустически необходимым для артикулирования и различения сильных, но избыточным для различения глухих), могли быть восприняты системой сильные/слабые языка-реципиента как "одинаково" слабые звуки. Именно таким образом возможно объяснить описанные выше междиалектные несовпадения в представленности слов соответствующим слабым или сильным согласным.

Соответствие **č- > š-, s-; *-č- > -š-*

Общетюркская аффриката *č* в большинстве тобаских диалектов во всех позициях развилась в *š*, при этом исконное *š* сохранилось; в уйгуро-урянхайском, по-видимому, общетюрк. *č-* получило дальнейшее развитие, через стадию *š* перешло в *s*:

общетюрк. *čāɣ* – тув., тоф. *šaɣ* 'время' || тув. *šaq* 'час; часы, время';
общетюрк. *čap-* – тув., тоф. *šap/v-* 'скакать на коне';
общетюрк. *čāɣ* – тув., тоф. *šaɣ* 'время';
др.-тюрк. *čyn* (< сев.-кит.) – тув. *šyn* 'правда, истина';
общетюрк. *čöl* – тув., тоф., уйг.-ур. *šöl* 'поле; степь; пустыня';
(?) др.-тюрк. *čaj* (< сев.-кит.) – тув., тоф. *šaj* 'чай';
др.-тюрк. *čerig* (< санскрит.) – тув., тоф. *šeriɣ* 'войско';

др.-тюрк. *barča* – тоф. *barša* ‘весь’;
общетюрк. *ič-* – тув., тоф. *iš-* ‘пить ’;
общетюрк. *uč* – тув., тоф. *иъš* ‘конец’;
общетюрк. *uč-* – тув., тоф. *иъš-* ‘лететь’;
общетюрк. *üč* – тув., тоф. *üš* ‘три’;
общетюрк. *köč-* – тув., тоф. *köš-* ‘кочевать’;
общетюрк. *küč* – тув., тоф. *küš* ‘сила’;
общетюрк. *qač* – тув., тоф. *qaъš* ‘сколько?’.

Некоторые слова остаются с общетюркским начальным *č-*, не пройдя стадию *č-* > *š-*: тув., тоф. *čadyr* ‘чум, шалаш, шатер’. В тофаларском, наряду с традиционным для тюркских языков значением ‘чум, шалаш, шатер’, развилось также ‘берлога; загон для оленей’, что указывает на давнюю укорененность слова. Действительно, слово санскритского происхождения, заимствованное в тюркские языки через посредство иранских (Cl. EDT 403), фиксируется у Махмуда Кашгари (XI в.).

В бурятском *č-* > *š-* > s-, тогда как в монгольском *č-* > *ts-*. Якутский совпадает с бурятским, но не с монгольским.

Вероятно, пратобаский вместе с праякутским сначала получил *s-* (< **j-*), а затем это вторичное анлаутное *s* дало *š* и далее *č*, поскольку есть случаи, когда переходом *s-* > *š-* затронуто и первичное *s-*:

общетюрк. *sary-* – тув., тоф. *šaŋy-* ‘обматывать, бинтовать’;
общетюрк. *sanč-* – тув. *šaš-/ šanč-*, тоф. *šēš-* ‘ткнуть, пронзить’.

Как свидетельствует форма *šanč-*, а также словообразовательные формы с аффиксом деятеля **-čy* и некоторыми другими, в тувинском переход **-č->-š-* совершился не во всех позициях: после глухих согласных и сонантов *l, m, n, ŋ* исконный *-č* сохраняется: *balyqčy* ‘рыбак’, *aŋčy* ‘охотник’ при тоф. *balyqšy, aŋšy*; после основ на гласные и сонанты мы имеем *ž*, который восходит к *š*: *tutdugžu* ‘строитель’, *sadygžy* ‘торговец’ (Исх., Пальм. 154–155).

Соответствие **j- > č-, z- || ń*

Общетюркский среднеязычный начальный *j* в тобаских диалектах имеет двоякое отражение: в виде ртовых и носовых согласных, причем ртовые представлены различными среднеязычными и переднеязычными звуками. В центральном диалекте Тувы и основанном на нем тувинском литературном языке *j-* системно заменился передне-среднеязычной аффрикатой *č-* (фонетически: t’^{š}’). В западном тувинском диалекте ему соответствует “палатальный взрывной [č], близкий по артикуляции к [d’] алтайского языка” (М.Доржу 1997, 8), т.е. реализуется в среднеязычном смычном (взрывном) варианте *ĥ* [t’^{ś}]. В тофаларском и уйгуро-урянхайском общетюркский *j-* в большинстве случаев имеет ртовые рефлексы: тоф. *č*, уйг.-ур. *z*, но наряду с этим в данных диалектах представлен и носовой среднеязычный *ń*. В тофаларском ртовая серия чаще всего реализуется в виде слабой смычно-щелевой аффрикаты – глухой *ĥś* (*č*) или озвонченной *ĥź* (*ʒ*), а также в виде среднеязычных смычных – глухого *ĥ* (*t’*) или звонкого *ɧ* (*d’*); “попав в положение между гласными, эта аффриката переходит в среднеязычный щелевой *j*: *...men ĥźora:n men* ‘я ходил’, но: *men ynda ĥśora:n men* ‘я там ходил’” (Рассадин 1971, 48). То, что восстановление первичного **j* здесь не случайно, доказывают случаи аналогичного отражения в тоджинском диалекте, в котором а) *j* спорадически сохраняется, но б) в большинстве случаев перешел в ртовый *č-*, в) частью – в носовой среднеязычный *ń*:

а) общетюрк. *jaŋy* – тув. *ča:,* тодж. *ja:*, тоф., уйг.-ур. *ńā:* ‘новый’;
б) общетюрк. *jaɣ* – тув., тоф. *čaɣ*, уйг.-ур. *zag* ‘жир’;
общетюрк. *jaj* – тув., тоф. *čaj* ‘лето’;
общетюрк. *jeti* – тув., тоф. *čedi* ‘семь’;
общетюрк. *jer* – тув., тоф. *čer*, уйг.-ур. *zer* ‘земля’;
общетюрк. *jurt* – тув., тоф. *čиърt* ‘остов чума (тоф.); стойбище, страна (тув.)’;
общетюрк. *jyl* – тув., тоф. *čyl* ‘год’;
общетюрк. *jüz* – тув., тоф. *čüs*, уйг.-ур. *züs* ‘сто’;
в) др.-тюрк. *jaɣry-* – тув. *ča:ra-*, тоф. *ńa:ry* ‘набиться ссадине (на спине верхового животного)’;
др.-тюрк. *jinčü* ‘жемчуг’ (<др.-кит.) – тув. *činči*, тоф. *ńińči* ‘бусы. бисер’;
общетюрк. *joɣun* – тув. *čo:n*, тоф. *ńo:n* ‘толстый’.

Исключения:
общетюрк. *jyldys* – тув., тоф. *syldys* ‘звезда’ – теоретически ожидаемая якутская форма, хотя в якутском *sulus* (< **suldus*, ср. узб. *julduz*, уйг. *jultuz* < **jyldus*);
общетюрк. *jyldys* – тоф. *syldys* ‘корни растений’;
общетюрк. *jüksük* – тув. *čüksük*, тоф. *süksük* ‘наперсток’ – як. *süütük*.

Ср.: тоф. *suqlaan* ‘съезд родов’ (<бур. *suglaan*, при ст.-письм.монг. *čuglagan*).

Исключения типа **j- > s-*, скорее всего, необходимо истолковывать как формы, оставшиеся по каким-то причинам на первой ступени многоступенчатого перехода **j- > *s- > *š- > č-*. Возможно, уйгуро-урянхайское начальное *z-* <**j-* следует объяснять озвончением этого реконструируемого **s-*.

Тофаларское развитие общетюркского *j* в носовой по большей части объясняется присутствием в слове еще одного носового звука, однако есть примеры, когда аналогичное влияние оказывает неносовой сонант *ɣ*: *taqȳ-ńaq* ‘курица’ при др.-тюрк. *taqyɣu*.

Оглушение и озвончение

В тобаских диалектах можно констатировать спорадические позиционные оглушения и озвончения в группах сонант + смычный:

тоф., тув. *qusqun* ‘ворон’ при др.-тюрк. *quzɣun*;
тоф., тув. *baldyr* ‘икра, голень (ноги)’ при др.-тюрк. *baltyr;*
тув. *beldir,* но тоф. *beltir*, алт. *beltir*, хак. *piltɪr* ‘место слияния рек’.

Сохранение конечного сонанта **-g*

Как правило, заднеязычный сонант *-g* на конце первого (корневого) и неперного (обычно аффиксального, но иногда и опростившегося в основе слова) слога сохраняется. Сохранение конечного *g* является существенной чер-

той фонетики как тобаских диалектов, так и других языков северо-восточной группы, оно принято в качестве их классификационного признака:

тув., тоф. *daɣ* 'гора';

тув., тоф. *čɣ-* 'собирать (в кучу)';

тув., тоф. *balyɣ* 'рана';

тув., тоф. *beɣ* 'бек, князь';

тув., тоф. *saryɣ* 'желтый';

тув., тоф. *uluɣ* 'большой, великий'.

Попадая в интервокальное положение, этот сонант исчезает: *daa* (<*daɣy*) 'его гора'; *čyyr* 'соберет'.

Редкие исключения:

тоф. *ču-* 'мыть, стирать', тув. *čuɣ-* 'мыть, стирать' // *čuur* 'постирает'.

Переход *-rq* > *-rt*

qort-//qorq- 'бояться', *qortuq* 'трус', тоф. *qort-//qorhar-*, як. *kort-//korgar-*;

тоф. *beъrt* 'хороший, старательный', тув. *beъrt* 'труднопроходимый' (уйг. *be(r)k;* як. *bert* 'хороший, отличный');

тув., тоф. *böъrt* 'шапка', общетюрк. **börk* (узб. *bûrk,* уйг. *bök;* як. *bergehe*);

тув. *dordum* 'простой шелк'//тув. *torgu* 'шелк' / тоф. *dorgo* 'шелковая ткань'.

Судя по затронутости этим переходом якутского языка, данное фонетическое явление развилось еще в эпоху, предшествовавшую образованию пратобаского, и было унаследовано им.

МОРФОЛОГИЯ

Свойственные тюркским языкам основные и древнейшие способы и модели словообразования, а также ядро словоизменительных категорий сложились в тюркских языках еще до распада общетюркского языка, поскольку все наиболее характерные явления этого уровня присущи с разной степенью вариативности всем языкам-потомкам. Однако изменения в морфологии, начавшиеся еще до распада праязыка, продолжались, во-первых, и в период отстаивания групповых праязыков, т.е. в период совместного ареально-компактного бытования группы близкородственных в языковом отношении племен на смежных территориях; во-вторых, аналогичные процессы шли и в период их начавшегося разобщения. Провести границу между первым и вторым периодом не столько в хронологическом, сколько в лингвистическом смысле, т.е. наметить контуры морфологии группового праязыка, еще труднее, чем вывести общий набор морфем общепратюркского. Впрочем, при групповой реконструкции трудности того же порядка, что и при реконструкции общепраязыковой: а) отсутствие памятников, синхронных времени существования группового, в данном случае, тобаского праязыка, а также памятников последующих эпох; б) надэтнический, литературный характер языка памятников, могущих быть отнесенными к древнетобаскому языку; в) междиалектные смешения; г) субстратные наложения.

ИМЯ

Словоизменительная триада тюркского имени – число, принадлежность, падеж – несомненно, восходит к праязыку. Послепраязыковые изменения затронули более всего падеж – его номенклатуру, состав морфемных показателей и правила морфонологического аллофонирования; в принадлежности варьировали показатели в части парадигмы, в особенности 1-е и 2-е лицо ед. и мн. числа; число трансформировалось семантически.

ЧИСЛО

В тобаских диалектах, как и в других группах тюркских языков, за время самостоятельного существования (примерно, последние тысяча – тысяча с лишним лет) на базе общетюркского показателя *-lar/-lär* происходила выработка грамматической категории числа. В древнейших памятниках – рунических – эта форма еще сохраняет следы своего происхождения из формы деривационного плана, со значением репрезентативной множественности. На это указывают такие ее особенности, как употребление: "с именами одушевленных объектов, и более узко – лиц высокого положения (родственников каганов, беков и т.п.)" (Кормушин ЯМ ТЯ 97; см также: Gab.AG §168; Кононов 1980, 145). В древнеуйгурском положение совершенно иное: здесь *-lar/-lär* регулярно присоединяется к названиям неодушевленных предметов, выражая значение расчлененной множественности. Именно в таком значении *-lar/-lär* выступает в подавляющем большинстве тюркских языков, в том числе в тобаской группе.

Морфонология аффиксального показателя *-lar /-lär* в тобаских диалектах в основном единообразна: после гласных и неносовых сонантов *g, j, r* – основные варианты *-lar/-lär* (*bo:lar* 'ружья', *öglär* 'дома', *čärlär* 'земли'), после носовых сонантов *m, n, ŋ* – варианты *-nar/-när* (*hämnär* 'реки', *di:ŋnär* 'белки'), после глухих (сильных) согласных – варианты *-tar /-tär* (*inäktär* 'коровы'); колебания проявляются в аффиксации основ на сонант *-l*: в тофаларском всегда, а в говорах Западного диалекта Тувы единично (видимо, остаточно) – *-lar/-lär*, тогда как остальные диалекты Тувы, как и литературная норма (которая, видимо, и повлияла на речь молодого поколения представителей Западного диалекта)? – *-dar/-där* (тоф., Зап. *o:llar* // тув. *o:ldar* 'сыновья, мальчики').

Таблица 1

	Основы на гласные и сонанты *g, j, r*	Основы на сонанты *-m, -n, -ŋ*	Основы на сонант *-l*	Основы на глухие (сильные) согласные *p, t, k, s, š*
Тоф.	*-lar/-lär*	*-nar/-när*	*-lar/-lär*	*-tar/-tär*
Тув. Зап.д.	*-lar/-lär*	*-nar/-när*	*-dar/-där* *-lar/-lär*	*-tar/-tär*

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Понятие принадлежности в языке возникает, вероятно, гораздо раньше, чем понятие собственности в обществе, поскольку связано прежде всего со словами, передающими родство. Вот почему во многих языках при терминах родства более обязательно указание на отнесенность к тому или иному участнику акта коммуникации. С другой стороны, поэтому и понятийная структура языковой принадлежности повторяет, копирует субъектную расчлененность предикативных показателей тех или иных языков, включая всевозможные различия в числе (двойственные, инклюзивно-эксклюзивные и т.п. формы), роде и т.д. Со временем показатели субъектной отнесенности людей стали использоваться для выражения субъектной принадлежности вещей, а впоследствии – и для отнесенности вещей друг к другу, сформировалась грамматическая категория субъектно-определительной отнесенности, по традиции называемой принадлежностью или притяжательностью. Сама эта категория в тюркских языках настолько раннего формирования, что ее показатели успели войти в качестве аффиксов лица в наиболее древнюю финитную форму прошедшего на *-dy*.

Происхождение аффиксов принадлежности в самых различных языках традиционно связывают с включением в слово личных местоимений и последующей их деформацией. Не исключено, что это верно только для части форм, в частности для 1–2-го лица множественного числа, но неверно для других форм, в особенности не находит пока объяснения фонетически не мотивированное сочетание алломорфов 3-го л. ед.ч. *-y/-sy* (см. об этом подробнее: Щербак 1977, 76–79; Серебренников, Гаджиева 1979, 95–97). Как бы то ни было, ясно, что как основные грамматические значения, так и система показателей категории принадлежности в момент возникновения пратобаского уже полностью сформировалась и изменения в ней отражают собственную историю тобаских диалектов.

Система алломорфов тобаских показателей принадлежности имеет следующие фонетические и фономорфологические особенности:

Таблица 2

	Единств. число		Множ. число	
	после гласных	после согласных	после гласных	после согласных
1-е л.	*-m*	*-ym/-im/-um/-üm*	тоф. *-bys/-bis* тув. *-vys/-vis/-vus /-vüs*	тоф. *-ybys/-ibis/ -ubus/-übüs* тув. *-yvys/-ivis/ -uvus/-üvüs*
2-е л.	*-ŋ*	*-yŋ/-iŋ/-uŋ -üŋ*	*-ŋar/-ŋär*	*-yŋar/-iŋär/-uŋar/ -üŋär*
3-е л.	*-zy /-zi /-zu /-zü*	*-y /-i /-u /-ü*	*	*

**Примечание:* используются формы ед. числа.

ПАДЕЖ

Сравнительно-исторические исследования позволили установить, что падежные значения в тюркском праязыке выражались довольно значительным числом форм, из которых постепенно выкристаллизовалось ядро, составившее грамматическую категорию падежа. В большинстве языков в это ядро вошли три "грамматических" – именительный, винительный, родительный – и несколько пространственных падежей. Другие морфологические образования отошли на периферию, отложившись в наречиях, деепричастиях или заместились сочетаниями с послелогами.

Ученые по-разному оценивают состав падежных форм тюркского праязыка. Общим "знаменателем" для всех реконструкций является тройка грамматических падежей, однако остальная часть падежной системы в них варьирует как по числу, так и по морфологическому составу. В построениях А.М.Щербака общее число падежей достигает 8: именительный (безаффиксальный, равный основе), родительный на **-yŋ*, винительный на **-yɣ*, дательный на **-qā* (< **-qaru*), местный на **-tā*, исходный на **-tā* ~ **-tān* ~ **-tyn*, творительный на **-yn*, сравнительно-ограничительный на **-čā* (Щербак 1977, 61).

Б.А.Серебренников и Н.З.Гаджиева в своей реконструкции исходили из важнейшего методологического принципа современной компаративистики – дифференцировать, по крайней мере, два хронологических среза – относительно более раннее и более позднее состояния праязыка. Для раннепратюркского они постулировали 11 падежей: именительный, винительный на *-y/-i*, *-yɣ/-ig*, направительный на *-a/-ä*, направительный на *-qa/-kä* и, возможно, на *-q/-k*, направительный на *-ra/-rä/-ry/-ri*, *-ɣaru /-gäri /-ary/ -äri*, направительный на *-ča/-čä*, направительный на *-n*, исходно-местный на *-ta/ -tä/ -da/ -dä*, орудийный на *-yn/-in*, совместный на *-lyɣ/ -lig*, *-la/ -lä*, *-lan/ -län*, экватив на *-ča/ -čä* (Серебренников, Гаджиева 1979, 75–76). Очерченная указанными исследователями древнейшая пратюркская падежная система еще в праязыке претерпела, по их мнению, изменения в сторону большей рациональности, ясности и определенности. В результате сократились некоторые синонимичные локативные и комитативные падежи, от местного падежа дифференцировался исходный. "К моменту распада тюркского праязыка, – считают Б.А.Серебренников и Н.З.Гаджиева, – сформировалась новая падежная система, состоящая из шести падежей": именительный, родительный на *-yŋ*, винительный на *-y/-i*, дательно-направительный на *-qa/-kä*, *-a/-ä*, местный на *-ta/-tä*, *-da/-dä* и исходный на *-tan/-tän*, *-dan/-dän* (там же 84–85).

В своей реконструкция в СИГТЯ 1988 Г.Ф.Благова исходит из методологических и фактологических установок Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой. Для раннепратюркского состояния Г.Ф.Благова постулирует 13 падежей (СИГТЯ 1988, 91–106), перечисляя те же падежные формы (разница в числе за счет дифференцирования направительных падежей на *-rA* ~ *-rI* и *-ary* ~ *-qary*, а также выделения в качестве особого направительного падежа на

-q/-k, упомянутого Б.А.Серебренниковым и Н.З.Гаджиевой очень предположительно). Позднепратюркское склонение у Г.Ф.Благовой предстает системой из шести падежей (СИГТЯ 1988, 108), идентичной системе Серебренникова–Гаджиевой.

Получение Г.Ф.Благовой результатов, аналогичных реконструкции Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой, следует расценить положительно: можно полагать, таким образом, что основной круг падежных морфем и их значений очерчен, выявлены принципиальные направления развития данного состава форм и предложены причинные факторы такого развития. Вместе с тем в реконструкции Г.Ф.Благовой сделано очень важное продвижение, поскольку ею показано, что специфика раннепратюркского склонения определялась не только множественностью падежей, но и множественностью типов алломорфирования в зависимости а) от фономорфологических условий – основы на гласный или согласный – и б) от условий морфологического плана – основы, осложненные посессивными показателями, и основы непосессивные (СИГТЯ 1988, 43 и след.; Благова 1982, 31–55). Подобный подход позволяет избежать многих натяжек при этимологической идентификации падежных алломорфов, видя в них не слабо мотивированные или совсем не мотивированные "фонетические" варианты одного и того же морфа, но разные морфы. С разрушением системы противопоставлений типов склоняемых основ подобные гетерогенные морфы были обобщены в алломорфы.

Описанный методологический подход актуален при анализе не только склонения, но и других участков морфологической системы праязыка. Он вносит новый вектор реконструктивных решений, позволяя предполагать в преобразованиях от раннепраязыкового состояния к позднему и далее к историческим языкам не только фонетическое развитие форм, но и целую цепь меж- и внутрипарадигмных упрощений и связанных с ними аналогических обобщений.

Что касается не методологических подходов, а конкретного облика позднетюркского склонения в реконструкциях Серебренникова–Гаджиевой и Благовой (шесть падежей), то оно предстает явно ориентированным на падежные системы большинства современных тюркских языков. Будем называть такую шестичленную падежную парадигму современной базовой моделью склонения.

Эта модель – результат максимального упрощения раннепратюркской парадигмы, достигнутый, повторяем, большинством современных языков, представителями разных классификационных групп: карлукской – уйгурский и узбекский; огузской – турецкий, азербайджанский, гагаузский, туркменский; кыпчакской – каракалпакский, ногайский, башкирский, карачаево-балкарский и др. Однако временем образования шестичленной парадигмы следует признать все же период не до (накануне) распада праязыка, а, вероятнее, после его распада. Основанием для такого заключения служит то, что многие древние тюркские языки обладали парадигмами более чем из 6-ти падежей.

Так, например, в староосманском языке XIII–XIV вв. отмечается восемь падежей: в дополнение к базовой модели, экватив на *-ǯa* и инструменталис на *-yn* (Гузев 1979, 42–46). Правда, последний, по заключению ряда исследователей, "в староосманском языке ... находился на стадии исчезновения, хотя и сохранил еще некоторую продуктивность" (там же 46).

В еще большей степени указанные реконструкции позднепратюркской шестичленной парадигмы расходятся с данными древнеуйгурского языка IX–X вв., в котором выделяют 9 падежей: к базовой модели плюс еще 3 падежа: экватив на *-ča*, инструменталис на *-in*, направительный на *-γaru* (Тугушева 1997, 60). На следующем хронологическом этапе того же, в сущности, языка – караханидско-уйгурского XI в. из "дополнительных" падежей сохранялся инструменталис на *-in* (Абдурахманов 1997, 66).

В целом можно сказать, что реконструкция А.М.Щербака, которую несмотря на отсутствие указаний самого автора, следует оценивать как позднепратюркскую (так же полагает Г.Ф.Благова, см.: СИГТЯ 1988, 28), не только согласуется с данными древних языков, но и более логична. А именно: если развитие в области склонения от раннепратюркского к позднепратюркскому и далее к историческим древним и современным языкам принимать как устранение многопадежности и многоморфемности за счет избавления от падежных значений ограниченного применения и отказа от морфов ограниченного лексемного сочетания, то нелогично будет признать, что еще в праязыке выработалась максимально сокращенная шестичленная парадигма из наиболее грамматизованных форм, а затем некоторые из ранее упраздненных форм были регенерированы в древних языках и дожили до современного состояния в меньшинстве, но все же в целом ряде языков. Скорее наоборот. В позднепратюркском склонение уже освободилось от части ограниченных по лексемной, морфонологической и морфологической сочетаемости морфов, но оно еще было представлено более чем шестичленной – 8–9-членной парадигмой.

Помимо принципов, предложенных и апробированных в названных выше реконструкциях А.М.Щербака, Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой, Г.Ф.Благовой, в качестве еще одной принципиально важной черты реконструируемого праязыка следует учитывать его негомогенность (Кормушин 1988а, 9; 1991, 46–47). Длительное доисторическое существование праязыка неминуемо должно было приводить к накоплению дивергенций в разных географических областях его бытования. Образовавшиеся таким путем праязыковые диалекты явились основой последующего ветвления тюркского языкового древа и формирования главных классификационных групп тюркских языков. Признание принципа негомогенности позволяет в необходимых случаях и при наличии соответствующих данных говорить о неединственности реконструкции для праязыка накануне распада.

Судя по материалу, категория падежа была не только в числе основополагающих, конститутивных категорий тюркской грамматики, но и одной из древнейших категорий, прошедших путь длительного развития. В силу это-

го ко времени накануне распада пратюркские диалекты могли прийти с неодинаковыми результатами. При единственности позднепраязыковой реконструкции исследователь явно или неявно делает выбор, ориентируясь на ту или иную ветвь (resp. тот или иной праязыковой диалект), чем и возможно, на наш взгляд, объяснить "противоречие" между реконструкциями названных авторов. Если же допустить, что в разных прадиалектных зонах склонение, развиваясь на общей основе (выработка более грамматизованных морфов, не знающих разного рода ограничений), к моменту распада праязыка сформировало неодинаковые парадигмы, то указанное противоречие снимается. При этом неодинаковость парадигм следует, возможно, понимать не только в плане количества падежей, но и по степени продуктивности отдельных форм.

В свете данного положения возможно принять, что огузская ветвь довольно рано ограничила продуктивность директива, экватива и инструменталиса, причем направительный падеж, вероятно, раньше всех и в большей степени; напротив, инструментальный падеж вышел из системы позднее всех, поскольку он продуктивен (скорее, малопродуктивен) в орхонских памятниках (В.Насилов 1960) и, как отмечено выше, еще в староосманском. Так что даже для пратюркско-огузского целесообразно все же восстанавливать не шести-, а семичленную парадигму. Карлукско-уйгурская ветвь, в отличие от огузской, согласно показаниям древних языков и современных северо-восточных (сохраняющих в большей степени, чем современные карлукские, архаичные черты), могла выйти из праязыка с девятичленной парадигмой.

Современные тобаские диалекты, которые, как уже сказано, генетически связаны с карлукско-уйгурской ветвью, обладают неодинаковыми 7–8-падежными парадигмами; в варьируемой части склонения в диалектах имеются различия как в плане формального выражения, так и функционально-семантические.

Основной падеж. Как и везде в древних и современных тюркских языках, не имеет специального морфологического показателя, совпадая с основой имени (по-другому: имеет нулевой показатель). Как и везде в тюркских языках – полифункционален, выражая субъект действительного и страдательного оборота, неопределенный объект, именное определение и присвязочную часть сказуемого, определяемое при числительном.

Винительный падеж. Из трех морфов – *-ɣ/-g*, *-ny/-ni*, *-n*, устанавливаемых для языка древнейших памятников и распределенных по трем типам парадигм, соответственно – именной, местоименной и посессивно-именной, тобаские диалекты сохранили второй и третий морфы. При этом морф *-ny/-ni* имеет подавляющее употребление, так как он распространился полностью на именную парадигму, вытеснив из нее *-ɣ/-g*, а также на большую часть парадигмы посессивно-именной. В последнем случае результаты процесса замещения посессивно-именного морфа *-n* морфом *-ny/-ni* неодинаков по диалектам. В тувинском и тоджинском *-n* сохранился только в 3 лице, в

тофаларском его присутствие шире: он представлен в качестве единственного морфа в 3 лице и на правах дублета к *-ny/-ni* в 1 и 2 лице ед. числа, тогда как в этих же лицах множественного числа уже безраздельно господствует *-ny/-ni*.

Таблица 3

	Аффиксация при именных непосессивных основах		
	Основы на гласные и сонанты *g, j, m, n, ŋ, r*	Основы на сонант *-l*	Основы на глухие (сильные) согласные *p, t, k, s, š*
Тоф.	*-ny/-ni/-nu/-nü*	*-ny/-ni/-nu/-nü*	*-ty/-ti/-tu/-tü*
Тув.	*-ny/-ni/-nu/-nü*	*-dy/-di/-du/-dü*	*-ty/-ti/-tu/-tü*

Таблица 4

	Аффиксация при посессивно-именных основах				
	1-е лицо		2-е лицо		3-е л.
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число	
Тоф. Тув.	*-ny // -yn**	*-ty (< -ny)*	*-ny // -yn**	*-ny*	*-n*
	*-ni // -in**	*-ti (< -ni)*	*-ni // -in**	*-ni*	–
	*-nu // -un**	*-tu (< -nu)*	*-nu // -un**	–	–
	*-nü // -ün**	*-tü (< -nü)*	*-nü // -ün**	–	–

Примечание: алломорфы, отмеченные *, применяются только в тофаларском.

Винительный падеж обозначает предмет, который является объектом непосредственного воздействия субъекта. В отличие от основного падежа, объект в винительном определенен; в отличие от партитивного падежа, винительный указывает на полноту охвата объекта действием.

Родительный падеж. Унаследованный от общетюркской системы падеж, который передает связь двух имен по принадлежности или как часть и целое, выражается общетюркским же показателем *-nyŋ/-niŋ/-nuŋ/-nüŋ* с морфонологическими вариациями первого согласного аналогично аффиксу винительного падежа, т.е. *-tyŋ/-tiŋ/-tuŋ/-tüŋ* после основ на глухие (сильные) согласные в тофаларском и тувинском и *-dyŋ/-diŋ/-duŋ/-düŋ* после основ на *-l* – в тувинском.

Дательный падеж. В тобаских диалектах этот общетюркский падеж выражается морфом *-ɣa/ -gä/ -qa/ -kä* с некоторыми фонетическими вариациями в зависимости от морфонологических условий: а) после кратких гласных согласный *-g* аффикса выпадает, на стыке основы и аффикса образуется долгий гласный (т.е. происходит окказиональное чередование, см. выше), при этом в диалектах Тувы часто первичная нестяженная форма выступает в качестве дублета: тоф. *kišää*, тув. *kižää // kižigä* 'человеку'; б) после долгих гласных и сонантов выступают алломорфы *-ɣa/ -gä*; в) после глухих согласных – *-qa/ -kä*; г) в посессивной парадигме в тофаларском на стыке притяжательного и падежного аффиксов замечаются явления фузии, при этом параллельно, хотя и относительно редко, могут употребляться формы, не подвергшиеся фузии; в тувинском же применяются только эти последние:

Таблица 5

	Аффиксация при посессивно-именных основах				
	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число	
Тоф.	*a'tymɣa // a'tymma ~ a'tyma*	*a'tybysqa*	*a'tyŋŋa // a'tyŋɣa*	*a'tyŋarɣa*	*a'tyŋa // a'tynɣa*
Тув.	*a'dymɣa*	*a'dyvysqa*	*a'dyŋɣa*	*a'dyŋarɣa*	*a'dynɣa*
	'(к) моему коню'	'(к) нашему коню'	'(к) твоему коню'	'(к) вашему коню'	'(к) его/их коню'

Дательный падеж, наряду с традиционными для тюркских языков функциями выражения адресата, направления, цели, срока, реального субъекта действия в каузативных и каузативно-пассивных оборотах, передает также обстоятельство места при глаголах прошедшего и будущего времен, тогда как при глаголах настоящего времени в подобной функции, как и в большинстве тюркских языков, выступает местный падеж, ср.: *men Kyzylɣa čurtap turɣan / turaar men* 'Я жил / буду жить в Кызыле' – *men Kyzylda čurtap tur men* 'Я живу в Кызыле' (Исх., Пальмб. 128). Локативное значение в тувинском дативе, скорее всего, получило частичное развитие под влиянием монгольских языков, где единый дательно-местный падеж. Причем начало этому процессу положено, вероятно, еще на стадии монгольского субстрата, поскольку аналогичный переход отмечен в якутском, где он (в отличие от тувинского) завершился полным переходом всех локативных функций к дативу.

Местный / частный и исходный падежи. Во всех тобаских диалектах существуют обычные для тюркских языков (т.е. входящие в базовую модель склонения) местный и исходный падежи, выражаемые соответственно морфами *-da/-dä/-ta/-tä* и *-dan/-dän/-tan/-tän*, при этом условия алломорфирования по диалектам одинаковы (см. табл. 6 – примеры из тув.):

Таблица 6

	Аффиксация при непосессивных основах		Аффиксация при посессивно-именных основах		
	После основ на гласные и сонанты	После основ на глухие согласные	1-е лицо ед. и мн. числа	2-е лицо ед. и мн. числа	3-е лицо ед. и мн. числа
Местн. пад.	*daɣda* 'на/в горе'	*a'tta* 'на/в коне'	*a'dymda* 'на моем коне' *a'dyvysta* 'на нашем коне'	*a'dyŋda* 'на твоем коне' *a'dyŋarda* 'на вашем коне'	*a'dynda* 'на его / их коне'
Исходн. пад.	*daɣdan* 'с/ от горы'	*a'ttan* 'с/от коня'	*a'dymdan* 'с моего коня' *a'dyvystan* 'с / нашего коня'	*a'dyŋdan* 'с твоего коня' *a'dyŋardan* 'с вашего коня'	*a'dyndan* 'с его / их коня'

Если показатели местного падежа в тюркских языках (за исключением якутского, см. ниже) принципиально единообразны, то для аблатива существует две разновидности морфов. В подавляющем большинстве языков представлен морф с широкой огласовкой *-dan/-dän ~ -tan/-tän*. Узкая огласовка морфа *-dyn/-din ~ -tyn/-tin* характерна для древнеуйгурского языка IX–X вв., караханидско-уйгурского XI в., чагатайского XV–XVI вв. и современного уйгурского языка. Однако такой морф не представлен, как ожидалось бы, в парадигме узбекского и якутского языков, а также в тобаских диалектах, где, как и во всех остальных тюркских языках, исходный падеж передается серией алломорфов с широкими гласными. Исключение составляет небольшое число лексикализовавшихся наречных форм на *-dyn* в диалектах алтайского, башкирского, узбекского языков (Щербак 1977, 46), а также в тофаларском. Собранные В.И.Рассадиным примеры непродуктивных тофаларских наречных форм на *-tyn* все оказались двухпадежными образованиями старого директива на *-ɣaar* (< **-ɣary*) либо еще более старого на *-ra* с формой на *-tyn*:

тоф. *buruŋgaartyn* (~ *buruŋurtun*) 'с востока'; *soŋgaartyn* (~ *soŋyrtyn* ~ *soŋurtun*) 'с запада'; *qaraŋgyrtyn* 'с севера'; *hüŋgürtin* 'с юга'; *a'ltyrtyn* 'снизу, из-под низа'; *üstürtün* 'сверху'; *i'štirtin* 'изнутри'; *taštyrtin* 'с юга'; *kedertin* 'с нагорной стороны'; *yndyrtyn* 'оттуда, с той стороны' (Рассадин 1978, 48).

При этом в *-ɣaar*, как видим, происходили дальнейшие фонетические изменения – сокращение гласного и его уподобление последующему гласному – регрессивная ассимиляция. В тувинском аналогичные лексемы вместо *-tyn* имеют *-tan*: *kedäärtän* 'сверху, с высоты', *mynaartan* 'отсюда', *ynaartan* 'оттуда' (Исх., Пальм. 422–423). Вероятно, в тувинском имела место не регрессивная, как в тофаларском, а прогрессивная ассимиляция, и на гласный аблативного аффикса повлиял гласный директива, т.е. *-tan* < **-tyn*. То, что это не живой продуктивный аблатив с широкой огласовкой, а более старое образование, доказывается нестандартной морфонологией аффикса, поскольку по действующим правилам после *-r-* следуют алломорфы со звонким *-d-*, тогда как сочетание *-rt-* – признак древней морфонологии. Следовательно, можно думать, что в тувинском, скорее всего, произошло аналогическое выравнивание гласного по живому аблативу, а тофаларский сохраняет первоначальную форму.

Приведенные тофаларско-тувинские двупадежные наречия однотипны с аналогичными по семантике турецкими: *içeriden* 'изнутри', *dışarıdan* 'снаружи', *yukarıdan* 'сверху', в которых *-ary/-eri* из старого директива **-ɣary /-geri*. Турецкие формы образовались после того, как сема направительности в *içeri, dışarı, yukarı* "отчасти" нейтрализовалась, и эти слова стали обозначать не только направление, но и местоположение – 'внутрь'и 'внутренняя часть чего-л., внутри', 'наружу' и 'наружная часть чего-л., снаружи' и т.п., дав начало новым сериям директивно-локативных дериватов: *içeri → içeriye, içeride, içeriden*; *dışarı → dışarıya, dışarıda, dışarıdan* и т.д. (*Tahsin Banguoğlu.* Türkçe'nin grameri. Ankara, 1998, 373–364).

Местный падеж передает значения места и времени совершения действия, а исходный – точки, от которой развертывается действие, временно́го последования действия, предмета – источника действия и объекта сравне-

ния. В отличие от других тобаских диалектов, в тофаларском идентичный местному падежу морф *-da/-dä/-ta/-tä* служит для выражения отношений партитивных, или частичности охвата предмета действием: *nešta yr* 'наколи дров' (Рассадин 1978, 40).

Частный падеж на *-ta/-tä* существует, помимо тофаларского, в якутском, причем здесь функции локативно-временные отошли к дательному падежу (как частично в тувинском, см. выше) и местного падежа в традиционном для тюркских языков виде (с морфом *-da/-dä/-ta/-tä*) не существует. Общепринятым объяснением развития партитивных функций у тофаларского (как и у якутского) локатива является ссылка на местный падеж в орхоно-енисейских памятниках, совмещавший там локативные и аблативные функции. Это совмещение было полным, поскольку в орхоно-енисейском формы исходного падежа практически отсутствовали (см. также ниже). Однако и в древнеуйгурском, где исходный падеж представлен собственными формами *-dyn/-din*, у локатива *-da/-dä* многократно фиксируются употребления аблативного характера (В.Насилов 1963, 36–37; Тугушева 1997, 58). Все это как будто подтверждает сложившуюся теорию о том, что в общетюркском праязыке морф *-da/-dä/-ta/-tä* представлял семантически не дифференцированный локативно-аблативный падеж (Räsänen 1957, 221; Серебренников, Гаджиева 1986, 81). Позднее либо на его базе (*-da* + *-n*), либо совсем от другого морфа (*-dan*) – здесь точки зрения расходятся (см. о них: Щербак 1977, 45–46) – в падежной системе утверждается собственно аблатив с конечным *-n*.

Однако, по другой теории, наличие собственно аблатива во всех тюркских языках свидетельствует о его большой древности, и "отсутствие этой формы в текстах рунической письменности не следует воспринимать как изначальное явление" (Щербак 1977, 46). Развивая этот свой взгляд, А.М.Щербак, опираясь на тот факт, что "форма исходного падежа с конечным *-n* является общетюркской, а форма без *-n* – по преимуществу региональной", приходит к допущению, что "в языке старописьменных памятников и в современных тюркских языках отразилось очень древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, происшедшее вследствие утраты конечного *-n*" (там же 47).

В обеих, фактически взаимоисключающих теориях есть свои внутренние противоречия. По первой теории: трудно предположить, что орхоно-енисейский с "еще" отсутствующим *n*-овым аблативом представляет общетюркское состояние: если такой аблатив возникает после VIII в., в эпоху уже существующих раздельно многих тюркских языков, то вряд ли этот падеж был бы представлен столь единообразно (исключая альтернацию *-dan* ~ *-dyn*) во всех этих языках. Именно эта сторона дела берется отправным пунктом в концепции А.М.Щербака. Поэтому Г.Ф.Благова, в отличие от Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой, включает исходный падеж на *-dan* ~ *-dyn* в состав позднепратюркских форм.

Вторая теория (**-dan* > *-da*, который совпадает с **-da*) объясняет аблативные значения у морфа *-da* в случае отсутствия *-dan*, как в орхоно-енисейском, но не объясняет их при наличии *n*-ового аблатива, как в тофаларском и якутском, где есть и аблатив на *-dan*, и партитив на *-da*, сложившийся на базе аблативных значений этого морфа.

Некоторую запутанность вопросу о соотношении трех серий показателей аблатива – *-dan/-tan* ~ *-dyn/-tyn* ~ *-da/-ta* – придают два рода фактов, на которые неоднократно указывалось в литературе: 1) наличие застывших наречных форм на *-dyn* в целом ряде языков, в именной парадигме которых выступает *-dan* (см. выше); 2) не абсолютное отсутствие *n*-овых аблативных форм в орхоно-енисейских памятниках.

Все сказанное в совокупности заставляет искать иное объяснение разнообразным и противоречивым данным и пытаться в какой-то мере интегрировать обе названные теории.

Определенный импульс мысли находим у А.Н.Кононова в его интерпретации фактов орхоно-енисейских памятников. Наряду с широкоупотребительным местно-исходным падежом на *-da* ученый фиксирует здесь также исходный падеж на *-dan* ~ *-dyn*. Констатируя малое использование последнего (около десяти случаев), он видит в этом результат "узкой диалектной принадлежности" формы на *-dan* ~ *-dyn* (Кононов 1980, 159).

Обратимся еще раз к примерам аблативных форм с конечным *-n* в орхонских текстах. Поскольку гласный закрытого слога *-d°n* по правилам руниче-ской орфографии не выписывался, мы не знаем истинный характер огласовки – *a* или *ï*, в связи с чем имеются разные мнения по поводу чтения этих форм (см. там же). Все имеющиеся случаи употребления формы на *-d°n* (кроме одного – из МЧ 35, добавленного нами для полноты) собраны и приведены А.Н.Кононовым, который определил у нее две функции – обстоятельственную (а) и обстоятельственно-определительную (б) (там же). Добавим, что, с точки зрения морфологического состава, следует особо рассмотреть (1) морфологически неосложненные и (2) морфологически осложненные аффиксальные образования на *-d°n* (для гласного оставляем индекс неопределенности -°).

1.а. *qant°n kelip ... qant°n kelipän ...* 'откуда пришли ... откуда пришли ...?' (КТ 23); *tabɣač berd°n jän täg, qytań öɣd°n jän täg* 'китайцы, нападай с юга, кидани, нападай с востока' (Тон. 11); *käjrädä öɣd°n jantačy* 'у Кейре я должен был повернуть на восток' (МЧ 6);

1.б. *öɣd°n qaɣanɣaru sü jorylym* 'пойдем войском на восточного[1] кагана' (Тон. 29); *...berd°n sïɣar Šyp bašyɣa tegi čerig itdim* 'я расставил свое войско ... на юге – до горы Шып' (МЧ 15), *öɣd°n soqaq joly* 'восточная дорога на Сокак' (МЧ 35);

[1] Необходимость адъективного толкования особо отмечена А.Н.Кононовым (1980, 159), т.е. ни в коем случае не "отправимся походом ... с востока на кагана", как было у С.Е.Малова (Мал.ПДП 67), поскольку, добавим фактологический аргумент, предлагавшие военный поход тюргеши находились западнее тюрков и пошли бы с запада.

2.а. *jyyrd°nt^{a} jan tägäjin* (Тон. 11) ‘я нападу с севера’; *tašd°nt°n* ... ‘извне...’ (МЧ 28);

2.б. *oγuzd°nt^{a}n körüg kelti* ‘от огузов пришел соглядатай’ (Тон 8); *tašd°nt°n üč qarluq* ‘Три карлука из внешних [врагов]’ (МЧ 28).

Формы на *-d°n* встретились всего 12 раз, только в 6 словах и лишь в трех памятниках: двух тюркских (в узком племенном смысле слова) – надписях в честь Тоньюкука (5 раз) и Кюль-тегина (2 раза одно и то же слово) – и одном уйгурском – надписи в честь Моюн-чора (5 раз). Все слова – пространственной семантики: ‘с юга’ (2), ‘с востока’ (4), ‘с севера’ (1), ‘извне’ (2), вопросительное ‘откуда?’ (2), знаменательное слово-этноним *огузы* – также в переносном пространственном смысле (1). 8 словоупотреблений представляют собой морфологически неосложненные наречные образования, и в этом случае они очень похожи на восточнотуркестанские древнеуйгурские формы с *-dyn*. Как и в древнеуйгурском IX–X вв., приглагольно-обстоятельственное или адъективное употребление в орхонском и древнеуйгурском руническом нередко сопровождается словами пространственной семантики *jan* ‘бок, сторона’, *syγar* ‘сторона’ (в древнеуйгурском IX–X вв. также: *jyγaq* ‘сторона’, *buluŋ* ‘страна света’), ср. (все примеры из “Сутры золотого блеска”, в скобках указана страница и строка; по изданию: *Kaya C.* Uygurca Altun Yaruk. Giriþ, Metin ve Dizin. Ankara, 1994):

öγdin tavγač ilinte ‘в государстве Восточное Тавгач (Тоба-Вэй)’ (3_{11}); *küntin jïγak suv yolïnta kitip* ‘отправился по южному водному пути’ (3_{15}); *ikidin janlarinta* ‘на обоих боках’ (314_{15}); *ontyn syγarky kamaγ burxanlar qutyγa jükünür men, ... öγdin yyγaq akšobi atlyγ teŋri teŋrisi burxan qutyγa jükünür men küntin jyγaq ratnanimiti ... kidin jyγaq abita ... taγdyn jyγaq dundubašivari* ... ‘я поклоняюсь величию всех будд десяти сторон, я поклоняюсь величию бога богов будды по имени Акшоби с восточной стороны, ... Ратнанимити с южной стороны, ... Абита с западной стороны, ... Дундубашивари с северной стороны ...’ (357_{1}); *tašdyn taγda aryγda ilinčikä barty* ‘они отправились в увеселительную (прогулку) по горам и лесам вне (города)’ (608_{7}; – ср. Мал.ПДП 179; ДТС 208).

Наряду с подобными употреблениями наречного и наречно-адъективного характера, в древнеуйгурских текстах широко представлены употребления формы на *-dyn* с именами в чисто падежной функции:

ig aγryγdyn kurtulup ‘избавившись от болезней’ (452_{21}); *öz öz ulušlaryntyn kelip* ‘(будды), придя из своих мест пребывания, ...’ (645_{5}).

Следующий этап развития древнеуйгурского языка – караханидский, XI в., характеризуется отсутствием наречных образований и полным преобладанием падежных функций, типа: *er attyn tüšdi* ‘мужчина слез с лошади’, *er tamdyn tüšdi* ‘мужчина упал с крыши’ (МК 270).

На основании сказанного можно было бы сделать вывод, что форма на *-dyn* в древнеуйгурском из наречия превращалась в падежную форму, если бы не известная по многим языкам общая закономерность: наречия представляют собой застывшие падежные формы. Если взять слова наречного

характера на *-dyn* в современных тюркских диалектах, включая тофаларский, а также в древнеуйгурском, то все они семантически однотипны, содержа указание не только на исходную точку, но и на *направление*, в котором центростремительно (к говорящему) развивается действие. В этом случае форму на *-dyn* следует квалифицировать как аблатив-директив. Однако направительное значение здесь, как нам представляется, вторично, оно выработалось под воздействием связанных адъективно-именных употреблений типа *öγdin yyγaq*, *berdin syγar*, со словами обобщенной семантики ‘сторона’, ‘направление’. Сами эти обобщенно-связанные употребления тоже не первичны, они отслоились от употреблений более свободных, с менее обобщенной, но все же однотипной семантикой “протяженности в пространстве” в стержневом слове (‘дорога’, ‘горы’, ‘местопребывание’ и т.п.), примеры которых еще предоставляют древнеуйгурские памятники. Со временем (видимо, в промежутке от древнеуйгурского рунического к караханидско-уйгурскому, т.е. в IX–XI вв.) необходимость в семантической поддержке связанного слова отпала, в форме на *-dyn* семантизовалось аблативно-директивное значение.

Это приводило к двояким последствиям. С одной стороны, лексикализовалась группа наречий пространственно-направительной семантики. С другой стороны, вместе с ослаблением роли связанных слов, аблатив-директив расширял свои функции, постепенно грамматизуясь в аблатив. В этом он конкурировал со старым локативом-аблативом на *-da*, постепенно отбирая у него остальные, недирективно-аблативные значения, прежде всего “предмет – источник или причина действия”. Уйгуроязычные памятники в заметной степени сохраняют за формой на *-da* функцию временного последования действия, в том числе устойчивое сочетание *-da kin* ‘после (какого-л. действия)’ (В.Насилов 1963, 36–37), – то, что впоследствии станет выражаться аблативом. И даже в языке Махмуда Кашгарского остается еще один тип аблативного значения за формой на *-da* – объекта сравнения, а также некоторые, видимо, устойчивые словосочетания подобного плана: *bu at anda yeg* ‘эта лошадь лучше той’, *er atta uluγsady* ‘из лошадей мужчина захотел (иметь) крупную’ (Dankoff–Kelly III, 1985, 323). Эта функция тоже затем отойдет к аблативу.

Таким образом, если морфологически неосложненные *n*-овые аблативные формы на *-d°n* действительно представляют собой образования с аффиксом *-dyn*, то их, вероятнее всего, следует рассматривать как уйгурские лексические элементы. Как же тогда следует истолковать вышеприведенные немногочисленные, но неопровержимые факты морфологически осложненных аблативных форм в рунических памятниках? Ведь подобные образования в древнеуйгурских текстах нигде не зафиксированы. С большой вероятностью можно сказать, что в формах *t^{a}šdonton*, *oγuzdonton* нет простого повторения одного и того же *n*-ового показателя; скорее всего, они разные, хотя и синонимичные, другими словами плеоназм, но не тавтология. Судя по обычности формы *tašdyn* и аналогичных (*öγdin, beridin* и т.д.), первый из

двух показателей должен быть с узким гласным. Тогда следует думать, что второй аффикс – с широкой огласовкой, т.е. в целом имеем *tašdyntan*. Эту комбинацию явно подтверждает форма *jʸrdᵈntᵗ*, в которой последний гласный может быть только широким, т.е. должно читаться *jyrdynta*[2]. Во фразе *tabɣač beridin jän täg, qïtań öŋdin jän täg ben jyrdinta jan tägäjin* (Тон. 11) в первых двух простых предложениях обычным для древнеуйгурского лексико-синтаксическим связанным сочетанием с опорным словом направительной семантики *jan* выражается аблативное значение: 'китайцы, нападай с юга, кидани, нападай с востока'. Понятно, что третье предложение синонимично первым двум, и в нем выражена та же семантика аблативности: 'я нападу с запада'; следовательно, здесь показатель *-ta* выступает в аблативном значении. Это подтверждается другим примером из того же текста, где в связке с *jan* применена форма *-ta* (а не *-dyn*): *qanta jan sabyɣ jana kelti* 'от хана снова принесли ответ' (Tekin 1994, 15).

Таким образом становится очевидным, что в форме *jyrdinta* мы имеем дело с плеонастическим сочетанием наречия на *-din* (аблативно-директивной семантики) с падежом на *-da/-ta* (локативом в аблативном значении). Тогда, в аналогичных по общему смыслу формах на *-dyntan* мы наверняка встречаемся тоже с аблативом – *n*-овым аблативом на *-tan*. Ошибки в написании быть не может, поскольку форма на *-dyntan* встретилась несколько раз и в разных памятниках: дважды в "Тоньюкуке" и дважды в "Моюн-Чоре". Наличие в памятниках VIII в. формы на *-tan* рядом с формой на *-dyn*, на первый взгляд, противоречит представлениям о межъязыковой распределенности этих форм и требует объяснения. Его можно дать, на наш взгляд, с позиций теории литературных языков, допускающей возможность, с одной стороны, применения разнодиалектных форм в едином пространстве литературного языка, а с другой – использования литературного языка представителями диалектов, в различной, в том числе и в значительной степени отличающихся от диалекта, легшего в основу данного литературного языка. Последнее почти всегда предполагает сознательное или бессознательное введение грамматических и лексических средств, фонетических и стилистических особенностей диалекта-пользователя в структуру литературного языка. Диапазон изменений литературного языка может быть различен: от отдельных вкраплений инодиалектных средств до значительных подвижек в системе грамматических категорий, приводящих к образованию сначала местного варианта, а затем и нового литературного языка. В свете этих положений можно предложить следующую гипотезу истолкования обсуждаемых фактов локативных и аблативных форм в древних и современных языках.

[2] С.Е.Малов указанные морфемосочетания читал сначала с обоими широкими гласными, т.е. *oɣuzdantan* (Мал.ПДП 61), но в следующей книге изменил на последовательность "узкий – широкий", т.е. *tašdyntan* (Мал.ПМК 36), как впоследствии стал читать Т.Текин: *oɣuzduntan*, (Tekin 1988; Tekin 1994, 5). А.Габэн и Р.Жиро, напротив, оба гласных считали узкими, т.е. *oɣuzdyntyn*, А.Н.Кононов следовал за С.Е.Маловым, т.е. принимал *oɣuzdantan* наряду с *tašdyntan* (Кононов 1980, 159).

Тюрки-орхонцы использовали в качестве литературного не свой, генуинный, скорее всего, *j*-язык, а близкородственный, но все же "чужой", не генуинный *d*-язык уйгурского типа, бывший ко времени I Тюркского каганата (сер. VI в.) достаточно престижным в тюркском мире. В нем был локатив-аблатив-партитив на *-da* и аблатив-директив на *-dyn*. В живых диалектах этого *d*-языка были обе названные формы, а также аблатив на *-dan*. Это предположение обосновывается двумя сериями фактов. Во-первых, тем, что языки-реципиенты, такие как тобаские и якутские диалекты, а также окраинные архаические диалекты уйгуро-карлукского типа, такие как халаджский, смешанные саларский, сарыг-югурский, – все имеют *-dan*. Во-вторых, тем, что и в древнеуйгурских текстах замечено спорадическое появление формы на *-dan*, как отметила А.Габэн, "редко в *n*-диалекте": *yɣačtan* 'с дерева', *töpüdän* 'от макушки' (Gab.AG § 183), *qalyqtan* 'с небес' (Gab.AG § 425).

Возможно, форма на *-dan* была "более новой", развившейся в древних языках уже после оформления литературного языка. Вполне возможно, что помимо языков – предков языков кыпчакской, огузской групп (с аблативом на *-dan*) она была также в арсенале некоторой части уйгуро-карлукских диалектов, тех, что легли в основу вышеназванных диалектов с аблативом на *-dan* – тобаские, якутские и др. В литературный же язык эта форма не проникла: наверное, она не выдерживала стилевой конкуренции с упрочивающей свои позиции формой на *-dyn*. С другой стороны, форма на *-dyn* была чуждой для тюрков-орхонцев, почему она и не использовалась в их варианте литературного языка. Представленные выше случаи форм на *-dyn*, очевидно, являются исключением, так как касаются практически одного тюркского (в узком племенном смысле) памятника – надписи Тоньюкука (единственное слово *qant°n* из надписи Кюль-тегина неопределенно по гласному) и только нескольких лексем пространственной семантики. Вместе с тем, даже эти лексемы иногда поддерживаются генуинными орхонскими показателями аблативности на *-da* и *-dan*, что и подчеркивает чужеродность подобных лексем на *-dyn*.

Таким образом, развивая мысль А.Н.Кононова, можно сказать, что формы аблатива на *-dan* и *-dyn* не были алломорфами одной формы, но в определенном смысле они обе были "диалектными": форма на *-dyn* была свойственна части древнеуйгурских диалектов и древнеуйгурскому литературному языку, а форма на *-dan* имела более широкое хождение (включая часть древнеуйгурских диалектов), но не была литературной, в том числе она не вошла и в орхонский (= тюркский в узком племенном смысле) вариант литературного языка. Форма на *-dyn* была более старой, с лексикализовавшимися наречиями и устоявшимися типами адъективно-прииненного употребления, которые заимствовались другими родственными языками и диалектами.

Направительный / продольный падеж. По сравнению с древнеуйгурским языком, в выражении направительного значения центробежного (от говорящего) характера произошел целый ряд изменений. Древний тюркский падеж на *-ɣary* вышел из парадигмы склонения, сохранившись в серии нареч-

ных форм. Часть из них уже разбиралась в составе двухпадежных сращений директива на *-ɣary* с аблативом на *-tyn* (тоф. *buruŋgaartyn* (~ *buruŋurtun*) 'с востока', тув. *kedäärtän* 'сверху'), в которых директив подвергался фонетическим упрощениям (см. выше). Однако сохранились и исходные однопадежные формы, причем не только пространственной семантики: тоф. *buruŋgaary*, тув. *buruŋgaar* 'на восток', *soŋgaary/soŋgaar* 'на север', тоф. *časqaary* 'поздней зимой, ближе к весне', тув. *daŋgaar* 'всегда, постоянно', тув. *birigäär* 'иначе, по-другому'.

Вместо показателя *-ɣary* в роли направительного падежа в тобаских диалектах выступает сразу несколько конкурирующих друг с другом форм. Одна из них – тоже старая общетюркская форма, более известная по одной из ее функций как экватив на **-ča/-čä*. В тофаларском она представлена алломорфами *-ša/-šä*, т.е. гармонирует гласный аффикса и неизменным остается его начальный согласный. В тувинском алломорфы *-čä/-žä* показывают, напротив, неизменность гласного звука, но варьируемость согласного: *-čä* – после основ на глухие согласные и часть сонантов, *m, n, ŋ*; *-žä* – после гласных основ и на сонанты *g, j, r*.

Разнообразный по языкам семантический облик формы на *-ča /-čä* опирается на две исходные семы – продольности (пролативности) и ограничительной уподобительности (эквативности): предмет рассматривается по длине, и измерение ограничивается этой длиной, например: *atča* 'величиной с длину/высоту лошади', *taɣča* 'высотой с гору' – продольно-уподобительное значение. В сочетании и осмыслении этих сем могли происходить различные трансформации. Так, размер по длине изменялся в общий размер предмета: *atča* 'величиной с длину лошади' → 'величиной с лошадь', *ajača* 'длиной с ладонь' → 'величиной с ладонь' – количественно-уподобительное значение. Качественно-уподобительное значение возникает при выражении "способности к какому-либо действию", понимаемой как следование определенному порядку элементов этого действия; со временем эти употребления лексикализовались в качественные понятия общеобстоятельственного плана – наречия образа действия: *qušča* 'как птица (чирикать, летать)' → 'по-птичьи', *törüčä* 'по законам (поступать)' → 'законно', *türkčä* 'как тюрок (разговаривать)' → 'по-тюркски'. Сема ограничительности и здесь присутствует в виде исключения "не птичьих", "незаконных", "не тюркских" элементов соответствующих действий. Именно последнее, наречное качественно-уподобительное, значение широко распространено во многих современных языках, но не в тобаских диалектах.

При условии указанного переосмысления семы ограничительности в употреблениях с существительными с семантикой протяженности в пространстве возникает значение продольности: др.-уйг. *kezikčä* 'по очереди' (= 'вдоль, но в пределах ряда'), *jolinča* 'по пути чего-л.' (= 'вдоль, но в пределах пути'), тоф. *hem üdünšä* 'по долине реки', *izinšä* 'по его следу'. В употреблениях с существительными, не обладающими протяженностью в пространстве, продольность трансформируется в направительность, поскольку

за измеряемую предельную длину принимается расстояние от говорящего до непротяженного предмета: *ögžä* 'в направлении до дома' > 'к дому'. Со временем в диалектах Тувы направительное значение становится превалирующим, продольное значение совершенно выходит из употребления, так что директив на *-čä/-žä*, расширяя свои функции, постепенно меняет свою природу конкретно-пространственного падежа на природу падежа в большей степени абстрактно-грамматического, во многих отношениях синонимичного дательному (Исх., Пальм. 138).

По-иному развивался тофаларский показатель на *-ša / -šä*. Еще М.А.Кастрен приводил для тофаларского примеры на количественно-уподобительное значение, актуальность которых для современного языка В.И.Рассадин не подтверждает (Рассадин 1978, 46). Живым и продуктивным для тофаларского В.И.Рассадин считает "выражение пространственных отношений продольности, к которому примыкает и выражение следования чему-л., кому-л." (там же 47). Можно сказать, что тофаларский пролатив-экватив не только не грамматикализовался, но остался чисто пространственным падежом, сохранив первичную семантику продольности. Столь различные результаты эволюции этой формы в тувинском и тофаларском, несомненно, находят соответствие и в их разном фономорфологическом облике в этих языках. С другой стороны, есть некоторые свидетельства того, что и среди диалектов Тувы развитие этой формы не было абсолютно одинаковым. Так, М.Д.Доржу сообщает, что в обследованном ею Бай-Тайгинском говоре Западного диалекта "в речи пожилых информаторов ... не зафиксированы примеры с падежным аффиксом *-čä/-žä*, за исключением единичных случаев употребления *-čä/-žä* для обозначения направления действия" (М.Доржу 1997, 12). Возможно, это говорит о невыработанности или нетипичности в бай-тайгинской форме на *-čä/-žä* более абстрагированного грамматического значения.

Другой, синонимичной, формой направительности в тобаских диалектах является форма на *-dyva/-divä/-duva/-düvä ~ -tyva/-tivä/-tuva/-tüvä*. В отличие от предыдущей, она совершенно не представлена в тофаларском. Данную форму единодушно считают развившейся на собственно тобаской почве из послелога *tapa* (Исх., Пальм. 140-141; Щербак 1977, 49). В орхонских и древнеуйгурских текстах послелог *tapa* имеет значения 'к (чему-л., кому-л.)', 'против (чего-л., кого-л.)', управляет основным падежом и встречается не часто (Gab. §284). Добавим, что в семантике *tapa* можно наблюдать некоторую междиалектную распределенность. В орхонских и уйгурско-руничесих текстах он имеет значение 'против (кого-л.)': *tabɣač tapa sülädim* 'я пошел войной на китайцев' (БК 26); *čik tapa yorïdïm* 'я выступил против чиков' (МЧ 19). В части древнеуйгурских текстов – то же значение: *ig tapa* 'против болезни'. Однако гораздо чаще – обычное направительное значение, практически синонимичное дательному падежу. Между дательным падежом и послелогом *tapa* можно уловить лишь некоторую стилистическую разницу, например, в "Сутре золотого блеска" во всех примерах послелогом *tapa* выражается направленность к вышестоящему лицу: *täŋri burqan tapa*

kältilär '(все) пришли к божественному будде' (131_{11} – ДТС 539), *ol bajaɣut oɣly tapa baryp* 'пошли к сыну того богача' (597_{20}), ср.: *ol orunlarqa baryp* 'пошли в те места' (528_{8}). Очевидно, со временем в части тобаских диалектов подобное стилистическое различие утратилось, и послелог претерпел несколько фонетических и фономорфологических изменений: перебой *а >у*, озвончение и спирантизацию интервокального согласного, вхождение в состав слова и выработка сингармонических вариантов, – все это, в общем-то, свидетельствует о длительности превращения данного служебного слова в аффикс: **tapa > typa > tiba > tyva > -tyva/-dyva ~ -tivä/-divä* и т.д.

Еще более ограниченного распространения, чем *-tyva/-dyva*, является форма *-qydy/-ɣydy*, фиксируемая в тоджинском диалекте (Чадамба 1974). З.Б.Чадамба возводит ее к наречию *kudu* 'вниз; внизу'. Как и в других пространственных наречиях, здесь директивная семантика, вероятно, исходная, а локативная развилась позже. В древних текстах встречаются редкие примеры употребления этого наречия в значении, близком к послеложному: *Säläɣä qody jorypan* 'пойдя вниз по Селенге' (БК 37). Именно такого рода употребления могли послужить источником выработки падежного значения и перехода сначала наречия, а затем послелога на положение аффикса с соответствующими фонетическими и фономорфологическими изменениями (аналогично тому, как это имело место в отношении послелога *tapa*): **qody > qydy > -qydy / -ɣydy* и т.д.

Исторические изменения в падежной системе тобаских диалектов

На протяжении самостоятельного существования тобаских диалектов изменения происходили во всех звеньях системы склонения, однако в сфере выражения локативных значений эти изменения были более значительны.

ГЛАГОЛ
НАКЛОНЕНИЯ

Внешнее сравнение для тобаских диалектов дает сопоставление их данных, с одной стороны, с цепью данных "древнеуйгурский" → "караханидско-уйгурский" → "среднеуйгурский" → "чагатайский" → "староузбекский" → современные уйгурский и узбекский языки, с другой стороны, с якуто-долганскими данными. В основе внутритобаского сравнения лежат, главным образом тувино-тофаларские и межтувинские различия.

ВРЕМЕНА ИНДИКАТИВА

В системе времен современные тобаские идиолекты по отношению к пратобаскому состоянию обнаруживают целый ряд системно-семантических и собственно морфологических изменений.

В сфере настоящего и будущего для пратобаского следует постулировать синтетические и аналитические формы времен на основе показателей *-ar*, *-a* и *-ɣaj*, в сфере прошедшего – времена на основе показателей *-di*, *-ɣan* и *-čyq /-ǯyq* < **-jyq*.

Настоящее время. В сфере настоящего современные тобаские диалекты имеют отдельные формы для выражения настоящего общего и настоящего конкретного. Настоящее общее строится на основе формы на *-а* плюс частица *-dyr*, проведенная по всем лицам. Ниже приведена парадигма для тофаларского (Рассадин 1978, 203), практически идентичная с тувинским, кроме 3-го л. и отрицательных форм, в которых в тофаларском проявляется умляутирующее влияние *-j* на гласный аффикса отрицания *-ma ~ -ba~ -pa* в твердом ряду: *-а > -е*.

Таблица 7

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*men tu't-a-dyr men* 'я держу'	*bis tu't-a-dy r bis* 'мы держим'
	тоф. *men tu't-pejn-dyr men* тув. *men tu't-pajn-dyr men* 'я не держу'	*bis tu't-pejn-dyr bis* 'мы не держим'
2-е л.	*sen tu't-a-dyr sen* 'ты держишь'	*siler tu't-a-dyr siler* 'вы держите'
	sen tu't-pejn-dyr sen 'ты не держишь'	*siler tu't-pejn-dyr siler* 'вы не держите'
3-е л.	тоф. *ol tu't-a-dyry* тув. *ol tu't-a-dyr* 'он держит'	*olar tu't-a-dyry(lar)* *olar tu't-a-dyry(lar)* 'они держат'
	ol tu't-pejn-dyry 'он не держит'	*olar tu't-pejn-dyry (lar)* 'они не держат'

Более полная тофаларская форма этой частицы *-dyry* имеет отношение к истории вспомогательной части, которую многие традиционно возводят к глаголу *turur*, видя подтверждение этому, в частности, и в тофаларской форме (Рассадин 1978, 203). Судя по разному фонетическому отражению *-dyr* и *turur* в современных и древних языках, эти формы если и едины, то только в их генезисе (Щербак 1981, 27). Кроме фонетического критерия, необходимо учитывать и семантическое различие: *turur* имеет аспетуальные значения длительности, постоянства и в модальном отношении нейтральна, а частица *-dyr* обычно выражает модальность достоверности. В тувинском и тофаларском времени на *-adyr*, судя по их описаниям (Исх., Пальм. 383–386: Монгуш 1958, 111–114), создается особый эффект пересказывательности "наоборот": не с точки зрения говорящего, когда он, не будучи сам свидетелем события, сообщает о нем с чьих-то слов, на основании косвенных данных и т.п., снимая, тем самым, с себя ответственность за его достоверность, – а с точки зрения слушающего: слушающий не является очевидцем действия, он узнает о нем со слов говорящего; говорящий, утверждая достоверность события, своей категоричностью берет на себя ответственность за сообщаемое; само событие как бы отодвигается от слушающего, становится для него (а не для говорящего) заочным (заглазным). Поэтому данная форма особенно часто применяется для оживления повествования о прошлом: действие благодаря его сиюминутности (значению настоящего) динамично, но заглазно-категоричное *-dyr*, создавая эффект отстояния, переносит его тем самым в прошлое. Другой тип употреблений формы на *-adyr*, отмеченный как

для тувинского, так и для тофаларского, можно назвать "полупересказывательностью", когда говорящий воочию не видит происходящего, но слышит или осязает его: тоф. *uruɣ yɣläädyry* 'ребенок плачет' (где-то, но я не вижу) (Рассадин 1978, 203). Вместе с тем, помимо модально окрашенных значений эта форма передает и немодальное настоящее обычное или общее (Исх., Пальм. 384–385; Рассадин 1978, 202). Немодальные употребления в форме на *-adyr* нужно рассматривать, конечно, как развитие (опрощение) модальных: подчеркнутость личной ответственности говорящего за достоверность (субъективный момент) смягчилась, постепенно сменившись подчеркнутостью собственно достоверности события (объективный момент), после чего модально окрашенная достоверность уже легко слилась с обычной достоверностью индикатива. В хакасском и алтайском языках структурно аналогичная форма настоящего обычного на *-adyr* практически не имеет модальных оттенков.

Наличие формы времени на *-adyr* модального плана с показателем модальности *-dyr* логически предполагает существование простой безмодальной формы времени на *-a*. В тобаских диалектах таковая не прослеживается, но функционирует в большом числе тюркских языков, можно сказать, практически во всех, кроме огузских (подробнее: Кормушин 1984, 18–20). Настоящее неотносительное на *-a* есть в узбекском и новоуйгурском языках. Если учесть присутствие формы времени на *-a* в староогузских туркмено-турецких памятниках (Грунина 1966, 78–91), то она должна быть постулирована для пратюркского. Требует, однако, объяснения несомненный факт отсутствия формы на *-a* в памятниках древнейшей поры – орхоно-енисейских, древнеуйгурских, караханидско-уйгурских. Можно высказать следующее предположение: ко времени первых памятников получили большое распространение перифрастические аспектуальные формы на *-a/-y /-u turur* со значениями длительности и постоянства (в переводах переданы словами в круглых скобках), например: *allyɣ čevišlig kišilär aldaju turur üsküŋdä* 'лживые люди (постоянно) обманывают [тебя] при тебе же'; *bušuš qadɣu belgüsi egirü turur* 'приметы печали (непрерывно) преследуют [тебя]'; *etil suvï aqa turur* 'все текут воды Итиля' (ДТС 34, 129, 48). Они оставили обычные формы на *-a* в сфере разговорной речи.

Форма, не осложняемая показателем модальности *-dyr*, в якутском, уйгурском и узбекском языках, с одной стороны, и формы на *-adyr* в тобаских диалектах – с другой, позволяют предположить, что в древнеуйгурских диалектах до ответвления от них пратобаского и праякутского, форма на *-a* реализовывалась в нескольких, по крайней мере в двух, структурно-семантических разновидностях: в кратком (чистом) виде (*-a* + личные показатели), со значением настоящего обычного и в синтаксически осложненном виде в конструкциях с дуративными глаголами (*tur-* 'стоять'; *jat-*, позднее, > *čy't-* 'лежать'; *olur-* 'сидеть'; *jory-*, позднее > *čory-*, 'лежать'), в целом, видимо, с семантикой настоящего конкретного и оттенками длительности, постоянства и т.п. Формы краткого образования сохраняются в современных узбек-

ском, уйгурском и якутском языках, тогда как тобаские диалекты используют в качестве настоящего общего формы с модально-утвердительной частицей *-dir*.

Формы на *-ar* и *-a*

Общетюркское настояще-будущее на *-ar/-maz* в тувинском и тофаларском обозначает преимущественно будущее время, не имея при этом, в отличие от целого ряда тюркских языков, модального оттенка предположительности, некатегоричности будущего действия.

В литературных памятниках древнеуйгурской (VIII–X вв.), караханидской (XI в.) и среднеуйгурской (XII в.) поры это время еще продолжало иметь широкий круг значений настоящего общего, настоящего длительного, настоящего конкретного и будущего (В.Насилов 1963, 73–75; 1974, 74–77). Но, вероятно, именно в этот период в живых древнеуйгурских диалектах в сфере настоящих времен утверждается форма на *-a*, которая со временем оттесняет форму на *-ar/-maz* в сферу будущего. В литературный язык форма на *-a* проникает достаточно поздно, кажется, не ранее XV в., т.е. уже в чагатайскую пору. Но о том, что ее становление происходило задолго до этого времени, как раз и свидетельствуют якуто-тобаские данные, ибо праякутский и пратобаский переняли речь уйгуро-карлукского типа никак не позднее X в., а по всей видимости, гораздо раньше. В последнем гетероклитичная (смешанная) парадигма настощего общего времени (1-е и 2-е лицо ед. и мн. числа – форма на *-a*, 3-е лицо – форма на *-ar*) может указывать на то, что протоякутский воспринял речь уйгуро-карлукского типа несколько раньше, когда формы на *-a* и *-ar* некоторое время были функционально эквивалентны. В отличие от якутского, современные тобаские диалекты показывают относительно более позднее соотношение форм на *-a* и *-ar*, в целом совпадающее с результатами, отразившимися в современных уйгурском и узбекском языках: форма на *-a* – настоящее общее, форма на *-ar* выражает преимущественно будущее. При этом в традиционных жанрах и стилях речи – фольклоре, пословицах, в обыденной речи – в отрицательных высказываниях общего характера и т.п., как в тувинском и тофаларском, так и в узбекском и уйгурском, форма *-ar* продолжает употребляться в своей исконной семантике настоящего обычного.

В пратобаском существовало настоящее общее на *-a*. Вероятно, оно реализовывалось в двух структурных разновидностях – в кратком (чистом) виде (*-a* + личные показатели) и в осложненном виде – то же + модальная частица *-dir*. В тофаларском и тувинском представлены формы с *-dir* с семантическими различиями между ними: тув. *men kör-e-dir men* 'я смотрю, я вижу', *men boda-j-dyr men* 'я думаю так' / *sen kör-e-dir sen* 'ты смотришь, ты видишь', *sen boda-j-dyr sen* 'ты думаешь так' / *ol kör-e-dir* 'он смотрит, он видит', *ol boda-j-dir* 'он думает так' и т.д. В тофаларском данная форма обозначает обычное, регулярное действие, а также действие, "совершающееся в настоящее время, но не на наших глазах" (Рассадин 1978, 202–203). Свидетельство тофаларского важно в двух отношениях: а) форма на *-adyr* со-

вмещает две функции – настоящего общего немодального и настоящего модального. Именно модальные значения перетянули форму на *-r* в сферу будущего.

Таблица 8

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*men alyr men* ‘я возьму, буду брать’	*bis alyr bis* ‘мы возьмем, будем брать’
	men tu't-peyn-dɪr men ‘я не беру’	*bis tu't-payn-dɪr bis* ‘мы не берем’
2-е л.	*sen alyr sen* ‘ты возьмешь, будешь брать’	*siler alyr siler* ‘вы возьмете, будете брать’
	sen tu't-peyn-dɪr sen ‘ты не берешь’	*siler tu't-payn-dɪr siler* ‘вы не берете’
3-е л.	*ol alyr* ‘он возьмет, будет брать’	*olar alyr(lar)* ‘они возьмут, будут брать’
	ol tu't-peyn-dɪrɪ ‘он не берет’	*olar tu't-payn-dɪrɪ(lar)* ‘они не берут’

Экспрессивно-персуативное (убеждающее) прошедшее на *-čyq/-ǰyq*

Данная форма спецификой своей семантики и употребления наглядно демонстрирует древнеуйгурское языковое достояние в тобаских диалектах и ареально близких языках – хакасском, киргизском. В тувинском и тофаларском она применяется только предикативно, имея полно-местоименное личное оформление. Фонетически реализуются четыре типа алломорфов по гласному – *y, i, u, ü*, помноженные на три типа по согласному – *č, ǯ, ž*; в тофаларском аффриката *ǯ* в положении между гласными может восстанавливаться до щелевого *j*, образуя дублеты; чаще всего такие дублеты дают отрицательные формы, но есть примеры и с положительными формами, см. ниже.

Таблица 9

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	тоф., тув. *men tu't-čuq men* ‘я схватил ведь’	тоф., тув. *bis tu't-čuq bis* ‘мы схватили ведь’
	тоф., тув. *men tu't-pa-čyq men* // тоф. *men tu't-pe-iq men* ‘я не хватал ведь’	тоф., тув. *bis tu't-pa-čyq bis* // тоф. *Bis tu't-pe-iq bis* ‘мы не хватали ведь’
2-е л.	тоф., тув. *sen tu't-čuq sen* ‘ты схватил ведь’	тоф., тув. *siler tu't-čuq siler* ‘вы схватили ведь’
	тоф., тув. *sen tu't-pa-čyq sen* // тоф. *sen tu't-pe-iq sen* ‘ты не хватал ведь’	тоф., тув. *siler tu't-pa-čyq siler* // тоф. *Siler tu't-peiq siler* ‘вы не хватали ведь’
3-е л.	тоф., тув. *ol tu't-čuq* ‘он схватил ведь’	тоф., тув. *olar tu't-čuq-(tar)* ‘они схватили ведь’
	тоф., тув. *ol tu't-pa-čyq* // тоф. *ol tu't-pe-iq* ‘он не хватал ведь’	тоф., тув. *olar tu't-pa-čyq-(tar)* // тоф. *Olar tu't-pe-iq-(tar)* ‘они не хватали ведь’

В семантике данной формы переплелись модальные и экспрессивные значения: говорящий утверждает очевидность, непреложность для него факта совершения (или несовершения) действия; степень экспрессии (категоричность утверждения) говорящего такова, что он стремится убедить слушающего в достоверности сказанного, ожидая от него (слушающего) определенного подтверждения того, что он принимает утверждение говорящего. Интенция формы на *-ǰyq* на реакцию слушающего располагает к ее применению в прямой речи, диалоге, хотя ответ слушающего непосредственно на данное заявление говорящего совсем не обязателен, например: тоф. *men seŋää dijik men* ‘я ведь тебе говорил’; *men monu bilbeijik men* ‘я ведь этого не знал’; *desken a'tty tu'tčuqtar* ‘они поймали-таки сбежавшего коня’; *oŋ barǰyq* ‘он ушел (я это видел)’; *ynda a'ttar turǰuq* ‘там кони стояли (говорящий видел их недавно, они там еще стоят)’ (здесь и далее тоф. примеры из: Рассадин 1978, 214).

Вопросительные предложения особым образом преломляют категорическое утверждение говорящего в зависимости от характера вопроса – частного или общего. При частном вопросе говорящий, соглашаясь с непреложностью факта действия, своей экспрессией показывает, что свершившееся представляет для него определенную неожиданность. Своими расспросами об обстоятельствах – когда?, где? и т.п., – говорящий словно бы заявляет, что его отсутствие “тогда” или “там” сделало его неинформированным о событии: тоф. *qahin kelǰik sen?* ‘ты когда же это приехал?’; *qa'š solhovaj alǰyk sen?* ‘сколько рублей ты получил?’.

Общий вопрос обычно подвергает сомнению сам факт действия, но событие, передаваемое формой на *-ǰyq*, для говорящего непреложно, поэтому модальность сомнения переадресуется слушающему, причем своей экспрессией говорящий требует от него подтвердить его (слушающего) информированность: тув. *čanyp kelčik men čop* ‘я ведь вернулся / разве я не вернулся (домой)’; *düün čaŋnyq bolčuq be moŋ* ‘ну, скажи, вчера ведь была гроза / ведь была же вчера гроза?’ (тув. примеры из Исх., Пальмб. 378).

Именно в конструкциях общего вопроса с формой на *-ǰyq* сам вопрос приобретает риторический характер, почему Ф.Г.Исхаков и А.А.Пальмбах назвали данное временно́е образование “прошедшим риторическим” (там же 377). Семантически такое употребление соответствует русским оборотам с “разве не” или английскому вопросу с “isn't it”.

В своем исследовании временных форм древнеуйгурского языка Д.М.Насилов (1963; 1966), анализируя прошедшее на *-juq* (ранее кратко освещено в Gab.AG, §218), установил функциональную и семантическую близость к нему тувинского прошедшего на *-ǰyq*, сделав вывод, что тувинская форма исторически соотносима с древнеуйгурской, а аффикс *-ǰyq* фонетически соответствует аффиксу *-juq* (Насилов 1966, 97–98). Весьма убедительно Д.М.Насилов аргументировал допустимость подобной фонетической трактовки указанием на тувинскую частицу *ijik*, которая употребляется синонимически с формой на *-ǰyq*: *siler xoorajga čoraan ijik siler čop // siler xoorajga*

čoržuq siler čop ‘вы ведь ездили в город’ (Исх., Пальмб. 379). По мнению Д.М.Насилова, частица *ijik* является формой на *-jik* от вспомогательного глагола *är-* ‘быть’; как и другие аналогичные образования – *irgi, irgin, ärtik* и др. (см. также: Насилов 1964), она уцелела как застывшее морфологическое образование (при том что сам глагол *är-* в тувинском языке как самостоятельный прекратил существование), почему и сохранила “исторический фонетический облик с *j*” (там же 98).

Функционально древнеуйгурская форма богаче тувинской: она употребляется не только финитно, как тувинская, но также адъективно, как причастие, и – весьма редко – субстантивно (Gab.AG, §218; Насилов 1966, 102). Полифункциональность глагольной формы (в данном случае – формы на *-juk*) типологически показатель более раннего состояния (Кормушин 1987), которое уже в тобаском развивалось в сторону финитной специализации через затухание и отмирание субстантивной и адъективной функций.

Что касается происхождения формы на *-juq* (> *-ǰuq*), постулированного некоторыми учеными (К.Мюллер, Н.А.Баскаков, В.М.Насилов) ее соответствия форме на *-duq*, то к истории тобаского эта проблема не имеет непосредственного отношения: в языке-источнике для тобаского форма на *-juq* была как самостоятельная сущность, вне зависимости от ее генетических связей с любой другой формой, в таком статусе она перешла в тобаский и далее также самостоятельно уже на тобаской почве получила определенное (указанное выше) фонетическое, морфологическое и семантико-функциональное развитие. Но вот для характеристики языка-источника тобаского форма на *-juq* значима: она не встречается в орхоно-енисейских памятниках рунического письма, в которых представлена исключительно форма на *-duq*, и, напротив, представлена в древнеуйгурских письменных памятниках IX–X вв., в которых она употребляется параллельно с формой на *-duq*.

Перфективно-продолженное время на *-pyšaan ~ -byšaan ~ -myšaan* (тув.) // *-pyšaaŋga ~ -byšaaŋga ~ -myšaaŋga* (тоф.)

Поскольку указанная временна́я форма не встречается более нигде в тюркских языках и представляет собой удивительную комбинацию разнородных показателей – *-myš* и *-aan,* ее определенно можно отнести к образованиям на собственно тобаской почве.

Эта форма передает продолжающееся дейтвие, происходящее либо а) на фоне другого действия – в этой функции обособилось сопроводительное деепричастие: *...tonun kettinmišaan ... ög čanynga čedip kelgen* ‘подошел к юрте, надевая [на ходу] шубу’ (Исх., Пальм. 338), – либо б) на фоне ситуации в целом, момента речи или момента, о котором идет речь, – в этом случае глагол в данной форме выступает как финитное образование, а сама форма на *-pyšaan // -pyšaaŋga* служит основой глагольного времени: тув. *men öörenmišaan men* ‘я еще учусь’, тоф. *men mynda aŋnabyšaaŋga men* ‘я все еще здесь промышляю’ (Исх., Пальм. 339; Рассадин 1978, 208).

Наличие в семантике формы указания на то, что действие началось в какой-то момент в прошлом и продолжается в момент речи (или в момент, о котором идет речь), позволяет признать ее типично двуплановой во временном отношении – перфективной или, скорее, даже инфективной (см. об этом: СИГТЯ 1988, 413–414), с той характерной для инфекта особенностью, что вторая фаза действия представлена не результатом, а своим продолжением. В этом смысле тувинско-тофаларские формы на *-pyšaan//-pyšaaŋga* являются достаточно близкими аналогами английских времен группы Perfect Continious. Ф.Г.Исхаков и А.А.Пальмбах приводят для тувинского акциональные формы с четырьмя дуративными вспомогательными глаголами, относящие перфективно-продолженное действие целиком в план прошлого: *potčuvušaan turgan* ‘[он тогда] все еще читал’. Подобное образование можно квалифицировать как временную форму типа Past Perfect Continious – прошедшее перфективно-продолженное время, тогда как описываемая везде как единственная глагольно-временная форма этой группы – форма на *-pyšaan* – окажется лишь ее презентным членом – настоящим перфективно-продолженным временем (Present Perfect Continious), хотя бы и получившим больший узус.

Как уже приходилось отмечать (СИГТЯ 1988, 419), перфективная часть комплексной семантики тувинско-тофаларских форм обеспечивается показателем *-myš ~ -byš,* а дуративная – показателем *-aan*. Высказано несколько предположений о том, из чего могли быть сложены формы на *-pyšaan // -pyšaaŋga*. Ф.Г.Исхаков и А.А.Пальмбах указали на отсутствие сингармонических вариантов у второго компонента в аффиксе *-pyšaan*, что свидетельствует, по их мнению, “о большой разнице во времени происхождения составных частей данного аффикса”; здесь же одним предложением высказана следующая мысль: “Возможно также: *-pышаан* < *пыш (///мыш)* + *шаан*” (Исх., Пальм. 337). Следует понимать, что элемент *-пыш* соотнесен с общетюркской формой на *-мыш*, тогда как никаких указаний относительно *-шаан* не содержится. В.И.Рассадин членил тувинско-тофаларские аффиксы *-бышаан ~ -бышааγа* на имя действия с афф. *-бы* (“довольно редкий в тюркских языках аффикс, образовал в тофаларском единичные слова: *айбы* ‘приказ, повеление’, *белби* ‘метка на тропе’, наряду с *белги*”, – Рассадин 1978, 76) и слово *шаг* ‘время’ в форме древнего инструментального падежа для тувинского языка и в форме дательно-направительного падежа посессивного склонения в 3-м лице для тофаларского (Рассадин 1978, там же). А.М.Щербак при описании общетюркских причастий квалифицировал тувинские формы типа *кэлбишэн* ‘приходя’, *чунмушэн* ‘моясь’ в числе “довольно редких” “вторичных образований от причастия на *-мыш*” (Щербак 1977, 169). В другой части своей “Сравнительной морфологии”, посвященной общетюркскому глаголу, А.М.Щербак привел рассматриваемые тувинские и тофаларские формы в качестве примера нарушения регионального распределения форм на *-мыш* и *-ган* и схождения их в одном ареале. “Имеются также случаи использования форм на *-ган* и на *-мыш ~ -муш* (*-мыш-а̄н ~ -муш-а̄н*,

или *-мыш-шан ~ -муш-шан*) с разными, но близкими значениями в одном и том же языке, ср.: тув. *алган мэн* 'я взял' (прошедшее результативное) и *албышвн мэн* 'я все еще беру', 'я брал и продолжаю брать' (прошедшее-настоящее). Ср. также: тоф. *алган мэн* и *албышāуга мэн*" (Щербак 1981, 92).

Соотнесение тобаского форманта *-pyš ~ -myš* в тув. *-pyšaan ~ -myšaan* и тоф. *-pyšaaŋga ~ -myšaaŋga* с общетюрк. *-myš*, принимаемое рядом исследователей, кажется более приемлемым в силу обоснованности в этом случае перфективной семантики ("действие началось до момента речи"), на что было обращено внимание в СИГТЯ 1988. К тому же, источник словоизменительных категорий следует искать скорее в продуктивных формах древнего периода. По-видимому, именно продуктивная в древнейших памятниках словоизменительная форма на *-myš* была передана в таковом качестве в праякутский и пратобаский. В якутском она продолжила продуцировать в нескольких морфологических филиациях в пределах полученного семантического потенциала. Тогда как в тобаских диалектах форма на *-myš* была подновлена другим формантом и составила композиту с новым семантическим содержанием инфекта.

Что касается второго компонента *-aan* в тобаской композите *-pyšaan // -pyšaaŋga*, то его сопоставление с общетюрк. *-ɣan*, предложенное, как уже сказано, А.М.Щербаком и в СИГТЯ 1988, нуждается в двух уточнениях.

Первое. Прежде всего, речь не должна идти о соотнесении *-aan* с формой на *-ɣan* в ее значении прошедшего результативного, как это получалось у А.М.Щербака (1981, 92–94). Как было подчеркнуто в СИГТЯ 1988, тобаское *-aan* продолжает ту филиацию *-ɣan*, для которой было характерно вневременное значение с оттенками длительного, постоянного и повторяющегося действия, а также склонности к совершению данного действия и которая зафиксирована караханидскими памятниками (см. подробнее: СИГТЯ 1988, 420-421). Как отмечено в этом последнем источнике, "вневременное причастие на *-ɣan* могло при выработке временного значения развиться в разных направлениях, что в действительности и имело место в различных частях тюркской языковой области. В той ее части, которой наследовали кыпчакские языки, форма на *-ɣan* развила значение прошедшего времени; в остальной же части тюркской языковой области форма на *-ɣan* выработала презентные значения" (там же 421). В развитие данного положения укажем, что не только в огузских и карлукских, но и в кыпчакских языках мы постоянно сталкиваемся с разного рода вторичными образованиями от формы на *-ɣan* презентного характера: тат., башк. *jazatorɣan* 'пишущий', кбалк. *keleturɣan* 'идущий', уйг. *jezip turɣan* 'пишущий' и *jazadiɣan* 'пишущий; тот, кто напишет', узб. *jozajotɣan* 'пишущий' и *jozadiɣan* 'пишущий; тот, кто напишет', хак. *körčetken* 'видящий', ног. *keletaɣan* 'приходящий', ккалп. *baratuɣun* 'тот, кто обычно ходит', караим. *baradoɣon* 'идущий' (в последних двух случаях, вероятно, *-ɣun* и *-ɣon* < *-ɣan*). Независимо от того, входит ли в состав подобных образований полнозначный вспомогательный глагол (*tur-, jat-* и т.п.) или неопределенный форматив *-di ~ -ta* (обычно принимаемый за сокращение глагола *tur-*), форма на *-ɣan* совершенно недвусмысленно выступает в них с презентным значением, и прошедшее причастие на *-ɣan* здесь никак не могло быть переосмыслено в причастие настоящее. С другой стороны, составность всех этих образований говорит о том, что презентная функция формы на *-ɣan* с какого-то момента стала нуждаться в подкреплении, и таким рубежом, вероятно, стало значительное расширение сферы употребления – в качестве причастия, финитной формы времени и имени действия – формы на *-ɣan* с семантикой прошедшего. Но то, что это лишь "подкрепление", а не источник презентного значения данных композит, указывает контаминированное причастие настоящего-прошедшего на *-ɣan*, зафиксированное в описаниях крымско-татарского и крымчакского языков: *tušungen* 'думающий//думавший'. Здесь, как представляется, не первичное неразграничение функций настоящего и прошедшего, а последующее наложение функции прошедшего на презентную функцию, во избежание чего и создавались презентно-дуративные композиты. Следовательно, презентно-вневременная функция формы на *-ɣan* в этом плане видится исходной, а функция прошедшего времени – относительно более молодой, хотя и достаточно давней, поскольку прошедшее на *-ɣan* не только глобально охватило кыпчакские языки, но и вместе с волной кыпчакского влияния проникло и закрепилось в языках карлукских и северо-восточных. Дополнительным аргументом в пользу исконности презентно-вневременной функции у формы на *-ɣan* служит наличие общетюркских субстантиватов на *-ɣan//* огуз. *-an* (<**-ɣan*), типа *tabysɣan ~ tavšan* 'заяц', *syčqan ~ syčan* 'мышь, крыса', с семантикой имени деятеля, обычно совершающего данное действие.

Второе. Тобаский форматив *-aan* в композите *-pyšaan//-pyšaaŋga* соотносится с формой на *-ɣan* не напрямую, а как вторичное образование от *-a*, поскольку строго фонетически *-aan* < **-aɣan* (сонант *ɣ* в тобаских диалектах растворяется между гласными, в иных позициях он сохраняется). Подобная форма есть в реестре нескольких живых языков. В ногайском – это причастие настоящее с оттенком постоянства действия: *jataɣan* 'постоянно лежащий'; в кумыкском оттенок постоянства (уже?) не фиксируется: *baraɣan* 'идущий'. В турецком языке образования с формой на *-ağan/-eğen ~ -egen* лексикализовались и вошли в словарь как прилагательные с оттенками повышенного содержания признака или подверженности ему либо как отадъективные субстантиваты: *kayağan* 'скользкий', *küsegen* 'обидчивый', *pişegen* 'легко поддающийся варке', *süregen* 'постоянный', *gelegen* 'впадающий (о реке)', 'приток', *gezegen* 'планета'. Грамматика Тахсина Бангуоглу (вышедшая впервые в 1959 г. и переизданная без изменений в пятый раз в 1998 г.) помимо процитированных выше примеров содержит еще ряд форм – *tepegen, kaçagan, sıçagan, çalagan, kesegen* (Banguoğlu 1998: 229–230), которые современный орфографический словарь İmlâ Kılavuzu – самый полный справочник словоформ – уже не содержит. Видимо, так же обстоит дело в азербайджанском, туркменском, диалектах узбекского и казахского языков, единичные примеры из которых, приведенные А.М.Щербаком в доказательство

принадлежности формы на *-aɣan* "к общетюркскому достоянию" (Щербак 1977, 167), в действительности не являются живыми словопроизводными образованиями, во-первых, и, во-вторых, они могут и не быть исконными для тех или иных диалектов. Исторически форма на *-aɣan* доходит до чагатайского, но уже в караханидско-уйгурском ее нет. Следует заметить, что читавшиеся ранее в "Диване" Махмуда Кашгари в нескольких местах формы на *-aɣan* (и широко цитированные в литературе, ср., например: Щербак 1977, 167) при текстологическом анализе Р.Данкова были дезавуированы, так как оказалось, что фатха на последнем корневом согласном, обеспечившая в первых изданиях "Дивана" чтение с *a* нескольким формам: **baraɣan* 'часто уходящий (домой)', **kelegen* 'часто приходящий (к нам)', **uraɣan* 'постоянно бьющий (своего раба)', принадлежат к поздним исправлениям рукописи и содержат, вероятно, коррекции какого-то ученого читателя XIV в. (Dankoff–Kelly I, 12–13). Ряд фонетических примет указанных коррекций свидетельствуют, по мнению Р.Данкова, что их автор был носителем кыпчакского или огузского диалекта. Исправление формы *-ɣan* на *-aɣan* совершенно согласуется с данной верификацией. Причем, на мой взгляд, оно больше склоняет в сторону кыпчакоязычности автора коррекций, поскольку именно в кыпчакских диалектах *-ɣan* к XIV в. была формой прошедшего времени и ему должно было быть совершенно чуждым ее употребление в значении настоящего; в огузских языках формы на *-ɣan* в значении прошедшего не было. Характерно, что исправления *-ɣan* на *-aɣan* сделаны на первых листах "Дивана" (с. 17 и 28 рукописи). Затем автор коррекций, видимо, понял свое заблуждение и в последующем, на с. 88–90, 256–262, 293–294 и 582, где массово приводятся примеры с формой на *-ɣan*, ни одного подобного "исправления" сделано не было. В "Кутадгу билиг" форма на *-aɣan* также не встречается; здесь выступает форма на *-ɣan* (из-за меры стиха ее невозможно было спутать с *-aɣan*), которая имеет вневременное значение обычного, часто – характерного для субъекта действия, при этом контекст иногда позволяет относить такое действие в план прошлого (СИГТЯ 1988, 420-421).

В тувинском языке аналогом формы на *-aɣan* является причастие на *-yɣan/-igen*, которое утрачивает "признаки глагола" и переходит "в разряд имен прилагательных и существительных, обозначающих действие как постоянный признак предмета, а также наименование деятеля" (Исх., Пальм. 314): *özügen* 'быстро растущий', 'живучий (о животных и растениях)', *čanyɣan* 'убегающий домой', 'имеющий привычку убегать домой (о домашних животных)', *xojuɣan* 'легко пугающийся', 'шарахающийся с испугу' (там же 313). На основании семантической идентичности форм на *-yɣan* с современными на *-aɣan* (и их обеих с древней караханидской на *-ɣan*) *y* в *-yɣan* развился из **a*, будучи захвачен чередованием *y* < *a*.

Приведенные примеры из азербайджанского (*ɣačaɣan* 'бегущий', 'бегун'), туркменского (*tutaɣan* 'держащий'), турецкого, диалектов узбекского и казахского языков следует оценить как лексически застывшие формы.

ЯКУТСКАЯ ГРУППА

Отделение якутской ветви (включающей в себя якутский и долганский языки) от основного ствола тюркских языков произошло довольно рано на рубеже нашей эры, т.е. в те времена когда северные гунны ушли в Притяньшанье и на южный Алтай. Во времена становления II тюркского каганата происходит разделение пратувинской и праякутской ветвей. После миграции племен в районы верхнего и среднего течения р. Лены наступил период изоляции, и якутский язык практически не подвергался воздействию общетюркских изоглосс. С другой стороны, происходили контакты с тунгусоязычным населением и племенами, говорившими на палеоазиатских языках. Из-за этого часть фонетических и морфологических инноваций, наблюдаемых в якутском языке, является следствием языкового союза, а не перестройкой системы, присущей остальным тюркским языкам.

Долганский язык в настоящем очерке не рассматривается, так как его отличия от якутского языка носят главным образом адстратный характер.

ФОНЕТИКА

В области **консонантизма** произошли существенные изменения.

1. Пратюркские велярные стали увулярными только перед следующим широким гласным заднего ряда. Т.е. перед **y* и **u* развитие согласного совпадало с развитием, обычным для контекстов перед гласными переднего ряда. В случаях если этимологически широкий гласный давал дифтонг, развитие велярных определялось первой частью дифтонга. Закрывающий слог велярный также вел себя аналогично и в зависимости от подъема гласного, находящегося перед ним, давал или увулярные, или велярные рефлексы. Только таким образом можно объяснить удивительные для стандартно-тюркских языков рефлексы типа *küöx* < **gök*. Увулярный *x* в части диалектов произносится как аффриката в превокальной позиции, и орфографическая норма написания отражает лишь различие увулярных и велярных, а не степень спирантизации.

2. Довольно рано совпали рефлексы **č*, **s* и **š* < **ť*, **z* < **ŕ* в позициях после гласных. Аффрикатные рефлексы **č* еще наблюдаются после сонантов, а в интервокальной позиции и в конце слога через ступень *ϑ* произошла нейтрализация этих согласных. Судя по развитию в *-h-* и *-t* на определенном этапе спирант, являвшийся наследником этих фонем, был дентальным. Вполне вероятно, что это произошло под влиянием **s*, исторически развитие в *0-* < **h-* возможно только через ступень **ϑ*, что подтверждается данными башкирского языка, некоторыми специфическими респонденциями в

ногайских языках, а также развитием **s* в иранских языках, это может указывать на евразийскую фонетическую изоглоссу. Начальное **č* дает *s-*.

3. Начальный **j-* дал аффрикатный рефлекс и уже позже перешел в *s-* (процесс происходил после утери этимологического **s-*). Следы аффрикатизации **j-* отмечаются во всех современных тюркских подгруппах, за исключением только огузской, и якутский язык здесь продолжает общетюркское развитие.

4. Пратюркские **ŧ* и **ŕ*, как и во многих других тюркских языках, дали сначала спирантные рефлексы — глухой и звонкий соответственно, локальный ряд для праякутского определить затруднительно из-за последующего совпадения и нейтрализации рефлексов аффрикат и спирантов.

5. Пратюркское **b-* в анлаутной позиции перешло в *m-* при носовом согласном на границе первого и второго слогов. Это развитие также присуще большинству тюркских подгрупп.

6. Пратюркское **-ń-* дало назализованные рефлексы типа *-j̃-* или *-n̄-* (различия диалектальные), в ауслауте **ń* перешло в *-j*, хотя исторически влияло на реализацию **-a-*.

7. Пратюркское **-d-* в поствокальной позиции развилось в *-t(-)*. После дентальных сонантов этот согласный ассимилируется, в отличие от большинства современных тюркских языков, где наступает нейтрализация **-t-* и **-d-*. Различие раннеякутских *d* и *t* можно установить только для аффиксов, которые встречаются в позициях после гласных и разных согласных.

8. Анлаутное противопоставление глухих (~ придыхательных) и звонких (~ непридыхательных) согласных было утеряно довольно рано, что напоминает ситуацию в большинстве тюркских языков за исключением огузских и тувино-тофаларских.

9. В конечном положении **-rk* переходит в *-rt*, при наличии чередования перед гласными следующего слога. Данный процесс характерен также и для тувинского.

10. При сочетании двух шумных согласных или сочетании первого шумного с сонантом наблюдается только сочетание двух глухих шумных с вторичным переходом сонанта в шумный.

Отметим также основные изменения в области **вокализма**.

11. Наряду с чувашским якутский отражал особым рефлексом **ạ* и **ẹ*, эти гласные становились гласными верхнего подъема (*y, i*), огузские закрытые гласные в большинстве случаев возникали под влиянием окружающих согласных, а нетривиальное совпадение в рефлексации якутского и чувашского может указывать только на праязыковой характер различения "закрытых" гласных. Наблюдается вторичный переход в узкий гласный перед мягким носовым или сочетанием носового с *-j-*. Например, *yj* 'Луна' < **ān̄, kyj̃yat* 'крыло' < **kajnat, tyŋ* 'заря' < **taŋ, kymn̄y* 'плеть' < **Kamčy*. Иногда при смене рядности корневой основы вместо переднерядного варианта обнаруживается заднерядный, контексты, в которых происходит данный переход, до конца не ясны, однако, заслуживает внимания наличие заднерядных

вариантов в части диалектов огузских языков (особенно азербайджанских диалектов: *saɣyz* 'восемь', *oɣuz* 'бык' и др.).

12. При соответствии тувинского *y/#a-* и чувашского *y* < **a*, в якутском отмечены огубленные рефлексы: *xomus* 'камыш' < **Kamuĺ, xomuos* 'поварешка' < **Kamyč, orduk* 'сверх' < **artuk, uosās* 'молозиво' < **agur̄-ač* и др.

13. Исторические пратюркские долгие гласные среднего подъема перешли в дифтонги в первом слоге (**ē* > *ie*, **ō* > *uo*, **ȫ* > *üö*). В непервых слогах наиболее частотное **ē* дает *ē*, а не дифтонг. Долготные рефлексы типа *ō* и *ȫ* в первом слоге являются результатом стяжений (упрощений групп согласных), а в непервых слогах фонологически неотличимы **ē* или **ā* из-за губной аккомодации. Про это распределение иными словами говорится в пятитомнике "Языки народов СССР": "Вокализм корня несколько отличается от вокализма аффиксов. В неподвергшемся стяжению корне могут быть только 5 долгих гласных *ā, ȳ, ī, ū, ǖ* и три дифтонга *ie, uo, üö*. В аффиксах же бывают все долгие гласные и дифтонги *ā, ō, ē, ȫ, ȳ, ū, ī, ǖ, ya, uo, ie, üö*".

14. Конечный широкий гласный в глагольной основе обязательно является долгим, а узкий получает "соединительный" согласный *-j-*, который исчезает при аффиксе, начинающемся на согласный.

15. При стяжении сочетаний с **-g(-)* и **(-)j(-)* возникает "новый" дифтонг *ya*.

16. В непервых слогах долгие гласные подвергаются междуморфемным сандхи, типа *ahā-* 'есть', *ahan-* 'употребляться в пищу', *ahyax* 'поедим-ка', *ahȳr* 'есть (Fut.)'.

МОРФОЛОГИЯ

Именное и глагольное словоизменение в большей части отражает пратюркскую систему. Историческое происхождение аффиксов и сфера их употребления указывают на бóльшую схожесть со "стандартно-тюркскими" языками, чем, например, с булгарской ветвью (чувашским языком). Контакты с тунгусскими языками повлияли на перестройку старой системы, отмечаются даже заимствования некоторых аффиксов, однако, вопреки мнению В.В.Радлова, якутский не является отуреченным тунгусским.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

При образовании множественного числа у имен существительных обнаруживаются архаичные соответствия с древнетюркским языком. Хотя в качестве основного показателя используется популярный во многих тюркских языках аффикс **-lar*, для части имен наблюдается аффикс **-t*, иногда со вторичным добавлением "универсального" первого аффикса. Судя по материалам памятников, **-t*, имеющий хорошие алтайские параллели, активно использовался только для личных имен: ср. *tegin* ~ *tegit* 'принц', *oylan (oyul)* ~

oylyt 'потомки, дети', *tarqan ~ tarqat* 'наместник', *jylpayut* 'герой', *jegin ~ jegit* 'племянник, слуга (джигит)' и т.д. В якутском представлено большее количество имен с данным аффиксом: *kyrgyt-tar (*kyrkyn)* 'девушка', *uolat-tar* 'сын', *eret-ter (*er)* 'муж', *xotut(-tar)* 'хозяйка' *(*katun), tojot(-tor)* 'начальник' (монг. *tojun* 'монах') и др. Регулярно в таких случаях отпадают конечные **-n, *-r* при присоединении показателя множественного числа **-t.* В некоторых случаях старое множественное число переосмыслено как единственное, например: *kulut* 'раб' *(*kul), kijīt ~ kyńýt (*gẹlin, *gẹlni-)* 'невестка' и т.д.

КАТЕГОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ

В предикативной функции существительные принимают аффикс сказуемости в зависимости от лица субъекта:

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-byn (*-men)*	*-byt (*-mír)*
2-е л.	*-ɣyn (*-sen)*	*-ɣyt (*-sír)*
3-е л.	-0	*-lar (*-lar)*

Исторически эти аффиксы восходят к личным местоимениям, за исключением простого присоединения *-lar* в 3 л. мн.ч. Начальные согласные имеют варианты типа *b ~ p, l ~ d ~ t~ n, g ~ k.* Распределение рефлексов по ауслауту основы. Интересно положение со 2-м лицом. Интервокальное **-s-* дает *-h-*, но по контаминации с посессивным показателем *-ŋ* (см. ниже), приведшей к переходу *-h- > -ɣ-* (что фонетически объяснимо из-за близости локальных рядов артикуляции), произошло выравнивание с типичным для корневых основ правилом, запрещающим фонемы *x* и *ɣ* перед гласными верхнего подъема и дифтонгами. В результате промежуточное *-ɣ-* совпало с *-g-*, восходящим к **-k-*. Деназализация в показателях 1-го лица **-mʌ* присуща и другим тюркским языкам (особенно Сибири и кыпчакской группы), аналогичное развитие произошло в глагольных показателях *-bat (*-maŕs), -byt (*-myĺ), -bataq (*madak)*, отрицательном показателе *-ba- (*-ma-).*

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Посессивные аффиксы (аффиксы принадлежности) имеют следующий вид:

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-m*	*byt (*-mír)*
2-е л.	*-ŋ*	*ɣyt (*-ŋír)*
3-е л.	*-(d)a/-(d)y-*	*lar-a/-lar-y- (*-lar)*

Деназализация во 2 л. мн.ч. аналогична тем случаям, которые представлены выше. Они также показывают возникновение "победившего" варианта *-Гyt* в двух системах, в первом случае – из **-sír*, во втором – из **-ŋír.* Показатель 3 л. ед. восходит к ареальному пратюркскому распределению **-sy* (поствокальная позиция) и **-y* (постконсонантная позиция). Широкий гласный в номинативе явно вторичен, так как при изменении по падежам вместо него выступает *-y-*, как и в остальных тюркских языках. Соответствие стандартно-

тюркскому **-sy* в виде *-tV* как бы указывает на геминацию или ауслаутную позицию согласного (см. выше), но стоит обратить внимание на два факта.

Распределние **-y* и **-sy* не было чисто морфонологическим для пратюркского, на что указывает чувашский, где второй вариант — только для терминов родства и слова "теленок". Исторически, по результатам сравнения с другими алтайскими и ностратическими языками, это является результатом контаминации двух местоимений 3 л. ед. для большинства тюркских языков с последующей морфонологической реинтерпретацией. В монгольских языках похожая ситуация: смешиваются два местоимения 3 л. ед. **-y(n)* и **-a(n)* с новым перераспределением по виду оформляемой основы, они также имеют разные алтайские этимологии. Если учитывать, что в монгольской традиционной орфографии данный показатель пишется всегда отдельным словом, а в руническом тюркском **-sy* часто даже при заднерядных основах передается знаками для переднерядных основ (т.е. не происходит уподобления по гласным внутри словоформы), а также принимать во внимание регулярную переднерядность во всех случаях в чувашском в этом аффиксе, то можно с большой степенью уверенности считать маркеры 3 л. ед. не суффиксами, а клитиками и нетривиальное развитие в якутском — как особое развитие на границе двух лексем, позднее ставших одной. С другой стороны единственный глагольный аффикс с начальным **-s-* условного наклонения **-sar* в якутском также имеет отражение *-t-*, а не *-h-*, так же ведет себя показатель 3 л. императива **-sun.* Морфонологически они соответствуют якутскому *-d-* через историческую ступень *ϑ-* на морфологическом шве.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Частный падеж в морфонологическом якутском варианте **-da* восходит к местному или отделительному падежу на пратюркском уровне. Совпадение таких значений хорошо отмечено для рунических тюркских памятников. При склонении с личными окончаниями 3 л. ед. отмечается довольно редко и имеет вид *-yna*, восходящий к **-yn-na < *-y-n-da.*

Дательный падеж восходит к морфонологическому варианту на **-ya* из пратюркского **-ka.* Это типичный показатель для кыпчакских, карлукских языков и части языков Сибири. При посессивном склонении употребляется *-ygar,* соответствующий древнетюркскому *-ŋaru* в местоименном склонении. Деназализация прошла по тем же причинам, что и в показателях притяжания, а из-за предыдущего *-y-* получившееся *-y-* перешло в *-g-* по правилам фонотактики.

Исходный падеж имеет вид **-tan.* В этом аффиксе *-t-* никогда не ассимилируется, т.е. не восходит к **-d-*, в отличие от местного падежа. Подобное распределение наблюдается в руническом древнетюркском; аблативный показатель, отмеченный в наречных образованиях, имеет вид *-tyn* или *-tan*, а местный падеж *-da* и морфонологический вариант *-ta* после сонантов. В притяжательном склонении отмечен вариант **-ytan* с ассимиляцией (!) показателя косвенной местоименной основы *-n-* последующим *-t-*.

Творительный падеж оформляется показателем **-ynan*. Представлен он в комитативе или в инструменталисе (по языкам) в большом количестве тюркских языков-потомков и восходит к пратюркскому сочетанию падежного показателя **-la* с показателем старого творительного падежа **-n*. Первый показатель отмечен в чистом виде в аз. *-la*, тур. *-ile*, туркм. диал. *bi-le*, салар. *-la*, узб. *-(i)la*, халадж. *-la̋*, Бабур *-bi-le*, МК и QB *-bir-le*, орхон. др.-тюрк. *-la*, кр.-тат. *-la*, кар. *-by-la*, кбалк. *-b-la*, башк. зап. диал. *-be-lɛ*, алт. *-la*, чул. *-by-la*, сюг. *-la*, тув. *-bi-le*, тоф. *-b-la*, чув. *-ba(-la)*.

Осложненные показателем старого творительного падежа: гаг. *-(j)l/nan*, туркм. *-lan*, узб.диал. *-minɛn*, уйг. *-lan*, халадж. *-la̋(n)*, каз. *-men(en)*, ккалп. *-menen*, ктат. *-nen*, кумык. *-bulan*, тат. *-lan*, сиб.-тат. *-(py)lan, -m(yn)an*, тат. миш. *-m(en)ɛn*, башк. *-menɛn*, кирг. *-menen*, хак. *-ynaŋ*, чул. *-byla(ŋ)*. Ассимиляция *-l* в таких случаях отмечена в основном в кыпчакских языках и языках Сибири.

Совместный падеж выражен аффиксом **-lȳn*, а с притяжательными аффиксами **-ynȳn* < **yn-lȳn*. Восходит он также к композиту с показателем старого инструменталиса. Первая часть регулярно соответствует аффиксу совместного падежа *-lyγu* в орхонских рунических памятниках. Назализации, в отличие от творительного падежа, не происходит, и это связано с тем, что *-n* завершает исторически второй слог данного показателя.

Сравнительный падеж также является сложным. Он имеет вид **-dāxar*, в притяжательном склонении **-ynāxar* < **yn-dāxar*. Восходит он, по всей видимости, к аффиксу пратюркского локатива-аблатива **-da* и аффиксу директива **-garu*.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Из словообразовательных аффиксов можно отметить *-syt*, соответствующий пратюркскому *-či*, обозначающий деятеля. Морфологически в якутском он осложнен *-t*, а это окончание множественного числа для людей. О переосмыслении этого показателя с переходом значения в единственное число см. выше. Довольно часто представлены отглагольные аффиксы *-ȳ* < **-yγ, -ax* < *-ak*. Любопытно развитие аффикса деятеля при отглагольном образовании. Он имеет вид *-āččy* с сохранением (!) аффрикаты, это явно связано с тем, что на пратюркском уровне между основой глагола был суффикс масдара **-(y)gu*, в якутском после выпадения гласного сочетание **-gč-* перешло в *-čč-*, которое, в отличие от негеминированного **-č-*, уже не переходило в спирант. Есть часть словообразовательных аффиксов, заимствованных из монгольского языка: *-msax* < монг. **-(m)sig* — уподобительный суффикс, *-(lā)-syn* < монг. **-su-n* — суффикс имен действия и др.

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения имеют пратюркскую этимологию: *min* ‘я’ и *en* ‘ты’ восходят к пратюркским косвенным основам **bẹ-n-* и **se-n-*, ставшим прямой основой во всех тюркских языках, за исключением чувашского (на

архаизм в нем указывают внешние алтайские данные). Местоимение *kini* ‘он’ соответствует пратюркскому **gendü* ‘сам’, это доказывает поведение при склонении, где, в отличие от старых личных местоимений, склоняющихся по местоименному типу, *kini* ведет себя как регулярное имя существительное и требует в совместном падеже окончание *-līn*, в сравнительном — *-tēγer*, не *-in-nīn* и *-in-nēγer*, как в местоименном склонении. Во множественном числе *bihigi* и *ehigi* соответствуют пратюркскому **biŕ* и **seŕ*. В 3-м лице основа *kini* оформляется типичным для существительных аффиксом *-lar/-ler* и изменяется по типичному для существительных склонению. Косвенные основы местоимений 1-го и 2-го лица, а также прямая основа этих местоимений во множественном числе довольно необычны для остальных тюркских языков. Во-первых, распределение огласовки *-i-* в 1-м лице и *-e-* во 2-м. Судя по данным памятников и языков других подгрупп, чередование было связано с падежными аффиксами, а не конкретно привязано к лицу. Во-вторых, показатель местоименного склонения по рефлексам отвечает **-ń-*, а не типичному **-n-*. В якутском назализация начального согласного *mī-* указывает на исконный носовой в начале второго слога, а рефлекс *eji-* с утерей в литературном языке назализации может являться лишь диалектальным. В-третьих, косвенная основа местоимений 1-го и 2-го лица осложнена показателем *-gi-n-*, а во множественном числе этот же показатель представлен и в именительном падеже. Поведение этого показателя аналогично показателям 3-го лица в притяжательном склонении существительных, что указывает на его исторический местоименный характер. Соответствует он так называемой "эмфатической" частичке *-kü*, появляющейся и после имен, и после местоимений в руническом древнетюркском. Она соответствует указательному местоимению **kö(-n-)* ‘этот’, которое активно используется в чувашском и сарыг-югурском.

Парадигма склонения местоимений в якутском выглядит так:

1 л. ед.ч.		Ранний др.-як.
Им.п.	*min*	*min*
Вин.п.	*mīgin*	*miní-ki-n*
Дат.п.	*miexe*	*minḗ-xe*
Отл.п.	*mīgitten miní-ki-n-ten*	
Тв.п.	*mīginen*	*miní-ki-n-le-n*
Совм.п.	*mīginnīn*	*miní-ki-n-lȳ-n*
Срав.п.	*mīginnēγer*	*miní-ki-n-dē-γer*

2 л. ед.ч.		Ранний др.-як.
Им.п.	*en*	*en*
Вин.п.	*ejigin*	*ení-ki-n*
Дат.п.	*ejiexe*	*enḗ-xe*
Отл.п.	*ejigitten*	*ení-ki-n-ten*
Тв.п.	*ejiginen*	*ení-ki-n-le-n*
Совм.п.	*ejiginnīn*	*ení-ki-n-lȳ-n*
Срав.п.	*ejiginnēγer*	*ení-ki-n-dē-γer*

Во множественном числе в качестве Им.п. выступают *bihigi* и *ehigi* из раннего древнеякутского **bisi-ki(-n-)* и **esi-ki(-n-)* соответственно, а склонение идет как у имен с притяжательным аффиксом. Ставшее местоимением пратюрк. **gendü > kini* склоняется как обычное имя. Особый случай отмечен для дательного падежа. Здесь у всех местоимений показатель *-ē-xe*, он по аналогии распространен и у *kini*. Восходит он к пратюркскому варианту *-ŋa* в местоименном склонении с выравниванием носового по остальным падежам и дальнейшим прибавлением показателя того же самого падежа, взятого из именных основ.

Существуют **притяжательные** местоимения. Они образованы от личных основ, не осложненных показателем **-ki-*. Употребляются эти местоимения в роли любого члена предложения, кроме определений, и изменяются по лично-притяжательному склонению 3-го лица. Показателем их является **-ēn-e(/i-)*. У имен существительных в якутском очень рано утерян родительный падеж, и только у данных имеющих особый статус притяжательных местоимений он сохраняется и соответствует пратюркскому **-(n)yŋ*. А следом за ним по общеякутскому правилу добавляется личный показатель 3-го лица.

Указательные местоимения *bu/ man-* 'этот', *ol/ oпл* 'тот', *iti(n-)* 'этот, тот' имеют обычную общетюркскую этимологию. Последнее представляет этимологическое сложение раннепратюркского местоимения 3-го лица **y-* и **ti-*, которое отмечено в киргизском языке, языках Сибири и кыпчакских языках. Конкретизирующие местоимения *subu, sol, siti* образованы от сложения с местоименным показателем. Фонетически он может соответствовать чувашскому указательному местоимению *śu* и восходить к пратюрк. **čV*. Но, с другой стороны, его можно считать заимствованием из ареального šu, которое типично для кыпчакских языков и языков Сибири. Изменяются эти местоимения только в безличном склонении. Отмечены следы исторического местного падежа на **-da* в наречных образованиях *man-na* 'здесь' и *on-no* 'там'.

От вопросительной местоименной основы *xan-* (пратюрк. **kan-*), морфологически подобно указательным местоимениям, при помощи падежных показателей образуются вопросительные наречия *xan-na* 'где', *xan-tan* 'откуда', *xan-an* 'по какому месту', *xaččа* (< *xaṅ́-ča* < тюрк. **kan-ča* с показателем экватива) 'сколько'. Интересно, что непопулярный у прилагательных суффикс **-lyk* (пратюрк. **-lyγ*) обнаруживается у местоимений *xan-nyk* 'какой', *man-nyk* 'эдакий', *on-nyk* 'такой'. Основа *xaj-*, которая является пратюркским вариантом предыдущей основы, представлена в образованиях *xaj-dax* < *xaj-lax* < тюрк. **kaj-lak* 'как, каким образом', *xaja* 'который, где', *xajāл* 'как делать' и, может быть, *xas* 'сколько'. Местоимение *kim* 'кто' имеет общетюркский характер, а с этимологией *tuox* 'что' есть некоторые проблемы, оно явно связано с *töhö* 'сколько' и, возможно, соответствует пра-

тюркским парам **ne* и **ne-če*. Если запрет на начальный носовой в раннем якутском был абсолютен, то переход **n- > t-* вполне допустим, однако появление огубленного гласного пока не поддается разрешению.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные имеют общетюркскую этимологию: *bīr* < **bīr* 'один', *ikki* < **ęki* 'два', *üs* < **ü/öč* 'три', *tüört* < **dört* 'четыре', *bies* < **bę̄lk* 'пять', *alta* < **alty* 'шесть', *sette* < **jeti* 'семь', *ayys* < **sekír* 'восемь' (любопытно, что задний ряд в этом числительном отмечается также и в азербайджанских диалектах), *toγus* < **dokúr* 'девять', *uon* < **ōn* 'десять', *sūrbe* < **jegürm[i]* 'двадцать', *otut* < **otur* 'тридцать', *sūs* < **jūr* 'сто'. Как и в тувинской ветви, названия десятков больше тридцати замещены сочетанием количественного числительного со словом "десять".

Порядковые числительные образуются при помощи аффикса *-s* < **-nl*. Чередование *-š* в конце слога ~ *-nč-* отмечено в древнетюркском, это глаголы типа **sanl-* 'толкать', дающие соответственно варианты *saš* ~ *sanč-*, а в якутском *as* ~ *aṅń-*. Исторические названия месяцев, образованные от порядковых числительных в сочетании с **ān* 'месяц', як. *yj*, доказывают по рефлексам исходное происхождение из **-nl: setiṅńi* < *setiiṅń-yj* < **jetinl ān* 'ноябрь', *axsyṅńy* < **sekirinl āj* 'декабрь', *toxsuṅńu* < **tokurinl ān* 'январь', *oluṅńu* < **onunl ān* 'февраль' (с диссимиляцией двух *n*).

Собирательные числительные имеют аффикс *-ya(n)*, восходящий к пратюркскому **-agu(n)*, вероятно, через ступень **-ag* (ср. *tya* 'лес' < **dāg* 'гора').

Разделительные числительные имеют показатель *-lȳ*, этимология которого не ясна.

Приблизительные числительные образуются с помощью аффикса *-ča*, восходящего к пратюркскому эквативу **-ča*, однако нерегулярное сохранение *-č-* может указывать на заимствованный характер данного аффикса.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные в якутском языке, в отличие от прилагательных других тюркских языков, морфологически и семантически резко отграничены от имен существительных и наречий. Отличаются от существительных наличием грамматической категории интенсива, а от наречий тем, что не употребляются в качестве обстоятельства образа действия. Большинство активно употребляемых прилагательных соответствуют таким же образованиям в остальных тюркских языках; как правило, они оформлены непродуктивными в настоящее время словообразовательными аффиксами *-ȳ* < **-γg*, *-Vx/-Vk* < **-Vk*, *-γas* < **-gač*, *-yl* < **-yl* и некоторыми другими. Довольно рано был заимствован аффикс *-γar* из монгольского для образования прилагательных от образных глаголов. Аффикс звукоподражательных, образных отглагольных прилагательных *-s* восходит к пратюркскому **-l*, дававшему в

других языках *-š*. Исторически это показатель отглагольного имени (масдара). К продуктивным словообразовательным аффиксам прилагательных относится *-gy* < **-ky*. Он присоединяется к именам, оформленным старым инструменталисом или локативом: *sajyŋŋy* 'летний' < **jāj-yn-ky, ihinēyi* 'находящийся внутри' < **ič-in-de-ki* и др.

ГЛАГОЛ

В словоизменении и в образовании залоговых форм якутский сохраняет за некоторыми исключениями ситуацию, типичную для пратюркского, несмотря на то, являются ли глаголы глаголами действия или состояния или образными глаголами. Основные формы словоизменения глагола типичны: причастия, деепричастия и финитные формы глагола.

Наиболее употребительные причастия *-ar/ -ȳr* (при отрицании *-bat*), *-byt* (при отрицании *-batax*), *-yax* (при отрицании *-(y)myax*) имеют пратюркские прототипы. Первое — это причастие настояще-будущего времени пратюрк. **-ar, *-ur, *-yr* после согласного и **-jur* после гласного (к нему и восходит узкий долготный якутский рефлекс, второе — причастие прошедшего времени **-myĺ* > **-myš* в части языков, третье < **-agu* — причатие будущего времени, а также показатель супина, возможно, в якутском представлено более хитрое развитие *-yax* < *-yhax* < ран.як. *-ysax* < пратюрк. **-ačak*. При отрицании исходными являются пратюркские эквиваленты **-ma-ŕ/r-, *-ma-duk, *-ma-(a)gu*. О деназализации формантов уже говорилось выше, при рассмотрении личных окончаний. Эти причастия могут входить в сложные новообразования уже на якутской почве типа *-ya suox (<*-agu jōk), -yaxtāx (<*-agu-lāk)* и др.

Из деепричастий необходимо упомянуть основные: сопутствующее деепричастие *-a/-ȳ* (при отрицании *-bakka* < **batxa*), оно восходит к пратюрк. **-a/ *-ja* (возможно даже, оно генетически связано с причастным показателем) и **mar-ka* с показателем датива от соответствующего причастия. Предшествующее деепричастие *-an* с отрицанием *-(y)myna* — пратюрк. **-gan* — причастие законченного прошедшего времени и отрицательное деепричастие **-ma-ynV* > *огуз. *-māny*, хак. *-byna-ŋ*. Непосредственно предшествующее деепричастие *-āt* — пратюрк. **-gač*, в отличие от других деепричастий в якутском оно, выступая в роли сказуемого, имеет личные показатели и винительный падеж, что с большей вероятностью указывает на исторически причастный харакатер. Деепричастие цели *-āry (-(y)māry)* надежной тюркской этимологии не имеет. Касаясь назализованных форм в аффиксе отрицания, обратим внимание, что во всех данных случаях следующий аффикс начинается в якутском с гласного, и этот явно якутский морфонологический процесс помешал переходу **-m-* в *-b-*.

Переходя к финитным формам глагола, необходимо отметить, что по спряжениям кардинально различаются только два наклонения: повелительное и все остальные. Среди остальных исторические личные показатели были присущи лишь некоторым парадигмам, для пратюркского это прошедшее результативное изъявительного наклонения на **-dy* и условное наклонение на **-sa(r)* — это собственно глагольные формы, а также вторичные времена, образованные на их базе. Остальные времена образовывались с помощью аффиксов сказуемости, как у имен существительных. Парадигма чисто глагольных аффиксов первой группы очень похожа на личные окончания имен, но на пратюркском уровне все же отличалась, ср. **-k* в 1 л. мн.ч., **-syŋyŕ* 2 л. мн.ч. Без сомнения, они влияли друг на друга, и в большинстве современных языков личные окончания имен и глаголов первого типа фактически совпадают. То же самое наблюдается в якутском языке. Характерной особенностью его по сравнению с другими тюркскими языками является очень широкая возможность использования личных аффиксов (перфектных) при образовании от основ других времен.

I. Сначала рассмотрим глагольные времена и наклонения с аффиксами сказуемости, т.е. исторически восходящие к причастным формам (названия времен и наклонений даются по Убрятовой).

Настояще-будущее

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*a/ȳ-byn*	*a/ȳ-byt*
2-е л.	*-a/ȳ-ŋyn*	*a/ȳ-ŋyt*
3-е л.	*-a/ȳ-r*	*a/ȳ-ŗ-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-bat-byn*	*bat-byt*
2-е л.	*-bat-ŋyn*	*bat-ŋyt*
3-е л.	*-bat*	*bat-lar*

Отметим, что это образование от причастия на *-a/ȳr*, причем наличие *-r* характерно только для 3-го лица. Это характерно и для части других тюркских языков, что является непредсказуемым и отражает пратюркский архаизм. Особый статус *-r* виден во множественном числе, где не происходит диссимиляции в *-rd-*, как в именах, а наоборот наблюдается ассимиляция слабого *-r*.

При прибавлении после причастия аффикса *-lāx* < **-lak* получается настояще-будущее долженствования. С помощью этого аффикса значение долженствования проявляется и в будущем времени, а для прошедших времен актуальным является значение эпизодичности. Наст.-буд. долж. 1 л. ед. *-a/yr-lāx-byn, -bat-lāx-byn*, буд. долж. 1 л. ед. *-yax-lāx-byn, -(y)m-yax-lāxbyn*.

Прошедшее результативное

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-byt-byn*	*-byt-byt*
2-е л.	*-byt-ŋyn*	*-byt-ŋyt*
3-е л.	*-byt*	*-byt-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-batax-byn*	*batax-byt*
2-е л.	*-batax-ɣyn*	*batax-ɣyt*
3-е л.	*-batax*	*batax-lar*

С аффиксом *-lāx* прошедшее эпизодическое — 1-е л. *-byt-lāx-byn, batax-lāx-byn.*

Условное наклонение

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-dar-byn*	*-dar-byt*
2-е л.	*-dar-ɣyn*	*-dar-ɣyt*
3-е л.	*-dar*	*-dar-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-badar-byn*	*-badar-byt*
2-е л.	*-badar-ɣyn*	*-badar-ɣyt*
3-е л.	*-badar*	*-badar-lar*

Здесь, в отличие от тюркских памятников и современных языков, используются не личные окончания, а аффиксы сказуемости, что является очевидной инновацией.

Утвердительно-предположительное наклонение

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-ȳsy-byn*	*-ȳsy-byt*
2-е л.	*-ȳsy-ɣyn*	*-ȳsy-ɣyt*
3-е л.	*-ȳsy*	*-ȳsy-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-(y)m-ȳsy-byn*	*-(y)m-ȳsy-byt*
2-е л.	*-(y)m-ȳsy-ɣyn*	*-(y)m-ȳsy-ɣyt*
3-е л.	*-(y)m-ȳsy*	*-(y)m-ȳsy-lar*

Исторически это соответствует общетюркскому показателю **-as(y)* для будущего времени.

Предположительное наклонение

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-dax-byn*	*-dax-byt*
2-е л.	*-dax-ɣyn*	*-dax-ɣyt*
3-е л.	*-dax*	*-dax-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-badax-byn*	*-badax-byt*
2-е л.	*-badax-ɣyn*	*-badax-ɣyt*
3-е л.	*-badax*	*-badax-lar*

Аффикс восходит к пратюрк. **-duk.*

Возможность

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-āja-byn*	*-āja-byt*
2-е л.	*-āja-ɣyn*	*-āja-ɣyt*
3-е л.	*-āraj*	*-ājar-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-(y)m-āja-byn*	*-(y)m-āja-byt*
2-е л.	*-(y)m-āja-ɣyn*	*-(y)m-āja-ɣyt*
3-е л.	*-(y)m-āraj*	*-(y)m-ājar-lar*

Это слившееся словосочетание глагола в форме соединительного деепричастия на **-a* со вспомогательным глаголом **u-* ‘мочь’ в настояще-будущем времени. Метатеза *r* и *j* в 3-м лице единственного числа вторична.

II. Теперь рассмотрим образование парадигм с личными окончаниями:

Недавнопрошедшее (категорическое)

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-dym*	*-dy-byt*
2-е л.	*-dyŋ*	*-dy-ɣyt*
3-е л.	*-dy*	*-dy-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-badym*	*-bady-byt*
2-е л.	*-badyŋ*	*-bady-ɣyt*
3-е л.	*-bady*	*-bady-lar*

Прошедшее незаконченное

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-a/ȳrym*	*-a/ȳr-ybyt*
2-е л.	*-a/ȳryŋ*	*-a/ȳr-yɣyt*
3-е л.	*-a/ȳr-a*	*-a/ȳr-lar-a*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-batym*	*-bat-byt*
2-е л.	*-batyŋ*	*-bat-ɣyt*
3-е л.	*-bat-a*	*-bat-lar-a*

В 3-м лице происходит оформление личным показателем, что нетипично для исконных форм и показывает вторичность таких образований. Ср. также ниже.

Преждепрошедшее повествовательное

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-bytym*	*-byt-ybyt*
2-е л.	*-bytyŋ*	*-byt-yγyt*
3-е л.	*-byt-a*	*-byt-lar-a*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-bataxym*	*-batax-byt*
2-е л.	*-bataxyŋ*	*-batax-γyt*
3-е л.	*-batax-a*	*-batax-lar-a*

Давнопрошедшее эпизодическое образуется от этой основы с помощью *-lāx* и личных показателей.

Будущее

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-ya(xy)-m*	*-yax-byt*
2-е л.	*-ya(xy)-ŋ*	*-yax-γyt*
3-е л.	*-ya(x)-a*	*-yax-lar-a*

Отрицательные формы отмечены только в единственном числе для 1 и 2 лица *-(y)m-ya-m, -(y)m-ya-ŋ*, в других случаях используется описательный оборот с *suox* < **jōk*. В этом времени довольно отчетливо выражен оттенок определенности в законченности действия в будущем.

Предположительное конкретное

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-daxym*	*-dax-ybyt*
2-е л.	*-daxyŋ*	*-dax-yγyt*
3-е л.	*-dax-a*	*-dax-lar-a*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-ba-daxym*	*-badax-byt*
2-е л.	*-ba-daxyŋ*	*-badax-γyt + buolo*
3-е л.	*-ba-dax-a*	*-badax-lar-a*

Во избежание смешения в отрицательном спряжении с преждепрошедшим повествовательным используется служебное слово *buoluo*.

Как видно по семантике временны́х образований и наклонений, главным значением личных показателей является перфективность, в отличие от форм с показателями сказуемости. Такое семантическое переосмысление является уникальным для тюркских языков, и его следует считать инновацией. На базе вышеприведенных "слитных" форм и сочетаний их со вспомогательными словами *suox* 'нет', *bār* 'есть', *ete* 'существование', а также в результате сочетаний деепричастий и причастий с временными формами глаголов *e-* 'быть', *tur-* 'стоять' образуется еще около 25 видов аналитических конструкций. Общий принцип их построения и модификаций значений соответствует общетюркскому, однако в результате того, что выбор того или иного причастия или вспомогательного глагола в каждом языке имел завязку на свою конкретную глагольную морфологию словоизменения, выделить конкретные и действительно пратюркские аналитические конструкции представляется проблематичным. Поэтому они здесь не рассматриваются.

Особый вид личных глагольных окончаний представлен только в повелительном наклонении:

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-ȳm*	*-yax, -yax-yŋ*
2-е л.	*-0*	*-yŋ*
3-е л.	*-dyn*	*-dyn-lar*

при отрицании

	Ед.ч.	Мн.ч.
1-е л.	*-(y)m-ȳm*	*-(y)m-yax, -(y)m-yaxyŋ*
2-е л.	*-(y)ma*	*-(y)myŋ*
3-е л.	*-ba-dyn*	*-ba-dyn-lar*

Форманты 1-го лица восходят к пратюркским **-ajy-m и *-ajy-k*, отмеченным во многих тюркских языках. Нетривиальное развитие гласных находит соответствие в азербайджанском, где в первом случае *-ym*, а во втором — *-aG*. Во 2-м лице множественного числа особый показатель *-yŋ*, характеризующий данное наклонение, отмеченный и в руническом тюркском, среднетюркских памятниках, узбекском и огузских языках. В других языках он, как правило, заменяется взятым из личного спряжения аффиксом, что вторично. В 3-м лице *-dyn* < раннеяк. *-ϑyn* < **-sun* (ср. аффиксы *-da, -dar*). Разница *-yax* и *-yax-yŋ* передается как противопоставление 'мы с тобой' и 'все мы'. Можно это интерпретировать как двойственное число, но никаких следов двойственного числа в тюркских не отмечено. Более оправданным представляется видеть во втором случае композит с показателем 2-го лица множественного числа. И также необходимо учесть, что если в единственном числе нулевой показатель, то *-yŋ* во множественном числе может отражать просто показатель множественности для повелительного наклонения. В языках Сибири и диалекте туркменского отмечено такое же противопоставление, и логика там такая же: алт. *-ālyk* и *-ālyk-tar*, хак. *alaŋ* и *alaŋ-ar*, шор. *alāŋ* и *alāŋ-nar* (множественность), тув. *-alȳ1* и *-alȳ ly-ŋar* (2-е л. мн.ч.), туркм. *alaly* и *alaly-ŋ* (как в якутском, причем в языках огузской группы сохраняется архаичное 2-е л. мн.ч.). Распределение деназализованных показателей отрицания зависит от вокального или консонантного начала следующего аффикса, см. выше.

Из аффиксов словообразования следует отметить *-lā-*, образующий отыменные глаголы и восходящий к пратюрк. **-la-; -yr-*, образующий глаголы от прилагательных < пратюрк. **Vr-; -ā-, -yj-* непродуктивный аффикс

отыменных глаголов < пратюрк. **-a-* и узких гласных **-u-*, **-y-*. При образовании залоговых форм в каузативе используются аффиксы *-ar-, -yar-, -tar-, -t-* из пратюркских **-ar-/ *-dur-, *-gar-, *tur-, *-t-*. Наиболее продуктивными являются два последних аффикса: первый — после согласных, а второй — после гласных. После плавных и носовых дентальных согласных аффикс *-arʌ* восходит к пратюрк. **-dar-* после морфонологического уподобления предшествующему сонанту. В этих случаях в руническом тюркском и у Махмуда Кашгарского отмечен *-dur-* (в отличие от продуктивного *-tur-*), а в чувашском *-ar-* (ср. як. *ölör-*, чув. *vəler-*, МК *öldür-* 'убить'), хотя в остальных тюркских произошла унификация *-tur-* и *-dur- > -tur-*. Аффиксы медиального залога *-n-* и взаимного *-s-* восходят к пратюрк. **-nʌ* и **-ʃ-*.

БУЛГАРСКАЯ ГРУППА

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

Как показывает исследование, между пратюркскими гласными и чувашскими устанавливаются регулярные соответствия. Развитие чувашских гласных отражает пратюркское различие по долготе для огубленных гласных среднего подъема **ŏ ~ *ō*, **ö ~ *ȫ*, для других гласных маркирована краткость перед шумным смычным, где наблюдается "удлинение" соответствия в чувашском, что удивительно сближает этот язык с тувинским, в котором в этих случаях выступают фарингализованные гласные, имеющие несколько большую длительность и особую артикуляцию по сравнению с обычными гласными. Как правило, развитие гласных в чувашском зависит от позиции – начальная ~ неначальная, открытый ~ закрытый слог, наличие следующих **v*, **γ*, **j* и т.д. Кроме того, на основании чувашско-огузско-якутско-тувинских соответствий выявлены гласные **ą*, **å*, **ę*, **ė́*, имевшиеся в пратюркском. Помимо них, для пратюркского реконструируются восходящие дифтонги **i̯a*, **i̯e*, **i̯o*, **i̯ö*, **i̯u*, **i̯y*, сохраняющие особую рефлексацию в основном в чувашском.

Все пратюркские гласные делятся на две сингармонистических серии (ряда), в пределах которых они сочетаются между собой в словоформе, являющейся одним фонетическим словом. Данные серии условно называются передним (палатальным) рядом и задним (непалатальным) рядом. Их удобно рассматривать отдельно и в пределах каждой выделять передний, средний и задний ряды образования (фактически задний ряд в палатальной серии = передне-средний, а передний ряд в непалатальной серии = средне-задний).

Таблица 1

Гласные

Палатальный ряд			Непалатальный ряд		
Ряд / Подъем	передний	задний	Ряд / Подъем	передний	задний
Верхний	*i*	*ü*	Верхний	*y*	*u*
Средний	*ę*	*ö*	Средний	*ą*	*o*
Нижний	*e*	*ė́*	Нижний	*a*	*å*

Таблица 2

Дифтонги

Палатальный ряд			Непалатальный ряд		
Ряд / Подъем	передний	задний	Ряд / Подъем	передний	задний
Верхний			Верхний	*i̯y*	*i̯u*
Средний		*i̯ö*	Средний		*i̯o*
Нижний	*i̯e*		Нижний	*i̯a*	

Возможно, наличие противопоставления по долготе для всех гласных и дифтонгов (что немного необычно, так как дифтонги, как правило, и так имеют удлиненное произношение), может указывать на то, что пратюркская долгота связана с древнейшими супрасегментными характеристиками, например, с музыкальным ударением. Большинство случаев "протез" в чувашском объясняется регулярным развитием обычных гласных, в части случаев *j*-протеза появляется в результате развития пратюркских дифтонгов.

В непервых слогах, где количество гласных фонем значительно меньше, тюркским **a*, **o*, **e* соответствуют чувашские *a*/*e*, а тюрк. **u*, **y*, **ü*, **ö*, **i* - чув. *ъ*/*ӗ*/*ə*/*ӑ* (с палатализацией дентальных шумных и аффрикат перед **y*, **i*). Ряд сингармонизма в чувашском определяется по современному первому чувашскому гласному. При полной редукции начального чувашского гласного гласные второго слога, оказавшись в позиции первого слога, все равно дают рефлекс как гласные непервых слогов: чув. *šan-* 'верить' ~ тюрк. **yšan-*, чув. *lar-* 'сесть' ~ тюрк. **olar-* (як. *olor-*), чув. *laźъ* 'лачуга' ~ тюрк. **y/ulačuq*, чув. *laža* 'лошадь' ~ тюрк. **y/ulaša*, чув. *lav* 'подвода' ~ тюрк. **ulaγ* и др. То же самое наблюдается в словах, употреблявшихся только в позиции после другого слова, фонетически сливаясь с ним: чув. *kuś-xa(r)ži* 'бровь' ~ тюрк. **qāš* 'бровь', чув. *-sem* – показатель множественного числа (с переходом в передний ряд из *+saj(ъ)m*) ~ тюрк. **sajyn* 'каждый'. Существуют некоторые отклонения при отражении непервых гласных. В основном это проявляется в появлении *a*/*e* на месте узких гласных верхнего подъема. Аналогичные отклонения отмечены и в некоторых других тюркских языках (якутском, огузских, уйгурском). Причина их недостаточно ясна и нуждается в дальнейших исследованиях.

Общую картину соответствий первых гласных в чувашском можно представить в виде трех таблиц. Чтобы проще подать материал, в таблицах используются морфонологические символы: *ū* – морфонема, выступающая как *o̯v* – перед гласным и *u̯* – перед согласным; *ӳ* – морфонема, выступающая как *ə̯v* – перед гласным и *ӳ* – перед согласным; *ȳ* – морфонема, выступающая как *ъ̯j* – перед гласным и *y* – перед согласным. Знак *ö* используется для случаев, когда в малокарачинском диалекте представлено колебание *ö* ~ *ӳ*. Через "дробь" записываются распределенные рефлексы, в 1-й таблице в числителе – обычное соответствие, в знаменателе – позиция перед сочетанием согласных; во 2-й и 3-й таблицах в числителе – перед гласным, в знаменателе – перед согласным. Через заглавные буквы обозначены: *N* – носовые, *C* – *ś* или *č*, *K* – *k* или *x*.

Таблица 3

Обычные соответствия пратюркских гласных чувашским

Пратюркский	Чувашский	Пратюркский	Чувашский
**a*	*u-*, *-u-*	**e*	*a-*, *-a-* *śi-* (1)
**ą*	*y-*, *-y-*	**ę*	*i-*, *-i-*
**y*	*jъ-*, *-ə-* *ъš-*, *šъ-* *ən-*	**i*	*ə-*, *-ə-* *ъš-*, *šъ-*
**å*	*y-*, *-y-* *o̯N-*, *-o̯N-* *vyC-* *-ul-*, *-urt-*	**ę̊*	*ö-*, *-ö-* *ə̯N-*, *-ə̯N-* *Kə̯N-* *-il-*
**ŏ*	*vy/vo̯-*, *u/o̯-* *o̯N-*, *-o̯N-* *uK-*, *-o̯K-*	**ǒ*	*vi/və̯-*, *-ö/ə̯-* *ə̯N-*, *-ə̯N-* *vo̯K-*, *-o̯K-* *Ku/Ko̯-* *Ko̯N-* (2) *Köl-*, *Kön-*
**ō*	*vu-*, *-u-*	**ō̆*	*va-*, *-o̯va-* *-öl-*, *-ön-*
**u*	*o̯-*, *-o̯-* *vo̯r-*, *və̯C-*	**ü*	*ə̯-*, *-ə̯-*

Примечания:

(1) **e* > *i*, только если *ś-* соответствует тюрк. **j-*.

(2) В данном случае *N* = *m*, *ŋ*.

Особые случаи отражения кратких гласных перед исконным глухим:

**ă*	*u̯-*, *-u̯-*	**ą̆*	*yvъ(t)-*
**y̆*	*jy(t)-*, *-y/yj(t)-*	**ŭ*	*?*, *-y(t)-*
**ĭ*	*?*, *-i/iv(t)-*	**ü*	*və̯(t)-*, *-ü-*
**ę̆*	*ü(t)-*		

Таблица 4

Чувашские соответствия сочетаниям гласных с **v*, **y*

Пратюркский	Чувашский	Пратюркский	Чувашский
**a*	*ū-*, *-ū-*	**e*	*av-*, *-av-*
**ą*	*?*, *-yv/y-*	**ę*	*?*, *-iv-*
**y*	*?*, *-ə̯v/?-*, *šə̯v-*	**i*	*?*, *-ə̯v/?-*, *šə̯v-*
**å*	*yv/y-*, *-yv/y-*	**ę̊*	*?*, *-ӳ-*
**ŏ*	*yv/vo̯-*,*-yv/?*, *ū-*, *pȳ-*	**ǒ*	*?/və̯-*, *-ə̯v*, *ӳ-*
**u*	*v/vo̯-*, *-ū-*, *və̯C-*	**ü*	*v/?-*, *-ӳ-*

Таблица 5

Чувашские соответствия сочетаниям гласных с ^{+}j (тюрк. *j, *δ, *ń)

Пратюркский	Чувашский	Пратюркский	Чувашский
*a	*uj/ʔj-, -uj/ʔj-*	*e	*aj-, -aj-*
*ą	*?/yj-, -?/yj-*	*ę	*j/jə-*
*y	*jy-, -yj-*	*i	*j/jə-, -i-*
*ō	*uj-, ?/ü-*	*ę̇	*vaj, [-ə̊vaj-]*
*ŏ	*vȳ- (1), -ӳ, (iv)-*	*ŏ̈	*?*
*u	*jə̊v/yj-, -ӳ, (yv)-*	*ü	*jə̊v/?-, -iv, ə̊v/i-*

Примечание:

(1) по аналогии с *vȳ-*, после *m* появляется *ȳ*, а не *ӳ*.

РАЗВИТИЕ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Историческое развитие чувашской системы вокализма (как и консонантизма) удобно делить на три этапа: древнечувашский (булгарский), среднечувашский (волжско-булгарский) и собственно чувашский (новочувашский). Судя по внешним данным, первый этап включал в себя время с отделения предка чувашского от остальных тюркских языков до прихода предков чувашей на Волгу, т.е. с рубежа нашей эры до IX в. н.э. Второй этап кончается к XIV–XV вв., а третий этап продолжается до наших дней.

1. После отделения от пратюркской общности в древнечувашском не произошло существенных изменений гласных. Пратюркские гласные верхнего подъема *i, *ü, *y, *u, как долгие, так и краткие, дали ^{+}i, $^{+}ü$, ^{+}y, ^{+}u. Пратюркское *e > $^{+}ɛ$, а *a > $^{+}å$, т.е. получило небольшую огубленность и сдвинулось по направлению к заднему ряду. Гласные *ę, *ę̇, *ą, *å стали гласными среднего подъема ^{+}e, $^{+}ė$, $^{+}ʌ$, $^{+}ʌ̊$, причем пратюркские огубленные получили среднерядную артикуляцию. Все эти гласные, как и гласные верхнего подъема, не имели специфического отражения долготы или бесследно это различие утратили. Только огубленные гласные среднего подъема (заднего ряда каждой из сингармонистических серий) *o и *ö имели различные рефлексы в зависимости от старой долготы.

Похожая ситуация сложилась в якутском, где после совпадения *ę, *ę̇, *ą, *å сдругими гласными получилась такая система вокализма:

Таблица 6

Палатальный ряд			Непалатальный ряд		
Ряд / Подъем	передний	задний	Ряд / Подъем	передний	задний
Верхний	*i*	*ü*	Верхний	*y*	*u*
Средний	*e*	*ö*	Средний		*o*
Нижний			Нижний	*a*	

Различение этимологической долготы в якутском сохранилось, но качественно стали отличаться долгие гласные среднего подъема: *o > ô фонетически [u̯ō], *ö > ô фонетически [ü̯ō̈], *ē > ê фонетически [i̯ē]. Гласные верхнего и нижнего подъема и при краткости, и при долготе сохраняли свою артикуляцию.

В чувашском неогубленные гласные не получили дифтонгоидной артикуляции, как *o, *ö, так как дифтонги с первым *i*-образным элементом уже были унаследованы из пратюркского. Пратюркские долгие *ō, *ō̈ дали в древнечувашском $^{+}u̯ō$ и $^{+}u̯ō̈$ во всех позициях, а краткие перешли в $^{+}u̯o̯$-, $^{+}u̯ö̯$- в анлауте и в $^{+}$-o-, $^{+}$-ö- после согласных. Таким образом в древнечувашском появились дифтонги с первым *u̯*-образным элементом, дополнившие систему дифтонгов, унаследованных из пратюркского. Элементы дифтонгов $^{+}$-ō-, $^{+}$-ō̈- отличались от ^{+}o, $^{+}ö$ не столько долготой (хотя здесь для удобства используется знак долготы), сколько артикуляцией на нижнем подъеме, в отличие от ^{+}o, $^{+}ö$ среднего подъема. В начальной позиции $^{+}$-o-, $^{+}$-ö- после $^{+}u̯$-, а также перед ^{+}v, $^{+}γ$ сдвигались по направлению к верхнему подъему, что обозначено как *o̯*, *ö̯*, хотя фонематически эти звуки были вариантами фонем ^{+}o, $^{+}ö$.

Итак, древнечувашская система гласных имела следующий вид:

Таблица 7

Палатальный ряд				Непалатальный ряд			
Ряд / Подъем	передн.	сред.	задн.	Ряд / Подъем	передн.	сред.	задн.
Верхний	*i*		*ü*	Верхний	*y*		*u*
Средний	*e*	*ė*	*ö*	Средний	*ʌ*	*ʌ̊*	*o*
Нижний	*ɛ*		*(u̯)ō̈*	Нижний	*å*		*(u̯)ō*

Дифтонги: $^{+}i̯a$/$^{+}i̯ʌ$, $^{+}i̯ō$, $^{+}i̯o$, $^{+}i̯u$, $^{+}i̯y$, $^{+}i̯ɛ$/$^{+}i̯e$, $^{+}i̯ō̈$, $^{+}i̯ö$.

Из особых переходов надо отметить развитие пратюрк. *ę > $^{+}i̯e$ после палатального пратюрк. *ć-. Также наблюдалось специфическое развитие гласных перед ^{+}v, $^{+}γ$ (< *v, *γ) и ^{+}j (< *j, *ń, *ź):

1) *ŏv-, *ŏγ- > $^{+}o̯v$-, $^{+}o̯γ$-; *ŏ̈v-, *ŏ̈γ- > $^{+}ö̯v$-, $^{+}ö̯γ$- (т.е. утеря $^{+}u̯$-);

2) *ōj > $^{+}ōj$ (также без $^{+}u̯$-), по-видимому, переход *ōv/γ, *ō̈v/γ был бы таким же, как и для кратких гласных, однако сочетаний долгих *ō, *ō̈ со следующими *v, *γ в пратюркском не засвидетельствовано;

3) *i̯aγ-, > $^{+}i̯ʌγ$-, т.е. произошел сдвиг по подъему. *i̯e- перед велярными дал $^{+}i̯e$-, а в остальных случаях $^{+}i̯ɛ$;

4) *ćev-, *ćeγ- > $^{+}ʒ́ɛv$-, $^{+}ʒ́ɛγ$-, а в остальных случаях *će- > $^{+}ʒ́e$-.

Система, изложенная выше, сохранялась на основном протяжении древнечувашского периода, но в последние века, возможно под влиянием соседних языков, произошли следующие изменения:

а) др.-чув. $^{+}u > {}^{+}u̯\bar{o}$, $^{+}ü > {}^{+}u̯\bar{ö}$, $^{+}y\ {}^{+}i > i̯\varepsilon/e$ (после велярных и увулярных) в невыясненных условиях (чаще всего это случаи перед *r*);

б) др.-чув. $^{+}u̯\bar{o}$-, $^{+}$-ö- > $^{+}$-öi̯- перед ^{+}l, ^{+}n; $^{+}$-ĕ- > $^{+}$-ĕi̯- > $^{+}$-e- перед ^{+}l; $^{+}$-ʌ̊- > $^{+}$-ʌ̊u̯- > $^{+}$-o- перед ^{+}l и ^{+}rt (?). Эти переходы были вызваны произношением ^{+}l как сильно палатализованной в переднем сингармонистическом ряду и ретрофлексной с сильным лабиализующим элементом (как русское *л*) в заднем ряду.

В пратюркском засвидетельствованы контексты **ŏv/*ŏγ, *ŏ̆v/*ŏ̆γ, *ŏj/*ŏ́ń/*ŏ̆ž, *ōj, *ō̆j/*ō̆ń*, которые дали в древнечувашском $^{+}$ǫv/$^{+}$ǫγ, $^{+}$ǫ̈v/$^{+}$ǫ̈γ, $^{+}u̯\ddot{o}j$-/$^{+}$-oj-, $^{+}\bar{o}j$, $^{+}u̯\ddot{o}̆j$ с лакуной долготных рефлексов $^{+}\bar{o}$, $^{+}\bar{o}$ перед ^{+}v, $^{+}\gamma$ (унаследованной из пратюркского) и лакуной краткого $^{+}\ddot{o}$ перед ^{+}j, которая к концу древнечувашского периода была заполнена $^{+}$-öi̯-, вторично возникшим из $^{+}$-u̯ō̆-, $^{+}$-ö-. В результате в древнечувашском присутствовали следующие сочетания гласных со звонкими спирантами:

$^{+}yv/\gamma$, $^{+}ʌv/\gamma$, $^{+}å̊v/\gamma$, $^{+}ʌ̊v/\gamma$, $^{+}$ǫv/γ, —, $^{+}uv/\gamma$

$^{+}iv/\gamma$, $^{+}ev/\gamma$, $^{+}\varepsilon v/\gamma$, $^{+}ĕv/\gamma$, $^{+}$ǫ̈v/γ, —, $^{+}üv/\gamma$

^{+}yj, $^{+}ʌj$, $^{+}å̊j$, —, $^{+}u̯$ǫj-/$^{+}$-oj-, $^{+}\bar{o}j$, ^{+}uj

^{+}ij, ^{+}ej, $^{+}\varepsilon j$, —, $^{+}$-öi̯-, $^{+}u̯\ddot{o}j$, $^{+}üj$

Примеры древнечувашских форм:

$^{+}$*åjar* 'вёдро' < **ajaŕ*, $^{+}$*årah* 'нога' < **ăδaq*, $^{+}$*ʌj(y)d-* 'спросить' < **ăj(y)t-*, $^{+}$*ʌr-* 'устать' < **ā̆r-*, $^{+}$*ʌ̊rtoʁu* 'сверх, слишком' < **hr'toqʌ*, $^{+}$*bōjdah* 'ягненок' < **pōjtaq*, $^{+}$*ćud-* 'глотать' < **ć'ūt-*, $^{+}$*čitrε-* 'дрожать' < **t'ĭ̆'tre-*, $^{+}$*čiε̯r(h)εkü* 'подпорка' < **t'ĭ̆r(y)ekʌ*, $^{+}$*delü* 'бешеный' < **tĕl(v)ü*, $^{+}$*du̯ō̆rtu* 'четыре' < **tō̆r'tʌ*, $^{+}$*düγ-* 'завязать' < **tŭ̆γ-*, $^{+}$*ellih* 'пятьдесят' < **ĕlliγ*, $^{+}$*εvür-* 'крутить' < **ĕvür-*, $^{+}$*gε̯igü* 'зверь, птица' < **kĕjikʌ*, $^{+}$*ʁyjyh* 'клин' < **qyjyq*, $^{+}$*ijigeh* 'веретено' < **ijik-ek*, $^{+}$*i̯ʌγyru* 'тяжелый' < **i̯ăγyrʌ*, $^{+}$*ź̊åγ-* 'дождить' < **ćă̆γ-*, $^{+}$*ʒ́ʌγyru* 'каштановый' < **ćă̆γyrʌ*, $^{+}$*ʒ́ʌvuʁu* 'близкий' < **ćåvuqʌ*, $^{+}$*ʒ́eddi* 'семь' < **ćĕtti*, $^{+}$*ʒ́εγ(i)n* 'рукав' < **ćēγn-*, $^{+}$*ʒ́ĕmir-* 'разрушить' < **ćĕmir-*, $^{+}$*ʒ́orta(h)* 'свеча' < **ćårt'a(q)*, $^{+}$*ʒ́u̯ōl* 'путь' < **ćōl*, $^{+}$*ʒ́u̯ōrt* 'дом' < **ćūr't*, $^{+}$*ǯ̆iε̯r-* 'посылать' < **tγδ-*, $^{+}$*χer* 'степь' < **q'ўr*, $^{+}$*χyl* 'зима' < **q'ўł*, $^{+}$*χoj(m)* 'подмышка' < **q'ŏjń-/ *q'ŏjm-*, $^{+}$*χolym* 'выкуп за невесту' < **q'ål̆ym*, $^{+}$*χonah* 'гость' < **q'ŏnaq*, $^{+}$*χujma* 'забор' < **q'ujma*, $^{+}$*ker-* 'грязь на теле' < **k'ĭr*, $^{+}$*köi̯lü* 'озеро' < **k'ōlʌ*, $^{+}$*köi̯ni* 'спокойный, прямой' < **k'ŏ̆ni*, $^{+}$*köŋül* 'душа' < **k'ŏ̆ŋül*, $^{+}$*mejŋi* 'мозг' < **pĕjŋi*, $^{+}$*ǫyru* 'вор' < **ŏγru*, $^{+}$*ōj* 'поле' < **ōj*, $^{+}$*ǫ̈yrεn-* 'учиться' < **ŏ̆γren-*, $^{+}$*sùγur* 'сурок' < **suγur*, $^{+}$*süjrü-* 'отводить, гнать' < *süjr(ü)-*, $^{+}$*šivri* 'остроконечный' < **šĭvri*, $^{+}$*šyvuh* 'жидкий' < **šў̆vuq*, $^{+}$*teγ-* 'касаться' < **t'ęγ-*, $^{+}$*temür* 'железо' < **t'ę̆mür*, $^{+}$*tĕvε* 'верблюд' < **t'ĕve*, $^{+}u̯$ǫj 'игра' < **ŏjń-*, $^{+}u̯$ǫrta 'середина' < **ŏr'ta*, $^{+}u̯\bar{o}$nu 'десять' < **ōnʌ*, $^{+}u̯\ddot{o}$l- 'умереть' < **ŏ̆l-*, $^{+}u̯\ddot{o}$d 'желчь' < **ōt*, $^{+}u̯\bar{o}j$εh 'мерлушка' < **ō̆jek*, $^{+}u̯\bar{o}$š(ü)- 'дуть (о ветре)' < **ŭ̆ti-*, $^{+}$*üht-* 'опалить' < **ŭ̆'t-*.

2. В среднечувашский период произошли существенные изменения гласных. Они были столь значительны, что их результаты привели к перераспределению в последующий период сингармонистических рядов многих основ. Рассмотреть изменения удобнее, деля среднечувашский на ранний и поздний. Собственно система гласных в них не отличается, однако довольно сильно различаются сочетания с ^{+}w (< др.-чув. **v*, **γ*) и ^{+}j.

В начале среднечувашского периода древнечувашское **y* перешло в $^{+}ÿ$ (дифтонгоидный гласный типа *yi̯*), **u* перешло в ^{+}u, но перед ^{+}r, $^{+}ć$ – в $^{+}u̇$ (напряженный, сильно огубленный гласный заднего ряда верхнего подъема), **i* и **ü* остались без изменений. Древнечувашское **å* > $^{+}$ɔ, а **ε* сохранило прежнюю артикуляцию. Остальные гласные дали особые напряженные гласные (обозначаемые с помощью "крышки" ˆ), в которых напряженнность сочеталась с некоторым удлинением.

Древнечув.		Среднечув.	Древнечув.		Среднечув.
**ʌ*	>	*ŷ*	**e*	>	*î*
**ʌ̊*	>	*û*	**ĕ*	>	*ô̂*
**u̯ō*	>	*wô-, ô-*	**u̯ö̆*	>	*wê*
**o-*	>	*-ô-*	**-ö-*	>	*-ô̂-*
**ǫ*	>	*û*	**ǫ̈*	>	*û̂*

Ниже – примеры развития некоторых древнечувашских основ:

**bil-* > $^{+}$*pil-* 'знать', **bu̯ōl-* > $^{+}$*pôl-* 'стать', **čylbur* > $^{+}$*čÿ̂lpur* 'поводок', **gel-* > $^{+}$*kil-* 'прийти', **χåryŋ* > $^{+}$*xɔ̂ruŋ* 'береза', **χʌ̊rylźu* > $^{+}$*xŷ̂ruću* 'сосед', **χʌ̊rym* > $^{+}$*xûrum* 'живот', **χolu* > $^{+}$*xôlu* 'рука', **keči* > $^{+}$*kεči* 'коза', **kötεnεh* > $^{+}$*kô̂tεnεh* 'прямая кишка', **ku̯ö̆bεh* > $^{+}$*kwê̂pεh* 'пуп', **sĕrül-* > $^{+}$*sô̂rül-* 'остыть', **sür-* > $^{+}$*sür-* 'цедить', **uź* > $^{+}$*ůć* 'конец', **urum* > $^{+}$*ůrum* 'длинный', **usta* > $^{+}$*usta* 'мастерство', **u̯ǫ̈tu* > $^{+}$*wůtu* 'трава', **u̯ōd* > $^{+}$*wôt* 'огонь', **u̯ǫ̈tün-* > $^{+}$*wůtün-* 'просить', **u̯ö̆gü(h)* > $^{+}$*wêkü* 'прорубь'.

Особое развитие было у огубленных древнечувашских гласных среднего подъема перед носовыми: **ʌ̊N*, **u̯ǫ̈N*, **-oN* перешли в $^{+}$*oN* (с ненапряженным $^{+}$*o!*), а **ĕN*, **u̯ǫ̈N*, **-öN* в $^{+}$*öN* (с ненапряженным $^{+}$*ö*). Древнечувашские **o*, **ö* также давали ненапряженные гласные перед следующими двумя согласными и перед велярными ^{+}k, ^{+}x. Например, **boχ* > $^{+}$*pox* 'кал', **göpšüh* > $^{+}$*köpšüh* 'эластичный', **ʁʌ̊mźu* > $^{+}$*xomću* 'плетка', **χomur* > $^{+}$*xomur* 'бурый', **kĕmir-* > $^{+}$*kömur-* 'хрящ', **kökür* > $^{+}$*kökür* 'грудь', **kömür* > $^{+}$*kömür* 'уголь', **toprah* > $^{+}$*toprah* 'земля, почва', **u̯ǫlta* > $^{+}$*wolta* 'удочка', **u̯ǫmur* > $^{+}$*omur* 'ключица', **u̯ǫ̈kür* > $^{+}$*wökür* 'бык', **u̯ǫ̈ŋεr* > $^{+}$*öŋεr* 'наладиться', **u̯ǫ̈rkεn* > $^{+}$*wörkεn* 'веревка, привязь'.

После совпадения древнечувашских **v*, **γ* и **h* (перед согласным) в ^{+}w и перехода **yh* > $^{+}ÿj$, по-особому развились сочетания гласных с ^{+}w и ^{+}j, причем не только в закрытом, но и в открытом слогах. Во-первых, в закрытом слоге $^{+}ůj$ не отличалось от $^{+}ŷj$, а во-вторых, в закрытом слоге даже ненапряженные в других позициях гласные произносились напряженно, т.е. *Vw(#)*, *Vj(#)* > *V̂w*, *V̂j* (где *V* – гласный, *(#)* - знак конца слога). Ниже приведена таблица, где представлено развитие сочетаний с ^{+}w, ^{+}j в раннем среднечувашском:

Таблица 8

*yH закр. слог	-ÿw-	*iH	-iw- -î(w)-
*ʌH закр. слог	-ŷw- -ŷ-	*eH	 -î(w)-
*åH закр. слог	ɔw-, -ɔw- ɔ̂w-, -ɔ̂w-	*ɛH	ɛw-, -ɛw- ɛ̂w-, -ɛ̂w-
*ʌ̀H закр. слог	ûw-, -ûw- û-, -û-	*ɐ̀H	-ô̤w- ô̤w-, -ô̤w-
*o̤H закр. слог	ûw-, -ûw, uw- û–û-	*ö̤H	-üw- ṳ̈-, -ṳ̈-
*uH закр. слог	uw-, -uw- û–û, û-	*üH	üw-, -üw- ṳ̈-, -ṳ̈-
*yj закр. слог	-ÿj- ŷj-, -ŷj-	*ij	ij-, -ij- îj-, -îj-
*ʌj, *oj закр. слог	-ŷj- ŷj-, -ŷj-	*ej	ŷj-, ŷj-, -ŷj-
*åj закр. слог	ɔj-, -ɔj- ɔ̂j, -ɔ̂j-	*ɛj, *ɔ̄j	ɛj-, -ɛj/ɐ̂j- ɛ̂j-, -ɛ̂j-
*oj, *ōj	ôj-, -ûj, uj- ôj-, -ûj-	*öi̯	 -ôj-
*uj закр. слог	uj-, -ûj, uj- ŷj-, -ûj-	*üj	üj-, -ü̂j, üj- -ü̂j-

Из таблицы видно, что напряженные гласные $^{+}\hat{y}$ и $^{+}\hat{u}$ ассимилировали ^{+}w в закрытом слоге. Кроме того, в закрытом слоге *o̤H, *uH и *ö̤H, *üH дали особые напряженные гласные $^{+}\dot{u}$ и $^{+}\ddot{u}$, а в открытом слоге после согласных давали аналогичные рефлексы $^{+}$-uw, ûw- и $^{+}$-üw-. Точно так же *ōj, *oj, *uj и *üj в открытом слоге после согласных отражались как $^{+}$-uj, j- и $^{+}$-üj, ü̂j-. В закрытом слоге после согласных *ōj, *oj, *uj перешли в $^{+}$-ûj-. Ср. развитие некоторых основ в раннем среднечувашском:

*šyvuh > $^{+}$šÿwuh 'жидкий', *yhtu > $^{+}$ŷjtu 'собака', *čyhχ- > $^{+}$čŷx- 'втыкать', *ʌht- > $^{+}$ŷwt- > $^{+}$ŷwut- 'бросать', *åvus > $^{+}$ɔwus 'осина', *åht > $^{+}$ɔ̂wt 'конь', *ǯåvru > $^{+}$ć̌ɔ̂wru 'детеныш', *ʌ̀uǯu >$^{+}$ûwuć 'горсть', *ǯʌ̀vuʁu > $^{+}$ć̌ûwuxu 'близкий', *ʌ̀vru > $^{+}$ûru 'молозиво', *o̤ɣru > $^{+}$ůru 'вор', *o̤ɣul > $^{+}$ûwul 'сын', *do̤ɣan > $^{+}$tuwan 'родня', *suɣur > $^{+}$suwur 'сурок', *tuht- > $^{+}$tůt- 'держать', *uvdan- > $^{+}$ůtan- 'стыдиться', *ǯuvχa > $^{+}$ć̌ůxa 'тонкий', *ǯihčih > $^{+}$ć̌îwčih 'острый', *[k]evilǯɛŋ > $^{+}$kîwćɛŋ 'долг', *sɛv- > $^{+}$sêw- 'радоваться', *ɐ̀ht > $^{+}$ô̤wt 'мясо', *tɐ̀vɛ > $^{+}$tô̤wɛ 'верблюд', *ǯɐ̀ɣrɛn > $^{+}$ć̌ô̤wrɛn 'рыжий', *bö̤ɣe > $^{+}$püwɛ 'запруда', *ö̤ɣrɛn- > $^{+}$ů̈rɛn- 'учиться', *düɣ- > $^{+}$tů̈- 'завязать', *üvür- > $^{+}$üwür- 'сдуть', *χyjlyʁu > $^{+}$xŷjluxu 'ость', *u̯oju > $^{+}$wŷjy 'игра', *u̯ojlyʁu > $^{+}$wŷjluxu 'скот', *tʌjχah > $^{+}$tŷjxah 'жеребенок', *båjan > $^{+}$pɔjan 'богатый', *åjɣyr > $^{+}$ɔ̂jhyr 'жеребец', *χåjra- > $^{+}$xɔ̂jra- 'точить', *ōj > $^{+}$ôj 'поле', *sojuh > $^{+}$sûjuh 'холодный', *boj > $^{+}$pů̈j 'тело',

*bōjdah > $^{+}$pů̈jtah 'ягненок', *uja > $^{+}$uja 'гнездо', *buja- > $^{+}$puja- 'красить', *ujʁu> $^{+}$ŷjxu 'сон', *χujruh > $^{+}$xů̈jruh 'хвост', *mejŋi > $^{+}$mŷjŋi 'мозг', *ejɛr- > $^{+}$îjɛr- 'следовать', *u̯ō̤jɐh > $^{+}$wêjɐh 'мерлушка', *sɐjrɐh > $^{+}$sɐ̂jrɐh 'редкий', *köi̯lü > $^{+}$kô̤jlü 'озеро', *üjɛn > $^{+}$üjɛn 'узда', *küjl(ü) > $^{+}$ků̈jlü 'дом'.

Наиболее важным в перестройке системы гласных стало возникновение противопоставления по напряженности, а вместе с тем редукция противопоставлений по подъему, приведшая к противопоставлению только верхнего и неверхнего подъемов. Систему гласных, включая напряженные и ненапряженные, раннего среднечувашского можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 9

Палатальный ряд				Непалатальный ряд			
Ряд Подъем	передн.	сред.	задн.	Ряд Подъем	передн.	сред.	задн.
Верхний	i/î	ü/ů̈	ů̈	Верхний	ÿ/ŷ	u/û	ů
Средний, нижний	ɛ/ɛ̂		ö/ô̤	Средний, нижний		ɔ/ɔ̂	o/ô

3. В позднем среднечувашском прошло несколько процессов, вызвавших появление вторичных дифтонгов, этимологически не восходящих к пратюркскому уровню.[1] Сначала ÿ, имевшее дифтонгоидный характер, в позиции между двумя согласными совпало с *i, напряженное *ŷ перед *h (>$^{+}$j) и *j осталось заднерядным (в тех случаях когда *j был утерян *ŷ > ŷ). А в анлауте прошла метатеза *ÿ > ÿi̯ > jy-, *îj > jî. Перед *j старое *ÿ сохранило заднерядную артикуляцию. Одновременно произошло сокращение напряженных перед *j в открытом слоге:

Перед согласным	Перед гласным
*ÿ > $^{+}$jy-[2], $^{+}$-i-	*ÿj, *ŷj > $^{+}$-yj-
*îj > $^{+}$ji-, $^{+}$-îj-	*ij, *ij > $^{+}$(-)ij-

[Во время первого этапа дифтонгизации прошел переход слов с начальным *ÿn- > $^{+}$in, явно через ступень $^{+}$yi̯n > $^{+}$yń- > $^{+}$in- : *ÿnan- > $^{+}$inɛn- 'верить', *ÿnhyr(a)- > $^{+}$inhir(ɛ)- 'реветь'.]

Примерно в это же время преобразовывались сочетания огубленных гласных с *j:

Перед согласным	Перед гласным
*ůj > $^{+}$ůi̯ > $^{+}$i̯ů	*ůj > $^{+}$ůi̯w > $^{+}$i̯ůw/$^{+}$juw-
	*uj > $^{+}$ui̯w > $^{+}$i̯uw/$^{+}$juw-
*ů̈j > $^{+}$ů̈i̯ > $^{+}$i̯ů̈	*ů̈j > $^{+}$ů̈i̯w > $^{+}$i̯ů̈w/$^{+}$jüw-
	*üj > $^{+}$üi̯w > $^{+}$i̯üw/$^{+}$jüw-
*ô̤j > $^{+}$ô̤i̯ > $^{+}$i̯ô̤	

[1] К этому времени *i̯- пратюркских дифтонгов было ассимилировано предыдущими *č- *š, а анлаутное *i̯- и *xi̯- дали $^{+}$j-.

[2] Таким образом возник новый гласный $^{+}$y (ненапряженный) взамен фонематически распределенных *ÿ и *i.

И, по-видимому, тогда же начальные **û-*, **ů-* получили протезу ^{+}w, т.е. **û-*> $^{+}$*wû-*, **ů-* > $^{+}$*wů-*. Ниже в таблице представлены только те ряды сочетаний с **j* и **w*, которые отличались от раннего среднечувашского.

Таблица 10

**yH*	*-iw-*		
**o̱H* закр. слог	*ûw-, -ûw, uw-* *wû–û-*	**ǫ̈H*	*-üw-* *wů-, -ů-*
**uH* закр. слог	*uw-, -uw-* *w–û, û-*	**üH*	*üw-, -üw-* *wů-, -ů-*
**yj* закр. слог	*-yj-* *jŷ-, -ŷj-*	**ij*	*ij-, -ij-* *jî-, -îj-*
**ʌj, *o̱j* закр. слог	*-ŷj-* *ŷj-, -ŷj-*	**ej*	*ij-,* *jŷ-, -ŷj-*
**oj, *ōj*	*ôj-, -i̱ûw, i̱uw-* *ôj-, -i̱û-*	**öi̱*	*-i̱ô-*
**uj* закр. слог	*juw-, -i̱ûw, i̱uw-* *ŷj-, i̱û-*	**üj*	*jüw-, -i̱ûw, i̱üw-* *-i̱û-*

Примеры развития от раннего среднечувашского к позднему:

**ÿran* > $^{+}$*jyran* 'межа', **ÿx* > $^{+}$*jyx* 'болезнь', **xÿr-* > $^{+}$*xir-* 'греться', **xÿrxuj* > $^{+}$*xirxuj* 'кобчик', **šÿwuh* > $^{+}$*šiwuh* 'жидкий', **ŷjtu* > $^{+}$*jŷtu* 'собака', **xŷć* > $^{+}$*xŷć* 'зад', **ůru* > $^{+}$*wůru* 'вор', **ůruh* > $^{+}$*wůruh* 'семя', **ůć-* > $^{+}$*wůć-* 'лететь', **ůrɛn-* > $^{+}$*wůrɛn-* 'учиться', **ůććü* > $^{+}$*wůććü* 'злоба, гнев', **xÿjyh* > $^{+}$*xyjyh* 'щепка', **wÿjy* > $^{+}$*wyjy* 'игра', **i̱ÿruxu* > $^{+}$*jiruxu* 'святой', **xŷjluxu* > $^{+}$*xŷjluxu* 'ость', **pů̱j* > $^{+}$*pi̱ů* 'тело', **pů̱jtah* > $^{+}$*pi̱ůtah* 'ягненок', **sů̱juh* > $^{+}$*si̱ûwuh* 'холодный', **uja* > $^{+}$*juwa* 'гнездо', **uju-* > $^{+}$*juwu-* 'густеть', **puja* > $^{+}$*pi̱uwa-* 'красить', **xů̱ruh* > $^{+}$*xi̱ůruh* 'хвост', **ĭjn* > $^{+}$*jin* 'нора', **ĭjɛr-* > $^{+}$*ijɛr-* 'следовать за', **ĭjŋɛr* > $^{+}$*jiŋɛr* 'седло', **kô-jlü* > $^{+}$*ki̱ôlü* 'озеро', **pôjl(ü)-* > $^{+}$*pi̱ôl-* 'делить', **üjɛn* > $^{+}$*jüwɛn* 'узда', **kûj-* > $^{+}$*ki̱ûw-* 'молотить белье', **sůjr(ü)-* > $^{+}$*si̱ůr-* 'отводить, гнать'.

Под конец данного периода вторично возникло $^{+}$*-i̱-* в контексте **wůć*: **wůć-* > $^{+}$*wůi̱ć-* 'летать', **wůć* > $^{+}$*wůi̱ć* 'конец'.

Среди гласных непервого слога после многих согласных, фактически после всех, кроме палатального и альвео-палатального рядов, прошла нейтрализация **u*, **y*, **ü*, **i*. Нейтральными гласными стали, по-видимому, ^{+}u, $^{+}ü$, которые использовались как автоматические гласные на месте морфологических швов. В среднечувашский период произошел переход довольно редких **o* и **ö* непервого слога в ^{+}a и $^{+}ü$. Например, др.-чув. **ʌrtoʁu* > $^{+}$*ûrtaxu* 'сверх, слишком', **šimöh* > $^{+}$*šimüh* 'кость', **šigölü* > $^{+}$*šikülü* 'бородавка'. В непервых слогах **y* и **i* остались только в показателе 3-го лица: др.-чув. **śür(ü)hi* > $^{+}$*ćürhi* 'его кольцо', **kömüli* > $^{+}$*kömüli* 'его душа'.

4. В начале новочувашского периода произошли следующие изменения: а) **ĭj* > $^{+}$*î* (**mîi̱ŋi* > $^{+}$*mîŋi* 'мозг'), б) прошло сокращение **wů* > $^{+}$*wu*, **wů̱* > $^{+}$*wü*, **jî* > $^{+}$*ji* (**wůru* > $^{+}$*wuru* 'вор', **wů̱rɛn-* > $^{+}$*würɛn-* 'учиться', **jiŋɛr* > $^{+}$*jiŋɛr* 'седло'), в) в начале слова **uw-*, **ul-* > ^{+}w, ^{+}l; **üw-* > $^{+}$*w-*; **ij-* > $^{+}$*j-* (**uwuruć-* > $^{+}$*wuruć-* 'драться', **ulaša* > $^{+}$*laša* 'лошадь', **üwür-* > $^{+}$*wür-* 'дуть', **ijɛr-* > $^{+}$*jɛr-* 'следовать за'). Не исключено, что эти переходы прошли и в самом конце среднечувашского этапа.

После перехода **š* в ретрофлексный ряд **ÿ-* [*yi̱-*], **i-* перед $^{+}$*š* и **-i-* после $^{+}$*š* (кроме случаев **-iw-*) перешли в ^{+}y: **iših* > $^{+}$*yšyh* 'теплый', **ÿšan-* > $^{+}$*yšan-* 'верить', **šiŋür* > $^{+}$*šyŋur* 'жила', **širt* > $^{+}$*šyrt* 'щетина'.

Одновременно рядом с **k* среднечувашские **ö*, **ô* перешли в задний ряд и дали ^{+}o, $^{+}$*ô*: **pökɛ* > $^{+}$*poka* 'пробка', **wökür* > $^{+}$*wokur* 'бык', **tök-* > $^{+}$*tok-* 'лить', **kôr-* > $^{+}$*kôr-* 'видеть', **kömür* > $^{+}$*komur* 'хрящ', **kökür* > *kokur* 'грудь', **köpükü* > $^{+}$*kopuku* 'пена'.

После этих процессов перемены ряда в зависимости от соседнего согласного началась последняя значительная перестройка вокализма:

**y* > *ъ*	**i* > *ə*	**ŷ, *û* > *y*	**î, *ů̱* > *i*
**u, *o* > *ъ̊*	**ü, *ö* > *ə̊*	**ô* > *o*	**ǫ̈* > *ö*
**ɔ̂* > *ъ*		**ɔ* > *o*	**ɛ, *ɛ̂* > *a*
		**ů* > *u*	**ů̱* > *ü*

Например: **ćɛrüh* > *śarъ* 'воин', **ćol* > *śol* 'путь', **ćörɛ-* > *śöre-* 'ходить, ездить', **ŷltum* > *yltъm* 'золото', **kiću-* > *kəs̆ə-* 'чесать', **kîmü* > *kimə* 'корабль', **kümül* > *kə̊mə̊l* 'серебро', **kwêk* > *kə̊vak* 'голубой', **xûp-* > *xyp-* 'разгораться', **xurum* > *xə̊rə̊m* 'сажа', **ola* > *ola* 'пегий', **ůrɛh* > *püre* 'почка (анат.)', **šynah* > *šъna* 'муха', **tömmɛh* > *tə̊me* 'кочка', **tůru* > *turъ* 'прямо', **wokur* > *və̊kə̊r* 'бык', **wůr* > *vir* 'верх'.

В открытом слоге в сочетании с последующим среднечувашским **w* **ɔ* давало в открытом слоге *ə̊v-* через ступень $^{+}$*ov-* как в анлауте, так и после согласного. Аналогично, **ôw-* переходило в *ə̊v-* через ступень $^{+}$*öv-*: **ɔwus* > *ə̊və̊s* 'осина', **sɔwur-* > *sə̊və̊r-* 'веять', **tôwɛ* > *tə̊ve* 'верблюд'.

В закрытом слоге **ɔ̂j* перешло в *ъj*, а **ɔ̂w* > $^{+}$*ъv* > *u*, **ôw* > $^{+}$*öv* > *ü*: **ɔ̂jhur* > *ъjъr* 'жеребец', **xɔ̂jmah* > *xъjma* 'сливки', **ɔ̂wt* > *ut* 'конь', *xɔ̂wt* > *xut* 'ряд, слой', **ɔ̂wt* > *üt* 'мясо, плоть'.

В этот период упростились последние дифтонги (большей частью возникшие вторично):

**i̱u* > $^{+}$*i̱ə̊* > *ə̊*	**i̱û* > $^{+}$*i̱y* > *i*
**i̱ü* > $^{+}$*i̱ə̊* > *ə̊*	**i̱ů̱* > $^{+}$*i̱i* > *i*
	**i̱ô* > $^{+}$*i̱ö* > *ö*
	**i̱ɔ* > $^{+}$*i̱o* > *ö*
	**i̱ɛ* > $^{+}$*i̱a* > *e*
	**i̱ů* > $^{+}$*i̱u* > *ü*

Ср. развитие из среднечувашского: **pi̱uwa-* > *pu̱ve-* 'красить', **ki̱üwɛntɛ* > *kə̊vente* 'коромысло', **si̱ûwuh* > *sivə* 'холодный', **ki̱ülü* > *kilə* 'дом', **ki̱öni* > *könə* 'уступчивый, прямой', **pi̱ɔrŋah* > *pörne* 'палец', *pi̱ɛr-* > *per-* 'кидать, бросать', **pi̱ůtah* > *püte-k* 'ягненок', *pi̱ů* > *pü* 'тело'.

В результате описанных выше развитий сочетаний гласных и **w*, **j* древнечувашская система стала выглядеть следующим образом:

Таблица 11

*yH закр. слог	-əv-	*iH	-əv- -i(v)-
*ʌH закр. слог	-yv- -y-	*eH	 -i(v)-
*å̯H закр. слог	å̯v-, -å̯v- u-, -u-	*ɛH	aw-, -aw- aw-, -aw-
*ə̯H закр. слог	yv-, -yv- y-, -y-	*ə̯H	-ə̯v- y-, -y-
*o̯H закр. слог	yv-, -yv, å̯v- vå̯–u-	*ö̯H	-ə̯v- və̯-, -ü-
*uH закр. слог	v-, -å̯v- vå̯–u, y-	*üH	v-, -ə̯v- və̯-, -ü-
*yj закр. слог	-ъj- jy-, -yj-	*ij	j-, -i- jə-, -i-
*ʌj, *o̯j закр. слог	-ъj- yj-, -yj-	*ej	j-, jə-, -i-
*å̯j закр. слог	oj-, -oj- ъj, -ъj-	*ɛj, *ɔ̄j	aj-, -aj- aj-, -aj-
*oj, *ōj	o̯j-, -iv, ə̯v- oj-, -ü-	*öi̯	 -ö-
*uj	j̊ъv-, -iv, ə̯v- yj-, -ü-	*üj	üj-, -ůj, üj- -ůj-

Уже позже в низовом диалекте чувашского языка *o*, *ö* > *u*, *ü*, а огубленные и неогубленные редуцированные совпали. В верховом диалекте *ö* > *ü*; *ъ*, *ə* > *å̯*, *ə̯* рядом с *p*, *m*, *v*; *y* > *u̯* после *p*, *m*, *v*, а в вурнарском и моргаушском говорах *ъj* > *yj*. В малокарачинском диалекте *ö* сохранилось; *yv*, *å̯v* > *u̯*, *ə̯v* > *ü*, *av* > *a*, *iv* > *iv/ij*. Кроме того, в этом диалекте встречается *ę* на месте **ę*, **ęH* наряду с *i*, но на месте **iH*, **ij* бывает только *i* (!), что указывает на отделение этого диалекта еще в среднечувашскую эпоху. Привлечение нового материала по данному диалекту поможет полнее разобраться в этом вопросе.

В непервых слогах в новочувашском обычно различались только две фонемы – редуцированные среднего подъема и полного образования нижнего подъема, которые реализовались как *ъ/ə*, *a/e* в зависимости от сингармонистического ряда гласных первого слога. Лишь в основах заднего ряда при некоторых словоизменительных аффиксах (показатель принадлежности 3 л., аффикс 3 л. прошедшего конкретного времени и др.) встречается *-ə*, которое не подчиняется общим правилам сингармонизма[3]. Позже, после упрощения сочетаний дентальных согласных с *j*, приведшего к возникновению *ť*, *ń*, *ĺ*, *(ŕ)*, после этих палатальных согласных стали возможны *e* (<⁺*a*), *ə* (<⁺*ъ*) при первом слоге с гласным заднего ряда. При вторичном переходе ⁺*püt-*, ⁺*pöt-*, ⁺*pör-* в задний ряд непервые гласные сохраняли старый вокализм.

После того как в чувашском стали устраняться трехсложные именные основы с конечными редуцированными, в последнем новозакрытом слоге оказались *v* и *j*, которые обычно стягивались с предыдущим гласным:

-ъv > *u*
-av > *o* только в малокарач. диалекте
-əv > *ü*
-ev > *ö* только в малокарач. диалекте
-ъj, -aj > *i* (*y* в курмышском говоре верхов. диалекта)
-əj, -ej > *i* (*y* в курмышском говоре верхов. диалекта)

Редкие случаи с конечными *aj*, *ej* в многосложных словах объясняются новой аффиксацией.

Три периода развития чувашского вокализма характеризуются следующими основными изменениями: а) на древнечувашском этапе в количественном отношении сохраняется пратюркская система вокализма и происходит дифтонгизация **ō* и **ō̃*, б) на среднечувашском этапе исчезает часть старых дифтонгов, появляется противопоставление гласных по напряженности, по-особому развиваются сочетания гласных с *w*, *j* (в части случаев способствуя возникновению новых дифтонгов), в) на новочувашском этапе исчезает противопоставление по напряженности, проходят кардинальные изменения, при которых часть гласных, в зависимости от окружения согласных, меняет ряд сингармонизма, а дифтонги совпадают с рефлексами обычных гласных.

КОНСОНАНТИЗМ

Пратюркскую консонантную систему на этапе непосредственно перед распадом пратюркской общности можно представить в виде таблицы (см. табл. 12) с различением глухих (сильных, придыхательных) и звонких (слабых, непридыхательных) в анлауте по В.М.Иллич-Свитычу (Илл.-Св. ОСНЯ III, с. XVII).

Характерной особенностью произношения сильных (глухих) смычных было наличие заметного придыхания после отступа в анлаутной позиции, а также перед смычкой в позиции после гласных и сонантов. Т.е. существовали два аллофона *T*ʰ- и -ʰ*T(-)*. Возможно, и в позиции после гласных и сонантов наличествовал некоторый элемент придыхания после отступа, но, по-видимому, он был нефонематичным и впоследствии исчез во многих языках-потомках (кроме огузских и сарыг-югурского). В результате этого в языках, отражающих различение пратюркских сильных и слабых смычных, в середине основы, как правило, представлены рефлексы придыхания перед согласным в данной позиции. В сарыг-югурском это придыхание перед

[3] *ə* происходит из древнего местоимения 3 л. **i(n)*. Будучи энклитикой, **-i(n)* вызывало палатализацию предшествующего согласного, сохранившуюся в совр.чув. как чередование *t* ~ *č*. Хотя энклитика и вызвала палатализацию, она довольно долго не подчинялась общим законам сингармонизма, например, в тюркютском и древнеуйгурском никогда не уподоблялась по огубленности гласным основы и сохраняла передний ряд даже после заднерядных основ. В чувашском **-i(n)* никогда не совпадало с непервыми нейтральными гласными ⁺*u*/⁺*ü*, давшими *ъ/ə* в современном языке.

согласным, в тофаларском и тоджинском диалекте тувинского языка – придыхание перед смычным глухим согласным, сопряженное с фарингализацией предыдущего гласного, в тувинском литературном языке – фарингализация предыдущего гласного, в уйгурском (новоуйгурском) – *š* после **i*, **y* и *f* после **ü*, **u* перед смычным и т.д. Существовала корреляция между краткостью предшествующего гласного и придыхательностью следующего согласного, однако этот факт можно интерпретировать двояко – как автоматическое появление придыхательности после краткого гласного или как сокращение гласного перед придыхательным согласным. Традиционно предпочитается первый вариант, хотя наличие противопоставления сильных (придыхательных) и слабых (непридыхательных) в анлауте говорит скорее в пользу второй интерпретации.

Таблица 12

	Лабиальные	Апикальные	Сибилянты	Палатальные	Латеральные	Велярные	Увулярные
Сильные смычные	*p‘*	*t‘*		*c̓‘*		*k‘*	*q‘*
Слабые смычные	*p*	*t*		*ć*		*k*	*q*
Звонкие спиранты	*v*	*δ*		*ź*		*γ*	
Глухие спиранты			*s*		*ɬ*		
Носовые сонанты	*m*	*n*		*ń*		*ŋ*	
Плавные сонанты		*ř*		*j*	*l*		
Дрожащ. сонанты		*r*					

В палатальном локальном ряду были представлены или аффрицированные смычные типа современных русских *mь* [*mc*’], *дь* [*ʤ*’], или аффрикаты, однако принципиального противопоставления между аффрикатами (аффрицированными) палатального ряда и чистыми смычными (*p‘*, *p*, *t‘*, *t*, *k‘*, *k* и т.д.) не существовало. В серединной позиции **c̓‘* и **ć* различаются в огузских, сарыг-югурском, тувинском и тофаларском. В анлаутной позиции традиционный тюркский **j-* (но у А.М.Щербака *θ-*) соответствует пратюркскому **ć-*. На то, что первоначально все же был шумный согласный, указывают, во-первых, "запрещение" сонантного начала в абсолютном большинстве тюркских основ, во-вторых, рефлексы старой аффрикаты в большинстве тюркских языков. Ср. чув. *ś* (< пратюрк. **c̓‘-*, **ć-*), тув., тоф. *č-* (пратюрк. **ć-*), тоф. *-ǯ-* (< пратюрк. **-ć-*), хак. *č-* (< пратюрк. **ć-*), *-z ~ ǯ-* (< пратюрк. **-ć-*), як. *s-* (< пратюрк. **c̓‘-*, **ć-*), *-s-* (< пратюрк. **-c̓‘-*, **-ć-*), алт. *ʒ-*, кыпч. **ǯ-*, уйг. *ž-* перед *i*, *u*, *ü*/*j-*. Только в некоторых кыпчакских языках, в огузских языках и в языках

центральноазиатских памятников произошел переход пратюрк. **ć* в *j-*, что типологически целесообразнее интерпретировать как ареальную инновацию, тем более что в наиболее удаленных ветвях – в чувашской, якутской, тувинской, хакасской – представлен аффрикатный рефлекс.

Несомненно, на пратюркском уровне существовали велярный и увулярный локальные ряды. Возможно, их противопоставление было нефонематичным. Как правило, увулярные шумные согласные присутствовали в заднем сингармонистическом ряду, а велярные – в переднем. Однако в якутском языке на это распределение накладывается новое ограничение, в результате которого перед ~ после гласных верхнего подъема представлены велярные согласные даже в заднем ряду, а после гласных среднего и нижнего подъема – увулярный *x* [*q*], даже если это гласные переднего сингармонистического ряда.

Чувашско-тюркские соответствия указывают на существование особого латерального локального ряда. В нем присутствует глухой спирант **ɬ* и плавный сонант **l*. Регулярными чувашскими рефлексами пратюрк. **ɬ* являются *l* и *š*, распределенные по позиции перед гласным / не перед гласным: ср. чув. *kə̑mə̑l* ‘серебро’ ~ станд.-тюрк. **kümyš* id., чув. *xə̑l* ‘зима’ ~ станд.-тюрк. **θyš* id., чув. *xə̑vel* ‘солнце’ ~ станд.-тюрк. **qüńaš (~*θ-)* id., чув. *šъl* ‘зуб’ ~ станд.-тюрк. **šïš* ‘вертел, колышек’, чув. *śul* ‘слеза’ ~ тюрк. **jäš* id. и др.

В следующих словах пратюркский **ɬ* находился перед гласным: чув. *kyržə* ‘сосед’ ~ станд.-тюрк. **gə̈rši* ‘человек, с которым часто видятся; знакомый’, чув. *kə̑bə̑š* ‘мягкий, эластичный’ ~ станд.-тюрк. **kə̈pšyk (~ *g-)* id., чув. *kəžъl* ‘ворох’ ~ станд.-тюрк. **kə̈šyl* (~ **-ü̈-*, **g-*) id., чув. *laža* ‘конь’ ~ станд.-тюрк. **ülaša* id., чув. *pužъ* ‘пустой, свободный’ ~ тюрк. **bōš* id., чув. *šan-*, малокарач. *žan-* ‘верить’ ~ станд.-тюрк. **ÿšan-* id. и др.

Алтайские соответствия пратюркскому **ɬ* (Мо **l*, ТМ **l*) подтверждают латеральный характер пратюркского согласного. Кроме того, развитие некоторых кыпчакских языков указывает на то, что даже на кыпчакском уровне **š* (< пратюрк. **ɬ*) и **č* (< пратюрк. **c̓‘*) были в разных локальных рядах. В сибирско-татарском тюрк. **č* > *c* , в башкирском тюрк. **č* > *ᵗc* > *s*, а тюрк. **š* > *š*. В казахском и каракалпакском, наоборот, тюрк. **š* > *s*, а тюрк. **č* > *š*. В северных алтайских диалектах (куу-кижи, чалкан-кижи) тюрк. **č* > *ś*, а тюрк. **š* > *š*. Кроме того, в сарыг-югурском тюрк. **č* > *ç̓‘*, *-š*, а тюрк. **š* > *s*, т.е. противопоставление палатальных согласных и тюрк. **š*, аналогичное кыпчакскому, хотя сарыг-югурский язык принадлежит к хакасской ветви, куда также входят хакасский (качинский), койбальский, кызыльский, среднечулымский, сагайский. Итак, кыпчакская и хакасская подгруппы указывают на отношение к различным локальным рядам тюрк. **č* и **š*, а чувашский материал подтверждает это разделение и уточняет локальный ряд спиранта.

О сибилянте **s* можно заметить, что на пратюркском уровне в части диалектов этот согласный произносился как межзубный спирант. По крайней мере, следы такой артикуляции наблюдаются в туркменском, башкирском и

якутском языках, принадлежащих к разным подгруппам. В туркменском *s* произносится как [*θ*]. В западном башкирском, легшем в основу литературного языка, **-s-* > *-ś-* [*θ*], а в анлауте и в начале слога после согласного **s-* > **+θ-* > *h-*. Ср. *hyw* 'вода', *hary* 'желтый', *bawyrhaq* 'пончики', *burhyw* 'преть', *burhyq* 'барсук', *aqhaq* 'хромой', *bykhɛ/byśkɛ* 'неполный' и т.д. В восточных диалектах **s* во всех позициях произносится как [*θ*]. В якутском (до середины прошлого века) **-s-* > *-s-*, а в анлауте **s-* > **+θ-* > **+h-* > *0-*. В некоторых сочетаниях и грамматических формантах **-s-* > **+θ-* > *-t-* в якутском. Ср. *itī* (< **ïssiγ*) 'горячий', *uturuk* (< **osruq*) 'ветер из желудка', *utax* (< **suvsaq*) 'жажда' etc. Следы межзубного произношения тюркских **s*, **z* (пратюрк. **ř*) отмечены в казахском и каракалпакском, где *ǯ-* переходит в *d-* перед *z*, *s* вследствие ассимиляции по локальному ряду: каз. диал. *düz-* 'плавать', *duzaq* 'петля', *tysaq* 'двухлетний ягненок', ккалп. *dastyq* 'подушка'. История перехода **s* в межзубный спирант в диалектах, легших в основу данных языков, нуждается в дальнейших исследованиях с привлечением материалов по исторической тюркской диалектологии.

Реконструируются также пратюркские **ź* (чув. **+j* ~ тюрк. **δ*) и **ń* (чув. **+j* ~ тюрк. **ń*). Интерпретация пратюркского **ř* изложена у Н.Н.Поппе (Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам; Altaisch und Uhrtürkisch, S. 107).

Внешние алтайские соответствия и анализ системы согласных пратюркского языка накануне распада пратюркской общности позволяют для раннепратюркского уровня реинтерпретировать ряд звонких спирантов как ряд звонких смычных. Распределенные ряды увулярных и велярных смычных сводятся в один, что подтверждается отсутствием звонкого спиранта и носового сонанта в увулярном ряду. В результате система смычных для раннепратюркского предстает в следующем виде:

p'	*t'*	*ć'*	*k'*
p	*t*	*ć*	*k*
b	*d*	*ʒ*	*g*
m	*n*	*ń*	*ŋ*

Система же спирантов (глухих) и плавных и дрожащих сонантов остается без изменений. Пратюркские согласные имеют сильные ограничения на встречаемость: 1) в анлауте возможны только глухие смычные (как сильные, так и слабые) и спирант **s*; 2) в ауслауте неодносложных основ возможны сонанты, спиранты, слабые смычные и *g*. Кроме того, после непервых гласных даже в интервокальной позиции фактически не встречаются сильные и звонкие смычные (кроме *g*). По данным ограничениям видно, что сильной позицией для согласных является позиция после первого гласного, где могут встречаться все смычные. Возможно, такая комбинаторика связана со старым силовым ударением на первом слоге, вызвавшим редукцию смыслоразличительных признаков смычных согласных в позиции после безударного гласного. Результатом редукции стало исчезновение

противопоставления сильных, слабых и отчасти звонких смычных после непервых гласных. Также ясно, что ударение на первом слоге напрямую связано с сингармонизмом гласных.

Из других отличий пратюркской системы от тюркской наиболее существенными являются постулирование сочетаний типа **lć*, **lč'*, а также ауслаутных сочетаний вида **-lk*, **-lk'*, **-nk*, **-ńk*, **-jk*, **-łk*, **-łk'*, утраченных в основной массе тюркских языков, но сохраненных в чувашском. Кроме того, древнее распределение *-n* и *-m* после непервых гласных, утраченное во многих тюркских языках, отмечается в чувашском.

РАЗВИТИЕ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Древнечувашский этап характеризовался следующими преобразованиями системы согласных пратюркского языка[4].

Пратюркские сильные (глухие придыхательные) и слабые (полузвонкие непридыхательные) смычные практически на всем протяжении данного этапа произносились подобно пратюркским накануне распада языковой общности, т.е. сильные имели придыхание после отступа в анлаутной позиции и перед смычкой после гласного, но слабые, возможно, уже были чисто звонкими, и доминантной корреляцией стало противопоставление по глухости ~ звонкости. Венгерские заимствования отражают слабые пратюрк. **p-*, **t-*, **ć-*, **k-* как звонкие согласные *b-*, *d-*, *gü-*, *g-*, ср. венг. *bocsat-* 'освободить', *borjú* 'теленок', *bölcső* 'колыбель', *dél* 'полдень', *dől-* 'падать', *güász* 'траур', *güertüa* 'свеча', *gümölcs* 'фрукт', *güűrű* 'кольцо' и т.д. В позиции после гласного сильные глухие имели настолько выраженное придыхание, что в части случаев воспринимались как двухфонемные сочетания типа **+hT* (где *T* – символ смычного шумного), т.е. пратюрк. **ă't* 'конь', **ÿ'tʌ* 'собака', **t'ŭ't-* 'держать' произносились как *åht*, *yhtu*, *tuht-*.

Конечные велярные и увулярные смычные в многосложных именных основах перешли в **+h*. Этот процесс затронул и **-γ* в такой же позиции. Венгерские заимствования отражают **+h* как удлинение конечного гласного (**w* по реконструкции Е.А.Хелимского); *bölcső* 'колыбель', *güarló* 'указание', *güűrű* 'кольцо', *söprő* 'дрожжи', *szőlő* 'ягода', *tanó* 'свидетель'. Неконечные пратюркские **q'* и **q* в начале древнечувашского периода произносились как [q^{χ}], [g^{κ}], но уже к VIII в. дали спиранты *χ* и *ʁ*, т.е. утеряли смычку.

В ауслауте тюркского односложного слова реконструируются **-q* (например, **bŏq* 'кал'), **-g* (**ăg* 'белый'), **-k* (**kŏk* 'корень'), **-g* (**kŏg* 'голубой'), **-γ* (*dăγ* 'гора', **beγ* 'бей'). В чувашском в данных позициях **-q*, **-g* > *-x*, **-k*, **-g* > *-k*, **-γ* > *-v* (которое сохраняется в интервокале и стягивается с предыдущим гласным в ауслауте и перед согласным) (ср. Щербак 1970, 169; Рясянен 1955, 137). В многосложных основах во всех тюркских языках различие между звонкими и глухими смычными утрачивается – в данной

[4] Здесь имеется в виду не раннепратюркский, а поздний пратюркский накануне распада.

позиции бывает только **-g*, **-g* и **-γ*. В огузских языках смычные остаются полузвонкими в конце слова, как в азербайджанском, или оглушаются, как в туркменском, южнокрымском, саларском и турецких диалектах, но при аффиксе, начинающемся на гласный, они регулярно озвончаются. **-γ* в многосложных словах исчезает (ср. туркм. *sāry*, аз., тур. *sary* < **sāryγ*, аффикс *-ly* в огузских < **-lyγ* etc.). Похожая картина в кыпчакских языках, но там в абсолютном конце бывает только глухой согласный. В узбекском и уйгурском рефлексы **-γ* совпали с рефлексами смычных и участвуют в том же чередовании. В хакасском и тувинском для старых смычных наблюдается аналогичная картина, но **-γ* регулярно дает звонкий *-γ* (в тув., тоф.) и *-γ/-g* (с распределением по ряду слова в хак.).

Традиционно считается, что в многосложных словах конечные тюркские велярные и увулярные в чувашском отпадали. Действительно, подавляющее большинство примеров подтверждает данный закон. Однако в чувашском языке есть значительное число слов, оканчивающихся на *-k*, *-x*, которые объясняются или собственно чувашской аффиксацией, или сохранением в чувашском конечных заднеязычных в омертвелых (реже в продуктивных) аффиксах.

Но откуда же могли появиться *-k*, *-x* в данных случаях, ведь конечные заднеязычные должны были бы отпасть? Наиболее категоричен М.Рясянен: он заявляет, что слова на *-x* < **-q* должны быть древними заимствованиями, хотя это развитие демонстрирует, в частности, такие продуктивные суффиксы, как суффиксы имен существительных *-lə̑x*, *-lə̑k* и суффиксы сравнительной степени *-rax*, *-rɛk*, а также такие слова, которые на первый взгляд кажутся чисто чувашскими: *ojə̑x* 'месяц', ... , *śə̑nə̑x* 'мукá', *pillək* 'пять' (**-lik* – заимствование), *tśarak* 'опора' (Рясянен 1955, 137). Но это очень сомнительно, потому что в остальном слова с конечными *-k*, *-x* соответствуют тюркским по регулярным фонетическим законам, присущим только чувашскому языку. Особая точка зрения у Г.И.Рамстедта – он считает, что согласные отпадали после долгого гласного, а после краткого гласного сохранялись. Слова типа *xələx* 'волос', *ujъx* 'луна', *tĕlĕx* 'вдова' он считает суффиксальными образованиями, в которых присутствует уменьшительный аффикс, потерявший в чувашском значение уменьшительности. Однако довольно проблематично считать, что, с одной стороны, долгий гласный сохранялся только в чувашском и не дал никаких особых рефлексов ни в якутском, ни в туркменском, ни у Махмуда Кашгарского, где долгие и краткие последовательно различаются, а с другой стороны, в чувашском не найдено ни одного примера, где бы старая долгота влияла на развитие последующего согласного (см. Рамстедт 1957, 188).

В свою очередь, А.М.Щербак предположил, что в тюркских языках после узких гласных был возможен только звонкий заднеязычный, а после широких гласных – и звонкий, и глухой. Впоследствии звонкий отпал в чувашском, а глухой сохранился (Щербак 1970, 175). Слова типа *xələx*, *ujъx* etc. он тоже считает суффигированными с помощью аффикса **-aq*. В реконструкции А.М.Щербака звонкий заднеязычный – это звонкий спирант **γ*, а глухой заднеязычный – это **k/*q*, **g/*g* (т.е. смычный). Но данное предположение не подтверждается материалом тюркских языков. Неразличение или свободное варьирование знаков для *-q*, *-γ* наблюдается только в чагатайских, поздних уйгурских и хваразмийских (по терминологии Дж.Клосона) памятниках, т.е. на тех же территориях, где ныне распространены узбекский и уйгурский языки, тоже утратившие это различение.

В чувашских словах с конечными *-k*, *-x* во многих случаях довольно легко выделить фонетически продуктивные аффиксы синхронного словообразования с достаточно ярко выраженной семантикой. Дело в том, что после разрушения старой системы сингармонизма и возникновения нового чувашского разбиения слов по ряду, в языке исчезла корреляция фонем *x* (< **q*, **g*) с задним рядом, а *k* (< **k*, **g*) с передним рядом. Соответственно новые продуктивные аффиксы "не выдерживают" старый сингармонистический ряд и имеют только один исторический сингармонистический вариант. Например, *-ak/-ek* (аффикс отыменных прилагательных с уподобительным значением) не имеет вариантов *-ax/-ex* после слов со старым задним рядом: *sə̑dek* 'имеющий молочный привкус' от **sŭd* 'молоко' и *jyźek* 'кисловатый' от **ăǯyγ* 'горький, кислый' (ожидалось бы *+jyźex*) (см. Левитская 1976, 141, 145, 154). Кроме того, для слов с продуктивными аффиксами довольно легко можно найти производящую основу.

Из продуктивных аффиксов остатки архаичного распределения сохраняет суффикс, соответствующий тюркскому **-luq/*-lyk*. Унифицированными вариантами в чувашском языке являются *-lyx/-ləx*, однако редкие варианты *-lyk/-lək* (< **-lyk*) появляются только после основ со старым передним рядом:

чув. *jənerlək* от *jəner* 'седло' ~ тюрк. **eδŋer* id.,

чув. *karlъk* 'перила' при *karъ* 'занавесь' и *kar-* 'загораживать, распяливать' ~ тюрк. **gĕr-*, **gĕriγ*,

чув. *kaźalъk* 'полоса для нивы' ~ тат. *kišerlek* id.,

чув. *šъnalъk* 'полог от мух' от *šъna* 'муха' ~ тюрк. **sĭŋek* id.,

чув. *čylək* 'супонь' (< *čyl-lək*) ~ тюрк. **dõš* 'грудь',

чув. *videlək* 'кровля' при *vide* 'загородка, конюшня, хлев'~ тув. *ödek* 'окрестности жилья; место, где находятся животные'.

Данные архаизмы указывают, что до развития нового чувашского сингармонизма этот суффикс был так же продуктивен, как и сейчас. После "перелома" гласных где-то на рубеже XIII-XIV вв., когда нарушилась связь между *k*, *x* и, соотвтетственно, передним и задним рядом слова, началась унификация в пользу *-lъx/-ləx* (< **luq)*, хотя при некоторых основах сохранился ставший омертвелым вариант *-lъk/-lək*.

Этимологический анализ чувашских слов с велярным в ауслауте позволяет разбить весь корпус примеров на две группы – слова, где в других тюркских языках присутствует **-k*, **-q* (сюда же относится и суффикс *-lъx/-ləx/-lъk/-lək*), и слова без конечных заднеязычных в других тюркских языках.

Первая группа многочисленнее. В этой группе слов тюркские параллели имеют, как правило, или непроизводные основы, или основы с архаичным и уже непродуктивным ни в одном из современных языков аффиксом, или такие образования с продуктивным аффиксом, которые наличествуют во всех языках-потомках, что позволяет постулировать существование данного образования в пратюркскую эпоху, т.е. до отделения булгарской ветви от тюркских. Слова данной группы не объединяются по каким-либо семантическим или морфологическим признакам, и, значит, особая рефлексация в чувашском должна указывать на фонетическое отличие данных слов от основной массы тюркских слов с конечными *-k, *-q. Наиболее оправданно реконструировать в данной группе слов конечный редуцированный (возможно, узкий гласный), отпавший без следа в языках небулгарской ветви. На это указывают следующие соображения:

а) в интервокальной позиции *-q-, *-ǧ-, *-k-, *-g- в чувашском никогда не выпадают, а стабильно дают рефлексы *x* и *k*. Соответственно, в этой группе слов "конечные" ведут себя как интервокальные, а в основной массе соответствий *-q, *-k действительно отпадают, по-видимому, через ступень -ʔ (слабой гортанной смычки). Аналогичный процесс прошел и в заказанском, чистопольском, подберезском говорах татар-кряшен, которые, судя по специфическому развитию гласных и, отчасти, согласных, находились на сильном субстрате чувашского (vs. булгарского) типа: в них -q-, -k > ʔ (см. Баязитова 1984, 19, 20, 27, 46, 58);

б) для некоторых слов, которые в тюркском традиционно реконструируются как односложные, чувашские параллели имеют редуцированный гласный в ауслауте, например, чув. *jydъ* 'собака' ~ тюрк. **ǰyt* id., чув. *kylə* 'озеро' ~ тюрк. **gȫl* id., чув. *sazъ* 'звук, голос' ~ тюрк. **ses* id., etc. Вопрос о существовании гласного в тюркском ауслауте, отражающегося в чувашском, А.М.Щербак и М.Рясянен оставляют открытым (Щербак 1970, 130, 131; Рясянен 1955, 49). Все же, если на тюркском уровне данный гласный не реконструируется, на пратюркском (когда включается чувашский) не реконструировать его мы не имеем права, так как наличие ~ отсутствие этого гласного не мотивировано никаким из новых распределений в чувашском и корректней предположить его наличие в пратюркском;

в) как уже отмечалось, в чувашском в многосложных основах запрещена структура *CV(C)CVCə*, исключения составляют лишь слова со словообразующим суффиксом деятеля *-ǯъ/-ǯə, -źъ/-źə* (< **-Cy/*-Ci*). Однако это состояние не первично, что доказывают некоторые архаизмы в морфонологическом поведении чувашских многосложных основ. Основы вида *C1VC2ə* при присоединении словоизменительного аффикса на гласный получают вид *C1VC2C2-* со стяжением гласного аффикса и основы, например, *jydъ* 'собака' – *jytti* 'его собака', но *xut* 'бумага' – *xuǯə* 'его бумага' (с палатализацией *t* перед *ə* < **i*). Многосложные основы на конечный согласный чаще ведут себя как *CVC*-основы (*pələt* 'облако' – *pələǯə* 'его облако'), хотя в верховом диалекте основы типа *śunat* 'крыло', *tymar* 'жила' изменяются аналогично

CVCə-основам: *śunatti* 'его крыло', *tymarri* 'его жила'). Фактически у части многосложных основ на согласный сохраняется морфонологический конечный редуцированный, отпадающий в именительном падеже по фонетическому правилу после согласного. Судя по замечанию Н.И.Ашмарина (Ашмарин 1898, 42), часть имен на *-ak/-ek, -ъk, -ax/-ex* также удваивают согласный при притяжательном суффиксе 3 л. в верховом диалекте, что опять же указывает на отражение конечного редуцированного. В низовом и малокарачинском[5] диалектах различение многосложных основ с конечным редуцированным утрачено.

В следующих основах реконструируется узкий гласный на пратюркском уровне после заднеязычных *-k, *-q:

чув. *ydax* 'слишком' ~ тюрк. **artoq* id., *-o-* выписано в тексте, записанном письмом брахми др.-уйг. *artoq* (TT VIII);

чув. *janax* 'подбородок' ~ тюрк. **jaŋaq/*eŋek* id., 'челюсть', тур. *janak*, аз. *janaq*, кбалк. *ǰijaq*, башк. *jaŋaq* 'челюсть', як. *syŋax* 'щека';

чув. *jərəx* 'святой' ~ тюрк. **yduq* id., др.-уйг. VIII в. *yduq*, МК *yduq*, алт. *yjyk, ijik*, хак. *yzyx*, тув. *ydyk*, як. *ytyk*;

чув. *xyvъx* 'отруби' ~ тюрк. **qavuq* 'шелуха', кум. *quvyq* 'мякина', хак. *xōx* 'шелуха', МК *qavuq, qavyq* 'отруби', ? тув. *xō-tarā* 'вид проса с поникшей метелкой' (где *tarā* 'зерно, просо');

чув. *xъjax*, малокарач. *xъjak* 'осока' ~ тюрк. **qǰyyaq* id., тат. *kyjak*, башк. *qyjaq*, каз. *qyjaq*, алт. *kyjgak*. Старое производное от глагола **qǰy-* 'резать' (?).

чув. *xъrax* 'непарный, одинокий' ~ МК *qyruq* 'парализованный'. Первоначальное значение 'ущербный' (?);

чув. *puǯax* 'колос' ~ тюрк. **bǎšaq* id., тур. *bašak*, тат. *bašak*, башк. *bašaq*, каз. *masaq*, кирг. *mašak*, хак. *pazax*, тув. *ma'žak*, etc. С тем же самым архаичным суффиксом, что и в слове 'очаг';

чув. *pəśməx* 'угол' ~ тюрк. **pūčmaq/*pūčyaq* id., тат. *počmak*, уйг. *pučmaq*, чагат. XVI в. *bučmaq*; аз. *buǯag*, тур. *buǯak*, МК *būčyaq* id;

чув. *śyvъx* 'близкий' ~ тюрк. **javuq* id., туркм. *jovuk*, ног. *juvyk*, кирг. *žūk*, тув. *čōk*, etc.;

чув. *śubax* 'лещ' ~ тюрк. **čăpaq* id., аз. *čapaq*, тат. *čabak*, башк. *sabaq*, каз. *šabaq* 'плотва', тув. *šavaga* (! с сохранением конечного гласного) 'род мелкой рыбы';

чув. *śuryax* 'пленка, перепонка' ~ тюрк. кыпч. **jary, *jarǧaq* id., кирг. *žargak*, каз. *ǰaryaq*, тат. *jary*, башк. *jary*. Ср. МК *jaryq* 'кольчуга';

чув. *tunzъx* 'скука, тоска по кому-либо' ~ тюрк. кыпч. **tansyq* 'сильно желаемое', тат. *tansyk*, башк. *tanhyq*, кирг. *tansyk*, каз. *tansyq*;

чув. *vuǯax* 'очаг' ~ тюрк. **ōǯaq* id., туркм. *ōǯak* id., як. *osox* (с регулярным сокращением долготы), кирг. *očok* etc.;

чув. *vъrax* 'медленный' ~ тюрк. **ŭzaq* 'долгий', туркм. *uzak*, ног. *uzak*, тат. *ozak*, etc.;

---

[5] В малокарачинском диалекте *-x, -k > -k* (Ашмарин 1898, 372).

чув. низов. *urъx*, верхов. (курмыш). *oŕъx*, малокарач. *öŕək* 'другой' ~ тюрк. **ăðruq* id.

При разборе слов со старым передним рядом вокализма возникают некоторые трудности. В чувашском современные продуктивные суффиксы именного словообразования обычно кончаются на *-k*, т.е. если их достаточно легко вычленить в исторически заднерядных словах, то в старых переднерядных словах рефлексы пратюркских суффиксальных образований и новообразований с помощью продуктивных суффиксов частично совпадают. В группу переднерядных основ, претендующих на пратюркский ауслаутный гласный, включены лишь такие, от которых затруднительно найти в чувашском производящую основу.

чув. *alъk* (в верховом диалекте с удвоением согласного *-k* при словоизменении) 'дверь' ~ тюрк. **ĕšik* id., туркм. *išik*, аз. *ešik*, тур. *ešik*, тат. *išek*, башк. *išek*, тув. *ežik*, тоф. *eʒik*, etc.

чув. *amak* 'болезнь' ~ тюрк. **ĕmγek* 'мучение, страдание, тягота, труд', туркм. *emgek*, аз. *emɛk*, тур. *emek*, тат. *imgɛk*, МК *emgĕk*, etc.

чув. верхов. *arъk*, низов. *argъ* 'подол, пола' ~ ? тюрк. **ĕtek* id., туркм. *etek*, аз. *etɛk*, каз. *etek*, тат., башк. *itek*, тув. *edek*, тоф. *etek* (!). В чувашском нерегулярный рефлекс **-t-*, которое должно отразиться как *-t-*. Чув. *-r-* в данном случае как бы продолжает **-δ-*. Возможно, что в слове 'подол' не чистое тюрк. **-t-*, а рефлекс сочетания типа **-δt-*, на что косвенно указывают данные тофаларского языка, где интервокальное *-t-* без предшествующей фарингализации гласного берется только из сочетаний.

чув. *ažъk* 'рогожа' ~ тюрк. **ešyk* 'покрывало', МК *ešyk*, каз. *es'k* 'кошма, закрывающая двери кибитки', ккалп. *ešyk*.

чув. *avъk* 'порывистый (ветер)' ~ МК *evek* 'скорый'.

чув. *kajъk* 'птица' ? > коми *kajko* (Федотов 1980, 88) ~ тюрк. **gĕjik* 'дикий зверь', тур. *gejik* 'лань', хор. *kejik* (< кыпч. ?), уйг. *kijik* 'дикий олень', башк. *kejek* 'дикое животное, хищный зверь', алт. *kijik* 'дикий зверь', хак. *kīk* 'косуля, дикая коза', тоф. *kīk* (возглас, троекратно повторяемый при удачной медвежьей охоте).

чув. *kъbъk* 'пена' ~ тюрк. **kŏpyk* id., туркм. *köpyk*, тур. *köpyk*, тат., башк. *kybek*, кирг. *köbyk*, хак. *köbək*, тув. *kövyk*, тоф. *kö'p'ök*, МК *köpyk*, др.-уйг. в памятнике Ырк Битиг *köpükümīn* (1 л., Acc.) (ThS II-30) с третьим долгим гласным, что не может быть отражением краткого соединительного гласного между основой и аффиксом;

чув. *syrək* 'прохладный' ~ МК *seryĕk* id.

чув. *čarak* 'подпорка' ~ тюрк. **dīryek* id., туркм. *dīrek*, аз. *direk*, тур. *direk*, КБ (К) *tirgük*, МК *tirĕgǖ*, *tirek(-lik)*. Ср. чув. низов. *ajak*, верхов. *ajъk* (с удвоением согласного *-k* при словоизменении), малокарач. *ajγъ* 'бок, сторона' ~ тюрк. **ejegy* 'ребро, бок', тур. *ejegi*, МК *ejĕgǖ* id., др.-уйг. VIII в. *ejegy*, чаг. *ejegy*, тув. *ēgi*, тоф. *ẽ̄gi*, як. *ojoγos* (заднерядный вариант, *o* в первых двух слогах из **a* под воздействием последнего огубленного гласного).

чув. *vərlək* 'жердь' ~ тюрк. **örlek* id., башк. *örlɛk*, чаг. *örlek* 'стяг', алт. *örlȫ* (!) (< **örlegi*) 'жердь'.

В словах, приведенных ниже, возможно, еще на тюркском уровне сохранялась трехсложная структура.

чув. низов. *yjγъ*, верхов. *ъjъx*, малокарач. *iγə* 'сон' ~ тюрк. **ŭðŭqu* id., др.-уйг. VIII в. *udyq*, МК *uδuq*, туркм. *uky*, тур. *ujku*, аз. *juxu* ? < +*ujuxu*), кирг. *ujku*, каз. *ujky*, тат. *joky*, башк. *joqo*, алт. *ujuku*, *ujyky*.

чув. *palgъ*, *palъk* 'знак' ~ тюрк. **bĕlgy/*belegy* id., МК *belgǖ*, туркм. *belgi*, кирг. *belgi*, etc., но як. *belê* id. (*ê* может быть только из праформы типа **belegy/*belyge*, т.е. трехсложной, **-lg* в якутском сохраняется).

По-видимому, редуцированный гласный в третьем открытом слоге отчасти сохранялся во времена рунических памятников. На это может указывать ипользование знака *qw* в орхонских надписях. Тем немногочисленным случаям, когда этот знак стоит в конце слова, соответствуют чувашские параллели с сохраненным конечным согласным: *artuqw* (KT E 33) 'сверх, выше' ~ чув. *ydax*; *jaγuqw* (БК № 5; KT E 3) 'близко, рядом' ~ чув. *śyvъx*; а в случае *oqw* (KT E 33, E 36) 'стрела' в чувашском сохраняется конечный гласный – *uγъ*, как обычно он сохраняется в некоторых других словах, имеющих односложную структуру в тюркском. Вполне вероятно, что рунический знак обозначал не столько огубленный согласный, сколько слог *qu*.

Разбиение, однотипное двоякому отражению тюрк. **-k*, **-q* в многосложных словах, существует и для тюркского **-γ*: в чувашском представлены рефлексы *0* или *v* (которое выступает в позиции перед суффиксом на гласный, но стягивается с предыдущим кратким гласным в абсолютном конце и в позиции перед согласным). Второй рефлекс также совпадает с развитием интервокального **-γ-*. При чув. *v* в памятниках часто представлен ауслаутный *-u/-ü*.

чув. *jəgev* 'подпилок' ~ тюрк. **ĕgeγ(ü)* id., туркм. *īge*, аз. *ɛjɛ*, тур. *ege*, узб. *egov*, кирг. *ögȫ*, каз. *egew*, башк. *igɛw*, тув. *egē*, як. *igī*.

чув. *kəvrü* (*kəvrəv*) 'зять' ~ тюрк. **kŭðeγü* id., МК *küδēγǖ*, туркм. *gijev*, тур. *gyvej*, кирг. *küjȫ*, каз. *küjew*, башк. *kejɛw*, уйг. *küjö*, хак. *kəzō̄*, тув. *küdē*, тоф. *hüdē*, як. *kütō̄*.

чув. *kədy* (*kədəv*,), малокарач. *kədö* 'стадо' ~ кыпч. **kytyw* id., башк. *kötöw*, тат. *kötyw* id., алт. *kütü* 'пастбище', образование от **küt(ü)-* 'пасти'.

чув. *xurav* 'весть, авторитет' ~ тюрк. **qarüγu* 'ответ', тат. *karuw*, алт. *karu*, тув. *xarȳ*, як. *xoruj* (< **qaruγü*).

чув. *pъjav* 'веревка (короткая, толстая)' ~ тюрк. **bŭqaγu* 'оковы', МК *buqāγū*, аз. *buxov*, узб. *buγov*, кирг. *bogō*, каз. *buγaw*, башк. *byγaw*, тат. *bogaw*.

чув. *pъrų* (*pъrъv-*), малокарач. *pъru* 'теленок' ~ тюрк. **bŭzaγu* id., МК *buzāγū*, туркм. *buzav*, аз. *buzov*, узб. *buzoq* (< **buzaγ*), башк. *bozaw*, кирг. *muzō*, уйг. *mozaj*, хак. *pyzō*, тув. *byzā*.

чув. *pəlev* 'брусок' ~ тюрк. **bĭleγü* id., МК *bilĕgǖ*, аз. *bülöv*, туркм. *bilev*, кирг. *bülō̄*, башк. *belɛw*, хак. *pəlō̄*.

чув. *śulų* (*śulъv-*) 'плетка' ~ сюг. *čʼalyγ* id. (в сарыг-югурском, как в хакасском, **-γ* дает *-γ*).

чув. *ujav* 'праздник' ~ др.-уйг. *ajāγ* 'почитание, почести', МК *ajāγ* id.

Итак, в чувашском продействовал специфический закон отпадения конечных **-q*, **-k*, **-γ* в многосложных словах. Спирант *γ* давал *v*, а смычные (велярный и увулярный) не отпадали лишь в случае, если в пратюркском после них следовал гласный. Из-за него данные согласные развивались как в интервокальном положении. Несомненно, что на ранних этапах развития чувашского языка этот конечный гласный сохранялся. Впоследствии, в результате его отпадения, связанного с перестройкой слоговой структуры имен, согласные, до того бывшие в интервокальном положении, оказались в ауслауте, хотя все же в верховом диалекте при словоизменении продолжают вести себя, как будто после них следует редуцированный гласный. Венгерские заимствования отражают $^{+}$*-h* как удлинение конечного гласного (**-w*, по реконструкции Е.А.Хелимского); *bölcső* 'колыбель', *güarló* 'указание', *güűrű* 'кольцо', *söprő* 'дрожжи', *szőlő* 'ягода', *tanó* 'свидетель'.

Особый интерес представляет вторая группа основ, где чувашским заднеязычным не соответствует велярный или увулярный других тюркских языков. Прежде чем перейти к их рассмотрению, необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, в данной группе чувашский конечный соответствует тюркскому сингармонистическому ряду, что является доказательством относительной архаичности присутствия заднеязычных в этих основах. Во-вторых, закрывающий первый слог заднеязычный в чувашском всегда сохраняется в односложных словах: *kə̑k* 'корень' ~ тюрк. **kŏk* id.; *kə̑vak* 'голубой' ~ тюрк. **gŏg* id.; *pə̑x* 'кал' ~ тюрк. **bŏq* etc. То же самое относится и к случаям, когда единственный слог закрывается сочетанием сонанта с велярным или увулярным шумным. В этих словах в чувашском, по фонетическому правилу, запрещающему конечные сочетания такого типа, происходит их разбивка редуцированным гласным.

чув. *irək* 'воля' ~ тюрк. **ĕrk* 'сила, воля', МК *erk*, туркм. *erk*, аз. *ɵrk*, кирг. *erk*, башк. *irk*, тат. *irek*, хак. *irək*; Мо **erke* 'право', халх. *erx*, бур. *erxe*, письм. монг. *erke*.

чув. *kə̑rə̑k* 'шуба' ~ тюрк. **kŭrk* 'шуба, тулуп', МК *kürk* id., тур. *kürk*, аз. *kürk*, в кыпч. языках *körük/körük* со значением 'кузнечный мех' < Мо **köherge* id.

чув. *xərəx* 'сорок' ~ тюрк. **qўrq* id., туркм. *kyrk*, аз. *gyrx*, тур. *kyrk*, каз. *qyryq*, башк. *qyryq*, тат. *kyryk*, уйг. *qirq*, etc.

чув. *surъx* 'овца' ~ тюрк. кыпч. **saryq* < тюрк. **sarq* id., тат. *saryk*, башк. *haryq*, каз. *saryq*, ср. тоф. *sarhādak* 'двухгодовалая телка марала'; на то, что здесь было сочетание, указывает монгольская параллель **serke* 'кастрированный козел', халх. *serex*, бур. *herxe*, письм. монг. *serke*, etc.

чув. *tə̑rə̑x* 'окрестности, вдоль' ~ тюрк. **dŭrq* 'длина, размер, форма', МК *turq* 'длина, размер', туркм. *durk* 'форма', аз. *durgu* 3 л. 'длина' (со вторичным озвончением), кирг. *turku* 3 л. 'длина', тат. *toryk* 'пролет забора от столба до столба', алт. *turku* 'длина; протяженность во времени', тув. *duʼrt* 'длина', *duʼrgu* 'весь, целый; продолжительность', тоф. *durhu* 'расстояние, равное чему-либо; весь, целый (послелог)'.

чув. *tərək*, *tə̑rə̑k* 'тюрок' ~ тюрк. **tŭrk* этноним 'простак, кочевник', МК *türk* 'тюрок', туркм. *türk* 'простак', аз. *türkɵ-saja* 'простак', *türk* 'тюрок', тур. *türk* 'турок', исторически – 'простой народ, плебс' (во времена Османской империи). В орхонских памятниках слово обычно встречается в сочетании *türk budun*, при перечислении после беев. В уйгурской руннке в данном случае обычно используется оборот *qara budun*.

чув. *ələk* 'раньше' ~ тюрк. **ĭlk* id., МК *ilk*, тур. *ilk* 'раньше, первоначальный', аз. *ilk*, тат. *elek*, башк. *elek*, вторичная контаминация с временны́м суффиксом *-ki* в туркм. *ilki*, каз. *ɵlkɵ*.

Как видно из примеров сочетаний сонантов с **-k*, **-q*, в тюркском ауслауте допустимо, как правило, только сочетание с сонантом **r – *rk*, **rq*. Существует единственный пример сочетания **-lk* в наречии/прилагательном **ĭlk*. Данное сочетание в языках потомках частью разбивается, а если сохраняется, то в некоторых языках присутствует узкий конечный гласный. Таким образом, редкое конечное сочетание переводится в интервокал, где **-lk-/*-lq-* довольно часты. И, как будет видно ниже, устранение этого сочетания явно не случайно.

В чувашском в группу слов с "добавочным" заднеязычным входят слова вида *(C)VLəK* (где *L* соответствует тюркским **l*, **š*, **n*, **ń*), т.е. с пратюркскими сонантами перед заднеязычным. Логично предположить, что на пратюркском уровне эти слова были не суффигированными, как считают Г.И.Рамстедт и А.М.Щербак, а просто односложными с сочетанием "сонант + заднеязычный". После отпадения булгарской ветви, в тюркской произошло упрощение конечных сочетаний с сонантами в односложных словах, и только сочетание **-rK* не подпало под действие этого закона. Любопытно отметить, что в тувинско-тофаларском и якутском закон избавления от сочетаний сонантов с заднеязычным продействовал еще шире и **-rK* > *-rt*. В кыпчакских также избавлялись от единственного сочетания **-rK* путем вставки узкого гласного между согласными. Сочетания же вида **-rT*, **-lT* нигде не разбивались и не упрощались. Внешний алтайский материал хорошо соответствует чувашским данным, и в параллелях с "добавочным" заднеязычным там всегда сочетание согласных.

чув. *xələx* 'конский волос' ~ тюрк. **qўl* 'толстый волос', туркм. *gyl*, аз. *gyl*, тур. *kyl*, тат. *kyl*, кирг. *kyl*, тув. *xyl*, тоф. *hyl*, як. *kyl*; Мо **kilgā-su-* 'конский волос', халх. *xalgas*, бур. *xilgāhan*, калм. *kilγasn̥*, ордос. *kilgasu*, мог. *qilγasun*, письм. монг. *kilγasu*; ТМ **xi̯nŋa-kta* (*-nŋ-* регулярно из **-lŋ-*) id., эвенк. *inŋaktā*, эвен. *i̯nŋət*, нег. *i̯ńŋakta*, уд. *iŋakta*, ульч. *si̯ńaqta*, орок. *si̯naqta*, нан. *si̯ŋaqta*, ма. *iŋgaxa* (ССТМЯ I 317).

чув. *pilək* 'поясница' ~ тюрк. **bēl* id., туркм. *bīl*, аз. *bel*, тур. *bel*, тув. *bel*, як. *bīl*, etc.; Мо **belke-* 'поясница', халх. *belxŭs* 'поясница', *belxemž* 'пояс', бур. *belxŭheŋ* 'поясница', письм. монг. *belkegüsü*, *belkenček* 'поясница', *belkemži*

'пояс'. Г.И.Рамстедт неправильно сравнивает тюркский корень с Мо *bel* 'косогор; подвески на поясе'. Это – явный тюркизм в монгольских языках. Первое значение 'косогор, отроги' распространено во всех тюркских языках Сибири. Второе значение – специфически культурное (Рамстедт 1957, 188).

чув. *śilγe* 'грива' (*-e* из **-aq*, как и в слове 'язык') ~ тюрк. **jāl* id., туркм. *jāl*, алт. *ǯal*, тув. *čal*, etc., но ср. кирг. *želki* с сохранением сочетания в интервокале.

чув. *śĕnĕx* 'мука́' ~ тюрк. **ūn* id., туркм. *uγyn*, аз. *un*, тур. *un*, кирг. *un*, тат. *on*, МК *ūn*, хак. *un*, etc. (в чув. вторичное *ś-* < **j-* ?); ТМ **oŋko* (< **-nk-*) 'корм (чаще подножный)', эвенк. *oŋko*, эвен. *oŋqъ*, нег. *oŋko*, ульч. *oŋqo*, орок. *oqqo*-ма. *oŋqo* (ССТМЯ II 8). Кор. *pun* 'мука' < кит. – вопреки М.Рясянену (Рясянен 1955, 78).

чув. *ĭγγa* 'жеребенок' (с суффиксом **-aq*, как в слове 'язык') ~ тюрк. **dăj* id., туркм. *taj* (с вторичным оглушением **d-*, м.б. из кыпч.), кирг. *taj*, каз. *taj*, тат. *taj*, тув. *daj*, як. *tyj*; Мо **dahga-n* id. (*-hg-* < **-jg-* ?), халх. *dāga*, бур. *dāga*, калм. *dāγŋ*, даг. *dāga*, письм. монг. *taγ-a*.

чув. *tĕlĕx* 'сирота' ~ тюрк. **dūl* 'вдова', туркм. *dūl*, аз. *dul*, тат. *tol*, алт. *tul*, тув. *dulgujak* (!) (с аффиксом *-jak* человека, как в словах тоф. *ašy-ǰak* 'муж', тув. *ku'ru-jak*, тоф. *korhy-ǰak* 'женщина, старуха', и с сохранением старого сочетания внутри слова); письм. монг. *tulgui* 'одинокая женщина'.

чув. *tĕlĕk* 'сон' ~ тюрк. **dūš/*dūl* id., МК *tūš*, туркм. *dūš*, тур. *dyš*, каз. *tüs*, хак. *tüs*, тув. *düš*, тоф. *düš*, *düǯ-*, як. *tūl*; ТМ **tolkị-n* 'сон', эвенк. *tolkin*, эвен. *tolqъn*, нег. *tolkịn*, ороч. *tokki*, ульч. *tolčị(n)*, орок. *tolčị(n)*, нан. *tolkị(n)*, ма. *tolxi-* (ССТМЯ II 195).

чув. *čələx* 'язычок, голосовые связки, пищик', *čəlγe* 'язык' (*-e* из **-aq*) ~ тюрк. **dȳl* 'язык, речь', туркм. *dīl*, аз. *dil*, МК *tyl*, тув., тоф. *dyl*, як. *tȳl*, etc.; ТМ **dịlga-n* 'голос, звук', эвенк. *dilgan*, эвен. *dịlgъn*, нег. *dịlgan*, ороч. *diggan* 'голос, язык, речь', ульч. *dịlǯan*, орок. *ǯịldan*, нан. *ǯịlgan*, ма. *ǯilgan* (ССТМЯ I 206). В чувашском после сдвига семантики безаффиксальная форма стала значить 'маленький язычок', а аффиксальная – нейтральный 'язык', ср. у МК *tylaq* 'клитор', образованное при помощи того же самого аффикса.

чув. *ujăx* 'луна; месяц года' ~ тюрк. **āj* ~ **āń* id., туркм. *āj*, аз. *aj*, тат. *aj*, тув. *aǰ*, тоф. *aǰ*, як. *yj* [6], etc; ТМ **ańŋa*, 'возраст, год', эвенк. *ańŋanī* 'год, возраст, погода', эвен. *a(n)ŋъ*, ороч. *anŋańi*, ульч. *ańan*, орок. *anańị*, нан. *ajŋanị*, ма. *ańa* (ССТМЯ I 44). Этимология предложена С.А. Старостиным, первоначальное значение, видимо, 'сезон', яп. *ane* 'год'.

Для слова чув. *pilək* 'пять' ~ тюрк. **bēš* id. не нашлось внешней этимологии, хотя по соответствию здесь тоже представлено пратюркское сочетание **-łk*.

Только в словах чув. *kĕmrĕk* 'уголья' ~ тюрк. **kŏmyr* 'уголь' и чув. *kirək* 'перхоть' ~ тюрк. **kĭr* 'грязь на теле' можно предполагать новую чувашскую аффиксацию. Возможно, это уменьшительный суффикс, как в слове *sĕdĕk* 'молочко'. Первое слово уже двусложное, что нетипично для слов с пра-

[6] Переход **a* > *y* в якутском возможен перед назализованным *j̃* или *j* в сочетаниях.

тюркским сочетанием **-łK*, а с другой стороны, пратюркское сочетание **-rK* должно сохраняться во всех остальных тюркских языках.

Неконечные пратюркские **q'* и **q* в начале древнечувашского периода произносились как [q^{χ}], [g^{κ}], но уже к VIII в. дали спиранты *χ* и *ʁ*, т.е. утеряли смычку.

Одной из наиболее интересных черт данного периода была палатализация дентальных шумных **t'*, **t*, **s* и аффрикаты **č'* перед **i*, **y*, и *j*-образным элементом дифтонга. В результате этого процесса **t'*, **č'* > $^{+}$*č-*, **t-* > $^{+}$*ǯ-*, **s-* > *š* и возник новый аффрикатный ряд – шипящий, в отличие от $^{+}$*ć*, $^{+}$*ʒ́*, имевших свистяще-шипящий характер.

Довольно ранним было развитие **p-* > *m-* перед следующим носовым сонантом. Уже позже, в середине древнечувашского периода, произошло совпадение **ń*, **ź* с **j* в $^{+}$*j*, и пратюркские формы **pāj-an* 'богатый', **pējŋi* 'мозг', **pŏjń-* 'шея', **pŏńyr* 'орех', **pŏź* 'тело', **pŭjrʌ-* 'приказать', **pŭńŏř* 'рог', **pŭźa-* 'красить' стали звучать как $^{+}$*bâjan*, $^{+}$*mejŋi*, $^{+}$*moj*, $^{+}$*mojyr*, $^{+}$*boj*, $^{+}$*bujru-*, $^{+}$*mujur*, $^{+}$*buja-*. Рядом с **o*, **ö* пратюркское **ŋ* перешло в $^{+}$*m*: пратюрк. **čöŋ* 'дерн, сорняк' > $^{+}$*ʒ́uom*, пратюрк. **k'ŏŋül* 'душа' > $^{+}$*kömül*, пратюрк. **q'öŋur* 'бурый' > $^{+}$*χomur*, пратюрк. **öŋaj* 'способ, сноровка' > $^{+}$*omaj*, пратюрк. **sŭŋök* 'кость' > $^{+}$*šimöh*, пратюрк. **t'öŋʌ* 'одежда' > $^{+}$*tuömu*.

Древнечувашский период характеризовался утратой пратюркских **δ*, **ř* и **ł*. Первые два согласных совпали с **r* в $^{+}$*r*, а **ł* дало $^{+}$*š* (тот же самый рефлекс, что и **s* при палатализации) перед гласным и $^{+}$*l* в конце слога. Например, пратюрк. **ăδaq* 'нога', **ajař* 'вёдро', **âv(u)řʌ* 'молозиво', **ćăδay* 'босой', **cāł* 'год', **ćŭřük* 'кольцо', **ęł-t-* 'слышать', **kĕvłe-* 'слабеть', **k'ŭδeγü* 'зять', **q'ālʌ* 'бровь', **q'ȳł* 'зима', **öqłał* 'подобный', **pałqur* этноним, **pōłʌ* 'свободный', **ütłen-* 'устать' дали соответственно др.-чув. $^{+}$*årah*, $^{+}$*âjar*, $^{+}$*λvru*, $^{+}$*ʒ́ârah*, $^{+}$*ʒ́âl*, $^{+}$*ʒ́ürüh*, $^{+}$*elt-*, $^{+}$*gɛvše-*, $^{+}$*kürɛγü*, $^{+}$*χâšu*, $^{+}$*χyl*, $^{+}$*uoχšal*, $^{+}$*bâlχyaʁr*, $^{+}$*buōšu*, $^{+}$*üšɛn-*.

К IX в. н.э. чувашская система согласных вместо позднепратюркских 24 фонем имела 23 фонемы, и вместо особого латерального локального ряда стала иметь новый альвео-палатальный, в котором при образовании согласных передняя часть языка касалась как альвеол, так и палатальной части нёба (см. таблица 13).

2. В среднечувашский период произошли следующие изменения в составе согласных.

Произошла нейтрализация пар глухих и звонких согласных. Она привела к распределению глухих и звонких аллофонов по позиции – глухой вариант в анлауте, ауслауте и в сочетании с шумными, звонкий вариант в интервокале и в положении после сонанта перед гласным. В результате вместо пар **p–*b*, **t–*d*, **č–*ǯ*, **ć–*ʒ́*, **k–*g*, **χ–*ʁ*, протвопоставленных фонематически, в среднечувашском остались только одиночные фонемы $^{+}$*p*, $^{+}$*t*, $^{+}$*č*, $^{+}$*ć*, $^{+}$*k* и $^{+}$*x*. Явно под кыпчакским влиянием совпали **v*, **γ* и **h* (старое **-h* сохранилось только в ауслауте) после гласных в одной фонеме $^{+}$*w*, которая по-

лучила сонантный статус и встречалась во всех позициях только в звонком варианте. Только после гласного ^{+}y древнечувашское *h* перешло в *j*. После исчезновения звонкого спиранта **γ* ликвидировалось противопоставление велярного и увулярного рядов и фонема ^{+}x (< **χ*, **ʁ*) стала произноситься в велярном варианте, т.е. как *yx*, *yъ*. Например, древнечувашские **åht* 'конь', **λγry-* 'болеть', **λvuʒu* 'горсть', **bêlig* 'пять', **dåγ* 'гора', **düb* 'дно', **ɛdüh* 'сапог', **ʒ́λvlyʁu* 'грех', **ʒ́ihčih* 'острый', **kɛgir-* 'рыгать', **χyrʁuj* 'ястреб', **χuda* 'сват', **šigölü* 'бородавка', **ud-* 'выиграть', **uʒ́* 'конец' дали в среднечувашском $^{+}$*ə̂wt*, $^{+}$*ûwru-*, $^{+}$*ûw(u)ću*, $^{+}$*pîlük*, $^{+}$*tə̂w*, $^{+}$*tüp*, $^{+}$*ɛtüh*, $^{+}$*ćûwluxu*, $^{+}$*ćiwčih*, $^{+}$*kɛkür-*, $^{+}$*xӳrxuj*, $^{+}$*xuta*, $^{+}$*šik(ü)lü*, $^{+}$*ut-*, $^{+}$*ůć* соответственно.

Таблица 13

	Лабиальные	Дентальные	Альвеопалат.	Палатальные	Велярные	Увулярные
Глухие смычные	*p*	*t*	*č*	*ć*	*k*	[*χ*]
Звонкие смычные	*b*	*d*	*ǯ*	*ʒ́*	*g*	[*ʁ*]
Глухие спиранты		*s*	*š*			*χ*
Звонкие спиранты	*v*				*γ*	*ʁ*
Носовые сонанты	*m*	*n*			*ŋ*	
Плавные сонанты		*l*		*j*		
Дрожащ. сонанты		*r*				
Ларингал	*h*					

По-особому развились некоторые сочетания с **ć*, **ʒ́* — **lć*, **lʒ́* перешли в $^{+}$*ć*, а сочетания с предыдущим дентальным, аффрикатами **j* и **v* дали $^{+}$*ćć*: др.-чув. **bâlć* 'голова', **ʒ́λlću-* 'блестеть', **ʒ́λpylʒ́-* 'прилипнуть', **uvʒ́a* 'крестец', **uə̃d-ʒ́aʁu* 'очаг', **uə̃jʒ́ɛh* 'мерлушка' дали ср.-чув. $^{+}$*pɔ́ć*, $^{+}$*ćûću-*, $^{+}$*ćўpuć-*, $^{+}$*ůćća*, $^{+}$*wôććaxu*, $^{+}$*wêććɛh*.

Краткий элемент дифтонга **i̯-* дал в анлауте $^{+}$*j-*, после $^{+}$*č*, $^{+}$*š* был поглощен предыдущим согласным, а $^{+}$*xj-* довольно рано дало $^{+}$*j-*. Метатезированный в начало слога древнечувашский **-j-* палатализовал $^{+}$*ć*, $^{+}$*t* > $^{+}$*č*, а $^{+}$*x* > *š̈* (~ *ẋ*). Краткий элемент дифтонга *u̯-*, возникшего в древнечувашском, совпал с $^{+}$*w* и обеспечил анлаутную позицию этой фонеме. Так, др.-чув. **ćåjχa-* 'мыть, полоскать', **či̯ål* 'камень', **či̯om-* 'нырять', **ʁåjnadu* 'крыло', **i̯åχ-* 'течь', **χi̯ån* 'кровь', **ši̯åryh* 'белый', **tüjkür-* 'плевать' дали ср.-чув. $^{+}$*č(j)ɔxa-*, $^{+}$*čɔl-*, $^{+}$*čom-* $^{+}$*ẋɔnatu* (~ $^{+}$*ś-*), $^{+}$*jɔx-*, $^{+}$*jɔn*, $^{+}$*šɔruh*.

В результате этих изменений система согласных в среднечувашском сократилась до 16 фонем, причем ларингал *-h*, как правило, встречался только в конце многосложных именных основ:

Таблица 14

	Лабиальные	Дентальные	Альвеопалатальные	Палатальные	Велярные
Шумные смычные	*p*	*t*	*č*	*ć*	*k*
Шумные спиранты		*s*	*š*	[*ś*]	*x*
Носовые сонанты	*m*	*n*			*ŋ*
Плавные сонанты	*w*	*l*		*j*	
Дрожащие сонанты		*r*			
Ларингал	*h*				

3. В течение последнего этапа развития чувашского произошли не столь существенные изменения системы согласных, как в предшествующие периоды. Наиболее важным моментом, повлиявшим на морфонологические чередования, было ичезновение **-h*. В чувашском, как и в остальных тюркских языках, гласные верхнего подъема **i*, **y*, **ü*, **u* были самыми краткими и выпадали между согласными, если перед теми и после следовали другие гласные. Т.е. основы вида *čVčIč* при присоединении суффикса на гласный получали вид *čVčč-V*, если сочетания определенных согласных не были запрещены в фонотактике данного языка (*č* – согласный, *V* – любой гласный, *I* – гласный верхнего подъема). Однотипное чередование происходило и в чувашском, и основы вида **čVčIh* имели морфонологический вариант **čVčh-V*, например: **čürüh/*čürh-* 'кольцо', **ɛlüh/*ɛlh-* 'кисть руки', **ɛtüh/*ɛth-* 'сапог', **xîsuh/*xîsh-* 'пах', **tîruh/*tîrh-* 'зерно'. В начале современного периода развития чувашского языка конечное **-h* отпало без всяких следов. После согласного **-h-* также отпадало, но давало удвоение (!) предыдущего согласного (соответственно шумные, произносившиеся в интервокале в звонком варианте, при удвоении произносились глухо). Таким образом в чувашском возникло чередование основ вида $^{+}$*čVčə/*$^{+}$*čVčč-V*, в которое по аналогии включились все основы вида $^{+}$*čVčə* и те, в которых не присутствовало конечного **-h*. Даже после того, как прошла редукция конечного узкого гласного в трехсложных основах, конечные согласные сохраняют чередование по геминации в современном чувашском, например: *pələt/pələ̆ʒ́-* из ср.-чув. **pÿlut* 'облако' и *śunat/śunatt-* из ср.-чув. **śɔnatu*. Интересно, что перед суффиксом на **-y/*-i* не происходило палатализации дентальных, которым как бы мешало **-h*, в части случаев возникавшее по аналогии. В некоторых основах ср.-чув. **-k-*, **-x-* перешли в **-h-* еще во втором периоде и впоследствии разделили судьбу этимологического **h*.

Во время новочувашского периода **š* и **l* изменили артикуляцию и стали произноситься ретрофлексно, с двумя фокусами, т.е. почти как современ-

ные русские *ш, л*. Освободившееся место палатального спиранта заняло *ś*, возникшее из среднечувашского **ć*, однако сочетание **-ćć-* перешло в *-č-*, сохранив аффрикатную артикуляцию. В малокарачинском диалекте *-č-* из сочетаний в интервокале не озвончалось, что привело к совпадению *-č-* (< **-č-*) и *-č-* (< **-ćć-*) в глухом варианте после гласных.

Уже довольно поздно среднечувашское **-ŋ-* совпало в *-n-*, а также произошло выпадение *r* и *l* в некоторых словах в сочетании перед *t*. В результате изменения системы сингармонизма, а также из-за упрощений сочетаний с **-j-*, возникло новое противопоставление *t–ť, n–ń, l–ĺ* в словах заднего ряда. В части говоров верхового диалекта и в малокарачинском диалекте к ним добавилась пара *r–ŕ*. В конце концов получилась система современного чувашского языка.

Таблица 15

	Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Ретрофлексные	Велярные
Шумные смычные	*p*	*t*	*ť*		*k*
Шумные спиранты		*s*	*ś*	*š*	*x*
Носовые сонанты	*m*	*n*	*ń*		
Плавные сонанты	*v*		*j, ĵ*	*l*	
Дрожащие сонанты		*r*	[*ŕ*]		

В малокарачинском диалекте развитие согласных пошло дальше. Интервокальные *-k-*, *-x-*, а также *-k-*, *-x-* в положении после сонантов совпали в *-γ-*, а после *-n-* в *-g-*. Геминированные *-kk-*, *-xx-* и конечнослоговые *-k*, *-x* совпали в *-k*. Интервокальное *-p-* перешло в *-v-*, а геминированное *-vv-* дало *-p-*. Спиранты, попавшие в анлаут в результате редукции первого гласного, сохранили старую звонкость (став звонкими фонемами). Процессы эти довольно поздние, и прошли они только в ареале распространения малокарачинского диалекта.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

1. Чувашский язык унаследовал пратюркскую **систему склонения**, сохранив в части случаев особенности морфонологических чередований, утерянных в большинстве тюркских языков. При образовании генитива в чувашском выступает аффикс *-ъn* после согласных и новостяженных гласных *-и* (< $^{+}$*-ъv*), *-ӳ* (< $^{+}$*-əv*), *-і* (< $^{+}$*-ъj*, $^{+}$*-əj*) и конечных *-ъ*, *-ə*, которые морфонологически довольно рано стали трактоваться как основы на старый конечный согласный $^{+}$*-uh*, $^{+}$*-üh*. После гласных *-a*, *-e* алломорфом является *-nъn*. Эти показатели восходят к среднечувашским **-uŋ/*-nuŋ* с первым вариантом после согласных, а **-nuŋ* – после гласных. Аналогичная ситуация в огузских языках, где варианты **-yŋ/*-nyŋ* имеют то же самое распределение. Удвоение конечного согласного основы, оканчивающейся на редуцированный, в чувашском связано с преобразованием основы перед гласным из **čVčuh* > **čVčh-*.

С тем же самым распределением в чувашском выступают показатели датива-аккузатива *-a/-na*. В среднечувашском после вторичного расширения гласного аффикса аккузатива сохранялось пратюркское чередование **-yγ/*-ny*, сохраненное в огузском **-y/*-ny(γ)* (см. Левитская 1976, 17–20), и аффикс имел вид **-a(h)/*-na(h)*. Совпадение с одним из алломорфов дательного падежа **-(h)a* привело к тому, что показатель аккузатива принял на себя функцию выражения и датива, вследствие чего последний падеж был устранен. На то, что в конце аффикса аккузатива присутствовал **-h*, могут указывать формы нового направительного падежа, образованные на базе данного аффикса с помощью показателя *-la* (см. Левитская 1976, 26–27). В современном чувашском эти формы имеют вид *-alla/-nalla*, что восходит к среднечувашскому **-ah-la/*-nah-la*. В курмышском говоре верхового диалекта и малокарачинском диалекте произошло вытеснение алломорфов генитива и датива-аккузатива после гласного алломорфами после согласных, т.е. *-ъn*, *-a*, причем в курмышском говоре, не допускавшем стечения согласных, в качестве разделителя основы и аффикса стал использоваться *-j-*.

При образовании локатива и аблатива в чувашском присутствует чередование в аффиксах: *-ta*, *-tan* после сонантов *r*, *l*, *n*, и *-ra*, *-ran* в остальных случаях. Аналогичное чередование встречается и в показателе прошедшего категорического времени *-tъ/-rъ*. Древнетюркские руничесие памятники подтверждают пратюркский характер данного чередования – в них варианты с *-t-* только после *r*, *l*, *n*, а *-d-* (*ə*) – в остальных случаях. В пратюркском эти суффиксы имели начальный **-δ-*, переходивший в **-t-* (слабый) после дентальных сонантов. В большинстве тюркских языков данное чередование было устранено в пользу альтерната после сонантов, однако в суффиксе причастия будущего времени **-δaćy-* с аналогичным чередованием в руничесих памятниках огузский праязык имеет **-jaǯ-aq* после гласных, т.е. регулярный рефлекс **-δ-*.

2. При присоединении личных показателей в чувашском также есть особые чередования. После согласных, *-и* (< $^{+}$*-ъv*), *і* (< $^{+}$*-ъj*) показателем 2 лица является *-ъ*, в остальных случаях – *-и*, показателем 3 лица является *-ə*, в остальных случаях – *-і* (с сохранением переднего ряда). Данные чередования происходят из следующей среднечувашской системы, где после согласных были варианты **-uh*, а после гласных – **-wuh* для 2 лица, **-y* и **-jy* для 3 лица. Соответственно **čV(č)čuh*, **čV(č)čy* > *čV(č)čъ*, *čV(č)Ćə* (**-y* как в начале слова развивалось через ступень $^{+}$*-ĭy*), а **čVčawuh*, **čVčajy* > *čVču*, *čVči*, основы с уз-

кими гласными развивались так: **čVču(h)-uh* > *+čVčhuh* > *+čVčču* > *čVčču*, **čVču(h)-y* > *+čVčhy* > *+čVččȳ* > *čVčči*. Исконные гласные в последнем случае дали под влиянием основ на полный гласный рефлексы *-u*, *-y*, ср., однако, в генитиве **čVčh-uŋ* > *čVččъŋ*, и в личном показателе 1 лица **čVčh-um* > *čVččъm*. Во множественном числе в среднечувашском показателем для 1-го лица было **-umur*, а для 2-го — **-ur* (из древнечувашского **-uh(u)r*), первые гласные которых съедались конечным гласным основы, но вызывали преобразование **čVču*h > **čVčh-*. Косвенные основы личных показателей отличались лишь для 2 и 3 лица единственного числа: — 2 л. ср.-чув. **-uŋ-* и 3 л. ср.-чув. **-yn-*, которые дали в современном чувашском *-ъn-* и *-ən-* соответственно. Эти алломорфы точно отражают пратюркскую ситуацию: суффикс 2-го лица отражение пратюрк. **-uŋ*, деназализовавшегося в номинативе, как показатель аккузатива[7], а в суффиксе 3-го лица — чередование прямой и косвенной основ на *-n-* личного местоимения (позднее ставшего личным показателем). Чередование прямых и косвенных основ у местоимений имел пратюркский и праалтайский. Особенностью склонения показателя 3 л. является наличие исторической палатализации в аффиксах локатива и аблатива: совр. чув. *-ənče*, *-ənčen* < др.-чув. **in-ǯe*, **in-ǯen*. Эта палатализация, возможно, вызвана прогрессивным влиянием *-n-*, смягчившегося после *i* в переднем ряду. Ср. аналогичный случай чув. *miźe*, верхов. (курмыш.) *minǯe* 'сколько' ~ тюрк. **ne(ń)-ǯe* id. — пратюрк. **ŋeń-će*.

Данная особенность склонения показателя 3 л. косвенно подтверждает гипотезу Г.И.Рамстедта (Ramstedt 1922-1923, 22), где чувашский показатель множественного числа *-sem/-sen-* возводится к тюрк. **sajin* 'каждый, весь'. В этом слове чувашское развитие довольно регулярно: **a* переходит не в *-u-*, а в *+-a-*, т.е. как непервый гласный из-за энклитического характера данной основы, вторично в новочувашском *+-a-* > *-e-* из-за последующего *+-j-*. Кстати, характер независимого слова подтверждается отсутствием ассимиляции по ряду гласных основы для показателя *-sem/-sen*. Конечное *-m* соответствует тюрк. **-n* и восходит к пратюрк. **-m*. В локативе и аблативе данный показатель имеет исторически палатализованные (!) варианты аффиксов *-če* и *-čen*, что однозначно позволяет трактовать показатель множественного числа как осложненный аффиксом 3 л. Косвенная основа *-sen-* является стяженной формой имени и *-ən-* (3 л.), с ассимиляцией последнего согласного основы последующим *-n-*, а современный суффикс множественного числа исторически представляет собой синтаксическую конструкцию вида "дом + каждый (весь) — его", т.е. "каждый дом, все дома́" > "дома́":

совр.чув. *-sem*	ср.-чув. **-saj(y)m-y*
совр.чув. *-sen-*	ср.-чув. **-sajmyn-*

Пратюркское чередование прямой и косвенной основ наблюдается в чувашском во всех личных местоимениях единственного числа: чув. *ebə/man-* < др.-чув. **e-bU/*mɛn-* 'я', чув. *ezə/san-* < др.-чув. **e-sU/*sɛn-* 'ты', чув. *və̑l/un-* < др.-чув. **u̯ol/*on-*. В местоимениях 1 и 2 лица **e-* старая дейктическая частица, присоединенная позже (ср. рус. *э-мот*, с начальным *э-*, а не *е-* в исконном слове, что вызвано особой фонетикой подсистемы частиц и междометий). Чувашский не сохраняет следов аблаута для местоимений 1, 2 лица в дативе (пратюрк. **păŋa*, **săŋa*), что вызвано вытеснением формантов этого падежа формантами аккузатива. Косвенная основа местоимения 3л. может восходить как к пратюрк. **ŏn-*, так и к пратюрк. **ån-* (если учитывать данные кыпчакских языков). Формы местоимений 1 и 2 лица мн.числа *pir*, *sir* (малокарач. *pẹr*, *sẹr*) восходят к пратюркским **pĕ̌r*, **sĕ̌r*.

3. Касаясь **числительных**, можно отметить, что показателем собирательных числительных был суффикс **-s*. Числительные, оформленные этим аффиксом, сочетались с личными показателями, например: *iksъmъr*, *iksъr*, *ikkəš(ə)* 'мы, вы, они двое' < др.-чув. **ekis-umur*, **ekis-u(h)r*, **ekiš-i*. Это полностью согласуется с предположением В.Котвича (Kotwicz 1936, 25), по которому в этих формах представлен алтайский аффикс множественного числа (коллективности) **-s*. Фонетически данный суффикс невозможно вывести из пратюркского показателя 3 л. **-si(n)* не только на чувашском материале. Ср. караим. *üčsü* 'трое', кбалк. *törtsü* 'четверо', где для аффикса 3 л. ожидалось бы *+üč-ü*, *+tört-ü*. С другой стороны трудно представить значение форм 1, 2 лица с двумя личными показателями, если принять точку зрения М.Рясянена о происхождении суффикса собирательности из показателя 3-го лица (Räsänen 1957, 22).

Пратюркский аффикс разделительных числительных имел алломорфы **-ŀar* после гласных, **-ar* после согласных. Чув. *-šar*, практически вытеснивший второй вариант, фонетически регулярно соответствует **-ŀar*, так как **ŀ* перед гласным давало *š*. Косвенное подтверждение данной реконструкции оказывают формы хак., койб. *-lar* и др.-уйг. *-rer* < **-ler* (Левитская 1976, 52), отразившие пратюркский диалектный вариант на **-lar*.

ГЛАГОЛ

При образовании каузатива от чувашских глаголов *vil-* 'умирать', *kur-* 'смотреть', *piś-* 'готовить' наблюдается чередование *və̑ler-*, *kə̑tart-* (< *+kə̑rtart-*), *pəśer-*. Для первых двух случаев оно объясняется пратюркскими и древнечувашскими сочетаниями последующих согласных при кратких **ŏ* первого слога: *və̑ler-* < др.-чув. **u̯o̯lhɛr-*, пратюрк. **ŏl(ŀ)ür-* (аналогично чув. *lar-* < др.-чув. **u̯olhar-*, пратюрк. **ŏl(ŀ)ur-* 'сесть'), *kə̑tart-* < др.-чув. **gördɛrt-*, пратюрк. **gŏr-dür̆-*. В последнем случае *pəśer-* происходит из древнечувашского **bylć-yur-*, а *piś-* из **byhlć-* с сохранением придыхательности в односложной основе (пратюрк. **pŷl'ć-*) и утерей перед сложным сочетанием в образовании.

Интересным представляется вопрос о происхождении показателя отрицательного причастия настояще-будущего времени в чувашском языке. Формы этого причастия лежат в основе значительной части временны́х образо-

[7] Ср. аналогичную ситуацию в рунических памятниках, где наблюдаются диалектные варианты с конечными *-ŋ* ~ *-y* в показателях аккузатива и генитива.

ваний. Традиционно сравниваются чув. *-mas* и тюркские формы **-maz/*-mas*, грамматически являющиеся алломорфом причастий на *-ar/-yr* в отрицательном аспекте. Однако этимологически лишь форма на **-maz* может быть соотнесена с положительной формой причастия настояще-будущего времени. Отрицательное причастие с показателем **-maz* отмечено в древнетюркских памятниках и современных огузских языках, причем при прибавлении личных показателей появляется алломорф **-mar-* в гагаузском, туркменском (1, 2 л.), азербайджанском (1 л.), что указывает на несомненную связь формы отрицательного аспекта с показателем **-ar/*-yr*. Этимологически тюркская форма с **-z* появилась из упрощения сочетания **j* с **r* в раннем пратюркском. Действительно аффикс причастия настояще-будущего времени имел морфонологический вариант **-jyr* после основ, оканчивавшихся на гласный, что отражено в памятниках, в хакасском, якутском и др. языках. Соответственно, после отрицательной основы, оканчивающейся на суффикс **-ma-*, ожидалась бы форма *+-majyr*, которая в результате редукции последнего гласного дала *+-majr* > **-maŕ (*-mar)*. Единственным отражением пратюркской формы на **-maŕ* является чувашское *mar* 'нету' – архаичное причастие от недостаточного глагола **ĕ(r)-* 'быть' (чув. *mar* < пратюрк. **ĕ(r)meŕ*).

Формы на **-mas*, присутствующие в кыпчакских, карлукских и чувашском языке, объясняются как регулярные образования с помощью показателя **-as(u)*, суффикса причастия, имевшего примерно такой же спектр значений, что и причастие на **-ar/*-yr*. Данное причастие в положительном аспекте активно используется в современном чувашском (*-as(ă)*), а также встречается в огузских и кыпчакских языках (обзор семантики и соответствий по языкам данного причастия см. Левитская 1976, 86-91). Таким образом, правильным является сближение И.А.Андреевым (Андреев 1961, 158-159) форм на **-as(u)* и **-mas*, однако с существенной оговоркой, что эти формы не связаны с причастием на **-ar/*-yr* и **-maŕ (*-mar)*.

Уже упоминалось, что суффикс 3 л. *-ə* не подчинялся сингармонизму из-за особого произношения, связанного с первоначальным происхождением из полнозначного местоимения 3 л. **i(n)*. Однако, будучи энклитикой, **i(n)* в чувашском все же палатализовал предшествующие согласные. Аналогичная ситуация была и в показателях глагола – в прошедшем категорическом времени при личных аффиксах II группы[8] представлены окончания:

Чув.	Sg.	Pl.	Ср.-чув.	Sg.	Pl.
1л.	*-tӑm*	*-tӑmӑr*	1л.	*-t-um*	*-t-umur*
2л.	*-tӑn*	*-tӑr*	2л.	*-t-uŋ*	*-t-u(h)r*
3л.	*-čə*	–	3л.	*-č-y*	–

[8] По традиционному делению систем личных аффиксов глагола на группу с "сокращенными" аффиксами (II) и группу с "полными" аффиксами (I), в основном совпадающими с формами личных местоимений.

При личных аффиксах I группы в основном спряжении сохраняется в 3 л. конечное *-ə*, но не происходит исторической палатализации *t*, ср. в спряжении настоящего времени:

Чув.	Sg.	Pl.
1л.	*-atӑp*	*-atpӑr*
2л.	*-atӑn*	*-at(t)ӑr* (<**at-hur*)
3л.	*-atə*	–

Как видно из таблицы, эти аффиксы во многом похожи на аффиксы II группы. Ситуация с нынешними личными показателями в I группе явно инновативна и подверглась сильному влиянию со стороны системы II группы. Наиболее архаичная система аффиксов I группы засвидетельствована в козьмодемьянских говорах верхового диалекта (которые находятся на субстрате малокарачинского диалекта) в настоящем времени уступительно-желательного наклонения (Левитская 1976, 343):

	Sg.	Pl.
1л.	*-atpiń/-atpẹn,*	*-atpӑriń/-atpӑrẹn,*
	-atӑp lẹn	*-atpӑr lẹn*
2л.	*-atsӑn*	*-assӑriń/-atsӑrẹn*
3л.	*-aťiń,*	—
	-at lẹn, tӑk	

iń, (l)ẹn являются вариантами модальной частицы и не подчиняются сингармонизму основы. Во 2-м лице единственного числа *-ӑn* представляет собой вариант той же самой частицы, в которой произошел сдвиг гласного в задний ряд после твердого предшествующего *-s-*, которое фонетически не палатализуется, так как *ś* является особой фонемой. В дальнейшем здесь, возможно, повлиял аффикс 2 л. II группы *-ăn*, имеющий общее распространение. Если отделить постпозитивную частицу и временной суффикс, то выявляются архаичные окончания I группы:

Чув.	Sg.	Pl.
1л.	*-(ă)p*	*-(ă)pӑr*
2л.	*-(ă)s*	*-(ă)sӑr*

Эти окончания просто выводятся из номинативов личных местоимений при усечении дейктической частицы *e-*: 1 л. *e-pə*, 2 л. *e-sə*, 1л. мн. *e-pir*, 2 л. мн. *e-sir*. Поздняя и общераспространенная система заменила показатели 2 л. на аналогичные из личных окончаний второй группы. Отсутствие исторической палатализации в 3 л., где *-t-* сохраняется перед *-ə*, позволяет датировать возникновение первой системы аффиксов после завершения процесса исторической палатализации, т.е. в среднечувашский период, а до этого на месте временных форм с I группой личных окончаний была синтаксическая конструкция из неизменяемой формы глагола и личного местоимения, т.е. древнечувашских **bU, *sU, *bẹr, *sẹr, *i*. Любопытно, что, судя по древнетюркским памятникам, I система окончаний оформляется к IX в., причем как показатели для единственного числа используются *bin/min* и *sin*, т.е. тюркские

косвенные основы местоимений, употреблявшиеся и в номинативе взамен утерянных *bʌ, *sʌ. Во множественном числе использовались *biz* и *siz*. По всем данным чувашский в начале среднечувашского периода попал под действие общетюркской изоглоссы, приведшей к возникновению новой системы личных окончаний глагола. Исторически данное событие могло быть связано с перекочевкой кыпчакских племен в Европу.

* * *

Итак, из приведенных материалов видно, что чувашская система фонем непротиворечиво выводится из пратюркской системы. Причем ее развитие происходит из особенностей самой фонетической системы, и лишь частично под иноязычным, но все же тюркским кыпчакским влиянием. Особого финно-угорского субстрата для чувашского не наблюдается. Морфологическая система в основных своих чертах является общей как для чувашского, так и для остальных тюркских языков, а новые морфонологические чередования при изменении имен возникли в большинстве случаев из-за редукции узких гласных и генерализации чередования основ вида **čVčuh/ *čVčh-*, распространившегося и на основы вида **čVču*. Кроме того, развитие чувашской фонетики подтверждает тезис о наличии долгих гласных в пратюркском своими отражениями **ō, *ȫ* и **ŏ, *ȫ̆*. А также доказывает, что пратюркские сильные (придыхательные) смычные в середине слова были противопоставлены слабым фонетически еще на пратюркском уровне, несмотря на корреляцию с краткостью предшествующих гласных.

ОБ УТОЧНЕНИИ КЛАССИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ С ПОМОЩЬЮ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВОСТАТИСТИКИ

При сравнительно-историческом изучении тюркских языков наряду с установлением фонетических и грамматических соответствий особую роль играет уточнение генеалогической классификации языков и диалектов. Обычно при такого типа таксономических задачах используют классификацию, основанную на сравнении групп языков по компаративистически важным языковым признакам, иначе, признакам, имеющим значение для реконструкции праязыка. Они могут являться как архаизмами, так и общими инновативными изоглоссами; кроме того, в части случаев такие признаки отражают и старое диалектальное членение праязыка. В существовавших классификациях разбивка языков дается на основе поведения двадцати-тридцати языков по десяти или двадцати вопросам, связанным с исторической фонетикой и морфологией.

С другой стороны, существует метод лексико-статистической глоттохронологии, при котором на вопроснике, базирующемся на основном лексическом фонде и состоящем из 100-200 вопросов, проводится классификация языков с последующей вероятностной обработкой полученного материала и датированием времени распада. Уже по количеству обрабатываемой информации традиционный глоттохронологический метод дает более точные, по сравнению с традиционной классификацией, степени родства языков и дерево, построенное на базе этого метода, является более правильным, хотя в некоторых случаях может вызывать сомнение время распада подгрупп. Случаи вторичного подскока в процентах совпадений бывают связаны с абсолютной глубиной семьи, так как при взаимопонимаемости большинства языков и при многочисленных контактах бывает затемнено происхождение слова и бывает невозможно определить, заимствовано оно от соседей или является исконным. При глоттохронологии опять же важно знать точный перевод понятий, а у современных младописьменных языков бóльшая часть словарей была создана совсем недавно и отбор лексики опирался на старописьменные (классические) литературные языки (такие, как чагатайский, османский и др.), что привело к включению в ряды внутриязыковых синонимов чужих заимствований, калек и реально не нейтрально употребительных слов. Но все-таки математический анализ матрицы процентных схождений между языками в лексикостатистике является более научно обоснованным по сравнению с традиционной прикидкой "на глазок", ведь по главному принципу анализа самые близкородственные языки

имеют наибольший процент схождений, а ветвь, состоящая из этих языков, по отношению к другим языкам – наименьший из реально получившихся процентов. Иными словами говоря, языки A и B в случае максимального взаимного схождения 89% по отношению к языку C имеют 60% (при реальных соответствиях A и C ~ 60%, B и C 72%). Таким образом, исключаются вторичные контактные напластования, появившиеся уже в более поздней истории между языками B и C. И, конечно, любая классификация становится более точной при увеличении количества привлекамых языков и вопросов по языковому вопроснику.

Предлагаемая здесь методика построения генеалогического древа основывается на выборе вопросника, построенного на материале морфологии, исторической фонетики, а также учитывающего факты специфического развития некоторых лексем, связанного с морфологией и фонетикой. Вопросы имеют общетюркский характер, т.е. ответы на них могут быть найдены практически во всех языках. Сравнительный анализ данных вопросов после установления древа тюркских языков позволяет проследить общие инновации, затронувшие конкретные ветви, а также более или менее точно сделать пратюркскую реконструкцию морфологии. Для изучения отобраны данные по сорока двум тюркским языкам и диалектам, включая языки наиболее крупных и исследованных памятников. Это языки: турецкий (тур.), гагаузский (гаг.), крымскотатарский (средний диалект) (ктат.), азербайджанский литературный (аз.), бакинский диалект азербайджанского языка (Бакы), нухинский диалект азербайджанского языка (Нуха), туркменский литературный (туркм.), эрсаринский диалект туркменского языка (эрс.), сарыкский диалект туркменского языка (сарык.), уйгурский (уйг.), узбекский литературный (узб.), шахрисябский диалект узбекского языка (шахр.), халаджский (хал.), казахский (каз.), каракалпакский (ккал.), ногайский (ног.), карачаево-балкарский (кбалк.), кумыкский (кум.), караимский (кар.), татарский (поволжский) литературный (тат.), мишарский диалект татарского языка (мишар.), язык сибирских татар (сиб.-тат.), башкирский (западный) литературный (башк.), восточный диалект башкирского языка (вост.-башк.), южный диалект башкирского языка (южн.-башк.), киргизский (кирг.), алтайский литературный (алт.), кумандинский диалект алтайского языка (Кмн.), лебединский диалект алтайского языка (Куу), тубаларский диалект алтайского языка (Туба), хакасский (качинский) литературный язык (хак.), шорский (шор.), чулымский (средне-чулымский) (чул.), сарыг-югурский (сюг.), саларский (сал.), тувинский (тув.), тофаларский (тоф.), якутский (як.) и чувашский (чув.). Из древних и средневековых языков анализируются материалы орхонских памятников (др.-тюрк.), дивана Махмуда Кашгарского ~ Кутадгу билиг (карах.) и Бабур-Наме (Бабур). Предварительно, разумеется, проделан анализ морфонологии каждого языка для того, чтобы вскрыть новые внутриязыковые напластования и не сравнивать синхронно похоже звучащие, но восходящие к разным архетипам формы.

Матричный анализ процентных схождений, без всякого сомнения, применим и при традиционном сравнении, опирающемся на морфологию, фонологию и т.д. Постулаты лексической глоттохронологии при некоторой переработке приложимы к предлагаемой методике. Так, в первом постулате говорится, что в словаре каждого языка можно выделить специальный фрагмент, который называется основной или стабильной частью словаря. Если под словарем понимать также инвентарь служебных морфем и фонем, то становится ясным, что стабильность добавляемых элементов даже несколько выше, чем лексическая стабильность. Вместо второго постулата про список стабильных значений в любом языке, принимается, что можно сформулировать вопрос по морфологии или фонетике, на который можно дать ответ для современных тюркских языков и который актуален для реконструкции пратюркской фонологической и морфологической системы. Ясно, что для других языковых семей выбирается вопросник, соответствующий нуждам их сравнительно-исторической грамматики, и он может не совпадать с актуальным для тюрков вопросником. Вместо третьего и четвертого постулатов вслед за С.А.Старостиным принимаем, что скорость старения и выпадения (изменения) элементов зависит от времени распада языков и большего или меньшего уровня "старости" морфемы (или фонемы) и скорость распада списка вопросов (т.е. утери элементов по сравнению с праязыком) является переменной величиной, зависящей в каждый момент времени от доли сохранившихся элементов (Старостин 1991, 9–16). Константа "скорости выпадения", используемая в лексической глоттохронологии, разумеется, не соответствует константе лексического вопросника и должна быть специально откалибрована. Пятый постулат о том, что вероятность для элемента сохраниться в одном из языков-потомков не зависит от его вероятности сохраниться в аналогичном списке другого языка-потомка, остается незыблемым.

В предложенном вопроснике используется 83 важных вопроса по исторической морфологии и фонологии тюркских языков. На основании этих вопросов можно выделить пратюркские диалектологические общности даже на пратюркском уровне. Сюда также включены вопросы, для которых неизвестен однозначный ответ для пратюркской реконструкции. Разберем актуальность и обоснование вопросов.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Склонение

1. Gen. [1 – наличие конечного **-ŋ*, 2 – отсутствие **-ŋ*.] Часть современных и некоторых древних языков в аффиксе родительного падежа указывает на утерю конечного *-ŋ* (в орхонских памятниках представлено *-y*, что может быть тем же самым процессом или вовлечением внутриорхонского морфонологического чередования *ŋ ~ y*). В первом случае следует предполагать существование пратюркского варианта с **-y* и во внешних сравнени-

ях искать параллели с велярным в показателе генетива. Вторичность показателя без **-ŋ* не является доказуемой, в любом случае исследователь обязан отмечать два аффикса Gen. на пратюркском уровне.

2. Развитие "соединительного" морфонологического *-n-* в Gen. и Acc. [1 – совпадение в "слабом", чередующемся *-ń-*, 2 – совпадение в *-n-*, 3 – различение "слабого" *-ń-* в Acc.] Самой архаичной немотивированной пратюркской ситуацией является, с большей степенью вероятности, последний случай. В показателе винительного падежа уже на пратюркском уровне перед распадом праязыковой общности был "слабый" *-n-*, в отличие от родительного падежа. Учитывая двухвариантность показателя Gen. (см. 1 вопрос), именно на качестве соединительного *-n-* могло держаться различие падежных окончаний. С другой стороны, на раннем пратюркском уровне такого различения могло и не быть, а *-n-* сохранялся лучше по фонетическим причинам – перед конечным носовым. Что здесь является наиболее немотивированным – первый, второй или третий вариант ответа, до сих пор остается загадкой.

3. Развитие *-d-* (< **-δ-*) в Loc. и Abl. [1 – совпадение в одном рефлексе (как правило, *-d-*), 2 – появление "назализованного" *-d̃-* в Abl.] Этот вопрос отчасти похож на предыдущий, однако с помощью него выделяется совокупность языков, имевших нетривиальную фонетически назализацию старого дентального спиранта. Может быть, это является следом различения двух разных падежных показателей, впоследствии сконтаминировавшихся между собой, так как значения местного и исходного падежей соотносимы и они являются единственными распространенными локативными падежами.

4. Dat. [1 – **-ɣa*, 2 – **-Ga*.] Исторически **-G-* в непервых слогах всегда восходит к старой глухой согласной, а **-ɣ-* к звонкой. В части языков в постконсонантной позиции эти две фонемы не различаются. Налицо существование двух вариантов для пратюркского уровня, не объясняемых фонетическими причинами.

5. Наличие архаичного Abl. на **-tyn* в склонении имен, или хотя бы в омертвелых наречных образованиях. [1 – да, 2 – нет.] Аффикс фиксируется с древнейших памятников, он не возводим ни к какому другому показателю по фонетическим причинам. Существование его на пратюркском уровне не вызывает сомнений.

6. Com. [1 – с показателем Ins. **-n*, 2 – без.] Совместный падеж, в части языков это не падеж, а сочетание с послелогом. Вопрос, является ли это действительно особым падежным окончанием или нет, до сих пор остается открытым. В любом случае формы, осложненные показателем творительного падежа, скорее указывают на особый характер данного окончания. Вопрос относится как к морфологии, так и к пратюркскому синтаксису.

Личные показатели имени и глагола

7. Деназализация носовых в 1, 2 Pl. в притяжательных аффиксах имен существительных. [1 – нет, 2 – да.] Совершенно необъяснимый фонетическими причинами переход. Если для 1-го лица множественного числа еще можно усмотреть контаминацию с местоимением **biŕ* 'мы' или показателем посессивности 1 Sg., то большая распространенность случаев с деназализацией показателей 2-го лица множественного числа не выводима из последующего развития исторической фонетики. Опять два пратюркских диалектальных варианта.

8. Окончания 2 Pl. в притяжательных аффиксах имен существительных. [1 – **-ŋyŕ* , 2 – **-ŋ-ar* или утеря 2 Pl.] С первого взгляда кажется архаичным первый вариант ответа, однако они оба являются вторичным пратюркским развитием старой системы личных показателей. В первом случае налицо контаминация с **-myŕ* 1 Pl., и этот показатель связан с личным местоимением, но никакого следа местоимения с начальным носовым для 2-го лица не существует. Так что и в первом, и во втором случае представлено образование по аналогии от личного показателя 2 Sg. **-ŋ*.

9. Окончания 1 Pl. притяжательных аффиксов существительных и соответствующего показателя (I типа) у финитных глаголов [1 – отличаются у притяжательных аффиксов имен, 2 – совпадают.] Безусловно, у глагольных окончаний I типа в чем-то общее происхождение с личными показателями. Для единственного числа они совпадают. Однако наличие особого показателя в 1 Pl. не является новым развитием, этот показатель имеет хорошие внешние соответствия, в частности в уральских языках. Что здесь является архаизмом: старое различие показателей лица имени и глагола для пратюркского уровня или только глагол сохранил древнюю раннепратюркскую систему – не ясно. Понятно одно — то, что перед распадом пратюркской общности эти показатели различались.

10. Личные показатели (II типа) 1 Sg. у финитных глаголов. [1 — **-mV*, 2 — **-mVn*, **-bi(n)* (т.е. старая основа Nom. личного местоимения).] В глагольных окончаниях второго типа справедливо усматривается непосредственная связь с личными местоимениями. Но в части случаев в парадигме спряжения находятся отклонения и облик окончаний так просто не выводится. Явно уже на пратюркском уровне стала формироваться особая система окончаний.

11. Личные показатели (II типа) 1 Sg., 2 Sg. у финитных глаголов. [1 — **-mAn*, **-sAN*, 2 — **-mIn*, **-sIN*.] Развитие широкого гласного непервого слога в узкий в непервых слогах не является регулярным. Это может быть следом пратюркского варианта окончания и, значит, доказательством существования этой парадигмы или быть результатом выравнивания по показателям окончаний первого типа.

12. Личные показатели (II типа) 1 Pl. у финитных глаголов. [1 — **-myŕ*, 2 — **-byŕ*.] В этом вопросе также выясняется степень соотносимости с личным местоимением и вторичная (?) деназализация.

13. Личные показатели (II типа) 2 Sg. у финитных глаголов. [1 — **-syŋ*, 2 — **-sEn*, 3 — **-yŋ*.] Способ построения окончаний второго типа довольно интересен. В случае первого ответа представлено особое окончание, во втором случае — совпадение с основой личного местоимения, в третьем случае — заимствование из личных показателей первого типа. Следует обратить внимание на качество носового для языков, отличающих рефлексы **-ŋ* и **-n*.

14. Личные показатели (II типа) 2 Pl. у финитных глаголов. [1 — **-syŋyŕ*, 2 — **-syŕ/*si-ler*, 3 — **-syŋ(l)ar*, 4 — *-yŋyŕ*.] В первом варианте ответа представлены совершенно особые окончания, они могут быть как пратюркскими, так и результатом сложной многоступенчатой контаминации, что менее вероятно, судя по распространенности таких окончаний. Во втором варианте чистое совпадение с основой личного местоимения, в третьем — новообразование от показателя 2 Sg. того же типа, в четвертом — прямое заимствование из окончаний I типа.

15. Личные показатели в императиве 1 Sg. [1 — **-m, 2*-(n)*.] Первый вариант возник довольно рано под влиянием других личных окончаний, второй является, по-видимому, архаизмом.

16. Личные показатели в императиве 1 Pl. Первая часть аффикса. [1 — **-a(j)-*, 2 — **-a(j)-l-*.] Наличие или отсутствие *-l* отражает пратюркские диалектальные варианты.

17. Личные показатели в императиве 1 Pl., вторая часть аффикса. [1 — 1 лицо **-G*, **-m*, 2 — 2 лицо **-ŋ*.] Возможно, выбор показателя отражал старый инклюзив и эксклюзив.

18. Личные показатели в императиве 1 Pl., вторая часть аффикса. [1 — морфологически выраженное единственное число *-m, *-ŋ, 2 — морфологически выраженное множественное число **-G*, **-ŋar*, **-ŋyŕ*.]

19. Личные показатели в императиве 2 Pl. [1 — показатель морфологически выраженного единственного числа, 2 — показатель множественного числа.]

ГЛАГОЛ

20. Показатель настоящего времени, условно "время на **-a/-j-(-d-)*". [1 — утеряно, 2 — есть без **-d-*, 3 — есть с **-d-*.] Через "+" — варианты только в 3 лице. Соответственно, помечается 2 и 3 пункт ответа.Традиционно считается, что такого типа показатели появились в новейшее время и представляют собой исторические сочетания слитного (~ соеденительного) деепричастия

и "усекаемой" формы глагола **dur-* 'стоять'. Действительно, в рунических памятниках мы не наблюдаем такого типа образований, хотя почти во всех современных подгруппах данный тип довольно актуален; кроме того, возможность заимствования из одного инновативного ареала исторически и лингвистически маловероятна. Несмотря на то, что в некоторых современных языках форма аффикса оканчивается на *-dyr*, данный случай можно трактовать и как вторичную, ставшую "первичной" у части тюркологов, контаминацию со стативным глаголом; с другой стороны, формы на *-r* для настоящего и будущего времен присущи не только тюркским, но также и тунгусским, японскому языкам, а это может указывать на праалтайский характер последнего показателя, однако наличие настоящего конкретного с аффиксами **-a* и **-j* (после гласных) *(-d-)* является неэтимологизируемой на современном уровне, а следовательно, пратюркской, особенностью, что позволяет использовать данный вопрос при попытке разделения пратюркских диалектов, легших в основу современных праязыковых подгрупп.

21. Причастие будущего времени. [1 — **-(j)ar*, 2 — **-asu*.] Скорее всего, уже на пратюркском уровне два исторически различных показателя использовались в сходном значении. Любопытно, что в части языков отрицательная форма может образовываться от причастия морфологически не связанного и имеющего другое происхождение в тюркских языках. Использование в этом значении двух различных показателей отражает пратюркские диалектальные варианты.

22. Отрицательная форма причастия настояще-будущего времени [1 — **-ma-r/-ma-ŕ*, 2 — **ma-s*.] Исторически первый вариант является образованием от формы на **-(j)ar*, а второй — от другого причастия будущего времени на **-su*.

23. Причастие будущего конкретного на **-ǯa-*. [1 — да, 2 — нет.] Здесь реально рассматриваются следы аффикса в современных тюркских языках и языках памятников, иногда они уже имеют значение настоящего времени. Реконструкция достаточно условная ввиду того, что в части языков представлен рефлекс пратюрк. **-δ-*, или **-j-*, или **-č-*. Анологичное нетривиальное развитие начального согласного наблюдалось и в показателе локатива. Косвенно это может указывать на различные типы генерализации одного из алломорфов. Однако присутствие показателя с таким значением и возводимого с некоторыми допущениями к пратюркской праформе может указывать на пратюркскую междиалектальную границу, где данная морфема была актуальна, а не утрачена, как в других языковых подгруппах.

24. Основной показатель причастия прошедшего времени. [1 – **-myŕ*, 2 – **-dyG*, 3 — **-yan/-Gan*.] Выбор наиболее продуктивного показателя отражает ареальные изоглоссы в тюркских языках.

25. Причастие настоящего времени. [1 — формы, кончающиеся на **-γan*, 2 — формы на **-(j)ar*.] Рассматриваются основные показатели данного причастия, выступающего в атрибутивной и предикативной функциях.

26. Причастие настоящего времени. [1 — чистый суффикс **-γan*, 2 — композит с **e(r)-γen > *egen*, 3 — композит с **dur-γan* (в части языков > **duGan*).]

27. Инфинитив ~ супин. [1 — **-maG*, 2 — только от причастия на **-(j)ar*, 3 — от отглагольных имен на **-γγ, *-γɬ*.]

28. Отрицание в деепричастии прошедшего законченного действия. [1 — основа + Abl. или **-syŕ*, 2 — основа + Ins. или Equ., 3 — чистая основа.] В первом случае добавляется показатель неимения или отложительный падеж, во втором — или показатель творительного падежа (позже в части языков ставший наречным аффиксом), или сравнительного падежа (также ставший наречным аффиксом).

МЕСТОИМЕНИЕ

29. Личное местоимение 1 Sg. Gen. [1 — **-(ŋ)*, 2 — **-m*.] Уникален показатель с конечным *-m*, что отражает, по всей видимости, особенности архаичного местоименного склонения.

30. Личное местоимение 1 Sg. Dat. а также в 3 Sg. Dat. [1 — **-ŋ-*, 2 — **-g-*.] Косвенная основа имеет носовой согласный, обычный показатель в других падежах или выровнена по именному склонению.

31. Личное местоимение 1 Sg. Dat. [1 — передний ряд, 2 — задний.] В данном случае на пратюркском уровне особое местоименное склонение с перегласовкой гласного по показателю дательного падежа в задний ряд. Для 2-го лица мы имеем практически аналогичную ситуацию, а в 3-м лице также следы влияния падежного окончания, а не исходного вида основы.

32. Возвратное местоимение. [1 — **öŕ*, 2 — **gendü*, 3 — **boδ*.] Диалектальные пратюркские изоглоссы, обусловившие выбор лексемы для данной категории.

33. Вопросительное местоимение ‘кто’. [1 — **kim*, *2 — *kem*.] Два варианта огласовки данного местоимения не имеют фонетической интерпретации, а отражают пратюркские варианты.

34. Вопросительное наречие ‘сколько’. [1 — **ŋe(n)-če*, 2 — **qa(n)-ča*.] Использование основы ‘что’ или особой вопросительной основы в сравнительном падеже.

35. Вопросительное наречие ‘сколько’. [1 — **-n-* перед афф., 2 — **-0-*, *-j* перед аффиксом.] Фонетически здесь не может быть рефлекса с пратюркским **-ń-*. Распределение завязано на морфологических аналогиях, варианты с носовым подстраиваются под местоименное склонение.

36. Вопросительное наречие ‘где’. [1 — **qan-*, 2 — **qa(j)-*.] (Ср. предыдущий вопрос).

37. Вопросительное наречие ‘где’. [1 — с Acc., Dat.(-Dir.), 2 — с Loc., Abl.] Использование винительного или дательно-направительного падежа или, наоборот, локативных падежей (местного или отложительного).

38. Местоимение 3 Sg. **ol, *bu*. [1 — нет влияния друг на друга, 2 — влияние **ol* на **bu (> bu-l)*, 3 — влияние **ol* на *bu (> bo)*, 4 — влияние **bu* на **ol (> o, u)*.]

39. Местоимение: отражение Dat. **-γarV* в склонении местоимения 3 Sg. [1 — есть, 2 — нет.]

40. Местоимение 3 Sg.: переход **u > y* в **bu*. [1 – в закрытом слоге, 2 — перед носовыми или везде, 3 — нет перехода.]

41. Местоимение 3 Sg. **bu: m-* в **bu*. [1 — перед носовым закрытого слога, 2 — везде перед носовыми, 3 — нет.]

42. Местоимение 3 Sg **o-l:* перегласовка на *a-* в Loc., Dat. [1 — да, 2 — нет.]

43. Местоимение 2 Sg. Сохранение архаичного Nom. 2 Sg. **s[e]*. [1 — есть, 2 — нет.]

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

44. Числительные ‘7’ и ‘30’, соответствия дентальных. [1 — **-d- ~ *-ɬ-*, 2 – **-ɬ- ~ *-ɬ-*.] Озвончение в числительном **jeti*, в отличие от **otuŕ*.

45. Числительные ‘7’ и ‘30’, соответствия шумных дентальных. [1 — **-TT- ~ *-T-*, 2 — **-TT- ~ *-TT-*, 3 — **-T- ~ *-T-*.] Геминация в числительном ‘семь’, в отличие от ‘тридцати’, нейтрализация в обоих случаях: совпадение в геминате или сохранение негеминированного варианта.

46. Числительные ‘8’, ‘9’ ~ ‘2’. Соответствия шумных. [1 – **-T- ~ *-TT-*, 2 – **-TT- ~ *-TT-*, 3 — **-T- ~ *-T-*.] Случай, аналогичный предыдущему, но для велярных.

47. Числительное ‘2’. [1 — **e-*, 2 — **i-*.] По-видимому, уже на пратюркском уровне были два варианта, один из них восходил к **ẹki*, а другой — к **iki*. Распределение по языкам не является фонетическим.

48. Числительное ‘4’. [1 — *d-*, 2 — *ɬ-*.] Немотивированное фонетическим развитием озвончение начального согласного в части языков, где не отражается развитие пратюркских анлаутных звонких и глухих.

49. Числительное ‘20’. [1 – конечный широкий гласный заднего ряда, 2 – конечный узкий гласный переднего ряда.] Нефонетическое распределение рефлексов.

ФОНЕТИКА

50. Развитие пратюркского **δ*. [1 — совпадение с **j*, 2 — совпадение с **d* или свистящий дентальный рефлекс, 3 — совпадение с **ŕ*.]

51. Развитие пратюркского **ń*. [1 — совпадение с **j*, 2 — сохранение особого назализованного рефлекса.]

52. Развитие пратюркского **-j* в уподобительном аффиксе **-dej*. [1 — отражение **-j*, 2 — отражение **-γ*.]

53. Развитие пратюркского конечного **-γ* в многосложных словах после узких гласных. [1 — *-0*, 2 — **-γ*, **-w*.]

54. Развитие начального **ŋ-* в местоимении ‘что’. [1 — сохранение назального, 2 — деназализация.]

55. Развитие начального **ŋ-* в местоимении ‘что’. [1 — дентальный рефлекс, 2 — палатальный, 3 — губной.]

56. Развитие начального пратюркского **j-*. [1 — *j-*, 2 — старый шумный (аффрикатный или спирантный) рефлекс.]

57. Развитие в языках рефлексов **ɬ* и **č*. [1 — тот же фонетический локальный ряд; 2 — различные фонетические локальные ряды.] Многие диалекты по своему развитию указывают, что так называемое тюркское *š* и так называемое тюркское *č* не входили в один локальный фонетический ряд. Это тоже может быть аргументом против реконструкции пратюркского **š* наряду с внешними рефлексами, морфонологическими чередованиями по языкам и булгарскими отражениями.

58. Различение рефлексов старых долгих гласных. [1 — различение на гласных, 2 — нет различения на гласных.] Реальное сохранение долготной оппозиции.

59. Различение рефлексов старых долгих гласных. [1 — различение на согласных (или маркировка глухих после кратких гласных), 2 — нет различения на согласных.] В данном случае учитывается и возникновение *-j-* в кыпчакских языках после **γ* и **i*, и наличие свистящих рефлексов в части карлукских языков, а также придыхание или фарингализация в тувинско-тофаларских языках, следы *-h* перед шумными в чувашском языке и т.д.

60. Развитие вторичных долгих гласных. [1 — выпадение в интервокале **-ŋ-*, **-γ-*, **-j-*, **-v-*, 2 — сохранение старой структуры основы.] Возникновение вторичных (из стяжений слогов) долгих гласных типично для сибирских, кыпчакских, якутского и части огузских языков.

61. Различение **-v* и **-γ* в конце первого слога. [1 — есть, 2 — нет.] В непервых слогах такого различения не наблюдается даже на пратюркском уровне. Возможно, уже тогда произошла нейтрализация в *-γ*. В первом слоге основы в части языков еще сохраняется различие, а в другой части языков сконтаминировалось со старым **-γ* или **-j*.

62. Развитие носовых в основах **siŋök* ‘кость’, **beǰŋi* ‘мозг’. [1 — *ŋ* ~ *ń* в первом случае велярный, во втором — палатальный рефлекс, 2 — *ŋ* ~ *ŋ* рефлексы **ŋ*, 3 — *ŋ* ~ *ń* — рефлексы **ń*.] Довольно редкие контексты данных носовых на пратюркском уровне. Видимо, очень рано они подстраивались под более привычные последовательности гласных и согласных.

63. Развитие носового в основе **bu[nǵ]uŕ* ‘рог’ по сравнению с рефлексами **beǰŋi* ‘мозг’ (**siŋök* ‘кость’). [1 — совпадение с рефлексами **ŋ*, 2 — особый рефлекс **nǵ*.] В части языков отмечается велярный шумный рефлекс, что может указывать на особое сочетание в пратюркском. С другой стороны, уже на пратюркском уровне допустимы особые фонетические варианты в данной основе.

64. Назализация **b* перед носовым. [1 — есть, 2 — нет.] На пратюркском уровне не было начального **m-*. Вторичное появление в части языков отражает пратюркскую диалектальную инновацию.

65. Развитие **b-* в словах структуры **bVL(y)n*. [1 — сохранение *b-*, 2 — *m-* назализация под влиянием конечного *-n* только в **bVjyn*, 3 — *m-* при любом серединном плавном.] Под *L* подразумевается сонант. Дистантная ассимиляция и развитие в *-m* типично для некоторых диалектов пратюркского языка.

66. Развитие в нетривиальном контексте **b-:* архаичное сохранение алт. **m-*, мотивированное алт. сочетанием в середине слова **-nŕ-* (тюрк. **būŕ* ‘лед’). [1 — отражение *b-*, 2 — отражение *m-*.]

67. Развитие **b-*: архаичное немотивированное сохранение алт. **m-* (тюрк. *bałč-čak* ‘колос’). [1 — отражение *b-*, 2 — отражение *m-*.]

68. Вторичное развитие **-δ-* в слове ‘кулак’, после появления из-за исторически алтайского начального назализованного **n*. Тюрк. **j* особого призвука. [1 — **-δ-*, 2 — **-m-*, 3 — *-d-*.]

69. Развитие сочетания **-bg-* в слове ‘легкие’. [1 — сохранение порядка, 2 — метатеза.]

70. Развитие сочетания **-γm-* в слове ‘дождь’. [1 — сохранение, 2 — метатеза.]

71. Развитие начального гласного в слове 'звезда' **jylduŕ*. [1 — отражение **u-*, 2 — отражение **y-*.]

72. Глагол 'сесть; стать' **ol(t)ur-*. [1 — отражение **l*, 2 — отражение **t*.]

73. Аффикс в слове 'ноготь' **dyrNak*. [1 — **-nak*, 2 — **-ŋak*, 3 — **-mak*.]

74. Отражение пратюрк. **ẹ* и **ạ*. [1 — есть рефлексы, отличающиеся от **e*, **a*, 2 — нет таких рефлексов.]

75. Отражение пратюрк. **a^{w}*, **e^{w}*. [1 — есть рефлексы, отличающиеся от **a*, **e*, 2 — нет таких рефлексов.]

76. Фонетическое развитие **s* (а также аналогичное вторичное стандартно-тюркское **z* < **ŕ*). [1 — межзубный спирант *δ*, 2 — постдентальный *s*.] Развитие спирантов в современных языках указывает на два варианта реализации пратюркского **s*. *h*-образные и *t*-образные рефлексы, как и случаи ассимиляций в определенных контекстах, являются аналогичными современным рефлексам *δ* по языкам и не выводятся без этой ступени из пратюркского **s*.

77. Развитие аффрикаты **č*. [1 — палатальный шумный, 2 — свистящий или ретрофлексный шумный.]

78. Развитие аффрикаты **č* не в сочетаниях. [1 — аффриката, 2 — спирант.]

79. Ассимиляция в контексте **s-č*. [1 — нет, 2 — > **č* — *-č*, 3 — диссимиляция в **j-č*.]

Лексические особенности

80. Наречие **daɬ* 'вне'. [1 — **-a-*, 2 — **-y-*.] Развитие по языкам не является фонетическим.

81. Послелог 'низ'. [1 — **al-t-*, 2 — **as-t-*, 3 — **düp*, 4 — **eń-*.]

82. Послелог 'перед'. [1 — **öŋ*, 2 — *al-n-*, 3 — **il-n-*, 4, 5 — другие слова.]

83. Послелог 'зад'. [1 — *ārd(-Ga)*, 2 — *keδ(i)n-*, 3 — другие случаи.]

Приведем некоторые примеры истолкования вопросов при анализе языкового материала. Сравните некоторые ответы из вопросника по тюркским подгруппам.

Показатель дательного падежа **-ga* или **-ka* — второй вариант вполне типичен для кыпчакских, карлукских языков (также для рунического тюркского), в контактной с кыпчаками зоне появляется в киргизском и алтайском (ойротском) языках (в "северных диалектах" другая ситуация). В якутском нынешний показатель возводим фонетически к обоим вариантам.

Показатель I типа спряжения глагола 1 Pl. совпадает или нет с аналогичным показателем лица в именах — совпадение типично для всех сибирских языков, чувашского, рунического тюркского и, как вариант, в караханидском.

Огласовка местоимения 'кто' **kem* или **kim* — первый вариант типичен для киргизско-алтайской, хакасской, тувинской подгруппы, чувашского и рунического древнетюркского языков.

Перегласовка на *-a-* в дательном и местном падежах местоимения **o-l* 'тот, он' отмечена во всех кыпчакских языках, кроме языков канглийской (включая башкирский) подгруппы, в сибирских языках, без якутского, в чувашском и в языках древнетюркской рунической письменности, у Махмуда Кашгари и в Бабур-наме.

Возвратное местоимение 'сам' *ōr̄*, **gendü* или **bod*. Второй вариант, наряду с первым, типичен для огузов, также для караханидского и рунического тюркского. В якутском представлен исключительно второй вариант. В сибирских языках, за исключением якутского и киргизского (влияние кыпчакских языков), отмечен третий вариант.

Сохранение **se* как Nom. без показателя косвенной основы *-n-*. Отмечено в карлукских, сибирских языках (за исключением якутского) во множественном числе и в чувашском языке.

Отражение **-g* после узких гласных в непервых слогах. Отпадение без вторичных рефлексов (включая гласные) в огузских, кыпчакских и чувашском языках.

Показатель 2 л. мн.ч. в повелительном наклонении. Используется показатель морфологически выраженного единственного числа (огузские и якутский языки), морфологически выраженного множественного числа (остальные языки, хотя в карлукских возможны дублеты).

Развитие начального согласного в слове **sač* 'волосы'. Под влиянием второго согласного происходит ассимиляция или диссимиляция первого согласного. Сохранение контекста отмечено для огузских и якутского языков (частично и для уйгурского), переход **s-* > **č-* актуален для кыпчакских языков, хакасских и киргизско-алтайских языков, сюда же может относиться чувашский, диссимиляция **s-* > **j-* присуща тувинскому, кызыльскому диалекту хакасского и, возможно, чувашскому языкам.

В результате анализа языкового материала по методу, предложенному С.А.Старостиным, выяснилось процентное соотношение схождений во всех языках. Необходимо отметить, что была проведена корректировка данных памятников. Условно цифры были занижены по формуле, как если бы эти языки сохранили прямое продолжение вплоть до XX века (см. Старостин 1991, 7–17). После матричного анализа наглядно подтвердилось существование нескольких языковых подгрупп в тюркских языках. Ниже дается процентное схождение по этим языковым подгруппам.

ОГУЗСКИЕ ЯЗЫКИ

Несмотря на "ущербную" морфологию, представленную в современном саларском, и в результате этого пропуски ответов на некоторые вопросы, статистика показала, что саларский язык, безусловно, относится к огузской группе, хотя он довольно рано и попал в изоляцию от остальных близкородственных языков. Наблюдаются позднейшие подскоки схождений с со-

временным уйгурским, сарыг-югурским языками, но они оказываются не генетическими, а поздними ареальными и при учете данных остальных карлукских и тюркских языков исчезают из рассмотрения.

Аз.	Нуха	Бакы	Гаг.	Тур.	Туркм.	Эрс.	Сарык.	Сал.
Аз. 0.00	0.85	0.95	0.81	0.85	0.76	0.72	0.71	0.63
Нуха	0.00	0.90	0.80	0.79	0.75	0.71	0.76	0.59
Бакы		0.00	0.80	0.82	0.75	0.73	0.74	0.64
Гаг.			0.00	0.94	0.82	0.76	0.72	0.61
Тур.				0.00	0.84	0.76	0.76	0.63
Туркм.					0.00	0.95	0.92	0.68
Эрс.						0.00	0.95	0.64
Сарык.							0.00	0.65
Сал.								0.00

КАРЛУКСКИЕ ЯЗЫКИ

	Узб.	Шахр.	Уйг.	Хал.	Бабур	Карах.	Др.-тюрк.
Узб.	0.00	0.90	0.86	0.80	0.79	0.64	0.55
Шахр.		0.00	0.85	0.79	0.75	0.64	0.52
Уйг.			0.00	0.71	0.82	0.64	0.53
Хал.				0.00	0.75	0.63	0.53
Бабур					0.00	0.68	0.53
Карах.						0.00	0.54
Др.-тюрк.							0.00

По языковым данным оказывается, что языки памятников, т.е. рунический орхонский (почти то же, что рунический уйгурский и уйгурский манихеики, буддизма и несторианства до рубежа X в.), караханидский (Махмуд Кашгари и Кутадгу Билиг) и сочинение Бабура (раннечагатайский) ближе всего только к одной подгруппе тюркских языков, а именно к карлукской. На 5–6% они дают меньшие схождения с огузскими языками. Кроме того, материал доказал, что халаджский язык не выделяется ни в какую отдельную подгруппу, а также является карлукским языком. Возможно, близкий диалект этого языка (диалект Аргу) и описывал Махмуд Кашгари, и *-n-*диалект части уйгурских памятников тоже, по-видимому, близкородственен халаджскому. Не факт, что смычное *-d-* в этой подгруппе является пратюркским архаизмом. Анализ графики памятников (в том числе и руники) скорее указывает на зубной спирант, что типично для ареально контактировавших иранских языков, в частности согдийского. Смычный вариант в халаджском похож на развитие соседних иранских диалектов, где *-δ-* вторично переходило в *-d-*, а не в *-j-* как в западноиранской норме.

КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ

Ктат.	Каз.	Ккал.	Ног.	Кар.	Кбалк.	Кум.	Тат.	Мишар.	Баш.	Ю.-баш.	В.-баш.	С.-тат.
Ктат. 0.00	0.70	0.73	0.77	0.84	0.73	0.75	0.79	0.74	0.75	0.68	0.71	0.77
Каз.	0.00	0.93	0.85	0.72	0.71	0.73	0.70	0.71	0.77	0.80	0.83	0.72
Ккал.		0.00	0.86	0.71	0.74	0.77	0.69	0.70	0.76	0.78	0.80	0.71
Ног.			0.00	0.75	0.72	0.80	0.76	0.73	0.80	0.81	0.83	0.77
Кар.				0.00	0.81	0.82	0.85	0.81	0.76	0.79	0.80	0.84
Кбалк.					0.00	0.85	0.74	0.73	0.74	0.79	0.80	0.78
Кум.						0.00	0.78	0.75	0.77	0.79	0.78	0.75
Тат.							0.00	0.87	0.83	0.85	0.84	0.92
Мишар.								0.00	0.79	0.84	0.80	0.86
Баш.									0.00	0.94	0.93	0.83
Южн.-баш.										0.00	0.98	0.85
Вост.-баш.											0.00	0.88
Сиб.-тат.												0.00

В кыпчакских языках представлен подскок башкирского языка и диалектов с татарским. Однако он снимается при комплексном сравнении с другими кыпчакскими языками, и оказывается, что наиболее близкими родственниками являются казахский, каракалпакский и ногайский языки, т.е. подгруппа Канглы.

СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ

Кирг.	Алт.	Хак.	Шор.	Чул.	Сюг.	Туба	Кмн.	Куу	Тув.	Тоф.	Як.
Кирг. 0.00	0.78	0.64	0.67	0.67	0.61	0.73	0.73	0.74	0.56	0.56	0.48
Алт.	0.00	0.69	0.73	0.59	0.61	0.85	0.79	0.81	0.65	0.63	0.48
Хак.		0.00	0.89	0.80	0.72	0.72	0.79	0.78	0.66	0.67	0.61
Шор.			0.00	0.81	0.72	0.83	0.82	0.87	0.67	0.68	0.58
Чул.				0.00	0.76	0.66	0.72	0.74	0.63	0.62	0.55
Сюг.					0.00	0.65	0.63	0.71	0.67	0.66	0.47
Туба						0.00	0.79	0.86	0.65	0.64	0.47
Кмн.							0.00	0.96	0.74	0.75	0.51
Куу								0.00	0.71	0.72	0.47
Тув.									0.00	0.95	0.57
Тоф.										0.00	0.57
Як.											0.00

Сибирские языки образуют довольно глубокую, но все же подгруппу внутри тюркских языков. Интересно отметить, что киргизский язык, несмотря на подскок с влиявшим на него казахским, входит в алтайско-киргизскую подгруппу, а сарыг-югурский при подскоке с уйгурским входит в хакасскую подгруппу. Якутский и тувинско-тофаларские языки являются особой ветвью внутри сибирских.

Общий вид распада пратюркской общности представлен в последней таблице. Вторая графа с чувашским материалом представляет уточненные данные. По общему вопроснику, актуальному для большинства языков, в том числе и для чувашского, имеется некоторый подскок, могущий вызвать неправильную интерпретацию с другими языками. Дело в том, что при составлении списка вопросов сознательно избегались те, которые значимы для пратюркского языка, но особые ответы на них представлены только в чувашском, а в остальных подгруппах заведомо отрицательный ответ. Корректировка внешних схождений с учетом этих вопросов показана в графе "Чув.2".

	Ог.	Крл.	Кып.	Сиб.	Чув.	Чув. 2
Ог.	0.00	0.47	0.46	0.38	0.39	0.38
Крл.		0.00	0.47	0.43	0.45	0.43
Кып.			0.00	0.37	0.44	0.43
Сиб.				0.00	0.35	0.33
Чув.					0.00	0.00

Список "непроходных" вопросов ниже:

1. Показатель Pl. в именах существительных.
2. Сохранение архаичной основы личного местоимения 1 Sg. **bi-* в Nom.
3. Переход **-ŕ- > -r-*.
4. Переход **-ĺ- > -l-*.
5. Особое развитие **-ťč-*.
6. Особое развитие дифтонгов **-i̯V-*.
7. Палатализация дентальных и аффрикат.
8. Развитие **-δ- > -j-* или *-z-*.
9. Чередование **-δ-* и **-t-* после сонантов в служебных аффиксах.
10. Посессив на **-sy*.
11. Сохранение конечных редуцированных гласных.
12. Отпадение конечных велярных и увулярных.
13. Развитие конечных носовых в *-m /-n*.
14. Развитие **-ŋ-* в *-m-* в особых контекстах.
15. Палатализация велярных и увулярных. Их переходы в спиранты.

Вид дерева распада уже становится ясным при анализе процентного схождения между языками. Для установления времени расхождения языков лучше всего использовать формулу, предложенную С.А.Старостиным (Старостин 1991), а не формулу М.Сводеша, так как первая на материале лексических схождений дает более точные цифры и вместо линейной (упрощенной) зависимости отражает динамику утери языком части своих значимых элементов. Формула имеет вид:

$$t = \sqrt{\frac{\ln(Nn(t)/No)}{-n\lambda \sqrt[n]{Nn(t)}}}$$

Для нашего списка No=83, а коэффициент λ не соответствует коэффициентам утери лексики из стословного стандартного списка, ведь историческая фонетика и морфология меняются значительно быстрее. Кроме того, данный список актуален лишь для тюркской семьи, а для другой языковой семьи нужен новый список, и совместная их калибровка априори невозможна. Однако можно найти выход из данной ситуации. Обращает на себя внимание одно и то же процентное расхождение внутри нескольких подгрупп. При процентном схождении 85% распадаются в кыпчакской подгруппе кумыкский и карачаево-балкарский языки, отделяется ногайский от казахско-каракалпакской общности, примерно в это же время (86%) выделяется мишарский из татарской общности, в карлукской подгруппе при 85% отделяется узбекский от уйгурского, в то же время в огузской подгруппе отделяется от общего азербайджанского ствола нухинский диалект, и в сибирской подгруппе разделяются алтайский язык и туба-"диалект" алтайского языка. Таких явных совпадений в датах распада (или выделения ветвей) больше не находится. Разумно предположить, что исторические события мирового масштаба привели к дроблению тюркских общностей в этот период. При обработке материала только два великих переселения народов и перекройки границ могут соответствовать данным схождениям в процентных отношениях. Это или эпоха монгольских завоеваний, или "второе монгольское нашествие" Тимура. Исходя из географического положения тюркских языков и исторических свидетельств, предпочтение отдается времени хана Тимура: он покорил казахстанские степи, а ногайцы, кочевавшие западнее, вплоть до Крыма, не попали под его влияние; Дагестан, включая кумыков, был под контролем Тимура, а области к западу от Эльбруса ему не подчинялись. В это же время обособляется диалект Нухинского автономного ханства от остальной азербайджанской общности. На востоке Тимуру остаются неподчиненными тюрки-уйгуры в Синьцзяне. Возможно, разделение северного туба-"диалекта" и южного алтайского языка также связано с доминированием на южном Алтае казахов, которые входили в государство Тимура. А после смут в Золотой Орде и Куликовской битвы часть татарского населения стала служить русским князьям. Взяв за основу 1380 г. можно вычислить коэффициент λ, он будет равняться 0.0215. При его использовании получается следующая картина распада (разумеется, колебания в рамках одного поколения населения допустимы), которая соотносится и с другими важными историческими событиями. Рассмотрим по подгруппам.

Рис. 1

ОГУЗСКИЕ ЯЗЫКИ

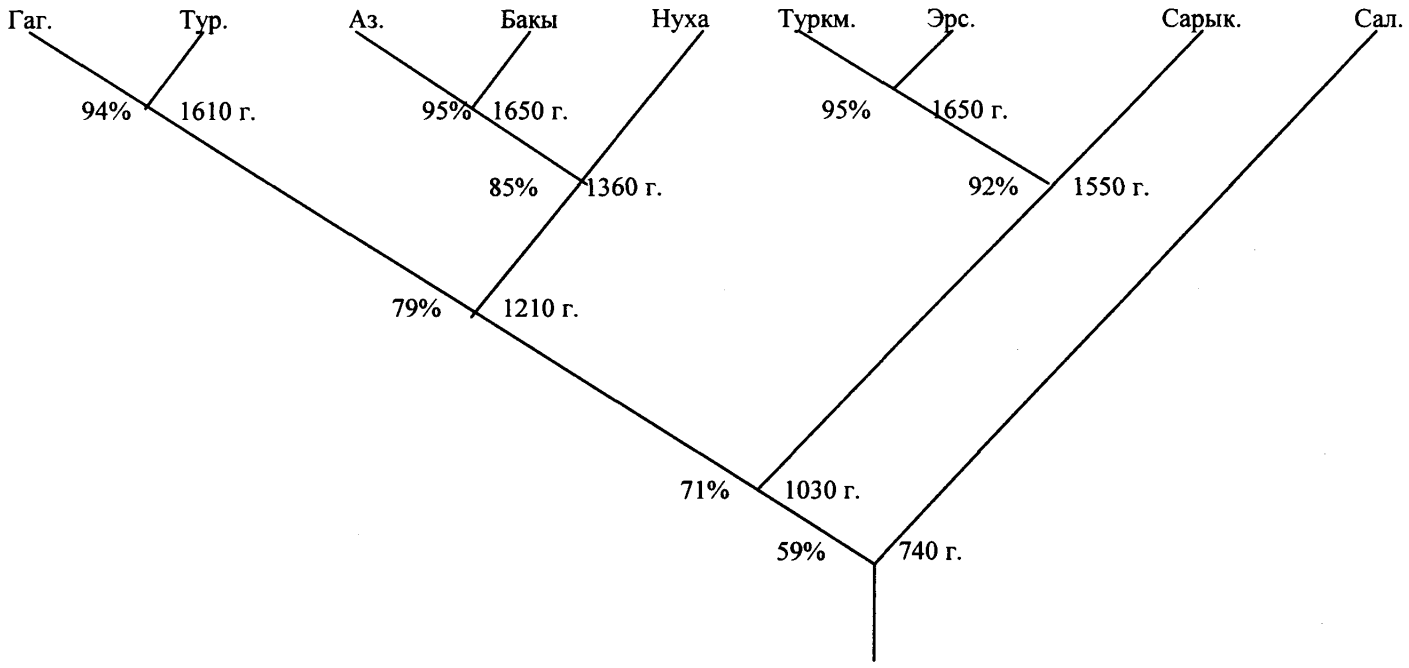

Рис. 2

КАРЛУКСКИЕ ЯЗЫКИ

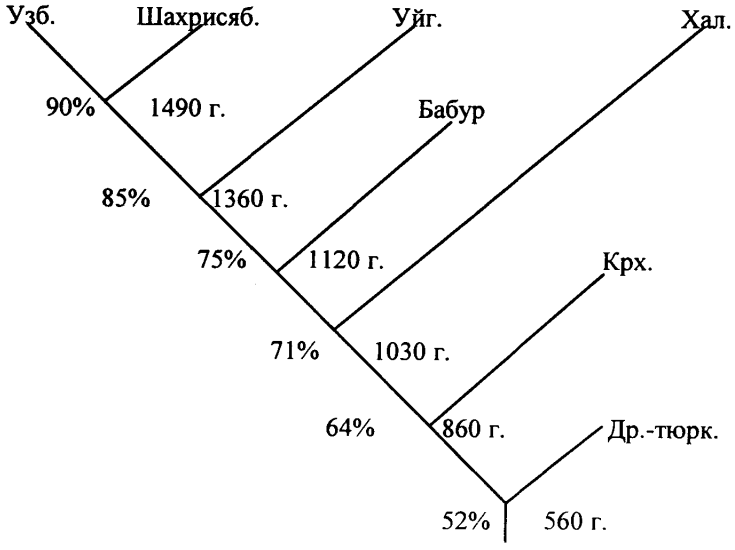

Рис. 3

КЫПЧАКСКИЕ ЯЗЫКИ

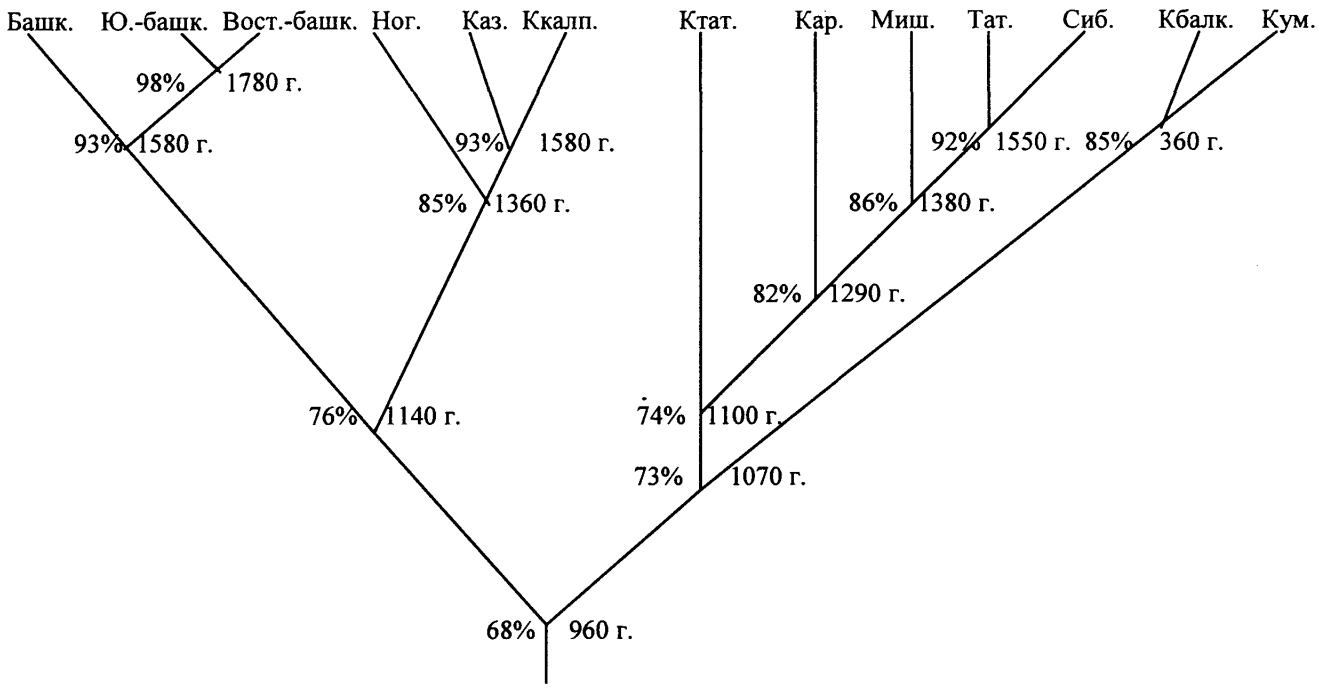

Рис. 4

СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ

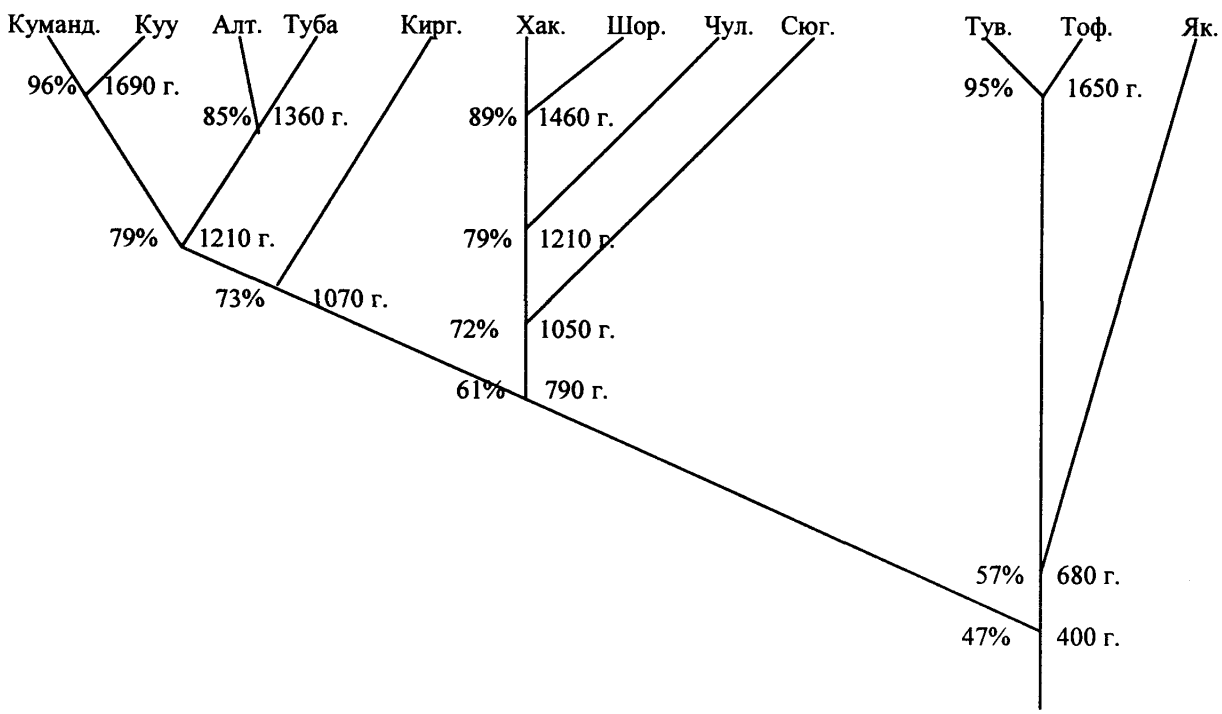
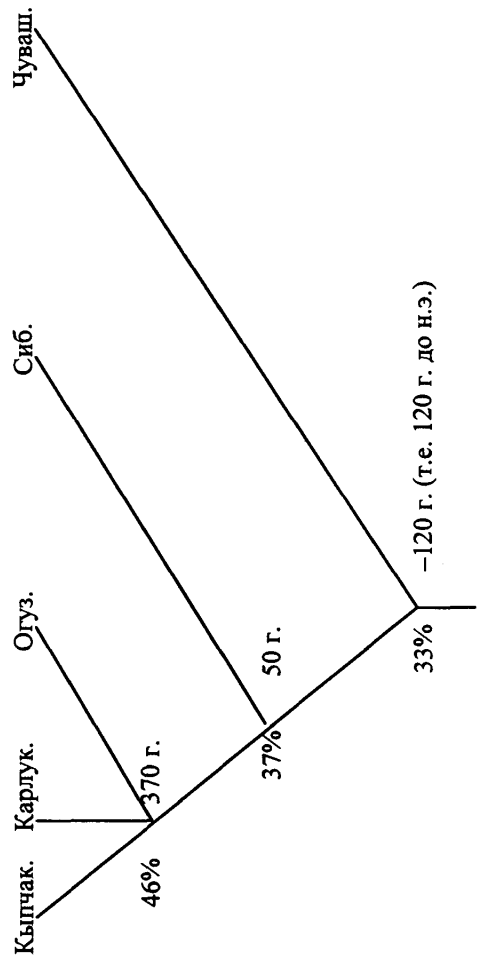

Рис. 5

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ

Огузская подгруппа (см. выше рис. 1)

Распад турецкого и гагаузского в начале XVII в. кажется связанным с мирным договором в Житва-торок (1606 г.) и последующим ослаблением Османского государства при Мюраде IV (бунт янычаров). В 1639 г. заключен мир с Персией, и граница между странами сохранялась вплоть до 1918 г. С этими временами связаны обособление бакинского диалекта и, похоже, эрсары. Отделение нухинского диалекта, как уже упоминалось, происходит во времена Тимура. Распад азербайджано-турецкой общности связан с транскавказским походом Субедея и подчинением монголам территорий Кавказа. В 1243 г. эмир румских сельджуков Осман 1 провозглашает себя султаном. В начале XI в. происходит крупнейшая миграция гузских племен на юг, гузские племена стали основателями сельджукской империи (1047 г.) и Иконийского султаната в Малой Азии (1071 г.). Часть гузов, кочевавшая в Приаралье и Нижнем Поволжье, мигрирует на территорию современной Туркмении. 40-е годы VIII в. — конец Второго тюркского каганата, часть огузских и уйгурских племен мигрирует на территорию провинции Ганьсу, где впоследствии появляются "уйгурские" государственные образования. После победы над каганатом большая часть возвращается к р. Орхон.

Карлукская подгруппа (см. выше рис. 2)

Распад узбекского и шахрисябского диалектов (южнее Самарканда) связан с победой хана Мохаммеда Шайбони, покорившего Бухару и Самарканд в 1499 г. Его войска выгнали Бабура за пределы Туркестана. Отделение уйгурского совпадает с эпохой Тимура (невключение старых караханидских территорий в состав государства). Появление языка Бабура (чагатайского) связано с победой над последним сельджукским правителем Санджаром у Катвана в 1141 г. (недалеко от Самарканда), в то время входившие в кара-китайское войско тюркские племена начали переселяться в Мавераннахр и к 1153 г. дошли вплоть до г. Мерва. Отделение халаджского языка (примерно 1030 г.) совпадает с массовой миграцией северных и южных гузов с территории северо-западного Казахстана и междуречья Аму- и Сырдарьи. Включенные в военно-политический союз халаджи пришли на территорию Ирана вместе с сельджуками, а после остались в изоляции от близкородственных племен. Контакты с предками азербайджанцев и автохтонным иранским населением продолжались. К середине IX в. начинается процесс мусульманизации Восточного Туркестана. Особое положение Кашгара — фактическая автономия — отмечена по китайским хроникам. Развитие этих событий является результатом крушения Уйгурского каганата и ослабления официальной манихейской религии, уже часть высокопоставленных чиновников Западнотюркского каганата принимает ислам и арабскую культурную традицию. Примерно 560 г. н.э. — это формирование Первого тюркского каганата, с последующей преемственностью дина-

стической и языковой (судя по письменности) традиций преемниками во Втором тюркском каганате. Разработка орфографии, представленной в памятниках Второго тюркского каганата, не могла быть сделана в течение одного-двух десятилетий (тем более наблюдалось активное влияние арамейской по основе согдийской письменности).

Кыпчакские языки (см. выше рис. 3)

Распад южного и восточного диалектов башкирского языка около 1780 г. совпадает с восстанием Е.Пугачева и последующей ликвидацией Яицкого казачьего войска с передачей части территорий в сопредельные губернии. Башкирский западный, легший в основу литературного, отделяется около 1580 г., как и распад казахского и каракалпакского языков, что является после уничтожения Астраханского ханства результатом распада объединения, известного как Ногайская орда. Разделение поволжского и сибирского татарских языков происходит после взятия Казанского ханства Иваном Грозным. Отделение мишарского от общетатарского ствола — после Куликовской битвы (1380 г.) и распада Золотой Орды. Выделение ногайского из подгруппы канглы и распад кавказской тюркской общности кумыкского и карачаево-балкарского языков совпадает с экспансией Тимура. Распад Киевской Руси после монгольского нашествия на несколько образований и переход части служилых тюркских племен на службу Галицко-Волынскому, впоследствии Литовскому княжеству и Польше может коррелировать со временем выделения караимского языка. Надо отметить, что расположение караимских диалектов связано со столицами — окрестности Галича, окрестности Тракая (первой столицы Литвы) и район Кракова. Явно это были поселенцы, мужское население которых служило в княжеской или королевской гвардиях. Принятие иудаизма, наверное, связано еще с хазарскими временами в Крыму (Тьмутаракань), но интересно, что часть тюркского крымского населения примерно в это же время принимает христианство и в 1303 г. был написан Кодекс Куманикус, язык которого ближе к караимскому. К 1050 г. происходит окончательное разрушение Хазарского каганата, в результате чего разделяются кыпчакско-кавказская ветвь и кыпчакско-татарская. В начале второго тысячелетия наблюдается вытеснение печенежских (огузских?) племен половцами, или куманами, в 1105 г. хан Боняк разбивает союзников Руси берендеев и торков, в результате чего половцы начинают контролировать степи вплоть до Днестра и, разумеется, Крым. В это время появляются стилистически по-особому изготовленные каменные бабы, а реально начинается обособление крымскотатарского языка (не путать огузские и ногайские диалекты). Примерно в то же время, немного позже, отделяется башкирская ветвь от предков казахского, каракалпакского и ногайского и попадает под контактное влияние с "татарской" подгруппой кыпчакских языков. Распад кыпчакских языков напрямую связан со вторжением караханидов в восточный Туркестан (992 г.) и миграцией населения в степи Казахстана с вытеснением огузского элемента, в эти времена контролировавшего западный участок Великой Степи.

Сибирские языки (см. выше рис. 4)

Распад куманды и куу-кижи произошел, по-видимому, во времена князя Иренека, который в 1682 г. посылает третье письмо на имя воеводы с перечислением народов, которые принимают русское подданство. Фактическое отделение тувинского от тофаларского связано с миграцией части родов из северо-восточной Тувы через хребет и утратой влияния монгольских наместников на так называемых ясачных людей. В это время шли периодические войны между джунгарами, халха-монголами и казахами. А с основания в 1628 г. Красноярского острога в качестве доминирующей силы присутствует Россия. Распад хакасского и шорского происходит после падения империи монголов и возникновения мелких полунезависимых улусов на данной территории. Распад северного туба-диалекта и алтайского языка связан как с уничтожением династии Юань, так и с экспансией Тимура. Обращает на себя внимание совпадение даты распада алтайских языков и диалектов, а также отделения чулымского языка. По источникам мы знаем время покорения "лесных племен" Джучиханом — это 1207 г. Часть племен приняла монгольское подданство, а другая часть (чулымцы) ушла подальше от завоевателей. Выделение киргизского и одновременное отделение сарыюгурского связано, во-первых, с распадом киргизского каганата (936 г.), во-вторых, с миграцией кыпчаков на западные территории, миграцией огузов из казахстанских степей на юг и т.д. Известен рейд кимаков в середине X в., с последующим поселением части прибывших племен в районе Иссык-Куля. По китайским источникам, в 1037 г. одно из уйгурских государств попадает под юрисдикцию тангутов на территории Ганьсу. Кажется вполне объяснимым общий поход части племен киргизского каганата на юг и вызванные этим походом миграции сначала кыпчаков, а потом огузов. Распад "хакасской" и "алтайской" общностей связан с переломной эпохой в истории Уйгурского каганата — временем мятежей и смут. Отделение якутского от тувинской ветви совпадает со становлением Второго тюркского каганата. Тюркская по происхождению династия Северная Вэй (386 г.), к 439 г. объединившая весь Северный Китай, видимо, способствовала распаду сибирской общности: часть территорий контролировались ею, а другая часть территорий была свободна от верховной власти.

Распад огузской, карлукской и кыпчакской общностей происходит во времена, названные китайскими историографами "Шестнадцать государств, пять племен" (304–439 гг.). Подчинение империей Хань в 90-х годах гуннов западного Притяньшанья соответствует обособлению сибирской подгруппы. Отделение булгарской подгруппы связано с Лаошаном, наследником Маодуня, одержавшим победу над юэчжи и вытеснившим их на территорию Средней Азии (см. выше рис. 5).

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАБОТ, ССЫЛКИ НА КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ В ТЕКСТЕ МОНОГРАФИИ

Абд.Чис. — *Абдрахманов М.А., Чиспияков Э.Ф.* Территориальные различия в фонетике и лексике шорского языка (на материале полевых записей). Материалы к предстоящей VII Научной конференции Новокузнецкого педагогического института. Новокузнецк, 1967.

Абу-Х — *Ahmet Caferoğlu.* Abû-Hayyân. Kitâb al-İdrâk li-lisân al-Atrâk. İstanbul, 1931.

Абушка — *Вельяминов-Зернов В.В.* Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

Амз.Шор. — *Амзоров М.П.* Грамматика шорского языка. Новокузнецк, 1992.

АРС — Азербайджанско-русский словарь: В 4 т. Баку 1986. Т. 1*.

Баб.Дон.Шор. — *Бабушкин Г.Ф., Донидзе Г.И.* Шорский язык // ЯН СССР 1966.

Бабур — материал "Бабур-наме".

Бир.Чул. — *Бирюкович Р.М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.

Бир.Чул. I, II — *Бирюкович Р.М.* Морфология чулымско-тюркского языка. М., 1979. Ч. I; Саратов, 1981. Ч. II.

Бир.Чул. 1997 — *Бирюкович Р.М.* Чулымско-тюркский язык // ЯМ ТЯ 1997.

БК — памятник Бильге-кагану.

Восточный Туркестан 1992 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос. Языки. Религии. М., 1992.

Грам. аз. — Грамматика азербайджанского языка. Фонетика, морфология и синтаксис. Баку, 1971.

Грам. тув. — *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961.

ГТ (Грам. туркм.) — Грамматика туркменского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970.

ГХЯ — Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1975.

Джураев 1985 — *Уринбоев Б., Жураев Х.* Ўзбек тили турк калатой шевасининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1985.

Дм.Исх. — *Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г.* Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.

Дмитриев ДГТ — *Дмитриев Н.К.* Долгие гласные в туркменском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика. М., 1955.

Дмитр. — *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.

Дон.Хак. — *Донидзе Г.И.* Хакасский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Дон.Шор. — *Донидзе Г.И.* Шорский язык // ЯМ ТЯ 1997.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дульз.Чул. — *Дульзон А.П.* Шорский язык // ЯН СССР 1966.

ДФП — *Патачакова Д.Ф.* Качинский диалект хакасского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1965.

ДХЯ — Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

ДХЯ Борг. — *Боргояков М.И.* Бельтирский говор сагайского диалекта // ДХЯ.

ДХЯ Меж. — *Межекова Н.Н.* Шорский диалект // ДХЯ.

ДХЯ Пат. I — *Патачакова Д.Ф.* Качинский диалект // ДХЯ.

ДХЯ Пат. II — *Патачакова Д.Ф.* Сагайский диалект // ДХЯ.

Дыр.Хак. — *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан, 1948.

Дыр.Шор. — *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.

Е — Енисейские памятники — надписи орхоно-енисейским письмом.

Изидинова КТЯ — *Изидинова С.Р.* Крымскотатарский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Илл.-Св. 1963 — *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // Вопросы языкознания. 1963. № 6.

Илл.-Св. ОСНЯ — *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М., 1971; Т. II. М., 1976; Т. III. М., 1984.

Исх., Пальм. — *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961.

КА — *Курнешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я.* Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.

Карпов Хак. — *Карпов В.Г.* Хакасский язык // ЯН СССР 1966.

Кат. — *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.

КБ (б., м.) — материал рукописи "Кутадгу Билиг" (большая надпись, малая надпись). См. EDT.

КТ — памятник в честь Кюль-Тегина.

Левит.Фон. — *Левитская Л.С.* Пратюркский вокализм // СИГТЯ 1984.

Мал. (Мал.ПДП) — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Мал.ПМК — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Мал.УНС — *Малов С.Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. М. 1961.

МИБ — *Боргояков М.И.* Источники и история изучения хакасского язы-

* На обложке двойное название: Азербайджанско-русский словарь в 4 томах, том 1. Баку, 1986/ Азәрбајҹанча-русча луғәт 4 чилдде. 1 чилд. Бакы, 1986.

ка. Абакан, 1981.

МК — Словарь Махмуда Кашгарского (*Маҳмуд Кошғарий.* Девону луғотит турк. I–III. Тошкент, 1960–1963).

Муган — Азәрбајҹан дилинин Муган групу шивәләри. Бакы, 1955.

МЧ — памятник Моюн-Чуру ("Селенгинский камень").

ННМ — *Межекова Н.Н.* Описание шорского диалекта хакасского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Оа – надпись из четырех строк на боковой грани Онгинского памятника.

Очерки — *Бердиев Р., Күренов С., Шамырадов К., Аразкулыев С.* Түркмен дилиниң диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970.

Пат. — *Патачакова Д.Ф.* Формирование признаков диалектного членения хакасского языка (на материале фонетики) // СТ. 1974, №4.

Поцелуевский БЯ — *Поцелуевский Е.А.* Боджнурди язык // ЯМ ТЯ 1997.

Поцелуевский СЯ — *Поцелуевский Е.А.* Сонкорско-тюркский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Поцелуевский ХЯ — *Поцелуевский Е.А.* Хорасано-тюркский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Радл. — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. СПб., 1899–1911.

Ряс. (Ряс. Мат.) — *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика, М. 1984; Морфология. 1988; Лексика. 1997.

Система 1960 — *Талипов Т.* Система гласных в современном уйгурском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1960.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. I–II.

Строй 1989 — Строй уйгурского языка / Отв. ред. Г.С. Садвакасов. Алма-Ата: Наука, 1989.

ТДОС — Түркмен дилиниң орфоэпик сөзлүги. Ашгабат, 1978.

ТДП — *Амансарыев Ж., Атамәдов Н., Мухыев Х.* Түркмен диалектологиясындан практикум. Түркмен дөвлет университети. Ашгабат, 1973.

Тенишев ССЯ — *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М., 1976.

Тенишев СЯ — *Тенишев Э.Р.* Саларский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Тен.Сюг. — *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.

Тен.Ф.-кирг. — *Тенишев Э.Р.* Фуюйских кыргызов язык // ЯМ ТЯ 1997.

Тефс. — *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII веков. М., 1963.

Тон. — памятник Тоньюкуку.

ТОЎШ 1976 — Тошкент области ўзбек шевалари. Тошкент, 1976.

ЎзДМ I, II — Ўзбек диалектологиясидан материаллар. I. Тошкент, 1957; II. 1961.

ЎзХШМорф. — Ўзбек халқ шевалари морфологияси / Отв. ред. Ш.Ш.Шоабдураҳмонов. Тошкент, 1984.

Уйгурский 1963 — Современный уйгурский язык. Ч.1. Лексика и фонетика. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.

ЎТ 1969 — Ўзбек тили грамматикаси. Тошкент: Фан, 1969.

Функц. грам. — Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Х.-р. словарь — Хакасско-русский словарь / Сост. Н.А.Баскаков и А.И.Инкижекова-Грекул; под ред. Н.А.Баскакова. М., 1953.

Щерб. — см. Щербак СФ.

Щербак Имя — *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.

Щербак СФ — *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак Ю.-Хор. — *Щербак А.М.* Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении // Ўз.ДМ II.

ЭСТЯ – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–1980. Т. I–III; [*Севортян Э.В., Левитская Л.С.*] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й". М., 1989; [*Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.*] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "К", "Қ". М., 1997; [*Левитская Л.С., Дыбо А.В., Рассадин В.И.*] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Қ". М., 2000.

ЮҚШ — *Жўраев Б.* Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969.

Я.Гул.Т. — *Гулямов Я.Г.* Грамматика ташкентского говора. Ч. I. Морфология. Ташкент, 1968.

ЯМ ТЯ 1997 — Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997.

ЯН СССР 1966 — Языки народов СССР. Т. II: Тюркские языки. М.: Наука, 1966.

Caferoglu — *Caferoglu A.* Die anatolischen und rumelischen Dialekte // Fund.

Caf.-Doerf. — *Caferoglu A., Doerfer G.* Das Aserbeidschanische // Fund.

Cl. EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Con.Cl. I — Ẓahīr al-Dīn Muḥammad Bābur. Bābur-nāma. Concordance and classified indexes by Eiji Mano. Kyoto, 1996.

Dankoff–Kelly — *Dankoff R., Kelly J.* Compendium of the turkic dialects. I–III. Harward, 1982–1985.

DD — Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi. Istanbul, 1939–1952. I–VI.

Dm. WZdKM — *Dmitrijev N.K.* Zur azerbajdschanischen Dialektforschung // WZdKM. 1932. Bd. XXXVIII.

Doerfer Gag. — *Doerfer G.* Das Gagausische // Fund.

Doerfer Kr. — *Doerfer G.* Das Krimosmanische // Fund.

Doerf. Gr. Ch. — *Doerfer G.* Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden, 1988.

EDT = Cl. EDT.

Fund. — Philologiae turcicae fundamenta. Wiesbaden, 1959.

Gab. AG — *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Leipzig, 1950.

HG — *Hu Zhen-hua, Guy Imart.* Fu-Yü GïrGïs: A tentative description of the easternmost Turkic language. Bloomington, Indiana, 1987 // Papers on Inner Asia, № 8.

IB = Irk Bitig — см. Мал.

IM – Battal Aptullah Ibnü Mühenna lûgati. Istanbul. 1934 (также: Cl. EDT).

Jarr. — *Jarring G.* An Eastern Turki-English dialect dictionary. Lund., 1964.

Johanson WL — *Johanson L.* Die westoghusische Labialharmonie // OS. Vol. 27. Uppsala.

MA — *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. Ч.I–II // Труды Ин-та востоковедения. XIV. М.; Л., 1938.

Mansuroglu — *Mansuroğlu M.* Das Altosmanische // Fund.

Olcay Erzurum – *Olcay S.* Erzurum Ağzı. İnceleme — Derleme — Sözlük. Ankara, 1995.

Olcay Dogu Trakia – *Olcay S.* Doğu Trakya Yerli Ağzı. İnceleme – Derleme – Dizin. Ankara, 1995.

Pav.C. — *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. Paris, MDCCCXX.

QB — материал рукописи "Кутадгу Билиг". См. ДТС.

Räs. VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Suv. — Suvarṇaprabhāsa. "Сутра Золотого Блеска". См. ДТС.

ThS — рукописный фрагмент орхоно-енисейским письмом ("Гадательная книга"), впервые опубликован В. Томсеном (Thomsen V.).

TT — *Bang W.* und *Gaben A. von.* Türkische Turfan-Texte. I // SPAW. 1929. XV; II // SPAW. 1929. XXII; III // SPAW. 1930. XIII; IV // SPAW. 1930, XXIV; V // SPAW. 1931. XIV; VI // SPAW. 1934. X.

TT VIII — *Gaben A. von, Rachmati R.* Türkische Turfan-Texte. VIII. Berlin, 1954.

Türk. Gram. – Türkmen Diliniñ Grammatıkasy. Morfologya. Aşgabat, 1999.

Zaj.St. — *Zajączkowski A.* Studija nad językiem staroosmańskim. I (Kalila i Dimna). Kraków, 1934. II (Koran). Kraków, 1937.

VEWT — см. Räs. VEWT.

НАУЧНАЯ ПЕРИОДИКА

ВЯ — Вопросы языкознания.

Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982.

СТ — Советская тюркология.

AO — Archiv orientálni. Journal of the Chechoslovak oriental institute. Prague.

AO Havn. — Acta Orientalia ediderunt Societate Orientales Danica — Norvegica Svecic (Le mondee oriental). Havniae.

AO Hung. — Acta Orientalia Hungarica. Budapest.

EI — Enciclopédy de l'islam. Leide — Paris.

JA — Journal asiatuque. Paris.

OS — Orientalia Snecana. Stokholm.

PAU — Polska Akademia Umiejętnśći.

RO — Rocznik orientalistyczny. Lwów, Kraków, Warszawa.

SPAW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Heidelberg. Heidelberg.

UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher. Weisbaden.

WZdKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.

Примечание: при ссылках на работы, список которых следует ниже, в тексте указывается фамилия автора и год издания работы, а также (в случае совпадения года издания у нескольких работ одного автора) даются окказиональные уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Ф.А. К вопросу об оканье в узбекском языке // ЎзДМ I.

Абдуллаев Ф.А. Ўзбек тилининг Хоразм шевалари. I. Тошкент, 1961.

Абдуллаев Ф.А. Ўзбек тилининг ўғуз лаҳжаси. Тошкент, 1978.

Абдурахманов Г.А. Караханидско-уйгурский язык // ЯМ ТМ 1997.

Агаев П.Д. Карабахский диалект азербайджанского языка (Говоры Агдамского района): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

Аганина Л.А. Уйгурские диалекты Казахской ССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Азизбеков Х.А. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965.

Азизов Э.И. Гармония гласных в диалектах и говорах азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1974.

Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.

Алиев А.Ю. Уйчи шеваси // ЎзДМ II.

Амансарыев Ж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашгабат, 1954.

Амансарыев Ж. Түркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970.

Амансарыев Ж., Атамәдов Н., Мухыев Х. Түркмен диалектологиясындан практикум. Түркмен дөвлет университети. Ашгабат, 1973.

Андреев И.А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961.

Аннануров А., Бердиев Р., Дурдыев Н., Шамырадов К. Түркмен дилиниң әрсары диалекти. Ашгабат, 1972.

Арагачи З.Б. Дополнительные сведения по тоджинскому диалекту // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 9. Кызыл, 1961.

Арагачи (Чадамба) З.Б. Тес-Хемский говор // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 11. Кызыл, 1964.

Арагачи (Чадамба) З.Б. Тоджинский диалект // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 8. Кызыл, 1960.

Аразкулиев С. Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1962.

Арсланов Л.Ш. Алабугатских татар (ногайцев) язык // ЯМ ТЯ 1997.

Асаналиев У. Лобнор тилинин грамматикалык кыскача очерки. Фрунзе, 1964.

Арцыбашева Т.И. О некоторых особенностях диалекта Тоджи // Языки зарубежного Востока. № 1. Вып. 19. М., 1935.

Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1959.

Атамедов Н. Манышский говор анауского диалекта туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965.

Атамәдов Н. Түркмен дилиниң әнев диалектиниң Маныш геплешигинде атлар категориясы // Уч. зап. ТГУ. Вып. XXIX. Ашгабат, 1964.

Атамирзаева С. Экспериментально-фонетическое исследование наманганского говора узбекского языка. Ташкент, 1974.

Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: Фонетика и лексика. М.: Наука, 1978.

Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

Ашмарин Н.И. Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи. Баку, 1926.

Ашури Ясин. Исследование по консонантизму древнеуйгурского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Бабушкин Г.Ф. Предварительные данные по западному диалекту тувинского языка // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 8. Кызыл, 1960.

Бабушкин Г.Ф. Материалы по монгун-тайгинскому говору // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 9. Кызыл, 1961.

Байлыев С. Категория склонения в письменных памятниках туркменского языка. Ашхабад, 1990.

Байрамдурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965.

Байчура У.Ш. Некоторые вопросы фонетики тувинского языка по экспериментальным данным // Уч. зап. Казанского госун-та. Т.117, вып. 9. Казань, 1957.

Баскаков Н.А. Очерк грамматики уйгурского языка // Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. II. Фонетика и морфология. М., 1952.

Баскаков Н.А. Уйгурский вокализм // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. I. Фонетика. М., 1955.

Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972.

Баскаков Н.А. Язык прииссыккульских уйгуров. Алма-Ата, 1978.

Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1984.

Бердиев Р. Түркмен дилиниң диалектлеринде ве геплешиклеринде ишликлер. Ашгабат, 1988.

Бехбудов С.М. Зангеланский говор азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.

Бизаков С.Б. Фонетические варианты слов в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.

Бичелдей К.А. Назализованные гласные современного тувинского языка // Исследование звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1979.

Бичелдей К.А. Вокализм современного тувинского языка (Экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985.

Бичелдей К.А. Фарингализация в тувинском языке. (Происхождение, артикуляция и акустика, функционирование, список фарингализованных ос-

нов). Кызыл, 1999 (2-е изд., М., 2001).

Бичелдей К.А. Звуковой строй диалектов тувинского языка. М., 2001.

Бичелдей К.А. Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2001.

Благова Г.Ф. О характере так называемого чагатайского языка конца XV в. // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М.: Наука, 1960.

Благова Г.Ф. К вопросу о подлинности текста "Бабур-наме" по Керовскому списку // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. Вып. XLIV. М., 1961.

Благова Г.Ф. Имена действия в тюркских языках среднеазиатского ареала: Опыт ареально-типологического сравнительного исследования // Тюркологические исследования. М., 1976.

Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М.,1982.

Благова Г.Ф. О структурно-морфологической реконструкции тюркских личных местоимений (1-е и 2-е лицо) // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1988.

Благова Г.Ф. "Бабур-наме": Язык, прагматика текста, стиль. М., 1994.

Болд Л. Особенности уйгуро-урянхайского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Улан-Батор, 1978.

Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. СПб., 2000.

Боровков А.К. К характеристике умлаутных, или уйгуризованных, говоров // Белек [С.Е. Малову]. Фрунзе, 1946.

Боровков А.К. Лексика среднеазиатского Тефсира XII–XIII вв. М., 1963.

Боровкова Т.А. Грамматический очерк языка "Дивану лугат-ит-турк" Махмуда Кашгари: Дис. … канд. филол. наук. Л., 1966.

Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. Вып. 2. Казань, 1962.

Векилов А.П. Турецкая диалектология. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. Ч. I.

Вернер Г.К. Проблема происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках // Советская тюркология. 1972, № 5.

Гаджиев Т.И. Джебраильский говор азербайджанского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Баку, 1962.

Гаджиева Н.З. Азербайджанский язык // ЯН СССР 1966.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики: Среднеазиатский ареал. М.: Наука, 1975.

Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.

Гамзаев Т.Б. Ордубадский диалект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1960.

Гамкрелидзе Т.В. Соотношение смычных и фрикативных в фонологической системе. М., 1974.

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979 а.

Гарипов Т.М. Фонемика урало-поволжских языков (с приложенными структурно-стереометрическими таблицами). Уфа, 1979 б.

Гаркавец О. Урумы Надазовья. Алма-Ата, 1999.

Гафурова Н.С. Ниязбашский говор узбекского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ташкент, 1962.

Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.

Грунина Э.А. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII–XVI вв. // Вопросы тюркской филологии. М., 1966.

Грунина Э.А. Форма времени на *-a/-e* по памятникам турецкого языка // Тюркологический сборник. М., 1966.

Грунина Э.А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении): Автореф. дис. …д-ра филол. наук. М., 1975.

Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка. М.: Изд-во МГУ, 1991.

Грунина Э.А. К истории тюркской претемпоральной системы // Symbolae Turcologicae / Stockholm Swedish research Institute in Istanbul. 1996.

Грунина Э.А. Об одной архаичной форме глагольной системы турецкого языка // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. М., 1999.

Гузев В.Г. Староосманский язык. М., 1979.

Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. Л., 1990.

Гулямов Х. Джизакский говор узбекского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ташкент, 1954.

Гулямов Я.Г. Грамматика ташкентского говора. Ташкент, 1965.

Гунчева Е. Описание гагаузского говора села Раковски, Толбухинского округа // Балканско езикознание. XXI, 3. София, 1978.

Гусейнов А.А. Говоры Варташенского района: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Данияров Х.Д. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. На материалах Самаркандской и Джизакской областей. Ташкент, 1975.

Делгер-оол А.К. О тере-хольском говоре // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл, 1993.

Джафарзаде М.М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Баку, 1969.

Джафарли А. Казахский диалект азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1962.

Джафаров И.Г. Говоры Таузского района: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1954.

Джунисбеков А. Просодика слова в казахском языке. Алма-Ата, 1987.

Джунисбеков А. Строй казахского языка. Фонетика. Алма-Ата: Гылым, 1991.

Джураев А.Б. Морфология узбекских говоров Верхней Кашкадарьи в ареальном освещении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1986.

Джураев А.Б. Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. Ташкент, 1991.

Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка. Фонетико-морфологический очерк. Ташкент, 1964.

Джусупакматов У. Отношение киргизского языка к сибирским тюркским языкам. Фрунзе, 1983.

Дмитриев Н.К. Материалы по османской диалектологии. Фонетика "карамалицкого" языка, I–II // Зап. коллегии востоковедов. 1928. III, № 2.

Дмитриев Н.К. Служебные имена в турецком языке // Советское языкознание. Т. III, 1937.

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М., 1940.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., 1948.

Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962.

Дониёров Х.Д. Эски ўзбек тили ва қипчоқ диалектлари. Тошкент, 1972.

Доржу М.Д. Бай-тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1997.

Доржу Ч.М. Исторические связи современного тувинского и древнеуйгурского языков в области фонетики // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Досмұхамедұлы Халел. Қазақ-қырғыз тіліндегі сингармонизм заңы. Ташкент, 1924. Новая публикация этой статьи в его книге "Аламан" (Алматы, 1991).

Дульзон А.П. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернаций // Советская тюркология. 1973, № 5.

Дыйканов К. Кыргыз тилинин фонетикасы менен лексикасы. Фрунзе, 1989.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.

Егоров Н.И. Историческое развитие общетюркского *а* первого слога в булгаро-чувашском языке // Вопросы фонетики, грамматики и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1983; [Продолжение] // Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары, 1985; [Окончание] // Вопросы чувашской фонетики и морфологии. Чебоксары, 1986.

Егоров Н.И. Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII–XIV веках // Булгар и чуваши. Чебоксары, 1984.

Жўраев Б. Юкори Кашкадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969.

Зейналов Ф.Р. Служебные части речи в современных тюркских языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1966.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979.

Зуфаров С. Сайрамский говор узбекского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ташкент, 1966.

Ибрагимов Б. Говоры района Маразы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Баку, 1949.

Иброҳимов С. Ўзбек тилининг Андижон шеваси: Фонетика ва морфология. Тошкент, 1967.

Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, № 6.

Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные: **k, *k, *g* // Этимология–1964. М., 1965.

Ильминский Н. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка // Уч. зап. Казанского ун-та. 1861. Кн. III.

Искаков А. Наречие в современном казахском языке. Алма-Ата, 1950.

Исламов М.И. Нухинский диалект: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Баку, 1961.

Исламов М.И. Азәрбајҹан дилинин Нуха диалекти. Бакы, 1968.

Исхаков Ф.Г. Тувинский язык. Материалы для научной грамматики. Очерк по фонетике. М.; Л., 1957.

Кайдаров А.Т. Уйгурский (новоуйгурский) язык // ЯН СССР 1966.

Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969.

Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 1959 а.

Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка: Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования. М., 1959 б.

Коклянова А.А. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963.

Кокорин В.Н. Вокализм в языке чалканцев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1962.

Кондратьев В.Н. Вводный фонетический курс турецкого языка. Л., 1976.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.

Кононов А.Н., Нигматов Х.Г. Махмуд Кашгарский о тюркских языках // История лингвистических учений: средневековый Восток. Л., 1981.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.

Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.

Кормушин И.В. Праязык: ближняя и дальняя реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.

Кормушин И.В. Категория времени // СИГТЯ 1988.

Кормушин И.В. Проблемы реконструкции пратюркского глагола: Темпоральная система, ее истоки и преобразования. М., 1991.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М., 1997.

Кормушин И.В. Орхоно-енисейских надписей язык // ЯМ ТЯ 1997.

Крылов С.А. Морфемика и морфонология современного халха-монгольского языка. М., 2002.

Кудратов Т. Переходные говоры узбекского языка: На материале говоров ... Кашкадарьинской области: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ташкент, 1968.

Кульманов Г. Геокленский диалект туркменского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.

Кунаа А.Ч. Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл, 1957.

Кунаа А.Ч. Звуковой состав тес-хемского говора тувинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1958.

Кунаа А.Ч. О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл, 1973.

Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.

Максютова Н. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996.

Малов С.Е. К изучению турецких абаканских наречий // Зап. коллегии востоковедов. Л., 1926. Т. 3.

Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие: Тексты, переводы, словарь. М.-Л., 1954.

Малов С.Е. Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956.

Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна: Тексты, переводы, словарь. М., 1961.

Маматов А. Андижанский говор узбекского языка: Фонетико-морфологические особенности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ташкент, 1967.

Мамедов И. Карягинские говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1958.

Мандрова Н.А. Консонантизм в языке чалканцев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1982.

Маннай-оол М.Х. К вопросу о тюркизации населения Тувы // Проблемы современной тюркологии. Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980.

Мартан-оол М.Б. Особенности речи населения Барун-Хемчикского района // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. Кызыл, 1977.

Мартан-оол М.Б. Фонетические особенности тувинского языка в ареальном освещении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1986.

Махмутова Л.Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962.

Машаков Х.А. Човдурский диалект туркменского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ашхабад, 1949.

Менглиева Г. Сакарский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1964.

Мирзаев М.М. Бухарская группа говоров узбекского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ташкент, 1965.

Мирзаев М.М. Ўзбек тилининг Бухоро группа шевалари. Тошкент, 1969.

Моллаев А.А. Фонетика кумыкского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1967.

Моллова М. Восточнородопский турецкий диалект (фонология) и его отношение к другим тюркским языкам и диалектам огузской группы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1974.

Монгуш Д.А. Закономерности сочетаемости согласных в тувинском языке // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. X. Кызыл, 1963.

Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Монгуш М.В. Тувинцы в Китае: Проблемы истории языка и культуры // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Сер. истор. Вып. XVIII. Кызыл, 1995.

Монгуш М.В. Тувинцы в Китае: Историко-этнографический очерк. Кызыл, 1997.

Мудрак О.А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.

Мудрак О.А. Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

Муратов С.Н. Урумский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Мухыев Х. Түркмен дилиниң нохур диалекти: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашгабат, 1959.

Наделяев В.М. Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969.

Наделяев В.М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1987.

Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. М.: Наука, 1960.

[*Наджип Э.Н.*] Уйгурско-русский словарь / Сост. Э.Н.Наджип. М., 1968.

Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.

Напольнова Е.М. История турецкого литературного языка XIII–XIV вв. (начальный период): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1995.

Нартыев Н. Түркмен дилиниң сарык диалекти / Чәрҗев дөвлет педагогик институты. Чәрҗев, 1959.

Нартыев Н. Түркмен диалектологиясының эсаслары. Чәрҗев, 1994.

Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. М.: Изд-во МИВ, 1940.

Насилов В.М. Учебник уйгурского языка. М.: Изд-во МИВ, 1949.

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.

Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М., 1974.

Насилов Д.М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Насилов Д.М. Прошедшее время на *-jük/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках // Тюркологический сборник. М., 1966.

Насилов Д.М. Тюрк. *-a-* как показатель способа действия на фоне других алтайских языков // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989.

Насилов Д.М. К характеристике языковой ситуации в Уйгурском государстве в IX–XIII вв. // Вестник шелкового пути: Вопросы тюркской филологии. Вып. II. М., 1993.

Насилов Д.М. Значение эвиденциальности в узбекском языке // Res linguistica. М., 1999.

Насыров Ш. Кокандский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.

Нигматов Х.Г. Функциональная морфология тюркоязычных памятников XI–XIII вв. Ташкент, 1989.

Омарбеков С. География фонетических различий казахской речи. Алма-Ата, 1992.

Омарбеков С., Жүнісов Н. Ауызекі тіліміздегі дыбыс жүйесі. Алматы, 1985.

Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М., 2001.

Пальмбах А.А. О классификационных признаках территориальных диалектов тувинского языка // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968.

Пальмбах А.А., Исхаков Ф.Г. Придыхательные и непридыхательные согласные в тувинском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. Фонетика. М., 1955.

Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Покровская Л. Рец. на: Джангидзе В.Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965. // Восточная филология. III. 1973.

Покровская Л.А. Балканских тюрков языки // ЯМ ТЯ 1997.

Поливанов Е.Д. Введение в изучение узбекского языка. Ташкент, 1925.

Поппе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // Изв. АН. 1924. Т. 18, № 12–18; 1925. Т. 19, № 1–5, № 9–11.

Поцелуевский А.П. К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1948.

Поцелуевский А.П. Избранные труды. Ашхабад: Ылым, 1975.

Рагимов М. Формы выражения настоящих и будущих времен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV–XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1957.

Рагимов М. Азәрбајҹан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Бакы, 1965.

Раджабов Н. Карнабский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1958.

Ражабов Н. Ўзбек диалектологиясидан очерклар. Самарқанд, 1971.

Ражабов Н. Ўзбек тилининг ғарбий Самарқанд шевалари. Тошкент, 1977.

Рамазанов К.Т. Сальянский диалект азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1956.

Рамазанова Д.Б. Говоры татар Среднего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.

Рамазанова Д.Б. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1998.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Рассадин В.И. Этнографическое и лингвистическое изучение тофаларов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

Рассадин В.И. О фонетических системах тувинского и тофаларского языков // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Рассадин В.И. Тофаларский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. М., 1966.

Решетов В.В. О категории настоящего времени в узбекском языке // Доклады АН УзССР. Ташкент, 1948, № 5.

Решетов В.В. Кураминские говоры Ташкентской области. Фонетическая, морфологическая система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1951.

Решетов В.В. Программа по узбекской диалектологии. Ташкент, 1957.

Решетов В.В. Основы фонетики, морфологии и синтаксиса узбекского языка. Ташкент, 1961.

Решетов В.В. Узбекский язык // ЯН СССР 1966.

Решетов В.В., Шоабдураҳмонов Ш.Ш. Ўзбек диалектологияси. Тошкент, 1962.

Решетов В.В., Шоабдураҳмонов Ш. Ўзбек диалектологияси. Тошкент, 1978.

Ризаев С.А. Статистическое исследование графической и фонологической систем современного узбекского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970.

Рустәмов Р.Ә. Губа диалекти. Бакы, 1961.

Рустамов Р. Азәрбајҹан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Бакы, 1965.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Садвакасов Г. Пергане вадиси уйгурлириниң тили хеккиде бези бир мелуматлар // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965.

Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *р* в современном уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Вып. 2. Алма-Ата, 1970.

Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.

Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. 2. Алма-Ата, 1976.

Садвакасов Г.С. О некоторых особенностях корневой морфемы в уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1988.

Садвакасов Г.С. Уйгурский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Садыхов Б.П. Кедабекские говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964.

Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

Сапарова Г. Диалект хасарли туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1970.

Сарыкай М.Х. Некоторые итоги диалектологической экспедиции в Пий-Хемский район // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968.

Сарыкай М.Х. Сведения о речи усинских тувинцев // Уч. зап. ТувНИИ ЯЛИ. Вып. 15. Кызыл, 1971.

Сарыкай М.Х. Сведения о речи тандинских тувинцев // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 16. Кызыл, 1973.

Сат Ш.Ч. Материалы по тандинскому говору // Труды Кызылского пед. ин-та. Вып. 3. Кызыл, 1963.

Сат Ш.Ч. Образование формы условного наклонения в тувинском языке // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968.

Сат Ш.Ч. О говоре населения Тере-Холя // Сборник научно-методических статей. Гуманитарные науки. Кызыл, 1968.

Сат Ш.Ч. Фонетические особенности тере-хольского говора тувинского языка // Исследование звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1984.

Сат Ш.Ч. Диалектные материалы как источник для создания исторической грамматики тувинского языка // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл, 1993.

Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

Сегленмей С.Ф. Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследование звуковых систем сибирских языков. (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1979.

Сегленмей С.Ф. Особенности речи населения Дзун-Хемчикского района // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.

Серен П.С. Материалы по лексике тере-хольского говора // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл, 1993.

Серен П.С. Тере-хольский диалект тувинского языка в ареальном освещении: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992.

Спасский Г.И. Словарь языка, употребляемого кизильцами, качинцами и сагайцами, собранный в 1804 году // ДХЯ.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

Сыдыков Ж.К. Фонетическая структура современного киргизского литературного языка и диалектов. Фрунзе: Илим, 1990.

Талипов Т. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972.

Талипов Т. Историческое развитие фонетической системы уйгурского языка: Опыт сравнительно-исторического изучения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1983.

Талипов Т. Антропофонические основы выпадения [р] в середине уйгурских слов // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1988.

Татаринцев Б.И. О материалах В.В.Радлова по тувинскому языку // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 16. Кызыл, 1973.

Татаринцев Б.И. Языковые материалы в публикациях М.А.Кастрена // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 16. Кызыл, 1973.

Татаринцев Б.И. Характер изменений звукового комплекса с интервокальным *к* в тувинском языке // Советская тюркология. 1974, № 5.

Татубаев С. Тайны звука. Алма-Ата, 1978.

Таубе Э. Изучение фольклора тувинцев Монгольской Народной Республики // Советская этнография. 1975, № 5.

Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

Тенишев Э.Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу // Вопросы диалектологии тюркских языков. Вып. 3. Баку, 1963.

Тенишев Э.Р. Доланы и их язык // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965.

Тенишев Э.Р. Говор урумов села Прасковеевки // СТ. 1973, № 1.

Тенишев Э.Р. О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.

Тенишев Э.Р. Тувинское племя Кёкмунчак из Синьцзяна // Общее и кавказское языкознание. М., 1999.

Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Фонетика, морфология. Алматы, 1981.

Торсуев Г.П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. Л.: Наука, 1969.

Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе. М.: Наука, 1977.

Трофимов М.И. Некоторые фонетические особенности слога в современном уйгурском язке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.

Тугушева Л.Ю. Древнеуйгурский язык //ЯМ ТЯ 1997.

Тукан Б.П. Вулканештский диалект гагаузского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. Кишинєв, 1965.

Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977.

Тургунов А. Фонетическая структура балыкчинской группы говоров узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.

Тургунов Т. Западноферганские говоры узбекского языка. (Фонетические и морфологические особенности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1968.

Турдиева К. Ћазиқи заман уйғур әдибий тилидики тиркәлмиләр вә уларни классификациялишкә аит материаллар // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965.

Тынышпаев М. Великие бедствия (Ақтабан шыбырынды). Алма-Ата, 1992.

Узаков Х. Южноферганские говоры узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1966.

Уринбоев Б., Жўраев Х. Ўзбек тили турк-калатой шевасининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1985.

Фармонов И. Тагоб шевасининг баъзи бир хусусиятлари ҳақида // ЎзДМ I, 1957.

Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980. Т. I.

Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение. Черкесск, 1977.

Хертек Я.Ш. Об улуг-хемском говоре тувинского языка // Уч.зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968.

Хертек Я.Ш. О говоре населения Овюрского района // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл, 1968.

Хертек Я.Ш. Дополнительные данные об улуг-хемском говоре // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 14. Кызыл, 1970.

Хертек Я.Ш. Некоторые особенности речи населения Кара-Холя // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 14. Кызыл, 1970.

Хисамитдинова Ф.Г. История башкирского языка. Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989.

Ходжиев А.П. Узбекский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Ҳожиев А. Феъл. Тошкент, 1973.

Ҳожиев А. Феъл // Ўзбек тили грамматикаси: В 2 т. Т. I. Морфология. Тошкент, 1975.

Хожаев Б. Түрки диллериң гүнорта-гүнбатар топарында ишлигиң шерт формасы. Ашгабат, 1990.

Чадамба З.Б. Изучение диалектов тувинского языка // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 15. Кызыл, 1971.

Чадамба З.Б. О диалектной лексике тувинского языка // XII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1973.

Чадамба З.Б. Речь каа-хемских тувинцев // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 16. Кызыл, 1973.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

Чадамба З.Б. Некоторые группы лексических диалектизмов тувинского языка // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. Кызыл, 1977.

Чадамба З.Б. Тувинские диалекты в их отношении к литературному языку // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Чанков Д.Х. Согласные хакасского языка. Абакан, 1997.

Чареков С.Л. Эволюционная морфология. Ч. 1: Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках. СПб., 2000.

Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. М., 1996.

Чобанов М.Н. Лексика азербайджанских говоров Болнисского района Грузинской ССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1973.

Чоммадов О. Түркмен дилиниң Керки топар диалектлери. Ашгабат, 1991.

Чорлиев О. Марыйский говор туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашгабат, 1964.

Шаабдурахманов Ш.Ш. Карлукское наречие узбекского языка. Ташкент, 1983.

Шамсиддинов И.И. Каракульский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.

Шаниязов К. Узбеки-карлуки: Историко-этнографический очерк. Ташкент, 1964.

Шарипов О. Папский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1962.

Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1967.

Шаяхметов К. Двухфункциональные аффиксы в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973.

Шенцова И.В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово, 1997.

Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1960.

Шерматов А. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978.

Ширəлијев М.Ш. Бакы диалекти. Бакы, 1957.

Ширалиев М.Ш. Вопросы азербайджанской диалектологии. М.: Восточная литература, 1960.

Ширалиев М.Ш. Диалекты и говоры азербайджанского языка. Баку, 1983.

Ширалиев М.Ш. Азербайджанский язык // ЯМ ТЯ 1997.

[*Ширəлијев М.Ш.* (ред.)] Азәрбајҹан дилинин Нахчыван групу диалект вә шивәләри. Бакы, 1962.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000.

Шоабдураҳмонов Ш. Қўқон шевасининг баъзи бир фонетик хусусиятлари ҳақида // ЎзДМ I.

Шор Р.О. Из инструментально-фонетических наблюдений о так называемом "озвончении" заднеязычного *q* в азербайджанско-тюркском языке // Советское языкознание, II. Л., 1936.

Шукуров Ш. Феъл тарихидан. Ташкент, 1970.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М., 1961.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981.

Щербак А.М. Халаджский язык // ЯМ ТЯ 1997.

Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

Юлдашев А.А. Башкирский язык // ЯН СССР 1966.

Юлдашев Т. Узбекские говоры Южного Таджикистана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1968.

Юсупов Ф.Ю. Татарский глагол в ареальном освещении: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.1986.

Яруллина У.М. Звуковой состав говора демских башкир // Башкирский диалектологический сборник. Уфа, 1959.

Banguoğlu T. Türkçenin grameri. İstanbul, 1998.

Benzing J. Die tungussischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik. Wiesbaden, 1956.

Bodrogligeti A. Finite Forms in -īsar, -isär in Fourteenth Century Turkish Literary Documents // AO Hung. 1970, XXIII, 2.

Brendemoen B. Trabzon Ağızlarındaki Zaman Kipleri Üzerine Bir Not. Beşinci Milletlerarası Türkoloji Kongresi – 1985, İstanbul, 1987.

Buluç S. Über einige Konjugations-formen in den anatolischen Mundarten // Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. 1974.

Buran A. Keban, Baskil ve Ağın Yöresi Ağızları. Ankara, 1997.

Dalli H. Kuzeydoğu Bulgaristan türk ağızları üzerine araştırmalar / Türk dil kurumu yayınları: 450. Ankara, 1932.

Dmitriev N.K. Gagausishe Lautlehre // AO. V. IV, No. 2, 1932.

Dmitriev N.K. Gagausishe Lautlehre II // AO. V. IV, No. 3, 1932.

Dmitriev N.K. Gagausishe Lautlehre III // AO. V. V, No. 1, 1932. Dm. GL I, II, III.

Dobos É. An Oghuz Dialect of Uzbek Spoken in Urgench // AO Hung. 1974, XXVIII, 1.

Doerfer G. Das Chorasantürkische / Türk Dili Araştırma Yıllığı Belleten. 1974'den ayrıbasım. Ankara, 1978.

Doerfer G. Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden, 1988.

Doerfer G., Hesche W. Chorasantürkisch Wörterlisten. Kurzgrammatiken. Wiesbaden, 1993.

Doerfer G., Hesche W., Jamshid Ravanyar. Oghusica aus Iran. Wiesbaden, 1990.

Erdal M. Die Konverb- und Aoristendungen im Alttürkischen // UAJb. 51.

Eren E. Zonguldak-Bartın-Karabük İlleri Ağızları. Ankara, 1997.

Ericilasun A.B. Muğla Ağzında Kullanılan Bir Şimdiki Zaman Şekli // Şükrü Elçin Armağanı. Ankara, 1983.

Ericilasun A.B. Kars ili Ağızları. Ankara, 1983.

Gemalmaz E. Erzurum İli Ağızları. Erzurum, 1978.

Gemalmaz E. Erzurum İli Ağızları. (İnceleme-Metinler-Sözlük ve Dizinler). III Cilt. Ankara, 1995.

Gülensoy T. Anadolu ağızlarında şimdiki zaman eki. Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu'nun Hatırasına Armağan. Ankara, 1985.

Gülensoy T. Kütahya ve Yöresi Ağızları. Ankara, 1988.

Hadjibeyli Dj. Le dialecte et le folklore du Karabagh // JA 1933 I.

Hayashi Tooru. A Turkish Dialect in North-Western Anatolia. Bolu Dialect Materials. Tokyo, 1988.

Kalay E. Edirne İli Ağızları. İnceleme-Metin. Ankara, 1998.

Karahan L. Anadolu Ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.

Korkmaz Z. Güney-Batı Anadolu Ağızları Ses Bilgisi. Ankara, 1956.

Korkmaz Z. Nevşehir ve Yöresi Ağızları. I Cilt: Ses Bilgisi (Phonétique). Ankara, 1963.

Korkmaz Z. Nevşehir ve Yöresi Ağızları. Ankara, 1968.

Korkmaz Z. Eski Türkçedeki Oğuzca belirtiler. Türkoloji Dergisi. C. VI, Sayı 1. Ankara, 1975.

Korkmaz Z. Anatolien Dialects. Handbuch der Türkischen Sprachwissen-

schaft. Teil 1. Akadémiai Kladó. Budapest, 1990.

Korkmaz Z. Bartın ve Yöresi Ağızları. Ankara, 1994.

Korkmaz Z. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. C. I–II. Ankara, 1995.

Korkmaz Z. Fortsetzung der alten sprachlichen und kulturellen Erbe des Gemeintürkischen in den anatolischen Mundarten / Der Bericht auf der XXXVIII Session von PIAC, Praha, 1999.

Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936.

Kowalski T. Osmanisch-Türkische Dialekte // EI IV [1931].

Kowalski T. Les turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est, PAU 16 [Kraków, 1933].

Ligeti L. Sur la langue des Afchars d'Afghanistan // AO VII, 2–3, 1957.

Mansuroğlu M. Türkçede -miş Ekinin Fonksiyonları // Fuat Köprülü Armağanı. İstanbul, 1953.

Meyer I. R. Bemerkungen über Vokal- und Schriftsystem des Runentürkischen // AO Havn. 1965. XXIX.

Miskioğlu A. Görülmeyen, başkasından duyulmıyan (-İK"li) geçmiş zaman. Türk Dili Dergisi. 1992. Cilt 5. Sayı 28.

Mollova M. Le futur dans un parler turc de Bulgarie // Linguistique Balkanique, Sofia, 1962. V. 2.

Mongush, Marina. Tuvinians in China: problems of history, language and culture // Central Asian Survey (1995), 14 (4).

Németh J. Die Türken von Vidin. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1965.

Németh J. Die Türkische Sprache des Bartholomaeus Georgievits // AO Hung. T. 18 (3-4). [1968].

Németh J. Die Türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Budapest, 1970.

Nilsson B. Case Marking Semantics in Turkish. Stockholm, 1985.

Nuri Yuce. Gerundien im Türkischen. Mainz, 1973.

Osman Nadim Tuna. Ebi verdi: bir Türk dialekti. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten – 1984; 1987.

Öner M. Bügünkü kıpçak türkçesi. Ankara. 1998.

Özçelik S. Urfa Merkez Ağzı. (İnceleme, Metinler, Sözlük). Ankara, 1997.

Öztürk R. Uygur ve özbek türkçelerinde fiil // TDKY. 680. Ankara, 1997.

Podolsky B. Notes on the Urum (Greek-Tatar) Language//RO, 1985, XLIV, 2.

Poppe N. Altaisch und Uhrtürkisch // Ungarische Jahrbücher, 6, 1/2, Berlin; Leipzig, 1926.

Ramstedt G. J. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société Finno-ougrienne. 1922-1923. T. XXXVIII.

Räsänen M. Materialen zur Morfologie der türkishen Sprachen. Helsinki. 1957.

Sağır Mukim. Erzincan İli Ağızları. Erzurum, 1987.

Scharlipp W.-E. Auxiliarfunktionen von Hauptverben nach Konverb in der neuuigurischen Schriftsprache von Sinkiang. Berlin, 1984.

Taliphanbeyli S. Karabağ-Istanbul şivelerinin savtiyet cihetinden mukayesesi // Azerbaycan Yurt Bilgisi, 2 [1933].

Tekin T. Ana türkçede aslî uzun ünlüler. Ankara, 1975.

Tekin T. Orhon yazıtları. Ankara, 1988.

Tekin T. Tunyukuk yazıtı. Ankara, 1994.

Tekin T. Relics of Altaic Stem-Final Vowels in Turkic // Laut- und Wortegeschichte der Türksprachen. Wiesbaden, 1995.

Tekin T. Tür dillerinde birincil uzun ünlüler. Ankara, 1995.

Underhill R. Turkish Grammar. Cambridge, 1980.

Zülfikar H. Van Gölü Çevresi Ağızlarının Özellikleri // Ömer Asım Aksoy Armağanı. Ankara, 1978.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

абак. - абаканский диалект хакасского языка
аз. - азербайджанский
айск. - айский (говор башкирского языка)
акног. - акногайский (диалект ногайского языка)
акс. - аксуйский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
алили - говор туркменского языка
алт. - алтайский
алт. Куманд. - кумандинский диалект алтайского языка
анатол. - анатолийский диалект турецкого языка
анаус. - анаусский (говор туркменского языка)
ар. - арабский
аргаяш. - аргаяшский (говор восточного диалекта башкирского языка
арм.-кыпч. - язык армяно-кыпчакских памятников
асин. - асинский (говор башкирского языка)
астр.-ног. - язык астраханских ногайцев
афш. - афшарский
бак. - бакинский диалект азербайджанского языка
балк. - балкарский
бараб. - язык барабинских татар
башк. - башкирский
бельт. - бельтирский диалект хакасского языка
болг. - болгарский
буйнак. - буйнакский диалект кумыкского языка
булг. - булгарский
бурз. - бурзянский говор башкирского языка
бух. - бухарский диалект узбекского языка
гаг. - гагаузский
глаз. - глазовский говор татарского языка
гольд. - гольдский (нанайский)
дем. - демский говор южного диалекта башкирского языка
джиз. - джизакский говор узбекского языка
дманис. - дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка
др.-уйг. - древнеуйгурский
дун.-булг. - дунайско-булгарский
ен. - енисейский
и.-е. - индоевропейский
икан. - иканский говор узбекского языка
ик-сакм. - ик-сакмарский говор южного диалекта башкирского языка
иран. - иранский
ирт. - иртышский диалект сибирских татар
каз. - казахский
казан. - казанскотатарский
казмаш. - казмашский говор башкирского языка
кайт. - кайтакский диалект кумыкского языка
камас. - камасинский
кар. г. (к., л., т.) - галицкий (крымский, тракайский) диалект караимского языка
караг. - карагасский
карач. - карачаевский
карш. - каршинский говор узбекского языка
кач. - качинский диалект хакасского языка

кашг. - кашгарский диалект уйгурского языка
кашк. - кашкайский
кбалк. - карачаево-балкарский
кирг. - киргизский
ккалп. - каракалпакский
ккирг. - каракиргизский
койб. - койбальский диалект хакасского языка
конд. - кондомский диалект шорского языка
крх.-уйг. - караханидско-уйгурский
ктат. - крымскотатарский
кубаляк. - кубалякский говор башкирского языка
кум. - кумыкский
куман. - куманский
куманд. - кумандинский говор алтайского языка
куч. - кучарский говор уйгурского языка
кыз. - кызыльский диалект хакасского языка
кыпч. - кыпчакский
кырк. - кыркский говор узбекского языка
леб. - лебединский диалект алтайского языка
малк. - малкарский диалект карачаево-балкарского языка
манк. - манкентский диалект узбекского языка
маныш. - манышский говор туркменского языка
маньчж. (или ма.) - маньчжурский
миас. - миасский говор башкирского языка
миш. - мишарский диалект татарского языка
мияк. - миякский говор восточного диалекта башкирского языка
Мо - прамонгольский
мог. - могольский
монг. (или мо.) - монгольский
монгор. - монгорский
монч. - мончакский
морд. - мордовский
мрас. - мрасский диалект шорского языка
муг. - муганский говор азербайджанского языка
наманг. - наманганский говор узбекского языка
нан. - нанайский
нег. - негидальский
нострат. - ностратические
н.-уйг. - новоуйгурский
н.-чул. - нижнечулымский
наманг. - наманганский говор узбекского языка
нан. - нанайский
нахич. - нахичеванская группа говоров азербайджанского языка
негид. - негидальский
ниязбаш. - ниязбашский говор башкирского языка
ног. - ногайский
нух. - нухинский диалект азербайджанского языка
ордос. - ордосский
орок. - орокский
ороч. - орочский
орх. - орхонский
осм. - османский
ПА - праалтайский
письм.-монг. - письменно-монгольский
ПТ - пратюркский
рум. - румынский
румел. - румелийский диалект турецкого языка
саг. - сагайский диалект хакасского языка
сал. - саларский
салыр. - салырский диалект туркменского языка
сальб. - сальбинский

сальют. - сальютский говор восточного диалекта башкирского языка
сальян. - сальянский диалект азербайджанского языка
самод. - самодийские языки
санскр. - санскритский
сарык. - сарыкский диалект туркменского языка
сельдж. - сельджукский
селькуп. - селькупский
сиб. - сибирскотатарский
сой. - сойонский (сойотский)
солон. - солонский
ср.-кыпч. - среднекыпчакский
ср.-монг. - среднемонгольский
ср.-огуз. - среднеогузский
ср.-перс. - среднеперсидский
ср.-чул. - среднечулымский
ставроп. - ставропольский говор туркменского языка
СТМ - прасеверно-тунгусо-маньчжурский
ст.-осм. - староосманский
ст.-слав. - старославянский
сюг. - сорыг-югурский
тагиб. - тагибский говор узбекского языка
тадж. - таджикский
таежн. - таежный говор тувинского языка
тал. - язык таласских рунических памятников
танып. - таныпский говор башкирского языка
тар. - таранчи
тат. - татарский
ташк. - ташкентский говор узбекского языка
теке. - текинский диалект туркменского языка
телеут. - телеутский диалект алтайского языка
теленг. - теленгитский диалект алтайского языка
ТМ - пратунгусо-маньчжурский
тоб. - язык тобольских татар
тодж. - тоджинский диалект тувинского языка
тоф. - тофаларский
тув. - тувинский
тур. - турецкий
турк. - туркменский
турф. - турфанский диалект уйгурского языка
тюм. - говор тюменских татар
тюрк. - тюркский
уд. - удэйский
удин. - удинский
удм. - удмуртский
узб. - узбекский
уйг. - уйгурский
уйг.-ур. - уйгуро-урянхайский
ульч. - ульчский
урал. - уральские
фин. - финский
ф.-кырг. - фуюйских кыргизов язык
хак. - хакасский
хал. - халаджский
халх. - халхасский
хам. - хамийский говор узбекского языка
хив. - хивинский диалект узбекского языка
хорас.-тюрк - хорасано-тюркский
хорезм. - хорезмский говор узбекского языка
хотан. - хотанский диалект уйгурского языка
хрзм.-т. - хорезмско-тюркский
чаг. - чагатайский
черн. - диалект черневых татар (туба)
чув. - чувашский
чул. - чулымский
шахр. - шахрисябский говор узбекского языка
шем. - шемаханский диалект азербайджанского языка
шор. - шорский
эвен. - эвенский
эвенк. - эвенкийский
юрт. - язык юртовских татар
ЮТМ -южно-тунгусо-маньчжурский
ягноб. - ягнобский
як. (или якут.) - якутский
яп. - японский
ярк. - яркендский говор центрального диалекта уйгурского языка

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ... 3
Огузская группа ... 7
Фонетика ... 10
Вокализм ... 10
Консонантизм ... 44
Морфонология ... 95
Морфология ... 108
Имя ... 108
Глагол ... 157
Кыпчакская группа ... 216
Введение ... 216
Фонетика ... 218
Вокализм ... 218
Консонантизм ... 259
Гармония звуков (сингармонизм) ... 284
Морфология ... 298
Имя существительное ... 298
Имя прилагательное ... 310
Имя числительное ... 312
Местоимение ... 317
Наречие ... 320
Служебные части речи ... 322
Послелоги ... 323
Союзы ... 324
Частицы ... 325
Глагол ... 326
Карлукско-уйгурская группа ... 339
Фонетика ... 342
Вокализм ... 342
Консонантизм ... 360
Морфология ... 386
Глагол ... 386
Имя существительное ... 419
Имя прилагательное ... 430
Имя числительное ... 437
Местоимение ... 446
Служебные части речи ... 456
Послелоги ... 457
Служебные имена ... 468

Кыргызская группа ... 476
Фонетика ... 476
Вокализм ... 476
Консонантизм ... 485
Морфонология ... 503
Морфология ... 508
Имя существительное ... 508
Имя прилагательное ... 521
Имя числительное ... 525
Местоимение ... 533
Глагол ... 543
Послелоги ... 594
Тобаская группа ... 600
Фонетика ... 603
Вокализм ... 603
Консонантизм ... 621
Морфология ... 632
Имя ... 633
Глагол ... 650
Якутская группа ... 661
Фонетика ... 661
Морфология ... 663
Имя существительное ... 663
Местоимение ... 666
Имя числительное ... 669
Имя прилагательное ... 669
Глагол ... 670
Булгарская группа ... 677
Фонетика ... 677
Вокализм ... 677
Консонантизм ... 689
Морфология ... 706
Имя ... 706
Глагол ... 709
Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики ... 713
Сокращенные обозначения работ, ссылки на которые имеются в тексте монографии ... 738
Литература ... 744
Языки и диалекты ... 762

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Региональные реконструкции

Утверждено к печати
Ученым советом
Института языкознания РАН

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*
Редактор *М.Л. Береснева*
Художественный редактор *Е.А. Быкова*

Изготовление оригинал-макета
А.В. Шеймович

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 06.06.2002
Формат 60 × 90[1]/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,0. Усл.кр.-отт. 48,0. Уч.-изд.л. 55,6
Тираж 1000 экз. Тип. экз. 3357

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-022638-6

